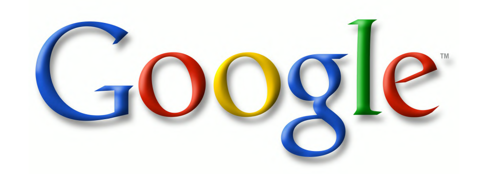
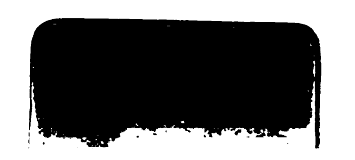


VE
RI
TAS



ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАЙ.

1883.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.

1883.

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CCXXVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.
1883.

Средняя Подьяческая, № 1.
2476.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (15-го января 1883 года). О преобразованіи Царицынской шестиклассной прогимназіи въ гимназію.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ государственнаго совѣта, о преобразованіи Царицынской шестиклассной прогимназіи въ гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Царицынской шестиклассной прогимназіи въ гимназію, мнѣніемъ положилъ:

I. Преобразовать, съ 1-го іюля 1883 года, Царицынскую шестиклассную мужскую прогимназію въ полную гимназію.

II. Отпустить изъ казны, въ текущемъ году, на содержаніе VII класса, за полгода, двѣ тысячи тридцать семь руб. пятьдесятъ коп., обративъ этотъ расходъ на равную сумму, назначенную на указанный предметъ къ условному отпуску по ст. 1 § 7 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

III. Въ 1884 году ассигновать на содержаніе VII класса, за годъ, 4,075 руб. и VIII класса, за полгода, 870 руб., всего четыре тысячи девятьсотъ сорокъ пять руб.

IV. Начиная съ 1885 года вносить въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, на содержаніе Царицынской гимназіи, по двадцати шести тысячъ сто руб. въ годъ; ассигнуемые же на указанный предметъ мѣстнымъ земствомъ по 2,000 руб. и городскимъ обществомъ по 11,735 руб. въ годъ, показывать по доходнымъ смѣтамъ того же министерства пособіемъ государственному казначейству.

V. Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Царицынской гимназіи остатки раздѣлять на двѣ части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ земства и городскаго общества, для употребленія на нужды гимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

2. (17-го марта 1883 года). О принятіи Императорскою академіею наукъ капитала, пожертвованнаго вдовою ординарнаго профессора университета св. Владиміра Котляревскою.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе Императорскою академіею наукъ пожертвованнаго вдовою ординарнаго профессора университета св. Владиміра Екатериною Котляревскою капитала въ восемь тысячъ руб., заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа, и на учрежденіе при академіи наукъ, на счетъ процентовъ съ этого капитала, согласно желанію жертвовательницы, преміи имени статскаго совѣтника А. А. Котляревскаго за лучшія сочиненія по части славянской филологіи и археологіи, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвердить правила о присужденіи этой преміи.

3. (17-го марта 1883 года). Объ учрежденіи неприкосновеннаго фонда при Нарвской мужской гимназіи.

Надворный совѣтникъ Францъ Даревскій-Вериго, представивъ директору Нарвской мужской гимназіи капиталъ въ сто руб., ходатайствовалъ объ учрежденіи на счетъ этого капитала неприкосно-

веннаго фонда при названной гимназіи, его имени, для выдачи процентовъ съ этого капитала ежегодно въ пособіе бѣднѣйшему изъ учениковъ Нарвской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министромъ народнаго просвѣщенія представленія по сему предмету попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе ходатайства надворнаго совѣтника Даревскаго-Вериго.

4. (15-го марта 1883 года). Объ увеличеніи состава служащихъ и денежныхъ средствъ пансіона при Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ реальномъ училищѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ увеличеніи состава служащихъ и денежныхъ средствъ пансіона при Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ реальномъ училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи состава служащихъ и денежныхъ средствъ пансіона при Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ реальномъ училищѣ, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе къ Высочайше утвержденному 13-го мая 1880 года штату пансіона при Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ реальномъ училищѣ назначить новую (третью) должность воспитателя, съ присвоеніемъ ей служебныхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ другимъ воспитателямъ того же пансіона.

2) Вносить ежегодно, начиная съ 1884 года, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты гражданскаго управленія Закавказскаго края, въ дополненіе къ суммамъ, ассигнуемымъ на содержаніе пансіона при Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ реальномъ училищѣ, по три тысячи ста десяти руб., въ томъ числѣ: 910 руб. на содержаніе при пансіонѣ третьяго воспитателя, 1,200 руб. на дополнительное содержаніе 60-ти казенныхъ воспитанниковъ и 1,000 руб. на наемъ дополнительнаго помѣщенія, и

3) Расходъ, потребный въ нынѣшнемъ году на дополнительное содержаніе пансіона при Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ реальномъ училищѣ, покрыть на счетъ общихъ остатковъ отъ смѣтныхъ назначеній по дѣйствующей смѣтѣ гражданскаго управленія Закавказскаго края, исключивъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъ названной смѣты внесенный на указанный предметъ условно, въ ст. 1 § 20, кредитъ въ 3,110 руб.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ председателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

1-го марта 1883 года (№ 4). Производится за отличіе: директоръ Кубанской войсковой гимназіи, статскій совѣтникъ Гурій Ласточкинъ—въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ 25-го февраля 1883 года (Выс. пов. 25-го февраля 1883 г.).

Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ренненкампфъ—ректоромъ сего университета, по 20-е ноября 1886 года.

Состоящій въ должности шталмейстера двора Его Императорскаго Величества, отставный полковникъ Пашковъ — почетнымъ попечителемъ Симбирской гимназіи, на три года.

Потомственный почетный гражданинъ Константинъ Целибѣевъ—почетнымъ попечителемъ С.-Петербургской второй гимназіи, на три года, съ 15-го февраля 1883 г. (Выс. пов. 15-го февраля 1883 г.).

Командируются за границу съ ученою цѣлію: исправляющій должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Зенгеръ—съ 1-го іюня по 1-е сентября 1883 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Горожанкинъ — съ 15-го апрѣля по 1-е сентября 1883 года.

Увольняется въ отпускъ за границу: сверхштатный ординаторъ терапевтической госпитальной клиники Императорскаго Московскаго университета, лекарь Щуровскій—на пять мѣсяцевъ.

17-го марта 1883 года (№ 5). Назначается: директоръ Оренбургскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣт-

никъ Раевскій — главнымъ инспекторомъ училищъ Восточной Сибири.

Утверждаются на три года: почетный попечитель Таганрогской гимназіи, надворный совѣтникъ Ковалевскій — вновь почетнымъ попечителемъ сей гимназіи, съ 14-го марта 1883 г.

Гласный Керчь-Еникольской городской думы, надворный совѣтникъ Талалаевъ—почетнымъ попечителемъ Керченской Александровской гимназіи.

Состоящій въ запасѣ гвардейской кавалеріи корнетъ Терещенко—почетнымъ попечителемъ Кіевской третьей гимназіи.

Отставной подполковникъ Еранцовъ, титулярный совѣтникъ Лашкевичъ и коммерціи совѣтникъ Романовъ—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Севастопольскаго, второй—вновь съ 14-го марта 1883 г., Новозыбковскаго и послѣдній — Казанскаго.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Гофманъ—съ 28-го марта по 25-е апрѣля 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Керберъ — на лѣтнее вакаціонное время 1883 г.

Доцентъ Казанскаго ветеринарнаго института, коллежскій совѣтникъ Леманъ—съ 20-го мая по 15-е августа 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ Субботинъ — съ 1-го іюня по 1-е сентября 1883 г.

Доцентъ Харьковскаго ветеринарнаго института Данилевскій—съ 1-го мая по 15-е сентября 1883 г.

Доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Смирновъ—съ 10-го мая по 1-е октября 1883 г.

Доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, надворный совѣтникъ Кохъ — съ 10-го іюня 1883 г. по 10-е января 1884 г.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Шеборъ—на одинъ годъ, съ 1-го сентября 1883 г.

Увольняется отъ службы согласно прошенію: главный инспекторъ училищъ Восточной Сибири, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рудаковъ, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (30-го марта 1883 года). **Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о пріобрѣтеніи учеными заведеніями втораго прибавленія къ почтовому дорожнику.**

Со времени изданія въ 1881 году перваго прибавленія къ почтовому дорожнику послѣдовали нѣкоторыя измѣненія въ направленіи почтовыхъ трактатовъ и платѣ прогоновъ. Въ виду этого почтовымъ департаментомъ издано второе прибавленіе къ дорожнику, въ которомъ помѣщены всѣ измѣненія въ почтовыхъ сообщеніяхъ, происшедшія съ 15-го октября 1881 года по 1-е февраля сего года.

Сообщая о семъ, министръ внутреннихъ дѣлъ проситъ министерство народнаго просвѣщенія сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ подвѣдомственныя сему министерству учрежденія и лица, обязанныя руководствоваться дорожникомъ при исчисленіи прогонныхъ денегъ, пріобрѣли означенное прибавленіе, которое продается въ экзекуторской части почтоваго департамента по 15 коп. за экземпляръ. Иногородныя мѣста и лица къ требованіямъ о высылкѣ прибавленія, сверхъ денегъ, причитающихся за это изданіе, должны прилагать 11 коп. на укупорку и пересылку каждаго экземпляра, который будетъ высылаемъ во всѣ мѣста Имперіи, какъ заказное бандерольное отправленіе. Въ случаѣ неприложенія денегъ, или присылки ихъ не въ полномъ количествѣ, требованія о высылкѣ прибавленія будутъ оставляемы безъ удовлетворенія.

О вышеизложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для зависящихъ распоряженій по ввѣренному вамъ, милостивый государь, учебному округу.

2. (31-го марта 1883 года). **Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о недопущеніи превышенія расходовъ надъ доходами по содержанію учебныхъ заведеній.**

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о расходѣ на покрытіе дефицита по содержанію одной изъ гимназій вѣдомства сего министерства, между прочимъ, положилъ

мнѣніемъ, удостоившимся въ 1-й день сего марта Высочайшаго Государя Императора утвержденія: предоставить министерству народнаго просвѣщенія принять всѣ зависящія мѣры къ тому, чтобы на будущее время, учебныя заведенія сего министерства строго сообразовались въ производствѣ своихъ расходовъ съ имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами и ни въ какомъ случаѣ не допускали превышенія расходовъ надъ доходами.

Независимо сего, государственный совѣтъ нашелъ невыгодною для этой гимназіи состоявшуюся операцію по займу въ одномъ изъ кредитныхъ учрежденій подъ залогъ принадлежащаго гимназіи дома. Послѣдствіемъ такого займа является необходимость ежегодной уплаты по сему долгу процентовъ и значительное обремененіе чрезъ то бюджета гимназіи. Подобные займы подъ залогъ домовъ, принадлежащихъ казнѣ, хотя допускались въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но по установившемуся, въ послѣднее время, взгляду государственнаго совѣта, они не могутъ быть вообще признаваемы согласными съ интересами казны.

О вышеизложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для надлежащаго на будущее время руководства.

3. (31-го марта 1883 года). **Положеніе о стипендіи имени Станислава Сциборъ-Хелмскаго при Калишской мужской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ пожертвованнаго помѣщиками Калишской губерніи и обезпеченнаго на ипотекѣ имѣнія „Майковъ“ той же губерніи капитала въ 2,100 руб. учреждается при Калишской мужской гимназіи одна стипендія имени Станислава Сциборъ-Хелмскаго.

2) Стипендія назначается одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Калишской гимназіи, римско-католическаго исповѣданія, уроженцу Калишской губерніи, оказавшему при хорошемъ поведеніи удовлетворительные успѣхи въ наукахъ.

3) Право распоряженія стипендіею, а также стипендіальною суммою, на вѣчныя времена принадлежитъ Калишской губернской дирекціи земскаго кредитнаго общества въ г. Калишѣ, которая, въ составѣ предсѣдателя и двухъ совѣтниковъ, избираетъ кандидата на стипендію.

4) Избранный на стипендію кандидатъ утверждается попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа. Въ случаѣ же неутвержденія представленнаго кандидата, дирекція избираетъ новаго кандидата.

5) Стипендія въ 126 руб. въ годъ выдается ученику въ двухъ равныхъ частяхъ, каждая по шестьдесятъ три руб., въ началѣ учебнаго года, между 1-мъ и 13-мъ января по новому стилю.

6) Стипендіатъ лишается стипендіи если его успѣхи въ наукахъ окажутся неудовлетворительными или онъ получитъ отмѣтку въ поведеніи 3.

7) Въ концѣ учебнаго года, стипендія признается вакантною, и каждый ученикъ можетъ ходатайствовать о предоставленіи ему стипендіи, но бывшій уже стипендіатомъ имѣетъ первенство передъ другими кандидатами и можетъ получать оную до конца своего пребыванія въ гимназіи, если будетъ того заслуживать прилежаніемъ, успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

8) Стипендія, въ вышеозначенномъ размѣрѣ и въ указанные сроки, отпускается изъ казначейства по ассигновкамъ учебнаго вѣдомства, на руки родителей или опекуновъ стипендіата.

9) Стипендіальный капиталъ въ 2,100 руб. обезпечивается исключительно земскимъ имѣніемъ „Майковъ", расположеннымъ въ Калишской губерніи, обремененнымъ ссудою земскаго кредитнаго общества, въ 4,200 руб., и помѣщается въ IV раздѣлѣ ипотечнаго указателя, вслѣдъ за этой ссудой, съ тѣмъ однако, чтобы передъ нимъ всегда имѣли преимущество ипотечнаго первенства всякаго рода ссуды земскаго кредитнаго общества, несмотря на ихъ размѣръ, которыя могутъ быть выданы въ будущемъ подъ залогъ сего имѣнія.

10) Должнику предоставляется уплатить капиталъ во всякое время, но только въ одинъ разъ, въ цѣлой суммѣ и всегда въ концѣ полугодія, по предварительномъ за три мѣсяца увѣдомленіи объ этомъ учебнаго вѣдомства и губернской дирекціи, причемъ на обязанности послѣдней будетъ лежать пріискать соотвѣтственное обезпеченіе на другомъ земскомъ имѣніи и представить это обезпеченіе на утвержденіе учебнаго вѣдомства.

11) Проценты отъ этого капитала уплачиваются въ подлежащее казначейство, по 6-ти со ста въ годъ, то-есть въ количествѣ ста двадцати шести руб., въ равныхъ полугодичныхъ платежахъ, впередъ, всегда 12-го (24-го) іюня и 18-го (30-го) декабря.

12) Если бы Калишская губернская дирекція земскаго кредит-

наго общества когда-либо была упразднена, то принадлежащія оной по сему акту права и лежащія на оной обязанности переходятъ на новое учрежденіе, замѣнившее означенное общество въ городѣ Калишѣ, а еслибы таковаго не было, то эти права и обязанности переходятъ на такое же учрежденіе въ Варшавѣ; если же земское кредитное общество не будетъ вовсе существовать, то на попечителя Варшавскаго учебнаго округа. Пожертвованный на сію стипендію фондъ не можетъ быть никогда обращенъ на другую цѣль.

13) Стипендія носитъ наименованіе „Стипендія имени Станислава Хелмскаго, предсѣдателя Калишской губернской дирекціи земскаго кредитнаго общества, при Калишской мужской гимназіи".

14) Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (2-го апрѣля 1883 года). **Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Дмитрія Андреевича Толстаго при Сарапульскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ двѣ тысячи четыреста рублей, пожертвованнаго Сарапульскою городскою думою, учреждается при Сарапульскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Дмитрія Андреевича Толстаго.

2) Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ втораго восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, въ мѣстномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Проценты съ означеннаго капитала употребляются на содержаніе и плату за право ученія стипендіата, а могущій образоваться остатокъ отъ незамѣщенія стипендіи, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, присоединяется къ основному капиталу.

4) Стипендіей имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстаго пользуется одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Сарапульскаго Алексѣевскаге реальнаго училища, заслуживающій того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

5) Стипендіатъ утверждается, по представленію городской управы, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Толстымъ, а по смерти его назначеніе стипендіата предоставляется Сарапульской го-

родской управѣ, при чемъ управа избираетъ на стипендію одного изъ нѣсколькихъ кандидатовъ, рекомендуемыхъ педагогическимъ совѣтомъ училища, по преимуществу изъ дѣтей бѣдныхъ гражданъ города Сарапула.

6) Стипендіатъ, не оказывающій удовлетворительныхъ успѣховъ по лѣности или другимъ какимъ-либо неуважительнымъ причинамъ, лишается стипендіи по усмотрѣнію дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстаго, а по смерти его, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища, о чемъ директоръ училища своевременно увѣдомляетъ городскую управу, съ указаніемъ новыхъ кандидатовъ на вакантную стипендію, согласно § 5-го положенія.

7) Педагогическій совѣтъ училища ежегодно представляетъ, черезъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительному тайному совѣтнику графу Толстому объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата его имени.

8) Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (12-го апрѣля 1883 года). **Положеніе о стипендіяхъ имени коллежскаго ассессора Матвѣя Андреевича Ковалевскаго при Евпаторійской мужской прогимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго коллежскимъ ассессоромъ Ковалевскимъ капитала въ одну тысячу шестьсотъ сорокъ руб. учреждаются при Евпаторійской мужской прогимназіи двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка V выпуска на 1,600 руб. и въ 40 руб. наличными деньгами, хранится въ Евпаторійскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Евпаторійской мужской прогимназіи, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала употребляются на плату за ученіе двухъ учениковъ основныхъ классовъ; если же сумма процентовъ превышаетъ означенную плату, то излишекъ употребляется, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта прогимназіи, на пріобрѣтеніе учебниковъ и одежды для стипендіатовъ.

§ 4. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ свободные

остатки присоединяются къ имѣющимся въ наличности 40 руб. и обращаются, по мѣрѣ возможности, въ государственныя процентныя бумаги для увеличенія размѣра стипендій.

§ 5. Назначеніе стипендіатовъ и опредѣленіе размѣра стипендій, согласно § 3 сего положенія, предоставляется педагогическому совѣту.

§ 6. Правомъ на стипендіи пользуются ученики всѣхъ сословій, дѣти бѣдныхъ родителей, достойнѣйшіе по успѣхамъ, способностямъ и отличному поведенію.

§ 7. Ученики лишаются стипендіи, если по успѣхамъ, поведенію, прилежанію и вниманію не будутъ признаны достойными пособія педагогическимъ совѣтомъ.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Начертаніе церковно-славянской грамматики примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Антона Будиловича. Варшава. 1883 г.—одобрить какъ учебное пособіе для гимназій и для библіотекъ фундаментальныхъ и ученическихъ.

— Книгу: „Учебникъ зоологіи". Руководство для реальныхъ училищъ и кадетскихъ корпусовъ. Съ 153 политипажами въ текстѣ. Составилъ П. П. Ясенскій. С.-Петербургъ. 1883 г. Цѣна 1 р. 50 к. (въ папкѣ 1 р. 60 к.), съ пересылкою 1 р. 75 к.—одобрить какъ руководство для реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Пятый годъ ежемѣсячнаго изданія „Хозяйственный строитель" (№№ 49—60), редактируемаго П. Мижуевымъ, 1882 годъ. Годовая цѣна 12 руб.—рекомендовать, по примѣру прежнихъ четырехъ лѣтъ, для пріобрѣтенія въ основныя и ученическія библіотеки реальныхъ училищъ и, гдѣ позволятъ средства, для выдачи въ награду учащимся, обнаружившимъ склонность къ строительному искусству.

— Книгу: „Repetitorium латинскаго синтаксиса". Примѣнительно

въ грамматикѣ Элеендта-Зейфферта, составилъ по Гарре Владиміръ Исаенковъ. учитель древнихъ языковъ въ Московской 2-й гимназіи. Москва. 1882 г. цѣна 60 коп.—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій.

— Книгу: „Исторія математики". Историческій очеркъ развитія геометріи. Ординарнаго профессора Императорскаго университета Св. Владиміра М. Е. Ващенко-Захарченко. Томъ I. Кіевъ. 1883 г. Цѣна 6 руб.—рекомендовать основнымъ библіотекамъ всѣхъ учебныхъ заведеній, а также въ награду взрослыхъ учащихся, оказавшихъ особую склонность къ математикѣ, при успѣшныхъ занятіяхъ другими предметами ученія.

— Книгу: „Курсъ алгебры для среднихъ учебныхъ заведеній". Составилъ Ев. Гуторъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.— Часть II-я (Дополнительный выпускъ). Москва. 1883 г. Цѣна 30 к.— допустить въ качествѣ учебнаго пособія, для классическихъ гимназій и для реальныхъ училищъ, не имѣющихъ дополнительнаго класса.

— Книгу: „Библіографическій указатель". Литература всеобщей исторіи за 25 лѣтъ (1855—1880). Съ приложеніемъ перечня историческихъ руководствъ и статей о преподаваніи исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Составилъ А. Н. Овсянниковъ, преподаватель С.-Петербургской 1-ой военной гимназіи. С.-Петербургъ. Цѣна 70 к.— допустить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднеучебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Курсъ греческаго языка по Курціусу и Коху", составилъ М. Григоревскій.—Часть I. Этимологія. Изданіе 6-е, исправленное и пополненное. С.-Петербургъ. 1883 г. Цѣна 1 руб. — одобрить какъ руководство по греческому языку, для учебныхъ заведеній.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Брошюру подъ заглавіемъ: Татарскій погромъ. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло". С.-Петербургъ. 1880, г. — одобрить для библіотекъ вообще начальныхъ народныхъ училищъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ,

— Книжку подъ заглавіемъ „Стражникъ Яша". Изъ разказовъ бабушки; сочиненіе Погожевой. Москва. 1883 г. Цѣна 10 к.,— допустить въ училищныя библіотеки.

— Значащіяся по каталогу Синодальныхъ изданій книги подъ №№ 50, 53—56 и 158, выпущенныя въ продажу по пониженнымъ цѣнамъ, послѣ напечатанія каталога, именно: „Евангеліе на русскомъ языкѣ въ 32 д. л., въ коленкоровомъ переплетѣ—15 копѣекъ вмѣсто 25 коп.; Евангеліе отдѣльными книжками, повѣствованія каждаго Евангелиста: отъ Матөея, Марка, Луки и Іоанна—по 2 к. за экземпляръ каждой книжки, вмѣсто 3 коп., и сокращенный Молитвословъ, грамота начальная въ 24 д. въ коленкоровомъ переплетѣ—15 коп., вмѣсто 25 коп.—внести въ каталогъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Дивный рогъ Оберона". Волшебная сказка для дѣтей. Москва 1882 г.,—внести въ каталогъ книгъ для ученическихъ библіотекъ народной школы.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Pierwsza nauka z matemi dziećmi". Dla użytku szkoł elementarnych i domowego zajęcia, opracował Antoni Celichowski. Warszawa. 1882 г.,—допустить для употребленія въ тѣхъ начальныхъ училищахъ Привислинскаго края, въ которыхъ преподается польскій языкъ, въ качествѣ учебнаго пособія для учителей.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія изволилъ приказать внести въ каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія издаваемыя Троицко-Сергіевскою Лаврою листки.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ на имя г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 9-го сего апрѣля за № 4876, разрѣшилъ возстановить при Кременчугскомъ реальномъ училищѣ V классъ коммерческаго отдѣленія.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ на имя г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа отъ 19-го сего марта за № 3859, разрѣшилъ увеличить, съ начала 1883—1884 учебнаго года размѣръ платы за ученье въ Замостской мужской прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ до одиннадцати руб., а въ остальныхъ до девятнадцати руб.

— Новозыбковская женская прогимназія преобразована въ полную гимназію по положенію 24-го мая 1870 года.

— По донесенію Попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 20 мин. февраля послѣдовало открытіе одноклассьаго начальнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ м. Германовкѣ, Кіевской губерніи и уѣзда, при 54 учащихся.

— По донесенію Попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 8 сего марта послѣдовало открытіе одноклассьаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Вуйнѣ, Бердичевскаго уѣзда, Кіевской губерніи, при 50 учащихся.

КАТАЛОГЪ

УЧЕБНЫХЪ РУКОВОДСТВЪ И ПОСОБІЙ,

КОТОРЫЯ МОГУТЪ БЫТЬ УПОТРЕБЛЯЕМЫ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ И ПРОГИМНАЗІЯХЪ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

СПИСКА КНИГЪ,

ОДОБРЕННЫХЪ ДЛЯ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Изданъ по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, д. № 1.
1883.

КАТАЛОГЪ

УЧЕБНЫХЪ РУКОВОДСТВЪ И ПОСОБІЙ, КОТОРЫЯ МОГУТЪ БЫТЬ УПОТРЕБЛЯЕМЫ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ И ПРОГИМНАЗІЯХЪ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I. Законъ Божій.

Руководства.

Святое Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна, на русскомъ и славянскомъ нарѣчіяхъ. Спб. 1874 и др.

Дѣянія и посланія апостольскія и апокалипсисъ св. евангелиста Іоанна, на русскомъ нарѣчіи. Спб. 1873 и др.

Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа, на греческомъ и славянскомъ языкахъ:

а) Святое Евангеліе. Спб. 1861.

б) Дѣянія и посланія апостольскія и апокалипсисъ. Спб. 1866.

Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ и изъ книги Дѣяній апостольскихъ, для употребленія въ училищахъ (славянской печати). Спб. 1855.

Историческія чтенія изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта, для употребленія въ училищахъ. Спб. 1860.

Катихизисъ пространный христіанскія православныя каѳолическія восточныя церкви. Изданіе 58-е. 1866 и слѣд.

Начатки христіанскаго ученія или краткая священная исторія и краткій катихизисъ. Изданіе 73-е. 1873 и слѣд.

Богдановъ, М. Краткая священная исторія церкви ветхаго завѣта. Изданіе 15-е. Москва. 1864.

Богдановъ, М. Краткая исторія христіанской церкви при апостолахъ и послѣ временъ апостольскихъ до XVIII вѣка. Изданіе 8-е. Москва. 1864.

Богдановъ, М. Краткое ученіе о богослуженіи православной церкви. Изданіе 4-е. Москва. 1862.

Богдановъ, М. Краткое изъясненіе на литургію. Изданіе 4-е. Москва. 1862.

Дебольскій, Г. Краткое обозрѣніе богослуженія православной церкви. Изданіе 3-е. Спб. 1861.

Козырева, В. Краткая священная исторія ветхаго завѣта. Спб. 1874 (для перваго класса гимназій).

Козырева, В. Краткая священная исторія новаго завѣта. Спб. 1874.

Лебедевъ, А. Очеркъ исторіи христіанской церкви. Спб. 1873.

Петровъ, Л. Литургика или ученіе о богослуженіи православной церкви. Руководство для учащихся средняго возраста. Спб. 1873.

Поповъ, Н. Краткая священная исторія ветхаго и новаго завѣта, съ указаніями, руководствующими къ подробному изученію ея по книгамъ Священнаго Писанія. Спб. 1864 (для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій).

Рудаковъ, А. Священная исторія ветхаго завѣта. Съ приложеніемъ карты Палестины. Изданіе 5-е. Спб. 1865.

Рудаковъ, А. Священная исторія новаго завѣта. Съ приложеніемъ карты Палестины. Изданіе 7-е. Спб. 1864.

Рудаковъ, А. Исторія христіанской православной церкви. Изданіе 4-е. Спб. 1862.

Рудаковъ, А. Разсказы о важнѣйшихъ событіяхъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, съ приложеніемъ объясненія символа вѣры и молитвъ, требуемыхъ программою въ приготовительномъ классѣ гимназій. Спб. 1873.

Скворцовъ, І. Краткое начертаніе исторіи церкви ветхозавѣтной. Кіевъ. 1852.

Скворцовъ, І. Краткое начертаніе исторіи церкви новозавѣтной. Кіевъ, 1853.

Скворцовъ, І. О богослуженіи православной церкви. Изданіе 5-е. Кіевъ, 1867.

Смирновъ, П. Священная исторія ветхаго завѣта, въ объемѣ гимназическаго курса, съ 2-мя картами, видомъ скиніи среди еврейскаго стана, 6-ю рисунками ея принадлежностей и изображеніемъ первосвященника въ полномъ его облаченіи. Москва, 1876.

Смирновъ, П. Священная исторія новаго завѣта, въ объемѣ гимназическаго курса. Москва, 1879.

Смирновъ, П. Исторія христіанской православной церкви. Курсъ VI класса гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Москва, 1876.—Изданіе 2-е, исправленное. М. 1879.

Смирновъ, П. Исторія христіанской православной церкви, составленная примѣнительно къ гимназической программѣ, съ дополненіями для воспитанниковъ VIII класса. Москва, 1881. Цѣна 1 р.

Смолодовичъ, Д. Литургика или наука о богослуженіи православной восточной каѳолической церкви. Изданіе 4-е. Кіевъ. 1861.

Соколовъ, Д. Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1865. Часть I. Ветхій завѣтъ. Часть II. Новый завѣтъ (для низшихъ классовъ гимназій).

Соколовъ, Д. Краткая священная исторія ветхаго и новаго завѣта. Изданіе 2-е. Спб. 1868 и 1872 (для низшихъ классовъ гимназій).

Соколовъ, Д. Священная исторія ветхаго завѣта, составленная въ объемѣ гимназическаго курса. Съ 17 рисунками и 2 картами мѣстностей, упоминаемыхъ въ Священномъ Писаніи. Изданіе 9-е. Спб. 1877.

Соколовъ, Д. Священная исторія новаго завѣта, составленная въ объемѣ гимназическаго курса. Съ 21 рисункомъ и двумя картами мѣстностей, упоминаемыхъ въ Священномъ Писаніи. Изданіе 9-е. Спб. 1877.

Соколовъ, Д. Ученіе о богослуженіи православной церкви. Спб. 1872.—Изданіе 2-е, исправленное. Съ 80 рисунками въ текстѣ. Спб. 1877.

Пособія.

Молитвословъ сокращенный или собраніе молитвъ утреннихъ, вечернихъ и при божественной литургіи (гражданской печати). Спб. 1862.

Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій, для употребленія въ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. Изданіе 14-е. Спб. 1858.

Богословскій, М. Исторія священная ветхаго и новаго завѣта. 2 тома. Изданіе 2-е. Спб. 1860—61.

Владиславлевъ, В. Записки по классу закона Божія. Изданіе 2-е. Спб. 1868.

Владиславлевъ, В. Уроки по классу закона Божія, составленные по вновь утвержденной программѣ для учениковъ IV и V классовъ гимназій. Катихизическое ученіе православной церкви Христовой. Тверь. 1873.

Гапоновъ, І. Руководство къ христіанской молитвѣ въ духѣ православномъ, и изъясненіе, приспособленное къ юношескому возрасту, болѣе употребительныхъ и особенно важныхъ молитвъ, пѣснопѣній, священнодѣйствія и обрядовъ православной церкви. Изданіе 3-е. Харьковъ. 1861.

Гречулевичъ, В. Подробный сравнительный обзоръ четвероевангелія, въ хронологическомъ порядкѣ, съ картою Палестины и другими приложеніями, какъ пособіе къ основательному изученію евангельской исторіи въ двухъ частяхъ. Спб. 1859—1873.

Заркевичъ, І. Очеркъ ученія православной вѣры. Пособіе къ усвоенію истинъ, изложенныхъ въ пространномъ христіанскомъ катихизисѣ православной каѳолической церкви. Спб. 1873 (для VII класса гимназій).

Изложеніе христіанскаго ученія православныя каѳолическія церкви, въ письмахъ, извлеченное изъ твореній святыхъ отцовъ и учителей церкви, преимущественно святителя Тихона Задонскаго (соч. епископа Іеремія). Спб. 1869.

Муретовъ, М. Бесѣды пресвитера съ дѣтьми прихожанъ изъ священной исторіи ветхаго завѣта, съ извлеченіемъ уроковъ вѣры и правилъ жизни изъ каждаго историческаго событія. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1854.

Образцовъ, П. Исторія христіанской церкви, общедоступно изложенная. Выпуски I и II. Гатчино. 1877.—Выпускъ III. Спб. 1880.

Петровъ, Л. Краткій очеркъ исторіи христіанской церкви, съ приложеніемъ очерка исторіи славянскихъ церквей и церкви русской. Спб. 1878.

Соколовъ, М. Законъ Божій, для дѣтей младшаго возраста. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1877 (для приготовительныхъ классовъ гимназій).

Шморгуновъ, З. Краткія свѣдѣнія о священныхъ книгахъ, съ приложеніемъ хронологическаго указателя священныхъ событій и съ

указаніемъ мѣстъ Библіи, которыя должно читать при изученіи священной исторіи. Кіевъ. 1873.

Ракочій и К° (товарищество литохромотипіи). Картины для нагляднаго преподаванія священной исторіи ветхаго и новаго завѣта (въ 5-ти выпускахъ). Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1877 (для приготовительныхъ классовъ).

II. Русскій и церковно-славянскій языки и словесность.

а) Церковно-славянскій языкъ.

Руководства.

Буслаевъ, Ѳ. Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1869.

Востоковъ, А. Грамматика церковно-славянскаго языка, изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ. Спб. 1863.

Гиляровъ, Ѳ. Этимологія церковно-славянскаго языка для среднихъ классовъ гимназій. Москва. 1876.

Колосовъ, М. Старо-славянская грамматика. Учебникъ для гимназій. Одесса. 1868.—Изданіе 5-е, измѣненное и дополненное. Варшава. 1876. Изданіе 11-е. Варшава. 1882.

Перевлѣсскій, П. Церковно-славянская грамматика, съ изборникомъ. Изданіе 6-е. Спб. 1866.—Изданіе 10-е. Спб. 1879.

Поливановъ, Л. Учебникъ русской и церковно-славянской этимологіи, для среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1867.—Изданіе 5-е, вновь переработанное и дополненное сближеніями съ этимологіей древнихъ языковъ. Съ приложеніемъ 1) орѳографическаго указателя, 2) отрывковъ изъ Евангелія по списку Остромирову и по новому тексту, 3) примѣчаній и вопросовъ, руководящихъ при этимологическомъ и синтаксическомъ разборѣ этихъ отрывковъ. Москва 1877.

Пособія.

Валицкій, И. Избранные отрывки изъ памятниковъ церковно-славянскаго языка древняго и новаго, для грамматическаго разбора, со свѣдѣніями и замѣчаніями о памятникахъ, съ палеографическими снимками греческихъ текстовъ и словаремъ. Спб. 1874.

Буслаевъ, Ѳ. Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. Москва. 1861.

Камковъ, А. Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка. Съ приложеніемъ текста изъ Евангелія по Остромирову списку 1056 и 1057 (по изд. Востокова 1843), изъ христоматіи Буслаева. Казань. 1878.

Камковъ, А. Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка. Шестое изданіе. Казань. 1882. Цѣна 30.

Перевлѣсскій, П. Памятники старо-славянскаго языка. Спб. 1854.

Смирновскій, П. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка, изложенная сравнительно съ русскою. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1877 и изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1883. Цѣна 60 к.

б) Русскій языкъ и словесность.

Руководства.

Антоновъ, А. Русская грамматика. Младшій трехлѣтній гимназическій курсъ. Изданіе 4-е, исправленное. Спб. 1866.

Баталинъ, Н. Элементарная грамматика русскаго языка, для низшихъ классовъ гимназій и другихъ училищъ. Москва. 1876 (для I и II классовъ).

Бунаковъ, И. Учебникъ русской грамматики, для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. Спб. 1880.

Буслаевъ, Ѳ. Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. Изд. 6-е. Москва. 1882. Цѣна 1 р.

Бѣлоруссовъ, И. Учебникъ теоріи словесности. Изданіе 2-е, дополненное и исправленное. Кіевъ. 1879 и изданіе 5-е. Нѣжинъ. 1882. Цѣна 70 к.

Бѣлоруссовъ, И. Учебникъ теоріи поэзіи. Для V класса мужскихъ и женскихъ гимназій. Архангельскъ. 1877.

Бѣлявскій, Е. Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1880.

Востоковъ, А. Сокращенная русская грамматика. Изданіе 13-е. Спб. 1864.

Востоковъ, А. Русская грамматика (пространная). Изданіе 2-е. Спб. 1867.

Гавриловъ, И. Стилистическія задачи для четырехъ низшихъ классовъ. Разсказы, описанія, сравненія и періоды. Спб. 1874.

Галаховъ, А. Исторія русской словесности. Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. примѣнительно къ учебному плану, утвержденному министромъ народнаго просвѣщенія. Спб. 1879. Изданіе 2-е. Спб. 1881.

Говоровъ, К. Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русскаго языка практическимъ способомъ. Курсъ I и II. Элементарная грамматика. Изданіе 5-е. Воронежъ. 1866.—Изданіе 12-е. Москва. 1876.—Курсъ III. Изданіе 4-е. Москва. 1876 и курсъ I и II. Изданіе 15-е. Москва. 1882. Цѣна 50 к.

Ивановъ, В. Учебникъ русской грамматики. Выпускъ II. Москва. 1882. Цѣна 40 к.

Кеневичъ, В. Опытъ учебника русскаго синтаксиса. Второе, исправленное изданіе. Спб. 1868.

Кирпичниковъ, А. и **Гиляровъ**, Ѳ. Пособіе для преподаванія русскаго языка и словесности. Выпускъ I. Этимологія русскаго языка, для низшихъ классовъ. Москва. 1868.—Изданіе 2-е. Москва. 1877.—Изданіе 15-е, исправленное и дополненное. Москва. 1880 и изданіе 17-е, вновь пересмотрѣнное. Москва. 1882. Цѣна 40 к.

Кирпичниковъ А. Синтаксисъ русскаго языка, примѣнительно къ правописанію. Курсъ III класса. Москва. 1869.—Изданіе 8-е. Москва. 1876 и изданіе 13-е, исправленное и дополненное согласно новому учебному плану. Москва. 1882. Цѣна 40 к.

Кирпичниковъ, А. Теорія словесности, съ приложеніемъ стилистическихъ задачъ и переводовъ изъ Лессинга и Шиллера. Москва. 1878.—Изданіе 2-е. Спб. 1879.

Максимовъ, Н. и **Острогорскій**, В. Людвигъ Эккардтъ. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій, съ приложеніемъ примѣчаній и краткаго учебника теоріи поэзіи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1875.—Изданіе 2-е, измѣненное. Спб. 1877.

Перевлѣсскій, П. Практическая русская грамматика, со сборникомъ статей въ прозѣ и стихахъ. Три части. Спб. 1863—1864. Отдѣльно: ч. I. Введеніе и начала грамматики, со сборникомъ статей въ стихахъ и прозѣ; ч. II. Начертаніе этимологіи; ч. III. Начертаніе синтаксиса.

Поливановъ, Л. Краткій учебникъ русской грамматики, для уче-

никовъ первыхъ двухъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1871.

Преображенскій, I. Учебникъ русскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій, приспособленный къ параллельному прохожденію его съ латинскимъ, по руководству *К. Я. Бълицкаго*. Курсъ перваго класса. Одесса. 1875.

Савицкій, А. Учебный курсъ теоріи словесности для среднихъ учебныхъ заведеній.

Четыркинъ, И. Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики, съ приложеніемъ церковно-славянской азбуки и коренныхъ словъ съ буквою ѣ. Учебникъ для приготовительнаго класса гимназій и прогимназій. Изданіе редакціи „Филологическихъ Записокъ". Воронежъ. 1880.

Пособія.

Авенаріусъ, В. П. Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ эпической поэзіи. Новое изданіе „Книги о Кіевскихъ богатыряхъ", дополненное былинами Новгородскими, Московскими, Казанскими, Петровскими и безъимянными. Спб. 1880.

Авенаріусъ, В. Образцовыя сказки русскихъ писателей. Съ 62 рисунками И. Каразина. Спб. 1882. Для подарковъ учащимся въ приготовительномъ и I-мъ классѣ мужскихъ и женскихъ гимназій.

Анскій, Г. „Сочиненія А. С. Пушкина". Цѣна I тому 60 к. (для младшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній).

Анскій, Г. (Редакція К. Кузьмина). „Сочиненія А. С. Пушкина". Томъ II. Цѣна 1 р. (для среднихъ классовъ гимназій).

Анскій, Г. (Редакція К. Козьмина). „Сочиненія А. С. Пушкина". Томъ III. Цѣна 2 р. Москва, книжный магазинъ братьевъ Салаевыхъ (для старшихъ классовъ гимназій).

Арсеньевъ, А. В. Карта для нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы древняго періода, со словаремъ писателей древняго періода русской литературы IX—XVII вѣковъ. Редакція О. Ѳ. Миллера. Спб. 1882. Цѣна малой ручной карты со словаремъ 2 р.

Басистовъ, П. Несторова лѣтопись, съ примѣчаніями и словаремъ. Москва. 1869.

Басистовъ, П. Для чтенія и разсказа. Христоматія для употребленія при преподаваніи русскаго языка. Курсъ первый. Изданіе 7-е. Москва. 1868.—Изд. 14-е. М. 1879 (для I и II классовъ гимназій).

Басистовъ, П. Для разборовъ и письменныхъ упражненій. Христоматія для употребленія при преподаваніи русскаго языка. Курсъ второй. Москва. 1868.—Изданіе 8-е. М. 1878 (для III, IV и V классовъ).

Ваталинъ, Н. Руководство къ составленію періодовъ. Москва. 1876.

Ваталинъ, Н. Сборникъ статей для теоретическаго изученія образцовъ русской литературы примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній, съ объясненіями, примѣчаніями, вопросами для разбора и повторенія и особымъ приложеніемъ краткихъ плановъ темъ для ученическихъ сочиненій. Москва. 1875 (для IV, V и VI классовъ гимназій и реальныхъ училищъ).

Богдановъ, П. Употребленіе знаковъ препинанія въ русскомъ письмѣ. Съ приложеніемъ синтаксиса русской рѣчи и синтаксическаго диктанта. Кіевъ. 1879.

Бунаковъ, Н. Христоматія для изученія образцовъ русской словесности, съ примѣчаніями, руководящими вопросами и біографическими очерками. Воронежъ. Отдѣлъ I-й, 1872; отдѣлъ II-й, 1873; отдѣлъ III-й, 1874.

Бураковскій. Историческій очеркъ русской литературы отъ Петра I до смерти Гоголя (для учащихся). Спб. 1878.

Буслаевъ, Ѳ. Опытъ исторической грамматики русскаго языка. Два тома. Москва. 1863.

Буслаевъ, Ѳ. Русская христоматія. Памятники древне-русской литературы и народной словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями, съ словаремъ и указателемъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1867.—Изд. 2-е, исправленное. Москва. 1877.—Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Москва. 1880.

Бѣлявскій, Е. Теорія словесности. Руководство при разборѣ образцовъ словесности и при письменныхъ упражненіяхъ учениковъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1878. —Изданіе 3-е. Москва. 1879.

Васильевъ, П. Первая классная книга для чтенія. Пособіе для начальнаго обученія родному языку. Спб. 1877.—Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1880 (для приготовительнаго класса гимназій и прогимназій).

Вейнбергъ, Петръ. „Русскіе писатели въ классѣ". Шесть выпусковъ: I. Кантемиръ, „Сатиры". Спб. 1881 г. Цѣна 20 к. II. Фонъ-Визинъ, „Письма и чистосердечное признаніе". Спб. 1881 г. Цѣна 20 к. III. Императрица Екатерина II, „О время"! и „Были и не-

былицы". Спб. 1881 г. Цѣна 25 к. IV. Карамзинъ, „Письма русскаго путешественника". Спб. 1881 г. Цѣна 30 к. V. Фонъ-Визинъ, „Недоросль". Спб. 1881 г. Цѣна 20 к. VI. Державинъ, „Стихотворенія". Спб. 1882 г. Цѣна 30 к. и выпускъ VII. Ломоносовъ. Спб. 1882 г.

Весинъ, С. Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Состав. по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1876.

Воскресенскій, В. Русская народная поэзія. Сборникъ сказокъ, былинъ, историческихъ и бытовыхъ пѣсенъ, обрядовъ, пословицъ, загадокъ и друг. Учебное пособіе внѣ класснаго употребленія при изученіи русской словесности въ гимназіяхъ. Изданіе журнала „Семья и Школа". Спб. 1881 г.

Фонъ-Визинъ, Д. И. Двѣ комедіи. I. Бригадиръ. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.—II. Недоросль. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Изданіе 2-е. Спб. 1880.

Гавриловъ, И. Письменныя упражненія. Руководство къ веденію и составленію ученическихъ сочиненій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1872.

Галаховъ, А. Русская христоматія. Двѣ части. Изданіе 11-е. Спб. 1866, Изданіе 17-е. Т. I. Проза . Т. II. Поэзія. Спб. 1879. — Изданіе 18-е. Спб. 1881.

Галаховъ, А. Историческая христоматія новаго періода русской словесности. Два тома: I-й—отъ Петра I до Карамзина, II-й — отъ Карамзина до Пушкина. Спб. 1861—1864.—Изданіе 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1877.—Изданіе 3-е, безъ перемѣнъ. Спб. 1880.

Галаховъ, А. Исторія русской словесности древней и новой. Два тома. Спб. 1863—1867.—Изданіе 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1880.

Геннингъ, В. Справочная книжка и указатель русскаго правописанія. Спб. 1879.

Гиляровъ, Ѳ. и **Кирпичниковъ**, А. Русская христоматія для низшихъ классовъ гимназій. Москва. 1869—Изданіе 2 е, исправленное. Москва. 1875. — Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Москва. 1880.

Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. въ стихахъ. Изданіе 4-е, подъ редакціею П. А. Ефремова. Спб. 1880.

Евстафіевъ, П. 1) Древняя русская литература (до-Петровскій періодъ). Выпускъ I. Устная народная словесность. Спб. 1877.—2) Классный сборникъ образцовъ русской народной поэзіи (Приложеніе къ выпуску I-му древней русской литературы). Былины, пѣсни, сказки

и пословицы. Спб. 1877. — Выпускъ II. Книжная словесность. Спб. 1879.

Евстафіевъ, П. Новая русская литература (отъ Петра до настоящаго времени). Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1877.

Завьяловъ, Н. Учебникъ элементарной логики и стилистики. Москва. 1875. Изданіе 2-е, значительно исправленное и дополненное. Москва. 1876 (для IV и V классовъ гимназій).

Ивановъ, В. Учебникъ русской грамматики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ I. Москва. 1881.

Казецкій, Н. Дневникъ для записыванія уроковъ учениковъ и ученицъ различныхъ учебныхъ заведеній. Изд. педагогическаго бюро въ Москвѣ. Москва. 1882 г. Цѣна 20 к.

Козьминъ, К. и **Покровскій**, В. Теорія словесности. — Сводъ теоретическихъ положеній, выведенныхъ изъ разборовъ образцовъ прозы и поэзіи. Москва. 1883 г. Цѣна 30 к.

Калмыковъ, М. Общій курсъ словесности. Изданіе 2-е, исправленное. Новочеркаскъ. 1880.

Карамзинъ, Н. М. Повѣсти: Бѣдная Лиза. Наталья боярская дочь. Мареа посадница или покореніе Новгорода. Островъ Борнгольмъ. Чувствительный и холодный. Изданіе 2-е. Спб. 1880.

Кендверскій, В. Употребленіе знаковъ препинанія въ русской письменной рѣчи. Пособіе при преподаваніи русскаго языка въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно для желающихъ самостоятельно изучить этотъ отдѣлъ грамматики. Харьковъ. 1879.

Козьминъ, К. Логико-стилистическіе разборы образцовъ прозы и поэзіи. Пособіе при практическомъ изученіи стилистики, теоріи прозы и поэзіи и пр. Для среднихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій. Изд. Наумова. Москва. 1882 г. Цѣна 1 р.

Классовскій, В. Русская грамматика. Два выпуска. Изданіе 3-е, исправленное. Спб. 1869.

Классовскій, В. Версификація. Спб. 1863.

Классовскій, В. Основанія словесности. Часть I. Стилистика. Спб. 1866.

Классовскій, В. Составъ, формы и разряды словесныхъ произведеній, примѣнительно къ практическому преподаванію словесности. Спб. 1876.

Клостерманъ, К. Чтеніе для дѣтей младшаго возраста. Варшава. 1868.

Красногорскій, П. Задачи по русскому правописанію. Спб. 1882 г. Цѣна 85 к. (для приготовительнаго, перваго и втораго классовъ учебн. заведеній).

Крыловъ, И. А. Басни, съ біографіею автора, написанною П. А. Плетневымъ. 20-е, полное изданіе, съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1880.

Лебедевъ, В. Теорія словесности. Руководство для гимназій и реальныхъ училищъ. Сост. на основаніи учебныхъ плановъ министерства народнаго просвѣщенія. Изданіе 2-е. Москва. 1879.

Лозановъ, И. Историческое обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ произведеній русской словесности. Выпускъ I: 1) народная словесность, 2) отъ начала письменности до Ломоносова. Казань. 1877.

Максимовъ, Н. Я. Орлеанская дѣва. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ съ прологомъ Ф. Шиллера, въ переводѣ Жуковскаго, съ примѣчаніями. Спб. 1871.

Максимовичъ, П. Другъ дѣтей. Книга для первоначальнаго чтенія. Изданіе 16-е. Спб. 1871.

Фонъ-Мевесъ, Д. Иностранныя слова, усвоенныя русскому языку въ этнографическомъ отношеніи. Рига. 1874.

Миллеръ, О. Христоматія къ Опыту обозрѣнія русской словесности. Спб. 1863.

Миллеръ, О. Опытъ историческаго обозрѣнія русской литеатурыр. Спб. 1863.

Михельсонъ, М. Приготовительный курсъ русскаго языка. Изданіе 4-е, пересмотрѣнное. Спб. 1865.

Невзоровъ, Н. Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской литературы, съ вещественнымъ и логическимъ разборомъ статей, съ матеріаломъ для устныхъ и письменныхъ упражненій и съ біографіями писателей, и съ приложеніемъ краткаго курса теоріи словесности. Казань. 1879. Изданіе 2-е. Казань. 1880.

Невзоровъ, Н. Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній словесности, съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли и объясненіемъ каждой статьи, съ 200 темъ и плановъ для устныхъ и письменныхъ упражненій. Часть I, для младшаго возраста. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Казань. 1882 г. Ц. 40 к. съ пересылкою.

Невзоровъ, Н. Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли и объясненіемъ каждой статьи, съ 300 темъ и плановъ для

устныхъ и письменныхъ упражненій и съ біографіями писателей. Въ концѣ сборника приложенъ краткій курсъ теоріи словесности. Часть II. Изд. 3-е. Казань. 1882 г. Цѣна 70 к. съ пересылкою.

Николенко, М. Пособіе для практическихъ занятій при первоначальномъ изученіи русскаго языка въ гимназіяхъ. Книга I для перваго класса; книга II для втораго класса гимназій. Спб. 1867.— Книга I. Изданіе 5-е, исправленное. Спб. 1878.—Книга II. Изданіе 5-е, исправленное. Спб. 1877, и книга I, изданіе 6-е, исправленное. Спб. 1883 г.

Николенко, М. Пособіе для практическихъ занятій при первоначальномъ изученіи русскаго языка въ гимназіяхъ. Книга 3-я, 3-е изданіе. Спб 1881.

Новаковскій, В. Русская христоматія, какъ пособіе при преподаваніи грамматики отечественнаго языка. Три книжки: для I, II и III классовъ. Спб. 1862.

Образцы древней русской словесности (примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній). Спб. 1879.

Омельяненко, П. Русская грамматика. Кіевъ. 1867.

Орловъ, М. Курсъ исторіи русской литературы. Сост. по программѣ духовныхъ семинарій. Выпускъ I, до Пушкинскаго періода. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1878. — Выпускъ II. Пушкинскій періодъ (первая половина). Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1878.

Петровъ, К. Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Спб. 1882 г. Цѣна 50 к.

Петровъ, К. Русская историческая христоматія. Состав. примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1877 г. и къ Исторіи русской словесности А. Д. Галахова. Спб. 1880.

Полевой, П. Учебная русская христоматія, съ толкованіями. Часть вторая. Средній возрастъ. Спб. 1872.

Поливановъ, Л. Русская христоматія, для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1876.

Поливановъ, Л. Русская христоматія для третьяго и четвертаго классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1875.

Поливановъ, Л. Русская христоматія. Часть III. Для V, VI, VII и VIII классовъ среднеучебныхъ заведеній. Пособіе при практическомъ изученіи стилистики, теоріи прозы и поэзіи, и при руководствованіи учениковъ въ сочиненіяхъ. Москва. 1878.

Поповъ, А. Пособіе при изученіи образцовъ русской литературы. Спб. 1874.

Поповъ, **Н.** Учебникъ русской грамматики, составленный примѣнительно къ преподаванію русскаго языка въ губерніяхъ Западнаго края. Варшава. 1880.

Порфирьевъ, **И.** Исторія русской словесности. Часть I. Древнѣйшій періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра 1-го. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Казань. 1876.

Преображенскій, **А.** Краткій синтаксисъ русскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Москва, 1882 г. Цѣна 50 к.

Радонежскій, **А.** Родина. Сборникъ для класснаго чтенія, съ упражненіями въ разборѣ устномъ и письменномъ. Изданіе 3-е, дополненное. Спб. 1877.—Изд. 4-е, дополненное. Спб. 1877.—Изданіе 5-е. Спб. 1878.—Изд. 7-е. Спб. 1880 (для приготовительнаго и четырехъ низшихъ классовъ).

Рождественскій, **Ѳ.** Учебникъ русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній — примѣнительно къ правописанію, съ примѣрами почти на каждое правило для разбора и объяснительнаго диктанта и руководящими вопросами. Спб. 1880.

Романовъ, **Е.** Учебникъ русской грамматики. Выпускъ первый. Этимологія. Изд. исправленное согласно съ указаніями ученаго комитета. Вильна. 1881 г. Цѣна 50 коп.

Савенко, **Ѳ. Г.** Синтаксисъ въ литературныхъ образцахъ и пословицахъ, съ руководящими вопросами для практическихъ занятій. Воронежъ. 1879.

Семеновъ, **Д.** Даръ слова. Книга для чтенія, письма и наглядныхъ бесѣдъ, по картинамъ „Времена года", съ дѣтьми 9—11 лѣтъ. Спб. 1868.

Семеновъ, **А.** Практическіе уроки русскаго правописанія, съ подробными замѣчаніями, и христоматія для чтенія и практическихъ упражненій въ классѣ и дома. Двѣ части. Москва. 1864.

Семеновъ, **А.** Упрощенный учебникъ русской грамматики въ связи съ практическими упражненіями. Выпускъ I. Начальный систематическій курсъ русской грамматики. Составъ рѣчи.—Выпускъ II. Части рѣчи.—Выпускъ III. Составъ и образованіе словъ. Спб. 1877.—Выпускъ IV. Синтаксисъ. Спб. 1878.

Семеновъ, **А.** Христоматія, какъ пособіе при изученіи русской словесности и при повтореніи грамматики. Часть II. Изданіе 3-е, исправленное. Москва. 1874.

Семеновъ, **А.** Начальныя систематическія упражненія въ списываніи и диктантѣ, съ необходимыми правилами правописанія безъ

пособія грамматики. Москва. 1874. — Изданіе 2-е. Спб. 1872 (для приготовительныхъ классовъ гимназій).

Скопинъ, В. и Кеневичъ, В. Сборникъ произведеній русской литературы. Пособіе для преподаванія исторіи литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Часть I. до-Петровскій періодъ. Спб. 1864.—Изданіе 3-е, съ перемѣнами. Спб. 1878.

Случевскій, П. Руководство къ изученію теоріи словесности по лучшимъ образцамъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Ставрополь (Кавказскій). 1878.

Смирновскій, П. Пособіе при изученіи русскаго языка и словесности. Курсъ IV класса мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій. Пособіе заключаетъ въ себѣ: 1) образцы описаній и повѣствованій; 2) стихотворенія повѣствовательнаго и описательнаго характера; 3) отрывки Остромирова Евангелія; 4) грамматику древняго церковно-славянскаго языка, изложенную сравнительно съ русскою; 5) ученіе о періодахъ (одобр. для IV класса гимназій и прогимназій). Спб. 1876.

Смирновскій, П. Учебникъ русской словесности для учениковъ V класса гимназій, съ приложеніемъ христоматіи. Учебникъ заключаетъ въ себѣ: 1) изложеніе основныхъ началъ теоріи словесности и 2) изложеніе элементарныхъ свѣдѣній изъ логики. Спб. 1876.

Смирновскій, П. Русская христоматія. Въ двухъ частяхъ: 1-я для двухъ первыхъ классовъ, 2-я для III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1880.

Смирновскій, В. Пособіе для учениковъ VI и VII классовъ гимназій при изученіи русской словесности, примѣнительно къ новой примѣрной программѣ, утвержденной министромъ народнаго просвѣщенія. Выпускъ I. Кронштадтъ. 1874.—Выпускъ II. Средній періодъ съ XVI столѣтія до Ломоносова. Кронштадтъ. 1874.—Выпускъ I и II, изд. 3-е, Москва. 1876.—Выпускъ III. Новый періодъ. Отдѣлъ I, отъ Ломоносова до Карамзина. Спб. 1875.—Изд. 2-е. Москва. 1876.—Выпускъ IV. Новый періодъ. Отдѣлъ II, отъ Карамзина до Пушкина. Спб. 1875. — Изд. 2-е, дополненное статьею о романтизмѣ. Москва. 1876.—Выпускъ V. Новый періодъ. Отдѣлъ III, отъ Пушкина до новѣйшаго времени. Спб. 1875. — Изд. 2-е, дополненное нѣсколькими новыми статьями. Москва. 1876.

Соломоновскій, И. Матеріалъ для диктанта и другихъ грамматическихъ упражненій, подробный и расположенный примѣнительно къ условіямъ преподаванія русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ

Варшавскаго учебнаго округа. Варшава. 1880 (для низшихъ классовъ Варшавскаго, Виленскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ).

Сосницкій, И. Учебникъ русскаго языка, для уѣздныхъ училищъ и низшихъ классовъ гимназій. Изданіе 4-е. Москва. 1855.

Сосницкій, А. Русская христоматія для III и IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. 1878.

Стоюнинъ, В. Классная русская христоматія для младшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Спб. 1876.

Стоюнинъ, В. Русскій синтаксисъ. Спб. 1871.

Стоюнинъ, В. Руководство для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ русскимъ и иностраннымъ. Изданіе 6-е дополненное. Спб. 1879.

. **Стоюнинъ**, В. Христоматія къ руководству для теоретическаго изученія литературы. 2 части. Спб. 1879.

Стоюнинъ, В. Высшій курсъ русской грамматики. Спб. 1855.

Стоюнинъ, В. О преподаваніи русской литературы. Спб. 1874.

Стоюнинъ, В. Недоросль. Комедія фонъ-Визина, съ примѣчаніями и вопросами, для изученія въ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1865 и 1872.

Сыркинъ, А. Сборникъ стихотвореній для приготовительнаго и низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Вильна. 1878 (доп. какъ дополненіе къ христоматіямъ, въ которыя не вошли поименованныя въ учебныхъ планахъ м-ва стихотворенія).

Тимашевскій, Г. Грамматика русскаго языка. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Этимологія. Одесса. 1874.—Часть II. Синтаксисъ. Одесса. 1875.

Тимошенко, П. Опытъ систематическаго изложенія теоріи словесности. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1875.

Тихонравовъ, Н. Слово о полку Игоревѣ. Москва. 1866.

Филиппьевъ, В. Л. Русская грамматика. Изданіе 2-е. Спб. 1878.

Филоновъ, А. Учебникъ словесности: 1) Стилистика, 2) Теорія прозы, 3) Теорія поэзіи. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1877.—Изданіе 2-е. Спб. 1879.

Филоновъ, А. Русская христоматія, съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Три части. Ч. I. Эпическая поэзія. Изданіе 3-е, значительно исправленное. Спб. 1869. Изданіе 6-е. Спб. 1880.—Часть II. Лирическая поэзія. Изданіе 3-е, значительно исправленное. Спб. 1873. Изданіе 4-е, исправленное.

Спб. 1878.—Часть III. Драматическая поэзія.—Часть IV. Проза. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1873.

Цвѣтковъ, А. Образцы новой русской словесности примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. I Отдѣлъ, Ломоносовскій періодъ. Спб. 1872. Цѣна 1 руб. 40 коп. II Отдѣлъ, Карамзинскій періодъ. Спб. 1881 г. Цѣна 2 руб. 15 коп.

Цвѣтковъ, А. Образцы новой русской словесности примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. III-й отдѣлъ. Пушкинскій періодъ (до Гоголя включительно). Спб. 1881.

Цвѣтаевъ, Д. В. Баллады Шиллера. Опытъ объясненія. Первая группа балладъ. Отдѣльный оттискъ изъ Филологическихъ Записокъ. Воронежъ. 1882 г. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 р. 10 коп.

Чудиновъ, А. Опытъ учебника элементарной грамматики русскаго языка. Конспектъ для учащихся при обученіи русскому языку практическимъ способомъ. Часть I. Изданіе 2-е. Кіевъ. 1867.—Часть II. Курсъ синтаксиса. Кіевъ. 1868.

Шафрановъ, С. Таблицы русскихъ склоненій, правильныхъ и неправильныхъ. Полтава. 1880, для низшихъ классовъ.

Шафрановъ, С. Таблица предложеній простыхъ, слитныхъ и сложныхъ, съ примѣрами. Расположеніе примѣнено къ синтаксису русскаго языка А. Кирпичникова. Полтава. 1880.

Шолковичъ, Ѳ. Русская грамматика. Учебникъ для I класса гимназій. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное Вильна. 1874.

Шолковичъ, Ѳ. Пособіе для практическихъ занятій при изученіи русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназій. Ч. I. Вильна. 1875 (для I-го класса).

Яковлевъ, В. Русская христоматія. Сборникъ статей, выбранныхъ изъ произведеній русской литературы. Спб. 1869.

Яковлевъ, В. Классная библіотека. Литературное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ I. Борисъ Годуновъ. Трагедія А. С. Пушкина, съ учебными примѣчаніями. Спб. 1869.

в) Логика.

Руководства.

Карповъ. Систематическое изложеніе логики. Спб. 1856.

Руппель, Т. Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи. Переводъ П. М. Цейдлера. Спб. 1876 —Изданіе 2-е,

исправленное. Спб. 1877.—Изданіе 3-е, исправленное и дополненное Спб. 1880.

Струве, Г. Элементарная логика. Руководство для преподаванія и самообученія. Варшава. 1874.

Пособія.

Соломоновскій, И. Очеркъ элементарныхъ свѣдѣній изъ психологіи и логики съ педагогическими выводами, составленный примѣнительно къ инструкціи для учительскихъ семинарій. Варшава. 1880 г. Цѣна 50 коп.

Свѣтилинъ, А. Учебникъ формальной логики. Спб. 1871.

III. Древніе языки.

а) Латинскій языкъ.

Руководства.

Ананьевъ, А. Латинская грамматика. Москва. 1865 (для старшихъ классовъ гимназій).

Блажевскій, С. Элементарный учебникъ латинскаго языка, для младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Москва. 1880.

Блажевскій, С. Упражненія въ латинской грамматикѣ съ этимологическимъ вокабуляріемъ для учениковъ II и III классовъ гимназій и прогимназій. Москва. 1881 г.

Буслаевъ, В. Краткій учебникъ латинскаго языка, составленный для употребленія въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и семинаріяхъ. Курсъ первый. Москва. 1874 (для I и II классовъ гимназій).

Вѣлицкій, К. Я. Учебникъ латинскаго языка для первыхъ трехъ классовъ гимназій. Изданіе 6-е, исправленное и дополненное. Одесса. 1876 (для низшихъ классовъ).

Вѣлицкій, К. Я. Латинская учебная грамматика. Часть I. Этимологія.—Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 6-е, исправленное. Одесса. 1876 г.

Кесслеръ, Э. Синтаксисъ латинскаго языка, для гимназій, по нѣмецкимъ источникамъ. Спб. 1874.—Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1877.

Кремеръ, Я. Латинская грамматика, съ примѣрами и упражненіями, латинскою христоматіею и словаремъ латинско-русскимъ и

русско-латинскимъ. Составл. по Кюнеру. Часть I. Этимологія.— Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 4-е, исправленное. Москва. 1871.

Лопатинскій, Л. Руководство для первоначальнаго обученія латинскому языку для низшихъ классовъ гимназій. Составленб по Tirocinium Отто Шульца и Militia д-ра Штрака. Кіевъ. 1873 (для трехъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій).—Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Новгородсѣверскъ. 1875.—Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Въ двухъ частяхъ. Уфа. 1879.

Мадвигъ. Латинская грамматика, сокращенная для гимназій Тишеромъ. Перевелъ съ нѣмецкаго и издалъ В. Басовъ. Москва. 1871.

Носовъ и **Поповъ**. Руководсвто къ изученію латинскаго языка, составленное по Кюнеру. Изданіе 6-е. Спб. 1864.—Изд. 12-е, Спб. 1877.

Пальмцвейгъ, Л. и **Кесслеръ**, Э. Краткая грамматика латинскаго языка. Спб. 1878 (для 4-хъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій).

Райманъ, Ф. Латинскія упражненія. Курсъ I класса гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія. Новгородъ. 1877.— Курсъ II-го класса. Новгородъ. 1878.

Ронталеръ, Э. А. Руководство къ изученію латинскаго синтаксиса, составленное по нѣмецкимъ источникамъ. Одесса. 1875 (для IV и V классовъ).

Сигъ, И. Краткая грамматика латинскаго языка. Спб. 1879 (для 4-хъ низшихъ классовъ гимназій и для прогимназій).

Сигъ, И. Руководство къ изученію латинскаго языка для трехъ первыхъ классовъ гимназій и духовныхъ семинарій. Курсъ I-го класса. Tirocinium latinum. Спб. 1878.—Выпускъ II. Для II класса и перваго полугодія III класса. Спб. 1880.

Симсонъ, П. и **Іогансонъ**, К. Учебникъ латинскаго языка для I и II классовъ гимназій и прогимназій. Состав. вполнѣ согласно съ учебнымъ планомъ, утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія. Часть I. Грамматика. Москва. 1880.—Часть II. Книга упражненій для переводовъ съ латинскаго языка на русскій и обратно. Дерптъ. 1880 (для I и II классовъ).

Смирновъ, П. **Клеменчичъ**, О. Учебникъ латинскаго языка. Выпускъ I. Курсъ I класса гимназій. Спб. 1878.—Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1879.—Выпускъ II. Курсъ II класса гимназій. Спб. 1879.

Смирновъ, Я. Краткая латинская грамматика. Москва. 1858.

Смирновъ, Я. Руководство къ изученію латинскаго языка. Вы-

пускъ I. Этимологія.—Выпускъ II. Синтаксисъ. Изданіе 2-е. Москва. 1864—1869.

Фрезе, П. Элементарный курсъ латинскаго языка, составленный по учебнику Шеле. Часть этимологическая. Рига. 1863.—Часть синтаксическая. Рига. 1867.

Ходобай, Ю. Латинская грамматика доктора Фердинанда Шульца, обработанная для русскихъ гимназій. Курсъ младшаго возраста. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1874.—Изданіе 3-е, исправленное. М. 1877.—Изданіе 4-е, исправленное. М. 1878.—Курсъ старшаго возраста. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. М. 1873.

Шписъ, Ф. Важнѣйшія правила синтаксиса по латинскимъ грамматикамъ Зиберта и Мейринга. Переведены съ 14-го изданія и дополнены примѣрами А. Аржавинымъ. Митава. 1877 (съ листкомъ исправленій).

Эллендтъ-Зейффертъ. Латинская грамматика, переведенная съ приспособленіями къ преподаванію въ русскихъ гимназіяхъ П. Пѣвницкимъ и В. Зубковымъ. Переводъ съ 13-го нѣмецкаго изданія. Москва. 1875.—Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1877.—Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Москва. 1879.

Латинская этимологія въ сравненіи съ русской, для учениковъ трехъ низшихъ классовъ. Изд. лицеемъ Цесаревича Николая. Москва. 1868.

Пособія.

Базъ, Н. Задачи для переводовъ на латинскій языкъ. Избранныя статьи изъ сборниковъ Зюпфле, Гааке и др. для упражненій въ среднихъ и высшихъ классахъ гимназій, съ ссылками на грамматики Ходобая, Кесслера, Зейфферта и стилистическими примѣчаніями. Спб. 1878 (для среднихъ и высшихъ классовъ).

Благовѣщенскій, Н. Горацій и его время. Спб. 1864.

Бѣлицкій, К. Краткая латинская синонимика. Пособіе для учениковъ старшихъ классовъ гимназій. По Шульцу и Менге. Одесса. 1877.

Бѣлицкій, К. Locutionum latinarum thesaurus, или латинская фразеологія. Пособіе для учениковъ среднихъ классовъ гимназій при составленіи латинскихъ письменныхъ работъ. Одесса. 1876.

Бѣлицкій, К. Сборникъ русскихъ статей для перевода на латинскій языкъ. Пособіе по латинскому языку для учениковъ старшихъ классовъ гимназій. Выпускъ I. Одесса. 1876.

Везенеръ, д-ръ. Книга упражненій по латинской этимологіи. Обработана для русскихъ гимназій К. Павликовскимъ и В. Исаенковымъ. Москва. 1879 (для трехъ низшихъ классовъ).

Weller G. Lateinisches Lesebuch fur Anfänger enthaltend zusammenhängend Erzählungen aus Herodot. Ausgabe 14, и Словарь къ латинской книгѣ для чтенія изъ Геродота, д-ра Веллера. Перевелъ съ нѣмецкаго О. Витошинскій. Спб. 1878.

Виггертъ, Фр. Vocabula latinae linguae primitiva. Руководство къ изученію латинскихъ коренныхъ словъ, приспособленное для русскихъ гимназій, преимущественно для низшихъ четырехъ классовъ.' И. Млинаричемъ. Москва. 1878.

Гаркульскій, С. Таблица латинскихъ спряженій, составленная съ цѣлію облегченія ихъ изученія. Варшава. 1877 (для I класса гимназій и прогимназій).

Гельбке, К. Значительнѣйшія правила латинскаго правописанія, съ алфавитнымъ словаремъ наиупотребительнѣйшихъ словъ, которыя большинствомъ пишутся неправильно. Составлено для гимназій и другихъ высшихъ школъ. Спб. 1879.

Горацій. Избранныя сатиры. Объяснилъ для гимназій Д. И. Нагуевскій. Воронежъ. 1879.

Гофманъ, Авг. Рѣчь Цицерона о назначеніи Кнея Помпея полководцемъ. Съ объясненіями. Спб. 1864.— Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1877.

Гофманъ, Авг. Рѣчь Цицерона въ защиту Секста Росція Америйскаго. Съ объясненіями Спб. 1881.

Doellen, A. Doctrinae metricae summarium. Petropoli. 1876 (для VIII класса гимназій).

Зубковъ, В. Сборникъ упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, составленный примѣнительно къ грамматикѣ Эллендта-Зейфферта, по руководствамъ Гааке и др. Москва. 1879.

Зюпфле, К. Статьи для перевода на латинскій языкъ. Руководство, переведенное съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ К. Павликовскимъ и В. Исаенковымъ. Часть I. Курсъ низшихъ и среднихъ классовъ гимназій и прогимназій. Москва. 1876. Изданіе 2-е, вновь просмотрѣнное и значительно исправленное. Москва. 1877.—Часть II. Курсъ старшихъ классовъ. Москва. 1878.

Керковіусъ, Э. Практическій курсъ латинскаго языка. Часть . Лейпцигъ. 1870 (для первыхъ трехъ классовъ гимназій).

Классовскій, В. Виргилія Варона, Энеиды пѣсни I, II и III. Съ объясненіями. Спб. 1868.

Классовскій, В. Кв. Горація Флакка, Оды и посланіе къ Пизонамъ. Съ объясненіями. Спб. 1864.

Клеменчичъ, О. Упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій для среднихъ классовъ гимназій и прогимназій (синтаксисъ простаго предложенія). Спб. 1879.

Кувшинскій, Н. Для обратнаго перевода на латинскій. Жизнеописаніе Мильтіада К. Непота, въ подлинникѣ и русскомъ переводѣ, съ объясненіями и примѣрами для синтаксическаго разбора, перевода и повторенія. Вятка. 1879.

Кувшинскій, Н. Краткая просодія и элементарныя свѣдѣнія изъ метрики латинскаго языка, именно: о латинскомъ стихѣ вообще; о составѣ, раздѣленіи на стопы и чтеніе ямбическаго сенарія гекзаметра и пентаметра, съ размѣромъ ихъ образцовъ, и о нѣкоторыхъ размѣрахъ Горація. Вятка. 1877.—Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. 1878.

Кульчицкій, Л. и **Демидовъ**, В. Практическій курсъ элементарной стилистики латинскаго языка, въ соединеніи съ изученіемъ синонимики, составленный по Шпенделю. Выпускъ I. Москва. 1874 (для VI и VII классовъ).

Люгебиль, К. Избранныя жизнеописанія Корнелія Непота. Второе, исправленное изданіе, съ прибавленіемъ словаря. Спб. 1881 г. Цѣна 60 к.

Мейснеръ, д-ръ. Латинская фразеологія для старшихъ классовъ гимназій, перев. съ нѣмецкаго К. Павликовскимъ и В. Исаенковымъ. Москва. 1880.

Миллеръ, **Лук.** Жизнь и сочиненія Горація. Спб. 1880.

Миллеръ, **Лук.** Q Horatii Flacci carmina. Избранныя оды и эподы Горація Спб. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Миллеръ, Л. Греческая и римская метрика. Для старшихъ классовъ гимназій и для начинающихъ филологовъ. Съ приложеніемъ: объ историческомъ ходѣ развитія древней метрики. Спб. 1880.

Mueller, L. Rei metricae poëtarum latinorum praeter Plautum et Tirentium summarium. Petropoli. 1878.

Mueller, L. Orthographiae et prosodiae latinae summarium. In usum sodalium instituti historici-philologici Petropolitani. Pëtropoli. 1878.

M. A. Nepos brevior. Руководство для употребленія въ III классѣ гимназій. Прага. 1878.

Модестовъ, В. Избранныя сатиры Горація для среднихъ учебныхъ заведеній. Книга I. Латинскій текстъ съ русскими примѣчаніями и со статьей о Гораціѣ. Спб. 1877. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное Спб. 1882 г.

Нагуевскій. О заговорѣ Катилины, Саллюстія.—Учебное изданіе латинскихъ классиковъ, съ словаремъ и примѣчаніями. Томъ III. Лейпцигъ. 1882 г.

Нагуевскій, Д. И. Энеида Виргилія. Для гимназій. Часть I. Книги I—III. Лейпцигъ. 1880.

Нетушилъ, И. Латинскій синтаксисъ. Харьковъ. 1880.

Нетушилъ, И. Сокращенное изданіе латинскаго синтаксиса. Харьковъ. 1880.

Носовъ, П. Латинская христоматія. Часть I. Съ примѣчаніями и словаремъ. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и исправленное. Спб. 1871 (для среднихъ классовъ гимназій).

Опоцкій, С. Практическія упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій при изученіи латинскаго синтаксиса, съ указаніями на грамматики Бѣлицкаго, Шульца и Мадвига. Сост. по нѣмецкимъ руководствамъ. Одесса. 1873 (для IV кл. гимназій и прогимназій для V кл. гимназій).

Отто, Ѳ. Латинская грамматика. Часть I. Этимологія. Москва. 1872 (преимущественно для IV класса).

Павловъ, В. М. Tullii Ciceronis. De Officiis, Libri tres. Текстъ со словаремъ. Москва. 1881. Цѣна 1 р.

Павликовскій, К. и **Исаенковъ, В.** Книга упражненій по латинскому синтаксису. Сборникъ фразъ и статей для перевода съ русскаго языка на латинскій съ прибавленіемъ примѣчаній и полнаго словаря. Москва. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Райманъ, Ф. Латинскія упражненія. Курсъ III класса гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія. Новгородъ. 1879.

Ржаницынъ, А. Учебникъ латинскаго языка по Остерманну, для I класса гимназій и духовныхъ училищъ. Часть I. A) Грамматическія свѣдѣнія. B) Vocabularium.—Часть II. Упражненія въ переводахъ. Москва. 1880.

Ронталеръ, Э. Конспектъ латинскаго синтаксиса въ примѣрахъ. Одесса. 1875.

Ронталеръ, Э. Руководство къ изученію латинскаго синтаксиса по нѣмецкимъ источникамъ. Одесса. 1875.

Ронталеръ, Э. Стилистика латинскаго языка въ примѣрахъ и вопросахъ. Одесса. 1876.

Ростовцевъ, И. Рѣчь Марка Туллія Цицерона въ защиту Секста Росція Америйскаго,

Семеновъ, П. Пособіе къ повторенію важнѣйшихъ правилъ объ употребленіи временъ, наклоненій и конструкцій глаголовъ въ латинскомъ языкѣ. Сост. по Задлеру. Спб. 1879.

Смирновъ, и Клеменчичъ, О. Учебникъ латинскаго языка. Выпускъ первый для низшихъ классовъ гимназій. Изд. 3-е, исправленное и дополненное этимологіей II класса гимназіи. Спб. 1882 г. Цѣна 60 к.

Смирновъ, Я. Руководство къ переводамъ съ рускаго языка на латинскій, составл. по Дерингу, Москва. 1860.

Смирновъ, Я. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій, преимущественно по Тишеру и Зейфферту. Москва. 1865.—Изданіе 2-е. 1867 (для трехъ старшихъ классовъ гимназій).

Суворовъ. Руководство къ повторенію (Repertorium) латинскаго синтаксиса и нѣкоторыхъ статей изъ этимологіи, содержащихъ уклоненія отъ правильныхъ формъ, съ прибавленіемъ латинской просодіи, для V класса гимназій, и свѣдѣній изъ жизни авторовъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ. Выпускъ I. Отступленія изъ этимологіи. Курсъ III класса гимназій. Варшава. 1878.—Выпускъ II. Отступающіе глаголы.—Выпускъ III. Синтаксисъ, съ приложеніемъ. Варшава. 1879 (для среднихъ классовъ гимназій).

Тишеръ, д-ръ. Темы. Переводъ съ нѣмецкаго В. Басова. Выпускъ I. Упражненія въ синтаксисѣ простаго предложенія. Изданіе 2-е. Москва. 1869.—Выпускъ II. Упражненія въ синтаксисѣ сложнаго предложенія. Москва. 1873.

Фелькель, Ю. Рѣчь М. Туллія Цицерона за С. Росція Америйскаго. Съ объясненіями. Москва. 1871.

Фелькель, Ю. Избранныя рѣчи Цицерона. Рѣчи противъ Л. Сервія Катилины. Съ объясненіями. Москва. 1871.

Фохтъ, Р. Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, съ объясненіями. Спб. 1873 (для VII и VIII классовъ гимназій).

Ходобай, Ю. и Виноградовъ, П. Книга упражненій къ латинской грамматикѣ доктора Фердинанда Шульца. Двѣ части. Изданіе 2-е. Москва. 1873 —Часть I. Изданіе 3-е. Москва. 1874.—Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Москва. 1876.

Ходобай, Ю. и **Виноградовъ, П.** Сборникъ для переводовъ съ русскаго языка на латинскій. Москва. 1873.—Выпускъ II. Москва. 1875. — Часть I. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Москва. 1876. — Часть I. Для среднихъ классовъ гимназій и семинарій. М. 1878. — Часть II. Для высшихъ классовъ гимназій и семинарій. М. 1879.

Ходобай, Ю. и **Виноградовъ, П.** Латинская стилистика съ соотвѣтствующими темами для переводовъ, по руководствамъ д-ра *Эраста Бергера*. Москва 1876.

Ходобай, Ю. и **Виноградовъ, П.** Русско-слатинкій словарь къ темамъ при стилистикѣ д-ра Э. Бергера. Москва. 1876.

Чеховскій, Е. М. Tillii Ciceronis cato Major·de senectute. Одесса. 1881 г. Цѣна 65 коп.

Чеховскій, Е. Главныя правила латинской просодіи и метрики. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Одесса. 1879 (для высшихъ классовъ).

Шписсъ, Фр. Книга упражненій для переводовъ съ латинскаго языка на русскій и съ русскаго на латинскій. Перевелъ и приспособилъ къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ Н. Баталинъ. Выпускъ I. Для I класса гимназій. Москва. 1878.

Шрамекъ, И. Gai Sallustii Crispi de conjuratione Catilinae et de bello Jugurtino libri. Для русскихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1879.

Шрамекъ, И. De viris illustribus urbis Romae a Romulo ad Augustum. Для русскихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1877.—Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1880 (для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій).

Якобсъ. Латинская христоматія. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Басовъ. Изданіе 2-е, дополненное. Москва. 1870.

Cornelii Nepotis Vitae excellentium imperatorum.

Caji Julii Caesaris Commentarii de bello gallico et civili.

C. Crispi Sallustii Opera (Catilina, Jugurtha).

Titi Livii Patavini Historiarum libri qui supersunt.

Marci Tullii Ciceronis Opera omnia.

Publii Ovidii Nasonis Opera.

Publii Virgilii Maronis Opera.

Quinti Horatii Flacci Opera [1]).

[1]) Означенные здѣсь древніе авторы рекомендуются, вмѣсто стереотипныхъ изданій Таухница, въ изданіяхъ Тейбнера, напечатанныхъ болѣе крупнымъ шрифтомъ.

Ананьевъ, Яснецкій и Лебединскій. Сокращенный латинскій словарь. Изд. II. Леонтьова. Москва. 1862.

Ананьевъ, Яснецкій и Лебединскій. Полный латинскій словарь, составленный по современнымъ латинскимъ авторамъ. Изд. II. Леонтьева. Москва. 1862.

Вазъ, Н. Краткій русско-латинскій словарь. Пособіе для учениковъ гимназій и прогимназій при исполненіи письменныхъ задачъ по латинскому языку. Спб. 1878.

Блюсъ, М. Объяснительный словарь къ C. Julii Caesaris Commentarii de bello gallico, съ приложеніемъ карты Галліи. Москва. 1881.

Георгъ, П. Ручной латинско-русскій словарь, составленный по новѣйшему изданію Шеллерова словаря и по словарямъ В. Фреунда, Гедерика, Керхера и Люнемана. Изданіе 2-е. Спб. 1861.

Ивашковскій, И. Русско-латинскій словарь. Изд. Эйнерлингъ. Четыре части. Спб. 1849—1853.

Кронебергъ, И. Латинско-русскій и русско-латинскій лексиконъ, съ полнымъ объясненіемъ свойствъ и значеній каждаго слова. Изданіе 6-е. Москва. 1860.

Лебединскій, И. Латинско-русскій словарь къ сочиненіямъ Корнелія Непота: Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici, съ приложеніемъ латинскаго текста, очерка жизни Корнелія Непота, хронологическаго указателя къ жизнеописаніямъ, таблицы римскаго календаря, 21 рисунка древнихъ военныхъ орудій и осадныхъ машинъ, съ объясненіями, и статьи о противорѣчіи Корнелія Непота съ другими писателями. Спб. 1868.

Лебединскій, И. Латинско-русскій словарь географическихъ, миѳологическихъ и историческихъ именъ, упоминаемыхъ латинскими классическими писателями. Выпускъ 1 (отъ А до Ganymedes). Спб. 1867.

Ходобай, Ю. и Виноградовъ, П. Полный русско-латинскій словарь. Выпускъ I. А.—Ж., и Краткій русско-латинскій словарь. Выпускъ II. З.—Ѳ. М. 1880 (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ употребляются другія книги Ходобая и Виноградова).

Шульцъ, Г. Латинско-русскій словарь, приспособленный къ гимназическому курсу. Спб. 1865.

б) Греческій языкъ.

Руководства.

Бѣлицкій, К. Я. Греческая учебная грамматика, изложенная по

руководствамъ доктора Франке и доктора Зейфферта. Часть I. Этимологія. Познань. 1873.—Часть II. Синтаксисъ. Одесса. 1874.

Вѣлицкій, К. Я. Ученіе о Гомеровскихъ формахъ, по грамматикѣ профессора доктора Дейшле, составленной на основаніи краткаго обозрѣнія формъ Гомеровскаго діалекта Е. А. Ваганда. Познань. 1874.

Григоревскій, М. Практическій курсъ греческаго языка, по Курціусу. Часть I. Этимологія. Москва. 1872. Изд. 2-е. Спб. 1875.— Часть II. Синтаксисъ. Спб. (изд. 2-е 1875 и изд. 3-е 1879 г. одобрены какъ пособіе).

Иноземцевъ, А. Опытъ краткой грамматики древняго греческаго языка для учениковъ русскихъ гимназій. Казань. 1871.

Крюгеръ, А. В. Основанія синтаксиса греческаго языка. Синтаксисъ обыкновенной, преимущественно аттической рѣчи. Переводъ съ нѣмецкаго. К. Мысовскаго. Москва. 1870.

Курціусъ, Г. Греческая грамматика для гимназій, въ переводѣ Я. Кремера. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1868.

Кюнеръ, Р. Элементарная грамматика греческаго языка. Переводъ К. Коссовича. Изданіе 2-е. 1859.

Млинаричъ, И. Синтаксисъ греческаго языка для гимназій. Москва. 1880.

Млинаричъ, И. Этимологія греческаго языка для гимназій. Москва. 1881.

Нидерле, Г. Грамматика греческаго языка въ обработкѣ И. Мейера и В. Рейнера. Часть I. Этимологія. Съ чешскаго перевелъ И. Мейеръ. Москва. 1879.—Часть II. Синтаксисъ. М. 1877 (для старшихъ классовъ гимназій).—Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1880.

Нидерле, Г. Грамматика греческаго языка, обработанная для русскихъ гимназій. Часть I. Этимологія. Перевелъ съ чешскаго И. Мейеръ. Изд. 2-е. Москва. 1882.

Рѣдниковъ, Ил. Греческій синтаксисъ, изложенный сравнительно съ латинскимъ, для высшихъ классовъ гимназій. Казань. 1877. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Вятка. 1880.

Фокковъ, Н. Учебникъ греческаго языка. Составленъ на основаніи главнѣйшихъ положеній сравнительнаго языкознанія. Выпускъ II. Спряженія. Спб. 1872.

Черный, Э. Греческая грамматика гимназическаго курса. Часть I. Этимологія по учебнику Э. Коха.—Москва. 1879.—Изданіе 2-е, исправленное. М. 1881.—Часть II. Синтаксисъ. Москва. 1879. Часть II.

Греческій синтаксисъ гимназическаго курса, изложенный сравнительно съ русскимъ и латинскимъ. Изд. 2-е, вновь переработанное и значительно дополненное. Москва. 1882. Цѣна 1 р. 25 к.

Черный, Э. и **Ваталинъ, Н.** Сборникъ матеріаловъ для письменнаго и устнаго перевода съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій. Для четырехъ высшихъ классовъ гимназій. Связныя статьи, систематически расположенныя по отдѣльнымъ главамъ синтаксиса. Съ прибавленіемъ латинскихъ статей. Москва. 1876.

Шрамекъ, И. Этимологія греческаго языка для гимназій, на основаніи сравнительнаго языкознанія. Спб. 1872.

Греческая грамматика для учениковъ III класса. Изд. лицеемъ Цесаревича Николая. Москва. 1868.

Пособія.

Аусеемъ. Упражненія въ переводахъ связныхъ статей съ русскаго языка на греческій. Москва. 1875 (для старшихъ классовъ).

Бойезенъ. Пособіе къ изученію греческихъ древностей. Перевелъ съ нѣмецкаго К. Зембергъ. Вильна. 1874.

Брамсонъ, Ѳ. Краткіе очерки классической миѳологіи для учащихся обоего пола, съ изображеніями верховныхъ Олимпійскихъ боговъ. 1880. Одесса.

Бѣлицкій, К. Я. Упражненія для переводовъ съ греческаго языка на русскій и съ русскаго на греческій, для III и IV классовъ гимназій, по грамматикамъ Курціуса и Кюпера. Познань. 1872.

Бѣлицкій К. Я. Руководство къ переводамъ съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій, для старшихъ классовъ гимназій, съ ссылками на одобренную грамматику того же автора. Одесса. 1875.

Homeri. Ilias. Pars I. Iliadis c. I—XII. Petropoli. 1880.

Homeri. Odyssea, Pars I. Odyssea c. I—XII. Petropoli. 1888.

Григоревскій, М. Φιλοκτήτης Σοφοκλέους. Филоктетъ, драма Софокла. Греческій текстъ съ объясненіями, анализомъ драмы и греческо-русскимъ словаремъ. Обработанъ по Вундеру и Шнейдеру. Спб. 1876 (для VIII класса).

Гросшичъ, I. Иліада Гомера съ комментаріями, для употребленія въ гимназіяхъ. Пѣсни I и II. Москва. 1879.

Дьячанъ, Ф. Основы и времена греческихъ неправильныхъ глаголовъ съ указаніемъ корней происходящихъ отъ нихъ словъ. Варшава. 1881.

Краузе, Вл. Гомеровскій словарь (къ Иліадѣ и Одиссеѣ), съ 130 гравюрами въ текстѣ и картою Трои. Спб. 1880.

Кремеръ, Я. Упражненія на правила синтаксиса и связныя фразы для переводовъ съ русскаго языка на греческій. Сост. по Гауппу и Шнелю. Москва. 1875 (для высшихъ классовъ гимназій).

Кремеръ, Я. Homeri Ilias. Текстъ съ словаремъ, составленнымъ для гимназій. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1871.

Кремеръ, Я. Homeri Odyssea. Текстъ съ словаремъ и приложеніемъ о Гомеровскомъ діалектѣ. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1874.

Кремеръ, Я. Xenophontis Anabasis. Текстъ съ словаремъ. Изданіе 6-е. Москва. 1878.

Кремеръ, Я. **Platonis** Apologia Socratis. Crito. Текстъ съ словаремъ. Москва. 1870.—Изданіе 4-е. М. 1880.

Латышевъ, В. Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ. Часть I. Государственныя и военныя древности. Вильна. 1880.

Левенштейнъ, Я. Руководство къ переводамъ на греческій языкъ Э. Бергера и Г. Гейдельберга, обработанное для русскихъ гимназій. Москва. 1874 (для V класса).

Левенштейнъ, Я. Анабазисъ Ксенофонта, съ комментаріями и словаремъ. Москва. 1880.

Лѣсковецъ, А. Плутарховы жизнеописанія Демосѳена, Цицерона, Цезаря, съ словаремъ-комментаріемъ. Одесса. 1879 (доп. для гимназій, которыя не въ состояніи снабдить учениковъ полными греческо-русскими словарями).

Малина, В. Сборникъ статей для постепеннаго упражненія въ переводахъ съ греческаго языка на русскій и съ русскаго на греческій. Съ приложеніемъ греческо-русскаго и русско-греческаго словарей. Составл. по этимологіи И. Шрамка. Спб. 1874.

Мейеръ, И. Книга упражненій къ греческой грамматикѣ Нидерле. Курсъ III и IV классовъ гимназій. Москва. 1879.

Носовъ, П. Греческая христоматія, съ примѣчаніями и словаремъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1871 (преимущественно для IV и V классовъ).

Поспишиль, А. Избранныя сочиненія Платона. Лахетъ. Греческій текстъ съ русскими примѣчаніями и введеніемъ. Кіевъ. 1880.

Ракушанъ, В. Словарь къ Олинѳскимъ рѣчамъ и филиппикамъ

Демосеена. Спб. 1877 (доп. какъ пособіе въ тѣхъ гимназіяхъ, въ коихъ не окажется полнаго греческо-русскаго словаря).

Рябецъ (Ребецъ) **Ф. Я.** Греческая грамматика. Одесса. 1882.

Скворцовъ, И. Εὐδόδημος. Евтидемъ, діалогъ Платона. Греческій текстъ съ непрерывными къ нему примѣчаніями и съ предварительными объясненіями къ чтенію его. Москва. 1878.

Страшкевичъ, К. Краткій очеркъ греческихъ древностей. Кіевъ. 1864.

Фарникъ, О. Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на греческій. Курсъ старшихъ классовъ. Спб. 1876 и изданіе 4-е. Спб. 1882. Цѣна 1 р. 45 к.

Фрейбергъ, О. Н. Таблица объ употребленіи греческаго глагола, по грамматикѣ Г. Курціуса. Дерптъ. 1877.

Черный, Э. Метафразы для обратнаго перевода съ русскаго языка на греческій четырехъ книгъ Анабазиса Ксенофонта. Для IV и V классовъ гимназій. Москва. 1878.

Черный, Э. Книга упражненій по греческой этимологіи по руководству П. Везенера, съ приспособленіемъ къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ и съ прибавленіемъ начальныхъ правилъ греческаго синтаксиса. Москва.—1879. Изданіе 2-е, исправленное. М. 1880, и изданіе 3-е. исправленное. Москва. 1882. Цѣна 1 р. 25 к. (для IV, V и VI классовъ гимназій).

Черный, Э. и **Ваталинъ, Н.** Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій. Часть I. Синтаксическія фразы. Москва. 1876. Изд. 2-е, исправленное. Москва. 1880.—Часть II. Статьи для повторенія всего синтаксиса, съ прибавленіемъ латинскихъ статей. М. 1878. Изд. 2-е, съ прибавленіемъ греческихъ темъ, предложенныхъ на письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости по всѣмъ учебнымъ округамъ Россіи. М. 1880.

Шенкель, К. Учебникъ для переводовъ съ греческаго языка на русскій и съ русскаго на греческій, составленный по грамматикамъ Курціуса и Кюнера, обработанный для русскихъ гимназій Я. Кремеромъ. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1871.

Шмидтъ, Е. Одиссея Гомера съ примѣчаніями. Выпускъ I. Пѣсни I—III.—Выпускъ II. Пѣсни IV—VI. Спб. 1879.—Выпускъ III. Пѣсни VII—IX. Спб. 1880.

Шрамекъ, И. Гомеровская этимологія. Спб. 1873.

Штоль, Г. Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Исторія Греціи въ

біографіяхъ. Переводъ подъ редакціею В. Г. Васильевскаго. Изд. 2-е. Спб. 1879 (для высшихъ классовъ).

Пособіе къ чтенію Гомера. Выпускъ I. Этимологія Гомеровскаго діалекта. Комментаріи на I-ю пѣснь Одиссеи. Сост. по Фрейнду. Спб. 1875.

Вейсманъ, А. Греческо-русскій словарь. Спб. 1879. Изданіе 2-е, дополненное и исправленное. Спб. 1882.

Синайскій, Е. Греческо-русскій словарь. Двѣ части. Москва. 1862.

Тихоновичъ, П. Греко-латино-русскій словарь къ сочиненію Ксенофонта Κύρου Ἀνάβασις. Харьковъ. 1874.

Черный, Ѳ. Русско-греческій словарь гимназическаго курса. Съ прибавленіями правилъ для перевода видовъ русскаго глагола на греческій языкъ и краткаго латино-греческаго словаря. Москва. 1877.

Греческо-русскій словарь по Бензелеру. Изданіе Кіевскаго отдѣленія общества классической филологіи и педагогики. Кіевъ. 1881. Цѣна 2 р. 60 к.

IV. Математика.

а) Ариѳметика.

Руководства.

Буняковскій, В. Ариѳметика. Учебное руководство для военно-учебныхъ заведеній. Изданіе 2-е. Спб. 1852.

Буссе, Ѳ. Руководство къ ариѳметикѣ. Двѣ части. Спб. 1854 и 1870.

Жбиковскій, А. Основанія общей ариѳметики, для VII класса гимназій. Двѣ части. Спб. 1862.

Леве, А. Курсъ ариѳметики и собраніе ариѳметическихъ задачъ. Изданіе 6-е. Спб. 1865.

Леве, А. Общепонятная ариѳметика, излагающая необходимѣйшіе пріемы для рѣшенія численныхъ вопросовъ изустно, письменно и на счетахъ. Спб. 1864.

Малининъ, А. и **Буренинъ**, К. Руководство къ ариѳметикѣ для гимназій. Москва. 1867.

Симашко, Ф. Ариѳметика. Изданіе 4-е. Спб. 1865. — Изданіе 1879 г.

Цвѣтковъ, А. Руководство къ ариѳметикѣ. Двѣ части. Москва. 1864.

Пособія.

Арбузовъ, А. Мининъ, А. Мининъ, В. и Назаровъ, Д. Систематическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ для гимназій и прогимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ, уѣздныхъ и городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій. Изд. 2-е. Москва. 1882. Цѣна 50 к.

Арбузовъ, А. Мининъ, А., Мининъ, В. и Назаровъ, Д. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ, преимущественно для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Изданіе 2-е. Москва. 1878.—Изд. 3-е. М. 1880.

Боппъ, К. Метрическая система (стѣнная таблица), съ текстомъ къ ней. Изданіе Фену и К°. Спб. 1879 (наглядное пособіе для низшихъ классовъ).

Бугаевъ, Н. Руководство къ ариѳметикѣ. Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. Москва. 1874.—Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1876.—Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Москва. 1874.—Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1876.

Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. Москва. 1874.

Вусое, Ѳ. Собраніе ариѳметическихъ задачъ, расположенныхъ по руководству къ ариѳметикѣ. Спб. 1868.

Воленсъ, В. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Учебное пособіе при преподаваніи ариѳметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1870.

Вороновъ, А. Собраніе ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ для письменнаго вычисленія. Двѣ части. Спб. 1877.—Изданіе 2-е. Спб. 1880.

Вороновъ, А. Собраніе ариѳметическихъ задачъ. Часть I (цѣлыя числа). 3-е изданіе. Спб. 1881 г. Для приготовительнаго и низшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Геде, Ѳ. Ариѳметическіе примѣры и задачи. Часть I. Цѣлыя числа. Спб. 1880 (для приготовительнаго и I классовъ).—Часть II. Дробныя числа, отношенія, пропорціи и тройныя правила. Спб. 1881. Изд. 2-е. Спб. 1882. Цѣна 40 к.

Геде. Систематическій курсъ ариѳметики. Изд. 2-е. 1882.

Евтушевскій, В. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Изданіе 6-е. Части I и II. Спб. 1874.

Евтушевскій, В. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительнаго и систематическаго курса. Часть I. Цѣлыя числа. Изданіе 14-е. Спб. 1880.—Часть II. Дроби. Изданіе 9-е, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1880.

Евтушевскій, В. А. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ, для приготовительнаго и систематическаго курса. Часть I. Цѣлыя числа. Изд. 16-е. Спб. 1881. Цѣна съ отвѣтами 40 к.

Езерскій, Г. Готовое умноженіе и дѣленіе въ таблицахъ (на всякую желаемую величину), въ трехъ тетрадяхъ. А. Сокращенныя таблицы до 999. 1873.—Б. Подробныя таблицы до дѣлителя 9999. Стереотипныя изданія: 2-е 1873 и 3-е 1874 (для старшихъ классовъ).

Иваницкій, А. Собраніе ариѳметическихъ задачъ, расположенныхъ по ариѳметикѣ Буняковскаго. Изданіе 7-е. Спб. 1866.

Канаевъ, А. Ариѳметика. Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической ариѳметики цѣлыхъ и къ элементарному курсу дробныхъ чиселъ. Спб. 1881.

Малининъ, А. Задачи для умственныхъ вычисленій. Составлены преимущественно по Церингеру. Москва. 1881 (для приготовительныхъ классовъ).

Малининъ, А. и **Буренинъ**, К. Собраніе ариѳметическихъ задачъ, для гимназій. Москва. 1867.

Поляковъ, П. Руководство къ ариѳметикѣ для среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 3-е. Москва. 1874.

Поляковъ, П. Собраніе ариѳметическихъ задачъ для умственнаго и письменнаго рѣшенія, съ прибавленіемъ упражненій въ вычисленіяхъ на счетахъ. Москва. 1871.

Симплицкій, Н. Руководство къ ариѳметикѣ. Москва. 1881.

Томасъ, И. Собраніе ариѳметическихъ задачъ для умственнаго и письменнаго исчисленія. Выпускъ I. Спб. 1866.—Изданіе 17-е, исправленное. Спб. 1880, и выпускъ II. Изданіе 9-е. Спб. 1877. Цѣна 30 к.

Щегловъ, Н. Ариѳметика. Изданіе 12-е, съ новыми исправленіями и дополненіями. Спб. 1866.

Юденичъ. Курсъ ариѳметики А. Серре. Изд. 3-е. Москва. 1875. (для VI класса реальныхъ училищъ и для VIII класса гимназій).

б) Алгебра.

Руководства.

Беллавенъ. Алгебра, переведенная съ французскаго, значительно измѣненная и пополненная П. Погорѣльскимъ. Изданіе 8-е. Москва. 1863.

Давидовъ, А. Начальная алгебра. Изданіе 2-е. Москва. 1871.

Малининъ, А. и **Буренинъ**, К. Руководство алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ для гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ: Изданіе 4-е, дополненное. Москва. 1875.

Сомовъ, I. Начальная алгебра. Изданіе 2-е. Спб. 1864.—Изданіе 3-е. 1868.—Изданіе 4-е. 1875.

Тихомандрицкій, А. Начальная алгебра. Изданіе 2-е. Спб. 1860.

Щегловъ, Н. Начальныя основанія алгебры, съ таблицами степеней чиселъ отъ 1 до 1000. Спб. 1853.

Пособія.

Арбузовъ, А. **Мининъ**, А. **Мининъ**, В. и **Назаровъ**, Д. Сборникъ алгебраическихъ задачъ, преимущественно для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Москва. 1877.—Изданіе 2-е. М. 1880.

Вертранъ, I. Алгебра. Съ 4-го французскаго изданія, просмотрѣннаго I. Вертраномъ и Г. Гарсэ, перевелъ инженеръ В. Прохоровъ. Въ пяти выпускахъ. Москва. 1874 (для старшихъ классовъ.

Бычковъ, Ѳ. Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Три выпуска. Спб. 1868.—Изданіе 6-е. Спб. 1879. Изданіе 8-е. Спб. 1882. Цѣна 1 р. 35 к.

Гуторъ, **Ев.** Курсъ алгебры для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть первая. 1881.—Часть вторая. 1879.

Краевичъ, К. Собраніе алгебраическихъ задачъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1864.

Ламовскій, А. Собраніе математическихъ задачъ. Москва. 1857. Изданіе 2-е. Москва. 1860.

Марковъ, С. Курсъ алгебры, составленный по гимназической программѣ. Четыре выпуска. Спб. 1864—1865.

Мейеръ и **Шоке**. Начальныя основанія алгебры. Перев. съ французскаго. Ф. Симашко. Спб. 1864.

Мейеръ Гиршъ. Собраніе формулъ и задачъ изъ буквеннаго вычисленія и алгебры. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе 7-е. Въ 3-хъ отдѣленіяхъ. Спб. 1880.

Пржевальскій, Е. Сборникъ алгебраическихъ задачъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1870.

Хмыровъ, И. Азбука икса въ задачахъ изъ алгебры и геометріи, съ подробными вычисленіями искомаго. Спб. 1880.

в) Геометрія.

Руководства.

Беллавенъ. Геометрія, переведенная съ французскаго П. Погорѣльскимъ. Москва. 1846.—Изданіе 3-е, значительно измѣненное и дополненное. Москва. 1863.

Буссе, Ѳ. Основанія геометріи. Руководство, составленное для гимназій. Изданіе 2-е. Спб. 1864.

Давидовъ, А. Элементарная геометрія въ объемѣ гимназическаго курса. Изданіе 3-е. Москва. 1866.

Гехель, К. Стереометрія по системѣ Лежандра, для употребленія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Изданіе 2-е. Дерптъ и Рига. 1880.

Леве, А. Руководство начальной геометріи, составленное примѣнительно къ учебнымъ планамъ гимназій и реальныхъ училищъ. Изданіе 3-е, вновь передѣланное (съ 350 политипажами). Спб. 1876.

Пособія.

Гика, Д. и Муромцевъ, А. Элементы геометріи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, расположенный по способамъ доказательствъ. Москва. 1879.

Дмитріевъ, А. Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Вёкелю, Шпицу и друг. Примѣнено къ курсу гимназій и реальныхъ училищъ. Книга I. Планиметрія. Съ таблицею чертежей. Спб. 1875.—Изданіе 2-е. Спб. 1877.—Книга II. Стереометрія. Съ приложеніемъ задачъ на maxima и minima, а также геометрическихъ темъ для окончательныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ таблицею чертежей. Спб. 1879.—Часть II. Отвѣты и рѣшенія на стереометрическія задачи. Спб. 1879.

Дудышкинъ, В. Начальная геометрія. Часть I. Планиметрія. — Часть II. Стереометрія. Съ атласомъ чертежей. Москва. 1869.

Криницынъ, К. Математическіе приборы и фигуры.

Криницынъ, П. Модели геометрическихъ тѣлъ.

Леве, А. Начальныя основанія геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Въ трехъ частяхъ. Спб. 1872.

Мазингъ, К. Геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Планиметрія съ IX таблицами чертежей. Москва. 1876, и приложеніе къ

геометріи: Систематическій подборъ задачъ. Выпускъ I, съ 2-мя таблицами чертежей. Москва. 1876.—Стереометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1877.—Изданіе 2-е. Москва. 1879.

Мининъ, В. Сборникъ геометрическихъ задачъ, примѣненный къ курсамъ гимназій и реальныхъ училищъ. Задачи алгебраической геометріи. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Москва. 1879. Изданіе 3-е. Москва. 1882. Цѣна 85 к.

Симашко, Ф. Начальная геометрія и коническія сѣченія. Изданіе 5-е, дополненное. Спб. 1876.—Изданіе 6-е, исправленное. Полтава. 1880.

г) Тригонометрія.

Руководства.

Герцъ, К. Руководство къ прямолинейной тригонометріи въ объемѣ гимназическаго курса. Варшава. 1870.

Гехель, К. Плоская тригонометрія для гимназій и реальныхъ училищъ. Изданіе 2-е. Дерптъ и Рига. 1880.

Дмитріевъ, А. Начальныя основанія прямолинейной тригонометріи. Спб. 1872.—Изданіе 5-е. Спб. 1877.

Малининъ, А. Руководство прямолинейной тригонометріи для гимназій. Изданіе 2-е. Москва. 1867.

Михвицъ, Г. Начальныя основанія прямолинейной тригонометріи, низшей геодезіи и приложенія алгебры къ геометріи. Спб. 1860.

Симашко, Ф. Тригонометрія. Съ таблицами чиселъ логариѳмовъ отъ 1 до 3250 и логариѳмовъ синусовъ, косинусовъ, тангенсовъ и котангенсовъ угловъ, возрастающихъ на 10 минутъ отъ 0 до 90°. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1857.

Соколовъ, И. Элементарная теорія тригонометрическихъ линій и прямолинейная тригонометрія. Харьковъ. 1853 и 1864.

Серре, А. Прямолинейная тригонометрія. Перевелъ Ев. Гуторъ. Изданіе 2-е. Москва. 1878.

Тиме, Г. Плоская тригонометрія для гимназій и реальныхъ училищъ. Съ тремя таблицами чертежей. Спб. 1881 г.

Пособія.

Зеленый, С. Прямолинейная и сферическая тригонометрія. Изданіе 2-е Спб. 1856.

Мининъ, В. Сборникъ тригонометрическихъ задачъ, примѣненный къ курсамъ гимназій и реальныхъ училищъ. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Москва. 1881.

Шапошниковъ, Н. А. Курсъ прямолинейной тригонометріи и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Москва. 1880.

Логариѳмическія таблицы.

Веги, Г. Логариѳмически-тригонометрическое руководство, обработано К. Бремикеромъ. Изданіе 42-е. Берлинъ. 1858.

Каллетъ. Таблицы логариѳмовъ чиселъ отъ 1 до 10000 и проч. Перевелъ Д. Перевощиковъ. Москва. 1836.

Таблицы обыкновенныхъ логариѳмовъ чиселъ и тригонометрическихъ линій, для употребленія въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Спб. 1862. (Объясненіе употребленія этихъ таблицъ составлено проф. I. Сомовымъ).

V. Физика и космографія.

Руководства.

Краевичъ, К. Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Двѣ части. Съ 664 политипажами и литографированной таблицей. Спб. 1866.—Изданіе 5-е, исправленное и дополненное. Спб. 1876.—Изданіе 6-е, исправленное и дополненное. Спб. 1878.—Изданіе 7-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1880.

Любимовъ, Н. Начальная физика въ объемѣ гимназическаго преподаванія. Москва. 1873.—Изданіе 2-е. Москва. 1876.

Петрушевскій, Ѳ. Начальный курсъ физики (текстъ и атласъ чертежей). Спб. 1877.

Полкотыцкій, В. Руководство къ физикѣ въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Сообразно съ новѣйшими изысканіями. Съ 448 политипажными рисунками. Варшава. 1874.

Пособія.

Бальфуръ-Стьюартъ. Краткій учебникъ физики. Переводъ Сергѣя Ламанскаго. Съ 146 рисунками въ текстѣ и одною спектральною таблицею. Спб. 1875.

Брунсъ. Астрономическій атласъ. Переводъ съ нѣмецкаго Е. А. Сысоевой. Изданіе 2-е, исправленное, подъ редакціей [illegible] Ч. Гришина. Съ приложеніемъ 12 таблицъ, гравированныхъ и литографированныхъ Ф. А. Брокгаузомъ, въ Лейпцигѣ. Спб. 1875.

Ганъ, Гохштеттеръ и Покорни. Общее землевѣдѣніе. Руководство къ астрономической географіи, геологіи и біологіи. Съ 150 политипажами въ текстѣ и 7 хромолитографированными таблицами. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія, подъ редакціею А. Петунникова. Часть I. Астрономическая географія и метеорологія, составл. Ганномъ. Съ 15 политипажами и 6 хромолитогр. метеорологическими таблицами. Москва. 1876. — Часть II. Геологія (составъ, строеніе и образованіе земли), сост. Гохштеттеромъ. Съ 124 политипажами въ текстѣ. Москва. 1877.

Гано, А. Полный курсъ физики, съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій. Перевели съ 15-го французскаго изданія Ф. Павленковъ и В. Черкасовъ. Спб. 1874.

Гейки, А. Учебникъ физической географіи. Съ 78 рисунками въ текстѣ и 10 картами въ приложеніи. Перев. съ англійскаго А. Я. Гердъ. Спб. 1878.

Дагенъ (Daguin). Теорія теплоты. Переведено и издано подъ редакціею академика Эм. Х. Ленца. Съ 253 политипажами. Спб. 1861.

Дерюгинъ, М. Задачи къ курсу физики. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1865.

Знаменскій, А. Сборникъ вопросовъ и задачъ по физикѣ для среднихъ учебныхъ заведеній. Вологда. 1879.

Зоннъ, А. Пособіе для изученія физики въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Систематическій рядъ вопросовъ для приготовленія урока и повторенія курса. Выпускъ I. Свойства тѣлъ. Механика твердыхъ, жидкихъ и газовыхъ тѣлъ. Выпускъ II. Тепло. Магнетизмъ. Электричество. Волнообразныя движенія. Звукъ. Свѣтъ. Спб. 1879.

Ковалевскій, С. Элементарныя свѣдѣнія изъ химіи. Учебное по-

собіе къ курсу физики. Спб. 1873. Изданіе 3-е, пересмотрѣнное и значительно дополненное. Спб. 1882. Цѣна 35 к.

Ковальскій; **Я.** и **Животовскій**, **Н.** Таблицы по математической географіи: №№ VI, VII, VIII, IX, X, XIV, XV и XVII, съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ.

Краевичъ, **К.** Начала космографіи. Съ политипажами въ текстѣ и налитографированной таблицей для среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 3-е. Спб. 1881.

Кристъ, **Ж.** Начальныя основанія физики. Для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе В. Ковалевскаго. Съ 291 рисункомъ въ текстѣ. Спб 1865.

Ленцъ, **Э.** Физическая географія, Руководство для военно-учебныхъ заведеній. Изданіе 3-е, съ приложеніемъ атласа. Спб. 1860.

Малининъ, **А.** и **Буренинъ**, **К.** Руководство къ космографіи и физической географіи, для гимназій и реальныхъ училищъ. Съ 126 политипажами. Изданіе 5-е. Москва. 1876.

Малининъ, **А.** и **Буренинъ**, **К.** Руководство физики и собраніе физическихъ задачъ, для гимназій. Съ 775 политипажами. Изданіе 2-е Москва. 1870.

Мануйловъ, **А.** Систематическій сборникъ вопросовъ и задачъ, рѣшаемыхъ помощью земнаго и небеснаго глобусовъ. Кишиневъ 1877.

Розенбергъ, **В. Л.** Новые оптическіе приборы. Первая группа: графическое изображеніе пластинками посредствомъ особыхъ механизмовъ основныхъ явленій свѣта. Вторая группа: универсальная камера и приборы къ ней относящіеся. Съ атласомъ чертежей. Спб. 1878.

Савичъ. **А.** Математическая географія и первыя начала космографіи. Изданіе 2-е. Спб. 1859.

Талызинъ, **М.** Руководство къ математической и физической географіи. Изданіе 3-е. Спб. 1857.

Тиндаль, **Дж.** Физика въ простыхъ урокахъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею профессора физики въ Харьковскомъ университетѣ А. Шимкова. Съ 86 рисунками. Изданіе 2-е. Спб. 1881.

Цемшъ. Физика земнаго шара. Кіевъ. 1867.

Эвальдъ, **Ѳ.** Первые уроки изъ физики. Методическое руководство къ качественному изслѣдованію физическихъ явленій. Съ атласомъ изъ 130 оригинальныхъ чертежей и рисунковъ. Спб. 1872.

Xwei sich gegenseitig ergänzende Himmels-Karten, nebst erlaütern-deu Text von Dr. Pitschner. Uebersichtliehe Darstelung der im mitleren

Europa mit blossen Augen sichtbaren Gestirne nach Profess. Argenlander, Behrmann, Heiss etc.

Звѣздное небо и его явленія. Общедоступное изложеніе нѣкоторыхъ вступительныхъ понятій объ астрономіи. Съ картою, вмѣсто небеснаго глобуса. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина. Спб. 1874.

VI. Исторія русская и всеобщая.

а) Русская исторія.

Руководства.

Важановъ, Н. Учебникъ русской исторіи для низшихъ классовъ женскихъ гимназій, а также городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Кронштадтъ. 1881.

Иловайскій, Д. Краткіе очерки русской исторіи, приспособленные къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 9-е. Спб. 1868.

Рождественскій, С. Отечественная исторія. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1871.—Изданіе 3-е, исправленное. Спб. 1872.—Изданіе 6-е, съ приложеніемъ хронологической таблицы и трехъ картъ. Спб. 1880.

Соловьевъ, С. Учебная книга русской исторіи. Изданіе 7-е. Спб. 1867.—Изданіе 8-е. Москва. 1880.

Соловьевъ, С. Общедоступныя чтенія по русской исторіи. Москва. 1876.

Пособія.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Русская исторія. Томъ I. Спб. 1872.

Васильковскій, С. Русская исторія въ источникахъ. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Москва. 1880.

Водовозовъ, В. Разсказы изъ русской исторіи. Два выпуска. Спб. 1863—1873 (книга для чтенія).

Гуревичъ, Я. и **Павловичъ**, Б. Историческая христоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Часть I. Спб. 1877.—Часть II. Спб. 1878.

Добряковъ, А. Русскіе историческіе памятники. Наглядное пособіе къ курсу русской исторіи. Спб. 1880.

Иловайскій, Д. Исторія Россіи. Часть первая. Кіевскій періодъ. Москва. 1876.—Часть вторая. Владимірскій періодъ. Москва. 1880.

Карамзинъ, Н. Исторія государства Россійскаго. Изданіе (5-е) И. Эйнерлинга, въ трехъ книгахъ, заключающихъ въ себѣ двѣнадцать томовъ, съ полными примѣчаніями, украшенное портретомъ автора, и въ особомъ томѣ: Ключъ или алфавитный указатель, составленный П. Строевымъ, и 24 составленныя Карамзинымъ и Строевымъ родословныя таблицы князей россійскихъ. Спб. 1842—1844.—Тоже, изданіе (6-е) А. Смирдина. Спб. 1850—53.

Овсянниковъ, А. Конспектъ къ учебному курсу русской исторіи, съ приложеніемъ хронологической и родословной таблицъ. Спб. 1881.

Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 27 томовъ. Спб. и Москва. 1857—75.

Устряловъ, Н. Русская исторія. Изданіе 5-е, исправленное и дополненное историческимъ обозрѣніемъ царствованія императора Николая. Съ 5 картами и 45 планами. Двѣ части. Спб. 1855.

Фармаковскій, В. Русская исторія, съ присовокупленіемъ необходимыхъ свѣдѣній изъ исторіи всеобщей. Излож. по способу Грубе. Изд. 2-е. Вятка. 1875.

Шуфъ, А. Расказы и біографическіе очерки изъ русской исторіи (съ краткимъ описаніемъ Москвы). Учебникъ для младшаго возраста. Изданіе 2-е, съ измѣненіями и дополненіями. Москва. 1871.

Щебальскій, П. Чтенія изъ русской исторіи. 6 выпусковъ. Изданіе 2-е. Москва. 1864—1868.

Щебальскій, П. Разсказы о западной Руси. Спб. 1862.—Изданіе 2-е. дополненное. Москва. 1867.

Обозрѣніе русской исторіи отъ начала Руси до нашихъ временъ. Рига и Дерптъ. 1877 (одобр. для гимназій Прибалтійскаго края какъ руководство, а для прочихъ гимназій какъ пособіе по русской исторіи).

Добряковъ, А. Учебный атласъ по русской исторіи, для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1868.

Добряковъ, А. Стѣнная карта по русской исторіи. Выпуски I и II. Русь Московская и Литовская до 1689 года. Спб. 1877.—Выпускъ II. Спб. 1879.—Выпускъ III. Карта Русской имперіи отъ Петра Великаго до нашего времени. Спб. 1879.

Замысловскій, Е. Учебный атласъ по русской исторіи, съ указаніемъ названій мѣстностей, встрѣчающихся въ атласѣ. Спб. 1865.

Исторія царствованія Императора Александра II. (рекоменд. для фундаментальныхъ библіотекъ и для ученическихъ).

Путешествіе Государя Императора Александра III въ первое лѣто Его царствованія. Спб. 1882 г. Цѣна 50 к.

б) Всеобщая исторія.

Руководства.

Белляриминовъ, И. Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Изданіе 4-е, пересмотрѣнное. Съ рисунками въ текстѣ. Спб 1876.—Изданіе 6-е, съ 12-ю рисунками въ текстѣ и съ картою Римской имперіи. Спб. 1877.—Изданіе 9-е, съ рисунками въ текстѣ и съ двумя картами. Спб. 1878.—Изданіе 10-е. Спб. 1880.

Белляриминовъ, И. Руководство къ средней исторіи. Курсъ VI класса гимназій. Сост. примѣнительно къ примѣрной программѣ министерства народнаго просвѣщенія. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное, съ картами и рисунками въ текстѣ. Спб. 1879.

Гуревичъ, Я. Исторія Греціи и Рима (курсъ систематическій). Спб. 1876.—Изданіе 2-е. Спб. 1877. — Изданіе 3-е, исправленное. Спб. 1880.

Иловайскій, Д. 1) Сокращенное руководство ко всеобщей и русской исторіи. Курсъ младшаго возраста, изложенный по преимуществу въ чертахъ эпизодическихъ и біографическихъ. Изд. 13-е Москва. 1881 г. Цѣна 75 к. (для младшихъ классовъ гимназій).

Иловайскій, Д. 2) Руководство ко всеобщей исторіи. Средній курсъ. Изд. 16-е. Москва. 1880 г. Цѣна 1 руб. (для женскихъ гимназій).

Иловайскій, Д. Руководство ко всеобщей исторіи. Три части. Москва. 1867: Древній міръ, 6-е изданіе. Средніе вѣка, 1-е изданіе. Новая исторія, 5-е изданіе.—Часть I. Древній міръ. Древняя исторія. Курсъ старшаго возраста. Изданіе 9-е, пересмотрѣнное. Москва. 1878.

Пособія.

Бѣловъ, Е. А. Курсъ средней исторіи для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Спб. 1878.

Веберъ, Г. Курсъ всеобщей исторіи. Перев. съ нѣмецкаго Е. и В. Коршъ. Четыре тома. Изданіе 2-е. Москва. 1862.

Вегнеръ. Эллада и Римъ.

Грубе. Очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній. Переводъ съ нѣмецкаго Криницкаго и Славутинскаго: Древняя исторія. Изданіе 4-е. Москва. 1865. — Средняя исторія. Изданіе 3 е. Москва. 1863.—Новая исторія. Изданіе 2-е. Москва. 1863.

Гуревичъ, Я. Историческія сравнительно-конспективныя таблицы по новой и новѣйшей исторіи (отъ Вестфальскаго мира до Парижскаго мира 1856 г.). Спб. 1875 (для высшихъ классовъ).

Гуревичъ, Я. Историческая христоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Т. I. Спб. 1876. Изд. 2-е, исправленное.—Т. II. Спб. 1880.

Иловайскій, Д. Руководство ко всеобщей исторіи. Средній курсъ. Изд. 16-е. Москва. 1880 г. Цѣна 1 руб. (для мужскихъ гимназій).

Добряковъ, А. Историческія таблицы. Подробный историческій конспектъ. Учебное пособіе при повтореніи курса всеобщей и русской исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Выпускъ I. Древняя исторія: 1) восточные народы. 2) Греки. 3) Римляне. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1874.

Коппъ. Римскія древности. Описаніе государственнаго устройства, частной жизни и военнаго дѣла Римлянъ. Переводъ и изданіе А. Зиновьева. Москва. 1868.

Леонтьевъ, П. Пропилеи. Сборникъ статей по классической древности. 5 томовъ. Москва. 1855—1857.

Овсянниковъ, Н. Учебникъ всеобщей исторіи въ трехъ концентрическихъ курсахъ, приспособленныхъ къ развитію учащихся. Опытъ приложенія педагогики къ преподаванію исторіи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Курсъ I и II. Древняя, средняя и новая исторія. Спб. 1866.

Острогорскій, М. Хронологія русской исторіи, съ синхронистическимъ обзоромъ всеобщей и перечнемъ замѣчательныхъ людей и государственныхъ дѣятелей каждаго царствованія. Въ приложеніи: три родословныя таблицы. Спб. 1872.

Острогорскій, М. Хронологія всеобщей и русской исторіи. Курсъ эпизодическій III и IV классовъ гимназій и прогимназій. Спб. 1875.

Острогорскій, М. Хронологія всеобщей и русской исторіи. Систематическій курсъ. Выпускъ I. Средняя исторія (курсъ V класса гим-

назій). Спб. 1874; изд. 3-е, исправленное. Спб. 1875.—Выпускъ II. Новая исторія (курсъ VI и VII классовъ гимназій). Спб. 1873; изд. 3-е, исправленное. Спб. 1875.—Выпускъ III. Древняя исторія. Спб. 1875.

Плутархъ. Жизнеописанія. Переводъ съ греческаго, подъ редакціею В. Герье. Выпускъ I. Москва. 1862.

Пютцъ, В. Сборникъ историческихъ очерковъ. Учебное пособіе для учащихся и преподавателей. Перев. съ нѣмецкаго и дополн. многими статьями, преимущественно изъ русскихъ историческихъ сочиненій И. Чацкинымъ. Три выпуска. Москва. 1864—1866.

Соловьевъ, С. Курсъ новой исторіи. Часть I. Москва. 1869.—Часть II. Москва. 1874.

Фреве, П. Хронологическій конспектъ древней исторіи. Москва. 1880.

Фриманъ, Э. Общій очеркъ исторіи Европы. Переводъ съ 5-го англійскаго изданія, подъ редакціею Я. Гуревича. Съ приложеніемъ хронологической таблицы. Спб. 1880.

Цвѣтковъ, А. Учебный курсъ всеобщей исторіи. Часть I. Исторія древняя и средняя до Карла Великаго. Москва. 1876.

Цейсъ, Г. Всеобщая исторія съ культурной точки зрѣнія. Переводъ И. Катаева. Часть I. Два выпуска. Древняя исторія. Спб. 1864.

Шенковскій, К. 1) Хронологическія таблицы къ эпизодическому курсу исторіи III и IV классовъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Бобруйскъ. 1876; 2) Таблицы параллельнаго лѣтосчисленія по олимпіадамъ отъ основанія Рима до Р. Х. Бобруйскъ.

Шлоссеръ, Ф. Всемірная исторія. 12 томовъ. Спб. 1861—1865.

Штоль, В. Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей В. Васильевскаго. Спб. 1868.

Штоль, Г. Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Исторія Рима въ біографіяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Л. Гуревича. Спб. 1877.

Хронологія всеобщей и русской исторіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Въ трехъ выпускахъ: I. Древняя исторія. Изданіе 4-е—II. Средняя исторія. Изданіе 5-е.—III. Новая исторія. Изданіе 5-е. Спб. 1879.

Краткая хронологія всеобщей и русской исторіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Для III и IV классовъ гимназій и прогимназій и для низшихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 5-е. Спб. 1879

Вреденъ, Ѳ. Начальный учебникъ политической экономіи. Спб. 1876.

Sprиner und **Bretschneider.** Historisch-geographischer Want-Atlas zur Geschichte Europas im Mittelalter bis auf neueste Zeit. 10 Karten.

Вейссеръ и **Мерцъ.** Bilderatlas.

Голле. Карты для изученія древней исторіи.

Добряковъ, А. Рисунки памятниковъ искусства древнихъ народовъ, съ изъяснительнымъ къ нимъ текстомъ. Спб. 1874.

Добряковъ, А. Русскіе историческіе памятники. Наглядное пособіо къ курсу русской исторіи въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1880.

Добряковъ, А. Учебный атласъ по русской исторіи для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ. Спб.

Kipert's. Atlas antiquus. Двѣнадцать картъ древней исторіи. Изданіе 6-е. Берлинъ.

Лангль. Bilder zur Geschichte für Gymnasien uud Realschuien. 20.

Лауництцъ. Wandtafeln zur Veranschaulichung antiken Lebens und antiker Kunst. 26 таблицъ.

Менке. Orbis antiqui descriptio in usum scholarum. 18 картъ.

Putzger. Historischer Schul-Atlas. Bielefeld und Leipzig. 1877. 27 картъ по древней, средней и новой исторіи.

Рейгардтъ. Album des classischen Alterthums.

Athenae vet. in usum scholarum.

Roma vetus.

Роде. Historischer Schul-Atlas.

Рождественскій, С. Отечественная исторія въ картинахъ, для школы и дома. Сост. примѣнительно къ учебникамъ по отечественной исторіи издателя. Выпускъ I. Спб. 1881.

Сидонскій, И. и **Іорданъ, А.** Историческій атласъ. Учебное пособіе къ изученію исторіи древнихъ и среднихъ вѣковъ и новой, въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 3-е. Спб. 1868.— Изданіе 9-е. 1874.

Тихомировъ, И. Атласъ по всеобщей и русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1878.

VII. Географія русская и всеобщая.

а) Русская географія.

Руководства.

Бѣлоха, П. Учебникъ географіи Россійской имперіи. Спб. 1863.

Кузнецовъ, Я. Краткая географія Россійской имперіи. Изданіе 2-е. Спб. 1862.

Лебедевъ, Е. Учебная книга географіи. Россійская имперія. Курсъ гимназическій. Изданіе 2-е, вновь исправленное. Съ картою всей Россіи. Спб. 1871.

Михайловъ, И. Краткая отечественная географія съ картами въ текстѣ. Спб. 1881 г. Цѣна 60 к.

Пособія.

Бойковъ, М. Краткое обозрѣніе Курской губерніи въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Бѣлгородъ. 1879.

Врызгаловъ, А. Географія Россіи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1875.

Badenнюкъ, П. Е. Географическіе очерки Россіи. Курсъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, изложенный монографически. Спб. 1883 г. Цѣна 1 руб. 25 к. (для старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій).

Мостовскій, М. Учебная географія Россіи. Изданіе 8-е, исправленное и дополненное. Москва. 1870.

Семеновъ, Д. Отечествовѣденіе. Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученымъ изслѣдованіямъ. Томъ I. Сѣверный край и Финляндія. Спб. 1864.—Томъ II. Южный край, Малороссія, Новороссія, Крымъ и области Донскаго и Кубанскаго войска. Спб.—Томъ III. Кавказъ и Уралъ. Спб. 1866.

Сергѣевъ, А. Географическіе очерки Россіи. Выпускъ I. Спб. 1866.—Выпускъ II. Спб. 1866.—Выпускъ III. Спб. 1867.

б) Всеобщая географія.

Руководства.

Гулевичъ, В. Европа въ физическомъ, политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Тверь. 1877.

Смирновъ, К. Учебная книга географіи. Въ трехъ частяхъ: I. Общія географическія свѣдѣнія. 1874.—II. Азія, Африка, Америка и Австралія. 1874.—III. Европа. Изданіе 10-е. Спб. 1871.—Изданіе 19-е, значительно исправленное и дополненное. Книжка I. Спб. 1878. Кн. II и III. 1879.—Кн. I, II и III. Изданіе 21-е. Спб. 1880—1881.

Янчинъ, И. Краткій учебникъ географіи. Курсъ первый—для учениковъ перваго класса среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1872.—Курсъ второй: Африка, Азія, Австралія и Америка—для учениковъ втораго класса среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ руководящихъ картъ. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1875.—Курсъ третій (Европа)—для учениковъ III класса среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ картъ въ текстѣ. Москва. 1876.

Пособія.

Брызгаловъ, А. Географія. Курсъ первый. Москва. 1862.—Изданіе 3-е, значительно исправленное. Москва. 1875.

Бѣлоха, П. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ третій (элементарный), содержащій: 1) общія понятія изъ математической географіи; 2) обозрѣніе христіанскихъ государствъ Европы; 3) характеристическіе очерки природы и обитателей этихъ государствъ. Спб. 1864.

Корнель. Полный курсъ географіи, по американской методѣ. Съ географическими картами и политипажами. Спб. 1864.

Лыткинъ, Г. Географическія таблицы: I. Общее обозрѣніе частей свѣта, съ краткимъ обзоромъ Россійской имперіи и Палестины. Спб. 1874 (необходимое пособіе для I и II классовъ гимназій и соотвѣтствующихъ имъ учебныхъ заведеній).—II. Обозрѣніе странъ и государствъ внѣевропейскихъ (Австралія, Азія, Африка и Америка). Курсъ II класса. Спб. 1875.—Обозрѣніе европейскихъ государствъ. Курсъ III класса. Спб. 1874.—IV. Обозрѣніе Россійской имперіи. Спб. 1878 (для IV и VIII классовъ).

Мостовскій, М. Приготовительный курсъ всеобщей и русской географіи. Изд. 3-е, исправленное и дополненное картой Палестины и политипажами. Москва. 1875 (для перваго класса).

Овсянниковъ, А. Сборникъ географическихъ вопросовъ и задачъ для возбужденія самодѣятельности учащихся. Спб. 1878.

Павловскій, А. Природа и люди. Курсъ географіи, содержащій описаніе частей свѣта въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. 6 книгъ. Спб. 1859—1869. Выпуски I и II.

Океанія, Австралія, Африка.—Выпускъ III. Египетъ, Алжирія, западная Африка. — Выпускъ IV. Западная Африка, центральная Африка.—Введеніе. Выпускъ I. Историко-біографич еской отдѣлъ. Выпускъ II. Физическій отдѣлъ.

Поддубный, И. Доска для черченія географическихъ картъ частей свѣта и отдѣльно каждаго государства. Съ приложеніемъ чертежей и цвѣтныхъ мѣлковъ. Спб. 1880.

Пуликовскій, А. Учебникъ всеобщей географіи. Изданіе 2-е. Спб. 1875. Часть I. 1) Общія понятія изъ математической, физической и политической географіи. 2) Обозрѣніе Австраліи, Америки, Африки и Азіи по ихъ природѣ и народонаселенію. Часть II. 1) Обозрѣніе Европы въ физическомъ отношеніи. 2) Этнографическій и политическій обзоръ Европы. 3) Европейскія государства. 4) Колоніальныя земли Европейцевъ.—Изданіе 3-е, въ трехъ частяхъ. Спб. 1879.

Сергѣевъ, А. Руководство къ всеобщей географіи. Внѣевропейскія страны въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Спб. 1866.

Черкуновъ, Н. Учебникъ географіи. Курсъ I класса гимназій, примѣнительно къ учебному плану министерства народнаго просвѣщенія. Кіевъ. 1880.

в) Географическія карты и атласы.

Карта Европейской Россіи и Кавказскаго края, изданная Императорскимъ русскимъ географическимъ Обществомъ, на 12 листахъ, въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ. Спб. 1861.

Карты пяти частей свѣта, изданныя военно-топографическимъ депо.

Авенаріусъ Н. Учебная карта Европейской Россіи и Закавказскаго края. Варшава. 1869 (для низшихъ классовъ гимназій).

Ильинъ, А. (картографическое заведеніе). Стѣнныя карты. 1) Физическая карта западной Европы; 2) Германія, Данія, Голландія и Бельгія; 3) Франція; 4) Италія и Швейцарія; 5) Австро-Венгрія; 6) Европейская Турція, Греція, Румынія, Сербія, Черногорія, Болгарія; 7) Европейская Россія (оро-гидрографическая) безъ надписей и съ надписями; 8) Европейская Россія, съ обозначеніемъ границъ, также въ двойномъ видѣ; 9) Карта Азіатской Россіи, съ раздѣленіемъ на губерніи.

Ильинъ, А. Подробный атласъ всѣхъ частей свѣта. Вып. VIII, карты: Швеціи, Норвегіи и Даніи (сѣверный и южный листы).

Ильинъ, А. Учебный географическій атласъ для полнаго гимназическаго курса. Спб.—Новый учебный географическій атласъ для полнаго гимназическаго курса, состоящій изъ 37 картъ. Спб.—Новый учебный географическій атласъ, состоящій изъ 16 картъ.

Каульбарсъ, Н. Карта Австраліи (Новой Голландіи), составленная по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина. Спб. 1875 (для II класса гимназій и реальныхъ училищъ).

Куковѣровъ. Учебная стѣнная карта Европейской Россіи.

Лебедевъ. Учебная карта Россійской имперіи. Спб.

Линбергъ, А. Учебный атласъ всеобщей географіи. Второе изданіе, исправленное и дополненное. Лейпцигъ, печ. у Ф. А. Брокгауза. Выпускъ первый: 23 таблицы. 1873.—Выпускъ второй: 15 таблицъ. 1874.

Стѣнныя карты по рельефу **Рааца-Кельнера**. Веймаръ.

Риттихъ, А. Этнографическая карта Кавказскаго края, составленная по новѣйшимъ свѣдѣніямъ (для IV и VII классовъ гимназій).

Сидовъ. Стѣнныя карты (7 картъ). Гота.

Сидовъ. Учебный атласъ. Гота. 1857 (одобрёнъ, за исключеніемъ картъ Россіи, составленныхъ ошибочно).

Симашко, Ю. Рельефныя стѣнныя карты пяти частей свѣта.

Симашко, Ю. Учебный атласъ всеобщей географіи. Съ 500 изображеній замѣчательныхъ животныхъ и растеній, водящихся въ различныхъ частяхъ свѣта и въ Россіи. Спб. 1858—1859.

Фену, Н. и К°. Картинный учебный атласъ, примѣненный къ краткой отечественной географіи, составленной подъ редакціей И. Н. Михайлова. Спб. 1882 г. Цѣна 2 руб. 50 к.

Шевелевъ. Стѣнныя учебныя географическія карты пяти частей свѣта. Спб.

Шиповъ. Географическій атласъ по упрощенному способу черченія. Одесса. 1872.

Шрейберъ. Учебная карта Европейской Россіи и Кавказскаго края.

Штокманъ, О. Учебный географическій атласъ Россійской имперіи. Изданіе картографическаго заведенія Юстуса Пертеса, въ Готѣ. 1870.

Штраухъ, Н. Новѣйшій географическій атласъ всѣхъ частей

свѣта для употребленія въ школѣ и дома, составленный по атласу д-ра Аммора и употребительнѣйшимъ руководствамъ Смирнова, Лебедева и др. Спб. 1878.

La carte murale de l' Afrique dressée et dessinée par le Dr **Joseph Chavanne**. Vienne. 1879.

Этнографическая карта славянскихъ народностей. Съ 1-го изданія 1867 г. **М. Ф. Мирковича**, дополненная А. Ф. Ритихомъ. Изданіе С.-Петербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета. Спб. 1874 (употребл. при преподаваніи исторіи и географіи въ III классѣ—при изученіи Греціи, Турціи, Австріи и Германіи; въ IV классѣ—при изученіи исторіи всеобщей и русской).

Таблица съ изображеніемъ типовъ племенъ земнаго шара. Изданіе А. Ильина (для низшихъ классовъ).

в) Глобусы.

Глобусы, берлинскаго изданія, гладкіе:

а) съ меридіаномъ, экваторомъ и компасомъ, въ 12 дюймовъ въ діаметрѣ;

б) безъ меридіана, въ 12 дюймовъ.

Глобусы, берлинскаго изданія, рельефные:

а) съ меридіаномъ и экваторомъ, въ 12 дюймовъ въ діаметрѣ;

б) безъ меридіана, въ 12 дюймовъ.

VIII. Естественныя науки и химія.

Руководство.

Гердъ. Краткій курсъ естествовѣдѣнія. Съ 17 рисунками въ текстѣ. Спб. 1878.

Пособія.

Аненковъ, А. Ботаническій словарь или собраніе названій какъ русскихъ, такъ и многихъ иностранныхъ растеній на языкахъ латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и другихъ, употребляемыхъ различными племенами, обитающими въ Россіи. Москва. 1859.—Изданіе 2-е. Спб. 1880.

Арендтсъ, К. Учебный атласъ естественной исторіи, приготовленный къ методическому преподаванію. Изд. А. Брандта. 3-е изданіе.

Ауэрсвальдъ, В. Руководство къ раціональному способу гербаризаціи. Переводъ съ нѣмецкаго, съ дополненіями и примѣчаніями А. Мизера. Съ 52 политипажами въ текстѣ. Харьковъ. 1864.

Ауэрсвальдъ, Б. и Россмеслеръ, Ѳ. Ботаническія бесѣды, перев. въ примѣненіи къ отечественной флорѣ А. Бекетовымъ. Спб. 1861.

Бекетовъ, А. Курсъ ботаники. Руководство для университетскихъ слушателей. Томъ I (два выпуска). Съ рисунками и таблицами. Спб. 1862—1864.

Богдановъ, А. Зоологія и зоологическая христоматія, въ объемѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Томъ I (три выпуска). Съ атласомъ рисунковъ. Москва. 1862—1865.

Брандтъ, Б. Учебный атласъ естественной исторіи, приспособленный къ методическому преподаванію профессора К. Арендтса. 2-е русское изданіе, совершенно измѣненное и дополненное. Спб. 1873.

Бромме. Систематическій атласъ къ естественной исторіи. Для употребленія въ школѣ и дома. 37 раскрашенныхъ и 1 черная таблица, съ 700 рисунковъ и объяснительнымъ текстомъ, составленнымъ Ю. Симашко. Спб. 1863.

Броннъ, Х. Руководство къ зоологіи. Переводъ съ дополненіями А. Богданова. Т. I. Съ хромолитографированными таблицами и политипажами. Москва. 1860.—Т. II. Выпускъ I. Съ 10 таблицами и политипажами. Москва. 1861.

Вагнеръ, Н. Очерки зоологіи, съ французскаго учебника Поля Бэра. Съ 523 рисунками. Спб. 1883 г. Цѣна 1 р. 40 к.

Виммеръ, А. Растительное царство или описаніе растеній, расположенныхъ по естественной системѣ. Съ 405 политипажами. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею А. Бекетова. Спб. 1864.

Гердъ, А. Руководство минералогіи. Изданіе 2-е, переработанное. Съ 108 рисунками въ текстѣ. Спб. 1880.

Гофманъ, Ѳ. Руководство къ минералогіи, составленное для русскихъ гимназій. Изданіе 3-е, исправленное. Спб. 1865.

Григорьевъ, В. Руководство къ ботаникѣ. Двѣ части. Москва. 1863.

Григорьевъ, В. Зоологія. Элементарный курсъ естественной исторіи. Съ 206 политипажами въ текстѣ. Изданіе 3-е. Москва. 1864.

Гукеръ, I. Начала ботаники. Переводъ съ англійскаго съ измѣ-

неніями и дополненіями А. Θ. Баталина. Съ 67 рисунками въ текстѣ. Спб. 1877.

Гюбнеръ, И. Систематическій атласъ растеній, содержащій на 32 таблицахъ 400 видовъ растеній и 200 рисунковъ, съ отдѣльнымъ текстомъ. Спб. 1876.

Животовскій, И. Атласъ ботаническій и атласъ естественно-историческій. Изданіе 2-е. Выпускъ I. Спб. 1876.

Квенштедтъ, А. Начальныя основанія минералогіи. Переведены и изданы подъ редакціею П. Пузыревскаго. Съ 99 политипажами. Изданіе 2-е. Спб. 1868.

Кесслеръ, К. Руководство для опредѣленія птицъ, которыя водятся или встрѣчаются въ Европейской Россіи. Кіевъ. 1847.

Кирби и Спенсъ. Введеніе въ энтомологію или общая исторія насѣкомыхъ. Переводъ съ англійскаго Мина. Москва. Спб. 1863.

Кирпотенко, А. Руководство къ лѣтнимъ занятіямъ по наблюденію природы и собиранію естественно-историческихъ коллекцій. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1879.

Кирпотенко, А. Учебный курсъ ботаники. Методическое руководство для среднихъ и низшихъ школъ. Выпускъ I. Курсъ приготовительный. Спб. 1880.

Ковалевскій, А. Краткій учебникъ зоологіи, съ 365 рисунками. Спб. 1867.—Второе, вполнѣ передѣланное изданіе. Спб. 1869.

Коттъ, Б. Геологическія картины. Перев. и изд. подъ редакціею П. Пузыревскаго. Спб. 1859.

Леваковскій, И. Курсъ геологіи. Четыре выпуска. Харьковъ 1861—1864.

Лериисъ. Руководство къ зоологіи, съ таблицами для опредѣленія животныхъ. Переведено и дополнено Д. Быковымъ. Съ 489 рисунками въ текстѣ. Спб. 1868.

Лихачевъ, Н. Приготовительный курсъ ботаники, въ примѣненіи къ южно-русской и кавказской флорамъ. Составленъ по Августу Любену. Тифлисъ. 1871 (для учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа).

Любенъ, А. Краткое руководство къ методическому изученію естественной исторіи въ начальныхъ школахъ, реальныхъ училищахъ, гимназіяхъ и семинаріяхъ, со многими задачами и вопросами. Курсы первый и второй. Съ 15-го нѣмецкаго изданія перевелъ Н. Е. Огородниковъ. Спб. 1875.

Матушевскій, А. Краткій очеркъ минералогіи. Варшава. 1870.

Меліоранскій, М. Ботаника весною. Свѣдѣнія объ устройствѣ и жизни растеній, основанныя на изученіи весеннихъ, преимущественно садовыхъ растеній. Съ 70 политипажами и таблицею для опредѣленія деревьевъ и кустарниковъ въ безлиственномъ состояніи. Спб. 1879.

Михайловъ, Д. Приготовительный курсъ зоологіи, составленный по методѣ Любена и Габріеля. Спб. 1862.

Михайловъ, Д. Курсъ естественной исторіи (введеніе и краткая зоологія). Изданіе 4-е. Выпускъ I. Спб. 1865.

Петунниковъ, А. Устройство человѣческаго тѣла, представленное на раскладныхъ анатомическихъ рисункахъ. Изд. 3-е, съ брошюрою подъ заглавіемъ: Начальныя основанія анатоміи человѣка. Москва. 1874.

Поль Беръ. Лекціи зоологіи. Переводъ съ французскаго доктора Л. Н. Симонова. Предисловіе профессора И. Р. Тарханова. Анатомія и физіологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882.

Пономаровъ, Н. В. Учебникъ сельско-хозяйственной и торгово-промышленной статистики Россіи. Спб. 1882 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Раевскій, Н. Приготовительный курсъ ботаники, составленный по Любену. Изданіе 8-е. Спб. 1880.

Россмеслеръ. Очеркъ исторіи земнаго шара. Перев. подъ редакціею П. Пузыревскаго. Со многими политипажами. 2 части. Спб. 1861—1865.

Руссдорфъ и Мазіусъ. Начальныя основанія физіологіи и зоологіи. Подъ редакціею Страхова и Сентъ-Илера. Спб. 1860.

Степановъ, П. Естественная исторія для первоначальнаго ознакомленія съ природою. Сост. по Бауману. Съ измѣненіями въ примѣненія къ естественнымъ произведеніямъ Россіи. Спб. 1868.

Фену, Н. Строеніе человѣческаго тѣла. Раскладные хромолитографированные рисунки внутреннихъ частей и органовъ (мускуловъ, органовъ дыханія, пищеваренія и проч.) и ихъ относительнаго расположенія. Съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ. Изд. 4-е, переработанное Т. Экгардтомъ и отпечатанное Шрейберомъ. Спб. 1880.

Фидлеръ, А. и Блохвицъ, I. Строеніе человѣческаго тѣла. Руководство для преподаванія въ училищахъ, при употребленіи „Анатомическихъ стѣнныхъ таблицъ“, изданныхъ королевской Саксонской

медицинской коллегіей. Переведено Ф. Афанасьевымъ. 8 рисунковъ, рѣзанныхъ на деревѣ. Спб. 1875.

Цабель, Н. Обзоръ физіологическихъ отправленій органовъ въ высшихъ растеніяхъ. Спб. 1863.

Цабель, Н. Растительная гистологія. Выпускъ I. Общіе законы развитія растительной клѣточки. Спб. 1864.—Выпускъ II. Форма клѣточекъ и ткани. Съ 204 политипажами. Спб. 1865.

Ващенко-Захарченко, А. Приготовительный курсъ химіи. Учебникъ для начинающихъ. Выпускъ 1. Химія описательная. Черниговъ. 1870.

Животовскій, Н. Стѣнной естественно-историческій атласъ. Выпускъ II. Спб. 1878.

Менделѣевъ, Д. Органическая химія. Спб. 1862.

Роско. Краткій учебникъ минеральной и органической химіи. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Менделѣева. Спб. 1868.

Шансель и Жераръ. Аналитическая качественная химія. Перев. дополн. и изд. подъ редакціею Д. Менделѣева. Съ 149 рисунками. Спб. 1864.

Стѣнныя естественно-историческія таблицы, изданныя Императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ, съ пояснительнымъ къ нимъ текстомъ. Спб. 1875. 20 наклеенныхъ на папку таблицъ; изъ нихъ 3 по анатоміи человѣка, 10 зоологическихъ и 7 по ботаникѣ.

Анатомическія таблицы, для употребленія въ училищахъ, изданныя докторомъ А. Фидлеромъ, рисованныя съ натуры и литографированныя М. Кранцемъ. 8 листовъ самаго большаго формата. Рига.

Коллекція стеклянныхъ и деревянныхъ полированныхъ кристаллографическихъ формъ, изготовленныхъ подъ руководствомъ профессора минералогіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ барона Ф. Ф. Розена, П. Криницынымъ.

IX. Новые языки.

а) Французскій языкъ.

Руководства.

Bastin, J. Etude philologique. Grammaire historique de la langue française (Abregé de la Grammaire de 1878. 3-me édition. 1-re par-

tie. St. P. 1881. Для двухъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій.

Игнатовичъ, В. Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ. Курсъ элементарный, состоящій изъ трехъ частей. Часть I. Спб. 1873.—Часть II. Изданіе 4-е. Спб. 1877.—Часть III. Изданіе 3-е, просмотрѣнное и исправленное. Спб. 1877.

Игнатовичъ, В. Теоретико-практическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, съ приложеніемъ христоматіи и словаря. Спб. 1874.

Игнатовичъ, В. Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ 3 частей. Курсъ элементарный. Часть I и II. Изданіе 5-е, совершенно передѣланное согласно съ указаніями учебнаго плана, утвержденнаго министромъ народнаго просвѣщенія. Спб. 1878.—Часть I. Изданіе 6-е. Спб. 1880 (рекоменд. какъ весьма полезное руководство для II и III классовъ гимназій и прогимназій).—Часть III. Изданіе 4-е, совершенно передѣланное согласно съ указаніями учебнаго плана, утвержденнаго министромъ народнаго просвѣщенія. Спб. 1878.—Изданіе 5-е. Спб. 1880 (рекоменд. какъ весьма полезное руководство для IV, V и VI классовъ среднеучебныхъ заведеній).

Kercoff, A. G. Cours gradué de langue française á l'usage des classes supérieures des gymnases et des écoles (Troisième partie). Syntaxe, 2-me édition, soigneusement revue et considérablement augmentée. Moscou. 1880 (рекоменд. для старшихъ классовъ).

Мозеръ, П. Практическій курсъ французскаго языка для среднихъ и высшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Изданіе 2-е, дополненное и исправленное. Спб. 1880.

Мозеръ, П. Систематическое изложеніе особенностей французскаго синтаксиса въ сравненіи его съ русскимъ. Спб. 1880.

Moser, P. Cours pratique et théorique de langue française des hautes classes des gymnases. St.-Petersbourg. 1876.

Наумовъ, М. Краткая грамматика французскаго языка по Ноэлю и Шапсалю, Плецу и др., приспособленная къ примѣрной программѣ, напечатанной въ учебныхъ планахъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Москва. 1881.

Ранси, Альфонсъ. Manuel élémentaire et pratique de langue française. Cours systématique de lecture, de conversation, d'orthographe, de grammaire et de traduction, à l'usage des classes inferieures et moyen-

nes, par Alphonse Rancy. 2-me partie. St.—Petersbourg. 1882. (Элементарное практическое руководство французскаго языка, постепенный систематическій курсъ чтенія, бесѣдъ, правописанія, грамматики и переводовъ для употребленія въ низшихъ и среднихъ классахъ. Часть 2-я, Спб. 1882 г.). Цѣна 60 к.

Рилингсонъ. Практическое руководство къ переводамъ съ французскаго языка на русскій и съ русскаго на французскій. Курсъ I. Спб. 1865 (для IV и V классовъ).

Фену, Н. Французская грамматика въ сравненіи ея съ русской. Изданіе 3-е. Спб. 1877. Часть I. Лексикографія. Часть II. Синтаксисъ.—Изданіе 4-е. Часть I. Лексикологія. Спб. 1878.

Varon, E. Cours élémentaire méthodique et pratique de langue française. I et II partie. Helsingfors. 1874.—2-me édition. St.-Pétersbourg. 1876.—Seconde édition revue et corrigée. 1878, съ отдѣльною брошюрою. Phraséologie destinée à faciliter la traduction des exercices russes de la 2-e partie du cours élementaire méthodique et pratique de langue française, St.-Pétersbourg. 1878. Premièro partie. Troisième édition revue et cérrigée. St.-Pétersbourg. 1882 г. Цѣна 75 к.

Пособія.

Bastin, J. Morceaux de lecture et exercices de mémoire et de traduction en vers et en prose ou étude pratique de la langue française. St.-Pètersbourg. 1869.—Изданіе 3-е. Спб. 1880.

Challandes, A. Grammaire française élémentaire à l'usage des classes inférieures et moyennes des établissements d'éducation. St.-Pétersbourg. 1876. Première partie. Deuxième édition. St.-Pétersbourg. 1877 (для низшихъ классовъ).

Гемиліанъ, А. Учебникъ французскаго языка. Статьи для перевода съ русскаго языка на французскій. Замѣчанія и слова. Этимологія и синтаксисъ, для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1877.

Гемиліанъ, А. Учебникъ французскаго языка. Три части. Москва 1864—1867 (II и III части для высшихъ классовъ).

Jaclard-Corvin, V. Chréstomathie française pour les classes moyennes et les classes supérieures des établissements d'éducation, avec dictionnaire, introductions litteraires, notices biographiques, notes explicatives et exercices. T. I. Prose.—T. II. Poësie. St.-Pétersbourg. 1878.

Данилевскій. Livre de lecture et traduction du français en russe

suivi d'exercices de mémoire avec un vocabulaire. Cours moyen. 3-me édition. St.-Pétersbourg. 1867.

Kercoff, A. Cours gradué de langue française à l'usage des classes moyennes et supérieures des gymnases et des écoles. Moscou. 1873.— 2-me édition. Moscou. 1877.

Kercoff, A. et Petitpierre, I. Recueil de morceaux en prose pour servir à la lecture et à la traduction dans les classes moyennes des gymnases et des écoles. Moscou. 1879.

Котельниковъ, М. Дѣтская книга для первоначальнаго изученія французскаго языка. Сост. для приготовительныхъ классовъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1874.

Крестлингкъ, А. Французская грамматика, составленная для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Двѣ части. Спб. 1862

Margot, D. Cours élémentaire et progressif de la langue française á l'usage des classes inférieures et moyennes des écoles. 11-me édition St.-Petersbourg. 1865.—21-me édition. St.-Petersbourg. 1875.

Margot, D. Grammaire théorique et pratique de la langue française á l'usage des classes supérieures des écoles. 10-me édition. St.-Petersbourg. 2 ч. 1871—1878.

Мозеръ, П. Новый элементарный учебникъ французскаго языка, состоящій изъ 3-хъ частей. (Для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Часть 1 и 2-я. Спб. 1881.

Rancy, Alph. Manuel élémentaire et pratique de langue française, ou cours systématique et gradué de lecture, de conversation, d'orthographie, de grammaire et de traduction, à l'usage des classes inférieures. Première partie. S.-Pétersbourg. 1880.

Ruault, C. Etude pratique de la langue. Cours de la langue française, de composition et de style basé sur un choix de morceaux en prose de force graduée extrait, d'auteurs célèbres et suivis des nombreuses matières de composition analogues représentant plus de 300 devoirs à faire et de modèles indiquant l'emploi de la méthode à suivre. St.-Petersbourg. 1878.

Сильманъ. Руководство къ изученію французскаго языка, по Магеру. Кіевъ. 1865.

Стоюнинъ, В. и Павловъ, И. Русская христоматія для переводовъ на французскій и нѣмецкій языки въ высшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній. Москва. 1873.

Топоровъ, В. Гимназическій курсъ постепенныхъ грамматическихъ и практическихъ упражненій въ переводахъ съ русскаго языка на

французскій и нѣмецкій. Изданіе 4-е, исправленное и во многомъ дополненное. Одесса. 1875.

Tricot. Nouvelles leçons de littérature française et de morale, avec des notes explicatives et critiques. St.-Pétersbourg. 1864.

Фену, Н. Французская грамматика въ сравненіи ея съ русскою. Спб. 1871.

Фену, Н. Опытъ французскаго синтаксиса въ сравненіи его съ русскимъ. Спб. 1868 (для высшихъ классовъ).

Фену, Н. Французская христоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1870.—Изданіе 6-е, со статьями для переводовъ съ русскаго и словаремъ, съ приложеніемъ полнаго спряженія глаголовъ, объясненіемъ приставокъ и окончаній, а также галлицизмовъ, поговорокъ и пословицъ, для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1876.—Изданіе 7-е. Спб. 1880. Изданіе 8-е. Спб. 1882 г. Цѣна 1 р. 35 к.

Fleury, J. Récits, descriptions et dialogues gradués suivis de divers extraits des auteurs classiques en vers et en prose pour la traduction du français en russe, avec un vocabulaire méthodique, Nouvelle édition. St.-Pétersbourg. 1878.

Флери, И. Разказы и описанія, избранные изъ лучшихъ русскихъ авторовъ для переводовъ съ русскаго языка на французскій. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное; съ словаремъ и примѣчаніями. Спб. 1876.

Fleury, Parfait et de Lafosse. Bibliothèque littéraire. Analyse et extraits de tous les chefs-d'oeuvre de la langue française, avec notices bibliographiques et commentaires. 1-re partie: Prose; 2-de partie: Poésie 1862.

Fleury, J. Extraits des meilleurs auteurs français par ordre chronologique. Complément de l'histoire abregée de la littérature française. St.-Pétersbourg. 1874. Tome I. Introduction. XVI et XVII siècles. — Tome II. XVIII et XIX siècles.

Fleury, J. Histoire élémentaire de la littérature française depuis l'origine jusqu'à nos jours. Edition 2, corrigée et augmentée de plus un tiers. St.-Pétersbourg. 1879.

Flint, A. S. Manuel orthographico-orthologique de langue française (quatre cours en deux livraisons). St.-Pétersbourg. 1871. et.

— Dictées du Manuel orthographico-orthologique. St.-Pétersbourg. 1877 (для среднихъ классовъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ имѣется въ виду главнымъ образомъ разговорный французскій языкъ).

„Livre de lecture, composé pour servir a l'enseignement de la langue française, dans les classes élémentaires. 1. Conversation, historiettes, contes, caractères, leçons de choses usualles, descriptions, récits, legendes, anecdotes, lectures instructives. 2. Lectures supplémentaires. 3. Sujets de compositions. 4. Choix de poésies extraites de divers anteurs et accompagnées d'un vocabulaire. Спб. 1882 г. Цѣна 40 к. (для низшихъ классовъ).

Макаровъ, **Н.** Полный французско-русскій словарь. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1870.

Макаровъ, Н. Полный русско-французскій словарь. Въ двухъ частяхъ. Изданіе 2-е. Спб. 1874.

Макаровъ, Н. Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній: часть французско-русская. Спб. 1873.—Часть русско-французская. Спб. 1874.—Изданіе 3-е. Спб. 1880 (г. министръ народнаго просвѣщенія предложилъ начальствамъ учебныхъ округовъ пріобрѣтать означенные словари для учебныхъ заведеній предпочтительно предъ всѣми другими подобнаго рода изданіями).

Крестлингъ, Л. Французско-русскій лексиконъ синонимовъ, поговорокъ, пословицъ и особенностей разговорнаго французскаго языка. Спб. 1862.

Рейфъ, Ф. Параллельные словари языковъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Карлсруэ. 1860—1861.—Часть I—русская; часть II—французская. 1874.

б) Нѣмецкій языкъ.

Руководства.

Аллендорфъ, А. Учебникъ нѣмецкой грамматики, изложенной сравнительно съ грамматикой русскаго языка, для среднихъ учебныхъ заведеній, въ трехъ концентрическихъ курсахъ. Москва. 1875.—Изданіе 2-е, вновь пересмотрѣнное. Москва. 1878.

Бреме, А. Гризеръ, Э. и Мазингъ, Ф. Грамматика нѣмецкаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1882 г.

Brehme, Grieser und Masing. Deutsche Sprachlehre für mittlere Lehranstalten. S.-Petersburg. 1882 г. (для нѣмецкихъ училищъ, мужскихъ и женскихъ).

Бѣлицкій, К. Учебникъ нѣмецкаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Одесса. 1874 (для II, III и IV классовъ гимназій и прогимназій).

Корнеліусъ, Эмилій. Краткая нѣмецкая грамматика. Изд. 6-е съ прибавленіемъ и нѣмецкаго текста.—Вѣна. 1882 г. Цѣна 50 к.

Кейзеръ, Ѳ. Краткая нѣмецкая грамматика. Часть I. Этимологія. Изданіе 13-е. Москва. 1878.—Часть II. Нѣмецкіе примѣры и русскія упражненія на правила этимологіи. Изданіе 6-е, исправленное. М. 1879. Часть I. Этимологія. Изд. 15-е. Москва. 1882 г. Цѣна 30 к. и часть II. Нѣмецкіе примѣры и русскія упражненія на правила этимологіи. Изд. 7-е. Москва. 1881 г. Цѣна 1 руб. (для II, III и IV классовъ гимназій и реальныхъ училищъ).

Паакъ, А. Учебникъ нѣмецкаго языка. Курсъ I, II, III и IV классовъ гимназій. Изданіе 2-е. Спб. 1862—1866. Тоже курсъ I. Изданіе 6-е, исправленное. Спб. 1876.—Курсъ II. Изданіе 5-е, исправленное. Спб. 1875.—Курсъ III. Изд. 3-е, исправленное. Спб. 1875.—Курсъ IV. Изданіе 2-е, передѣланное. Спб. 1876.

Фрей, А. Нѣмецкая грамматика для русскихъ гимназій. Спб. 1866.

Пособія.

Аделловъ, Ѳ. Этимологія нѣмецкаго языка. Тамбовъ. 1872

Алленддофъ, Иванъ. Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій съ примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ. Одесса. 1882 г. Цѣна 1 р. 30 к. (для старшихъ классовъ).

Аусселъ, Х. Капитанская дочка А. С. Пушкина. Для переводовъ на нѣмецкій языкъ снабдилъ примѣчаніями и словаремъ. Москва 1883 г. Цѣна 75 к. (для реальныхъ училищъ).

Баронъ, А. „Систематическій курсъ нѣмецкой этимологіи для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній". Спб. 1881 г. Цѣна 85 к. съ пересылкою 1 руб.

Берте, Н. Нѣмецкая христоматія, заключающая въ себѣ выборъ статей въ прозѣ и стихахъ изъ твореній нѣмецкихъ классиковъ всѣхъ столѣтій. Изданіе 4-е. Спб. 1866.—Изданіе 12-е. Спб. 1879.

Brandt, Friedrich. Deutsche Chrestomatie für russiche Gymnasien, Progymnasien und Realschulen mit sprachlichen, sachligen Erklärungen, und einem deutsch-russischen Wörterbuche. St.-Petersburg. 1877 г. Цѣна 2 руб. (для старшихъ классовъ),

Бѣлицкій, К. Нѣмецкая христоматія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ алфавитнаго словаря. Одесса. 1879.

Герингъ, Э. Христоматія, или собраніе статей для переводовъ съ нѣмецкаго языка на русскій. Москва. 1858.

Де-ла-Мотъ-Фуке. Ундина. Разказъ, изданный для русскихъ гимназій О. Шталемъ. Москва. 1866.

Кейзеръ, Ѳ. Краткая нѣмецкая грамматика. Часть III. Синтаксисъ, съ нѣмецкими примѣрами, упражненіями и статьями для перевода съ русскаго. Изданіе 5-е, исправленное. Москва. 1879.

Кейзеръ, Ѳ. Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій, содержащій предварительныя синтаксическія правила, полный словарь на каждую статью и краткій обзоръ нѣмецкой литературы. Изданіе 3-е. Москва. 1863. Изданіе 9-е. Москва. 1882 г. Цѣна 1 руб.

Керковіусъ, Эм. Практическій курсъ нѣмецкаго языка. Состав. примѣнительно къ новой учебной программѣ. Изданіе 12-е. Вѣна. 1880. Изданіе 13-е (стереотипное). Вѣна. 1882 г. Цѣна 80 к. (для низшихъ классовъ).

Керковіусъ, М. Deutsche Lesebuch für die obersten Klassen der Gymnasien. Leipzig. 1874.

Керковіусъ, Эм. Deutsches Lesebuch für die oberen Klassen der Gymnasien. Zweite stark vermehrte Auflage. Wien, 1882 г. Deutsch-russisches Wörterbuch.—Нѣмецко-русскій словарь. Вѣна. 1882 г. Цѣна христоматіи съ словаремъ 1 р. 40 к.

Лешъ, П. Ученическая библіотека. Пособіе для изученія нѣмецкаго языка. Выпускъ I. Смерть Валленштейна. Ф. Шиллера. Съ примѣчаніями и словаремъ. Спб. 1873.

Массонъ, М. Практическое руководство для постепеннаго упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій. Съ грамматическими упражненіями и русско-нѣмецкимъ словаремъ. Изданіе 4-е, исправленное. Спб. 1865.—Изданіе 9-е. Спб. 1877.

Masson, M. Musterstücke. Ein Lesebuch zum Gebrauch in den mittleren und obersten Klassen russischer Lehranstalen. Mit Erläuterungen, erklärenden Anmerkungen und einem Wörterbuche. Образцовыя статьи. Книга для чтенія и переводовъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ. Съ пояснительными примѣчаніями и словаремъ. Спб. 1864.—Изданіе 4-е. Спб. 1877 (для среднихъ и высшихъ классовъ гимназій).

Masson, M. Prosaische und poetische Lesestücke. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ. Пособіе при преподаваніи нѣмецкаго языка для употребленія въ младшихъ и среднихъ классахъ. Изданіе 11-е. Спб. 1874.

Мюллеръ, Л. Книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ, для употребленія дома и въ училищахъ. Часть I. Пригото

вительный курсъ. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1875. — Изданіе 3-е, исправленное. Спб. 1878.

Мюллеръ, Л. Deutsches Lesebuch für Russland. Eine Ausswahl von deutschen und russischen Übungsstücken in Prosa und Versen, nebst deutsch-russischen und russisch-deutsch-französischen Vokabeln zu denselben. Zweiter Theil, für untere Gimnasialklassen. Fünfte verbesserte, mit Vorübungen verschiedene Ausgabe. Книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ для учебныхъ заведеній въ Россіи. Выборъ нѣмецкихъ и русскихъ статей въ прозѣ и стихахъ, съ приложеніемъ нѣмецко-русскаго и русско-нѣмецко-французскаго словаря. Часть II. Курсъ низшихъ классовъ гимназій. Пятое, исправленное и съ предварительными упражненіями умноженное изданіе. Спб. 1881 г. (для нѣмецкихъ школъ).

Мюллеръ, Л. Книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, для учебныхъ заведеній въ Россіи. Часть II. Курсъ низшихъ классовъ гимназій. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1875.

Мюллеръ, Л. Книга для чтенія и перевода съ нѣмецкаго русскаго языковъ, для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть III. Спб. 1875.

Мюллеръ, Л. Практическій синтаксисъ нѣмецкаго языка. Спб. 1876.

Недлеръ, Г. Сборникъ замѣчательныхъ произведеній классической нѣмецкой литературы. Спб. 1877.

Недлеръ, Г. Нѣмецко-русскій словарь къ Сборнику замѣчательныхъ произведеній классической нѣмецкой литературы. Спб. 1879.

Стурцель, Ю. Сборникъ образцовыхъ статей на нѣмецкомъ языкѣ въ прозѣ и стихахъ. Для употребленія въ высшихъ классахъ русскихъ гимназій. Часть I. Москва. 1859.—Изданіе 2-е. Москва. 1878 (для V, VI и VII классовъ).—Часть II. Москва. 1871 (для высшихъ классовъ).

Топоровъ, В. Гимназическій курсъ постепенныхъ грамматическихъ и практическихъ упражненій въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій и французскій. Изданіе 4-е, исправленное и во многомъ дополненное. Одесса. 1865.

Топоровъ, В. Нѣмецкая христоматія для русскаго юношества, или полный сборникъ образцовыхъ статей на нѣмецкомъ языкѣ, въ прозѣ и стихахъ. Изданіе 2-е. Одесса и Лейпцигъ. 1857.

Фидлеръ, Г. Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка. Два курса. Москва. 1864.

Фишеръ, А. Начальная книга нѣмецкаго языка для русскаго юношества. Спб. Курсъ I. 1866.—Курсъ II. 1867.

Шафрановъ, С. Нѣмецкая христоматія для упражненія въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій, съ объясненіемъ труднѣйшихъ выраженій и оборотовъ. Изданіе 2-е. Ревель. 1864.

Шмидъ. Encyclopaedie des gesammten Erziehungs und Unterrichtswesens. 11 томовъ.

Эртель, М. Статьи для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій, вмѣстѣ съ словаремъ. Одесса. 1871. — Изданіе 2-е, исправленное. Лейпцигъ. 1874.

Oertel, M. Hilfsbuch zum praktischen Unterricht in der deutschen Sprache. 10-te Auflage. Odessa. 1870.

Макаровъ, Н. и Шееreръ, В. Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть русско-нѣмецкая. Спб. 1876.

Рейфъ, Ф. Параллельные словари языковъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Карлсруэ. 1860 — 1861. Часть III — нѣмецкая.

Фрей, А. Deutsch-russisches und russisch-deutsches Taschen-Wörterbuch, auf Grundlage des Hand-Wörterbuches der russischen und deutschen Sprachen von *Frid. Booch* und *Adam Frey*, zum Hand-und Schulgebrauch bearbeitet. I. Deutsch-russisches Wörterbuch. Leipzig.

Фрей, А. Schul-Wörterbuch der deutschen und russischen Sprache. Учебный словарь нѣмецко-русскій и русско-нѣмецкій. Лейпцигъ. 1875.

Воско. Желѣзнодорожный нѣмецко-французско-русскій словарь. Со включеніемъ номенклатуры механическаго, строительнаго и горнозаводскаго дѣла, а также вспомогательныхъ къ нимъ наукъ. Варшава. 1876.

в) Англійскій языкъ.

Пособія.

Гердъ, Р. Modern Englich. Сборникъ статей изъ новѣйшихъ англійскихъ писателей, съ примѣчаніями, біографическими очерками и словаремъ. Москва. 1881 г. Цѣна 1 руб. 75 к.

X. Чистописаніе, черченіе и рисованіе.

фонъ-Беннетъ. Курсъ чистописанія и скорописи, съ объяснительнымъ текстомъ и образчиками письма на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Одесса. 1873.

Верре, А. Способъ къ обученію скорописи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1874.

Гербачъ, В. Руководство къ обученію письму. I. Прописи русскія; II. Прописи французскія и нѣмецкія; III. Прописи латинскія и греческія. Спб. 1875.

Гербачъ, В. Русская скоропись. Упражненія для свободнаго движенія руки и пріобрѣтенія четкой скорописи. Спб. 1879.

Гербачъ, В. Школа чистописанія. Тетради съ прописями для самостоятельныхъ занятій учащихся въ школѣ и дома (10 тетрадей). Изданіе Н. Фену и К°:

Гербачъ, В. Школа чистописанія. Французскіе и нѣмецкіе образцы. (Серія вторая, 6 тетрадей).

Мессеръ, Я. Обученіе письму, въ трехъ курсахъ. Спб. 1862.

Нѣмецъ, Я. Перспективное рисованіе геометрическихъ формъ. Съ 126 политипажами въ текстѣ. Изданіе 2-е, исправленное. Одесса. 1877.

Павловъ, А. Руководство къ обученію письму для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ образцовъ письма на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и греческомъ языкахъ. Москва. 1877.

Раковичъ. Краткое руководство къ линейному черченію, извлеченное изъ курса линейнаго рисованія Ламотта. Казань. 1861.

Сапожниковъ, А. Курсъ рисованія. Спб. 1849.

Troschel. Wandtafeln für den Zeichenunterricht.

XI. Пѣніе.

Потуловъ, Н. Руководство къ практическому изученію древняго богослужебнаго пѣнія православной россійской церкви. Москва. 1873.

Вессель, Н. и Альбрехтъ, Е. Школьныя пѣсни: 115 народныхъ, литературныхъ, историческихъ и военныхъ пѣсенъ, положенныхъ для школъ на 1, 2 и 3 голоса. Спб. 1876 (для низшихъ классовъ).

Мариничъ, Г. Пѣсни для школы, дѣтскія и народныя, на одинъ, на два и на три голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Спб. 1878.

XII. Гимнастика.

Клостерманъ. Краткое руководство къ главнѣйшимъ вольнымъ гимнастическимъ движеніямъ. Ломжа. 1873.

Шмидтъ, К. Стѣнныя таблицы политипажей къ руководству гимнастики для дѣтскихъ пріютовъ, народныхъ семинарій и школъ. Спб. 1873.

КНИГИ, ОДОБРЕННЫЯ ДЛЯ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ *).

Математика.

Ариѳметика.

Пособіе.

Прокофьевъ, А. Коммерческая ариѳметика и торговыя операціи. Съ приложеніемъ графической таблицы колебаній русскаго вексельнаго курса. Москва. 1877.

Алгебра.

Руководства.

Гришинъ, Р. Очеркъ теоріи соединеній, въ объемѣ курса реальныхъ училищъ. Спб. 1875.

Фроловъ. Приложеніе алгебры къ геометріи и начала аналитической геометріи на плоскости. Ч. I. Приложеніе алгебры къ геометріи. Изд. 4-е. Спб. 1880.

Пособіе.

Блюмбергъ, Я. Дополнительныя статьи алгебры. Курсъ VII (дополнительнаго) класса реальныхъ училищъ. Спб. 1878, и 2-е изданіе. Спб. 1882 г. Цѣна 1 руб.

---

*) Сверхъ книгъ общихъ для реальныхъ училищъ съ гимназіями.

Геометрія и геометрическое черченіе.

Руководства.

Вулихъ, З. Краткій курсъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Спб. 1875.—Изданіе 4-е. Спб. 1880.

Леве, А. Руководство начальной геометріи, составленное примѣнительно къ учебнымъ планамъ гимназій и реальныхъ училищъ. Изданіе 3-е, вновь передѣланное (съ 350 политипажами). Спб. 1876.

Макышевъ, К. Начала начертательной геометріи. Руководство для реальныхъ училищъ. Изданіе 2-е (съ таблицами чертежей). Спб. 1875.—Изданіе 3-е (съ IX таблицами чертежей). Спб. 1880.

Макышевъ, К. Геометрическія свойства употребительнѣйшихъ кривыхъ и способы ихъ вычерчиванія. Спб. 1875.

Пособія.

Дмитріевъ, А. Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Векелю, Шпицу и др. Книга I. Планиметрія. Съ таблицею чертежей. Спб. 1875 (въ особенности отдѣлъ геометрическихъ построеній). Книга II. Стереометрія. Съ приложеніемъ задачъ на maxima и minima, а также геометрическихъ темъ для окончательныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ таблицею чертежей. Спб. 1879.

Орловъ. Руководство къ геометрическому линейному черченію. Выпускъ I. Съ атласомъ чертежей на 28 таблицахъ. Казань. 1878.

Пальшау, А. Начала начертательной геометріи, теоріи тѣней и линейной перспективы. Съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Курсъ реальныхъ училищъ. Харьковъ. 1882. Цѣна 1 р. 50 к.

Федорченко, М. Дополнительный курсъ элементарной геометріи. Съ XII таблицами чертежей. Одесса. 1874.

Тригонометрія и топографія.

Пособія.

Бѣликовъ, С. Курсъ топографіи или низшей геодезіи. Съ чертежами въ текстѣ. Часть I. Введеніе. Черченіе плановъ и пользованіе ими.—Часть II. Инструментальная съемка. Москва. 1880.

Пржевальскій, Е. Прямолинейная тригонометрія и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, Съ 86 фигурами въ текстѣ. Москва. 1878.

Травинъ, В. Руководство къ низшей геодезіи. Наставленіе къ употребленію геодезическихъ инструментовъ и производству хозяйственныхъ съемокъ. Съ приложеніемъ 15 таблицъ чертежей. Сост. по Болотову, Бауернфейду и др. Москва. 1879 (для дополнительныхъ классовъ).

Механика.

Руководство.

Котельниковъ, Е. Г. Элементарный курсъ механики. Для реальныхъ училищъ. Изд. 3-е. Спб. 1881.

Сонне. Основныя начала прикладной механики. Перевелъ съ 5-го французскаго изданія и дополнилъ примѣчаніями и статьями объ ударѣ тѣлъ и моментахъ инерціи В. Лигинъ. Съ 12 листами чертежей. Одесса. 1876.—Изданіе 2-е дополненное. Одесса. 1879.

Пособія.

Гуржеевъ, С. Учебная механика. I Теоретическая механика. Съ 167 политипажами въ текстѣ и собраніемъ задачъ съ ихъ рѣшеніями. Спб. 1881. Цѣна 1 р. 50 к.

Котельниковъ, Е. Общій элементарный курсъ механики, съ приложеніемъ собранія задачъ. Изданіе 3-е, исправленное, значительно дополненное и приспособленное къ потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1877.

Котельниковъ, Е. Г. Сборникъ примѣровъ и задачъ элементарной механики для реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. Спб. 1881. Цѣна 50 к.

Рело. Руководство къ проектированію машинъ для инженеръ-механиковъ, строителей, фабрикантовъ и техническихъ и реальныхъ училищъ. Перевели инженеръ-механики Е. Зотиковъ, П. Тетеревъ и Н. Зиминъ. Съ 714 политипажами въ текстѣ. Выпускъ I. Москва. 1878.

Филатьевъ, А. Курсъ элементарной механики. Часть I. Съ XIV литографическими таблицами и 276 фигурами. Спб. 1875.

Физика.

Руководство.

Полкотыцкій, В. Сокращенное руководство къ физикѣ для женскихъ училищъ, для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ и другихъ, въ которыхъ этотъ предметъ преподается въ сокращенномъ объемѣ. Съ 307 политипажными рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Варшава. 1878.

Естественныя науки и химія.

Руководства.

Бекетовъ, А. Руководство къ систематическому изученію ботаники для школъ и самообученія Августа Любена. Изд. 4-е, со многими рисунками въ текстѣ. Часть I. Спб. 1882. г. Цѣна 1 р.

Гердъ, А. Руководство минералогіи для реальныхъ училищъ. Изданіе 2-е, переработанное. Спб. 1880.

Кирпотенко, А. П. Учебный курсъ ботаники. Выпускъ 2-й. Морфологія и систематика сѣмянныхъ растеній. Съ 300 рисунками. Спб. 1881.

Коваловскій, С. Учебникъ химіи. Спб. 1878. Изданіе 3-е, переработанное и дополненное. Спб. 1880. и изданіе 4-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1882 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Поплавскій, А. Курсъ ботаники. Изданіе 2-е, значительно исправленное (34 рисунка, въ текстѣ). Варшава. 1876.

Поплавскій, А. Курсъ минералогіи. Изданіе 2-е, дополненное согласно программѣ реальныхъ училищъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Варшава. 1876.

Поплавскій, А. Курсъ зоологіи. Изданіе 3-е, дополненное согласно программѣ реальныхъ училищъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Варшава. 1876.

Раевскій, Н. Систематическій курсъ ботаники, составленный для реальныхъ училищъ. Изданіе 2-е, исправленное. Съ 108 рисунками. Спб. 1877.—Изданіе 3-е, исправленное. Съ 142 рисунками. Спб. 1880.

Ярошевскій, К. Учебникъ ботаники. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ. Съ 234 политипажами въ текстѣ. Москва. 1879.

Ярошевскій, К. Учебникъ минералогіи. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ. Съ 134 политипажами. Москва. 1877.

Пособія.

Аникіевъ, П. Учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка и животныхъ съ краткимъ очеркомъ жизнедѣятельности растеній. Съ 81 рисункомъ въ текстѣ. Изданіе 2-е, исправленное и значительно пополненное. Спб. 1880.

Де-Бари, А. Ботаника. Переводъ съ нѣмецкаго съ нѣкоторыми измѣненіями, подъ редакціею Хр. Гоби. Съ рисунками въ текстѣ Спб. 1880.

Варавва, М. Руководство естественной исторіи. Минералогія со многими рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ сѣтокъ кристаллическихъ моделей. Москва. 1878.

Гердъ, А. Учебникъ зоологіи. Часть I. Безпозвоночныя. Съ 239 рисунками въ текстѣ. Спб. 1877.

Гексли и Мартынъ. Практическія работы по ботаникѣ и зоологіи (элементарный курсъ біологіи). Переводъ съ англійскаго А. Я. Герда. Спб. 1877.

Дмитріевскій, М. Нѣмецкая христоматія для старшихъ классовъ реальныхъ училищъ. Сборникъ избранныхъ статей по естествознанію и техническимъ наукамъ. Казань. 1879.

Карицкій, А. Собраніе растеній и составленіе гербарія. Практическія указанія для учениковъ реальныхъ училищъ и народныхъ школъ. Москва. 1878.

Кирпотенко, А. П. Учебный курсъ ботаники. Выпускъ III. Морфологія, исторія развитія и систематика споровыхъ растеній (cryptogamae). Спб. 1882 г.

Раевскій, Н. Приготовительный курсъ ботаники, сост. по Любену. Изданіе 8-е. вновь исправленное. Съ 49 рисунками. Спб. 1880.

Селезневъ, В. Руководство къ качественному химическому анализу, для начинающихъ. Спб. 1880.

Сентъ-Илеръ, К. элементарный курсъ зоологіи, съ приложеніемъ задачъ и лѣтнихъ занятій по зоологіи. Изданіе 10-е, исправленное и значительно дополненное. 1881.

Соколовъ, П. К. Обработка металловъ и дерева. Руководство для реальныхъ училищъ, ремесленныхъ школъ и самообученія. Политипажи въ текстѣ. Спб. 1881 г, Цѣна 2 р. 50 к.

Химическая технологія.

Пособіе.

Лесгафтъ, Ф. Курсъ химической технологіи. Сост. по программѣ, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ. Съ 184 политипажами въ текстѣ. Спб. 1877.

Счетоводство.

Пособіе.

Журавъ, Ѳ. Бухгалтерія или наука книговеденія, по двойной системѣ, съ приложеніемъ 1-го чертежа и 1-го листа, объясняющихъ ходъ суммъ по счетамъ, 1-го отдѣльнаго забалансированнаго самимъ собою балансоваго листа, 1-го чертежа ярмарки и 1-го особаго листа, показывающаго подробности ярмарочныхъ оборотовъ, изложенная самымъ удобопонятнымъ образомъ и предназначенная преимущественно для самоучащихся. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1874.

Клинге, К. Руководство конторскихъ знаній. Спб. 1857.

Коммерческія науки.

Пособія.

Краковскій, Никодимъ. Теоретическое и практическое руководство коммерческой корреспонденціи. Спб. 1882 г. Цѣна 4 руб. (для реальныхъ училищъ).

Субботинъ, А. П. Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и другихъ странъ. Спб. 1878.

Рейнботъ, П. Полный курсъ коммерческой бухгалтеріи. Спб.

Рейнботъ, П. Руководство коммерческихъ и финансовыхъ вычисленій. Спб. 1865.

Французскій языкъ.

Пособія.

Кутузовъ, В. Сборникъ статей изъ новѣйшей технической литературы Франціи. Христоматія для спеціальныхъ техническихъ заве-

деній, съ словаремъ и 32 политипажами въ текстѣ. Изданіе для Россіи. Гейдельбергъ. 1878 (для старшихъ классовъ).

Maurier, J. Recueil de compositions françaises, comprenant des sujets de lettres, de dialogues, de descriptions, de portraits, de narrations, de discours et de dissertations ou lieux-communs, avec des précept généraux sur le style de chaque genre de composition, et un plan et des développements pour chaque devoir. Tiflis. 1878 (**для коммерческаго отдѣленія**).

Нѣмецкій языкъ.

Пособіе.

Дмитріевскій, М. Нѣмецкая христоматія для высшихъ классовъ реальныхъ училищъ. Сборникъ избранныхъ статей по естествовѣдѣнію и техническимъ наукамъ. Казань. 1879 (для VI и дополнительныхъ классовъ).

Черченіе и рисованіе.

Пособія.

Раевская-Иванова, М. Д. Азбука рисованія для семьи и школы. Руководство для родителей и воспитателей. Харьковъ. 1879.

Адамекъ, I. 18 таблицъ, изображающихъ плоскіе орнаменты (для I класса).

Гавловскій, А. Руководство геометрическаго черченія. Черченіе плоскихъ фигуръ. Съ 4 таблицами чертежей. Спб. 1880 (для IV и V классовъ).

Гавловскій, А. Руководство геометрическаго черченія. I. Теорія проекцій. II. Теорія перспективы. III. Построеніе тѣней въ перспективѣ. Съ атласомъ чертежей. Спб. 1879 (для VI класса).

Нечаевъ, Н. П. Курсъ черченія. I. Геометрическое черченіе. Изд. 3-е. Москва. 1880 г. II. Проекціонное черченіе съ приложеніемъ задачъ по начертательной геометріи. Изд. 3-е. Москва. 1881 г. и III. Перспективное черченіе. Перспектива. Изд. 3-е. Москва. 1881 г. (для реальныхъ училищъ).

Чистописаніе.

Руководство.

Гербачъ, В. Школа чистописанія. 2) Прописи круглаго шрифта (Серія третья, 4 тетради).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

отъ ообаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія;

Въ ученый комитетъ нерѣдко поступаютъ на разсмотрѣніе рукописныя сочиненія, не разсмотрѣнныя предварительно цензурою; правилами же, постановленными совѣтомъ министерства народнаго просвѣщенія 30-го января 1867 года, требуется, между прочимъ, чтобы сочиненія, представляемыя на разсмотрѣніе ученаго комитета, въ рукописяхъ, предварительно были дозволены къ изданію цензурою.

Во избѣжаніе напрасной потери времени авторами и издателями, особый отдѣлъ ученаго комитета, съ разрѣшенія г. товарища министра народнаго просвѣщенія, имѣетъ честь довести о томъ до общаго свѣдѣнія, присовокупляя, что упомянутое требованіе не относится къ рукописямъ, представляемымъ на соисканіе премій Императора Петра Великаго.

ЗАМѢТКИ КЪ ИСТОРІИ ХОЖДЕНІЯ ИГУМЕНА ДАНІИЛА.

I.

Новыя свѣденія о Флорищевскомъ, мнимо-пергаменномъ, спискѣ Хожденія Даніила игумена.

Съ 1834 года утвердилось мнѣніе о существованіи пергаменнаго списка Даніилова Хожденія или Странника въ Іерусалимъ, тогда какъ всѣ извѣстные намъ списки этого памятника, число которыхъ простирается болѣе, чѣмъ до семидесяти, писаны на бумагѣ и не восходятъ далѣе конца XV вѣка.

Извѣстіе о пергаменномъ спискѣ впервые появилось въ протоколахъ Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, когда въ 1834 году это общество возымѣло намѣреніе приступить къ изданію въ свѣтъ Хожденія Даніила игумена. Собирая матеріалы для этого изданія, общество (въ засѣданіи 28-го ноября 1834 г.) выслушало заявленіе М. А. Коркунова о необходимости воспользоваться пергаменнымъ спискомъ, находящимся во Флорищевскомъ монастырѣ, Владимірской губерніи. При этомъ заявленіи М. А. Коркуновъ ссылался на письмо П. М. Строева, имѣвшаго случай видѣть этотъ списокъ (Труды Общ. Ист. и Древн., ч. VIII, стр. 294 и 295). Изъ журналовъ общества не видно однако, каковы были послѣдствія заявленія М. А. Коркунова. И. П. Сахаровъ, въ своихъ изданіяхъ, умалчиваетъ о томъ, что Флорищевскій списокъ былъ принятъ во вниманіе при трудахъ общества исторіи и древностей надъ приготовленіемъ Даніилова Хожденія къ изданію. При этомъ

И. П. Сахаровъ, не называя П. М. Строева, говоритъ, что Флорищевскій списокъ извѣстенъ ему со словъ „одного любителя древности". (Путешествія р. людей по Св. землѣ, 1839 г., ч. I, стр. 6, прим. 2; ср. также Сказ. р. народа, т. II, предисловіе къ Даніилову Хожденію, стр. 8).

Дальнѣйшія извѣстія о Флорищевскомъ спискѣ находятся, между прочимъ, въ нарядѣ дѣлъ археографической коммиссіи о вытребованіи рукописей за время съ 1837 по 1875 г. и относятся къ 1837 г. Въ нарядѣ этомъ встрѣтились слѣдующіе три документа.

I) Черновое отношеніе министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, за скрѣпами управляющаго департаментомъ и предсѣдателя коммиссіи князя Пл. А. Ширинскаго-Шихматова и правителя дѣлъ коммиссіи М. А. Коркунова, отъ 17-го іюля 1837 г., на имя оберъ-прокурора святѣйшаго синода гр. Протасова. Содержаніе этой бумаги выписывается здѣсь цѣликомъ: „Археографическая коммиссія предполагаетъ издать въ свѣтъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ нашей письменности, путешествіе игумена Даніила въ Іерусалимъ; посему, на основаніи 10-й статьи правилъ, Высочайше утвержденныхъ для руководства археографической коммиссіи въ 18-й день февраля сего года, покорнѣйше прошу приказать кому слѣдуетъ о доставленіи ко мнѣ, для препровожденія въ коммиссію, изъ Флорищевой пустыни пергаминтнаго списка Даніилова Хожденія въ Іерусалимъ и изъ Московской синодальной библіотеки—іюньскую книгу Макаріевыхъ Чети-Минеи, въ которой находится списокъ сего путешествія".

II) Оберъ-прокуроръ св. синода не замедлилъ сообщеніемъ. Уже 29-го іюля того же 1837 г. изъ канцеляріи его, за подписью К. Сербиновича, при препроводительной бумагѣ на имя князя Пл. А. Ширинскаго-Шихматова, была доставлена въ археографическую коммиссію лѣтопись Флорищевой пустыни подъ № 77, полученная отъ преосвященнаго Владимірской епархіи. Впрочемъ излагаемою бумагою оберъ-прокуроръ отвѣчалъ не на предыдущій документъ, а на отношеніе министра отъ 7-го мая 1837 г. По видимому, министръ, не получая съ мая мѣсяца отвѣта, повторилъ свой запросъ въ іюлѣ. Отвѣтъ же на второй запросъ сохранился въ нижеслѣдующемъ второмъ отношеніи оберъ-прокурора графа Протасова.

III) Отношеніе это, отъ 20-го ноября 1837 г., на имя министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова также приводится здѣсь вполнѣ. „Вслѣдствіе отношенія вашего высокопревосходительства отъ 17-го прошедшаго іюля № 8910, касательно истребованія изъ Флорище-

вой пустыни пергаментнаго списка Даніилова Хожденія въ Іерусалимъ, долгомъ считаю увѣдомить васъ, м. г., что по сношенію моему о семъ съ преосвященнымъ Владимірскимъ нынѣ полученъ отзывъ его, что сказаннаго списка, по тщательномъ розысканіи, во Флорищевой пустынѣ не оказалось". На этой бумагѣ, рукою М. А. Коркунова сдѣлана карандашная помѣта: „Списокъ находится въ Сборникѣ истор., присл. въ Арх. ком.".

Итакъ, оказывается, что списокъ, доставленный въ коммиссію изъ Флорищевой пустыни, не пергаменный, и что пергаменнаго списка тамъ, по видимому, и не было.

Не смотря на такое несоотвѣтствіе дѣйствительности съ заявленіемъ М. А. Коркунова обществу исторіи и древностей въ 1834 году, вопросъ о Флорищевскомъ пергаменномъ спискѣ не былъ разъясненъ и самими издателями Даніилова Хожденія, И. П. Сахаровымъ и А. С. Норовымъ, изъ которыхъ послѣдній, лишь въ 1864 году осуществилъ предположеніе археографической коммиссіи, по видимому составлявшее одну изъ ея задачъ съ первыхъ шаговъ ея существованія, какъ то ясно изъ вышеприведеннаго отношенія С. С. Уварова отъ 17-го іюля 1834 года. Для разъясненія указаннаго вопроса не встрѣчается данныхъ и въ біографіи П. М. Строева, составленной Н. П. Барсуковымъ.

Лѣтомъ 1881 года намъ удалось посѣтить Флорищеву пустынь и изслѣдовать находящійся въ ней списокъ Даніилова Хожденія, которое въ настоящее время приготовляется нами къ новому изданію.

Списокъ этотъ находится въ сборникѣ, писанномъ на бомбицинѣ на 647, не нумерованныхъ листахъ, въ 4-ку. Судя по почеркамъ, сборникъ этотъ очевидно переплетенъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ первая (листы 1 до 166) писана скорописью XVII вѣка, вторая (листы 167—465)—полууставомъ XV—XVI вѣка и третья (листы 466—647)—скорописью XVI—XVII вѣковъ. Вторая часть сборника, въ которой находится Даніилово Хожденіе, состоитъ изъ слѣдующихъ произведеній словесности:

1) Отрывки изъ Патерика Печерскаго (безъ начала); 2) Слово св. Анастасія Синаитскаго въ субботу сыропустную; 3) Слово св. Ефрема Сирина; 4) Слово св. Іоанна Златоустаго о египетскихъ мнисѣхъ; 5), 6) и 7) отрывки изъ Скитскаго Патерика; 8) Книга, глаголемая Странникъ Даніила игумена, и 9) Чудо св. апостолъ Петра и Павла въ лѣто 7061.

Даніилово Хожденіе писано на листахъ 392 об.—454 об. По сличеніи этого списка съ другими извѣстными, оказалось, что онъ почти

дословно сходенъ со списками археографической коммиссіи (Рѣшетниковскимъ), Нижегородскимъ-Благовѣщенскимъ, однимъ изъ Толстовскихъ (описаннымъ П. М. Строевымъ подъ № 393) и тѣмъ спискомъ И. П. Сахарова, который принятъ имъ въ основаніе своего изданія, а въ настоящее время принадлежитъ графу А. С. Уварову.

Никакія особенности Флорищевскаго списка не оправдываютъ предположеній о его древности и важности, предположеній, высказанныхъ П. М. Строевымъ, М. А. Коркуновымъ, И. П. Сахаровымъ и А. С. Норовымъ и основанныхъ на довѣріи къ слуху о томъ, что онъ писанъ на пергаменѣ. Что именно этотъ, а не какой-нибудь другой, списокъ былъ доставленъ въ 1837 году въ археографическую коммиссію доказывается тѣмъ, что на внутренней сторонѣ верхней доски переплета сборника написаны и зачеркнуты два №№ 77 и 59. Въ настоящее время сборникъ этотъ носитъ № 149. Въ 1837 году, когда сборникъ былъ отправленъ въ С.-Петербургъ, онъ былъ помѣченъ № 77.

Изъ вышеприведеннаго документа отъ 20-го ноября 1837 г., кажется, ясно, что во Флорищевой пустынѣ не было пергаменнаго списка Даніилова Хожденія, да едва ли и могъ онъ быть, по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ монастырѣ, основанномъ въ половинѣ XVII вѣка, трудно ожидать нахожденія пергаменныхъ рукописей такого содержанія, какъ Даніилово Хожденіе, которое къ этому времени утратило свое первоначальное значеніе творенія извѣстнаго автора и стало распространяться въ многочисленныхъ спискахъ, въ качествѣ обыденнаго путеводителя въ Палестину. А что во Флорищевомъ монастырѣ не могло быть очень древнихъ рукописей, видно по составу его книгохранилища, въ которомъ древность документовъ не восходитъ далѣе конца XVI вѣка.

Такимъ образомъ извѣстіе о пергаменномъ Флорищевскомъ спискѣ Даніилова Хожденія не представляется заслуживающимъ вѣроятія. Первое заявленіе о существованіи такого списка, сдѣланное М. А. Коркуновымъ, подвергаетъ незаслуженному сомнѣнію опытность П. М. Строева въ различеніи бумажныхъ рукописей отъ пергаменныхъ. Такое сомнѣніе, конечно, немыслимо. Остается предположить: не былъ ли самъ П. М. Строевъ введенъ въ заблужденіе какимъ-нибудь неопытнымъ любителемъ древности, напримѣръ, тѣмъ же, о которомъ упоминаетъ и И. П. Сахаровъ? Рѣшеніе послѣдняго вопроса зависитъ отъ данныхъ, которыя могутъ встрѣтиться лишь въ бумагахъ П. М. Строева и въ архивѣ общества любителей исторіи и древностей

россійскихъ, именно въ документахъ 1834 года, касающихся предположенія общества объ изданіи Даніилова хожденія.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести слѣдующую выписку изъ письма, адресованнаго намъ А. Е. Викторовымъ, которому мы здѣсь печатно заявляемъ нашу глубочайшую признательность за его важное сообщеніе, давшее намъ поводъ лично посѣтить Флорищеву пустынь.

„Рукопись, гдѣ находится списокъ Даніила, найдена была мною между старопечатными книгами и никакого № не имѣла. Но вмѣстѣ съ другими, бывшими внѣ каталога рукописями, я занумеровалъ ее, перемѣстилъ ее въ шкапъ съ рукописями и наклеилъ собственноручно на ней № 149. Я увѣренъ, что подъ этимъ №, и именно на самой нижней полкѣ, вы и отыщете ее. Это рукопись въ 4-ку, очень толстая, сплетенная изъ тетрадей разнаго времени и разныхъ почерковъ. Средина ея состоитъ изъ тетрадей, писанныхъ крупнымъ полууставомъ на желтоватой лощеной бумагѣ, по моему мнѣнію не позднѣе конца XV или начала XVI вѣка. Въ этой, то-есть полууставной, части рукописи, помѣщено нѣсколько переводныхъ патериковъ, Патерикъ Печерскій, безъ начала и конца, и проч., и столь знакомая и любезная вамъ: „Книга, глаголемая странникъ“. Прочтя потомъ извѣстное вамъ Сахаровское извѣстіе о Флорищевскомъ спискѣ Даніила, я пришелъ къ рѣшительному заключенію, что сообщившій Сахарову это извѣстіе любитель старины, разумѣлъ именно этотъ самый списокъ, а не другой какой-либо. Какъ я выше сказалъ, бумага, на которой писаны отрывки изъ патериковъ и Паломникъ Даніила, желтоватая и лощеная. Итакъ, мнѣ кажется, не будетъ слишкомъ смѣло предположить, что цитуемый Сахаровымъ любитель, по всей вѣроятности въ дѣлѣ палеографіи неопытный, эту бумагу принялъ за пергаменъ и списокъ ошибочно назвалъ пергаменнымъ. Вотъ, еслибы Сахаровъ самъ видѣлъ этотъ списокъ, тогда бы другое дѣло. Въ пользу высказаннаго мною мнѣнія, то-есть, что упоминаемый Сахаровымъ списокъ едва ли слѣдуетъ считать затеряннымъ, говоритъ и то, что рукописи и книги Флорищевской библіотеки хранятся и вѣроятно прежде хранились въ хорошемъ порядкѣ, и напримѣръ, въ настоящее время, при моемъ пересмотрѣ ихъ противъ каталога, какъ это въ большей части другихъ, осмотрѣнныхъ мною, библіотекъ, никакихъ утратъ не оказалось, а напротивъ, нашлось много лишняго, и въ томъ числѣ, искомый вами списокъ Даніила“.

II.

Западно-русская передѣлка Хожденія Даніила игумена въ Палестину.

Въ числѣ рукописей, въ которыхъ встрѣчается Хожденіе Даніила игумена, А. С. Норовъ упоминаетъ о спискѣ XVIII в. въ четверку, принадлежащемъ библіотекѣ Троицко-Сергіевой лавры. Въ рукописи этой „путешествіе Даніилово", говоритъ А. С. Норовъ,—„передѣлано кѣмъ-то въ 1747 году, какъ въ слогѣ, такъ и въ обстоятельствахъ; многое даже прибавлено, и вообще представляетъ какую-то безобразную смѣсь. Заглавіе: Путникъ Іерусалимской, начало: Се азъ, смиренный Даніилъ, архимандритъ монастыря Корсунскаго, въ Бѣлой Россіи. Братія возлюбленная, миръ и благословеніе и благодать Божія со всѣми вами, аминь". (Путешествіе Игумена Даніила, 1864 г., стр. XIII, № 14).

Мы имѣли случай познакомиться съ подлинною указанною рукописью, при чемъ оказалось, что она представляетъ собою любопытную передѣлку Даніилова Хожденія, предпринятую, по всей вѣроятности, жителемъ юго-западной Россіи, владѣвшимъ польскимъ языкомъ. Нижеслѣдующія данныя подтвердятъ, надѣюсь, высказанное предположеніе [1]).

Путникъ Іерусалимскій писанъ на 36 листахъ, въ четверку, переплетенныхъ въ бумажный переплетъ. Рукопись писана скорописью, переходящею въ полууставъ на листахъ 2—11. На рукописи выставлены нумера 1914-й по старой,—и 734-й по новой нумераціи рукописнаго каталога Троицко-Сергіевой лавры, гдѣ занимающій насъ Путникъ описанъ въ книгѣ III, на страницахъ 586 и 587.

На первомъ бѣломъ листѣ написано: „отъ книгъ Іеромонаха Іосифа Ковалевскаго по описи № 10-й" Пониже: „1775-го года № 76". Еще ниже, новѣйшимъ почеркомъ: „Сія рукопись принадлежитъ библіотекѣ Святой Троицко-Сергіевой Лавры, 1855 г.". На послѣднемъ листѣ рукописи, пониже заключительныхъ словъ писца: „окончихомъ сей Путникъ 1747 года 11-го Генваря," — помѣчено полууставомъ: „Плешкинъ Захарка".

---

[1]) При выпискахъ изъ подлинной рукописи, помѣщенныхъ далѣе, особенно важныя, сравнительно съ текстомъ Даніилова хожденія, прибавки и измѣненія приводятся съ разрядкой или оговорены въ подстрочныхъ выноскахъ.

О личности упомянутаго владѣльца рукописи, Іосифа Ковалевскаго, встрѣчаются слѣдующія данныя въ каталогѣ лаврскихъ рукописей. При имени Ковалевскаго, въ рукописномъ описаніи занимающаго насъ Путника, замѣчено: „Іеромонахъ Іосифъ Ковалевскій вытребованъ былъ въ Сергіеву Лавру изъ Сумскаго Успенскаго монастыря въ 1753 году“. Затѣмъ имя Ковалевскаго встрѣчается въ рукописи № 732 (1913), на первыхъ листахъ которой внизу находится слѣдующая помѣта: „Сія книга, глаголемая лѣтопись Іеромонаха Іосифа Ковалевскаго, списана въ Свято-Троицкой-Сергіевой Лаврѣ, 1761-мъ году, мѣсяца Маія“.

Вслѣдъ за заглавіемъ: „Путникъ Іерусалимскій“ текстъ начинается, съ листа 2-го, предисловіемъ слѣдующаго содержанія:

„Се азъ, смиренный Даніилъ, архимандритъ монастыря Корсунскаго въ Бѣлой Россіи. Братія возлюбленная! Миръ и благословеніе и благодать Божія со всѣми вами, аминь. Рекъ вамъ, возлюбленная о Христѣ братія, о мѣстахъ святыхъ, яже есть въ Іерусалимѣ, — по которымъ меня грѣшнаго Господь Богъ ходить сподобилъ; понужденъ былъ мыслію и вожделеніемъ сердца моего видѣти святый градъ Іерусалимъ и землю, Богомъ обѣтованную патріарху нашему Аврааму, и тако благодатію Божією хранимъ доидохъ святаго града Іерусалима и видѣхъ святая мѣста оная вся и проидохъ всю сію обѣтованную землю, идѣже Христосъ, Господь Богъ нашъ, ходити благоизволилъ и чудеса сотворилъ нашего спасенія ради. Молю же васъ, братія моя возлюбленная, простите мя грѣшнаго и окаяннаго и не зазрите худоумію моему и грубости моей, еже написахъ о Іерусалимѣ градѣ, и о всей земли той блазѣй, и о пути ономъ святомъ, которымъ азъ недостойный ходилъ и вся мѣста святая видѣхъ своима очима грѣшныма. Ибо хота многіи доходятъ святаго града Іерусалима, обаче много благая не увидѣвше, вскорѣ отходятъ вспять; сей бо путь въ скорости преходити нѣсть полезно, но тихо, не скоро, со всякимъ смиреніемъ и умѣреніемъ, да возможно удобь видѣти вся пространно своими очима, и внутрь, и внѣ окрестъ святаго града Іерусалима.

„Азъ убо недостойній и худдій, иже во іеромонасѣхъ Даніилъ, дошедъ святаго мѣста Іерусалима, тамо пребыхъ три лѣта, и походилъ вся мѣста святая; не въ бытность жь безъ добраго вождя и не безъ языка увѣдати вся оныя мѣста; такожде азъ многогрѣшный елико имѣлъ въ рукахъ имѣнія своего, тое роздалъ добрѣ свѣдущимъ о святыхъ мѣстѣхъ, да и мнѣ многогрѣшному показати бы изволили добрѣ. И сподоби мя Богъ обрѣсти мужа честна, свята, многолѣтна

и зѣло добрѣ писанія свѣдущаго въ Лаврѣ святаго Савы, и сему святолюбиву мужу даде Богъ въ сердце, во еже любити мя, и той мнѣ показа добрѣ вся святая мѣста во Іерусалимѣ, и во всей земли обѣтованной, и проводилъ мя даже до Тиверіадскаго моря, и до Ѳавора, и до Хеврона, и до Іордана рѣки, и во всѣхъ тамо сицыхъ святыхъ мѣстахъ, яже вожделѣ душа моя видѣти, и много зѣло потрудился любве ради".

Вслѣдъ за предисловіемъ, выписаннымъ, какъ образчикъ передѣлки слога Даніилова Хожденія, на листѣ 3-мъ начинается безъ особаго заглавія, Путникъ Іерусалимскій, то-есть указаніе пути ко Іерусалиму и продолжается до л. 4 об. Въ этомъ указаніи встрѣчаются слѣдующія подробности, отличающія описываемую передѣлку отъ подлиннаго Хожденія Даніила игумена.

Исходною точкой отправленія взятъ не Царьградъ, какъ во всѣхъ лучшихъ спискахъ памятника, а Корсунь; затѣмъ упоминаются Каменецъ-Подольскій, Сочива, и лишь послѣ Сочивы,— Царьградъ, названный латинскимъ, но не русскимъ, именемъ Константинополя. Разстоянія опредѣляются не верстами, а милями, впрочемъ въ числахъ, соотвѣтствующихъ почти вполнѣ числовымъ даннымъ, указаннымъ въ печатномъ текстѣ археографической коммиссіи. Замѣна верстъ милями безъ сознанія разницы величины той и другой мѣры доказываетъ, что авторъ передѣлки не имѣлъ цѣлью провѣрку дѣйствительнаго разстоянія пути до Іерусалима. Островъ Родосъ названъ Ргодомъ, что указываетъ на заимствованіе этого имени изъ формы латинской, а не греческой (Rhodos).

Въ главѣ о темьянѣ гонфитѣ названіе деревъ, рождающихъ этотъ предметъ, сильно испорчено въ словахъ Гивна и Оторказа, болѣе удаленныхъ отъ греческихъ названій Ζυγια и Στυραξ, чѣмъ общеупотребительные въ спискахъ Даніилова Хожденія варіанты этихъ выраженій, а именно: Зигія или Зикія и Стурака или Стурика.

Описаніе пути между островомъ Кипромъ и Іерусалимомъ очень перепутано и изобилуетъ пропусками. На островѣ Кипрѣ упоминается гора, подъ которою будто бы находится церковь св. Георгія; въ дѣйствительности же развалины этой церкви между Яффой и Іерусалимомъ, на берегу азіатскаго материка. Точно также описаніе темьяна ладана, обыкновенно соединяемое съ описаніемъ острова Кипра, помѣщено не на этомъ мѣстѣ, а пріурочено къ окрестностямъ Іерусалима.

Лл. 5—12 об. содержатъ въ себѣ описаніе самаго города Іеру-

салима съ его святынями и съ ближайшими окрестностями, именно Виѳаніей, Геѳсиманіей и Елеонскою горой. Описывая церковь Воскресенія, неизвѣстный составитель передѣлки говоритъ, что церковь эта — круглая образомъ, яко зациркленa. Это польское выраженіе, вѣроятно, замѣняетъ собою загадочное слово всямокачна, употребленное въ этомъ мѣстѣ въ большинствѣ списковъ Хожденія. Къ описанію темницы Христовой, на л. 7 об. и 8, прибавлена слѣдующая подробность, не встрѣчающаяся въ Даніиловомъ Хожденіи: „Нынѣ же въ ту темницу сажаютъ тѣхъ, кои злословятъ отца и матерь, или брата опечалитъ, или кого діяволомъ назоветъ, или воспомянетъ бѣса; сицевая казнь есть во святомъ городѣ Іерусалимѣ, да сидитъ тамо чрезъ весь годъ, дондеже покается злословити“.

Послѣ упоминанія о столпѣ Давидовѣ и о невозможности посѣщать его, текстъ продолжается затѣмъ словами: „Однакъ едва возмогъ ввести съ собою товарища моего Здаслава Ивановича Мниха, прочіи же не пущены“. Въ подлинномъ Хожденіи Даніилъ называетъ этого Седеслава, Здѣслава или Издѣслава (по разнымъ спискамъ) — „единымъ отъ слугъ“ или „отъ людей моихъ“, но не товарищемъ, и нигдѣ не упоминаетъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ спискахъ чтобъ этотъ спутникъ его былъ монахомъ.

Вслѣдъ за описаніемъ окрестностей Іерусалима, между вторичнымъ описаніемъ города и началомъ пути къ Іордану, въ разсматриваемой рукописи помѣщена, на лл. 12 об.—13, любопытная прибавка къ Даніилову Хожденію слѣдующаго содержанія: „Буди же вѣдомо невѣжамъ о попѣхъ, иже суть священницы, попами нарицаеміи того ради, како есть въ томъ градѣ Іерусалимѣ пупъ земный, о которомъ прежде сказахомъ, тотъ есть пупъ посредѣ свѣта, въ который пупъ водруженъ былъ крестъ Іисусъ Христовъ, и сего ради священницы отъ того времени нареклися попами, понеже они носятъ на себѣ крестъ и вся страсти Христовы, ихъ же Богъ на опый степень позвалъ“.

Въ описаніи Іорданскаго пути, лл. 13—15, разстоянія, согласныя въ числахъ съ указаніями печатнаго текста археографической коммиссіи, опредѣляются то верстами, то милями, именно: „отъ Іерусалима до Іордана рѣки верстъ 26, до Курова (то-есть Кузивы по Даніилу) 15 верстъ..... а отъ Курова до Іерихона 5 миль, а отъ Іерихона до Іордана 6 миль“.

На листахъ 15—28 об. вкратцѣ изложено описаніе Іорданскихъ монастырей, Виѳлеема, Хеврона, дуба Мамврійскаго и начала пути въ

Галилею, именно верховьевъ Іордана. Въ описаніи мѣста убіенія Давидомъ Голіаѳа находится слѣдующая, не встрѣчающаяся въ спискахъ Даніилова Хожденія, прибавка: „Ангелъ бо Господень толкнулъ его созади, и паде ницъ Голіаѳъ на лице и умре“.

На листѣ 26, предъ описаніемъ горы Ѳаворской, вставлено описаніе возвратнаго пути изъ Палестины, именно отъ Антіохіи Великой, мимо острова Саталіи, чрезъ Халкидоній городъ и Патровъ городъ, откуда „путь въ Баръ градъ“. Отрывочность и сбивчивость указанія обратнаго пути значительно отличаются отъ обстоятельнаго разказа Даніила. Замѣна Царьграда (называемаго въ передѣлкѣ Константинополемъ) Баръ-градомъ объясняется, какъ намъ кажется, предположеніемъ о связи Патрова, то-есть Патеры, мѣста рожденія св. Николая Мирликійскаго, съ италіанскимъ городомъ Вари, куда перенесены мощи этого святаго.

Описаніе пути въ Галилею (л. 28 об.—л. 30 об.) значительно сокращено сравнительно съ Хожденіемъ Даніила и отъ мытницы Матѳѣевой на верховьи Іордана прямо переходитъ къ гробу Іосифа Обручника въ Назаретѣ. Возвращеніе въ Іерусалимъ изъ Каны Галилейской изложено вкратцѣ, безъ упоминанія попутныхъ мѣстностей и городовъ.

Наконецъ, на листахъ 30 об.—34, излагается разказъ о схожденіи свѣта святаго на Гробъ Господень въ Великую Субботу, подъ необычнымъ и страннымъ заглавіемъ: „О новомъ свѣтѣ“. Въ разказѣ этомъ, вообще очень сокращенномъ сравнительно съ изложеніемъ Даніила, не упоминаются ни спутники послѣдняго, свидѣтели чуда на Гробѣ Господнемъ, ни записанные въ лаврѣ св. Саввы Русскіе князья. Странники, стекающіеся на субботнюю службу въ церковь Воскресенія Господня, перечисляются слѣдующимъ образомъ (л. 32): „Заутра жъ въ Великую Субботу, въ 6 часъ дня, собираются вси людіе предъ церковь святаго Воскресенія, безчисленное множество народа, отъ всѣхъ странъ пришельцы и иноземцы, отъ Аравіи, отъ Египта, отъ Рима, отъ Москвы, и отъ Іудеи, отъ Персовъ и отъ прочихъ странъ“. Въ Даниловомъ Хожденіи странники эти называются пришельцами отъ Вавилона, Египта (иногда еще отъ Антіохіи) и отъ всѣхъ странъ, но ни Римъ, ни Москва не поименовываются ни въ одномъ спискѣ Хожденія.

Разказъ о схожденіи свѣта святаго оканчивается слѣдующими словами, почти дословно повторяющимися въ нѣкоторыхъ спискахъ Хожденія Даніилова (ср. изд. арх. комм., стр. 147): „изыдохомъ съ ра-

достію веліею, обогатившеся благодатіею Божіею, и пойдохомъ ко игумену въ метохію св. Саввы". Но, помѣщенное вслѣдъ за этими словами (лл. 34—35) послѣсловіе значительно отличается отъ Даніилова, какъ слогомъ, такъ и любопытными прибавками къ тексту нѣкоторыхъ подробностей о времени совершенія путешествія и о пути, по которому паломникъ возвращался домой. Выписываемъ это послѣсловіе:

„Доздѣ написахъ вамъ, возлюбленіи, вся, яже сподобилъ Богъ видѣти своими очима истинно, ничтоже ложно и неправильно сказахъ; суть же и иная многа знаменія и чудеса, яже Іисусъ Христосъ, Богъ нашъ, содѣла спасенія нашего ради, кая суть списана въ благовѣстіяхъ евангелистовъ Христовыхъ, но азъ окаянный, еже видѣхъ очима моима, сіе написахъ, а еже написахъ, сіе есть истинно, понеже увѣренія ради нѣкоторыхъ неимовѣрцевъ, иже мнози обрѣтаются, яко и Евангелію святому не вѣровати буйства своего ради, обаче, горе, горе сицевымъ будетъ въ день судный, а иже вѣренъ будетъ въ малѣ, и въ мнозѣ вѣренъ будетъ, не вѣрующему же злому человѣку и истина крива и неправедна мнится быти.

„Послѣди же предъ исходомъ моимъ отъ святаго онаго и прекраснаго града Іерусалима вложи Богъ въ сердце князю Балдвину, якоже и прежде, любити мя странна суща, и видѣхъ отъ него велію къ себѣ любовь [1]), и испросихъ отъ него грамоту и повелѣ написати мнѣ, съ приложеніемъ печати и за подписаніемъ руки своея, въ путь мнѣ и даде ю въ руцѣ мои, и благословивъ проведе мя грѣшнаго въ путь къ домашнимъ моимъ. Сице и игумену святаго Саввы, Арсенію, любимъ быхъ зѣло. Азъ же и отъ него испросихъ грамоту въ путь мой, онъ же съ любовію написа ми листъ свой, при печати и подписаніи руки своея, и даде мнѣ въ руцѣ мои; еще же и книжицу даде мнѣ въ даръ, и обрадова мя, въ которой книжицѣ написана Пассія, сирѣчь вся страсти Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа истинно, еще же и житіе патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова, и житіе святаго пророка и царя Давида написано въ ней же греческимъ языкомъ то душеполезное утѣшеніе. Азъ же сію переведохъ на свой языкъ русскій; понеже въ святомъ градѣ Іерусалимѣ вси граждане Іерусалимстіи языкомъ греческимъ глаголютъ и по всѣхъ церквахъ всѣ книги суть греческіи, также и духовныя отправленія,

---

[1]) Начиная отсюда до конца передѣлки, приводимый текстъ значительно розвится отъ обыкновеннаго текста Даніилова Хожденія.

яко то литоргіи хлѣбомъ квасным, сирѣчь просфорою, греческимъ преданіемъ и обыкновеніемъ прежнимъ отправляются".

Затѣмъ, въ послѣсловіе вставлена особая статья объ іерействѣ Іисуса Христа. По поводу этой статьи въ рукописномъ каталогѣ Троицкой Лавры сдѣлана ссылка на лаврскую Четью Минею № 663, на листахъ 83 об.—113 которой выписано слово Епифанія о житіи и воспитаніи Богородицы, и при этомъ словѣ помѣчено мнѣніе Максима Грека объ апокрифическомъ значеніи преданія о іерействѣ Іисуса Христа. Статья о іерействѣ, которой вовсе нѣтъ въ подлинномъ Хожденіи Даніила, начинается на л. 35 слѣдующимъ образомъ: „о іерействѣ Господа нашего Іисуса Христа. Тотъ же игуменъ (Арсеній) монастыря святаго Саввы даде мнѣ въ руцѣ чести книгу велику, еже есть Кройники, и чтохъ въ ней слово, како бѣ іереемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ во Іерусалимѣ" и т. д.

Вслѣдъ за этою статьею послѣсловіе оканчивается слѣдующимъ образомъ:

„Сіе все написахъ не коварствомъ и лжею, но еже бысть мнѣ въ томъ пути, то здѣ праведно и написахъ, послѣди же идохомъ въ домъ отъ святаго онаго града Іерусалима веемше благословеніе. Поидохомъ же въ путь изъ дому своего къ святому граду Іерусалиму року Господня 1590, въ понедѣльникъ, приспѣхомъ же до святаго града Іерусалима въ постѣ святаго Филиппа, и тамо съ дружиною моею ходихъ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, и паки приспѣхомъ обратно въ свой монастырь 1594, силою Вышняго хранимъ всегда и вездѣ. И пріидохомъ къ своимъ при окончаніи лѣта всего, идохомъ бо чрезъ все лѣто и пріидохомъ въ Печерскій Кіевскій монастырь въ день праздника Воздвиженія честнаго креста и тамо поклонихомся преподобнымъ отцемъ Печерскимъ и видѣ мощи святыхъ отецъ преподобныхъ Антонія и Θеодосія, и тамо видѣхъ изъ главы преподобнаго отца нашего Θеодосія святое мvро исходящее, идѣже мя сподоби Богъ испросити архимандрита и даде мнѣ тогожъ святаго мvра на требованіе мое.

„И сице благословеніемъ Бога Отца, изволеніемъ Бога Сына, поспѣшествіемъ Духа Святаго во славу святыя единосущныя Троицы, въ пользу же яко мнѣ, тако и прочимъ чтущимъ, окончихомъ сей Путникъ 1747 года 11 генваря". Послѣдняя фраза очевидно принадлежитъ переписчику рукописи, можетъ быть І. Коваленскому,

Описанная передѣлка Даніилова Хожденія, по видимому, должна имѣть большое сходство, если не является вторымъ ея спискомъ, съ

любопытною рукописью Русскаго народнаго дома во Львовѣ, о которой сообщилъ А. С. Петрушевичъ въ изданной имъ въ 1872 г., во Львовѣ, брошюрѣ [1]), подъ заглавіемъ: Путникъ о градѣ Іерусалимѣ, составленъ неизвѣстнымъ галицко-русскимъ паломникомъ между 1597—1607 г. По крайней мѣрѣ объ этомъ можно предположить на основаніи данныхъ, помѣщенныхъ г. Петрушевичемъ въ примѣчаніи 1-мъ (стр. 20—21 его изданія), о рукописномъ помянникѣ церкви Поморянской св. Троицы, писанномъ въ 1709 году, и хранящейся въ той же библіотекѣ во Львовѣ. На стр. 95 этого Помянника встрѣчается слѣдующее мѣсто, почти дословно повторяющее окончаніе Іерусалимскаго Путника по списку Троице-Сергіевой лавры: „И вниди Богъ въ сердце князю Балдвину любити мя странна, и видѣхъ отъ него великую любовь и вопросихъ отъ него грамоты написати и приложеніемъ печати и подписомъ руки о пути моемъ, и дасть ми хартію въ руцѣ мои; и благословивъ и простивъ мене грѣшнаго во путь ко домашнимъ. Такожде и игумену св. Саввы Арсенію любимъ быхъ зѣло и вопросивъ его о грамоту во путь мой; онъ же со любовію посиша ми миръ свой, со печатію и подписомъ руки, и даде мнѣ еще и книжицу обдари ми, и обрадова мя, въ которой книжици написана Пассія, то есть страсти Христовы, и житія патріарха Авраама, Исаака и Якова, и житіе Давида царя въ той же часъ книжицы списано языкомъ грецкимъ душеполезно утѣшеніе, Азъ же то приложихъ на свой языкъ русскій". Выписанными словами скапчивается въ Львовской рукописи 1709 года Іерусалимскій Путникъ, приписанный Даніилу, названному въ немъ архимандритомъ Чернѣговскимъ (дважды исправлено: Корсунскимъ).

Настоящимъ сообщеніемъ, помимо указанія на новаго, можетъ быть, путешественника въ Палестину, мы имѣли въ виду предупредить тѣхъ изслѣдователей древней русской словесности, которые пожелали бы обратиться къ описанной рукописи Троице-Сергіевой Лавры какъ къ одному изъ указанныхъ А. С. Норовымъ списковъ Даниилова Хожденія.

[1]) 28 страницъ въ 8-ку. Здѣсь помѣщенъ текстъ Путника и примѣчанія къ нему.

М. Веневитиновъ.

ФРАНЦІЯ И РОССІЯ ВЪ ЭПОХУ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО [1]).

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXXIV. С.-Пб. 1881.

II.

Донесенія де-Лави (1715—1718 года).

Де-Лави (de-la-Vie), донесенія котораго о русскихъ дѣлахъ относятся въ Сборникѣ къ 1715—1718 годамъ, не игралъ значительной роли въ Петербургѣ. За то онъ былъ хорошимъ наблюдателемъ и во время многолѣтняго пребыванія своего въ Россіи имѣлъ возможность собрать свѣдѣнія о многихъ происшествіяхъ того времени. Въ этомъ отношеніи его донесенія имѣютъ сходство съ донесеніями ганноверскаго резидента Вебера и съ донесеніями австрійскаго дипломатическаго агента Плейера [2]).

О маловажности политической роли де-Лави можно судить и по тому обстоятельству, что даже ле-Драпъ, составившій въ 1726 году записку о дипломатическихъ сношеніяхъ между Россіей и Франціей до 1718 года, вовсе не упоминаетъ о немъ. Постараемся сгруппировать здѣсь свѣдѣнія о дипломатической дѣятельности де-Лави, а затѣмъ укажемъ на значеніе его донесеній, какъ историческаго источника.

---

[1]) *Продолженіе.* См. февральскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

[2]) См. мои статьи о Веберѣ въ *Журналѣ Министерства Нар. Пр.* т. CCXIII; донесенія Плейера изданы отчасти *Устряловымъ* въ «Исторіи Петра В.».

Въ 1715 году въ Парижѣ въ качествѣ русскаго дипломатическаго агента находился племянникъ любимца Петрова Ф. Я. Лефорта. Онъ велъ переговоры съ министромъ Поншартреномъ главнымъ образомъ по вопросамъ торговымъ. Въ то время во Франціи желали заключенія торговаго договора съ Россіею: намѣревались учредить компанію для торговли съ Россіей, въ надеждѣ нанести этимъ самымъ значительный ущербъ Голландіи, до тѣхъ поръ продававшей французскіе товары въ Россіи, а русскіе въ западной Европѣ. Но по видимому Французы взялись за дѣло не совсѣмъ ловко; капиталисты, затратившіе значительныя суммы денегъ на это предпріятіе, дорого поплатились за эту попытку. Французское правительство желало поправить дѣло, выхлопотавъ французскимъ негоціантамъ разныя льготы въ Россіи, и потому стало собирать подробныя свѣдѣнія о состояніи русской торговли.

О переговорахъ французскаго правительства съ Лефортомъ мы не находимъ въ разсматриваемыхъ документахъ почти никакихъ свѣдѣній. Мы узнаемъ только, что онъ былъ отправленъ во Францію, облеченный званіемъ царскаго коммерціи совѣтника, и что Меншиковъ далъ ему письмо къ графу Поншартрену о торговыхъ дѣлахъ (стр. 105); кромѣ того, видно, что Лефортъ заботился о русскихъ, учившихся во Франціи морскому дѣлу (стр. 616); наконецъ, что онъ отличался расточительностью, входилъ въ долги и подвергался разнымъ непріятностямъ по этому поводу (стр. 166).

Еще до пріѣзда въ Парижъ Лефорта [1]) французское правительство рѣшило отправить дипломатическаго агента въ Россію для переговоровъ о торговлѣ. Порученіе это было дано де-Лави. О его прежней службѣ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Лишь слѣдующее „письмо изъ Гамбурга" 1717 года (безъ болѣе точнаго означенія даты) заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя данныя о характерѣ миссіи де-Лави и о впечатлѣніи, произведенномъ его путешествіемъ на современниковъ: „Г. де Лави прибылъ сюда недавно. Шведы весьма недовольны

---

[1]) Когда Лефортъ пріѣхалъ во Францію? Въ документѣ на стр. XXII сказано «къ концу 1715 г.»; де-Лави пишетъ, что Лефортъ выѣхалъ 16-го марта 1715 года изъ Петербурга (стр. 105), — въ инструкціи же, на которой выставленъ 1714 годъ, сказано: «Первый предметъ, о которомъ спросилъ г. Лефортъ, прибывшій сюда», и пр. (стр. 440). Какъ объяснить это хронологическое противорѣчіе? Инструкція эта, вѣроятно, составлена для де-Лави, прибывшаго въ Петербургъ въ январѣ 1715 года.

пребываніемъ его въ Петербургѣ; графъ Веллинкъ въ особенности дѣлаетъ изъ-за этого много шуму, говоря, что этимъ поступкомъ Франція по видимому молча признаетъ за царемъ владѣніе Петербургомъ и другими гаванями, которыя этотъ государь завоевалъ у Шведовъ на Балтійскомъ морѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что г. де-Лави не имѣетъ никакого назначенія быть консуломъ, а отправленъ въ Петербургъ лицами, заинтересованными французскими кораблями, которые отправились изъ Сенъ-Мало и другихъ гаваней въ Балтійское море съ цѣлью заботиться о ихъ выгодахъ и обращать вниманіе на сбытъ груза, какъ равно и того, который пошлется въ обмѣнъ, изъ чего ясно, что у Шведовъ нѣтъ никакихъ основаній для жалобъ и онѣ возникли, безъ сомнѣнія, для того, чтобы постараться увеличить препятствія для торговли королевскихъ судовъ и объяснить несправедливую задержку нѣкоторыхъ изъ этихъ кораблей, которые они захватили и отвели въ Стокгольмъ" (стр. 493—494).

Отсюда можно бы заключить, что де-Лави былъ не столько дипломатическимъ представителемъ французскаго правительства, сколько частнымъ коммерческимъ агентомъ нѣкоторыхъ французскихъ капиталистовъ. Этому, однако, противорѣчитъ то обстоятельство, что де-Лави, во все время своего пребыванія въ Россіи, писалъ донесенія къ французскимъ министрамъ и получалъ предписанія отъ нихъ (напримѣръ, отъ графа Поншартрена и маршала д'Юкселля), очевидно состоялъ на государственной службѣ и поэтому можетъ считаться нѣкоторымъ образомъ дипломатомъ. Впрочемъ, изъ тѣхъ же писемъ французскихъ министровъ видно, что обязанность де-Лави заключалась главнымъ образомъ въ наблюденіи за ходомъ торговыхъ дѣлъ на Балтійскомъ морѣ (стр. 444, 510).

Въ связи со всѣмъ этимъ состоитъ очевидно „записка, служащая инструкціей для ... отправляющагося въ С.-Петербургъ. Составленная въ 1715 г. статсъ-секретаремъ Амло (Amelot)" (стр. 490—493). Вѣроятно, она была написана въ то время, когда еще не было рѣшено, что именно де-Лави отправляется въ Россію въ качествѣ дипломатическаго агента. Лицу, отправляющемуся въ Россію, было поручено: узнать подробно о торговыхъ договорахъ между Англіею и Голландіей, съ одной стороны, и Россіей—съ другой, собрать свѣдѣнія о тарифѣ пошлинъ, о ярмаркахъ, о путяхъ сообщенія, составить списки вывознымъ русскимъ товарамъ, узнать о способахъ мѣновой торговли, на чистыя деньги и на векселя, освѣдомиться о звонкой монетѣ и объ отношеніи ея къ другимъ европейскимъ мо-

нетнымъ единицамъ, о мѣрахъ и вѣсахъ, о маклерскихъ конторахъ, о значительнѣйшихъ негоціантахъ въ Петербургѣ. Въ заключеніе же инструкціи было сказано: „Такъ какъ лицо, которое должно совершить путешествіе въ Петербургъ, по видимому, способно къ болѣе высшей дѣятельности, нежели о какой упомянуто въ настоящей запискѣ, можно бы было ему поручить въ то же время постараться узнать царя, государя наслѣдника, князя Меншикова, главныхъ министровъ и генераловъ, узнать интересы этого двора, его сношенія съ иностранными государствами, проникнуть предначертанія царя для увеличенія своего государства и своего могущества, преимущественно же что касается до флота, для котораго вѣроятно царь составилъ проекты. Было бы хорошо также имѣть точныя свѣдѣнія объ образѣ правленія, о совѣтахъ и судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ рѣшаются дѣла, о доходахъ царя, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, о религіи и о духовенствѣ, о числѣ войска, которое у царя на лицо или которое онъ можетъ имѣть, и обо всемъ, что̀ относится къ средствамъ для того, чтобы вести и поддерживать войну".

Итакъ, де-Лави поручено было не столько вести переговоры, сколько ограничиваться наблюденіями. Очевидно, французское правительство предоставляло себѣ открыть настоящіе переговоры лишь тогда, когда будутъ собраны самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ царя и о состояніи Московіи [1]).

Взглянемъ теперь на роль де-Лави въ Россіи. 14-го января 1715 года онъ писалъ изъ Петербурга: „Я прибылъ въ этотъ городъ 2-го числа текущаго мѣсяца; въ слѣдующіе затѣмъ дни я вручилъ нѣсколькимъ министрамъ царя частныя рекомендательныя письма, данныя мнѣ по дорогѣ знатными лицами, изъ коихъ нѣкоторыя состоятъ съ ними въ свойствѣ. Прежде всего я имѣлъ честь представиться вице-канцлеру, барону Шафирову, какъ одному изъ министровъ, къ которому царь питаетъ наибольшее довѣріе; онъ спросилъ у меня копію съ указа его величества, возлагающаго на меня здѣсь обязанности морскаго коммиссара, и сказалъ мнѣ, что передастъ эту

[1]) Мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что эта инструкція была составлена до отправленія де-Лави въ Россію, для него же. Но тутъ является то недоразумѣніе, на которое было указано уже выше. На этомъ документѣ означенъ 1714 годъ, а говорится въ немъ о пріѣздѣ въ Парижъ Лефорта; между тѣмъ Лефортъ пріѣхалъ туда не ранѣе 1715 года.

копію графу Головкину, государственному канцлеру. На слѣдующій день я имѣлъ честь сдѣлать визитъ сему послѣднему, и онъ обѣщалъ мнѣ, на сколько это будетъ зависѣть отъ него, ходатайствовать передъ царемъ о томъ, чтобы французскіе купцы имѣли поводъ быть довольными торговлей, которую они предпримутъ вести во владѣніяхъ этого монарха. Вслѣдъ за тѣмъ я имѣлъ честь обѣдать съ нимъ и съ другими министрами его царскаго величества у барона Лёвенвольде, гдѣ былъ принятъ весьма любезно" и пр.

По видимому, де-Лави сумѣлъ пріобрѣсти въ высшихъ слояхъ петербургскаго общества довольно почетное положеніе. Такъ, онъ обѣдывалъ у Саввы Рагузинскаго (стр. 101), принималъ посѣщенія резидентовъ великобританскаго и голландскаго (стр. 102), съ прусскимъ резидентомъ бесѣдовалъ о разныхъ довольно важныхъ предметахъ (стр. 103), имѣлъ случай вести переговоры о поставкѣ для Франціи и Италіи весьма значительнаго количества канатовъ (стр. 107), и пр. Въ одномъ изъ писемъ, относящемся къ 1715 г. и адресованномъ къ лицу, которое онъ называетъ „Monseigneur", де-Лави высказываетъ желаніе упрочить занимаемое имъ служебное положеніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ продолженіе моей трехлѣтней службы королю я прожилъ все свое небольшое состояніе и деньги, данныя мнѣ взаймы друзьями, и до сихъ поръ не получилъ ни копейки; мое рвеніе и усердіе показать себя достойнымъ служить королю и отечеству побудили меня предпринять на собственный счетъ продолжительное и тягостное путешествіе сухимъ путемъ изъ Парижа сюда и принимать у себя иностранныхъ пословъ и знатнѣйшихъ сановниковъ царскаго двора. Могу сказать безъ хвастовства, что еслибы мнѣ была оказана поддержка, то, свободно говоря на семи языкахъ и съ нихъ переводя, я способенъ оказать государству существенныя услуги. Такъ какъ я не получалъ вѣрительныхъ грамотъ, а назначенъ только простымъ морскимъ коммиссаромъ, то не имѣю возможности оказывать государству услуги, которыя оно могло бы отъ меня ожидать. Ежедневно приходятъ французскіе подданные, которые были приглашены въ эту страну, прося у меня паспортовъ для возвращенія на родину; мнѣ кажется, что люди эти были бы весьма полезны государству; но такъ какъ я не имѣю полномочія выдавать имъ паспорты, то и не осмѣлился принять на себя исполненіе ихъ просьбъ", и пр. (стр. 109—110). Очевидно, де-Лави, не бывшій настоящимъ дипломатомъ, желалъ занять болѣе важное оффиціальное положеніе.

Но послѣ этихъ донесеній, писанныхъ въ началѣ 1715 года, мы

не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о де-Лави до начала 1717 года. Между 28-мъ марта 1715 г. и 2-мъ января 1717 г. въ коллекціи документовъ, изданныхъ въ XXXIV-мъ томѣ Сборника, нѣтъ никакихъ его донесеній.

Однако, изъ донесенія отъ 2-го января 1717 года можно усмотрѣть, что не задолго предъ тѣмъ де-Лави писалъ къ своему покровителю (стр. 110) и при томъ очевидно, что де-Лави ссылается не на депешу отъ 28-го марта 1715 г., помѣщенную въ Сборникѣ непосредственно предъ донесеніемъ отъ 2-го января 1717 г., а на какую-то позднѣйшую. Пробѣлъ этотъ не разъясненъ редакторами разсматриваемаго изданія.

Посмотримъ, однако, измѣнилось ли въ продолженіе 1715 и 1716 годовъ оффиціальное положеніе де-Лави въ Россіи.

Мы не думаемъ, чтобы кругъ дѣятельности „морскаго коммиссара" расширился. И въ 1717 и 1718 годахъ де-Лави оставался лишь наблюдателемъ. О себѣ онъ почти вовсе не говоритъ болѣе въ своихъ донесеніяхъ, и только сообщаетъ разныя извѣстія о состояніи Россіи, о важныхъ лицахъ, о слухахъ и пр. Обыкновенно разказы его начинаются словами: „Меня увѣряли", „здѣсь разказываютъ", „мнѣ передавали", но болѣе подробное указаніе источниковъ передаваемыхъ свѣдѣній встрѣчается у него рѣдко. Въ мартѣ 1717 г. де-Лави имѣлъ случай говорить съ вице-адмираломъ Крюйсомъ (стр. 117); въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ о своихъ, впрочемъ весьма неблагопріятныхъ, сношеніяхъ съ бывшимъ директоромъ морской академіи Сентъ-Илеромъ (стр. 119). Честолюбіе не покидало де-Лави. Одну изъ своихъ депешъ онъ оканчиваетъ фразою: „Умоляю васъ имѣть милость вспомнить обо мнѣ, когда встрѣтится случай почтить меня приказаніями совѣта иностранныхъ дѣлъ" (стр. 120).

Очевидно, центръ тяжести переговоровъ между Франціей и Россіей находился въ это время не въ Петербургѣ, а въ Парижѣ: царь именно тогда посѣтилъ Францію. Это обстоятельство внушало де-Лави надежду, что наконецъ онъ достигнетъ желаемой цѣли и сдѣлается настоящимъ дипломатомъ. 6 (17)-го мая 1717 года онъ писалъ: „Поѣздка царя во Францію подастъ мнѣ надежду, что нашъ дворъ заключитъ съ этимъ государемъ торговый договоръ, что̀ улучшитъ мое положеніе. Я писалъ его тайному совѣтнику, доктору Эрскину (Areskin), прося его поговорить въ мою пользу въ случаѣ, если обо мнѣ станутъ его разспрашивать; онъ мнѣ пріятель и зна-

комъ съ моимъ семействомъ, и слѣдовательно, отдастъ мнѣ справедливость“ (стр. 214).

Однако де-Лави продолжалъ играть роль какъ-бы частнаго человѣка, пребывавшаго въ С. Петербургѣ для собственнаго удовольствія и тратившаго для этой цѣли собственныя деньги. Вотъ что пишетъ онъ 27 го мая 1717 года: „Мнѣ очень жаль, что я здѣсь имѣю лишь весьма скудный матеріалъ для донесеній: отъ публики тщательно скрываютъ дурныя извѣстія и сообщаютъ лишь то, что можетъ нравиться народу, а часто выдумываютъ ихъ единственно для его усыпленія; здѣсь нѣтъ обычая печатать какія либо газеты; правда, иногда появляются летучіе листки объ успѣхахъ его царскаго величества, но весьма рѣдко упоминается о томъ, что происходитъ въ странѣ; а потому для пріобрѣтенія свѣдѣній слѣдуетъ знакомиться съ знатными лицами, приглашать ихъ на увеселительныя собранія, и, когда они выпьютъ немного лишняго, является возможность разузнавать отъ нихъ о самыхъ секретныхъ дѣлахъ; такимъ путемъ я часто узнавалъ, что дѣлается въ сенатѣ и при дворѣ князя Меншикова. Если бы вы (votre Grandeur) признали возможнымъ дать мнѣ средства увеличить мои расходы, то я могъ бы узнавать о всѣхъ принимаемыхъ здѣсь мѣрахъ, тѣмъ болѣе, что я говорю на нѣсколькихъ языкахъ, что мнѣ чрезвычайно благопріятно; а такъ какъ дворянство весьма уважаетъ англійскихъ и голландскихъ купцовъ, то я изъ политическихъ цѣлей вижусь съ ними безъ церемоніи и узнаю отъ нихъ многія вещи о князѣ Меншиковѣ и о сенатѣ, о которыхъ я иначе бы не зналъ“ (стр. 217). Объ этомъ же предметѣ де-Лави пишетъ и въ другомъ письмѣ (229 230). Судя по этимъ словамъ его, по видимому, онъ проживалъ въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, отчасти на собственный счетъ, и можно полагать, что французское правительство вообще не придавало особеннаго значенія его дѣятельности въ Петербургѣ, такъ какъ оно скудно поддерживало его матеріальное положеніе. Онъ пишетъ 17-го октября 1717 года: „Издержки по корреспонденціи составляютъ для меня не менѣе 2000 л. въ годъ (!); справедливость требуетъ, чтобы эта сумма была мнѣ уплачена, такъ какъ я имѣю честь состоять при этомъ дворѣ на службѣ его величества, и вы довольны усердіемъ, съ которымъ я исполняю свои обязанности. Надѣюсь, что вы были столь добры обратить вниманіе на покорнѣйшее представленіе, каковое я имѣлъ честь сдѣлать вамъ по этому поводу“ и пр. (стр. 253). Неизвѣстно, исполнило ли французское правительство желаніе де-Лави

относительно увеличенія его содержанія. За то мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ просьбы его оставались безъ удовлетворенія.

Замѣтивъ, что его депеши доставляются во Францію не безъ нѣкотораго замедленія, онъ писалъ 7-го января 1718 года: „Быть можетъ, причина этого заключается въ любопытствѣ узнать, что̀ было написано, и потому, я полагаю, что, во избѣжаніе подобныхъ неудобствъ, было бы необходимо, чтобы вы изволили выслать мнѣ шифръ" (292). Извѣстно, что перлюстрація депешъ иностранныхъ дипломатовъ была въ ходу въ Россіи въ то время. Именно къ первой половинѣ 1718 года относится дѣло царевича Алексѣя Петровича. Петръ оставался далеко не равнодушнымъ къ разнымъ толкамъ, распространяемымъ въ западной Европѣ касательно его образа дѣйствій. Вслѣдствіе вскрытія дипломатической корреспонденціи, нѣкоторые изъ иностранныхъ дипломатовъ, сообщавшихъ своимъ правительствамъ о русскихъ дѣлахъ, подвергались непріятностямъ разнаго рода и даже жестокому преслѣдованію со стороны русскаго правительства. Такого рода случаи были, между прочимъ, съ австрійскимъ президентомъ Плейеромъ, съ его секретаремъ Фѣрстомъ и съ голландскимъ посланникомъ де-Би [1]). Поэтому и де-Лави имѣлъ основаніе просить о доставленіи ему шифра. Однако, какъ кажется, во Франціи не обращали вниманія на это желаніе де-Лави, или же, быть можетъ, не имѣли достаточно надежнаго случая вполнѣ безопасно переслать ему шифръ. Какъ бы то ни было, покровитель де-Лави не отвѣчалъ вовсе на его просьбу о шифрѣ, такъ что по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, 1-го августа 1718 года де-Лави опять просилъ о томъ же, и снова—безъ успѣха (стр. 363, 366).

Еслибы мы знали, къ кому обращался де-Лави со своими донесеніями, то могли бы изъ этого обстоятельства вывести кое-какія заключенія относительно значенія дипломатической роли де-Лави. Къ сожалѣнію, однако, издатели Сборника не разъясняютъ что̀ это было за лицо. Въ заглавіи каждой депеши читается: „Le Sieur de La Vie à Monseigneur", въ оглавленіи же говорится о „письмахъ де-Лави французскому министерству (маркизу Дюкселю и Дюбуа)". Въ депешахъ де-Лави называетъ то лицо, къ которому онъ пишетъ, „Monseigneur" или „Votre Grandeur"; въ переводѣ же эти титулы

---

[1]) *Германна*, Zeitgenöss. Berichte, 164 и 172; *Устрялова*, Ист. Петра В., т. VI, стр. 519—520 и пр.

передаются различно: то „ваше высочество“, то „ваше преподобіе“, то „ваше преосвященство“. На чемъ основано предположеніе, что депеши адресованы къ двумъ лицамъ (Дюкселю и Дюбуа) или къ „министерству“, также неизвѣстно. Изъ содержанія и характера депешъ видно, что онѣ адресованы къ одному лицу, и что, не имѣя строго офиціальной формы, онѣ мѣстами походятъ на частныя письма. Изъ самыхъ депешъ мы можемъ извлечь только слѣдующія подробности, проливающія нѣкоторый свѣтъ на личность, къ которой обращался де-Лави. Въ одной изъ депешъ послѣдній пишетъ: „Такъ какъ въ продолженіе пяти съ половиною лѣтъ, что я имѣю честь служить его величеству, я постоянно находился въ разлукѣ съ семьей, что было сопряжено съ двойнымъ расходомъ, то я написалъ женѣ пріѣхать сюда на первомъ отходящемъ кораблѣ, взявъ съ собою сына, двухъ слугъ и нѣсколько мебели и припасовъ. Покорнѣйше прошу васъ приказать, чтобы ей былъ высланъ паспортъ въ Бордо“ и пр. (стр. 216). Судя по тому обстоятельству, что выдача паспорта женѣ де-Лави зависѣла лишь отъ приказанія того лица, къ которому онъ писалъ, можно считать вѣроятнымъ, что это былъ весьма важный сановникъ. 28-го октября 1718 г. де-Лави писалъ къ нему: „Посреди множества лицъ, спѣшащихъ поздравить васъ съ саномъ, пожалованнымъ вамъ королемъ, вслѣдствіе мудрой проницательности его королевскаго высочества герцога-регента, оцѣнившаго ваши рѣдкія достоинства, столь уважаемыя всѣми, кто только имѣетъ честь васъ знать, что вамъ угодно будетъ принять благосклонно и мои всепокорнѣйшія поздравленія“ (стр. 381). Отсюда можно заключить, что осенью 1718 года, то лицо, къ которому писалъ де-Лави, получило важное повышеніе: это указаніе можетъ послужить къ открытію имени этого лица. Къ нему одному адресованы напечатанныя въ XXXIV томѣ Сборника донесенія де-Лави, и петербургскій представитель французскаго правительства надѣялся на улучшеніе своего положенія главнымъ образомъ отъ посредничества этого покровителя, имя котораго остается пока неизвѣстнымъ.

Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ намековъ въ изданныхъ донесеніяхъ де-Лави мы узнаемъ, что онъ посылалъ во Францію и иныя записки Такъ въ ноябрѣ 1717 года онъ пишетъ: „Я имѣлъ честь отправить 23-го іюля 1717 г. записку гг. членамъ морскаго совѣта (à Messieurs du Conseil de Marine) относительно матеріаловъ (для кораблестроенія) и объяснялъ средства, при помощи которыхъ можно получить ихъ для королевскихъ арсеналовъ за умѣренную цѣну; совѣтъ сдѣлалъ

мнѣ честь отвѣтить, что доволенъ моимъ представленіемъ, не сообщая, однако, своего рѣшенія и не давая никакихъ приказаній" (стр. 263).

Не подлежитъ сомнѣнію, что де-Лави былъ спеціалистъ по вопросамъ торговли и промышленности. Вотъ что̀ говоритъ онъ о своей посылкѣ въ Россію: „Слѣдуетъ замѣтить, что Англичане и Голландцы вывозятъ изъ этого отдаленнаго мѣста Россіи (города Азова) наилучшія произведенія, которыя перевозятъ въ Архангельскъ, а затѣмъ въ Ливорно въ Италію, откуда, какъ я видѣлъ, въ 1709 году, ихъ пересылаютъ въ Марсель и выгодно продаютъ тамъ. Это навело меня на мысль, что торговля съ Россіей вообще должна быть выгодна нашему народу, и потому я рѣшился тщательно изучить ее, чтобы доложить о томъ предшествовавшему министерству, что̀ и побудило его величество блаженной памяти короля послать меня сюда" (стр. 234). Поэтому въ донесеніяхъ де-Лави вопросы торговли и промышленности занимаютъ весьма видное мѣсто. Такъ, напримѣръ, лѣтомъ 1717 года онъ пишетъ: „Такъ какъ царь находится во Франціи, а при отъѣздѣ сдѣлалъ мнѣ честь высказать мнѣ, что̀ было и послѣ подтверждено мнѣ его министромъ, что онъ желаетъ, чтобы въ его государствѣ процвѣтала торговля съ Франціей, то, не сомнѣваясь, что онъ намѣренъ заключить торговый трактатъ съ его величествомъ, я уже имѣлъ честь выслать съ послѣдней почтой морскому совѣту изложеніе тѣхъ главныхъ вопросовъ, на которые слѣдуетъ обратить вниманіе при переговорахъ" и пр. (стр. 221). Немного позже онъ сообщаетъ слѣдующее: „Если французская компанія будетъ дѣйствовать осмотрительно, то достигнетъ желаемой цѣли, то-есть утвердитъ свою торговлю съ Россіей, которая будетъ одна изъ выгоднѣйшихъ въ свѣтѣ. Такъ какъ безъ преувеличенія и тщеславія я могу сказать, что долгій опытъ и обширныя путешествія по Европѣ доставили мнѣ значительныя свѣдѣнія о торговлѣ вообще и о здѣшней въ особенности, то я весьма охотно помогу своими совѣтами французской компаніи, дабы предостеречь ее отъ интригъ Англичанъ и Голландцевъ, которые втайнѣ употребляютъ всѣ усилія съ цѣлью остановить успѣхъ этой торговли въ Россіи, Китаѣ и Персіи" (стр. 332). Въ одномъ изъ донесеній, относящихся къ началу 1718 года, находимъ слѣдующій совѣтъ, въ духѣ распространенныхъ тогда идей меркантилизма: „Я полагаю, что слѣдовало бы запретить выѣздъ изъ королевства ремесленникамъ, переселеніе которыхъ весьма вредно отзовется на промышленности во Франціи" (стр. 283). Въ другой депешѣ де-Лави сообщаетъ разныя свѣдѣнія о курсѣ, о мѣрахъ и вѣсахъ: „100 рус-

скихъ аршинъ составляютъ 104 эллъ брабантскихъ, а 40 русскихъ фунтовъ составляютъ по парижскому счету 33 ф. въ 16 унцій каждый, рейхсталеръ, котораго можно купить въ Голландіи, стоитъ здѣсь 9 гривенъ, то-есть 90 копѣекъ; въ настоящую минуту размѣниваютъ рубль на 100 стиверовъ" и пр. (стр. 334).

Изъ этихъ данныхъ видно, что де-Лави былъ въ Петербургѣ чѣмъ-то въ родѣ французскаго консула. Постоянно обращались къ нему Французы, жившіе въ Россіи и довольно часто попадавшіе въ затруднительныя обстоятельства. Нерѣдко случалось ему рекомендовать своему покровителю-корреспонденту разныхъ своихъ соотечественниковъ, желавшихъ возвратиться изъ Россіи во Францію (напримѣръ, на стр. 220). Въ случаяхъ столкновеній Французовъ съ разными лицами въ С.-Петербургѣ, онъ ходатайствовалъ за своихъ соотечественниковъ предъ русскими сановниками (напримѣръ, стр. 244, 267 и пр). Иногда онъ оказывалъ денежную помощь проживавшимъ въ Петербургѣ Французамъ, которымъ не выплачивались слѣдуемыя имъ деньги, и это давало ему поводъ жаловаться въ своихъ депешахъ на недобросовѣстность русскихъ чиновниковъ (стр. 282). Какъ кажется, Французы, пріѣзжавшіе въ Россію, обязаны были являться къ де-Лави. Весною 1718 года онъ писалъ: „Я употреблю всѣ усилія, чтобы склонить царя облегчить участь многочисленныхъ Французовъ всякаго званія, находящихся здѣсь въ самомъ бѣдственномъ положеніи, и буду имѣть честь доложить совѣту о томъ, что̀ будетъ сдѣлано въ ихъ пользу. Многія изъ лицъ, поступающихъ на фабрики здѣсь и въ Москвѣ, избѣгаютъ являться ко мнѣ, выѣхавъ изъ Франціи безъ позволенія или подъ вымышленными именами, и это помѣшало мнѣ выслать точный списокъ ихъ; постараюсь узнать имена ихъ косвеннымъ образомъ" (стр. 334).

Еслибы вмѣстѣ съ донесеніями де-Лави къ извѣстному вельможѣ были напечатаны и донесенія его въ Conseil de marine, то мы могли бы составить себѣ болѣе точное понятіе о кругѣ дѣятельности этого французскаго агента. Въ общихъ чертахъ онъ говоритъ о своей должности въ депешѣ отъ 20-го октября 1718 года: Я счастливъ, что вамъ извѣстно усердіе, съ которымъ я имѣю честь служить его величеству: я служу восьмой годъ, а четвертый нахожусь при здѣшнемъ дворѣ въ званіи коммиссара и консула по морскимъ и торговымъ дѣламъ, и такъ какъ прежніе министры были довольны моей аккуратностью и моимъ усердіемъ, надѣюсь, что и вы будете довольны этимъ, а также вниманіемъ, съ которымъ я постараюсь сообщать вамъ о

всѣхъ обстоятельствахъ, доходящихъ до моего свѣдѣнія и могущихъ оказать пользу службѣ его величества" и пр. (стр. 382).

Объясняя тѣ затрудненія, съ которыми ему приходилось бороться при исполненіи своихъ обязанностей, де-Лави 4-го февраля 1718 г. пишетъ: „Я былъ бы весьма счастливъ, еслибы могъ сравниться съ моими товарищами въ ихъ точности (ponctualité) относительно дѣлъ тѣхъ государствъ, гдѣ они находятся, ибо, кромѣ общенія съ народами, посреди которыхъ они живутъ, сходство въ нравахъ и знакомство съ языкомъ страны значительно облегчаетъ имъ выполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей. Я же, напротивъ, нахожусь въ странѣ, гдѣ иностранцевъ не любятъ, языкъ (который я стараюсь изучить) мало извѣстенъ этимъ послѣднимъ, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ недовѣріемъ, свойственнымъ характеру Русскаго народа, иногда лишаетъ меня возможности на столько проникать въ ихъ дѣла, на сколько бы мнѣ того хотѣлось" и пр. (стр. 304). Безъ сомнѣнія, тутъ подъ „товарищами" (colllègues) онъ разумѣлъ именно консуловъ. Впрочемъ, перечисляя въ донесеніи отъ 9-го мая 1718 года, представителей иностранныхъ дворовъ и называя настоящихъ дипломатическихъ резидентовъ, а также консуловъ, онъ не называетъ себя ни въ числѣ первыхъ, ни вторыхъ.

Наконецъ, достойно вниманія, что находясь въ Россіи, де-Лави считалъ вѣроятнымъ отправленіе туда, въ качествѣ посланника, извѣстнаго намъ Балюза, пребывавшаго въ Польшѣ (стр. 254). Значитъ, самъ де-Лави не надѣялся занять настоящій дипломатическій постъ при русскомъ дворѣ.

Нѣкоторая скромность положенія де-Лави не мѣшала ему, однако вращаться въ высшемъ обществѣ новой русской столицы, и даже быть въ личныхъ сношеніяхъ съ Петромъ. Уѣзжая за границу въ началѣ 1716 года, царь въ бесѣдѣ съ де-Лави выразилъ желаніе, чтобы торговля Французовъ процвѣтала въ Россіи (стр. 221). Послѣ возвращенія царя изъ-за границы де-Лави, въ октябрѣ 1717 года, писалъ: „Я не могъ видѣть царя по причинѣ нездоровья, продолжавшагося недѣлю и весьма меня ослабившаго" (стр. 256). Немногимъ позже онъ доносилъ: „Третьяго дня при дворѣ праздновали съ большимъ торжествомъ день рожденія великаго князя Петра Петровича; я присутствовалъ при этомъ, чтобы имѣть честь принести поздравленія его царскому величеству" и пр. (стр. 260).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ кругахъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Петербургѣ, де-Лави игралъ довольно важную роль и имѣлъ значи-

тельныя связи. „Вчера" — сказано въ одномъ изъ его донесеній—„я обѣдалъ у генерала Дюпре и онъ передавалъ мнѣ что изъ 35 галеръ 12 поступятъ въ его распоряженіе и онъ поведетъ ихъ въ Финляндію съ 2,000 человѣкъ экипажа" (стр. 215). Лѣтомъ 1717 года онъ сообщаетъ, что ухаживаетъ за инженерами Леблондомъ и Френзини, чрезъ которыхъ онъ узнавалъ подробности о важныхъ постройкахъ въ Кронштадтѣ и на Васильевскомъ Острову (стр. 223). Въ донесеніи отъ 23-го августа 1717 года сказано: „На прошлой недѣлѣ вице-адмиралъ Крюйсъ угощалъ капитановъ англійскихъ военныхъ кораблей, сопровождавшихъ сюда и въ Ригу тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые прибыли въ Россію для веденія торговли. Я имѣлъ честь быть приглашеннымъ на этотъ обѣдъ и слышалъ, какъ вице-адмиралъ разказывалъ, что въ настоящую минуту 10,000 человѣкъ работаютъ надъ устройствомъ канала" и проч. (стр. 237) Въ концѣ 1717 года де-Лави побывалъ у лейбъ-медика Эрскина и послѣ того обратился къ своему покровителю-корреспонденту съ вопросомъ: нельзя ли сдѣлать Эрскина членомъ французской академіи, замѣчая при этомъ: „Такъ какъ этотъ сановникъ весьма уважаемъ царемъ и не враждебенъ нашей націи, то я полагаю, что онъ могъ бы быть намъ полезенъ" (стр. 268). Изъ депешъ Вебера извѣстно, что Эрскинъ состоялъ въ тѣсной связи съ партіей якобитовъ, пользовавшеюся особеннымъ покровительствомъ Франціи [1]). Поэтому Веберъ былъ весьма недоволенъ Эрскиномъ и однажды показалъ де-Лави письмо, полученное имъ отъ короля Георга и заключавшее въ себѣ жалобы на якобитовъ и Эрскина (стр. 349). Далѣе де-Лави сообщаетъ о своей перепискѣ съ какимъ-то графомъ Вильо (стр. 303), о своемъ знакомствѣ съ миссіонеромъ Яковомъ Долегліо изъ Милана (стр. 347), о своихъ бесѣдахъ съ путешественникомъ Лангомъ, пробывшимъ около трехъ лѣтъ въ Китаѣ и возвратившимся оттуда въ 1717 году (стр. 380) и пр.

Нельзя не замѣтить, что де-Лави почти вовсе не говоритъ о своихъ сношеніяхъ съ русскими вельможами, между тѣмъ какъ онъ, безъ сомнѣнія, зналъ многихъ изъ нихъ. Уже выше мы видѣли, что онъ считалъ нужнымъ приглашать къ себѣ и угощать русскихъ сановниковъ съ цѣлью узнавать болѣе подробно о состояніи дѣлъ русскихъ. Однако, онъ почти никогда не называлъ имена своихъ знакомыхъ, и лишь глухо, въ общихъ выраженіяхъ говоритъ о таковыхъ

---

[1]) См. *Германна*, Zeitgenöss. Berichte, стр.

сношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ: „Одинъ высокопоставленный пріятель передавалъ мнѣ, что“ и т. д. (стр. 271) или: „я видѣлъ письма изъ Москвы, показывающія, что“ и пр. (стр. 330), или: „инженеръ, обѣщавшій мнѣ планъ Кронштадтскаго порта, нашей рѣки и этого города, былъ очень боленъ, что и помѣшало ему сдержать слово; но въ настоящее время онъ поправился и обѣщаетъ на дняхъ вручить мнѣ его въ исправности“ (стр. 246). Только о знакомствѣ де-Лави съ Ягужинскимъ мы находимъ въ его депешахъ слѣдующее точное указаніе: „Такъ какъ я съ нимъ хорошо знакомъ, то постараюсь подружиться съ нимъ, чтобы, если возможно, проникнуть въ тайны“ (стр. 260)

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ мы можемъ составить довольно точное понятіе о томъ положеніи, которое де-Лави занималъ въ Петербургѣ. Нельзя, конечно, сравнивать его политическое значеніе съ тою ролью, которую играли въ Россіи Плейеръ, Лоосъ, Вестфаленъ или Мардефельдъ. Впрочемъ, малозначительность политической роли де-Лави объясняется не только его скромною должностью морского коммиссара и консула, но еще болѣе тѣми холодными отношеніями, которыя существовали между Россіей и Франціей до поѣздки Петра въ Парижъ въ 1717 году. Къ тому же французскіе купцы и фабриканты не были въ Россіи многочисленны и далеко не пользовались тѣмъ вниманіемъ, какъ англійскіе и голландскіе негоціанты. Политическое сближеніе между Россіей и Франціей на основаніи договора, заключеннаго въ Голландіи въ августѣ 1717 года, повело къ назначенію въ Россію французскаго посланника, каковымъ и явился Кампредонъ. О дальнѣйшей судьбѣ де-Лави послѣ 1718 года мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Но именно въ скромной роли внимательнаго наблюдателя и заключается значеніе де-Лави, и этимъ обстоятельствомъ обусловливается значеніе его депешъ, служащихъ довольно важнымъ матеріаломъ для русской исторіи съ 1715 по 1718 годъ.

Обращаемся теперь къ оцѣнкѣ донесеній де-Лави какъ историческаго источника.

Пребываніе де-Лави въ Россіи относится къ весьма важной эпохѣ царствованія Петра. Въ періодъ съ 1715 по 1718 годъ, царь съ большими усиліями продолжалъ войну со Швеціей, въ надеждѣ добиться выгоднаго мира; къ этому же времени относится его путешествіе въ западную Европу, и по возвращеніи оттуда, дѣло царевича Алексѣя. Донесенія де-Лави сообщаютъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ

многія данныя, въ томъ числѣ и такія, о которыхъ не упомянуто въ другихъ источникахъ.

Что касается до событій Сѣверной войны, то во время пребыванія де-Лави въ Россіи всего важнѣе были военныя операціи на морѣ. Живя въ Петербургѣ, французскій морской коммиссаръ не могъ не слѣдить за сооруженіемъ военныхъ судовъ на верфяхъ новой столицы. Близко знакомый съ вице-адмираломъ Крюйсомъ, онъ узнавалъ о предстоящихъ на морѣ военныхъ дѣйствіяхъ. Такъ, напримѣръ, 2-го января 1717 года де-Лави пишетъ: „Я тщательно освѣдомился о томъ, на сколько положительно извѣстіе о предполагаемой постройкѣ 300 транспортныхъ судовъ; меня увѣряли, что это правда и что эту постройку уже производятъ на берегахъ Ладожскаго озера, гдѣ суда, не смотря на ихъ многочисленность, могутъ быть выстроены въ короткое время, такъ какъ заготовлено много лѣса и всякаго рода матеріаловъ, а также имѣется значительное число рабочихъ, достаточно искусныхъ въ постройкѣ судовъ такого рода, стоимость которыхъ обойдется царю въ одну треть того, что̂ ихъ постройка стоила бы во Франціи, Англіи и Голландіи“ (стр. 112). Чрезъ какого-то „пріятеля“ де-Лави узналъ „конфиденціально“, что царь намѣренъ сдѣлать высадку въ Швецію, и что транспортныя суда нужны именно для этой цѣли (стр. 113). Немного позже де-Лави чрезъ „одно значительное лицо“ узналъ, что шведскій флотъ показался близъ Ревеля, и это извѣстіе заставило Меншикова и Апраксина принять разныя мѣры предосторожности. Де-Лави пишетъ: „Если Шведы станутъ между нами и Финляндіей, войско, находящееся въ окрестностяхъ Або, можетъ умереть съ голода отъ недостатка запасовъ, которыми снабжено лишь на мѣсяцъ;.. здѣшній дворъ весьма озабоченъ, но все это тщательно скрывается отъ народа во избѣжаніе послѣдствій, которыя бы повлекъ за собою общій испугъ. Я постараюсь узнать отъ г. Лепино, инженернаго маіора, ближайшія подробности этого дѣла. Кажется, ревельскій флотъ въ весьма дурномъ состояніи и не можетъ пуститься въ море, не подвергаясь большой опасности; не говорю о недостаткѣ въ офицерахъ и матросахъ, но тѣ, которые имѣются на лицо, неспособны приносить большую пользу на морѣ, а къ тому же офицеры жалуются на скудость жалованья и общую дороговизну“ (стр. 180—181).

Въ маѣ 1717 года де-Лави пишетъ: «Продолжаютъ усердно работать надъ постройкой 12-ти военныхъ кораблей, вооруженныхъ отъ

60 до 90 пушекъ, и въ началѣ будущей недѣли два самыхъ большихъ изъ нихъ будутъ спущены на воду» и пр. (стр. 217). Далѣе де-Лави сообщаетъ о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми приходилось бороться русскому правительству при постройкѣ флота, о страшной смертности на верфяхъ. о скорбутной болѣзни въ войскѣ, находящемся въ Финляндіи (стр. 223 — 224), о Ревельскомъ флотѣ, готовомъ къ отплытію въ Данію, откуда Петръ хотѣлъ сдѣлать высадку въ Шонію и пр. (стр. 227). Де-Лави сильно сомнѣвался въ успѣхѣ предполагаемыхъ предпріятій вслѣдствіе недостатка въ опытныхъ офицерахъ и матросахъ.

Въ августѣ 1717 г. де-Лави сообщалъ, что ревельскій флотъ вышелъ въ море съ цѣлью овладѣть островомъ Готландомъ. При этомъ случаѣ можно видѣть, какіе слухи ходили тогда о намѣреніяхъ царя. Именно въ это время была сдѣлана попытка высадки въ Шонію, причемъ обнаружилось нѣкоторое несогласіе между Петромъ и Даніей. Въ Даніи обвиняли Петра въ тайныхъ сношеніяхъ со Швеціею, въ желаніи заключить сепаратный миръ съ Карломъ XII, въ недобросовѣстномъ образѣ дѣйствій въ отношеніи къ союзникамъ. И вотъ де-Лави узналъ нѣкоторыя, чрезвычайно любопытныя подробности этого дѣла, какъ видно изъ его письма отъ 3-го сентября 1717 года: „Я видѣлъ письмо г. де-Септъ-Илера, бывшаго директора морской академіи, къ консулу короля датскаго, написанное въ началѣ прошлаго августа и разказывающее, что онъ присутствовалъ при высадкѣ русскихъ на островъ Готландъ для овладѣнія имъ; по его мнѣнію, это предпріятіе состоялось по предварительному соглашенію со Шведами, чтобы не допустить короля датскаго овладѣть имъ“ (стр. 235 и 240).

Въ маѣ 1718 года де-Лави сообщаетъ разныя подробности объ отправленіи въ Финляндію на 80 транспортныхъ судахъ войска, мундировъ, оружія, съѣстныхъ припасовъ и пр. (стр. 341). Достойно вниманія замѣчаніе о пріѣздѣ въ Россію какого-то іезуита, оказавшагося шведскимъ лазутчикомъ и съ позоромъ изгнаннаго изъ Россіи (стр. 236) и т. п.

Около того же времени начали распространяться разные слухи о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Швеціей съ цѣлью заключенія мира. Хотя переговоры Куракина съ барономъ Гёрцомъ въ Голландіи велись въ тайнѣ, однако вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ объ этихъ сношеніяхъ всему политическому міру. Какъ намъ извѣстно,

между прочимъ, изъ депешъ Вебера [1]), проживавшіе въ Петербургѣ дипломаты провѣдали объ Аландскомъ конгрессѣ и сообщили о томъ своимъ правительствамъ. Такъ и де-Лави съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за этими признаками предстоявшаго мира между Россіей и Швеціей. „Здѣсь полагаютъ", пишетъ онъ въ іюнѣ 1717 г., „что вопросъ о заключеніи мира между царемъ и королемъ Шведскимъ значительно подвинулся благодаря посредничеству короля (Французскаго?); всѣ желаютъ этого мира для поправленія дѣлъ" (стр. 222—223). Извѣстія о ходѣ переговоровъ встрѣчаются и въ другихъ депешахъ де-Лави отъ второй половины 1717 года (стр. 261, 264). Въ концѣ же декабря этого года онъ писалъ: „Честь имѣю начать почтительнѣйшую депешу сообщеніемъ распространившихся слуховъ о предстоящемъ заключеніи отдѣльнаго мира между царемъ и королемъ Шведскимъ, имѣющихъ, мнѣ кажется, полное основаніе; по этому поводу при дворѣ и по городу ходятъ различные толки. Увѣряютъ, что царь совершенно расположенъ къ подобному миру, и я охотно этому вѣрю, ибо настоящее положеніе его дѣлъ, безпорядокъ въ финансахъ и упадокъ торговли вообще вызываютъ такой недостатокъ денегъ, что трудно запасаться даже самыми необходимыми предметами" (стр. 273).

Впрочемъ, Франція равнодушно относилась къ вопросу о сепаратномъ мирѣ царя съ Карломъ XII; напротивъ того, прочія державы были весьма недовольны тѣмъ, что Петръ при стараніи окончить войну, недостаточно принималъ въ соображеніе интересы своихъ союзниковъ. Въ этомъ отношеніи любопытно донесеніе де-Лави отъ 3-го января 1718 года: „Я узналъ, что г. Веберъ, ганноверскій резидентъ, прибылъ сюда съ цѣлью постараться уладить различныя столкновенія, возникшія между его дворомъ и дворомъ герцога Мекленбургскаго, а также убѣдить царя не заключать отдѣльнаго мира съ королемъ Шведскимъ. По поводу этого послѣдняго вопроса онъ имѣлъ нѣсколько конференцій съ е. и. величествомъ и его министрами, которые отвѣчали ему, что государь ихъ не помышляетъ объ отдѣльномъ соглашеніи" и пр. (стр. 285). Все это подтверждается вполнѣ донесеніями самого Вебера, который приставалъ къ Шафирову съ вопросами о намѣреніяхъ царя, и которому Шафи-

---

[1]) См. изд. *Германна*, Zeitgenöss Berichte, и мою статью объ этомъ источникѣ въ *Журналѣ Мин. Нар. Пр.* т. CCXIII, стр. 197 и слѣд.

ровъ говорилъ, что царь вовсе не думаетъ о мирныхъ переговорахъ съ Швеціей [1]).

Свѣдѣнія о попыткахъ заключенія сепаратнаго мира между царемъ и королемъ Шведскимъ сообщаются и въ депешахъ де-Лави, относящихся къ первой половинѣ 1718 года (стр. 296, 297, 301, 312, 330, 342). Лѣтомъ этого года де-Лави уже узналъ нѣкоторыя подробности о переговорахъ на Аландскихъ островахъ; онъ сообщаетъ, что шведскіе уполномоченные держатъ себя съ большимъ достоинствомъ, и что царь предоставилъ своимъ министрамъ право дѣлать всѣ расходы, какіе только они признаютъ нужными для поддержанія чести его службы (стр. 346). „Еще не возлагаютъ", продолжаетъ де-Лави,—„большихъ надеждъ на этотъ конгрессъ, такъ какъ Шведы не намѣреваются уступить Ливонію; полагаютъ, что цѣль барона Гёрца заключается лишь въ томъ, чтобы отвлечь вниманіе и сдѣлать настоящій походъ безуспѣшнымъ, что̀, по видимому, ему удастся". Совершенно соотвѣтственно ходу переговоровъ на Аландскихъ островахъ, де-Лави передаетъ, что Гёрцъ старается нарушить согласіе между союзниками, и что онъ желалъ лишь выиграть время, поступая неискренно и коварно (стр. 353). Немногимъ позже распространился слухъ, что самъ царь, въ сопровожденіи прусскаго посланника барона Мардефельда, отправился въ Финляндію, что Ягужинскій уѣхалъ въ Стокгольмъ, Брюсъ и Остерманъ скоро возвратятся съ Аландскихъ островов и пр. Де-Лави былъ въ недоумѣніи и не зналъ, вѣрить ли или нѣтъ этимъ слухамъ (стр. 369); однако немного позже онъ сообщилъ, какъ достовѣрное извѣстіе, что „Мардефельдъ остался на островѣ Аландѣ для соблюденія интересовъ короля Прусскаго" (стр. 394). Любопытно извѣстіе де-Лави, что датскій посланникъ и прочіе иностранные министры настоятельно просили „дворъ" сообщить имъ результатъ Аландскаго конгресса, но что̀ желаніе это не было исполнено, такъ что оставался самый широкій просторъ разнымъ слухамъ, напримѣръ, о перенесеніи конгресса съ Аланда на Гангэудъ въ Финляндію (стр. 382—388) и т. п. О томъ, какъ внимательно въ Петербургѣ въ кругахъ дипломатовъ слѣдили за этими событіями, можно судить по слѣдующему разказу де-Лави: „Г. Веберъ, резидентъ его британскаго величества, хотѣлъ держать пари въ 500 червонцевъ о томъ, что миръ между царемъ и Швеціей не заключенъ, зная, что нѣкоторые злонамѣренные люди

[1]) См. изд. *Германна*, Zeitgenöss. Berichte, стр. 115, 133—134, 149, 157.

распускаютъ здѣсь слухъ, будто миръ этотъ уже состоялся. Баронъ Шафировъ, узнавъ о предполагавшемся пари, сказалъ въ собраніи: Если закладъ этотъ состоится и вы проиграете, я готовъ за васъ заплатить", и пр. (стр. 387). Однако неопредѣленность положенія не измѣнилась до конца года, на что̀ и указывалъ де-Лави въ своей депешѣ отъ декабря 1718 года (стр. 394).

Въ это время короля Карла XII уже не было въ живыхъ. Въ ноябрѣ 1718 г. онъ палъ подъ стѣнами крѣпости Фридрихсгама. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ продолженія донесеній де-Лави: иначе мы могли бы узнать отъ него о томъ впечатлѣніи, которое произвело на жителей Петербурга извѣстіе о неожиданной смерти Шведскаго короля.

Нерѣдко въ донесеніяхъ де-Лави упоминается объ отношеніяхъ Россіи къ Турціи. Впрочемъ, въ это время не происходило въ этой области ничего особенно важнаго. Поэтому де-Лави ограничивался главнымъ образомъ воспроизведеніемъ разныхъ слуховъ объ ожидаемыхъ столкновеніяхъ между обѣими державами. Нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній не лишены интереса. Такъ, въ письмѣ де-Лави отъ 6/17-го мая 1717 года сказано: „Я слышалъ, что между крымскими Татарами существуетъ партія, преданная его царскому величеству и состоящая изъ главнѣйшихъ лицъ; это, мнѣ кажется, весьма правдоподобно, ибо между Турками распространилось общее смятеніе; къ тому же, такъ какъ Азовское море на всемъ протяженіи имѣетъ не болѣе 20 футовъ глубины, Азовъ не можетъ вмѣщать флота; къ тому же царь имѣетъ еще 25 военныхъ кораблей близъ Воронежа, и наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разговаривая съ однимъ изъ моихъ пріятелей, англійскимъ капитаномъ, командующимъ однимъ изъ большихъ линейныхъ кораблей, царь высказалъ намѣреніе овладѣть Крымскимъ полуостровомъ при первомъ благопріятномъ случаѣ. Всѣ эти размышленія, вмѣстѣ съ давнимъ желаніемъ этого государя ввести свою торговлю чрезъ Дарданельскій проливъ въ Средиземное море, а также зависть его къ успѣхамъ императора, не оставляютъ мнѣ сомнѣнія въ томъ, что царь непремѣнно расчитываетъ увеличить свои владѣнія въ этомъ направленіи и выжидаетъ лишь случая выполнить это намѣреніе собственными войсками съ помощью Калмыковъ" и пр. (стр. 213).

Всѣ эти предположенія де-Лави были вскорѣ подтверждены словами вице-адмирала Крюйса, подробно объяснившаго французскому морскому коммиссару положеніе дѣла. Крюйсъ полагалъ, что султанъ

долженъ будетъ уступить царю не только Азовъ, но и Крымъ, и что если турки не согласятся на это добровольно, то царь постарается силою овладѣть этими мѣстами. Де-Лави считаетъ осуществленіе этихъ проектовъ весьма выгодными для Франціи. Не имѣя возможности конкуррировать съ Англичанами и Голландцами въ торговлѣ и мореплаваніи на Балтійскомъ морѣ, Французы, какъ полагалъ де-Лави, въ случаѣ распространенія владычества Петра на Черномъ морѣ, могли бы завести весьма оживленныя торговыя сношенія между Тулономъ и Марселемъ съ одной стороны, и Азовомъ — съ другой (стр. 233).

Слухи о склонности царя къ наступленію на Турокъ постоянно возобновлялись. Въ декабрѣ 1717 года де-Лави пишетъ: „Царь повелѣлъ немедленно выслать въ Воронежъ большое число плотниковъ для постройки 300 галеръ; изъ этого нѣкоторые заключаютъ, что этотъ государь рѣшился возвратить себѣ все, что̀ онъ принужденъ былъ уступить Туркамъ по условіямъ Прутскаго мира" (стр. 272). Въ слѣдующемъ письмѣ де-Лави замѣчаетъ: „Ропотъ народный и многочисленность войска вызываютъ необходимость войны съ Оттоманскою Портою, въ случаѣ прекращенія войны со Швеціею, такъ какъ войска, вернувшись въ имперію и не имѣя дѣла, будутъ бунтовать по поводу народныхъ бѣдствій" и пр. (стр. 254). Достоинъ вниманія слѣдующій разказъ въ письмѣ де-Лави отъ 27-го мая 1718 года: „Турецкій ага, прибывшій сюда съ многочисленной свитой и имѣвшій порученіе къ вице-канцлеру, барону Шафирову, былъ принятъ на прошлой недѣлѣ этимъ министромъ весьма страннымъ образомъ, такъ какъ сей послѣдній, вспомнивъ свой плѣнъ въ Семибашенномъ замкѣ Константинополя и невѣжливое обращеніе, которому подвергался при аудіенціи у султана, несмотря на свое званіе царскаго посла, сѣлъ на кресло, надѣлъ шляпу и при входѣ аги не всталъ и не поклонился. Онъ ограничился тѣмъ, что пригласилъ его черезъ переводчика сѣсть и затѣмъ, пристально глядя на него, спросилъ у него, какія дѣла имѣетъ онъ предложить? А выслушавъ его, спросилъ: имѣете ли вы сказать еще что либо? При выходѣ аги г. Шафировъ снова не всталъ и не снялъ шляпы, вслѣдствіе чего, разставаясь съ нимъ, ага съ своей стороны выказалъ гордость, но это было уже слишкомъ поздно, чтобы отплатить за непріятный пріемъ, оказанный ему. Безъ сомнѣнія, подобное поведеніе было заранѣе обдумано г. Шафировымъ и одобрено царемъ" (стр. 342—343).

Де-Лави былъ правъ, считая возможнымъ разрывъ между Россіей

и Турціей и замѣчая, что царь занятъ составленіемъ проектовъ завоеваній на югѣ. Петръ дѣйствительно мечталъ о новыхъ торговыхъ путяхъ, о широкихъ предпріятіяхъ въ этомъ направленіи. Однако, по окончаніи Сѣверной войны, столкновенія между Россіей и Оттоманскою Портою не произошло. Азовъ и Крымъ еще на нѣсколько десятилѣтій остались въ рукахъ Татаръ и Турокъ.

Чрезвычайно важныя свѣдѣнія сообщаютъ донесенія де-Лави касательно борьбы между Петромъ и царевичемъ Алексѣемъ. На этотъ счетъ депеши французскаго морского коммиссара заслуживаютъ бóльшаго вниманія, чѣмъ даже письма Плейера и Вебера. Де-Лави весьма тщательно слѣдилъ за всѣми частностями этого печальнаго эпизода, прислушиваясь къ разнымъ толкамъ объ образѣ дѣйствій Петра, къ разсказамъ объ интригахъ царевича, къ слухамъ о пыткахъ и казняхъ и пр.

Весною 1717 года, когда царевичъ уже находился за границею, де-Лави сообщилъ своему корреспонденту содержаніе одной бесѣды, которую имѣлъ съ вице-адмираломъ Крюйсомъ объ общемъ состояніи дѣлъ въ Россіи: „Когда я заговорилъ съ этимъ сановникомъ о частыхъ болѣзняхъ царя, онъ откровенно сообщилъ мнѣ, что если Богъ отзоветъ его изъ здѣшняго міра, то можно опасаться, что его преемникъ вмѣстѣ съ дворянствомъ покинетъ этотъ городъ, чтобы возвратиться въ Москву и возстановить тамъ свою резиденцію, и что Петербургъ опустѣетъ, то-есть если не будетъ слѣдовать предначертаніямъ нынѣ царствующаго государя, то дѣла примутъ совершенно иной оборотъ и придутъ въ прежнее состояніе. Я думаю, что это составляетъ главнѣйшую причину, по которой этотъ государь принуждаетъ своихъ дворянъ производить здѣсь крупныя затраты на постройку домовъ, дворцовъ и другихъ зданій и отдавать своихъ дѣтей на службу въ его флотъ, чтобы такимъ образомъ частный интересъ дворянъ побуждалъ ихъ и послѣ него не ослабѣвать въ совершенствованіи его плановъ, которые уже стоили жизни столькимъ людямъ и на осуществленіе которыхъ потрачены такія большія суммы, и потому несомнѣнно, что если государь проживетъ еще десять лѣтъ, его преемники по необходимости будутъ принуждены слѣдовать его правиламъ, столь выгоднымъ для увеличенія могущества и торговли, и подражать во всемъ его образу правленія“ (стр. 118).

Это первое въ депешахъ де-Лави указаніе на разладъ въ образѣ мыслей Петра и царевича Алексѣя. По видимому, подробности столкновеній между царевичемъ и его отцомъ, принявшихъ весьма серьез-

ный характеръ уже въ октябрѣ 1715 года, оставались неизвѣстными иностраннымъ дипломатамъ до опубликованія разныхъ документовъ по этому дѣлу во время розыска въ 1718 году. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ выѣзда Алексѣя изъ Россіи въ сентябрѣ 1716 года, ни Веберъ, ни де-Лави не сообщаютъ ничего о бѣгствѣ царевича. Не раньше какъ 29-го апрѣля 1717 года, значитъ, въ то время, когда Алексѣй находился въ крѣпости Эренбергѣ, де-Лави, и то мимоходомъ, упоминаетъ о пребываніи царевича за границею. Намекая на общее неудовольствіе и раздраженіе въ различныхъ слояхъ общества, онъ пишетъ: „Для успокоенія народа распространяютъ слухъ, будто бы возвращеніе царя ожидаютъ въ скоромъ времени, тѣмъ болѣе, что дворянство, духовенство и купечество много роптали по поводу отсутствія царевича-наслѣдника, о которомъ полагаютъ, что онъ въ Италіи; меня же увѣряли, что знатнѣйшія лица здѣшняго двора снабдили его 60.000 червонцевъ и обѣщали служить его интересамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не наслѣдуетъ престола своего отца, ибо думаютъ, что монархъ этотъ намѣренъ назначить по себѣ наслѣдникомъ сына своего Петра" и пр. (стр. 182). И только въ іюнѣ 1717 года въ донесеніи де-Лави встрѣчаются болѣе подробныя данныя о бѣгствѣ царевича, находившагося въ это время въ крѣпости Сантъ-Эльмо близъ Неаполя. Достойно вниманія, что сообщенія де-Лави почти дословно согласны съ извѣстіями Вебера за то же время [1]). Де-Лави пишетъ: „Говорятъ, что царевичъ находится въ настоящую минуту въ Инспрукѣ, и что русское дворянство свободнѣе отзывается о немъ, внушая народу и духовенству, что находящійся въ опалѣ царевичъ не можетъ наслѣдовать царю, и въ этихъ видахъ, не только приписываютъ ему различные недостатки, но даже высказываютъ подозрѣнія насчетъ законности его происхожденія. Полагаю, что всѣ эти обвиненія придуманы партіей царя и молодаго Петра Петровича, во главѣ коей находится князь Меншиковъ. Для возбужденія духовенства противъ наслѣдника престола распускаютъ слухъ, будто бы, находясь въ Инспрукѣ, онъ обратился за покровительствомъ католическихъ государей для пріобрѣтенія престола съ тѣмъ, чтобы въ награду за это принять ихъ вѣроисповѣданіе и ввести его въ Россію. Полагаютъ, что онъ поступилъ бы лучше, обратясь къ покровительству короля Великобританскаго, своего родственника. Замѣтили, что когда князь Меншиковъ праздновалъ день рожденія

[1]) Изд. *Геррманна*, 95—96.

царя, то пили за здоровье великаго князя Петра Петровича, но не за наслѣдника. Шведскіе плѣнные надѣются, что все это произведетъ въ государствѣ крупную революцію, которою Швеція можетъ воспользоваться, чтобы возвратить себѣ отъ Россіи провинціи ею завоеванныя; это легко можетъ случиться" и пр. (стр. 226).

Мы знаемъ, что на Западѣ именно въ это время развитіе могущества Петра въ особенности стало возбуждать неудовольствіе. Многіе государственные люди въ разныхъ странахъ желали, чтобы Петръ не удержалъ за собою завоеваній, чтобы Россія опять отошла въ рядъ малозначительныхъ не европейскихъ державъ, чтобы внутренніе кризисы остановили развитіе ея внѣшняго могущества. Нельзя сказать, чтобы де-Лави думалъ такъ же. Онъ высоко ставилъ геніальность царя и въ борьбѣ его съ сыномъ отстаивалъ большею частію образъ дѣйствій Петра. Такъ, по случаю возвращенія Петра изъ-за границы осенью 1717 года, онъ пишетъ. „Всѣ увѣрены, что государь будетъ вынужденъ обратиться къ крайнимъ мѣрамъ относительно нѣкоторыхъ главнѣйшихъ своихъ подданныхъ, которые своею враждой вызываютъ волненія въ государствѣ, такъ какъ каждая изъ двухъ враждебныхъ партій привлекаетъ на свою сторону частныхъ лицъ, которыя, смотря по степени извлекаемой ими пользы, не перестаютъ взаимно другъ друга преслѣдовать; предсѣдатель сената строитъ козни противъ тріумвирата и его партіи; тѣ, въ свою очередь, ежедневно дѣлаютъ новыя открытія, чтобы, въ виду собственной защиты, имѣть на готовѣ противовѣсъ всѣмъ взводимымъ на нихъ обвиненіямъ,.... Князь Долгорукій и его партія, подозрѣваемыя въ преданности царевичу Алексѣю Петровичу, въ силу личной вражды, употребляютъ всѣ средства, дабы подорвать вліяніе князя Меншикова, а такъ какъ сей послѣдній знаетъ, что царь имѣетъ весьма сильныя побужденія сохранить его и интересы царя того требуютъ, то Меншиковъ не опасается своихъ противниковъ и, въ увѣренности удержать надъ ними верхъ, остается во главѣ значительнѣйшей партіи въ имперіи... Будучи боленъ въ концѣ прошлой зимы, царь передъ отъѣздомъ въ Германію написалъ свое завѣщаніе, и противъ ожиданій большей части своихъ подданныхъ, назначилъ наслѣдникомъ престола молодаго великаго князя Петра Петровича, помимо старшаго царевича и вопреки условіямъ, заключеннымъ съ Вольфенбюттельскимъ домомъ при вступленіи его въ бракъ. Желая, чтобы по смерти воля его была исполнена, и предвидя, что при этомъ возникнутъ почти непреодолимыя препятствія, царь призналъ необходимымъ облечь особою своею ми-

лостью князя Меншикова, адмирала графа Апраксина и его брата, что̀ имѣетъ тѣмъ большее основаніе, что первый изъ нихъ начальствуетъ сухопутнымъ войскомъ, второй—морскимъ, а третій, какъ членъ сената, наблюдаетъ за дѣйствіями своихъ сотоварищей и противодѣйствуетъ имъ, когда признаетъ въ томъ нужду; вотъ почему я и назвалъ этихъ трехъ сановниковъ тріумвиратомъ. Не сомнѣваюсь, что главнѣйшая ихъ задача состоитъ въ выполненіи послѣдней воли монарха, ибо передаться на сторону царевича, значило бы для нихъ приготовить собственную погибель (стр. 247—248).

Какъ видно, не всѣ эти разказы и толки въ донесеніи де-Лави соотвѣтствовали фактамъ. Не было въ Россіи стройно организованныхъ партій въ томъ смыслѣ, въ какомъ говоритъ о нихъ де-Лави. Затѣмъ мы знаемъ, что до отъѣзда за границу въ началѣ 1716 года Петръ не составлялъ завѣщанія въ пользу Петра Петровича, но ограничивался лишь угрозою лишить Алексѣя права на наслѣдство престола.

Раздраженіе Петра на царевича не могло не повліять и на отношенія его къ внукамъ. Тѣмъ важнѣе слѣдующій разказъ въ донесеніи де-Лави отъ 28-го декабря 1717 года: „Передъ отъѣздомъ (въ Москву) государь навѣстилъ сына царевича-наслѣдника, произвелъ его въ сержанты, подарилъ ему свой портретъ, украшенный брилліантами, и выказалъ при этомъ случаѣ большую нѣжность“ (стр. 279).

Говоря о желаніи Алексѣя жениться на Афросиньѣ, де-Лави замѣчаетъ: „Такъ какъ она чухонка, и происхожденіе ея весьма темное, то царь не рѣшается дать свое согласіе, но царица, будучи сама такого же темнаго происхожденія, настойчиво убѣждаетъ своего супруга разрѣшить этотъ бракъ“ (стр. 279).

Вопросъ о престолонаслѣдіи обращалъ на себя вниманіе де-Лави, который въ этомъ отношеніи считалъ образъ дѣйствій царя чрезвычайно неосторожнымъ. „Государь этотъ — пишетъ онъ — старается разрушить то самое, надъ основаніемъ чего такъ давно трудился, ибо кто же захочетъ участвовать въ выполненіи послѣдней воли царя и поддержать великаго князя Петра Петровича противъ наслѣдника-цесаревича (prince héréditaire), который, имѣя значительную партію въ предѣлахъ имперіи, будетъ, конечно, поддержанъ своимъ зятемъ, императоромъ, о чемъ можно заключить по настоящему образу дѣйствій“ и пр. (290).

И у Вебера [1]), и у де-Лави (стр. 292) подробно разказано о

[1]) Изд. *Геррманна*, стр. 109—110.

какой-то шайкѣ недовольныхъ, которая со священникомъ во главѣ, остановила царя гдѣ-то на пути въ Москву и выражала негодованіе на брадобритіе, на нарушеніе Петромъ правъ церкви, на иго иностранцевъ (стр. 293, 299); но нѣсколько позже самъ де-Лави увѣдомляетъ о недостовѣрности распространившагося въ Петербургѣ слуха объ этомъ происшествіи (стр. 311).

Мы не будемъ однако приводить всѣ извѣстія де-Лави о дѣлѣ царевича со времени пріѣзда его въ Кёнигсбергъ и потомъ въ Россію. Отмѣтимъ только нѣкоторыя черты, наиболѣе важныя. Такъ, для характеристики взгляда де-Лави любопытны слѣдующія замѣчанія по поводу слуховъ о приготовленіяхъ къ розыску по прибытіи Алексѣя. „Страхъ до того распространился что даже невинные люди не увѣрены въ своей безопасности и боятся привлеченія къ отвѣтственности, такъ какъ виноватые, стремясь затруднить слѣдствіе, всячески стараются запутать и невинныхъ, надѣясь такимъ образомъ отдѣлаться меньшею степенью наказанія. Но мудрость его царскаго величества, который какъ Соломонъ умѣетъ проникать тайны беззаконія, его окружающаго разрушитъ всѣ ихъ хитросплетенія и окажетъ правосудіе всякому по заслугамъ безъ малѣйшаго лицепріятія" (стр. 308). Достойны замѣчанія и слѣдующія разсужденія въ депешѣ отъ 4-го марта 1718 года: „Чѣмъ ближе я знакомлюсь съ смутнымъ положеніемъ Россіи, тѣмъ менѣе могу предвидѣть, чѣмъ кончатся всѣ эти безпорядки. Все предпринятое его царскимъ величествомъ во время его славнаго царствованія не будетъ прочно, если онъ не достигнетъ преклонныхъ лѣтъ, если наслѣдникъ его не будетъ походить на него и онъ не будетъ поддержанъ болѣе преданными подданными, чѣмъ настоящіе. Онъ самъ знаетъ все это, а также и то, что русскіе, за исключеніемъ немногихъ, въ душѣ ненавидятъ всѣ сдѣланныя имъ перемѣны. Они ожидаютъ лишь его смерти, чтобы снова погрязнуть въ праздности и грубомъ невѣжествѣ. А такъ какъ царь судитъ о будущемъ по настоящему и видитъ, что подданные его лишь изъ страха и послушанія повинуются его предначертаніямъ, поддерживаемые надеждой на то, что со временемъ царевичъ, находящійся въ опалѣ, возстановитъ во всемъ прежній порядокъ, то можно ли удивляться, что въ подобной крайности царь прибѣгаетъ къ средствамъ, по видимому идущимъ въ разрѣзъ съ законами природы, но, въ сущности, имѣющимъ серьезныя основанія для ихъ оправданія. Я говорю объ отреченіи несчастнаго царевича Алексѣя: отецъ обвиняетъ его въ томъ, что онъ противился всѣмъ его намѣреніямъ, презиралъ всѣ его добрые

совѣты, причинилъ смерть принцессѣ, своей супругѣ, огорченіями, которыя онъ ей дѣлалъ, содержалъ любовницъ при жизни этой достойной принцессы, предавался разгулу и руководился совѣтами своихъ поповъ, довершилъ мѣру своихъ дѣлъ своимъ бѣгствомъ, замышлялъ дѣйствія весьма пагубныя для интересовъ своего отца и, наконецъ, поссорилъ его съ императорскимъ дворомъ. Все это побудило царя лишить его престола, съ тѣмъ, что даже въ томъ случаѣ, еслибы прекратилось царское потомство, то и тогда онъ не будетъ имѣть никакихъ правъ на престолъ. Теперь вопросъ заключается въ томъ, какъ поступятъ съ царевичемъ. Полагаютъ, что онъ обритъ, но я не вѣрю слуху, будто бы царь хочетъ назначить его патріархомъ, потому что, еслибы сыну принадлежало это достоинство, отецъ былъ бы обязанъ цѣловать ему руку и называть его отцомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ духовенство было причиной несчастія молодаго царевича, то его отдадутъ въ ихъ руки" (стр. 321).

Откуда взялся сообщаемый де-Лави слухъ о предстоявшемъ назначеніи Алексѣя патріархомъ? Объ этомъ, сколько намъ извѣстно, не говорится ни въ какомъ другомъ источникѣ. Трудно было, кажется, придумать болѣе нелѣпое предположеніе. Мы знаемъ, какъ смотрѣлъ Петръ на опасность, грозившую свѣтской власти со стороны духовной, именно со стороны патріарха. Возстановленіе патріаршества, облеченіе Алексѣя этимъ саномъ, естественно подвергало бы государство въ сильнѣйшій кризисъ. Петръ, какъ мы знаемъ, считалъ опаснымъ даже простое постриженіе царевича именно потому, что между царевичемъ и духовенствомъ были и безъ того весьма тѣсныя связи. Могъ ли онъ помыслить—поставить Алексѣя во главу духовенства?

Гораздо правдоподобнѣе извѣстіе де-Лави о надеждѣ сторонниковъ Алексѣя на то, что императоръ Карлъ VI объявитъ царю войну, изъ-за своего родственника-царевича; впрочемъ, съ своей стороны, де-Лави прибавляетъ къ этому слуху и совершенно справедливо,—что разрывъ между Австріей и Россіей невѣроятенъ (стр. 319—320).

Хотя весьма многія подробности розыска въ Москвѣ уже были извѣстны по изслѣдованіямъ Устрялова, Соловьева, Погодина, Есипова и др., все-таки въ депешахъ де-Лави встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя данныя въ этомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, 11-го марта 1718 года, онъ пишетъ: „Запрещено выдавать кому бы то ни было паспорты для выѣзда въ Москву или въ какое либо другое

мѣсто и вообще выѣзжать отсюда. Нѣсколькимъ знатнымъ лицамъ отказали въ выдачѣ паспортовъ" (стр. 322).

Кромѣ обычныхъ донесеній, въ бумагахъ де-Лави встрѣчаются и другіе документы, въ которыхъ говорится о дѣлѣ царевича: такова, напримѣръ, записка: „Détails sur le voyage du Czarewitz et sa rénonciation au trône" (стр. 326 и слѣдующія). Тутъ однако нѣтъ никакихъ новыхъ данныхъ. То же самое можно сказать о напечатанныхъ въ этой коллекціи документахъ „joint à la lettre de M-r Mathy" (стр. 328—330). Къ сожалѣнію, объ этомъ Мати ничего неизвѣстно: откуда онъ взялся, кто онъ былъ, и состоялъ ли онъ въ какой-либо связи съ де-Лави?

По пріѣздѣ царя изъ Москвы въ Петербургъ, де-Лави въ депешѣ отъ 3-го апрѣля 1718 г., сообщаетъ о манифестѣ, въ которомъ заключались подробности „преступленій князей, княгинь, сановниковъ и другихъ лицъ". О царевичѣ сказано, что царь назначилъ ему 40,000 р. ежегоднаго содержанія (стр. 331). „Увѣряютъ"—продолжаетъ де-Лави,—„что конфискація имѣній всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ послѣднемъ заговорѣ, и тѣхъ, которыя брали взятки, доставитъ его царскому величеству нѣсколько милліоновъ рублей" (стр. 331).

Не лишены интереса и слѣдующія данныя въ депешѣ де-Лави отъ 29-го апрѣля 1718 года: „Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, получивъ отъ царя два года тому назадъ приказаніе уговорить царевича вступить въ монастырь, имѣлъ неосторожность или злобу высказать ему, что это нисколько не должно внушать опасеній, ибо по смерти царя, онъ освободитъ его оттуда, чтобы помочь ему вступить на престолъ. Царь узналъ впослѣдствіи объ этомъ обстоятельствѣ. Увѣряютъ также, что Долгорукому были извѣстны пагубныя намѣренія злоумышленниковъ, и хотя онъ не участвовалъ въ заговорѣ, однако снабжалъ нѣкоторыхъ деньгами. Преобладающее мнѣніе состоитъ въ томъ, что его лишатъ всѣхъ правъ и сошлютъ въ ссылку. ... Нельзя довольно удивляться мудрой политикѣ, которой его царское величество держался относительно его; питая къ нему подозрѣнія въ продолженіе двухъ лѣтъ, онъ, не смотря на то, ласкалъ его и всюду возилъ съ собой. Онъ даже назначилъ его главнокомандующимъ войсками въ Украйнѣ за пятнадцать дней до его опалы и ему же поручилъ разслѣдованіе по злоупотребленіямъ сановниковъ, и все въ тѣхъ видахъ, чтобы удержать его отъ бѣгства. Разведенная царица будетъ заключена въ Кексгольмѣ, крѣпости на границахъ Финляндіи. Полагаютъ, что невѣстка ея, Марья Алексѣевна, болѣе чѣмъ

она виноватая, уже находится въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ будетъ ожидать рѣшенія своей участи. Что касается до первой, находятъ, что со стороны царя весьма политично удалить ее изъ Россіи (sic), дабы навсегда лишить ее возможности замышлять противъ него. Царевичъ Алексѣй не показывается ни при дворѣ, ни въ городѣ. Онъ не видѣлъ своихъ дѣтей и всѣ его поступки показываютъ, что у него мозгъ не въ порядкѣ" и пр. (стр. 335 и 336).

Наконецъ приближалась катастрофа. Въ петербургскомъ обществѣ мало знали о послѣднемъ фазисѣ розыска надъ Алексѣемъ. 27-го іюня 1718 года де-Лави пишетъ: „Царевичъ заключенъ два дня тому назадъ въ крѣпость; увѣряютъ, что нашлись письма, изъ которыхъ оказалось, что онъ замышлялъ противъ жизни своего отца; мнѣ передавали, что въ прошлую субботу царь позвалъ его въ сенатъ и тамъ, обнимая его, сказалъ ему: „Я тебѣ отецъ, а ты мнѣ сынъ: какъ же ты, несчастный, хотѣлъ меня убить? Вотъ, прибавилъ онъ,— доказательства этого", и показалъ ему бумаги. Царь не могъ удержаться отъ слезъ, и послѣ того, какъ сынъ просилъ у него прощенія, передалъ его епископамъ и прочимъ духовнымъ лицамъ, чтобы судить его, прося ихъ быть какъ можно умѣреннѣе, судя его преступленія" и пр. (стр. 349—350).

Объ этой сценѣ въ сенатѣ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. Въ народѣ же передавали объ этомъ эпизодѣ совершенно иныя извѣстія и разказывали, между прочимъ, что Алексѣй предъ отцомъ и сенатомъ не снималъ шапки, что царь билъ сына обухомъ въ присутствіи сената и что царевичъ отъ этого умеръ [1]).

Де-Лави не зналъ о томъ, что царевича нѣсколько разъ подвергали пыткѣ. О самой смерти его у де-Лави сказано слѣдующее: „Со смертью царевича несомнѣнно погибло сѣмя возмущенія и заговоровъ... царевичъ былъ во главѣ заговора, имѣвшаго цѣлью совершенно измѣнить установленный порядокъ, сжечь этотъ городъ и флотъ и посягнуть на особу его величества, вѣрныхъ слугъ его и иностранцевъ. Никогда смерть не являлась такъ кстати для возстановленія общественнаго спокойствія и разсѣянія нашихъ опасеній по поводу угрожавшихъ намъ зловѣщихъ событій. Царь былъ у царевича съ судьями... произнесли ему смертный приговоръ. Тогда онъ, опомнившись, сталъ умолять отца простить ему его преступленія... Царь простилъ его, заливаясь горячими слезами и пр... царевичъ объявилъ,

[1]) *Соловьевъ*, XVII, 226.

что если онъ поправится отъ болѣзни, то не желаетъ жить, что достоинъ смерти, и чувствуетъ ея приближеніе. Когда царь удалился, то царевичъ послалъ за нимъ, прося его возвратиться... идя къ нему, царь встрѣтилъ посланнаго съ извѣстіемъ, что тотъ уже умеръ" и пр. (стр. 354—355).

Вообще, въ дѣлѣ царевича де-Лави ни въ чемъ не обвиняетъ царя и вполнѣ одобряетъ его дѣйствія. Быть можетъ, впрочемъ, опасеніе перлюстраціи заставляло де-Лави писать въ этомъ духѣ. Въ донесеніи отъ 1-го августа сказано: „Несомнѣнно, что этотъ монархъ употребилъ при жизни царевича всѣ средства, чтобы внушить ему чувства, столь необходимыя наслѣднику престола, и если онъ передъ смертью лишилъ его престола и титула, то былъ вынужденъ къ подобному образу дѣйствій необходимостью оградить собственную безопасность и благо своего государства, такъ что нельзя достаточно похвалить прекрасный образъ дѣйствій этого государя" (стр. 365).

Одновременно съ дѣломъ царевича Алексѣя шло множество другихъ уголовныхъ процессовъ, о которыхъ изъ донесеній де-Лави и Вебера мы узнаемъ гораздо болѣе, чѣмъ изъ русскихъ источниковъ. Частые случаи казнокрадства и лихоимства заставляли царя прибѣгать къ весьма крутымъ мѣрамъ, которыя вполнѣ одобрялись иностранными дипломатами.

Уже въ 1715 году де-Лави упоминаетъ объ открытіи злоупотребленій по администраціи, замѣчая, что конфискованныя имѣнія виновныхъ составляютъ до 5 милліоновъ рублей, и что царь „явилъ большое милосердіе относительно виновныхъ" (стр. 100). Въ 1717 году де-Лави пишетъ, что по недобросовѣстности Долгорукаго, задержавшаго 100,000 р., погибло 8,000 человѣкъ (стр. 250). Путешествіе Петра въ Москву, въ концѣ 1717 года, объяснили „желаніемъ царя не присутствовать при смертной казни нѣкоторыхъ сановниковъ, обокравшихъ его" (стр. 271). Къ тому же году относится, по показаніямъ де-Лави, еще нѣсколько случаевъ казни за казнокрадство и другія административныя злоупотребленія важныхъ сановниковъ (стр. 276—278, 328). Въ письмѣ отъ 28-го декабря того же года де-Лави сообщаетъ, что царь поручилъ судъ надъ многими виновными нѣкоторымъ гвардейскимъ офицерамъ Преображенскаго полка. Мѣру эту де-Лави находитъ довольно странною, замѣчая въ донесеніи отъ 7-го января 1718 года: „Я чрезвычайно удивленъ обращеніемъ этого государя съ знатнѣйшими своими подданными: въ настоящую минуту здѣсь, такъ сказать, нѣтъ никого, кто бы завѣдывалъ судо-

производствомъ. Царя совсѣмъ или почти совсѣмъ не было видно: онъ уѣхалъ, не желая никого слушать, и поручилъ дѣла знатнѣйшихъ дворянъ разбирательству простыхъ офицеровъ и военныхъ чиновъ, не имѣющихъ даже понятія о гражданскихъ законахъ, бо̀льшая часть ихъ не умѣетъ писать... Въ этомъ городѣ, вслѣдствіе безчисленныхъ обвиненій, появилась какъ будто какая-то общественная зараза. Здѣсь никто не знаетъ, обвинитель онъ или обвиненный, что̀ внушаетъ царю мысль, что почти всѣ виноваты, и потому онъ никому не оказываетъ довѣрія. Все сказанное мною относится до знатнѣйшихъ лицъ; низшія сословія какъ будто оставлены до слѣдующаго раза; всего болѣе удаляетъ отъ его царскаго величества всѣхъ знатныхъ особъ то невниманіе, съ которымъ онъ обращается съ ними, назначивъ каждому изъ нихъ маіора, капитана и лейтенанта, изъ своей гвардіи, которому поручено разсмотрѣніе и рѣшеніе ихъ процесса ранѣе его возвращенія" и пр. (стр. 288—289).

Де-Лави не сомнѣвался однако въ томъ, что русскіе администраторы способны были на самыя ужасныя преступленія. 31-го января 1718 года, разказывая о пожарѣ въ зданіи сената, онъ замѣчаетъ: „Полагаютъ, что это несчастіе есть дѣло кого-либо изъ членовъ сената, желавшихъ при помощи этого пожара уничтожить улики и матеріалы къ производству слѣдствія по различнымъ дѣламъ, веденнымъ ими" (стр. 300).

Дѣло богатаго русскаго купца въ Амстердамѣ Соловьева, привлеченнаго къ суду въ 1717 году, остается пока неразъясненнымъ. Разбросанныя здѣсь и тамъ данныя объ этомъ дѣлѣ не даютъ точнаго понятія о мѣрѣ виновности Соловьева. Тѣмъ болѣе достойны вниманія нѣкоторыя замѣчанія де-Лави объ этомъ предметѣ. Онъ пишетъ весною 1717 года: „Царь, нуждаясь въ деньгахъ и узнавъ, что князь Меншиковъ имѣетъ въ амстердамскомъ банкѣ 300,000 р., подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы повѣренный князя, Соловьевъ, ведетъ его дѣла не довольно честно, немедленно разсмотрѣлъ всѣ бумаги Соловьева [1]) и принудилъ его потребовать эту сумму изъ банка и отдать ее ему лично" и пр. (стр. 177). Нѣсколькими мѣсяцами позже де-Лави сдѣлалъ выписку изъ письма, полученнаго имъ изъ Брауншвейга и заключающаго въ себѣ подробности о дѣлѣ Соловьева. Тутъ сказано, между прочимъ: „Его царское величество самъ неожиданно арестовалъ въ Амстердамѣ г. Соловьева и всѣ его счет-

[1]) Въ началѣ 1717 года Петръ прожилъ нѣсколько недѣль въ Амстердамѣ.

ныя книги и выслалъ его въ Петербургъ подъ конвоемъ Нарышкина и 25 солдатъ прусской королевской гвардіи; въ упомянутыхъ книгахъ оказалось пять милліоновъ, похищенныхъ у царя три или четыре года тому назадъ, и около 50 милліоновъ, которые подъ именемъ этого человѣка были положены нѣкоторымъ сановникомъ въ амстердамскій банкъ. Словомъ, его царское величество открылъ чрезъ это все имущество этого сановника и главнѣйшихъ его участниковъ. Это поразило его какъ громомъ. Вы вѣроятно увидите по пріѣздѣ царя ужасныя событія и сцена эта будетъ еще крупнѣе, чѣмъ въ 1715 году". Къ этому прибавлено замѣчаніе де-Лави: „Я думаю, что сановникъ, о которомъ говорится—князь Меншиковъ, потому что братъ Соловьева служитъ у князя дворецкимъ" (стр. 252). Хотя и де-Лави замѣчаетъ, что этотъ случай надѣлалъ много шуму въ Петербургѣ, онъ все-таки почти вовсе не говоритъ о послѣдствіяхъ событія, случившагося въ Амстердамѣ. Только говоря о казни прикосновеннаго къ этому дѣлу князя Волконскаго, чрезъ котораго царь надѣялся узнать кое-что о злоупотребленіяхъ братьевъ Соловьевыхъ, де-Лави замѣчаетъ: „Со времени казни Волконскаго семейство Соловьевыхъ вздохнуло свободнѣе" (стр. 278).

Такого рода случаи повторялись весьма часто и поддерживали въ Петрѣ постоянное раздраженіе. 5-го іюня 1717 года де-Лави пишетъ: „Князь Меншиковъ передалъ сенату письмо царя, который жалуется на дурное управленіе дѣлами государства, особенно на медленность при исполненіи его повелѣній и говоритъ, что за это накажетъ его Богъ, а самъ онъ по возвращеніи разберетъ поведеніе сената и накажетъ виновныхъ, вслѣдствіе чего всѣ члены этого знаменитаго учрежденія находятся въ неописанномъ страхѣ" (стр. 218). Немногимъ позже: „Потихоньку говорятъ, что нѣкоторые изъ главныхъ сенаторовъ арестованы.... одинъ изъ главныхъ членовъ этого учрежденія присвоилъ себѣ трехлѣтній доходъ съ соляныхъ копей на сумму 80,000 рублей ежегодно", и пр. (стр. 222).

Нѣсколько разъ де-Лави упоминаетъ о недобросовѣстности Меншикова, о его столкновеніяхъ съ сенатомъ, о часто мѣнявшемся обращеніи съ нимъ царя. Въ то самое время, когда Петръ открылъ въ амстердамскомъ банкѣ слѣды алчности фаворита, де-Лави пишетъ: „Князь Меншиковъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы упрочить за собою милость государя, до того, что въ виду пріобрѣтенія расположенія адмирала Апраксина, продалъ ему часть своихъ имѣній за одну треть ихъ стоимости" (стр. 218). Между прочимъ Меншикова

обвиняли въ недостаткѣ зерноваго хлѣба, такъ какъ онъ купилъ зерна на милліонъ и получилъ отъ этого 500,000 руб. прибыли (стр. 219). Послѣ того, какъ онъ казался сильно компрометтированнымъ въ дѣлѣ Соловьева, всѣхъ удивило то обстоятельство, что царь, послѣ возвращенія изъ-за границы, бесѣдовалъ съ нимъ за обѣдомъ дружески и ласково (стр. 258). То разказывали, что царь билъ Меншикова (стр. 274), то говорили, что Меншиковъ будетъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Россіи и что губернаторы отдѣльныхъ провинцій будутъ отдавать ему отчетъ объ управленіи (стр. 331), то увѣряли, что онъ былъ подвергнутъ допросу въ засѣданіи суда, учрежденномъ для разслѣдованія злоупотребленій (стр. 390) и что царь лишитъ его управленія Эстляндіею и Ингріею, требуя отъ него отчета о его распоряженіяхъ (стр. 393).

Строгія мѣры не останавливали однако злоупотребленій. „Смуты, волновавшія это государство, вслѣдствіе интригъ приверженцевъ покойнаго царевича и злоупотребленій сановниковъ", пишетъ де-Лави 28-го ноября 1718 г.,—„не только не прекращены казнью многихъ виновныхъ, но напротивъ того усиливаются. Недовѣріе дошло до того, что ежедневно арестуютъ множество лицъ безъ всякаго разбора и по малѣйшему подозрѣнію, вслѣдствіе чего никто не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности... Царь, несмотря на силу своего ума, усиливаетъ общія опасенія своимъ безпокойствомъ; рѣдко бываетъ онъ спокоенъ даже въ продолженіе часа, кромѣ торжественныхъ дней, когда онъ старается на нѣсколько мгновеній забыть свои многочисленныя заботы" и пр. (стр. 391). Въ декабрѣ 1718 г. происходили опять новыя казни (стр. 395), и немедленно послѣ оныхъ царь, какъ разказываетъ де-Лави, созвалъ членовъ сената и объявилъ имъ, что, наказавъ государственныхъ преступниковъ, онъ теперь обратится къ наказанію тѣхъ піявокъ, которыя по своей алчности обогатились имуществомъ своего правосуднаго государя и его подданныхъ, благосостояніемъ коихъ онъ всего болѣе дорожитъ. Въ то же время царь образовалъ судную коммиссію, назначивъ предсѣдателемъ ея генерала Вейде, а нѣсколькихъ другихъ генераловъ ассессорами, чтобы судить виновныхъ по военнымъ законамъ, которые въ Россіи строже, чѣмъ во всѣхъ прочихъ государствахъ: „Это страшное судилище заставляетъ дрожать отъ испуга членовъ лучшихъ фамилій имперіи. Оно открыло сегодня свои засѣданія и потребовало князя Меншикова, адмирала Апраксина, сенатора, брата его, князя Долгорукаго, предсѣдателя сената и князя Гагарина, сибирскаго губерна-

тора, для допроса по обвиненіямъ, взводимымъ на нихъ фискалами. Остается подъ арестомъ еще болѣе 200 человѣкъ, обвиняемыхъ въ злоупотребленіяхъ, и нѣкоторымъ изъ нихъ угрожаетъ опасность лишиться жизни" (стр. 397). Къ сожалѣнію, изданныя депеши де-Лави прерываются въ концѣ 1718 года, и мы не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этихъ процессахъ.

Затрогивая множество вопросовъ, упоминая о разныхъ лицахъ, де-Лави въ своихъ донесеніяхъ доставляетъ, хотя и случайно, обильный матеріалъ для изученія разныхъ вопросовъ Петровскаго времени. Такъ, мы можемъ узнать отъ него кое-что о нѣкоторыхъ изъ дипломатовъ, находившихся въ то время при русскомъ дворѣ. Личность и дипломатическая дѣятельность ганноверо-англійскаго резидента Вебера уже довольно выяснилась чрезъ изданіе бумагъ этого дипломата профессоромъ Герриманномъ въ 1880 году. Несмотря на то, и нѣкоторыя свѣдѣнія о Веберѣ, встрѣчающіяся въ донесеніяхъ де-Лави (стр. 284 — 285, 322, 344, 349, 384, 389), достойны вниманія. Веберъ былъ хорошо знакомъ и состоялъ въ перепискѣ съ нимъ (стр. 117). Въ особенности любопытенъ слѣдующій разказъ, относящійся къ октябрю 1718 года: „Г. Веберъ имѣлъ съ царемъ двухчасовой и весьма жаркій разговоръ, который, впрочемъ, кончился благополучно, такъ какъ царь былъ такъ добръ, что въ присутствіи всего общества обнялъ его и провозгласилъ тостъ за лучшій исходъ дѣлъ. Мнѣ передавали, что ихъ разговоръ касался испанскихъ дѣлъ" (стр. 384).

Менѣе важны замѣчанія де-Лави о положеніи австрійскаго дипломата Плейера, о прусскомъ дипломатѣ Шлиппенбахѣ и пр. За то особенно интересны свѣдѣнія о голландскомъ резидентѣ де-Би, который имѣлъ сильное столкновеніе съ русскимъ правительствомъ по дѣлу царевича Алексѣя. Вообще положеніе де-Би при русскомъ дворѣ было не особенно выгодное. Однажды царь, „будучи недоволенъ Голландцами вслѣдствіе нѣкоторыхъ извѣстій, полученныхъ имъ, сказалъ ихъ резиденту, что, если Генеральные Штаты предпримутъ что-либо противъ интересовъ Россіи въ Балтійскомъ морѣ, онъ выгонитъ всѣхъ негоціантовъ ихъ республики изъ Россіи, конфискуетъ ихъ имущество и передастъ ихъ торговлю другому народу" (стр. 341). Послѣ загадочной смерти царевича де-Би имѣлъ неосторожность сообщить нѣкоторыя подробности о его дѣлѣ въ своемъ донесеніи Генеральнымъ Штатамъ. Это письмо попало въ руки русскаго правительства и повлекло за собою цѣлый рядъ не-

пріятностей для голландскаго резидента. Особенно недоволенъ былъ Петръ замѣчаніемъ де-Би о неминуемо предстоявшемъ повсемѣстномъ бунтѣ. Де-Би подвергся домашнему аресту, а бумаги его пересматривались русскими чиновниками. Въ извѣстномъ сочиненіи Устрялова о Петрѣ уже обнародованы весьма любопытныя данныя объ этомъ дѣлѣ [1]). Но де-Лави, въ приложеніи къ депешѣ отъ 14-го іюля 1718 г., мы встрѣчаемъ протоколъ допроса, сдѣланнаго голландскому резиденту, и этотъ документъ (стр. 357 — 363) можетъ служить важнымъ дополненіемъ къ прежде обнародованнымъ извѣстіямъ. При натянутыхъ отношеніяхъ между Голландіей и Франціей нельзя удивляться тому, что де-Лави нисколько не сожалѣлъ о бѣдѣ, постигшей резидента Генеральныхъ Штатовъ, и находилъ образъ дѣйствій русскаго правительства совершенно правильнымъ. Де-Лави даже считалъ вѣроятнымъ, что де-Би зналъ нѣкоторыя подробности о какомъ-то заговорѣ противъ царя и не пожелалъ сообщить объ этомъ куда слѣдовало (стр. 356, 364). Вслѣдствіе этого случая де-Би долженъ былъ оставить Россію (стр. 378). Достойно вниманія, что въ протоколѣ, подписанномъ де-Би, онъ объясняетъ все недоразумѣніе не только ложными слухами, но и своимъ „малодушіемъ".

Де-Лави интересовался вопросомъ о размѣрахъ государственныхъ доходовъ Россіи. Какъ онъ узналъ, въ 1715 году они составляли сумму 20 милліоновъ рублей. „Двумя милліонами", замѣчаетъ де-Лави о царѣ, „онъ въ состояніи содержать свой домъ и сухопутныя войска, но морскія силы обходятся ему весьма дорого" (стр. 108). Въ 1717 году де-Лави пишетъ о новой финансовой мѣрѣ: „Царь повелѣлъ всѣмъ боярамъ и прочимъ дворянамъ внести часть ихъ серебра для обращенія въ монету; такъ какъ многіе закапывали свое серебро въ землю, то я не думаю, чтобы подобная мѣра произвела ожидаемую пользу" (стр. 218). Нѣсколько позже онъ сообщаетъ о подворномъ налогѣ въ столицѣ, и притомъ замѣчаетъ, что съ него ожидаютъ 100.000 рублей (стр, 275).

Нѣсколько разъ упоминаетъ де-Лави о флотѣ и о постройкѣ гаваней и каналовъ. „Царь—пишетъ онъ въ 1715 г.—остался недоволенъ тѣмъ, что англійскій резидентъ безъ его позволенія посѣтилъ Кроншлотъ, гдѣ находятся его военные корабли" (стр. 108). Въ другомъ мѣстѣ говорится о постройкѣ гавани въ Балтійскомъ портѣ, возбуждающей сильный ропотъ между жителями Эстляндіи и Лифлян-

[1]) Ист. Петра Великаго, VI, стр. 549—567.

діи, уже разоренными прежними постройками такого рода (стр. 111—114), о постройкѣ новыхъ военныхъ кораблей (стр. 217), о страшной смертности между рабочими на верфяхъ (стр. 223), о привозѣ громаднаго количества дубоваго лѣса изъ Казани, „котораго достаточно для постройки восьми крупныхъ кораблей" (стр. 233) и пр. Де-Лави удивлялся самоличному участію царя въ этихъ дѣлахъ, и между прочимъ, передаетъ слѣдующій случай: „Въ прошлое воскресенье царь велѣлъ спустить на воду 80-типушечный корабль, названный Св. Петръ; онъ все время присутствовалъ при этой работѣ, ободряя своимъ примѣромъ рабочихъ, оканчивавшихъ корабль; не разъ онъ съ топоромъ въ рукахъ помогалъ подрубать подпоры, не обращая вниманія на опасность и увлекаясь нетерпѣніемъ, не смотря на видѣнные имъ примѣры, ибо, при спускѣ послѣдняго корабля.... два человѣка были убиты", и пр. (стр. 258). Въ 1718 году былъ спущенъ корабль, въ постройкѣ котораго участвовалъ царь. Разказывали, что онъ намѣренъ постоянно имѣть 13 кораблей на верфи, съ тѣмъ чтобы, по мѣрѣ спуска выстроенныхъ кораблей, приступать къ сооруженію новыхъ (стр. 350). Де-Лави замѣтилъ, что царь ласкалъ Англичанъ, завѣдывавшихъ постройкою военныхъ кораблей, проводилъ съ ними цѣлые часы, откровенно разговаривая о различныхъ предметахъ, при чемъ между прочимъ сказалъ, что во Франціи положеніе флота весьма плачевно, что множество кораблей тамъ пропадаютъ въ гаваняхъ, и что французское правительство не въ состояніи снарядить и спустить въ море эскадру въ двѣнадцать линейныхъ кораблей (стр. 263).

Далѣе де-Лави пишетъ о сооруженіи каналовъ и о громадномъ ихъ значеніи для Россіи (стр. 237—238), при чемъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что Англичанинъ Перри, взявшій на себя соединить Волгу съ Дономъ, „былъ принужденъ бѣжать, такъ какъ губернаторъ той области угрожалъ ему, что въ случаѣ неудачи его повѣсятъ" (стр. 288) [1]).

Состояніе торговли и промышленности въ Россіи особенно интересовало де-Лави. Часто онъ говоритъ о прибывавшихъ въ Россію ремесленникахъ, между которыми были и Французы (стр. 226—236); упоминаетъ о разныхъ фабрикахъ (стр. 308 и 317), о намѣреніи царя отправить нѣсколько кораблей, нагруженныхъ русскими товарами въ Средиземное море. „Царь", замѣчаетъ де-Лави при этомъ случаѣ,—

[1]) Впрочемъ самъ Перри, въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «The present state of Russia», иначе разказываетъ о томъ, почему онъ покинулъ Россію.

„хочетъ удостовѣриться путемъ этой попытки, будетъ ли подобная торговля выгодна для его подданныхъ. Политика его прекрасна, ибо онъ всё хочетъ знать собственнымъ опытомъ (стр. 215).

Де-Лави, какъ кажется, не особенно часто бывалъ при русскомъ дворѣ. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ возможность получать подробныя свѣдѣнія о состояніи двора, и нѣкоторыя его замѣчанія о членахъ царскаго семейства достойны вниманія. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Россію де-Лави присутствовалъ на одномъ придворномъ празднествѣ; при этомъ случаѣ онъ говоритъ о Екатеринѣ: „Послѣ обѣда царь и царица открыли балъ, который продолжался около трехъ часовъ; царь часто танцовалъ съ царицей и съ маленькими царевнами и много разъ цѣловалъ ихъ; при этомъ случаѣ онъ обнаружилъ большую нѣжность къ царицѣ и можно сказать по справедливости, что, не смотря на неизвѣстность ея рода, она вполнѣ достойна милостей такого великаго государя; описаніе качествъ этой государыни, сдѣланное мною три года тому назадъ въ письмѣ къ графу де-Поншартрену, нисколько не прикрашено. Въ настоящую минуту она имѣетъ пріятную полноту; цвѣтъ лица ея весьма бѣлъ съ примѣсью природнаго нѣсколько яркаго румянца; глаза у нея черные, маленькіе; волосы такого же цвѣта длинные и густые, шея и руки красивыя, выраженіе лица кроткое и весьма пріятное. Къ этому можно прибавить, что царь относится къ ней съ особеннымъ уваженіемъ" (стр. 102). По случаю пріѣзда Петра изъ за границы осенью 1717 года де-Лави пишетъ: „Ея величество, супруга его, прибыла около девяти часовъ вечера (20-го сент.); говорятъ, что она необыкновенно торопилась. Предполагаютъ, что тутъ кроется какая-то тайна, и что она имѣла въ виду удалить царя, своего супруга, отъ возобновленія прежней привязанности къ нѣкоторымъ предметамъ. Я однако думаю, что она заботилась въ этомъ случаѣ лишь объ оказаніи покровительства тѣмъ изъ своихъ креатуръ, которыя нуждаются въ немъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, и объ особенномъ удовольствіи увидѣть мужа и дѣтей" (стр. 255). [1]).

Осенью 1718 года де-Лави былъ приглашенъ ко двору по случаю празднованія дня рожденія трехлѣтняго царевича Петра Петровича. „Онъ еще не говоритъ и не ходитъ", пишетъ де-Лави объ этомъ

[1]) Екатерина находилась за границею въ 1716 и 1717 годахъ вмѣстѣ съ Петромъ, но вернулись они порознь. См. мою статью въ *Р. Вѣстн.*, т. CIII, стр. 100.

ребенкѣ,— „но царь утѣшается тѣмъ, что самъ онъ въ такомъ же возрастѣ былъ въ одинаковомъ положеніи". Такой же отзывъ о слабомъ физическомъ развитіи царевича встрѣчается и у Вебера [1]). О самомъ празднествѣ де-Лави разказываетъ такъ: „Самыя тонкія вина подавались тамъ въ изобиліи. Царь велѣлъ принести ведро простой русской водки и раздавалъ его въ простой деревянной чаркѣ въ два стакана, всѣмъ знатнѣйшимъ лицамъ въ томъ числѣ и дамамъ, которыхъ онъ всѣхъ безъ исключенія цѣловалъ" и пр. (стр. 386).

Нѣсколько разъ въ донесеніяхъ де-Лави говорится о слухахъ касательно предстоявшаго вступленія во второй бракъ племянницы Петра, Анны Ивановны, вдовы герцога Курляндскаго. Ей прочили въ женихи то принца Саксенъ-Вейсенфельскаго (стр. 271 и 298), который долженъ былъ сдѣлаться въ такомъ случаѣ герцогомъ Курляндскимъ (стр. 276), то маркграфа Филиппа (стр. 377). „Что касается до принца Вейсенфельскаго", замѣчаетъ при этомъ де-Лави,— „его искательство отклонено, потому что у него только 5000 червонцевъ дохода, а у его соперника 30,000. Г. Грушко тайный совѣтникъ короля Прусскаго велъ переговоры объ этомъ бракѣ" и пр.

Въ заключеніе нашего обзора донесеній де-Лави замѣтимъ, что хотя положеніе, которое занималъ въ Россіи французскій морской коммиссаръ и консулъ, по важности и значенію далеко уступаетъ той роли, которую играли при русскомъ дворѣ его товарищи по дипломатическому корпусу, донесенія де-Лави, какъ источникъ для исторіи Петровскаго времени, заслуживаютъ не меньшаго вниманія, чѣмъ депеши другихъ иностранныхъ резидентовъ, находящихся одновременно съ нимъ въ Россіи—Вебера и Плейера.

[1]) Изд. *Германна*, 104.

А. Брикнеръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ИСТОРІИ ФРАНЦУЗСКОИ КОЛОНІИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

I.

Французское вліяніе въ Россіи, казалось, должно было прочно утвердиться по возведеніи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, которому такъ много содѣйствовалъ тогдашній французскій посланникъ въ Петербургѣ маркизъ де ла Шетарди. Но самомнѣніе и самонадѣянность самого же Шетарди испортили дѣло, удачно имъ начатое. Вторичная его миссія кончилась высылкою его, въ іюнѣ 1744 года, изъ Россіи, и вскорѣ за тѣмъ между Россіей и Франціей произошелъ разрывъ. Послѣ разнаго рода попытокъ сближенія и неофиціальныхъ переговоровъ, подробности которыхъ недавно опубликованы въ интересной книгѣ г. Вандаля, [1]) дипломатическія сношенія между обѣими державами возстановлены были въ 1756 году, когда одновременно назначены были: русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Парижѣ Ѳ. Д. Бехтѣевъ, а французскимъ въ Петербургѣ—Дугласъ.

Дѣятельнымъ сторонникомъ сближенія Россіи съ Франціей былъ тогдашній фаворитъ И. И. Шуваловъ, случай котораго начался пожалованіемъ его въ камеръ-юнкеры въ 1749 году. Съ 1757 года онъ вступилъ въ переписку съ Вольтеромъ, которому поручено было писать исторію Петра Великаго, и началъ усиленно приглашать французскихъ художниковъ для академіи и преподавателей для Московскаго университета.

---

[1]) Louis XV et Elisabeth de Russie par *Albert Vandal*. Paris, 1882.

Впрочемъ, болѣе выдающіеся Французы неохотно переселялись въ Россію и Бехтѣевъ такъ объяснялъ причину этого [1]): „Не можете повѣрить, сколько мало свѣдущи здѣсь о насъ. Причина тому, что мало или почти никого изъ дворянства здѣшняго у насъ не было, а только подлые или по меньшей мѣрѣ самые бѣдные, не выключая и тѣхъ, кои министрами были, и кои за собственную досаду или въ оправданіе своихъ худыхъ поступковъ сколь можно худое мнѣніе о насъ подали. такъ что кромѣ ученыхъ и у дѣлъ находящихся (да и то не всѣ) прочіе Французы, особливо знатные, думаютъ, что Французу у насъ надобно умереть съ голоду и съ холоду. Трудно у нихъ изъ головы вынуть сіе затвердѣлое мнѣніе при роскошахъ, въ которомъ дворянство здѣсь погружено, и при маломъ понятіи, кое оно генерально имѣетъ о другихъ земляхъ“.

Бехтѣевъ лучше чѣмъ кто-либо могъ судить о тѣхъ Французахъ, которые выражали желаніе переселиться въ Россію, такъ какъ со многими изъ нихъ онъ велъ личные объ этомъ переговоры. Къ числу такихъ принадлежалъ между прочимъ докторъ Поасонье.

Здоровье императрицы Елизаветы Петровны, въ послѣдніе годы ея царствованія, начало слабѣть. Петербургскіе врачи того времени, по видимому, оказались недостаточно свѣдущими или опытными, и Бехтѣеву поручено было пригласить придворнаго французскаго медика Петра Поасонье (1720—1798).

„Господинъ Поасонье“, доносилъ Бехтѣевъ 17-го ноября 1757 года,—„обрѣтается теперь при арміи главнымъ докторомъ. Немного здѣсь слышно про знаніе его; но говорятъ, что взятъ ко двору по причинѣ, что жена его была кормилицею дюка Бургонскаго. Впрочемъ, сказывали мнѣ, что онъ человѣкъ веселаго нрава, забавенъ въ компаніяхъ, потому любимъ отъ дамъ и названъ дамскимъ докторомъ. Только я могъ свѣдать отъ достовѣрныхъ людей моихъ знакомыхъ. Между тѣмъ объявилъ я о томъ его сіятельству послу [2]) съ тѣмъ, чтобы изволилъ приказать еще навѣдаться, ибо мнѣ за скорымъ отъѣздомъ учинить было нельзя“ [3]).

Вѣроятно, дальнѣйшія справки оказались въ пользу Поасонье, потому что въ слѣдующемъ году онъ пріѣхалъ въ Россію. Хотя онъ

---

[1]) Письмо къ графу М. Л. Воронцову 13-го сентября 1756 года. Архивъ кн. Воронцова, III, 195.

[2]) Графу М. А. Бестужеву-Рюмину.

[3]) Письмо къ графу М. Л. Воронцову. Архивъ кн. Воронцова, VI, 227.

былъ принятъ петербургскимъ медицинскимъ персоналомъ, и въ особенности придворнымъ докторомъ Кондоиди, не очень дружелюбно, но вслѣдствіе покровительства И. И. Шувалова, Елизавета Петровна разрѣшила зачислить его на службу, съ тѣмъ однако, чтобъ онъ, покинувъ службу, не получалъ пенсіи [1]). 1-го іюня 1759 года послѣдовалъ указъ сенату объ опредѣленіи его въ россійскую службу, съ назначеніемъ къ высочайшему двору лейбъ-медикомъ, съ жалованьемъ по 5000 рублей въ годъ [2]).

Поасонье приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей и въ августѣ 1759 года составилъ подробную записку о состояніи здоровья императрицы [3]), но, по его собственнымъ словамъ, здоровье ея со дня на день ухудшалось, и онъ выражалъ опасеніе, что ни его искусство, ни его усердіе не въ состояніи будутъ ей помочь [4]). Онъ оставилъ Россію въ 1761 году, а 25-го декабря того же года Елизавета Петровна скончалась.

Кажется, что въ бытность въ Петербургѣ Поасонье исполнялъ не однѣ только обязанности врача. Въ то время, въ самый разгаръ семилѣтней войны, Россія вступила въ болѣе тѣсныя сношенія съ Франціею. Между обоими правительствами велись переговоры двоякаго рода: одни шли обычнымъ офиціальнымъ путемъ, другіе производились между графомъ Воронцовымъ въ Петербургѣ и Терсье въ Парижѣ чрезъ посредство разныхъ неофиціальныхъ лицъ [5]). По видимому, Поасонье былъ также употребленъ для подобныхъ переговоровъ, или по крайней мѣрѣ, былъ посредникомъ въ передачѣ разнаго рода свѣдѣній между обѣими сторонами [6]).

Въ бытность свою въ Петербургѣ Поасонье произнесъ въ академіи наукъ рѣчь, напечатанную подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Discours prononcé à la séance publique qu'a tenue le 8 de mai 1759 l'Académie Impériale des Sciences à l'occasion du jour anniversaire du

---

[1]) Тамъ же, 291—292. Ср. *Vandal*, стр. 331. Въ Россіи Поасонье былъ въ сношеніяхъ съ докторомъ Леклеркомъ. Арх. кн. Воронцова IV, 447.

[2]) *Барановъ*, Опись указамъ въ сенатскомъ архивѣ. С.-Петербургъ, 1878, III, № 11373.

[3]) Напечатана въ Архивѣ кн. Воронцова, II, 633.

[4]) Письмо къ Эонъ 10-го февраля 1761 г. Mémoires du chevalier d'Eon, publiés par *Gaillardet*. Paris. 1836, I, 220.

[5]) Эти неофиціальные переговоры прекращены были по вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II.

[6]) *Michaud*, Biographie Universelle, XXXIII, 600.

couronnement de S. M. I^e. (24 стр. in 4°). Чрезъ него же сообщены были академіи наблюденія аббата Шаппа надъ прохожденіемъ Венеры [1]).

Былъ ли доволенъ Поасонье своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, не извѣстно, но по возвращеніи на родину, онъ навѣстилъ Вольтера въ его фернейскомъ замкѣ и сталъ указывать ему на промахи и ошибки, встрѣчающіеся въ его исторіи Петра Великаго. Вольтеръ, бывшій уже въ то время сторонникомъ Россіи, не нашелъ однако нужнымъ входить съ нимъ въ разсужденія и ограничился остроумнымъ отвѣтомъ: „Ахъ, мой другъ, русскіе, вмѣсто того, чтобы вступать со мною въ споры, дарятъ мнѣ превосходные мѣха, а вы знаете, какъ я зябокъ" [2]).

Въ 1764 году Поасонье „для пользы мореплаванія, изобрѣлъ способомъ одной машины" превращать морскую воду въ прѣсную. Онъ представилъ, чрезъ графа М. Л. Воронцова, находившагося въ то время въ Парижѣ, изобрѣтенную имъ машину императрицѣ Екатеринѣ II, для употребленія во флотѣ, и „ежели бы угодно было ее принять", надѣялся получить отъ щедротъ императрицы „пристойное награжденіе" [3]). Воронцовъ интересовался этимъ изобрѣтеніемъ и по возвращеніи въ Петербургъ просилъ И. И. Шувалова, поселившагося въ Парижѣ, „увѣдомить его объ успѣхѣ Поасонье въ предпріятіи его дѣлать изъ морской воды прѣсную, о чемъ всѣ газеты были наполнены" [4]), но какая судьба постигла въ Россіи изобрѣтеніе Поасонье—не извѣстно.

Русскіе путешественники въ Парижѣ обращались за совѣтами къ Поасонье, не всегда впрочемъ съ пользою. Хотя онъ и занимался изслѣдованіемъ свойствъ морской воды, но переносить ее не могъ. Н. А. Демидовъ [5]), отправившись въ 1772 году съ женою изъ Франціи въ Англію, взялъ „для путеваго случая" доктора Поасонье, но лишь только отвалили въ Кале отъ берега, то „господинъ медикъ, вмѣсто того, чтобы помогать на морѣ, котораго пути Александра Евтихіевна (жена Демидова) сносить не могла, самъ напротивъ того чуть было,

---

[1]) *De la Marche*. Nouveaux mémoires du régne de Pierre III. Berlin. 1765. стр. 85.

[2]) *Desnoiresterres*. Voltaire et Rousseau. Paris, 1875, p. 362.

[3]) Письмо Воронцова къ императрицѣ 5-го сентября 1764 г. Арх. кн. Воронцова. VII, 633.

[4]) Письмо 16-го декабря 1765 г. *Русскій Архивъ* 1864 г. № 4, стр. 389.

[5]) Журналъ путешествія Демидова, М., 1786, стр. 145.

замучившись рвотою, на тотъ свѣтъ не отошелъ, не могши защититься своими запасными лекарствами".

Впрочемъ, Поасонье былъ изъ лучшихъ французовъ, бывшихъ при Елизаветѣ Петровнѣ. Прочіе его соотечественники достоинствами не отличались. Пріѣхавшій въ Россію въ 1757 году, секретарь французскаго посольства Мессельеръ разказываетъ [1]), что, „по пріѣздѣ посла, маркиза де Лопиталя, насъ осадила тьма Французовъ всевозможныхъ оттѣнковъ, которые по большей части, побывавъ въ передѣлкѣ у парижской полиціи, явились заражать собою страны сѣвера. Мы были удивлены и огорчены, найдя, что у многихъ знатныхъ особъ живутъ бѣглецы, банкроты, развратники и немало женщинъ такого же рода, которымъ, по здѣшнему пристрастію къ Французамъ, поручено было воспитаніе дѣтей значительныхъ лицъ; должно быть, что эти отверженцы нашего отечества разселились вплоть до Китая. Посолъ счелъ приличнымъ предложить русскому министерству, чтобы оно приказало сдѣлать изслѣдованіе объ ихъ поведеніи и разборъ имъ, дабы самыхъ безнравственныхъ отправить моремъ по принадлежности. Когда предложеніе это было принято, произошла значительная эмиграція, которая, безъ сомнѣнія, затерялась въ пустыняхъ Татаріи. Русская нація, кажется, приняла съ благодарностію этотъ поступокъ, согласный съ справедливостью и честію нашего отечества. Императрица узнала о немъ съ удовольствіемъ и смѣялась надъ тѣми, которые были обмануты этими негодяями".

Понятно, что нѣкоторыя изъ подобныхъ личностей, увлекаясь примѣромъ успѣха своего соотечественника, извѣстнаго лейбъ-медика Лестока, принимали участіе въ разнаго рода заговорахъ, которыми такъ богата русская исторія XVIII вѣка. Нѣкоторые изъ нихъ участвовали и въ переворотѣ 28-го іюня 1762 года, возведшемъ на престолъ Екатерину II.

Переворотъ этотъ поразилъ современниковъ неожиданностью и успѣхомъ. Имъ чрезвычайно заинтересовались не только въ Россіи, но и за границею. Государственный канцлеръ М. Л. Воронцовъ, сообщая подробности переворота племяннику своему А. Р. Воронцову, тогда посланнику въ Англіи, между прочимъ писалъ ему 21-го августа 1762 года [2]): „При семъ посылаю для единственнаго вашего извѣ-

---

[1]) Voyage à Pétersbourg. Paris 1803, 124—125. Въ русскомъ переводѣ записки Мессельера помѣщены въ *Русскомъ Архивѣ* 1874 г. кн. 1. стр. 952 и сл.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, V, 104.

стія копію съ письма бывшаго при васъ за секретаря Пиктэта, которое онъ писалъ къ Вольтеру и мнѣ сообщено подъ рукою отъ надежнаго человѣка. По видимому, онъ хотѣлъ симъ письмомъ себя произвесть, ибо мнѣ сказано, якобы подъ видомъ тайности оное поднесено было Ея Величеству, можетъ быть въ надеждѣ получить какое либо награжденіе, или чтобъ въ здѣшнюю службу онъ принятъ быть могъ; токмо не слышно, чтобъ одно или другое послѣдовало. Изъ содержанія онаго письма весьма усмотрѣть можно малый его разумъ, и что онъ не кстати и неблагодарно, а больше лживо, о многихъ вещахъ писалъ, особливо что до нашей фамиліи касается. Сей человѣкъ дому моего не знаетъ и для чего здѣсь живетъ и что дѣлать намѣренъ, понынѣ мнѣ не извѣстно". Прося затѣмъ доставить свѣдѣнія о характерѣ Пиктэта и о томъ, какую „конекцію" онъ съ Вольтеромъ имѣетъ, графъ М. Л. Воронцовъ продолжаетъ: „Господинъ Одаръ имѣлъ также участіе въ счастливой перемѣнѣ, и какъ весьма разумный человѣкъ, поведеніе свое осторожно имѣетъ и къ намъ преданность и благодарность свою оказываетъ. Онъ получилъ позволеніе отъѣхать въ Италію, для привезенія сюда своей фамиліи, и уже съ мѣсяцъ времени какъ отъѣхалъ; понынѣ онъ не получилъ еще награжденія, какъ токмо 1000 рублевъ для проѣзда своего. Одаръ въ состояніи написать весьма лучшую реляцію какъ о счастливой нашей перемѣнѣ, такъ и особливо достойную похвалу великимъ добродѣтелямъ и качествамъ Ея Величества, нежели Пиктэтъ вздумалъ не по силѣ разума своего писать".

Кто же были эти Одаръ и Пиктэтъ, одинъ—имѣвшій участіе въ счастливой перемѣнѣ 28-го іюня 1762 года, а другой—описавшій ее?

Одаръ (Odar), происхожденіемъ изъ Піемонта, прибылъ въ Россію при Елизаветѣ Петровнѣ, и благодаря покровительству канцлера графа Воронцова, получилъ должность совѣтника въ коммерцъ-коллегіи. Затѣмъ племянница Воронцова, княгиня Е. Р. Дашкова, которой Одаръ сдѣлался необходимымъ своими литературными познаніями [1]) исходатайствовала ему мѣсто управляющаго небольшою дачею, которою владѣла великая княгиня Екатерина Алексѣевна [2]).

„Одаръ бѣденъ и мнѣ кажется, что ему надоѣло быть бѣднымъ".

---

[1]) *Hermann*. Geschichte des Russischen Staates, V, 282.

[2]) Mémoires de la Pr. Dashkow. Арх. кн. Воронцова, XXI, 51. Ср. стр. 112. Odart n'a jamais été mon confident, mais mon protégé, говоритъ кн. Дашкова въ замѣчаніяхъ на книгу Рюльера. Арх. кн. Воронцова, VII, 653.

Такъ характеризовалъ его французскій посланникъ баронъ Бретель [1]). Отсюда проистекли побужденія, заставившія его принять участіе въ заговорѣ противъ Петра III. Всѣ современники единогласно свидѣтельствуютъ, что за деньги Одаръ готовъ былъ совершить всякое преступленіе [2]). Онъ былъ посредникомъ въ переговорахъ между Екатериною и Бретелемъ, когда первая обратилась къ Бретелю о ссудѣ ей 60,000 руб. Привыкши получать деньги отъ англійскаго посланника Вилліамса, Екатерина вѣроятно расчитывала на удовлетвореніе своей просьбы и на этотъ разъ, но Бретель отказалъ ей въ просимой ссудѣ, ссылаясь на недостаточность своихъ инструкцій, и обѣщалъ только испросить на это разрѣшеніе короля [3]). Но дѣло не терпѣло отсрочекъ, и государственный переворотъ совершился на этотъ разъ безъ помощи французскихъ денегъ. Одаръ наблюдалъ за всѣми участниками въ заговорѣ, хранилъ въ своей квартирѣ манифестъ о вступленіи на престолъ Екатерины, и въ самый день переворота сопровождалъ ее въ походѣ въ Петергофъ [4]). Во всякомъ случаѣ, участіе его въ этомъ дѣлѣ было довольно значительно, хотя княгиня Дашкова, приписывавшая себѣ успѣхъ предпріятія, утверждаетъ, что въ послѣдніе три дня до революціи Одаръ принималъ въ ней такъ мало участія, что находился за городомъ у графа А. С. Строгонова [5]). Дѣятельность его, кажется, довольно вѣрно характеризовалъ тогдашній австрійскій посланникъ Мерси д'Аржанто̀, говоря, что онъ былъ секретаремъ заговорщиковъ [6]).

Затѣмъ Одаръ поступилъ на службу въ кабинетъ императрицы [7]) и послѣ кратковременной отлучки за границу вернулся въ Россію. Сохранилось извѣстіе, что онъ былъ доносителемъ на Хитрово и другихъ лицъ, составлявшихъ заговоръ противъ Екатерины въ бытность

---

[1]) *Vandal*, 414.

[2]) *Rulhière*, Histoire de la révolution de Russie. Paris. 1797, стр. 67. Helbig, Biographie Peter des Dritten. Tübingen. 1808. II, 102.

[3]) *Vandal*, 414—417.

[4]) *Rulhière* 75, 90; *Helbig* 104, 119, 134.

[5]) Замѣчанія на Рюльера. Арх. кн. Воронцова, VII, 653.

[6]) *Сб. Русск. Ист. Общ.* X, VIII, 467; ср. замѣчанія *Соловьева*, Исторія Россіи, XXV, 107.

[7]) Мерси говоритъ, что онъ поступилъ секретаремъ къ Панину (ib. 458), а прусскій посланникъ Гольцъ—что онъ получилъ должность secrétaire privé des commandements при императрицѣ. Депеша 2-го іюля 1762 г. у *Щебальскаго*, Политическая система Петра III. М., 1870. Прил. 60—61.

ея въ 1763 году, послѣ коронаціи, въ Москвѣ. Въ награду за эту услугу, онъ, отказавшись отъ всякихъ отличій, потребовалъ денегъ [1]).

Вслѣдъ затѣмъ, указами 8-го декабря 1763 г. и 31-го марта 1764 г., Одаръ, уже въ чинѣ надворнаго совѣтника, назначенъ былъ членомъ коммиссіи для разсмотрѣнія коммерціи Россійскаго государства и особаго при ней собранія для разсмотрѣнія проэктовъ, касающихся до торговли [2]). Долго ли онъ пробылъ въ этой должности, не извѣстно, но затѣмъ онъ вернулся на родину и умеръ въ Ниццѣ около 1773 года отъ удара молніи [3]).

Любопытно, что Одаръ принималъ какое-то участіе въ переговорахъ о приглашеніи Даламбера воспитателемъ къ великому князю Павлу Петровичу. Приглашеніе это сдѣлано было знаменитому математику, по собственнымъ его словамъ, чрезъ посредство русскаго посланника въ Парижѣ С. В. Салтыкова [4]), но отказъ свой отъ этого приглашенія Даламберъ прислалъ чрезъ Одара [5]).

Другая личность, о которой упоминается въ приведенномъ письмѣ М. Л. Воронцова, женевецъ Пиктэ (Pictet de Warembé), былъ своимъ человѣкомъ у Вольтера, который, вслѣдствіе его большаго роста, называлъ его „великаномъ“ [6]). Онъ принадлежалъ къ труппѣ любителей, разыгрывавшихъ пьесы Вольтера на его домашнемъ театрѣ въ Делисахъ.

Первоначально Пиктэ поступилъ къ графу А. Р. Воронцову, при которомъ былъ въ качествѣ секретаря [7]), а затѣмъ, незадолго до переворота 28-го іюня 1762 г., пріѣхалъ въ Россію. Однажды гулялъ онъ въ саду Лѣтняго дворца, когда пришелъ туда императоръ Петръ III, въ сопровожденіи свиты и адъютантовъ. Пиктэ прошелъ мимо императора, не снявъ шляпы и даже не посторонился. Императоръ, которому онъ смотрѣлъ нагло въ глаза, спросилъ окружавшихъ,

---

[1]) *Rulhière*, 129.

[2]) П. С. З. т. XVI, № 11985 и *Сб. Русск. Ист. Общ.*, VII, 327 и 351.

[3]) *Rulhière*, 146; La Cour de Russie, Berlin, 1858, 197. Кастера (Histoire de Catherine II, v. I, 362) утверждаетъ, что Одаръ отправленъ былъ на родину потому, что «ses délations continuelles le rendaient odieux à tous les courtisans».

[4]) Mémoires d'Alembert. Paris, 1805, I, 34.

[5]) Письмо Екатерины къ Даламберу. *Сбор. Русск. Ист. Общ.* VII, 179.

[6]) Mon cher géant. Письмо Вольтера къ Троншену 1759 г. (Lettres inédites, Paris, 1857, I, 544) и къ Клерону 1760 г. (изд. *Бешо* t. 59 № 3107). Ср. *Desnoiresterres*, Voltaire aux Délices, Paris, 1875, 397.

[7]) Ср. письмо Вольтера къ А. Р. Воронцову. Арх. кн. Воронцова, V, 450.

что это за человѣкъ? Никто не зналъ его. Когда онъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе, Петръ послалъ флигель-адъютанта остановить его и спросить, кто онъ такой? Тотъ, все еще не снимая шляпы, отвѣчалъ, что онъ Французъ. Тогда Петръ сказалъ, „вотъ какой негодный Французъ зашелъ къ намъ въ садъ" и приказалъ адъютанту дать ему 20 фухтелей и сказать: „Такъ Его Величество учитъ вѣжливости невоспитанныхъ Французовъ" и чтобъ онъ сейчасъ убирался изъ сада.

Послѣ паденія Петра III, первое появившееся сочиненіе о переворотѣ было французское письмо одного иностранца къ своему другу, которому онъ разказываетъ, какъ очевидецъ, это событіе и осуждаетъ падшаго императора. Письмо это написалъ „длинный, худой и косой" Пиктэ [1]). Этимъ-то своимъ письмомъ онъ хотѣлъ отмстить несчастному императору.

Дѣйствительно, это письмо Пиктэ, сдѣлавшееся тогда уже извѣстнымъ въ Петербургѣ и представленное Екатеринѣ, повліяло на его судьбу.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны главнымъ, или лучше сказать, единственнымъ распорядителемъ въ сношеніяхъ русскихъ съ Вольтеромъ былъ И. И. Шуваловъ. По воцареніи Екатерины, Шуваловъ имѣлъ неосторожность сообщить Вольтеру о переворотѣ 28-го іюня 1762 года, при чемъ придалъ большое значеніе участію въ немъ княгини Дашковой. Екатерина нашла нужнымъ опровергнуть это сообщеніе. Она поручила спросить барона Бретеля, знакомъ ли онъ съ Вольтеромъ, дабы пригласить его измѣнить его идеи о роли, которую играла княгиня Дашкова [2]). Кромѣ того сама Екатерина, написавъ Станиславу Понятовскому, что Шуваловъ, самый низкій и самый гнусный человѣкъ, сообщилъ, какъ говорятъ, Вольтеру, что девятнадцатилѣтняя женщина совершила перемѣну правленія въ имперіи, просила его разувѣрить въ этомъ этого великаго писателя [3]). Неудовольствіе Екатерины Шуваловымъ побудило его покинуть, въ апрѣлѣ 1763 года, на долгое время, Россію. Очевидно, что при такихъ отношеніяхъ Екатеринѣ не возможно было употребить Шува-

---

[1]) Записки Штелина о Петрѣ III. *Чтенія М. Общ. Ист. и Др. Р.* 1866 г. кн. IV, 100 и 117.

[2]) Донесеніе Бретеля 13-го сентября 1762. La Cour de Russie, 231.

[3]) Ibid, 214. Письмо это перепечатано также въ прилож. къ Mémoires de l'Impératrice Catherine II.

лова, дабы завязать чрезъ него непосредственную переписку съ Вольтеромъ, чего ей такъ желалось. Первоначальныя сношенія ея съ Вольтеромъ начались чрезъ Пиктэ. Письмо Пиктэ къ Вольтеру отъ 4-го августа 1762 года, о которомъ мы привели выше отзывъ графа Воронцова, представляетъ подробности вступленія на престолъ Екатерины, которая осыпана въ немъ похвалами, въ противуположность ея мужу [1]). Переписка между ними продолжалась, при чемъ изъ тона писемъ Пиктэ очевидно, что они писаны были съ вѣдома Екатерины [2]). Это же видно и изъ письма Вольтера къ Пиктэ, въ которомъ первый положительно свидѣтельствуетъ, что Пиктэ писалъ подъ диктовку Екатерины [3]). Какую именно должность занималъ въ это время Пиктэ въ Петербургѣ, мы сказать не можемъ, впослѣдствіи же онъ сдѣлался французскимъ учителемъ у графа Г. Г. Орлова, но велъ себя неприлично и пробылъ у него недолго. Въ 1765 году онъ былъ уличенъ въ контрабандѣ [4]), но Екатерина, помня прежнія его заслуги, смягчила слѣдовавшее ему за это наказаніе. Дальнѣйшая судьба Пиктэ не вполнѣ ясна. Кажется, онъ состоялъ въ 1785—1787 гг. при русскомъ послѣ въ Лондонѣ, графѣ С. Р. Воронцовѣ [5]), и издалъ тамъ сочиненіе „A letter to a foreinger nobleman on the present situation with respect to the other states of Europe. London. 1793 [6]).

Лишь только послѣ того, какъ Пиктэ подготовилъ, такъ сказать, почву, Екатерина обратилась къ Вольтеру въ 1763 году съ первымъ письмомъ [7]). Поводомъ къ нему послужило то, что Вольтеръ пере-

---

[1]) *Charavay*. Catalogue Lajariette. 1860, p. 282, № 2412.

[2]) Письмо Пиктэ 19-го ноября 1762 г. изъ Москвы *Charavay*. *Revue des autographes*. Octobre 1866, p. 88, № 10.

[3]) Письмо сентября 1763 г. (изд. *Beuo* t. 61, № 3929).

[4]) Штелинъ, 100 и 117. Ср. письмо Екатерины къ Вольтеру 31 марта 1771 г. *Сб. Русск. Ист. Общ*. XIII, 77 и пр.

[5]) Архивъ кн. Воронцова IX, 47, 60, 90 и 107.

[6]) *Quérard*. La France littéraire, VII, 150. Другой Пиктэ (Jean-Louis Pictet) былъ въ Россіи для наблюденія за прохожденіемъ Венеры чрезъ дискъ солнца, о чемъ напечаталъ въ Петербургѣ въ 1769 году двѣ статьи (Tableau... des matières... dans les publications de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg. St. Pg. 1872 г. № 1377 и 1378); см. *Русск. Арх*. 1877 г. № 12, стр. 387. Ср. Біографическій очеркъ гр. В. Г. Орлова. С.-Пб., 1878, I, 160. *Michaud*, XXXIII, 208.

[7]) Т. 61 № 3942. Ср. № 3929.

слалъ ей, чрезъ находившагося тогда въ Швейцаріи Балка [1]), второй томъ своей исторіи Петра Великаго. Это первое письмо Екатерины осталось безъ отвѣта со стороны Вольтера. Тогда Екатерина послала ему первый подарокъ, золотую медаль съ своимъ изображеніемъ, чрезъ возвращавшагося на родину, въ Женеву, ювелира Позье [2]), и затѣмъ въ 1765 году обратилась къ нему вновь съ письмомъ [3]), которое и послужило собственно началомъ ихъ продолжительной переписки.

Но между Французами, жившими въ то время въ Россіи, нашлись и такіе, которые остались вѣрными императору Петру III. То были Валуа и Брессанъ.

Жакъ-Христофъ Валуа (de Vallois) каменныхъ дѣлъ мастеръ изъ Парижа (maître maçon de la ville de Paris) какъ онъ самъ подписывался, прибылъ въ Россію въ пятидесятыхъ годахъ съ женою Маріанною Желанде (Gelandet), здѣсь умершею. Онъ поступилъ на службу къ гетману графу К. Г. Разумовскому, для разныхъ построекъ, производимыхъ имъ одновременно и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и на Украйнѣ. Въ 1759 году, Валуа, вмѣстѣ съ Лорреномъ и Жилле, былъ преподавателемъ въ академіи художествъ и занимался кромѣ того устройствомъ квартиръ для профессоровъ и залъ для занятій учениковъ въ домѣ, купленномъ у Мишеля, по 4-й линіи Васильевскаго острова, на что получилъ 1800 руб., а въ 1761 году уѣзжалъ, на время, изъ Петербурга [4]). Этого Валуа какъ-то обидѣлъ Г. Н. Тепловъ, состоявшій долгое время при гетманѣ. Валуа поклялся отомстить за обиду. Неосторожныя слова, произнесенныя при немъ Тепловымъ, вскорѣ подали ему къ этому случай. Валуа написалъ доносъ на Теплова и представилъ его императору въ то время, когда тотъ верхомъ ѣхалъ обѣдать къ англійскому послу Кейту [5]). Петръ уже давно недоброжелательствовалъ Теплову и, будучи еще великимъ княземъ, горько жаловался И. И. Шувалову на интриги Теплова, благодаря которымъ гетманъ

---

[1]) Вѣроятно, это былъ Ѳедоръ Павловичъ Балкъ, на сестрѣ котораго, Матренѣ Павловнѣ, женатъ былъ С. В. Салтыковъ, тогдашній русскій посланникъ въ Парижѣ. *Милорадовичъ*, Матер. для исторіи Пажескаго корпуса, 132; *Анненковъ*, Исторія л.-гв. Коннаго полка. С.-Пб., 1849, IV, 63.

[2]) Записки его, *Русск. Стар.* 1870 г. I, 242. Вѣроятно, объ этихъ медаляхъ говоритъ Вольтеръ въ письмѣ къ Екатеринѣ 1765 г. (Т. 62 № 4485).

[3]) Т. 62, № 4441.

[4]) *С.-Пб. Вѣдомости* 1761 г., № 75—77.

[5]) Vie de Pierre III; I, 230.

не исполняетъ ни одной изъ его просьбъ [1]). Императоръ приказалъ посадить Теплова подъ арестъ и допросить его строжайшимъ образомъ [2]). Арестъ этотъ сдѣлалъ глубокое впечатлѣніе на Разумовскаго; онъ всячески сталъ заступаться за своего бывшаго гувернера и постояннаго совѣтника и, вслѣдствіе его домогательствъ, послѣдній не только былъ выпущенъ, но даже, указомъ 23-го марта 1762 г., за извѣстную его къ службѣ ревность пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы быть въ отставкѣ по прежнему [3]). Послѣ того Тепловъ принялъ дѣятельное участіе въ заговорѣ противъ Петра.

Сообщеніе Валуа не принесло пользы ни Петру III, ни доносителю, такъ какъ Петръ терпѣть не могъ доносчиковъ [4]). Валуа остался въ Петербургѣ и по смерти первой жены женился здѣсь вторично, въ 1773 году, на вдовѣ Маріи-Екатеринѣ-Якобинѣ Жуберъ (Joubert), урожденной Демаре (Desmarez). Изъ современныхъ упоминаній можно составить заключеніе, что у него была хорошая практика въ кругу аристократіи [5]).

Александръ Брессанъ, родомъ изъ Монако, былъ натурализованъ во Франціи [6]). Онъ былъ камердинеромъ Петра Ѳедоровича въ бытность его великимъ княземъ, пользовался совершеннымъ довѣріемъ послѣдняго и употреблялся для дѣлъ самаго интимнаго характера. Екатерина разказываетъ въ своихъ запискахъ подъ 1752 годомъ, что онъ устроивалъ любовную связь Петра Ѳедоровича со вдовою живописца Грота. По вступленіи на престолъ Петръ III пожаловалъ Брессана голштинскимъ камергеромъ и 31-го декабря 1761 г., въ дѣйствительные бригадиры и россійскіе дворяне и пожаловалъ ему 1094 души крестьянъ [7]). Затѣмъ онъ посѣтилъ, между прочимъ, шпалерную

---

[1]) *Русск. Арх.* 1866 г., № 4, 582.

[2]) Австрійскій посланникъ Мерси д'Аржанто доносилъ объ арестѣ Теплова 19 марта, а объ освобожденіи его 6 апрѣля н. с. *Сб. Русск. Ист. Общ.* XVIII, 249 и 266.

[3]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XXV, 102.

[4]) Un étranger étant venu lui dénoncer quelques propos séditieux, il (Pierre III) répondit qu'il détestait les délateurs et le fit punir. *Rulhière*, 52.

[5]) *Петровъ*, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи художествъ, С.-Пб. 1864, 6—7, 25, 627 и 630; *Васильчиковъ*, Семейство Разумовскихъ, С.-Пб., 1880, I, 293.

[6]) *Rulhière*, 87.

[7]) *Барановъ*, Опись указамъ, III, № 11927.

мануфактуру, устроенную Петромъ Великимъ, но пришедшую въ упадокъ послѣ его смерти и которую только вновь начали приводить въ порядокъ при императрицѣ Елизаветѣ. Онъ принялъ ее подъ свое особенное покровительство и назначилъ директоромъ ея Брессана, при чемъ тогда же заказалъ два большіе куска haute lisse для двухъ стѣнъ передней въ только что отстроенный новый Зимній дворецъ. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ изображать восшествіе на престолъ императрицы Елизаветы, а другой—его собственное. Бывшій его воспитатель, академикъ Штелинъ, долженъ былъ составить аллегорическій рисунокъ. Императоръ одобрилъ его и поручилъ директору мануфактуры Брессану заказать по немъ двѣ большія картины въ Парижѣ [1]). Затѣмъ, 11-го іюня 1762 года, Брессанъ назначенъ былъ президентомъ мануфактуръ-коллегіи, съ порученіемъ ему завѣдыванія всѣми фабриками и мануфактурами, состоящими въ вѣдѣніи означенной коллегіи [2]). По словамъ Гельбига [3]), Брессанъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія въ товаровѣдѣніи и торговыхъ наукахъ.

Въ день переворота 28-го іюня, Брессанъ, бывшій въ Петербургѣ, узнавъ о пріѣздѣ Екатерины и о сборѣ войскъ, успѣлъ написать императору записку, содержаніе которой приводитъ Рюльеръ въ нѣсколько, кажется, прикрашенной формѣ [4]). Les régimens des gardes sont soulevés; l'impératrice est à leur tête. Neuf heures sonnent. Elle entre dans l'église de Cazan. Le peuple paraît suivre ce mouvement et les fidèles sujets de Votre Majesté ne se montrent pas". Эту записку вручилъ онъ своему довѣренному слугѣ со строгимъ приказаніемъ не отдавать ее никому, кромѣ какъ лично императору. Затѣмъ онъ переодѣлъ его въ крестьянское платье и отправилъ въ Ораніенбаумъ, на простой телегѣ. Едва этотъ слуга покинулъ Петербургъ, какъ всѣ выѣзды изъ него заняты были отрядами войскъ.

Посланный встрѣтилъ императора на дорогѣ изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ, но не могъ его остановить и долженъ былъ вернуться за нимъ во дворецъ, гдѣ и вручилъ ему записку Брессана [5]). Но это письмо не принесло пользы императору. На слѣдующій день, отрекшись отъ престола, онъ перевезенъ былъ въ Ропшу, и если вѣ-

---

1) Штелинъ, 104.
2) *Барановъ*, № 12212.
3) Biographie Peter des Dritten, II, 19.
4) *Rulhière*, 101. Ср. *Helbig*, 115.
5) *Helbig*, 126.

рить разказу Кастера [1]), Брессану, по его просьбѣ, дозволено было отправиться туда же для услугъ своему благодѣтелю. По вступленіи на престолъ Екатерины, Брессанъ оставилъ службу и уѣхалъ изъ Россіи, лишенный предъ тѣмъ пожалованнаго ему Петромъ III аннинскаго ордена [2]).

---

[1]) Histoire de Catherine I, 326. Этотъ разказъ сомнителенъ, такъ какъ къ императору отправленъ былъ оберъ-камердинеръ Тимлеръ. Сб. Рус. Ист. Общ., VII, 107.

[2]) *Helbig*, Russiche Günstlinge. Tübingen 1809, 257; Письмо кн. Дашковой въ Арх. кн. Воронцова, XII, 324.

Д. Кобеко.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. Трудъ *И. И. Срезневскаго*. Второе изданіе. С.-Пб. 1882.

Передъ нами второе изданіе извѣстнаго труда покойнаго И. И. Срезневскаго, сдѣланное Академіею Наукъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ академика А. Ѳ. Бычкова. Указатель русскихъ рукописей XI—XIV вѣковъ является теперь въ полномъ порядкѣ, значительно пополненнымъ и исправленнымъ, но за то при немъ мы не находимъ теперь ни тѣхъ многочисленныхъ выписокъ изъ рукописей, которыя дѣлали столь цѣннымъ первое изданіе „Памятниковъ", ни снимковъ съ рукописей, такъ что второе изданіе не можетъ вполнѣ замѣнить собою первое. Сверхъ того, не устранены нѣкоторые изъ тѣхъ недостатковъ, кои находились въ первомъ изданіи. По прежнему въ числѣ „памятниковъ письма и языка" фигурируютъ печати (стр. 4), крестъ св. Ольги (стр. 6), крестъ великаго князя Владиміра (стр. 12), гривны для ношенія на шеѣ (стр. 40—41), шлемъ великаго князя Изяслава Мстиславича (стр. 61), крестъ Клима (стр. 90), и т. п. вещи, которыя, вѣроятно, не имѣли никакихъ надписей (или по терминологіи И. И. Срезневскаго, написей) и потому не могутъ имѣть мѣста среди памятниковъ языка,—пѣсни Баяна (стр. 42), клятва князя Святослава Всеволодовича (стр. 71), пѣсни Митусы (стр. 114), пѣснь славы (стр. 117) и т. п. произведенія, которыя едва ли когда-нибудь были записаны и потому не могутъ относиться къ числу памятниковъ письма. По прежнему, при указаніи рукописей никогда не означаются тѣ нумера, подъ которыми онѣ

значатся въ библіотечныхъ каталогахъ; вслѣдствіе того изслѣдователямъ нашей рукописной старины приходится иногда недоумѣвать, о какомъ именно памятникѣ говоритъ Срезневскій. По прежнему, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не указывается мѣсто, гдѣ хранятся рукописи (тетрадь изъ Сборника поученій—стр. 81; Служебникъ преп. Никона—стр. 245—246); по прежнему, замѣчаются и нѣкоторыя неточности, въ родѣ отнесенія Галицкаго Евангелія (Моск. Синодальн. библ.) къ 1144 году и грамоты галицкаго старосты Оты къ 1351 году, тогда какъ первое относится къ 1143 году, а вторая къ 1371 или къ 1370 г. и въ Akta Grodzkie i Ziemskie z czasów Rzeczy pospolitej polskiej, t. VII [1]) (какъ это видно изъ изданія грамоты въ „Памятникахъ" Головацкаго), или въ родѣ причисленія средне-болгарской Лѣствицы митрополита Кипріана (стр. 257) къ памятникамъ русскаго языка [2]). Конечно, указанные недостатки не имѣютъ особаго значенія; но есть и другіе, болѣе крупные.

Кого имѣлъ въ виду Срезневскій, составляя свой трудъ? Нѣтъ сомнѣнія, онъ не имѣлъ въ виду историковъ, потому что памятники русскаго письма и языка XI—XIV вѣковъ состоятъ если не исключительно, то въ значительной части изъ евангелій, тріодей, миней и т. п. произведеній, не имѣющихъ значенія при изученіи исторіи Россіи или исторіи русской литературы. Слѣдовательно, онъ имѣлъ въ виду по преимуществу лицъ, занимающихся отечественнымъ языкомъ и его исторіей, то-есть, лингвистовъ: только для нихъ могутъ имѣть интересъ евангелія, тріоди и минеи. Вслѣдствіе того надо было бы ожидать, что Срезневскій, сообщая о памятникахъ, будетъ вкратцѣ описывать рукописи или приводить изъ нихъ небольшіе отрывки, могущіе дать понятіе о языкѣ памятниковъ. Онъ это и дѣлаетъ, но чрезвычайно рѣдко; кромѣ того, описанія языка памятниковъ страдаютъ у него неопредѣленностью и (иногда) невѣрностью. Такъ о рукописи Святославова Сборника 1073 года онъ говоритъ, что „она прекрасно писана древнимъ славянскимъ правописаніемъ" (стр. 27); но кому, сколько нибудь знакомому съ этимъ памятникомъ, не извѣстно, что

---

[1]) Въ самой грамотѣ показанъ 1371 годъ, но такъ какъ упоминаемый въ ней король Казимиръ Великій умеръ въ 1370 году, то ее можно относить (какъ и дѣлаютъ издатели Akta grodzkie) къ этому послѣднему году.

[2]) О языкѣ этого памятника см. статью архимандрита *Амфилохія*: «что внесъ св. Кипріанъ митрополитъ изъ своего роднаго нарѣчія въ наши богослужебныя книги?» (Труды третьяго Археологическаго Съѣзда, т. 2). Здѣсь приведены выписки изъ Лѣствицы Кипріана.

правописаніе его никоимъ образомъ не можетъ быть названо древнимъ славянскимъ, и что оно представляетъ смѣсь древне-славянскаго (или церковно-славянскаго) съ русскимъ? О Галицкомъ евангеліи 1143 года у Срезневскаго сказано, что оно „замѣчательно и по нѣкоторымъ особенностямъ чтенія, и по правописанію, которымъ выдѣляется отъ другихъ памятниковъ того времени и послѣдующаго“ (стр. 58); что можно понять изъ такого рода характеристики? О Погодинскомъ Евангеліи XII—XIII в. (№ 11) у автора говорится такъ: Это—„рукопись... съ признаками юсоваго письма на первыхъ листахъ“ (стр. 118). Изъ такой неопредѣленной характеристики, относящейся въ добавокъ только къ первымъ листамъ рукописи, никоимъ образомъ нельзя понять, каковы именно особенности языка этого Евангелія: терминъ „юсовое письмо“ можетъ прилагаться одинаково и къ такимъ церковно-славянскимъ памятникамъ, какъ Саввина книга, и къ такимъ средне-болгарскимъ рукописямъ, какъ Паремейникъ В. И. Григоровича; между тѣмъ по языку Погодинское Евангеліе весьма замѣчательно. Въ немъ мы находимъ употребленіе ъ вмѣсто ь и на оборотъ: притъчу, овъцамъ, кръста, оставльше, одръжааше, възалькася; *у* вмѣсто *ю* и на оборотъ: земл*у*, г(лаго)л*у*ще, нощь вс*у*, кр*ю*пиць, по глагол*ю* твоюму, р*ю*кама; изрѣдка *и* вмѣсто *ы*: *м*итарь (род. мн.); наконецъ, 3-е лицо наст. вр. на *тъ*: нѣс*тъ*, вел*итъ*, исходя*тъ*, вънесу*тъ*, ѥс*тъ*. Румянцевская Лѣствица XII—XIII вѣка названа авторомъ „очень важною и по языку и потому еще, что русскій переписчикъ сохранилъ въ ней древнее правописаніе не русскаго подлинника“ (стр. 121). Дѣйствительно, эта рукопись весьма замѣчательна по языку, но въ ней мы напрасно стали бы искать древняго правописанія нерусскаго подлинника: переписчикъ сохранилъ лишь немногія черты его, именно *е* вмѣсто ѥ: *е*сть, тво*е*му, сво*е*; ъ вмѣсто ь послѣ шипящихъ: чъстьное, чърнилъмь, множъству, ближъними, прешъдъшихъ, многашъды; ь вмѣсто ъ: любьвью, лыькому, дымьмь; *о* вмѣсто *е* послѣ шипящихъ: расужающ*о*мъ, рекш*о*му, носящ*о*му; остальныя черты можно назвать вполнѣ русскими. Большой юсъ въ этой рукописи встрѣчается очень рѣдко и почти всегда неправильно: ѫкорѣхъ (мѣст. мн.); употребленіе малаго юса въ Лѣствицѣ совершенно такое же, какъ и въ другихъ древне—русскихъ рукописяхъ [1]) О Евангеліи 1355 года Срезневскій говоритъ, что это „руко-

[1]) Съ правописаніемъ Погодинскаго Евангелія и Румянцевской Лѣствицы весьма сходно правописаніе первой половины Тріоди постной и цвѣтной XII вѣка (въ

пись замѣчательная и по правописанію, и по письму" (стр. 211). Дѣйствительно, письмо этого Евангелія отличается красотою; прописныя буквы въ немъ нарисованы довольно изящно; но тѣмъ не менѣе, рукопись не представляетъ ничего особеннаго, ничего выдающагося; языкъ ея ничѣмъ не отличается отъ языка цѣлой массы другихъ рукописей новгородскаго происхожденія.

При такого рода отношеніи къ языку рукописей надо было бы ожидать, что авторъ озаботится по крайней мѣрѣ указаніемъ всѣхъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ говорится о языкѣ памятниковъ, и всѣхъ тѣхъ книгъ, въ коихъ изданы выдержки изъ нихъ и снимки. Конечно, онъ это сдѣлалъ, но далеко не такъ, какъ было бы желательно. Говоря объ Архангельскомъ Евангеліи 1092 года (стр. 32—33), онъ не указалъ на посвященную этому памятнику статью А. Л. Дювернуа (Журн. Мин. Нар. Пр., 1878 г., № 10); говоря о Погодинскомъ отрывкѣ изъ житія св. Кондрата XI вѣка (стр. 40), не указалъ, что снимокъ съ него изданъ Погодинымъ въ его „Образцахъ славяно-русскаго древлеписанія"; говоря о Мстиславовомъ и Юрьевскомъ Евангеліяхъ (стр. 49—50), не упомянулъ о томъ, что снимки съ нихъ изданы покойнымъ Невоструевымъ подъ заглавіемъ: „Точные снимки съ двухъ знаменитыхъ памятниковъ древности, представляющіе свидѣтельство о правильномъ начертаніи имени.... Іисусъ" (Москва, 1872); говоря о Златострyѣ Императорской Публичной Библіотеки XII вѣка (стр. 80), не сдѣлалъ ссылки на трудъ г. Малинина „Изслѣдованіе Златоструя по рукописи XII вѣка"; говоря о сборникѣ Московскаго Успенскаго собора (стр. 81), не вспомнилъ ни о новомъ изданіи находящагося въ немъ житія Θеодосія Печерскаго (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и др. 1879 г.), ни объ описаніи всего сборника, сдѣланномъ покойнымъ А. Н. Поповымъ въ его „Библіографическихъ Матеріалахъ" (тамъ же и отдѣльно). Кромѣ того, Срезневскій не указалъ ни на то, что выписки изъ Стихираря 1157 г., Семеонова (или Добрилова) Евангелія 1164 г., Трсоолоя 1260 г., Паремейника 1271 г., и другихъ рукописей помѣщены въ „Исторической хрестоматіи" Θ. И. Буслаева, ни на то, что снимки съ Еван-

---

Моск. Типогр. библіотекѣ № 254), писанной Моисеемъ Кіяниномъ и упомянутой Срезневскимъ на стр. 77—78. Въ ней также ъ вмѣсто ь послѣ шипящихъ: источъша, рожъши, жъзла, чъто; *ю* вм. *у*: блюдьницю, мирю; въ ней сверхъ того, потребляется иногда большой юсъ, и довольно правильно: горѫ, нашѫ, вышъшѫ, услышѫ.

гелія 1270 г., Апостола 1307 г., грамотъ Кейстута и Любарта около 1341 г., Бепка 1398 г. изданы самимъ имъ, Срезневскимъ, въ первомъ изданіи его „Памятниковъ". Наконецъ, ему по видимому остались совершенно неизвѣстными описаніе библіотеки Московскаго Общества исторіи и древностей, сдѣланное Строевымъ (при немъ издано нѣсколько снимковъ съ древнѣйшихъ рукописей этой библіотеки), и изданіе южно- и западно-русскихъ грамотъ, сдѣланное Головацкимъ подъ заглавіемъ „Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русского въ древнемъ Галицко-Володимирскомъ княжествѣ и въ смежныхъ русскихъ областяхъ, въ XIV и XV столѣтіяхъ" (Науковый Сборникъ, издаваемый литературнымъ обществомъ галицко-русской Матицы, 1865 г., вып. 3-й, и отдѣльн. отт.).

Записи рукописей, приведенныя Срезневскимъ, теперь, во второмъ изданіи, напечатаны съ гораздо большею точностію, чѣмъ въ первомъ (этимъ мы обязаны А. Ѳ. Бычкову), но тѣмъ не менѣе являются въ не совсѣмъ удовлетворительномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, въ записи Типографскаго Евангелія XIV вѣка, [1]) вмѣсто *с*дравиѥ, сер*о*бро, напечатано: *з*дравиѥ, сер*е*бро; въ записи Евангелія 1355 года, вмѣсто будем*ь*, кд*ѣ*, чт*и*те, напечатано, будем*ь*, кд*е*, чт*ѣ*те; въ записи Евангелія 1358 года, вмѣсто м*о*трополитѣ, Б(ож)ним*ь*, напечатано: м*и*трополитѣ, Б(ож)ним*ъ*; въ записи Пролога 1383 г., вмѣсто *на*писаны, Фед*ос*у, кун*ы*, гд*е*, п*о*мялъся, взяш*ь* Т*о*тари М*а*скву, напечатано: писаны, Федо*р*у, кун*ъ*, гд*ѣ*, п*а*мялъся, взяш*а* Т*а*тари М*о*скву [2]). Конечно, подобнаго рода неточности не имѣютъ большаго значенія, но нѣтъ сомнѣнія, было бы лучше, если бы ихъ или совсѣмъ не было, или было поменьше. Сверхъ того, записи напечатаны Срезневскимъ двумя способами: или съ титлами и сокращеніями, то-есть, въ томъ видѣ, какой онѣ имѣютъ въ рукописяхъ, или же съ раскрытіемъ титлъ и возстановленіемъ выпущенныхъ при сокращеніи буквъ; въ послѣднемъ случаѣ возстановленныя буквы отпечатаны курсивомъ. Излишне доказывать, что первый способъ и удобнѣе, и научнѣе: удобнѣе—въ томъ отношеніи, что при немъ не можетъ быть того смѣшенія курсива съ некурсивомъ, которое иногда замѣчается у

---

[1]) Срезневскій относитъ его ко времени до 1350 года, но почеркъ этой рукописи указываетъ скорѣе на конецъ, чѣмъ на начало XIV столѣтія.

[2]) Считаемъ, впрочемъ, нужнымъ замѣтить, что мы свѣряли записи въ изданіи Срезневскаго не съ подлинниками, а съ имѣющимися у насъ копіями записей, сдѣланными нами самими, и что поэтому, можетъ быть, мы вмѣняемъ въ вину Срезневскому нѣкоторыя наши собственныя описки.

Срезневскаго; научнѣе—въ томъ отношеніи, что не даетъ мѣста произволу издателя. Къ тому же раскрытіе титлъ не всегда легко, и даже такой знатокъ древне-русскаго языка, какимъ былъ Срезневскій, впалъ при немъ въ ошибки, иногда довольно крупныя. Между прочимъ, въ записи Святославова сборника 1076 года полная форма род. п. мн. княжь (из мънogъ книгъ княжь, стр. 28) показалась ему сокращенною, и онъ замѣнилъ ее формою княжь*ихъ*; въ записи Мстиславова Евангелія онъ дважды написалъ чеcтнаго (стр. 50), тогда какъ нужно было написать чьстнаго.

Извѣстно, что значительная часть нашихъ древнихъ рукописей не имѣетъ хронологическихъ датъ, и что поэтому время написанія ихъ опредѣляютъ у насъ по ихъ письму. Извѣстно также, что у насъ нѣтъ изслѣдованій о русской палеографіи, и что все, что̀ о ней писано, заключается въ немногихъ замѣткахъ Калайдовича (Іоаннъ Ексархъ Болгарскій) и Востокова (Описаніе Румянцевскаго музея [1]). Вслѣдствіе того нельзя не пожалѣть, что такой знатокъ русскихъ рукописей, какъ Срезневскій, оставилъ неизвѣстнымъ, чѣмъ именно онъ руководился, относя одинъ памятникъ ко времени до 1200 г., другой ко времени до 1250 г. и т. д. Намъ кажется, что Срезневскій не всегда обращалъ достаточно вниманія на языкъ рукописей и опредѣлялъ время ихъ написанія единственно на основаніи извѣстныхъ палеографическихъ признаковъ. Онъ (какъ и Востоковъ) не всегда отличалъ рукописи Новгородскаго происхожденія отъ рукописей, писанныхъ въ южной и западной Руси, и время написанія этихъ послѣднихъ опредѣлялъ при помощи тѣхъ палеографическихъ данныхъ, какія онъ находилъ въ датированныхъ рукописяхъ новгородскихъ. Между тѣмъ, исторія письма въ южной и западной Руси не была тожественна съ исторіей письма въ сѣверной Руси. Южно-западно-русское письмо въ своемъ развитіи отставало въ нѣкоторыхъ частностяхъ отъ письма сѣверно-русскаго и сравнительно съ этимъ послѣднимъ отличалось нѣкоторымъ консерватизмомъ. Въ новгородскихъ рукописяхъ мы встрѣчаемъ замѣну *оу* черезъ *у* въ серединѣ словъ и строкъ приблизительно со второй половины XIII вѣка; въ концѣ XIV вѣка и въ XV вѣкѣ новгородскія рукописи уже не знаютъ употребленія *оу* въ

[1]) Находящіяся въ этомъ изданіи палеографическія замѣтки Востокова сгруппированы г. *Пыпинымъ* и изданы въ «Филологическихъ наблюденіяхъ А. Х. Востокова», Спб. 1865.

серединѣ словъ (за самыми немногими исключеніями). Между тѣмъ въ рукописяхъ, писанныхъ въ южной и западной Руси [1]), *оу* сохраняется, не замѣняясь черезъ *у*, не только въ XIV вѣкѣ, но нерѣдко и въ XV. Для примѣра укажемъ на южно-русскій списокъ Пандектъ 1307 года, описанный профессоромъ Кочубинскимъ), на южно-русское Поликарпово Евангеліе 1307 года (отрывки въ Исторической христоматіи Буслаева), на южно-русскій Сборникъ Румянцевскаго музея XV вѣка (Востоковъ, Описаніе Румянцевскаго музея, № 406), на западно-русскую Четью церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи (1489 года; о ней въ „Памятникахъ" упомянуто на стр. 304): [2]) въ нихъ *оу* въ серединѣ строкъ всегда почти сохраняется и не замѣняется черезъ *у*. Еслибы Срезневскій обращалъ болѣе вниманія на языкъ, то быть можетъ, не повѣрилъ бы, что такъ-называемый Служебникъ Варлаама Хутынскаго (М. синодал. библіотеки) принадлежалъ этому святому (стр. 72): эта рукопись, какъ показываютъ несомнѣнныя лингвистическія данныя, — *южно-русскаго происхожденія, и вслѣдствіе этого обстоятельства и указаннаго нами выше* консерватизма въ южно-русскомъ письмѣ, отнесъ бы ее не къ XII, а къ XIII или даже къ XIV вѣку. Точно также, въ виду того же консерватизма, онъ не высказалъ бы подовѣрія къ хронологической датѣ поученій Ефрема Сирина (Императорской публичной библіотеки). Въ записи этой рукописи говорится, что она писана „въ лѣто семоє тысящѣ", то-есть, въ 1492 году; за этотъ годъ говорятъ и палеографическіе признаки: почеркъ ея—косой, довольно бѣглый уставъ; вмѣсто *оу* пишется въ серединѣ словъ постоянно *у*. Правда, этой датѣ противорѣчитъ показаніе той же записи, что рукопись писана „при ц(а)рствѣ бл(а)говѣрнаго ц(а)ря Володимѣра, с(ы)на Василкова, унука Романова" (на

[1]) Мы говоримъ о рукописныхъ книгахъ, а не о грамотахъ. Письмо книгъ на югѣ и западѣ Руси, точно также какъ и на сѣверѣ, всегда болѣе или менѣе отличалось отъ письма грамотъ.

[2]) Къ числу рукописей западно-русскаго происхожденія съ достаточною достовѣрностью можно относить также Румянцевскій сборникъ XV в. № 358, отрывки изъ котораго напечатаны въ Исторической Христоматіи *Буслаева*, стр. 695—707, и въ приложеніи къ Очерку литер. исторіи стар. повѣстей и сказокъ р., *Пыпина*, стр. 344—349. Въ немъ въ серединѣ строкъ довольно хорошо выдерживается *оу*: окр*оу*жаемъ, иномо*у*, ино*у*ды (Истор. Хр., стр. 697).

этомъ-то показаніи и основывается Срезневскій, стр. 149), но кажется, объяснить происхожденіе такого разнорѣчія не особенно трудно: эта рукопись—копія съ другой рукописи, писанной въ княженіе Владиміра Васильковича, и писецъ ея, вмѣстѣ съ текстомъ Поученій, переписалъ и одну часть записи своего оригинала въ томъ видѣ, какой она имѣла въ этомъ послѣднемъ, за исключеніемъ лишь хронологической даты, которую онъ замѣнилъ выраженіемъ: „въ лѣто семое тысящѣ"; другую часть записи оригинала онъ изложилъ своими словами, и потому о „строителѣ" рукописи въ ней говорится постоянно въ прошедшемъ времени: „Петръ... бяше у та времена тивунъ у князя Володимѣра, и быс(ть) у него с(ы)нъ";... „самъ... строяшеть сия книгы".

Нельзя не отмѣтить въ трудѣ Срезневскаго также и нѣкоторыхъ слишкомъ смѣлыхъ палеографическихъ опредѣленій. О буквахъ Черниговской гривны въ немъ говорится рѣшительно, что почеркъ ихъ XI вѣка (стр. 41). Если не ошибаемся, различіе русскихъ рукописей XI вѣка отъ рукописей XII вѣка заключается не столько въ почеркѣ, сколько въ языкѣ, и потому по нѣсколькимъ буквамъ никакъ нельзя рѣшить, въ XI вѣкѣ онѣ написаны, или въ XII. Два Евангелія и три Минеи и Трееолой Московской типографской библіотеки означаются писанными до или около 1150 г. (стр. 59—60), Погодинское Евангеліе Императорской публичной библіотеки означается писаннымъ до или около 1250 г. (стр. 118). Эти опредѣленія и имъ подобныя часто не имѣютъ достаточныхъ основаній и иногда противорѣчатъ другъ другу: такъ, Погодинское Евангеліе по признакамъ языка и письма почти ничѣмъ не отличается отъ Евангелій М. типографской Библіотеки, а между тѣмъ разница въ опредѣленіи времени ихъ написанія простирается до цѣлаго столѣтія. Что касается до Служебника (такъ-называемаго) Антонія Римлянина, то относить его ко времени до или около 1250 г. (стр. 119) совершенно не возможно: замѣна *оу* черезъ *у*, начертаніе іотированнаго *а* и *ю* (соединительная черта касается іота выше его середины) не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ рукописью XIV вѣка вѣроятно, конца этого столѣтія). Такъ-называемый Служебникъ митрополита Кипріана—копія съ оригинала, принадлежавшаго Кипріану; почеркъ его, полууставъ, совершенно отличный отъ того полуустава, которымъ писана Лѣствица Кипріана, дѣлаетъ невозможнымъ причисленіе этой рукописи къ памятникамъ XIV вѣка, какъ дѣлаетъ

Срезневскій (стр. 261, 297 [1]); не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что она писана въ XV вѣкѣ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько дополненій къ труду Срезневскаго. А. Ѳ. Бычковъ въ предисловіи ко второму изданію прямо заявляетъ, что онъ неполонъ и что въ немъ не указаны тѣ памятники, которые напечатаны въ Akta Grodzkie i Ziemskie z czasów Rzeczy pospolitej polskiej; но и помимо ихъ [2]) мы замѣтили кое-какіе пропуски. Изъ числа рукописей, имѣющихъ хронологическія даты, не указаны:

1) Пандекты Антіоха 1307 года; свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ и краткая характеристика языка (съ выписками) сообщены профессоромъ Кочубинскимъ въ его первомъ „Отчетѣ изъ-за границы" (Записки Новороссійскаго университета, 1875 г., т. XVIII, и отд.).

2) Прологъ Московской Типографской библіотеки 1356 года съ слѣдующей записью:

В лѣ ҂ѕ҃ ѡ҃. ѯ҃. д҃. написа
ны быша книгы сия.
повелѣниѥмь архи
ѥппа новгороскаго
Моисѣя. а писали. Лео
нидъ. и Осифъ, влчни ро
бята. вы же гдье ѥгда
кто коли чте. да аще гдѣ
будемъ описалися. и
ли преступили. собою ісправяще
вяще чтите. а на мносгрѣ
шьших. не клените. Ба дѣля. а
минь.

[1]) Служебникъ Кипріана почему-то помянутъ Срезневскимъ дважды подъ разными годами.

[2]) Въ Akta впервые изданы слѣдующіе памятники: 1) Грамота князя Льва Даниловича Галицкаго, до 1300 года (по списку конца XV вѣка; т. I, стр. 5). 2) Купчая запись о продажѣ Хонькою Васковою монастыря, 1378 года (по подлиннику; т. II, стр. 15—16). 3) Грамота Опольскаго князя Владислава, 1377 года (въ латинской транскрипціи, вѣроятно, по позднему списку; т. VII, стр. 22). Кромѣ того, въ Akta изданы вновь грамоты: короля Казиміра 1361 г., упомянутая у *Срезневскаго* на стр. 218 (т. I, стр. 6), старосты Оты, упомянутая нами выше купчая 1359 г., упомянутая у *Срезневскаго* на стр. 216 (т. VIII, стр. 5), и купчая 1366 г., упомянутая у *Срезневскаго* на стр. 221 (т. VIII, стр. 7—8); изъ нихъ послѣднія три по оригиналамъ. Есть основаніе думать, что русскіе акты напечатаны въ польскомъ изданіи невполнѣ точно и исправно.

3) Паремейникъ Московскаго публичнаго музея 1378 года (собранія В. М. Ундольскаго), съ слѣдующею записью:

В лѣ ꙅ ѿ п з е списа бы книгы
сіи рꙋкою многогрѣшна раба бж ія
Перьонря. мца декабря.

4) Присяжная грамота Стародубскаго князя Александра Патрикіевича 1400 года (издана въ „Памятникахъ“ Головацкаго, стр. 20).

Наконецъ, не указано Срезневскимъ довольно много рукописей, неимѣющихъ датъ. Онѣ относятся преимущественно къ XIII—XIV в., но есть между ними и болѣе древнія, каковы, напримѣръ, Ирмолой XII—XIII вѣка Московскаго публичнаго музея № 1719, отрывокъ изъ Стихираря того же музея № 1729 (оба изъ собранія В. И. Григоровича), Евангеліе XII—XIII вѣка, принадлежащее Церковно-археологическому музею при Кіевской духовной академіи и описанное въ Трудахъ Кіевской духовной академіи 1876 г. № 12. Не приведена также запись Четвероевангелія послѣ 1389 года Императорской публичной библіотеки. Вотъ она:

Сиа книгы глемыа
тетравангело. напи
саны быша в градѣПе
реаславли. при вели
комъ кнзи Василиѣ
Дмитриевичи. по
велѣниемь прпдбна
го оца нашего и гна
игумена Савы. ма
настыря стыа Бци
Введениа. а писалъ
послѣдний. в грѣшь
ницѣхъ. діаконішко
Зіновиишко.

А. Соболевскій.

Неизданный дубровницкій поэтъ Антонъ Маринъ Глегевичъ. Историко-литературное изслѣдованіе *Владиміра Качановскаго*. С.-Пб. 1882 г.

Образцы дубровницкаго языка и письма съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ, рисующихъ дубровницкую культуру (Прибавленіе къ изслѣдованію «Неизданный дубровницкій поэтъ А. М. Глегевичъ»). С.-Пб. 1882 г.

Г. Качановскій, какъ видно изъ заглавія его изслѣдованія, придаетъ особое значеніе слову „неизданный". Дѣйствительно, Глегевичъ—поэтъ „не изданный"; но не все не изданное заслуживаетъ изданія.

Въ предисловіи (стр. I) авторъ говоритъ: „Я успѣлъ открыть всѣ его произведенія". Выраженіе „открыть" употребляется о предметѣ никому неизвѣстномъ: оно неумѣстно по отношенію къ произведеніямъ Глегевича, которыя до г. Качановскаго были извѣстны Червѣ, Аппендини и Павичу. Доминиканецъ Серафимъ Черва († 1759 г.), въ своемъ обширномъ сочиненіи „Vitae illustrium Ragusinorum (5 томовъ)", сохранившемся въ неполномъ автографѣ и въ полныхъ спискахъ, сообщаетъ свѣдѣнія о жизни и 12 произведеніяхъ Глегевича. Этимъ не изданнымъ трудомъ Червы уже пользовались нѣкоторые ученые. Къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Червою, Аппендини въ своихъ „Notizie istorico-critiche sulle antichità, storia e letteratura de'Ragusei" Ragusa, 1803, t. II, pp. 245, 290) прибавилъ кое-что отъ себя: онъ говоритъ о драмахъ Глегевича „Olimpia", „Damira" и „Zorislava". Наконецъ, профессоръ Арминъ Павичъ, въ своей „Исторіи дубровницкой драмы" (Historia dubrovačke drame, Zagreb, 1871, str. 40, 177—178, 186 — 194) первый познакомилъ насъ съ содержаніемъ драмъ Глегевича: „Zorislava", „Olimpia osvěcena", „Damira smirena" „Ermiona" и съ его пасторалью „Porodjenje Gospodinovo"; о „Велизаріѣ", изъ котораго сохранился один отрывокъ, онъ только упоминаетъ. Такимъ образомъ оказывается, что всѣ драмы Глегевича были уже извѣстны, и что „открытія" г. Качановскаго ограничиваются мелкими его произведеніями, о которыхъ г. Павичу было не кстати упоминать въ „Исторіи дубровницкой драмы". Что г. Качановскій „открылъ" не „всѣ произведенія" Глегевича, видно изъ стр. 11 и 12 его изслѣдованія: изъ 12 его произведеній, указанныхъ Червою, онъ „открылъ" только одно.

Не смотря на почтенный трудъ г. Павича, Глегевичъ оставался до сихъ поръ, поэтомъ „мало извѣстнымъ": г. Павичъ знакомитъ съ содержаніемъ его драмъ, но не представляетъ ихъ критической

оцѣнки; за этотъ не легкій трудъ взялся г. Качановскій. Сравнивая Глегевича съ предшествовавшими ему и современными поэтами, не только дубровницкими, но и италіанскими, авторъ отводитъ ему почетное мѣсто среди дубровницкихъ драматурговъ: онъ приписываетъ ему „усовершенствованіе дубровницкой драмы". Къ сожалѣнію, г. Качановскій слишкомъ увлекся своимъ поэтомъ, и чтобы возвеличить его, унизилъ его предшественниковъ и всю дубровницкую литературу. На первой же страницѣ его изслѣдованія читаемъ такой несправедливый отзывъ о ней: „Обозрѣвая дубровницкую литературу съ первыхъ моментовъ ея возникновенія по вторую половину XVII вѣка, мы не можемъ остановиться ни на одномъ писателѣ, ни на одномъ произведеніи, въ которомъ нашли бы-что нибудь такое, чего не оказалось бы въ литературѣ италіанской". Такой странный отзывъ свой авторъ поясняетъ еще страннѣе: „Правда, останавливаютъ на себѣ вниманіе, какъ оригинальные писатели, Мавро Ветраничъ (1482—1586 гг.) и Николай-СтепанъНалешковичъ (1510—1587 гг.) [1]; но оригинальность ихъ состоитъ въ томъ, что они чутко отзываются на современныя имъ событія. Однако, въ этомъ еще нельзя видѣть привнесенія ими чего-либо новаго, неизвѣстнаго италіанскимъ образцамъ; они находили вѣрное изображеніе италіанскаго общества въ произведеніяхъ италіанской литературы, и съ своей стороны не преминули представлять въ своихъ произведеніяхъ современное имъ дубровницкое общество". Если примѣнить взглядъ автора на дубровницкую литературу къ любой литературѣ, то окажется, что, за исключеніемъ древней греческой, не было и нѣтъ на свѣтѣ оригинальной литературы: у Испанцевъ, Французовъ, Англичанъ, Нѣмцевъ и т. д. (умалчиваю ужъ о Славянахъ) были поэты, которые „чутко отзывались на современныя имъ событія", и которые „въ своихъ произведеніяхъ представляли современное имъ общество", а такъ какъ „въ произведеніяхъ италіанской литературы находимъ вѣрное изображеніе италіанскаго общества", то значитъ, что испанскіе, французскіе, англійскіе, нѣмецкіе и т. д. поэты „не привнесли ничего новаго, неизвѣстнаго италіанскимъ образцамъ" или иными словами:

---

[1]) На стр. 205 г. Качановскій прибавляетъ «къ числу *дубровницкихъ* писателей, останавливающихъ на себѣ вниманіе по извѣстной оригинальности», Г. Лучича и М. Држича, при чемъ ошибочно Сплѣтчанина Лучича причисляетъ къ дубровницкимъ поэтамъ и столь же ошибочно приписываетъ ему комедію «Novela od Stanca».

Кальдеронъ, Мольеръ, Шекспиръ, Гёте и т. д.—поэты не оригинальные. Слѣдуя умозаключенію автора, италіанская литература также не представляетъ ничего оригинальнаго, такъ какъ предки Италіанцевъ, Римляне, имѣли поэтовъ, изображавшихъ современное имъ общество, а у Римлянъ были также предшественники въ этомъ отношеніи—Греки; слѣдовательно, одна только и была на свѣтѣ оригинальная литература — греческая, и то единственно потому, что у Грековъ не было предшественниковъ въ литературѣ. Умозаключеніе автора есть очевидный софизмъ; а посредствомъ софизмовъ можно доказывать все, что угодно, и — ничего не доказать. На такомъ софизмѣ построена оцѣнка произведеній Глегевича: желая его возвысить, авторъ охарактеризовалъ второй періодъ литературной его дѣятельности „пробужденіемъ въ немъ славянскаго духа“ (стр. 14—31). Вотъ это-то „пробужденіе славянскаго духа“ и составляетъ оригинальность или „самостоятельность“ дубровницкой литературы. Если бы Дубровчане только подражали италіанскимъ лирикамъ, воспѣвая „любовь“ по всѣмъ правиламъ трубадуровъ, еслибъ они только передѣлывали италіанскія „canti carnavaleschi“ или „mascherate“, еслибъ они только переводили или передѣлывали италіанскія пасторали и мистеріи, еслибъ они только переводили италіанскій эпосъ или заимствовали изъ него содержаніе для своихъ произведеній,— то литература ихъ не представляла бы ничего самостоятельнаго; но „пробужденіе славянскаго духа“ въ дубровницкой (и далматинской) литературѣ [1]) началось очень рано: оно совпадаетъ съ зачатками этой литературы подъ вліяніемъ италіанскимъ: отъ начала до конца ея проходятъ въ ней параллельно два направленія—чужое (италіанское) и народное (славянское). Проблески народнаго самосознанія видны уже у старѣйшаго далматинскаго поэта—Марка-Марулича († 1524) въ его пѣсняхъ „Tuženje grada Hieruzolima“ и „Molitva suprotiva Turkom“, въ которыхъ поэтъ оплакиваетъ бѣдственное состояніе христіанъ, а въ числѣ ихъ и родственныхъ Сербовъ и Болгаръ, подъ турецкимъ владычествомъ. Современникъ Марулича, Дубровчанинъ Юрій Држичъ († 1510), первый сталъ подражать народнымъ пѣснямъ: онъ написалъ 12 пѣсенъ въ подражаніе народнымъ. Еще сильнѣе вліяніе народности на Ганнибала

---

[1]) Авторъ отожествляетъ дубровницкую литературу съ далматинскою, считая М. Марулича и Г. Лучича «дубровницкими» поэтами; поэтому и мы будемъ имѣть въ виду не только Дубровчанъ, но и Далматинцевъ.

Лучича († 1530): онъ прославляетъ Сплѣтъ и Дубровникъ, а въ драмѣ „Robinja" представляетъ борьбу Хорватовъ съ Турками. Петръ Гекторовичъ († 1572) описываетъ нападеніе Турокъ на его родину, островъ Хваръ и свое пребываніе у гостепріимныхъ Дубровчанъ, а въ идилліи „Ribanje i ribarsko prigovaranje" изображаетъ жизнь и обычаи хварскихъ рыбаковъ и приводитъ народныя поговорки, загадки и пѣсни („počasnica", то же, что здравица,—о Маркѣ Кралевичѣ и хорватскомъ воеводѣ Радосавѣ). У дубровницкаго аббата Мавра Ветранича († 1586) италіанская образованность соединяется съ славянскимъ народнымъ самосознаніемъ: восхваляя Италію, онъ не забываетъ своей родины Дубровника и въ поэмѣ „Putnik aliti Pelegrin" воспѣваетъ ея прошлое и настоящее. Дубровчанинъ Степанъ Гучетичъ представилъ себя въ образѣ Дервиша въ своей „Дервишіадѣ", комической поэмѣ въ восточномъ вкусѣ. Соотечественникъ его, Маринъ Држичъ († 1580), создалъ народную комедію („Novela od Stanca" и „Dundo Maroje"). Содержаніе пасторали Ивана Гундулича († 1638) „Dubravka" взято изъ народнаго быта Дубровчанъ, а въ его „Османѣ" воспѣвается не только Дубровникъ, но и Болгаре, Сербы, Поляки и Русскіе. Юній Пальмотичъ († 1657) въ своихъ драмахъ не только дубровницкій патріотъ, но и панславистъ. Панславянскимъ направленіемъ отличается и Владиславъ Менчетичъ († 1666), прославившій хорватскаго бана Петра Зринскаго въ поэмѣ „Trublja Slovinska". Изъ поэтовъ съ тѣмъ же панславянскимъ направленіемъ упомянемъ еще Якова Пальмотича-Діонорича († 1680), описавшаго въ обширной поэмѣ „Dubrovnik ponovljen" страшное землетрясеніе 1667 года и событія, слѣдовавшія за нимъ, а также нравы и обычаи Сербовъ и Болгаръ, страдавшихъ подъ игомъ Турокъ, — Сплѣтчанина Іеронима Каваньина († 1714), воспѣвшаго Далмацію и нѣкоторыхъ славянскихъ государей (Яна Собѣскаго и Петра Великаго) въ громадной поэмѣ „Bogatstvo i uboztvo", и наконецъ, Андрея Качича-Міошича († 1760), написавшаго весьма популярную книгу „Razgovor ugodni naroda Slovinskoga", въ которой, на основаніи народныхъ пѣсенъ и преданій, и отчасти письменныхъ источниковъ, изложилъ въ стихахъ исторію Сербовъ и Болгаръ.

Мы ограничились только наиболѣе замѣчательными поэтами; но и сказаннаго нами достаточно, чтобы убѣдиться, что въ дубровницко-далматинской литературѣ есть значительное число самостоятельныхъ произведеній (даже драматическихъ), и что г. Качановскій ошибочно считаетъ ее сколкомъ съ италіанской литературы.

Оставляя пока въ сторонѣ отзывъ г. Качановскаго о дубровницкой драмѣ, переходимъ къ I-й главѣ его изслѣдованія, въ которой онъ сообщаетъ свѣдѣнія о жизни и произведеніяхъ Глегевича.

Въ самомъ началѣ этой главы авторъ сожалѣетъ, что нѣтъ никакихъ указаній на общественное положеніе Глегевича въ Дубровникѣ, а въ примѣч. 2-мъ на стр. 11 приводитъ слова Червы (Hoc Epidauri lucubravit, dum ibi publici Tabellionis munere fungeretur), изъ коихъ видно, что Глегевичъ былъ нотаріусомъ въ Дубровникѣ. Въ доказательство его мѣщанскаго происхожденія авторъ приводитъ выписку изъ книги „доходовъ съ 1690 г.“, хранящейся въ дубровницкомъ архивѣ. Изъ этой выписки видно, что въ 1700 и 1702 г. Николай Глегевичъ уплатилъ столько-то перперовъ пошлины за вино, привезенное въ Дубровникъ съ острова Млѣта, а въ 1701 и 1707 г. Иванъ Глегевичъ платилъ аренду (affitto); но изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, какъ дѣлаетъ это г. Качановскій, что Иванъ и Николай Глегевичи занимались торговлею: Николай могъ быть помѣщикомъ на островѣ Млѣтѣ и владѣть виноградниками, вино изъ коихъ сбывалъ въ Дубровникѣ; а Иванъ арендовалъ общинныя земли, вѣроятно—также виноградники, за которые ежегодно уплачивалъ аренду (отдача въ аренду общинныхъ земель была въ обычаѣ не только въ Дубровникѣ, но и во всей Далмаціи). Но если бы даже въ дѣйствительности „занятіемъ Глегевичей была торговля“, то это не служило бы еще доказательствомъ ихъ мѣщанскаго происхожденія: извѣстно, что знатнѣйшіе дубровницкіе властели были богатѣйшими купцами. Въ Дубровникѣ случалось, что властелинъ въ молодости путешествовалъ по торговымъ дѣламъ отца, а потомъ, возвратившись на родину, становился сенаторомъ и даже ректоромъ республики: достаточно вспомнить знаменитаго дубровницкаго поэта Динка Раньину (1536—1607), который въ молодости объѣхалъ всю Италію по торговымъ дѣламъ своего отца, а по возвращеніи на родину былъ избранъ въ сенаторы, а потомъ и въ ректоры (даже семь разъ). Впрочемъ, что Глегевичъ происходилъ изъ мѣщанъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Аппендини, пользовавшійся хорошими источниками, говоритъ (II, 245): „Ant. Gleghievich di civica famiglia ora estinta“. Свѣдѣнія о происхожденіи Глегевича слѣдовало г. Качановскому искать не въ книгахъ „доходовъ“ дубровницкаго архива, а въ рукописи „Origine e genealogie di tutte le famiglie dei cittadini della città di Ragusa“. Г. Качановскому должно бы быть извѣстно, что въ этой рукописи содержится генеалогія всѣхъ мѣщанскихъ ро-

довъ въ Дубровникѣ съ XIII вѣка по 1728 годъ. Ею пользовались Черва, Дольчи (Fasti litterario-ragusini, Venetiis 1767), Аппендини и другіе (см. мои Изслѣд. объ истор. памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, стр. 85—88). Мѣщанскій родъ Глегевичей извѣстенъ съ XV вѣка.

Свѣдѣнія о жизни Глегевича авторъ заимствовалъ у Червы; но иногда передаетъ невѣрно его слова. Такъ, на стр. 5-й читаемъ: „Черва говоритъ, что А. Глегевичъ не пользовался въ Дубровникѣ ровно никакимъ уваженіемъ, и разъ за сатирическій тонъ въ своихъ произведеніяхъ былъ даже посаженъ въ карцеръ". Но Черва говоритъ совсѣмъ иное: „Такъ какъ Глегевичъ былъ отъ природы одаренъ сатирическимъ талантомъ, то писалъ въ этомъ родѣ много и лучше, чѣмъ въ остальныхъ родахъ; его сатира была столь остра, что не только дѣлала смѣшнымъ, но даже лишала чести и добраго имени того, кого онъ захотѣлъ опозорить (et si cui vitium objicere atque exprobrare vellet, ut minimum ridiculum faceret, jam vero prope fama et bono nomine privaret). Онъ терпѣлъ много непріятностей за смѣлость злословія и нѣсколько разъ былъ сажаемъ правительствомъ въ тюрьму (Ob male dicendi atque scribendi licentiam multis molestiis affectus est, et aliquando publica authoritate in carceres conjectus)".

Такое же недоразумѣніе встрѣчаемъ въ отзывахъ г. Качановскаго о „рецензіяхъ-пѣсняхъ" Джорджича: онъ видитъ „иронію и презрѣніе" тамъ, гдѣ очевидны похвала и сочувствіе, „несовмѣстимость" тамъ, гдѣ находимъ противоположеніе. Въ эпиграфѣ Феррича стихъ: „nam gens queque suis fontibus austa probat, то-есть, всякій народъ одобряетъ почерпнутое изъ его собственныхъ источниковъ или свое народное, г. Качановскій (стр. 8) переводитъ весьма неудобопонятно: „всякій народъ, одаренный своими началами, одобряетъ нѣчто".

Выраженіе Червы: „eruditio illi (Глегевичу) defuit" г. Качановскій (стр. 9) коментируетъ такъ: „Но вѣдь таковы почти всѣ дубровницкіе поэты, и одна объ одномъ или двухъ изъ нихъ можно сказать, что они воспитывались въ какомъ-нибудь италіанскомъ университетѣ; всѣ же прочіе ограничивались домашнимъ образованіемъ, или обучались въ іезуитской коллегіи (какъ напримѣръ, Ив. Фр. Гундуличъ † 1638)". А въ примѣчаніи г. Качановскій отмѣчаетъ, какъ феноменъ, Джорджича, бывшаго профессоромъ философіи въ Падуанскомъ университетѣ. Сопоставляя сказанное г. Качановскимъ въ текстѣ и въ примѣчаніи на этой страницѣ, можно было бы подумать, что Глегевичъ не могъ получить на родинѣ „достаточнаго, образованія" и что не

было въ обычаѣ у Дубровчанъ посылать юношей въ италіанскіе университеты; но и то, и другое предположеніе было бы совершенно ложно: 1) „studia humaniora", въ недостаткѣ которыхъ Черва упрекаетъ Глегевича, процвѣтали въ Дубровникѣ, особенно въ XV, XVI вв. и въ началѣ XVII, когда преподавали въ немъ знаменитѣйшіе гуманисты, по происхожденію Греки и Италіанцы; преподаваніе филологическихъ, философскихъ и юридическихъ наукъ продолжалось въ Дубровникѣ и по прекращеніи вызова иностранныхъ профессоровъ (послѣ 1625 г.), въ XVII и XVIII вѣкахъ; 2) изстари, по крайности съ начала XV вѣка, дубровницкіе юноши отправлялись въ Италію для довершенія своего образованія, преимущественно въ университетахъ Падуи и Болоньи; многіе изъ нихъ оставались потомъ профессорами этихъ университетовъ и своими трудами пріобрѣтали громкое имя въ наукѣ, а знаменитый поэтъ Динко Златаричъ былъ даже ректоромъ Падуанскаго университета; въ XVI и слѣдующихъ вѣкахъ посылали молодежь учиться не только въ Италію, но и въ Парижъ и въ Германію, и еще во времена Глегевича дубровницкое правительство ежегодно отправляло на свой счетъ нѣсколькихъ юношей за границу для изученія преимущественно естественныхъ наукъ, медицины, живописи и музыки. Въ число такихъ счастливцевъ могъ бы попасть и Глегевичъ, еслибъ онъ обнаружилъ способность и трудолюбіе. Богатые аристократы воспитывали своихъ дѣтей дома, потому что находили достаточно подготовленныхъ преподавателей между своими родственниками, друзьями и знакомыми, получившими заграничное образованіе. Что же касается іезуитской коллегіи, то въ ней не могъ воспитываться Ив. Фр. Гундуличъ, потому что іезуиты поселились въ Дубровникѣ почти черезъ 30 лѣтъ послѣ его смерти (въ 1663 г. [1]).

Представивъ перечень произведеній Глегевича по Червѣ, г. Качановскій замѣчаетъ (стр. 12): „Изъ перечисленныхъ Червою произведеній Глегевича лишь одна духовная драма „Porodjenje Gospodinovo" извѣстна въ настоящее время; всѣ же прочія или истреблены временемъ, или вѣрнѣе будетъ принять, истреблены самимъ авторомъ незадолго передъ его смертью". Это „незадолго" составляетъ, по Червѣ, на котораго г. Качановскій ссылается, нѣсколько лѣтъ (aliquot ante quam decederet annos... hec omnia igni damnavit). Вслѣдъ затѣмъ читаемъ: „Если можно положиться на отзывъ Червы, что нѣкоторыя

[1]) Изслѣд. объ истор. памятн. и бытописс. Дубровн., стр. 26—32, 42—43, 53.

изъ перечисленныхъ имъ произведеній Глечевича были сносны для компетентныхъ судей"... Не нѣкоторыя, но всѣ, перечисленныя имъ произведенія Глечевича, Черва считаетъ лучшими (quedam etiam optima [1]) meliora sunt, que hic recenseo); двѣ же мистеріи, „Избіеніе невинныхъ младенцевъ Иродомъ" и „Убіеніе Олоферна Юдиөью" называетъ лучшими между произведеніями не только Глегевича, но и любаго первоклассного поэта (Due poemata que mox commemorabo [2]) pre ceteris procul dubio in pretio habenda non modo si cum ejus scriptis, verum etiam si cum alterius cujuscunque optimi poete lucubrationibus compaerntur). Но выше всѣхъ произведеній Глегевича Черва ставилъ его сатиры и эпиграммы, которыя еще въ его время ходили по рукамъ. Эти-то „lucubrationes satyricas" по преимуществу Глечевичъ предалъ сожженію, потому что изъ-за нихъ онъ много натерпѣлся въ жизни, а не произведенія первой молодости, въ которыхъ были будто бы „выписки цѣлыхъ тирадъ" изъ предшествовавшихъ Глегевичу дубровницкихъ поэтовъ, какъ предполагаетъ г. Качановскій. Изъ отзыва Червы о произведеніяхъ Глечевича видно, что онъ зналъ ихъ не по наслышкѣ, а самъ читалъ ихъ; слѣдовательно, они существовали въ его время—по всей вѣроятности, въ многочисленныхъ спискахъ. Наше предположеніе оправдывается тѣмъ, что Аппендини зналъ три драмы Глегевича, „Олимпію", „Дамиру" и „Зориславу", о которыхъ не упоминаетъ Черва (Il Gleghievich ci ha lasciato l'Olimpia, la Damira e la Zorislava, che sono le più rimarchevoli fra le sue produzioni teatrali). Можно надѣяться, что изслѣдователь болѣе счастливый, чѣмъ г. Качановскій, найдетъ всѣ произведенія Глегевича. Особенно желательно было бы, чтобъ отыскались многочисленныя его сатирическія произведенія, на которыхъ собственно и основывается слава Глегевича.

Литературную дѣятельность Глегевича г. Качановскій раздѣляетъ на два періода: въ первый періодъ Глегевичъ подражалъ италіанскимъ маринистамъ, а во второй—Петраркѣ, подъ вліяніемъ котораго пробудилось въ немъ славянское народное самосознаніе. Авторъ считаетъ Глегевича „послѣднимъ драматическимъ дубровницкимъ писателемъ" (стр. 19); но ошибается: послѣ него было еще два драматическихъ писателя, изъ коихъ одинъ—Франатица Перковъ Соркочевичъ переводилъ Метастазіо и Мольера, а другой—сенаторъ Ма-

[1]) Вѣроятно слѣдуетъ читать: opera.

[2]) Слѣдуетъ: commemoravi.

тіпо Tudisi прославился своими переводами комедій Мольера (это были послѣдпія славянскія пьесы па дубровницкой сценѣ) [1]. .

По замѣчанію г. Качановскаго, „дубровницкая драма обязана Глегевичу своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ: на этомъ поприщѣ онъ работалъ вмѣстѣ съ своимъ современникомъ Шишкомъ Гундуличемъ, оставившимъ драму „Сунчаницу". Въ примѣчаніи авторъ говоритъ: „Драма эта не издана... она приготовлена нами къ печати"; но изъ стр. 205-й узнаемъ, что эта драма была издана въ Дубровникѣ въ 1840 году! Изъ этой поправки видно, какъ спѣшно работалъ г. Качановскій и какъ мало можно довѣрять ему.

Переходя къ характеристикѣ драмъ Глегевича, авторъ замѣчаетъ (стр. 20): „Г. Павичъ въ своей не совсѣмъ вѣрной характеристикѣ драмы Юнія Пальмотича отмѣтилъ нѣкоторыя вѣрныя черты, именно слѣдующія: α) сохраняется единство мѣста и времени; β) всякой драмѣ предшествуетъ прологъ, въ которомъ излагается сюжетъ драмы, и γ) въ концѣ всякаго акта хоръ выражаетъ свою сентенцію". Авторъ не говоритъ, что̀ онъ находитъ „не совсѣмъ вѣрнымъ" въ характеристикѣ Пальмотичевыхъ драмъ, представленной г. Павичемъ, а потому изъ любопытства раскроемъ „Historiju dubrovačke drame" на указанной г. Качановскимъ страницѣ (114), и тамъ прочтемъ слѣдующее: „Пальмотичевы драмы отличаются отъ трагедій XVI вѣка по формѣ только тѣмъ, что въ нихъ употребленъ размѣръ восьмисложный вмѣсто двѣнадцатисложнаго... Діалогъ у Пальмотича столь же патетиченъ, какъ въ прежней драматикѣ: рѣчь нигдѣ не соотвѣтствуетъ характеру дѣйствующаго лица, а въ извѣстныхъ ситуаціяхъ повторяется, какъ по шаблону, напримѣръ, когда герой признается въ любви или скорбитъ, что любовь его не услышана. Поэтическіе образы и мысли столь же бѣдны, хотя часто случается, что изъ устъ Пальмотича текутъ вдохновенныя рѣчи на славу всего славянскаго народа, а въ особенности Дубровника: онѣ производятъ пріятное впечатлѣніе на читателя, и также должны были дѣйствовать на слушателей. Главное различіе между Пальмотичевыми драмами и трагедіею XVI вѣка состоитъ въ томъ, что Пальмотичъ не переводитъ болѣе иностранныхъ трагедій, и что развязка его драмъ счастливая въ противоположность кровавой трагедін XVI вѣка. Обычный ихъ предметъ—любовь къ дѣвушкѣ какого-нибудь доблестнаго героя; любовники встрѣчаютъ столь сильныя препятствія, что только чудомъ

[1]) *Pavić* 178; *Appendini* II, 291.

достигаютъ своей цѣли. Это чудо наступаетъ обыкновенно столь неожиданно, что производитъ много комизма, преднамѣренно примѣшаннаго поэтомъ: отъ того эти драмы называются часто въ рукописяхъ „трагикомедіями". Общую характеристику г. Павичъ подтверждаетъ разборомъ всѣхъ драмъ Пальмотича (115—166); но къ нимъ мы еще возвратимся, а теперь будемъ продолжать слѣдовать за г. Качановскимъ.

„Изъ этихъ трехъ особенностей драмы Юнія Пальмотича", говоритъ онъ,—„лишь вторая находитъ себѣ мѣсто въ драмахъ Глегевича, да и то не во всѣхъ: „Ermiona" не имѣетъ пролога, а особенности первая и третья удалены Глегевичемъ, не смотря на то, что современные ему италіанскіе поэты, напримѣръ, Апостолъ Зено и др., и современный ему дубровницкій поэтъ Шишко Гундуличъ („Сунчаницѣ" коего подражалъ Глегевичъ въ своей „Зориславѣ"), удержали хоръ. Это—внѣшнее привнесеніе Глегевича въ дубровницкую драму". На это мы замѣтимъ, что хоръ былъ устраненъ съ дубровницкой сцены уже въ XVI вѣкѣ Степаномъ Налешковичемъ и Мариномъ Држичемъ; хора нѣтъ и въ Пальмотичевой драмѣ „Ipsipila".

„Большую услугу дубровницкой драмѣ оказалъ А. Глегевичъ со стороны возвышенія внутренняго ея достоинства. Правда, онъ не достигъ здѣсь совершенства; но важно уже его стремленіе: онъ старался дать въ своей драмѣ преимущество дѣйствію передъ діалогомъ, къ чему также стремился и Шишко Гундуличъ въ своей драмѣ „Сунчаницѣ"... Это преобладаніе дѣйствія мы находимъ въ драмахъ А. Глегевича: „Olimpia osvjecjena", „Damira", „Zorislava" и „Belizario". Изъ этихъ словъ г. Качановскаго видно, что Глегевичъ, подражая Сигизмунду Гундулича, старался въ нѣкоторыхъ своихъ драмахъ дать преимущество дѣйствію передъ монологомъ, но не совсѣмъ въ этомъ успѣлъ. Гдѣ же тутъ „большая услуга дубровницкой драмѣ со стороны возвышенія внутренняго ея достоинства"? Притомъ же гораздо раньше Гундулича, уже упомянутый нами М. Држичъ стремился „дать преимущество дѣйствію передъ діалогомъ" въ своихъ комедіяхъ, и въ „Dundo Maroje" достигъ замѣчательной степени совершенства.

Для доказательства, на сколько драмы Глегевича выше драмъ Пальмотича, г. Качановскій разбираетъ драму послѣдняго „Ахиллъ" (стр. 20—27); но это—произведеніе молодости Пальмотича, и по нему нельзя судить обо всѣхъ его драмахъ: слѣдовало бы взять для разбора одну изъ лучшихъ его драмъ „Ипсипилу" или „Цаптиславу".

Далѣе г. Качановскій относится съ презрѣніемъ къ драмамъ Ив.

Фр. Гундулича, а его пастораль „Dubravku“ ставитъ ниже всѣхъ драматическихъ его произведеній (стр. 28), съ чѣмъ никакъ нельзя согласиться: она любопытна по своему содержанію, взятому изъ быта Дубровчанъ, и отличается простотой и комизмомъ; а потому г. Павичъ считаетъ ее наилучшею дубровницкою пасторалью (Gundulićeva Dubravka... spada na pastirske igre, i nadilazi kao takova na daleko sve, što do sada od te vrsti spomenusmo, str. 107).

„Къ числу характеристическихъ особенностей драмы Глегевича“ г. Качановскій (стр. 28) относитъ слѣдующія: 1) „Сцена не представляетъ никакихъ чрезвычайныхъ ужасовъ: смерть, убійство удалены со сцены“. 2) „Между дѣйствующими лицами драмы одно извѣстное лицо всегда является какъ бы дополняющимъ окончательную развязку сюжета“. 3) „Принадлежностью (хотя и не непремѣнною) драматическаго персонала у Глегевича бываетъ α) слуга, который исполняетъ роль посредника въ достиженіи его господиномъ предмета своей страсти, и β) старый воинъ, который не прочь, среди бранной славы, понѣжиться съ любимою женою“. 4) „Число дѣйствующихъ лицъ въ драмахъ Глегевича не представляетъ такого обилія, какое замѣчается въ драмѣ его современника Ш. Гундулича“.

Вторая изъ этихъ характеристическихъ особенностей находится только въ трехъ драмахъ Глегевича (Damira, Olimpia и Zorislava); остальныя же три (Ermiona, Belizario и Porodjenje Gospodinovo), какъ замѣчаетъ самъ авторъ (примѣч. 2-е на той же страницѣ), „не подходятъ подъ эту мѣрку“: этимъ ослабляется представленная имъ характеристика драмъ Глегевича.

Разсмотримъ отдѣльно каждую изъ этихъ четырехъ „характеристическихъ особенностей драмы Глегевича“, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли онѣ принадлежатъ ему исключительно, и не находятся у его предшественниковъ.

Первая „особенность“ находится уже у презираемаго г. Качановскимъ Пальмотича, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ г. Павича (стр. 114): „Najglavnija razlika medju Palmotićevimi dramami i tragedijom 16 vieka jest... da se njegove drame sretno riešavaju; čim stoji prema krvavoj tragici 16 vieka u posvemašnjoj opreci“. Вторая особенность есть у М. Држича въ его комедіи „Dundo Maroje“: невѣста Мара, Пера, узнавъ, что женихъ ея прокутилъ въ Римѣ 3,000 дукатовъ, полученныхъ имъ отъ отца для покупки товаровъ, похищаетъ у тетки такую же самую сумму и съ нею отправляется въ Римъ, чтобы спасти своего жениха отъ отцовскаго гнѣва. Третья особенность есть также

у М. Држича: Мару въ ухаживаніи за красавицею Лаурою помогаетъ слуга его Popiva; такую же роль играетъ при Уго Тедешкѣ его слуга Pomet, наконецъ Petrugniella, служанка Лауры, помогаетъ своей барынѣ въ любовныхъ сношеніяхъ какъ съ Нѣмцемъ Ugo, такъ и съ Дубровчаниномъ Маромъ. Четвертую особенность находимъ опять у М. Држича, а также у Ст. Палешковича, въ комедіяхъ которыхъ число дѣйствующихъ лицъ весьма незначительно. Такимъ образомъ, въ драмахъ Глегевича не оказывается ни одной характеристической особенности.

Въ заключеніе своей характеристики драмъ Глегевича г. Качановскій (стр. 31) говоритъ, что онѣ „неодинаковы по своему направленію": въ первый періодъ своей литературной дѣятельности, когда онъ написалъ „Ermiona", „Damira" и „Olimpija osvjecjena", онъ былъ вѣрнымъ поклонникомъ италіанской литературы. Съ теченіемъ времени, со времени пробужденія въ Глегевичѣ національнаго славянскаго духа, направленіе его литературной дѣятельности измѣняется: вмѣсто италіанскихъ сюжетовъ онъ избираетъ сюжеты своихъ драмъ изъ славянской исторіи. Къ числу такихъ драмъ его относятся „Zorislava" и „Belizario". Но въ двухъ этихъ драмахъ его новое направленіе выразилось лишь въ одномъ выборѣ сюжета изъ славянской исторіи; въ духовной же драмѣ „Porodjenje Gospodinovo" Глегевичъ уже постарался приблизиться и къ чисто-народному пониманію и духу. Но объ этомъ ниже". И мы покажемъ ниже, на сколько Глегевичъ „приблизился къ чисто-народному пониманію и духу"; а теперь замѣтимъ только, что нѣтъ причины восхвалять Глегевича за то, что во второй періодъ своей литературной дѣятельности онъ сталъ черпать содержаніе своихъ драмъ изъ славянской исторіи, потому что, какъ мы уже выше замѣтили, за долго до него, именно съ начала XVI столѣтія, дубровницко-далматинскіе поэты избирали для своихъ драмъ сюжеты изъ юго-славянской исторіи: достаточно припомнить „Рабыню" Лучича, „Даницу", „Павлиміра", „Цаптиславу" и „Бисерницу" Пальмотича и „Сунчаницу" Гундулича; но еще важнѣе въ этомъ отношеніи тѣ драматическія произведенія, содержаніе коихъ заимствовано изъ быта Дубровчанъ: сюда принадлежатъ „Дубравка" И. Ф. Гундулича и фарсы и комедіи Налешковича и М. Држича. О „Дубравкѣ" мы уже упоминали. Въ фарсахъ или водевиляхъ Налешковича изображены распутные нравы дубровницкой молодежи и осмѣяна привычка Дубровчанъ щеголять знаніемъ италіанскаго языка. Маринъ Држичъ создалъ народную комедію Дубровчанъ.

Г. Павичъ по справедливости называетъ его „самымъ оригинальнымъ" дубровницкимъ поэтомъ (стр. 94) и „величайшимъ дубровницкимъ драматургомъ" (стр. 100). Жаль, что г. Качановскій не изучилъ произведеній этого дубровницкаго Мольера: онъ знаетъ только его мистерію „Porodjenje Iezusovo" (стр. 117—118) и мелькомъ упоминаетъ объ его пасторали „Tirena", при чемъ фарсъ „Novela od Stanca" приписываетъ Лучичу (стр. 205); о существованіи же перла драматической поэзіи Дубровчанъ, комедіи „Dundo Maroje", онъ и не подозрѣваетъ. Если бы г. Качановскій былъ знакомъ съ этою комедіей (не только по отзыву г. Павича, но и подлинному тексту), то онъ увидѣлъ бы, какъ громадна разница между Мариномъ Држичемъ, писавшимъ въ половинѣ XVI вѣка, и Антономъ Глегевичемъ, жившимъ черезъ полтораста лѣтъ послѣ него. Чтобъ оправдать свои слова, я долженъ остановиться на произведеніяхъ Марина Држича.

Изъ произведеній Марина Држича (1520—1580), извѣстны: мистерія „Porodjenje Iezusovo", пасторали „Tirena" и „Adon", фарсъ или водевиль „Novela od Stanca" и комедія „Dundo Maroje". Кромѣ этой комедіи, напечатанной въ сборникѣ „Dubrovnik" за 1867 г., М. Држичъ написалъ еще нѣсколько комедій, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не изданныхъ (Pavić, 100). „Prikazanje od porodjenja Iezusova", мистерія въ 1440 двѣнадцатисложныхъ стиховъ, отличается, по словамъ г. Павича (35—38), превосходнымъ языкомъ и идиличною простотою. Въ пасторали „Tirena" композиція болѣе богата, чѣмъ у Налешковича, характеры лучше обрисованы и много комизма. Въ ней есть черты народныя: вилы (Тирена также вила) учатъ Дубровчанъ пѣснямъ; поэтъ прославляетъ свою родину Дубровникъ (ibid. 66—77). Еще болѣе народныхъ чертъ въ другой пасторали М. Држича, которую г. Павичъ считаетъ лучшею дубровницкою пасторалью, „Pripoves od ljubavi Venere prama Adonu": Венера представляется королевою вилъ; на сцену является вукодлакъ; есть намеки на легкомысленное поведеніе Дубровчанокъ (Pavić, 77—78). Небольшая „Novela od Stanca" (всего 200 съ небольшимъ двѣнадцатисложныхъ стиховъ) полна комическаго эфекта. Содержаніе ея слѣдующее: Старый Влахъ, по имени Станко, пришелъ въ Дубровникъ продавать козъ, сыръ и т. п. Не найдя нигдѣ ночлега, онъ принужденъ провести ночь на камнѣ у колодца, и не смотря на усталость, стеречь козъ и товаръ. Молодые дубровницкіе гуляки, замѣтивъ Влаха, вздумали надъ нимъ подшутить. Одинъ изъ нихъ, Иво Пешица, наряженный по влашски, увѣряетъ Станка, что къ этому колодцу

приходятъ вилы, которыя однажды сдѣлали его, старика, молодымъ человѣкомъ, какимъ онъ есть теперь. Старый Влахъ пожелалъ, чтобъ и ему вилы оказали такую милость. Иво съ товарищами смѣется надъ легковѣрностью Влаха. Въ это время проходятъ маски. Ночные гуляки уговорили ихъ разыграть въ шутку вилъ. Вилы-маски подходятъ къ колодцу, и Влахъ начинаетъ ихъ упрашивать, чтобы сдѣлали изъ него молодаго человѣка. Вилы пляшутъ около Станка и поютъ, потомъ обливаютъ его водою, брѣютъ ему бороду, связываютъ руки и уводятъ его козъ и уносятъ его товаръ, оставивъ ему денегъ, сколько слѣдовало. Бѣдный Влахъ только тогда замѣтилъ, что надъ нимъ пошутили, но было уже поздно (Pavić, 87—93). Комедія „Dundo Maroje" есть сатира на современные поэту нравы Дубровчанъ. Содержаніе ея вкратцѣ слѣдующее: Скряга Мароe посылаетъ своего сына Мара въ Анкону и Флоренцію для закупки товаровъ и даетъ ему съ этою цѣлью 3,000 дукатовъ; но Маро отправляется прямо въ Римъ, выдаетъ себя за аристократа „синьора Марино", знакомится съ красавицею Лаурой и тратитъ на нее почти всѣ деньги; узнаетъ объ этомъ старикъ Мароe и спѣшитъ въ Римъ; узнаетъ также и невѣста Мара, Пера. Чтобы спасти своего жениха, она похитила у тетки 3,000 дукатовъ, и переодѣвшись въ мужское платье, отправляется въ Римъ, въ сопровожденіи своего племянника Ива. Конца комедіи, къ сожалѣнію, недостаетъ. Въ ней выведены слѣдующіе народные типы: скряга Maroje; сынъ его Maro — легкомысленный фатъ и Донъ-Жуанъ; красавица Laura—римская прелестница; Ugo Tedeško—второй поклонникъ Лауры, безденежный Нѣмецъ; трактирщикъ Bokrilo—обжора и пьяница; Pomet и Popiva—преданные и усердные слуги Гугона и Мара, помогающіе своимъ господамъ въ ихъ любовныхъ похожденіяхъ; Petrugniella — служанка Лауры, помогающая своей барынѣ въ ея любовныхъ интригахъ; Жидъ Sadi—плутъ и мошенникъ; Pera—невѣста Мара, рѣшающаяся изъ любви къ нему совершить преступленіе и предпринять рискованное путешествіе въ мужскомъ одѣяніи; наконецъ, Которанинъ Tripčeta—услужливый, плаксивый старикъ, знакомый съ римскими трущобами. Всѣ эти типы рѣзко очерчены; характеры выдержаны; дѣйствіе совершенно естественно; нѣтъ утомительныхъ монологовъ; сцены полны неподдѣльнаго юмора; языкъ образцовый (комедія „Dundo Maroje" писана прозою). Однимъ словомъ, это—chef-d'oeuvre дубровницкой драматической литературы [1])

---

[1]) Комедію «Dundo Maroje» мы изучали въ подлинникѣ, и еще въ 1867 году

III-я глава (стр. 33—152)—самая обширная и самая существенная въ изслѣдованіи г. Качановскаго: въ ней онъ разбираетъ всѣ произведенія Глегевича, сначала драматическія, а потомъ мелкія. Авторъ обстоятельнѣе, чѣмъ г. Павичъ, изложилъ содержаніе драмъ Глегевича, познакомилъ насъ съ неизвѣстными доселѣ мелкими его произведеніями и опредѣлилъ вліяніе на него италіанскихъ и дубровницкихъ поэтовъ; но онъ постоянно увлекается своимъ поэтомъ и приписываетъ ему такія заслуги, какихъ онъ не имѣетъ. Мы не можемъ вдаваться въ подробный разборъ этой главы, потому что для этого необходимо было бъ имѣть подъ руками произведенія Глегевича; но они до сихъ поръ не изданы. Вотъ почему мы принуждены ограничиться отрывочными замѣчаніями объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Глегевича; подробнаго же разбора будемъ ожидать отъ г. Павича, который пользовался тѣми же самыми рукописями, какъ и г. Качановскій. Прежде всего приведемъ мнѣніе о драмахъ Глегевича этого хорватскаго ученаго, какъ судьи въ этомъ дѣлѣ вполнѣ компетентнаго. На стр. 177 своей „Исторіи дубровницкой драмы" онъ говоритъ: „Драмы Глегевича (или, по его чтенію, Гледжевича) [1]) „Zorislava", „Olimpia osvećjena", „Damira smirena" и „Ermiona" доводятъ методъ Пальмотичевой композиціи до крайней запутанности, за которую насъ впрочемъ вознаграждаютъ нѣкоторыя мѣста, представляющія прекрасную сатиру или комику".

Такою запутанностью, по словамъ того же автора (стр. 194), отличается преимущественно „Ermiona": „въ ней поэтъ перешелъ всѣ границы возможности дѣйствія, и тѣмъ сдѣлалъ ее совсѣмъ невыносимою". Съ отзывомъ г. Павича въ сущности согласенъ и г. Качановскій (стр. 38 и слѣд.): „При отсутствіи надлежащаго изложенія сюжета, развязка оказывается неинтересною и даже не совсѣмъ естественною (а нѣсколько выше онъ называетъ ее „не драматическою, а машинальною",—слѣдовательно „неестественною")... При неудачномъ сюжетѣ, планѣ, дѣйствіи и развязкѣ, и характеры развиты въ драмѣ неудовлетворительно". Въ этой драмѣ, по мнѣнію г. Качановскаго, Глегевичъ подражалъ Апостолу Зено и Расину. На ней видно также вліяніе Пальмотича.

сообщили о ней наше мнѣніе («Задун. и Адріат. Славяне»), нѣсколько отличное отъ мнѣнія г. Павича (стр. 94—100).

[1]) Что такое чтеніе не вѣрно видно изъ одного памятника (1619 г.) Флорентинскаго архива изданнаго нами въ I т. Monum. histor. Slavor. merid., стр. 519, гдѣ это имя написано: «Glegovic».

„На драмѣ „Damira“, по словамъ г. Качановскаго (стр. 46), сказалось вліяніе италіанскихъ аркадистовъ“; слѣдовательно, это—трудъ несамостоятельный.

По словамъ того же автора (стр. 62), въ драмѣ „Olimpia“ „Глегевичъ пользовался передѣлкою Гундулича Ринунціевой оперы „Arianna“, у котораго заимствуетъ не только мысли и выраженія, но и стихи“; а поэтому совершенно излишне сравненіе его съ Аріостомъ. Г. Качановскій не доволенъ планомъ этой драмы (стр. 68), но хвалитъ Глегевича за то, что онъ далъ въ ней „предпочтеніе дѣйствію передъ діалогомъ“ (стр. 71). Вообще, по мнѣнію г. Качановскаго, „Olimpia“—одно изъ самыхъ слабыхъ произведеній Глегевича. Совершенно иначе думаетъ г. Павичъ: онъ ставитъ ее выше „Зориславы“. „Уже въ Зориславѣ“, говоритъ онъ,—„очевидна его погоня за эфектомъ въ любовныхъ пикантныхъ сценахъ; она еще очевиднѣе въ „Отмщенной Олимпіи“, которая еще потому лучше первой, что въ ней все дѣйствіе до самаго конца комично“ (стр, 191); а на слѣдующей страницѣ читаемъ: „Характеры въ ней болѣе выдержаны, чѣмъ въ „Зориславѣ“, хотя еще не вполнѣ; наилучшій типъ—мужикъ Славое. Діалогъ, отличающійся комичностью, гораздо пріятнѣе прежнихъ слезливыхъ діалоговъ“. Но Глегевичъ, по замѣчанію г. Павича, впадаетъ иногда въ просторѣчіе, и у него много не мотивированныхъ сценъ. Разбору драмы „Зориславa“ г. Качановскій совершенно не кстати предпосылаетъ длинное введеніе (стр. 50—57), въ которомъ, слѣдуя тенденціозному труду г. Рачкаго „Pokret na slavenskom jugu“, старается доказать, что „мысль о соединеніи Босніи съ Венгріей часто выступала въ историческомъ ходѣ событій Босніи и Венгріи“ (стр. 97). По его мнѣнію, „Глегевичъ, какъ и его согражданe, былъ того убѣжденія, что Боснія должна быть соединена съ Венгріею, и что только въ такомъ случаѣ можетъ быть данъ отпоръ Туркамъ“. Едва ли у Глегевича было такое политическое убѣжденіе: онъ писалъ просто на избитую тему, и притомъ весьма неудачно, такъ какъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ исторіи Босны. Самъ г. Качановскій (стр. 107) говоритъ: „На „Зориславѣ“ Глегевича оказалось сильное вліяніе драмы „Сунчаницы“, написанной его современникомъ, дубровницкимъ же поэтомъ Сигизмундомъ Гундуличемъ. Все различіе этихъ драмъ состоитъ въ сюжетѣ; планъ же и развитіе драмы одни и тѣ же“. Не отрицая вліянія „Сунчаницы“ на „Зориславу“, полагаемъ, что основная мысль—соединеніе Босніи съ Венгріею—заимствована Глегевичемъ не у С. Гундулича, а у Ю. Паль-

мотича, который ту же самую мысль проводитъ въ драмахъ „Цаптислава“ и „Бисерница“ (въ „Сунчаницѣ“ рѣчь идетъ о соединеніи Чехіи съ Венгріею при Я. Гуняди).

„Зорислава“, по мнѣнію г. Качановскаго,—лучшая драма Глегевича. Также думалъ о ней Аппендини (II, 290). Это — настоящая драма, по его словамъ, тогда какъ „Олимпія“ и „Дамира“ скорѣе трагикомедіи: „La Zorislava ha un bellissimo intreccio, e malgrado, che nei caratteri di Hualimiro, di Tuardislavo e Zelimiro scopransi alcune piccole irregolarità, che potrebbersi di leggieri corriggere, non può tuttavia leggersi senza commozione“.

Изъ драмы „Belizario“ сохранился только одинъ отрывокъ, по которому трудно судить о ней. Г. Качановскій полагаетъ, что въ ней Глегевичъ подражалъ „бездарному италіанскому поэту“ Георгію Триссино († 1550), написавшему поэму „Italia liberata“, и драмѣ Метастазіо († 1782) „Giustino“; но онъ представилъ Велисарія Славяниномъ, и потому авторъ относитъ эту драму къ періоду „пробужденія въ Глегевичѣ славянскаго направленія“ (стр. 111).

Въ мистеріи „Porodjenje Gospodinovo“ г. Качановскій видитъ „приближеніе Глегевича къ народному пониманію“ (стр. 115), и въ то же время подражаніе мистеріямъ Руффо и Брвначіо; вліяніе же Марина Држича онъ отвергаетъ. „Содержаніе драмы Глегевича“, говоритъ онъ (стр. 114),—„полнѣе содержанія драмы Држича, и изложеніе имѣетъ больше драматизма“. По словамъ г. Павича (стр. 40), содержаніе мистеріи Глегевича—то же самое, что́ у Марина Држича, но діалогъ болѣе идиличенъ. У Глегевича пастухи, лежа въ травѣ, подслушиваютъ, какъ ангелъ возвѣщаетъ Богородицѣ рожденіе Іисуса; на слѣдующее утро они разказываютъ объ этомъ; ангелъ съ неба призываетъ ихъ въ Виолеемъ; они отправляются туда и подносятъ дары Христу и Богородицѣ, и она ихъ благословляетъ. У Држича въ прологѣ Марія говоритъ Іосифу, что настаетъ время родовъ, и онъ обращается за помощью къ Богу; потомъ ангелъ призываетъ пастуховъ въ Виѳлеемъ на поклоненіе Іисусу и вмѣстѣ съ другими ангелами на небѣ славитъ его. Одинъ изъ пастуховъ, Радомилъ, спрашиваетъ у другого, Вукосавы: „Не горныя ли это вилы, которыя такъ сладко поютъ, что вся природа въ восторгѣ, и даже во́лы и псы смотрятъ на небо“.—„Нѣтъ, это—не вилы“, отвѣчаетъ Вукосавъ, „а нѣчто изъ самаго неба. Пусть кто-нибудь пойдетъ позвать всѣхъ селянъ, чтобы они узнали, что́ мы видѣли и слышали“. Прибатъ говоритъ: „Это—не вилы, а ангелы небесные. Вся природа щедро

ихъ одарила (перечисляются подробно дары природы), и вся природа возвѣщаетъ рожденіе Бога и призываетъ насъ поклониться ему". Милошъ разказываетъ, какъ въ лѣсу, когда онъ заснулъ подъ деревомъ, отыскивая пропавшую телку, явилась къ нему вила съ неба и успокоивала его, чтобы онъ не боялся, говоря, что она ждетъ только другихъ вилъ, чтобы набрать цвѣтовъ для дѣвы, которая родитъ Бога. И Углешѣ являлась прекрасная вила у колодца и возвѣщала рожденіе Бога. По указанію звѣзды, пастухи отправляются въ Виѳлеемъ съ дарами (они перечисляются). По дорогѣ встрѣчаютъ Сибилу, которая говоритъ имъ, что по звѣздѣ отправились въ Виѳлеемъ короли на поклоненіе родившемуся тамъ младенцу. Съ пѣснями и музыкою (pjevajući pjesan s mješnicami i sviralmi) приходятъ пастухи къ Богородицѣ и подносятъ ей дары; она благодаритъ ихъ и позволяетъ имъ поцаловать младенца, „который будетъ охранять и размножать ихъ стада". Они просятъ у нея благословенія, и она благословляетъ каждаго изъ нихъ по одиночкѣ, перечисляя все сельское хозяйство. Когда они разстались съ Богородицею, явился къ нимъ пустынникъ въ образѣ пророка и разказалъ имъ всѣ муки Христа и его воскресеніе. Изъ этого пересказа содержанія мистеріи Држича (со словъ г. Павича, стр. 35—38) видно, что онъ „приблизился къ народному пониманію" болѣе, чѣмъ Глегевичъ. И у Држича, какъ сознается самъ г. Качановскій (стр. 117), „находимъ слѣды народнаго вѣрованія", что „богатство дается Всевышнимъ". Это вѣрованіе распространено у всѣхъ народовъ, и потому нѣтъ никакого основанія предполагать въ данномъ случаѣ заимствованія изъ народныхъ пѣсенъ Болгаръ или Сербовъ. Сравнивая перечисленіе Доброева богатства у Глегевича съ рѣчью Прибата и съ пѣснью пастуховъ (у г. Качановскаго стр. 115—118) у Држича, невольно приходишь къ заключенію, что Глегевичъ подражалъ Држичу, а не народнымъ пѣснямъ (болгарская же колядка приведена г. Качановскимъ вовсе не кстати).

Изъ мелкихъ произведеній Глегевича авторъ помѣщаетъ на первомъ мѣстѣ стихотвореніе съ народнымъ направленіемъ: „Glasa pobjedovanje (Il trionfo della fama)" [1]. „Глегевичъ, взявъ образецъ

[1] По выдержкамъ, напечатаннымъ г. Качановскимъ на стр. 120—123, трудно опредѣлить, въ какомъ отношеніи «Glasa pobjedovanje» Глегевича находится къ «Glasu» Юлія Пальмотича, напечатанному во II выпускѣ сборника «Dubrovnik» за 1850 г.: полагаемъ однако, что это—скорѣе *передѣлка*, чѣмъ *копія* произведенія Пальмотича.

у Петрарки", замѣчаетъ онъ (стр. 120),—„вмѣстилъ въ свое произведеніе совершенно другое, чисто-славянское содержаніе... Въ то время, какъ Петрарка въ своемъ „Trionfo della fama" дѣлаетъ перечень славныхъ мужей римскихъ и греческихъ, нигдѣ, ни однимъ словомъ не касаясь славныхъ мужей славянскихъ, Глегевичъ счелъ своею обязанностію представить перечень послѣднихъ". Но Глегевичъ слишкомъ увлекся, и въ число славянскихъ дѣятелей помѣстилъ много не славянскихъ [1]), и притомъ между славянскими дѣятелями у него немного личностей исторически извѣстныхъ, а именно только слѣдующія: Степанъ Душанъ, Юрій Бранковичъ, князь Лазарь, Сандалъ Храничъ, Хрвоя, Милошъ Обиличъ, Секулъ Сестричичъ, Свилоевичъ, Вукъ Бранковичъ и нѣкоторые другіе, — все Сербы или Хорваты. Изъ этого видно, какъ узокъ былъ политическій круговоръ Глегевича. Приводя эти имена, онъ не соблюдаетъ хронологическаго порядка. Весь этотъ перечень „славныхъ мужей" показываетъ, что онъ имѣлъ самое смутное понятіе объ исторіи. Многихъ изъ нихъ прославлялъ уже Пальмотичъ. Въ „Даницѣ" онъ воспѣваетъ Свилоевича, воеводу Янко (Гуняди), Секула Сестричича, Деспота (сербскаго, Бранковича), Батори и Скандербега. Герой драмы Павлиміръ называется „славянскимъ кралемъ" и господствуетъ въ „славянскихъ земляхъ". Въ „Цаптиславѣ" Слава и Хвалъ, обойдя все сильное славянство, приходятъ въ Дубровникъ и разказываютъ что краль Круниславъ не требовалъ никакого „харача" отъ своихъ подданыхъ: онъ требовалъ только, чтобъ они говорили на „славянскомъ языкѣ", на что̀ охотно пристали Москва, Русь и Поляки, Поморане и Вандалы, Чехи, Сербы и Босняки". Въ „Бисерницѣ" приходятъ въ Будимъ на свадьбу зятья Крунислава, „славянскаго краля въ Эпидаврѣ (Дубровникѣ)",—Бойниславъ сербскій, Лаушъ (Людовикъ) богемскій, Деспотъ смедеревскій Лазарь, банъ Василій, отецъ котораго владѣетъ всею Москвой и Русью, Ягелонъ Польскій и хорватскій банъ Матвѣй (Матвѣй Блажъ?). Хотя Пальмотичъ также слабо зналъ исторію Славянъ, но все-таки у него обширнѣе славян-

---

[1]) Глегевичъ въ числѣ славянскихъ героевъ упоминаетъ Трансильванскаго князя *Сигизмунда Батори*, котораго г. Качановскій смѣшалъ съ Польскимъ королемъ *Стефаномъ Батори* (стр. 123): извѣстно, что Сигизмундъ Батори въ концѣ XVI вѣка замышлялъ овладѣть Болгаріей при помощи народнаго возстанія (см. объ этомъ записку Дубровчанина Джорджича во 2-мъ томѣ нашихъ Monum. histor. Slav. meridion).

скій политическій кругозоръ, чѣмъ у Глегевича; а если у него былъ такой предшественникъ, то нѣтъ и надобности „усматривать" въ его произведеніяхъ „отголосокъ современнаго поэту политическаго положенія славянскаго міра" (стр. 123). Г. Качановскій по этому поводу разсуждаетъ такимъ образомъ; „Дѣятельность русскаго преобразователя Петра Великаго, посѣщеніе имъ западной Европы, приглашеніе имъ въ Россію людей знающихъ, въ числѣ коихъ были Дубровничане и другіе южные Славяне, войны его съ Шведами и Турками, доставившія великому Русскому царю славу во всей Европѣ, разъяснили дубровницкому правительству положеніе славянства и подали надежду на возрожденіе страждущаго подъ гнетомъ ислама и Венеціанской республики славянскаго народа. Дубровничанамъ могъ быть извѣстенъ и планъ русскаго преобразователя относительно переустройства современнаго ему южнаго славянства". Непростительно говорить предположительно о томъ, что́ давнымъ давно извѣстно положительно. Еще въ 1865 году (Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою республикою стр. 7—8), на основаніи одной рукописи францисканской библіотеки въ Дубровникѣ, мы говорили, что находившійся на русской службѣ Герцеговинецъ Савва Владиславичъ, величавшій себя графомъ Рагузинскимъ, внушилъ Петру Великому мысль о пользѣ сближенія съ единовѣрными и единоплеменными намъ Славянами Болгаріи, Македоніи, Сербіи, Босніи и Далмаціи, которые готовы возстать ради общей славы и вѣры. Это не могло быть не извѣстно дубровницкому правительству, такъ какъ Савва Владиславичъ имѣлъ въ Дубровникѣ много друзей и знакомыхъ между знатнѣйшими властелями и владѣлъ въ немъ палаццо: онъ хотѣлъ устроить въ этомъ палаццо домашнюю православную церковь и съ этою цѣлью обратился за покровительствомъ къ Петру Великому. Петръ написалъ по этому поводу очень настойчивое письмо въ дубровницкій сенатъ; но сенаторы, „не склоняясь на мольбы и подарки Владиславича и не страшась гнѣва могущественнаго русскаго государя", отказали Саввѣ на отрѣзъ. Такъ начались наши дипломатическія сношенія съ Дубровникомъ. О намѣреніяхъ Петра Великаго относительно южныхъ Славянъ дубровницкое правительство могло узнать также отъ Дубровчанъ, служившихъ въ Россіи (изъ нихъ Беневени былъ русскимъ посланникомъ въ Персіи), и отъ архіепископа Галлани, объ отношеніяхъ котораго къ Петру I мы нашли любопытное извѣстіе въ бытность свою въ Загребѣ въ 1868 г. Въ одной рукописи библіотеки г. Кукулевича (нынѣ принадлежащей Юго-славян-

ской академіи, № 620, „Istoria della chiesa di Curzola" Antonii Rozanei Corcyrensis, то-есть, Корчуланина Рожанича) сохранилось прошеніе Дубровницкаго архіепископа Галлани къ Петру Великому отъ 6-го іюля 1722 г. (стр. 201). Въ немъ, указывая на услуги, оказанныя русскому правительству въ Константинополѣ во время заключенія Толстаго и позже, за что̀ онъ получилъ вѣчную пенсію въ тысячу рублей, Галлани, принужденный покинуть Константинополь по случаю своего избранія въ Дубровницкіе архіепископы и находясь въ стѣсненныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, проситъ у Русскаго царя субсидіи въ 3,500 реаловъ для уплаты своего долга Юрію Сорокѣ [1]). Какъ на фактъ, свидѣтельствующій о знакомствѣ Дубровчанъ съ замыслами Петра Великаго на востокѣ, г. Качановскій указываетъ на письмо Герцеговинца Милорадовича къ Захолмскому митрополиту Савватію, проживавшему въ сосѣднемъ съ Дубровникомъ городѣ Требиньи, письмо, въ которомъ Милорадовичъ отъ имени Петра, возбуждаетъ Савватія къ возстанію противъ Турокъ (стр. 123—124), и умалчиваетъ о болѣе важномъ фактѣ—посольствѣ Милорадовича въ Черногорію, цѣль котораго не могла утаиться отъ зоркихъ Дубровчанъ. Какъ на доказательство популярности Петра Великаго у Дубровчанъ, авторъ указываетъ на оды въ честь его дубровницкихъ поэтовъ попа Ружича (Rosa), котораго онъ ошибочно называетъ фратромъ Русичемъ, и іезуита Градича, и приводитъ изъ нихъ одъ выдержки, умалчивая о томъ, что эти оды давно уже изданы, какъ скажемъ объ этомъ ниже. Г. Качановскому не извѣстна также изданная третья ода въ честь Петра Великаго анонимнаго дубровницкаго поэта на италіанскомъ языкѣ: „La felicità comune. Voto di Pietro il Grande Czar delle Russie", ода, въ которой поэтъ изображаетъ Петра благодѣтелемъ страждущаго человѣчества. Авторъ не знаетъ также обширной поэмы современника Глегевича, Каваньина († 1714), „Bogastvo i Uboztvo", изданной въ Загребѣ въ 1861 г.; въ этой поэмѣ, посвященной Русскому царю, прославляется великій преобразователь Россіи.

„Эти оды современниковъ Глегевича Петру I", говоритъ г. Кача-

---

[1]) Выписываемъ изъ этого прошенія слѣдующее любопытное мѣсто: «Jo ch' hebbi la sorte, mentre mi trattenivo in Constantinopoli di servir con mio sommo... (piacere?) agli interessi della Maestà Vostra nel tempo, ch'il Sig—r Caval—re Tolstoj era ivi ritenuto, e poi in tutti gl'anni sussegenti hebbi fortuna d'esserne gradito dall'Imperiale Maestà Vostra et honorato con un'approviatione avanzatami dal sig—r cav—re Golofchin suo primo Ministro, et di più rimunerato con una pensione clementissima di mille rubli all'anno per me e per tutti i miei eredi»...

новскій (стр. 131),—„служатъ подтвержденіемъ, что и Глегевичъ написалъ свое произведеніе подъ вліяніемъ распространившейся между Славянами надежды на возрожденіе славянскаго племени. Сверхъ того, онъ, какъ добрый гражданинъ, заботящійся о славѣ своего роднаго города, не упустилъ случая сдѣлать напоминаніе, что его соотечественники, пользующіеся свободнымъ положеніемъ, должны принять участіе въ славянскомъ возрожденіи. Сперва онъ указываетъ на добрыя качества славянскаго племени. Указавъ затѣмъ на свободное положеніе Дубровника, авторъ въ концѣ обращается къ нему съ требованіемъ потрудиться на общую пользу славянства" (стр. 134). Изъ приводимыхъ г. Качановскимъ стиховъ вовсе не видно, чтобы Глегевичъ обращался съ подобнымъ требованіемъ къ своимъ соотечественникамъ: онъ говоритъ только, что человѣкъ, который не трудится, не можетъ добыть безсмертное имя (Nu neumàrlo dobit ime—Cioviek ne moſce, ki ne trudi)! Чтоже касается славянофильскаго направленія Глегевича, то онъ имѣлъ многихъ предшественниковъ, начиная съ XVI вѣка, какъ было сказано выше. Къ упомянутымъ уже нами дубровницкимъ поэтамъ съ направленіемъ славянофильскимъ [1]) прибавимъ еще одного—Петра Богашиновича, поэма котораго „Obkruženje Beća grada od cara Mahmeta" (1683 г.) оканчивается видѣніемъ: Kraljica Slovinskoga jezika возбуждаетъ Славянъ къ единодушію и проситъ Бога о дарованіи имъ побѣдъ надъ Турками.

„Остальныя мелкія произведенія Глегевича", по словамъ г. Кочановскаго (стр. 132),—„написаны, несомнѣнно, подъ италіанскимъ вліяніемъ", а потому не представляютъ никакого интереса.

Въ IV-й главѣ („Принципъ, проводимый Глегевичемъ въ его произведеніяхъ") читаемъ слѣдующее: „Въ произведеніяхъ Глегевича слишкомъ сильно выступаетъ ихъ нравоучительная цѣль. Онъ старается больше дѣйствовать на умъ, чѣмъ на сердце (?). Въ чемъ же состоитъ это его нравоученіе? Представить образецъ человѣка, вполнѣ свободнаго во всякомъ его положеніи, какъ семейномъ, такъ и общественномъ. По мнѣнію Глегевича, тотъ человѣкъ свободенъ, который работаетъ для общественной пользы" (?!). „Это нравоученіе предшественники Глегевича проводили мимоходомъ, не заботясь объ изложеніи его въ полной послѣдовательности. По ихъ философіи, первое мѣсто между достоинствами свободнаго человѣка занимаетъ крѣпость" (?!); но въ чемъ она должна состоять—не развито въ ихъ произведеніяхъ

[1]) Срв. Изслѣд. объ истор. памятн. и бытопис. Дубр., стр. 239—261.

(стр. 133). Недовольный тѣмъ, что у предшественниковъ Глегевича нѣтъ точнаго опредѣленія, что̀ такое „крѣпость", г. Качановскій, на основаніи произвольнаго сопоставленія разныхъ мѣстъ въ произведеніяхъ Глегевича и его предшественниковъ, отожествляетъ „крѣпость" съ „стойкостью". Мы никакъ не ожидали встрѣтить такое curiosum у г. Качановскаго, избравшаго предметомъ своего изслѣдованія хорватскаго поэта Глегевича и прожившаго цѣлыхъ семь мѣсяцевъ въ Дубровникѣ, въ теченіе коихъ онъ имѣлъ достаточно времени освоиться съ мѣстнымъ языкомъ: слово kripost у дубровницкихъ и далматинскихъ писателей значитъ ни что иное, какъ добродѣтель, и есть буквальный переводъ латинскаго fortitudo. Не удивительно, что, не зная настоящаго значенія этого слова, авторъ фантазируетъ, и своими фантазіями наполнилъ цѣлую главу о „принципѣ, проводимомъ Глегевичемъ въ его произведеніяхъ": всю эту главу слѣдуетъ безпощадно вычеркнуть изъ изслѣдованія г. Качановскаго. Въ слѣдующей главѣ („Черты изъ дубровницкаго быта, отмѣченныя въ произведеніяхъ Глегевича") авторъ отожествляетъ „крѣпость" съ свободою: „Глегевичъ вооружается противъ увлеченія красотою женщины, какъ вреднаго для человѣческой жизни, отнимающаго у человѣка свободу—крѣпость, составляющія единственное достоинство разумнаго человѣка" (стр. 143). И эта глава, составляющая продолженіе предыдущей, наполнена, къ сожалѣнію, одними фантазіями и крайнимъ увлеченіемъ. „Какъ въ Италіи нашлись писатели (Данте, Боккачіо, Аріосто и др.), осуждавшіе дурные нравы своихъ соотечественниковъ", говоритъ г. Качановскій (стр. 142),—„такъ и Дубровникъ не остался безъ таковыхъ, хотя, впрочемъ, онъ не произвелъ ни одного писателя съ геніемъ. Къ числу этихъ дубровницкихъ писателей съ здравымъ смысломъ принадлежитъ А. Глегевичъ; онъ, можно сказать, занимаетъ первое мѣсто между своими соотечественниками". Слишкомъ много чести для Глегевича: его слѣдуетъ посадить на послѣднюю скамью, а на первой сидятъ М. Држичъ и Ст. Налешковичъ, которые дѣйствительно въ своихъ фарсахъ и комедіяхъ осмѣивали современные имъ нравы Дубровчанъ. Къ „чертамъ дубровницкаго быта, отмѣченнымъ въ произведеніяхъ Глегевича", г. Качановскій относитъ „разнузданность" и „продажность женщины", „легковѣрность" мужчинъ и посредничество прислуги въ любовныхъ сношеніяхъ мужчины съ женщиною. Мы не видимъ тутъ ни одной черты изъ дубровницкаго быта: самъ авторъ сознается, что, изображая подобные типы, Глегевичъ копировалъ Италіанцевъ (онъ приво-

дитъ заимствованія у Аріосто, стр. 148); онъ же говоритъ, какъ мы видѣли выше, что „слуга, который исполняетъ роль посредника въ достиженіи его господиномъ предмета своей страсти", составлялъ „принадлежность драматическаго персонала у Глегевича" (какъ и у другихъ дубровницкихъ поэтовъ, подражавшихъ италіанскимъ, прибавимъ отъ себя). Изображеніе дѣйствительныхъ, а не фиктивныхъ нравовъ Дубровчанъ находимъ у Налешковича и особенно у Држича. Налешковичъ ограничивается изображеніемъ любовныхъ сношеній женатыхъ людей съ служанками и ночныхъ похожденій молодежи. У Држича въ Новеллѣ „od Stanca" изображены „ночныя скиталицы" и молодежь, гуляющая по ночамъ, а въ комедіи „Dundo Maroje"—молодой Дубровчанинъ, ухаживающій за италіанскою красоткой, и его вѣрная невѣста, рѣшающаяся изъ любви къ нему не только на опасное путешествіе, но даже на преступленіе (кражу). Напрасно г. Качановскій сожалѣетъ, что нѣтъ „записокъ", „въ которыхъ бытовая сторона народа выразилась бы рельефнѣе", и которыми можно было бы „провѣрить показанія Глегевича" (стр. 152). Онѣ есть, и даже очень старыя, и онѣ—то свидѣтельствуютъ противъ г. Качановскаго.

Знаменитый въ свое время Іоаннъ Равеннскій (1347—1420), бывшій учителемъ въ Дубровникѣ, въ своей „Historia Ragusii" [1]), опи-

[1]) Подлинникъ находится въ Парижской публичной библіотекѣ (Mss. № 6494, fol. 78—100); мы пользовались копіею г. Кукулевича (№ DCCCXXVIII 59 стр. въ листъ). Такъ какъ «Historia Ragusii» Іоанна Равеннскаго совершенно не извѣстна, то считаемъ умѣстнымъ познакомить читателей съ ея содержаніемъ. Въ первой ея половинѣ много пустословія; свѣдѣнія о Дубровникѣ начинаются съ 31 стр.; на стр. 32—33 говорится о цистернахъ, недостаткѣ воды и дурномъ ея качествѣ; на стр. 34—о промыслахъ (плотники, каменьщики, сапожники, портные, столяры) и воспрещеніи привоза иностраннаго вина, вслѣдствіе чего—недостатокъ вина (на стр. 35 авторъ удивляется, что такой законъ существуетъ въ городѣ, столь богатомъ, какъ Дубровникъ, и населенномъ людьми, знающими свѣтъ); на стр. 35—40 говорится о кушаньяхъ и естественныхъ произведеніяхъ; стр. 40—54 заняты описаніемъ Дубровника и его жителей: городъ построенъ на скалѣ и сильно укрѣпленъ, имѣетъ трое воротъ, изъ коихъ однѣ ведутъ въ портъ, другія—восточныя—въ страны «Славянъ и Гунновъ», то-есть, Мадьяръ (in Sclavos et Hunnos») и третьи—на западъ; въ немъ нѣтъ обширныхъ зданій, такъ какъ онъ имѣетъ въ окружности всего тысячу шаговъ; но за то внѣ города находятся обширныя палаццо прекрасной архитектуры съ садами и виноградниками (стр. 41). Авторъ жалуется на отсутствіе общества въ Дубровникѣ. Плебеи удалены отъ государственныхъ дѣлъ и имъ воспрещенъ бракъ съ благородными (42). Въ школахъ обучаютъ только родному языку. Духовенство отличается не-

сывая Дубровникъ и нравы его жителей, отмѣчаетъ слѣдующія любопытныя черты: Дубровчане спали на коврахъ одѣтые (какъ теперь Черногорцы), носили одноцвѣтныя шерстяныя одежды, отпускали бороды, много заботились о своей прическѣ и румянились, вслѣдствіе чего парикмахерскій промыселъ былъ весьма выгоденъ. Мужчинамъ подражали женщины: онѣ также заботились о своей прическѣ (прическою отличались замужнія отъ дѣвушекъ и вдовъ), носили длинныя хламиды и золотыя украшенія; не уступая въ дарованіяхъ (non inferior ingenii praestantia) Италіанцамъ, Дубровчане превосходили ихъ постоянствомъ нравовъ (morum constantia superior,—подразумѣвается: natio).

Въ сочиненіи Филиппа де-Диверсиса „Descriptio Ragusina" (1440 г.) есть много свѣдѣній о бытѣ, нравахъ и обычаяхъ Дубровчанъ (почти вся IV-я часть). Онъ хвалитъ ихъ набожность, особенно же женщинъ; говоритъ, что замужнія покрываютъ головы (старославянскій обычай) и въ знакъ замужества носятъ серьги золотыя или серебряныя позолоченныя (но простолюдинки только кольца), пальцы украшаютъ множествомъ драгоцѣнныхъ перстней и вообще одѣваются роскошно (Pars I, c. t.). По весьма старому обычаю, который строго соблюдался въ Дубровникѣ, высшее сословіе не вступало въ бракъ съ низшимъ, даже присутствовать на свадьбѣ властелина воспрещалось мѣщанину, а властелинъ считалъ для себя унизительнымъ быть на свадьбѣ мѣщанина. Въ Дубровникѣ, какъ теперь въ Черногоріи и нѣко-

---

вѣжествомъ и безнравственностью (45). Народъ—благочестивъ, что доказывается множествомъ и богатствомъ храмовъ. Изъ всѣхъ жителей не болѣе сотни участвуетъ въ государственномъ управленіи (48). Высшее государственное учрежденіе—Большой совѣтъ (Consilium Majus)—состоитъ изъ 50 членовъ: въ немъ избираются начальники островов и городовъ, а также посланники, рѣшаются вопросы о войнѣ и мирѣ. Изъ членовъ этого совѣта выбирается 30 человѣкъ, которые называются Rogati: имъ поручаются дѣла меньшей важности или секретныя. Изъ нихъ опять избирается 7 человѣкъ для занятій городскими дѣлами: это—Малый совѣтъ (Minus Consilium). Одинъ изъ членовъ этого совѣта выбирается ежемѣсячно въ ректоры (rector): онъ предсѣдательствуетъ въ совѣтахъ, но власти никакой не имѣетъ (49). Далѣе сообщаются вышеприведенныя нами свѣдѣнія объ одеждѣ и обычаяхъ Дубровчанъ (50—54). На стр. 54 говорится о происхожденіи Дубровника изъ Эпидавра, а на стр. 55—59 объ извѣстномъ узурпаторѣ Даміанѣ Іудѣ и о поступленіи Дубровника подъ покровительство Венеціи. Оканчивается словами: «jta igitur per centum XXX fere annos in Venetorum protectione deguere, donec Hunorum bello premente Veneti abstinuere Dalmatia.

торыхъ другихъ юго-славянскихъ краяхъ, бы льобичай вѣрить дѣтей 10—12-лѣтняго возраста; по достиженіи 15 или 16 лѣтъ, они вступали въ бракъ; до бракосочетанія женихъ рѣдко видѣлъ свою невѣсту, хотя очень часто бывалъ въ домѣ ея родителей (IV, 16). Де-Диверсисъ подробно описываетъ свадебные (17 глава) и погребальные обряды и обычаи (гл. 18); говоритъ о почитаніи старшихъ возрастомъ младшими (гл. 19), объ опекунахъ малолѣтнихъ, сиротъ и умалишенныхъ (гл. 12), о гостепріимствѣ по отношенію къ иностранцамъ (гл. 11), объ обычаѣ властелекъ выходить на улицу не иначе, какъ въ предшествіи служанокъ (гл. 20), и т. п. [1]).

Флорентинецъ Серафимъ Рацци, бывшій въ Дубровникѣ генеральнымъ викаріемъ ордена доминиканцевъ (1587—1589 г.) и временно администраторомъ Дубровницкой епархіи, въ своей „Storia di Raugia" (Lucca 1595), сообщаетъ также любопытныя свѣдѣнія о бытѣ и нравахъ Дубровчанъ: отрывки, сюда относящіеся, изъ его книги, ставшей большою библіографическою рѣдкостью, перепечатаны нами въ „Изслѣдованіяхъ объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника", на стр. 391—401, а переводъ напечатанъ тамъ же на стр. 35—38.

Въ анонимной венеціанской реляціи о Дубровникѣ 1624 года [2]),

---

[1]) См. наши Изслѣд. объ истор. памятн. Дубровника, стр. 235—236, 365—381.

[2]) Эта «Relazione della Republica di Ragusa l'anno 1624» находится въ числѣ рукописей библіотеки св. Марка въ Венеціи и Парижской Публичной Библіотеки; копія съ послѣдней у г. Кукулевича № DCCCXXVII. Въ началѣ говорится о государственномъ устройствѣ Дубровника (во время автора Consiglio Maggiore состояло изъ 400 человѣкъ, Consiglio Minore изъ 12, а Pregadi изъ 60); потомъ о положеніи и территоріи, а затѣмъ о бытѣ и нравахъ. Приведемъ наиболѣе любопытныя мѣста.

«In Ragusa le *donne non sono molto belle*. Gli *huomini* sono di vita grande et bene proporzionata. La vita loro non è troppo longha, ne troppo breve: pochi sono che arrivino a 80 anni.—La città per la discrettione si ha fatto da 25 milla anime incirca.—Le *donne vestono male*, cioè habiti nelli quali comparono male. Gli *huomini* vestono lungo cioè l'habito di sopra in foggia de manto et solo portano sagli all'usanza d'Italia; vero è che alcuni vecchi portano maniche como alla Veneziana, et tutti i suoi Rettori cosi vestono; molti portano berette tonde alla Veneziana. Per naturale loro instinto sono *odiosi verso i forestieri*. Virtù non vi è molta, pur assai meglio degli altri luoghi della Dalmatia, perche sono alcuni *bene introdotti nelle lettere*, parlando all'usanza antiqua, et molti sono *ottimi musici*. Non di manco a quelli, che sanno qualche cosa, le lettere sono più tosto dannosi che altrimenti, perciò che in questi tali si vede magior *superbia*, che nelli altri. *Usano le donne la lingua dalmatina*, con la quale parlano li altri Dalmatini, ma gli huomini

авторъ которой относится не совсѣмъ дружелюбно къ Дубровчанамъ; въ числѣ многихъ чертъ ихъ быта и нравовъ упоминаются слѣдую-

---

et questa et l'italiana. La *lingua loro antiqua* è smiatta con vocaboli corotti,-perciò che parte usano vocaboli toscani, parte venetiani, parte lombardi et parte pugliesi. Vivono nella legge christiana e l'osservano. Sono Ragusei *superbissimi*, di modo, che non credono, che altro sapere ò nobiltà sia al mondo, che la loro, ne cio si dice de tutti, perchè ne sono d' *humani* et *servili* assai. Ma meritano in vero laude grandissima, che essendo pochi in un sito aspro et stretto sopra modo, si habbiano aperta la via ad ogni commodità con la sola *virtù* et *industria* loro, si può dire al dispetto di natura. Attendono solamente a far danari contadi, sono universalmente *ricchi* et *avari*, come il più di mercanti. *Nelli loro consigli non permetton ad alcuna persona il parlare la lingua greca* (по-славянски). Comprono tutto il vino alla minuta e legni secondo certi ordeni loro. *Gli amici et parenti raro o no mai mangian insieme. Le donne rare volte escono di casa, ma stanno volentieri alla finestra, et le donzelle non si vegono.* Hanno costumi barbari... pretendasi anchora che fussero rei et saria malaugurio per loro. Hanno da 200 anni in qua *li nobili osservono di non tener per moglie alcuna donna del popolo*, et devono far questo per non contaminare la nobiltà col sangue loro.—Se entro la cathena del suo porto trovano naviglio di alcuna sorte, il quale volontariamente spinto dalla fortuna vi si condotto, et subito non da in nota le robbe o vero mercanzia che egli conduca seco gliè la fanno perdere come cosa di contrabando.—*Ingegno non vi è tra loro rilevato* o di qualità, come si vede in Italia. Usano per *il viver* loro quelli della terra formenti, vini, carni, pesci et simil cosa; quelli del territorio, maximamente quelli di terra ferma, la magior parte vivono con meglio et sorgo.—Далѣе авторъ говорятъ, что Дубровчане находились на службѣ въ Албаніи, Босніи и Сербіи и выгодно торговали въ этихъ странахъ. Fameglia segnalata non vi è alcuna, percio che tutti li nobeli sono eguali, nè alcuno demostra haver magioranza sopra l'altro, et se vi è alcuno vogli dimostrarla è odiato.—Fattion tra loro non vi è alcuna.—Pagano *tributo* al Signor Turco, et il Rè di Romania, come Rè di Ongaria, pretende etiam lui haver quella terra tributaria, ma essi lo negano.—L'industia loro è generalmente la *mercanzia*, la quale è il sostegno di quella gente et di quei populi.—Hanno *due precettori*, che leggon humanità, et sono salariati dal publico. *Pochi si dilettano delle lettere, nessuno della militia, pochi della agricultura, pochi delli esercizij nobeli,* come è il cacciare, cavalcare, armegiare et vecilare. *Esercizij mechanici* rispetto alla grandezza et qualità della terra, *sono molti*, anzi bastevoli a una città tre volte tanto, come sono fabri, legniavoli, calzolai et simili. I suoi paesi non producano altro, che *vino*, da che nasce che loro hanno un capitolo nel statuto, che prohibisce, che *non si possono condur vini forestieri* nel territorio, il quale più che d'altra cosa ha bisogno di biave, le quali conducono di Levante, della Puglia et d'Albania.—Fuor della sua città non si trahe altro eccetto che robbe mercantili, che sono portate dalla Turchia, et dentro le sono portate dal Ponente mercanzie per la Turchia.—La città non è molto forte, et specialmente dal canto di terra, et dai monti vicini per non esser ben munita saria battuta... tutto il territorio loro è assai populato... L'animo di quei populi è cattivissimo verso i Nobili per li infiniti oltraggi, che alla giornata loro ricevono, ma perciò non si vede moto

щія: женщины не очень красивы и одѣваются дурно; говорятъ только по далматински (но мужчины также по италіански); рѣдко выходятъ изъ дому, но охотно высматриваютъ въ окна; дѣвушки совсѣмъ не показываются; благородные не женятся на простолюдинкахъ...

Венеціанецъ Лука Линда [1]), описывая довольно подробно Дубровникъ и его жителей, хвалитъ ихъ благочестіе, любезность къ иностранцамъ, откровенность, деликатность въ обращеніи и особенно скромность, преимущественно женщинъ, при чемъ прибавляетъ, что дѣвушки до замужества не показываются въ публичныхъ мѣстахъ и что до вѣнчанія не видятъ ихъ даже собственные ихъ жениxи.

Наконецъ, Аппендини [2]) въ своей характеристикѣ Дубровчанъ говоритъ между прочимъ, что въ Дубровникѣ была жизнь тихая, болѣе семейная, чѣмъ общественная, что дѣвушки съ одинадцатилѣтняго возраста не выходили изъ дому родителей, что отецъ самъ пріискивалъ жениха своей дочери, что только замужнія посѣщали театръ, что публичныхъ баловъ не бывало, а на домашнія вечеринки приглашались только родственники и испытанные друзья, что женщины вообще выходили изъ дому только или въ ближайшую церковь, или

---

alcuno in loro, per cio che obsta la loro viltà, che è grandissima; sono dalli Nobili tenuti in tal sogezzione, che si possono più tosto dire schiavi, che sudditi, et si vedeno tra populari alcuno segnalar, cercano con molti mezi la sua ruina, et questa è la causa, che possedono lo stato quieto.

L'entrate publiche: Datij de vini, ogli, beccarie, pesci et simili cose-ducati 60,000
l'entrata della città secondo le mercanzie 10,000
la Dogana grande rende, oltre le altre gabelle . . 3—4,000

Le spese col tributo—40,000 ducati in circa.

Delli populi si giudica, che siano piu di 5 milla marinari, quali habitano per le marine et isole, et sono da 50 Navi, et molti altri vasceli de minor importanza. Essendo... i tributarii del Signor Turco, ogni anno li mandono due oratori a dargli la mita de tutto, che fanno di modo che il tributo puo ascendere alla somma di ducati 30,000.

Hanno un capitano; costui ha sotto di se tutte le genti, che sono alla guardia della terra, che sono per l'ordinario da 500 fin a mille. Si trovano haver un arsenale, nel quale vi hanno legni di remo quatro over cinque, cioè tre galee et una o due fuste. Armamenti ne hanno abbondantemente. Tengono le munizioni et vettovaglie in diversi luoghi sotto terra, in fossi et in terre et in alcuni monasterii. Le frontiere sono fortificate benissime, et si cosa alcuna manca, si va fortificando alla giornata.

[1]) Le relationi e descrizioni universali e particolari del Mondo e delle Republiche (Venezia 1672) p. 581. Срв. Наслѣдов. объ истор. памятн. и бытоопис. Д-ка. стр. 39.

[2]) Notizie istorico-critiche I, 191—199.

съ визитомъ къ родственникамъ, что дворянки, отличавшіяся одеждою отъ мѣщанокъ, показывались на улицѣ не иначе, какъ въ сопровожденіи служанки, одѣтой въ черное платье...

И такъ, съ XIV вѣка до самаго паденія Дубровницкой общины, мы имѣемъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ противъ г. Качановскаго: изъ нихъ видно, что Дубровчане отличались, подобно всѣмъ Славянамъ вообще и сосѣдямъ своимъ Далматинцамъ въ частности, чистотою семейныхъ нравовъ, и что въ Дубровникѣ никогда не существовала „разнузданность и продажность женщины". „Ночныя скиталицы", которыхъ описываетъ М. Држичъ, были, конечно, „mulieres malae famae et malae conditionis", и быть можетъ, какъ въ Сплѣтѣ „forenses", противъ которыхъ находимъ въ далматинскихъ статутахъ самыя суровыя постановленія.

VI-я глава изслѣдованія г. Качановскаго не имѣетъ почти никакого научнаго значенія. Его разсужденія о языкѣ Глегевича иногда весьма наивны, иногда же основаны на недоразумѣніяхъ: авторъ смѣшиваетъ особенности правописанія съ особенностями языка, приписываетъ дубровницкому говору такія черты, которыя свойственны всему хорватскому нарѣчію, обнаруживаетъ незнакомство съ славянскою діалектологіей, особенно западно-славянскою, не умѣетъ объяснить самыхъ простыхъ грамматическихъ формъ, не знаетъ топографіи Дубровницкой территоріи и сообщаетъ вещи совсѣмъ ненужныя и безполезныя. Въ характеристикѣ правописанія не умѣетъ отличить важнаго отъ неважнаго, общаго отъ частнаго, и по своей невнимательности дѣлаетъ непростительныя ошибки. Разсужденія о стихѣ Глегевича имѣютъ значеніе отрицательное: восьмисложный стихъ его оказывается неправильнымъ, а риѳма неблагозвучною (стр. 189), и иногда ни куда негодною (стр. 193).

Въ послѣдней VII-й главѣ авторъ пытается рѣшить вопросъ: „какъ Глегевичъ пользовался стихомъ италіанскихъ и дубровницкихъ поэтовъ?" Изъ приводимыхъ имъ сопоставленій видно, что Глегевичъ почти совсѣмъ не пользовался „стихомъ и выраженіемъ" своихъ предшественниковъ Италіанцевъ и Дубровчанъ: эти сопоставленія неудачны.

Изъ всего сказаннаго нами выше само собою слѣдуетъ, что мы не можемъ согласиться съ заключеніемъ г. Качановскаго, будто бы Глегевичъ—„писатель, достойный вниманія изслѣдователя драмы въ славянскихъ литературахъ" (стр. 203), и будто бы „драмы Глегевича займутъ важное мѣсто въ ряду драмъ другихъ славян-

скихъ литературъ" (стр. 294). Сопоставленіе дубровницкой драмы съ польскою считаемъ неумѣстнымъ и невѣрнымъ.

Прежде чѣмъ скажемъ послѣднее слово объ изслѣдованіи г. Качановскаго, мы должны еще остановиться на его прибавленіи, заглавіе котораго уже приведено нами. Оно начинается не имѣющимъ никакой связи съ изслѣдованіемъ о Глегевичѣ „Очеркомъ италіанскаго вліянія на Дубровникъ въ XV вѣкѣ". Этотъ „очеркъ", состоящій изъ 5 страницъ, „не привноситъ" (употребляемъ любимое выраженіе г. Качановскаго) рѣшительно ничего новаго въ науку, такъ какъ давнымъ давно извѣстно, что не только въ Дубровникъ, но и во всѣ далматинскія общины, приглашали изъ Италіи учителей, медиковъ, письмоводителей, художниковъ и музыкантовъ какъ въ XV вѣкѣ, такъ и до него, и послѣ него. Въ первыхъ строкахъ этого „очерка" встрѣчаемъ странныя недоразумѣнія и ошибки. Г. Качановскій увѣряетъ, будто бы Ф. де-Диверсисъ свидѣтельствуетъ, что до его прибытія въ Дубровникъ (въ 1434 г.) „тамъ не было ровно никакого школьнаго образованія"; но этого вовсе не говоритъ авторъ „Descriptionis Ragusinae", да и не могъ говорить: по его словамъ, въ Дубровникѣ не было только особаго помѣщенія для публичной школы (nullum locum disciplinae et eruditionis proprium inveni); по его убѣжденію отдали подъ школу домъ, въ которомъ прежде хранилось оружіе (quaedam domus, quondam armorum sedes). Де-Диверсисъ не могъ не знать, что до него были въ Дубровникѣ школы и школьное образованіе. О существованіи школъ въ Дубровникѣ въ первой половинѣ XIV вѣка свидѣтельствуетъ Іоаннъ Равеннскій, самъ бывшій тамъ учителемъ; но, по его словамъ, въ дубровницкихъ школахъ учили только materne legendi metadiscendique (Historia Ragusii, p. 45). Кромѣ Іоанна Равеннскаго, извѣстны имена еще слѣдующихъ Италіанцевъ, бывшихъ учителями въ Дубровникѣ въ XIV вѣкѣ: Nicola de Veteno (1333 г.), Antonio di Fermo (1343 г.), Maestro Andrea (1346 г.) и Maestro Pietro (1349 г.) [1]. Дубровникъ уже въ XIV вѣкѣ такъ славился своими школами, что, по словамъ Червы [2], Степанъ Душанъ отправлялъ туда на воспитаніе „primarios et ad litterarum studia aptiores suae gentis juvenes". По словамъ того же писателя [3]), въ шести бенедиктинскихъ монастыряхъ воспи-

---

[1]) *Appendini*, II, 316, на основаніи Parti del Mag. Cons.

[2]) Metropolis Sacra Ragusina (ркп. францнск. библ. въ Дубровникѣ) p. 609—610.

[3]) Ibid. 1262—1264.

тывались благородныя дѣвицы не только изъ Дубровника, но также изъ Сербіи. Въ XV и XVI вѣкахъ знаменитѣйшіе италіанскіе гуманисты (Дм. Халкондила, Мар. Бечикемо, Дан. Кларіо, Іер. Кальво, Пашимбено ди Пашимбени, Фр. Сердонато, Камилъ Камилли) были учителями въ Дубровникѣ. Только съ 1625 года воспитаніе перешло въ руки туземцевъ [1]). Въ Дубровникѣ была даже своя академія (Concordium Academia, впослѣдствіи degli Oziosi), процвѣтавшая особенно въ XVI вѣкѣ: въ ней въ опредѣленные дни академики читали свои произведенія въ стихахъ и въ прозѣ [2]).

Задолго до г. Качановскаго было извѣстно, что въ Дубровникъ приглашались изъ Италіи письмоводители и медики: такъ въ XV вѣкѣ на первую должность были приглашены Ксенофонтъ Филельфо, Вареоломей Сфондрати и Gianlorenzo Regino. Изъ италіанскихъ медиковъ, бывшихъ въ Дубровникѣ на службѣ въ XV вѣкѣ, особенно прославился Giacomo Godoaldo, medico Ferrarese (1416—1436); одновременно съ ними были медики: Antonio Vittori di Faenza и Francesco Argilaques de Valenti [3]).

„Очеркъ“ г. Качановскаго основанъ на не изданныхъ памятникахъ дубровницкаго архива; но такъ какъ онъ не имѣетъ никакого научнаго значенія, то было совершенно безполезно переписывать и издавать эти памятники: этотъ излишній балластъ занимаетъ около 30 страницъ (53—80). Столь же безполезными считаемъ и остальныя 40 страницъ (13—52) „прибавленія“, занятыя перепечаткою того, что̀ уже давно извѣстно въ печати, за исключеніемъ отрывка изъ безграмотнаго списка „Христіады“ Пальмотича, писаннаго кирилицею фратромъ Радичемъ въ половинѣ XVII вѣка (стр. 25—27): отрывки изъ хорватскаго перевода Евангельскихъ чтеній и Апостольскихъ посланій взяты изъ печатныхъ книгъ XVII и XVIII столѣтій, оды Градича и Ружича (за исключеніемъ посвященій) были изданы нами еще въ 1865 году правописаніемъ подлинника (Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою республикою, стр. 74—113, откуда были перепечатаны новымъ правописаніемъ въ сборникѣ „Dubrovnik“ за 1867 г.), а отрывки изъ Де-Диверсиса напечатаны нами-же въ 1867 г. въ приложеніяхъ къ „Изслѣдова-

[1]) *Appendini*, II. 317—319.

[2]) *Cerva*, Vitae illustrium Ragusin., p. 363. Срв. Изслѣд. объ истор. пам. и бытоп. Дубр., стр. 25, 41—63.

[3]) *Appendini*, II, 319—322.

ніямъ объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника" (стр. 361—363). Странно, что г. Качановскій выдаетъ за не изданное то, что давно издано, и притомъ лучше, чѣмъ имъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что всѣ тексты, напечатанные имъ какъ въ самомъ изслѣдованіи, такъ и въ прибавленіи къ нему, наполнены ошибками, лишающими иногда текстъ всякаго смысла. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, сначала изъ Изслѣдованія, а потомъ изъ Прибавленія.

На стр. 30—31, примѣч. 2, въ отрывкѣ изъ сочиненія Де-Диверсиса „Descriptio Ragusina" мы нашли слѣдующія ошибки: communere вм. communem (2 строка), ex quo вм. et quo (3), tegullis вм. tabullis (7), altis вм. albis (9), tratibus вм. trabibus (10), Raguseuntes вм. Ragusio transeuntes (11), christum вм. sanctum (sepulcrum, 12), vivorum вм. virorum, palnum вм. palmum, circummista вм. circum istam (13), Venetias sui tempore pestis вм. Venetiis in tempore pestis (18), facere вм. tacere (31 стр., 1 строка примѣч.), compositione вм. corruptione, ita вм. ista, augustum вм. angustum (2), послѣ nobilitas пропущено dignitas (3), itiam вм. etiam, allas вм. aleas (6). Въ другомъ отрывкѣ изъ того же сочиненія, напечатанномъ въ „Прибавленіи" на стр. 5—6, примѣч. 2, 3 и 4, отмѣтимъ слѣдующія ошибки: послѣ etiam (прим. 2, стр. 3) пропущено satis, persones вм. pensatores (прим. 3, стр. 2), degentem вм. decentem (4), consillis вм. consiliis (5), provectis вм. provecta, audituris вм. auditoribus, super вм. supra (стр. 6, прим. 4, стр. 3.), eo loci вм. eo loco (4), schamne вм. scamna, caput вм. capax (7), pavimentum вм. pavimentatum (8), suporgaudet вм. supergaudet (9), deffenduntiis вм. deffenduntur (10), при menibus совершенно напрасно поставленъ?

Много ошибокъ въ италіанскихъ и въ хорватскихъ текстахъ. Умалчивая объ италіанскихъ, какъ безполезныхъ, замѣчу, что во всѣхъ хорватскихъ текстахъ повторяются слѣдующія ошибки: s вм. ſ=з, sc. вм. ſc=ж, v вм. u=в. Въ отрывкѣ изъ оды Ружича, напечатанномъ въ Изслѣдованіи на стр. 127, важнѣйшія ошибки слѣдующія: slavnieh вм. slauunjech (строка 7), svijeh вм. suojeh (11), Osmanovichiaa usda вм. Osmanouichiaa s' vſda (18), Isbauglien вм. ishuaglien (19). Въ текстѣ этой оды, напечатанномъ въ прибавленіи, подобныя же ошибки, напримѣръ на стр. 41: gnihovem вм. gnihoviem (8 стихъ) zarra вм. zarraa (26), junasctvu вм. junaſctuu (29), ovega вм. onega (31), ju jedah вм. ju ciudan (35). Считаемъ излишнимъ увеличивать число примѣровъ, полагая, что и приведенныхъ достаточно для того,

чтобы убѣдить каждаго, какъ мало можно полагаться на изданіе г. Качановскаго. Только немногія ошибки можно считать опечатками, масса же указываетъ на его неумѣніе читать старыя рукописи или же невнимательность и небрежность.

Столь же неудовлетворительны переводы г. Качановскаго. Мы уже имѣли случай показать, что онъ не понимаетъ Черву и Де-Диверсиса, писавшихъ по латыни; но онъ плохо понимаетъ также италіанскій языкъ и хорватское нарѣчіе, на которомъ писали дубровницкіе поэты, а въ числѣ ихъ и Глегевичъ. На стр. 143. прим. 2, „Avocati tre del Commune“ онъ переводитъ: три адвоката общаго вм. общины (во всѣхъ далматинскихъ городахъ были общинные адвокаты, Advocatores communis или Advocati Communis: о нихъ говорится во всѣхъ далматинскихъ статутахъ). На стр. 129 выраженіе: „Nu kad bi taku milos stekla ma posgiuda, putane naghioh, kad moia ossobita srechia i velika, o Priseietli i Priusvisceni Gospodaru, u Dubrounik douede te“ г. Качановскій переводитъ: „Но мое желаніе, чтобы она (пѣснь) удостоилась такой милости. Я не былъ въ Дубровникѣ, когда мое особое и великое счастье привело тебя, пресвѣтлый и превысокій государь (то-есть, Савва Владиславичъ) въ этотъ городъ“, при чемъ въ примѣчаніи говоритъ: „Въ подлинникѣ это мѣсто темно изложено; буквальный переводъ его „я не нашелъ пути“. Напротивъ, все это мѣсто ясно, и въ буквальномъ переводѣ значитъ: „Но я не находилъ пути, чтобы мое желаніе удостоилось такой милости (то-есть, чтобы ода Градича была представлена Петру Великому), пока мое особенное и великое счастіе не привело тебя, о пресвѣтлый и превозвышенный господинъ, въ Дубровникъ“. Что поэтъ находился въ Дубровникѣ, когда прибылъ туда Савва Владиславичъ, видно изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ: „I premda prije dooscastia tuoga is Moscue u moie rodno miesto viku neuighieh te“ то-есть: И хотя до прибытія твоего изъ Москвы на мою родину, я никогда тебя не видѣлъ. Изъ этихъ словъ ясно видно, что поэтъ въ первый разъ увидѣлъ Савву Владиславича въ Дубровникѣ. Подобныхъ недоразумѣній у г. Качановскаго не мало: мы считаемъ излишнимъ увеличивать число примѣровъ.

„Сводя“, по примѣру г. Качановскаго, „все сказанное выше „объ его изслѣдованіи“ къ одному знаменателю“, мы не можемъ признать его (то-есть, трудъ г. Качановскаго) „достойнымъ вниманія“ ученыхъ славистовъ. Г. Качановскій достигъ отрицательнаго результата: онъ

насъ убѣдилъ, „что драмы Глегевича занимаютъ“ ничтожное „мѣсто въ ряду драмъ другихъ славянскихъ литературъ“.

В. Макушевъ.

Н. Мансветовъ. Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности. Историко-литургическое изслѣдованіе. Москва. 1882.

Книга г. Мансветова, хотя и появилась въ серединѣ прошлаго года, однако до сихъ поръ, на сколько намъ извѣстно, не вызвала обстоятельной рецензіи и не оцѣнена по достоинству. Это обстоятельство пусть послужитъ до нѣкоторой степени оправданіемъ тому, что мы рѣшаемся ознакомить читателей съ содержаніемъ этого труда и обратить ихъ вниманіе на его важность для знакомства со многими подробностями религіозно—обрядовой жизни нашихъ предковъ. Быть можетъ наша замѣтка побудитъ людей болѣе компетентныхъ, чѣмъ мы, представить обстоятельный разборъ труда г. Мансветова и указать въ подробности на его значеніе въ изученіи литургики, и въ частности, исторіи церковнаго устава, который всегда занималъ весьма видное мѣсто въ общемъ строѣ религіозной жизни Русскаго народа.

Св. митрополитъ Кипріанъ († 16-го сентября 1406 г.) извѣстенъ какъ святитель, обратившій особенное вниманіе на внутреннія дѣла Русской церкви. Естественно, что среди заботъ о ея благоустроеніи, онъ не могъ упустить изъ вида церковный уставъ, который для Русской церкви того времени былъ первостепеннымъ литургическимъ вопросомъ. Дѣло въ томъ, что XIV в. въ литургическомъ отношеніи является эпохою переходною, въ которой мы замѣчаемъ, съ одной стороны, слѣды прежнихъ, болѣе раннихъ традицій, а съ другой—вліяніе новыхъ движеній, проникавшихъ въ Русскую церковь съ Востока. Какъ извѣстно, церковный уставъ принятъ былъ у насъ впервые въ такъ-называемой студійской редакціи и введенъ еще препод. Ѳеодосіемъ, какъ уставъ, господствовавшій въ то время и на Востокѣ. Но тамъ около того же времени, сперва весьма слабо, а затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ распространяться уставъ іерусалимскій, который въ XIV в. окончательно упрочиваетъ свое положеніе на всемъ Востокѣ и въ южныхъ славянскихъ земляхъ. Уставъ этотъ во многихъ, и притомъ существенныхъ пунктахъ, разнится отъ устава студійскаго. При непрерывныхъ сношеніяхъ нашей церкви съ Востокомъ, упрочившійся тамъ уставъ іерусалимскій не могъ не сдѣлаться

извѣстнымъ и въ Россіи: однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его проводниковъ оказываются богослужебныя книги, которыя постоянно приходили къ намъ съ Востока, и будучи составлены уже примѣнительно къ новымъ порядкамъ, не согласовались съ старыми нашими книгами, составленными по началамъ устава студійскаго и съ установившейся по нимъ практикою церковной службы. Это несогласіе поддерживалось и значительнымъ числомъ духовныхъ лицъ различныхъ степеней церковной іерархіи, пріѣзжавшихъ, на болѣе или менѣе продолжительное время, въ Россію съ Востока и изъ земель славянскихъ (припомнимъ, что самъ св. Кипріанъ былъ родомъ Сербъ). Лица эти, привыкшія къ практикѣ іерусалимскаго устава, не могли не примѣнять ея и въ Россіи, чѣмъ возбуждали въ нашихъ ревнителяхъ недоумѣнія, приводившія иногда къ нежелательнымъ результатамъ. За разрѣшеніемъ этихъ недоумѣній наши церковныя власти обращались къ патріархамъ и руководствовались ихъ отвѣтами. Но само собою разумѣется, отвѣты эти съ одной стороны не могли охватить собою всего строя и состава богослужебной практики, а съ другой—дѣлались извѣстными лишь немногимъ, главнымъ образомъ—лицу вопрошавшему; вслѣдствіе того вышеуказанныя недоумѣнія и несогласія продолжались, и болѣе чѣмъ прежде стала ощущаться въ XIV вѣкѣ потребность болѣе коренныхъ преобразованій: оказалось необходимымъ просмотрѣть весь кругъ богослужебныхъ книгъ, составленныхъ по началамъ устава студійскаго, и исправить ихъ согласно началамъ устава іерусалимскаго, оказалась необходимость ввести въ практику этотъ послѣдній. Заслуга митрополита Кипріана состоитъ въ томъ, что онъ ясно созналъ эти двѣ задачи и посвятилъ свои силы на ихъ рѣшеніе. Правда, ему не удалось провести его съ должною послѣдовательностью и всесторонностью, но въ этомъ виноватъ не онъ, такъ какъ подобное проведеніе не было по силамъ одному человѣку; св. Кипріанъ сдѣлалъ что̀ могъ, и сдѣланнаго имъ совершенно достаточно для того, чтобъ упрочить за нимъ славу виднаго дѣятеля на поприщѣ исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ. До сочиненія г. Мансветова объ этой сторонѣ дѣятельности святителя мы имѣли болѣе общія понятія, чѣмъ детальное знакомство; нашъ авторъ первый поставилъ задачей своей монографіи представить „полную, критическую оцѣнку литургической дѣятельности св. Кипріана, указать его отношенія къ тогдашнему обряду на Востокѣ, выяснить какими источниками онъ пользовался при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ тогдашней

церковной практики и что новаго внесено имъ было въ составъ нашихъ богослужебныхъ книгъ". Уже постановка вопроса, сама по себѣ весьма важна и должна быть вмѣнена въ заслугу почтенному автору; но кромѣ этого, и частныя его розысканія имѣютъ большой интересъ и значеніе, уясняя массу отдѣльныхъ подробностей въ составѣ и порядкѣ богослуженія и въ различныхъ сторонахъ религіозной практики. Къ этимъ розысканіямъ г. Мансветовъ приступилъ при полномъ знакомствѣ съ источниками греческими и славянскими, при чемъ большинство послѣднихъ оказывается ненапечатанными и должно было изучаться г. Мансветовымъ въ рукописяхъ: онъ весьма тщательно изслѣдовалъ сокровища Московскихъ, и частію, Петербургской Императорской публичной, библіотекъ и извлекъ изъ нихъ массу цѣннаго матеріала, сгруппированнаго по извѣстнымъ отдѣламъ, къ обозрѣнію которыхъ и переходимъ.

Первый отдѣлъ разбираетъ „служебникъ" митрополита Кипріана. По составу своему служебникъ этотъ является отличнымъ отъ современнаго, такъ какъ вмѣщаетъ въ себѣ нѣкоторыя статьи, помѣщаемыя теперь въ требникѣ, какъ напримѣръ, чинъ обрученія и вѣнчанія, послѣдованіе малаго и большаго освященія воды, послѣдованіе пятидесятницы и т. д. Отличіе это не сдѣлано однако св. Кипріаномъ, но существуетъ и до и послѣ него, вплоть до XVII в., когда впервые образуется современный типъ служебника. Мало того, въ составѣ самаго служебника не было строгой опредѣленности, и почти каждая рукопись евхологія представляетъ свои особенности въ составѣ и расположеніи служебнаго матеріала, показывая, что общій типъ служебника еще далеко не установился. Не установилъ его и митрополитъ Кипріанъ, не доведшій, по наблюденіямъ г. Мансветова, своего труда до конца и потому не оказавшій надлежащаго вліянія на выработку общаго типа евхологія. Тѣмъ не менѣе, въ текстѣ отдѣльныхъ чинопослѣдованій святитель произвелъ перемѣны, и нашъ авторъ съ особенною подробностью останавливается на разсмотрѣніи правленія Кипріаномъ текста литургій и на указаніи того значенія, какое имѣетъ его служебникъ въ исторіи развитія и обработки литургійныхъ обрядовъ. Этому разсмотрѣнію авторъ предпосылаетъ весьма обстоятельный очеркъ того положенія, въ которомъ находилась тогда обработка литургій на Востокѣ. И тамъ, въ XIII и XIV вв., литургійные чины не достигли однообразія и законченности, особенно въ изложеніи порядка и частей литургіи предварительной и заключительной; кромѣ того, особенно слаба была въ этихъ

чинахъ обработка стороны обрядовой, касавшейся пріемовъ служащаго, обстановки его дѣйствій, распредѣленія ихъ между іереемъ и діакономъ и т. д. И отсутствіе точныхъ и общеобязательныхъ указаній на эти и имъ подобныя подробности замѣчается не только въ чинахъ литургійныхъ, но и въ чинопослѣдованіяхъ другихъ церковныхъ службъ, которыя въ различныхъ книгахъ излагались различно. Іерусалимскій уставъ сдѣлалъ значительный шагъ въ этомъ упорядоченіи, давъ многія указанія, но они не были всеобъемлющи и расходились съ другими богослужебными книгами. Окончательная же обработка этого обрядоваго отдѣла устава появляется въ XIII—XIV вв. и извѣстна подъ именемъ διάταξις τῆς ἱεροδιακονίας патріарха Филоѳея, которому она приписывается неосновательно, какъ доказываетъ г. Мансветовъ; она простиралась на всѣ главныя службы устава и имѣла въ виду опредѣлить подробности обряда для службъ суточнаго круга и литургіи. Этотъ ordo литургіи сохранился въ двухъ редакціяхъ—самостоятельной, излагаемой независимо и отдѣльно отъ текста литургій, въ видѣ ихъ дополненія, и редакціи слитной съ послѣдними, въ которой обрядовыя указанія вошли въ составъ литургій. Естественно, что вторая редакція возникла изъ стремленія къ большему удобству при служебной практикѣ, и со временемъ до того взяла верхъ надъ первою, самостоятельною, что вытѣснила ее окончательно. Св. Кипріану принадлежитъ распространеніе въ Россіи обѣихъ редакцій, а слѣдовательно, и заслуга въ постановленіи литургійнаго чина на твердую почву; правда, эта постановка не была окончательною, такъ что и послѣ Кипріана встрѣчаются колебанія въ установкѣ однообразнаго типа литургіи. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что подобныя Кипріановой реформы не дѣлаются сразу, и что иногда бываетъ важно обратить вниманіе на что-нибудь, предоставляя окончательное осуществленіе будущему — важно показать путь, по которому должны будутъ идти слѣдующія поколѣнія. Изъ весьма обстоятельнаго разсмотрѣнія текста Кипріанова служебника г. Мансветовъ приходитъ, въ числѣ другихъ, къ тому выводу, что, при всей зависимости Кипріанова литургійнаго устава отъ греческаго подлинника, зависимости, переходящей нерѣдко въ дословный переводъ (любопытно, что изъ времени Кипріана идетъ извѣстная, остающаяся и въ современныхъ служебникахъ, неправильность конструкціи въ словахъ: Святаго Іоанна пророка и предтечи), „переводчикъ старался примѣнить греческій чинъ къ потребностямъ рус-

ской церкви и въ виду этого требованія вводилъ нѣкоторыя дополненія и давалъ объясненія, имѣвшія для русской практики значеніе".

Второй отдѣлъ труда г. Мансветова посвященъ разбору требника св. Кипріана. Вопросъ объ его дѣятельности по составленію и исправленію этой богослужебной книги значительно усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что съ точностью не возможно опредѣлить, „сохранился ли подобный требникъ или молитвословъ святителя, и есть ли возможность пріурочить его къ какому-либо изъ существующихъ памятниковъ нашей старинной литургической письменности?" Нѣкоторыя рукописи требниковъ упоминаютъ о томъ, что онѣ въ той или въ другой изъ своихъ составныхъ частей писаны съ Кипріанова подлинника; но г. Мансветовъ, на основаніи внимательнаго ихъ изслѣдованія, пришелъ къ тому, вполнѣ убѣдительному выводу, что не возможно опредѣлить, какой изъ называемыхъ именемъ Кипріана требниковъ стоитъ ближе къ его автографу; мало того, „весь вопросъ о степени участія Кипріана въ обработкѣ и исправленіи тогдашняго требника не поддается фактическому рѣшенію и можетъ быть сведенъ къ болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніямъ". Главною причиною сему служитъ скудость матеріала, такъ какъ число дошедшихъ до насъ изъ эпохи, предшествующей Кипріану, евхологіевъ весьма ограничено и не дозволяетъ опредѣлить, что̀ было внесено святителемъ новаго въ требники и въ чемъ измѣнено старое. На основаніи наблюденій надъ сохранившимся г. Мансветовъ думаетъ, что древніе русскіе евхологіи XII—XIV вѣковъ были по составу своему разнообразны и по объему значительны, заключая въ себѣ множество молитвъ и службъ на разные случаи житейской и церковной практики. Съ XIV в. этотъ объемъ евхологіевъ дѣлается еще болѣе значительнымъ, и въ требникъ вводятся чины и молитвы, дотолѣ въ немъ не находившіеся и заимствованные съ Востока, гдѣ въ то время происходила усиленная литургическая дѣятельность. Съ одной стороны, масса и разнообразіе матеріала, вошедшаго въ составъ тогдашнихъ требниковъ, а съ другой—несоотвѣтствіе многихъ чиновъ уставнымъ порядкамъ, начинавшимъ, какъ было замѣчено выше, проникать въ то время въ русскую церковь изъ Греціи, должны были естественно привести такихъ ревнителей церковности, какъ св. Кипріанъ, къ мысли о неотложной необходимости привести весь этотъ разнообразный матеріалъ евхологія къ должному единству, „подвести ему итогъ, ввести въ кругъ служебныхъ книгъ и согласить съ прежними обрядами". И мы имѣемъ данныя, свидѣтельствующія о томъ, что св. Кипріанъ редак-

тировалъ отдѣльныя чинопослѣдованія, обращалъ вниманіе на отдѣльныя части евхологія, но чтобы онъ сдѣлалъ полную и послѣдовательную его редакцію, чтобы при этомъ коснулся какъ содержанія и состава, такъ и текста требническихъ службъ,—сказать не можемъ, и данныя послѣдующаго времени указываютъ скорѣе не то, что подобной послѣдовательной и всесторонней редакціи требника св. Кипріаномъ сдѣлано не было. Такимъ и по отношенію къ требнику дѣятельность святителя—на сколько можно судить по скуднымъ даннымъ—была направляема болѣе на общую постановку задачи, нежели на ея осуществленіе въ подробностяхъ.

Третій отдѣлъ труда г. Мансветова посвященъ разбору Псалтири митрополита Кипріана. До насъ дошла подлинная рукопись этой Псалтири, писанная святителемъ собственноручно. Рукопись эта имѣетъ весьма важное значеніе и можетъ служить образцомъ полной слѣдованной псалтири. Отличается она отъ другихъ однородныхъ рукописей „широкою постановкою синаксаря и тріодной части: здѣсь не только записаны тропари съ кондаками, но введены цѣлыя статьи изъ устава и много правилъ о постѣ и особенности службы по тріоди". Важны эти дополненія прежде всего тѣмъ, что указываютъ на господство у насъ въ то время іерусалимскаго устава и на его широкое примѣненіе къ тогдашней литургичной практикѣ: въ Кипріановой Псалтири мы видимъ не только слѣды пользованія этимъ уставомъ, но нерѣдко и буквальныя изъ него выписки. Но не однимъ этимъ уставомъ руководился Кипріанъ въ Псалтири; онъ бралъ кое-что изъ богослужебной практики Аѳона, и изъ правилъ Николая Черноризца; въ синаксарѣ интересно присутствіе значительнаго числа памятей святыхъ болгарскихъ и сербскихъ, указывающихъ на то, что митрополитъ Кипріанъ пользовался при его составленіи сербскимъ изводомъ. Не менѣе состава Псалтири св. Кипріана интересны включенныя въ нее обрядовыя подробности и ея языкъ. Г. Мансветовъ съ большою обстоятельностью разбираетъ тѣ и другой и сопоставляетъ особенности Кипріановой Псалтири съ ближайшими ко времени святителя однородными памятниками. Наблюденія и выводы г. Мансветова сдѣланы съ замѣчательнымъ вниманіемъ и осмотрительностью и весьма важны для всякаго, занимающагося спеціально литургическими вопросами. Къ сожалѣнію, опасаясь черезъ мѣру увеличить объемъ нашей замѣтки, мы находимъ себя вынужденными опустить передачу этихъ выводовъ.

Св. Кипріану приписываются и нѣкоторыя мелкія статьи литурги-

ческаго содержанія. Прежде всего, подъ его именемъ извѣстна разрѣшительная молитва, составленная имъ для прочтенія надъ гробомъ при погребеніи Луцкаго князя Димитрія; молитва эта, безъ сомнѣнія, принадлежитъ св. Кипріану и не представляетъ явленія необычнаго въ епископской практикѣ того времени. По поводу ея г. Мансветовъ дѣлаетъ весьма любопытный экскурсъ о значеніи и употребленіи подобныхъ разрѣшительныхъ грамотъ, восходящихъ еще ко времени Григорія Великаго. Попадаясь въ значительномъ количествѣ въ рукописяхъ греческихъ, эти грамоты переходятъ и къ намъ, и всякому извѣстенъ текстъ одной изъ такихъ молитвъ, составленной преп. Ѳеодосіемъ Печерскимъ по просьбѣ Симона Варяга. Первоначально эти грамоты выдавались исключительно епископами лицамъ, умершимъ подъ епитиміей и имѣли значеніе освобожденія этихъ лицъ отъ нея. Посему, первоначально эти грамоты, если не составлялись, то писались всякій разъ ad hoc. Съ теченіемъ времени, право выдавать эти грамоты перешло и къ іереямъ, духовнымъ и лицамъ, извѣстнымъ своею жизнью, и онѣ служили какъ бы доказательствомъ тому, что извѣстное лицо не состоитъ подъ епитиміей и получило разрѣшеніе. Выдаваясь сперва только ad hoc, потомъ эти грамоты, получивъ видъ молитвы, стали прочитываться надъ каждымъ умершимъ безъ различія, и особыя грамоты стали выдаваться только по особой просьбѣ, мѣстнымъ архіереемъ или митрополитомъ (примѣръ сему, кромѣ Кипріана, имѣемъ въ житіи блаж. Евѳимія Новгородскаго). Иногда и эти грамоты получали болѣе широкое распространеніе.

Кромѣ вышеуказанной молитвы, св. Кипріану приписываются въ рукописяхъ еще нѣсколько богослужебныхъ, частію переводныхъ, частію самостоятельныхъ статей. Относительно нѣкоторыхъ можно безошибочно заявить, что онѣ не принадлежатъ святителю и приписаны ему лишь впослѣдствіи, когда его имя, какъ виднаго литургическаго дѣятеля, получило широкую извѣстность. Относительно другихъ, хотя и невозможно доказать ихъ неподлинность, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобъ онѣ были безспорно подлинными, и только лишь немногія могутъ быть съ бо́льшимъ или меньшимъ основаніемъ приняты, какъ труды Кипріана: такова, напримѣръ, служба или канонъ св. Петру митрополиту; таковы нѣкоторые переводы съ греческихъ молитвословій, составленныхъ знаменитымъ патріархомъ Филоѳеемъ и нѣк. др.

Заключительный отдѣлъ труда г. Мансветова посвященъ разбору тѣхъ посланій и поученій св. Кипріана, которыя онъ писалъ на

предлагавшіеся ему вопросы, или по собственному почину для устраненія возникавшихъ въ то время богослужебныхъ недоумѣній и безпорядковъ. Прототипомъ такихъ посланій въ нашей литературѣ являются въ XI в. отвѣты митрополита Іоанна Іакову Черноризцу.

Къ этому отдѣлу трудовъ св. Кипріана относятся: его посланіе къ игумену Аѳанасію, поученіе къ новгородскому духовенству о церковныхъ службахъ и посланіе къ псковскому духовенству съ наставленіемъ относительно разныхъ предметовъ служебной практики. Эти труды святителя, къ которымъ г. Мансветовъ присоединяетъ, въ качествѣ объяснительнаго матеріала, и посланіе митрополита Фотія, весьма интересны въ томъ отношеніи, „что знакомятъ насъ съ казуистическою стороною тогдашняго обряда и даютъ понятіе о степени его разработки и усвоенія".

Посланіе къ Аѳанасію вызвано вопросами, которые предлагалъ послѣдній св. Кипріану, и касается только части этихъ вопросовъ, отвѣчая лишь на тѣ недоумѣнія, которыя встрѣчались въ тогдашней служебной практикѣ и частію вызывались несогласіемъ требованій іерусалимскаго устава съ установившеюся издревле церковной практикой, частію возбуждались пробѣлами въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ, сравнительно съ практикою греческою. Г. Мансветовъ выбираетъ изъ этихъ вопросовъ болѣе важные въ литургическомъ отношеніи и ставитъ задачею „объяснить, чѣмъ вызывались подобные вопросы, и каково было ихъ отношеніе къ тогдашнему церковному уставу, какими источниками пользовался Кипріанъ при ихъ рѣшеніи, и наконецъ, какое вліяніе имѣли его рѣшенія на дальнѣйшую судьбу соотвѣтствующихъ статей устава". Первый вопросъ Аѳанасія касается того, какъ погребать священника-мірянина? другими словами: чѣмъ отличается приготовленіе къ погребенію священника-бѣльца отъ священника-монаха? Вызванъ былъ этотъ вопросъ, очевидно, отсутствіемъ въ то время особыхъ указаній, и рѣшается св. Кипріаномъ тѣмъ, что онъ дастъ таковыя, перенося ихъ изъ обряда надъ священниками-монахами на обрядъ надъ священникомъ-мірянипомъ, исключая изъ перваго обряда лишь то, что относилось спеціально къ иночеству. Затѣмъ на вопросъ Аѳанасія о томъ, какъ приготовлять къ погребенію черица-попа, митрополитъ, по объясненію г. Мансветова, даетъ отвѣтъ неточный (якоже и всякаго чернца), объясняемый изъ неудачной цитаціи Кипріаномъ того мѣста въ требникѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ предметѣ. Изъ другихъ указаній святителя относительно обряда погребенія отмѣтимъ, какъ особенно любопытныя,

указанія на то, какъ справлять поминовеніе, если кто умеръ въ великій постъ среди недѣли, и на то, слѣдуетъ ли отпѣвать младенцевъ? Затѣмъ св. Кипріанъ переходитъ къ рѣшенію другихъ вопросовъ, и, прежде всего, къ разъясненію нѣкоторыхъ недоумѣній, возбуждавшихся относительно таинства покаянія: такъ, недоумѣвали относительно того, какъ слѣдуетъ исповѣдывать монаха? Святитель рѣшаетъ сомнѣніе, говоря, что „обрядъ исповѣди для монаха и мірянина одинъ и тотъ же, но грѣхи послѣдняго испытываются строже и требуется со стороны духовника особенно внимательное ихъ разсужденіе". Чинъ исповѣданія, указываемый митрополитомъ, стоитъ въ близкой зависимости отъ правилъ Іоанна Постника. Подобенъ предыдущему вопросъ о томъ, одно ли и то же правило ко св. причащенію должны справлять монахи и міряне,—и рѣшается также въ утвердительномъ смыслѣ. Опредѣленный порядокъ этого послѣдованія уже окончательно сложился въ то время и внесенъ въ псалтирь митрополита Кипріана.

Вопросъ о томъ, подобаетъ ли игумену или священнику-монаху совершать таинство вѣнчанія, возбуждалъ неоднократныя недоумѣнія, и рѣшался на практикѣ различно. Хотя св. Кипріанъ и рѣшаетъ его отрицательно, говоря, что не „достоитъ" монаху „вѣнчевати", такъ какъ это есть дѣло „мірскихъ поповъ, а не черпеческое", тѣмъ не менѣе противоположный обычай и послѣ этого рѣшенія держался въ силѣ, нерѣдко будучи оправдываемъ нуждою житейской практики. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли монахамъ давать молитвы въ пасху, на рождество Христово и въ Петровъ день,—рѣшается святителемъ отрицательно. Молитвы эти имѣли значеніе приготовленія къ причащенію, и испрашивали прощеніе грѣховъ и достойное пріобщеніе св. таинъ. Вопросъ этотъ указываетъ, между прочимъ, на то, что міряне говѣли и причащались нѣсколько разъ въ годъ — нѣкоторые даже во всѣ великіе праздники.

Далѣе, предлагается вопросъ о томъ, можетъ ли несхимникъ постригать въ схиму, а священникъ-бѣлецъ въ монашество? Вопросъ этотъ, подобно вопросу о вѣнчаніи, рѣшался разнообразно, и св. Кипріанъ отвѣтъ на него даетъ отрицательный, мотивируя его тѣмъ же, чѣмъ мотивируется онъ у Николая Грамматика.

Послѣ этихъ частныхъ недоумѣній, рѣшенныхъ митр. Кипріаномъ, г. Мансветовъ переходитъ къ вопросамъ, имѣющимъ общелитургическое значеніе, разсматривая сначала тѣ, которые касаются

литургіи и таинствъ, а затѣмъ и другихъ предметовъ служебной практики.

Новгородское духовенство обратилось къ митрополиту съ вопросомъ о томъ, когда слѣдуетъ служить литургію Василія Великаго? Онъ былъ вызванъ тѣми измѣненіями во времени ея совершенія, которыя были на Востокѣ и тамъ даже составляли предметъ особыхъ разсужденій. Особенно разница касалась недѣль сыропустной и православія и вербнаго воскресенія. Въ отвѣтѣ своемъ св. Кипріанъ устанавляетъ порядокъ дней для служенія вышеназванной литургіи, въ общемъ согласный съ практикой восточной и, въ частности, великой церкви, и затѣмъ прибавляетъ, что въ среду и пятокъ масляной недѣли нѣтъ литургіи, но только часы съ вечернею; также и въ великій пятокъ. Прибавленіе это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что по уставу студійскому въ эти дни полагалась литургія преждеосвященныхъ, и слѣдовательно, совершалась въ оные и у насъ, на Руси; между тѣмъ уставъ іерусалимскій запрещалъ это служеніе изъ побужденій дисциплинарныхъ, чтобы не нарушить строгаго поста, который долженъ продолжаться цѣлый день.

Важенъ въ исторіи богослужебной практики вопросъ о томъ, кому принадлежитъ право совершать проскомидію? На это митрополитъ отвѣчаетъ, что діакону нельзя „проскумисати", такъ какъ онъ есть слуга, „попу не равенъ". Этимъ отвѣтомъ указывается на существованіе у насъ обычая діаконамъ совершать извѣстныя дѣйствія (даже, напримѣръ, приготовленіе агнца) при проскомидіи, обычая, имѣвшаго мѣсто и въ Греціи, даже въ XIV в. Запрещеніе св. Кипріана, какъ имѣвшее частный характеръ, не имѣло канонической силы и не могло сразу уничтожить давняго обычая, который держался долгое время и послѣ. Не лишены интереса и тѣ замѣчанія, которыя дѣлаетъ св. Кипріанъ относительно порядка причащенія мірянъ: изъ этихъ замѣчаній мы, между прочимъ, видимъ, что женщинамъ причастіе давали не противъ царскихъ вратъ, но „у другихъ дверей, что противъ жертвенника". Затѣмъ запрещается мужчинамъ приступать къ причастію „въ вотолахъ"—верхнихъ одеждахъ грубаго приготовленія.

Св. Кипріанъ запрещаетъ обливательное крещеніе, называя его латинскимъ. По поводу этого, г. Мансветовъ дѣлаетъ любопытное замѣчаніе о томъ, что и помимо вліянія западнаго, обливательное крещеніе входило въ нашу практику, какъ способъ болѣе легкій и удобный, прилагаясь, напримѣръ, къ крещенію слабыхъ дѣтей.

Далѣе, разсматриваются указанія митрополита Кипріана относительно освященія церквей. Прежде всего указаніе на то, какъ совершать закладку церкви и съ какимъ различіемъ въ облаченіи мірскаго священника и монаха? При этомъ митрополитъ разъясняетъ, что чернецъ-священникъ надѣваетъ при закладкѣ (чинъ ставропигія былъ извѣстенъ уже гораздо раньше и не о немъ идетъ рѣчь) одну епитрахиль, а священникъ мірской—всю священническую одежду—то-есть, фелонь, по объясненію г. Мансветова. Вопросъ о томъ, нужно ли освящать часовни,—рѣшается св. Кипріаномъ отрицательно, въ томъ смыслѣ, что особаго чина освященія часовень не существовало, и что неправильно примѣнены къ нему нѣкоторые обряды полнаго освященія церквей. Наконецъ, въ отвѣтѣ на вопросъ: какъ употреблять антиминсы,—заключается любопытное указаніе на существовавшій обычай разрѣзать антиминсы на части и разсылать ихъ по церквамъ. Святитель не одобряетъ этого обычая.

Недоумѣніе относительно того, гдѣ и какъ должны читаться евангелія на утрени великаго пятка, разрѣшается указаніемъ священнику читать ихъ на престолѣ (то-есть въ алтарѣ) и въ полномъ облаченіи. Г. Мансветовъ отмѣчаетъ въ вопросѣ черту, указывающую на то, что св. Кипріанъ излагалъ свое указаніе подъ вліяніемъ іерусалимскаго устава, такъ какъ названныя евангелія зоветъ „страстными великаго четверга", ибо подъ вліяніемъ іерусалимскаго устава утреннюю службу великаго пятка стали называть „бдѣніемъ", начиная его великимъ четвергомъ, во второй часъ ночи. Относительно службы великой субботы св. Кипріанъ замѣчаетъ, что въ великую субботу вечеромъ нѣтъ меѳимона. По предположенію г. Мансветова, вопросъ былъ вызванъ прибавленіемъ канона погребенію Христову, который, по уставу іерусалимскому, положено читать вечеромъ въ великую субботу.

Обрядъ воздвиганія креста въ праздникъ воздвиженія можетъ быть, по указанію святителя, совершаемъ всюду, во всѣхъ церквахъ, хотя бы служилъ одинъ священникъ. Г. Мансветовъ сообщаетъ, что сила замѣчанія лежитъ въ томъ, что обрядъ этотъ первоначально справлялся въ соборныхъ церквахъ епископомъ, а по большимъ монастырямъ настоятелями, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, при участіи нѣсколькихъ священниковъ; въ обыкновенныхъ же церквахъ его не справляли и дѣло ограничивалось выносомъ креста и поклоненіемъ ему. Съ особенною обстоятельностью разбираетъ г. Мансветовъ отвѣты св. Кипріана относительно нѣкоторыхъ подробностей устава о

постѣ. Хотя отвѣты эти и затрогиваютъ лишь двѣ частности этого устава, однако не могутъ быть надлежащимъ образомъ разъяснены безъ знакомства съ общимъ ходомъ его развитія на востокѣ и у насъ, вслѣдствіе чего г. Мансветовъ считаетъ необходимымъ сдѣлать „общій обзоръ тѣхъ данныхъ, которыя послужили основаніемъ рѣшеній устава по вопросу о постѣ и объ условіяхъ его разрѣшаемости". Мы не имѣемъ возможности передать читателямъ хотя бы краткое résumé этого обзора—до того онъ содержателенъ и изложенъ кратко и точно; скажемъ только, что въ немъ читатель найдетъ много драгоцѣнныхъ указаній относительно общаго направленія устава іерусалимскаго и его отношенія къ уставу студійскому, направленія болѣе суроваго, аскетическаго; рядомъ съ этимъ обзоръ содержитъ не мало любопытныхъ указаній и на разработку устава о постахъ у Славянъ и въ Россіи, разработку, которая хотя и представляетъ въ общемъ подражаніе Грекамъ, однако мѣстами принимаетъ во вниманіе и обычаи мѣстные славянскіе. Что касается, въ частности, отвѣтовъ митрополита Кипріана, то они касаются установленія поста въ праздники усѣкновенія главы Предтечи и воздвиженія креста и объясняются тѣмъ, что вопросъ о постѣ въ эти дни не былъ тогда окончательно установленъ.

Къ книгѣ г. Мансветова приложено нѣсколько выписокъ изъ наиболѣе любопытныхъ въ литургическомъ отношеніи памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ разсмотрѣннымъ въ монографіи вопросамъ: таковы, напримѣръ, уставъ литургіи изъ греческаго рукописнаго типика XIII—XIV в. синодальной библіотеки, уставъ о поклонахъ изъ псалтири митрополита Кипріана, уставъ о цѣлованіи изъ рукописи синодальнаго устава, разрѣшительная грамота митрополита Іоны, чинъ погребенія по синодальному уставу и др.

Изъ вышеприведеннаго бѣглаго очерка труда г. Мансветова можно видѣть, до какой степени богата содержаніемъ его книга. Литургистъ, историкъ церкви, филологъ найдутъ въ ней много указаній по своимъ спеціальностямъ; съ пользою прочтетъ ее и всякій образованный человѣкъ, интересующійся движеніемъ нашей духовной жизни въ далекомъ прошломъ.

Н. Помяловскій.

Heinrich Marczali. Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpaden. Berlin. 1882.

Книга г. Марцали объ угорскихъ историческихъ источникахъ (заключающая въ себѣ въ нѣмецкомъ переводѣ до 11 печатныхъ листовъ) представляетъ для угорской исторіи то же, что сочиненія Ваттенбаха и Лоренца для средневѣковой нѣмецкой, Цейссберга для польской: это есть критическое обозрѣніе какъ туземныхъ, такъ и иностранныхъ источниковъ угорской исторіи до XIV в.

Сочиненіе Марцали распадается на двѣ части: въ первой, главнѣйшей, разбираетъ онъ туземные источники, распредѣливъ ихъ по группамъ: житія, хроники, лѣтописи и монографіи, во второй — источники иностранные. Разборъ туземнаго памятника онъ начинаетъ съ перечисленія рукописей и печатныхъ изданій, но къ сожалѣнію, не указываетъ литературы памятника систематически, а приводитъ ее лишь въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ при случаѣ. Знакомство съ рукописнымъ матеріаломъ и самостоятельное изученіе даютъ особенную цѣну этой книгѣ, тѣмъ болѣе, что Марцали имѣлъ весьма мало подготовительныхъ работъ, трудовъ другихъ ученыхъ, а вопросы, разбираемые имъ, весьма запутаны, благодаря тому, что памятники сохранились большей частью лишь въ поздней переработкѣ (конца XIII и XIV вѣк.).

Авторъ, характеризуя памятникъ, указываетъ на его источники, на автора, если его можно опредѣлить, на время составленія, на отношеніе памятника къ другимъ, дошедшимъ до насъ, опредѣляетъ цѣну его извѣстій. При этомъ онъ старается по возможности спасти болѣе извѣстій туземныхъ источниковъ, доказать ихъ достовѣрность и вслѣдствіе этого вездѣ склоненъ признавать болѣе полный памятникъ болѣе древнимъ. Въ послѣднемъ однако отношеніи, кажется, и нельзя съ нимъ соглашаться. Мы позволимъ себѣ разобрать нѣкоторые изъ его новыхъ выводовъ, показавшіеся намъ сомнительными.

Какъ извѣстно, до насъ дошли три житія св. короля Стефана: такъ-называемая легенда большая (L. Mj), легенда меньшая (L. Mn) и житіе, составленное Гартвигомъ (Vita H). Ваттенбахъ, разбирая ихъ взаимную связь, высказалъ предположеніе, что L. Mn—самая древняя, а Vita-H — компиляція двухъ легендъ (введеніе у Pertz, M. G. SS XI и Geschichtsquellen). Марцали старается опровергнуть это мнѣніе, понижающее цѣну самаго большаго житія, и доказываетъ, что обѣ легенды суть извлеченія изъ житія. Онъ обращаетъ вниманіе на слова вве-

денія L. Mn: licet autenticas librorum scripturas revolvatis, tamen hacc breviora legite, изъ которыхъ слѣдуетъ, что эта легенда есть сокращеніе какой-то большой; затѣмъ отыскиваетъ и находитъ эти scripta autentica въ Vita H, такъ какъ тутъ встрѣчаемъ мы все то, что есть въ L. Mn. Свое заключеніе онъ подтверждаетъ разборомъ самостоятельныхъ извѣстій Vita H, предполагая, что если эти извѣстія не носятъ на себѣ явно позднѣйшаго отпечатка, то нѣтъ нужды считать Vita H позднѣйшимъ памятникомъ. Эти прибавки, по его мнѣнію, суть или шаблонныя чудеса, или фразеологическія расширенія, и болѣе важны лишь извѣстіе о посольствѣ Мешка (Болеслава) Польскаго за короной, само по себѣ весьма вѣроятное, и извѣстіе о Колочскомъ архіепископствѣ, хотя тоже вѣроятное, являющееся однако позднѣйшею интерполяціей. Затѣмъ онъ указываетъ на мѣсто (с 12) Vita о правахъ Стольнобѣлградской церкви, встрѣчающееся и въ легендахъ, изъ котораго, по его мнѣнію, между прочимъ ясно видно, что Гартвигъ говоритъ какъ очевидецъ (V. H. quam qui vidit (basilicam) testimonium veritatis perhibet verborum nostrorum; L. Mj quamque videntibus testimonium veritatis verborum nostrorum perhibent... varia genera...). Замѣтимъ о послѣднемъ мѣстѣ, что изъ него, кажется, не необходимъ выводъ Марцали: болѣе точное опредѣленіе правъ церкви Гартвигъ могъ почерпнуть и изъ грамоты. Наконецъ, обѣ легенды стоятъ въ одной рукописи, a Lg Mj не доведена до смерти Стефана. Это обстоятельство также говоритъ, по мнѣнію Марцали, въ пользу того, что легенды суть извлеченія.

Посмотримъ теперь, можно ли согласиться съ этими выводами. Правда, обѣ легенды писаны по смерти Ладислава (L. Mn c. 7), значитъ, при томъ же Коломанѣ, что и Vita, если не позже. Меньшая указываетъ на болѣе полный трудъ; но если сравнить текстъ всѣхъ житій, то намъ кажется, трудно согласиться съ мнѣніемъ Марцали. L Mn и L Mj сообщаютъ отчасти одно и то же: 1) вступленіе и правленіе Гейзы; 2) возмущеніе противъ св. Стефана; 3) постройка церквей въ Стольномъ Бѣлградѣ, въ Римѣ и Іерусалимѣ, 4) предсказаніе нападенія Биссеновъ,—и между тѣмъ будучи постоянно „дословно" сходны съ Vita H, нигдѣ „дословно не сходны" одна съ другой (исключая совпаденія L Mj c. 11 L. Mn. c. 6 словъ „sub titulo" и „gloria" съ „gloriose", не могущихъ, конечно, служить доказательствомъ дословнаго сходства). Разбирая же взаимное отношеніе ихъ къ Vita H, мы замѣчаемъ, кромѣ того, слѣдующее:

Vita H c. 5 среди разказа L. Mj стоитъ одна фраза L Mn c 3;

Vita H c. 6 Post obitum vero patris Stephani—cultui manciparet=L Mn c. 4;
Sed quia perpendebat quod absque vicinarum gentium confederatione fieri minime posse—вставочная переходная фраза
Regnaque Pannonica—se sutrahere molebant=L. Mj c 6;
Ceperunt enim urbes—c multitudine exercitus sui
(вставка изъ L. Mj. sub vexillo Dei delecti pontificis Martini sanctique martiris Georgii) processit... L Mn c. 5.

Такое осторожное выбираніе фразъ двумя авторами, такое боязливое стараніе не повторяться въ словахъ, разказывая одни и тѣ же событія (ср. выше) у двухъ авторовъ, сокращающихъ одно житіе, довольно не вѣроятно. Затѣмъ L Mn имѣетъ нѣкоторыя отступленія и прибавки къ Vita H (особая редакція разказа о нападеніи Биссеновъ; затѣмъ L Mn c. 1 бракъ Стефана до смерти отца; c. 3 Гейза называется rex (qui licet paganus tamen rex fuit, указывающее на незнакомство съ извѣстіемъ о коронаціи Стефана); c. 5 возставшіе сначала объявлены рабами церкви, и затѣмъ лишь обязываются къ платѣ десятины; c. 6 десять деревень строятъ церковь и т. д.) Марцали, чтобы быть послѣдовательнымъ, долженъ былъ бы доказать позднѣйшее происхожденіе этихъ отступленій, если утверждалъ, что прибавки Vita H не носятъ на себѣ отпечатка позднѣйшаго времени. Извѣстія эти нисколько не хуже извѣстія о посольствѣ Мешка, особенно, въ той формѣ въ какой оно является въ житіи.

Поэтому мнѣніе Ваттенбаха о житіяхъ св. Стефана кажется намъ болѣе вѣроятнымъ. Обѣ легенды произошли самостоятельно. Гартвигъ пополнилъ бо́льшую изъ меньшей и могъ имѣть еще и другіе источники: граматы, житіе Эмериха. Меньшая легенда представляетъ извлеченіе изъ не дошедшаго житія. Что должны были существовать и другія житія св. Стефана, кромѣ дошедшихъ до насъ, можно заключить изъ слѣдующей ссылки хроникъ: Geycha vero divino premonitus oraculo a. D. I. 969 quemadmodum in Legenda S. Stephani regis scriptum est, genuit S-m Stephanum Regem ex Sarolth filia Gyule; указанія на годъ рожденія и мать Стефана не находятся въ нашихъ легендахъ.

Разсмотрѣвъ житія св. Стефана, Марцали разсматриваетъ житія Эмериха, Ладислава, Зоерарда и Бенедикта, Маргариты и Герарда. Изъ всѣхъ ихъ послѣднее имѣетъ болѣе значенія. Житіе это весьма любопытно, оно очень живо, подробно и наглядно описываетъ обращеніе южной Угріи въ христіанство. Бюдингеръ (Oestr. Gesch. I, 424) указалъ на нѣкоторыя мѣста, заставляющія отнести составленіе житія

къ позднѣйшему времени (XIV в.), и на анахронизмы въ самыхъ живыхъ мѣстахъ разказа. Доводовъ его Марцали не можетъ разбить, но мѣста, указывающія на XIV в., онъ считаетъ интерполяціей. Самую же древность житія онъ защищаетъ двумя новыми доводами: 1) оно служило источникомъ для первоначальнаго свода, легшаго въ основу всѣхъ хроникъ и появившагося въ 1150—1160 г.; 2) оно служило источникомъ для краткихъ чтеній (Lectiones) о св. Герардѣ, сохранившихся въ рукописи XIII в. Но первое доказательство опирается на сомнительномъ пока выводѣ Марцали, относительно втораго же Ваттенбахъ утверждалъ съ такимъ же вѣроятіемъ обратное, то-есть, что чтенія были источникомъ житія.

Самая важная часть сочиненія Марцали есть разборъ угорскихъ хроникъ. Какъ извѣстно, до насъ дошло нѣсколько хроникъ весьма близкихъ одна къ другой: самая ранняя Симона Кезы составлена въ концѣ XIII в., остальныя (Chronicon Budense, Picturatum(=Thurocz), Генриха Мюгельнскаго (нѣмецкая); риемованная, Дубницкая и 2—3 другія) въ XIV. Марцали отрицаетъ оригинальность самой ранней изъ нихъ—Кезы и считаетъ ее извлеченіемъ изъ древнѣйшаго свода, сохранившагося въ болѣе первоначальномъ видѣ въ позднѣйшихъ по времени chron. Bud. и Pict. Нѣкоторые ученые считали Кезу самымъ раннимъ сводомъ, вошедшимъ въ позднѣйшія компиляціи, но уже Цейссбергъ указалъ, что извѣстія Алтаихской лѣтописи лучше и полнѣе переданы въ позднѣйшихъ хроникахъ, чѣмъ у Кезы, и что кромѣ того нельзя, благодаря близости текста, предположить самостоятельное, независимое пользованіе ими Кезы и другихъ хроникъ. Марцали напираетъ на это и затѣмъ указываетъ (стр. 46) на одно мѣсто Кезы, именно на разказъ о пораженіи Мадьяръ на Лехѣ въ 955 г., гдѣ Кеза, полемизуя, отрицаетъ правдоподобіе разказа, сохранившагося въ болѣе полномъ видѣ въ остальныхъ хроникахъ, и приводитъ еще другой разказъ. Это послѣднее обстоятельство Марцали считаетъ прямымъ доказательствомъ того, что Кеза уже пользовался оригиналомъ именно дошедшихъ до насъ отъ позднѣйшаго времени хроникъ (Die Wichtigkeit der Stelle besteht darin, dass wir aus ihr ersehen, dass wir die von Kezai benützte Quelle in der Ofner Chronik und den ihr nahe stehenden Redactionen noch besitzen). Спутанная хронологія Кезы и болѣе правильная и точная въ хроникахъ также доказываетъ, по его мнѣнію, что Кеза лишь извлекалъ изъ болѣе полной. Эта первоначальная хроника дошла до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ, изъ коихъ одна сохранилась у Кезы, а другая — въ остальныхъ хро-

никахъ. Эта вторая составлена въ Будѣ, въ миноритскомъ монастырѣ до 1330 года, ибо 1) съ 1330 всѣ хроники имѣютъ самостоятельныя извѣстія, 2) въ хроникѣ замѣтно пристрастіе къ Белѣ IV и его роду, покровителямъ монастыря, и 3) съ 1301 г. по 1308 много извѣстій о Пештѣ.

Затѣмъ Марцали старается опредѣлить время составленія самой первоначальной хроники. Болѣе подробныя извѣстія въ хроникахъ имѣются до смерти Гейзы II, затѣмъ до Андрея II идетъ перечисленіе королей съ указаніемъ времени правленія, коронаціи, мѣста погребенія. Къ Коломану и его сыну Стефану II въ хроникѣ проявляется явное недоброжелательство, пристрастіе; напротивъ того, видимъ интересъ къ Альмошу королевичу и его роду—Белѣ II, Гейзѣ II, которыхъ хроника превозноситъ, хотя они вовсе не были выдающимися королями, и о времени которыхъ она сообщаетъ несомнѣнно вѣрныя извѣстія. Изъ этихъ обстоятельствъ Марцали заключаетъ, что первая запись исторіи королей угорскихъ должна была произойдти въ эпоху близкую ко времени правленія этихъ королей, то-есть, въ половинѣ XII в. 1150—1160 г. (стр. 80).

Продолженіе составлено около 1240 г. Марцали предполагаетъ это, основываясь на большей подробности извѣстій о св. Елизаветѣ и ея отцѣ Андреѣ II, а также на описаніи Скиѳіи и гунскихъ походовъ, напоминающихъ времена татарскія. Историческія записи, думаетъ Марцали,—существовали еще до составленія первоначальнаго свода; въ этотъ сводъ впослѣдствіи могли войдти нѣкоторыя воспоминанія о событіяхъ, имѣющихъ мѣстный интересъ или служащихъ къ возвеличенію отдѣльныхъ родовъ (стр. 80).

Оба вывода о составленіи первоначальнаго свода въ 1150—1160 годахъ и продолженія въ 1240 г. весьма важны, но они опираются на предположеніи, что все, что̀ заключается въ chronicon Picturatum или Budense, стояло въ первоначальномъ сводѣ; но предположеніе это основывается лишь на вышеприведенномъ выводѣ о заимствованіи изъ лѣтописи Алтаихской и разказѣ о Лехской битвѣ у Кезы. По нашему мнѣнію, можно считать находившимся въ первоначальномъ сводѣ лишь то, что̀ стоитъ и у Кезы, въ самомъ раннемъ изъ дошедшихъ изводовъ, все же остальное могло войдти въ хронику и послѣ, въ концѣ XIII-в. Особенно въ этомъ отношеніи сомнительно раннее нахожденіе въ сводѣ такихъ разказовъ, гдѣ въ chron. Pict. приводятся два параллельныя извѣстія изъ двухъ источниковъ. Это обстоятельство замѣчается именно въ тѣхъ извѣстіяхъ о Коломанѣ и его преемникахъ,

на которыхъ основывается выводъ Марцали о времени составленія первой редакціи. Послѣ непріязненнаго Коломану разказа вводится въ chron. Pict. словами sicut quidam dicunt другой невраждебный и отчасти противорѣчащій первому. У Кезы же стоитъ только последній разказъ — немного подробнѣе и съ небольщимъ отличіемъ въ концѣ; ничего другаго у Кезы ни о Коломанѣ, ни о Стефанѣ II, Белѣ II и Гейзѣ II нѣтъ. Въ самой chr. Budense, которая вообще немного кратче chr. Pict., изъ всего подробнаго непріязненнаго разказа о Коломанѣ находится лишь одна фраза объ ослѣпленіи Белы II, легко удаляемая изъ разказа chr. Pict., и соединенная съ прибавкой, отчасти противорѣчащею подробному разказу chr. Pict., и которой тамъ нѣтъ. Эта прибавка встрѣчается у Мюгельна (Мюгельнъ вообще, кажется, пользовался нѣсколькими редакціями хроники; ср. Марцали, стр. 66). У Мюгельна же есть подробныя извѣстія о преемникахъ Гейзы II (C. LII — LV incl), которыхъ нѣтъ въ Pict., и за которыми слѣдуетъ хронологическій перечень правленій тѣхъ же королей, находящійся во всѣхъ хроникахъ (стр. 65). Эти извѣстія Мюгельна Марцали не рѣшается признать за извѣстія первоначальной хроники. Какъ эти извѣстія въ хронику Мюгельна, точно также и разказъ, враждебный Коломану, могъ войдти въ сводъ въ XIII—XIV в., хотя самъ и былъ составленъ въ 1150—1160 г. Нельзя отрицать, что Кеза многое сокращалъ и многое пропускалъ; тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ многое въ болѣе первоначальномъ видѣ: перечисленіе знатныхъ пришлыхъ родовъ помѣщено внѣ хроники, какъ прибавленіе, тогда какъ въ другихъ оно вставлено въ текстъ на довольно неподходящемъ мѣстѣ (Марцали, ср. 49). У Кезы нѣтъ генеалогіи Арпада, нѣкоторыхъ этимологій, которыя самъ Марцали (стр. 53) считаетъ позднѣйшими вставками. Самыя составныя части свода, какъ будто, лучше выступаютъ у него на видъ: 1) извѣстіе о происхожденіи Мадьяръ и ихъ первомъ и второмъ приходѣ въ Угрію; 2) житіе св. Стефана; 3) извѣстія Алтаихской лѣтописи съ немногими лишь добавленіями; 4) перечень хронологическій правленій королей со Стефана. Эта часть въ хроникахъ затерта среди обилія извѣстій и выступаетъ лишь послѣ Гейзы II. Начинается онъ по смерти Петра со Стефана, возвращаясь такимъ образомъ назадъ, къ болѣе раннему времени. У Кезы среди этого перечня находятся лишь слѣдующія извѣстія: 1) о коронаціи Саломона съ согласія Белы и его сыновей (chr. Pict. alii dicunt, chr. Budense нѣтъ его); 2) законодательныя постановленія Белы (есть въ

хроникахъ); 3) усобица Беловичей съ Саломономъ—разказъ спутанъ сравнительно съ разказомъ хроникъ, конецъ его послѣ битвы при Моджіородѣ опять дословно сходенъ съ хрониками, затѣмъ о дальнѣйшей судьбѣ Саломона иначе немного и полнѣе, чѣмъ тамъ; 4) о Ладиславѣ только упоминаніе о битвѣ при Киріолейсѣ, по хроникамъ происходившей еще при Саломонѣ; 5) вышеприведенная версія о Коломанѣ; 6) о Белѣ III два-три слова. Начиная съ Андрея II разказъ полнѣе и снова болѣе сходенъ съ хрониками, но о св. Елизаветѣ у Кезы также нѣтъ ничего. Кажется страннымъ, чтобы Кеза именно съ Андрея I до Гейзы II такъ мало заимствовалъ изъ столь обильнаго матеріала, какой представляютъ хроники (chron. Pict.), притомъ сообщающаго столь лестныя для Мадьяръ извѣстія, хотя бы, напримѣръ, о св. Ладиславѣ. Намъ кажется, что весь подробный разказъ о Коломанѣ, его преемникахъ, о св. Ладиславѣ и т. д., вошелъ въ хронику позднѣе времени, указываемаго Марцали. Самъ Марцали (стр. 80) допускаетъ, что могли существовать отдѣльные разказы: изъ Кезы (мѣсто о Лехской битвѣ: quidam и liber Chronicorum), видно, что существовали уже въ его время по крайней мѣрѣ два источника (Кеза сообщаетъ особыя извѣстія о Лехской битвѣ, судьбѣ Hertindus de Svarzenburk, особую генеалогію Петра, о mons Barsunas и villa Urs и т. д.). Ошибка Марцали въ томъ кажется, что онъ слишкомъ склоненъ все, что̀ стоитъ въ chron. Pict., приписывать первоначальной хроникѣ, между тѣмъ какъ отдѣльные разказы составлялись и существовали отдѣльно. Марцали доказываетъ вѣроятность многихъ изъ историческихъ преданій, сохранившихся въ хроникахъ: имена лицъ и событія упоминаются въ грамотахъ или въ общемъ согласны съ разказомъ иностранцевъ. Но эти разказы носятъ эпическую окраску, а извѣстно, что пѣсня долго хранитъ имя или воспоминаніе объ отдѣльномъ моментѣ, извращая и присочиняя остальное.

Разобравъ хроники Кезы, сходныя съ chron. Budense, chron. Pictur., Марцали отмѣчаетъ еще Пресбургскую и разсматриваетъ анонима Нотарія короля Белы, о которомъ онъ уже помѣстилъ въ Forsch. z. deutsch. Gesch., XVI, прекрасную монографію. Разборъ хроникъ кончается характеристикой первоначальной хроники о короляхъ Угорскихъ, съ которою мы согласиться не можемъ, ибо считаемъ сомнительнымъ существованіе ея въ томъ видѣ, какъ принимаетъ ее Марцали.

Лѣтописи угорскія, дошедшія до насъ, Позонскую и остатки у Альбериха, Марцали считаетъ извлеченіями изъ хроники. Позволимъ

себѣ при этомъ выразить сожалѣніе, что Марцали пропустилъ безъ разбора извѣстія Дандоло, также изобличающія свое родство съ хрониками (напримѣръ, о Белѣ I) и въ то же время заключающія въ себѣ новыя данныя.

Разсмотрѣніе туземныхъ источниковъ авторъ заключаетъ характеристикой монографій о татарскомъ нашествіи—Рогерія, Planctus и Θомы Сплѣтскаго и генеалогическою табличкой хроникъ.

Во второй части сочиненія Марцали группируетъ источники иностранные по народностямъ (византійскіе, италіанскіе, нѣмецкіе и славянскіе), но разсматриваетъ при этомъ не всѣ, говорящіе объ Угріи, а лишь главнѣйшіе. Наибольшее значеніе онъ придаетъ византійскимъ, которые онъ и разбираетъ нѣсколько подробнѣе; вообще же тутъ его разборъ кратокъ, ограничивается самою общею характеристикой источника и указаніемъ на заключающіяся въ немъ свѣдѣнія объ Угріи. Новаго онъ тутъ ничего не сообщаетъ и вообще даетъ слишкомъ мало.

Не смотря на отмѣченные недостатки, книга Марцали весьма цѣнна, заключаетъ много отдѣльныхъ вѣрныхъ выводовъ и наблюденій и является необходимымъ пособіемъ при изученіи угорской исторіи.

В. Кракау.

Антонъ Будиловичъ. Начертаніе церковно-славянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Варшава. 1883.

I.

Въ области науки о языкѣ за послѣднее время стали особенно часто появляться всевозможные компендіи, своды мнѣній, введенія, основанія и т. п. Рядомъ съ накопленіемъ работъ по частнымъ вопросамъ идетъ, съ одной стороны, популяризація научныхъ теорій, съ другой, такъ-сказать, сведеніе счетовъ, расчищающее почву для новыхъ лингвистическихъ теорій. Компендіи—вещь въ высшей степени полезная. Вопервыхъ, бываютъ компендіи въ родѣ Шлейхерова, съ оригинальнымъ и строго проведеннымъ методомъ — результатъ большой самостоятельной работы. Вовторыхъ, хорошій компендій это градусникъ для извѣстной научной области. Втретьихъ, компендій бываетъ незамѣнимъ въ библіографическомъ отношеніи. Изъ небольшихъ лингвистическихъ конспектовъ, появившихся за послѣд-

нее время, укажемъ на книжку Дельбрюка: Einleitung in das Sprachstudium (введеніе къ лейпцигской серіи изданія Indogermanische Grammatiken). Это—серьезная критическая работа. Книга Пецци: Glottologia aria recentissima—хорошее изложеніе различныхъ научныхъ мнѣній по группамъ. Книжка Паули: Principien der Sprachgeschichte—въ высшей степени оригинальный трудъ, богатый содержаніемъ, но тяжелый по изложенію. Indogermanische Grammatiken, издаваемыя фирмою Breitkopf & Härtel въ Лейпцигѣ,—полезнѣйшее изданіе. Покуда вышло три тома. Первый томъ (уже вторымъ изданіемъ) Grundzüge d. Phonetik Сиверса; второй томъ Indische Grammatik. Уитнея (Witney); третій томъ Griechische Grammatik Густава Мейера,—трудъ единственный въ своемъ родѣ по грандіозной библіографической обстановкѣ. Обѣ только что названныя грамматики по цѣли подходятъ къ Начертанію профессора Будиловича. Но въ частностяхъ задачи и въ ея выполненіи громадная разница. Западные ученые довольствуются (при объемѣ въ 30 листовъ каждый томъ) фонетикой и морфологіей, съ присоединеніемъ тѣхъ главъ, которыя входятъ въ школьную этимологію. Профессоръ Будиловичъ, при меньшемъ объемѣ (348 стр. текста), даетъ цѣлую энциклопедію славянской грамматики: тутъ и семасіологія, и синтаксисъ, и графика, да еще введеніе, трактующее о физіологіи звука. Но задавшись такою широкою задачей, русскій профессоръ не могъ выполнить ее съ тою разносторонностью и точностью, какой можно было бы ожидать отъ такого солиднаго ученаго и въ такомъ серьезномъ вопросѣ.

Мы начнемъ нашъ разборъ съ предисловія. Цѣль автора—сжато обработать общую теорію славянскаго языка. Матеріалъ—спеціальныя работы въ области ц.-слав. рѣчи, при чемъ вкладъ самого автора незначителенъ (стр. V). Грамматическіе примѣры взяты изъ грамматикъ Востокова, Миклошича, Буслаева, Потебни и изъ Памятниковъ Юсоваго письма Срезневскаго, а частью цитованы по памяти. Методъ автора—въ принципѣ историческій. Сравнительный методъ допускается, поскольку онъ не требуетъ отъ читателя спеціальныхъ познаній по другимъ языкамъ. При этомъ желательными читателями являются учителя и студенты-филологи. Вообще должно сказать, что матеріалу, фактовъ, сравнительно съ количествомъ выводовъ и опредѣленій, въ книгѣ мало. Можетъ быть, это входило въ цѣли автора, не желавшаго затруднять читателей грудой сырого матеріала, какъ дѣлаетъ это г. Миклошичъ и зачастую г. Потебня. Но онъ во всякомъ случаѣ впалъ въ крайность. Мѣстами, особенно въ синтаксисѣ, книга пріобрѣла

характеръ чисто-догматическій. Едва ли не вредитъ это и той прекрасной цѣли, которую, между прочимъ, задался авторъ—„оставить мысль читателя, особенно юнаго, свободною отъ гнета научнаго авторитета". Эта фраза приведена въ оправданіе того обстоятельства, что авторъ не указываетъ на источники излагаемыхъ имъ теорій. Чего же достигаетъ онъ такимъ образомъ? Вмѣсто десяти именъ и десяти авторитетовъ, онъ импонируетъ однимъ именемъ, однимъ авторитетомъ. Замѣтимъ также, что авторъ не имѣетъ въ виду читателей совсѣмъ юныхъ. Студентамъ съ каѳедры постоянно указываются имена авторовъ той или другой теоріи, учителя предполагаются прошедшими университетскій курсъ. Позволимъ себѣ еще замѣчаніе по поводу матеріала книги. Методъ автора—историческій. При такомъ взглядѣ на изученіе языка странно смотрѣть на данныя рѣчи, какъ на нѣчто опредѣленное, установившееся. Гдѣ норма, о которой говоритъ авторъ? Сравните два изданія Миклошичевой Formenlehre, и вы увидите разницу въ парадигмахъ. Особенно странно такое мнѣніе теперь, когда затронутъ вопросъ о недостаткахъ въ изданіяхъ древне-славянскихъ памятниковъ, и естественно колеблются выводы, сдѣланные изъ этихъ памятниковъ. Авторъ даетъ намъ перечень „настольныхъ" книгъ, которыя онъ имѣлъ при составленіи грамматики. Странно, что мы не находимъ здѣсь третьяго изданія Миклошичевой Altslovenische Lautlehre, книги очень цѣнной. Едва ли можетъ быть принятъ также взглядъ автора на „ошибки и описки древняго писца", какъ на матеріалъ непригодный для его книги (если авторъ не хочетъ совершенно отдѣлить своего труда отъ научнаго изслѣдованія). Ошибки писца—не то, что ошибки современнаго издателя. Прежде чѣмъ разстаться съ предисловіемъ, сдѣлаемъ еще одно общее замѣчаніе объ анонимномъ характерѣ изложенія. Оно очень удобно для пишущаго, и очень невыгодно для читающаго. Гдѣ критерій точности приводимаго мнѣнія? Добросовѣстность и осторожность автора хорошо извѣстны, но, съ другой стороны, отвлеченный и часто энигматическій характеръ изложенія современныхъ славистовъ заставлялъ бы желать точныхъ указаній на авторовъ мнѣній (тѣмъ болѣе, что такихъ ссылокъ было бы немного). За библіографическими указаніями авторъ отсылаетъ къ трудамъ Кочубинскаго, Котляревскаго, Бодуэна-де-Куртенэ. Но библіографія вездѣ связана съ извѣстною системой, съ извѣстною постановкой вопроса. Не забудемъ также, что книга назначается для учителей, а въ провинціи не вездѣ есть указанныя библіографическія сочиненія.

Книга профессора Будиловича, какъ мы уже замѣтили, задумана и поставлена широко. Кромѣ общаго лингвистическаго введенія, она состоитъ изъ трехъ частей. Въ первую (фонологію) вошла большая глава о природѣ звуковъ человѣческаго языка, графика и фонетика. Во 2-й части (этимологіи) заключаются двѣ главы: одна — гдѣ говорится о формахъ словъ, другая—излагающая ученіе о значеніи словъ (семасіологія). 3-я часть распадается тоже на двѣ главы: изъ нихъ первая говоритъ о строеніи предложеній, вторая—о значеніи синтаксическихъ формъ. Планъ очень полный. Можно возразить только противъ произвольнаго въ научномъ смыслѣ названія этимологіи. Авторъ сдѣлалъ уступку школьной грамматикѣ. Введеніе начинается съ прекрасно и сжато изложенныхъ общихъ понятій объ аріо-европейской (у автора арійской) семьѣ языковъ и спеціально о славянской вѣтви. Изложеніе, какъ часто и дальше, иллюстрируется графическими изображеніями. Глава о природѣ звуковъ человѣческаго языка, по видимому, составлена авторомъ по Румпелю, который не можетъ быть названъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ въ области фонетики. Жаль, что авторъ не воспользовался въ большей мѣрѣ спеціальными изслѣдованіями, собранными въ указанной выше книгѣ Сиверса. Надо отдать справедливость профессору Будиловичу—излагаетъ онъ мастерски. Неологизмы, конечно, не всегда удачны: каналъ ртовый—почти невозможное сочетаніе.

Изъ частныхъ замѣчаній на эту главу приведемъ слѣдующія: Артикуляція звука *a* формулирована невѣрно: языкъ не лежитъ здѣсь плошмя, а замѣтно отодвинутъ назадъ (Siev. 67). Затѣмъ, авторъ говоритъ о славянскихъ гласныхъ несовершеннаго образованія и смѣшаннаго образованія (ъ, ь—ѣ, ы). Не знаемъ, какія данныя имѣетъ онъ для сужденія о фонетико-физіологическомъ значеніи этихъ звуковъ. Особенно шаткими представляются разсужденія о звукѣ ѣ. Звукъ этотъ, по мнѣнію автора, возникалъ, когда языкъ слагался для *e*, *i*, а губы для *a* или *o*. Терминъ смѣшанный звукъ (mixed) употребляется у англійскихъ филологовъ: такова артикуляція нѣмецкаго *e* въ Gabe (укладъ гортанно-небный) (Siev. 73). Это опредѣленіе вытекло изъ непосредственныхъ наблюденій надъ артикуляціей звука. Не знаемъ, имѣетъ ли нашъ авторъ какіе-нибудь фонетическіе типы, которые убѣдили бы въ возможности существованія отмѣченныхъ имъ смѣшанныхъ образованій. Послѣ обозрѣнія гласныхъ звуковъ профессоръ Будиловичъ даетъ понятіе о сонантахъ. Относительно *М* и *Н* онъ замѣчаетъ, что „ни одна азбука не раз-

личаетъ въ написаніи *М* и *Н* звонкихъ и глухихъ" (стр. 33), и „что это звуки обоюдные по звону". Глухое *М*—весьма рѣдкое явленіе; оно встрѣчается въ нашемъ *хм*! и исландскихъ hniga, knif. Для насъ не совсѣмъ ясна также аргументація автора относительно причисленія *М* и *Н* къ мгновеннымъ звукамъ (?!). Что касается до звуковъ *Р* и *Л*, то авторъ находитъ, что они могутъ быть причислены къ звонкимъ и глухимъ согласнымъ, но удобнѣе могли бы быть названы обоюдными, такъ какъ звукъ *Р* не мѣняетъ особенно своего характера при сочетаніи съ гортаннымъ тономъ въ громкомъ говорѣ, а съ гортаннымъ шорохомъ въ шопотномъ (стр. 33), а звукъ *Л* тоже не мѣняется существенно и при шопотномъ говорѣ (стр. 34). Не думаемъ, чтобы кому-нибудь изъ читателей были ясны эти указанія. Беззвучные *Р* и *Л* образуются въ дѣйствительности при слѣдующей обстановкѣ: тѣснины, образующіяся въ надставной трубѣ, обусловливаютъ появленіе шороховъ; шорохи эти могутъ заглушить звукъ голоса отчасти или совсѣмъ; въ послѣднемъ случаѣ и появляются указанные звуки. Не можемъ не отмѣтить и слѣдующаго положенія автора: „Плавные *М*, *Н*, *Р* отличаются отъ другихъ согласныхъ широтой пояса ихъ возможной артикуляціи, чего нельзя сказать о двупроточномъ *Л*". Въ общей системѣ звуковъ членораздѣльной рѣчи звукъ *Л* имѣетъ больше разновидностей, чѣмъ *Р*, а область артикуляціи звука *М* крайне сужена: *М* есть звукъ губной; *М* какъ губозубный звукъ сомнителенъ.

Затѣмъ, мы не видимъ физіологическаго основанія для дѣленія звуковъ на твердые и мягкіе, какъ дѣлаетъ это профессоръ Будиловичъ. Опредѣленіе дифтонга не согласуется съ точкой зрѣнія, которая установилась на этотъ предметъ въ наукѣ. Авторъ считаетъ, что удареніе можетъ равно стоять на первой и на второй части дифтонга, тогда какъ именно отличительною чертою дифтонга принято считать удареніе на первой изъ образовательныхъ гласныхъ.

Пристрастіе автора къ аналогіямъ и параллелямъ заставляетъ его говорить о согласныхъ дифтонгахъ. Но, вопервыхъ, дифтонги не существуютъ тамъ, гдѣ нѣтъ фтонговъ, а вовторыхъ, автору должно быть извѣстно, что отнюдь не всѣ лингвисты раздѣляютъ взглядъ на звукъ *Ч*, напримѣръ, какъ на compositum.

За этою общею главой слѣдуетъ небольшой очеркъ графики. Далѣе излагается ученіе о звукахъ. Говоря о фонетическомъ значеніи буквы *ѣ*, авторъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующее соображеніе: „Присутствіе язычнаго уклада видно изъ мягкаго выговора предше-

ствующихъ *ѣ* согласныхъ, напримѣръ рѣка, лѣто, почти какъ море, поле (стр. 63). Откуда авторъ знаетъ до такой точности выговоръ знака *ѣ*? Говоря о призвучномъ *и*, авторъ излагаетъ мнѣніе Бодуэна-де-Куртенэ и возраженіе Миклошича (См. Глоттолог. Зам., издан. въ Воронежѣ. Вып. I и Miklosich, Altsloven. Lautlehre III Aufl. Wien, 1878. 212 стр.). При этомъ онъ разсматриваетъ только одинъ случай (*и* передъ *j*) и совершенно отдѣляетъ *и* передъ чистымъ гласнымъ.

При указаніи на явленія ассимиляціи (кстати—выраженіе вспятная ассимиляція не можетъ назваться удачнымъ) авторъ видитъ, между прочимъ, ассимилированіе *U* въ *J* въ шити (suo) иго (jugum) и не различаетъ этого явленія отъ чередованія либо и любо, слина и слюна. До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, слово иго объяснялось слѣдующимъ образомъ: основное обще-арійское jugam въ слав. *jъго, отсюда йиго—иго. Звука *у* на славянской почвѣ въ данномъ случаѣ не было. Мы не видимъ основанія мѣшать латинское *u* (соотвѣтствующее первоначальному) съ славянскимъ *у*, которое соотвѣтствуетъ обыкновенно гунѣ аріо-европейскаго *u*. То же можетъ быть примѣнено къ толкованію слова шити.

Говоря о диссимиляціи (стр. 74), авторъ видитъ это явленіе въ русскихъ формахъ: мою, злой, чей рядомъ со славянскими мꙑѭ, зълꙑи, чии, причемъ не видитъ возможности вывести ихъ параллельно изъ формъ *ꙑ* (j) и *ъи*, ибо въ русскомъ языкѣ формы на *ой*, *ей* распространились сравнительно поздно, въ XIII и XIV вв. Едва ли это можетъ служить достаточно вѣскимъ аргументомъ противъ данныхъ противоположнаго мнѣнія (сгруппированныхъ въ брошюрѣ г. Романа Брандта: Грамматическія замѣтки). При указаніи на стяженіе гласныхъ приводятся слѣдующіе примѣры (стр. 74): нѣсть изъ не—ѥсть. Непосредственно до сихъ поръ это стяженіе не объяснялось; или надо выпустить *j* (какъ у Лескина) или *е* (какъ у Миклошича). Кꙑи, по мнѣнію автора, есть стяженіе изъ къ—и, также какъ вꙑну изъ въ-ину. Это для насъ совершенно не понятно: мы привыкли въ этомъ словѣ видѣть механическое удлиненіе, а не стяженіе.

При указаніи на замѣнительное растяженіе находимъ объясненіе, что рѣхъ изъ *рекхъ, а вѣсъ изъ ведсъ. Оказывается такимъ образомъ, что, по мнѣнію автора, эти двѣ формы образовались въ разныя эпохи. Не лучше ли объяснять рѣхъ, какъ Миклошичъ, изъ *рексъ (*рессъ—*рѣсъ—рѣхъ) (стр. 74)?

Большой вопросъ древне-славянской грамматики, о слогахъ съ плавною, обойденъ авторомъ (ему посвящена одна страница), хотя здѣсь очень важна бы была группировка мнѣній.

Разсматривая чередованіе гласныхъ въ ряду *А*, профессоръ Будиловичъ ставитъ въ одной степени формы истачати и тѣкати (стр. 76). Не произошло ли здѣсь смѣшенія между понятіемъ подъема (истачати) и функціональнаго удлиненія (тѣкати)? Тогда какъ первый есть явленіе общеарійское, второе явленіе ограничено областью литовско-славянскою. Только смѣшавъ два эти явленія, авторъ могъ отнести слово невѣста къ глаголу—ведѫ. Обратимъ вниманіе и на слово чередованіе. Дѣло въ томъ, что автору не ясенъ исходный пунктъ движенія въ ряду гласныхъ. Что̀ древнѣе—спрашиваетъ онъ—рьци, рекѫ или рокъ, и склоняется къ древности именно послѣдняго, такъ какъ „ослабленіе вокализма характеризуетъ позднѣйшія, а его сила древнѣйшія эпохи жизни языковъ". Такимъ образомъ, авторъ сходитъ съ сравнительной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ научной почвы изслѣдованія явленій: онъ не признаетъ подъема гласныхъ, не смотря на то, что это явленіе очевидно въ древнѣйшихъ представителяхъ аріоевропейской семьи.

Послѣ гласныхъ разсматривается авторомъ система согласныхъ. Здѣсь, на стр. 101, авторъ даетъ списокъ русскихъ и древне-славянскихъ чередованій согласныхъ. Вопервыхъ, нѣтъ основанія смѣшивать области церковно-славянской рѣчи и русской. Вовторыхъ, при разсмотрѣніи этихъ чередованій должна быть какая-нибудь перспектива. Едва ли правильно разсматривать рядомъ такіе переходы какъ *с* въ *х*, явленіе общераспространенное, имѣющее значеніе для исторіи языка, и перегласовку *г* и *д*, діалектическую особенность (въ западной части великорусской области).

Вторая часть начинается главой о строеніи словъ. Давъ общее понятіе о корнѣ, основѣ, семитскихъ и арійскихъ корняхъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію корней въ славянскомъ. Въ числѣ примѣровъ корней мы встрѣчаемъ: оуст, оутр, дъшт, то-есть, авторъ беретъ литовско-славянскую группу языковъ и отдѣляетъ для корня общую часть соотвѣтствующихъ словъ въ этихъ двухъ языкахъ. Такимъ образомъ, корень является носителемъ не только основнаго глагольнаго значенія, но и признаковъ выражаемыхъ, суффиксами *т* и *тр*. Понятія корня и основы сливаются.

При разсмотрѣніи суффиксовъ, авторъ стоитъ, какъ намъ кажется, тоже на не совсѣмъ твердой почвѣ. Говорить о суффиксахъ—альн,

ател, ѣтел, ител, или *ал*, *ол*, *ул*, *ил*, *ѣл* и т. п. значитъ совершенно произвольно смѣшивать два или болѣе словесные элемента, къ тому же безъ всякой надобности. Развѣ болѣе различается значеніе группъ аньц и иньц, чѣмъ значеніе тематическихъ гласныхъ *а* и *и*?

За суффиксами разсматриваются флексіи. Авторъ распредѣляетъ явленія въ этой области по сложности: напримѣръ, бог-ъ, бог-а (чисто-вокальный характеръ флексіи), бог-ами (сложный, смѣшанный), добр-аато (еще болѣе сложный) (стр. 140). Какое серьезное значеніе можетъ имѣть такое дѣленіе? Гдѣ его критерій? Развѣ ъ не есть сложный суффиксъ, съ точки зрѣнія сравнительной грамматики (ъ какъ славянское отраженіе первоначальныхъ суффиксовъ *as* (а), *am*, *ām*)?

Далѣе въ книгѣ говорится о строеніи основъ и строеніи словъ, о системѣ склоненій. Замѣтимъ мимоходомъ что у автора вмѣсто извѣстнаго церковно-славянскаго дѣтя ($\sqrt{}$дѣ-θη-доити) вездѣ пишется дитя. Откуда онъ взялъ эту форму?

На стр. 169 при склоненіи двучленн. прилаг. въ тв. п. ед. ч. ж. р. находимъ формы добрѫѭ, доблѭѭ, велиѫ-ѭ (?). Въ изложеніи глагольной флексіи авторъ держится взглядовъ Востокова и пишетъ несяахъ, ведяахъ. Не знаемъ только, откуда взяты авторомъ формы ликоуѩахъ (проведена въ спряженіи) и воюѩахъ (тоже) (?!)

Говоря о строеніи сложныхъ словъ, авторъ признаетъ только методъ префиксаціи, что едва ли примѣнимо ко всѣмъ сложнымъ словамъ. Самъ же авторъ видитъ (стр. 230) въ первой части формъ Ростиславъ, Владиміръ императивныя формы (или оптативныя, какъ онъ поправляетъ далѣе) (стр. 269), на подобіе словъ перекатиполе, сорвиголова, при чемъ основной здѣсь, конечно, является первая часть. Это примѣнимо къ цѣлому ряду такъ-называемыхъ Verbalcomposita, каковы вертопрахъ, лизоблюдъ (см. спеціальн. работу Остгофа).

Четвертая глава посвящена вопросамъ семасіологическимъ. Къ сожалѣнію, отдѣлъ этотъ не богатъ данными (бо́льшую часть мы находимъ въ грамматикѣ Буслаева), и авторъ часто держитъ умъ читателя на чисто-отвлеченной почвѣ. Вопросъ о синонимахъ, какъ намъ кажется, заслуживалъ бы болѣе подробнаго разъясненія, коль скоро авторъ поставилъ его въ своемъ трудѣ. Важно было бы также болѣе точное разграниченіе понятій отвлеченнаго и формальнаго элемента въ значеніи корня. Въ параграфѣ, посвященномъ значенію суффиксовъ, интереснѣйшіе и сложнѣйшіе вопросы проходятся очень

бѣгло, при этомъ древне-славянская область постоянно мѣшается съ русскою народною рѣчью (напримѣръ, стр. 222—223).

Иногда значеніе суффиксовъ опредѣляется просто небрежно. Напримѣръ, на стр. 224 мы находимъ заявленіе, что суффиксъ *ло* означаетъ то орудіе: рало, шило, то часть тѣла: грьло, рыло, то произведеніе искусства (?): кресло, масло, то представленіе (?!) отвлеченное: число, дѣло. Развѣ эти сближенія могутъ быть названы семасіологическими категоріями? Развѣ можно дѣлить по разнымъ группамъ: шило, рыло, масло? Далѣе идетъ еще болѣе странный подборъ категорій: производитель, часть тѣла, животное, растеніе, орудіе, дѣйствіе, явленіе, состояніе, пространство, время, представленія отвлеченныя, качественныя прилагательныя. Развѣ возможно въ одну схему помѣщать: и растеніе, и пространство (?) и качественное прилагательное?

На стр. 237 авторъ говоритъ, между прочимъ, о суффиксѣ ище и справедливо отмѣчаетъ его значеніе для обозначенія пространства, но при этомъ выдѣляетъ слово топорище, какъ названія орудія. Развѣ это не есть мѣсто топора? Русскія слова, какъ идолище, ручища, онъ называетъ уничижительными. Это неточно. Суффиксъ показываетъ въ данномъ случаѣ громадность, а отсюда грубость и нескладность предмета. Вспомнимъ: старчище, каличище, ямища, глазище—все чудовищно громадныя вещи. Едва ли и здѣсь не лежитъ въ основѣ представленія идея пространства, занимаемаго предметомъ. Трудно также приложить термины—увеличительный и уничижительный къ словамъ подобнымъ: писака, пройдоха, пьянюга. Сравните: работяга, смирняга, здоровяга, рубака, кожемяка, провидоха, знатоха и пр. Отсылаю за примѣрами къ книгѣ г. Вольтера: Къ вопросу о грамматическомъ родѣ (С.-Пб. 1882).

Значенію залоговъ авторъ посвятилъ нѣсколько страницъ и нѣсколько чертежей, но къ сожалѣнію, не далъ новой точки зрѣнія на этотъ вопросъ. Здѣсь съ аппаратомъ большой учености говорится о самыхъ элементарныхъ вещахъ. Напримѣръ: „Графически мы можемъ изобразить возвратный залогъ такъ" (слѣдуетъ несомкнутая кривая, въ родѣ сломанной и разогнутой окружности; между концами кривой стоитъ *a*). Субъектъ *a* служитъ здѣсь и исходною, и конечною точкой дѣйствія (стр. 246). Въ такомъ же родѣ объясненіе взаимнаго залога. Нужны ли эти опредѣленія, да еще съ чертежами, и не то же ли говорилъ покойный Гречъ, и повторяютъ теперь его разноименные компиляторы?

Говоря о естественномъ и грамматическомъ родѣ, авторъ называетъ средній родъ — промежуточнымъ между мужскимъ и женскимъ (стр. 253). Чтó это значитъ? Странно также объясненіе двойственнаго числа, какъ связи между единственнымъ и множественнымъ.

Въ параграфѣ, посвященномъ значенію сложныхъ основъ и словъ встрѣчается едва ли вѣрное объясненіе русской формы жилъ-былъ (стр. 277). Авторъ ставитъ въ скобкахъ есть, относя это слово къ былъ. Но едва ли былъ имѣетъ здѣсь смыслъ вспомогательнаго глагола. Вспомнимъ выраженія народной поэзіи: биться-ратиться, сѣлъ-палъ и т. п., былъ въ предлагаемомъ авторомъ случаѣ обратилось бы въ было, бывало (онъ было пошелъ, да вернулся).

Сложному и интересному вопросу о значеніи сложныхъ словъ посвящено четверть странички и даже не упомянуто о классической системѣ дѣленія сложныхъ словъ, которая была выработана еще индѣйскими грамматиками и съ небольшими измѣненіями держится до сихъ поръ. Но пріятно хоть то, что авторъ не ограничиваетъ уже образованія сложныхъ словъ аттрибутивнымъ значеніемъ первой части, какъ онъ дѣлалъ это ранѣе; говоря о смысловомъ измѣненіи, которое замѣчается въ формѣ —лъ буду, авторъ не отмѣчаетъ условнаго оттѣнка, который сохранился въ нашемъ буде (буде онъ пришелъ), (примѣры собраны въ Истор. грамм. Буслаева. Изд. 2-е, ч. II, стр. 143).

Очень интересны первыя страницы главы, посвященной синтаксису. Здѣсь авторъ дѣлаетъ прекрасный подходъ къ разбору двучленнаго предложенія. Фраза громъ гремитъ могла образоваться изъ громъ! гремитъ!—двухъ воспріятій. Предложеніе для автора уже не есть сужденіе, выраженное словами. Онъ смотритъ глубже этого школьнаго опредѣленія. Не менѣе справедливо и мнѣніе автора о томъ, что надо крайне осторожно опредѣлять и возстановлять эллипсъ въ рѣчи. Такое возстановленіе часто суживаетъ и вдвигаетъ въ произвольныя рамки то, чтó геній народа оставилъ неопредѣленнымъ. Но и это предложеніе, въ свою очередь, надо ограничить. Часто эллипсы очевидны (βροντᾷ, ἐκήρυξε, ἐσάλπιγξε, ἀναγνώσεται, il sonne, говорятъ). Отдѣлъ синтаксиса у автора вообще не выработанъ. Есть пробѣлы и противорѣчія. Напримѣръ, на стр. 275 авторъ относитъ аще къ признакамъ сочинительнаго сочетанія, а на стр. 320 онъ видитъ въ этомъ союзѣ признакъ подчинительнаго соединенія. Мимоходомъ отмѣтимъ еще странность. Авторъ находитъ въ формахъ

иже, егда и т. под. вопросительный мѣстоименный корень стр. 320 (V) (??).

Нѣкоторыя опредѣленія совершенно непонятны, до такой степени преобладаютъ соображенія надъ фактами, выводы надъ матеріаломъ для ихъ повѣрки. Напр. на стр. 333 находимъ: „Признакъ, выражаемый опредѣленіями, мыслится сосредоточеннымъ въ другой неопредѣленной или опредѣленной субстанціи, а не зыбкимъ изліяніемъ личной энергіи той же главной субстанціи".

Опредѣленіе эпитета едва ли точно, авторъ сводитъ его на epitheton ornans. Желаніе, во что бы то ни стало, находить аналогіи и опредѣлять этими аналогіями и параллелями законы языка вызываетъ у автора сужденія категоричныя, но далеко не всегда точныя. Напримѣръ, онъ не признаетъ (стр. 339) обстоятельствъ цѣли и причины, потому-де что нѣтъ такихъ нарѣчій.

Но, вопервыхъ, есть нарѣчія въ родѣ сдуру, сглупа, сгоряча; вовторыхъ, куда же авторъ отнесетъ тотъ рядъ обстоятельствъ, которыя школьная грамматика причисляетъ къ обстоятельствамъ причины и цѣли, если онъ не выбросилъ обстоятельствъ изъ схемы синтаксиса. Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ по поводу этого вопроса авторъ просто входитъ въ область символики. Онъ находитъ, что уже потому можетъ быть только три рода обстоятельствъ, что у глагола три категоріи: залога, времени и наклоненія. Отчего же авторъ и падежей, послѣ этого, не постарается, свести къ числу трехъ?

Не смотря на эти замѣчанія, не можемъ не пожелать книгѣ профессора Будиловича успѣха, и поблагодаривъ автора за много прекрасныхъ страницъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можемъ не пожелать нѣкоторой переработки ея въ слѣдующемъ изданіи. Оно несомнѣнно будетъ. Книга останется, какъ полезное введеніе къ изученію церковнославянскаго языка.

Ин. Анненскій.

II.

Въ два послѣдніе десятилѣтія славянское языковѣдѣніе, какъ и языковѣдѣніе вообще, сдѣлало весьма значительные успѣхи, между тѣмъ какъ существующіе у насъ учебники церковно-славянскаго языка все еще продолжаютъ говорить о немъ то же, что говорили двадцать лѣтъ назадъ. Вслѣдствіе того у насъ давно уже ощущается потреб-

ность въ такомъ сочиненіи по церковно-славянской грамматикѣ, которое излагало бы предметъ общедоступно и соотвѣтствовало бы требованіямъ науки. Профессоръ Будиловичъ взялъ на себя трудъ удовлетворить этой потребности и рѣшился въ сравнительно небольшомъ по объему сочиненіи сгруппировать „важнѣйшія данныя о церковно-слав. языкѣ, добытыя доступными автору спеціальными изслѣдованіями" въ области фонетики, морфологіи, семазіологіи и синтаксиса этого языка. Мы имѣемъ въ виду разсмотрѣть книгу г. Будиловича съ научной точки зрѣнія, на сколько она удовлетворительна по своему методу, и на сколько она совмѣщаетъ въ себѣ данныя, добытыя современною наукой о языкѣ.

Прежде всего намъ представляется вопросъ о методѣ изученія церковно-славянскаго языка.

По мнѣнію автора, церковно-славянскій языкъ есть не что иное, какъ одинъ изъ болгаро-македонскихъ говоровъ, съ теченіемъ времени, при литературномъ употребленіи у разныхъ славянскихъ племенъ, получившій разныя діалектическія наслоенія, вслѣдствіе чего онъ является теперь въ нѣсколькихъ редакціяхъ или изводахъ. Изъ этихъ изводовъ авторъ называетъ четыре: болгарскій, сербскій, русскій и чехо-словенскій [1]) (хотя существуютъ также изводы болгаро-сербскій, сербо-русскій и болгаро-русскій), и замѣчаетъ, что „въ древнѣйшее время первенствовалъ въ славянской письменности изводъ болгарскій, затѣмъ, въ XIII—XIV вв., возвысился изводъ сербскій, съ XV же и XVI вв., рѣшительно возобладалъ изводъ русскій" (стр. 8), и что въ виду этого обстоятельства грамматика церковно-славянскаго языка не исчерпывается опредѣленіемъ древнѣйшаго его строя и „должна изслѣдовать и дальнѣйшія его видоизмѣненія вплоть до того времени, когда установился (въ XVI—XVII вв.) нынѣшній текстъ церковно-славянскихъ печатныхъ книгъ" (стр. 9). Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Будиловича, методъ изученія церковно-славянскаго языка долженъ быть историческимъ. Но возможенъ ли такой методъ? Изводы церковно-славянскаго языка вовсе не имѣютъ такой преемственной связи между собою, какую предполагаетъ авторъ; ни изъ чего не видно, чтобы въ XII вѣкѣ первенствовалъ изводъ болгарскій, потомъ, въ XIII и XIV вв.,—изводъ сербскій; мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, что число болгарскихъ рукописей въ XII вѣкѣ и сербскихъ въ XIII и XIV было больше, чѣмъ число русскихъ рукописей

[1]) Намъ кажется, этотъ изводъ было бы вѣрнѣе назвать моравскимъ.

въ то же время, и что языкъ этихъ послѣднихъ (по крайней мѣрѣ огромнаго большинства ихъ находился) въ какой бы то ни было зависимости отъ языковъ средне-болгарскаго и древне-сербскаго. Каждый изводъ имѣлъ свою собственную исторію, которая тѣсно связана съ исторіей болгарскаго, сербскаго, русскаго языковъ, но не имѣетъ никакого отношенія къ исторіи языка церковно-славянскаго. Этотъ послѣдній, въ томъ видѣ, въ какомъ находитъ его современная наука, уже въ XII вѣкѣ былъ языкомъ мертвымъ, окончившимъ свое историческое развитіе; а такъ какъ мы его знаемъ по немногимъ памятникамъ XI в., главнымъ образомъ по тѣмъ, которымъ придаютъ, едва ли впрочемъ справедливо, названіе паннонскихъ [1]), то можно ли говорить объ его исторіи? Поэтому историческій методъ изученія церковно-славянскаго языка невозможенъ, если мы не желаемъ разумѣть подъ исторіей сего послѣдняго исторію какого-нибудь другаго славянскаго нарѣчія или исторію церковно-славянскихъ текстовъ.

Если невозможенъ историческій методъ, то и вполнѣ возможенъ, и необходимъ методъ сравнительный. При изученіи церковно-славянскаго языка, его должно сравнивать, вопервыхъ, съ другими индо-европейскими языками и вовторыхъ, съ другими славянскими нарѣчіями, чтобы, съ одной стороны, опредѣлить отношеніе явленій церковно-славянскаго языка, какъ представителя славянской семьи языковъ, къ явленіямъ другихъ индо-европейскихъ языковъ, а съ другой, чтобы показать, что̀ въ церковно-славянскомъ принадлежитъ ему одному, и что̀ обще ему съ тѣми или другими изъ славянскихъ нарѣчій. Надо было бы ожидать, что г. Будиловичъ будетъ пользоваться сравнительнымъ методомъ въ обширныхъ размѣрахъ, но оказывается, что онъ пользуется имъ до того мало, что даже при изложеніи церковно-славянской фонетики, отдѣла наиболѣе разработаннаго современною наукой и наиболѣе нуждающагося въ сравнительномъ освѣщеніи, количество приводимыхъ имъ сравнительныхъ данныхъ почти ничтожно.

Наконецъ, авторъ довольно часто указываетъ на такія явленія славянскихъ нарѣчій, которыя не имѣютъ ничего общаго съ явленіями

---

[1]) Извѣстный славистъ Миклошичъ говоритъ: «Die pannonische Denkmäler sind der einzig mögliche Ausgansgpunkt bei dem Studium der nichtpannonischen Denkmäler; diese können nur von demjenigen begriffen werden, der jene als ihre Quelle anerkennt». Altslovenische Formenlehre in Paradigmen, s. XIII.

языка церковно-славянскаго; напримѣръ, говоря о чередованіи въ этомъ языкѣ согласныхъ, онъ безъ всякой надобности упоминаетъ о замѣнахъ *в* черезъ *м* въ русск. мнукъ, *х* черезъ *ф* въ русск. футоръ, куфарка, *т* черезъ *к* въ русск. кіятръ, кѣсто (стр. 101), замѣнахъ, неизвѣстныхъ въ церковно-славянскомъ языкѣ и принадлежащихъ вполнѣ русскимъ народнымъ говорамъ. Подобнаго рода указанія, по нашему мнѣнію, не должны имѣть мѣста въ церковно-славянской грамматикѣ.

Отъ общихъ замѣчаній обращаемся къ частнымъ.

Г. Будиловичъ начинаетъ свой трудъ изложеніемъ ученія о звукахъ человѣческаго голоса, и затѣмъ переходитъ къ ученію о славянскихъ буквахъ и ихъ звуковомъ значеніи. Минуя вопросъ о происхожденіи глаголицы и ея отношеніи къ кириллицѣ (варшавскій профессоръ, хотя и не вполнѣ, но принимаетъ мнѣніе Тэйлора о происхожденіи глаголическихъ буквъ изъ средне-греческихъ скорописныхъ начертаній, что̀ не мѣшаетъ ему однако стоять за бо̀льшую древность кириллицы предъ глаголицею), мы замѣтимъ слѣдующее: Система глаголицы отличается отъ системы кириллицы не только отсутствіемъ начертаній ꙗ, ѥ, означеніемъ *ѣ* и *я* одною буквой и употребленіемъ особаго знака для мягкаго ь или ъ, какъ полагаетъ авторъ (стр. 55), но также употребленіемъ особыхъ буквъ для ѩ и ѭ. Буква *і* въ древнихъ кирилловскихъ рукописяхъ употребляется вовсе не такъ рѣдко, какъ полагаетъ г. Будиловичъ (стр. 57): она встрѣчается довольно часто, напримѣръ, въ церк.-слав. Саввиной книгѣ [1]). Іотированный *ѣ* существуетъ только въ одной рукописи—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г., и потому едва ли заслуживаетъ той чести, какую оказываетъ ему авторъ, ставя это начертаніе рядомъ съ начертаніями ꙗ, ѥ, *ю* (стр. 60), тѣмъ болѣе, что подобной чести онъ лишаетъ начертаніе оі. Относительно начертаній ꙗ, ѥ, *ю* мы не можемъ принять мнѣніе г. Будиловича, что они придуманы вновь для выраженія особенныхъ звуковъ церковно-славянскаго языка; мы думаемъ, что они цѣликомъ взяты изъ средне-греческой графики, которая въ свою очередь заимствовала ихъ изъ латинской (ꙗнуарь= ’ιανουάριος=januarius).

Слѣдующее затѣмъ изложеніе церковно-славянской фонетики нельзя

[1]) Въ нѣкоторыхъ древне-русскихъ рукописяхъ, въ томъ случаѣ, когда происходитъ стеченіе двухъ *и*, второе изъ нихъ замѣняется черезъ *і*: *и істина*, *и іже*, *людиі*, *немощьниі* (Евгеніева Псалтырь XI вѣка).

признать удовлетворительнымъ. Остановимся сначала на произношенiи звуковъ. Г. Будиловичъ полагаетъ, что для звука *и* въ кирилловской азбукѣ было три знака, а въ глаголической четыре, и къ числу этихъ знаковъ относитъ *ѵ* (стр. 60). На это нѣтъ достаточныхъ основанiй: въ памятникахъ церковно-славянскихъ (или, по терминологiи г. Будиловича, въ памятникахъ древне-болгарскаго извода) *ѵ* почти никогда не употребляется вмѣсто *и*, но есть случаи употребленiя его вмѣсто *ю* (въ Супрасльской рукописи: плѵскъ = плюскъ); въ памятникахъ древне-русскихъ XI—XIII вв. употребленiе *ѵ* вмѣсто *ю* не составляетъ особой рѣдкости (Русскiй Филологическiй Вѣстникъ 1882 г. № 2, стр. 242 [1]); поэтому надо думать, что *ѵ*, если не всегда, то очень часто означала звукъ близкiй къ *ю*. Относительно того глаголическаго знака, который въ Зографскомъ и Григоровичевомъ Евангелiяхъ соотвѣтствуетъ кирилловскому *и* и означается у г. Ягича (въ его изданiи Зографскаго Евангелiя) черезъ ı, авторъ думаетъ, что онъ имѣлъ значенiе полусогласнаго *й* (стр. 61). Мы готовы признать, что въ церковно-славянскомъ языкѣ спорадически встрѣчался звукъ *й* (очень краткiй гласный *и* или согласный i), но не видимъ никакой возможности находить его въ такихъ словахъ, какъ ıль=ıзраиль (въ Зографск. Ев.) или ıже (въ Ев. Григоровича). Принимая въ соображенiе, что въ глаголической азбукѣ iотированные гласные (ѩ, ѭ) изображаются знаками, отличными отъ знаковъ не iотированныхъ гласныхъ, мы считаемъ возможнымъ, что глаголическое ı означало j*и*, тогда какъ другiе глаголическiе знаки означали по преимуществу не iотированное *и*. Опредѣляя затѣмъ произношенiе церк.-слав. *о*, г. Будиловичъ полагаетъ, что этотъ звукъ имѣлъ нѣкоторые оттѣнки и наклонялся то къ *а*, то къ *у*, то къ *е*, при чемъ основывается на сопоставленiи словъ рабъ и робъ, памѧть и помьнѭ, другъ и дрогъ, попелъ и пепелъ (стр. 61). Мы не думаемъ, чтобы церк.-слав. *о* произносилось столь различно; сопоставленiе словъ, указанныхъ г. Будиловичемъ и имъ подобныхъ [2]), не приводитъ насъ къ тому выводу, къ которому пришелъ онъ, точно также, какъ со-

---

[1]) Кромѣ указанныхъ въ *Р. Ф. В.* памятниковъ, *ѵ* употребляется вмѣсто *ю* также въ рукописяхъ Московской Типографской Библiотеки №№ 234, 238 (Минеи XI вѣка), 203 (Минея XII—XIII в.) и 157 (Паремейникъ XII—XIII в.). Сверхъ того, есть примѣры подобнаго употребленiя въ Святославовомъ изборникѣ 1073 г. ѵгъ=югъ, л 139 об.).

[2]) Изъ нихъ *дрогъ* есть не что иное, какъ описка вмѣсто *другъ*, описка весьма естественная и потому нерѣдкая.

поставленіе современныхъ русскихъ рабъ и робкій, попелъ и пепелъ не приводитъ насъ къ заключенію о произношеніи *о* наклонно въ одномъ случаѣ къ *а*, въ другомъ къ *е*; но мы не можемъ не признать, что церк.-слав. *о*, если не постоянно, то очень часто, было звукомъ открытымъ, то-есть, близкимъ къ *а*, какъ показываетъ это съ одной стороны, замѣна греческаго и готскаго *а* славянскимъ *о*, въ словахъ попъ παππᾶς, сотона σατανᾶς, Лазорь Λάζαρος, гоньзнѫти ganisan, котьлъ katils и т. п. и съ другой стороны замѣна славянскаго *о* греческимъ *а* въ словахъ σκλαβηνοί словѣне, Πειραγαστός Пирогость, ζάκανον законъ и др. (Schmidt, Zur. Geschichte d. indo-german. Vocalismus, II, s. 170). Гласные ъ и ь, по словамъ автора, имѣли выговоръ глухой и неопредѣленный, при чемъ первый приближался къ звукамъ типа *о*, а второй къ звукамъ типа *е*. Они были обыкновенно кратки, особенно въ концѣ слоговъ и словъ, и потому очень рано потеряли слогообразующій характеръ и превратились въ звуковые нули. Опущеніе глухихъ г. Будиловичъ видитъ, между прочимъ, въ предлогахъ при сочетаніи ихъ съ именами без-д-разума, *из*-д-рѫкы, иж него (стр. 62—63). Хотя, дѣйствительно, есть основаніе предполагать, что уже въ обще-славянскомъ языкѣ были случаи исчезновенія глухихъ (знати вм. зьнати: ср. лит. žinoti; чловѣкъ вм. чьловѣкъ: сравн. велико-русск. человѣкъ, мало-русск. чоловiкъ, ново-болг. челяк, чоляк), но необходимо полагать, что эти случаи были исключительными, и что въ церковно-славянскомъ языкѣ глухіе въ значительномъ большинствѣ случаевъ произносились и такимъ образомъ не были звуковыми нулями [1]. На это указываютъ древне-русскіе нотные стихирари, ирмолои, минеи, представляющіе болѣе или менѣе точные списки съ церковно-славянскихъ оригиналовъ; въ нихъ (древнѣйшіе относятся къ XI—XII вв.) ъ и ь и въ серединѣ, и въ концѣ словъ постоянно имѣютъ надъ собою нотные знаки, за исключеніемъ

[1]) Кажется, глухіе наиболѣе часто не произносились въ мѣстоименіяхъ *тъ* и *сь*, когда эти послѣднія находились послѣ именъ или глаголовъ; при этомъ тѣ ъ и ь, которыми оканчивались имена и глаголы, подвергались усиленію и переходили въ *о* и *е*: Зографск. Ев.: *родо-сь*, *образо-сь*, *позоро-сь*, *народо-сь*; Ассеманіево Ев.: *миро-сь*, *рабо-тъ*, *клеврѣто-тъ*, *образо-сь*, *родо-сь*, *дьне-сь*, *лежито-сь*; Саввина книга: *позоро-сь*. Сравни ново-болг. *гладо-т*, *квасо-т*, *срамо-т* и т. п. Переходъ глухихъ въ чистые въ древне-русскомъ языкѣ нельзя объяснять какъ усиленіе глухихъ (что̀, однако, дѣлаетъ г. Будиловичъ): *блоха* изъ *блъха*, *броня* изъ *бръня*, *вертѣть* изъ *вьртѣти*, *верёвка* изъ *вьрьвька*, *но* изъ *нъ* и др. доказываютъ это какъ нельзя лучше.

впрочемъ нѣкоторыхъ предлоговъ, не имѣющихъ на концѣ ъ (Ирмолой Григоровича XII—XIII в. Моск. Публичн. Музея: *въскресѣние*, *из* люты работы, *беспльтьныхъ* и т. п.). Но относительно этихъ предлоговъ позволительно предполагать, что ихъ формы съ ъ на концѣ новѣе, чѣмъ формы безъ ъ, и что эти послѣднія существовали еще въ дославянскій періодъ: сравн. *без* и латышск. *bes*, *из* и литовск. iž, *въз* и лит. už. О звуковомъ значеніи буквы *ѣ* авторъ говоритъ, что оно было близко къ нѣм. ä или ö (стр. 63). Какъ извѣстно, нѣм. ä есть *е* открытое, приближающееся къ *а*, а нѣм. ö есть *е* закрытое, приближающееся къ *о*; поэтому изъ словъ г. Будиловича нельзя получить яснаго понятія о качествѣ церк.-слав. *ѣ*. Намъ кажется, что считать *ѣ* звукомъ закрытымъ, близкимъ къ нѣм. ö, нѣтъ возможности: смѣшеніе его въ церк.-слав. памятникахъ съ *а*, равно какъ и существованіе перехода *ѣ* въ *а* въ разныхъ слав. нарѣчіяхъ, указываютъ прямо, что онъ былъ звукомъ открытымъ; перехода его въ *о* не существуетъ; хотя г. Будиловичъ думаетъ противное, но изъ указанныхъ имъ данныхъ, долженствующихъ доказать возможность перехода *ѣ* въ *о*, русск. мошна, если оно и родственно съ церк.-слав. мѣхъ (въ чемъ весьма позволительно сомнѣваться), на него нисколько не указываетъ, точно такъ же какъ на него не указываетъ церк.-слав. пророкъ при рѣчь, прѣрѣкати; въ в.-русск. гнёзда *о* образовалось, вѣроятно, уже тогда, когда *ѣ* пересталъ существовать въ великорусскомъ нарѣчіи, какъ звукъ отличный отъ *е*, и обязано своимъ происхожденіемъ аналогіи другихъ словъ съ кореннымъ *е*; въ русск. сёдла, польск. wrzód *о* произошло изъ *е*, а не изъ *ѣ*, котораго въ этихъ словахъ никогда не существовало [1]).

Чтобы покончить съ произношеніемъ гласныхъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, скажемъ нѣсколько словъ о ѧ. Г. Будиловичъ думаетъ, что онъ не могъ образовываться изъ *им*, *ин*, и хочетъ подкрѣпить свое мнѣніе указаніемъ на то, что изъ греч. ἐρέβινθος, Κόρινθος въ церковно-славянскомъ языкѣ получилось ревитъ, Корентъ стр. 65—66). Но приведенныя данныя и имъ подобныя, намъ кажется, не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу объ ѧ, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ, произносилось ли ν въ средне-греческомъ ἐρέβινθος

[1]) Церк.-слав. *сѣдьло*, приводимое г. Будиловичемъ, въ памятникахъ какъ церк.-славянскихъ, такъ и др.-русскихъ, не встрѣчается; въ послѣднихъ мы находимъ только *седьло*, *оседьлати* (напримѣръ, въ Паремейникѣ XII—XIII в. Моск. Типогр. Библ. № 157, л. 59: *оседьла*).

(въ древне-греческомъ оно иногда исчезало изъ произношенія). Между тѣмъ существуютъ данныя, указывающія на образованіе ѧ изъ *ин*: это формы 3-го л. мн. ч. наст. вр. такихъ глаголовъ, какъ виждѧ. Если мы сравнимъ форму видѧтъ съ формами види-ши, види-тъ и т. д., то увидимъ, что, какого-бы происхожденія ни было тематическое *и* (это вопросъ спорный), во всякомъ случаѣ оно вошло въ составъ ѧ [1]).

Теперь, вслѣдъ за г. Будиловичемъ, переходимъ мы къ чередованіямъ гласныхъ въ церковно-славянскомъ языкѣ. Къ первому виду ихъ авторъ относитъ „тѣ, въ которыхъ выражаются колебанія взаимно-близкихъ и родственныхъ между собою звуковъ въ написаніи извѣстнаго слова въ опредѣленномъ изводѣ церк.-слав. рукописей“ (стр. 68), именно чередованія *а* и *о* (рабъ и робъ, радити и родити, curam habere), *о* и *е* (топлъ и теплъ, стонати и стенати), *ы* и *у* (стыдъ и студъ), *е* и *ь* (пѧтемь и пѧтьмь), *о* и *ъ* (дѫбомь и дѫбъмь), *ъ* и *ь* (сръдьце и срьдьце). Изъ нихъ только чередованіе *ъ* и *ь* можетъ быть еще отнесено къ числу выражающихъ „колебанія взаимно-близкихъ звуковъ“; чередованія *а* и *о*, *о* и *е* вполнѣ удовлетворительно объясняются другимъ способомъ (Miklosich, Vergleichende Grammatik d. slav. sprach, I[2], s. 18.74), точно такъ же какъ и чередованіе *ы* и *у*; чередованія *е* и *ь*, *о* и *ъ* въ пѧтемь и пѧтьмь, дѫбомь и дѫбъмь объясняются тѣмъ, что въ пѧтьмь, дѫбомь мы имѣемъ древнія образованія (основы словъ пѧть и дѫбъ оканчиваются на *ĭ* и *о*), а въ пѧтемь, дѫбъмь мы имѣемъ образованія болѣе новыя, явившіяся подъ вліяніемъ конемь, сынъмь (основы этихъ послѣднихъ словъ оканчиваются на *е*, *у*): ср. дат. мн. пѧтьмъ, дѫбомъ, при конемъ, сынъмъ.

Второй видъ чередованій гласныхъ въ церковно-славянскомъ языкѣ обнимаетъ тѣ случаи, которые, говоря словами г. Будиловича, „обусловливаются направленіемъ діалектическаго развитія“ (стр. 68). Эти случаи: чередованіе *ѫ* и *у*, *ѧ* и *а* въ русскомъ изводѣ, *ѫ* и *у*, *ѧ* и *е* въ изводѣ сербскомъ и т. п., не принадлежатъ церковно-славянскому языку, и потому мы находимъ излишнимъ говорить о нихъ болѣе подробно.

---

[1]) Намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что тематическое *и* въ *видиши*, *видитъ* происходитъ изъ древнѣйшаго Jâ, которое еще въ дославянскій періодъ перешло въ ĭ. Ср. *и* въ ц.-слав. им. ед. *пустыни*, *сѫдии*, *сѫдии* и і въ литовск. им. ед. patì, род. paczos, auganti, род. auganczos, и т. п., оба изъ древнѣйшаго jâ. Сравн. Leskien, Die Declination im Slavisch-litauischen, s. 8—11.

Что̀ разумѣетъ г. Будиловичъ подъ третьимъ видомъ чередованій ц.-слав. гласныхъ, мы не понимаемъ. Онъ говоритъ и объ исчезновеніи глухихъ, и о появленіи неорганическихъ *j*, *в*, *л*, паразитныхъ *а*, *и*, но по нашему мнѣнію, во всѣхъ примѣрахъ этого вида чередованій, приводимыхъ авторомъ (стр. 70—71), гласные не чередуются: въ ржкоіѧть при ржковѧть чередуются согласные *j* и *в*, въ Аморея при греч. Μωραία *а* не чередуются ни съ чѣмъ.

Четвертый видъ чередованій, по г. Будиловичу,—тотъ, который объясняется вліяніемъ сосѣднихъ гласныхъ и согласныхъ и совмѣщаетъ въ себѣ явленія ассимиляціи и диссимиляціи. Здѣсь авторъ указываетъ, между прочимъ, на такія явленія, принадлежность которыхъ къ ассимиляціи звуковъ подлежитъ сомнѣнію; именно, тв. ед. копиимь вѣрнѣе объяснять не изъ копиѥмь, а изъ *копиjьмь (сравн. сръдьцьмь), какъ и объясняетъ Миклошичъ (Vgl. Grammatik, I[2], s. 84); хвалиши, имаши вѣрнѣе считать не стяженіями изъ *хвалиѥши, *имаѥши, а образованіями отъ основъ хвали, имаа (изъ имаjа): если бы хвалиши образовалось изъ *хвалиѥши (или *хваліеши), то 3-е л. мн. ч. звучало бы хвалѭтъ, а не хвалѧтъ; а если бы имаши образовалось изъ *имаѥши, то мы имѣли бы безъ сомнѣнія эту послѣднюю форму, какъ имѣемъ дѣлаѥши, добраѥго и т. п., и въ чешскомъ яз. ей соотвѣтствовала бы форма mé s, а не máš (какъ ц.-слав. воѥвода соотвѣтствуетъ въ чешскомъ vévoda, а не vóvoda); *е* въ ц.-слав. лебедь при *а* польск. łabędz едва ли можно считать происшедшимъ изъ *а*: въ этихъ словахъ *е* относится къ *а* также, какъ *е* въ русск. ребёнокъ, ц.-слав. ѥлень относится къ *а* въ ц.-слав. рабъ, алънии, лани (Schmidt, Zur Geschichte d. indo-germ. Vokalismus, II, s. 148); *е* въ ц.-слав. ѥнуарь при *а* въ греч. ἰανουάριος хотя и образовалось изъ *а*, но не славянской, а на греческой почвѣ, какъ показываетъ ново-греч. γενάρης, то-есть, jenaris. Едва ли можно думать, что *и* въ шити, либо, иго, щитъ образовалось изъ *у*: въ первомъ и четвертомъ словахъ оно образовалось изъ *ы* (шити изъ хjыти, литовск. siuti; сравн. плыти, мыти, крыти), второе состоитъ изъ частицъ *ли* и *бо*, наконецъ въ третьемъ *и* произошло изъ *jь*, *jъ*, (сравн. jugum, ζυγόν). Не понимаемъ, почему автору вздумалось видѣть регрессивную ассимиляцію въ себе при собоѭ, особа, въ русск. ученіе при учёный; *е* и *о* въ себѣ и собоѭ объясняются такъ же, какъ и въ стенати и стонати, а *е* въ ученіе, какъ всѣмъ извѣстно, есть звукъ болѣе древній, чѣмъ *о*

въ учёный, и объ образованіи его изъ этого *о* подъ вліяніемъ послѣдующаго *и*, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Чередованія ц.-слав. гласныхъ пятаго вида относятся къ усиленію гласныхъ, которое раздѣляется г. Будиловичемъ на три разновидности: 1) усиленіе при опущеніи гласныхъ, 2) усиленіе при опущеніи согласныхъ и 3) усиленіе при перестановкѣ гласныхъ и согласныхъ. Здѣсь авторъ смѣшиваетъ явленія самаго разнообразнаго характера и, между прочимъ, говоритъ объ удлиненіи гласныхъ при стяженіи (нѣсть изъ не есть) и ассимиляціи (вынидѫ изъ вънидѫ, крѣплии изъ крѣпльи), которое никакой связи съ усиленіемъ при опущеніи гласныхъ не имѣетъ, такъ какъ гласные здѣсь не опускаются, а или входятъ въ составъ другихъ гласныхъ, или сохраняются въ цѣлости. Впрочемъ, съ послѣднимъ г. Будиловичъ не согласенъ; ему кажется, что переходъ ъ въ ы въ вынидѫ, ь въ и въ крѣплии „совпалъ съ превращеніемъ позвучнаго и изъ гласнаго въ полусогласный“ (стр. 74), но древне-русскія нотныя книги, въ которыхъ формы въ родѣ вынидѫ и крѣплии отнюдь не составляютъ рѣдкости, постоянно имѣютъ надъ *и* послѣ *ы* и *и* нотные знаки, показывающіе, что это *и* произносилось какъ всякій другой гласный. Такія формы, какъ пробасѧ, процвисъ, авторъ считаетъ происшедшими изъ *прободсѧ, процвьтсъ: это едва ли вѣрно. Позволительно предполагать, что согласные *д* и *т* въ *прободсѧ, *процвьтсъ исчезли прежде, чѣмъ образовались въ нихъ звуки *о* и *ь*, то-есть еще въ то время, когда въ нихъ находились ă и ĭ, удлиненіе которыхъ въ *а* (изъ ă) и *и* (изъ ĭ) вполнѣ естественно. Объясненіе *а* въ крава и *ѣ* въ млѣко у г. Будиловича неполно и неясно, но мы не будемъ касаться его подробно, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко; замѣтимъ только, что ц.-слав. четврѣдьневьнъ, пладьне нельзя объяснить изъ четверодьневьнъ, полудьне: первое слово образовалось изъ *четвордьневьнъ (основа четвер.; сравн. основу четыр въ четыретессар въ греч. τέσσαρες), второе—изъ *полдьне.

Шестой видъ чередованій гласныхъ въ церковно-славянскомъ языкѣ— тотъ, который обусловленъ характеромъ грамматическихъ формъ“. Къ нему г. Будиловичъ относитъ „явленія подъема, или возвышеній и пониженій корневыхъ гласныхъ“, которыя, смотря по тому, какая „стихія или характеристика“ преобладаетъ въ арійскомъ корнѣ, онъ дѣлитъ на пять „рядовъ“: рядъ *а*, рядъ *и*, рядъ *у*, рядъ *р* (*л*), рядъ *м*(*н*). „Исходную точку и серединную ось въ подъемномъ движеніи глас-

ныхъ" онъ не берется опредѣлить и считаетъ возможнымъ думать, что рекѫ развилось подъемомъ изъ рьци, а рокъ изъ рекѫ, или, наоборотъ, что рьци есть ослабленіе рекѫ, а рекѫ ослабленіе рокъ (послѣднее ему представляется болѣе вѣроятнымъ, стр. 83). Здѣсь авторъ смѣшиваетъ явленія славянскія и дославянскія, явленія, которыя должны имѣть мѣсто въ грамматикѣ церковно-славянскаго языка, и явленія, о которыхъ должна говорить сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ. Изъ всѣхъ гласныхъ, которые онъ считаетъ образовавшимися при помощи повышенія или пониженія, съ полною достовѣрностью можно объяснить „подъемомъ" только ъ и ь (изъ *о* и *е*) въ довълѣти, шьдъ, пьсъ и т. п. Изъ прочихъ звуковъ *е* образовалось еще въ дославянскій періодъ, какъ это видно изъ сравненія ц.-слав. берѫ и греч. φέρω, лат. fero, медъ и греч. μέθυ, древ.-нѣм. metu, лит. medus, текѫ и лит. teku и т. п.; *о* получило начало на слав. почвѣ, но образовалось не изъ *е* и не изъ *а* (то-есть â), а изъ дославянскаго ă, какъ показываетъ литовскій языкъ: сравни ц.-слав. борѭ и лит. bariu, гонити и лит. ganiti, оба и лит. abu; то же надо сказать объ *у*: этотъ звукъ образовался на слав. почвѣ, но не изъ ъ и не изъ ꙑ, а изъ дослав. дифтонга ău, какъ можно видѣть это изъ сравненія ц.-слав. духъ и лит. dausas, юнъ и лит. jaunas, туръ и лит. tauras. Церк.-слав. звуки *е* и *ѣ* (рекѫ, рѣчь), *о* и *а* (възоръ, заря), ь, *и*, *ѣ*, *oj* (цвьтѫ, процвитати, цвѣтъ и почити, покои), ъ, *ы*, *у*, *ов* (гънѫти, гыбнѫти, губити и слыти, слухъ, слово) несомнѣнно находятся между собою въ той или другой генетической связи, но эта связь установилась еще въ обще-индо-европейскій періодъ и потому имѣетъ такое же отношеніе къ грамматикѣ церковно-славянскаго языка, какъ и къ грамматикѣ языковъ древне-индійскаго, греческаго, латинскаго и пр.

Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что г. Будиловичъ указываетъ въ церковно-славянскомъ языкѣ на такія чередованія гласныхъ, какихъ въ немъ никогда не было. Таково чередованіе ь, *и*, *ѣ* съ *а* (по ряду *и*), существованія котораго авторъ поэтому и не можетъ доказать примѣрами (слова сидѣти, которое онъ приводитъ и которое впрочемъ вовсе не доказываетъ того, что̀ онъ желалъ бы имъ доказать,—въ церковно-славянскомъ языкѣ не существовало, а существовало слово сѣдѣти; сравни др. русск. сѣдѣти, сербск. сјєдити, польск. siedzieć).

Какъ извѣстно, нѣкоторыя изъ новыхъ славянскихъ нарѣчій различаютъ краткость и долготу гласныхъ. Различалъ ли ихъ церковно-

славянскій языкъ? Хотя г. Будиловичъ полагаетъ, что на этотъ вопросъ можно дать только гадательный отвѣтъ, однако рѣшительно склоняется въ пользу того мнѣнія, что церковно-славянскій языкъ имѣлъ краткіе и долгіе гласные. Наиболѣе краткими онъ считаетъ ъ и ь, затѣмъ *е*, *о*, *ѧ*; *и*, *ы* и *ѫ* принадлежатъ, по его словамъ, уже къ долгимъ гласнымъ, хотя они кратки въ сравненіи съ *ѣ* и *у*, а эти послѣдніе короче, чѣмъ *а*, „стоящее на вершинѣ подъемнаго движенія гласныхъ" (стр. 85). Изъ доводовъ автора, которыми подкрѣпляетъ онъ свое мнѣніе, видно, что онъ смѣшиваетъ церковно-славянскій языкъ съ обще-славянскимъ. Въ послѣднемъ, въ древнѣйшій періодъ его существованія, гласные дѣйствительно различались по долготѣ, именно ъ, ь, *о*, *е*, *ѧ*, *ѫ* были звуками краткими, *а*, *и*, *ѣ*, *ы*, *у*—звуками долгими [1]), но въ періодъ распаденія обще-славянскаго языка въ немъ едва ли было много долгихъ гласныхъ. Сербскіе и словинскіе дифтонги, замѣняющіе древній *ѣ*, говорятъ положительно о долготѣ этого звука въ концѣ обще-славянскаго періода; сербскій и чешскій языки говорятъ за долготу гласныхъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они образовались чрезъ стяженіе двухъ звуковъ: *а* (сербск. игра̂м, чеш. hrám, изъ *играјамь), *о* (сербск. добро̂га, добро̂му), *е* (чешск. dobrého, dobrému, изъ *добръ-ѥго, добръ-ѥму). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ дифтонги и долгіе гласные сербскаго, чешскаго и др. языковъ произошли сравнительно въ новое время, въ каждомъ языкѣ отдѣльно, подъ вліяніемъ исчезновенія глухихъ, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ ударенія и другихъ факторовъ. Поэтому можно думать, что въ обще-слав. языкѣ въ періодъ его распаденія *а*, *о*, *е*, *ѫ*, *ѧ*, *ы*, *и* не различались между собою въ количественномъ отношеніи. Относительно взаимнаго равенства *о*, *е*, *ѫ*, *ѧ* въ большинствѣ случаевъ едва ли можетъ быть сомнѣніе; о количествѣ *и* и *ы*, *а* и *у* мы можемъ судить по слѣдующему. Въ иже, иго, имѧ [2]), болии, вынѫ, добрыи и т. п. *и* и *ы* произошли изъ ь и ъ путемъ ассимиляціи ихъ съ предшествующимъ или съ послѣдующимъ j; подобнаго рода ассимиляція была бы невозможною, если бы ь и ъ были гласными краткими или даже очень

[1]) Весьма возможно, что и въ древнѣйшую эпоху въ обще-славянскомъ яз. были отдѣльные случаи сокращенія долгихъ звуковъ; по крайней мѣрѣ, на это указываютъ ъ въ род. мн. *рабъ* изъ *ôm* (греч. ων, лат. *ûm*) и ь въ 2-мъ л. ед. повел. накл. *даждь* изъ ês (греч. ης въ θείης, лат. ês въ siês, sis).

[2]) Въ этомъ словѣ и образовалось изъ *jь*: сравни др. прусск. emmens и средне-болгарск. ѥмѧ (*Miklosich*, Lexicon).

краткими, а *и* и *ы*—долгими; такимъ образомъ естественно заключить, что между *и* и *ь*, *ы* и *ъ* если и было различіе въ количествѣ, то лишь сравнительно незначительное. Въ русскомъ языкѣ и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ на мѣстѣ ц.-славянскихъ и польскихъ носовыхъ мы видимъ *а* (съ предшествующей мягкой согласной) и *у*; эти послѣдніе звуки, очевидно, образовались еще на обще-славянской почвѣ. Такъ какъ ѧ и ѫ были звуками краткими, то ихъ замѣны, *а* и *у*, не могли быть долгими; а такъ какъ въ новыхъ славянскихъ языкахъ мы не замѣчаемъ никакой количественной разницы между *а* и *у* изъ юсовъ и *а* и *у* изъ древнѣйшихъ â и au, то должны изъ этого заключить объ отсутствіи такой разницы между ними и въ концѣ обще-славянскаго періода. Такимъ образомъ, въ древнѣйшую эпоху самостоятельной жизни какъ другихъ славянскихъ нарѣчій, такъ и церковно-славянскаго языка, въ нихъ постояннымъ долгимъ гласнымъ могъ быть только *ѣ*. Вѣрно это, или невѣрно, во всякомъ случаѣ говорить о пяти видахъ количества ц.-слав. гласныхъ нѣтъ совершенно никакихъ основаній: ихъ никогда не имѣлъ и обще-славянскій языкъ, ограничивавшійся не болѣе, какъ тремя видами.

Статью о гласныхъ г. Будиловичъ заключаетъ нѣсколькими словами объ удареніяхъ. Онъ находитъ возможнымъ „хоть приблизительно заключать о характерѣ и расположеніи ц.-слав. удареній по аналогіямъ нѣкоторыхъ живыхъ нарѣчій, особенно же русскаго и сербско-хорватскаго" (стр. 88). Съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться. Хотя въ церковно-славянскихъ рукописяхъ ударенія не разставлены, но о нѣкоторыхъ изъ нихъ (сравнительно очень немногихъ) мы можемъ догадываться по опущенію буквъ ъ и ь въ ц.-слав. текстахъ, указывающему, если не на совершенное отсутствіе глухихъ звуковъ, то по крайней мѣрѣ на ихъ безударное произношеніе; поэтому, по отсутствію ъ въ мнѣ, кто, ь въ все, вса (Саввина кн.) и т. п., мы въ правѣ догадываться, что въ этихъ словахъ удареніе находилось на *ѣ*, *о*, *е*, *а*. Затѣмъ, такъ какъ церковно-славянскій языкъ есть не что иное, какъ одинъ изъ говоровъ древне-болгарскаго языка, то всего естественнѣе судить о церковно-славянскихъ удареніяхъ по удареніямъ ново-болгарскаго языка, и лишь тамъ, гдѣ данныя этого языка недостаточны, можно принимать въ соображеніе данныя другихъ языковъ [1]). Еслибы авторъ обратилъ сколько-нибудь вниманія на

[1]) Объ особенностяхъ ново-болг. ударенія см. у *Брандта,* Начертаніе слав. акцентологіи, стр. 113 слѣд. Надо имѣть въ виду, что г. Брандтъ явленія архаическія иногда принимаетъ за новыя.

ново-болгарскій яз., онъ не сказалъ бы, что „позвучные ъ и ь не имѣли на себѣ ударенія“ (стр. 88): въ немъ сохранилось не мало указаній на древнюю ударяемость конечныхъ ъ и ь (медъ-*т*, сынъ-*т* и т. п.; ср. литовск. medùs, sunùs), указаній, подкрѣпляемыхъ данными ц.-славянскихъ памятниковъ: всь миръ, идѣта въ всь (Саввина кн. въ Памятникахъ юсоваго письма, Срезневскаго, стр. 2, 72) и т. п., и современныхъ слав. нарѣчій: русск. днéсь, польск. dnes (изъ дьнь-сь), русск. ночéсь (изъ ночь-сь), ономé дни (изъ ономь дьни).

Обращаемся къ согласнымъ. Изъ четырехъ видовъ чередованій согласныхъ, находимыхъ г. Будиловичемъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, первымъ онъ называетъ тотъ, который заключаетъ чередованія, объясняемыя родствомъ звуковъ. Здѣсь имъ смѣшаны чередованія согласныхъ самаго разнообразнаго свойства: *ф* и *хв* (влъфы и влъхвы), *в* и *м* (внукъ и мнукъ), *г* и *к* (глистирь и κλυστήριον), *р* и *ж* (кора и кожа), *р* и *ш* (чара и чаша), *т* и *к* (театръ и кіатръ) и т. п. Изъ нихъ огромное большинство неизвѣстно въ церковно-славянскомъ языкѣ, какъ объ этомъ было упоминаемо выше; другія не имѣютъ никакого отношенія вообще къ слав. фонетикѣ (чередованіе *г* и *к* въ глистирь и κλυστήριον обязано своимъ происхожденіемъ средне-греческому языку, въ которомъ, какъ и въ ново-греческомъ, древнее κ передъ λ постоянно замѣняется черезъ γ); существованіе нѣкоторыхъ (чередованій *р* и *ш*, *р* и *з*, *р* и *в*) подлежитъ величайшему сомнѣнію, и только относительно немногихъ (*в* и *ф*, *п* и *ф*, *к* и *х*) можно согласиться съ авторомъ.

Ко второму виду чередованій согласныхъ, какъ и ко второму виду чередованій гласныхъ, г. Будиловичъ относитъ тѣ явленія, въ которыхъ „отражается діалектическое прирожденіе“ звуковъ. Здѣсь говорится о такихъ чередованіяхъ, какъ чередованіе ц.-слав. *шт* въ хоштѫ съ русск. ч въ хочу, чередованіяхъ, не принадлежащихъ ц.-славянскому языку и иногда относящихся къ области гласныхъ, а не согласныхъ [1]).

Третьимъ видомъ чередованій согласныхъ авторъ называетъ тотъ, который „обусловленъ расположеніемъ ихъ въ словахъ и корняхъ“. Явленія, отнесенныя г. Будиловичемъ къ этому виду (перестановка плавныхъ и глухихъ, исчезновеніе древнихъ конечныхъ согласныхъ,

---

[1]) Въ числѣ сербскихъ словъ авторъ приводитъ слово *хулмъ*. Интересно бы было знать, въ какомъ памятникѣ онъ его нашелъ.

возникновеніе паразитныхъ j, *в*, *н* и т. п.), не могутъ быть причисляемы къ чередованіямъ, какъ бы ни понимать это слово. Они должны быть упоминаемы въ церковно-славянской грамматикѣ, но въ другомъ мѣстѣ и подъ другими наименованіями.

Четвертымъ видомъ г. Будиловичъ называетъ явленія переходнаго смягченія, вставки и выпаденія согласныхъ, ихъ взаимной ассимиляціи и диссимиляціи. Не вдаваясь въ общія разсужденія, замѣтимъ, вопервыхъ, что формъ западно-славянскаго типа (съ *з* вм. *жд*) въ церковно-славянскомъ языкѣ неизвѣстно, и что слово тьзъ, которое авторъ пишетъ неправильно: тезъ (стр. 114), не имѣетъ никакого отношенія къ словамъ тождьство, тeждиѥ (если только послѣднее слово когда-нибудь существовало); вовторыхъ, что въ словахъ жити, плѣти могло и не быть выпаденія *в* передъ *т*: сравни жи-ти и жи-знь, жи-ръ, польск. ży-ję, плѣти и русск. полю, польск. pielę, чешск. pleji, и втретьихъ, что въ ц.-слав. братъ *р* послѣ *т* подвергалось элизіи не „на глазахъ исторіи", какъ полагаетъ г. Будиловичъ (стр. 115), а значительно раньше: или тогда, когда исчезли изъ произношенія всѣ конечные согласные (сравни лат. frater), или—что̀ гораздо болѣе вѣроятно—еще въ дославянскій періодъ (сравни др. прусск. brati, brote) [1]). Замѣтимъ также, что *з* въ Змиръна Σμύρνα, измарагдъ σμάραγδος и др. образовалось на греческой, а не на славянской почвѣ (Miklosich, Vgl. Grammatik, I², s. 291), и что сочетанія *в* одинаково и съ согласными звонкими, и съ согласными глухими нельзя объяснить полусогласнымъ выговоромъ этого звука: въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи *в* въ квасъ, гвоздь, свѣтъ, звѣзда произносится какъ настоящій согласный; точно такъ же онъ долженъ былъ произноситься и въ церковно-славянскомъ языкѣ. Укажемъ, наконецъ, на то, что словами: „при встрѣчѣ согласныхъ съ плавными, ц.-слав., какъ и остальныя нарѣчія славянскаго юга, требовалъ помѣщенія плавныхъ на второмъ, а не на первомъ мѣстѣ группы, вслѣдствіе чего форма търт мѣнялась въ трът, напримѣръ: мраморъ вм. marmor, Прьсида Persis, прьварь februarius, млъхъ μοχλός" (стр. 113), г. Будиловичъ придалъ слишкомъ много значенія немногимъ частнымъ

---

[1]) Конечный ъ въ *братъ* вмѣсто ожидаемаго *и* (сравн. *мати*) объясняется дѣйствіемъ аналогіи. Чешская форма им. ед. bratr можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ формою вин. ед., получившею съ теченіемъ времени значеніе имен. п. (ср. *камень*, *корень*, *кръвь*). Находившійся нѣкогда въ этомъ словѣ ъ послѣ *р* можетъ быть близкимъ по происхожденію съ ъ въ *сьто*.

случаямъ перестановки плавныхъ въ словахъ, перешедшихъ въ церковно-славянскій языкъ изъ греческаго. Эти случаи, при массѣ другихъ, гдѣ плавные сохраняютъ свое мѣсто послѣ гласныхъ (мартъ, архангелъ, варваръ, персъ и т. п.), не болѣе, какъ исключенія, обязанныя своимъ происхожденіемъ аналогіи другихъ, чисто-славянскихъ словъ (ср. прьварь и прьвъ), а не спеціальному закону [1]).

Послѣ изложенія ученія о звукахъ и ихъ измѣненіяхъ, авторъ говоритъ о строеніи словъ, именно о строеніи корней, префиксовъ, суффиксовъ, флексій, основъ. Здѣсь не можемъ не обратить вниманія на нѣкоторыя частности. Въ числѣ словъ съ корнями, расширенными при помощи или паразитныхъ, или аффиксныхъ наростовъ, авторъ приводитъ, между прочимъ, ц.-слав. гнѣздо при лат. nidus, нѣм. Nest, чешск. kvapka и польск. kropla при ц.-слав. капля (стр. 129). Въ этихъ словахъ мы не видимъ расширенныхъ корней: г въ гнѣздо не есть паразитное придыханіе, а древняя составная часть корня, исчезнувшая въ лат. nidus (изъ *gnisdus; сравн. nosco изъ gnosco) и въ нѣм. Nest, чешск. kvapka, по корню родственно съ ц.-слав. кыпѣти, чешск. kvapiti (сравн. хытити и хватати, кыснѫти и квасъ), а польск. kropla имѣетъ тотъ же корень, который мы видимъ въ русск. кропить; такимъ образомъ, ни то, ни другое слово не имѣетъ никакого отношенія къ слову капля. Звуки *з* и *с* въ пѣснь, жизнь, дребезги, ярость, мѫжьскъ авторъ признаетъ паразитными [2]) (стр. 137), безъ всякаго основанія. Г. Миклошичъ, хотя держится одного съ нимъ взгляда, приводитъ однако нѣсколько данныхъ изъ готскаго и литовскаго языковъ (Vgl. Grammatik, I[2], s. 283), данныхъ, говорящихъ противъ этого взгляда. Изъ суффиксовъ, существующихъ въ ц.-слав. языкѣ, одинъ отмѣченъ г. Будиловичемъ въ качествѣ суффикса иноязычнаго. Это суффиксъ *ѧз*, *ѧѕ*, встрѣчающійся въ словахъ кънѧзь, витѧзь и т. п. (стр. 138). Намъ кажется, что существованіе подобнаго суффикса въ церковно-славянскомъ языкѣ подлежитъ сомнѣнію: онъ находится только въ тѣхъ словахъ, которыя заимствованы церковно-славянскимъ языкомъ изъ нѣмецкихъ нарѣчій и не встрѣчается ни въ одномъ словѣ славянскаго

[1]) Г. Будиловичъ думаетъ, что группа *търт* мѣнялась въ *трът* не только въ ц.-слав., но и въ «остальныхъ нарѣчіяхъ слав. юга», слѣдовательно, въ сербскомъ и ново-болгарскомъ яз. Однако въ послѣднемъ есть говоры, въ которыхъ плавный звукъ ставится не послѣ ъ, а передъ нимъ: *българинъ-тъ*.

[2]) Тамъ, гдѣ онъ говоритъ о паразитныхъ согласныхъ, объ *з* и *с* у него нѣтъ упоминанія.

образованія. Поэтому его едва ли слѣдуетъ считать славянскимъ суффиксомъ, какъ не слѣдуетъ считать таковымъ и суффикса тер въ презвитеръ, и ставить его на одну доску съ сербскимъ суффиксомъ ⁿиј, перешедшимъ въ сербскій языкъ изъ турецкаго и существующимъ въ цѣломъ рядѣ словъ сербскаго происхожденія: восковарⁿија, вратарⁿија, говорⁿија и т. п.

Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ о склоненіи г. Будиловичъ сдѣлалъ двѣ важныя погрѣшности: 1) онъ не выдѣлилъ склоненія основъ на *у* въ особый отдѣлъ и смѣшалъ его съ склоненіемъ основъ на *о*, и 2) не взялъ на себя труда различить въ склоненіи архаизмы и новообразованія. Правда, склоненіе основъ на *у* „уже на разсвѣтѣ слав. письменности является въ развалинахъ" (стр. 157), но это справедливо не въ томъ отношеніи, что оно утратило свои древнія формы, а въ томъ, что число его представителей въ это время было уже очень незначительно. Правда, оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ сливается съ склоненіемъ основъ на *о*, но это нисколько не мѣшаетъ ему имѣть крупныя отличія отъ него. Вслѣдствіе всего этого эти два склоненія необходимо строго различать. Что касается до архаизмовъ и новообразованій, то хотя и трудно ихъ отличать другъ отъ друга, однако это дѣло не невозможное. Въ склоненіи основъ на согласной формы имен. и родит. ед. и множ. ч. несомнѣнные архаизмы, какъ это видно изъ сравненія ихъ съ формами другихъ индо-европейскихъ языковъ, а г. Будиловичъ не только не указываетъ на это обстоятельство, но даже увѣряетъ, будто это склоненіе представляетъ смѣшеніе формъ склоненій на *о*, *а* и *и* (стр. 161). Формы имен. мн. Римляне, род. мн. Римлянъ, твор. и мѣстн. мн. Дрѣвлями, Дрѣвляхъ, им. ед. видѧ, творь,болии, им. мн. видѧште, творьше, больше, род. мн. дѣлателъ онъ прямо называетъ новообразованіями, явившимися подъ вліяніемъ склоненія основъ на согласный (стр. 163—164), хотя это несомнѣнные архаизмы, какъ это видно изъ сравненія формъ Римляне, Римлянъ съ греч. Καύχωνες Καυχώνων, дѣлателъ съ греч. δοτέρων видѧ, творь, болии съ греч. λύων, лат. ferens, major, видѧште, творьше, больше съ греч. λύοντες, лат. ferentes, majores, и изъ того, что нѣтъ никакой возможности объяснять дат. и мѣстн. мн. Дрѣвлямъ, Древлями какъ новообразованія (объ этихъ формахъ см. наши Изслѣдованія въ области русской грамматики, стр. 55—59). Сверхъ того, г. Будиловичъ допускаетъ иногда неточности и недомолвки. Онъ говоритъ, что числительное четыриѥ склоняется такъ же, какъ пѧть, а числит. десѧть какъ кость (стр. 159),

тогда какъ первое отличается отъ пѧть въ формѣ род. мн. (четырь или четыръ, при пѧтии), а второе несходно въ склоненіи съ кость въ вин. и мѣсти. ед., род. и мѣстн. дв., род. и твор. мн. (десѧте и кости, десѧту и костию, десѧтъ и костии, десѧты и костьми; Miklosich, Vgl. Grammatik, III[2], s. 37; Scholvin, Die Declination in d. pannon.-slovenich. Denkmälern des Altkirchen-Slavischen, s. 76). Онъ приводитъ только одну форму вин. ед. црькъве, матере (стр. 160), тогда какъ существуетъ другая форма того же падежа црькъвь, матерь, болѣе распространенная, чѣмъ первая, и въ памятникахъ церковно-славянскаго языка (Scholvin, 47), и особенно въ памятникахъ древне-русскихъ, начиная съ Остромирова Евангелія. Онъ полагаетъ, что мѣстоименія вьсь, нашь, вашь склоняются также, какъ *сь*, а мѣстоименіе къи, вмѣстѣ съ мои, такъ же какъ *и* (стр. 167), между тѣмъ какъ мѣст. вьсь, нашь, вашь значительно отличаются въ склоненіи отъ *сь* (сравн. вин. ед. женск. вьсѭ, нашѫ и сиѭ, им.—вин. мн. женск. и ср. вьсѧ, вься и сиѩ, *си*), а мѣст. къи, которое есть не что иное, какъ мѣстоим. *къ* съ членомъ *и*, склоняется по образцу членныхъ именъ прилагательныхъ (сравн. тв. ед. кыимь и добрыимь, род. мн. кыихъ и добрыихъ и пр.), слѣдовательно совершенно несходно съ мои и *и*; формы коѥго, коѥѩ, коѥму, коѥи и пр., образованныя одинаково съ моѥго, ѥго и т. д.,—формы не мѣстоименія къи, а мѣстоим. *кои, не употреблявшагося въ имен. и нѣкоторыхъ другихъ падежахъ [1]). Слѣдуетъ также замѣтить, что объяснять звуковое различіе формъ им.—вин. мн. *ты* и ѩ, *та* и *си* переходомъ *ы* въ ѧ и *а* въ *и*, какъ это дѣлаетъ авторъ, нѣтъ никакой возможности. Образованіе *ы* въ *ты* и его отношеніе къ ѧ въ ѩ ничѣмъ не отличается отъ образованія *ы* въ род. ед. и им.—вин. мн. жены и отношенія его къ ѧ въ душѧ и уже достаточно разъяснено Шмидтомъ (Zur Geschichte d. indo-germ. Vocalismus, I, s. 177—178) и Лескиномъ (Die Declination im Slav.-lit., s. 41—42); форма *си*, какъ происходящая отъ основы на *и* и образованная одинаково съ формою ср. р. три, объяснена нами въ другомъ мѣстѣ (Русскій Филологич. Вѣстникъ, 1882 г., № 2, стр. 286) [2]).

---

[1]) Это мѣстоименіе образовано одинаково съ мѣст. *мои*, *твои*, *свои*, *чи*. Отношеніе его къ мѣст. къ (въ *къ-то* и *къи*) таково же, какъ и отношеніе мѣст. *мои*, *твои*, *свои* къ греч. ἐμός, σός, ὅς и мѣст. *чи* къ мѣст. *чь* (въ *чь-то*).

[2]) Тамъ же объяснена и форма *си* въ выраженіи *синошти*, которую г. Будиловичъ считаетъ происшедшею изъ *сеи* (стр. 168).

За статьей о склоненіи слѣдуетъ статья о спряженіи. Здѣсь надо отмѣтить слѣдующее: Г. Будиловичъ считаетъ окончаніемъ ц.-слав. формъ 3-го л. ед. и мн. наст. вр. не *тъ*, а *ть*. Это положительно невѣрно. Хотя въ памятникахъ ъ и ь часто смѣшиваются, но за окончаніе *тъ* говоритъ то удивительное постоянство, съ какимъ оно употребляется въ этихъ памятникахъ—въ формахъ какъ настоящаго вр., такъ и аориста, и въ памятникахъ древне-русскихъ — въ формахъ аориста (взятъ, приятъ и т. п.); за него говоритъ и чешск.-польск. jest. Какого бы происхожденія ни было окончаніе *тъ*, во всякомъ случаѣ оно отлично отъ окончанія *ть* и считать въ немъ ъ происшедшимъ изъ ь, какъ это дѣлаетъ г. Будиловичъ (стр. 189), рѣшительно не возможно. Относительно формы ц.-слав. имперфекта авторъ соглашается съ Востоковымъ и принимаетъ за нормальную форму несяахъ, а не несѣахъ, причемъ основывается на томъ, что въ памятникахъ, всегда въ глаголическихъ и часто въ кирилловскихъ, буквы *ѣ* и *я* не различаются и что въ древне-русскихъ кодексахъ форма несяахъ господствуетъ (стр. 189—190). Признавая полную основательность его доводовъ, мы не можемъ однако не указать, что въ сербскомъ языкѣ, несомнѣнно болѣе близкомъ къ церковно-славянскому, чѣмъ русскій формы несяахъ не существуетъ, а существуетъ только форма песијах, которая даетъ возможность возстановить обще-слав. форму имперфекта въ видѣ несѣјахъ, ц.-славянскую—въ видѣ несѣахъ [1]). Окончанія ста, сте въ бѣаста, бѣасте кажутся г. Будиловичу болѣе древними, чѣмъ шета, шете [2]) въ бѣашета, бѣашете (стр. 192),—безъ достаточнаго основанія. Изъ формъ 1 л. ед. ч. наст. вр. на *м*: сербск. несем, играм, чешск. umím, mám, польск. mam, которыя авторъ считаетъ новообразованіями (стр. 197), только серб. несем и чешск. umím не могутъ быть признаваемы за архаизмы, а остальныя столь же древни, какъ и одинаково съ ними образованная ц.-слав. форма имаамь, имамь.

Далѣе авторъ говоритъ о значеніи звуковъ, корней, префиксовъ, флексій, основъ, словъ. Здѣсь много дѣльнаго, но много и такого, съ чѣмъ нельзя вполнѣ согласиться. Обратимъ вниманіе прежде

---

[1]) Правильная русская форма имперфекта—*несяхъ*, встрѣчающаяся очень часто въ лѣтописяхъ; форма *несяахъ* есть соединеніе ц.-слав. *несѣахъ* и русск. *несяхъ* и встрѣчается исключительно въ русскихъ спискахъ съ ц.-слав. оригиналовъ *Русск. Филолог. Вѣстникъ* 1882 г., № 2, стр. 272—273.

[2]) Эти окончанія не были чужды и древне-русскому языку: Олегъ и Борисъ *бяшета* в Черниговѣ (Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку, стр. 146).

всего на то, какъ авторъ опредѣляетъ значеніе предлоговъ. Предлоги, говоритъ онъ,—„цементъ простаго предложенія" (стр. 275). Это невѣрно: въ предложеніяхъ: „онъ идетъ къ Кіеву", „онъ живетъ въ Кіевѣ" и т. п., *къ* и *въ* ничего не соединяютъ, и будь у насъ значеніе падежей столь же явственно, какъ было въ древности, эти предложенія очень немного потеряли бы въ смыслѣ, если бы и не имѣли предлога; сравни древне-русскія предложенія: „идеть Кыєву", „живеть Кыєвѣ", а также латинскія: it Romam, habitat Romae, тожественныя съ нашими по значенію и не имѣющія предлоговъ. Отсюда ясно, что функція предлоговъ не соединеніе частей предложенія, а точнѣйшее опредѣленіе значенія падежей: (мѣстн. Кыєвѣ, могъ значить: въ Кіевѣ, на Кіевѣ, при Кіевѣ, о Кіевѣ мѣстн. же съ предлогомъ *въ* имѣетъ вполнѣ опредѣленное, вполнѣ точное значеніе. Предлогамъ-префиксамъ г. Будиловичъ приписываетъ такое значеніе, какого они въ дѣйствительности никогда не имѣли. Онъ говоритъ, что префиксація превращаетъ глаголы средніе въ дѣйствительные и измѣняетъ неопредѣленно-дѣятельное ихъ значеніе въ окончательное (стр. 223), при чемъ указываетъ на различіе въ значеніи этихъ формъ **идѫ** и **наидѫ**. Но различіе въ значеніи этихъ формъ и имъ подобныхъ не происходитъ отъ префиксовъ, а коренится въ самихъ глаголахъ и формахъ. Глаголы нѣкогда могли быть одновременно и дѣйствительными, и средними, то-есть могли сочиняться съ винит. объекта и не сочиняться (сравни греч. κλέος ἵξεται дойдетъ до славы, ὁδὸν πορεύομαι иду дорогою и т. п.; **Поповъ**, Синтаксическія изслѣдованія, стр. 103 сл., 165 сл.). Глагольныя формы и могли, и отчасти могутъ одновременно имѣть и длительное, имперфективное значеніе, и окончательное, перфективное: русск. **паду** значитъ, вопервыхъ, падаю „поколѣнья восходятъ, зрѣютъ и **падутъ**, другія имъ во слѣдъ идутъ" (Пушкинъ [1]) и вовторыхъ, упаду, буду убитъ; **бѣгу** значитъ, вопервыхъ, бѣгаю (лошадь бѣжитъ), и вовторыхъ, убѣгу; **бѣжалъ** значитъ, вопервыхъ, бѣгалъ (я долго **бѣжалъ**) и во-вторыхъ, убѣжалъ (я **бѣжалъ** изъ тюрьмы). Независимость залога и вида отъ предлоговъ-префиксовъ изъ этихъ примѣровъ вполнѣ ясна.

Затѣмъ отмѣтимъ нѣкоторыя частности. Въ числѣ глаголовъ, употребляемыхъ теперь только съ значеніемъ средняго залога, по нѣ-

[1] Сравн. областное чешское *padе* snih падаетъ снѣгъ (*Šembera*, Základové dialektologie československé, str. 14).

когда имѣвшихъ и значеніе дѣйствительнаго залога, г. Будиловичъ приводитъ глаголъ плакати (плакаахѫ мрѣжѧ, стр. 245). Здѣсь онъ смѣшиваетъ два разныхъ глагола, которые различны по происхожденію и которые хотя въ церковно-славянскомъ языкѣ звучатъ тожественно, но въ другихъ слав. нарѣчіяхъ несходны по звукамъ: плакати flere, русск. плакати, польск. płakać и плакати lavare, др.-русск. полокати (полокаху мрѣжа, Галицкое Ев. XIII в. Импер. Публ. Библ.), польск. płokać. Числительныя триѥ, четырнѥ, съто авторъ называетъ не участвующими въ родовомъ движеніи именъ (стр. 258). Это не вѣрно: триѥ и четыриѥ——формы муж. р., имѣющія при себѣ формы женск. и ср. три и четыри (Miklosich, Vgl. Grammatik, III[2], s. 36), а съто есть не что иное, какъ имя существительное ср. р. (такъ же какъ тысѫшта, тысяча имя сущ. женск. р.) и объ измѣненіи его по родамъ, понятно, не можетъ быть и рѣчи. Нарѣчіе между не есть форма вин. п., какъ полагаетъ авторъ (стр. 273); это форма мѣстн. п., какъ показываютъ ц.-слав. памятники, гдѣ она пишется постоянно между, междю (междѫ только въ Остромировомъ Ев.); по образованію она одинакова съ формою сыну и происходитъ отъ основы на *у* съ предшествующимъ j.

Говоря о степеняхъ сравненія, г. Будиловичъ замѣчаетъ, что „ослабленіе въ слав. языкѣ степенныхъ формъ прилагательнаго выразилось между прочимъ и въ утратѣ сравнительнаго и превосходнаго значенія древнихъ суффиксовъ тер, то, мо, которые сохранились въ словахъ ѥтеръ, которыи, пѧтыи, шестыи, седьмыи, осмыи и которые соотвѣтствуютъ по происхожденію греч. τερος, τατος и лат. mus въ βέλτερος, βέλτατος, optimus и т. п." (стр. 239). Намъ кажется суффиксы тер, тор никогда не были суффиксами исключительно сравнительной степени (сравн. слав. котерыи, которыи и др. инд. katara),—суффиксъ то въ шестыи родственъ не съ греч. τατος въ βέλτατος, а съ греч. τος въ ἔνατος, δέκατος, а суффикса mus, какъ суффикса превосходной степени, въ латинскомъ языкѣ не существовало (въ optimus, optumus суффиксы timus, tumus, соотвѣтствующіе др. инд. суффиксу tama).

Послѣдняя статья—статья о предложеніи и его составныхъ частяхъ и ихъ значеніи—обращаетъ вниманіе, между прочимъ тѣмъ, что авторъ въ ней говоритъ объ управленіи словъ и подчиненіи предложеній, тогда какъ слѣдовало бы говорить о сочиненіи. Въ предложеніи: „я имѣю жену", мы находимъ форму вин. п. жену не потому, что глаголъ имѣю управляетъ вин. п., или, по терминологіи нашихъ

учебныхъ грамматикъ,—требуетъ вин. п., а потому, что винит. п. означаетъ пассивное состояніе объекта, состояніе, въ которомъ на него обращено дѣйствіе сказуемаго. Изъ предложеній: „я тотъ, кого никто не любитъ“, авторъ, вслѣдъ за другими, считаетъ второе предложеніе („кого никто не любитъ“) подчиненнымъ первому (стр. 321), но очевидно, что предложенія, подобныя приведеннымъ, развились изъ предложеній вопроса и отвѣта [1]), и что такимъ образомъ первое предложеніе нѣкогда было подчинено второму настолько, насколько подчиняется отвѣтъ вопросу. Въ настоящее время, когда характеръ вопроса и отвѣта въ такихъ предложеніяхъ уже исчезъ и вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и оттѣнокъ подчиненія одного предложенія другому, отношеніе предложеній „я тотъ, кого никто не любитъ“ по своей сущности нисколько не отличается отъ отношенія предложеній: „никто не любитъ и все живущее клянетъ“, и вся разница между двумя первыми изъ нихъ и двумя послѣдними заключается лишь въ томъ, что первыя болѣе тѣсно связаны между собою, чѣмъ послѣднія. То, что̀ говоритъ авторъ объ отрицательныхъ предложеніяхъ (стр. 317), вовсе не заслуживаетъ выдѣла въ особый параграфъ, такъ какъ эти предложенія ничѣмъ не отличаются отъ предложеній утвердительныхъ, и если въ нихъ, при дѣйствительномъ глаголѣ въ качествѣ сказуемаго, мы часто находимъ дополненіе въ родит. п. (вѣроятно, въ собственно родит. п., genitivus, а не въ относительномъ, ablativus, какъ полагаетъ г. Будиловичъ, стр. 265), то это обстоятельство нисколько не измѣняетъ самой сущности значенія предложеній, точно такъ же, какъ она не измѣняется отъ того, что въ предложеніяхъ утвердительныхъ, вмѣсто ожидаемаго вин. п., мы находимъ часто родит. (я люблю ближняго, я люблю ее, я поѣлъ каши и т. п.).

Такимъ образомъ, сочиненіе г. Будиловича далеко не свободно отъ недостатковъ и въ общемъ, и въ частностяхъ. Авторъ не вполнѣ отрѣшился отъ устарѣлыхъ взглядовъ и не избѣгъ многихъ

---

[1]) Намъ кажется несомнѣннымъ, что относительныя мѣстоименія и мѣст. нарѣчія *кто*, *который*, *когда* и т. п. развились изъ мѣстоименій и нарѣчій вопросительныхъ. Иное дѣло такія мѣстоименія и нарѣчія, какъ ц. слав. *ѥже*, *ѥгда*, *яко*. Они развились изъ мѣстоим. и нарѣч. указательныхъ, какъ указываетъ, напримѣръ, мѣстоим. *и* означающее въ славянскомъ языкѣ *онъ* и *который*. Переходъ указат. мѣстоименій въ относительныя совершился въ глубокой древности, еще до распаденія обще-индо-европейскаго языка. Со сказаннымъ сравн. то, что говоритъ г. Будиловичъ о *ѥгда*, *яко* и *ѥже* (стр. 275).

ошибокъ, такъ что трудъ его требуетъ значительныхъ исправленій. Тѣмъ не менѣе въ немъ сообщается много цѣннаго, новаго, не извѣстнаго въ нашей учебной литературѣ, и потому книга г. Будиловича несомнѣнно окажетъ на нее хорошее вліяніе.

А. Соболевскій.

Mélanges d' archéologie et d' histoire. Paris et Rome. 1881—1882.

Передъ нами лежитъ органъ французской Римской школы, Ecole française de Rome. Крупнѣйшія научныя силы Франціи, вмѣстѣ съ питомцами французской Римской школы, и нѣсколько ученыхъ другихъ странъ принимаютъ дѣятельное участіе въ этомъ изданіи, которое, благодаря широтѣ программы, можетъ возбудить къ себѣ интересъ во всѣхъ, занимающихся древнею Италіей, безъ различія спеціальностей. При обозрѣніи содержанія вышедшихъ до сихъ поръ книжекъ Mélanges мы остановимся, конечно, только на выдающихся работахъ.

Ленорманъ, Бреаль и Гаммурини сказали свое слово по поводу одной очень темной надписи на амфорѣ, открытой въ Формелло, близъ Вей, и составляющей въ настоящее время собственность князя Киджи. Лафе, вмѣстѣ съ А. Мартеномъ, издалъ и объяснилъ дорическую надпись, найденную близъ города Таормины (древн. Ταυρομένιον) и содержащую въ себѣ списокъ мѣстныхъ стратеговъ; онъ же объяснилъ барельефъ, открытый въ 60-хъ годахъ въ Черветри и изображающій женщину, сидящую на собакѣ: въ женщинѣ Лафе видитъ Изиду. Де-ла-Бланшеръ издалъ латинскія эпитафіи, найденныя въ такъ-называемой Valle di Terracina; онѣ даютъ намъ большую коллекцію именъ мѣстныхъ родовъ. Тотъ же ученый помѣстилъ въ Mélanges результатъ своего изслѣдованія гавани Террачины и изысканія объ исчезнувшемъ городѣ Cività, древнее названіе котораго трудно опредѣлимо. Рамзе издалъ нѣсколько надписей на фригійскихъ мраморахъ, происходящихъ изъ той мѣстности, гдѣ были римскія каменоломни фригійскаго мрамора. Лакуръ Гайе прослѣдилъ консуловъ первыхъ десяти лѣтъ царствованія Антонина Пія и обратилъ вниманіе ученыхъ на graffiti храма Антонина и Фаустины— на эти произведенія наивнаго народнаго творчества. Кюкъ, изучая Нарбоннскую провинцію, старается доказать, что съ Августа плебеи всѣхъ провинцій допущены были до iudicia вмѣстѣ съ декуріонами.

Блокъ представилъ изслѣдованіе о нѣкоторыхъ патриціанскихъ родахъ и разсматриваетъ легенду о Коріоланѣ, какъ дитя цѣлаго народа, а не одной только фамиліи. Блондель описалъ развалины храма Фортуны въ Praeneste и далъ новое объясненіе такъ-называемаго морскаго театра на виллѣ Адріана (une habitation qu'une fantaisie impériale avait transformée en île). Лалу пытается реставрировать храмъ Венеры и Ромы. Томази Круделли и де-ла-Бланшеръ помѣстили свои работы о дренажѣ Лаціума у древнихъ. Жюлліанъ подробно описалъ и объяснилъ одинъ диптихъ въ сокровищницѣ собора Monza; мужскую фигуру, на немъ изображенную, Jullian принимаетъ за Стилихона. Жефруа описалъ вазу съ изображеніемъ эпизода изъ миѳа объ Оіномаѣ, Гипподаміи и Пелопсѣ. Мюнцъ изучалъ искусство въ Римѣ при Бонифаціѣ VIII (кон. XIII вѣка), а Фоконъ—при дворѣ Авиньонскихъ папъ Климента V и Іоанна XXII (нач. XIV в.). Томасъ описалъ одну Ватиканскую рукопись, входившую въ составъ громадной библіотеки Французскаго короля Карла V (французскій переводъ нѣкоторыхъ сочиненій доминиканца B. Gui) и указалъ на папскія буллы, какъ на важный матеріалъ по исторіи средневѣковой литературы.

Едва ли не самою интересною статьей за все время существованія указываемаго журнала является подробное изложеніе исправленнаго реферата М. Брэаля о знаменитой Дресселевой надписи (см. объ этомъ рефератѣ статью проф. Цвѣтаева, въ Ж. М. Н. Пр., ч. CCXXII, отд. 2, стр. 100). Интересъ этой статьи сосредоточивается какъ на предметѣ, который она затрогиваетъ, такъ и на личности самого автора, одного изъ солидныхъ и талантливыхъ знатоковъ италійскихъ нарѣчій. Какъ и бо́льшая часть другихъ работъ Брэаля, разбираемая статья обнаруживаетъ въ авторѣ знатока дѣла, отличающагося необыкновеннымъ остроуміемъ и оригинальностью при толкованіи какого-либо мало понятнаго текста. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что привлекательное зданіе цѣлаго построено у него иногда на такихъ шаткихъ частностяхъ, которыя не выдерживаютъ самой снисходительной критики. При объясненіи такихъ надписей, какова надпись Dulnos, важно подкрѣпить извѣстную конъектуру или толкованіе возможно бо́льшимъ количествомъ однородныхъ фактовъ, получившихъ уже право гражданства въ наукѣ; у Брэаля же количество этихъ опорныхъ пунктовъ доведено иногда до минимума, а это сообщаетъ работѣ произвольный и мало научный характеръ. Мы познакомимся съ явленіями такого рода при нижеслѣдующемъ разсмо-

трѣніи тѣхъ мѣстъ его комментарія, въ которыхъ онъ расходится съ предшествующими толкователями (Mélanges, II année, II fasc., 147—167).

Первую фразу нашей надписи Брэаль читаетъ такъ: Ioveis at deivos qoi med mitat, nei ted endo, cosmisu irco, sied, и переводитъ: Jupiter aut deus cui me mittat (mortuus), ne te endo, commissi ergo, sit.

Прежде всего Брэаль вноситъ въ текстъ въ качествѣ буквы i черту между 4-ю и 5-ю буквами и принимаетъ Ioveis за Nom., употребленный въ значеніи Voc. Ссылаясь на Précis Бюхелера—Авэ при обоснованіи своего взгляда на Ioveis, какъ на Nom.=Voc., Брэаль упускаетъ изъ виду неумолимую критику этого мѣста Бюхелера (§ 35) у Корссена, подрывающаго всякое довѣріе къ истинности такихъ Nomm., какъ suavei и др.

Затѣмъ, напрасно считая въ данномъ мѣстѣ Юпитера божествомъ хтоническимъ, Брэаль въ подтвержденіе своего мнѣнія припоминаетъ такихъ божествъ, какъ Iupiter Stygius у Or. 1265—6 и Veiovis у Макробія (Sat. III, 4). Что за божество былъ Veiovis, дѣйствительно ли это былъ „юноша Юпитеръ", какъ объясняетъ Овидій (Fast. III, 429 слл.)—мы не знаемъ (cf. Lübker, Reallex. s. v.); относительно же Iupiter Stygius укажемъ Verg. Aen. IV, 638, гдѣ этимъ именемъ обозначается Pluto=Ζεὺς καταχθόνιος (Hom. Il. IX, 457), называемый мертвыми Ζεὺς ἡμέτερος (Lucian. dial. mort. 23). Въ виду этого мы предложили бы лучше считать нашего Ioveis за Плутона, чѣмъ приписывать Юпитеру качество, примѣнимость котораго къ Юпитеру Брэаль ничѣмъ не доказалъ (ср. Preller, R. M^2., I, 262 слл.)

at=aut, что Брэаль подкрѣпляетъ массой діалектическихъ примѣровъ.

Принимая deivos за Voc., Брэаль остроумно припоминаетъ Voc. отъ deus.

Qoi гораздо легче объяснить, какъ Dat. s., чѣмъ какъ Nom., такъ какъ Dat. quoi имѣлъ очень широкое распространеніе (cf. Büch. Havet, § 297)

mitat. На основаніи одной этой формы вмѣсто mittat Брэаль устанавливаетъ общій принципъ для всей надписи, будто въ ней не принято удваивать буквъ; считая это доказаннымъ, онъ во второй фразѣ разлагаетъ asted на ast ted. Просматривая однако всю надпись, мы, кромѣ mitat, не встрѣчаемъ ни одного слова, гдѣ необходимо требовалось бы удвоеніе буквы, не считая cosmisu (одного корня съ

mittere)—конъектуры самого Брэаля. Это обстоятельство даетъ намъ право не признавать за принципомъ Брэаля добытаго научнымъ путемъ закона.

nei=ne.

ted endo=„en ton pouvoir, en tes mains". Этотъ свой переводъ Брэаль подкрѣпляетъ фразой: Hanc habes.... Habes... xorem (sic!) и извѣстнымъ rogatio изъ Авла Геллія N. A. V, 19), гдѣ дѣйствительно можетъ быть endo понято въ указанномъ значеніи.

cosmisu irco=cosmisus ergo. Cosmisus= ce qu' il a pu commettre". Gen. слова муж. р. 4-го склон. безъ конечнаго s встрѣчается всего одинъ разъ (CIL, 1166, senatu). Относительно irco=ergo замѣтимъ, что, можетъ быть, когда-либо въ народномъ языкѣ и существовала подобная форма, но слѣдовъ она по себѣ не оставила никакихъ.

Слѣдующую фразу Брэаль читаетъ: ast ted nois, io peto, ites iai, pacari vois и переводитъ: ast te nobis eo dono, precibus iis pacari velis.

Peto=pento (cf. dedrot изъ dedront и т. п.) отъ pendo=плачу. (cf. ostentum отъ tendo). Pentum=даръ, приношеніе. Въ nois=nobis Брэаль видитъ подтвержденіе словъ Феста (47): nis antiqui dicebant pro nobis.

io=Abl s. n., iai(s)=Dat. pl. f. отъ мѣст. is. Помимо своей безпримѣрности, эти архаизмы рядомъ съ такимъ неологизмомъ, какъ peto безъ конечнаго d (Abl.), очень подозрительны.

Vois объясняя изъ volis, Брэаль попадаетъ подъ возраженія, намѣченныя въ указанной статьѣ проф. Цвѣтаева стр. 76—77.

ites=Dat. pl. f. отъ существительнаго одного корня съ глаг. litare. Возможность появленія ita изъ litare Брэаль подтверждаетъ: 1) словами двухъ грамматиковъ, будто въ народномъ языкѣ въ началѣ словъ sonus pinguis буквы l могъ измѣняться въ s. exilis, и 2) однимъ только примѣромъ изъ латинскаго языка, и то изъ народной латыни: Beitrani=Velitrani.

Третью фразу Брэаль читаетъ: Duenos med feced en manom; einom Duenoi ne med malo statod и переводитъ: Duenos me fecit in bonum; nunc Dueno ne me malo sistito. Глаголу feced Брэаль даетъ рѣдкое значеніе „приносить жертву". Припомнимъ ῥέζειν τινί.

En manom= in bonum Брэаль считаетъ формулой: „для спасенія, для упокоенія", наше „за упокой". Значеніе manus=bonus онъ выводитъ изъ перевода Фестомъ Cerus Manus (c. sal.)=creator bonus. Mana Geneta=„добрая родительница", mane=„de bonne heure".

einom соединяетъ два предложенія такъ, что второе является слѣдствіемъ перваго (cf. Verg. Georg. III, 69).

Duenoi=Dat. s. темы на o. Это счастливая догадка Брэаля вмѣсто Dzenoi (?!)

ne me malo sistito=„ne me prends pas en mauvaise part".

Мы видимъ, какой заманчивый и художественный переводъ нашей надписи даетъ Брэаль; въ немъ нѣтъ тѣхъ несообразностей и натяжекъ, для защиты которыхъ его предшественники писали десятки хитросплетенныхъ страницъ; все такъ просто, логично, такъ вяжется одно съ другимъ; единство содержанія памятника выдержано превосходно. Но, какъ мы уже замѣтили, роскошная мозаика эта составлена изъ камней не вездѣ одинаковой прочности.

Остается пожелать, чтобъ эти частности нашли себѣ подтвержденіе и опору и чтобы такимъ образомъ весь комментарій сдѣлался прочнымъ пріобрѣтеніемъ науки, гдѣ онъ навѣрно займетъ почетное мѣсто.

А. С.

П. Голубовскій. Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. (Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра. Вып. II).

Д. Багалѣй. Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Съ картою и рисунками. Историческая монографія (Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра. Вып. IV. Кіевъ, 1882).

I.

Давно уже признана важность изслѣдованія исторіи отдѣльныхъ мѣстностей или областей; но къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи этотъ родъ историческихъ изысканій еще не получилъ должнаго развитія. Нельзя поэтому не радоваться появленію всякаго новаго дѣльнаго труда по мѣстной исторіи, и по той же причинѣ нельзя не одобрить выбора темы, предложенной, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, историко-филологическимъ факультетомъ университета св. Владиміра и вызвавшей появленіе двухъ сочиненій, разбору которыхъ посвящена предлагаемая статья.

Сочиненіе г. Голубовскаго состоитъ изъ 12-ти параграфовъ, изъ которыхъ первый посвященъ очерку сѣверской колонизаціи, второй—обозрѣнію промышленности и торговли Сѣверской земли, а остальные десять—внѣшней исторіи Сѣверщины до половины XIV в. (при чемъ

древнѣйшій періодъ сѣверской исторіи авторъ довольно удачно называетъ „Хазарскимъ періодомъ").

Сочиненіе г. Голубовскаго производитъ весьма пріятное впечатлѣніе тщательностью, съ которою оно написано, хорошимъ и осмысленнымъ изученіемъ источниковъ, отсутствіемъ претензій, къ сожалѣнію, столь частыхъ въ трудахъ современныхъ молодыхъ ученыхъ, научнымъ духомъ и любовью къ своему предмету. Автора можно упрекнуть только въ томъ предпочтеніи, какое онъ далъ внѣшней исторіи Сѣверской земли передъ внутреннею и въ той краткости, съ какою онъ трактуетъ исторію Сѣверской земли съ половины XIII по половину XIV вѣка. Но что касается перваго указаннаго недостатка, то у автора есть оправданіе въ состояніи источниковъ Сѣверской земли за разбираемый имъ періодъ: главный источникъ для исторіи Сѣверской земли до половины XIII в.—древняя лѣтопись съ ея продолженіями — содержитъ въ себѣ весьма много данныхъ по исторіи внѣшнихъ политическихъ событій Сѣверщины, преемства князей, отношеній этой области къ другимъ, и пр., но весьма мало свѣдѣній о разныхъ сторонахъ внутренней жизни этой области. Другіе источники, помимо лѣтописи, даютъ весьма мало матеріала, да и пользоваться имъ нужно крайне осторожно. Такъ, касательно извѣстія арабскихъ писателей о Русскихъ Славянахъ авторъ (стр. 35) совершенно справедливо замѣчаетъ, что эти извѣстія даютъ лишь общія мѣста, которыя трудно пріурочить къ какому-нибудь племени Русскихъ Славянъ въ частности. Авторъ также мало воспользовался данными раскопокъ въ Сѣверской землѣ, но за это его едва ли можно винить. Намъ кажется, что прежде, чѣмъ пользоваться этими данными, слѣдуетъ опредѣлить національность того населенія, которому принадлежатъ могильные остатки въ Сѣверской землѣ. А это, какъ оказывается, далеко не пустой вопросъ. Антропологическія наблюденія надъ черепами, вырытыми изъ многихъ сѣверскихъ кургановъ (между прочимъ, и вблизи самаго Чернигова), приводятъ къ заключенію, что часть изъ нихъ принадлежитъ населенію не славянскому (см. объ этомъ интересныя данныя въ статьѣ А. П. Богданова: Курганные жители Сѣверской земли по раскопкамъ въ Черниговской губерніи, въ Протоколахъ антропологической выставки 1879 г.).

За то слишкомъ краткое обозрѣніе судьбы Сѣверской земли съ половины XIII по половину XIV в. должно быть поставлено автору въ вину; періодъ этотъ, исполненный бурь и тревогъ, внутреннихъ неурядицъ и внѣшнихъ бѣдствій, борьбы всевозможныхъ началъ об-

щественной жизни, періодъ, совершенно внѣшній конецъ котораго представляетъ поглощеніе Сѣверской области Литвою, имѣетъ глубокій интересъ. Правда, данныхъ по исторіи Сѣверской земли за этотъ періодъ мы имѣемъ очень мало, но слѣдовало ихъ по крайней мѣрѣ, сколько возможно, собрать. Между тѣмъ, авторъ не сдѣлалъ этого и не воспользовался для означеннаго періода тѣми данными, которыя находятся въ синодикахъ. А этотъ источникъ содержитъ данныя, которыми можно провѣрить извѣстія родословныхъ списковъ, исполненныхъ ошибокъ. Однако, авторъ не принялъ во вниманіе ни того, ни другаго источника. Научный духъ, которымъ проникнуто изслѣдованіе г. Голубовскаго, не позволяетъ думать, чтобъ автора остановили трудности изслѣдованія этого темнаго періода. Вѣрнѣе предположить, что срочность работы не дозволила автору обратить одинаковое вниманіе на всѣ части своего труда.

Обращаясь къ обозрѣнію отдѣльныхъ частей труда г. Голубовскаго, замѣтимъ, что авторъ поступаетъ вполнѣ раціонально, сообщая только конечные результаты тѣхъ изслѣдованій, которыми уже исчерпанъ предметъ. Авторъ понимаетъ хорошо, что задача всякаго научнаго изслѣдованія состоитъ не въ повтореніи чужихъ словъ, а въ провѣркѣ чужихъ выводовъ и въ обогащеніи науки новыми данными и выводами. Поэтому-то авторъ и останавливается лишь на спорныхъ вопросахъ или на такихъ выводахъ, которые недостаточно развиты его предшественниками.

Въ отдѣлѣ о сѣверской колонизаціи (стр. 1 — 26) авторъ держится того мнѣнія, что Сѣверяне принадлежали къ весьма древнимъ обитателямъ занимаемаго ими края, при чемъ придаетъ большое значеніе извѣстіямъ Птолемея о племени Саваре, Гвидона Равеннскаго о Саврикахъ. Въ этомъ случаѣ авторъ измѣнилъ своей обычной осторожности въ отношеніи къ темнымъ вопросамъ исторіи. Едва ли на одномъ созвучіи именъ можно строить прочныя доказательства. Что же касается до пріуроченія нѣкоторыми позднѣйшими источниками (картой Певтингера и Гвидономъ Равеннскимъ) страны Saurica къ области Дона или народа Савриковъ къ мѣстности возлѣ океана (по автору, вѣроятно, Чернаго моря), то извѣстія эти (особенно послѣднее) слишкомъ неопредѣленны, даже въ территоріальномъ отношеніи. Авторъ полагаетъ, что подъ Савриками нужно понимать Сѣверянъ-Славянъ еще потому, что Гвидонъ называетъ это племя вмѣстѣ съ племенемъ Роксоланъ и Савроматовъ, а славянство Роксоланъ авторъ

считаетъ доказаннымъ (стр. 3). Въ этомъ, однако, возможно еще весьма сильно сомнѣваться.

Нѣсколько непонятною кажется намъ фраза автора, что „Сѣверяне занимали свою территорію гораздо раньше предполагаемаго переселенія Славянскихъ племенъ съ Дуная" (стр. 6). Авторъ, конечно, хорошо знаетъ, что и сторонники лѣтописнаго извѣстія о переселеніи Славянъ съ Дуная не согласны между собою въ опредѣленіи времени этого переселенія. Впрочемъ авторъ замѣчаетъ далѣе (стр. 7, прим.), что судить о подобныхъ фактахъ почти не возможно, въ чемъ мы съ нимъ вполнѣ согласны.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ констатируетъ славянскія поселенія по Дону, Волгѣ и берегамъ Азовскаго моря, говоритъ о связи Тмутаракани съ Сѣверскою землей и опредѣляетъ взаимное положеніе племенъ Сѣверской группы.

Отмѣтимъ здѣсь лишь мнѣніе автора о томъ, что лѣтописная Бѣлая Вежа (хазарскій Саркелъ) могла быть первоначально славянскимъ поселеніемъ, „стоявшимъ на важномъ мѣстѣ у изгиба Дона, благодаря которому было важно по своему торговому положенію" (стр. 8). Подчинивъ Сѣверянъ, Хазары перевели это славянское названіе буквально, ибо хазарское Саркелъ значитъ Бѣлый городъ. Подтвержденіе этой мысли авторъ видитъ въ лѣтописномъ извѣстіи подъ 1117 г. о переселеніи жителей Бѣлой Вежи въ Русь, въ Сѣверскую область, „что̀ служитъ доказательствомъ славянства ея населенія и родства съ Сѣверянами" (ib.). Едва ли эти доказательства достаточно убѣдительны: могло вѣдь быть и на оборотъ, что русскіе купцы перевели на свой языкъ названіе Саркелъ (вспомнимъ „Царьградъ"). Что же касается того обстоятельства, что въ 1117 г. Бѣловежцы бѣжали въ Сѣверскую землю, то это не можетъ доказывать ихъ славянства потому, что часто одни кочевники, тѣснимые другими, искали убѣжища на Руси; притомъ, въ виду существованія названій нѣкоторыхъ поселеній въ области прежнихъ Сѣверянъ („Козаричи", „Козаровки") едва ли можно сомнѣваться въ фактѣ колонизаціи Сѣверской земли отчасти и Козарами.

Нѣсколько загадочныхъ лѣтописныхъ бродниковъ авторъ считаетъ остаткомъ подонскаго поселенія Сѣверянъ.

Въ отдѣлѣ о промышленности и торговлѣ Сѣверской земли (стр. 26—35) авторъ сводитъ скудныя данныя лѣтописи, арабскихъ писателей и археологическія данныя относительно развитія промысловъ въ Сѣверской землѣ. Въ числѣ ихъ авторъ указываетъ на

вѣроловство, птицеловство, рыболовство. Важную, если не первую роль въ числѣ промысловъ играло, по мнѣнію автора, земледѣліе.

„Изъ ремеслъ, на сколько можно судить по археологическимъ находкамъ, было довольно развито гончарное, бондарное, столярное" (стр. 28). Изъ находимыхъ въ могильныхъ остаткахъ предметовъ, нѣкоторыя металлическія издѣлія могли быть мѣстнаго производства. Въ результатѣ авторъ полагаетъ, что „еще до принятія христіанства были промышленныя сношенія со всѣми окрестными странами, а вмѣстѣ съ тѣмъ были развиты промыслы, кипѣла дѣятельная жизнь" (стр. 30).

Въ отдѣлѣ о торговлѣ Сѣверской земли авторъ отмѣчаетъ главные пути этой торговли—южный и восточный. Что касается торговли южной (съ Византіей), то не смотря на всю ея выгоду, Сѣверянъ сильно стѣсняла въ этомъ отношеніи конкурренція Полянъ, во власти которыхъ находился главный пунктъ южнаго торговаго пути Сѣверянъ—устье Десны. За то важное значеніе для Сѣверской земли имѣла торговля восточная съ Болгарами, Хазарами и Арабами чрезъ рѣки Донъ и Волгу. Главными торговыми центрами здѣсь были Итиль, хазарская столица, и Тмутаракань, самое существованіе которой обязано развитію въ этой мѣстности торговли (стр. 33).

Посредникомъ торговли съ Азовскимъ и Чернымъ моремъ авторъ считаетъ Курскъ (стр. 34), посредникомъ Болгарской торговли—Муромъ (стр. 35).

Лучшею частью изслѣдованія автора слѣдуетъ признать тотъ отдѣлъ его, который занимается внѣшнею исторіей Сѣверской земли до половины XIII в. Авторъ тщательно собралъ лѣтописныя данныя о судьбѣ Сѣверщины, удачно ихъ группируетъ, старается вездѣ проникнуть въ самый смыслъ событій, даетъ характеристики отдѣльныхъ, наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей Сѣверской земли, внимательно слѣдитъ какъ за событіями внутри самой Сѣверской земли, такъ и за отношеніемъ этой области къ другимъ областямъ Руси.

Мы не станемъ подробно слѣдить за изложеніемъ автора въ этой части его труда. Факты, излагаемые имъ, болѣе или менѣе извѣстны всѣмъ занимающимся древнимъ періодомъ нашей исторіи. Отмѣтимъ лишь нѣсколько наиболѣе оригинальныхъ воззрѣній автора—какъ тѣ, которыя мы признаемъ удачными, такъ и тѣ, съ которыми мы согласиться не можемъ.

Къ числу удачныхъ, по нашему мнѣнію, гипотезъ, слѣдуетъ отнести мысль автора о причинахъ извѣстной вражды между Сѣверя-

нами и Кіевлянами. Причину зарожденія непріязненнаго отношенія между этими племенами авторъ видитъ въ торговой конкурренціи Полянъ и Сѣверянъ, въ ихъ спорѣ за южный торговый путь: „Этотъ споръ двухъ промышленныхъ племенъ обратился потомъ, благодаря историческимъ обстоятельствамъ, въ непримиримую ненависть, дававшую источникъ борьбѣ между Черниговомъ и Кіевомъ во весь періодъ ихъ самостоятельнаго существованія" (стр. 41).

Удачною представляется намъ также гипотеза автора относительно назначенія построенныхъ Кіевскимъ княземъ городовъ по Остру, Деснѣ и населенія ихъ посторонними Сѣверской землѣ элементами (Чудью, Кривичами). Города эти, какъ справедливо полагаетъ авторъ, не могли имѣть стратегическаго значенія со стороны кочевниковъ, а стали средствомъ удержать въ подчиненіи Сѣверянъ и закрѣпить за Полянами захваченную ими территорію у устья Десны (стр. 53).

За то едва-ли можно согласиться съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что Козаре [1]) застали Сѣверянъ на ихъ мѣстахъ съ ихъ федеративнымъ устройствомъ (стр. 36) и далѣе о федеративномъ началѣ, на которомъ, по мнѣнію автора, были основаны отношенія Сѣверянъ къ Козарамъ, выражавшіяся лишь въ платежѣ дани, и быть можетъ, въ допущеніи Козарамъ селиться въ Сѣверской области (Впрочемъ, авторъ различаетъ отношеніе къ Козарамъ центральныхъ Сѣверскихъ областей отъ того положенія, въ которомъ находились къ Козарамъ южныя колоніи Сѣверянъ. Изложеніе мыслей у автора на этихъ страницахъ не совсѣмъ ясное). Авторъ, подобно многимъ писателямъ, не совсѣмъ точно усвоилъ себѣ значеніе понятія федераціи. Что касается предположенія автора о дозволеніи Козарамъ (съ торговою цѣлью) селиться въ Сѣверской области, на что̀ указываютъ наименованія нѣкоторыхъ поселеній въ Сѣверской области (Козаричи, Козаровка), то это, конечно, лишь гипотеза, рядомъ съ которою можно выставить другую о болѣе позднемъ возникновеніи этихъ поселеній, быть можетъ, въ XII в., то-есть, около того времени, когда, по свидѣтельству лѣтописи, Бѣловежцы прибѣжали въ Русь.

Одностороннею и невѣрною кажется намъ характеристика Мономаха у г. Голубовскаго; въ этой характеристикѣ авторъ слѣдуетъ мыслямъ покойнаго профессора Кіевскаго университета Лашнюкова, но идетъ еще далѣе его. Впрочемъ, намъ придется еще въ дальнѣй-

[1]) О большей правильности названія *Козаре* передъ Хазары см. *А. Я. Гаркави*, Сказ. еврейск. писателей о Хазарахъ, стр. 46 и стр. 157.

шемъ изложеніи касаться подобнаго отношенія къ Мономаху у другаго автора исторіи Сѣверской земли [1]).

Вообще мы должны снова повторить здѣсь нашу оцѣнку труда г. Голубовскаго, какъ пріятнаго явленія въ нашей исторической литературѣ. Начало новаго труда г. Голубовскаго (О Половцахъ, въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ за 1883 г. кн. II) доказываетъ, что авторъ продолжаетъ неутомимо работать. Это начало новаго труда г. Голубовскаго отличается такою же тщательностью и тѣмъ же научнымъ духомъ, какъ и первое. Оканчиваемъ нашу краткую оцѣнку труда г. Голубовскаго самыми теплыми пожеланіями молодому ученому.

II.

Къ сочиненію г. Багалѣя „Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст.“, мы должны отнестись строже, нежели къ сочиненію г. Голубовскаго, потому что и ученая судьба его была иная. Сочиненіе г. Багалѣя было признано историко-филологическимъ факультетомъ Кіевскаго университета не только лучше сочиненія г. Голубовскаго,— ибо за трудъ г. Багалѣя, кромѣ золотой медали, была присуждена еще Пироговская премія, выдаваемая за лучшую медальную работу,—мало того, это же сочиненіе, почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было напечатано въ „Сборникѣ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра“ въ качествѣ студенческаго труда, удостоеннаго золотой медали, было представлено авторомъ въ историко-филологическій факультетъ того же университета для полученія степени магистра русской исторіи и принято факультетомъ. Такое, крайне рѣдкое въ университетской практикѣ, явленіе, даже прямо противорѣчащее уставу 1863 г., который не дозволяетъ представлять одну и ту же работу для полученія нѣсколькихъ ученыхъ степеней (сочиненіе г. Багалѣя, какъ это обыкновенно практикуется съ медальными работами, засчитано за кандидатское), заставляетъ предполагать въ этомъ произведеніи необыкновенныя ученыя достоинства.

Посмотримъ же, каковы эти необыкновенныя достоинства труда г. Багалѣя.

Сочиненіе г. Багалѣя состоитъ изъ семи главъ; изъ нихъ 1-я и

[1]) Въ отношеніи къ Мономаху, но *только* въ этомъ одномъ, какъ увидимъ, сходятся оба автора. Въ остальномъ, въ научныхъ пріемахъ оба существенно разнятся другъ отъ друга.

4-я посвящены географіи и колонизаціи Сѣверской земли (1-я до 2-й половины XI в., 4-я—отъ половины XI до половины XIII в.); 3-я и 6-я—внутреннему быту Сѣверской земли (3-я—до половины XI в., 6-я—съ половины XI до половины XIII в,); 2-я и 5-я внѣшней исторіи Сѣверской земли (2-я—Сѣверская земля при первыхъ князьяхъ, 5-я—внѣшняя исторія Сѣверской земли съ половины XI до половины XIII в.); наконецъ, 7-я глава обнимаетъ внѣшнюю и внутреннюю исторію Сѣверской земли отъ Татарскаго нашествія до паденія самостоятельности Сѣверской земли (съ половины XIII до половины XIV в.). Главы эти далеко не одинаковаго объема: между тѣмъ какъ однѣ занимаютъ болѣе трети всего сочиненія, (гл. 5-я стр. 160—268), другія крайне незначительны по объему (гл. 7-я—всего 8½ стр.).

Такой неодинаковый объемъ главъ труда г. Багалѣя объясняется главнымъ образомъ состояніемъ источниковъ и пособій по разнымъ вопросамъ и разнымъ эпохамъ внѣшней исторіи и внутренняго быта Сѣверской земли. Между тѣмъ какъ для періода X—XIII вѣковъ древняя лѣтопись и продолженія ея содержатъ не малое количество данныхъ по исторіи Сѣверской земли, о времени съ половины XIII по половину XIV в. сохранились лишь отрывочныя данныя въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ спискахъ (Никон., Воскр.).

Сочиненіе г. Багалѣя довольно велико по объему для студенческой работы (310 стр.); но значительный объемъ его зависитъ не столько отъ обилія данныхъ, приводимыхъ авторомъ, сколько отъ свойственной ему манеры изложенія. Авторъ весьма склоненъ къ длиннымъ цитатамъ изъ общеизвѣстныхъ пособій; весьма не рѣдки у него выписки изъ чужихъ трудовъ въ 1½ и болѣе страницъ. Другая причина увеличенія объема труда—стремленіе автора начинать рѣчь обо всемъ ab ovo: такъ, разсуждая о древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельствахъ о Сѣверянахъ, г. Багалѣй на многихъ страницахъ разсуждаетъ о древнѣйшей исторіи Славянъ вообще; говоря о городищахъ Сѣверской земли, авторъ сообщаетъ цѣлый трактатъ о городищахъ вообще, перечисляя главнѣйшія теоріи о происхожденіи городищъ; разсуждая о сѣверскихъ монетахъ, онъ говоритъ о монетномъ дѣлѣ въ древней Руси вообще. При помощи такихъ эпизодовъ, конечно, можно увеличить объемъ сочиненія до какой угодно величины. Подобные эпизоды, умѣстные въ общемъ курсѣ исторіи, совершенно излишни въ спеціальномъ изслѣдованіи; такой пріемъ имѣлъ бы значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы самъ авторъ пришелъ къ новой

какой-либо общей теоріи; перечислять же общеизвѣстные каждому специалисту факты, безъ всякихъ новыхъ соображеній, совершенно излишне. Кромѣ явныхъ цитатъ изъ чужихъ трудовъ, на увеличеніе объема труда г. Багалѣя еще болѣе повліяли „тайныя“, „скрытыя“ цитаты; но о нихъ ниже.

Къ числу общихъ недостатковъ труда г. Багалѣя, помимо многословія, массы не идущихъ къ дѣлу эпизодовъ, слѣдуетъ еще отнести одно качество, которое я позволю себѣ назвать „потемнѣніемъ сознанія своей личности“, „illusion de la conscience du moi“, какъ называетъ подобное состояніе James Sully въ недавно вышедшемъ сочиненіи „Des illusions des sens et de l'esprit“. Дѣло въ томъ, что авторъ весьма часто смѣшиваетъ свою личность, свои мысли, съ личностью и мыслями другихъ писателей. Когда авторъ говоритъ: „мы видимъ“, „намъ кажется“, „мы полагаемъ“, „мы приходимъ къ выводу“, „постараемся“, то читатель труда г. Багалѣя не долженъ понимать подъ „мы“ непремѣнно г. Багалѣя, а постоянно помнить о патологическомъ, такъ-сказать, состояніи его сознанія.

Отъ характеристики общихъ недостатковъ труда г. Багалѣя перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ главъ его труда. Въ нашемъ разборѣ мы станемъ держаться инаго порядка, нежели держится г. Багалѣй въ распредѣленіи своихъ главъ, именно мы сперва разсмотримъ главы труда г. Багалѣя, трактующія о внѣшней исторіи Сѣверской земли (2-ю, 5-ю и 7-ю), затѣмъ—главы о внутреннемъ бытѣ Сѣверщины (3-ю и 6-ю) и наконецъ—главы о географіи и колонизаціи Сѣверской земли (1-ю и 4-ю).

Во 2-й главѣ („Сѣверская земля при первыхъ Кіевскихъ князьяхъ“) мы съ первыхъ же страницъ знакомимся съ указанными выше общими недостатками труда г. Багалѣя. Такъ, авторъ не ограничивается сведеніемъ лѣтописныхъ замѣтокъ о судьбѣ одной Сѣверской земли до половины XI в., а говоритъ подробно о такихъ событіяхъ, которыя имѣютъ весьма малое отношеніе къ исторіи собственно Сѣверщины: такъ онъ подробно излагаетъ извѣстія арабскихъ писателей о походѣ Игоря на Табаристанъ (стр. 36—39). Въ этомъ эпизодѣ (взятомъ изъ Гаркави, Сказ. мус. пис. о Слав. и Русск.) интересно только одно довольно наивное соображеніе автора о достовѣрности цифры 50 тысячъ ратниковъ, участвовавшихъ въ походѣ Игоря. Масуди говоритъ, что около 500 кораблей, изъ которыхъ на каждомъ было сто человѣкъ изъ Руссовъ, вошли въ рукавъ Найтаса, соединяющійся съ Хазарскою рѣкой. При возвращеніи съ похода му-

сульмане изъ страны Хазаръ напали на Руссовъ и поразили ихъ на голову. 30 тысячъ Руссовъ остались на полѣ сраженія, около 5 тысячъ спаслось. „Достовѣрность цифры (въ 50 т.)", говоритъ г. Багалѣй,—подтверждается дальнѣйшими словами Масуди, что въ сраженіяхъ съ хазарскими мусульманами, Буртасами и Болгарами, пало 35 тыс., остальныя 15 тыс. погибли, вѣроятно, въ битвахъ съ прибрежными жителями Каспійскаго моря" [1]).

Вся 2-я глава представляетъ лишь перечисленіе самыхъ общеизвѣстныхъ фактовъ, безъ всякихъ почти собственныхъ соображеній автора. Разборъ этой главы поэтому совершенно излишенъ. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя неточности. Авторъ (стр. 33) на вѣру принимаетъ хронологію лѣтописи о княженіи Олега (въ 883 г. Олегъ покорилъ Древлянъ, въ 884 г.—Сѣверянъ, въ 885 г.—Радимичей); какъ извѣстно, хронологіи этой нельзя придавать никакого значенія. На стр. 47 авторъ замѣчаетъ, что раздача земель Владиміромъ сыновьямъ произошла не позже 989 г. Въ этомъ году еще не родились Борисъ и Глѣбъ, которымъ лѣтописецъ подъ 989 г. назначаетъ удѣлы [2]).

Во 2-й главѣ мы также находимъ слѣды болѣзненнаго состоянія сознанія г. Багалѣя, болѣе интенсивные симптомы котораго найдемъ въ другихъ главахъ. На стр. 33 авторъ говоритъ о большей степени земельной самостоятельности Сѣверянъ сравнительно съ Радимичами; „Олегъ самъ долженъ былъ пойдти на Сѣверянъ, одержать надъ ними побѣду и наложить не въ примѣръ другимъ легкую дань; все это показываетъ, что Сѣверяне отличались значительной степенью земельной самостоятельности; ихъ значеніе въ этомъ случаѣ увеличивалось, потому что они были ближайшими сосѣдями Хазаръ, и по видимому имѣли къ нимъ сильное тяготѣніе"... Далѣе о Радимичахъ: (на Радимичей) „Олегу не нужно было предпринимать похода: Радимичи выказали по отношенію къ Руси гораздо менѣе устоя, чѣмъ Сѣверяне, не смотря на то, что эти послѣдніе представляли изъ себя окраинное населеніе и поэтому подвергались большимъ внѣшнимъ опасностямъ". Замѣчательное совпаденіе, не только по

---

[1]) Впрочемъ, соображеніе это принадлежитъ не г. Багалѣю, а уважаемому А. Я. Гаркави, у котораго оно взято цѣликомъ.

[2]) Прибавимъ сюда еще нѣсколько мелкихъ промаховъ. Стр. 34... Греки даютъ по 12 гривенъ *на человѣка* по договору, заключенному съ ними Олегомъ; въ лѣтописи—по 12 гривенъ *на ключъ*. Стр. 45: сыновья Святослава почему-то называются *Торевичами*. Стр. 47: наивное соображеніе, что Сѣверская земля, вслѣдствіе близости къ Кіеву, не нуждалась въ намѣстничествѣ.

мыслямъ, но и по выраженіямъ, съ приведенными соображеніями г. Багалѣя находимъ у г. Барсова (Оч. русск. историч. географіи). На стр. 137: „Нѣсколько раньше (Радимичей) были подчинены (Олегомъ) Сѣверяне, обнаружившіе по отношенію къ Руси болѣе земельной самостоятельности и особности... Олегъ долженъ былъ лично предпринимать походъ на нихъ, и изъ краткаго лѣтописнаго извѣстія видно, что онъ встрѣтилъ сопротивленіе главнымъ образомъ въ той части Сѣверской земли, которая стояла въ болѣе тѣсной связи съ Козарами. Чтобы удержать за собою Сѣверянъ, онъ возложилъ на нихъ „дань легку"... О Радимичахъ стр. 132: „Изъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось подчиненіе Радимичей Руси видно, какъ слабо и несамостоятельно было это племя, даже въ сравненія съ Сѣверянами и Вятичами, которые, какъ окраинное населеніе, болѣе подвергались внѣшнимъ опасностямъ, и по видимому должны были бы оказать по отношенію къ Руси менѣе устоя, чѣмъ защищенные ими Радимичи".

Если 2-я глава труда г. Багалѣя представляетъ собою лишь перечисленіе общеизвѣстныхъ фактовъ, а отнюдь не изслѣдованіе, то то же еще въ большей степени приходится сказать о главѣ 5-й, разсматривающей исторію Сѣверской земли съ половины XI по половину XIII в. Глава эта есть не что иное, какъ переводъ на современный русскій языкъ лѣтописныхъ извѣстій безъ малѣйшихъ попытокъ критической разборки въ лѣтописномъ матеріалѣ. Ни группировки событій, ни характеристики выдающихся дѣйствующихъ лицъ, ни критической провѣрки нѣкоторыхъ спорныхъ данныхъ (хотя бы изслѣдованія о генеалогіи Черниговскихъ князей, упоминаемыхъ въ Любецкомъ синодикѣ), ничего, кромѣ хронологическаго перечня событій по лѣтописнымъ даннымъ, мы въ этой главѣ „Исторія Сѣверской земли" не находимъ. За то нѣкоторыя воззрѣнія автора (вѣрнѣе—варіаціи по поводу общеизвѣстныхъ фактовъ) заслуживаютъ того, чтобъ о нихъ сказать нѣсколько словъ.

Авторъ, какъ это, впрочемъ, весьма естественно у человѣка, занимающагося извѣстнымъ предметомъ, сочувственно относится къ Сѣверскимъ князьямъ и старается вездѣ или выгородить ихъ не совсѣмъ иногда красивые поступки, или по крайней мѣрѣ, оправдать ихъ прегрѣшенія политическою необходимостью. Сѣверскіе князья стоятъ за цѣлость своей волости, въ этомъ они сходятся съ такими же стремленіями и населенія Сѣверщины: это-то и заставляетъ автора сочувствовать Сѣверскимъ князьямъ. Въ противоположность этому ав-

торъ крайне отрицательно относится къ князьямъ Кіевскимъ, обвиняетъ даже лучшихъ изъ нихъ въ нечестности, коварствѣ, эгоистическихъ стремленіяхъ. Авторъ весьма наивно не замѣчаетъ того, что онъ осуждаетъ Кіевскихъ князей за тѣ самыя качества, за которыя сочувственно относится къ Сѣверскимъ князьямъ. Такъ „главная характеристическая черта Мономаха—это желаніе набрать какъ можно больше волостей въ пользу своего рода“ (стр. 173), это „цѣли низменныя, эгоистическія“. Между тѣмъ, если Черниговскіе князья не желаютъ ограничиться одною только Сѣверщиной, а представляютъ претензіи и на Муромо-Рязанскія земли, и на земли Кіевскія, и на земли Волынскія, развѣ это не эгоистическія и не низменныя цѣли? Этого противорѣчія, прямо идущаго въ разрѣзъ съ фактами, г. Багалѣй не только не замѣчаетъ, но на оборотъ относится къ Кіевской вѣтви Ярославичей съ какою-то ненавистью, вездѣ подозрѣвая въ ихъ поступкахъ одно лишь дурное. Оригиналенъ при этомъ пріемъ доказательства своихъ подозрѣній у автора: онъ состоитъ въ томъ, что г. Багалѣй, разъ высказавъ подозрѣніе, пользуется имъ въ дальнѣйшемъ положеніи какъ несомнѣннымъ фактомъ. Такъ, на стр. 168, разказывая о походѣ Романа Святославича съ вспомогательными половецкими отрядами на Всеволода Ярославича, авторъ говоритъ, что Романъ долженъ былъ воротиться ни съ чѣмъ, ибо Всеволодъ заключилъ съ Половцами миръ „на дорогѣ Половцы, вѣроятно подговоренные Всеволодомъ, убили его“. На стр. 172 г. Багалѣй подозрѣваетъ, что не безъ участія Всеволода произошло заточеніе Олега Святославича на островъ Родосъ, а относительно убійства брата Олега, Романа, уже прибавляетъ, что „его (Всеволода) участіе въ убійствѣ брата Олегова, Романа, несомнѣнно“.

Также подозрительно относится г. Багалѣй и къ дѣятельности Мономаха: онъ вездѣ преслѣдуетъ „цѣли низменныя, эгоистическія“; „онъ коваренъ и льстивъ“. Сѣверскіе князья впрочемъ также хорошо понимали, по увѣренію автора, Мономаха, какъ понимаетъ его нынѣ г. Багалѣй. Знаменитое письмо Мономаха къ Олегу Святославичу не произвело на послѣдняго ожиданнаго результата, ибо Олегъ „прекрасно понималъ, что все письмо есть наборъ краснорѣчивыхъ фразъ“ (стр. 176).

Мы не станемъ опровергать воззрѣній г. Багалѣя, не станемъ указывать, на сколько одностороние и фальшиво его отношеніе къ такой замѣчательной личности, какъ Владиміръ Мономахъ. Ограничимся однимъ только замѣчаніемъ: если свои симпатіи къ исто-

рическимъ лицамъ г. Багалѣй измѣряетъ тѣмъ, на сколько эти лица выражали собою народныя стремленія, то въ такомъ случаѣ онъ можетъ найдти въ лѣтописи слѣды весьма сочувственнаго отношенія народа къ Мономаху; не говоря объ общественномъ фактѣ приглашенія (есть данныя, что неоднократнаго) на великокняжескій столъ со стороны самихъ Кіевлянъ, я укажу г. Багалѣю на обломокъ народнаго эпоса о Мономахѣ въ самой лѣтописи, что̀ свидѣтельствуетъ о томъ впечатлѣніи, которое производила на современниковъ эта замѣчательная личность, и о томъ народномъ сочувствіи, которымъ встрѣчалась ея дѣятельность [1]).

Эти странныя воззрѣнія г. Багалѣя представляютъ единственныя самостоятельныя мѣста 5-й (самой обширной) главы его труда. Все остальное въ ней есть лишь переводъ лѣтописи на современный русскій языкъ.

Впрочемъ, и въ 5-й главѣ труда г. Багалѣя находимъ тѣ же симптомы потемнѣнія сознанія собственной личности, какіе мы указывали выше; симптомы эти даже интенсивнѣе прежнихъ; болѣзненный процессъ смѣшенія собственныхъ мыслей съ чужими продолжается у г. Багалѣя болѣе долгое время.

Такъ, въ этой главѣ находимъ у г. Багалѣя весьма тщательное изслѣдованіе о походахъ Кіевскихъ и Сѣверскихъ князей въ области, которыя занимали тогда Половцы. Изслѣдованіе это весьма интересно, и въ немъ г. Багалѣй дѣлаетъ отъ своего лица множество прекрасныхъ соображеній. Но, по странному совпаденію, все это изслѣдованіе г. Багалѣя (стр. 180—187) представляетъ удивительное сходство съ изслѣдованіемъ Аристова „О землѣ Половецкой" (Изв. Ист.-фил. инст. кн. Безб. 1877), и притомъ сходство не только во всѣхъ выводахъ и соображеніяхъ, но прямо въ выраженіяхъ. Здѣсь интересно то обстоятельство, что г. Багалѣй всего одинъ разъ упомянулъ въ своемъ изслѣдованіи имя Аристова, и то лишь по поводу одного частнаго соображенія (стр. 182), при чемъ забылъ даже назвать статью Аристова.

Чтобы читатель могъ судить самъ, на сколько близко все изслѣ-

---

[1]) См. Ипат. лѣт., стр. 479—480. Интересно, что въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія г. Багалѣй уже иначе относится къ Мономаху: «Политика Сѣверскихъ князей была такая политика, по которой интересы всей Русской земли приносились въ жертву интересамъ *своей* волости, *своей* области; припомнимъ Олега Святославича—Гориславича и Владиміра Мономаха, *кто изъ нихъ болѣе заботится о всей Русской землѣ? Конечно, послѣдній* (стр. 271).

дованіе г. Багалѣя о походахъ на Половцевъ съ изслѣдованіемъ Аристова, мы приведемъ рядъ параллельныхъ выдержекъ изъ обоихъ трудовъ.

Г. Багалѣй (стр. 181).

Обратимся теперь къ походу 1111 г... Этотъ походъ, окончившійся такъ удачно для русскихъ князей, былъ предпринятъ, благодаря энергіи Мономаха, который убѣдилъ в. к. Кіевскаго, Святополка, предпринять весенній походъ, не смотря на противодѣйствіе дружины и своей собственной и Святополковой, говорявшей, что онъ «хощетъ погубить смерды и ролью смердомъ». Ему хотѣлось, вѣроятно, застать рано и врасплохъ Половцевъ на ихъ зимовищахъ около Донца, и потому онъ рѣшился идти въ весеннюю распутицу: обыкновенно кочевые степняки съ весны на лѣто переходили съ Донца и Дона на югъ въ широкія степи, на Калміусъ, Орель, къ низовьямъ Дона и къ Азовскому морю, гдѣ имѣли лѣтовища, а на зиму шли обратно. Князья отправились изъ Переяславля во второе воскресенье великаго поста, которое приходилось въ тотъ годъ 26 февраля; шли обыкновенною дорогой, которой ходили тогда Половцы на Переяславль. Такимъ образомъ они прежде всего подошли къ рѣкѣ Супою черезъ Воинъ (Теперь село Войницы въ 11 вер. отъ Переяслава), который составляетъ первую станцію по пути Половецкому; переправившись черезъ Супой, князья 3-го марта въ пятницу на 3-й недѣлѣ пришли на Сулу; слѣдовательно въ 5 дней сдѣлали 138 верстъ (отъ Супоя до Сулы около 108 в.) въ субботу 4-го марта пришли на р. Хоролъ и, такъ какъ снѣгъ сталъ таять, побросали сани. Судя по выраженію Воскресенской лѣтописи («въ субботу же быша на Хоролѣ, а въ недѣлю крестную выидоша

Аристовъ (стр. 6 отд. оттиска).

По самый удачный походъ сдѣлали князья на Половцевъ въ 1111 г... И этотъ славный походъ совершенъ *благодаря энергіи* Владиміра Мономаха; онъ сталъ убѣждать Кіевскаго вел. кн. Святополка идти весной на поганыхъ но встрѣтилъ отпоръ дружины, которая говорила: хощетъ погубити смерды и ролью смердомъ», то-есть при раннемъ походѣ, когда заняты будутъ лошади и люди, нельзя произвести посѣва. Не смотря на противодѣйствіе дружины весеннему походу, Мономахъ доказалъ его необходимость и настоялъ на своемъ. *Ему хотѣлось, должно быть, застать рано и въ расплохъ Половцевъ на ихъ зимовищахъ около Донца, и потому онъ рѣшился идти въ весеннюю распутицу: обыкновенно кочевые степняки съ весны на лѣто переходили съ Донца и Дона на югъ въ широкія степи на Калміусъ, на Орель, къ низовьямъ Дона и къ Азовскому морю, гдѣ имѣли лѣтовища, а на зиму опять шли обратно*... Мономахъ съ князьями отправился изъ Переяславля во *вторую недѣлю или во второе воскресенье великаго поста, которое приходилось въ тотъ годъ 26-го февраля*... Нѣтъ сомнѣнія, что *войска двигались обычной дорогой, по которой ходили тогда Половцы на Переяславль*.... Мономахъ пошелъ къ *р. Супою черезъ Воинъ, теперешнее с. Войницы (въ 11-ти в. отъ Переяславля.... Войница составляетъ первую станцію отъ Переяслава... Переправившись черезъ р. Супой, пришли на Сулу въ пятницу 3-й недѣли поста 3-го марта; значитъ они въ 5 дней сдѣлали 138 в.* (*отъ Супоя до Сулы около*

на поле и сташа на р. Голти) *можно думать*, что здѣсь была въ то время граница Переяславскаго княжества.

108 в.).—Въ субботу 4-го марта пришли на р. Хоролъ и отъ таянія снѣгов пометали сани... Судя по выраженію Воскресенской Лѣтописи, что князья по переправѣ чрезъ Хоролъ выидоше въ поле, можно заключить о пограничной линіи по этой рѣкѣ Переяславскаго княжества въ началѣ XII столѣтія.

На стр. 182 г. Багалѣй изслѣдуетъ положеніе города Шаруканя, лежавшаго въ предѣлахъ территоріи, занятой Половцами:

Г. Багалѣй.

Гдѣ же находился Шаруканъ? Опредѣлить его положеніе очень трудно. Вообще отгадывать положеніе городовъ по географическимъ названіямъ довольно трудно; но эта трудность усугубляется, когда дѣло идетъ о Половецкой землѣ, гдѣ племена постоянно смѣняли другъ друга; мало того: у самихъ Половцевъ одно и то же мѣсто носило въ разныя времена различныя названія, потому что мѣстности получали свои названія отъ имени хановъ князей или родоначальниковъ; и это понятно: и у Половцевъ господствовалъ родовой бытъ, племена назывались по родоначальникамъ: Токсобичи, Каепичи, Бастѣева чадь, Чоргова чадь; поэтому и имена городовъ означены по тогдашнимъ владѣльцамъ. Городъ *Шаруканъ* тоже носилъ въ разное время нѣсколько названій: сначала онъ назывался градомъ *Осеневымъ* или Асеневымъ отъ половецкаго хана Асана (Асеня, Осеня, Асиня), котораго взялъ въ плѣнъ Мономахъ и потомъ женилъ на его внучкѣ своего сына Георгія; затѣмъ по смерти Асана (1082 г.) его городъ сталъ называться Шаруканемъ, по имени хана Шарука, который едва не попалъ въ плѣнъ къ Русскимъ въ 1107 г. на р. Хоролѣ; наконецъ, по смерти Шарука, онъ сталъ называться Чешуевымъ.

Г. Аристовъ (стр. 9).

Что же это за городъ (Шаруканъ) и почему доселѣ не опредѣлено его мѣстоположеніе? *Вообще отгадывать положеніе городовъ и* мѣстечекъ *по географическимъ стариннымъ названіямъ весьма трудно, особенно въ землѣ Половецкой, гдѣ смѣнялись постоянно восточныя племена одни другими... У Половцевъ же постоянно названіе одного и того же города мѣнялось часто, потому что они именовали ихъ по своимъ ханамъ-князьямъ или родоначальникамъ... въ жизни Половцевъ господствовалъ родовой бытъ... поэтому самыя племена ихъ назывались по родоначальникамъ: Токсобичи, Каепичи, Багубарсовы, Бастѣева чадь, Чаргова чадь... Тотъ же городъ Шаруканъ носилъ въ разное время нѣсколько названій; сначала онъ означался именемъ града Осенева или Асенева отъ половецкаго хана Асана (Асеня, Асиня, Осеня), котораго взялъ въ плѣнъ Мономахъ и впослѣдствіи женилъ на его внукѣ сына своего Георгія. По смерти Асана (1082 г.), его городъ уже сталъ носить названіе Шарукана, по имени хана Шарука, который едва не попалъ въ плѣнъ Русскимъ въ 1107 г. на Хоролѣ. Наконецъ городъ Шаруканъ называли Чешуевымъ (Чешлюевымъ) также по имени хана, сдѣлавшагося предводителемъ по смерти Шарукана.*

Прерываемъ выписки за недостаткомъ мѣста, ибо со стр. 182 по 185 г. Багалѣй дословно списываетъ Аристова, со всѣми его ссылками и цитатами, изрѣдка лишь измѣняя отдѣльныя слова, или дѣлая перестановки въ его изложеніи.

На стр. 186 г. Багалѣй старается доказать, что населеніе города Шаруканя было славянское, а не половецкое; въ доказательство приводится извѣстное мѣсто лѣтописи изъ описанія того же похода 1111 г., гдѣ разказано, какъ подходя къ Шарукани, Русскіе князья выслали напередъ поповъ, начавшихъ пѣть церковныя пѣсни; жители Шаруканя вышли къ нимъ на встрѣчу съ дарами, рыбой и виномъ. „Это извѣстіе очевидно указываетъ"—соображаетъ г. Багалѣй,—„что въ городѣ Шаруканѣ было населеніе, ближе къ Русскимъ воинамъ, по крайней мѣрѣ, по вѣроисповѣданію, очень можетъ быть, по языку и происхожденію". Соображеніе несомнѣнно любопытное; но раскрываемъ книгу г. Барсова „Очерки русск. истор. геогр.", стр. 131: „Въ городѣ Шарукани видно населеніе близкое русскимъ воямъ, по крайней мѣрѣ, по вѣроисповѣданію, очень можетъ быть, по языку и происхожденію". Свою догадку г. Багалѣй подтверждаетъ еще соображеніемъ: „Съ другой стороны, мы знаемъ, что Половцы не были устроителями городовъ, и, занимая оставленныя другими народами городища, не могли укрѣплять и отстаивать ихъ; мы не имѣемъ ни одного случая, гдѣ бы Русскіе сняли осаду съ какого нибудь Половецкаго города, что между тѣмъ очень часто случалось съ самими Половцами". А у Аристова (стр. 12) читаемъ: „Половцы не были устроителями городовъ, и, занимая оставленныя другими народами городища, не могли укрѣплять и отстаивать ихъ, поэтому стоило осадить русскимъ, засѣвшихъ въ городѣ Половцевъ, они скоро сдавались—и ни одного случая не найдется, когда бы они сняли осаду, что съ Половцами бывало часто".

„Всѣ соображенія", говоритъ г. Багалѣй на стр. 86,—„говорятъ въ пользу того мнѣнія, что въ началѣ XII в. русское населеніе, вѣроятнѣе всего Сѣверянской вѣтви (на что указываетъ ея географическое положеніе) исчезаетъ на юго-восточной окраинѣ, и его крайніе слѣды замѣчаются только на Донѣ, то-есть, собственно теперешнемъ Сѣверскомъ Донцѣ, но уже среди господствующаго инородческаго населенія".

У г. Барсова (стр. 131) читаемъ: „Съ начала XII в. его (славянскаго населенія Сѣверянской вѣтви на юго-восточной окраинѣ) слѣды

замѣчаются только на Донѣ, то-есть, собственно теперешнемъ Сѣверномъ (Сѣверскомъ) Донцѣ, но уже среди господствующаго и преобладающаго инородческаго населенія".

Такимъ образомъ, цѣлыя 8 страницъ 5-й главы труда г. Багалѣя (стр. 180—187) представляютъ снимокъ съ изслѣдованія Аристова; въ большинствѣ случаевъ г. Багалѣй дѣлаетъ снимокъ фотографической точности, лишь изрѣдка позволяя себѣ измѣнить кое-гдѣ слово или переставить порядокъ изложенія Аристова. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ (мы привели ихъ только два такія мѣста, но ср. стр. 187 у г. Багалѣя о городѣ Вырѣ и стр. 142 сочиненія г. Барсова: эти мѣста представляютъ дословное сходство) г. Багалѣй сдѣлалъ честь и г. Барсову, снявъ прекрасный по точности снимокъ съ его словъ. Объ Аристовѣ г. Багалѣй, какъ мы уже сказали, упомянулъ всего одинъ разъ, да и то совершенно вскользь, мимоходомъ, даже не назвавъ статьи его; имени же г. Барсова г. Багалѣй на разобранныхъ нами страницахъ даже вовсе и не упоминаетъ.

Въ 7-й (послѣдней) главѣ своего труда г. Багалѣй на 8-и страницахъ разказываетъ исторію и описываетъ внутренній бытъ Сѣверской земли съ половины XIII по половину XIV вѣка. Г. Багалѣй здѣсь (какъ, впрочемъ, во всемъ сочинени) старательно обходитъ всѣ вопросы, которые требуютъ дѣйствительно изслѣдованія; оно и понятно: гораздо легче перефразировать чужое, нежели изслѣдовать самому. Такъ г. Багалѣй, очевидно, не имѣетъ даже понятія о Любецкомъ синодикѣ и о тѣхъ весьма интересныхъ и совершенно неизвѣстныхъ изъ другихъ источниковъ данныхъ о генеалогіи Сѣверскихъ князей послѣ татарскаго разгрома, которыя онъ сообщаетъ. А между тѣмъ Любецкій синодикъ не только напечатанъ, но и вызвалъ нѣсколько изслѣдованій (пр. Филарета, въ статьѣ о Любечѣ г. Милорадовича, Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1871 г. II и г. Квашнина-Самарина, ib. 1873, IV). Кое-какія (крайне, впрочемъ, скудныя) данныя приводитъ г. Багалѣй изъ родословныхъ книгъ но безъ всякой критики, а данныя эти (какъ это, напримѣръ, указываетъ г. Квашнинъ-Самаринъ по поводу князей Новосильскихъ и Одоевскихъ) часто ошибочны. Вообще же послѣдняя глава г. Багалѣя не только абсолютно лишена всякихъ критическихъ попытокъ, но даже представляетъ далеко неполный сводъ сохранившихся скудныхъ лѣтописныхъ данныхъ. Если мы притомъ вычтемъ изъ этой главы 2 страницы, на которыхъ разказана исторія волненія, вызваннаго въ Курскѣ татарскимъ баска-

комъ Ахматомъ, болѣе 2 страницъ заимствованій (по обычаю автора, негласно) изъ чужихъ трудовъ [1]), то на изложеніе внѣшней и внутренней исторіи Сѣверской земли съ половины XIII по половину

[1]) Такъ, вся та часть 7-й главы, которая разбираетъ исторію Брянска въ XIII и XIV в., составлена почти исключительно по изслѣдованію *В. Б. Антоновича*: «Очеркъ ист. вел. кн. Литовскаго». Мало того, г. Багалѣй во многихъ мѣстахъ не довольствуется перефразировкой изслѣдованія г. Антоновича, но прямо списываетъ его, ни разу не указавъ на свой источникъ. Такъ на стр. 302 г. Багалѣй перефразируетъ (оставивъ впрочемъ нѣкоторыя выраженія) 134 страницу изслѣдованія г. Антоновича, тоже и на стр. 308 (*Антоновичъ*, стр. 133); стр. 309: «Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ (перенесенія епископской каѳедры изъ Чернигова въ Брянскъ, и т. д.) даже лѣтописи теперь разказываютъ о нѣкоторыхъ болѣе важныхъ событіяхъ Брянскаго княжества, умалчивая совершенно о событіяхъ въ другихъ удѣлахъ Сѣверской земли. Но судя по тѣмъ немногочисленнымъ фактамъ, которые дошли до насъ, можно думать, что возвышеніе Брянска было внѣшнее и не опиралось на внутреннюю его силу». У г. Антоновича (стр. 133): «Со времени Романа Михайловича значеніе, пріобрѣтенное Брянскомъ, *обращаетъ на это княженіе вниманіе лѣтописцевъ, которые потому и заносятъ въ лѣтописи болѣе важныя событія*, *касающіяся судьбы Брянскаго княжества*, *умалчивая совершенно о судьбѣ другихъ городовъ и удѣловъ Черниговскаго и Сѣверскаго княженій. Судя впрочемъ по немногочисленнымъ фактамъ, сообщеннымъ лѣтописцами, можно полагать, что возвышеніе Брянска было только внѣшнее, случайное и не опиралось на внутреннюю земскую силу*». На стр. 310 опять *дословно* переписывается стр. 134 г. Антоновича. На стр. 302 характеристика взаимнаго отношенія общественныхъ элементовъ въ разныхъ княжествахъ русскихъ послѣ татарскаго нашествія, цѣликомъ взята изъ того же сочиненія г. Антоновича (стр. 17—18). У г. Багалѣя: «Въ однихъ княжествахъ какой-нибудь изъ 3 общественныхъ элементовъ (князь, вѣче, дружина) одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ 2-мя остальными, въ другихъ всѣ эти 3 элемента находятся почти въ равновѣсіи. Въ Ростово-Суздальской землѣ *князю* удается сломить и вѣче и дружину. Въ Новгородѣ Великомъ *вѣче* является полновластнымъ господиномъ, низводитъ князя на степень кормленника, указываетъ ему путь отъ себя; боярское сословіе здѣсь также не пользуется большими прерогативами (?). Въ Галичѣ дружина получаетъ преобладающее значеніе; не смотря на всѣ попытки Галицкихъ князей сломить дружинный элементъ, это имъ не удается; Галицкіе бояре при преемникахъ Даніила получаютъ такое значеніе, что представляютъ какъ-бы сеймъ, ограничивающій велико-княжескую власть». У г. Антоновича: «Вмѣсто бывшаго общаго центра государственной власти въ Кіевѣ, возникаетъ нѣсколько новыхъ центровъ государственной жизни Руси. Эта политическая перемѣна опирается при томъ на внутренній переломъ, случившійся въ распорядкѣ составныхъ элементовъ русскаго общества. Между тѣмъ какъ въ Кіевѣ три составныя общественныя силы русскаго общества: князь, вѣче и дружина, находились въ постоянной борьбѣ между собою и уравновѣшивали другъ друга, въ каждомъ изъ новыхъ центровъ одно изъ этихъ составныхъ началъ

XIV в. окажется лишь около 4 страницъ. Понятно, что авторъ не могъ даже перечислить всѣхъ, хотя и скудныхъ, лѣтописныхъ данныхъ по исторiи Сѣверской земли за этотъ перiодъ.

Перейдемъ теперь къ главамъ труда г. Багалѣя, обнимающимъ внутреннiй бытъ Сѣверской земли.

Глава 3-я сочиненiя г. Багалѣя (Внутреннiй бытъ Сѣверской земли до половины XI вѣка) трактуетъ о городищахъ Сѣверской земли (стр. 52—64), погребальныхъ обычаяхъ (стр. 64—92), религiи (стр. 92—95), семейномъ бытѣ, культурѣ, общественномъ бытѣ и распространенiи христiанства.

Въ отдѣлѣ о городищахъ г. Багалѣй не ограничивается характеристикой однихъ сѣверскихъ городищъ, но начинаетъ ab ovo съ перечисленiя разныхъ существующихъ въ наукѣ мнѣнiй о назначенiи городищъ. Въ этомъ вопросѣ г. Багалѣй обнаруживаетъ значительную начитанность: онъ знакомъ со всѣми главнѣйшими мнѣнiями ученыхъ относительно значенiя городищъ, и его начитанность, по видимому, не можетъ быть подвергнута никакимъ сомнѣнiямъ, ибо онъ приводитъ постоянно собственныя слова изслѣдованiй. Но стоитъ нѣсколько скептическому читателю раскрыть сочиненiе Д. Я. Самоквасова; „Древнiе города Россiи", какъ видимая начитанность г. Багалѣя получаетъ тотчасъ же надлежащее освѣщенiе. Г. Багалѣй до того сроднился съ личностью г. Самоквасова, что принялъ въ свое изслѣ-

---

беретъ перевѣсъ надъ двумя другими и доставляетъ сильную точку опоры для новой государственной жизни: въ Ростовской землѣ княжеская власть, усиливаясь быстро съ половины XII ст., подчиняетъ себѣ и немногочисленныя городскiя общины Ростово-Суздальской земли и дружину. Въ Новгородѣ и его пригородахъ вѣче составляетъ основное начало государственнаго устройства: *оно низводитъ князя на степень зависимаго, смѣняемаго по волѣ вѣча, кормленника, оно поглощаетъ и ассимилируетъ съ собою боярское сословiе.* Въ Галицкой землѣ и подъ ея влiянiемъ въ Волынской—*дружинный элементъ беретъ перевѣсъ надъ 2 другими*; слѣды общинной жизни исчезаютъ еще при Ростиславичахъ, а при Романовичахъ, не смотря на упорное сопротивленiе и репрессивныя мѣры Романа и Данiила, *власть князей все болѣе и болѣе ограничивается дружинниками, которые подчиняютъ наконецъ князя совѣту бояръ, составившихъ какъ бы постоянный сенатъ, руководившiй его политическими дѣйствiями*».

Мы привели такiя длинныя параллельныя выписки съ цѣлью показать, какъ вездѣ, гдѣ у г. Багалѣя встрѣчаемъ или дѣйствительное изслѣдованiе или удачныя соображенiя, слѣдуетъ помнить о потемнѣнiи его сознанiя и искать писателя, съ которымъ отожествилъ себя г. Багалѣй. Поиски не бываютъ затруднительны, такъ какъ у г. Багалѣя есть излюбленные авторы, въ сознанiе которыхъ онъ особенно часто переселяется.

дованіе цѣлыхъ 12 страницъ его труда, со всѣми описками и опечатками. Такъ, въ перечисленіи теорій городищъ г. Багалѣй только переставилъ кое-гдѣ порядокъ, въ которомъ эти теоріи стоятъ у г. Самоквасова. На сколько въ данномъ случаѣ г. Багалѣй отожествилъ свое научное сознаніе съ сознаніемъ г. Самоквасова, можно судить изъ слѣдующихъ фактовъ: 1) г. Багалѣй перечисляетъ только теоріи, перечисленныя въ сочиненіи г. Самоквасова (стр. 94, и сл.); 2) г. Багалѣемъ приводятся буквально только тѣ мѣста изъ трудовъ разныхъ изслѣдователей, писавшихъ о городищахъ, которыя приводитъ г. Самоквасовъ [1]); 3) въ цитатахъ г. Багалѣй рабски слѣдуетъ цитатамъ г. Самоквасова, повторяя даже его опечатки: такъ въ цитатѣ 64 на стр. 95 у г. Самоквасова слѣдующая опечатка. Г. Самоквасовъ приводитъ заглавіе труда Тышкевича въ такомъ видѣ: О Кург. въ Лит. и Зап. Руси, 1865 г. Wiadomosc hist. o zam na Litvi Rusi Litew.—вм. Litvi i Rusi Litew. у г. Багалѣя (стр. 54, цитата: 4) „О курганахъ въ Литвѣ и Зап. Руси. 1865 г. Wiadomosć hist. o zamk. Litvi Rusi Litews.". Но едва ли не самый поразительный примѣръ отожествленія своей личности съ личностью г. Самоквасова находимъ у г. Багалѣя на стр. 53, пр. 1; г. Багалѣй говоритъ: „Я въ данномъ случаѣ не различаю терминовъ „городище" и „городокъ"; у г. Самоквасова, стр. 112, пр. 117: „Названіе городище и городокъ въ народѣ не различаются".

Иногда, впрочемъ, г. Багалѣй пользуется трудомъ г. Самоквасова гласно, то-есть, дѣлаетъ обширныя выписки изъ этого труда, цитуя его; такова, напримѣръ, обширная выписка въ $1^1/_2$ страницы на стр. 60—61 у г. Багалѣя; но количество выписокъ гласныхъ совершенно ничтожно сравнительно съ выписками не гласными, то-есть, съ такими, при которыхъ цитаты нѣтъ, и читатель по догматическому тону или прямо выраженному личному мѣстоименію, можетъ думать, что читаетъ собственныя соображенія г. Багалѣя. Такъ, стр. 57 и 58 сочиненія г. Багалѣя, содержащія въ себѣ доказательства, что городище между прочимъ (это выраженіе принадлежитъ самому г. Багалѣю) имѣли значеніе укрѣпленныхъ мѣстъ защиты, представляютъ дословный списокъ со стр. 98—100 труда г. Самоквасова, со всѣми его ссылками; однако, г. Багалѣй говоритъ здѣсь рѣшительно отъ своего лица (различные факты убѣждаютъ насъ въ томъ [2])!

---

[1]) Исключеніе сдѣлалъ г. Багалѣй лишь для теоріи Ходаковскаго.

[2]) *Г. Багалѣй*, стр. 57—58. *Г. Самоквасовъ*, стр. 98—100.

Прежде всего являются соображенія *По наружной конструкціи слово*

Изложеніе теоріи Ходаковскаго и разбора ея И. И. Срезневскимъ и гр. Уваровымъ (Багалѣй, стр. 55—57) дословно списано у г. Самоквасова (стр. 107—109) со всѣми цитатами (въ томъ же порядкѣ).

На стр. 52 г. Багалѣй говоритъ: „Попытаемся сопоставить лѣтописныя извѣстія о нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ намъ (по имени) городахъ Сѣверской земли съ извѣстіями о мѣстоположеніи нѣкоторыхъ городищъ"; эту попытку г. Багалѣй исполняетъ такимъ образомъ, что дословно списываетъ стр. 120—121 (кое-что лишь исключилъ) труда г. Самоквасова со всѣми цитатами.

На стр. 53, основная характеристика трехъ мнѣній о городищахъ—перифразъ словъ г. Самоквасова на стр. 97. На стр. 63 разсужденія объ иномъ значеніи городищъ въ Муромо-Рязанской области, нежели у Сѣверянъ,—перифразъ приведенной г. Самоквасовымъ выдержки изъ сочиненія г. Корсакова: Меря и Ростовское княжество".

Такимъ образомъ, сличеніе отдѣла сочиненія г. Багалѣя, трактующаго о городищахъ, съ трудомъ г. Самоквасова привело насъ къ заключенію, что всѣ 12 страницъ 3-й главы труда г. Багалѣя представляютъ частью дословный снимокъ, частью перифразъ соотвѣтственныхъ мѣстъ труда г. Самоквасова. И однако, эти страницы изложены у г. Багалѣя со всѣмъ научнымъ аппаратомъ, способнымъ ввести въ заблужденіе легковѣрнаго читателя, принимающаго г. Багалѣя за самостоятельнаго изслѣдователя.

Между тѣмъ, какъ рецептъ, по которому г. Багалѣй составилъ

филологическія. По своей конструкціи слово «городище» вполнѣ соотвѣтствуетъ словамъ «селище» и «дворище». Суффиксъ *ище* служитъ для обозначенія нежилыхъ оставленныхъ мѣстъ, народныхъ поселеній «пустыхъ», по выраженію одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ... и т. д. дословно.	*городище соотвѣтствуетъ словамъ селище и дворище* ... слова съ измѣненіемъ окончанія на *ище означаютъ оставленныя мѣста народныхъ поселеній, нежилыя, «пустыя» по выраженію одного изъ древнихъ памятниковъ...*
Теоретическій выводъ филологіи подтверждается прямыми свидѣтельствами лѣтописей и древнихъ актовъ...	Стр. 99. *Теоретическій выводъ филологіи подтверждается прямыми свидѣтельствами лѣтописей и другихъ актовъ...*
Наконецъ, народныя преданія утверждаютъ...	Стр. 100. *Наконецъ, народныя преданія утверждаютъ...*

Въ этой *негласной* выпискѣ есть, впрочемъ, одинъ самостоятельный актъ: рим. 76 (на стр. 99) г. Самоквасова г. Багалѣй перенесъ въ текстъ.

свое изслѣдованіе о городищахъ Сѣверской земли, крайне простъ и несложенъ, въ изслѣдованіи о погребальныхъ обычаяхъ и религіи Сѣверянъ такой простой и удобный пріемъ оказался г. Багалѣя нѣсколько затруднительнымъ. Дѣло въ томъ, что о погребальныхъ обычаяхъ Сѣверянъ еще кое-что можно было сказать, руководствуясь данными, собранными г. Самоквасовымъ въ его раскопкахъ на Сѣверщинѣ; но что касается религіозныхъ воззрѣній Сѣверянъ, то тутъ факты почти совершенно отсутствуютъ. Какъ же выходитъ г. Багалѣй изъ этого затрудненія, и какимъ пріемомъ наполняетъ онъ болѣе 30 страницъ своего труда (стр. 64—95) данными о погребальныхъ обычаяхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ Сѣверянъ? При помощи одной удачной гипотезы.

Г. Багалѣй дѣлаетъ счастливую догадку, что описанные у Ибнъ-Фоцлана Руссы—ни кто иной какъ Сѣверяне [1]). Почему тутъ Сѣверяне, а не Кіевляне, не Новгородцы (нѣкоторые, какъ напримѣръ, г. Стасовъ, сомнѣваются даже въ славянствѣ этихъ Руссовъ),—г. Багалѣй считаетъ совершенно излишнимъ это доказывать. Правда, однажды у г. Багалѣя промелькнуло было сомнѣніе въ правильности его гипотезы, но онъ быстро поспѣшилъ отогнать такое сомнѣніе слѣдующими соображеніями: „Мы имѣемъ полную возможность пользоваться извѣстіями Ибнъ-Фоцлана и др. арабскихъ писателей, говорящихъ о сожиганіи, для характеристики погребальныхъ обрядовъ Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей, потому что эти извѣстія стоятъ въ полномъ согласіи съ данными лѣтописными и археологическими изысканіями; разказъ Ибнъ-Фоцлана представляетъ какъ бы протоколъ раскопки Черной могилы“ (стр. 72). Что извѣстія Ибнъ-Фоцлана относятся къ Сѣверянамъ, это можно было бы утверждать только въ томъ случаѣ, еслибъ и остальныя подробности, имъ сообщаемыя о ви-

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы должны отнять у г. Багалѣя честь самостоятельнаго открытія этой гипотезы; ее также высказалъ впервые Самоквасовъ, изслѣдователь почтенный, но извѣстный въ наукѣ нѣсколько рискованными гипотезами (о болѣе раннемъ возникновеніи городовъ, нежели селъ, о славянствѣ Скиеовъ, о людоѣдствѣ древнихъ обитателей Кавказа, объ исключительномъ значеніи археологическихъ данныхъ для исторіи древнѣйшаго русскаго права). Интересно, что г. Самоквасовъ высказалъ свою гипотезу о сѣверянствѣ Ибнъ-Фоцлановыхъ Руссовъ тѣми же словами, что и г. Багалѣй и совершенно также этою гипотезой воспользовался (см. его Сѣв. курганы въ Трудахъ третьяго арх. съѣзда). О томъ, что эту гипотезу и ея выводъ цѣликомъ взяты у г. Самоквасова, г. Багалѣй ни однимъ словомъ не проговорился.

дѣнныхъ имъ Руссахъ, сходились съ описаніемъ сѣверскихъ обычаевъ въ другихъ источникахъ. Но одинъ лишь фактъ сожженія на столько мало значитъ (ибо сожженіемъ хоронили мертвыхъ и въ другихъ областяхъ Руси), что рѣшительно ничего доказывать не можетъ.

Но дѣло въ томъ, что эта гипотеза была крайне удобна для г. Багалѣя: она дала ему возможность привесть весь обширный разказъ Ибнъ-Фоцлана и прекрасный комментарій къ нему покойнаго А. А. Котляревскаго, такимъ образомъ, дала автору дешевый матеріалъ на цѣлыя 30 страницъ.

О самостоятельномъ изслѣдованіи погребальныхъ обычаевъ и религіозныхъ воззрѣній Сѣверянъ у г. Багалѣя не можетъ быть, конечно, и рѣчи; весь этотъ отдѣлъ (болѣе 30 страницъ) содержитъ въ себѣ только пересказъ всѣмъ извѣстнаго описанія похоронъ Руссовъ у Ибнъ-Фоцлана и изложеніе соотвѣтственныхъ мѣстъ труда А. А. Котляревскаго (О погреб. обычаяхъ языч. Славянъ) и статьи г. Самоквасова о сѣверскихъ курганахъ (Труды третьяго археологич. съѣзда). Количество гласныхъ выписокъ изъ этихъ трудовъ довольно значительно: такъ, приводимыя слова Котляревскаго занимаютъ въ числѣ этихъ 30 стр. болѣе 5 (стр. 65 ½ страницъ, 71—½ стр. 72—73, ½ 75; 81 вся и часть 82, ½ 83 и 84; 90 вся); но если къ этому прибавить тѣ мѣста этого отдѣла, которыя составлены по труду А. А. Котляревскаго или представляютъ негласную выписку изъ его труда, то заимствованіе изъ этого труда займутъ у г. Багалѣя 10—12 страницъ (такъ, частью изложены по Котляревскому, частью негласно у него выписаны стр. 74—75, 87—88 и пр.; за недостаткомъ мѣста не можемъ вездѣ приводить параллельныхъ выписокъ, но вѣдь изслѣдованіе Котляревскаго всѣмъ извѣстно).

Также широко пользуется г. Багалѣй и статьей г. Самоквасова, представляя изъ нея большія гласныя и еще бо̀льшія негласныя выписки. Такъ гласныя выписки—на стр. 76—78 (отъ начала до конца), 80 и 92, негласныя—на стр. 66—69 (почти вездѣ дословно). Послѣднюю обширную выписку (въ 4 страницы) я потому называю негласною, что г. Багалѣй хотя и ссылается въ началѣ ея на статью г. Самоквасова, но въ дальнѣйшемъ изложеніи приводитъ вездѣ цитаты и говоритъ въ такомъ тонѣ, что неопытный читатель можетъ ошибочно заключить, будто читаетъ изслѣдованіе самого г. Багалѣя. А между тѣмъ, эти 4 страницы представляютъ лишь дословную выписку изъ изслѣдованія г. Самоквасова (Труды третьяго

арх. съѣзда стр. 209—211). Особенно комичнымъ является то, что г. Багалѣй, дословно списывая стр. 209—211 статьи г. Самоквасова, переноситъ въ свое изложеніе и всѣ его ссылки (въ изслѣдованіи о найденныхъ въ сѣверскихъ курганахъ монетахъ, на Sabatier, Saulcy и пр.), такъ что наивный читатель можетъ быть введенъ въ полное заблужденіе относительно автора изслѣдованія на стр. 66—69 труда г. Багалѣя.

На остальныхъ страницахъ разбираемаго отдѣла переданъ разказъ Ибнъ-Фоцлана о Руссахъ. Естественно, что для собственнаго изслѣдованія у г. Багалѣя уже не хватило мѣста. Разъ предположивъ въ Ибнъ-Фоцлановыхъ Руссахъ Сѣверянъ и почувствовавъ всю выгоду такой гипотезы, г. Багалѣй пользуется ею и дальше. Такъ, описаніе домашняго быта (стр. 98—99) и культуры (стр. 100) Сѣверянъ взято г. Багалѣемъ изъ описанія Ибнъ-Фоцланомъ видѣнныхъ имъ Руссовъ. Понятно, что весь этотъ отдѣлъ представляетъ одно лишь пустословіе, коль скоро окажется, что Ибнъ-Фоцлановы Руссы—не Сѣверяне.

Отдѣлъ о религіи Сѣверянъ (стр. 92—95) есть опять лишь дословный списокъ 6—8 страницъ Ист.-статист. опис. Черниг. епархіи преосвященнаго Филарета. Крайне поэтому комично читать у г. Багалѣя слѣдующую фразу: „Такимъ образомъ, Полисунъ, какъ мы видимъ, очень подходитъ къ Волосу-скотьему богу. И тотъ и другой—покровитель животныхъ; но гдѣ мѣстность была по преимуществу лѣсная, тамъ былъ Полисунъ, а гдѣ было много полей и луговъ, тамъ былъ Волосъ; „Волосько",—коровій богъ мало извѣстенъ въ Черниговской украинѣ" (стр. 93). У пр. Филарета (стр. 6) читаемъ: „Полисунъ—богъ лѣсовъ, Волосъ—богъ воловъ. Но по значенію Полисунъ—хранитель скота отъ волковъ, надобно полагать, что Полисунъ и Волосъ одно и то же, только съ разнымъ названіемъ. Тамъ, гдѣ было много лѣсовъ, покровитель скота назывался Полисуномъ, а гдѣ были только волы на лугахъ, тотъ же покровитель назывался Волосомъ. „Волосько", коровій богъ, мало извѣстенъ въ Черниговской украинѣ". Послѣ такого сличенія это мы является удивительно комичнымъ.

Что касается отдѣла о торговлѣ Сѣверянъ (стр. 100—110), то здѣсь г. Багалѣй снова прибѣгнулъ къ гипотезѣ, что подъ Руссами, видѣнными нѣкоторыми арабскими писателями на Волгѣ, слѣдуетъ разумѣть Сѣверянъ. Гипотеза эта опять дала возможность г. Багалѣю привести разказы арабскихъ писателей о торговлѣ Руссовъ и комментаріи къ этимъ извѣстіямъ гг. Гаркави и Хвольсона. Собствен-

ныхъ соображеній на этихъ страницахъ не находимъ ни одного слова.

На стр. 112—115 г. Багалѣй критикуетъ извѣстіе о дикости Сѣверянъ. Въ этой критикѣ ни одного своего слова, она цѣликомъ взята изъ статьи г. Самоквасова, сѣверскихъ курганахъ (Труды третьяго археол. съѣзда). До чего рабски слѣдуетъ г. Багалѣй изложенію г. Самоквасова, видно изъ слѣдующаго: Г. Самоквасовъ перечисляетъ теоріи о доисторическомъ бытѣ Славянъ (въ частности Сѣверянъ) со временъ Шлецера; тѣ же теоріи, и только тѣ же, перечисляетъ и г. Багалѣй; Мало того, онъ приводитъ изъ перечисленныхъ г. Самоквасовымъ сочиненій только выписки, которыя находятся у перваго. Но всего болѣе поразительно то, что слова, которыми у г. Самоквасова связаны приведенныя имъ выдержки, повторены дословно г. Багалѣемъ. У обоихъ однѣ и тѣ же выписки изъ Шлецера, Карамзина и т. п.

Г. Багалѣй.	*Г. Самоквасовъ.*
Эту послѣднюю мысль Карамзина—о независимости семействъ, Эверсъ развилъ въ цѣлую теорію, извѣстную подъ именемъ теоріи родоваго быта. По этой теоріи всѣ отношенія Славянъ опредѣлялись естественными, родственными связями (р. 113).	*Мысль Карамзина—о полной независимости семействъ* у древнихъ Славянъ *развита Эверсомъ въ цѣлую теорію*, нашедшую многихъ послѣдователей *и извѣстную въ литературѣ подъ названіемъ теоріи родоваго быта* древнихъ Славянъ. *По этой теоріи всѣ отношенія* у древнихъ Славянъ *опредѣлялись естественными, кровными, родственными связями* (стр. 217).
Г. Погодинъ въ своей «Древней Русской исторіи» изданной въ 1872 г. въ краткомъ введеніи къ первому періоду Русской исторіи, начинающемуся 862, буквально повторяетъ слова Шлецера и Карамзина о дикости Славянъ (ib.).	*Г. Погодинъ въ своей древней Русской исторіи, изданной въ 1872 г., въ краткомъ введеніи къ первому періоду русской исторіи, начинающемуся 862 годомъ, буквально повторяетъ слова Шлецера и Карамзина о дикости Славянъ* (стр. 218).
Въ частности Сѣверяне почти всѣми историками считались грубѣйшими изъ племенъ русскихъ Славянъ, потому что къ нимъ непосредственно относится извѣстіе лѣтописи: «живяху въ лѣсѣ, яко всякій звѣрь, ядуще все нечисто». Только одинъ Бѣляевъ старался доказать, что «Сѣверяне языческой эпохи не стояли на степени	*Въ частности, Сѣверяне почти всѣми историками считались грубѣйшимъ изъ племенъ русскихъ Славянъ* языческой эпохи, *потому что къ нимъ непосредственно относится классическое извѣстіе лѣтописи «живяху въ лѣсѣ, яко всякіи звѣрь, ядуще все не чисто.* Сколько мнѣ извѣстно, между всѣми учеными юристами и истори-

дикости звѣролововъ и рыболововъ, что они имѣли общественные союзы, вели торговыя сношенія съ отдаленнымъ востокомъ, вообще стояли на несравненно высшей степени цивилизаціи, нежели обыкновенно думаютъ». Но доказательства Бѣляева, основанныя главнымъ образомъ на сказаніи Ибнъ-Фодлана, не были приняты въ наукѣ (ib.).

ками *только И. Д. Бѣляевъ* ... *старался доказать, что* ... *«Сѣверяне языческой эпохи не стояли на степени дикости звѣролововъ и рыболововъ, что они имѣли общественные союзы, вели торговыя сношенія съ отдаленнымъ востокомъ, вообще стояли на несравненно высшей степени цивилизаціи, нежели обыкновенно думаютъ... Но доказательства Бѣляева, основанныя, главнымъ образомъ*, на извѣстномъ *сказаніи* о Руссахъ арабскаго писателя *Ибнъ-Фодлана*, не имѣли достаточно убѣдительности (нѣсколько дальше—«Бѣляевъ не доказалъ своего предположенія фактически, *почему не были приняты въ наукѣ* и его воззрѣнія)... (стр. 218).

Еслибы дѣло шло о пособіяхъ рѣдкихъ, то еще понятно было бы пользованіе чужими ссылками; но сочиненія Шлецера, Бѣляева, Погодина всѣмъ извѣстны и всѣмъ доступны. Между тѣмъ, эти скрѣпы или связки цитатъ, дословно списанныя у г. Самоквасова, во-очію доказываютъ, что г. Багалѣй для своихъ 112—115 страницъ даже не раскрывалъ указанныхъ пособій, а все свое изложеніе цѣликомъ списалъ у г. Самоквасова.

На стр. 115—119 авторъ говоритъ въ совершенно догматическомъ тонѣ (безъ всякихъ цитатъ) объ общественномъ строѣ Славяно-русскихъ племенъ (стр. 119—122—въ частности о Сѣверянахъ). На этихъ страницахъ г. Багалѣй хотя говоритъ яко бы отъ себя, но въ сущности только излагаетъ этнографическую теорію г. Костомарова (высказанную въ его статьѣ: О федеративномъ началѣ древней Руси), въ большинствѣ случаевъ опять-таки списывая его соображенія дословно. Но, конечно, г. Багалѣй, по своему обыкновенію, ни словомъ не намекнулъ, откуда позаимствовалъ свои соображенія. Догматическій тонъ изложенія можетъ опять ввести читателя въ заблужденіе относительно автора соображеній, высказываемыхъ на стр. 115—119. Сдѣлаемъ и здѣсь нѣсколько сличеній.

Авторъ говоритъ сначала объ условіяхъ, которыя вели къ племенному различію:

Г. Багалѣй.

Иныхъ занятій, инаго образа жизни требовали поля «Полянъ», плодоносныя, но открытыя нападеніямъ ко-

Г. Костомаровъ.

Иныхъ занятій, инаго образа жизни требовали поля, обитаемыя *Полянами, плодоносныя*, и вмѣстѣ *открытыя*

чевниковъ, нежели лѣса Древлянъ или болота Дреговичей. Иначе дѣйствовалъ на человѣка теплый и здоровый климатъ Уличей, чѣмъ холодный и сырой климатъ Кривичей. Благодаря громадности пространства, занятаго славянскими племенами, и затруднительности путей сообщенія, племена жили розно. Да и трудно было жить иначе, когда одно отъ другаго отдѣляли дремучіе лѣса, непроходимыя болота и широкія степи (стр. 115) [1].

нападенію иноплеменниковъ, чѣмъ лѣса Древлянъ и болота Дреговичей. Иначе дѣйствовалъ на организмъ и наклонности *человѣка теплый и здоровый* климатъ *Улучей, чѣмъ холодный* и ровный климатъ Ростовской и Суздальской земли, или *сырой климатъ отечества Кривичей. Пространства, на которыхъ жили всѣ эти племена, были слишкомъ велики, а пути сообщенія длинны и затруднительны. Дремучіе лѣса, непроходимыя болота и широкія степи раздѣляли ихъ другъ отъ друга* (Истор. Моногр. т. I, стр. 6).

Историческія обстоятельства также не способствовали слитію и сглаженію племенныхъ особенностей, примѣромъ чего можетъ служить вліяніе, оказываемое кочевниками...

Историческія обстоятельства не доставляли средствъ къ слитію и изглаженію племенныхъ разностей. Вліянія иноплеменныхъ народовъ дѣйствовали на Славянъ разъединительнымъ образомъ...

Стр. 116 и слѣд. все по статьѣ Н. И. Костомарова, по большей части дословно.

На стр. 118 изложены по Костомарову (въ большинствѣ случаевъ дословно) условія, ведшія Славяно-Русскія племена къ сближенію. Особенно характерно слѣдующее сопоставленіе:

Г. Багалѣй.

Полянинъ могъ бы знать, что Печенѣгъ ему чужой, между тѣмъ какъ Вятичъ родной... *Я* говорю могъ бы, потому что очень часто они этого не сознавали.

Г. Костомаровъ.

Такъ въ древности, *Полянинъ, встрѣчаясь съ Печенѣгомъ, долженъ былъ замѣчать, что съ тѣмъ у него нѣтъ сходства въ языкѣ, а напротивъ есть съ Вятичемъ, и отсюда возникало сознаніе, что Вятичъ ему родной* . . .

[1]) Конецъ этого параграфа, г. Багалѣя:

На вліяніе географическихъ условій мѣстности указываетъ и сама лѣтопись: появленіе славянскихъ вѣтвей, ихъ обособленіе ставится лѣтописцемъ въ связь съ ихъ географическимъ распредѣленіемъ «разъидошася, говоритъ она по земли прозвашася имены своими, *гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ*». Самыя имена нѣкоторыхъ славянскихъ вѣтвей объясняются у лѣтописца *топически*: Поляне—«занеже въ полѣ сѣдяху», Древляне «зане сѣдоша въ лѣсѣхъ», Полочане—«рѣчки ради Полоты».

Барсовъ, Оч. Русск. Ист. Геогр. стр. 67.

Древнѣйшее преданіе о пришествіи Славянъ съ Дуная *ставитъ въ связь появленіе славянскихъ вѣтвей именно съ географическимъ ихъ разселеніемъ: разъидошася, говоритъ оно, по земли и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ. Самыя имена нѣкоторыхъ вѣтвей объясняются у лѣтописца топически: Поляне, или Поли— Занеже въ поли сѣдаху, Древляне зане сѣдоша въ лѣсѣхъ, Полочане — рѣчки ради Полоты.*

Послѣ такого сличенія г. Багалѣй является уже болѣе чѣмъ комичнымъ...

Конецъ 3-й главы говоритъ о первоначальномъ распространеніи христіанства среди Сѣверянъ, Вятичей и Радимичей (стр. 122—124). Это опять лишь частью пересказъ своими словами, частью простое списываніе стр. 8—10 изъ сочиненія преосв. Филарета, Ист.-стат. опис. Черниг. епархіи. Рѣчь идетъ объ условіяхъ, способствовавшихъ легкому и быстрому распространенію христіанства въ Сѣверщинѣ:

Г. Багалѣй.

Водяныя сообщенія Кіева съ Черниговомъ по Деснѣ тоже способствовали этому. Когда Владиміръ Св. принялъ новую вѣру, то постарался, конечно, ввести ее и въ Черниговской области». «Нача ставити, гов. лѣтопись, церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ». Хотя она и не опредѣляетъ, въ какихъ именно городахъ Св. Владиміръ насаждалъ вѣру Христову, но само собою разумѣется, что слова ея не могутъ не относаться къ Чернигову, ближайшему городу къ Кіеву. Во время Св. Влад. христіанство распространилось по Сѣверской землѣ въ такой мѣрѣ, что тамъ понадобилось уже открыть епархію. И она была открыта (стр. 123—124).

Пр. Филаретъ.

Водяныя сообщенія Кіева и Олжичь[1] *сближали ихъ съ Черниговомъ... Когда Владиміръ*, единодержавный князь всей Россіи, *принялъ новую святую вѣру, съ тѣмъ, чтобы была она вѣрою всей Россіи, Сѣверяне, знакомые съ новою вѣрою, безъ сомнѣнія, замѣнили старую вѣру новою. Преподобный лѣтописецъ прямо и ясно говоритъ о св. Владимірѣ, что онъ «нача ставити церкви и попы и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ». Хотя онъ и не опредѣляетъ, въ какихъ именно городахъ св. Владиміръ насаждалъ вѣру Христову, но само по себѣ понятно, что слова лѣтописца не могутъ не относиться къ Чернигову—городу, ближайшему къ столицѣ великаго князя, Кіеву. Во время св. Владиміра христіанство распространилось въ землѣ Сѣверской въ такой мѣрѣ, что тамъ уже можно и нужно было открыть епархію. И она была открыта* (стр. 10).

Имени пр. Филарета мы, конечно, на разобранныхъ страницахъ у г. Багалѣя ни разу не встрѣчаемъ.

Также широко воспользовался г. Багалѣй трудомъ пр. Филарета и въ 6-й (предпослѣдней) главѣ своего труда (стр. 280—292), когда говоритъ объ исторіи Черниговской епархіи. И тѣмъ не менѣе г. Багалѣй, часто дословно списывая трудъ пр. Филарета, ни разу не упомянулъ его имени при перечисленіи Черниговскихъ епископовъ. Пр. Фила-

[1]) Пр. Филаретъ предполагалъ, что Ольга могла въ своемъ городкѣ Олжичъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, выстроить храмъ.

ретъ пользовался такими рукописными источниками, которыхъ г. Багалѣй, конечно, и въ глаза не видѣлъ (синодики и святцы). А между тѣмъ г. Багалѣй дѣлаетъ ссылки на эти источники; но при сличеніи со ссылками пр. Филарета оказывается, что г. Багалѣй лишь списалъ его цитаты дословно.

На сколько изложеніе г. Багалѣя часто близко и здѣсь къ изложенію пр. Филарета, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Г. Багалѣй, стр. 283.

9. Онуфрій посвященъ въ 1143 г. .... Еще въ 1145 г. митр. Михаилъ, тяготясь междоусобіями князей, удалился изъ Руси въ Царьградъ: тамъ въ это время происходили безпорядки и тревоги. Патріархъ Козьма за свое расположеніе къ уличенному богомилу Неофиту, низведенъ былъ съ каѳедры, которая оставалась праздною до 1147 г. Такимъ неустройствомъ задумалъ воспользоваться Изяславъ...

Пр. Филаретъ, стр. 16.

9. Онуфрій посвященъ въ епископа въ 1143 г... Въ 1146 г. Михаилъ, тяготясь междоусобіями князей, удалился изъ Россіи... Въ Константинополѣ и прежде того и теперь происходили безпорядки и тревоги. П. Козма за то, что оказывалъ любовь къ уличенному богомилу Неофиту, низведенъ былъ съ каѳедры, и до декабря 1147 г. патріаршая каѳедра оставалась праздною. При такихъ неустройствахъ вел. кн. Изяславъ рѣшился слѣдовать примѣру Ярослава....

О епископѣ Ѳеоктистѣ:

Г. Багалѣй, стр. 282.

Въ рукописныхъ святцахъ и въ канонѣ кіевскимъ святымъ Ѳеоктистъ поставленъ въ числѣ святыхъ Печерской обители.

Пр. Филаретъ, стр. 15.

По ркп., святцамъ и въ канонѣ Кіевскимъ святымъ онъ (Ѳеоктистъ) поставленъ въ числѣ святыхъ Печерской обители.

Къ этому мѣсту г. Багалѣй дѣлаетъ якобы самостоятельную ссылку:

г. *Багалѣй*, ib. пр. 2.

Ркп. святцы въ опис. кіев. святыхъ: святый Ѳеоктистъ, епископъ Черниговскій, бысть въ лѣто 6597 (это годъ исцѣленія Никиты). Въ канонѣ кіевскимъ св. Мелетій *Стригъ* послѣ Ефрема молитъ іерарха Ѳеоктиста. Акаѳисты. К. 1674.

Пр. Филаретъ, стр. 15, пр. 25.

Ркп. святцы въ опис. Кіев. святыхъ. «Святый Ѳеоктистъ, епископъ Черниговскій бысть въ л. 6597—1189 «Это годъ исцѣленія Никиты. Въ канонѣ кіевскимъ святымъ Мелетій, Сиригъ, послѣ Ефрема, молитъ іерарха Ѳеоктиста. Акаѳисты К. 1674 г. !!

Мы увѣрены, что г. Багалѣй пришелъ бы въ великое смущеніе, еслибы мы попросили его отвѣтить, какой Никита подразумѣвается въ приведенной имъ цитатѣ, и что это за составитель каноновъ, котораго г. Багалѣй назвалъ Стригомъ?

Но наиболѣе разительный примѣръ того безцеремоннаго отношенія,

съ которымъ г. Багалѣй обращается съ трудомъ пр. Филарета, выдавая его мысли, его соображенія за свои, представляетъ изслѣдованіе г. Багалѣя о епископѣ Порфиріѣ II:

Г. Багалѣй, стр. 286.	*Пр. Филаретъ*, стр. 21.
13. Порфирій II. Точныхъ указаній на существованіе этого епископа *мы* не имѣемъ, но *приходимъ къ такому заключенію на основаніи нѣкоторыхъ косвенныхъ соображеній*.	13. Порфирій II является дѣйствующимъ лицемъ въ 1230 и 1239 г. Нельзя допустить, чтобъ это былъ тотъ же епископъ Порфирій, котораго видимъ въ 1177 г., иначе Порфирій въ санѣ епископа жилъ бы болѣе 60 лѣтъ, если не всѣ 70.
Имя еп. Порфирія упоминается лѣтописью на протяженіи 62 лѣтъ: сначала подъ 1177, потомъ подъ 1187, 1230 г., наконецъ, 1239; на самомъ дѣлѣ этотъ періодъ нужно признать еще болѣе продолжительнымъ, ибо предшественникъ Порфирія Антоній былъ изгнанъ изъ своей епархіи въ 1169, и нѣтъ никакого вѣроятія думать, чтобы онъ послѣ того былъ призванъ обратно; Порфирій, слѣдовательно, долженъ былъ занять его мѣсто между 1169 и 1177 г.	*Въ пр. 43*. Порфирій является въ лѣтописи съ 1177 г., но *предшественникъ его Антоній удалился въ Кіевъ еще въ 1168 г. и не только не видно* по лѣтописцамъ, *но и невѣроятно, чтобы потомъ возвращался онъ въ Черниговъ. Потому болѣе чѣмъ вѣроятно, что Порфирій былъ Черниговскимъ епископомъ съ 1170 г.*

И списавъ соображенія пр. Филарета, г. Багалѣй еще имѣетъ смѣлость заявлять, что онъ „приходитъ къ заключенію“!

Перечисленіе и краткая исторія древнѣйшей судьбы церквей и монастырей Сѣверской земли сдѣланы у г. Багалѣя главнымъ образомъ на основаніи опять-таки труда пр. Филарета и статейки г. Маркова (къ слову сказать, для древняго періода Чернигова никуда негодной) [1].

Кромѣ исторіи Черниговской епархіи, 6-я глава сочиненія г. Багалѣя содержитъ въ себѣ еще краткое повтореніе главы 5-й (очерка внѣшней исторіи Сѣверской земли до половины XIII столѣтія) (стр. 268—280), очерки промышленности, монетной системы и просвѣщенія у Сѣверянъ (стр. 292—301).

Въ отдѣлѣ о монетной системѣ Сѣверской земли г. Багалѣй, по своему обыкновенію, начинаетъ ab ovo, съ изложенія общеизвѣстныхъ данныхъ о древне-русскомъ монетномъ дѣлѣ (по статьѣ А. А. Куника о русско-

[1]) Не понимаемъ, для чего эту статью понадобилось недавно перепечатать въ прежнемъ ея видѣ (перепечатано съ единственно сохранившагося въ Черниговѣ экземпляра). Черниговъ, 1882.

визант. монетахъ), но конечно, „мы“ фигурируетъ и здѣсь: „мы должны будемъ прійдти къ заключенію“), а затѣмъ описываетъ найденную близъ Чернигова золотую шейную гривну и два слова о гривнахъ, найденныхъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, которыя онъ считаетъ гривнами сѣверскаго типа.

Въ отдѣлѣ о просвѣщеніи перечисляются нѣкоторыя литературныя произведенія, принадлежащія Сѣверской землѣ (Хожденіе игумена Даніила въ Царьградъ, проповѣдь, напечатанная Погодинымъ; передаются соображенія К. Н. Бестужева-Рюмина о Черниговской лѣтописи; наконецъ, проглядываетъ, хотя и робко, желаніе автора считать принадлежащимъ Сѣверской землѣ и Слово о Полку Игоревѣ).

Перейдемъ теперь къ двумъ послѣднимъ главамъ сочиненія г. Багалѣя, трактующимъ о колонизаціи Сѣверской земли (гл. I. Географія и колонизація Сѣверской земли до второй половины XI в. и гл. IV—Географія и колонизація Сѣверской земли отъ половины XI до половины XIII в.).

Въ 1-й главѣ г. Багалѣй начинаетъ съ критики лѣтописнаго извѣстія, выводящаго Сѣверянъ съ Дуная. Г. Багалѣй приводитъ мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ (Гедеонова, Куника), опровергающихъ это лѣтописное извѣстіе, и склоняется къ мнѣнію, признающему Сѣверянъ автохтонами той мѣстности, среди которой мы ихъ застаемъ въ историческую эпоху, и приводитъ (изъ Шафарика) свидѣтельства Гвидона Равеннскаго о Сварикахъ, географа Баварскаго о Свирянахъ, затѣмъ (страненъ здѣсь хронологическій порядокъ г. Багалѣя) Птолемея о Саварахъ и Певтингерово обозначеніе страны въ окрестности Дона—Saurica. Послѣднему извѣстію авторъ придаетъ особенное значеніе въ виду того, что и арабскіе писатели говорятъ о многочисленномъ населеніи въ Хозаріи. Мы не станемъ разбирать эту гипотезу; укажемъ только на то, что свидѣтельства Гвидона Равеннскаго и географа Баварскаго, если они относятся къ Сѣверянамъ, ничего не прибавляютъ къ тому, что̀ намъ извѣстно изъ лѣтописи, ибо писатели эти жили уже въ IX в., а къ этому времени и наша лѣтопись помѣщаетъ Сѣверянъ уже на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Но что касается извѣстій болѣе раннихъ (Птолемея), то къ нимъ слѣдуетъ относиться крайне осторожно. Дѣло въ томъ, что какъ кочевыя орды, покоряя одна другую, сообщаютъ покореннымъ свое племенное названіе (см. объ этомъ статью Н. Веселовскаго: Къ вопросу о Гуннахъ въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1882 г. Іюль), такъ и племена Русскихъ Славянъ, вслѣдствіе подобныхъ же причинъ, мѣ-

няли племенныя названія. Названіе Славянъ Кіевскихъ Поляне очень рано исчезло и смѣнилось названіемъ Руси. На мѣсто племеннаго имени обширной вѣтви сѣверныхъ Славянъ; Кривичей, мы въ X вѣкѣ уже застаемъ нѣсколько названій, исходящихъ отъ тѣхъ городскихъ центровъ, возлѣ которыхъ сгруппировались отдѣльныя части этой вѣтви (Полочане, Смольняне, быть можетъ, Новгородцы и даже Сѣверяне), а названіе Кривичи исчезло. Точно также обитатели земли Волынской назывались прежде Дулѣбами, Бужанами, а потомъ Волынянами, и нѣкоторыя изъ этихъ названій, какъ кажется, появились вслѣдствіе возвышенія одной городской общины надъ другими (извѣстны города Волынь и Бужскъ).

Высказавъ мысль о древнемъ поселеніи Сѣверянъ въ занимаемой ими въ историческое время мѣстности, г. Багалѣй переходитъ къ болѣе точному опредѣленію той мѣстности, которую занимали Сѣверяне, Радимичи и Вятичи во времена лѣтописца.

Сначала г. Багалѣй много (стр. 11—12) говоритъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя представляетъ для изслѣдователя опредѣленіе границъ тѣхъ мѣстностей, кои занимали Сѣверяне, конечно—съ цѣлію придать большую цѣну тѣмъ своимъ результатамъ, требовавшимъ преодолѣнія такой массы затрудненій. Интересно сопоставить перечисленіе этихъ трудностей у г. Багалѣя съ такимъ же перечисленіемъ ихъ у г. Барсова въ отдѣлѣ о сѣверской колонизаціи (Оч. русск. истор. геогр., 126—127).

Съ одной стороны, приходившіе постоянно въ южную Русь кочевники занимали огромныя степныя пространства и не позволяли (въ силу своего кочеваго быта) установиться въ ней какой-нибудь опредѣленной границѣ:

Г. Багалѣй.	*Г. Барсовъ*, стр. 127.
Съ тѣхъ поръ, какъ помнитъ себя южная Русь, можетъ она назвать то Печенѣговъ, то Торковъ и Берендѣевъ, то Татаръ, которые ей мѣшали свободно развиваться тѣмъ путемъ, какимъ шли другія славянорусскія вѣтви. Такимъ образомъ становится вполнѣ понятнымъ, почему дѣятельность Сѣверянъ, равно какъ и ихъ сосѣдей Радимичей и Вятичей по обезпеченію рубежей отъ сосѣдей была ничтожна въ сравненіи съ дѣятельностію другихъ славянскихъ племенъ (стр. 11).	Въ то же время неустойчивость и слабость населенія, зависимость отъ азійцевъ *не позволяли юго-восточному Славянству развиваться свободно тѣмъ путемъ, какимъ шли другія Славяно-Русскія вѣтви*... Ихъ (Сѣверянъ, Вятичей и Радимичей) взаимныя отношенія были опредѣлены слабо и ихъ *дѣятельность по обезпеченію рубежей отъ сосѣдей какъ соплеменныхъ, такъ и инородческихъ, была, кажется, ничтожною въ сравненіи съ такою же дѣятельностью Славянъ на Западѣ.*

Другая трудность изслѣдованія распространенія Сѣверянъ—отсутствіе мѣстной сѣверской лѣтописи и характеръ лѣтописи начальной, въ которой главное вниманіе обращено на событія кіевскія:

Г. Багалѣй.	*Г. Барсовъ*, стр. 126.
Начальная лѣтопись, хотя по видимому и носитъ на себѣ характеръ извѣстной общности... тѣмъ не менѣе въ ней главнымъ образомъ обращено вниманіе на кіевскія событія; и это понятно: авторъ ея былъ Кіевляниnъ, и потому естественно зналъ ихъ лучше всѣхъ остальныхъ; о событіяхъ въ другихъ земляхъ онъ говоритъ въ общихъ чертахъ, при случаѣ (стр. 11).	«*При всей общности ея* (начальной лѣтописи) *характера*, все-таки очевидно, что она возникла въ Кіевѣ, и что составитель ея *гораздо ближе и съ большими подробностями зналъ событія, совершавшіяся въ Кіевской Руси*, чѣмъ въ другихъ краяхъ молодаго государства... *свѣдѣнія о жизни въ другихъ частяхъ Руси доходили до него только въ общихъ частяхъ и въ* такомъ видѣ заносились въ лѣтопись.

Итакъ, трудности изслѣдованія колонизація Сѣверянъ весьма велики. Но, говоритъ неутомимый и неустрашимый изслѣдователь,—„постараемся, однако, опредѣлить, хотя приблизительно, мѣстность, занятую этими племенами въ періодъ времени отъ IX в. до смерти Ярослава“ (стр. 12).

Какъ же старается г. Багалѣй? Какой методъ употребляетъ онъ для преодолѣнія указанныхъ имъ затрудненій?

Методъ, которымъ г. Багалѣй блистательно побѣждаетъ всѣ препятствія и хотя приблизительно опредѣляетъ колонизацію Сѣверянъ, поражаетъ своею архаическою простотой, поразительною смѣлостью, и навѣрное оставилъ бы за изслѣдователемъ имя замѣчательнаго изобрѣтателя въ наукѣ, еслибы, къ сожалѣнію, этимъ самымъ методомъ съ успѣхомъ не пользовались изрѣдка и другіе, впрочемъ столь же знаменитые ученые. Этотъ методъ, весьма рѣзкія проявленія котораго мы видимъ уже на всемъ протяженіи сочиненія г. Багалѣя, но настоящую цѣну и апогей котораго находимъ въ разбираемыхъ теперь двухъ главахъ, состоитъ опять-таки въ полномъ отожествленіи своего научнаго сознанія съ сознаніемъ своихъ почтенныхъ предшественниковъ. Въ данномъ случаѣ такими предшественниками явились г. Барсовъ и отчасти Срезневскій и Брунъ. Но наиболѣе симпатичнымъ кочевому сознанію г. Багалѣя явился г. Барсовъ, и г. Багалѣй удостоилъ его дословнымъ перенесеніемъ на страницы своего труда цѣлыхъ 25 страницъ труда г. Барсова (125—151).

Такой почтенный методъ требуетъ внимательнаго изученія, а по-

тому просимъ у читателя, въ интересахъ науки, извиненія, если нѣсколько утомимъ его подробнымъ изложеніемъ Багалѣевскаго метода.

Г. Багалѣй.	*Г. Барсовъ*, стр. 128.
... Сѣверяне должны были занимать бассейнъ Десны, притока ея Сейма и притока Днѣпра, Сулы. На западѣ Сѣверяне граничили съ Полянами; на сѣв.-зап., между Припетью и Днѣпромъ — съ Кривичами; на сѣв.—Радимичами, жившими по р. Сожѣ, притоку Днѣпра; на сѣв.-вост.— съ Вятичами, жившими по верховьямъ р. Оки, на юго-вост. и югѣ съ различными степняками (стр. 12).	...Область Сѣверянъ... простиралась по Деснѣ, Семи (Сейму) и Сулѣ, слѣд. она прилегала на западѣ къ Полянской и Кривской землямъ, въ сѣв. къ Радимичамъ, жившимъ по Сожѣ, на сѣв. вост. къ поокскому населенію Вятичей, представляя на юго-вост. и югѣ славяно-русскую украйну съ кочевьями азійскихъ выходцевъ.
«На сѣв. въ верховьяхъ Десны сѣверянскія поселенія простирались между землями Радимичей и Вятичей... Какъ передовыя поселенія Сѣверянъ здѣсь выступали города: *Брянскъ*, *Карачевъ*, *Болдыжъ лѣсъ* (теперь село Болдыжъ Орл. губ. у гор. Дмитровска); *Домагощъ*; а въ теперешнихъ Дмитровскомъ и Карачевскомъ уѣздахъ Орловской губ. цѣлый рядъ городищъ: *Криво-Городище* на Кромѣ, лѣвомъ притокѣ Оки, *Водоцкое Городище* въ южной части Карачевскаго уѣзда, *Верхній* и *Нижній Городцы* къ зап. отъ городища Водоцкаго» (стр. 13).	«*На сѣв. по Деснѣ Сѣверянскія поселенія простирались между Радимичами и Вятичами*... могутъ быть отнесены къ области Сѣворскихъ заселеній. *Болдыжъ лѣсъ*... тамъ гдѣ теперь указывается село Болдыжъ у г. Дмитровска Орл. губ., *Карачевъ*, *Домагощъ*, *Дьбрянскъ* (*Брянскъ*), *Вщижъ* на Деснѣ въ 40 в. выше Брянска (послѣдній проглядѣлъ г. Багалѣй). Здѣсь на этомъ водораздѣлѣ, въ холмистой и лѣсистой мѣстности по вост. границамъ *теперешнихъ Дмитровскаго* и *Карачевскаго уѣзд. замѣчаются теперь городища*: *Криво-Городище на Кромѣ, лѣвомъ притокѣ Оки*, *Водоцкое Городище* въ южной части *Карачевскаго уѣзда*, *Верхній* и *Нижній Городцы* по дорогѣ изъ Сѣвска въ Карачевъ, къ зап. отъ городища Водоцкаго» (стр. 129).
«Крайнія поселенія Сѣверянъ на востокъ и юго-востокъ простирались по Сейму, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтопись; но эти поселенія *безъ всякаго сомнѣнія* путемъ колонизаціи расширялись на востокъ и юго-востокъ, по Сѣверскому Донцу, притоку Дона и даже по Дону и Волгѣ... (стр. 13).	Стр. 129. *Юго-вост. разселенія Сѣверянъ шли по Семи (Сейму)... Здѣсь только указываетъ ихъ лѣтопись, но есть много основаній думать, что они простирались* даже въ эпоху образованія Русскаго государства *гораздо далѣе на вост. и юго-вост.*, *въ область Сѣвернаго Донца .. и въ область самаго Дона*...

«На югѣ границу Сѣверянъ лѣтопись указываетъ р. Сулу. *Вѣроятно*, и здѣсь граница шла гораздо южнѣе, но мѣстное славянское населеніе принуждено было отступать передъ наплывомъ степныхъ варваровъ» (стр. 14).

Стр. 132. Къ концу X в. мы застаемъ ихъ окраины на Сулѣ р., но если и здѣсь *славянское населеніе было также принуждено постепенно отступать къ сѣв. передъ наплывомъ степныхъ инородцевъ*, какъ то было на зап. сторонѣ Днѣпра, то необходимо допустить, что ихъ первоначальная поселенія заходили гораздо далѣе на югъ.

Радимичи жили по Сожи... Но *кажется*, область Сожи ими была занята не вся. Въ южной части ея радимичскія поселенія могли сходиться съ кривичскими съ одной стороны, а съ сѣверскими съ другой. На волокѣ, отдѣляющемъ нижнее теченіе Сожи отъ ложа Днѣпра, *мы видимъ* (въ сѣверн. углу Рѣчицкаго у.) Кривенъ на р. Узѣ и близъ него Радѣевъ. Далѣе на сѣв. (тепер. у. Старобыховскомъ, Чаускомъ и Чериковскомъ) вовсе не замѣтно радимичскихъ названій (исключая *Радимли* на р. Пронѣ)... и т. д. дословно (стр. 14).

Радимичи .... по Сожѣ (стр. 132). *Какъ кажется однако, область Сожи... была занята ими не вся. Въ южной части ея Радимичскія поселенія могли сходиться съ Кривскими съ одной стороны и съ Сѣверскими съ другой. На волокѣ, отдѣляющемъ нижнее теченіе Сожи отъ ложа Днѣпра, мы видимъ (въ сѣверномъ углу Рѣчицкаго уѣзда) Кривскъ на р. Узѣ и близъ чего Радѣевъ... Далѣе на сѣверъ (въ тепер.* уѣздахъ *Старобыховскомъ, Чаускомъ и Чериковскомъ) вовсе не замѣтно Радимичскихъ наименованій за исключеніемъ Радимли на р. Пронѣ* (стр. 133—134).

«Вятичи жили по р. Окѣ; но, конечно, всей Оки они занимать не могли, такъ какъ на той же рѣкѣ въ нижнемъ ея теченіи лѣтопись помѣщаетъ Финское племя Мурому... Для болѣе точнаго обозначенія рубежей земли Вятичей можетъ до нѣкоторой степени служить позднѣйшій (XII в.) фактъ — походъ Изяслава Мстиславича на Святослава Ольговича въ 1146 г. Крайнимъ Черниговскимъ городомъ, не входившимъ въ составъ земли Вятичей, былъ Дьбрянескъ, ближайшимъ Вятичскимъ городомъ къ Сѣверянамъ является *Козельскъ* на Жиздрѣ притокѣ Оки. Такимъ образомъ водораздѣлъ между Деснянскими притоками: Нерусою, Навлею, Ревною и Болвою съ одной стороны и Окскимъ притокомъ Жиздрою съ другой можетъ быть принятъ западнымъ порубежьемъ Вятичей... и т. д. дословно.

Вятичи. Ихъ географическое положеніе лѣтопись опредѣляетъ Окою; но и это опредѣленіе ... можно понимать только какъ приблизительное и общее, ибо по свидѣтельству этнографическаго введенія той же лѣтописи, еще въ ея время нижнее теченіе Оки... сидѣло Финское племя Муромы..... *Изъ похода Изяслава Мстиславича Кіевскаго на Святослава Ольговича въ 1146 г. видно, что въ то время крайними Черниговскими городами, невходившими въ составъ Вятичей, были Карачевъ и Дьбрянескъ... ближайшимъ къ нимъ Вятичскимъ городомъ является Козельскъ на Окскомъ притокѣ Жиздры...* такъ что лѣсистый и холмистый *водораздѣлъ между Деснянскими притоками Нерусою, Навлею, Ревною и Болвою съ одной стороны и Окскимъ притокомъ Жиздрою съ другой можетъ быть принятъ западнымъ порубежьемъ земли Вятичей»* (стр. 135).

Частью пересказъ, но больше дословныя выписки изъ сочиненія г. Барсова представляютъ въ этой главѣ еще стр. 20—22 и 29—32.

Перенося цѣлыя страницы изложенія г. Барсова въ свое сочиненіе, г. Багалѣй пользуется и отдѣльными его соображеніями, съ рѣдкою смѣлостью, чтобы не сказать болѣе, приписывая ихъ себѣ. Такова, напримѣръ, гипотеза г. Багалѣя о связи Тмутаракани съ Сѣверщиной, связи, основанной на племенномъ единствѣ той и другой области: „По нашему мнѣнію", говоритъ г. Багалѣй (стр. 26),— „основаніе Тмутаракани нужно поставить въ связь съ колонизаціоннымъ движеніемъ Сѣверянъ на юго-востокъ и югъ"... „Самое главное, что говоритъ въ пользу нашего мнѣнія — это постоянная связь Тмутаракани съ Черниговомъ и зависимость отъ Черниговскихъ князей, которая и на Руси признавалась дѣломъ законнымъ" (стр. 28). Это мнѣніе г. Багалѣя получаетъ истинно-комичную окраску, если сравнить съ нимъ то, чтò говоритъ о связи Тмутаракани съ Черниговомъ г. Барсовъ (стр. 131): „Постоянная связь Тмутаракани съ Черниговомъ, зависимость ея отъ Черниговскихъ князей, которая признавалась на Руси дѣломъ законнымъ и безспорнымъ, могла основываться только на племенномъ или земельномъ сродствѣ ея славянскаго населенія съ населеніемъ Подесенья, Посемья и Посулья и заставляетъ видѣть въ славянскомъ населеніи этого края развѣтвленіе Сѣверянъ".

Въ промежуткахъ между снимкомъ съ труда г. Барсова, г. Багалѣй сдѣлалъ честь подобнаго же вѣрнаго снимка и покойному Срезневскому. Такъ изъ его статьи „Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV в. (Изв. Имп. Ак. Н., т. VIII) г. Багалѣй заимствовалъ 4 страницы своей 1-й главы (стр. 16—20). Дѣло идетъ о южныхъ и юго-восточныхъ поселеніяхъ Сѣверянъ, которыя, по Срезневскому, доходили до Сѣверскаго Донца и Дона. Срезневскій въ указанной статьѣ доказываетъ это главнымъ образомъ русскими названіями южныхъ рѣчекъ и рѣкъ, впадающихъ въ Днѣпръ съ лѣвой, „ратной", его стороны, въ Донецъ, Донъ и Азовское море. Перечисленіе этихъ рѣкъ, какъ видно изъ сличенія, г. Багалѣй цѣликомъ позаимствовалъ у Срезневскаго со всѣми его цитатами и только потрудился перевести цитаты Срезневскаго изъ стараго изданія лѣтописи на новое, руководствуясь приложеннымъ къ новому изданію Ипатіевской лѣтописи указателемъ. Интересно при этомъ, что г. Багалѣй до того рабски слѣдуетъ цитатамъ Срезневскаго, что, переведя ихъ на новое изданіе Ипатіевской лѣтописи, не осмѣлился увеличить число цитатъ, хотя легко могъ это сдѣлать

по тому же указателю: это и доказываитъ, что г. Багалѣй приводитъ цитаты, исключительно изъ статьи Срезневскаго [1]).

Мы видѣли, какимъ образомъ пользовался г. Багалѣй трудомъ г. Барсова во 2-й главѣ своего труда: онъ изрѣдка передаетъ своими словами его изложеніе, но по большей части снимаетъ съ его труда дословный списокъ. Но въ 4-й главѣ даже такой неутомимый изслѣдователь, какъ г. Багалѣй, почувствовалъ усталость и рѣшительно отказался отъ перваго пріема, требующаго извѣстнаго умственнаго напряженія. Онъ рѣшилъ дать себѣ отдыхъ передъ длинною 5-й главой, въ которой ему пришлось заняться нелегкимъ дѣломъ перевода лѣтописи на современный русскій языкъ, и всецѣло замѣнилъ умственную работу физическою. Поэтому-то онъ и занялся въ этой главѣ преимущественно точною копіей изложенія г. Барсова. Мы опять принуждены просить у читателя извиненія за длинныя параллельныя выписки, но мы желаемъ во-очію показать ему, что наша рекомендація г. Багалѣя какъ копіиста, ревниво оберегающаго точность своего списка, не голословна.

Въ этой (IV-й) главѣ г. Багалѣй начинаетъ съ опредѣленія границъ Переяславскаго княжества:

Г. Багалѣй.	*Г. Барсовъ*, стр. 139.
«Переяславское княжество занимало область по р. Трубежу, Супою и Сулѣ до Ворсклы; на сѣв. и сѣв.-вост. оно простиралось до водораздѣла этихъ рѣкъ съ областью Десны и Сейма съ одной стороны и Сѣверскаго Донца съ другой....» (стр. 124).	*«Переяславское княженіе занимало область по Трубежу, Супою и Сулѣ до Ворсклы, простираясь на сѣв. и сѣв.-вост. до верховьевъ этихъ рѣкъ, до водораздѣла ихъ съ областью Десны и Сейма съ одной стороны и Сѣвернаго Донца съ другой.*
«Чтобы защитить себя отъ дикихъ Половцевъ, русскіе князья стали селить на порубежьяхъ тѣхъ изъ кочевниковъ, которые были склонны къ осѣдлости и признавали свою зависи-	Стр. 140... Русь поняла необходимость ограждать свои степныя побережья отъ дикихъ кочевниковъ *тѣми изъ ихъ сородичей, которые начинали привыкать къ осѣдлости и находили вы-*

[1]) Характерно сличеніе слѣдующей ссылки:

Г. Багалѣй (стр. 17, прим. 5).	*Срезневскій* (стр. 317).
«Приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Руськую землю, и пондоста на Всеволода съ Половци. Всеволодъ изыде противу има на Съжицѣ. П. С. Р. Л., т. I, стр. 8. Карамзинъ думалъ читать тутъ «Оржицѣ».	Оржица. Лавр. 85. 1078. Приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Руськую землю и пондоста на Всеволода съ Половци. Всеволодъ изиде противу има на Съжицѣ. *Карамзинъ думалъ читать тутъ Оржицѣ.*

мость отъ русскихъ князей. Такъ, на южномъ побережьѣ Переяславскаго княжества поселились переяславскіе Торки; по указаніямъ XII в., они занимали область въ окрестностяхъ Баруча, лежавшаго близъ городовъ Бронь-Княжа, Нежатина, Городка и Серебрянаго.... Благодаря этому живому оплоту съ одной стороны и энергической дѣятельности Мономаха съ другой, кочевники къ концу XI в. уже не заходили теперь такъ далеко, какъ прежде, не заходя далѣе побережьевъ *сѣвернаго* [1]) Удая; дѣйствительно, въ это время только два раза Половцы подходили къ Переяславлю: въ 1096 г., когда половецкій ханъ Куря сжегъ *Устье* (вѣроятно Трубежа) и въ 1107 г. когда Боиякъ захватилъ коней у самого Переяславля. По Удаю и Сулѣ *мы видимъ* цѣлый рядъ укрѣпленій, возобновленныхъ или поставленныхъ Мономахомъ, таковы по Сулѣ — Роменъ....

годнымъ признавать себя въ зависимости отъ русскихъ князей... Извѣстны *Торки*, поселившіеся на лѣвой сторонѣ Днѣпра и признававшіе надъ собою власть Переяславскаго князя. *По указаніямъ XII в. они занимали область въ окрестностяхъ Баруча, города, лежавшаго близъ городовъ Бронь-Княжа,.. Нѣжатина, Городка и Серебрянаго... Благодаря этому живому оплоту* на южномъ порубежьѣ Переяславскаго княженія, *но болье всего энергической дѣятельности Мономаха, къ концу XI в. кочевники* были принуждены ограничить свои опустошительные набѣги областью Сулы, *не заходя сѣверные побережьевъ Средняго Удая. Въ это время Переяславцы только два раза видѣли нападеніе ихъ на окрестности своего города, въ 1096 г., когда Половецкій ханъ Куря сжегъ Устие, по всей вѣроятности Трубежа, и въ 1107 г., когда знаменитый Боякъ захватилъ коней у самаго Переяславля. По Удаю и Сулѣ мы видимъ рядъ укрѣпленій, которыя или были возобновлены или вновь поставлены Мономахомъ. Таковы были по Сулѣ—Роменъ*....

и т. д. до конца страницы.

Г. Багалѣй.

«Что касается юго-вост. и вост. границы Переяславскаго княжества, то она очевидно заходила гораздо дальше за область Сулы, захватывая не только верхнее теченіе этой рѣки, но и Псела, Голтвы, а можетъ быть и Ворсклы: такъ здѣсь *мы видимъ* два города *Римовъ* и Старую Бѣловежу... (стр. 126—127).

Г. Барсовъ, стр. 141.

Что касается юго-вост. и вост. рубежей Переяславскаго княженія, то они очевидно заходили гораздо дальше за область Сулы, захватывая верхнее теченіе не только этой рѣки, но и Псела, Голтвы, и можетъ быть Ворсклы.... Начальная лѣтопись называетъ *здѣсь только два города: Старую Бѣловѣжу и Римовъ*...

и т. д. до конца страницы.

Г. Багалѣй.

На сѣв.-вост. рубежъ долженъ былъ проходить первоначально у сближаю-

Г. Барсовъ, стр. 142.

На сѣверо-востокѣ Переяславскій рубежъ долженъ былъ проходить первона-

[1]) Тутъ г. Багалѣй сдѣлалъ здѣсь описку: у г. Барсова *средняго*.

щихся между собою верховьевъ Ворсклы, Псела и Сулы по водораздѣлу ихъ съ Посемьемъ. Между Посемьемъ, принадлежавшимъ Черниговскому княжеству, и Переяславскимъ княжествомъ шло Поле; здѣсь въ XII в. *мы видимъ* порубежныя укрѣпленія—Попашъ и Вьяхань; въ концѣ XI в. въ эпоху борьбы Мономаха съ Святославичами, къ Переяславскому княжеству принадлежала также область лѣваго притока Сейма, *Выря* съ городомъ Выремъ или Выревымъ.. но Вырь стоялъ въ естественной связи съ Посемьемъ, которое тянуло къ Черниговскому княжеству.... (стр. 128).

чально у сближающихся между собою верховьевъ Ворсклы, Псела и Сулы, по холмистому *водораздѣлу ихъ съ Посемьемъ. Между Посемьемъ и Переяславскими владѣніями простиралось Поле. Здѣсь въ XII вѣкѣ мы видимъ* значительные *порубежные городки-укрѣпленія Попашъ и Вьяхань. Но въ концѣ XI вѣка, въ эпоху борьбы Мономаха съ Святославичами къ Переяславскому княжеству принадлежала также область лѣваго притока Сейма, Выря съ городомъ Выремъ или Выревымъ, которая стоитъ однако въ естественной связи съ Посемьемъ и потому должна была первоначально принадлежать къ этой окраинѣ Черниговскаго княженія...*

«Рубежъ Черниговo-Переяславскій проходилъ, *какъ мы уже видѣли*, по водораздѣлу между Остромъ и Семью съ одной стороны, Трубежомъ и Посульемъ съ другой. Область верхняго Сейма, которой по преимуществу давалось названіе Посемья, имѣла центральнымъ пунктомъ городъ Курскъ, впослѣдствіи составившій особый удѣлъ Черниговскаго княжества. Начальная лѣтопись не сообщаетъ объ его области никакихъ географическихъ данныхъ, но весьма вѣроятно, что уже и въ это время къ нему тянули всѣ тѣ земли, которыя впослѣдствіи составили Курское княжество. Юго-вост. окраины ихъ могли достигать водораздѣла между верхнимъ теченіемъ Сѣверскаго Донца и Оскола. Въ описаніи знаменитаго похода Игоря Святославича въ 1185 г. на Половцевъ лѣтопись говоритъ, что онъ, переправившись черезъ Донецъ, два дня ждалъ брата своего, шедшаго изъ Курска, на Осколѣ; очевидно, слѣдовательно, что на пространствѣ до этой рѣки русскіе князья видѣли себя еще дома, считали себя безопасными отъ

Стр. 147. *Рубежъ Черниговско-Переяславскій проходилъ, какъ мы уже видѣли, по водораздѣлу между Остромъ и Семью съ одной стороны, Трубежомъ и Посульемъ съ другой. Область верхняго Сейма, которой по преимуществу придавалось названіе Посемья, имѣла центральнымъ пунктомъ городъ Курскъ, впослѣдствіи составившій особый удѣлъ Черниговскаго княжества. Лѣтопись не сообщаетъ относительно его области никакихъ географическихъ данныхъ, но весьма вѣроятно, что уже и въ ея время къ нему тянули всѣ тѣ земли, которыя впослѣдствіи составляли Курское княженіе. Именно юго-восточныя окраины ихъ могли достигать водораздѣла между верхними теченіями Сѣвернаго Донца и Оскола. Въ описаніи знаменитаго похода Игоря Святославича на Половцевъ 1185 лѣтопись говоритъ, что князь, переправившись черезъ Донецъ, два дня ждалъ брата своего, шедшаго другимъ путемъ изъ Курска, на Осколѣ; явный знакъ, что на пространствѣ до этой рѣки русскіе князья видѣли себя еще дома, считали себя безопасными отъ враждебныхъ ко-*

враждебныхъ кочевниковъ; доказательствомъ этого можетъ служить Слово о Полку Игоревѣ, гдѣ поэтъ, говоря о переходѣ русскихъ войскъ черезъ холмистый Донецко-Оскольскій водораздѣлъ, восклицаетъ: «о русская земле уже за шеломянемъ еси....»

чевниковъ. Подтвержденіемъ такому предположенію представляетъ Слово о Полку Игоревѣ, гдѣ поэтъ, говоря о переходѣ русскихъ войскъ черезъ холмистый водораздѣлъ, Донецко-Оскольскій восклицаетъ: «О Русская земле уже за шеломянемъ еси....»

и т. д. все отъ стр. 130 по 132 въ сочиненіи г. Багалѣя представляетъ точнѣйшій списокъ со стр. 147—149 сочиненія г. Барсова, безъ пропуска хотя бы единаго слова, или малѣйшей запятой.

Не станемъ продолжать выписокъ, которыя и безъ того слишкомъ обременили нашу статью. Замѣтимъ только, что все въ 4-й главѣ отъ стр. 124 по 132 и даже дальше, представляетъ лишь дословный, рѣдкій по точности и исправности списокъ соотвѣтственныхъ мѣстъ труда г. Барсова, при чемъ лишь изрѣдка г. Багалѣй переставляетъ отдѣльные параграфы труда г. Барсова. Живи г. Багалѣй въ средніе вѣка, его искусство снимать рѣдкіе по точности и вѣрности снимки съ чужихъ трудовъ пріобрѣло бы ему почетное мѣсто среди невѣжественныхъ копіистовъ; впрочемъ, и теперь труды его удостоились ученаго одобренія.

Обязанный г. Барсову цѣлыми двумя главами своей „исторической монографіи", г. Багалѣй однако высказываетъ по отношенію къ нему самую черную неблагодарность. Два раза онъ пытается критически отнестись къ отдѣльнымъ воззрѣніямъ г. Барсова, и оба раза доказываетъ лишь собственную небрежность и поразительную беззастѣнчивость. Такъ, въ прим. 6 на стр. 126 г. Багалѣй не соглашается съ г. Барсовымъ относительно положенія г. Баруча: „Г. Барсовъ, думаетъ, основываясь на сосѣднихъ городахъ, перечисленныхъ **нами** (выше мы приводили какъ разъ соотвѣтственное этому мѣсту сличеніе словъ г. Багалѣя и г. Барсова, и видѣли, какое право имѣлъ г. Багалѣй говорить здѣсь **мы**), что Баручъ находился въ сѣверной части Прилукскаго, или въ южной части Нѣжинскаго уѣзда. Кажется, что вѣрнѣе будетъ предположеніе Арцыбашева, потому что нынѣшній Борисполь не представляетъ изъ себя украинпаго города, а лежитъ на серединѣ пути изъ Переяславля въ Кіевъ, между тѣмъ какъ **Барышевка лежитъ южнѣе Переяславля, то-есть, на рубежѣ земли Русской съ землею Половецкою**". Тутъ все отъ перваго до послѣдняго слова невѣрно и доказываетъ только полное незнакомство г. Багалѣя съ географіей Полтавской губерніи. Стоило ему только взглянуть на карту этой послѣдней, и онъ

увидѣлъ бы, что Барышевка лежитъ верстъ на 30 сѣвернѣе Переяславля.

Еще болѣе поразительна, но уже съ другой стороны, вторая попытка г. Багалѣя критики словъ г. Барсова. Говоря о положеніи Бѣловежи на стр. 127 (мы выше указывали, что вся эта страница отъ перваго слова до послѣдняго списана у г. Барсова), г. Багалѣй замѣчаетъ: „Положеніе Старой Бѣловѣжи опредѣлить нельзя; но ея не нужно смѣшивать съ Бѣловѣжей Черниговскою какъ это дѣлаетъ г. Барсовъ". Между тѣмъ г. Барсовъ (Ист. Геогр., стр. 142) именно и говоритъ (да и самъ г. Багалѣй повторяетъ эти его слова): „Положеніе Старой Бѣловѣжи опредѣлить нельзя; но во всякомъ случаѣ ея не слѣдуетъ смѣшивать съ черниговскимъ городомъ Бѣлою Вѣжею!" Это уже что называется „за мое жито, та мене й побито".

Такими удачными оказываются двѣ единственныя попытки г. Багалѣя отнестись критически къ словамъ г. Барсова!

Мы кончили разборъ „исторической монографіи" г. Багалѣя.

Въ результатѣ нашихъ наблюденій надъ составомъ этого ученаго труда оказываются слѣдующіе выводы: 1) болѣе ста страницъ въ этомъ ученомъ изслѣдованіи (вся 3-я глава, 1-я и 4, большая часть 6-й и 7-й) представляютъ прекрасный по точности снимокъ съ весьма ограниченнаго числа общеизвѣстныхъ пособій; 2) болѣе 100 страницъ (вся глава 5-я) представляетъ переводъ лѣтописи на современный русскій языкъ; 3) остальныя страницы ученой работы г. Багалѣя пошли на связки и скрѣпы двухъ первыхъ осново-источниковъ.

И за этотъ-то вопіющій литературный плагіатъ, въ которомъ автору принадлежитъ только механическій трудъ списыванія, историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра не только принудилъ золотую медаль и денежную премію, но и далъ двѣ ученыя степени кандидата и магистра!

Въ заключеніе нѣсколько словъ г. Багалѣю. Не смотря на бьющую въ глаза очевидность нашей оцѣнки его труда (каждое свое положеніе мы подтвердили документально), мы не надѣемся убѣдить его самаго, ибо кто разъ уже пошелъ по тому пути, на который вступилъ г. Багалѣй, тотъ рѣдко съ него сходитъ. Но во всякомъ случаѣ г. Багалѣй долженъ признать ту деликатность, съ которою мы выбрали время для нашей рецензіи.

И. Линниченко.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ 1881 ГОДУ.

Событіе, наполнившее горестью и ужасомъ не только Россію, но и весь образованный міръ, безвременная кончина Императора Александра II, 1-го марта 1881 года, отъ руки безумныхъ и ожесточенныхъ убійцъ, было тяжкою утратой и для Императорской публичной библіотеки, пользовавшейся постоянными вниманіемъ и щедротами въ Бозѣ почившаго Государя. Въ теченіе болѣе чѣмъ четверти вѣка не оскудѣвали милости высокопросвѣщеннаго Монарха: онъ неоднократно даровалъ ей средства для очень значительныхъ пріобрѣтеній, которыми Библіотека, по справедливости, можетъ гордиться. Въ числѣ этихъ пріобрѣтеній особенно видное мѣсто занимаютъ слѣдующія: коллекція греческихъ и восточныхъ палимпсестовъ и рукописей, пріобрѣтенная отъ лейпцигскаго профессора Тишендорфа; коллекція восточныхъ рукописей, пріобрѣтенная отъ князя Д. И. Долгорукова; двѣ коллекціи еврейскихъ рукописей, пріобрѣтенныя отъ крымскихъ караимовъ Фирковичей; коллекція старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ, купленная у извѣстнаго библіофила И. П. Каратаева; коллекція древнихъ куфическихъ кораповъ, пріобрѣтенная въ Парижѣ у Марцела; собраніе грузинскихъ рукописей, уступленное княземъ Грузинскимъ; библіотека печатныхъ книгъ и рукописей, оставшаяся послѣ Ѳ. П. Аделунга, автора извѣстнаго библіографическаго сочиненія о старинныхъ иностранныхъ путешественниковъ по Россіи, и многія другія. Кромѣ того, покойный Государь повелѣлъ передать въ наше отечественное книгохранилище почти всю Эрмитажную би-

бліотеку, образовавшуюся въ теченіе цѣлаго столѣтія, и многократно обогащалъ его драгоцѣнными подносимыми ему рукописями; въ числѣ послѣднихъ достаточно указать на знаменитую въ цѣломъ мірѣ греческую Библію IV вѣка, поднесенную ему монахами Синайскаго монастыря; на глаголическое Зографское Евангеліе XI—XII вѣка; на Евангеліе, писанное въ 1465 году на сирійскомъ и арабскомъ языкахъ; на роскошный экземпляръ персидской поэмы Шахнамэ, сочиненной Фердоуси; на автографъ знаменитой оперы „Оберонъ" Вебера, въ оркестровой партитурѣ, — первый даръ Государя Императора Публичной библіотекѣ, и много другихъ. Независимо отъ новыхъ пріобрѣтеній, покойный Императоръ даровалъ Библіотекѣ средства, съ одной стороны, увеличивать хранящіяся въ ней сокровища пріобрѣтеніемъ новыхъ, а съ другой—значительно расширить и украсить ея помѣщеніе. Благодаря полученнымъ средствамъ, въ составъ Библіотеки вошли: замѣчательная по полнотѣ коллекція самаритянскихъ рукописей, богатое собраніе сочиненій о Палестинѣ извѣстнаго путешественника по Святой Землѣ Тоблера, коллекціи восточныхъ рукописей графа Симонича, В. Н. Ханыкова и Жабы, библіотека чешскаго ученаго Юнгмана, библіотека медицинскихъ сочиненій доктора Лаута, изъ Страсбурга, и многія другія, а новая читальная зала, вмѣщающая въ себѣ до 300 человѣкъ, и зала инкунабулъ, представляющая образецъ старинныхъ средневѣковыхъ монастырскихъ библіотекъ, съ которыхъ начались большія общенародныя библіотеки въ Европѣ, представляютъ собою замѣчательныя архитектурныя постройки, а притомъ первая изъ этихъ построекъ отвѣчаетъ также нуждамъ, удобствамъ и просвѣтительнымъ цѣлямъ Библіотеки. Наконецъ, отечественное книгохранилище не можетъ не гордиться тѣмъ, что, не взирая на многотрудныя заботы правленія, покойный Императоръ удостоивалъ ее нѣсколько разъ своимъ посѣщеніемъ, вмѣстѣ съ покойною Императрицей, и при этихъ случаяхъ лично освѣдомлялся о нуждахъ Библіотеки, чтобы потомъ щедро удовлетворять потребностямъ этого учрежденія.

Въ кругу своего личнаго состава, въ теченіе 1881 года Библіотека лишилась своихъ почетныхъ членовъ: принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, постоянно благоволительно относившагося къ процвѣтанію отечественнаго книгохранилища, ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ Б. А. Дорна, бывшаго въ продолженіе двадцати-пяти лѣтъ библіотекаремъ отечественнаго книгохранилища, которое обязано ему составленіемъ каталога храня-

щихся въ немъ рукописей на восточныхъ языкахъ, и извѣстнаго знатока исторіи Востока, тайнаго совѣтника В. В. Григорьева, содѣйствовавшаго своими распоряженіями, неоднократно во время бытности его главнымъ начальникомъ по дѣламъ печати, къ пополненію отдѣленія книгъ на русскомъ языкѣ.

Важнѣйшія пріобрѣтенія, сдѣланныя Библіотекой въ 1881 году, суть слѣдующія:

Цѣлыми коллекціями въ нее поступили:

I) Собраніе рукописей, принесенное въ даръ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, въ количествѣ 322 нумеровъ (66 рукописныхъ книгъ и тетрадей и 256 актовъ). Въ составъ этого собранія входятъ рукописи славянскія, русскія, латино-польскія и на восточныхъ языкахъ. Русскія и славянскія рукописи по письму всѣ не старѣе XVII в., а по содержанію относятся къ богословской отрасли знанія, къ исторіи, географіи, праву, литературѣ и пр.; здѣсь встрѣчается нѣсколько сборниковъ разнообразнаго состава, нѣсколько лѣтописцевъ, житій святыхъ, космографія, писцовыя переписныя и другія административно-хозяйственныя книги въ подлинникахъ и копіяхъ, календари, крюковая азбука церковнаго пѣнія, иконописный подлинникъ, копіи съ грамотъ и указовъ и пр. Собраніе старинныхъ русскихъ актовъ состоитъ главнымъ образомъ изъ документовъ, относящихся до монастырей Суздальскаго Покровскаго дѣвичьяго, Великолуцкихъ дѣвичьихъ: Вознесенскаго и Ильинскаго (до 1675 г. былъ мужскимъ) и Торопецкаго Троицкаго Небина, а также изъ выписей изъ книгъ писцовыхъ, межевыхъ, отдѣльныхъ и отказныхъ, выдававшихся разнымъ помѣщикамъ. Двѣ рукописи латино-польскія содержатъ въ себѣ любопытныя данныя о состояніи хозяйства нѣкоторыхъ католическихъ монастырей въ западной Россіи въ XVII в. Наконецъ, изъ рукописей восточныхъ замѣтимъ: часть всеобщей исторіи Табари въ персидской передѣлкѣ съ арабскаго подлинника; превосходный экземпляръ стихотворнаго сочиненія Абду-р-Рахмана Дженни, подъ заглавіемъ „Златая цѣпь", и рукопись, названная „Число смерти", то-есть, краткіе некрологи замѣчательныхъ людей XIII—XVII вв., преимущественно изъ ученыхъ Средней Азіи и Персіи.

II) Вслѣдствіе ходатайства Библіотеки поступили въ нее, на основаніи опредѣленія святѣйшаго синода отъ $^{7}/_{20}$-го мая 1880 года, напечатанныя въ синодальныхъ типографіяхъ и въ типографіяхъ Кіево-Печерской и Почаевской лавръ съ 1850 по 1880 годъ изданія церков-

но-славянской и гражданской печати, экземпляры которыхъ въ свое время не были доставлены въ Библіотеку. Это собраніе, состоящее изъ 358 сочиненій, въ 392 томахъ, особенно значительно пополнило небольшое число имѣвшихся въ Библіотекѣ за эти годы церковно-славянскихъ книгъ, случайно пріобрѣтенныхъ покупкой, или принесенныхъ Библіотекѣ въ даръ частными лицами.

III) Собраніе изъ 54 изданій церковно-славянской печати, которое управленіе Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ уступило Библіотекѣ изъ своихъ дублетовъ, въ обмѣнъ на тѣ дублеты Библіотеки, которыми не обладали музеи. Въ числѣ этихъ изданій нѣкоторыя малоизвѣстны и рѣдки.

IV) Значительное количество оффиціальныхъ изданій разныхъ европейскихъ государствъ по части наукъ и художествъ, полученное Библіотекою изъ международной коммиссіи для обмѣна изданій. Довольно видное мѣсто въ ряду этихъ изданій занимаютъ французскія изданія историческія и филологическія; но самую главную часть, именно около 1000 томовъ, составляютъ правительственныя изданія Сѣверо-Американскихъ штатовъ „Journals of Congress“, къ сожалѣнію, не полные въ нѣкоторыхъ годахъ.

V) Собраніе изъ 16 документовъ на турецкомъ языкѣ, преимущественно касающихся Крымскаго полуострова, изъ XVII и XVIII в., принесенное въ даръ Библіотекѣ ея библіотекаремъ Ѳ. П. Кеппеномъ.

VI) Остальная часть библіотеки покойнаго почетнаго лейбъ-медика Я. Д. Добберта, въ количествѣ 1601 сочиненія въ 1801 томѣ, пожертвованная его сыномъ, докторомъ Б. Я. Доббертомъ и значительно пополнившая отдѣленія медицинскихъ и соціальныхъ наукъ.

VII) Продолженіе приносимой въ даръ англійскимъ правительствомъ коллекціи патентовъ и привиллегій на техническія изобрѣтенія, выдаваемыхъ на Лондонѣ, въ количествѣ 230 томовъ.

VIII) Продолженіе коллекціи выдаваемыхъ германскимъ правительствомъ патентовъ и привиллегій на разныя изобрѣтенія, приносимой имъ въ даръ Библіотекѣ, въ количествѣ 4525 нумеровъ.

Важнѣйшія отдѣльныя пріобрѣтенія Библіотеки, въ теченіе 1881 года, были слѣдующія:

По закону Библіотека продолжала получать всѣ выходящія въ имперіи произведенія печати: брошюры, повременныя изданія, ноты, географическія карты, гравюры и проч., изъ тѣхъ же источниковъ, что и въ предыдущіе годы.

Изъ числа приношеній со стороны разныхъ учрежденій и част-

ныхъ лицъ. значительнѣйшія по числу томовъ были: отъ доктора Доберта (1801 т.), отъ правительства Сѣверо-Американскихъ штатовъ (173 т.), отъ общества краснаго креста съ его отдѣлами (117 т.), отъ графа М. М. Корфа (114 т.), отъ тайнаго совѣтника Н. Н. Колошина (104 т.), отъ Іенскаго университета (64 т.), отъ почетнаго корреспондента Библіотеки Креля, въ Лейпцигѣ (63 т.), отъ Эрлангенскаго университета (56 т.), отъ св. синода (55 т.), отъ военно-медицинской академіи (54 т.), отъ Боннскаго университета (52 т.).

По рѣдкости, важности содержанія или цѣнности примѣчательны, изъ числа пріобрѣтенныхъ Библіотекой или подаренныхъ ей книгъ, нѣсколько печатныхъ указовъ Петровскаго времени, и рядъ дорогихъ изданій научнаго содержанія на иностранныхъ языкахъ, каковы, напримѣръ: „The survey of Western Palestine“ изданіе, предпринятое по порученію Лондонскаго Palestine Exploration Fund и заключающее въ своихъ томахъ всѣ важнѣйшіе результаты послѣднихъ изслѣдованій и много новыхъ, самостоятельно добытыхъ составителями, данныхъ о топографіи, этнографіи и археологіи Святой земли; Pathways of Palestine, through the Holy Lond by H. B. Tristram, собраніе 44 фотографическихъ изображеній важнѣйшихъ достопримѣчательностей Святой земли, съ обстоятельными объясненіями (оба эти изданія принадлежатъ къ числу тѣхъ 22 изданій о Святой землѣ, которыми, въ теченіе 1881 года, Публичная библіотека пополнила свое превосходное собраніе сочиненій о Палестинѣ, основанное знаменитымъ путешественникомъ Тоблеромъ); вторая серія великолѣпнаго безпримѣрнаго англійскаго изданія, посвященнаго тканымъ издѣліямъ Остъ-Индіи. Первая серія, поступившая въ Библіотеку еще въ 1878 году, носила названіе: „The textile manufactures and costumes of the people of India, by J. Forbes Watson M. A., M. D., F. K. A. S., etc., Reporter on the products of India to the Secretary of state for India in Council. Printed for the India office by George Edward Eyre and William Spottiswoode. London, 1866, f°. Томъ этотъ былъ украшенъ 11-ю фото-и хромолитографированными таблицами, изображающими мужскіе и женскіе костюмы, ковры, оружія и проч. Въ предисловіи передъ подробнымъ текстомъ было изложено, что настоящее изданіе посвящается воспроизведенію 700 главнѣйшихъ образцовъ ткацкаго производства (шелковаго, шерстянаго и бумажнаго) Остъ-Индіи, изъ числа тѣхъ многочисленныхъ образцовъ подобнаго рода производствъ, которые заключаются въ знаменитомъ Остъ-индскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Вторая серія этого изданія, заключающаяся собственно въ

этихъ образцахъ, начала издаваться въ 1872 году и до настоящаго времени еще не доведена до конца. Появившіеся до сихъ поръ томы являются въ двухъ форматахъ. Томы образцовъ до № 400 появляются въ большой листъ и состоятъ каждый изъ подлиннаго образца цвѣтной матеріи, шелковой или бумажной, роскошно затканнаго золотомъ и серебромъ, и съ воспроизведеніемъ этой самой матеріи, на особомъ листѣ бумаги, посредствомъ фото- и хромолитографіи извѣстнымъ хромолитографомъ W. Griggs. Томы же, представляющіе образцы матерій, начиная съ № 401, напечатаны въ большую 4-ку и содержатъ въ себѣ только подлинные образцы матерій (шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ), затканныхъ золотомъ и серебромъ, а также не затканныхъ, но вообще безъ воспроизведенія ихъ посредствомъ фото- и хромолитографіи. Заглавіе второй серіи слѣдующее: „Collection of specimens and illustrations of the textile manufactures of India. Second series. Prepared under the direction of J. Forbes Waston, M. A., etc., Reporter on the products of India. London. India Museum".

Кромѣ собственно печатныхъ книгъ, укажемъ еще слѣдующія любопытныя пріобрѣтенія:

а) 52 листа фотографическихъ снимокъ, сдѣланныхъ тифлисскимъ фотографомъ С. Ю. Сабинъ-Гусомъ съ оклада образа, съ оклада Евангелія и перстня, хранимыхъ въ Гелатскомъ монастырѣ, въ Грузіи. Всѣ три предмета принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній древне-грузинскаго искусства, всего болѣе окладъ образа, состоящій изъ византійскихъ эмалевыхъ образковъ разной величины, окруженныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями и расположенныхъ на золотыхъ створкахъ, среди богатыхъ филигранныхъ разводовъ. Внизу вычеканена надпись, грузинскимъ церковнымъ шрифтомъ, содержащая въ себѣ молитву къ Богородицѣ Вардзійской (въ Имеретіи), отъ лица, имени котораго нельзя разобрать. По формѣ буквъ профессоръ Е. Д. Чубиновъ относитъ работу этихъ створокъ къ XI столѣтію.

б) Оттискъ съ деревянной гравированной доски, хранящейся въ библіотекѣ Юго-славянской академіи, въ Загребѣ, и содержащей въ себѣ отрывки изъ молитвъ, для отогнанія злаго духа, разныхъ болѣзней, волхованія, грома и проч., и съ изображеніями св. Преподобной Петки (=Пятницы), св. Димитрія, св. Козмы и Даміана, архангела Михаила и проч. Это произведеніе — одинъ изъ рѣдкихъ образцовъ сербскаго гравированія на деревѣ, XVII вѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ, любопытный примѣръ народнаго славянскаго обычая

удалять болѣзнь посредствомъ навязыванія на разныя части тѣла или наклеиванія на стѣны жилища изрѣзанныхъ полосками молитвъ. Принадлежащій теперь Библіотекѣ оттискъ произведенъ искуснымъ печатникомъ гравюръ, въ Вѣнѣ, куда оригинальныя деревянныя гравированныя доски были нарочно посланы изъ Загреба, по просьбѣ нашей Библіотеки.

в) Фотографическій снимокъ (исполненный фотографомъ Іоганномъ Штандлемъ, въ Загребѣ) съ сербской гравюры на деревѣ, хранящейся въ библіотекѣ каѳедральнаго собора въ Загребѣ. Подобно вышеописанному оттиску, настоящая гравюра содержитъ въ себѣ награвированныя длинными полосками (назначенными для отрѣзанія и наклейки) текстъ, состоящій изъ молитвъ и заклинаній для отогнанія злаго духа, разныхъ болѣзней и несчастій, а также изъ изображеній Богоматери, архангела Михаила, Нерукотвореннаго Спаса и разныхъ волшебныхъ фигуръ. Внизу подпись гравера: ПОПЬ ИЛІѦ ВНДРѦНЕВИЧЬ ИСКОПА ЛЕТА ЯХОЗ (1677).

г) 27 фотографій, снятыхъ въ натуральную и уменьшенную величину съ русскаго кружева, работаннаго въ Москвѣ (съ 1864 по 1881 годъ) мастерицами и подъ руководствомъ Е. Е. Новосильцевой. По мысли г-жи Новосильцевой, образцами для этихъ кружевъ служили рисунки художника Доброхотова, снятые съ орнаментовъ Остромірова Евангелія и другихъ древнихъ русскихъ рукописей, съ нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ и венеціанскихъ кружевъ, а также узоры, сочиненные самою г-жею Новосельцевою.

д) Третій выпускъ изданія архитектора А. А. Авдѣева „Храмъ во имя св. Николая въ Севастополѣ", листы въ краскахъ, огромнаго размѣра, какъ продолженіе двухъ первыхъ выпусковъ, имѣвшихся уже въ Библіотекѣ и не поступавшихъ въ продажу.

е) 16 гравюръ на деревѣ, религіознаго содержанія, съ досокъ, хранимыхъ въ Почаевской лаврѣ (отъ Почаевской лавры).

ж) Портретъ перваго президента Императорской академіи художествъ, по мысли котораго она основана, И. И. Шувалова, гравированный ректоромъ академіи, профессоромъ Ѳ. И. Іорданомъ.

Изъ числа отдѣльныхъ рукописей, пріобрѣтенныхъ Библіотекой или принесенныхъ ей въ даръ, особенно замѣчательны слѣдующія:

1) Лѣствица св. Іоанна Лѣствичника, рукопись на греческомъ языкѣ, XI в., писанная на пергаментѣ, въ листъ, въ два столбца, съ тремя заставками.

2) Четвероевангеліе на греческомъ языкѣ, XII в., также на пер-

гаментѣ, въ 4-ку, съ тремя заставками и изображеніемъ св. евангелиста Марка.

3) Сборникъ, на греческомъ же языкѣ, писанный на пергаментѣ, въ малую 4-ку, почеркомъ XII—XIII вв., и содержащій въ себѣ три статьи религіозно-нравственнаго содержанія, изъ которыхъ первая, значительнѣйшая по объему и носящая заглавіе „обзоръ духовнаго руководства", есть сочиненіе, доселѣ не изданное.

4) Рукопись, взятая при штурмѣ Гёкъ-Тепэ, 12-го января 1881 г., въ крѣпости Денгиль-Тепэ, въ мѣстности, гдѣ жилъ старшій мулла. Рукопись эта представляетъ переплетенную тетрадь изъ массы листовъ и листковъ бумаги всякихъ сортовъ, цвѣтовъ и форматовъ, въ 4-ку, въ которую впослѣдствіи вшиты, вклеены и просто вложены остальные. По содержанію, она есть сборникъ, состоящій изъ двухъ частей: въ первой находятся самые разнообразные отрывки — выписки изъ мусульманскихъ преданій (хадисовъ) и отдѣльныя судебныя рѣшенія по разнымъ юридическимъ вопросамъ, формулы судейскихъ постановленій, образцы юридическихъ актовъ съ приложенными на нихъ для примѣра печатями, выдержки изъ нравоучительныхъ сочиненій и литературныя замѣтки на языкахъ арабскомъ, персидскомъ и тюркменскомъ, преимущественно же на первыхъ двухъ; вторая часть рукописи занята комментаріемъ на арабскомъ языкѣ къ богословскому сочиненію шейха Абу-Мансуръ-Мухаммедъ-бенъ-Абду-р-Рахмана Альгамдани. Въ концѣ этой части сборника есть приписка, послѣднія слова которой, заключавшія, должно быть, имя переписчика стерты. Въ ней сказано, что этотъ трактатъ конченъ перепискою въ мѣсяцѣ реджебѣ въ пятницу 1249 г., то-есть, въ ноябрѣ — декабрѣ 1833 года. Сборникъ этотъ въ грубомъ кожаномъ переплетѣ и обшитъ холстиною.

5) Нѣсколько автографовъ А. С. Пушкина, А. С. Грибоѣдова и М. И. Глинки.

6) Экземпляръ романа графа Л. Н. Толстаго „Анна Каренина" печатный, въ видѣ листовъ, вырванныхъ изъ Русскаго Вѣстника, но съ многочисленными поправками и перемѣнами, сдѣланными рукой автора для втораго изданія этого произведенія.

Въ общемъ выводѣ пріобрѣтенія Библіотеки въ 1881 году опредѣляются слѣдующими цифрами поступленія:

а) печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листковъ—20,817 сочиненій, въ 24,843 томахъ (въ томъ числѣ: по закону, цензурнымъ вѣдомствомъ доставлено, въ двухъ экземплярахъ, 8,386 сочиненій,

въ 8,695 тт.; по распоряженію разныхъ учрежденій 1.661 соч. въ 2,069 тт.; частныхъ приношеній 7,934 соч. въ 9,739 тт.; куплено самою Библіотекою 2,846 соч. въ 4,340 тт.);

б) рукописей и автографовъ—421 (въ томъ числѣ принесено въ даръ 365, куплено 56);

в) картъ и плановъ—197;

г) эстамповъ и фотографій—1,088;

д) нотъ—639.

Библіографическія работы продолжались въ Библіотекѣ въ 1881 г. безостановочно: съ одной стороны, согласно установленному порядку, производилась каталогизація вновь поступающихъ книгъ, рукописей и пр., а съ другой — продолжалась повѣрка книгъ въ различныхъ отдѣленіяхъ Библіотеки, и въ связи съ нею, пополненіе и исправленіе карточекъ каталога и исключеніе дублетовъ.

По отдѣленію рукописей помощникъ директора Библіотеки А. Ѳ. Бычковъ напечаталъ второй выпускъ описанія рукописныхъ сборниковъ, находящихся въ древлехранилищѣ Погодина, а библіотекарь Гаркави продолжалъ каталогизацію библейскихъ рукописей 2-го собранія Фирковича; при чемъ привелъ въ порядокъ и описалъ пергаментные свитки и отрывки, изъ коихъ иные, судя по находящимся въ нихъ припискамъ и помѣтамъ о посвященіи и куплѣ, принадлежали караимскимъ общинамъ въ Болгаріи и Румеліи, и притомъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ (какъ, напримѣръ, въ Мисиври и Цечасѣ—Бугазѣ) существованіе караимскихъ общинъ не было до сихъ поръ извѣстно. Равнымъ образомъ описаны и приведены въ порядокъ 250 пергаментныхъ кодексовъ (въ формѣ книгъ), изъ коихъ 13 замѣчательны по своей древности, ибо подлинныя на нихъ приписки ни свидѣтельствуютъ, что кодексы эти писаны или принесены въ даръ въ X—XII столѣтіяхъ по Р. Х. Многія изъ этихъ рукописей заключаютъ въ себѣ весьма важные и замѣчательные въ художественномъ отношеніи орнаменты въ золотѣ и краскахъ, а также цѣнныя данныя въ отношеніи масоры (критическихъ замѣчаній о правильныхъ чтеніяхъ библейскаго текста) на поляхъ и въ концѣ рукописей.

Библіотекарь Бычковъ составилъ новые хронологическій и инвентарный каталоги книгъ, печатанныхъ церковно-славянскимъ шрифтомъ.

Что касается пользованія Библіотекою, то главныя данныя о томъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ 1881 году выдано билетовъ для занятій въ Библіотекѣ 12,277

(въ 1880 г. 11,960). Читателей было въ общей читальной залѣ 115,985 (въ 1880 году 113,941).

Вытребовано книгъ: изъ отдѣленій: старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ 64 тома (въ 1880 году 69 томовъ), на русскомъ языкѣ 26,254 тома (въ 1880 году 35,950 томовъ) и на иностранныхъ языкахъ 14,012 томовъ (въ 1880 году 14,338 томовъ); изъ библіотеки при читальной залѣ 168,755 томовъ (въ 1880 году 172,606 томовъ), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 148,273 тома (въ 1880 году 149,433 тома) и на иностранныхъ языкахъ 20,482 тома (въ 1880 году 23,173 тома).

Общее число взятыхъ посѣтителями для чтенія книгъ, какъ выданныхъ изъ отдѣленій, такъ и находящихся въ библіотекѣ при читальной залѣ, было 209,085 томовъ (въ 1880 году 272,063 тома), повременныхъ изданій 60,924 нумера (въ 1880 году 55,446 нумеровъ), а всего 270,009 томовъ и нумеровъ (въ 1880 году 327,509 томовъ и нумеровъ).

Въ теченіе 1881 года было отказано: въ отдѣленіяхъ по 8,667 требованіямъ (въ 1880 году 8,635 требованіямъ), а изъ библіотеки при читальной залѣ по 14,206 требованіямъ (въ 1880 году по 18,868 требованіямъ), въ томъ числѣ по 14,089 требованіямъ повременныхъ изданій (въ 1880 году по 12,370 требованіямъ), и изъ нихъ по 13,036 требованіямъ русскихъ періодическихъ изданій (въ 1880 году по 11,381 требованіямъ) и по 1,053 требованіямъ иностранныхъ періодическихъ изданій (въ 1880 году по 989 требованіямъ).

Рукописей выдано было въ чтеніе 267 томовъ (въ 1800 г. 393); къ занятіямъ въ отдѣленіи рукописей было допущено 66 лицъ. Нѣкоторыя принадлежащія Библіотекѣ рукописи, ея Высочайшего соизволенія, были высылаемы за границу для пользованія иностраннымъ ученымъ, а также препровождаемы въ археографическую коммиссію и Московскую духовную академію.

Обозрѣвали Библіотеку въ 1881 году 4,101 человѣкъ (въ 1880 г. 4,146 человѣкъ).

ИМПЕРАТОРСКОЕ МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1882 ГОДУ [1]).

Отчетный годъ есть восемнадцатый годъ существованія Московскаго Археологическаго Общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ первый годъ, съ котораго Общество начало пользоваться новою Монаршею щедротою, состоящею въ увеличеніи до пяти тысячъ прежняго ежегоднаго (въ 3000 р.) пособія изъ суммъ государственнаго казначейства. Пособіе это дало Обществу возможность развернуть свою дѣятельность въ новыхъ ученыхъ предпріятіяхъ, которыя были обсуждаемы и приняты въ экстраординарномъ засѣданіи 15-го ноября 1882 года.

Въ отчетномъ году Общество состояло: изъ 2-хъ почетныхъ членовъ, 10-ти членовъ-основателей, 106-ти дѣйствительныхъ членовъ, 77-ми членовъ-корреспондентовъ въ Россіи и 80-ти заграничныхъ, всего изъ 276 членовъ. Вновь избраны въ дѣйствительные члены: А. А. Титовъ, въ члены-корреспонденты: графъ А. А. Бобринскій, А. М. Подшиваловъ, Н. Е. Бранденбургъ, К. М. Быковскій и А. Н. Шварцъ. Составъ должностныхъ лицъ былъ слѣдующій: предсѣдатель—графъ А. С. Уваровъ, товарищъ предсѣдателя—К. К. Герцъ, секретарь—В. Е. Румянцовъ, товарищъ секретаря—И. Д. Мансветовъ, товарищъ казначея—Н. И. Розановъ, библіотекарь и хранитель музея—

---

[1]) Извлечено изъ отчета о состояніи и дѣятельности Общества съ 12-го апрѣля 1882 года по 7-е марта 1883 года, составленнаго секретаремъ Общества И. Д. Мансветовымъ и читаннаго въ годичномъ засѣданіи Общества 7-го марта 1883 года.

А. Н. Веселовскій, члены редакціоннаго комитета—И. Д. Мансветовъ, В. Ѳ. Миллеръ и Д. Н. Анучинъ.

Въ засѣданіи 2-го октября Общество чествовало своего предсѣдателя по случаю поднесенія ему золотой медали отъ участниковъ V-го археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ. Передъ врученіемъ медали Л. К. Ивановскій, прибывшій изъ Петербурга въ качествѣ депутата вмѣстѣ съ Ю. Б. Иверсеномъ, произнесъ привѣтственную рѣчь, въ которой очертилъ дѣятельность графа Уварова, какъ археолога и организатора археологическихъ съѣздовъ.

Въ теченіе минувшаго года Общество понесло тяжелыя потери изъ числа своихъ членовъ. Послѣднею изъ нихъ и особенно чувствительною для Общества была кончина товарища предсѣдателя К. К. Герца. Онъ былъ однимъ изъ членовъ-основателей Московскаго археологическаго общества и первымъ его секретаремъ и оставался въ этой должности до 14-го марта 1872 года. Во все время существованія Общества онъ заявлялъ себя энергическимъ дѣятелемъ на пользу его и украсилъ изданія Общества цѣлымъ рядомъ ученыхъ трудовъ отъ спеціальныхъ изслѣдованій до мелкихъ библіографическихъ замѣтокъ и археологическихъ извѣстій. Подъ скромнымъ именемъ „библіографическаго обозрѣнія" онъ велъ подробный и обстоятельный отчетъ о движеніи археологической литературы на западѣ, обнаруживая при этомъ громадную начитанность и замѣчательный критическій тактъ. Къ этой серіи его трудовъ относятся статьи: „Новые труды по археологіи Востока, Греціи и Рима", „Новѣйшія изслѣдованія Палестины", „Нумизматическая литература", „Лѣтопись замѣчательныхъ археологическихъ открытій въ 1869 году", о новыхъ археологическихъ открытіяхъ въ Константинополѣ, объ археологическихъ открытіяхъ въ Италіи съ 1846 по 1866 годъ и обзоръ трудовъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ по археологіи. Кромѣ этихъ обзоровъ, К. К. Герцу принадлежитъ рядъ отдѣльныхъ библіографическихъ статей преимущественно по вопросамъ классическаго и древне-христіанскаго искусства. Но не ограничиваясь этими отдѣлами, покойный отзывался и на другія отрасли археологической науки. Библіографическій отдѣлъ Трудовъ Московскаго археологическаго общества изобилуетъ его статьями, а протоколы—извѣстіями о его сообщеніяхъ и замѣтками по поводу разныхъ предметовъ изъ исторія искусства. Изъ спеціальныхъ его изслѣдованій, въ Трудахъ общества помѣщены: „Археологическая топографія Таманскаго полуострова" и „Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ

полуостровѣ". Какъ секретарь Общества, К. К. Герцъ отличался строгою точностію въ веденіи дѣлъ и издалъ подъ своею редакціею два первые тома Древностей въ пяти выпускахъ и два выпуска третьяго тома. Кромѣ сношеній съ здѣшними членами, онъ велъ обширную переписку съ заграничными корреспондентами и вызывалъ ихъ къ участію въ дѣятельности Общества. Вновь вступающихъ членовъ онъ руководилъ совѣтами, намѣчалъ подходящіе вопросы для ихъ трудовъ и помогалъ въ этихъ занятіяхъ пособіями изъ своей богатой библіотеки. Съ 1872 года К. К. Герцъ несъ обязанности товарища предсѣдателя Общества, оставаясь по прежнему однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ его. Онъ былъ постояннымъ участникомъ его собраній и дѣлился съ нимъ результатами своихъ кабинетныхъ работъ и матеріаловъ, который получалъ отъ заграничныхъ ученыхъ. Изслѣдованія на мѣстѣ древней Трои, въ Олимпіи, въ Микенахъ, Пергамѣ, статуэтки изъ Танагры, труды Унгера по топографіи Византіи, Краузе по изданію словаря христіанскихъ древностей, монографія Доbберта— вотъ предметы, съ которыми онъ знакомилъ Общество въ своихъ устныхъ и письменныхъ сообщеніяхъ. Ученую энергію покойный сохранилъ до послѣдняго года, когда начался уже сильный упадокъ его силъ, который и свелъ его въ могилу.

Кромѣ Герца, Общество въ отчетномъ году лишилось еще семи дѣйствительныхъ членовъ: высокопреосвященнѣйшаго митрополита Макарія (избранъ 17-го октября 1867 г.), Н. Я. Аристова (избранъ 20-го апрѣля 1873 г.), П. И. Мельникова (избранъ 28-го апрѣля 1869 года), Я. Я. Волошинскаго (избранъ 26-го апрѣля 1877 г.), Н. Г. Керцелли (избранъ 26-го апрѣля 1877 года) и В. А. Прохорова (избранъ 17-го ноября 1864 года). Изъ числа заграничныхъ членовъ Общество утратило: Даничича въ Загребѣ (избранъ 23-го февраля 1865 года) и Лонперье въ Парижѣ (избранъ 9-го марта 1865 года).

Одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Московскаго археологическаго общества, митрополитъ Макарій пріобрѣлъ себѣ въ наукѣ почетную извѣстность своею „Исторіей Русской церкви". Отдавая обширную часть этого труда изслѣдованію древне-русской церковной письменности, митрополитъ Макарій, кромѣ того, широко поставилъ въ немъ отдѣлъ о вещественныхъ памятникахъ нашей церковной жизни и въ этомъ отношеніи не только сдѣлалъ крупный шагъ впередъ, но и указалъ путь продолжателямъ. Въ предисловіи къ своему труду онъ, въ перечнѣ источниковъ русской церковной исторіи, выдвигаетъ въ

особую группу вещественные памятники и обзору ихъ отводитъ мѣсто въ отдѣлѣ богослуженія. Если собрать разсѣянныя въ его исторіи свѣдѣнія по этой части, то мы познакомились бы со всѣми главными памятниками нашей церковной древности, а по нѣкоторымъ изъ нихъ получили бы полное и обстоятельное описаніе. Нельзя не припомнить, что преосвященный Макарій, какъ истый знатокъ русской старины, съ любовію относился къ ея памятникамъ и оказывалъ Московскому археологическому обществу дѣятельную поддержку въ его заботахъ о сохраненіи древнихъ памятниковъ нашей церковной архитектуры. Состоящая при Обществѣ коммиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ считаетъ время его управленія Московскою митрополіей своею счастливою порой и съ именемъ Московскаго архипастыря связываетъ самыя благодарныя воспоминанія.

Н. Я. Аристовъ по мѣсту своей дѣятельности не принадлежалъ Москвѣ, но состоялъ къ Московскому археологическому обществу въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и съ величайшею готовностію отзывался на его стремленія. Его переписка съ графомъ А. С. Уваровымъ и секретаремъ Общества показываетъ, съ какимъ интересомъ слѣдилъ онъ за движеніемъ нашей археологіи и дѣлился своими трудами по этой части съ Обществомъ. Онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ во всѣхъ археологическихъ съѣздахъ, гдѣ дѣлалъ сообщенія о курганахъ и городищахъ нашихъ южныхъ губерній и по вопросамъ нашей древней письменности, внося въ свои ученыя работы самую внимательную разработку частностей. Снабжая въ продолженіе десяти лѣтъ Общество матеріалами для археологическаго словаря, покойный былъ однимъ изъ первыхъ и наиболѣе дѣятельныхъ тружениковъ на этомъ поприщѣ. Ему принадлежитъ добрая половина словъ, вошедшихъ въ этотъ отдѣлъ изданій Общества.

П. И. Мельниковъ пріобрѣлъ извѣстность трудами по изученію старо-русскаго быта, который онъ наблюдалъ преимущественно въ Поволжьѣ, и своимъ богатымъ знаніемъ старообрядческой литературы. Тонкій наблюдатель всего, что̀ отзывалось духомъ родной старины, Мельниковъ умѣлъ не только подмѣчать, но и художественно воспроизводить ее въ своихъ литературныхъ трудахъ. Въ нихъ находится цѣлый рядъ бытовыхъ картинъ, обширныя выдержки изъ старообрядческихъ книгъ, богатый запасъ словъ и выраженій изъ бытоваго языка, разъясненныхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ его разказамъ. Изученіе старо-русскаго народнаго языка очень занимало П. И. Мельникова и еще на Петербургскій археологическій

съѣздъ 1871 г. онъ внесъ предложеніе составить объясненіе болѣе трудныхъ техническихъ словъ, встрѣчающихся въ нашихъ лѣтописяхъ. Для такого труда покойный не мало сдѣлалъ въ своихъ очеркахъ Поволжья и другихъ сочиненіяхъ. Кромѣ того, въ Трудахъ I-го археологическаго съѣзда помѣщенъ его рефератъ: „Мары или курганы въ Симбирской, Нижегородской и Казанской губерніяхъ".

Дѣятельность В. А. Прохорова по изслѣдованію и изданію памятниковъ древне-русскаго искусства слишкомъ извѣстна, чтобы распространяться о ней. Довольно припомнить его многотомное и многолѣтнее изданіе „Христіанскія древности", гдѣ помѣщенъ цѣлый рядъ его статей по разнымъ вопросамъ древне-русскаго искусства. Въ его лицѣ археологическая наука потеряла одного изъ выдающихся знатоковъ и трудолюбивѣйшихъ изслѣдователей. Кромѣ того, покойный принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ четырехъ первыхъ археологическихъ съѣздовъ.

Въ отчетномъ году дѣятельность Московскаго археологическаго общества выразилась въ открытыхъ засѣданіяхъ, посвященныхъ обсужденію археологическихъ вопросовъ, и въ занятіяхъ спеціальныхъ коммиссій.

Съ 12-го апрѣля 1882 года по 7-е марта нынѣшняго Общество имѣло 9 засѣданій. На этихъ засѣданіяхъ были обсуждаемы вопросы и предложены рефераты по разнымъ отраслямъ археологіи.

По первобытной археологіи и изслѣдованію могильныхъ памятниковъ въ Россіи, сдѣланы были слѣдующіе рефераты:

Графъ А. С. Уваровъ сообщилъ: 1) о раскопкахъ Д. Я. Самоквасова близъ Пятигорска и Кисловодска и о своихъ повѣрочныхъ раскопкахъ въ этихъ мѣстностяхъ; 2) о булавѣ на основаніи могильныхъ находокъ, сдѣланныхъ на Кавказѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западной Россіи; 3) критическія замѣчанія по поводу реферата о стилѣ филигранныхъ украшеній въ находкахъ ломаннаго серебра, читаннаго г-жею Месторфъ въ одномъ изъ засѣданій Общества антропологіи, этнографіи и первобытной исторіи въ Берлинѣ и сообщеннаго Московскому археологическому обществу въ русскомъ переводѣ В. Г. Тизенгаузеномъ.

Графъ А. А. Бобринскій, продолжая начатыя имъ въ 1881 году изслѣдованія близъ мѣстечка Смѣлы, Кіевской губерніи, произвелъ лѣтомъ 1882 года раскопку пяти кургановъ и о результатѣ своихъ работъ сообщилъ Обществу въ подробномъ описаніи найденныхъ здѣсь череповъ, костей животныхъ и другихъ предметовъ. Этотъ весьма

важный для антропологіи и археологіи матеріалъ, разобранный и классифицированный самимъ изслѣдователемъ, переданъ для обсужденія и доклада Обществу Д. Н. Анучину.

Д. Н. Анучинъ сообщилъ о результатахъ своей поѣздки въ Дагестанъ для изслѣдованія тамошнихъ пещеръ со стороны сохранившихся въ нихъ остатковъ каменнаго вѣка.

В. И. Сизовъ изложилъ результаты раскопокъ, произведенныхъ имъ, прошедшею весною, въ Кубанской области, и сообщилъ о находкахъ, добытыхъ г. Соколовымъ въ курганахъ Смоленской губерніи. Сообщеніе это вызвало два замѣчанія Д. Н. Анучина о черепахъ изъ кургановъ Смоленской губерніи Порѣчскаго уѣзда, близъ озера Сабина, и о костяхъ собаки, найденныхъ тамъ же.

С. А. Усовъ предложилъ новое объясненіе рисунка на золотой бляхѣ, найденной въ одномъ изъ кургановъ въ Кубанской области. По мнѣнію референта, этотъ предметъ не бляха, а металлическая крышка отъ цисты, въ которой хранились приносы для мистерій Діониса, а изображенная на ней сцена относится къ культу Діониса и Аѳины.

Отъ В. Н. Витковскаго, изъ Иркутска, было получено сообщеніе о находкахъ каменнаго вѣка въ восточной Сибири; отъ Е. Д. Фелицина— о находкахъ каменныхъ статуй близъ Пятигорска, а отъ Н. П. Горожанскаго—перечень кургановъ, городищъ и валовъ въ Тамбовской губерніи. Кромѣ того, вслѣдствіе возбужденнаго еще въ 1881 году вопроса о приведеніи въ извѣстность сохранившихся на югѣ Россіи каменныхъ бабъ, Общество получило, при посредствѣ начальниковъ Екатеринославской и Ставропольской губерній и отъ инспектора народныхъ училищъ области войска Донскаго А. А. Крылова, подробныя свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, находящихся въ этихъ губерніяхъ. Большая часть этихъ свѣдѣній была доставлена отъ учителей и учительницъ мѣстныхъ народныхъ школъ. Нѣкоторые изъ нихъ представили очень обстоятельныя описанія и рисунки съ этихъ статуй, согласно программѣ, составленной въ 1881 году А. И. Кельсіевымъ.

Занятія Общества по отдѣлу памятниковъ древне-русскаго церковнаго искусства сосредоточивались около двухъ пунктовъ: на изслѣдованіи стѣнописи, открытой въ 1882 году въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, и древнихъ фресокъ Успенскаго собора во Владимірѣ.

Уполномочивъ для участія въ коммиссіи по возобновленію ико-

ностаса въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ двухъ своихъ членовъ, И. Е. Забѣлина и В. Е. Румянцева, Общество съ особеннымъ вниманіемъ слѣдило за ходомъ работъ по этой реставраціи и принимало участіе въ разъясненіи возникавшихъ по этому поводу вопросовъ. Съ своей стороны, С. А. Усовъ посвятилъ три сообщенія рѣшенію вопроса о времени происхожденія Успенскихъ фресокъ и объясненію значенія открытыхъ изображеній. Онъ относитъ ихъ къ 1482 году, когда, по словамъ лѣтописи, иконники Діонисій, Ярецъ и Конь, по заказу Ростовскаго владыки Вассіана, написали для Успенскаго собора Деисусъ съ праздниками и пророками; что же касается до изображеній, то они, по мнѣнію г. Усова, соотвѣтствуютъ памятямъ святыхъ, празднуемыхъ въ годовщины главнѣйшихъ событій царствованія Василія Васильевича Темнаго и Іоанна III Васильевича. Это сообщеніе вызвало заявленія со стороны И. Д. Мансветова и А. С. Павлова. Первый изъ этихъ ученыхъ относитъ объясняемое г. Усовымъ мѣсто изъ лѣтописи къ устройству иконостаса въ Успенскомъ соборѣ, а выраженіе Деисусъ съ праздниками и пророками объясняетъ въ смыслѣ трехъ его ярусовъ; изображенія преподобныхъ, по объясненію г. Мансветова, появились на предалтарной стѣнкѣ согласно съ размѣщеніемъ стѣнописи по греческому подлиннику и принятому тогда на Руси обычаю. Что же касается г. Павлова, то онъ пріурочиваетъ происхожденіе разбираемыхъ фресокъ къ 1515 году, когда произведено было общее росписаніе собора по благословенію митрополита Варлаама, а извѣстіе Софійскаго Временника объ иконникахъ Діонисіѣ, Тимоѳеѣ, Ярцѣ и Конѣ относитъ къ устройству иконостаса въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ, или въ Благовѣщенской церкви на Ростовскомъ подворьѣ въ Москвѣ. На это заявленіе С. А. Усовъ представилъ свой отвѣтъ, въ которомъ, отвергая доводы г. Павлова, разъяснялъ и подтверждалъ объясненіе, прежде имъ высказанное.

Владимірскій Успенскій соборъ, по случаю открытыхъ въ немъ въ 1882 г. древнихъ фресокъ, былъ осматриваемъ сперва особою коммиссіей Московскаго археологическаго общества, въ составъ которой вошли: И. Е. Забѣлинъ, В. Е. Румянцевъ, А. П. Поповъ, а затѣмъ И. Д. Мансветовъ и Усовъ, что̀ и подало послѣднему поводъ сдѣлать особое сообщеніе по этому предмету. Кромѣ того, графъ А. С. Уваровъ познакомилъ Общество съ фотографическими снимками съ Владимірскихъ фресокъ, обязательно доставленныхъ для Историческаго

музея преосвященнымъ Θеогностомъ, архіепископомъ Владимірскимъ, и принималъ, вмѣстѣ съ В. Е. Румянцевымъ и Д. И. Иловайскимъ, дѣятельное участіе въ обсужденіи вопроса о названныхъ фрескахъ.

Къ отдѣлу древне-русскаго искусства относятся также сообщенія барона Θ. А. Бюлера о деревянной церкви села Паленскаго, близъ Рязани, построенной въ 1673 году, И. А. Голышева, который доставилъ копію съ благословенной граматы Аѳанасія, епископа Суздальскаго, на церковь Покрова Богородицы въ селѣ Старомъ Татаровѣ 1737 г. и нѣсколько надписей съ иконъ Старо-Татаровской церкви.

По отдѣлу древней этнографіи должно отмѣтить сообщеніе В. Θ. Миллера, о чертахъ старины въ сказаніяхъ и бытѣ Осетинъ, а по лингвистикѣ—его же рефератъ о славянскихъ азбукахъ кириллицѣ и глаголицѣ.

По классическимъ древностямъ сдѣланы были рефераты: С. А. Усовымъ—о реставраціи Венеры Милосской по проекту профессора Бреславльскаго университета Гассе; Θ. Θ. Базинеромъ о пергамскихъ раскопкахъ, И. В. Цвѣтаевымъ—о дѣятельности Анжело Маи преимущественно по изданію и объясненію древнихъ текстовъ латинскихъ авторовъ, и В. М. Михайловскимъ — исторія египетской царицы Гатасу.

Нумизматикѣ были посвящены сообщенія Е. В. Барсова—о кладѣ ассирійскихъ монетъ, найденныхъ въ Кіевѣ при Петрѣ Великомъ, и графа А. С. Уварова—о свинцовой печати Ратибора и золотой монетѣ Стефана Первовѣнчаннаго.

Кромѣ исчисленныхъ сообщеній, многими изъ членовъ Общества представляемы были, въ его засѣданіяхъ, отчеты о новостяхъ археологической литературы, какъ русской, такъ и иностранной.

Состоящая при обществѣ коммиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ продолжала въ отчетномъ году свою дѣятельность въ составѣ слѣдующихъ лицъ: И. Е. Забѣлина, В. Е. Румянцова, Н. В. Никитина, А. П. Попова, К. М. Быковскаго и вновь приглашенныхъ Д. И. Иловайскаго и Е. В. Барсова. Кромѣ обычныхъ занятій по осмотру древнихъ церквей и контролю надъ ихъ передѣлкою, выдающимися событіями въ работахъ коммиссіи были участія: а) въ реставраціи Владимірскаго Успенскаго собора, б) въ возобновленіи Бѣлой Палаты въ Ростовскомъ кремлѣ и в) въ реставраціи древней церкви въ селѣ Микулинѣ—Городищѣ, Старицкаго уѣзда, Тверской губерніи.

Завѣдующая возобновленіемъ Владимірскаго Успенскаго собора

коммиссія, съ разрѣшенія преосвященнаго Θеогноста, обратилась въ Московское археологическое общество съ просьбой указать, какимъ способомъ должна быть исполнена живопись внутри собора, и въ какомъ порядкѣ и какими изображеніями должны быть восполнены тѣ мѣста, на которыхъ слѣдовъ древней живописи не сохранилось. Для разработки этого вопроса образовано было при Обществѣ особое совѣщаніе, которое поставило себѣ задачей опредѣлить способъ исполненія стѣнописи, согласно съ стилемъ открытыхъ фресокъ, размѣстить орнаменты и выработать планъ для расположенія по стѣнамъ изображеній согласно древнимъ правиламъ; совѣщаніе это имѣло два засѣданія, изъ которыхъ въ первомъ былъ рѣшенъ вопросъ о способѣ исполненія живописи и о томъ, какъ долженъ быть расписанъ куполъ, а во второмъ сдѣланъ выборъ орнаментовъ и указанъ порядокъ ихъ размѣщенія.

Возобновленіе Бѣлой Палаты въ Ростовскомъ кремлѣ предпринято по иниціативѣ члена Общества А. А. Титова, постояннаго жителя Ростова. Задавшись мыслію возстановить въ первоначальномъ видѣ этотъ замѣчательный памятникъ зодчества, связанный съ именемъ святаго Димитрія Ростовскаго, г. Титовъ вошелъ въ сношеніе съ Томскими гражданами, братьями Королевыми, и склонилъ ихъ пожертвовать на это благое дѣло 4000 рублей, предоставивъ Московскому археологическому обществу завѣдываніе реставраціей. Получивъ извѣщеніе объ этомъ, Общество тотчасъ же сообщило свои указанія, въ какомъ направленіи должна быть введена реставрація. Преосвященный Іонаθанъ, епископъ Ярославскій, отнесшись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому предпріятію, изъявилъ согласіе на это возстановленіе и на предоставленіе Бѣлой Палаты для устройства въ ней музея мѣстныхъ древностей. Планы и смѣта уже составлены, и по утвержденіи ихъ Обществомъ, препровождены на распоряженіе особой мѣстной коммиссіи.

Преосвященный Савва, архіепископъ Тверской, обратилъ вниманіе Общества на печальное состояніе церкви архангела Михаила въ селѣ Никулинѣ-Городищѣ основанной въ 1398 г. великимъ княземъ Тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ и пришедшей нынѣ въ такую ветхость, что она угрожаетъ разрушеніемъ. Общество обратилось къ своему члену А. К. Жизневскому съ просьбою принять на себя осмотръ этого памятника древности. Г. Жизневскій исполнилъ это при участіи мѣстнаго архитектора г. Кузьмина, и въ осе-

бой запискѣ представилъ Обществу о тѣхъ мѣрахъ, которыя были принимаемы доселѣ для сохраненія этого памятника, а также о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть признаны необходимыми для прочнаго возстановленія его согласно съ древнимъ устройствомъ. Согласно этимъ соображеніямъ, этотъ почтенный памятникъ церковной архитектуры XIV вѣка имѣетъ быть возстановленъ въ первоначальномъ видѣ.

Кромѣ того, Общество дѣлало представленіе епархіальному начальству по поводу своевольно допущенныхъ передѣлокъ въ церкви села Дьякова, столь извѣстной своею типичною архитектурой, и входило въ сношеніе съ преосвященнымъ Рязанскимъ относительно сохраненія деревянной церкви въ селѣ Паленскомъ, построенной въ годъ рожденія Петра Великаго.

Предсѣдатель Смоленской земской управы обратился къ предсѣдателю Московскаго археологическаго общества съ просьбою дать ходъ остановившемуся за смертію архитектора Артлебена дѣлу о возобновленіи въ первоначальномъ видѣ Смоленской городской стѣны и пригласить къ участію въ этомъ предпріятіи компетентныхъ лицъ изъ членовъ Общества. Для этой цѣли образована при Обществѣ, подъ предсѣдательствомъ гр. Уварова, коммиссія изъ архитекторовъ Н. В. Никитина, К. М. Быковскаго и А. П. Попова.

Кромѣ того, образована при Обществѣ коммиссія изъ трехъ членовъ: графа Уварова, В. Ѳ. Миллера и В. И. Сизова для составленія плана археологическихъ экспедицій, предположенныхъ на лѣто 1883 г. Коммиссія эта признала полезнымъ отправить экспедицію для отысканія слѣдовъ Хазарской столицы Саркела и для производства раскопокъ въ этой мѣстности. Далѣе положено на средства, пожертвованныя В. И. Лѣствицынымъ, организовать дополнительную экспедицію для изслѣдованія кургановъ по берегамъ рѣки Сити, гдѣ происходила битва Юрія Всеволодовича съ Татарами. Порученіе произвести раскопки въ этой мѣстности принялъ на себя А. И. Кельсіевъ.

Въ декабрѣ 1882 года происходило при Московскомъ археологическомъ обществѣ собраніе предварительнаго комитета по устройству VI-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ. Комитетъ имѣлъ четыре засѣданія, на которыхъ были выработаны программы предстоящаго съѣзда, редактированы вопросы, внесенные членами комитета для обсужденія на съѣздѣ, и опредѣлены пункты для подготовительныхъ къ съѣзду экспедицій. Въ засѣданіяхъ этихъ, подъ

предсѣдательствомъ Н. Н. Мурзакевича, принимали участіе многіе изъ членовъ Московскаго археологическаго общества и депутаты, назначенные въ комитетъ отъ Одесскаго общества исторіи и древностей, отъ университетовъ: Новороссійскаго, С.-Петербургскаго, Московскаго и отъ Императорскаго Русскаго археологическаго общества, Въ настоящее время программа съѣзда, вмѣстѣ съ поставленными вопросами, представлена на утвержденіе г. министра народнаго просвѣщенія, а самый съѣздъ предположено созвать во второй половинѣ августа 1884 года.

Въ 1882 году оконченъ печатаніемъ и изданъ подъ редакціей И. Д. Мансветова послѣдній выпускъ протоколовъ предварительнаго комитета Тифлисскаго съѣзда вмѣстѣ съ указателемъ къ нему, составленнымъ подъ редакціей Л. Н. Майкова, такъ что все изданіе подготовительныхъ работъ къ съѣзду составляетъ отдѣльный томъ въ 85 листовъ. Въ особый томъ войдутъ отчеты о засѣданіяхъ, рефераты и вообще всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ дѣятельности съѣзда. Изданіе этого тома ведется особою коммиссіей, избранною для этой цѣли изъ числа мѣстныхъ чиновъ V-го съѣзда.

По изданію трудовъ Общества сдѣлано слѣдующее: положено второй и третій выпускъ IX тома издать вмѣстѣ въ размѣрѣ 36 листовъ. Изъ нихъ уже напечатано до 30, а остальные будутъ окончены въ непродолжительномъ времени. Въ отдѣлѣ изслѣдованій отпечатаны: статьи С. А. Усова — о древне-русскихъ деньгахъ, и о Геронскомъ коврѣ; А. К. Жизневскаго — описаніе Тверскаго музея, съ замѣчаніями графа А. С. Уварова; А. И. Кельсіева—о раскопкахъ въ селѣ Костенкахъ; Н. М. Ядринцева — описаніе сибирскихъ кургановъ и древностей. Окончены печатаніемъ протоколы засѣданій Общества съ 12-го мая 1880 года по 12-е апрѣля 1882 г., и кромѣ того, начата новая серія протоколовъ въ болѣе подробномъ изложеніи, куда вошли многія изъ сообщеній, читанныхъ въ 1882 году. Изданіе это предпринято въ видахъ ближайшаго ознакомленія иногородныхъ членовъ съ дѣятельностію Общества и тѣми вопросами, которые въ немъ возбуждаются и обсуждаются. Московское археологическое общество надѣется, что своевременное сообщеніе объ этихъ вопросахъ вызоветъ со стороны иногородныхъ членовъ содѣйствіе Обществу и потребность подѣлиться съ нимъ мѣстными археологическими данными.

Матеріальныя пріобрѣтенія Общества въ отчетномъ году состояли изъ приношеній нѣкоторыхъ членовъ и учрежденій для библіотеки и

музея Общества. Не упоминая пожертвованій книгами и древними вещами, слѣдуетъ указать на болѣе крупный вкладъ, особенно цѣнный по той цѣли, для которой онъ назначенъ жертвователемъ: одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Общества, В. И. Лѣствицинъ, изъ Ярославля, препроводилъ въ Общество 100 руб., прося употребить ихъ на ученыя работы по усмотрѣнію Общества, и если возможно, то на раскопки въ Ярославской губерніи.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

О состояніи и дѣятельности С.-Петербургскаго университета за 1882 годъ: личный составъ преподающихъ; преподавательскія вакансіи; измѣненія въ распредѣленіи предметовъ преподаванія; мѣры для усиленія учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе наградъ за сочиненія; ученые труды преподавателей; возведеніе въ ученыя степени и званія; публичныя лекціи; командировки съ ученою цѣлью; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; общества при университетѣ.

Наличный составъ штатныхъ преподавателей С.-Петербургскаго университета къ концу 1882 года былъ слѣдующій: на историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 4; на физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 5; на юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 9, доцентовъ 3; на факультетѣ восточныхъ языковъ: ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 6, лекторовъ 4. Сверхъ того при университетѣ состояли по штату: профессоръ богословія и 4 лектора новѣйшихъ языковъ. Общее число штатныхъ преподавателей по всѣмъ факультетамъ было слѣдующее: 1 профессоръ богословія, 34 ординарныхъ профессоровъ, 10 экстраординарныхъ, 18 доцентовъ и 8 лекторовъ, всего 71. Сверхъ штата состояли 3 ординарныхъ профессора и 6 преподавателей. Приватъ-доцентовъ было 19. Преподавательскія вакансіи были слѣдующія: по историко-филологическому факультету—3 доцентскихъ оклада, изъ коихъ два временно производятся въ вознагражденіе преподавателямъ; по юридическому—4 оклада экстраординарнаго профессора, изъ которыхъ производится содержаніе двумъ

доцентамъ и двумъ преподавателямъ, и одинъ доцентскій окладъ; по факультету восточныхъ языковъ—2 доцентскихъ оклада.

Въ 1882 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій 26, физико-математическій 31, юридическій 24, факультетъ восточныхъ языковъ 18. Въ отношеніи распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія въ продолженіе года новыхъ распоряженій не послѣдовало, за исключеніемъ юридическаго факультета, который входилъ въ совѣтъ съ представленіемъ о слитіи разряда административныхъ наукъ съ юридическимъ разрядомъ, мотивируя оное слѣдующимъ образомъ: разрядъ административныхъ наукъ былъ учрежденъ въ 1860 году въ видѣ опыта на три года, вмѣсто разряда наукъ камеральныхъ, существовавшаго съ 1844 года. Сущность раздѣленія юридическаго факультета на два разряда—юридическихъ и административныхъ наукъ заключалась въ томъ, что предметы главные для одного разряда должны были считаться дополнительными для другаго; но разница между главными и дополнительными предметами должна была состоять не въ требованіи бо́льшихъ успѣховъ изъ главныхъ или меньшихъ успѣховъ изъ дополнительныхъ предметовъ, а въ объемѣ преподаванія тѣхъ и другихъ: для дополнительныхъ предметовъ предположено было имѣть особые курсы въ болѣе сжатомъ видѣ. По утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1860 году распредѣленію предметовъ юридическаго и административнаго разряда, энциклопедія права, государственное и международное право были признаны главными предметами обоихъ разрядовъ; раздѣленіе же касалось: исторіи законодательствъ, римскаго права, гражданскаго и уголовнаго, которыя были отнесены къ главнымъ предметамъ юридическаго разряда, и статистики, политической экономіи, полицейскаго, финансоваго и торговаго права, которыя были отнесены къ главнымъ предметамъ административнаго разряда. Изъ числа главныхъ предметовъ юридическаго разряда, гражданское и уголовное право считались дополнительными на административномъ; изъ главныхъ же предметовъ административнаго разряда значеніе дополнительнаго для юридическаго имѣли: политическая экономія, полицейское, финансовое и торговое право. Для осуществленія первоначальнаго предположенія юридическаго факультета, которое состояло въ томъ, что главные предметы одного разряда должны читаться въ болѣе сжатомъ видѣ для другаго, слѣдовало бы имѣть двойной составъ преподавателей для гражданскаго и уголовнаго права, гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, политической экономіи, по-

лицейскаго, финансоваго и торговаго права, такъ какъ одинъ и тотъ же профессоръ не можетъ читать параллельно двухъ особыхъ курсовъ, приспособленныхъ къ разнымъ потребностямъ юристовъ и администраторовъ. Но увеличеніе личнаго состава преподавателей юридическаго факультета не послѣдовало, а потому первоначальный планъ преобразованія камеральнаго разряда въ административный въ дѣйствительности никогда не былъ осуществленъ; юристы и администраторы слушали всѣ главные предметы обоихъ разрядовъ вмѣстѣ. Вся разница по главнымъ предметамъ сводилась къ тому, что администраторы не слушали римскаго права, а юристы—статистики. Не имѣя возможности провести раздѣленіе, какъ оно предполагалось, факультетъ принималъ мѣры въ видахъ усиленія спеціальныхъ занятій студентовъ административнаго разряда; съ этою цѣлію были допущены спеціальныя чтенія и практическія занятія по нѣкоторымъ главнымъ предметамъ разряда, а именно: политической экономіи, статистикѣ, полицейскому и финансовому праву. Въ виду невозможности осуществить сказанное раздѣленіе, юридическій факультетъ опредѣлилъ слить административный разрядъ съ юридическимъ, а римское право и статистику признать предметами обязательными для всѣхъ студентовъ факультета. Это рѣшеніе факультета положили привести въ исполненіе съ начала 1882—1883 учебнаго года такимъ образомъ, что а) всѣ студенты юридическаго факультета слушаютъ общіе и спеціальные курсы вмѣстѣ, безъ всякаго раздѣленія на разряды, и б) что въ аттестатахъ и дипломахъ тѣхъ студентовъ нынѣ упраздненнаго административнаго разряда, которые въ наступившемъ учебномъ году находятся на III и IV курсахъ и римскаго права не слушали, должно быть означено, что они окончили курсъ по административному разряду. На вышеизложенное предположеніе юридическаго факультета послѣдовало разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія. Сверхъ того, по представленію юридическаго же факультета, утверждено совѣтомъ и введено въ дѣйствіе съ начала 1882—1883 академическаго года новое распредѣленіе предметовъ сего факультета по группамъ и полугодіямъ, съ тѣмъ, чтобы изученіе предметовъ первой группы предшествовало изученію второй и т. д. (всего три группы), и чтобы въ каждомъ полугодіи вполнѣ заканчивалось изложеніе того предмета, который на это полугодіе будетъ назначенъ въ росписаніи лекцій.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ служили практическія занятія, которыя состояли въ слѣдующемъ: На историко-филологическомъ факультетѣ: по исторіи сту-

денты-специалисты высшихъ курсовъ, подъ руководствомъ профессора, занимались разработкою отдѣльныхъ задаваемыхъ имъ темъ и въ особенности источниками по исторіи Германіи XV и XVI вѣковъ. Подъ руководствомъ профессора философіи студенты-филологи читали въ первое полугодіе сочиненіе Канта „Критика чистаго разума“ и сочиненіе Лотце „Микрокосмъ“ во второе полугодіе. Профессоръ греческой словесности одну еженедѣльную лекцію изъ числа трехъ (для III и IV курсовъ), посвящаемыхъ на упражненія студентовъ по критикѣ и толкованію греческимъ авторовъ, выдѣлилъ на упражненія по объясненію и критикѣ текстовъ архаическаго періода. Студенты объясняли Ксенофонтовъ походъ Кира. По объясненіи однимъ изъ студентовъ даннаго отдѣла греческаго писателя, разборъ его подвергался критикѣ какъ со стороны профессора, такъ особенно и со стороны товарищей. Началу этихъ упражненій профессоръ предпослалъ сжатый обзоръ дидактики древнихъ языковъ. Въ остальныя двѣ лекціи студенты III и IV курсовъ занимались разборомъ письменныхъ упражненій по переводу, толкованію и критикѣ текста оратора Андокида. Подъ руководствомъ профессора римской словесности студенты III и IV курса занимались письменными работами, относившимися къ различнымъ вопросамъ латинскаго языка и римскихъ древностей. Профессоръ всеобщей исторіи руководилъ студентовъ III курса въ занятіяхъ византійскими хрониками по отношенію къ русской исторіи, а доцентъ того же предмета—въ занятіяхъ греческими надписями; кромѣ того студенты изучали источники древней исторіи. На физико-математическомъ факультетѣ: практическія занятія по аналитической химіи происходили подъ личнымъ наблюденіемъ профессора при содѣйствіи двухъ лаборантовъ. Для этихъ занятій студенты-естественники II курса раздѣлены были на двѣ очереди, въ каждой по 80 человѣкъ. Въ количественномъ отдѣленіи аналитической лабораторіи студенты III курса работали въ три очереди, по 16-ти человѣкъ въ каждой. Всего работавшихъ было болѣе 200. Занятія по органической химіи происходили подъ руководствомъ профессора и одного лаборанта. Занимались, между прочими: окончившій курсъ Павловъ — надъ дѣйствіемъ брома на метилацетуксусный эфиръ, кандидатъ Богомолецъ — надъ дѣйствіемъ хлористыхъ ацетиловъ на цинкъ-этилъ, кандидатъ Альмедингенъ — надъ уплотненіемъ кротонилена, окончившій курсъ Ѳаворскій — надъ валериленомъ, студентъ Жежуковъ — надъ дѣйствіемъ хлора на изобутиленъ, и студентъ Тищенко — надъ оксиэтиленомъ. Въ

минералогическомъ кабинетѣ происходили практическія занятія по кристаллографіи со студентами-естественниками, кромѣ субботы, по два часа; кромѣ того, три раза въ недѣлю, тоже по два часа, велись занятія по минералогіи со студентами-естественниками III курса. Кандидатъ Замятченскій занятъ былъ опредѣленіемъ горныхъ породъ и почвъ Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, кандидатъ Сибирцевъ изслѣдовалъ породы и почвы Сергачскаго уѣзда той же губерніи, кандидатъ Ферхманъ изслѣдовалъ почвы Княгининскаго уѣзда, студенты-естественники IV курса Амалицкій, Левинсонъ и Фохтъ производили анализы южно-русскихъ кристаллическихъ породъ и продуктовъ ихъ вывѣтриванія. У профессора анатоміи человѣка и физіологіи животныхъ студенты II и III курсовъ занимались микроскопическими изслѣдованіями животныхъ тканей; всего занималось въ физіологическомъ кабинетѣ до 80 студентовъ. Препаровкою мышцъ человѣческаго тѣла занимались студенты II курса. Студенты: Лиліенбергъ — изслѣдовалъ развитіе костей, Иваницкій—нервные узлы рака, Носовъ—нервныя окончанія на слизистой оболочкѣ языка у лягушки. Работы эти будутъ напечатаны, какъ представляющія новые и интересные результаты. У профессора физіологіи также происходили ежедневныя занятія, и изъ числа произведенныхъ работъ особеннаго вниманія заслуживали изслѣдованія студентовъ Михайлова и Вериго. По зоологіи студенты двухъ высшихъ курсовъ занимались спеціальными работами о позвоночныхъ русской фауны. Подъ руководствомъ профессора, студентъ Плеске обработывалъ полную фауну Лапландіи, студентъ Бюхлеръ приготовилъ къ печати Орнитологію С.-Петербургской губерніи, студентъ Петровъ — сочиненіе о фаунѣ озера Ильменя, студентъ Хлѣбниковъ—о фаунѣ Новгородской губерніи. Въ ботаническомъ кабинетѣ, подъ руководствомъ профессора и доцента, производились практическія занятія по анатоміи и физіологіи растеній и по ихъ систематикѣ; кромѣ того нѣсколько студентовъ (около 10) занимались приведеніемъ въ порядокъ и опредѣленіемъ растеній и коллекцій, полученныхъ ботаническимъ кабинетомъ изъ разныхъ частей Россіи. Занятія по астрономіи производились подъ руководствомъ доцента и приватъ-доцента: кандидатъ А. Ждановъ произвелъ 11 наблюденій кометы Уэльса 6-тидюймовымъ рефракторомъ; онъ же напечаталъ въ Astronomische Nachrichten статью: „Zur Berechnung der Doppelsterndrechungen"; восемь студентовъ представили свои работы по астрономическимъ вычисленіямъ. На юридическомъ факультетѣ: подъ

руководствомъ профессора статистики, студенты старшихъ двухъ курсовъ занимались въ университетскомъ статистическомъ кабинетѣ практическими работами на предложенныя имъ темы. Профессоръ полицейскаго права имѣлъ практическія занятія со студентами II курса по разбору важнѣйшихъ сочиненій по своему предмету. Профессоръ церковнаго законовѣдѣнія руководилъ студентовъ въ письменной разработкѣ вопросовъ церковнаго права по указаннымъ источникамъ и пособіямъ. У профессора политической экономіи происходило объяснительное чтеніе Адама Смита со студентами I курса, причемъ принимали участіе и нѣкоторые студенты другихъ факультетовъ. Каждый присутствовавшій представлялъ прочитанный имъ отдѣлъ въ формѣ критическаго реферата. Занятія эти служили главнымъ образомъ къ ближайшему ознакомленію съ терминологіей науки. То же дѣлали и студенты II курса, при чемъ предметомъ изученія служилъ Дж.-Ст. Милль. Студенты старшихъ двухъ курсовъ разработывали самостоятельно отдѣльные вопросы политической экономіи, пользуясь указанными имъ пособіями. Подъ руководствомъ профессора уголовнаго права, у студентовъ IV курса производились практическія занятія по уголовному судопроизводству, состоявшія въ изложеніи рекомендованныхъ имъ произведеній литературы и въ составленіи и обсужденіи рефератовъ по предложеннымъ темамъ. На факультетѣ восточныхъ языковъ студенты, являясь на лекціи, должны предварительно подготовиться надлежащимъ образомъ, то-есть, разобрать и уяснить себѣ, при помощи словарей и грамматикъ, на сколько это возможно, текстъ переводимаго на лекціи автора, безъ чего профессорскія лекціи не будутъ имѣть надлежащаго значенія; студентамъ весьма часто приходится переписывать восточные тексты для перевода ихъ на лекціяхъ; для постоянныхъ же практическихъ занятій въ изученіи языковъ арабскаго, персидскаго, турецкаго и монгольскаго, при факультетѣ состоятъ четыре лектора. Кромѣ указанныхъ практическихъ занятій студентовъ, стипендіальныя и переводныя испытанія служили средствомъ контроля надъ занятіями студентовъ.

Для соисканія наградъ медалями назначены были факультетами слѣдующія темы: историко-филологическимъ факультетомъ— „Собрать, сгруппировать и по возможности объяснить особенности народнаго языка (sermo rusticus), заключающіяся въ такъ-называемыхъ Помпеянскихъ надписяхъ (inscriptiones parietariae Pompeianae) и въ отрывкахъ Петронія“, „Сравнить сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ въ редакціяхъ XII и XIV столѣтій и сдѣлать отсюда выводы для исторіи

русскаго языка“, „Обзоръ жизни и дѣятельности Амоса Коменскаго“, „Обозрѣніе царствованія Константина Мономаха по источникамъ“, „Ліутпрандъ Кремонскій, его жизнь и сочиненія“ и „Записки Болотова, какъ источникъ для исторіи XVIII вѣка“; физико-математическимъ—„Астрономическая теорія падающихъ звѣздъ“ и „Процессы видоизмѣненій главныхъ минераловъ изъ группы полевыхъ шпатовъ, роговыхъ оболочекъ и авгитовъ“; юридическимъ — „О потребительныхъ артеляхъ“, „О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права“, „О наказаніяхъ лишеніемъ правъ“, „О наймѣ въ сельско-хозяйственныя работы“ и „Обзоръ государственныхъ долговъ Россіи“; факультетомъ восточныхъ языковъ — „Сличить извѣстія Ибну-я-Асира о халифствованіи Гарруна Аррашида съ извѣстіями Табари и выяснить отношеніе перваго къ послѣднему“ и „Движеніе Тюркскихъ народовъ изъ Средней Азіи въ Европу“. За представленныя на сіи темы сочиненія нижеслѣдующіе студенты удостоены медалями: золотыми: историко-филологическаго факультета — Холодиякъ, Безобразовъ и Кудряшовъ, физико-математическаго—Клейберъ, Вильевъ, Сопоцько, Тимоѳеевъ и Левинсонъ, юридическаго—Довконтъ, Никольскій, Григорьевъ, Грушецкій и Скрябинъ; факультета восточныхъ языковъ—Буховецкій; серебряными: историко-филологическаго факультета — Дѣловъ, Прядкинъ, Тихвинскій, Пестовскій и Чечулинъ; физико-математическаго — Ефимовичъ, Бѣляевъ, Роецкій, Блумскау и Боткинъ; юридическаго — Червинскій, Максимовъ и Окель; факультета восточныхъ языковъ — Бруннеръ, Александровъ и Ивановъ. Почетнаго отзыва удостоены: на историко-филологическомъ факультетѣ — 4, на физико-математическомъ — 3, на юридическомъ и факультетѣ восточныхъ языковъ—по 2 на каждомъ, а студентъ юридическаго факультета Бржесскій удостоенъ денежной преміи, учрежденной бывшимъ профессоромъ Топчибашевымъ.

Профессоры, преподаватели и другія служащія въ С.-Петербургскомъ университетѣ лица издали, приготовляли къ печати и помѣстили въ повременныхъ изданіяхъ слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: В. В. Бауеръ приготовилъ къ печати изданіе и переводъ извѣстнаго нѣмецкаго политическаго памфлета XV столѣтія „Реформація императора Фридриха III“; М. И. Сухомлиновъ издалъ шестой томъ Исторіи Россійской академіи; О. Ѳ. Миллеръ приготовилъ къ печати біографію Ѳ. М. Достоевскаго (съ 1822 по 1861 г.), редактировалъ дѣтскую книжку изъ сочиненій того же писателя; по

порученію академіи наукъ дѣлалъ разборъ стихотвореній Я. П. Полонскаго и напечаталъ: въ журналѣ Мысль—статью о князѣ А. И. Васильчиковѣ и въ Историческомъ Вѣстникѣ—нѣсколько критическихъ замѣтокъ; К. І. Люгебиль окончилъ печатаніемъ переводъ сочиненія Курціуса „Начертаніе греческой этимологіи" и помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія отзывъ о главныхъ сочиненіяхъ профессора Воеводскаго; В. И. Ламанскій помѣстилъ: въ журналѣ Русь—три статьи о новѣйшихъ русскихъ трудахъ по славянской исторіи и „Воспоминаніе о Ѳ. В. Титовѣ", въ Revue historique—„L'assassinat politique à Venise aux XV—XVIII siècles" и напечаталъ слишкомъ 50 листовъ труда, который будетъ оконченъ въ 1883 году, подъ заглавіемъ: „Les secrets d'état de Venise et les relations de la république à la fin du XV et au XVI siècle avec les Slaves, les Grecs et les Turcs. Documents, extraits, notices et études"; М. И. Владиславлевъ издалъ „Учебникъ логики" для гимназій министерства народнаго просвѣщенія; И. П. Минаевъ помѣстилъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. три статьи: Новыя свѣдѣнія о кафирахъ, Новыя изслѣдованія о буддизмѣ и Фонетическія изслѣдованія Мелвинъ Беля; В. Г. Васильевскій напечаталъ въ томъ же журналѣ статьи: О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Россоланъ, О новомъ изданіи Іордана (Моммсеномъ), О сочиненіяхъ византійскаго писателя Іордана Евхнитскаго, по поводу вышедшаго въ свѣтъ изданія его трудовъ, и Вопросъ о Кельтахъ; А. Н. Бекетовъ напечаталъ второй выпускъ „Учебника ботаники" и написалъ рѣчь „О дарвинизмѣ съ точки зрѣнія общаго естествознанія"; Н. А. Меншуткинъ редактировалъ XIV томъ Журнала русскаго физико-химическаго Общества и помѣстилъ въ семъ журналѣ статьи: „О вліяніи частичнаго вѣса гемологовъ на теченіе основныхъ реакцій", „Этерофикація спиртовъ и кислотъ двойственной функціи", „Опытъ опредѣленія химическаго значенія составляющихъ кислотъ", „Дополненія къ изслѣдованію образованія сложныхъ эфировъ", „Изслѣдованіе образованія и распаденія ацетанилида" и „Изслѣдованіе распаденія третичнаго уксуснаго амила при нагрѣваніи"; А. М. Бутлеровъ напечаталъ статью „Окисленіе изотибутилена марганцово-каліевой солью" и „Замѣтку объ атомныхъ вѣсахъ"; Д. И. Менделѣевъ сообщилъ и публиковалъ: Результаты изслѣдованій надъ треніемъ воды, О теплотѣ горѣнія, нѣсколько статей о составѣ нефти, О новомъ пріемѣ для опредѣленія плотности паровъ, О безопасномъ освѣтительномъ маслѣ изъ Бакинской нефти и Объ условіяхъ разви-

тія заводскаго дѣла въ Россіи; Н. П. Вагнеръ главнымъ образомъ занятъ былъ обработкой къ изданію въ свѣтъ своего обширнаго изслѣдованія о бѣломорскихъ животныхъ; сверхъ того издалъ небольшой учебникъ зоологіи для школъ, передѣланный имъ съ французскаго учебника Поля Бэра, и представилъ въ Общество естествоиспытателей: „Изслѣдованіе причинъ нѣкоторыхъ цѣлесообразныхъ приспособленій у животныхъ", „Строеніе и жизнь сѣвернаго кліона" и „Описаніе новаго типа равноволосистыхъ инфузорій"; М. Н. Богдановъ напечаталъ біографію К. Ф. Кесслера и первый выпускъ Conspectus Avium Imperii Russici; кромѣ того, принималъ участіе въ нѣскольких періодическихъ изданіяхъ; Ф. В. Овсянниковъ сдѣлалъ въ Обществѣ естествоиспытателей сообщеніе „О симпатической нервной системѣ у миногъ"; А. В. Совѣтовъ редактировалъ Труды Вольнаго Экономическаго Общества; Ѳ. Ѳ. Петрушевскій напечаталъ статьи: въ Морскомъ Сборникѣ—„Звуковые сигналы" и въ Журналѣ русскаго химическаго Общества—„Приборы для теплопроводности"; А. С. Фаминцынъ помѣстилъ въ Запискахъ академіи наукъ статью подъ заглавіемъ „Обмѣнъ веществъ и превращеніе энергіи въ растеніяхъ"; А. Н. Коркинъ напечаталъ въ журналѣ Bulletin des sciences mathematiques et astronomiques статью: „Sur un problème d'interpolation"; Ю. В. Сохоцкій издалъ 1-ю часть „Высшей алгебры" и приготовилъ къ печати 2-ю часть этого сочиненія; Д. К. Бобылевъ напечаталъ 2-й выпускъ курса аналитической механики; К. А. Поссе издалъ сочиненіе „О функціяхъ отъ двухъ аргументовъ и о задачѣ Якоби"; А. А. Иностранцевъ напечаталъ книгу „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка въ побережьѣ Ладожскаго озера" и брошюру „Изученіе Друскеникскихъ минеральныхъ источниковъ" и помѣстилъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. статью „По поводу сочиненія г. Гельмерсена „Geologische und physico geographische Beobachtungen im Olonezer Bergrevier"; Ю. Э. Янсонъ обработалъ и издалъ первый выпускъ „Статистическаго ежегодника С.-Петербурга"; И. Е. Андреевскій помѣстилъ статьи: въ журналѣ Русская Старина—„Воспоминанія о князѣ А. А. Суворовѣ" и въ Наблюдателѣ—„Значеніе разработки архивовъ для успѣховъ кодификаціи"; А. Д. Градовскій окончилъ печатаніемъ первую часть третьяго тома своего сочиненія „Начала русскаго государственнаго права"; В. И. Сергѣевичъ напечаталъ въ Наблюдателѣ статью „Значеніе обычнаго права въ княжеской и царской Россіи" и лекціи по исторіи русскаго права, для руководства студентовъ, редактировалъ изданіе

XXXVI тома Сборника Императорскаго русскаго историческаго Общества и приготовилъ матеріалъ для слѣдующаго тома этого изданія; Ф. Ф. Мартенсъ издалъ 1-й томъ сочиненія „Современное международное право цивилизованныхъ народовъ", напечаталъ брошюру „La question egyptienne et le droit international" и печаталъ 2-й томъ сочиненія „Международное право" и 7-й томъ „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами"; В. П. Васильевъ издалъ переводъ и толкованіе на первую часть Ша-цзина; И. Н. Березинъ окончилъ печатаніе 6-го тома „Исторіи Монголовъ", продолжалъ печатаніе 2-го и 3-го томовъ „Турецкой хрестоматіи" и приготовилъ къ новому изданію „Энциклопедическій Словарь"; Д. А. Хвольсонъ окончилъ печатаніе сочиненія подъ заглавіемъ „Corpus Inscriptionum Hebraicarum"; К. П. Паткановъ издалъ „Исторію Фауста Византійскаго, историка IV вѣка" и помѣстилъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. статью „Клинообразныя надписи Ванской системы, открытыя въ предѣлахъ Россіи"; В. Ѳ. Гиргасъ перевелъ на русскій языкъ и издалъ „Основныя начала мусульманскаго права" фонъ-деръ-Берга; И. И. Захаровъ приготовилъ къ изданію 2-ю часть „Маньчжурской грамматики". Доценты: Е. Е. Замысловскій напечаталъ „Описаніе рукописей Казанскаго университета" и помѣстилъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв статью „Занятіе Русскими Сибири"; А. В. Праховъ продолжалъ начатое въ 1880 году изслѣдованіе Кіевскихъ христіанскихъ древностей X, XI и XII вѣковъ; открылъ новый памятникъ XII вѣка—фрески Кириловской церкви, построенной Всеволодомъ II (1138—1146), и занимался копированіемъ этихъ фресокъ; П. В. Никитинъ нап таль разсужденіе подъ заглавіемъ: „Къ исторіи Аѳинскихъ драматическихъ состязаній"; Н. С. Будаевъ составилъ курсъ аналитической геометріи; X. Я. Гоби издалъ составленныя имъ лекціи изъ курса „О споровыхъ растеніяхъ", помѣстилъ въ Вѣстникѣ Общества садоводства двѣ статьи: „О новомъ насѣкомоядномъ растеніи Caltha dionaefolia" и „О сладковатости картофеля" и готовилъ къ печати свое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Къ исторіи развитія паразитнаго грибка, извѣстнаго подъ именемъ Tubercularia lilacina"; В. В. Докучаевъ напечаталъ схематическую почвенную карту черноземной полосы Россіи и статью „По вопросу о сибирскомъ черноземѣ" В. А. Лебедевъ напечаталъ 1-й томъ „Финансоваго права" и печаталъ 2-й, а также „Изслѣдованіе о мѣстныхъ налогахъ"; баронъ В. Р. Розенъ напечаталъ сочиненіе „Императоръ Василій Болгаро-

бойца" и печаталъ одинъ томъ арабскаго текста исторіи Табари, В. Д. Смирновъ помѣстилъ статьи: въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв."— „По вопросу о школьномъ образованіи инородцевъ-мусульманъ" и въ „Русскомъ Вѣстникѣ"—„Этюдъ изъ восточной политики Пруссіи"; А. А. Цагарели издалъ французскій переводъ собранныхъ и напечатанныхъ имъ мингрельскихъ текстовъ, подъ заглавіемъ „Contes Mingréliens" и помѣстилъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. „Свѣдѣніе о новыхъ архивныхъ матеріалахъ для исторіи Грузіи XVIII столѣтіе"; II. И. Весселовскій напечаталъ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв." статью „Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о происхожденіи Гунновъ" и разборъ книги „Рюи Гонзалесъ де-Клавиго. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ въ 1403—1406 г." А. М. Позднѣевъ напечаталъ статью „О монгольской исторической литературѣ по памятникамъ, хранящимся въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета" помѣстилъ: въ „Журналѣ Восточное Обозрѣніе"—пять статей библіографическаго содержанія касательно рода заграничныхъ и русскихъ сочиненій о Монголіи, Китаѣ и Японіи, и въ Извѣстіяхъ русскаго археологическаго общества—статью „О древнемъ китайско-монгольскомъ историческомъ, памятникѣ Юань-чао-ми-ши", окончилъ печатаніемъ свое изданіе монгольской лѣтописи Эрденгинъ Эрихе, и редактировалъ 1-й томъ издаваемой археологическимъ обществомъ китайско-монгольской лѣтописи Юань-чао-ми-ши. Лекторы: Н. П. Доржеевъ предпринялъ составленіе полнаго сборника монгольскихъ пословицъ и собраніе синонимовъ, употребляемыхъ въ монгольскомъ разговорномъ языкѣ; К. И. Тёрнеръ напечаталъ въ Лондонѣ „Studies in Russian literature" (Очерки русской литературы); И. И. Флёри напечаталъ „Littérature orale de la Basse Normandie", помѣстилъ въ Nouvelle Revue „Exposition nationale de Moscou" и въ различныхъ изданіяхъ, русскихъ и иностранныхъ.—статьи о литературѣ, искусствахъ и театрѣ. Приватъ-доценты: А. И. Незеленовъ помѣстилъ: въ Запискахъ историко-филологическаго факультета — „А. С. Пушкинъ. Первый и второй періоды его жизни и дѣятельности", въ журналѣ Женское образованіе — рѣчь о Фонвизинѣ и въ Историческомъ Вѣстникѣ — „Новиковъ въ Шлиссельбургской крѣпости"; И. И. Луніакъ напечаталъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. статьи: „Лагерь Квинтилія Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу", „Ueber den Status der ersten Rede des Isaeus" и „Miscellanea critica"; Лебедевъ помѣстилъ статьи: въ

журналѣ Наблюдатель—„Цензура и свобода печати на западѣ Европы" и въ Историческомъ Вѣстникѣ — „Женщина древней Греціи" и рецензію сочиненія Шампаньи „Цезари"; Д. И. Дубяго напечаталъ въ Berliner Astronomische Jahrbuch „Эфемериду Діаны" и приготовилъ къ печати переводъ учебника геодезіи профессора Захарія; А. И. Воейковъ помѣстилъ статьи: въ Журналѣ русскаго физико-химическаго Общества—„Вліяніе топографическихъ условій на среднія температуры земли" и въ Извѣстіяхъ Географическаго Общества — „Отдѣлъ физической географіи на Венеціанской всемірной географической выставкѣ" и „Изслѣдованіе ледниковъ и причинъ ихъ измѣненій" и приготовлялъ къ печати книгу „Климаты земнаго шара"; И. И. Боргманъ напечаталъ въ Журналѣ физико-химическаго Общества двѣ статьи: „О нагрѣваніи желѣза при прерывчатомъ намагничиваніи" и „Фото-электрическая батарея"; Н. А. Гезехусъ помѣстилъ въ томъ же журналѣ статьи: „Упругое послѣдѣйствіе и другія сходныя съ нимъ физическія явленія" и „Историческій очеркъ десятилѣтней дѣятельности Физическаго Общества"; Н. И. Слугиновъ напечаталъ въ Repertorium der Physik статью: „Ueber die Licht- und Sphäroidalerscheinungen, welche die Electrolyse der Flüssigkeiten begleiten" и въ Журналѣ физико-химическаго Общества помѣщалъ рефераты о нѣкоторыхъ новѣйшихъ иностранныхъ изслѣдованіяхъ въ области физики. Преподаватели: І. А. Шеборъ приготовилъ къ печати замѣтки къ буколикамъ Виргилія, къ нѣкоторымъ комедіямъ Плавта и къ сочиненію Цицерона „de officiis"; Н. М. Коркуновъ напечаталъ въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права статью „О научномъ изученіи права"; С. А. Бершадскій напечаталъ два тома „Документовъ къ исторіи литовскихъ евреевъ", и приготовилъ къ печати изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Литовскіе евреи, исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія отъ временъ Витовта до Люблинской уніи", третій томъ Матеріаловъ къ исторіи литовскихъ евреевъ за время отъ 1569 до 1614 года.

Публичныя лекціи читали профессоры: Рождественскій — „Объ исторической достовѣрности и божественномъ характерѣ евангельской исторіи", Бутлеровъ — по пчеловодству, Андреевскій — „Объ устройствѣ общей для всѣхъ трудящихся кассы страхованія" и „О правѣ эксекуціи по актамъ начала XVIII столѣтія", Миллеръ — О жизни и сочиненіяхъ Ѳ. М. Достоевскаго и о дѣтяхъ въ сочиненіяхъ того же писателя, Менделѣевъ — „О невидимомъ движеніи", доцентъ Глазенапъ—„О кометахъ и падающихъ звѣздахъ", приватъ-

доценты: Хвольсонъ—объ электричествѣ, Боргманъ—„О нѣкоторыхъ практическихъ приложеніяхъ электричества".

Совѣтъ университета имѣлъ въ теченіе 1882 г. 14 засѣданій. Утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: въ степени доктора, магистры: Ив. Боргманъ, Ник. Егоровъ и Ник. Гезехусъ—физики, Констант. Поссе—математики; въ степени магистра, кандидаты: Леон. Колмачевскій — исторіи всеобщей литературы, Дм. Кожевниковъ—ботаники, Петръ Брауновъ—физической географіи, Леонъ Федоровичъ—политической экономіи; въ степени кандидата утверждено 197, въ званіи дѣйствительнаго студента — 82. Для приготовленія къ профессорскому званію командированы были заграницу: магистры: славянской филологіи Гротъ, греческой словесности Ернштедтъ и политической экономіи Федоровичъ; кандидаты: физико-математическаго факультета Селивановъ и историко-филологическаго Бубновъ и Ланге. Изъ нихъ первые четыре пользуются содержаніемъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, а послѣдніе двое—безъ содержанія. Съ цѣлію приготовленія къ экзамену на степень магистра оставлены при университетѣ съ содержаніемъ на счетъ университетскихъ средствъ: по историко-филологическому факультету—4, по физико-математическому—3, по юридическому—3, по факультету восточныхъ языковъ — 2, всего 12 кандидатовъ. Съ тою же цѣлію оставлены были при университетѣ кандидаты: 1—со стипендіею Петербургскаго Собранія сельскихъ хозяевъ, 1—на стипендію министерства народнаго просвѣщенія, 1—изъ капитала Е. И. Ламанскаго; сверхъ того состояло при университетѣ безъ производства имъ стипендій: по историко-филологическому факультету — 11, по физико-математическому—2 и по юридическому—5 кандидатовъ.

Нѣкоторые изъ профессоровъ и преподавателей, по ходатайству совѣта университета, командированы были съ ученою цѣлію за границу, именно: Люгебиль—въ Германію и Австро-Венгрію, Паткановъ—во Францію и Италію, для осмотра рукописей Парижской и Венеціанской библіотекъ, Троицкій — въ Европейскую Турцію и Грецію, съ цѣлію посѣщенія монастырскихъ библіотекъ для ознакомленія съ сохранившимися въ нихъ рукописями, Хвольсонъ — для окончанія своихъ ученыхъ работъ по изданію древнихъ еврейскихъ надписей, Цагарели—во Францію и Германію, для осмотра рукописей, хранящихся въ Парижской національной библіотекѣ, въ виду составляемаго имъ каталога грузинскихъ рукописей, Праховъ—въ Египетъ, Пале-

стину, Сирію и Грецію, для производства наблюденій надъ памятниками древняго искусства этихъ странъ; Мартенсъ—въ Туринъ, на конгрессъ института международнаго права. Изъ шести дней засѣданій три дня посвящены были разбору составленнаго г. Мартенсомъ проекта устава для разбирательства смѣшанныхъ дѣлъ въ консульскихъ судахъ на Востокѣ. Проектъ былъ принятъ съ незначительными измѣненіями и подлежитъ сообщенію всѣмъ правительствамъ съ просьбою привести его въ исполненіе. Съ тою же цѣлію командированы были внутри Россіи профессоры: Бутлеровъ, Менделѣевъ, Совѣтовъ, Горчаковъ, Иностранцевъ, Вагнеръ и доцентъ Праховъ. Изъ нихъ профессоръ Вагнеръ командированъ былъ для открытія біологической станціи на Бѣломъ морѣ, которая устроена въ Соловецкомъ монастырѣ, а доцентъ Праховъ занимался въ Кіевѣ изученіемъ древностей Михайловскаго монастыря и Кирилловской церкви, гдѣ ему удалось открыть много старинныхъ фресокъ и снять большое число интересныхъ копій.

Денежныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи: На содержаніе университета по штату ассигновано было изъ суммъ государственнаго казначейства 359.902 руб. 85 коп., въ томъ числѣ: на содержаніе личнаго состава 204.921 руб., на хозяйственные расходы и учебныя пособія 81.150 руб., на стипендіи и пособія студентамъ 73 831 руб. 85 коп. Спеціальныхъ средствъ, то-есть платы за слушаніе лекцій, поступило 72.067 руб. 60 коп., что вмѣстѣ съ 35.291 руб. 60½ коп., остававшимися отъ 1881 года, составляетъ 107.359 руб. 20½ коп., въ теченіе года израсходовано 69.400 руб. 38 коп., затѣмъ къ 1-му января 1883 года имѣлось остатка 37.958 руб. 82½ коп. Главнѣйшіе расходы на счетъ суммы сбора за ученіе были слѣдующіе: на жалованье профессорамъ и преподавателямъ, на вознагражденіе приватъ-доцентовъ и вообще на личный составъ сверхъ штата—33.538 руб., на напечатаніе сочиненій—13.659 руб., на награды, пособія и на прочіе расходы по канцеляріи и по хозяйственной части—4.000 руб., на библіотеку, кабинеты и лабораторіи—7.742 руб., на ученыя командировки и путешествія—3.836 руб., на изготовленіе медалей, выдаваемыхъ студентамъ—1.705 руб., въ суммы ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія—1.467 руб.

Къ 1-му января 1882 года въ С.-Петербургскомъ университетѣ состояло 2.027 студентовъ; въ теченіе 1882 года вновь поступило 752 (изъ гимназій 625, изъ училища правовѣдѣнія 1, изъ Нижего-

родскаго Александровскаго института 4, изъ реформатскаго училища 5, изъ коллегіи Павла Галагана 3, изъ Гатчинскаго института 4, изъ лицея цесаревича Николая 2, изъ заграничныхъ гимназій 3, изъ другихъ университетовъ 60, изъ Демидовскаго лицея 1, бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета 44); въ теченіе года выбыло 727 (до окончанія курса 434, по окончаніи курса 293); затѣмъ къ 1-му января 1883 года находилось на лицо 2.052 студентовъ. Вольнослушателей было, къ началу 1882 года 128, къ 1-му января 1883 года 113. Упомянутые 2.052 студента распредѣлялись: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 227, на физико-математическомъ 977 (математическаго разряда 448 естественнаго разряда 529), на юридическомъ 805, на факультетѣ восточныхъ языковъ 43; б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 1.458 армяно-григоріанъ 22, римско-католиковъ 223, лютеранъ 148, реформатовъ 13, евреевъ 180, магометанъ 4, единовѣрцевъ 4; в) по сословіямъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 1.163, духовнаго званія 235, почетныхъ гражданъ и купцовъ 238, мѣщанъ и разночинцевъ 335, крестьянъ 60, иностранныхъ подданныхъ 21; г) по мѣсту предварительнаго образованія: гимназистовъ 1.874, семинаристовъ 65, изъ другихъ учебныхъ заведеній 113; д) по учебнымъ округамъ, въ районѣ которыхъ находятся заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго учебнаго округа 877, Московскаго 183, Дерптскаго 108, Кіевскаго 107, Казанскаго 71, Харьковскаго 107, Виленскаго 234, Одесскаго 121, Оренбургскаго 78, Варшавскаго 78, Кавказскаго 46, Сибирскаго 42. Изъ общаго числа студентовъ стипендіями пользовались 411 на сумму 103.416 руб.; изъ нихъ 288 получали штатныя стипендіи, 61 — стипендіи разныхъ вѣдомствъ и учрежденій и 62—на счетъ пожертвованныхъ капиталовъ. Лишено было стипендій по причинѣ недержанія установленнаго экзамена 47, въ томъ числѣ: по историко-филологическому факультету 7, по физико-математическому 21, по юридическому 18, по факультету восточныхъ языковъ 1. Пособіями изъ суммъ казны, помимо другихъ источниковъ, воспользовались 88 студентовъ на 1.170 руб. Освобождено было отъ платы за лекціи: въ первомъ полугодіи 531 (26% общаго числа студентовъ), во второмъ — 514 (25%); слушало за уменьшенную плату: въ первомъ полугодіи — 56 (2, 7%), во второмъ—49 (2, 3%).

Въ январѣ 1882 г. начальствомъ С.-Петербургскаго учебнаго округа утвержденъ былъ уставъ студенческаго научно-литературнаго общества; въ томъ же мѣсяцѣ созвано было первое общее собраніе

для избранія членовъ совѣта и научнаго отдѣла Общества. Всѣхъ членовъ было 117 — число, къ сожалѣнію, весьма незначительное сравнительно съ общимъ числомъ студентовъ (около 2.000). Въ числѣ членовъ было: филологовъ 49, юристовъ 39, физико-математиковъ 24, студентовъ факультета восточныхъ языковъ 3. Общество далеко еще не достигло тѣхъ результатовъ, которые имѣлись въ виду при основаніи, объясненіемъ чему можетъ служить: а) то, что Общество, едва возникнувъ, принуждено было заняться организаціей своихъ чисто-административныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ, и б) то, что Общество въ продолженіе цѣлаго года, то-есть изъ 12-ти мѣсяцевъ могло функціонировать только $2^1/_4$ мѣсяца (съ конца января до начала апрѣля. Тѣмъ не менѣе, въ продолженіе этого довольно краткаго періода было прочитано 8 рефератовъ, а именно: Курницкимъ—„Бытъ Галицкой Руси по поэмѣ Кленовича „Rossolania", Смирнопуло—„Изъ разказовъ Готорна", Латкинымъ — „Организація земскихъ соборовъ", Платоновымъ—„О нѣкоторыхъ фактахъ изъ исторіи смутнаго времени" Карповымъ—„О Шекспирѣ", Гликкой—„О новѣйшихъ направленіяхъ въ наукѣ естествознанія", Петровымъ—„О воззрѣніяхъ Хомякова на Западъ", Гарватевичемъ— „О юго-славянской задругѣ". Что касается до изданія сборника Общества, то хотя и сдѣланы были всѣ предварительныя распоряженія, но за краткостію времени вопросъ этотъ остался открытымъ.—Приходъ общества состоялъ въ 278 руб. отъ членскихъ взносовъ. Въ библіотекѣ общества имѣлось 127 нумеровъ книгъ, большею частію пожертвованныхъ; имъ составленъ каталогъ.

При С.-Петербургскомъ университетѣ состоитъ еще Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ сего университета. Согласно уставу своему, Общество выдавало студентамъ пособія въ видѣ ссудъ краткосрочныхъ и долгосрочныхъ. Къ 1-му января 1882 года числилось въ долгу 83.050 руб., въ теченіе 1882 года вновь было выдано на 13.581 руб. 95 коп. (изъ числа поданныхъ 1776 прошеній было удовлетворено 1402), возвращено въ 1882 году но 3.840 руб. 90 коп.; такимъ образомъ къ 1-му января 1883 года остается въ долгу ссудъ всякаго рода 92.791 руб. 77 коп. Краткосрочныя ссуды выдавались подъ залогъ стипендій изъ особо-предназначеннаго для этой цѣли запаснаго капитала; выдана была 81 ссуда на 1.869 руб. 95 коп. Долгосрочныя ссуды состояли: а) во внесеніи платы за слушаніе лекцій и б) въ выдачѣ денегъ на руки. Внесена плата за 180 студентовъ на 2.934 руб. 50 коп.; на руки въ теченіе года вы-

дано 420 студентамъ 1.041 р., ссуда на 8.777 руб. 50 коп. (286 руб. спеціально на обувь) или, въ среднемъ выводѣ, по 8 руб. 40 коп. на ссуду.

При С.-Петербургскомъ университетѣ состоятъ четыре ученыхъ Общества: а) Филологическое Общество, учрежденное 4-го февраля 1869 года, б) С.-Петербургское Общество естествоиспытателей, учрежденное 21-го декабря 1868 года, в) Юридическое Общество, существующее съ 22-го января 1877 года, и г) Русское Физико-химическое Общество, которое въ 1878 году образовалось чрезъ соединеніе двухъ отдѣльныхъ обществъ: физическаго и химическаго и состоитъ въ настоящее время изъ двухъ отдѣленій. Составъ и дѣятельность названныхъ обществъ въ 1882 году представляются въ слѣдующемъ видѣ:

О дѣятельности Филологическаго Общества въ теченіе отчетнаго года уже было упомянуто въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ № 12 за 1882 годъ.

Общество естествоиспытателей состояло изъ 290 членовъ, которые распредѣлены такъ: въ зоологическомъ отдѣленіи—147, въ отдѣленіи геологіи и минералогіи—75, въ отдѣленіи ботаники—68. По примѣру прежнихъ лѣтъ, дѣятельность Общества проявлялась въ общихъ и секціонныхъ засѣданіяхъ, въ организаціи ученыхъ экскурсій, въ изданіи Трудовъ Общества и наконецъ отчасти въ распространеніи естественно-историческихъ знаній въ обществѣ. Общихъ собраній было четыре, на которыхъ, сверхъ текущихъ дѣлъ, были выслушаны сообщенія: М. Н. Богданова, представившаго подробный біографическій очеркъ К. Ф. Кесслера и А. Н. Бекетова — о Дарвинизмѣ съ точки зрѣнія обще-физическихъ наукъ, а также предварительные отчеты гг. Соколова и Никольскаго о поѣздкѣ ихъ на Алтай. Отдѣленіе зоологіи имѣло 6 засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 18 оригинальныхъ сообщеній и одинъ рефератъ. Отдѣленіе геологіи и минералогіи имѣло 5 засѣданій съ 10-ю оригинальными сообщеніями и двумя рефератами. Въ 7-ми засѣданіяхъ отдѣленія ботаники сдѣлано 13 оригинальныхъ сообщеній и 4 реферата. Благодаря просвѣщенному содѣйствію г. министра Императорскаго двора, Общество получило возможность командировать изъ своей среды трехъ лицъ на Алтай, причемъ потребныя для столь отдаленной экспедиціи средства доставлены были кабинетомъ Его Величества. Двое изъ означенныхъ лицъ, какъ выше сказано, представили краткіе отчеты о результатахъ своихъ изслѣдованій общему собранію, а третій—бо-

таническому отдѣленію. Сверхъ того, на средства отдѣленія геологіи и минералогіи, экскурсировали: академикъ Ѳ. Д. Шмидтъ, продолжавшій изученіе силлуріи Петербургской губерніи, и П. Н. Венюковъ, занимавшійся изученіемъ центральнаго района девонской системы. Лѣтомъ 1882 года члены отдѣленія Замятченскій, Сибирскій и Ферхминъ занимались, подъ руководствомъ г. Докучаева, детальнымъ изслѣдованіемъ геологіи и почвъ юго-восточной части Нижегородской губерніи; экскурсія эта совершена на средства земства. Членъ того же отдѣленія С. Ѳ. Глинка экскурсировалъ на Качкакарѣ, одной изъ горъ Уральскаго хребта, на средства минералогическаго Общества. Отдѣленіе зоологіи устроило на свои средства слѣдующія экскурсіи: М. Н. Богдановъ занимался изслѣдованіемъ фауны Петербургской губерніи, Н. П. Вагнеръ продолжалъ свои изслѣдованія фауны Соловецкой бухты на Бѣломъ морѣ, О. А. Гриммъ изслѣдовалъ фауну озеръ Новгородской губерніи; члены-сотрудники отдѣленія Петровъ и Хлѣбниковъ производили на свои средства изслѣдованія нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи, преимущественно въ орнитологическомъ отношеніи. Отдѣленіе ботаники выдало субсидію одному лицу, экскурсировавшему на Мурманскомъ берегу и обѣщавшему выслать коллекцію собранныхъ имъ явнобрачныхъ и водорослей. Изъ изданій Общества естествоиспытателей появились въ свѣтъ второй выпускъ XII тома и первый выпускъ XIII тома Трудовъ. Распространеніе естественно-историческихъ знаній въ народѣ, какъ и въ прежніе годы, составляло самую слабую сторону дѣятельности Общества. Въ этомъ отношеніи можно указать только на восемь публичныхъ ботаническихъ экскурсій или, вѣрнѣе, бесѣдъ на открытомъ воздухѣ, произведенныхъ И. М. Бородинымъ въ паркѣ Лѣснаго института и привлекавшихъ до 300 разнородныхъ слушателей.

Физико-химическое Общество. Въ отдѣленіи химіи членовъ было 160. Оно имѣло 9 засѣданій, въ которыхъ заслушаны 74 научныхъ сообщенія. Въ 1882 году состоялось въ первый разъ присужденіе преміи Н. Н. Соколова за лучшее изслѣдованіе по химіи, сдѣланное въ Россіи въ 1880—1881 годахъ. Премія присуждена Н. А. Меншуткину за изслѣдованіе образованія сложныхъ эфировъ. Физическое отдѣленіе имѣло 120 членовъ. Въ 9-ти обыкновенныхъ и 2-хъ общихъ засѣданіяхъ членами сдѣлано болѣе 50 сообщеній. Физико-химическое Общество издало XIV томъ журнала своего, въ которомъ напечатаны 55 оригинальныхъ изслѣдованій по химіи, 35 изслѣдованій по физикѣ, объемомъ въ 60 печатныхъ листовъ. Кромѣ ориги-

нальныхъ работъ, этотъ томъ на сорока печатныхъ листахъ даетъ отчетъ объ успѣхахъ химіи и физики за границей.

Юридическое Общество состояло изъ 1 почетнаго члена, 332 дѣйствительныхъ и 7 членовъ-сотрудниковъ. Общихъ собраній, вмѣстѣ съ годовымъ, было 3. Гражданское отдѣленіе выслушало и обсуждало доклады: А. К. Рихтера—о налогѣ съ наслѣдствъ, В. О. Люстига — о правѣ собственности на земли, подъ общественными дорогами находящіяся, Л. М. Евреиновой — объ уравненіи правъ женщинъ при наслѣдованіи, и С. В. Пахмана—о системѣ гражданскаго уложенія. Въ уголовномъ отдѣленіи выслушаны и обсуждены доклады: В. К. Случевскаго — о выработкѣ въ русскомъ уголовномъ судопроизводствѣ, въ дѣлахъ, разбираемыхъ съ присяжными засѣдателями, правилъ о судебныхъ доказательствахъ, В. Д. Спасовича—о вызовѣ свидѣтелей на судебное слѣдствіе на счетъ подсудимаго, Н. А. Неклюдова—о протоколахъ судебныхъ засѣданій въ дѣлахъ уголовныхъ, производимыхъ съ присяжными засѣдателями, и И. Д. Ахшарумова — о судѣ въ военное время, по наблюденіямъ, собраннымъ во время послѣдней кампаніи 1877 и 1878 гг. Въ декабрѣ 1882 года Общество приступило къ разбору статей проекта новаго уголовнаго уложенія, сообщеннаго на обсужденіе Обществу министерствомъ юстиціи. Живое и дѣятельное участіе членовъ въ преніяхъ было неустанное и выразилось въ многочисленныхъ замѣчаніяхъ. Денежныя средства Общества къ началу 1883 года состояли изъ 5,817 руб. 38 коп.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

I.

Апрѣль 1883 года.

Послѣ послѣдняго моего письма Ж. Ферри снова сталъ министромъ народнаго просвѣщенія. Учебное вѣдомство, въ которомъ Ж. Ферри оставилъ сочувственную по себѣ память, радостно привѣтствовало его возвращеніе. Вообще наши преподаватели не любятъ состоять подъ управленіемъ человѣка, вышедшаго изъ ихъ же среды, Ферри же — прежде всего публицистъ и политикъ; онъ чуждъ тѣмъ вліяніямъ, которыя, по несчастію, почти всегда получаютъ силу во всякого рода корпораціяхъ. Притомъ, ближайшіе его помощники въ учебной администраціи, три главные директора, люди весьма замѣчательные: Альбертъ Дюмонъ — по высшему образованію, Зеворъ и Бюиссонъ—по среднему. Нѣсколько дней спустя по вступленіи въ должность, Ферри имѣлъ случай говорить публично, въ годовомъ собраніи провинціальныхъ ученыхъ обществъ въ Сорбоннѣ. Въ рѣчи своей онъ ограничился впрочемъ только общими разсужденіями и еще разъ подтвердилъ о желаніи правительства развить, съ одной стороны—народное образованіе, а съ другой—высшее. Въ странѣ, гдѣ родовая аристократія утратила значеніе, а аристократія денежная естественно недолговѣчна, необходимо — сказалъ онъ — прежде всего поддержать аристократію науки, развить научный духъ, дающій народамъ миръ, богатство и покой. Эта краснорѣчивая рѣчь была сочувственно принята избранными слушателями, окружавшими министра. Общее собраніе ученыхъ обществъ нынѣшняго года ознаме-

новалось нововведеніемъ. Къ четыремъ прежде существовавшимъ отдѣленіямъ—археологіи, исторіи, естественныхъ наукъ и изящныхъ искусствъ, министръ прибавилъ еще пятое—отдѣленіе наукъ соціальныхъ и экономическихъ. Теперь этотъ съѣздъ, какъ и Французскій институтъ, раздѣляется на пять отдѣленій, представляющихъ всѣ отрасли человѣческой дѣятельности. Не буду входить въ подробности о его трудахъ. Полный отчетъ о нихъ уже напечатанъ въ Офиціальномъ журналѣ и въ большей части нашихъ научныхъ повременныхъ изданій. Главная польза этого учрежденія въ томъ, что оно сближаетъ между собою ученыхъ отдаленныхъ провинцій, и вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ имъ возможность посѣщать Парижъ безъ большихъ расходовъ. Въ самомъ дѣлѣ всѣ желѣзнодорожныя компаніи дѣлаютъ скидку въ 50% для членовъ ученыхъ обществъ, ѣдущихъ въ Парижъ на общее ихъ собраніе. Это обстоятельство вліяетъ на развитіе провинціальныхъ обществъ: многія лица охотно дѣлаютъ ежегодный взносъ въ 12 или въ 15 франковъ въ мѣстную академію, чтобъ имѣть возможность за половинную цѣну съѣздить въ Парижъ.

Два дня спустя послѣ общаго собранія ученыхъ обществъ Ферри опять сказалъ рѣчь на педагогическомъ съѣздѣ, собравшимся въ Парижѣ, и при этомъ случаѣ констатировалъ значительный успѣхъ, сдѣланный въ настоящее время женскимъ образованіемъ во Франціи: въ четыре года основано 67 женскихъ учительскихъ семинарій.

Педагогическій съѣздъ состоялъ исключительно изъ директоровъ, директрисъ и учителей семинарій. Онъ раздѣлялся на восемь отдѣловъ, и три изъ нихъ предоставлены были однѣмъ женщинамъ. Обсуждались вопросы объ организаціи учительскихъ семинарій, о программахъ преподаванія въ начальныхъ школахъ при семинаріяхъ, объ отношеніи семинарій къ учителямъ, уже состоящимъ на преподавательномъ поприщѣ. Педагогическіе журналы еще не напечатали до сихъ поръ полнаго отчета объ этомъ съѣздѣ, почему и я могу сообщить вамъ о его результатахъ только впослѣдствіи.

Я, кажется, уже говорилъ вамъ о системѣ обмѣна ученыхъ изданій, организованной между французскимъ правительствомъ и нѣкоторыми иностранными. Теперь при министерствѣ народнаго просвѣщенія учреждена спеціальная коммиссія для установленія между французскими факультетами и нѣкоторыми иностранными университетами правильнаго обмѣна академическихъ изданій, и особливо диссертацій. Почти шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ нѣмецкіе университеты установили такой обмѣнъ между собою. Уже два года какъ

начались переговоры съ нѣкоторыми иностранными университетами объ установленіи слѣдующихъ правилъ: 1) Каждый иностранный университетъ, изъявившій на то свое согласіе, высылаетъ восемнадцать экземпляровъ своихъ академическихъ изданій, предназначая ихъ нашимъ шестнадцати факультетамъ, Парижской національной библіотекѣ и министерству народнаго просвѣщенія. 2) Библіотекѣ каждаго изъ этихъ университетовъ предлагается въ обмѣнъ полное собраніе всѣхъ диссертацій, защищаемыхъ при различныхъ французскихъ факультетахъ. Переговоры эти успѣшно окончились, и теперь уже установился обмѣнъ съ двадцатью-однимъ нѣмецкимъ университетомъ, 3 швейцарскими, 2 бельгійскими (Гентъ и Льежъ), 2 шведскими (Вундъ и Упсала) 1 голландскимъ, 1 датскимъ и 1 русскимъ (Дерптъ). Я думаю, что этого рода обмѣнъ могъ бы принять бо́льшіе размѣры въ Россіи; французскіе ученые начинаютъ изучать русскій языкъ, и нѣкоторые изъ нашихъ факультетовъ охотно получали бы Извѣстія и Ученыя записки, издаваемыя русскими университетами. Желающіе воспользоваться этимъ могутъ обратиться съ предложеніемъ къ г. М. Бреалю, въ министерство народнаго просвѣщенія въ Парижъ. Большая книжная торговля Гашетта взяла на себя отправку книгъ: это весьма важная услуга. Полагаютъ, что Франція ежегодно будетъ отправлять каждому иностранному университету до 900 диссертацій, всего до 27,000 экземпляровъ. Почти такое же число экземпляровъ будетъ присылаться и изъ-за границы, такъ что въ годъ будетъ оборотъ 54,000 брошюръ и книгъ. Это нововведеніе обходится французскому правительству не дорого. Министръ постановилъ, что впредь каждый ищущій высшихъ ученыхъ степеней обязанъ представлять въ министерство по 30 лишнихъ экземпляровъ своей диссертаціи, а у насъ эти диссертаціи печатаются на счетъ самихъ авторовъ. Это нововведеніе не только обогащаетъ дешевымъ способомъ наши библіотеки, но и даетъ имъ изданія, иногда не встрѣчающіяся въ продажѣ, которыхъ не достать ни за какія деньги. Быть можетъ, впослѣдствіи можно будетъ расширить этого рода обмѣнъ. Нѣкоторые изъ нашихъ провинціальныхъ факультетовъ начинаютъ издавать свои спеціальные бюллетени. Я уже сообщалъ вамъ о бюллетенѣ, издаваемомъ соединенными факультетами въ Бордо и Тулузѣ; Парижскій факультетъ издаетъ также бюллетень; третій только что началъ издаваться словеснымъ факультетомъ въ Пуатье. Всѣ эти удачныя нововведенія свидѣтельствуютъ о все возростаю-

щемъ стремленіи нашихъ факультетовъ служить интересамъ науки и общества.

Министръ иностранныхъ дѣлъ представилъ президенту республики подробный докладъ объ архивѣ своего министерства. Этотъ архивъ, въ былое время недоступный, теперь свободно открытъ для изысканій. Была учреждена спеціальная коммиссія для наблюденія за сохраненіемъ дѣлъ архива и печатаніемъ документовъ особенно важныхъ для нашей политической исторіи. Президентомъ этой коммиссіи Анри Мартонъ, а въ числѣ ея членовъ лучшіе изъ нашихъ историковъ: Оссонвиль, Ренанъ, Камиль Руссе, Альфредъ Мори, Рамбо, Сорель. Коммиссія эта выработала общія правила для архива и обсудила всѣ вопросы касательно способовъ сохраненія, сообщенія и печатанія документовъ. Въ 1880 г. французскіе и иностранные ученые воспользовались уже 2.935 томами; въ 1881 г.—1684, а въ 1882 г. 2.324 томами. Коммиссія предполагаетъ напечатать въ скоромъ времени полный инвентарь архива. Кромѣ того, она рѣшила напечатать инструкціи, данныя посланникамъ Французской монархіи, отъ времени Вестфальскаго договора до революціи. Первая часть инвентаря только что вышла въ свѣтъ и заключаетъ въ себѣ описаніе 1.882 томовъ; собраніе же инструкцій посланникамъ будетъ заключать въ себѣ 12 томовъ въ 8-ку. Каждый изъ нихъ порученъ одному изъ лучшихъ нашихъ ученыхъ: Сорелю — инструкціи посланникамъ при австрійскомъ дворѣ, Арману Баше—при дворахъ италіанскихъ, Лависсу—при прусскомъ, Рамбо—при русскомъ, Жирару де Ріаль—при турецкомъ, Аното—при римскомъ дворѣ, Мазу—при голландскомъ Морелю Фасіо—при испанскомъ, Жеффруа—при дворахъ скандинавскихъ. Томъ Сореля уже печатается.

Я писалъ вамъ въ ноябрѣ 1882 г. объ основаніи историческаго общества, имѣющаго цѣлію собирать въ своемъ клубѣ (cercle Saint-Simon) всѣхъ ученыхъ этой спеціальности, какъ парижскихъ, такъ и провинціальныхъ, независимо отъ ихъ политическихъ или религіозныхъ мнѣній. Это общество, сходное съ клубомъ Athenaeum и съ лондонскимъ Saville club, теперь вполнѣ устроилось. Число его членовъ въ Парижѣ и провинціяхъ дошло до 600. Въ обществѣ были замѣчательныя конференціи гг. Сореля, Гастона Париса, Ренана, Тэна и вашего соотечественника Миклухи-Миклая. Оно устроило празднество въ честь Саворньяна ди-Брацца, знаменитаго изслѣдователя Конго; наконецъ, оно положило печатать бюллетень, въ которомъ будетъ помѣщать краткій отчетъ о важнѣйшихъ происходившихъ

въ немъ конференціяхъ, списокъ членовъ, списокъ ихъ трудовъ, изданныхъ отдѣльными книгами или напечатанныхъ въ журналахъ, а также научныя и библіографическія справки. Изданіе это называется Бюллетень историческаго общества и кружка Сенъ-Симона. Онъ разсылается даромъ всѣмъ членамъ. Лица, не состоящія членами кружка, могутъ на него подписываться за 8 франковъ въ годъ у книгопродавца Cerf (13 rue de Medicis, Paris). Русскимъ ученымъ, пріѣзжающимъ въ Парижъ, не безъинтересно будетъ посѣтить клубъ Saint-Simon (215 Boulevard Saint Hermain). Они могутъ быть увѣрены въ сердечной и предупредительной встрѣчѣ. Можно предвидѣть, что въ не далекомъ будущемъ число членовъ этого общества превзойдетъ 1000 человѣкъ.

II.

Въ настоящее время у насъ много занимаются вопросами педагогическими. Я уже говорилъ вамъ о реформахъ, произведенныхъ въ среднемъ и высшемъ образованіи. Не всѣ одобряютъ ихъ одинаково; нѣкоторые консерваторы находятъ, что у насъ нѣсколько спѣшатъ преобразованіями, и что успѣхъ былъ бы значительнѣе при меньшей стремительности дѣйствій. Къ числу думающихъ такъ принадлежитъ г. Эм. Эгже. Знаменитый эллинистъ теперь одинъ изъ нашихъ старѣйшихъ представителей науки. Ему 70 лѣтъ; онъ ослѣпъ, но продолжаетъ свои занятія съ помощью секретаря, и даже въ нынѣшнемъ году читаетъ въ Сорбоннѣ лекціи по греческой литературѣ. Подъ заглавіемъ „Традиціи и реформы въ университетскомъ преподаваніи" (Les traditions et les Réformes dans l'enseignement universitaire) (1 томъ 8-ку; книжная торговля Массона) Эгже соединилъ цѣлую серію лекцій, замѣтокъ и статей, напечатанныхъ имъ въ теченіе лѣтъ двадцати въ Journal des Débats и въ Journal des Savans. Всѣ эти статьи относятся къ греческой и латинской филологіи или къ вопросамъ преподаванія. Таковы, напримѣръ, статьи о значеніи греческаго языка въ классическомъ преподаваніи, о значеніи преподаванія исторіи литературы классическихъ народовъ, о новыхъ методахъ, о докторской степени по словесности и т. д. Къ нынѣшнимъ реформамъ Эгже отнесся отчасти скептически: „Наша французская живость", говоритъ онъ, — „дѣлаетъ насъ странными народомъ въ дѣлѣ реформъ. Въ политикѣ, въ дѣлѣ народнаго образованія, въ промышленности, во всемъ поступаютъ у насъ слишкомъ горячо, а затѣмъ наступаетъ реакція. Нынѣшнія университетскія

реформы служатъ тому примѣромъ"... „Мы не шли, а скорѣе бѣжали по пути прогресса", не безъ ироніи замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Эгже привязанъ прежде всего къ традиціямъ старыхъ французскихъ педагоговъ школы Поръ-Рояля или Роллена. Онъ сожалѣетъ о старинныхъ курсахъ словесныхъ наукъ, о латинскихъ стихахъ, которыми отличалась французская молодежь въ былое время. Еще не настала минута для оцѣнки всѣхъ нынѣ принятыхъ мѣръ, чтобы дать нашему образованію характеръ болѣе практическій, реальный, какъ говорятъ Нѣмцы. Я спрашивалъ нѣсколькихъ учителей лицеевъ о результатахъ новыхъ методовъ и услышалъ нѣкоторое неудовольствіе. Но такое неудовольствіе возникаетъ всякій разъ со введеніемъ реформъ въ преподаваніи. Наши учителя вообще—рутенеры; они не любятъ мѣнять руководства и методы и неохотно примѣняютъ реформы. Объ этихъ реформахъ можно будетъ судить только лѣтъ черезъ пять или шесть, когда уже выйдетъ изъ нормальной школы новое поколѣніе молодыхъ учителей и займетъ большую часть каѳедръ по среднему образованію.

Замѣчательный публицистъ Кюшваль Клариньи, бывшій нѣкогда питомцемъ нормальной школы, но не принадлежащій нынѣ къ числу преподавателей, также выпустилъ въ свѣтъ книгу, подъ заглавіемъ „Народное образованіе во Франціи. Замѣтки о положеніи народнаго образованія и о средствахъ къ его улучшенію" (L'instruction publique en France. Observation sur la situation de l'instruction publique et sur les moyens de l'améliorer. Одинъ томъ въ 8-ку. Гашетъ). Кюшваль-Клариньи авторъ прекрасныхъ сочиненій объ Англіи и Америкѣ, очень хорошо знакомъ съ обѣими этими странами, и книга его проводитъ постоянную параллель между ними, съ одной стороны, и Франціей—съ другой, по вопросамъ образованія. Кюшваль-Клариньи также является сторонникомъ той системы гуманнаго образованія, какая существовала прежде во Франціи. Онъ доказываетъ, что благодаря этой системѣ Франція занимаетъ высокое мѣсто въ европейской литературѣ. Мы еще болѣе обязаны нашему классическому образованію", прибавляетъ онъ,—„мы обязаны ему ясностью ума, отличающею Французовъ. Кто не удивлялся той легкости, съ какою опирающійся на новое откровеніе мормонизмъ могъ зародиться и развиться въ Соединенныхъ Штатахъ? Размноженіе самыхъ странныхъ сектъ, быстрое распространеніе самыхъ причудливыхъ ученій ничуть не удивляетъ тамъ умы наблюдателей. Ничего подобнаго не было и нѣтъ во Франціи; никто и не допустилъ бы здѣсь возможности такого явленія. Чему

же должно приписать это заблужденіе, эту дерзость мысли? Просвѣщеннѣйшіе Американцы не колеблясь видятъ причину его въ общей слабости научныхъ занятій, и въ особенности въ полномъ отсутствіи философскаго образованія. Въ американскомъ воспитаніи ничто не способно возбудить критическій смыслъ, вооружить умъ противъ увлеченій воображенія, противъ сектантскихъ софизмовъ. Для восполненія пробѣловъ образованія, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предпринято въ Соединенныхъ Штатахъ нѣкоторыми достойными людьми и даже женщинами перевести и распространять творенія французскихъ философовъ". Хотя Кюшваль-Клариньи и стоитъ за строго-классическое образованіе, но въ то же время настаиваетъ на утвержденіи чисто-реальныхъ училищъ и совѣтуетъ подражать въ этомъ отношеніи Нѣмцамъ. Рядомъ съ лицеями, которые процвѣтаютъ, въ провинціяхъ у насъ существуетъ огромное число коллегій, которыя едва прозябаютъ. Кюшваль-Клариньи совѣтуетъ преобразовать ихъ въ реальныя училища. Я вполнѣ присоединяюсь къ его мнѣнію. Онъ желаетъ, какъ и многіе напримѣръ, Бреаль, уничтоженія закрытыхъ заведеній, совѣтуя помѣщать дѣтей, родители которыхъ не живутъ въ томъ городѣ, гдѣ первыя учатся,—въ частныя семейства. Касательно высшаго образованія Кюшваль-Клариньи согласенъ съ большею частью нашихъ профессоровъ, что экзамены значительно утомляютъ и часто отвлекаютъ профессоровъ отъ науки и преподаванія; онъ требуетъ образованія особыхъ экзаменаціонныхъ коммиссій изъ отставныхъ профессоровъ факультетовъ. Вообще трудъ Кюшваль-Клариньи хотя и не есть сочиненіе систематическое, но любопытная бесѣда, въ которой встрѣчается много счастливыхъ мыслей.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я писалъ вамъ объ учрежденіи въ collegè de France каѳедры по исторіи религій. Это нововведеніе имѣло большой успѣхъ: занявшій каѳедру Альбертъ Ревиль — весьма талантливый человѣкъ; его лекціи немедленно привлекли многочисленныхъ и серьезныхъ слушателей. Ревиль началъ печатать свои лекціи. Два года тому назадъ онъ уже выпустилъ въ свѣтъ „Введеніе къ исторіи религій" (Prolegomènes de l'histoire des réligions). Теперь онъ напечаталъ „Исторію религій народовъ не цивилизованныхъ" Histoire des religions des peuples non civilisés, въ 8-ку Фишбахеръ). Въ этомъ отдѣлѣ обозрѣвается религія африканскихъ Негровъ, Кафровъ, Готтентотовъ, Бушменовъ, туземцевъ сѣверной и южной Америки, народовъ Океаніи и Австраліи. Онъ оканчивается тремя главами о религіяхъ народовъ финно-татарскаго происхожденія. Ревиль—

не только весьма знающій ученый, но и тонкій психологъ, съ рѣдкимъ умѣніемъ излагающій исторію столь мало извѣстныхъ племенъ. Нашей литературѣ не доставало подобнаго сочиненія; Ревиль пополнилъ въ ней существенный пробѣлъ. Въ цѣломъ сочиненіи его составитъ, конечно, томовъ десять.

Въ послѣднее время изъ сочиненій собственно историческихъ наибольшій успѣхъ имѣло произведеніе Брольи: „Фридрихъ II и Марія Терезія" (Frédéric II et Marie-Thérèse, 2 тома, Кальманъ-Леви). Брольи вполнѣ погрузился въ восемнадцатый вѣкъ, въ которомъ нѣкоторые изъ его предковъ играли значительную роль. Я уже говорилъ о важности его послѣдняго сочиненія: „Королевская тайна" (Le secret du Roi). Новое его сочиненіе написано на основаніи не изданныхъ документовъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, трудовъ Арнета о Маріи—Терезіи и переписки Фридриха II, напечатанной прусскимъ правительствомъ. Онъ заключаетъ въ себѣ обзоръ первыхъ двухъ годовъ войны за австрійское наслѣдство (1740—1742 гг.). Брольи тонко изучилъ коварную политику Фридриха II, но можетъ быть, слишкомъ увлекся своимъ сочувствіемъ къ Маріи-Терезіи. Онъ очень искусно доказываетъ, что энтузіазмъ Мадьяровъ къ королевѣ не былъ такъ значителенъ, какъ то казалось по словамъ Вольтера, что изрѣченіе „Moriamur pro rege nostro"—легендарно. Многіе удивились этому открытію, а между тѣмъ на него было уже указано, года четыре тому назадъ, въ сочиненіи Лежера: „Исторія Австро-Венгріи". Новую сторону книги Брольи составляетъ изученіе дѣйствій французской дипломатіи во время этого періода. Дипломатія Людовика XV была очень плоха, да и военныя дѣла велись не лучше. Брольи не безъ причины относится очень строго къ Фридриху II, но не слишкомъ ли? Въ наше время мы мало расположены быть снисходительными къ Пруссіи. „Критическіе и историческіе опыты" (Essais de critique et d'histoire (въ 12-ю д. л., Плонъ) Альберта Сореля также посвящены изученію XVIII и XIX вѣковъ. Это отдѣльныя статьи, помѣщенныя въ журналахъ, по поводу нѣкоторыхъ важныхъ историческихъ сочиненій новаго времени. Упомяну слѣдующіе этюды, наиболѣе любопытные: „Людовикъ XV и Русская императрица Елизавета", „Талейранъ и Метернихъ по ихъ мемуарамъ". Весьма важное сочиненіе, касающееся притомъ малоизвѣстной эпохи нашей исторіи, есть книга Деларка: „Норманны въ Италіи со времени ихъ первыхъ набѣговъ до избранія на папство Григорія VII" (Les Normands en Italie, depuis leurs premières invasions jusqu'à l'avénement de Grégoire VII. Въ 8-ку.

Леру). Авторъ этого сочиненія—священникъ Парижской епархіи. Этотъ весьма почтенный трудъ долженъ имѣть въ глазахъ русскаго читателя особый интересъ. Не было еще до сихъ поръ столь полнаго сочиненія, посвященнаго этому любопытному историческому эпизоду. Во Франціи и въ Англіи давно уже выяснена исторія завоеванія Англіи Норманнами. Ог. Тьерри, Пельгревъ, Фриманъ писали объ этомъ предметѣ, но ни во Франціи, ни въ Италіи никто не изучалъ серьезно завоеванія Норманнами Апуліи. Деларку хорошо извѣстна историческая литература; онъ изучилъ не только всѣхъ прежнихъ историковъ, но и подлинные документы всѣхъ странъ, заинтересованныхъ исторіей Норманновъ. Онъ затрогиваетъ прежде всего вопросъ о скандинавскомъ происхожденіи завоевателей и пользуется мѣстными историками; какъ духовному лицу ему хорошо извѣстны вопросы религіозные, и не менѣе того извѣстны ему и вопросы искусства, имѣющіе важное значеніе въ исторіи того времени. Хорошо знаетъ онъ и легендарную литературу. Вотъ, напримѣръ, любопытный фактъ, до сихъ поръ не замѣченный: одна изъ самыхъ знаменитыхъ святынь Нормандіи, монастырь св. Михаила, построенный на морѣ напротивъ Авранша, какъ оказывается, былъ сооруженъ въ память такого же монастыря, существовавшаго въ Италіи на горѣ Гаргано; Норманны, отправлявшіеся на богомолье въ свой монастырь св. Михаила, сдѣлали привычку посѣщать также и италіанскій монастырь св. Михаила. Первый томъ сочиненія Деларка начинается 850 годомъ и оканчивается 1073 г. Надо надѣяться, что Деларкъ издастъ вскорѣ второй томъ. Весьма вѣроятно, что этому замѣчательному труду присудятъ одну изъ наградъ Академіи надписей и изящной словесности.

Два года тому назадъ была основана во Французской коллегіи каѳедра кельтскихъ нарѣчій и кельтской литературы. Профессоромъ на нее былъ назначенъ весьма почтенный ученый Арбуа де-Жюбенвиль. Жюбенвиль особенно старательно изучалъ древнюю литературу Ирландіи, памятники которой были до сихъ поръ намъ мало извѣстны. Онъ издалъ обзоръ читаннаго имъ въ первые два года курса: это весьма важный трудъ, озаглавленный: „Введеніе къ изученію кельтской литературы" (Introduction à l'étude de la litterature celtique. (въ 8-ку, Торенъ). Жюбенвиль старался освѣтить древнюю исторію Галловъ въ особенности чрезъ сближеніе ихъ съ соплеменными имъ Ирландцами; въ этотъ первый томъ онъ внесъ результаты долгихъ и кропотливыхъ изысканій. Ирландскіе тексты также трудно перево-

димы, какъ и клинообразные. За неимѣніемъ хорошихъ словарей переводчикъ долженъ самъ составлять ихъ. Книга его содержитъ въ себѣ важныя свѣдѣнія о бардахъ, друидахъ и вѣщунахъ кельтской древности. Въ этихъ трехъ статьяхъ авторъ даетъ совершенно новыя и любопытнѣйшія свѣдѣнія о кельтскихъ учрежденіяхъ и обществѣ. Конечно, эта книга составитъ эпоху въ изслѣдованіи кельтской народности, тѣмъ болѣе, что издаваемый Гейдозомъ журналъ (Revue Celtique) далъ уже сильный толчекъ этого рода научнымъ работамъ. До сихъ поръ свидѣтельства греческой и римской древности о Галлахъ считались единственнымъ источникомъ по этому предмету. Изысканія Жюбенвиля указали на новый рядъ источниковъ, на тексты, остававшіеся до сихъ поръ неизвѣстными, вслѣдствіе чего является возможность и изъ писателей классической древности извлечь новыя свѣдѣнія. Ученый Альфредъ Мори, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Академіи, отнесся съ самою лестною похвалой о книгѣ Жюбенвиля.

За послѣднее время наши журналы напечатали много любопытныхъ путешествій; въ Revue des deux mondes Шарль Ленорманъ помѣстилъ рядъ статей о поѣздкахъ своихъ въ южную Италію, гдѣ онъ открылъ истинную terra incognita, почти неизвѣстную самимъ Италіанцамъ и весьма богатую памятниками греческаго, римскаго и норманнскаго періода. Въ томъ же журналѣ почтенный археологъ Сентъ-Амуръ напечаталъ описаніе своего путешествія въ Боснію и Герцеговину въ 1879 г. Въ Nouvelle Revue Лежеръ описалъ свое путешествіе въ Сербію, Болгарію и Румелію, а въ Bibliothèque Universelle des Voyages—путешествіе къ Словинцамъ и Хорватамъ. Всѣ эти сочиненія появятся въ будущемъ году въ отдѣльныхъ изданіяхъ, и я дамъ вамъ о нихъ подробный отчетъ. Пока упомяну, какъ объ особенно любопытномъ, о сочиненіи Котто: „Изъ Парижа въ Японію черезъ Сибирь“ (De Paris au Japon à travers la Sibérie). Въ 1881 г., по совѣту одного изъ русскихъ консуловъ въ Китаѣ, г. Скачкова, Котто предпринялъ путешествіе изъ Парижа въ Наугасаки черезъ Владивостокъ. Онъ совершилъ его въ три мѣсяца, проѣхавъ черезъ Варшаву, Петербургъ, Рыбинскъ, Казань, Тобольскъ, Томскъ, Иркутскъ и Читу. Переѣздъ этотъ представлялъ ему значительныя затрудненія вслѣдствіе незнанія имъ русскаго языка, но благодаря предупредительности русскихъ властей ему удалось преодолѣть всѣ препятствія. По пути онъ дѣлалъ нѣкоторыя наблюденія, и въ нихъ виденъ путешественникъ дѣльный и смышленный. Путешествіе Котто

снабжено гравюрами и картами и появилось въ изящномъ изданіи книгопродавца Гашета (въ 16-ю д. л.).

Нѣкоторые изъ вашихъ читателей, конечно, уже замѣтили въ Revue des deux Mondes послѣднихъ лѣтъ отрывки изъ литературныхъ воспоминаній члена Французской академіи М. Дюкана. Дюканъ—наблюдатель проницательный и остроумный; онъ имѣлъ сношенія съ большею частію выдающихся людей нашего времени. Изданныя теперь отдѣльно, эти воспоминанія (Souvenirs litteraires, 2 тома въ 8-ку, Гашетъ) составляютъ весьма занимательную книгу. Она начинается разказами о ранней молодости автора и даетъ любопытныя подробности о жизни воспитанниковъ нашихъ закрытыхъ заведеній пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; далѣе идетъ повѣствованіе о періодѣ романтизма, о романистѣ Флоберѣ, о революціи 1848 г., о путешествіи автора въ Сирію и въ Грецію, о литературѣ второй имперіи, о Гарибальди, котораго авторъ зналъ лично, о Жоржъ Сандъ и т. д. Все это написано умно и чистосердечно. Я не знаю лучшей книги для лицъ, желающихъ имѣть вѣрное понятіе объ умственной жизни Франціи за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ. Конечно, авторъ говоритъ не обо всемъ нашемъ умственномъ движеніи, а только о хорошо ему извѣстныхъ явленіяхъ; но онъ былъ свидѣтелемъ многаго, и его очень пріятно послушать.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ преподаваніе политической экономіи сдѣлало во Франціи большіе успѣхи. Оно введено теперь даже въ классическихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Между тѣмъ хорошихъ руководствъ по политической экономіи до сей поры не было. Этотъ недостатокъ восполненъ двумя хорошими трудами. Профессоръ Льежскаго университета Эмиль де-Лавеле издалъ въ свѣтъ „Основныя начала политической экономіи" (Les élements d'économie politique), а профессоръ исторіи въ Парижѣ Левассеръ напечаталъ „Руководство къ политической экономіи" (Manuel d'économie politique, въ 12-ю д. л. Гашеттъ). Эта послѣдняя книга приноровлена къ оффиціальнымъ программамъ нашего средняго реальнаго и промышленнаго образованія. Полная компетентность обоихъ авторовъ увольняетъ меня отъ необходимости хвалить ихъ сочиненія: оба они несомнѣнно будутъ переведены на многіе языки.

Л. Л—ръ.

О СИНТАГМАХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ КОМЕДІИ [1]).

17.

Читателю помнится, что мы нашли въ полной синтагмѣ (σύνταγμα τέλειον) слѣдующія одиннадцать частей:

1. Προσύνταγμα
2. Στροφή [и μεσῳδικὰ τετράμετρα]
3. Δίστιχον κατακελευστικόν
4. Σύνταγμα
5. Σύστημα, или ὑπέρμετρον, или πνῖγος
6. Ἀντίστροφος [и μεσῳδικὰ τετράμετρα]
7. Δίστιχον ἀντικατακελευστικόν
8. Ἀντισύνταγμα
9. Ἀντισύστημα (ἀνθυπέρμετρον, ἀντίπνιγος)
10. [Τετράστιχον τελεοσυνταγματικόν]
11. [Ἐπισυντάγμιον].

Изъ этихъ частей заключенныя въ скобки мы можемъ назвать случайными, остальныя же—существенными частями синтагмы. Порядокъ требуетъ, чтобы при разборѣ отдѣльныхъ частей синтагмы мы начали съ первой; поэтому настоящую главу мы посвятимъ просинтагмѣ.

Мы уже сказали, что просинтагма по содержанію своему служитъ, такъ сказать, введеніемъ въ синтагму. Въ этомъ заключается ея поэтическая необходимость.

Въ „Осахъ“, „Птицахъ“, „Рыцаряхъ“ [1 и 2], „Экклезіазузахъ“ и „Облакахъ“ [2] оба противника, дѣйствующіе въ синтагмѣ, извѣстны

---

[1]) *Продолженіе*. См. апрѣльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

зрителямъ съ самого начала комедіи; напротивъ, въ „Лизистратѣ", „Богатствѣ" и „Ахарнянахъ" одинъ изъ нихъ (пробулъ, Бѣдность, Ламахъ), а въ „Облакахъ" и „Лягушкахъ" даже оба выступаютъ впервые въ синтагмѣ. Если поэтъ хотѣлъ, чтобы публика съ полнымъ пониманіемъ относилась къ этой важнѣйшей части его комедіи, то онъ непремѣнно долженъ былъ сначала представить неизвѣстныя ей еще дѣйствующія лица; что̀ и было первою задачею просинтагмы.

Вторая обусловливалась историческимъ развитіемъ синтагмы. Подробное изложеніе этого послѣдняго предмета выходитъ изъ предѣловъ нашего изслѣдованія; поэтому здѣсь ограничимся указаніемъ на самые выдающіеся его пункты, на сколько это будетъ необходимо для разъясненія занимающаго насъ теперь вопроса.

Происхожденіемъ греческой комедіи изъ простонародныхъ импровизацій обусловливается грубый характеръ перваго ея періода. Извѣстно, что ссоры и драка и по сіе время составляютъ любимую тему народныхъ представленій во всей Европѣ (ср. Петрушку, Kasperle, Pulcinella и т. п.). Иначе не могло быть и въ Греціи; содержаніемъ древнейшей части комическаго діалога, синтагмы, была ссора, осмѣяніе враждебныхъ поэтамъ людей; въ этомъ и заключалась ἰαμβικὴ ἰδέα древней комедіи. Что логика при этомъ не играла первой роли, разумѣется само собою. Первая синтагма въ „Рыцаряхъ" даетъ намъ смутное представленіе о характерѣ древнѣйшихъ синтагмъ; читатель помнитъ, что тамъ противники бранятъ другъ друга на чемъ свѣтъ стоитъ; подъ конецъ синтагмы перебранка переходитъ въ самую обыкновенную ругань и заключается настоящею дракою. По этому образчику читатель сумѣетъ вообразить себѣ составъ нашей синтагмы двумя столѣтіями раньше, когда сценою былъ сельскій рынокъ, а актерами и публикою—крестьяне.

Когда же комедія стала, такъ-сказать, салонною и появилась на городскомъ театрѣ Діониса, нужно было сдѣлать ее приличнѣе. Площадная брань не могла болѣе нравиться публикѣ, знающей Гомера почти что наизусть и любовавшейся грандіозными твореніями Фриниха и Эсхила. Но тутъ опять явилась помѣхою извѣстная намъ консервативность аѳинской публики въ отношеніи къ искусству. Реформы не были въ ея вкусѣ; преданіе облагораживало самыя грубыя черты общественной жизни. Ни одинъ отецъ не считалъ неприличнымъ, чтобъ его дочери участвовали въ фаллофорическихъ шествіяхъ и слушали фаллическіе распѣвы; надобно полагать, что и сами дѣвушки не видѣли въ этомъ ничего дурнаго. Точно также и здѣсь.

Поэтъ и думать не могъ объ изгнаніи освященныхъ традиціей перебранокъ изъ комедіи; если онъ преслѣдовалъ, подобно Аристофану, возвышенныя цѣли и желалъ, чтобъ его синтагмы дѣйствовали въ нравственномъ или политическомъ отношеніи на публику, то ему оставалось одно только средство—изгнать перебранку изъ самой синтагмы и посвятить ей непосредственно предшествующую часть діалога, то-есть, просинтагму.

И такъ, удовлетвореніе жаждущаго брани большинства—ὀλίγον τὸ χρηστόν, ὥςπερ ἐνθάδε—іонійской публики было второю, и быть можетъ, главною задачею просинтагмы. Но кромѣ того, она имѣла третью.

Значеніе, пріобрѣтенное синтагмой въ Аристофановы времена, требовало нѣкоторой торжественности въ обстановкѣ, которая приводила бы впечатлительные умы зрителей въ надлежащее настроеніе. Конечно, это требованіе не обязательно, и нельзя удивляться, что нѣкоторыя синтагмы— въ родѣ „Рыцарей"[1] — вовсе не соотвѣтствуютъ ему. Однѣ синтагмы съ возвышенною нравственною тенденціей возбуждаютъ въ насъ ожиданіе чего-нибудь необыкновеннаго; поэтъ въ знакъ того, что и онъ намѣренъ удовлетворить наши ожиданія, заставляетъ противниковъ исполнить нѣкоторые обряды до приступленія къ самому спору. Объ этихъ обрядахъ мы уже говорили. Прежде всего надобно было условиться о самой темѣ спора, затѣмъ выбрать судью, сговориться о наказаніи для побѣжденнаго, обезпечить съ обѣихъ сторонъ исполненіе приговора; иногда къ этимъ формальностямъ присоединялась и молитва съ обычными σπονδαί.

Слѣдовательно, полная просинтагма имѣла тройное содержаніе: 1) представленіе публикѣ неизвѣстныхъ ей лицъ, 2) перебранка между противниками, и 3) приступительные обряды.

На основаніи этихъ трехъ примѣтъ мы можемъ попытаться, не удастся ли намъ опредѣлить просинтагмы къ каждой изъ исчисленныхъ синтагмъ. Мы будемъ при этомъ соблюдать установленный нами порядокъ.

№ 1. „Осы". Дѣйствующія лица—Клеонославъ и Клеопохулъ—извѣстны публикѣ съ самаго начала драмы; поэтому представлять ихъ не было надобности. Перебранка въ этой комедіи — одной изъ самыхъ степенныхъ во всемъ Аристофанѣ — также возможна только въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Что касается приступительныхъ обрядовъ, то они свершаются въ означенномъ порядкѣ. О предметѣ

спора говорится въ ст. 512—520 [1]); вслѣдъ затѣмъ оба противника избираютъ хоръ судьею (521), и Клеонославъ клянется, что будетъ повиноваться его приговору (ст. 524 сл.).

№ 2. „Лизистрата". Изъ дѣйствующихъ въ синтагмѣ лицъ пробулъ публикѣ неизвѣстенъ; поэтому первая половина просинтагмы имѣетъ задачею представленіе его. Онъ произноситъ длинную рѣчь, въ которой, между прочимъ, объявляетъ публикѣ, какую занимаетъ онъ должность (ст. 42: ὅτε γ' ὢν ἐγὼ πρόβουλος). Вторая половина (ст. 424—466) посвящена всецѣло перебранкѣ и дракѣ между пробуломъ, и Скиѳами, съ одной стороны, Лизистратой и женщинами—съ другой. Особенные обряды въ этой просинтагмѣ не соблюдаются, что̀ и соотвѣтствуетъ характеру ея.

№ 3. „Птицы". Просинтагма отчасти совпадаетъ съ пародомъ; маленькая сцена, ст. 435—450, изъ трехъ законныхъ частей просинтагмы содержитъ въ себѣ только третью, то-есть, договоры. Противникомъ Питетера здѣсь является хоръ; послѣ заступительства пустошки онъ соглашается на то, чтобы Питетеръ изложилъ ему свою идею; между обѣими сторонами заключается миръ, хоръ изъ противника дѣлается судьею и клянется своею желанною побѣдою, что не нарушитъ договора.

№ 4. „Облака"[1]. Просинтагма (ст. 889—948) содержитъ въ себѣ всѣ три каноническія части. Въ первой (ст. 889—896) противники, Правда и Кривда, представляются публикѣ (δεῖξον σαυτὸν τοῖσι θεαταῖς) и называютъ другъ друга по имени (ст. 893 сл.):

Правда.
ἀπολεῖς σύ; τίς ὤν;
Кривда.
Λόγος.
Правда.
ἥττων γ' ὤν.
Кривда.
ἀλλά σε νικῶ, τὸν ἐμοῦ κρείττω
φάσκοντ' εἶναι

Во второй они перебраниваются до того рѣзко, что ихъ ссора грозитъ перейдти въ драку (ст. 933 κλαύσει), такъ что хоръ считаетъ нужнымъ вмѣшаться. По его совѣту μάχη и λοιδορία кончаются; противники соглашаются славить одинъ—древнее воспитаніе, другой—но-

---

[1]) ἐξαμαρτάνεις δικάζων.

вое и избрать Фидиппида судьею; рѣшаютъ наконецъ дать первое слово Правдѣ. Этимъ просинтагма кончается.

№ 5. „Лягушки". Противники являются на сцену въ полномъ разгарѣ ссоры. Вакхъ называетъ одного изъ нихъ по имени (ст. 832) и дѣлаетъ такимъ образомъ обоихъ извѣстными публикѣ. Со ст. 840 Эсхилъ, вышедши изъ терпѣнія, отвѣчаетъ на обидныя слова Еврипида, и начинается перебранка, которую Вакху съ трудомъ удается усмирить. По его просьбѣ Еврипидъ, а затѣмъ и Эсхилъ, соглашаются на настоящій споръ (ст. 851—870). Вакхъ молится Музамъ, ἀγῶνα κρῖναι τόνδε μουσικώτατα; хоръ сопровождаетъ его молитву пѣснею. За Вакхомъ и Эсхилъ молится Церерѣ, какъ главной богинѣ мистическаго торжества; наконецъ, и Еврипидъ обращается къ своимъ собственнымъ божествамъ, Эфиру, Разуму и т. д.

№ 6. „Рыцари"[2]. Бо̀льшую часть просинтагмы (ст. 691—755), согласно съ характеромъ самой піесы, занимаетъ перебранка между Агоракритомъ и Клеономъ. Только съ выходомъ Дема дѣло нѣсколько улаживается. Оба противника выбираютъ его судьею, а мѣстомъ суда Пниксъ, къ великому отчаянію Агоракрита. Объ остальныхъ условіяхъ спора не говорится; само собою разумѣется, что побѣжденный— погибшій человѣкъ.

№ 7. „Экклезіазузы". Такъ какъ оба противника (Блепиръ и Праксагора) уже знакомы публикѣ, то просинтагма начинается съ маленькой ссоры, которая, впрочемъ, нисколько не похожа на прочія ссоры просинтагмъ. Блепиръ выражаетъ возвратившейся женѣ свое удивленіе по поводу ея внезапной отлучки и ея страннаго костюма; жена на подозрительные вопросы отвѣчаетъ очень шаловливо и мило. Этотъ діалогъ между мужемъ и женою — истинная жемчужина комической поэзіи; отъ него такъ и вѣетъ новымъ духомъ Менандровой комедіи. Вступительные обряды тоже сокращены до нельзя все ограничивается обѣщаніемъ Праксагоры объяснить мужу, что городъ подъ владычествомъ женщинъ будетъ процвѣтать.

№ 8. „Богатство". Тутъ просинтагма уже болѣе смахиваетъ на древній стиль; она содержитъ въ себѣ сполна всѣ три части. Въ первой (ст. 415—438) Бѣдность представляется обоимъ друзьямъ, а вмѣстѣ съ ними и публикѣ. Затѣмъ Блепсидемъ оправляется отъ страха, а храбрый другъ его Хремилъ между тѣмъ перебранивается съ Бѣдностью; наконецъ (ст. 467—486), онъ, по увѣщанію этой послѣдней, соглашается вступить съ нею въ споръ; наказаніемъ для побѣжденнаго опредѣляются „двадцать смертей".

№ 9. „Облака"[2]. Просинтагма имѣетъ только двѣ части, такъ какъ дѣйствующія въ ней лица—Стрепсіадъ и Фидиппидъ—уже знакомы публикѣ. Стрепсіадъ съ крикомъ выбѣгаетъ изъ дому, а вслѣдъ за нимъ и Фидиппидъ. Оказывается, что этотъ послѣдній ударилъ своего отца. Стрепсіадъ въ отчаяніи; на его бранныя слова Фидиппидъ отвѣчаетъ очень хладнокровно. Затѣмъ онъ предлагаетъ отцу выслушать его и обѣщаетъ доказать, что имѣетъ полное право бить отца, когда ему это заблагоразсудится. Отецъ соглашается, и хоръ даетъ знакъ къ начатію спора.

№ 10. „Рыцари"[1], ст. 273—302. Просинтагма содержитъ въ себѣ весьма энергическую перебранку между Клеономъ и Агоракритомъ; въ ней мы замѣчаемъ рѣдкое у Аристофана явленіе стихомитіи [1]).

№ 11. „Ахарняне". Мы уже замѣтили въ 9-й главѣ, что въ ст. 572—592 мы имѣемъ остатокъ просинтагмы, служившей введеніемъ въ устраненную самимъ поэтомъ синтагму драмы. Изъ трехъ каноническихъ частей просинтагмы тутъ уцѣлѣли всего двѣ — представленіе Ламаха публикѣ (ст. 573—578) и перебранка между нимъ и Дикэополемъ (стр. 579—592). Третья не могла остаться въ измѣненной драмѣ, будучи слишкомъ тѣсно связана съ самою синтагмою; вслѣдствіе того она была замѣнена ст. 594—619, такъ странно отличающимися отъ остальнаго содержанія драмы.

И такъ, относительно содержанія ни одна просинтагма не составляетъ исключенія изъ общаго правила; всѣ онѣ походятъ одна на другую, и мы вполнѣ справедливо назвали этотъ родъ сценъ канонической частью синтагмы.

Спрашивается теперь: не представляетъ ли форма просинтагмъ какихъ-либо особенностей, и не подчиняется ли она какимъ-либо не замѣченнымъ еще законамъ?

Исчислимъ сначала размѣры, которые Аристофанъ употреблялъ въ своихъ просинтагмахъ.

№ 1. „Осы", 503—525, трохаическіе тетраметры.

№ 2. „Лизистрата", 387—466, ямбическіе триметры.

№ 3. „Птицы", 435—450, ямбическіе триметры.

№ 4. „Облака", 889—940, анапестическіе диметры.

№ 5. „Лягушки", 830—894, ямбическіе триметры (875—884—дактилическая пѣсня хора).

№ 6. „Рыцари", 691—755, ямбическіе триметры.

---

[1]) См. Fr. Witten, Qua arte Aristophanes diverbia composuerit, стр. 7.

№ 7. „Экклезіазузы“, 520—570, ямбическіе триметры.

№ 8. „Богатство“, 415—486, ямбическіе триметры.

№ 9. „Облака“, 1321—1344, ямбическіе триметры.

№ 10. „Рыцари“, 273—283, трохаическіе тетраметры; 284—303, трохаическіе диметры.

№ 11 „Ахарняне“, 572—592, ямбическіе триметры.

Мы видимъ, что въ большей части случаевъ Аристофанъ пользовался ямбическимъ триметромъ, то-есть, обыкновеннымъ діалогическимъ размѣромъ; изъ одиннадцати просинтагмъ восемь написаны этими стихами. Мы могли бы вывести изъ этого главный законъ составленія просинтагмъ: но въ такомъ случаѣ, какъ объяснить три исключенія изъ этого закона—трохаическіе тетраметры въ просинтагмахъ „Осъ“ и „Рыцарей“ и анапестическіе диметры въ просинтагмѣ „Облаковъ“?

Если мы обратимъ вниманіе на размѣры непосредственно предшествующіе просинтагмамъ и слѣдующіе за ними, то мы увидимъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда просинтагма написана ямбическими триметрами, она представляетъ собою полную сцену, то-есть, ей предшествуетъ и за ней слѣдуетъ непосредственно аллеометрическая пѣсня хора. Между тѣмъ просинтагма „Осъ“ и первая „Рыцарей“ составляютъ съ предшествующими сценами—пародами—одно цѣлое. Въ „Осахъ“ мы начали просинтагму со ст. 503, такъ какъ только съ этого стиха содержаніе сцены соотвѣтствуетъ содержанію остальныхъ просинтагмъ; но трохаическіе тетраметры идутъ уже со ст. 403, перемѣшанные съ болѣе или менѣе короткими комическими пѣснями хора, такъ что тутъ просинтагма въ сценическомъ отношеніи составляетъ существенную часть самого парода [1]). То же мы можемъ сказать и относительно просинтагмы „Рыцарей“. Мы начали ее со ст. 278; а между тѣмъ трохаическіе тетраметры идутъ непрерывно уже со ст. 242, и тутъ уже никто не сомнѣвается, что эти стихи—пародъ комедіи.

Въ „Рыцаряхъ“, сверхъ того, трохаическая просинтагма оканчивается трохаическою системою. Это явленіе мы часто встрѣчаемъ въ трохаическихъ пародахъ (см. „Миръ“, ст. 339—345, 571—581; „Птицы“, ст. 387—399) [2]), весьма рѣдко въ другихъ сценахъ (разъ въ синтагмоподобной сценѣ изъ „Мира“, ст. 651—656, разъ въ эпирремахъ, „Миръ“, 1156—1158=1188—1190; вообще комедія

[1]) Это наше личное мнѣніе, о чемъ см. ниже.

[2]) См. Westphal, Metrik, II, стр. 153.

„Миръ"—настоящее unicum въ отношеніи къ трохаическимъ системамъ).

И такъ, къ нашему закону мы можемъ прибавить слѣдующее дополненіе: если просинтагма сценически составляетъ часть парода, то она написана размѣромъ этого послѣдняго.

По этимъ не объясняется употребленіе анапестическихъ диметровъ въ просинтагмѣ „Облаковъ". Оно загадочно не для однихъ насъ; уже Вестфаль [1]) замѣтилъ это странное явленіе и не могъ его объяснить иначе, какъ діаскевазой цѣлой комедіи. Но мы открыто сознаемся, что дѣло для насъ послѣ того не становится яснѣе. Какъ бы мы ни представляли себѣ непосредственно предыдущую сцену, написанная анапестами просинтагма все-таки остается аномаліей.

Мы не имѣемъ намѣренія производить изслѣдованія о происхожденіи и первоначальной формѣ просинтагмы; это увлекло бы насъ за предѣлы нашей задачи. Но не можемъ не коснуться этого вопроса, такъ какъ отъ него зависитъ объясненіе подлежащаго нашему разсмотрѣнію явленія.

Всѣмъ извѣстно, что ямбическій триметръ, какъ діалогическій размѣръ,—сравнительно поздняго происхожденія [2]). Ясно поэтому, что въ комедіяхъ до-Кратиновыхъ временъ просинтагма была написана другимъ размѣромъ.

Спрашивается: какимъ именно? Вѣроятнѣе всего на первый взглядъ, что этимъ размѣромъ былъ трохаическій тетраметръ; это мы можемъ заключить нѣкоторымъ образомъ изъ приведенныхъ въ примѣчаніи словъ Аристотеля, да къ тому же обѣ трохаическія просинтагмы Аристофана подтверждаютъ это предположеніе. Конечно, и мы не отрицаемъ на отрѣзъ возможности этого послѣдняго; но нельзя забывать, что въ трохаическихъ просинтагмахъ Аристофана размѣръ объясняется совпаденіемъ ихъ съ піародомъ, такъ что онѣ ничего не доказываютъ. По нашему, употребленіе анапестовъ въ просинтагмѣ „Облаковъ" нельзя объяснить иначе, какъ предположеніемъ, что Аристофанъ при этомъ слѣдовалъ старому, вышедшему изъ моды обычаю.

Если объяснить это явленіе такимъ образомъ, то оно не только

---

[1]) Metrik III, стр. 110.

[2]) Aristot. de art. poet. c. IV: τό τε μέτρον ἐκ τετραμέτρου (подр. τροχαϊκοῦ) ἰαμβεῖον ἐγένετο· τὸ μὲν γὰρ πρῶτον τετραμέτρῳ ἐχρῶντο διὰ τὸ σατυρικὴν καὶ ὀρχηστικωτέραν εἶναι τὴν ποίησιν.

не покажется страннымъ, но и найдетъ себѣ весьма вѣскую аналогію въ другой, столь же древней, столь же важной части древней комедіи—парабазѣ. Дѣствительно, комматіонъ, написанный анапестическими диметрами, относится къ парабазѣ въ ближайшемъ значеніи слова точно также, какъ анапестическая просинтагма къ синтагмѣ; далѣе, парабаза относится къ пнигосу также, какъ синтагма къ системѣ. Слѣдующая таблица убѣдитъ читатели въ справедливости нашего положенія:

Синтагма.		Парабаза.
1. Просинтагма		1. Комматіонъ
	анапестическіе диметры.	
2. Ода		4. Ода
	лирическіе размѣры	
3. Синтагма		2. Парабаза
	анапестическіе тетраметры.	
4. Система		3. Пнигосъ.
	анапестическіе диметры	
5. Антода.		6. Антода
	лирическіе размѣры.	
6. Антисинтагма.		
7. Антисистема.		
		5. Эпиррема.
		7. Антепиррема.

Ограничиваемся здѣсь только указаніемъ па это совпаденіе: подобное развитіе этой мысли завело бы насъ слишкомъ далеко.

18.

Слѣдуя предположенному нами порядку обращаемся теперь къ разбору находящихся въ синтагмахъ лирическихъ строфъ. Читатель, конечно, не ожидаетъ отъ насъ подробнаго изложенія метрическаго состава этихъ послѣднихъ. Мы нисколько не желаемъ, чтобы наша работа имѣла характеръ метрическихъ изслѣдованій; поэтому метрическихъ вопросовъ мы касаемся только въ тѣхъ случаяхъ, когда обсужденіе ихъ можетъ дать болѣе или менѣе важные результаты литературнаго свойства.

Ключи для метрическаго чтенія синтагмическихъ строфъ, какъ и вообще лирическихъ частей Аристофановыхъ комедій, читатель найдетъ, кромѣ извѣстныхъ изданій этихъ послѣднихъ, въ приложеніи къ книгѣ Г. Шмидта: „Antike Compositionslehre“. Мы во многомъ не

согласны съ этимъ ученымъ, но считаемъ долгомъ указать на его самостоятельный и чрезвычайно интересный трудъ.

Для насъ вопросъ заключается только въ слѣдующемъ: имѣютъ ли синтагмическія строфы нѣкоторыя особенности, выдѣляющія ихъ изъ числа прочихъ строфъ комедій?

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, и отвѣтить положительно, надобно принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство:

Давно уже прошло, и надѣемся, безвозвратно то время, когда толкователи лирическихъ поэтовъ считали возможнымъ разлагать разноразмѣрныя строфы на безсвязныя двух- трех- или четырехсложныя моноподіи и диподіи, слѣдуя переданнымъ древними метриками схемамъ. Г. Германъ, Бэкъ (Böckh) и главнымъ образомъ Вестфаль дали возможность устранить это воззрѣніе, дѣлавшее изъ прекрасныхъ лирическихъ строфъ безпорядочный наборъ лишенныхъ смысла размѣровъ и стиховъ. Теперь уже рѣдко кто сомнѣвается въ главномъ догматѣ Вестфалева ученія, что внутри того же періода связывающимъ элементомъ между различными размѣрами было единство такта.

Чтобы доказать эмпирическую возможность этой аксіомы, непризнаніе которой равняется отрицанію древней музыки вообще,—Вестфаль (а отчасти еще и Бэкъ) опирается на слѣдующихъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ сочиненій древнихъ ритмиковъ: знаки — и ⏑, хотя и соотвѣтствуютъ большею частью нашимъ нотамъ ♩ и ♪, однако имѣютъ иногда и иное значеніе. Знакъ, можетъ быть, нѣсколько короче ноты ♩; въ этомъ случаѣ онъ равняется приблизительно нашей нотѣ ♪.; иногда же онъ бываетъ въ полтора (χρόνος τρίσημος ⌞⌟) или даже въ два раза (χρ. τετράσημος ⊔) дольше нашей ♩ и равняется такимъ образомъ нотамъ ♩. и 𝅗𝅥. Точно также и знакъ ⏑ можетъ быть короче ноты ♪ и равняется нотѣ 𝅘𝅥𝅯. Отсюда ясно, что, напримѣръ, дактиль посреди трохеевъ не нарушаетъ такта $^{3}/_{4}$; дѣйствительно, въ этомъ случаѣ слѣдуетъ произносить его не ♩♪♪ $=^{2}/_{4}$, а ♪. 𝅘𝅥𝅯♪ $=^{3}/_{8}$. Точно также и трохей среди дактилей не нарушаетъ такта $^{2}/_{4}$, такъ какъ онъ въ такомъ случаѣ равняется не ♩♪ $=^{3}/_{8}$, а

♪. ♪ (или ♫) = ³/₈. Вопросъ же, принадлежитъ ли данный періодъ къ трохаическому или дактилическому такту, рѣшается преобладаніемъ въ немъ того или другаго размѣра.

И такъ, связующимъ элементомъ въ разноразмѣрномъ періодѣ является тактъ (γένος). Тактовъ же у Грековъ—если исключить выдуманное грамматиками γένος ἐπίτριτον—было три, равно какъ у насъ, а именно:

A	B		C	
γένος ἴσον	γένος διπλάσιον		γένος ἡμιόλιον	
$= \frac{2}{4}$	$= \frac{6}{8}$	$= \frac{3}{4}$	$\frac{5}{8}$	$\frac{5}{8}$
	дитрохей	іоникъ	пэонъ	бакхій
дактиль (—⏑⏑)	(—⏑—⏑)	(⏑⏑——)	—⏑—	— — ⏑
	діямбъ	(——⏑⏑)	⏑⏑⏑—	⏑ — —
анапест. (⏑⏑—)	(⏑—⏑—)	хоріямбъ	—⏑⏑⏑	⏑⏑⏑—
спондей (— —)	[киклическ. дакт. (—⏑⏑ = ♪. ♪♪)	(—⏑⏑—)		⏑ — ⏑⏑
				⏑⏑ — ⏑
				⏑⏑——
				⏑⏑⏑⏑⏑
[трохей (—⏑ = ♪. ♪)	киклическій анап. (⏑⏑— = ♪♪♪.)]			
ямбъ (⏑— = ♪♪.)]				

Переходъ изъ одного такта въ другой (μεταβολὴ τοῦ γένους), какъ мы уже сказали, внутри одного и того же періода не возможенъ; но случается нерѣдко, что въ одной и той же строфѣ одинъ періодъ написанъ однимъ, а другой — другимъ тактомъ; это явленіе мы замѣчаемъ и въ современной музыкѣ. Отъ этой перемѣны такта надобно однако различать перемѣну ритма (μεταβολὴ τοῦ ῥυθμοῦ), возможную и внутри одного періода. Всѣмъ извѣстенъ стихъ:

—⏑⏑— | —⏑—⏑ || —⏑⏑— | —⏑—⏑

Общій этимъ размѣрамъ тактъ ⁶/₈, но ритмъ не одинаковъ. Дѣйствительно, первый и третій тактъ состоялъ изъ трехъ единицъ по ²/₈ каждая (♪♫♪), а второй и четвертый—изъ двухъ по ³/₈ (♫♪ ♫♪).

Теперь возвратимся къ нашимъ строфамъ. Сравнивать ихъ между собою нѣтъ никакой нужды; мы можемъ прямо заявить, что онѣ не имѣютъ ничего общаго между собою. Однѣ имѣютъ μεταβολὴν τοῦ γένους, другія нѣтъ; однѣ написаны однимъ тактомъ, другія—другимъ.

За то гораздо поучительнѣе сравнить синтагмическія строфы съ прочими строфами комедій. Для этой цѣли мы составимъ слѣдующую

таблицу, для пониманія которой мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько объяснительныхъ словъ.

Важнѣе всѣхъ другихъ строфъ, конечно, тѣ, которыя отдѣляютъ ἐπεισόδια комедіи одно отъ другаго и соотвѣтствуютъ такимъ образомъ стазимамъ трагедіи. Но опредѣленіе такихъ строфъ не легко, такъ какъ самое понятіе слова ἐπεισόδιον въ комедіи спорно. Мы слѣдуемъ Вестфалю [1]), съ которымъ въ большей части случаевъ соглашается Агте [2]); Неземанъ [3]) и Кокъ [4])—другаго мнѣнія. Замѣтимъ однако, что наши синтагмическія строфы ни въ какой комедіи не занимаютъ мѣста стазимовъ; мы ихъ поэтому не обозначаемъ цифрою, но помѣщаемъ въ первомъ столбцѣ, вмѣстѣ со стазимами, въ виду ихъ важности для насъ спеціально. Во второмъ столбцѣ мы помѣщаемъ размѣры прочихъ хорическихъ частей комедіи. Арабскія цифры относятся къ періодамъ строфы. Части, написанныя κατὰ στίχον и κατὰ σύστημα, заключены нами въ скобки [ ].

Ахарняне.

I 204 сл. Пародъ:
[τῇδε πᾶς ἕπου, δίωκε—трохеи]
ἐκπέφευγ', οἴχεται — пэоны

282 сл. Коммосъ:
παῖε πᾶς τὸν μιαρόν — пэоны [5])
359 сл.=385 сл. χορικόν:
τί οὖν οὐ λέγεις — дохміи
490 сл.=534 сл. χορικόν
τί δράσεις; τί φήσεις — дохміи

II 626 сл. Парабаза:
['Ανὴρ νικᾷ τοῖσι λόγοισι—анапесты]
δεῦρο Μοῦσ', ἐλθὲ φλεγυρά—пэоны
[οἱ γέροντες οἱ παλαιοί — трохеи]
ταῦτα πῶς εἰκότα — пэоны)
[τῷ γὰρ εἰκὸς ἄνδρα κυφόν — трохеи]

---

[1]) Prolegomena zu Aeschylus Tragoedien von R. Westphal. Leipzig, 1869; стр. 30 сл.

[2]) Die Parabase, стр. 81 сл.

[3]) Nesemann, Die Epeisodien.

[4]) Въ изданіяхъ «Облаковъ», «Рыцарей», «Лягушекъ» и «Птицъ».

[5]) Анапестическія пентаподіи «σὲ μὲν οὖν καταλεύσομεν, ὦ μιαρὰ κεφαλή» и «ἀπολεῖς ἄρ' ὁμήλικα τόνδε φιλανθρακέα», соотвѣтствующія пэоническимъ пентаподіямъ 295 и 342, принадлежатъ также къ пэоническому такту: ◡ ◡ —, или

III 836 сл. Стазимонъ:
[εὐδαιμονεῖ γ' ἄνθρωπος — ямбы]

929 сл.=940 сл. Коммосъ
ἔνδησον ὦ βέλτιστε — ямбы

IV 971 сл. Вторая парабаза:
εἶδες ὦ εἶδες ὦ — пеоны

1009 сл.=1037 сл. Коммосъ
ζηλῶ σε τῆς εὐβουλίας — ямбы

V 1143 сл. Стазимонъ:
[ἴτε δὴ χαίροντες — анапесты]
Ἀντίμαχον τὸν Ψακάδος—1) хоріямбы
2) ямбы

1228 сл. Эксодъ:
[τήνελλα δῆτ' — ямбы].

Рыцари.

I 247 сл. Пародъ:
[παῖε παῖε τὸν πανοῦργον — трохеи]
303 сл.=382 сл. *Синтагма*
ὦ μιαρὲ καὶ βδελυρὲ —
1) пеоны, 2) дактили, 3) трохеи.
II 498 сл. Парабаза.
[ἀλλ' ἴθι χαίρων — анапесты]
[εἰ μέν τις ἀνήρ — анапесты]
ἵππι' ἄναξ — логаэды [1])
[εὐλογῆσαι βουλόμεσθα — трохеи]
ὦ πολιοῦχε — логаэды [1])
[ἃ ξύνισμεν τοῖσιν ἵπποις — трохеи]

616 сл.=683 сл. χορικόν:
νῦν ἄρ' ἄξιον — трохеи

756 сл.=839 сл. *Синтагма*:
νῦν δή σε πάντα δεῖ — ямбы
III 973 сл. Стазимонъ:
ἥδιστον φάος ἡμέρας — логаэды [1])

1111 сл. χορικόν:
ὦ Δῆμε, καλὴν — логаэды [1])

IV 1264 сл. Вторая парабаза:
τί κάλλιον ἀρχομένοισι — трохеи [2])

---

[1]) Логаэды, то-есть, тѣ же трохеи и ямбы, перемѣшанные съ киклическими дактилями и анапестами. Такъ первый стихъ оды слѣдуетъ читать:

— ◡ ◡ | — ◡ | — ◡ | — Λ, или $\frac{6}{8}$

[2]) Начало оды пародируетъ извѣстное дактилическое προσόδιον Пиндара, такъ что въ третьемъ стихѣ мы имѣемъ μεταβολὴν τοῦ γένους. Въ ней заключается отчасти комическій эффектъ оды.

[λοιδορῆσαι τοὺς πονηρούς — трохеи)
ἢ πολλάκις ἐννυχίαισι — трохеи
[φασὶν ἀλλήλαις ξυνελθεῖν — трохеи]

Облака.

I 263 сл. Пародъ:
[εὐφημεῖν χρὴ τὸν πρεσβύτην — анапесты]
Ἀέναοι νεφέλαι — дактили
[ὦ μέγα σεμναὶ νεφέλαι—анапесты]
Παρθένοι ὀμβροφόροι — дактили

457 сл. Коммосъ
Λῆμα μέν — дактили.

II 510 сл. Парабаза:
[ἀλλ' ἴθι χαίρων — анапесты]
[εὐτυχία γένοιτο — гликонеи]
[ὦ θεώμενοι, κατερῶ — эвполидеи]
Ὑψιμέδοντα μέν — логаэды
[ὦ σοφώτατοι θεαταί — трохеи]
Ἀμφί μοι αὖτε — логаэды
[ἡνίχ' ἡμεῖς — трохеи

700 сл.=805 сл. χορικόν:
φρόντιζε δή — логаэды
706 сл. Коммосъ:
ἀτταταῖ, ἀτταταῖ 1) пэоны 2) анапесты

889 сл. *Синтагма*:
[χώρει δευρί — анапесты]
950 сл.=1025 сл.:
Νῦν δείξετον τὼ πισύνω — логаэды
III 1113 сл. Вторая парабаза:
[τοὺς κριτὰς ἃ κερδανοῦσιν—трохеи]
IV 1303 сл. Стазимонъ:
Οἷον τὸ πραγμάτων ἐρᾶν — ямбы
1345 сл.=1391 сл. Вторая *синтагма*
Σὸν ἔργον, ὦ πρεσβῦτα — ямбы
1510 эксодъ:
[ἡγεῖσθ' ἔξω—анапесты]

Осы.

I 230 сл. Пародъ:
[χώρει, πρόβαιν' — ямбы]
Τί ποτ' οὐ πρὸ θυρῶν—1) іоники
2) логаэды 3) трохеи 4) логаэды
5) іоники

291 сл. Коммосъ:
ἐθελήσεις τί μοι οὖν — іоники
324 сл. χορικόν
τοῦτ' ἐτόλμησ' — трохеи
403 сл. χορικόν
εἰπέ μοι, τί μέλλομεν — трохеи

526 сл.=631 сл. *Синтагма*
Νῦν σε τὸν ἐκ — хоріямбы

729 сл. Коммосъ:
πιθοῦ πιθοῦ λόγοισι — ямбы
869 сл. Молитва:
Ὦ Φοῖβ' Ἄπολλον — ямбы

II 1009 сл. Парабаза:
[ἀλλ' ἴτε χαίροντες — анапесты]
Ὦ πάλαι ποτ' — ямбы
[εἴ τις ὑμῶν — трохеи]
Ἆρα δεινὸς ἢ τόθ' — ямбы
[πολλαχοῦ σκοποῦντες — трохеи]
III 1265 сл. Вторая парабаза
Πολλάκις δὴ 'δόξ' — трохеи
[ὦ μακάρι' Αὐτομ. — пэоны]
[εἰσί τινες οἵ μ' ἔλεγον — пэоны]
IV 1450 сл. Стасимонъ:
ζηλῶ γε τῆς εὐτυχίας — хоріямбы

Эксодъ
ἄγ' ὦ μεγαλώνυμα — логаэды.

Миръ.

I 301 сл. Пародъ:
[δεῦρο πᾶς χώρει — трохеи]
Εἰ γὰρ ἐκγένοιτ' — пэоны
Μηδαμῶς ὦ δέσποθ' Ἑρμῆ — пэоны
Χαῖρε, χαῖρ', ὡς ἀσμένοισι — пэоны
II 729 сл. Парабаза
[ἀλλ' ἴθι χαίρων — анапесты]
Μοῦσα, σὺ μὲν πολέμου — логаэды
Τοιάδε χρὴ Χαρίτων — логаэды

841 сл. = 909 сл. Коммосъ
εὐδαιμονικῶς — логаэды
939 сл.=1023 сл. Коммосъ
ὡς πάνθ' ὅσ' ἂν θεός — логаэды

III 1127 сл. Вторая парабаза
Ἥδομαί γ' ἥδομαι — пэоны
[οὐ γάρ ἐσθ' ἥδιον — трохеи]
Ἡνίκ' ἂν δ' ἀχέτας — пэоны
[μᾶλλον ἢ θεοῖσιν — трохеи]

Птицы.

I 310 сл. Пародъ:
[ποποποποποποποποῖ μ' ὅς — трохеи]
Προδεδόμεθ' ἀνόσια — 1) анапесты
2) пэоны 3) анапесты
[ἀλλὰ πρὸς μὲν οὖν — трохеи]
Ἔπαγ', ἔπιθ', ἐπίφερε — 1) анапесты
2) пэоны 3) анапесты
[ἀλλὰ μὴ μέλλωμεν — трохеи]

406 сл. Коммосъ:
ἰὼ ἔποψ, σέ τοι καλῶ — 1) ямбы
2) пэоны

451 сл. *Синтагма*
Δολερὸν μὲν ἀεί — анапесты

629 сл. ἐπαυχήσας — ямбы

II 677 сл. Парабаза
ὦ φίλη, ὦ ξουθή—1) пэоны 2) логаэды
[ἄγε δὴ φύσιν ἄνδρες — анапесты]
Μοῦσα λοχμαία — анапесты
[εἰ μετ' ὀρνίθων τις ὑμῶν — трохеи]
Τοιάδε κύκνοι — анапесты
[οὐδέν ἐστ' ἄμεινον — трохеи]
III 1058 сл. Вторая парабаза:
Ἤδη μοι τῷ παντόπτα, —1) анапесты
2) пэоны 3) анапесты 4) пэоны
[τῇδε μέντοι θἠμέρᾳ — трохеи]
Εὔδαιμον φῦλον πτηνῶν —1) анапесты
2) пэоны 3) анапесты 4) пэоны
[τοῖς κριταῖς εἰπεῖν τι — трохеи]
IV 1313 сл. Стасимонъ:
Ταχὺ δ' ἂν πολυάνορα — анапесты

1470 сл.=1482 сл. χορικόν:
πολλὰ δὴ καὶ καινά — трохеи
1553 сл.=1694 сл. χορικόν:
πρὸς δὲ τοῖς Σκιάποσιν — трохеи
147 сл. Гименей:
ἄναγε δίεχε — 1) трохеи 2) хоріямбы 3) анапесты.

---

¹) Въ анапестическихъ пѣсняхъ этой комедіи часто встрѣчается итифаллическая клаузура, напримѣръ, въ стихѣ:

τά τε νοττία χάμαυτὸν οἰκιῶ σε

◡◡—◡◡— —◡—◡—◡

Лизистрата.

I A. 254 сл. Пародъ стариковъ:
[χώρει, Δράκης, ἡγοῦ — ямбы]
'Αλλ' αὐτὸ γάρ μοι τῆς ὁδοῦ—ямбы
'Ως δεινόν, ὦναξ 'Ηράκλεις — ямбы
[τουτὶ τὸ πῦρ ἐγρήγορεν — ямбы]
B. 319 сл. Пародъ женщинъ:
Λιγνὺν δοκῶ μοι καθορᾶν — хоріямбы

350 сл. 'Αμοιβαῖον:
[ἔασον ὤ· τουτὶ τί ἦν;— ямбы]

476 сл.=541 сл. *Синтагма*
'Ω Ζεῦ, τί ποτε — 1) пэоны 2) анапесты

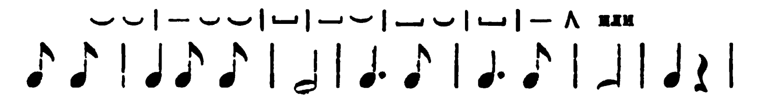
II 614 сл. Парабаза [1]):
Οὐκέτ' ἔργον ἐγκαθεύδειν — трохеи
[δεινὰ γάρ τοι τάσδε — трохеи]
Οὐκ ἄρ' εἰσιόντα σ' οἰκάδ'—трохеи
[ἄρα προὐφείλω — трохеи]
Ταῦτ' οὖν οὐχ ὕβρις — трохеи
[εἰ γὰρ ἐνδώσει — трохеи]
Εἰ νὴ τὼ θεώ — трохеи
[οὐ γὰρ ὑμῶν φροντίσαιμ' — трохеи]
III 781 сл. Стазимонъ
Μῦθον βούλομαι — трохеи

1014 сл. 'Αμοιβαῖον:
[οὐδέν ἐστι θηρίον — трохеи]

IV 1043 сл. Стазимонъ
Οὐ παρασκευζόμεσθα — трохеи

1188 сл. χορικόν:
στρωμάτων δὲ ποκίλων — трохеи.

Въ такихъ случаяхъ всѣ арзисы въ итифалликѣ χρόνοι τρίσημοι, то-есть, трох имѣютъ значеніе дактилей:



Этотъ стихъ имѣетъ метрически большое сходство съ хореическою гексаподіей, которая, по мнѣнію Шмидта (Antike Compositionslehre, стр. 471 сл.), составляетъ тему «Агамемнона».

[1]) Мы называемъ эти двѣ сизигіи парабазою по примѣру Вестфаля (Prolegomena zu Aeschylus Tragoedie, стр. 48), хотя онѣ и не имѣютъ ея характера, вслѣдствіе недостатка анапестовъ и спондическаго элемента въ эпирремахъ.

Тесмофоріазузы.

111 сл. Ἀμοιβαῖον:
Ἱερὰν χθονίαις трохеи и хоріамбы (μεταβολὴ τοῦ ῥυθμοῦ)
312—331 Молитва
Δεχόμεθα καὶ θεῶν γένος — 1) трохеи 2) дактили
352—371 Молитва:
Ξυνευχόμεθα — трохеи
434—442=520—530 χορικά.
οὔπω ταύτης ἤκουσα — трохеи
459—467 χορικόν (мезодъ):
ἕτερον αὖ τι λῆμα — трохеи

I 655 сл. Пародъ:
[ἡμᾶς τοίνυν μετὰ τοῦτ' — анапесты]
[εἶα δὴ πρώτιστα μέν — трохеи]
Εἶά νυν ἴχνευε καί — трохеи
Ἢν γάρ με λάθῃ [1]) — анапесты
Ὦ πότνιαι Μοῖραι — дохміи
Τί ἂν οὖν εἴποι — анапесты
Τίς ἄν σοι, τίς ἄν — дохміи
II 785 сл. Парабаза:
[ἡμεῖς τοίνυν ἡμᾶς αὐτάς — анапесты]
III 949 сл. Стазимонъ:
[ἄγε νῦν ἡμεῖς παίσωμεν—анапесты]
Ὅρμα, χώρει—1) трохеи 2) логаэды
IV 1136 сл. Стазимонъ:
Παλλάδα τὴν φιλόχορον — дактили.

Лягушки.

I 324 сл. Пародъ:
Ἴακχ' ὦ πολυτίμοις — іоники
Ἔγειρε, φλογίας — іоники
[εὐφημεῖν χρή — анапесты]
Χώρει νῦν πᾶς — анапесты
Ἀλλ' ἔμβα χὤπως — анапесты
Δήμητερ ἁγνῶν ὀργίων — ямбы
Καὶ πολλὰ μὲν γέλοια — ямбы
Ἴακχε πολυτίμητε — ямбы

---

[1]) Какъ мы уже замѣтили въ главѣ 11-й, лирическія части этой драмы сильно искажены; а такъ какъ онѣ большею частью вслѣдствіе діаскевазы лишены антистрофическаго соотвѣтствія, то опредѣленіе размѣра часто очень трудно. Отказываемся отъ метрическаго разбора этой пѣсни.

Βούλεσθε δῆτα κοινῇ — ямбы
χωρῶμεν ἐς πολυρρόδους — 1) ямбы
2) логаэды
Μόνοις γὰρ ἡμῖν ἥλιος — 1) ямбы
2) логаэды

534 сл.=542 сл. Ἀμοιβαῖον:
Ταῦτα μὲν πρὸς ἀνδρός — трохеи
590 сл.=597 сл. Ἀμοιβαῖον:
Νῦν σὸν ἔργον ἔστ' — трохеи

II 675 сл. Парабаза:
Μοῦσα χορῶν ἱερῶν — дактили
[τὸν ἱερὸν χορόν — трохеи]
Εἰ δ' ἐγὼ ὀρθὸς ἰδεῖν — дактили
[πολλάκις γ' ἡμῖν — трохеи]

814 сл. χορικόν:
Ἦ που δεινὸν ἐριβρεμέτας — дактили
875 сл. χορικόν (молитва)
Ὦ Διὸς ἐννέα παρθένοι — дактили

895 сл.—992 сл. *Синтагма*
Καὶ μὴν ἡμεῖς — трохеи
III 1099 сл.=1109 сл. Стазимонъ
Μέγα τὸ πρᾶγμα — трохеи

1251 сл. χορικόν:
Τί ποτε πρᾶγμα — логаэды
1370 сл. χορικόν:
Ἐπίπονοί γ' οἱ δεξιοί — трохеи

IV 1482 сл.=1491 сл. Стазимонъ:
Μακάριός γ' ἀνήρ — трохеи

1528 сл. Эксодъ:
Πρῶτα μὲν εὐοδίαν — гексаметры.

Экклезіазузы.

I 285 сл. Пародъ:
[ὥρα προβαίνειν ἡμῖν — ямбы]
Ὁ θεσμοθέτης, ὃς ἂν — логаэды
II 478 сл. Эпипародъ:
[ἄρ' ἔστι τῶν ἀνδρῶν — ямбы]
571 сл. *Синтагма*
Νῦν δη δεῖ σε πυκνὴν φρένα—дактили

729. Χορικόν (выпущено)

III 877. Стазимонъ (выпущено)
IV 1112. Стазимонъ (выпущено)

1155 сл. Эксодъ
[τοῖς σοφοῖς μεν — трохеи]
Τάχα γὰρ ἔπεισι — дактили.

19.

Съ давнихъ временъ разноразмѣрныя части греческихъ драмъ стоятъ передъ нами, подобно мифическому Сфинксу, непонятыя, не разгаданныя. Съ паденіемъ самостоятельности греческаго народа погибла и греческая музыка, а съ нею погасла искра жизни въ хорическихъ пѣсняхъ, и онѣ стали похожи на прекрасное, но безжизненное тѣло. Впослѣдствіи времени явились неизбѣжные анатомы-метрики и стали разбирать его по членамъ и суставамъ. По ихъ примѣру и новѣйшіе метрики начали „вникать" въ сложеніе трагическихъ и комическихъ пѣсенъ, и теперь каждому изъ насъ легко узнать, сколько разныхъ формъ, напримѣръ, допускаетъ базисъ гликонея. Жаль только, что мало кто задавался вопросомъ: каковы были движенія, чувства, страсти этого тѣла при жизни его, и какъ оно дѣйствовало на зрителей. А между тѣмъ, каждый легко согласится съ нами, что это—вопросъ первой важности.

Но—спросятъ насъ—развѣ мы въ правѣ ставить такой вопросъ? Вѣдь греческая музыка погибла, погибла невозвратно, а съ нею погибъ и ключъ для рѣшенія криптограммы разноразмѣрныхъ пѣсенъ.

Мы не можемъ согласиться съ этимъ. Какъ по формѣ и сложенію почвы въ вулканическихъ странахъ геологи опредѣляютъ силу и распредѣленіе бушевавшихъ въ нихъ нѣкогда подземныхъ силъ, точно также и мы посредствомъ разбора разномѣрныхъ пѣсенъ можемъ опредѣлить мысль, руководившую поэтомъ-композиторомъ при созданіи ихъ.

Конечно, не мы первые чувствуемъ возможность и необходимость рѣшенія этого вопроса. Давно уже А. Бэкъ въ своей знаменитой книгѣ „de metris Pindari" высказалъ мысль, что эпиникіи этого поэта распадаются на двѣ категоріи, изъ которыхъ въ первой господствуетъ дорійская, а во второй фригійская гармонія; но въ чемъ состояли эти гармоніи, и какимъ образомъ онѣ могли повліять на размѣры—это осталось загадкой. Оно и не могло быть иначе, пока о греческой музыкѣ господствовали смутныя и фальшивыя понятія. Важнымъ шагомъ впередъ, была книга Вестфаля: „Geschichte der Musik". Въ ней впервые доказано, что греческая музыка, хотя и многимъ различалась отъ нашей, все-таки вполнѣ доступна нашему пониманію. Къ сожалѣнію, авторъ не довелъ до конца своего геніальнаго труда; его исторія музыки не простирается далѣе второй катастазы, и именно наиболѣе интересующій насъ періодъ—періодъ драматической музыки—не изложенъ въ ней. За то пять лѣтъ спустя, Вестфаль издалъ

ужъ нѣсколько разъ упомянутыя нами „Prolegomena zu Aeschylus Tragoedien", въ которыхъ онъ излагаетъ музыкальное сложеніе пѣсенъ Пиндара и Эсхила. Оказывается, что и тѣ, и другія компонованы по образцу китародическаго номоса, то-есть, формы, походящей на нашу сонату. Въ концѣ своей книги авторъ обѣщаетъ изложить въ другой разъ свои мнѣнія относительно тетралогической связи Эсхиловыхъ трагедій. Но это обѣщаніе не было имъ сдержано; за то годъ спустя, появилась книга мало извѣстнаго до тѣхъ поръ ученаго— „Antike Compositionslehre" Г. Шмидта, рѣшившая неожиданнымъ, но убѣдительнымъ образомъ и этотъ, и многіе другіе вопросы. Изложивъ законы композиціи отдѣльныхъ строфъ, авторъ переходитъ къ организму цѣлыхъ хорическихъ пѣсенъ и къ связи между всѣми пѣснями той же драмы, наконецъ той же трилогіи; при этомъ онъ разбираетъ единственную уцѣлѣвшую трилогію—„Орестію" Эсхила. Этотъ разборъ—самая блестящая часть во всей книгѣ.

Но для комедіи никто еще не предпринималъ подобнаго труда, хотя здѣсь работа гораздо легче. Конечно, и мы не ставили себѣ такой задачи; одинъ разборъ композиціи всѣхъ Аристофановыхъ драмъ потребовалъ бы цѣлой книги. Но не можемъ не указать на нѣкоторые, наиболѣе выдающіеся пункты, такъ какъ иначе осталось бы непонятнымъ и то, что̀ мы намѣрены сказать о синтагмическихъ строфахъ спеціально.

Греческая комедія не имѣла общаго съ трагедіей происхожденія, да и въ своемъ дальнѣйшемъ развитія шла иными путями. Началомъ трагедіи были торжественные диѳирамбы, началомъ комедіи—скоптическіе ямбы культа Цереры. Своимъ величіемъ трагедія обязана знаменитому композиту перваго періода, изобрѣтателю китародическаго номоса—Терпандру; такое же значеніе для комедіи имѣлъ первый представитель скоптической поэзіи—Архилохъ. Мы знаемъ, что Эсхилъ былъ подражателемъ Терпандра, и знаемъ точно также, что Кратинъ ввелъ Архилоховъ стиль въ комедію; такимъ образомъ мы можемъ составить такую пропорцію: Терпандръ: Эсхилъ: Софоклъ=Архилохъ: Кратинъ: Аристофанъ. Другими словами, трагическая поэзія имѣла съ самого начала іератическій, комическая же — народный характеръ. Этимъ объясняется фундаментальная разница между композиціями трагедіи и комедіи, именно—сравнительная простота этой послѣдней. Отсюда же слѣдуетъ, что всякая попытка примѣнить методу Вестфаля и Г. Шмидта къ комическимъ пѣснямъ, должна оказаться неудачною.

Но мы уже замѣтили, что въ области комедіи задача наша гораздо легче. Ея композиція относится къ композиціи трагедіи приблизительно также, какъ оперета къ оперѣ.

Начнемъ съ „Ахарнянъ“.

Здѣсь первая пѣсня хора написана пэонами, то-есть, тактомъ $^5/_8$. Въ слѣдующемъ за нею коммосѣ хора и Дикэополя опять господствуютъ пэоны, переходящіе затѣмъ въ сродный размѣръ дохміевъ. Какой былъ размѣръ въ пропавшихъ синтагматическихъ пѣсняхъ—мы не знаемъ, но въ одѣ парабазы композитъ возвращается къ первоначальному размѣру пэоновъ. Этимъ первое дѣйствіе кончается. Музыка втораго дѣйствія начинается съ ямбическаго размѣра третьей главной пѣсни; этотъ размѣръ господствуетъ и въ слѣдующемъ коммосѣ, но въ одѣ второй парабазы мы опять слышимъ первоначальный размѣръ пэоновъ. Затѣмъ, въ коммосѣ пятаго эпизода идутъ ямбы, въ пятой главной пѣснѣ также, хотя и съ μεταβολὴ ῥυθμοῦ въ первомъ періодѣ, до самаго эксода. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Если композиція „Ахарнянъ“ исходитъ съ пэоническаго такта и постоянно возвращается къ нему, то ясно, что въ этомъ тактѣ и слѣдуетъ признать тему всей комедіи. Переходъ въ другой тактъ позволителенъ, но этотъ второстепенный тактъ долженъ находиться въ ближайшемъ родствѣ съ главнымъ. Оттого пэоны часто и охотно переходятъ въ дохміи, въ которыхъ мы, слѣдуя Вестфалю и Г. Шмидту, признаемъ вакхическій тактъ:

⏑|— —⏑|⏑ ⏑ — — —⏑|—⏔, или ⏑|— — ⏑|— ∧ ⏑ — — —⏑— ⏔

Такимъ образомъ переходъ пэона въ дохміи ни что иное, какъ μεταβολὴ τοῦ ῥυθμοῦ $^5/_8$: ♩ ♪ ♩ | ♩ ♪ ♫ = $^5/_8$ ♪ | ♩ ♩ ♪ | ♩ 𝄽 ♪ | ♫ ♩ ♪ | 𝅗𝅥. Изъ прочихъ тактовъ ближе всего къ пэонамъ хореическій $^6/_8$ и по весьма простой причинѣ. Мы, слыша музыку въ тактѣ $^5/_8$, напримѣръ, германскую пѣсню „Prinz Eugen, der edle Ritter“, невольно ожидаемъ каждый разъ, что выпущенная будто бы $^1/_8$ можетъ появиться вновь; непривычный тактъ производитъ на насъ впечатлѣніе неполнаго такта $^6/_8$. Но ямбы, въ которые переходятъ пэоны, отличаются одною особенностію: они не допускаютъ киклическихъ анапестовъ; изъ ♪ | ♩ ♪ | ♩ ♪ | никогда не можетъ образоваться ♪ | ♩ ♪ ♩. ♬ ♪ |. Отчего эта разница? Намъ кажется, что ея причина—качество самихъ ямбовъ. Очень вѣроятно, что и они

принадлежатъ не къ хореическому $^6/_8$, а къ пэоническому $^5/_8$ такту. Дѣйствительно, если предположить, что, напримѣръ, въ пѣснѣ, εὐνδαιμονεῖ γ' ἄνθρωπος, ямбическія диподіи имѣли не $^6/_8$ тактъ ♪|♩♪ ♩♪|, а только $^5/_8$ ♪ | ♩♪ ♪. ♬|, то эта аномалія объясняется. Неполный трохей ♪. ♬ никогда не можетъ быть замѣщенъ киклическимъ дактилемъ. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно, что пэонъ есть господствующій въ „Ахарнянахъ" тактъ. Пэонъ, какъ это доказываетъ самое названіе, есть размѣръ для посвященныхъ Аполлону пѣсенъ и танцевъ. Эти танцы, ὑπορχήματα, отличались особенною неуклюжестью, такъ какъ цѣлью ихъ было разсмѣшить и развеселить бога (Pind. Pyth. X, 56, ὧν θαλίαις ἔμπεδον εὐφαμίαις τε μάλιστ' Ἀπόλλων χαίρει, γελᾷ θ' ὁρῶν ὕβριν ὀρθίαν κνωδάλων. Просимъ читателя не читать нелѣпыхъ объясненій схоліастовъ и комментаторовъ къ этимъ стихамъ; ὀρθίαν относится къ пэоническому размѣру танцевъ [ὄρθιος=παίων см. Westphal Metrik. III, 545]). Дѣйствительно, танецъ, въ которомъ второй шагъ короче перваго ♫♪ — ♫, долженъ былъ производить смѣшное впечатлѣніе; такъ и кажется, что танцоръ хромлетъ на одну ногу. Оттого этотъ размѣръ какъ нельзя лучше выражаетъ ἦθος нашей драмы. Хоръ стариковъ самъ жалуется на свою старость и на отвердѣніе своихъ ногъ:

νῦν δ' ἐπειδὴ στεῤῥὸν ἤδη τοὐμὸν ἀντικνήμιον
καὶ παλαιῷ Λακρατείδῃ τὸ σκέλος βαρύνεται,
οἴχεται.....

Интересно, что новѣйшій композитъ, развившій до малѣйшихъ субтильностей ἤθη, какъ размѣровъ, такъ и мелодій, Рих. Вагнеръ, при появленіи великановъ въ „Rheingold", пользуется размѣромъ, метрически вполнѣ соотвѣтствующимъ нашему пэону („Riesenmotiv") — ◡ ⌴ — ◡ ⌴.

Въ „Рыцаряхъ" хоръ составляютъ не старики, а мужчины цвѣтущаго возраста, къ тому же лучшіе друзья поэта. Поэтому тема этой драмы не пэонъ, а хореическая диподія, или тактъ $^6/_8$, и такъ какъ каждый трохей соотвѣтствуетъ полнымъ $^3/_8$ = ♩♪, то онъ вездѣ можетъ быть замѣненъ киклическимъ дактилемъ ♪. ♬ ♪. Другихъ размѣровъ мы въ драмѣ вовсе не встрѣчаемъ, кромѣ строфъ первой синтагмы, которыя состоятъ каждая изъ трехъ періодовъ—пэоническаго, дактилическаго и трохаическаго. Но пэоническіе и дакти-

лическіе періоды такъ малы, что не могутъ нарушить единства цѣлой композиціи.

Въ „Осахъ“ главный размѣръ—также хореическая диподія, допускающая не только киклическіе дактили, но и μεταβολὴν ῥυθμοῦ. Такимъ образомъ, кромѣ главной темы—хореической, является и второстепенная іоническая, господствующая въ пародѣ, коммосѣ второго эпизода, синтагмѣ и четвертой главной пѣснѣ.

Въ „Птицахъ“ главная тема—анапестъ, то-есть, дактиль, допускающій замѣненіе долгаго слога двумя короткими. Μεταβολὴ ῥυθμοῦ внутри $^4/_8$-наго такта, конечно, не возможна. Замѣчательны трохаическія пѣсеньки, помѣщенныя въ пятомъ эпизодѣ и не находящіяся ровно ни въ какой связи съ композиціей остальной драмы. Онѣ встрѣчаются нерѣдко въ позднѣйшихъ комедіяхъ Аристофана (см. Westphal, Metrik III, 154).

Въ „Лизистратѣ“ главная тема, какъ и въ „Осахъ“,—хорейская диподія, допускающая μεταβολὴν τοῦ ῥυθμοῦ, и вслѣдствіе того, второстепенную тему—хоріямбъ. Эту второстепенную тему мы, также какъ и въ „Осахъ“, встрѣчаемъ въ пародѣ, въ музыкальномъ отношеніи самой развитой части древней комедіи. Синтагмическія строфы, также какъ и въ „Рыцаряхъ“, состоятъ изъ двухъ аллеометрическихъ періодовъ—пэоническаго и дактилическаго. Трохаическія пѣсни въ четвертомъ стазимѣ и въ пятомъ дѣйствіи принадлежатъ къ упомянутому нами классу не связанныхъ съ общею композиціей μέλη.

Въ „Лягушкахъ“, какъ и въ „Птицахъ“, тема—дактиль. Кромѣ того, въ пародѣ мы встрѣчаемъ дѣйствительную μεταβολὴν τοῦ γένους, хорическую диподію, и μεταβολὴν ῥυθμοῦ этой послѣдней, іоники. Трохаическія пѣсни во второмъ и четвертомъ эпизодахъ и въ третьемъ и четвертомъ стазимахъ слѣдуетъ исключить.

Въ „Экклезіазузахъ“, наконецъ, тема — опять дактиль, на этотъ разъ уже безъ второстепенной темы.

Прежде чѣмъ обратиться къ нарочно пропущеннымъ нами комедіямъ „Облака“, „Миръ“ и „Тесмофоріазузы“, посмотримъ, какой законъ можно изъ сказаннаго вывести для синтагмическихъ строфъ въ особенности. Сопоставляемъ въ слѣдующей таблицѣ главную и второстепенную тему каждой изъ семи разобранныхъ только что комедій, и сверхъ того, размѣры, которыми написаны ихъ синтагмическія и парабатическія строфы:

Комедія.	*Главная тема.*	*Второстепенная тема.*	*Синтагма.*	*Парабаза.*
«Ахарняне»	пэонъ	бакхій	—	пэонъ
«Рыцари»	хорей (логаэдъ)	—	1) пэонъ 2) анапестъ 3) хорей	хорей (логаэдъ)
«Осы»	хорей	хоріямбъ	хоріямбъ	хорей
«Птицы»	анапестъ	—	анапестъ	анапестъ
«Лизистрата»	хорей	хоріямбъ	1) пэонъ 2) анапестъ	хорей
«Лягушки»	дактиль	хорей	хорей	дактиль
«Экклезіазузы»	дактиль	—	дактиль	

Изъ этого сопоставленія ясно, что древніе комики, сочиняя свои комедіи, соблюдали два слѣдующіе закона:

1) Въ парабазѣ должна господствовать главная тема комедіи. Этотъ законъ не допускаетъ исключеній.

2) В ъ   с и н т а г м ѣ   г о с п о д с т в у е т ъ   в т о р о с т е п е н н а я   т е м а. Исключаются изъ этого закона, конечно, синтагмы комедій, лишенныхъ второстепенной темы. Такъ, въ „Птицахъ" и въ „Экклезіазузахъ" синтагмическія строфы нисколько не отличаются по размѣру отъ прочихъ лирическихъ частей комедіи. Но и тутъ замѣтно стремленіе отличить синтагматическія строфы отъ парабатическихъ. Такъ, въ „Рыцаряхъ", не имѣющихъ второстепенной темы, синтагматическія строфы имѣютъ свой собственный составъ, и по возможности, избѣгаютъ главной темы. То же и въ „Лизистратѣ".

Не знаемъ, достаточно ли убѣдительными покажутся читателю наши выводы; но во всякомъ случаѣ онъ согласится съ нами, что ими указанъ путь, по которому можно дойти до новыхъ и интересныхъ результатовъ. Что касается насъ лично, то результаты этой главы кажутся намъ столь простыми, что всякій могъ бы дойти до нихъ a priori. На сколько они важны вообще— это второй вопросъ. Но конечно, сами по себѣ, они имѣютъ важность для тѣхъ, кто, подобно намъ, радъ всѣмъ даннымъ, могущимъ служить къ возсозданію хоть бы въ самыхъ общихъ чертахъ, образа композиціи греческихъ драмъ.

Кромѣ этого спеціально-музыкальнаго интереса, наши результаты имѣютъ и чисто-литературный. Это покажетъ слѣдующая глава, въ которой мы приступаемъ къ разбору нарочно пропущенныхъ нами до сихъ поръ комедій.

20.

Читатель навѣрное понялъ уже причину, почему мы въ предшествующей главѣ не давали разбора лирическихъ частей трехъ комедій:

„Облаковъ“, „Мира“ и „Тесмофоріазузъ“. Въ нихъ перемѣшаны первыя и вторыя редакціи или изданія, и первоначальный планъ въ нихъ нарушенъ. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ разбору этихъ трехъ комедій, находящихся въ особыхъ условіяхъ, надобно было извлечь общіе законы композиціи, пользуясь не искаженными драмами. Теперь же, для полноты нашихъ изложеній, слѣдуетъ обратить вниманіе и на эти послѣднія.

Мы можемъ заявить съ самаго начала, что при діаскевазѣ драмы прежде всего подвергалась измѣненію музыка, а съ нею и тема комедіи, какъ главная, такъ и второстепенная.

Какія части въ нашихъ трехъ комедіяхъ принадлежатъ первоначальному, и какія второму изданію—этотъ вопросъ рѣшенъ отчасти другими относительно „Облаковъ“, отчасти же нами самими относительно „Мира“ и „Тесмофоріазузъ“. Но при этомъ ни они, ни мы не обращали вниманія на формальные критеріи.

Отсюда очевидна важность этихъ послѣднихъ. Пользуясь ими, мы можемъ съ полною увѣренностью рѣшить, принадлежитъ ли данная пѣсня къ первому или ко второму изданію драмы. Если мы при этомъ получимъ тѣ же результаты, какъ въ 10-й—12-й главахъ, въ которыхъ мы руководствовались однѣми реальными примѣтами, то вѣрность нашихъ заключеній не будетъ подлежать никакому сомнѣнію. Такимъ образомъ настоящія наши изслѣдованія можно назвать нѣкоторымъ образомъ провѣркой рѣшенія задачи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и справедливость изложенныхъ въ послѣдней главѣ законовъ будетъ доказана.

Начнемъ съ „Облаковъ“.

Послѣдній изъ ученыхъ, писавшихъ объ отношеніи перваго изданія этой комедіи ко второму, Кокъ, указываетъ на слѣдующіе пункты, въ которыхъ они отличались другъ отъ друга:

Шестая ὑπόθεσις въ слѣдующихъ словахъ говоритъ объ измѣненныхъ частяхъ нашей комедіи: Τοῦτο (то-есть, τὸ δρᾶμα) ταὐτόν ἐστι τῷ προτέρῳ (ταῖς προτέραις Νεφέλαις)· διεσκεύασται δὲ ἐπὶ μέρους ὡς ἂν δὴ ἀναδιδάξαι μὲν αὐτὸ τοῦ ποιητοῦ προθυμηθέντος, οὐκέτι δὲ τοῦτο δι' ἣν ποτε αἰτίαν ποιήσαντος· καθόλου μὲν οὖν σχεδὸν παρὰ πᾶν μέρος γεγενημένη διόρθωσις· τὰ μὲν γὰρ περιῄρηται, τὰ δὲ παραπέπλεκται καὶ ἐν τῇ τάξει καὶ ἐν τῇ τῶν προσώπων διαλλαγῇ μετεσχημάτισται· τὰ δὲ ὁλοσχεροῦς τῆς διασκευῆς τετύχηκεν· αὐτίκα μὲν ἡ παράβασις τοῦ χοροῦ ἤμειπται καὶ ὅπου ὁ δίκαιος λόγος πρὸς τὸν ἄδικον λαλεῖ, καὶ τελευταῖον ὅπου καίεται ἡ διατριβὴ Σωκράτους. Кокъ весьма справедливо замѣчаетъ, что этими словами опредѣлены самыя выдающіяся измѣненія, но отнюдь не всѣ, чему

доказательствомъ служитъ слово αὐτίκα. Вообще же мнѣніе автора этой ὑπόθεσις подтверждается опытомъ.

О томъ, что парабаза принадлежитъ къ проектированному второму изданію, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Авторъ жалуется въ ней на неудачный исходъ перваго представленія своей драмы и въ эпирремахъ намекаетъ на послѣдовавшія за нимъ событія. Ясно отсюда, что не только какія-нибудь части, но вся парабаза перваго изданія была устранена поэтомъ.

Затѣмъ Кокъ очень остроумно разсуждаетъ объ отношеніи Платоновой „Апологіи" къ Аристофановой комедіи. Извѣстно, что Платонъ приписываетъ ѣдкимъ насмѣшкамъ комедіи большое вліяніе на враждебное Сократу настроеніе духа Аѳинянъ. Обвиненія ея онъ сопоставляетъ въ слѣдующей фиктивной формулѣ: „Сократъ нарушаетъ законы и теряетъ свое время тѣмъ, что изслѣдуетъ подземныя и небесныя явленія, дѣлаетъ изъ слабой стороны сильную (τὸν ἥττω λόγον κρείττω ποιῶν) и обучаетъ этому другихъ. Все это" —продолжаетъ Платонъ, обращаясь къ присяжнымъ,—„вы сами видали въ комедіи Аристофана; въ ней дѣйствовалъ какой-то Сократъ, который утверждалъ, что паритъ надъ землей, и вообще говорилъ много нелѣпостей, разсуждая о вещахъ, въ которыхъ я ровно ничего не понимаю". Платонъ отличаетъ эту клевету отъ обвинительной формулы Анита, Мелета и Ликона: „Сократъ нарушаетъ законъ тѣмъ, что портитъ юношей и вѣруетъ не въ признанныхъ государствомъ боговъ, а вмѣсто ихъ въ новыя божества". Изъ этихъ словъ Платона мы можемъ заключить, что вся часть нашей комедіи, въ которой Сократъ обучаетъ Фидиппида и такимъ образомъ портитъ юношей, не была извѣстна Платону, то-есть, другими словами, не принадлежала къ первому изданію. Это мы можемъ заключить изъ экономіи самой комедіи. Въ первой комедіи Фидиппидъ—злой геній Стрепсіада; онъ своими nobles passions разорилъ отца и покидаетъ его въ нуждѣ. Отецъ напрасно проситъ его идти къ Сократу въ ученіе; на угрозу Стрепсіада прогнать его изъ дому Фидиппидъ хладнокровно отвѣчаетъ, что онъ въ такомъ случаѣ обратится къ своему дядюшкѣ Мегаклу. Во второмъ дѣйствіи тѣ же просьбы и угрозы со стороны отца, но сынъ вдругъ измѣняетъ свой характеръ, уступаетъ отцу и дѣлается ученикомъ Сократа. Это нелогично.

Чтобы мотивировать намѣреніе Стрепсіада—отдать сына Сократу въ ученіе, Аристофану нужно было сочинить сцену, въ которой обученіе самого Стрепсіада оканчивается неудачею, то-есть, ст. 775 сл.

и нѣкоторыя части предыдущей сцены со ст. 627. Эти сцены, или вѣрнѣе, частицы сценъ, противорѣчатъ, какъ остальному плану перваго изданія, такъ и главнымъ образомъ сценамъ ст. 1214—1258 (изгнаніе Стрепсіадомъ Пазія) и 1259—1302 (изгнаніе Стрепсіадомъ Аминія), въ которыхъ старикъ является ловкимъ софистомъ.

Итакъ, въ первомъ изданіи Сократъ является жалкимъ и смѣшнымъ софистомъ, теряющимъ свое время на изученіе разныхъ никуда не годныхъ вещей и морочащимъ полоумныхъ стариковъ; во второмъ же нападеніе гораздо серьезнѣе: тутъ онъ развращаетъ юношество, учитъ дѣтей не повиноваться отцамъ. Это первое. Вовторыхъ же, Сократъ въ первомъ изданіи обучаетъ Стрепсіада даромъ, „изъ любви къ искусству"; онъ не требуетъ отъ своего ученика никакого вознагражденія, да и не можетъ требовать, такъ какъ этотъ послѣдній самъ безъ гроша. Фидиппидъ же поступаетъ къ нему въ ученіе на совсѣмъ другихъ условіяхъ: Сократъ требуетъ за свои труды довольно крупной суммы καί τοι γε ταλάντου τοῦτ' ἔμαθεν Ὑπέρβολος ст. 876— и получаетъ ее ἀλλὰ τουτονὶ [1]) πρῶτον λαβέ· χρὴ γὰρ ἐπιθαυμάζειν γε τὸν διδάσκαλον ст. 1147. Слѣдовательно, и Стрепсіадъ во второмъ изданіи не былъ такимъ бѣднякомъ, какъ въ первомъ. Вообще читатель видитъ, что нападенія Аристофана на Сократа во второмъ изданіи были гораздо злобнѣе и серьезнѣе.

Но обратимся теперь къ единственно интересующимъ насъ лирическимъ частямъ нашей комедіи.

1) Пародъ „Облаковъ" (ст. 263 сл.) странно перемѣшанъ съ діалогомъ между Сократомъ и Стрепсіадомъ, имѣющимъ большое сходство съ синтагмою. Содержаніе его—предметы новаго ученія: Зевесъ не существуетъ, его мѣсто занимаетъ Диносъ, вращеніе эфира; то-есть, по понятію неофита, Диносъ, изгнавъ Зевеса, занялъ его тронъ. Главныя божества, подчиненныя Диносу,—Облака; они производятъ дождь, громъ, молнію; все это подтверждается ловко выбранными примѣрами изъ обыденной жизни. Изъ частей синтагмы сохранились: синтагма въ тѣсномъ смыслѣ, ст. 365—411; система, ст. 439—456; антистрофа, хора ст. 457—475; вступительное двустишіе антисинтагмы, ст. 476—477. Пропала строфа хора, вступительное двустишіе синтагмы, нѣкоторыя части синтагмы, цѣлая антисинтагма и антисистема. Это ея искаженіе само по себѣ уже свидѣтельствуетъ

---

[1]) То-есть, τὸν μισθόν. Не понятно, почему Кокъ замѣчаетъ къ этому мѣсту «den Sack Mehl».

о томъ, что она принадлежала къ первому изданію; но это ясно и по другимъ причинамъ. Мы уже замѣтили, что содержаніе этой синтагмы всецѣло принадлежитъ области метеорософіи, которая была главнымъ предметомъ насмѣшки Аристофана въ Νεφέλαι πρότεραι, и на которую намекаетъ Платонъ въ „Апологіи". Поэтому весь пародъ надобно отнести къ первому изданію, а съ нимъ и обѣ пѣсенки хора, ἀέναοι Νεφέλαι, ст. 275—290, и παρθένοι ὀμβροφόροι, ст. 299—313.

2) Коммосъ, ст. 457 сл., λῆμα μὲν πάρεστι τῷδεγ'.. Мы уже сказали, что этотъ коммосъ занимаетъ мѣсто антистрофы въ найденной нами синтагмѣ, и слѣдовательно, взятъ изъ перваго изданія.

3) Парабаза, ст. 510 сл., состоящая изъ слѣдующихъ частей: a) комматіонъ, ст. 510—517: ἀλλ' ἴθι χαίρων τῆς ἀνδρείας οὕνεκα ταύτης; b) парабаза въ ближайшемъ смыслѣ слова ст. 518—562: ὦ θεώμενοι, κατερῶ πρὸς ὑμᾶς ἐλευθέρως"; c) ода ст. 563—574: ὑψιμέδοντα μὲν θεῶν; d) эпиррема, ст. 575—594: ὦ σοφώτατοι θεαταί, δεῦρο τὸν νοῦν πρόσχετε; e) антода, ст. 595—606: ἀμφί μοι αὖτε Φοῖβ' ἄναξ"; f) антэпиррема, ст. 607—626: ἡνίχ' ἡμεῖς δεῦρ' ἀφορμᾶσθαι παρεσκευάσμεθα.

Въ парабазѣ какъ мы уже замѣтили, авторъ жалуется на недостатокъ сочувствія со стороны публики; кромѣ того, онъ упоминаетъ о комедіи Эвполида „Марикасъ", представленной въ 420 г., то-есть, тремя годами позже перваго представленія „Облаковъ". Въ эпирремѣ онъ упрекаетъ Аѳинянъ за то, что они, не смотря на явное неодобреніе боговъ, избрали Клеона полководцемъ въ 422 г. Однимъ словомъ, парабаза всецѣло принадлежитъ второму изданію, что̀ и засвидѣтельствовано авторомъ шестой ὑπόθεσις. Кокъ полагаетъ, что первые два стиха комматія служили вступленіемъ для анапестической парабазы перваго изданія; дѣйствительно, размѣръ быстро перемѣняется:

ἀλλ' ἴθι... — ◡◡ — — — — — —
— ◡◡ — —

εὐτυχία... — ◡◡ — ◡ — ◡ —
— ◡◡ — ◡ — · —
— ◡◡ — — ◡◡ —
◡ — ◡ — — ◡◡ —
— — ◡ — — — ◡ —
— ◡◡ — ◡ — —

и первые два стиха относятся къ анапестическимъ тетраметрамъ такъ же, какъ остальные къ эвполидеямъ уцѣлѣвшей парабазы:

— ⏔ — ⏔ — ⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ — ⏔ — ⏑ —

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ парабаза, а съ нею и парабатическія строфы Ὑψιμέδοντα μὲν θεῶν и Ἀμφί μοι αὖτε Φοῖβ' ἄναξ. принадлежатъ ко второму изданію комедіи.

3) Два χορικά въ третьемъ дѣйствіи, ст. 700 сл.: φρόντιζε δὴ καὶ διάθρει πάντα τρόπον τε σαυτὸν и 505 сл. ἆρ' αἰσθάνει πλεῖστα δι' ἡμᾶς ἀγάθ' αὐτίχ' ἕξων. Первое изъ нихъ по содержанію своему могло принадлежать и первому, и второму изданію; въ немъ хоръ увѣщеваетъ Стрепсіада быть внимательнымъ и не спать во время урока. Но второй носитъ на себѣ отпечатокъ той тенденціи, которая отличаетъ второе изданіе отъ перваго. Стихи σὺ δ' ἀνδρὸς ἐκπεπληγμένου καὶ φανερῶς ἐπηρμένου γνοὺς ἀπολάψεις ὅτι πλεῖστον δύνασαι въ первомъ изданіи невозможны. Стрепсіадъ въ немъ является бѣднякомъ, которому не на что купить даже масла для лампы; отъ него Сократу нельзя было нажиться. Нѣтъ, это увѣщаніе хора находится въ прямой связи съ требованіемъ Сократа въ ст. 876 καίτοι γε ταλάντου τοῦτ' ἔμαθεν Ὑπέρβολος. Въ слѣдующемъ стихѣ: φιλεῖ γάρ πως τὰ τοιαῦθ' ἑτέρᾳ τρέπεσθαι хоръ намекаетъ на катастрофу драмы, которая, какъ намъ извѣстно, также принадлежитъ ко второму изданію. Поэтому мы полагаемъ, что второе изъ приведенныхъ хориковъ сочинено Аристофаномъ для Νεφέλαι δεύτεραι, а такъ какъ первое находится съ нимъ въ антистрофическомъ соотвѣтствіи, то и о немъ можно сказать то же самое. Коммосъ, 706 сл. ἀτταταῖ, ἀτταταῖ по содержанію своему также можетъ принадлежать къ любому изъ двухъ изданій.

4) Синтагма ст. 889 сл. По словамъ схоліаста, Аристофанъ сочинилъ ее цѣликомъ для новаго изданія, а съ нею, конечно, и синтагмическія строфы ст. 950 сл. Νῦν δείξετον τὼ πισύνω τοῖς περιδεξίοισι" и ст. 1025 сл. Ὦ καλλίπυργον σοφίαν κλεινοτάτην ἐπασκῶν.

5) Вторая парабаза ст. 1113 сл. τοὺς κριτὰς ἃ κερδανοῦσιν, ἤν τι τόνδε τὸν χορόν, по мнѣнію Кока взята изъ перваго изданія. Быть можетъ; для насъ она не интересна, такъ какъ разномѣрныхъ частей въ ней нѣтъ.

6) Ставимонъ, ст. 1303 сл. Οἷον τὸ πραγμάτων ἐρᾶν φλαύρων = 1311: Οἶμαι γὰρ αὐτὸν αὐτίχ' εὑρήσειν, ὅπερ. Въ немъ хоръ является предвѣстникомъ катастрофы, сочиненной поэтомъ для втораго изданія; сверхъ того, въ антистрофѣ упоминается объ удачномъ ученіи Фидиппида (εἶναι τὸν υἱὸν δεινόν οἱ γνώμας ἐναντίας λέγειν τοῖσιν δικαίοις),

которое, какъ мы уже сказали, было именно содержаніемъ новой комедіи. Поэтому несомнѣнно, что этихъ пѣсенъ въ первоначальной драмѣ не было.

7) Вторая синтагма, ст. 1345 сл.=1391 сл. По мнѣнію Веетфаля (Metrik III, 110, прим. 4), она заимствована изъ первой комедіи, но не трудно доказать невѣрность этого положенія. Вестфаль опирается главнымъ образомъ на то, что комедія „Облака" иначе имѣла бы двѣ синтагмы, чего нельзя допустить, такъ какъ остальныя комедіи имѣютъ каждая только по одной синтагмѣ. Между тѣмъ намъ извѣстно, что и „Рыцари" имѣютъ двѣ синтагмы. Вестфаль, кажется, не замѣтилъ этого обстоятельства. Но главная причина, по которой мы думаемъ, что и вторая синтагма, подобно первой, сочинена для втораго изданія,—роль, которую въ ней играетъ Фидиппидъ. Еслибъ этотъ послѣдній и въ первой комедіи выступалъ въ томъ же видѣ, то первоначальнымъ авторомъ обвиненія, что Сократъ διαφθείρει τοὺς νέους, былъ бы самъ Аристофанъ, а не Анитъ, Мелетъ и Ликонъ, и слова Платона были бы непонятны.

8) Эксодъ, ст. 1510, наконецъ, состоитъ изъ одного стиха и заимствованъ, быть можетъ, изъ перваго изданія, а быть можетъ, и нѣтъ.

Слѣдовательно, лирическія части уцѣлѣвшей комедіи надобно распредѣлить такимъ образомъ:

I Νεφέλαι πρότεραι

1. Пародъ ст. 263 сл.
'Αένναοι νεφέλαι..
Παρθένοι ὀμβροφόροι...

Синтагма ст. 457 сл.
Λῆμα μὲν πάρεστι τῷδε

2. Парабаза. (выпущена)

3. Стазимонъ. (выпущенъ)

Коммосъ ст. 706 сл.
'Ατταταῖ, ἀτταταῖ...

4. Вторая парабаза ст. 1113 сл.
[τοὺς κριτὰς ἃ κερδανοῦσιν, ἤν τι τόνδε τὸν χορόν]...

II Νεφέλαι δεύτεραι

1. Пародъ. (нѣтъ)

2. Парабаза ст. 510 сл.
'Υψιμέδοντα μὲν θεῶν...—
'Αμφί μοι αὖτε Φοῖβ' ἄναξ....

Χορικόν ст. 700 сл.=805 сл.

Φρόντιζε δὴ καὶ διάθρει πάντα τρόπον τε σαυτόν...

Ἆρ' αἰσθάνει πλεῖστα δι' ἡμᾶς ἀγάθ' αὐτίχ' ἕξων...

Синтагма ст. 889 сл.

Νῦν δείξετον τὼ πισύνω τοῖς περιδεξίοισι...

Ὦ καλλίπυργον σοφίαν κλεινοτάτην ἐπασκῶν...

3. Вторая парабаза ст. 1104.

(нѣтъ)

4. Стазимонъ ст. 1303 сл.=1311 сл.

Οἷον τὸ πραγμάτων ἐρᾶν φλαύρων· ὁ γάρ...

Οἶμαι γὰρ αὐτὸν αὐτίχ' εὑρήσειν, ὅπερ...

Вторая синтагма ст. 1345 сл.=1391 сл.

Σὸν ἔργον, ὦ πρεσβῦτα, φροντίζειν, ὅπη....

Οἶμαί γε τῶν νεωτέρων τὰς καρδίας...

Экзодъ ст. 510.

[ἡγεῖσθ' ἔξω· κεχόρευται γὰρ μετρίως τό γε τήμερον ἡμῖν].

Читатель замѣтитъ, что мы руководились при нашемъ распредѣленіи однѣми реальными примѣтами и не обращали никакого вниманія на композицію лирическихъ частей. Пора, однако, обратиться и къ этой послѣдней и примѣнить къ подлежащей нашему разсмотрѣнію комедіи найденные нами законы.

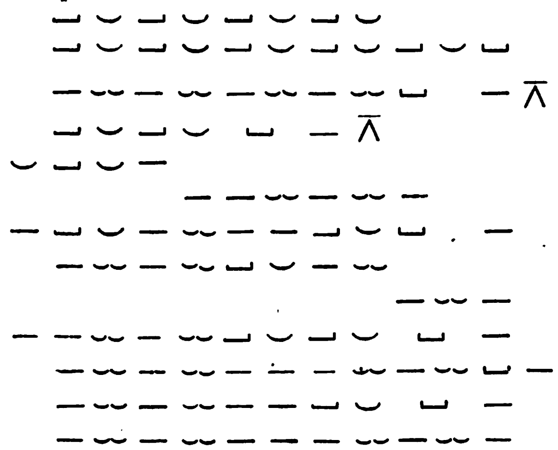
Мы нашли, что каждая изъ комедій Аристофана имѣетъ главную тему, которая придаетъ всей композиціи своеобразный характеръ. Иногда, но не обязательно, изъ этой главной темы посредствомъ μεταβολὴ τοῦ ῥυθμοῦ — очень рѣдко посредствомъ μεταβολὴ τοῦ γένους — развивается второстепенная тема. Главная тема обязательно господствуетъ въ пародѣ; кромѣ того, если пародъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, то нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть компонованы на второстепенную тему. Въ парабазѣ должна господствовать главная, въ синтагмѣ—второстепенная тема; остальныя пѣсни предоставлены прихоти поэта-композиста.

Чтобы примѣнить эти законы къ лирическимъ частямъ комедіи „Облака", просимъ читателя пользоваться составленною нами въ 18-й главѣ таблицею.

1) Пародъ имѣетъ только одну лирическую сизигію, состоящую изъ строфы и антистрофы. Обѣ эти пѣсни—Ἀέναοι Νεφέλαι и Παρθένοι ὀμβροφόροι написаны чистыми дактилями (не киклическими). Слѣдовательно, главною темою комедіи, изъ которой взятъ этотъ пародъ, былъ дактиль, второстепенною также, такъ какъ дактиль не

допускаетъ μεταβολὴν τοῦ ῥυθμοῦ, а μεταβολὴ τοῦ γένους невѣроятна. Поэтому мы въ правѣ ожидать, что и парабаза, и синтагма этой комедіи будутъ написаны чистыми дактилями.

2) Коммосъ, ст. 457 сл., занимаетъ мѣсто синтагмической строфы. Первый, второй и четвертый стихи состоятъ изъ трохеевъ, остальные же восемь—изъ дактилей; отсюда слѣдуетъ, что и трохаическіе стихи должны быть произносимы дактилически = ♩. ♪. Вообще строфа имѣетъ слѣдующій размѣръ:

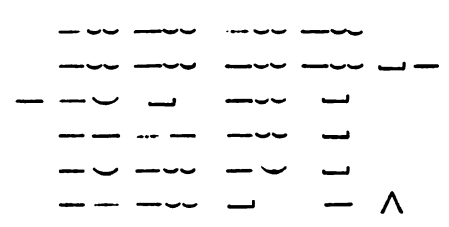


Въ синтагмѣ, по нашему закону, должна господствовать второстепенная тема; слѣдовательно, второстепенною темою комедіи, изъ которой заимствована эта строфа, былъ дактиль; а такъ какъ дактиль не допускаетъ μεταβολὴν τοῦ ῥυθμοῦ, то главная тема въ этой комедіи ничѣмъ не отличалась отъ второстепенной. Поэтому мы въ правѣ ожидать, чтобъ и парабаза, и пародъ были написаны тѣми же дактилями.

3) Парабаза, ст. 510 сл. Преобладающій метръ въ строфической сицигіи Ὑψιμέδοντα μὲν θεῶν и Ἀμφί μοι αὖτε Φοῖβ᾽ ἄναξ — трохей, допускающій киклическій дактиль = ♩. ♪ ♪, или —‿ ‿

Оды имѣютъ слѣдующій размѣръ:

—‿‿ —‿ —‿ ⊔
—‿‿ —‿ —‿ ⊔
—‿‿ —‿ ⊔ — ∧
—‿‿ —‿ —‿ ⊔ —‿‿ ⊔
—‿‿ —‿ —‿ ⊔ —‿‿ — ‿ ⊔ —



Слѣдовательно, темою парабазы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и главною темою комедіи, изъ которой она взята, была хорейская диподія. Такъ какъ эта послѣдняя допускаетъ μεταβολὴν τοῦ ῥυθμοῦ, то второстепенною темой этой комедіи былъ хоріамбъ или іоникъ. Поэтому мы ожидаемъ, что ея пародъ былъ написанъ трохеями, а синтагма— іониками или хоріямбами.

4) Χορικά, ст. 700 сл. 805 сл. φρόντιζε δὴ и ἆρ' αἰσθάνει. Эти пѣсни почти сплошь написаны трохеями, замѣняемыми очень рѣдко киклическими дактилями.

5) Коммосъ, ст. 706 сл. За исключеніемъ первыхъ двухъ стиховъ, стоящихъ въ качествѣ восклицаній внѣ размѣра, эта пѣсня написана κατὰ σύστημα, а потому насъ не интересуетъ.

6) Синтагма, ст. 889 сл. Обѣ синтагмическія пѣсни, ст. 950 сл. Νῦν δείξετον и ст. 1025 Ὦ καλλίπυργον нѣсколько искажены, но уже по первымъ стихамъ легко узнать, что ихъ размѣръ—хоріямбъ. А такъ какъ въ синтагмѣ господствуетъ второстепенная тема, то надобно полагать, что главною темою комедіи, изъ которой взята наша синтагма, была хорейская диподія, и что пародъ и парабаза были написаны именно хореями.

8) Стазимонъ, ст. 1303 сл.=1311 сл. Οἷον τὸ πραγμάτων и Οἶμαι γὰρ αὐτὸν. Размѣръ—трохеи, замѣняемые весьма рѣдко киклическими дактилями.

1) Вторая синтагма, ст. 1345 сл.=1391 сл. Σὸν ἔργον, ὦ πρεσβῦτα, и Οἶμαί γε τῶν νεωτέρων. Размѣръ — трохеи, замѣняемые иногда киклическими дактилями.

Руководствуясь однѣми формальными примѣтами и не обращая никакого вниманія на сказанное нами въ началѣ этой главы, мы можемъ сдѣлать слѣдующее заключеніе:

Уцѣлѣвшая комедія „Облака" составлена изъ двухъ различныхъ комедій. Первая изъ нихъ имѣла только одну тему—дактиль. Сюда относится: 1) пародъ, 2) коммосъ, заступающій мѣсто синтагмической строфы. Вторая комедія имѣла главною темою хореическую ди-

подію, изъ которой, посредствомъ μεταβολὴ τοῦ ῥυθμοῦ, развилась второстепенная тема—хоріямбъ. Сюда относятся: 1) парабава—трохеи; 2) Χορικά ст. 700 сл.=805 сл. — трохеи; 3) синтагма — хоріямбы; 4) стазимонъ 1303 сл.=1311 сл. — трохеи; 5) вторая синтагма — трохеи.

Если читатель сравнитъ это распредѣленіе съ таблицей, помѣщенною на стр. 273, то онъ найдетъ, что онѣ—тожественны.

Обратимся теперь ко второй изъ названныхъ комедій—„Миру".

Такъ какъ мы уже въ 12-й главѣ дали разборъ этой драмы и отдѣлили первоначальныя части діалога отъ первыхъ, то здѣсь мы займемся только пѣтыми хоромъ пѣснями.

1. Пародъ, ст. 301 сл. δεῦρο πᾶς χώρει προθύμως εὐθὺ τῆς σωτηρίας—трохаическіе тетраметры, переходящіе со ст. 339 въ диметры. Принимая въ соображеніе ст. 313 сл., мы рѣшили, что пародъ сочиненъ вновь для втораго представленія; впрочемъ, онъ насъ не интересуетъ, такъ какъ части, написанныя тетраметрами, и диметры въ качествѣ речитативовъ не входятъ въ составъ музыкальной композиціи.

2. Пародическая пѣсня, ст. 346—360: εἰ γὰρ ἐκγένοιτ' ἰδεῖν ταύτην με τὴν ἡμέραν. Въ ней ничто не намекаетъ на второе изданіе; напротивъ того, гораздо вѣроятнѣе, что она принадлежала къ первоначальному плану поэта. Подъ лицомъ, къ которому хоръ обращается въ этой пѣснѣ, при нынѣшней обстановкѣ надобно разумѣть Тригея; между тѣмъ почтительный тонъ этого обращенія ὅ τι μάλιστα χαριούμεθα ποιοῦντες заставляетъ скорѣе думать о какомъ-нибудь богѣ—Меркуріѣ, если не самой Иренѣ. Поэтому, мы придерживаемся того мнѣнія, что эта пѣсня принадлежитъ къ первому изданію. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакой причины полагать противное.

3) Ст. 385—399, антистрофа къ предыдущей пѣснѣ: μηδαμῶς, ὦ δέσποθ' Ἑρμῆ μηδαμῶς, μηδαμῶς. Объ этой пѣснѣ мы уже съ полною увѣренностью можемъ сказать, что она взята изъ перваго изданія; она стоитъ въ нераздѣльной связи съ предыдущею сценою, въ которой Тригей сообщаетъ Меркурію измѣнническій планъ Солнца и Луны, и безъ нея не понятна; а касательно этой послѣдней мы въ 11-й главѣ доказали, что она входила въ составъ первоначальной комедіи. Конечно, этимъ доказывается и принадлежность предыдущей пѣсни, соотвѣтствующей ей анти-строфически, къ первой „Иренѣ".

4) Пѣсня при освобожденіи Ирены, ст. 459—472 (строфа)=485—499 (антистрофа). Мы уже сказали въ 11-й главѣ, почему мы причисляемъ

эту сцену ко второму изданію. При жизни Клеона было бы неумѣстно говорить о Ламахѣ, какъ о главномъ противникѣ войны. То же относится, конечно, и къ эподу (512—523): написанному трохеями κατὰ σύστημα.

5) Экзодъ перваго дѣйствія, ст. 583—601, χαῖρε, χαῖρ', ὡς ἦλθες ἡμῖν ἀσμένοις φιλτάτη принадлежитъ, какъ мы уже сказали, къ первоначальному плану. По повелѣнію Меркурія и Тригея хоръ долженъ уйдти домой, то-есть, покинуть сцену и вернуться къ орхестру, спѣвъ сначала пѣсню въ славу богини. Мы ожидаемъ поэтому, что онъ удалится послѣ ст. 601. Вмѣсто того онъ еще остается на сценѣ и начинаетъ синтагмо-образный разговоръ съ Меркуріемъ. Итакъ, одна изъ двухъ сценъ прибавлена—или экзодъ съ нашею пѣснею, или синтагма. Но въ синтагмѣ упоминается покойный Клеонъ; слѣдовательно, эта послѣдняя есть вставка, а экзодъ съ пѣснею взятъ изъ перваго изданія.

6) Парабатическія оды Μοῦσα, σὺ μὲν πολέμους ἀπωσαμένη μετ' ἐμοῦ и Τοιάδε χρὴ Χαρίτων δαμώματα καλλικόμων. Что вся парабаза сочинена вновь для втораго изданія, это доказывается ея ничтожнымъ содержаніемъ. Въ ней нѣтъ ни одной новой мысли; лучшіе ея стихи 753—760 почти цѣликомъ взяты изъ парабазы „Осъ". Все это свидѣтельствуетъ о торопливости ея обдѣлки и было возможно только во второмъ изданіи, приготовленномъ поэтомъ, какъ мы уже знаемъ, на скорую руку.

7) Коммосъ, ст. 856 сл.=909 сл. εὐδαιμονικῶς γ' ὁ πρεσβύτης и ἦ χρηστὸς ἀνὴρ πολίταις. Пѣсни весьма общаго содержанія, умѣстныя столь же въ первомъ, сколько и во второмъ изданіи.

8) Коммосъ, ст. 939—955=1023—1038 ὡς πάνθ' ὅσ' ἂν θεὸς θέλῃ χἠ τύχη ξυνορθοῖ и σέ τοι θύρασι χρὴ μένειν καὶ μένοντα τοίνυν. Эти пѣсни также совершенно безразличнаго характера.

9) Вторая парабаза, ст. 1127 сл. Ἥδομαί γ', ἥδομαι и Ἡνίκ' ἂν δ' ἀχέτας. Объ этихъ пѣсняхъ также нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

10) Гименей, ст. 1320—1349 δεῦρ' ὦ γύναι εἰς ἀγρόν Ut supra.

Итакъ, относительно четырехъ послѣднихъ пѣсенъ реальныя примѣты насъ оставляютъ безъ помощи; первыя же шесть мы можемъ распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

Εἰρήνη προτέρα

I Пародъ ст. 346 сл.=385 сл.

Εἰ γὰρ ἐκγένοιτ' ἰδεῖν ταύτην με τὴν ἡμέραν...
Μηδαμῶς, ὦ δέσποθ' Ἑρμῆ, μηδαμῶς, μηδαμῶς...

II Парабаза.

?

Синтагма

(нѣтъ)

III Стазимонъ ст. 583 сл.

Χαῖρε, χαῖρ' ὡς ἦλθες ἡμῖν ἀσμένοις, φιλτάτη...

IV Вторая парабаза

(нѣтъ)

Εἰρήνη δευτέρα

I Пародъ ст. 301 сл.

[δεῦρο πᾶς χώρει προθύμως εὐθὺ τῆς σωτηρίας]

Коммосъ ст. 459 сл.=486 сл.

Ὦ εἶα...
Ὦ εἶα...

II Парабаза ст. 729 сл.

Μοῦσα, σὺ μὲν πολέμους ἀπωσαμένη μετ' ἐμοῦ
Τοιάδε χρὴ Χαρίτων δαμώματα καλλικόμων

III Стазимонъ

(нѣтъ)

IV Вторая парабаза

?

Съ формальной точки зрѣнія мы получаемъ слѣдующіе результаты: Лирическія части нашей комедіи распадаются на два разряда. Пѣсни перваго разряда сплошь написаны пэонами, пѣсни втораго разряда—дактилями. Такъ какъ пэоны не могутъ переходить въ дактили, то каждый разрядъ принадлежитъ къ особой комедіи. Вслѣдствіе того мы распредѣляемъ наши пѣсни слѣдующимъ образомъ:

А (Εἰρήνη προτέρα)

I Пародъ ст. 346 сл.=385 сл.

Εἰ γὰρ ἐκγένοιτ' ἰδεῖν — пэоны
Μηδαμῶς, ὦ δέσποθ' Ἑρμῆ — пэоны

Эксодъ ст. 583 сл.

Χαῖρε, χαῖρ', ὡς ἡμῖν — пэоны

II Парабаза ст. 1127 сл.=1159 сл.

Ἥδομαί γ', ἥδομαι — пэоны
Ἡνίκ' ἂν δ' ἀχέτας — пэоны

III Стазимонъ.

(нѣтъ)

IV Вторая парабаза

(нѣтъ)

B. (Εἰρήνη δευτέρα)

I Пародъ

(пѣсни нѣтъ)

Коммосъ ст. 459 сл.=466 сл.

Ὦ εἶα... ἀλλ' οὐχ ἕλκουσ'	—	дактили
Ὦ εἶα... οὔχουν δεινόν	—	дактили

II Парабаза ст. 779 сл.=790 сл.

Μοῦσα, σὺ μὲν πολέμους	—	дактили
Τοιάδε χρὴ Χαρίτων	—	дактили

Коммосъ ст. 841 сл.=909 сл.

Εὐδαιμονικῶς γ' ὁ πρεσβύτης	—	дактили
Ἦ χρηστὸς ἀνὴρ πολίταις	—	дактили

III Стазимонъ

(нѣтъ)

Коммосъ 939 сл.—1023 сл.

Ὡς πάνθ' ὅσ' ἂν θεὸς θέλῃ	—	дактили
Σέ τοι θύρασι χρὴ μένειν	—	дактили

IV Вторая парабаза

(нѣтъ)

Экзодъ (Гименей) ст. 1320 сл.

Δεῦρ' ὦ γύναι εἰς ἀγρόν	—	дактили.

Если читатель сравнитъ эту таблицу съ предыдущею, то онъ увидитъ, что обѣ ни въ чемъ не противорѣчатъ одна другой, только послѣдняя гораздо полнѣе первой. Такимъ образомъ открытые нами законы композиціи не только служатъ повѣркою нашихъ прежнихъ положеній, но и вѣрными критеріями во всѣхъ случаяхъ, когда реальныя примѣры оказываются недостаточными.

Остается еще одна комедія—„Тесмофоріазузы".

Мы уже доказали, что изъ двухъ молитвъ хора первая принадлежитъ второму изданію комедіи, то-есть, „Нестіи", вторая же—„Каллигеніи". Надобно однако замѣтить, что первыя три строки первой молитвы:

δεχόμεθα καὶ θεῶν γένος
λιτόμεθα ταῖσδ' ἐπ' εὐχαῖς
φανέντας ἐπιχαρῆναι,

находясь въ антистрофическомъ соотвѣтствіи съ первыми тремя стихами второй молитвы:

ξυνευχόμεθα τέλεια μὲν
πόλει, τέλεια δ' ἡμῖν
τάδ' εὔγματ' ἐχγενέσθαι,

подобно этимъ послѣднимъ, взяты изъ „Каллигенія". Если исключить ихъ, то главнымъ размѣромъ первой пѣсни будутъ дактили, главнымъ же размѣромъ второй—трохеи. Отсюда слѣдуетъ, что темою „Каллигеніи" былъ трохей, темою же „Нестіи"—дактиль. Трохей, какъ извѣстно, допускаетъ μεταβολὴν τοῦ ῥυθμοῦ и развитіе изъ него второстепенной темы—хоріямба. Поэтому мы всѣ пѣсни, написанныя трохеями и хоріямбами, причислимъ къ „Каллигеніи", остальныя же, написанныя дактилями,—къ „Нестіи". Кромѣ этихъ трехъ размѣровъ, въ „Тесмофоріазузахъ" встрѣчается и дохмій; но такъ какъ сцена, въ которой Аристофанъ имъ воспользовался—похищеніе Мнезилохомъ псевдо-ребенка Мики,—ничто иное, какъ пародія Еврипидова „Телефа"—Еврипидъ вообще очень любилъ дохмій вслѣдствіе его страстнаго характера,—то это обстоятельство насъ нисколько не смущаетъ.

Итакъ, мы распредѣляемъ пѣсни слѣдующимъ образомъ:

А. „Тесмофоріазузы"—Каллигенія.

I Пародъ ст. 312—314=352—354, 355—371

Δεχόμεθα καὶ θεῶν γένος	— трохеи
Συνευχόμεθα τέλεια μέν	— трохеи
ст. 111 сл.	
Ἱερὰν Χθονίαις δεξάμεναι	— хоріямбы

II Парабаза

(нѣтъ)

Синтагма (?) 434—442=520—530

Οὔπω ταύτης ἤχουσα	— трохеи
Τουτὶ μέντοι θαυμαστόν	— трохеи

III Стазимонъ ст. 949 сл.

Ὅρμα, χώρει	— трохеи

IV Вторая парабаза

(нѣтъ)

В. „Тесмофоріазузы—Нестія".

Пародъ ст. 315 сл.

Ζεῦ μεγαλώνυμε χρυσολύρα τε	— дактили

II Парабаза ст. 785 сл.

(пѣсни нѣтъ)

III Стазимонъ ст. 949 сл.

Παλλάδα τὴν φιλόχωρον — дактили

IV Вторая парабаза

(нѣтъ)

Искаженной пѣсни ст. 655 сл. мы нарочно не помѣстили ни въ „Каллигеніи", ни въ „Нестіи". По всей вѣроятности, анапестическія ея части написаны κατὰ σύστημα, такъ что однѣ трохаическіе періоды суть μέλη въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ такомъ случаѣ мы можемъ предположить, что она была одною изъ хорическихъ пѣсней „Каллигеніи". Это вполнѣ подтвердило бы высказанную нами въ 12-й главѣ гипотезу, что четыре анапестическіе тетраметра, служащіе введеніемъ къ нашей пѣснѣ, суть ничто иное, какъ телеосинтагмическое четырестишіе комедіи „Каллигенія".

Резюмируя сказанное, мы можемъ раздѣлить комедіи Аристофана на слѣдующія три категоріи:

I. Трохаическія. Сюда относятся:
1) „Рыцари".
2) „Осы"—второстепенная тема—хоріамбъ.
3) „Облака", второе изданіе—второстепенная тема—хоріамбъ.
4) „Лизистрата".
5) „Тесмофоріазузы—Каллигенія".

I. Дактилическія. Сюда относятся:
6) „Облака", первое изданіе.
7) „Миръ", второе изданіе.
8) „Птицы".
9) „Тесмофоріазузы—Нестія".
10) „Экклезіазузы".
11) „Лягушки".

III. Пэоническія. Сюда относятся:
12) „Ахарняне". второстепенная тема—бакхій (дохмій).
13) „Миръ", первое изданіе.

Прежде чѣмъ заключить эту главу, считаемъ нужнымъ замѣтит- слѣдующее:

Разборъ переработанныхъ Аристофаномъ піесъ подтвердилъ наше положеніе, что съ такою переработкою было непремѣнно сопряжено измѣненіе всей музыкальной композиціи. Между тремя комедіями, разсмотрѣнными нами, нѣтъ ни одной, гдѣ оба изданія при-

надлежали бы къ одному и тому же музыкальному разряду. Это, впрочемъ, нисколько не удивительно. Страннѣе то, что въ передѣланныхъ такимъ образомъ комедіяхъ остались лирическія части изъ первыхъ изданій, разрушавшія, надобно полагать, единство композиціи. Но эта несообразность стоитъ наравнѣ съ реальными противорѣчіями въ обработанныхъ драмахъ и не составляетъ возраженія противъ нашей теоріи. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Аристофанъ до вторичнаго представленія своихъ „Облаковъ" имѣлъ намѣреніе переработать всю композицію этой комедіи; но извѣстно, что это вторичное представленіе не состоялось на самомъ дѣлѣ. Незаконченность комедій „Миръ" и „Тесмофоріазузы", какъ въ реальномъ, такъ и въ формальномъ отношеніи легко объяснима, если предположить, что желаніе Аѳинянъ увидѣть эти комедіи во второй разъ застало поэта въ расплохъ, и что онъ не успѣлъ окончить своего дѣла. Впрочемъ, тутъ, быть можетъ, виноваты и наслѣдники Аристофана, издававшіе его комедіи для одного чтенія, безъ акомпанимента.

21.

Слѣдуя установленному нами порядку, обращаемся теперь къ частямъ, написаннымъ тетраметрами, а именно ко вступительному двустишію хора.

Содержаніе его извѣстно читателямъ. Если исключить единственный случай, въ которомъ оно служитъ продолженіемъ высказанной въ строфѣ мысли („Рыцари" 407 сл.):

τὸν Ἰουλίου τ' ἂν οἴομαι, γέροντα πυροπίπην,
ἡσθέντ' ἰηπαιωνίσαι καὶ Βακχέβακχον ᾆσαι,

то вездѣ оно служитъ сигналомъ къ началу спора. Такимъ образомъ, хоръ въ немъ исполняетъ должность распорядителя агона. При такой однообразности содержанія дѣйствительно достойно удивленія, какъ Аристофанъ могъ находить каждый разъ новые обороты, ни разу не повторяясь. Правда, нѣкоторое разнообразіе обусловливается различнымъ отношеніемъ хора къ дѣйствующимъ въ синтагмѣ лицамъ. Въ нѣкоторыхъ комедіяхъ онъ играетъ роль вполнѣ безпристрастнаго судьи; но и при этомъ условіи возможны различные случаи. Или уже въ просинтагмѣ рѣшено, которому изъ обоихъ противниковъ говорить первому; тогда хоръ соблюдаетъ этотъ порядокъ и въ синтагмѣ обращается къ одному, а въ антисинтагмѣ—къ другому противнику („Облака" 1, „Осы"). Или же хоръ самъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, какъ во второй синтагмѣ „Облаковъ" (ст. 1351):

ἀλλ' ἐξ ὅτου τὸ πρῶτον ἤρξαθ' ἡ μάχη γενέσθαι
χρὴ δὴ λέγειν πρὸς τὸν χορόν· πάντως δὲ τοῦτο δράσεις.

Или, наконецъ, онъ предоставляетъ самимъ противникамъ выборъ перваго оратора („Лягушки"). Если изъ обоихъ противниковъ только одинъ долженъ излагать свое мнѣніе, то хоръ, конечно, обращается только къ нему („Птицы"). Если хоръ раздѣленъ на полухорія, то каждое полухоріе обращается къ своему фавориту („Лизистрата"; точно также, вѣроятно, и „Ахарняне"). Если, наконецъ, хоръ съ самаго начала сочувствуетъ одному только противнику, то онъ опять постоянно обращается къ нему („Рыцари").

Сверхъ того, и различныя метафоры, которыми поэтъ пользуется въ этихъ двустишіяхъ, дѣлаютъ его обороты болѣе разнообразными. Во второй синтагмѣ „Рыцарей" онъ сравниваетъ споръ съ извѣстною борьбою παγκράτιον (ст. 841 сл.):

καὶ μὴ μεθῇς τὸν ἄνδρ' ἐπειδή σοι λαβὴν δέδωκεν·
κατεργάσει γὰρ ῥᾳδίως πλευρὰς ἔχων τοιαύτας.

Да и самъ Агоракритъ въ антисинтагмѣ придерживается этой метафоры:

ἐπίσχες ἐν ταῖς ἀσπίσιν· λαβὴν γὰρ ἐνδέδωκας.

Другой разъ споръ сравнивается съ морскимъ сраженіемъ („Рыцари" ст. 761):

ἀλλὰ φυλάττου, καὶ πρὶν ἐκεῖνον προσκεῖσθαί σοι, πρότερος σὺ
τοὺς δελφῖνας μετεωρίζου καὶ τὴν ἄκατον παραβάλλου.

(„Лизистрата" ст. 549):

ἀλλ' ὦ τηθῶν ἀνδρειοτάτη καὶ μητριδίων ἀκαλήφη,
χωρεῖτ' ὀργῇ καὶ μὴ τέγγεσθ'· ἔτι γὰρ νῦν οὔρια θεῖτε.

Самою оригинальною метафорой поэтъ пользуется въ „Осахъ", ст. 648 сл.:

πρὸς ταῦτα μύλην ἀγαθὴν ὥρα ζητεῖν σοι καὶ νεόκοπτον,
ἢν καί τι λέγῃς, ἥτις δυνατὴ τὸν ἐμὸν θυμὸν κατερεῖξαι.

Уже Вестфаль (Metrik² II стр. 402) замѣтилъ, что эти двустишія весьма часто начинаются со слова ἀλλά. Конечно, если этотъ ученый полагаетъ, что это каноническое начало всѣхъ двустишій съ однимъ исключеніемъ („Осы" 649), то это относится только къ анапестическимъ двустишіямъ; въ ямбическихъ поэтъ чаще отступаетъ отъ этого правила. Приводимъ въ примѣръ „Рыцарей" ст. 407 (τὸν Ἰουλίου τ' ἂν) 841 (καὶ μὴ μεθῇς...) и „Облака" ст. 1034 (δεινῶν δέ σοι...), 1397 (σὸν ἔργον ὦ..). Въ этомъ ἀλλά высказывается внезапное проявленіе рѣшенія

открыть споръ. Такимъ же точно образомъ и Тиртей начинаетъ свою знаменитую элегію:

'Αλλ' Ἡρακλέους γὰρ ἀνικήτου γένος ἐστέ,
θαρσεῖτ',

а Проперцій цѣлую книгу (III):

Sed tempus lustrare aliis Helicona choreis.

Труднѣе объяснить, почему хоръ всегда пользуется двустишіемъ для открытія спора. Кристъ (Die Parakataloge 212 сл.) полагаетъ, что всѣ эти двустишія имѣли одну и ту же мелодію, но мы подумаемъ, чтобы дѣло много выигрывало отъ такой гипотезы. Вопервыхъ, все-таки надобно было бы предположить двѣ различныя мелодіи, одну для анапестическихъ, другую для ямбическихъ двустишій; вовторыхъ же, мы встрѣчаемъ форму вступительнаго двустишія и въ діалогахъ, написанныхъ ямбическими триметрами, не допускающими музыкальнаго аккомпанимента (объ этомъ см. ниже). Приведемъ примѣры:

„Ахарняне", ст. 364 сл.:

ἀλλ' ἧπερ αὐτὸς τὴν δίκην διωρίσω,
θεὶς δεῦρο τοὐπίξηνον ἐγχείρει λέγειν.

ibid., ст. 1069:

καὶ μὴν ὁδί τις τὰς ὀφρῦς ἀνεσπακὼς
ὥσπερ τι δεινὸν ἀγγελῶν ἐπείγεται.

„Осы", ст. 1297 сл.:

τί δ' ἔστιν, ὦ παῖ; παῖδα γάρ, κἂν ᾖ γέρων,
καλεῖν δίκαιον, ὅστις ἂν πληγὰς λάβῃ.

„Птицы", ст. 1197 сл.:

ὡς ἐγγὺς ἤδη δαίμονος πεδαρσίου
δίνης πτερωτὸς φθόγγος ἐξακούεται.

„Лизистрата", ст. 706 сл.:

ἄνασσα πράγους τοῦδε καὶ βουλεύματος,
τί μοι σκυθρωπὸς ἐξελήλυθας δόμων;

ibid., ст. 1074 сл.:

ἄνδρες Λάκωνες, πρῶτα μέν μοι χαίρετε,
εἶτ' εἴπαθ' ἡμῖν, πῶς ἔχοντες ἥκετε.

Общія всѣмъ этимъ двустишіямъ примѣты: вопервыхъ—ихъ каноническое мѣсто послѣ хорической пѣсни; всѣ они произносятся хоромъ, который этимъ даетъ сигналъ для перехода изъ музыки въ ψιλὴ λέξις діалога; вовторыхъ—трагическій тонъ и строгое избѣжаніе киклическаго анапеста; это обстоятельство заставляетъ насъ думать, что образцы этихъ двустишій мы найдемъ въ трагедіи. И

дѣйствительно, въ особенности Еврипидъ пользуется ими нерѣдко: напримѣръ, Herc. fur. 138 сл.

ἀλλ' εἰσορῶ γὰρ τῆσδε κοίρανον χθονὸς
Λύκον περῶντα τῶνδε δωμάτων πύλας.

Первая изъ двухъ названныхъ примѣтъ до нѣкоторой степени разрѣшаетъ загадку. Очевидно, цѣль, преслѣдуемая хоромъ въ нашемъ двустишіи,—не только дать сигналъ къ началу спора, но и назначить размѣръ стиховъ, которыми должны пользоваться противники. Этимъ объясняется каноническая форма двустишія; дѣйствительно, одного стиха недостаточно, такъ какъ одинъ стихъ не можетъ дать понятія о метрическомъ сложеніи всей сцены; большее же количество стиховъ было бы лишнимъ.

„Давать сигналъ" на греческомъ языкѣ значитъ κατακελεύειν, оттого наше двустишіе мы назвали δίστιχον κατακελευσματικόν. Всѣмъ извѣстна сцена изъ комедіи „Лягушки", въ которой Вакхъ въ лодкѣ Харона переправляется черезъ озеро; Вакхъ боится, что не сумѣетъ равномѣрно опускать весла, не будучи гребцомъ; а Харонъ утѣшаетъ его и обѣщаетъ, что лягушки споютъ имъ чудную пѣсню:

Вакхъ.

κᾆτα πῶς δυνήσομαι
ἄπειρος, ἀθαλάττωτος, ἀσαλαμίνιος
ὢν εἶτ' ἐλαύνειν;

Харонъ.

ῥᾷστ'. ἀκούσει γὰρ μέλη
βατραχοκύκνων θαυμαστά.

Вакхъ.

κατακέλευε δή

Харонъ.

ὦ ὀπὸπ ὦ ὀπόπ.

Лягушки.

βρεκεκεκὲξ κοὰξ κοάξ и т. д.

Харонъ, очевидно, не только даетъ сигналъ для начала пѣсни, но вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ и размѣръ этой послѣдней, синкопированные трохеи —◡ —̄ — ◡ — Λ. Дѣйствительно, лягушки соблюдаютъ этотъ размѣръ:

ὦ ὀπὸπ — ὦ ὀπόπ
βρεκεκεκὲξ κο — ὰξ κοάξ
λιμ—ναῖα κρη — νῶν τέκνα
ξύν—αυλον ὕμ — νων βοάν и т. д.

Возникаетъ теперь двойной вопросъ: вопервыхъ, имѣютъ ли произнесенныя хоромъ двустишія всегда катакелейзматическое значеніе, и вовторыхъ, служатъ ли таковыя двустишія анапестическаго или ямбическаго размѣра всегда введеніемъ въ синтагму?

Чтобъ отвѣтить на эти вопросы, надобно прежде всего собрать всѣ находящіяся у Аристофана лирическія двустишія простыхъ размѣровъ. Ямбическіе триметры уже собраны нами, такъ что мы можемъ сразу обратиться къ тетраметрамъ.

А. Трохаическіе тетраметры.

„Ахарняне" ст. 302 сл.

Σοῦ δ'ἐγὼ λόγους λέγοντος οὐκ ἀκούσομαι μακρούς,
ὅστις ἐσπείσω Λάκωσιν, ἀλλὰ τιμωρήσομαι.

Этому двустишію предшествуетъ пэоническая пѣсня хора, а за ними слѣдуетъ разговоръ между хоромъ и Дикэополемъ, написанный трохаическими тетраметрами.

„Миръ" ст. 602 сл.

ἀλλὰ ποῦ ποτ' ἦν ἀφ' ἡμῶν τὸν πολὺν τοῦτον χρόνον
ἥδε; τοῦθ' ἡμᾶς δίδαξον ὦ θεῶν εὐνούστατε.

Мы уже замѣтили (гл. 11), что это двустишіе—начало синтагмообразнаго діалога между Тригеемъ и Меркуріемъ.

„Птицы" ст. 352 сл.

ἀλλὰ μὴ μέλλωμεν ἤδη τῶδε τίλλειν καὶ δάκνειν.
ποῦ 'σθ' ὁ ταξίαρχος; ἐπαγέτω τὸ δεξιὸν κέρας.

И здѣсь двустишіе слѣдуетъ непосредственно за лирическою строфою хора и служитъ введеніемъ въ діалогъ, написанный трохаическимъ тетраметромъ.

„Тесмофоріазузы" ст. 686 сл.

ἀλλ' ἔοιχ' ἡμῖν ἅπαντά πως διεσκέφθαι καλῶς.
οὐχ ὁρῶμεν γοῦν ἔτ' ἄλλον οὐδέν' ἐγκαθήμενον.

Этимъ двустишіемъ оканчивается хорическая пѣсня, но слѣдующій діалогъ написанъ не трохаическими тетраметрами, а ямбическими триметрами. Удивляться впрочемъ тому нечего, такъ какъ намъ извѣстно, сколько потерпѣла именно эта комедія отъ діаскевазы.

„Тесмофоріазузы" ст. 702 сл.

ὡς ἅπαντ' ἄρ' ἐστὶ τόλμης μεστὰ κἀναισχυντίας.
οἷον αὖ δέδρακεν ἔργον, οἷον αὖ, φίλαι, τοδί.

Предыдущая строфа написана дохміями, и слѣдующій діалогъ—трохаическими тетраметрами.

„Тесмофоріазузы" ст. 726.

ἀλλὰ τάσδε μὲν λαβεῖν χρῆν ἐκφέρειν τε τῶν ξύλων,
καὶ καταίθειν τὸν πανοῦργον πορπολεῖν θ'ὅσον τάχος.

И здѣсь слѣдующій діалогъ написанъ ямбами, по той же причинѣ.

B. Ямбическіе тетраметры.

Двустишій, находящихся въ синтагмахъ № 1—10, мы здѣсь, конечно, исчислять не будемъ.

„Лизистрата" ст. 350 сл.

ἔασον ὦ. τουτὶ τί ἦν; ὤνδρες πόνῳ πονηροί·
οὐ γάρ ποτ' ἂν χρηστοί γ' ἔδρων οὐδ' εὐσεβεῖς τάδ' ἄνδρες.

Предыдущая строфа написана іониками-хоріямбами (народъ женщинъ), а слѣдущій діалогъ между обоими полухоріями—ямбическими тетраметрами.

„Тесмофоріазузы" ст. 381.

σίγα, σιώπα, πρόσεχε τὸν νοῦν. χρέμπτεται γὰρ ἤδη
ὅπερ ποιοῦσ' οἱ ῥήτορες· μακρὰν ἔοικε λέξειν.

Это двустишіе совершенно ненормально помѣщено среди обыкновеннаго діалога. Но мы уже замѣтили (гл. 11), что оно, по всей вѣроятности, служило введеніемъ въ синтагму „Каллигенін".

„Тесмофоріазузы" ст. 531.

ἀλλ' οὐ γάρ ἐστι τῶν ἀναισχύντων φύσει γυναικῶν
οὐδὲν κάκιον εἰς ἅπαντα πλὴν ἄρ' εἰ γυναῖκες.

Предшествуетъ лирическая строфа хора, слѣдуетъ синтагмообразный діалогъ между Микой и Мнезилохомъ (№ 14).

C. Анапестическіе тетраметры.

„Облака" ст. 476.

ἀλλ' ἐγχείρει τὸν πρεσβύτην ὅ τι περ μέλλεις προδιδάσκειν
καὶ διακίνει τὸν νοῦν αὐτοῦ καὶ τῆς γνώμης ἀποπειρῶ.

Мы уже замѣтили въ предыдущей главѣ, что это двустишіе, слѣдующее непосредственно за лирическою строфою хора, по всей вѣроятности, служило введеніемъ въ синтагму перваго изданія „Облаковъ".

„Осы" ст. 346.

ἀλλ' ἐκ τούτων ὥρα τινά σοι ζητεῖν καινὴν ἐπίνοιαν,
ἥτις σε λάθρᾳ τἀνδρὸς τουδὶ καταβῆναι δεῦρο ποιήσει.

Этимъ двумъ стихамъ соотвѣтствуютъ 379 сл.

ἀλλ' ἐξάψας διὰ τῆς θυρίδος τὸ καλῴδιον εἶτα καθίμα
δήσας σαυτὸν καὶ τὴν ψυχὴν ἐμπλησάμενος Διοπείθους.

Оба двустишія служатъ введеніемъ въ двѣ соотвѣтствующія одна

другой части анапестическаго парода, которыя имѣютъ много сходства съ синтагмами.

„Лизистрата" ст. 1072 сл.

καὶ μὴν ἀπὸ τῆς Σπάρτης οἱδὶ πρέσβεις ἕλκοντες ὑπήνας
χωροῦσ' ὥσπερ χοιροκομεῖον περὶ τοῖς μηροῖσιν ἔχοντες.

Это двустишіе, слѣдующее непосредственно за стазимомъ хора, служитъ введеніемъ не въ синтагму, а, подобно только что упомянутымъ двустишіямъ „Осъ", въ народъ второстепеннаго хора (παραχορήγημα) лаконскихъ пословъ, съ тою только разницею, что пародъ Спартанцевъ сопровождается здѣсь одною музыкою. Между этимъ анапестическимъ и слѣдующимъ ямбическимъ двустишіемъ (ст. 1074 сл.) надобно предположить паузу.

„Птицы" ст. 637 сл.

ἀλλ' ὅσα μὲν δεῖ ῥώμῃ πράττειν, ἐπὶ ταῦτα τεταξόμεθ' ἡμεῖς
ὅσα δὲ γνώμῃ δεῖ βουλεύειν, ἐπὶ σοὶ τάδε πάντ' ἀνακεῖται.

Это двустишіе не служитъ введеніемъ ни въ синтагму, ни въ другой анапестическій діалогъ, ни даже въ сопровождаемый музыкою пародъ; поэтому мы соединяемъ его (см. гл. 6) съ двустишіемъ 627 сл., такъ чтобы двустишія эти вмѣстѣ образовали телеосинтагматическое четырестишіе.

Такимъ образомъ мы можемъ извлечь слѣдующее правило изъ исчисленныхъ нами примѣровъ: Катакелейзматическія написанныя тетраметрами двустишія всегда слѣдуютъ за строфами хора и служатъ введеніемъ въ діалогъ, написанный такими же тетраметрами; этотъ діалогъ можетъ быть замѣненъ музыкою, при чемъ надобно предположить, что эта музыка по своему размѣру могла служить акомпаниментомъ замѣняемому ею діалогу.

22.

Обращаемся теперь къ самому діалогу, написанному тетраметрами—синтагмѣ и антисинтагмѣ.

Мы знаемъ, что эти тетраметры почти исключительно или анапестическаго, или ямбическаго размѣра. Но кромѣ этихъ двухъ размѣровъ, надобно взять въ соображеніе и третій—трохаическій, такъ какъ имъ написаны не только мезодическіе стихи въ синтагмѣ „Рыцарей, но и цѣлая синтагмоподобная сцена комедіи „Миръ". Нельзя предположить, чтобъ Аристофанъ по собственной прихоти употребилъ тутъ этотъ размѣръ; можно допустить, что онъ слѣдовалъ древнему, установившемуся обычаю аттическихъ комиковъ. Дѣйствительно, исто-

рія развитія не только комедіи, но и драмы вообще, потверждаетъ это предположеніе. Мы знаемъ, что самые древніе драматики въ своихъ діалогахъ пользовались почти исключительно трохаическимъ тетраметромъ [1]), и что только съ теченіемъ времени его замѣнилъ ямбъ.

Та же тріада размѣровъ встрѣчается нами и въ пародахъ. Весьма интересно обратить вниманіе на различныя, характерныя ихъ ἤθη. Ἦθος трохаическаго размѣра высказывается самимъ именемъ (τροχαῖος отъ глагола τρέχειν, χορεῖος отъ χορός): это—ритмъ, свойственный бѣгу и оживленной пляскѣ. Аристотель называетъ его τροχερὸν ῥυθμόν, σατυρικόν, ὀρχηστικόν, κορδακικόν [2]). Оттого Аристофанъ пользовался имъ преимущественно въ тѣхъ пародахъ, въ которыхъ хоръ бѣгомъ являлся въ орхестрѣ.

Для „Ахарнянъ" это засвидѣтельствовано авторомъ. Въ ст. 185 Амфитей говоритъ:

ἐγὼ δ' ἔφευγον, οἱ δ' (то-есть χορός) ἐδίωκον κἀβόων.

Въ ст. 206 самъ хоръ поетъ:

τῇδε πᾶς ἕπου, δίωκε καὶ τὸν ἄνδρα πυνθάνου.

Кромѣ того, заслуживаетъ вниманія замѣчаніе схоліаста къ ст. 204: παράγονται δὲ (οἱ 'Αχαρνεῖς) συντόνως μετὰ σπουδῆς διώκοντες τὸν 'Αμφίθεον ... γέγραπται δὲ τὸ μέτρον τροχαϊκόν, πρόσφορον τῇ τῶν διωκόντων γερόντων σπουδῇ. ταῦτα δὲ ποιεῖν εἰώθασιν οἱ τῶν δραμάτων ποιηταὶ τραγικοὶ καὶ κωμικοί, ἐπειδὰν δρομαίως εἰσάγωσι τοὺς χορούς, ἵνα καὶ ὁ λόγος συντρέχῃ τῷ δράματι.

То же относится и къ „Рыцарямъ" ст. 243:

οὐκ ἐλᾶτε πρὸς τὸ δεξιὸν κέρας;

Въ пародѣ комедіи „Миръ" хоръ отчасти бѣгаетъ, отчасти пляшетъ (κόρδαξ); см. ст. 324:

ἀλλ' ἔγωγ' οὐ σχηματίζειν βούλομ', ἀλλ' ὑφ' ἡδονῆς
οὐκ ἐμοῦ κινοῦντος αὐτὼ τὼ σκέλη χορεύετον.

Въ „Птицахъ" хоръ является на сцену, бѣгая туда и сюда; см. ст. 305:

ἰοὺ ἰοὺ τῶν ὀρνέων, ἰοὺ ἰοὺ τῶν κοψίχων,
οἷά πιππίζουσι καὶ τ ρ έ χ ο υ σ ι διακεκραγότες.

---

[1]) Aristot. de arte poet c. IV τό τε μέτρον ἐκ τετραμέτρου (τροχαϊκοῦ) ἰαμβεῖον ἐγένετο· τὸ μὲν γὰρ πρῶτον τετραμέτρῳ ἐχρῶντο διὰ τὸ σατυρικὴν καὶ ὀρχηστικωτέραν εἶναι την ποίησιν. См. Muff. Vortrag стр. 33.

[2]) Aristot. ibid; кромѣ того см. Rhetor, 3,8.

Итакъ, трохаическій тетраметръ сопровождается бѣгомъ или пляскою хора. Ямбическій тетраметръ нѣсколько спокойнѣе. Особаго рода ἦθος придаетъ ему χρόνος τρίσημος въ предпослѣднемъ слогѣ. Дѣйствительно, если раздѣлить стихи на такты, то въ трохаическомъ тетраметрѣ каждый долгій слогъ имѣетъ двѣ моры (morae) и соотвѣтствуетъ нашей нотѣ ♩; въ ямбическомъ же предпослѣдній слогъ, содержащій въ себѣ и θέσις слѣдующей стопы, равенъ тремъ морамъ, то-есть ♩.

— ◡ — ◡ | — ◡ — ◡ | — ◡ — ◡ | — ◡ — ∧

◡ | — ◡ — ◡ | — ◡ — ◡ | — ◡ — ◡ | ⌐ — ∧

А какъ извѣстно, χρόνοι τρίσημοι не свойственны слишкомъ быстрымъ движеніямъ. Поэтому ямбическій тетраметръ сопровождается не бѣгомъ, а скорымъ, торопливыхъ ходомъ (не τρέχειν, а σπεύδειν, βαδίζειν). Аристофанъ пользуется имъ въ слѣдующихъ пародахъ:

„Осы" ст. 229:

χώρει πρόβαιν' ἐρρωμένως· ὦ Κωμία, βραδύνεις;

ср. ст. 231 βαδίζειν, 257 βαδίζων.

„Лизистрата" ст. 254:

χώρει, Δράκης, ἡγοῦ β ά δ η ν, εἰ καὶ τὸν ὦμον ἀλγεῖς

256. ἀλλ' ὡς τάχιστα πρὸς πόλιν σπεύσωμεν ὦ Φιλοῦργε

„Экклезіазузы" ст. 285:

ὥρα προβαίνειν, ὦνδρες. ἡμῖν ἐστι. τοῦτο γὰρ χρή...

289. χωρῶμεν εἰς ἐκκλησίαν ὦνδρες.

„Богатство" ст. 255:

ἴτ', ἐγκονεῖτε, σπεύδεθ', ὡς ὁ καιρὸς οὐχὶ μέλλειν

257. οὔκουν ὁρᾷς ὁρμωμένους ἡμᾶς πάλαι προθύμως.

259. σὺ δ' ἀξιοῖς ἴσως με θεῖν πρὶν ταῦτα καὶ φράσαι μοι.

Особенно послѣдній стихъ доказываетъ, что ямбическій маршъ былъ скорымъ ходомъ, но не бѣгомъ.

Анапестическій стихъ, напротивъ, сопровождался весьма тихимъ, торжественнымъ ходомъ.

„Облака" ст. 323:

βλέπε νῦν δευρὶ πρὸς τὴν Πάρνηθ'· ἤδη γὰρ ὁρῶ κ α τ ι ο ύ σ α ς
ἡ σ υ χ ῇ α ὐ τ ά ς.

Особенно интересенъ пародъ комедіи „Осы". Онъ распадается на три части, и въ каждой изъ нихъ съ замѣчательнымъ искусствомъ выбранъ размѣръ, соотвѣтствующій движеніямъ хора. Этотъ послѣдній въ первой части парода (ст. 230—272) скорымъ шагомъ появляется въ орхестру, останавливается передъ домомъ Клеонослава—до этого

мѣста пародъ написанъ ямбическими тетраметрами—и вызываетъ его пѣснью изъ дома. Клеонославъ появляется у окна, проситъ товарищей помочь ему убѣжать, но потише, чтобы Клеонохулъ не проснулся. Слѣдуетъ вторая часть парода (346—402), написанная анапестическими тетраметрами. Музыка играетъ pianissimo, хоръ тихимъ шагомъ изъ орхестры переходитъ на сцену и подкрадывается къ самому дому Клеонослава; этотъ послѣдній при помощи каната спускается внизъ. Вдругъ Клеонохулъ просыпается: начинается смятеніе, брань, наконецъ драка между хоревтами и рабами Клеонохула, хоръ обращается въ бѣгство, покидаетъ сцену и возвращается въ орхестру. Эта послѣдняя часть парода написана трохаическими тетраметрами (ст. 435—525).

Все это даетъ намъ право опредѣлить слѣдующимъ образомъ ἦθος нашихъ тетраметровъ:

Трохаическому тетраметру соотвѣтствуетъ бѣгъ или пляска, ямбическому—ускоренный маршъ; анапестическому—тихій и торжественный ходъ.

Объ этомъ свойствѣ тетраметровъ въ отношеніи къ синтагмѣ намъ придется говорить ниже. Тутъ же вполнѣ умѣстно заняться вопросомъ: встрѣчаются ли тетраметры и внѣ пародовъ и синтагмъ, и всегда ли они сопровождаются маршемъ или танцами хора?

И тутъ надобно отдѣлить лирическіе тетраметры отъ написанныхъ κατὰ στίχον. Первые, точно также какъ и лирическіе триметры, никогда не встрѣчаются по нѣскольку подъ рядъ, и заниматься ими намъ нечего. Что касается послѣднихъ, то они достойны нашего вниманія, и мы въ слѣдующихъ строкахъ дадимъ перечень сценъ, написанныхъ тетраметрами, за исключеніемъ, конечно, пародовъ и синтагмъ № 1—10.

А. Трохаическіе метраметры.

„Ахарняне“ ст. 284—346. Коммосъ Дикэополя и хора. Хоръ пользуется сначала пэоническими тетраподіями, подъ конецъ же и онъ, подобно Дикэополю, переходитъ къ трохаическимъ тетраметрамъ. Пѣніе хора сопровождалось пляскою, см. ст. 344:

ἐχσέσεισται χαμᾶζ'· οὐχ ὁρᾷς σειόμενον;
ἀλλὰ μή μοι πρόφασιν, ἀλλὰ κατάθου τὸ βέλος·
ὡς ὅδε γε σειστὸς ἅμα τῇ στροφῇ γίγνεται.

Впрочемъ, вся эта сцена служитъ до нѣкоторой степени продолженіемъ и окончаніемъ прерваннаго ямбическимъ разговоромъ Дикэополя и фаллическою пѣснью парода (ст. 242—279).

Относительно „Мира“ можно сказать то же, ст. 557—581. Дѣйствительно, пародъ комедіи (ст. 301—345) въ своей первой части закончепъ трохаическою системою Тригея ст. 339—345. За этою частью слѣдуютъ пэоническая пѣсня хора (346—360) и ямбическій разговоръ Меркурія съ Тригеемъ (361—382), затѣмъ опять пэоническая пѣсня (385—399) и ямбическій разговоръ (400—462), далѣе коммосъ (463—472), ямбическій діалогъ (473—485), еще коммосъ (486—499) и еще ямбическій діалогъ (500—515), наконецъ эподъ (516—523) и ямбическій діалогъ (524—556). Симметрія очевидна:

Трох. тетраметры.	Строфа А.	Антистрофа А.	Строфа В.	Антистрофа В.	Эподъ	Трох. тетраметры.
301—338	346—360	385—399	463—472	486—499	516—523	557—570
трох. дим.	Діалогъ	Діалогъ	Діалогъ	Діалогъ	Діалогъ	трох. дим.
339—345	361—382	400—462	473—485	500—515	524—556	571—581

Дѣйствительно, мы видимъ, что въ этой сценѣ крестьяне покидаютъ сцену и возвращаются „въ деревню“, то-есть, въ орхестру ст. 555 сл.:

ἀκούετε λεῴ· τοὺς γεωργοὺς ἀπιέναι,
τὰ γεωργικὰ σκεύη λαβόντας, εἰς ἀγρὸν
ὡς τάχιστ' ἄνευ δορατίου καὶ ξίφους κἀκοντίου.

„Лизистрата“ ст. 1014—1042. Оба враждебныя полухорія мирятся. Такъ какъ они сначала стояли отдѣльно, а подъ конецъ соединяются (ст. 1042):

ἀλλὰ κοινῇ συσταλέντες τοῦ μέλους ἀρξώμεθα,

то надобно предполагать, что трохаическіе тетраметры были сопровождаемы орхестическими движеніями полухорій по направленію одного къ другому. Впрочемъ, только семь послѣднихъ стиховъ суть настоящіе тетраметры; остальные имѣютъ λεῖμμα въ предпослѣднемъ тактѣ:

— ◡ — ◡ | — ◡ — ◡ | — ◡ ◡ ◡ ∧ | — ◡ —

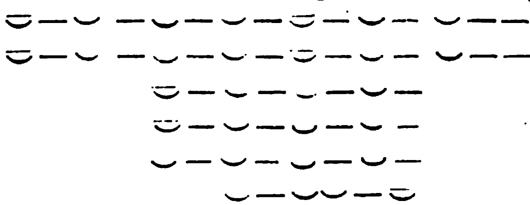
„Экклезіазузы“ ст. 1164 сл. Хоръ собирается уходить. Что и здѣсь тетраметры сопровождались пляскою, доказывается ст. 1165:

κρητικῶς οὖν τὼ πόδε
καὶ σὺ κίνει.

Кромѣ того, всѣмъ извѣстно, что почти всѣ эпирремы написаны трохаическими тетраметрами. Объ этомъ обстоятельствѣ, равно какъ и о танцахъ, сопровождавшихъ эпирремы, читатель найдетъ всѣ данныя у Вестфаля (Prolegomena zu Aeschylus стр. 44 сл.).

B. Ямбическіе тетраметры.

„Ахарняне“ 836—859. Пѣсня хора имѣетъ слѣдующій составъ:



Эта строфа—два тетраметра и ямбическая система—повторяется четыре раза. Такимъ образомъ всѣ четыре строфы вмѣстѣ составляютъ стазимонъ, а что стазимы всегда сопровождались орхестическими движеніями хора, извѣстно каждому.

„Ахарняне“ ст. 1226—1234 экзодъ хора. Здѣсь также за тетраметрами слѣдуетъ маленькая система.

„Миръ“ ст. 508—511. Хоръ приступаетъ къ удаленію камней, загораживающихъ входъ въ пещеру.

„Лизистрата“ ст. 350—386. Перебранка обоихъ полухорій. Эта сцена собственно принадлежитъ еще къ пароду, написанному, какъ извѣстно, также ямбическими тетраметрами.

„Тесмофоріазузы“ ст. 531—573. Синтагмообразная перебранка между Мнезилохомъ и Микою.

„Экклезіазузы“ ст. 479—503. Эпипародъ хора.

Изъ приведенныхъ нами шести примѣровъ первый—лирическаго характера, второй служитъ экзодомъ комедіи, третій состоитъ всего изъ четырехъ стиховъ, четвертый и шестой принадлежатъ до нѣкоторой степени къ пародамъ, пятый представляетъ подобіе синтагмы. Такимъ образомъ мы можемъ признать, что за исключеніемъ пародовъ экзодовъ и синтагмъ, ямбическій тетраметръ въ аттической комедіи не употреблялся,

C. Анапестическіе тетраметры,

Ими Аристофанъ пользовался во всѣхъ парабазахъ, за исключеніемъ только „Облаковъ“. Кромѣ того они употребляются въ слѣдующихъ сценахъ:

„Рыцари“ ст. 1316—1334, самая торжественная сцена во всей комедіи. Агоракритъ приноситъ хору вѣсть о возрожденіи Дема. Вскорѣ послѣ этого появляется самъ Демъ. Безъ сомнѣнія, именно его приходъ на сцену сопровождается анапестическою музыкою. Извѣстно, что въ трагедіяхъ анапестическія системы весьма часто употребляются такимъ образомъ; наша же сцена имѣетъ дѣйствительно трагическую обстановку.

„Облака" ст. 1510. Экзодъ хора состоитъ здѣсь всего изъ одного стиха; надобно полагать, что музыка играла слѣдующіе.

„Осы" ст. 346—357, 379—402. Вестфаль (Metrik², II, 421) называетъ эту сцену синтагмою; но такъ какъ она содержитъ въ себѣ разговоръ между хоромъ и Клеонославомъ, то мы скорѣе въ правѣ назвать ее второю частью парода. Впрочемъ мы уже говорили о ней.

„Осы" ст. 875—888. Торжественная молитва Клеопохула передъ началомъ собачьяго процесса. Анапесты кончаются системою.

„Осы" ст. 1516 сл. Хоръ уступаетъ свое мѣсто сыновьямъ Каркина (ст. 1516 ξυγχωρήσομεν ἅπαντες).

„Миръ" ст. 1316—1319. Начало экзода. За тетраметрами слѣдуетъ маленькая система, за нею ἐπιθαλάμιον.

„Лизистрата" ст. 1108—1111. Хоръ привѣтствуетъ Лизистрату.

„Экклезіазузы" ст. 514—519. Краткій разговоръ хора съ Праксагорою — конецъ эпипарода и начало просинтагмы.

Кромѣ этихъ примѣровъ, мы у Аристофана не встрѣчаемъ другихъ случаевъ употребленія анапестическаго тетраметра.

На основаніи сказаннаго, мы можемъ вывести общій законъ, что всѣ тетраметры всегда сопровождались маршемъ хора.

До того же результата мы дойдемъ, если разберемъ метрическій составъ, происхожденіе и развитіе каждаго изъ тетраметровъ.

Общая всѣмъ маршевымъ стихамъ примѣта—что всѣ ихъ частицы являются не по одиночкѣ и не по три, а попарно. Двѣ стопы образуютъ метръ, два метра— κῶλον, два κῶλα—стихъ, два стиха—дистихъ, два дистиха — строфу, до тѣхъ поръ, пока эта парность можетъ быть замѣчена слухомъ. Стихи, не назначенные для марша, напротивъ того, разлагаются не на диподіи, а предпочтительно на триподіи. Оттого мы видимъ, что два единственные стиха, которыми древніе пользовались κατὰ στίχον для композицій, не сопровождаемыхъ маршемъ,—дактилическій гексаметръ и ямбическій триметръ—оба состоятъ изъ шести стопъ.

Анапестическій тетраметръ съ самыхъ древнихъ временъ былъ маршевымъ стихомъ κατ' ἐξοχήν. Мы знаемъ, что спартанскія походныя пѣсни, такъ-называемыя эмбатеріи, были написаны этимъ стихомъ. Начало такой эмбатеріи сохранилъ намъ Гефестіонъ:

Ἄγετ' ὦ Σπάρτας ἔνοπλοι κοῦροι ποτὶ τὰν Ἄρεως κίνασιν.

Если исключить спондей въ предпослѣднемъ тактѣ, то этотъ стихъ ничѣмъ не отличается отъ знакомаго намъ тетраметра комедіи. Но именно въ этомъ спондеѣ заключается характеристическая раз-

ница между дорическимъ и аттическимъ тетраметромъ. Извѣстно, что спондей въ предпослѣднемъ тактѣ придаетъ цѣлому стиху особое ἦθος. Не можетъ быть случайнымъ совпаденіе, что второй дорическій тетраметръ, сохраненный намъ изъ произведеній сицилійскаго комика Аристоксена Селинунтскаго, имѣетъ то же качество:

τίς ἀλαζονίαν πλεῖσταν παρέχει τῶν ἀνθρώπων; τοὶ μάντεις.

(см. Ветсфаль Metrik[2] II, 403). Въ другой извѣстной эмбатеріи

Ἄγετ' ὦ Σπάρτας εὐάνδρου
κοῦροι πατέρων πολιηττᾶν,
λαιᾷ μὲν ἴτυν προβάλεσθε,
μὴ φειδόμενοι τᾶς ζωᾶς,
οὐ γὰρ πάτριον τᾷ Σπάρτᾳ.

спондей также преобладаетъ въ предпослѣднемъ тактѣ. У Аристофана онъ встрѣчается только въ спонданческой пѣснѣ (пародъ „Лягушекъ"), очень похожей на эмбатерію:

χώρει νῦν πᾶς ἀνδρείως
εἰς τοὺς εὐώδεις κόλπους и т. д.

Въ тетраметрахъ спондей совершенно неупотребителенъ. Это доказываетъ, что аттическій тетраметръ взятъ не непосредственно изъ дорической комедіи, а имѣетъ общее съ дорическимъ происхожденіе. Вестфаль полагаетъ, что имъ впервые пользовались сочинители ямбическихъ стиховъ въ своихъ спонданческихъ процессіяхъ; и дѣйствительно, пародъ „Лягушекъ" — образецъ такой процессіи—сильно подтверждаетъ его мнѣніе.

Анапестическому тетраметру въ орхестикѣ соотвѣтствуетъ ямбическій, самый древній, быть можетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самый живучій изъ греческихъ стиховъ. Аѳеней сообщаетъ намъ народную греческую пѣсню, о которой онъ самъ говоритъ, что она пѣлась при хороводахъ (ἡ καλουμένη ἄνθεμα):

ποῦ μοι τὰ ῥόδα, ποῦ μοι τὰ ἴα, ποῦ μοι τὰ καλὰ σέλινα;
ταδὶ τὰ ῥόδα, ταδὶ τὰ ἴα, ταδὶ τὰ καλὰ σέλινα.

Когда метръ былъ замѣненъ акцентомъ, изъ ямбическаго тетраметра образовался политическій стихъ, оставшійся по сіе время любимымъ стихомъ для народныхъ греческихъ пѣсенъ. Гиппонактъ первый, говорятъ, ввелъ этотъ стихъ въ греческую словесность: оттого и грамматики называютъ ямбическій тетраметръ гиппонактеемъ. Въ какой связи аттическая комедія находится съ поэзіей Гиппонакта, объ этомъ здѣсь говорить неумѣстно.

Трохаическій тетраметръ былъ съ самыхъ древнихъ временъ въ упо-

требленія при необузданныхъ вакхическихъ танцахъ. Намъ извѣстно, что Архилохъ писалъ свои вакхическія пѣсни именно этими стихами. Въ комедіи ему по праву принадлежатъ эпирремы парабазъ, а отчасти и пароды; изъ синтагмъ вытѣснили его ямбическій и анапестическій тетраметры въ эксодахъ же онъ, по всей вѣроятности, никогда не былъ въ употребленіи. Это послѣднее обстоятельство объясняется словами схоліаста („Осы" ст. 1536): εἰσέρχεται ὁ χορὸς ὀρχούμενος, οὐδαμῶς δὲ ἐξέρχεται.

23.

Всѣ вообще тетраметры мы можемъ раздѣлить на два главные отдѣла. Къ первому отдѣлу могутъ быть отнесены всѣ тетраметры, произносимые хоромъ; ко второму—тѣ, которые составляютъ роль актера. Первые мы будемъ называть хорическими, вторые—діалогическими тетраметрами. Хорическими тетраметрами написаны всѣ парабазы и большая часть пародовъ и эксодовъ; діалогическіе мы встрѣчаемъ во всѣхъ синтагмахъ, а отчасти въ пародахъ и эксодахъ. Оба отдѣла не мало различаются другъ отъ друга.

Въ композиціи цѣлыхъ строфъ хорическіе тетраметры пользуются гораздо большею свободою, чѣмъ діалогическіе. Эта свобода прежде всего заключается въ томъ, что тетраметры, особенно трохаическіе, могутъ быть замѣняемы другими стихами, равными имъ большею частью по количеству стопъ, но не по размѣру. Слѣдующіе примѣры пояснятъ наше положеніе.

Пародъ „Ахарнянъ" начинается, какъ извѣстно, трохаическими тетраметрами. Но въ пятомъ стихѣ трохаическій размѣръ вдругъ переходитъ въ пэоническій, и мы получаемъ два пэоническіе гексаметра, которымъ слѣдуетъ пэоническая система. Правда, новѣйшіе издатели не признаютъ этой системы; но мы вполнѣ соглашаемся съ Г. Германомъ (Elementa doctrinae metricae стр. 203) и распредѣляемъ слѣдующіе за гексаметрами стихи, подобно ему, такимъ образомъ:

ἠκολούθουν Φαΰλ-
λῳ τρέχων, ὧδε φαύ-
λως ἂν ὁ σπονδοφόρος
οὗτος ὑπ' ἐμοῦ τότε δι-
ωκόμενος ἐξέφυγεν
οὐδ' ἂν ἐλα-
φρῶς ἂν ἀπεπλίξατο

Допускаемъ разницу только въ томъ, что по нашему распредѣленію предпослѣдній стихъ — монометръ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ законамъ системы. Но все-таки намъ кажется, что эти стихи искажены;

по крайней мѣрѣ четыре раза повторенное ἂν въ томъ же предложенія (οὐκ ἂν ἐπ' ἐμῆς γε νεότητος... ὧδε φαύλως ἄν... ἐξέφυγεν οὐδ' ἂν ἐλαφρῶς ἂν ἀπεπλίξατο), кромѣ того, οὐχ ὧδε φαύλως οὐδ' ἐλαφρῶς вмѣсто οὐδ' ὧδ' ἐλαφρῶς кажется намъ весьма неизящнымъ.

Въ эпирремахъ каноническій стихъ—трохаическій тетраметръ. Но вмѣсто его поэтъ иногда пользуется весьма близко подходящимъ къ нему кретическимъ тетраметромъ (Westphal, Proll. zu Aesch. 48):

— ◡ — — ◡ — — ◡ — — ◡ ⏓

— ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ ◡

Что этотъ тетраметръ—не пэоническаго (5/8), а трохаическаго (6/8) такта, это доказываетъ послѣдній стихъ эпирремъ, въ которыхъ Аристофанъ имъ пользуется („Ахарняне“ 976—985 = 990—999; „Осы“ 1275—1282=1284—1291). Дѣйствительно, этотъ послѣдній стихъ всегда—чистый трохаическій тетраметръ.

„Ахарняне“, ст. 984. τὰς χάρακας ἧπτε πολὺ μᾶλλον ἐν τῷ πυρὶ
ἐξέχει θ' ἡμῶν βίᾳ τὸν οἶνον ἐκ τῶν ἀμπέλων.
998. καὶ περὶ τὸ χωρίον ἐλᾶδας ἅπαν ἐν κύκλῳ,
ὥστ' ἀλείφεσθαί σ' ἀπ' αὐτῶν κἀμὲ ταῖς νουμηνίαις.
„Осы“, ст. 1282: ἀλλ' ἀπὸ σοφῆς φύσεος αὐτόματον ἐκμαθεῖν
γλωττοποιεῖν εἰς τὰ πορνεῖ' εἰσιόνθ' ἑκάστοτε.
1290. ταῦτα κατιδὼν ὑπό τι μικρὸν ἐπιθήκισα
εἶτα νῦν ἐξηπάτησεν ἡ χάραξ τὴν ἄμπελον.

Еще болѣе похожъ на трохаическій тетраметръ слѣдующій стихъ:

— ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — — ◡ —

— ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ —

Такими стихами написана упомянутая нами сцена въ „Лизистратѣ“ ст. 1014—1036, при чемъ послѣдній стихъ (1036) опять — чистый трохаическій тетраметръ. Дѣйствительно, ст. 1037—1042 надобно исключить изъ этой сцены; они—нѣчто въ родѣ эписинтагмія, и мы займемся ими въ 25-й главѣ:

ἀλλ' ἀποψήσω σ' ἐγώ, καίτοι πάνυ πονηρὸς εἶ
καὶ φιλήσω—μὴ φιλήσῃς—ἤν τε βούλῃ γ' ἤν τε μή.

Въ коммосахъ часто случается, что тетраметры, произносимые хоромъ, замѣняются другими стихами; тетраметры же, выпадающіе на долю актеровъ, написаны трохеями. Ради примѣра укажемъ на первый коммосъ „Ахарнянъ“ (ст. 287 сл.). Роль Дикэополя вся состоитъ изъ трохаическихъ тетраметровъ, въ роли же хора первые восемь стиховъ, какъ строфы, такъ и антистрофы, не трохаическаго,

а пэоническаго размѣра. То же можемъ сказать и относительно коммоса въ комедіи „Осы".

Композиція ямбическихъ тетраметровъ въ роли хора также отличается немалою вольностью. Чистый ямбическій тетраметръ:

⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑

можетъ быть замѣняемъ дикаталектическимъ ямбическимъ тетраметромъ (такъ-называемымъ еврипидеемъ):

⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — — ⏑ — ⏑ — ⏑

или прокаталектическимъ ямбическимъ тетраметромъ:

⏒ — ⏑ — ⏒ — ⏑ — — ⏑ — ⏑ — ⏑ —

Пародъ „Лизистраты" ст. 255 сл.

χορμοῦ τοσουτονὶ βάρος χλωρᾶς φέρων ἐλάας.
ἦ πόλλ' ἄελπτ' ἔνεστιν ἐν—τῷ μακρῷ βίῳ, φεῦ.

(ср. также пародъ „Осъ" ст. 247 сл.)

Экзодъ „Птицъ" ст. 1755 сл.

ἕπεσθε νῦν γάμοισιν ὦ—φῦλα πάντα συννόμων
πτεροφόρ' ἐπὶ δάπεδον Διὸς—καὶ λέχος γαμήλιον.

Иногда чистый ямбическій тетраметръ замѣняется даже Архилоховымъ стихомъ:

— — ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ — — | — ⏑ — ⏑ — ⏑

Экзодъ „Осъ" ст. 1536 сл.

ὑμᾶς ταχύ· τοῦτο γὰρ οὐδείς—πω πάρος δέδρακεν
ὀρχούμενον ὅστις ἀπήλλα—ξεν χορὸν τρυγῳδῶν.

Въ синтагмическихъ тетраметрахъ подобныя вольности не возможны.

Вторая вольность хорическихъ тетраметровъ—композиція гиперметра. Извѣстно, что за тетраметрами обыкновенно слѣдуетъ рядъ акаталектическихъ диметровъ произвольной длины, но кончающійся всегда каталектическимъ диметромъ. Конечно, система должна быть написана тѣмъ же размѣромъ, какъ и предыдущіе тетраметры. Если тетраметры—анапестическаго размѣра, то система имѣетъ слѣдующій видъ:

⏑⏑ — ⏑⏑ — ⏑⏑ — ⏑⏑ —
⏑⏑ — ⏑⏑ — ⏑⏑ — ⏑⏑ —
. . . .
⏑⏑ — ⏑⏑ — ⏑⏑ — ⏑⏑ —
[⏑⏑ — ⏑⏑ —]
⏑⏑ — ⏑⏑ — ⏒

если ямбическаго—слѣдующій:

⏓ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —

⏑ — ⏑ — ⏓ — ⏑ —

. . . .

⏓ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —

[⏑ — ⏑ —]

⏑ — ⏑ — ⏑ — —

если же трохаическаго—слѣдующій:

— ⏑ — ⏓ — ⏑ — ⏓

— ⏑ — ⏓ — ⏑ — ⏓

. . . .

— ⏑ — ⏓ — ⏑ — ⏓

[— ⏑ — ⏓]

— ⏑ — ⏑ — ⏑ —

Другія формы въ діалогическихъ партіяхъ просто не возможны. Въ хорическихъ, напротивъ того, гиперметръ отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ, такъ что едва ли можно найти два совершенно похожіе другъ на друга хорическіе гиперметра.

Въ стазимѣ „Ахарнянъ" (ст. 836 сл.) мы встрѣчаемъ послѣ совсѣмъ правильныхъ тетраметровъ слѣдующій гиперметръ:

⏓ — ⏑ — ⏓ — ⏑ —

⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —

⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —

⏓ — ⏑ — ⏑ — ⏑

⏑ — ⏑ ⏑ — ⏓

Каталектическій диметръ замѣненъ въ немъ адоніемъ съ анакрувисомъ.

Въ пародѣ „Лизистраты" мы имѣемъ двѣ различныя формы гиперметра. Первая по возстановленію Г. Германа (въ изданіи Еврипида, ad Iph. Taur. v. 192) не многимъ разнится отъ обыкновенной:

⏑ — ⏑ — ⏓ — ⏑ —

⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —

⏓ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —

⏓ — ⏑ — ⏓ — ⏑ —

⏑ — ⏑ — ⏑ — —

— ⏑ — ⏑ — —

Первые пять стиховъ составляютъ правильную и законченную систему, такъ что итифалликъ (ст. 6) собственно—лишній стихъ.

Нѣсколько сложнѣе второй гиперметръ. Распредѣленіе его сти-

ховъ у всѣхъ издателей (Бергка, Мейнеке, Блэдса, Энгера) отличается полнѣйшимъ отсутствіемъ принципа. Мы разлагаемъ его, подобно остальнымъ гиперметрамъ, на тетраподіи:

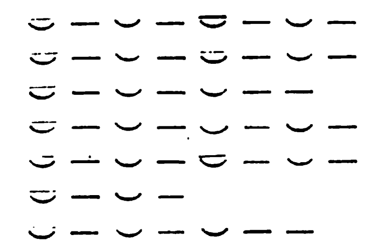
⏓ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — 286 296
Λ — ⏑ — ⏓ — ⏑ —
⏓ — ⏑ — ⏓ — ⏑ —
⏓ — ⏑ —
⏓ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —
Λ — ⏑ — ⏓ — ⏑ — 290 300
Λ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —
⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —
Λ — ⏑ — ⏓ — ⏑ —
Λ — ⏑ — ⏓ — ⏑ —
⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —
⏓ — ⏑ — Λ — ⏓ — 295 305

Вѣкъ пародомедіи „Богатство“ первый гиперметръ имѣетъ нормальную форму, хотя и искаженную всѣми издателями. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что послѣдній тетраметръ долженъ быть раздѣленъ на два диметра, акаталектическій и каталектическій:

⏓ — ⏑ — ⏓ — ⏑ —
⏑ — ⏑ — ⏑ — —

(295) ἕπεσθ' ἀπεψωλημένοι
τράγοι δ' ἀκρατιεῖσθε.
(301) μέγαν λαβόντες ἡμμένον
σφηκίσκον ἐκτυφλῶσαι.

Второй гиперметръ также правиленъ, если исключить каталексисъ въ третьемъ стихѣ:



Издатели, къ сожалѣнію, и тутъ не поняли дѣла.

Наконецъ, въ пародѣ „Экклезіазузъ“ мы также встрѣчаемъ гиперметръ съ двумя каталексисами:

⏒ — ⏑ — ⏒ — ⏑ —
⏑ — ⏑ — ⏒ — ⏑ —
⏒ — ⏑ — ⏑ —   —
⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —
⏒ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —
⏑ — ⏑ — ⏒ — ⏑ —
⏒ — ⏑ — ⏑ — —

Безъ сомнѣнія, ст. 485, 488, 495 и 499 должны быть раздѣлены каждый на два диметра:

482. ἡμῖν δ' ἂν αἰσχύνην φέροι
πάσαισι παρὰ τοῖς ἀνδράσιν
τὸ πρᾶγμα τοῦτ' ἐλεγχθὲν.
πρὸς ταῦτα συστέλλου σεαυ-
τὴν καὶ περισκοπουμένη
............τἀκεῖσε καὶ
τἀκ δεξιᾶς, μὴ ξυμφορὰ
γενήσεται τὸ πρᾶγμα.

494. πώγωνας ἐξηρτημένας,
μὴ καί τις ἡμᾶς ὄψεται
χἠμῶν ἴσως κατείπῃ.
ἀλλ' εἶα δεῦρ' ἐπὶ σκιᾶς
ἐλθοῦσα πρὸς τὸ τειχίον
παραβλέπουσα θατέρῳ,
πάλιν μετασκεύαζε σαυ-
τὴν αὖθις ἥπερ ἦσθα.

И такъ, вольности хорическихъ тетраметровъ состоятъ, вопервыхъ, въ возможности замѣненія простыхъ тетраметровъ (ἁπλοῖ) сложными (σύνθετοι), и вовторыхъ, въ употребленіи киклическихъ и синкопированныхъ стопъ и каталексиса внутри гиперметровъ.

Это первая разница между хорическими и діалогическими тетраметрами. Вторая заключается въ томъ, что каждый тетраметръ по одиночкѣ допускаетъ болѣе вольностей въ діалогахъ, чѣмъ въ хорическихъ строфахъ. Это никого не удивитъ. Мы уже обратили вниманіе читателя на громадную разницу между лирическимъ, то-есть, хорическимъ, и діалогическимъ триметромъ. Первый имѣетъ слѣдующій видъ:

⏒ — ⏑ — ⏒ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —

второй же—слѣдующій:

⏒ ⏑⏑ ⏒ ⏑⏑ ⏒ ⏑⏑ ⏒ ⏑⏑ ⏒ ⏑⏑ ⏑ —

Первый строго соблюдаетъ цезуры, второй совсѣмъ не нуждается въ нихъ (confer ἀρχαιομελισιδωνοφρυνιχήρατα). Точно также и діалогическій тетраметръ отличается отъ хорическаго.

Трохаическій тетраметръ имѣетъ каноническую цезуру, то-есть, въ этомъ случаѣ точнѣе діэрезисъ—послѣ четвертой стопы,

— ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏒ ‖ — ⏑ — ⏒ — ⏑ ⏓

Эта цезура въ лирическихъ тетраметрахъ соблюдается весьма строго (см. Вестфаль Metrik[2] II, 453); въ хорическихъ частяхъ ко-

медіи также, въ діалогическихъ же гораздо менѣе. Возьмемъ для примѣра комедію „Ахарняне". Въ эпирремахъ парабазы цезура не упущена ни разу, въ а пародѣ только разъ:

ст. 235. καὶ διώκειν γῆν πρὸ γῆς ἕ—ως ἂν εὑρεθῇ ποτε

въ діалогическихъ же тетраметрахъ Дикэополя три раза:

ст. 286. ἀντὶ ποίας αἰτίας, ὦ—χαρνέων γεραίτατοι.

ст. 292. ἀντὶ δ' ὧν ἐσπεισάμην ἀ—χούσατ', ἀλλ ἀχούσατε.

ст. 335. ὡς ἀποχτενῶ, χέχραχθ'· ἐ—γὼ γὰρ οὐχ ἀχούσομαι.

въ пародѣ „Рыцарей" ни одинъ изъ хорическихъ тетраметровъ не лишенъ цезуры, изъ діалогическихъ же шесть:

ст. 266. ξυνεπίχεισθ' ὑμεῖς; ἐγὼ δ' ἄν—δρες δι' ὑμᾶς τύπτομαι

ст. 275. ἀλλ' ἐγώ σε τῇ βοῇ ταύτῃ γε πρῶτα τρέψομαι

ст. 278. τουτονὶ τὸν ἄνδρ' ἐγὼ 'νδείχ—νυμι χαί φημ' ἐξαγεῖν

ст. 279. ταῖσι Πελοποννησίων τρι—ήρεσι ζωμεύματα.

ст. 282. νὴ Δί' ἐξάγων γε τἀπόρ—ρηθ' ἅμ' ἄρτον χαὶ χρέας.

ст. 314. οἶδ' ἐγὼ τὸ πρᾶγμα τοὐθ' ὅ — θεν πάλαι χαττύεται.

Въ эпиррремахъ опять цезура соблюдается, за однимъ исключеніемъ:

ст. 572. τοῦτ' ἀπεψήσαντ' ἄν, εἶτ' ἠρ — νοῦντο μὴ πεπτωχέναι.

Но мы не станемъ утомлять читателя исчисленіемъ всѣхъ лишенныхъ цезуры трохаическихъ тетраметровъ; отношеніе во всѣхъ комедіяхъ Аристофана остается то же. Кромѣ того, трохаическій тетраметръ имѣетъ для насъ весьма мало интереса, такъ какъ онъ играетъ въ синтагмахъ весьма незначительную роль.

Цезура ямбическаго тетраметра

⏓ — ⏑ — ⏓ — ⏑ — | ⏓ — ⏑ — ⏑ — ⏓

соблюдается весьма строго въ хорическихъ частяхъ, но въ діалогическихъ упускается такъ часто, что ее нельзя назвать каноническою. Такъ, въ ямбическомъ пародѣ „Осъ" мы встрѣчаемъ только одинъ стихъ безъ цезуры:

ст. 237. φρουροῦντ' ἐγώ τε χαὶ σύ· χἄ — τα περιπατοῦντε νύχτωρ;

въ первой же синтагмѣ „Рыцарей" множество:

ст. 335. χαὶ μὴν ἀχούσαθ' οἷός ἐ — στιν οὑτοσὶ πολίτης.

„ 337. ἐὰν δὲ μὴ ταύτῃ γ' ὑπεί—χῃ, λέγ' ὅτι χἀχ πονηρῶν.

„ 339. ἀλλ' αὐτὸ περὶ τοῦ πρότερος εἰ — πεῖν πρῶτα διαμαχοῦμαι.

„ 343. ὀτιὴ λέγειν οἷός τε χἀ — γὼ χαὶ χαρυχοποιεῖν.

„ 349. ὕδωρ τε πίνων χἀπιδει — χνὺς τοὺς φίλους τ' ἀνιῶν.

„ 352. ὑπὸ σοῦ μονωτάτου χατε—γλωττισμένην σιωπᾶν.

„ 353. ἐμοὶ γὰρ ἀντέθηχας ἀν—θρώπων τίν'; ὅστις εὐθύς.

„ 409. οὔτοι μ' ὑπερβαλεῖσθ' ἀναιδείᾳ, μὰ τὸν Ποσειδῶ.

ст. 418. ἐξηπάτων γὰρ τοὺς μαγεί—ρους ἐπιλέγων τοιαυτί.
„ 420. οἱ δ' ἔβλεπον χἀγὼ 'ν τοσοό — τῳ τῶν χρεῶν ἔχλεπτον.
„ 424. ἀποχροπτόμενος εἰς τὰ χοχώ — να τοὺς θεοὺς ἀπώμνον.
„ 430. ἔξειμι γάρ σοι λαμπρὸς ἤ — δη καὶ μέγας καθιείς.
„ 435. οὔτοι μὰ τὴν Δήμητρα κατα — προίξει τάλαντα πολλά.
„ 439. τί δῆθα, βούλει τῶν ταλάν — των ἓν λαβὼν σιωπᾶν.

Разложеніе арзиса на два короткіе слога довольно часто встрѣчается въ діалогическихъ частяхъ, рѣже въ хорическихъ. Такъ въ пародѣ „Осъ" мы замѣчаемъ всего два примѣра:

ст. 237. φρουροῦντ' ἐγώ τε καὶ σύ· χἄ—τα περι — πατοῦντε νύκτωρ.
„ 246. χωρῶ — μεν ἅμα — τε τῷ λύχνῳ πάντη διασκοπῶμεν;

въ первой же синтагмѣ „Рыцарей"—большое количество; нерѣдко даже въ одномъ и томъ же стихѣ разложены два или три арзиса:

ст. 336. οὐκ αὖ μ' ἐά—σεις; μὰ Δί'—ἐπεὶ κἀγὼ πονηρός εἰμι.
„ 337. ἐὰν δὲ μὴ ταύτῃ γ' ὑπεί—κῃ, λέγ' ὅ — τι κἀκ πονηρῶν.
„ 338. οὐκ αὖ μ' ἐά—σεις; μὰ Δί—α· ναί—μὰ Δία. — μὰ τὸν Ποσειδῶ.
„ 339. ἀλλ' αὐ—τὸ περὶ—τοῦ πρότε—ρος εἰπεῖν πρῶ—τα διαμαχοῦμαι
„ 345. ὠμοσπάρα—κτον παρα—λαβὼν μεταχειρίσαιο χρηστῶς.
„ 347. εἴπου—διχίδι—ον εἶπας εὖ κατὰ ξένου μετοίκου.
„ 350. φου—δυνατὸς—εἶναι λέγειν· ὦ μωρὲ τῆς ἀνοίας.
„ 354. θύννεια θερ—μὰ κατα—φαγὼν—κἆτ' ἐπι—πιὼν ἀκράτου.
„ 357. καταβροχθίσας— κἆτ' ἐπι—πιὼν τὸν ζω—μὸν ἀνα—πόνικτος.
„ 361. ἀλλ' οὐ λάβρα—κας κατα—φαγὼν Μιλησίους κλονήσεις.
„ 362. ἀλλὰ—σχελίδας—ἐδηδοκὼς ὠνήσομαι μέταλλα.
„ 410. ἤ μή—ποτ' ἀγο—ραίου Διὸς σπλάγχνοι—σι παρα—γενοίμην.
„ 416. κυνὸς βορὰν σιτούμενος μαχεῖ—σὺ Κυνο—κεφάλλῳ.
„ 422. ὥςπερ ἀ—καλήφας ἐσθίων πρὸ χελιδόνων ἔκλεπτες.
„ 424. ἀποχροπ—τόμενος—εἰς τὰ χοχώνα τοὺς θεοὺς ἀπώμνυν.
„ 426. οὐκ ἔσθ' ὅπως ὁ παῖς ὅδ' οὐ τὸν δῆ—μον ἐπι—τροπεύσει.
„ 427. εὖ γε—ξυνέβα—λεν αὐτ'· ἀτὰρ δῆλον γ' ἀφ' οὗ ζυνέγνω·
„ 428. ὁτιὴ 'πιώρκεις θ' ἥρπακὼς—καὶ κρέας—ὁ πρωκτὸς εἶχεν.
„ 433. κατὰ κῦμ' ἐμαυτὸν οὔριον, κλάειν—σε μακρὰ—κελεύσας.
„ 434. κἄγωγ' ἐάν—τι παρα—χαλᾷ, τὴν ἀντλίαν φυλάξω.
„ 435. οὔτοι μὰ τὴν Δήμη—τρα κατα—προίξει τάλαντα πολλά.

Наконецъ, разложеніе тезиса на два короткіе слога, другими словами — употребленіе киклическаго анапеста вмѣсто ямба, въ хорическихъ частяхъ не возможно; въ діалогическихъ же нѣтъ ничего

обыкновеннѣе. Беремъ наши примѣры опять изъ первой синтагмы „Рыцарей“:

ст. 343. ὀτιὴ—λέγειν οἷός τε κἀγὼ καὶ καρυκοποιεῖν.
„ 345. ὠμοσπάρακτον παραλαβὼν—μεταχει—ρίσαιο χρηστῶς.
„ 351. τί δαὶ σὺ πίνων τὴν πόλιν—πεποίη--κας ὥστε νυνί.
„ 352. ὑπὸ σοῦ—μονωτάτου κατεγλωττισμένην σιωπᾶν.
„ 357. καταβρο—χθίσας, κᾆτ' ἐπιπιὼν τὸν ζωμὸν ἀναπόνιπτος.
„ 360. τῶν πραγμάτων—ὀτιὴ—μόνος τὸν ζωμὸν ἐκροφήσεις.
„ 414. ἀπομα--γδαλίας—σιτούμενος τοσοῦτος ἐκτραφείην.
„ 415. ἀπομα—γδαλίας—ὥσπερ κύων; ὦ παμπόνηρε, πῶς οὖν.
„ 424. ἀποκρυπ—τόμενος εἰς τὰ κοχώνα τοὺς θεοὺς ἀπώμνυν.
„ 433: κατὰ κῦμ' ἐμαυτὸν οὔριον, κλάειν σε μακρὰ κέλευσας.

Читатель видитъ впрочемъ, что киклическій анапестъ употребителенъ собственно только въ первой и пятой стопахъ, то-есть, въ первой стопѣ каждаго полустишія. Въ остальныхъ стопахъ онъ допускается только тогда, когда слово безъ того не могло бы быть употреблено; такъ, напримѣръ, слово ἀπομαγδαλίας иначе не входитъ въ тетраметръ, если не допустить двухъ киклическихъ анапестовъ подъ рядъ (⏑⏑ — ⏑⏑ —), или же, если слово, составляющее анапестъ, можетъ быть съ помощью синизезы произнесено какъ простой ямбъ, напримѣръ, ὀτιή.

Анапестическій тетраметръ—очевидно самый юный стихъ въ діалогѣ; комики взяли его цѣликомъ изъ хорической лирики и не дѣлаютъ никакой разницы между хорическими и діалогическими частями. Но мы, воспользовавшись случаемъ, скажемъ нѣсколько словъ о цезурахъ этого стиха, такъ какъ мы не можемъ вполнѣ согласиться съ мнѣніями ученыхъ объ этомъ предметѣ.

Давно было замѣчено, что анапестическій тетраметръ—не что другое, какъ маленькая анапестическая система, состоящая всего изъ двухъ послѣднихъ стиховъ — анаталектическаго и каталектическаго диметра:

⏒⏒ — ⏑⏑ — ⏒⏒ — ⏒⏒ —
⏒⏒ — ⏒⏒ — ⏑⏑ — ⏓

Точно также и остальные тетраметры относятся къ своимъ системамъ:

— ⏑ — ⏒ — ⏑ — ⏒
— ⏑ — ⏑ — ⏑ ⏒
⏑ — ⏑ — ⏒ — ⏑ —
⏒ — ⏑ — ⏑ — ⏓

Поэтому мы въ правѣ ожидать, чтобы каждая половина анапестиче-

скаго тетраметра подчинялась законамъ, которымъ подчиняются диметръ и пареміакъ. На повѣрку однако выходитъ иначе. Первый законъ анапестическаго диметра заключается въ томъ, чтобы цезура слѣдовала непремѣнно послѣ второй стопы:

⏕ — ⏕ — ‖ ⏕ — ⏕ —

Этотъ законъ весьма рѣдко нарушенъ Аристофаномъ. Поэтому и анапестическій тетраметръ долженъ былъ бы имѣть цезуру не только послѣ четвертой, но и послѣ второй стопы:

⏕ — ⏕ — | ⏕ — ⏕ — ‖ ⏕ — ⏕ — ⏑⏑ — ⏓

Но эта цезура столь часто упускается поэтомъ, что о законѣ тутъ и говорить нельзя. Такъ изъ пятидесяти одного тетраметра, которые составляютъ синтагму „Облаковъ", одиннадцать, то-есть, почти четверть, лишены этой цезуры.

Вовторыхъ, анапестическій диметръ всегда долженъ кончаться полнымъ словомъ. Единственное исключеніе изъ этого правила („Осы" ст. 702)

ἵν' ὁ κήρυξ φησί· τίς ἀψήφι—
στος; ἀνιστάσθω

объясняется тѣмъ, что Аристофанъ въ этихъ стихахъ не могъ уклониться отъ требуемыхъ обрядомъ словъ. Этому закону въ анапестическомъ тетраметрѣ соотвѣтствуетъ требованіе, чтобы стихъ имѣлъ цезуру послѣ четвертой стопы:

⏕ — ⏕ — ⏕ — ⏕ — ‖ ⏕ — ⏕ — ⏑⏑ — ⏑

И дѣйствительно, эта цезура соблюдается Аристофаномъ, но не такъ строго. Порсонъ пытался удалить всѣ стихи, лишенные этой цезуры, но его попытку нельзя признать удачною. Стихъ („Птицы" 600):

τῶν ἀργυρίων· οὗτοι γὰρ ἴσα—σι λέγοοσι δέ τοι τάδε πάντες

вполнѣ безукоризненъ и во всякомъ случаѣ изящнѣе Порсонова:

τῶν ἀργυρίων· οὗτοι γὰρ ἴσασ'—ὥστε λέγουσιν τάδε πάντες,

и мы вполнѣ одобряемъ Германа, оставившаго его такимъ, какъ онъ есть. Точно также и слѣдующій стихъ („Осы" ст. 566):

χἂν μὴ τούτοις ἀναπειθώμε—σθα, τὰ παιδάρι' εὐθὺς ἀνέλκει

не нуждается въ поправкѣ, и по нашему стихъ Порсона:

χἂν μὴ τούτοις ἀναπεισθῶμεν—τά γε παιδάρι' εὐθὺς ἀνέλκει

не что иное, какъ искаженіе. Стихъ („Облака" 988):

σὺ δὲ τοὺς νῦν εὐθὺς ἐν ἱματίοι—σι διδάσκεις ἐντετυλίχθαι

также признанъ всѣми издателями. Изъ тетраметра Каллія:

τί γὰρ ἡ τρυφερὰ καὶ καλλιτράπε—ζος Ἰωνία εἴφ' ὅ τι πράσσει

Мейнеке хотѣлъ было сдѣлать триметръ:

τί γὰρ ἡ τρυφερὰ καὶ καλλιτράπεζος Ἰωνία,

εἶπον ὅ τι πράσσει.

но Кокъ (CAF, стр. 695) справедливо отстаиваетъ тетраметръ. Поэтому нѣтъ никакой причины измѣнять стихъ Платона:

εἷς δ' ἀμφοτέρων ὄστρακον αὐτοῖ—σιν ἀνίησ' εἰς μέσον ἑστώς,

какъ это дѣлаетъ Кокъ (CAF, стр. 640). Сюда относится и стихъ Кратина:

◡◡ — ◡◡ — ◡◡ — ἀφυπνί—ζεσθαι χρὴ πάντα θεατήν

(Кокъ CAF, стр. 102). Послѣдній примѣръ—стихъ Аристофана („Ахарняне" 645)

ὅστις παρεκινδύνευσ' ἐν Ἀθη—ναίοις εἰπεῖν τὰ δίκαια.

Что касается двухъ стиховъ изъ „Облаковъ" и „Лягушекъ":

ст. 372 νὴ τὸν Ἀπόλλω, τοῦτό γέ τοι τῷ—νυνὶ λόγῳ εὖ προσέφυσας

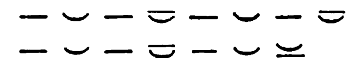
ст. 1058 εἶτα διδάξας τοὺς Πέρσας μετὰ—τοῦτ' ἐπιθυμεῖν ἐδίδαξα,

то они дѣйствительно невыносимы, и мы соглашаемся съ Порсономъ, исправляющимъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

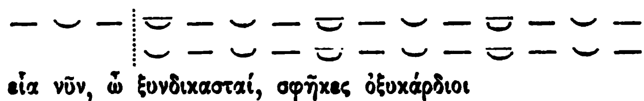
νὴ τὸν Ἀπόλλω, τοῦτό γέ τοι δὴ—τῷ νῦν λόγῳ εὖ προσέφυσας

εἶτα διδάξας Πέρσας μετὰ τοῦτ'—ἐπιθυμεῖν ἐξεδίδαξα.

Почему Аристофанъ не считалъ нужнымъ строго соблюдать главную цезуру послѣ четвертой стопы, не трудно объяснить, если обратить вниманіе на аналогію трохаическаго тетраметра. Мы уже замѣтили, что этотъ послѣдній по составу своему не что иное, какъ двустишная трохаическая система:



Очень вѣроятно, что онъ и происходитъ именно изъ нея. Но, по весьма справедливому замѣчанію Ричля, онъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, такъ-сказать, утрачиваетъ память о своемъ происхожденіи и подчиняется законамъ ямбическаго триметра, который на полторы стопы короче его:



εἶα νῦν, ὦ ξυνδικασταί, σφῆκες ὀξυκάρδιοι

ὦ ξυνδικασταί, σφῆκες ὀξυκάρδιοι,

главнымъ образомъ относительно цезуры. Извѣстно, что ямбическій триметръ имѣетъ двѣ цезуры—penthemimeres и hephthemimeres. Точно также и трохаическій тетраметръ имѣетъ два рода цезуръ: одну—послѣ четвертой стопы:

— ◡ — ⏓ — ◡ — ⏓ | — ◡ — ⏓ — ◡ ⏓
◡ — ◡ — ⏓ | — ◡ — ⏓ — ◡ ◡

соотвѣтствующую ямбической penthemimeres, и другую—послѣ пятой,

— ◡ — ⏓ — ◡ — ⏓ — ◡ | — ◡ — ◡ ⏓
⏓ — ◡ — ◡ — ◡ | — ◡ — ◡ ⏓

ὡς ἔγωγ' αὐτῶν ὁρῶν δέδοικα | τὰς ἐγκεντρίδας.

Это всѣмъ извѣстно. Но никто еще не замѣтилъ, что анапестическій тетраметръ точно также относится къ дактилическому гексаметру, какъ трохаическій тетраметръ къ ямбическому триметру:

⏔ — ⏔ ⋮ — ⏔ — ◡◡ — ⏔ — ◡◡ — ◡◡ — ⏓
⋮ — ◡◡ — ⏔ — ⏔ — ⏔ — ◡◡ — ⏓

οὐκ οἶσθ', ὅτι πέντ' ἀνδρῶν γενεὰς ζώει λακέρυζα κορώνη;
πέντ' ἀνδρῶν γενεὰς ζώει λακέρυζα κορώνη.

Сходство ихъ проявляется главнымъ образомъ въ цезурахъ. Извѣстно, что гексаметръ допускаетъ три главныя цезуры—penthemimeres, κατὰ τρίτον τροχαῖον и hephthemimeres. Сообразно съ тѣмъ и анапестическій тетраметръ допускаетъ три главныя цезуры: вопервыхъ, послѣ четвертой стопы:

⏔ — ⏔ ⋮ — ⏔ — ◡◡ — | ◡◡ — ⏔ — ◡◡ — ◡
⋮ — ⏔ — ◡◡ — | ⏔ — ⏔ — ⏔ — ⏓

соотвѣтствующую дактилической penthemimeres; вовторыхъ, посреди тезиса пятой стопы, соотвѣтствующую дактилической κατὰ τριτὸν τροχαῖον:

⏔ — ◡◡ ⋮ — ◡◡ — ◡◡ — ◡ | ◡ — ⏔ — ◡◡ — ◡
⋮ — ⏔ — ⏔ — ◡ | ◡ — ⏔ — ◡◡ — ⏓

σὺ δὲ τοὺς νῦν εὐθὺς ἐν ἱματίοισι—διδάσκεις ἐντετυλίχθαι,
и втретьихъ, послѣ пятой стопы, соотвѣтствующую дактилической hephthemimeres:

⏔ — ⏔ ⋮ — ◡◡ — ⏔ — ⏔ — | ⏔ — ◡◡ — ⏓
⋮ — ⏔ — ⏔ — ⏔ — | ⏔ — ◡◡ — ⏓

ὅστις παρεκινδύνευσ' ἐν 'Αθηναίοις—εἰπεῖν τὰ δίκαια.

Эта послѣдняя цезура употребляется Аристофаномъ довольно часто; мы нисколько не сомнѣваемся, что ее слѣдуетъ признать вовсѣхъ стихахъ, подобныхъ слѣдующимъ:

οὐ θωπεύων, οὐδ' ὑποτείνων μισθούς,—οὐδ' ἐξαπατύλλων („Ах. 657).
ὥσπερ Κοννᾶς, στέφανον μὲν ἔχων αὖον,—δίψῃ δ'ἀπολωλώς („Рыц." 534).
ἔλθετε δῆτ', ὦ πολυτίμητοι Νεφέλαι,—τῷδ' εἰς ἐπίδειξιν („Облк." 269).
ὃ δέ γ' ἥδιστον τούτων ἐστὶν πάντων,—οὗ 'γὼ 'πιλελήσμην („Осы" 605).
οἴνου μεστόν, κᾆτ ἐγχέαμαι κλίνας·—οὗτος δὲ κεχηνώς („Осы" 618).
Φιλ. ἀλλὰ μαχοῦμαι περὶ τοῦ πλήθους ἀεί.—Βδελ. σὺ γάρ, ὦ πάτερ, αὐτούς („Осы" 667).

Наконецъ, въ анапестическихъ тетраметрахъ мы встрѣчаемъ примѣры и „буколической“ цезуры:

⏖ — ⏖ ⁝ — ⏖ — ⏖ — ‖ ⏖ — ⏖ | — ⏑⏑ ⏕
⁝ — ⏖ — ⏖ — ‖ ⏖ — ⏖ | — ⏑⏑ ⏑ .

ἡμᾶς ὑμῖν ἐκέλευε φράσαι—περὶ τούτου—φησὶ γὰρ ἀνὴρ („Рыц.“ 514).
οὐχ ὑπ' ἀνοίας τοῦτο πεπονθὼς—διατρίβειν,—ἀλλὰ νομίζων („Рыц.“ 515).
οὐκ ἐξήρκεσεν, ἀλλὰ τελευτῶν—ἐπὶ γήρως,—οὐ γὰρ ἐφ' ἥβης („Рыц.“ 524).
οὐχ ὥσπερ ἐγὼ ῥαψάμενός σοι—τουτὶ φέρω·—ἀλλ' ἐπαναίρου („Рыц.“ 784,.
οὐχ ἵνα γ' ἄρξῃ μὰ Δί' Ἀρκαδίας—προνοούμενος,—ἀλλ' ἵνα μᾶλλον („Рыц.“ 801).
οὐ στωμύλλων κατὰ τὴν ἀγορὰν—τριβαλεκτράπελ',—οἷάπερ οἱ νῦν („Обл.“ 1003).

Ѳаддей Зѣлинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1-го МАЯ вышла и разослана подписчикамъ V-я, МАЙСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Петровская бригада: полки лейбъ-гвардіи Преображенскій и Семеновскій, 1683—1883 г.—II. Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ въ воспоминаніяхъ его офицера, 1831—1846 гг. Сообщ. ген.-лейт. Д. Г. Колокольцовъ.—III. Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ въ 1796—1825 гг. Сообщ. ген.-лейт. Н. П. Карцевъ.—IV. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.—V. Василій Андреевичъ Жуковскій.—VI. Воспоминанія черногорца изъ эпохи борьбы съ Турціей, 1876—1878 гг.—VII. Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ въ 1880—1881 гг. Его письма и воспоминанія о немъ. Сообщ. ген.-маіоръ А. Ф. Арцишевскій.—VIII. Перовъ и Мусоргскій. Очеркъ В. В. Стасова.—IX. Матеріалы и замѣтки: Хрущовы и Артемій Волынскій.—Прокопій Акинфіевичъ Демидовъ въ 1766 г. Сообщ. Демидовъ князь Санъ-Донато.—О ссылкѣ неблагонадежныхъ лицъ, 1864 г., прилож. къ Запискамъ М. Н. Муравьева-Виленскаго. — Сѣровъ и Вагнеръ.—М. И. Глинка и А. Г. Рубинштейнъ.—Д. В. Давыдовъ,—и проч.—X. Библіографическій листокъ.

Приложенія: I. Портретъ Сергѣя Леонтьева Бухвостова, перваго солдата Преображенскаго полка 1683 г., точный снимокъ съ гравюры 1728 г.—II. Рисунокъ памятника на могилѣ Артемія Волынскаго.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1883 г.

Четырнадцатый годъ изданія, 12 книгъ въ 4-хъ томахъ, цѣна съ пересылкою ДЕВЯТЬ руб.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ и Москвѣ благоволятъ подписываться въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова.

☞ **Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7.**

Имѣется еще и можно получить: „РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1882 года. (Осталось 80 экземп.).

Цѣна ДЕВЯТЬ руб. 12 книгъ съ 12-ю портретами, съ пересылкою.

Книга „ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ“, съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками, печатаніемъ еще не окончена. О выходѣ ея въ свѣтъ будетъ въ свое время объявлено.

Въ редакціи „Русской Старины“ можно получить прежніе годы сего изд., именно: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 — 1879 гг.; 1880 г. (второе изд.); 1881 и 1882 гг. Цѣна за годъ по ВОСЬМИ руб. съ пересылкой.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семевскій.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

О синтагмахъ въ древней греческой комедіи. Ѳ. Зѣлинскаго.

Редакторъ **Л. Майковъ.**

(Вышла 1-го мая.)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и заграницей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку)**. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала—по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ІЮНЬ.
1883.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.
1883.

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CCXXVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.
1883.

Средняя Подьяческая. д. № 1.
2485.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

5. (15-го марта 1883 г.). **О передачѣ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія и объ усиленіи числа окружныхъ инспекторовъ С.-Петербургскаго учебнаго округа.**

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о передачѣ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія и объ усиленіи числа окружныхъ инспекторовъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *МИХАИЛЪ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о передачѣ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія и объ усиленіи числа окружныхъ инспекторовъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Русскія среднія учебныя заведенія въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ состоятъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и подчиняются управленію С.-Петербургскаго учебнаго округа,

на одинаковыхъ основаніяхъ съ соотвѣтствующими учебными заведеніями въ Имперіи, но съ соблюденіемъ при томъ нижеслѣдующихъ особенностей:

1) Хозяйственная часть сихъ заведеній остается временно въ завѣдываніи состоящаго при Финляндскомъ генералъ-губернаторѣ совѣщательнаго комитета по дѣламъ русскихъ училищъ.

2) Преподаваніе въ Александровской мужской гимназіи, въ гор. Гельсингфорсѣ, происходитъ согласно приложенной къ сему таблицѣ числа недѣльныхъ уроковъ, при чемъ финскій языкъ преподается на шведскомъ языкѣ.

3) Въ Маріинской женской гимназіи, въ гор. Гельсингфорсѣ, сохраняется курсъ преподаванія, опредѣленный Высочайше утвержденнымъ 9-го января 1862 г. уставомъ женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи (полн. собр. зак. т. XXXVII. № 37849).

II. Число окружныхъ инспекторовъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, положенное въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ Высочайше утвержденнымъ 24-го октября 1863 г. росписаніемъ (полн. собр. зак. т. XXXVIII № 40426), усилить одною таковою должностью съ положеннымъ по сему росписанію содержаніемъ.

III. Вызываемый учрежденіемъ упомянутой въ статьѣ II должности расходъ, въ количествѣ одной тысячи девятисотъ семидесяти восьми рублей восьмидесяти восьми копѣекъ ежегодно, вносить, начиная съ 1-го января 1884 года, въ подлежащее подраздѣленіе расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

IV. Предоставить министру народнаго просвѣщенія: 1) войдти въ обсужденіе вопроса о возможности ограничить нынѣшній кругъ дѣятельности инспекторовъ въ учебныхъ округахъ, перенеся часть лежащихъ на сихъ лицахъ обязанностей на другихъ должностныхъ лицъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, и предположенія по сему предмету представить, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, на разсмотрѣніе въ установленномъ порядкѣ, и 2) по соглашенію съ Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ составить проектъ правилъ о завѣдываніи хозяйственною частью русскихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ Финляндіи, и внести его на уваженіе государственнаго совѣта.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателями и членами.

Приложеніе къ п. 2 ст. I.

На подлинномъ написано: «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ разсматривать въ Гатчинѣ, 15-го марта 1883 года.»

Подписалъ: Государственный секретарь *Половцевъ*.

ТАБЛИЦА

числа недѣльныхъ уроковъ въ Александровской русской гимназіи въ городѣ Гельсингфорсѣ.

ПРЕДМЕТЫ.	Классы.									
	Приготовительный.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	Итого безъ приготовительнаго.
Законъ Божій	4	2	2	2	2	2	1	1	1	13
Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ	6	5	5	4	3	3	2	2	2	26
Краткія основанія логики	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Латинскій языкъ	—	8	7	5	5	6	6	6	6	49
Греческій языкъ	—	—	—	5	6	6	6	6	7	36
Математика съ физикою, математическою географіею и краткимъ естествовѣдѣніемъ	6	4	4	4	4	4	6	5	6	37
Географія	—	2	2	2	2	—	—	1	1	10
Исторія	—	—	—	2	2	2	2	2	2	12
Нѣмецкій языкъ	—	—	3	3	3	3	3	2	2	19
Французскій языкъ или взамѣнъ онаго, для желающихъ финскій и шведскій языки	—	—	3	3	3	3	3	2	2	19
Чистописаніе	6	3	2	—	—	—	—	—	—	5
Общее число уроковъ для учениковъ	22	24	28	30	30	29	29	28	29	227
Общее число уроковъ для учителей	22	24	31	33	33	32	32	30	31	246

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *МИХАИЛЪ*.

6. (12-го апрѣля 1883 г.). Объ измѣненіи штата центральнаго архива для древнихъ актовыхъ книгъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ измѣненіи штата центральнаго архива для древнихъ актовыхъ книгъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить—

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ измѣненіи штата центральнаго архива для древнихъ актовыхъ книгъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, мнѣніемъ положилъ:

1) Взамѣнъ двухъ помощниковъ библіотекаря и двухъ писцовъ 2 разряда, положенныхъ по Высочайше утвержденному 2-го апрѣля 1852 г. штату центральнаго архива для древнихъ актовыхъ книгъ при университетѣ Св. Владиміра, учредить должности: одного помощника библіотекаря, съ содержаніемъ по восьмисотъ пятидесяти руб. въ годъ и съ правами на пенсію по VII разряду, а также одного писца, съ содержаніемъ по двѣсти пятидесяти руб. въ годъ.

2) На покрытіе исчисленныхъ въ предыдущей статьѣ расходовъ обратить суммы, остающіяся свободными отъ упраздненія должностей двухъ помощниковъ библіотекаря и двухъ писцовъ 2-го разряда.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

29-го марта 1883 г. (№ 6). Назначается: директоръ Костромской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Масленниковъ— членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ настоящей должности, съ 19 марта 1883 г. (Выс. пов. 19 марта 1883 г.).

*1

Утверждается: потомственный почетный гражданинъ, пермскій 1-й гильдіи купецъ Любимовъ—почетнымъ попечителемъ Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ учёною цѣлію: кандидату Императорскаго С.-Петербургскаго университета Селиванову—на одинъ годъ.

Командируются съ ученою цѣлію: а, въ Россіи и за границу: кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Филипповъ—на два года.

б, за границу: ординарные профессоры Императорскаго университета Св. Владиміра, дѣйствительные статскіе совѣтники: Эргардтъ, Томса и Бецъ, проректоръ сего университета, статскій совѣтникъ Паульсонъ, экстраординарные профессоры того же университета, коллежскіе совѣтники: Шмальгаузенъ и Тритчель и доцентъ сего же университета Линскій—на лѣтнее вакаціонное время 1883 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Васильевскій и лаборантъ физическаго кабинета сего университета, титулярный совѣтникъ Боргманъ—съ 1 іюня по 1 сентября 1883 г.

Ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лицея, статскій совѣтникъ Тарасовъ—съ 20 мая по 1 сентября 1883 года.

Лаборантъ при химической лабораторіи Императорской академіи наукъ, надворный совѣтникъ Загуменный—съ 1 апрѣля по 1 августа 1883 года.

Преподаватель частной гимназіи Бычкова, кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Пташицкій—на лѣтнее вакаціонное время 1883 года и одинъ годъ.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета Виноградовъ — на одинъ годъ и три мѣсяца, съ 1 іюня 1883 года.

Кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Зачинскій—на два года.

Увольняется согласно прошенію: гласный Изюмскаго земства Рославлевъ—отъ должности почетнаго попечителя Изюмскаго реальнаго училища.

23-го апрѣля 1883 г. (№ 7). Утверждаются: членъ-корреспондентъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ Калачовъ—ординарнымъ академикомъ сей академіи по русской исторіи, съ 2 апрѣля 1883 г.

Коллежскіе секретари Заленскій и Соловневъ—почетными по-

печителями гимназій: первый — Лубенской и послѣдній—Тульской, оба на три года.

Зачитается въ командировку за границу съ ученою цѣлію: ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Фишеру фонъ-Вальдгейму, разрѣшенный ему отпускъ за границу на одинъ мѣсяцъ и пять дней.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: доценту Императорскаго Новороссійскаго университета Гамбарову—по 1 іюля 1883 г.

Ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Бестужеву-Рюмину—по 15 августа 1884 г.

Командируется за границу: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Георгіевскій — на три лѣтніе мѣсяца.

Командируются съ ученою цѣлію: а) въ Россіи и за границу: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Лагоріо—съ 15 іюня по 20 августа 1883 г.

и б) за границу: завѣдывающій магнитною и метеорологическою обсерваторіею въ г. Павловскѣ, надворный совѣтникъ Траутфеттеръ—съ 1-го іюня по 1 августа 1883 г.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ баронъ Розенъ—съ 15 іюля по 15 сентября 1883 г.

Экстраординарные профессоры Императорскаго Варшавскаго университета Егоровъ и Ришави—съ 15 іюня по 20 августа 1883 г.

Доцентъ Императорскаго университета Св. Владиміра, докторъ медицины Шварцъ—на лѣтнее вакаціонное время 1883 г.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рахманиновъ—съ 15 мая по 15 августа 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Чаусовъ—съ 20 мая по 20 августа 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Ковалевскій—на лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и двадцать восемь дней.

Приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Пономаревъ—на три съ половиною мѣсяца.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины Эрисманъ—съ 1-го мая по 15 августа 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Патканов ъ—съ 15 іюня по 15 октября 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ Поповъ и лаборантъ Императорскаго Дерптскаго университета Манделинъ—съ 1 мая по 1 сентября 1883 г.

Лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета Коноваловъ—на четыре мѣсяца, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска за границу на двадцать восемь дней.

Ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лицея, статскій совѣтникъ Исаевъ—на лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и полтора мѣсяца.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ Снегиревъ—на четыре мѣсяца и двадцать дней, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска за границу на одинъ мѣсяцъ.

Учитель Кіевской первой гимназіи Студенецкій—съ 15 іюня по 15 октября 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тейхмюллеръ—съ 1 мая по 15 сентября 1883 г.

Сверхштатный ассистентъ при гигіенической лабораторіи Императорскаго Московскаго университета, лѣкарь Бубновъ—на пять мѣсяцевъ, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска за границу на одинъ мѣсяцъ.

Лекторъ Императорскаго Дерптскаго университета Де-Виво—съ 10 іюня 1883 г. по 10 января 1884 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Арнштейнъ—на одинъ годъ, съ 1 іюня 1883 г.

Доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета Мазингъ—на одинъ годъ, съ 10 іюля 1883 г.

Доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета Чижовъ—съ 1 мая 1883 г. по 1 сентября 1884 г.

Доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Ивановскій,

хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго Московскаго университета Павловъ и преподаватель Одесской духовной семинаріи Никитскій—на два года, первый съ 1 мая 1883 г., второй съ 1 сентября 1883 г. и послѣдній съ 1 іюля 1883 г.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

6. (9-го апрѣля 1883 года). **Положеніе о стипендіи имени Ж. В. Зиссерманъ при пансіонѣ Ставропольской женской гимназіи св. Александры.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При пансіонѣ означенной гимназіи учреждается одна стипендія имени покойной предсѣдательницы Ставропольскаго благотворительнаго общества св. Александры Жозефины Викентьевны Зиссерманъ на проценты съ капитала въ 2,200 р., собраннаго по добровольной подпискѣ членами сего общества.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ совѣтѣ общества вмѣстѣ съ другими денежными его капиталами.

3) Проценты съ капитала въ 2.200 р. употребляются на содержаніе одной пансіонерки при Ставропольской женской гимназіи, при чемъ плата за стипендіатку полагается въ томъ размѣрѣ, въ какомъ въ дѣйствительности будетъ обходиться совѣту общества содержаніе экономической пансіонерки.

4) Стипендіатка избирается преимущественно изъ сиротъ или полусиротъ бѣднѣйшихъ чиновниковъ, служившихъ и умершихъ въ Ставропольской губ., за неимѣніемъ же таковыхъ—изъ сиротъ или полусиротъ бѣднѣйшихъ чиновниковъ, служившихъ и умершихъ въ Тифлисской губ.

5) Право избранія стипендіатки принадлежитъ пожизненно супругу покойной Ж. В. Зиссерманъ, Карлу Львовичу Зиссерману, а по смерти его попечительному совѣту благотворительнаго общества св. Александры или учрежденію, которое будетъ его замѣнять.

6) Въ случаѣ незамѣщенія стипендіи въ началѣ учебнаго года,

за неимѣніемъ кандидатокъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ § 4, проценты пріобщаются къ капиталу.

7) Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

7. (12-го апрѣля 1883 года). **Положеніе о трехъ стипендіяхъ имени коллежскаго ассессора Матвѣя Андреевича Ковалевскаго при Евпаторійской женской прогимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5 декабря 1881 г. учреждаются при Евпаторійской женской прогимназіи три стипендіи имени коллежскаго ассессора Матвѣя Андреевича Ковалевскаго, на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго имъ капитала въ тысячу пятьсотъ руб.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ 5% государственныхъ билетахъ V выпуска, изъ коихъ одинъ въ 1,000 р. за № 6624, одинъ въ 500 р. за № 10804 и одинъ въ 100 р. за № 33307, съ 18-ю купонами каждый, и въ сорока руб. наличными деньгами, считается неприкосновенною собственностью названной прогимназіи и хранится въ Евпаторійскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ прогимназіи.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала употребляются на плату за ученіе обязательнымъ предметамъ трехъ ученицъ основныхъ классовъ; если же сумма процентовъ будетъ превышать означенную плату, то излишекъ употребляется на плату за ученіе необязательнымъ предметамъ, или на пріобрѣтеніе учебниковъ и одежды для стипендіатокъ.

§ 4. Назначеніе стипендіатокъ предоставляется попечительному совѣту Евпаторійской женской прогимназіи.

§ 5. Правомъ на стипендію могутъ пользоваться бѣднѣйшія ученицы всѣхъ сословій, достойнѣйшія по успѣхамъ, способностямъ и поведенію.

§ 6. Ученицы лишаются стипендій, если будутъ попечительнымъ совѣтомъ признаны незаслуживающими получать таковыя по своимъ успѣхамъ, поведенію, прилежанію и вниманію.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

8. (14-го апрѣля 1883 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Пелагеи Васильевны Анисимовой при С.-Петербургской 1-й гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ пожертвованнаго вдовою потомственнаго почетнаго гражданина Пелагеею Васильевною Анисимовою капитала въ одну тысячу двѣсти руб. учреждается при С.-Петербургской 1-й гимназіи одна стипендія имени жертвовательницы.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ третьяго восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Изъ процентовъ съ сего капитала вносится плата за ученіе и выдается пособіе на другія потребности избраннаго стипендіата.

4) Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи и долженъ при отличномъ поведеніи оказывать хорошіе успѣхи въ наукахъ.

5) Стипендіатъ избирается жертвовательницею или ея сыновьями, а по смерти ихъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

6) Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (20-го апрѣля 1883 года). Положеніе о стипендіи при Гатчинскомъ четырехклассномъ городскомъ училищѣ имени бывшаго коменданта г. Гатчины и управлявшаго Гатчинскимъ дворцовымъ правленіемъ, генералъ-лейтенанта Карла Ѳедоровича Богговута.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Гатчинскомъ четырехклассномъ городскомъ училищѣ, на счетъ процентовъ съ собраннаго учителями и учениками училища, при содѣйствіи родителей учениковъ, капитала въ сто руб., заключающагося въ одной сторублевой облигаціи восточнаго займа 1877 г., учреждается одна стипендія имени генералъ-лейтенанта Карла Ѳедоровича Богговута.

§ 2. Означенный капиталъ остается неприкосновеннымъ и хранится въ Царскосельскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ депозитахъ Гатчинскаго городскаго училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала употребляются на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для одного бѣднѣйшаго и достойнѣйшаго ученика училища, изъ коренныхъ жителей г. Гатчины, каковой и именуется стипендіатомъ генералъ-лейтенанта Карла Ѳедоровича Богговута.

§ 4. Право назначенія стипендіи и выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Избраніе стипендіата производится въ началѣ каждаго учебнаго года.

§ 6. Стипендія сохраняется и въ томъ случаѣ, если училище будетъ преобразовано въ другое соотвѣтствующее ему учебное заведеніе.

§ 7. Въ случаѣ выхода облигаціи въ тиражъ погашенія, она замѣняется другою государственною процентною бумагою той же стоимости.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

10. (26-го апрѣля 1883 года). **Положеніе о стипендіи имени Анны Александровны Степурской при Сумской женской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5 декабря 1881 г., учреждается при Сумской женской гимназіи одна стипендія имени Анны Александровны Степурской, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго отцемъ ея, священникомъ Александромъ Степурскимъ, капитала въ двѣ тысячи руб.

2) Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ двухъ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа за №№ 186401 и 246528, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

3) Стипендіею пользуется одна изъ бѣдныхъ воспитанницъ Сумской женской гимназіи, преимущественно изъ дѣтей духовнаго званія, заслуживающихъ того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

4) Выборъ стипендіатки, а также лишеніе стипендіи, въ случаѣ неуспѣшности или неодобрительнаго поведенія, принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи. Выдача стипендіи прекращается также и въ томъ случаѣ, когда матеріальныя средства стипендіатки на столько улучшатся, что назначеніе ей пособій станетъ ненужнымъ.

5) Могущіе образоваться почему либо остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу стипендіи.

6) Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

11. (26-го апрѣля 1883 года). Положеніе о стипендіи при Симферопольской женской гимназіи имени бывшей начальницы этой гимназіи Анны Никифоровны Мунтъ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5 декабря 1881 г., на собранные жителями г. Симферополя восемьсотъ девяносто три руб. учреждается при симферопольской женской гимназіи одна стипендія имени бывшей начальницы этой гимназіи А. Н. Мунтъ.

2) Означенный капиталъ заключается въ одномъ билетѣ 3-го восточнаго займа за № 166105 съ 13 купонами, и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

3) Стипендіей пользуется одна изъ воспитанницъ Симферопольской гимназіи, преимущественно изъ дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ, до окончанія ею гимназическаго курса или до оставленія ею гимназіи по какой бы то ни было причинѣ. Стипендіатка, за дурное поведеніе и недостаточное прилежаніе, лишается права на стипендію.

4) Выборъ первой стипендіатки предоставляется самой г-жѣ Мунтъ, выборъ же послѣдующихъ стипендіатокъ попечительному совѣту гимназіи по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ.

5) Стипендія состоитъ въ уплатѣ за право ученія стипендіатки въ гимназіи денегъ изъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала. Если сумма процентовъ превыситъ означенную плату, то излишекъ употребляется на пріобрѣтеніе для стипендіатки учебниковъ и одежды.

6) Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, могущій образоваться остатокъ обращается на усиленіе основнаго капитала.

7) Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

12. (29-го апрѣля 1883 года). Положеніе о стипендіи въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II-го при Вымыслицкой учительской семинаріи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 23 день ап-

рѣля 1883 года, учреждается при Вымыслинской учительской семинаріи одна стипендія въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, съ наименованіемъ оной: „стипендія Царя Освободителя Александра II-го", на счетъ процентовъ съ собраннаго крестьянами всѣхъ восьми уѣздовъ Плоцкой губерніи капитала, заключающагося въ 5% билетахъ государственнаго банка, 2-го выпуска, на сумму 2,100 руб., и наличныхъ деньгахъ 60 р. 60 к., а всего въ двѣ тысячи сто шестьдесятъ руб. шестьдесятъ коп., хранящагося въ польскомъ банкѣ, въ распоряженіи попечителя Варшавскаго учебнаго округа.

2) Стипендія назначается одному изъ воспитанниковъ Вымыслинской учительской семинаріи, крестьянскаго сословія Плоцкой губерніи, изъ числа бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ по успѣхамъ въ начальныхъ училищахъ, по преимуществу сиротъ.

3) Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту семинаріи, по конкурсному экзамену изъ лицъ, поступающихъ въ 1-й курсъ семинаріи и могущихъ быть представленными каждою изъ гминъ Плоцкой губерніи, при чемъ желательно, чтобы кандидаты выбирались послѣдовательно изъ разныхъ уѣздовъ названной губерніи.

4) Избранный педагогическимъ совѣтомъ семинаріи кандидатъ, по представленію начальника учебной дирекціи, утверждается попечителемъ округа и, по окончаніи имъ полнаго курса семинаріи, обязанъ, за право пользованія стипендіею, отслужить въ должности начальнаго учителя въ Плоцкой же губерніи не менѣе 4-хъ лѣтъ. Тяжкая болѣзнь или другія уважительныя причины могутъ освободить стипендіата отъ этого обязательства.

5) Годовой процентъ съ стипендіальнаго капитала выдается стипендіату по полугодно, въ началѣ каждаго полугодія. Могущіе оказаться отъ незамѣщенія стипендіи, или по другимъ какимъ либо причинамъ, остатки выдаются стипендіату, по окончаніи имъ полнаго курса семинаріи, въ видѣ единовременнаго пособія, на первоначальное обзаведеніе. Въ случаѣ смерти стипендіата или увольненія его изъ семинаріи до окончанія полнаго курса, остатки выдаются одному изъ оканчивающихъ въ томъ же году воспитанниковъ Вымыслинской семинаріи, несостоятельныхъ, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, изъ крестьянъ Плоцкой губерніи, по выбору педагогическаго совѣта семинаріи.

6) Въ случаѣ преобразованія Вымыслинской семинаріи или перемѣщенія оной въ другую губернію, стипендія предоставляется по

прежнему воспитанникамъ ея, крестьянскаго сословія, изъ уроженцевъ Плоцкой губерніи, готовящихся занять мѣста учителей народныхъ школъ.

13. (30-го апрѣля 1883 г.) Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова при Сарапульскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1) На проценты съ капитала въ двѣ тысячи четыреста руб., пожертвованнаго Сарапульскою городскою думою, учреждается при Сарапульскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени тайнаго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова.

§ 2) Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища въ мѣстномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3) Проценты съ означеннаго капитала употребляются на содержаніе и плату за право ученія стипендіата, а могущій образоваться остатокъ отъ незамѣщенія стипендіи или по другимъ какимъ либо причинамъ присоединяется къ основному капиталу.

§ 4) Стипендіей имени тайнаго совѣтника Шестакова пользуется одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Сарапульскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, заслуживающій того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 5) Стипендіатъ утверждается, по представленію городской управы, тайнымъ совѣтникомъ Шестаковымъ, а послѣ смерти его назначеніе стипендіата предоставляется Сарапульской городской управѣ; при чемъ управа избираетъ на стипендію одного изъ нѣсколькихъ кандидатовъ, рекомендуемыхъ педагогическимъ совѣтомъ училища по преимуществу изъ дѣтей бѣдныхъ гражданъ города Сарапула.

§ 6) Стипендіатъ, не оказывающій удовлетворительныхъ успѣховъ, по лѣности или другимъ какимъ либо неуважительнымъ причинамъ, лишается стипендіи по усмотрѣнію тайнаго совѣтника Шестакова, а по смерти его, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища, о чемъ директоръ училища своевременно увѣдомляетъ городскую управу съ указаніемъ новыхъ кандидатовъ на вакантную стипендію, согласно § 5 сего положенія.

§ 7) Педагогическій совѣтъ училища ежегодно сообщаетъ тайному совѣтнику Шестакову объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата его имени.

§ 8) Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (6-го мая 1883 г.) Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Ивана Өедоровича Шрамека при С.-Петербургской 5-й гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1) На проценты съ пожертвованнаго состоящимъ при С.-Петербургской 5-й гимназіи обществомъ вспомоществованія нуждающимся ученикамъ капитала въ одну тысячу двѣсти рублей учреждается при названной гимназіи одна стипендія имени статскаго совѣтника И. Ө. Шрамека.

§ 2) Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ перваго восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3) Проценты съ этого капитала употребляются на плату за право ученія стипендіата, а могущій образоваться остатокъ отъ незамѣщенія стипендіи, или по другимъ какимъ либо причинамъ, присоединяется къ основному капиталу.

§ 4) Стипендіей пользуется одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ С.-Петербургской 5-й гимназіи христіанскаго исповѣданія, пробывшій въ числѣ учениковъ пятой гимназіи не менѣе года и отличающійся прилежаніемъ и одобрительнымъ поведеніемъ.

§ 5) Право назначенія стипендіата принадлежитъ статскому совѣтнику И. Ө. Шрамеку, а по смерти его педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6) Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

15. (14 мая 1883 г.) Положеніе о стипендіяхъ имени преосвященнаго Маркелла, епископа Подольскаго и Брацлавскаго, при Холмской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1) На проценты съ капитала въ три тысячи семьсотъ пять-

десять руб., образовавшагося изъ суммъ, собранныхъ православнымъ духовенствомъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній и пожертвованныхъ епископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ, преосвященнымъ Маркелломъ, учреждаются при Холмской мужской гимназіи три стипендіи, съ наименованіемъ ихъ стипендіями епископа Подольскаго и Брацлавскаго преосвященнаго Маркелла.

§ 2) Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа на 3.750 р. и наличными деньгами 19 р. 87 коп., хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Холмской гимназіи, составляя неотъемлемую собственность этой гимназіи и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3) Стипендіями пользуются лучшіе по успѣхамъ и поведенію воспитанники гимназіи, сироты священнослужителей, состоявшихъ на службѣ въ Люблинской или Сѣдлецкой губерніяхъ; за неимѣніемъ же сиротъ—дѣти бѣднѣйшихъ, нуждающихся въ помощи, священнослужителей тѣхъ же губерній.

§ 4) Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, по соглашенію съ Холмско-Варшавскимъ епархіальнымъ архіереемъ.

§ 5) Могущіе образоваться остатки отъ незамѣщенія стипендій, или по другимъ какимъ либо причинамъ, присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 6) Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

8-го апрѣля 1883 года (№ 3). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ламанскій—деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, съ 11 марта 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зарубинъ—вновь деканомъ медицинскаго факультета сего университета.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стида—деканомъ медицинскаго факультета сего университета на три года, съ 24 января 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета,

статскій совѣтникъ Бѣляевъ — деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, на три года.

Заслуженный экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Голстунскій — ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ монгольской и калмыцкой словесности, съ 7 марта 1883 г.

Сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Навроцкій—штатнымъ ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ физіологіи, съ 1 марта 1883 г.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Лучкевичъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ общей патологіи, съ 1 марта 1883 года.

Доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ Трессъ — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ римской словѣсности, съ 1 января 1883 г.

Доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ Боголюбовъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ факультетской хирургической клиники, съ 27 января 1883 г.

Доценты Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Вольфрингъ и надворный совѣтникъ Тауберъ—экстраординарными профессорами сего университета по каѳедрамъ: первый— офталмологіи и послѣдній — оперативной хирургіи, оба съ 1 марта 1883 года.

Директоръ Кіевской прогимназіи, преобразованной въ Кіевскую четвертую гимназію, статскій совѣтникъ Михайловъ—директоромъ сей гимназіи.

Инспекторъ Брестской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Дѣдовъ—директоромъ Мозырской прогимназіи, съ 24 марта 1883 г.

Учитель Виленскаго учительскаго института, коллежскій ассессоръ Спасскій—директоромъ Свислочской учительской семинаріи.

Дѣйствительные статскіе совѣтники: Адамюкъ, Осокинъ и Мельниковъ, купцы: Вараксинъ и Журавлевъ—членами попечительства Казанскаго реальнаго училища, на три года.

Маіоръ Нестелѣй, штабсъ-капитанъ Самойленко и титулярные совѣтники Залюбовскій и Ольшевскій — членами попечительства Екатеринославскаго реальнаго училища, на три года.

Назначаются: дежурный наставникъ и преподаватель историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, надворный совѣтникъ Фогель — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора сего университета по предмету римской словесности, съ 17 февраля 1883 г.

Помощникъ проректора Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ Брызгаловъ—исправляющимъ должность инспектора студентовъ сего университета, съ 18 марта 1883 г.

Учитель Якутской прогимназіи, статскій совѣтникъ Цешъ — исправляющимъ должность директора сей прогимназіи, съ 11 марта 1883 года.

Перемѣщается: директоръ Бѣлгородской Его Королевскаго Высочества Герцога Эдинбургскаго гимназіи, статскій совѣтникъ Одарченко—директоромъ Харьковской второй гимназіи, съ 9 марта 1883 г.

Опредѣляются: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Родевичъ, сверхъ настоящей должности, членомъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, съ 20 марта 1883 г.

Изъ отставныхъ статскій совѣтникъ Екимецкій—вновь на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, съ утвержденіемъ директоромъ народныхъ училищъ Владимірской губерніи, съ 19 февраля 1883 г.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: причисленный къ канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода сверхъ штата, кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Шелякинъ, съ опредѣленіемъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и съ оставленіемъ на службѣ по духовному вѣдомству, съ 10 марта 1883 г.

Хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета, титулярный совѣтникъ Романовскій, съ 14 марта 1883 г., съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Оставляются на службѣ на два года: инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, надворный совѣтникъ Полиловъ, съ 16 января 1883 г.

На пять лѣтъ: директоръ Харьковской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тихоновичъ, съ 7 января 1883 г.

Директоръ С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рихтеръ, съ 10 января 1883 г.

Директоръ Новозыбковскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Радкевичъ, съ 13 января 1883 г.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рахманиновъ, съ 18 февраля 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ Ромеръ, съ 21 февраля 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петрушевскій, съ 10 марта 1883 г.

Командируется съ ученою цѣлію: экстраординарный профессоръ Дерптскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ Земмеръ—на лѣтнее вакаціонное время 1883 г., во внутреннія губерніи Россіи.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: на четырнадцать дней: директоръ Минской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Тимофѣевъ, въ Вологду.

Съ 15 іюня по 1 августа 1882 г.: директоръ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соколовъ, въ разныя губерніи.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г.: директоръ Московской четвертой гимназіи, статскій совѣтникъ Новоселовъ, во внутреннія губерніи, и директоръ Тамбовскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Никитинъ, въ гг. Москву и Кіевъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и четырнадцать дней директоръ Нижнечирской прогимназіи, статскій совѣтникъ Норовъ, на Кавказъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и двадцать восемь дней: директоръ Полтавской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шафрановъ, въ разныя губерніи.

Съ 1 мая по 15 августа 1883 г.: директоръ Казанскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ Ланге, въ Финляндію, по болѣзни.

и б) за границу: на четырнадцать дней: учитель Рижской городской гимназіи Земель и старшій учитель Рижскаго городскаго 6 классnúmero женскаго училища, надворный совѣтникъ Глазенаппъ.

На двадцать восемь дней: почетный смотритель Рогачевскаго городскаго училища фонъ-Верманъ.

На мѣсяцъ: учитель Сумскаго реальнаго училища Рѣшетиловичъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г.: ординарные профессоры Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительные статскіе совѣтники Столѣтовъ и Троицкій, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ Толмачевъ, доцентъ Императорскаго Московскаго университета Алексѣевъ, директоры гимназій: Московской третьей—Лавровскій и Смоленской—Гобза, директоръ училища при Реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ Шульце, инспекторъ сего училища Тидеманъ, учители гимназій: С.-Петербургской Ларинской—статскіе совѣтники Ольшевскій и Копсовичъ, Московскихъ: первой—коллежскій ассессоръ Млинаричъ и состоящіе въ въ VIII классѣ Гавелька и Збраславскій, четвертой—статскій совѣтникъ Вислоцкій, пятой—статскій совѣтникъ Фишеръ и коллежскій ассессоръ Пехачекъ и шестой—коллежскій совѣтникъ Ваталинъ, Смоленской—Марекъ, Мясопустъ и Шадекъ, Тульской — коллежскій совѣтникъ Чижъ, Симбирской — надворный совѣтникъ Теселкинъ и Харьковской—Шено, учители прогимназій: Харьковской—Озле и Александровской Борисоглѣбской—Війчукъ, учители реальныхъ училищъ: Московскаго—коллежскій ассессоръ Кастильонъ, Костромскаго—коллежскій совѣтникъ Фарваньи, Ливенскаго—коллежскій совѣтникъ Савенъ и Сумскаго—Эккардтъ, учитель Московскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Варавва и учители училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ: Црекъ, Петрикъ Нерлингъ и Шванебахъ. Изъ нихъ Лавровскій, Теселкинъ и Озле по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и двадцать дней: учитель Вологодской гимназіи Розенфельдтъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и двадцать девять дней: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Вреденъ и лекторъ англійскаго языка сего университета, коллежскій совѣтникъ Тернеръ.

На три мѣсяца: учитель Саратовскаго Александро-Маріинскаго реальнаго училища статскій совѣтникъ Горенбургъ.

На три съ половиною мѣсяца: директоръ Императорской Ни-

колаевской Царскосельской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пискаревъ.

Увольняются: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Гофманъ, согласно прошенію, отъ должности декана медицинскаго факультета сего университета, съ 24 января 1883 г.

Директоръ Мозырской прогимназіи, статскій совѣтникъ Трофимовъ и директоръ Свислочской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Гедсоновъ—отъ службы, за выслугою срока, первый съ 24 марта 1883 г., съ дозволеніемъ обоимъ носить въ отставкѣ мундирные полукафтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенные.

Исключаются изъ списковъ умершіе: ординарные профессоры Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Андреевъ и титулярный совѣтникъ Макушевъ и директоръ Острогожской прогимназіи, надворный совѣтникъ Зеленецкій.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

книгу: „Элементарная теорія сопротивленія матеріаловъ и расчетъ деталей машинъ". Съ 7-ю таблицами чертежей. (Для реальныхъ техническихъ училищъ). Составилъ А. Пальшау. С.-Петербургъ, 1882 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.—признать небезполезною для фундаментальныхъ библіотекъ реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Русская грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній съ приложеніемъ краткой грамматики церковно-славянскаго языка, отрывковъ изъ Остромірова Евангелія и орѳографическаго указателя. Составилъ А. Преображенскій, преподаватель Московской 4-й гимназіи. Часть 1-я. Этимологія. 1883 г. Цѣна 75 коп.—одобрить, какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Краткій учебникъ географіи Н. Раевскаго. Внѣевропейскія страны. Съ 14 чертежами. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 50 коп."—допустить для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ учебнаго руководства.

— Книги: 1) „Полный систематическій курсъ чистописанія, скорописи и письма тупымъ перомъ“.—Въ четырехъ частяхъ Ѳ. В. Грекова. Изданіе I. Москва. 1882 г. Цѣна 1-й части 25 коп., 2-й ч. 30 коп., 3-й и 4-й ч. по 50 коп. 2) „Руководство къ полному курсу чистописанія“, его-же. Москва. 1882 г. Цѣна 25 коп. 3) „Тетрадь для чистописанія“ №№ 1—4. Его-же. Изданіе второе, цѣна каждому № 6 коп. и 4) „Тетрадь для круглаго (rondo) чистописанія и другихъ шрифтовъ“, №№ 1—4. Его-же. Цѣна каждому № 6 к.—допустить наравнѣ съ другими подобными къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу: „Наглядное пособіе при изученіи русскаго языка (этимологія) для средняго и старшаго возрастовъ. Полное, систематическое изложеніе этимологіи. Предлагается преимущественно какъ самоучитель“. Составилъ Н. П. Шубинъ, съ объяснительной запиской вмѣсто введенія. Москва. 1882 г. Цѣна 2 руб.—допустить въ число необязательныхъ пособій по русскому языку для учениковъ IV класса гимназій и реальныхъ училищъ и для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Курсъ двойной бухгалтеріи. Руководство для коммерческихъ и реальныхъ училищъ и для лицъ, занимающихся конторскими и торговыми дѣлами“. Составилъ А. В. Прокофьевъ, преподаватель бухгалтеріи и коммерческой ариѳметики въ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Москва. 1883 г. Цѣна 2 р.—одобрить какъ учебникъ для коммерческихъ и реальныхъ училищъ.

— Статью: „Къ вопросу о практическихъ занятіяхъ по русскому языку“. Сочиненіе Истомина (инспектора Ломжинской гимназіи),—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднеучебныхъ заведеній.

— Книгу: „Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники“. Евгеніи Туръ. Изданіе 2-е. С.-Петербургъ. 1882 года. Цѣна 1 руб.—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, какъ для младшаго, такъ и для старшаго возраста.

— Книги: 1) „Учебникъ нѣмецкаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“. Составилъ К. Я. Бѣлицкій. Часть I. Изданіе 5-е, исправленное. Одесса. 1882 г. Цѣна 80 коп.—рекомендовать къ употребленію въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній въ видѣ учебнаго руководства, и 2) „Краткая нѣмец-

кая грамматика". Составилъ К. Я. Бѣлицкій. Изданіе 4-е, исправленное. Одесса. 1882 г. Цѣна 40 к.—допустить къ употребленію въ среднихъ классахъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ введенъ учебникъ нѣмецкаго языка г. Бѣлицкаго.

— Книгу: „Элементарное объясненіе явленій природы". Составилъ А. Игнатовичъ. Изданіе 9. С.-Петербургъ. 1881 года. Цѣна 60 коп., съ пересылкою 75 к.,—исключить изъ каталога книгъ, одобренныхъ ученымъ комитетомъ.

— Книгу: „Изложеніе православно-христіанскаго ученія о вѣрѣ и нравственности, въ вопросахъ и отвѣтахъ", составленное іеромонахомъ Владиміромъ Терлецкимъ, докторомъ богословія и медицины. Житоміръ. 1881 г.—одобрить для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Изъ міра великихъ преданій". Разсказы для юношества. В. Острогорскаго. С.-Петербургъ. 1883 г. Цѣна 1 р.—одобрить для ученическихъ библіотекъ городскихъ и народныхъ школъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „**Стихотворенія Н. А. Некрасова**". Рисунки Н. Каразина. Спб. 1882 г. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности,—допустить въ сельскія школьныя библіотеки.

— Книги подъ заглавіемъ: 1) „**Изъ народнаго быта**" № 1 Титъ. Разсказъ, составленный изъ подбора русскихъ пословицъ и поговорокъ. В. Острогорскаго. Спб. 1883 года. Цѣна 10 коп. 2) **Изъ народнаго быта № 2 Маланья.** Разсказъ, составленный изъ подбора русскихъ пословицъ, прибаутокъ и поговорокъ. В. Острогорскаго. Спб. 1883 г. Цѣна 10 к. 3) **Изъ народнаго быта № 3 Вавило.** Разсказъ, составленный изъ подбора русскихъ примѣтъ. В. Острогорскаго. Спб. 1883 г. Цѣна 10 коп. 4) **Изъ народнаго быта № 4. Маша на дѣвичникѣ.** Разсказъ, составленный изъ подбора русскихъ пѣсенъ и причитаній. В. Острогорскаго. Спб. 1883 г. Цѣна 10 к.

5) Изъ народнаго быта № 6, Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ. По народнымъ былинамъ. В. Острогорскаго. Спб. 1883 г. Цѣна 10 коп.—одобрить для внесенія въ каталогъ для ученическихъ библіотекъ народныхъ школъ.

— Книгу: „Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ" 1882 г. В. Александрова. С.-Петербургъ. 1883 г. Цѣна 50 коп.— допустить въ учительскія библіотеки городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: Книга для чтенія, примѣненная къ тѣмъ народнымъ школамъ, въ которыхъ начинаютъ обучать родному языку по „Родному Слову". К. Ушинскаго. Составилъ А. Барановъ. 2-е исправленное изданіе. С.-Петербургъ. 1883 г. Цѣна 45 коп.— допустить къ употребленію въ городскихъ и народныхъ училищахъ въ видѣ учебника.

— Книгу: „Первая классная книга для чтенія". Пособіе при начальномъ обученіи родному языку. Составилъ П. Г. Васильевъ. Изд. 3-е. С.-Петербургъ. 1881 г.—одобрить, по примѣру предшествовавшихъ двухъ изданій, для чтенія въ начальныхъ городскихъ училищахъ.

— Книгу: „Географія Кіевской губерніи". Учебное пособіе по родиновѣдѣнію. Составилъ Н. Мукаловъ. Кіевъ. 1883 г. Цѣна 50 к.— допустить въ библіотеки городскихъ и народныхъ училищъ Кіевской губерніи.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить, съ начала 1883—1884 учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ Маріампольской мужской гимназіи: въ приготовительномъ классѣ до восемьнадцати руб., а въ остальныхъ до двадцати пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Калужской мужской гимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной гимназіи, съ начала 1883—1884 учебнаго года, по 20 р. въ приготовительномъ классѣ и по 30 р. въ остальныхъ классахъ въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ сдѣланное попечителемъ Одесскаго учебнаго округа распоряженіе о закрытіи параллельныхъ отдѣленій при I и II классахъ Одесской 2-й гимназіи.

— Въ присоединенномъ въ 1878 г., отъ Турціи, къ Россіи портовомъ городѣ Батумѣ находится одна только православная церковь, и та принадлежитъ греческому населенію города; богослуженіе въ этой церкви совершается на греческомъ языкѣ.

Въ началѣ, когда число православныхъ русскихъ въ Батумѣ было весьма незначительно, недостатокъ этотъ не былъ особенно чувствителенъ, такъ какъ, посѣщая греческую церковь для молитвы, православные жители, для удовлетворенія духовныхъ требъ на дому, могли обращаться къ состоящему при расположенныхъ въ немъ войскахъ духовенству.

Съ теченіемъ времени православное населеніе города стало очень быстро возрастать и нынѣ увеличилось на столько, что одного небольшаго греческаго храма оказывается для него уже недостаточно.

Батумъ, какъ портовый городъ, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, растетъ онъ и обстроивается очень быстро и при томъ совершенно въ духѣ русскихъ городовъ; съ окончаніемъ, въ настоящее время, постройки Самтреди-Батумской желѣзной дороги сообщеніе съ нимъ усилится, а съ тѣмъ вмѣстѣ и число православныхъ его жителей безъ сомнѣнія увеличится.

При такихъ условіяхъ, отсутствіе въ немъ благолѣпно устроеннаго православнаго храма, выразителя господствующей въ Россіи религіи, въ которомъ богослуженіе совершалось бы на понятномъ намъ языкѣ, представляетъ собою явленіе, оскорбляющее религіозное чувство русскаго народа.

Тѣмъ не менѣе, создать такой храмъ на средства одного мѣстнаго населенія, нѣтъ возможности. Единственнымъ, давно испытаннымъ, средствомъ, на которое русскій народъ отъ поселянина до вельможи, отъ бѣднаго до богатаго, всегда охотно откликался, служитъ доброхотная копѣйка, жертвуемая на построеніе храма Господня.

Нѣтъ сомнѣнія, что русскій народъ не останется безучастнымъ къ стѣсненному, въ религіозномъ отношеніи, положенію части его, трудящейся, на одной изъ окраинъ государства, надъ упроченіемъ русской власти въ недавно присоединенной къ Россіи отъ Турціи землѣ. Всѣ, живущіе въ Батумѣ русскіе, убѣждены, что соотечественники ихъ охотно откликнутся, изъ всѣхъ мѣстъ обширной Россіи, на столь знакомый имъ призывъ къ пожертвованію на построеніе православнаго храма Господня.

Его Императорское Величество, Государь Императоръ, въ Своемъ

отеческомъ вниманіи къ нуждамъ православной паствы города Батума, въ 15 день октября 1882 г., Всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить, на сооруженіе въ этомъ городѣ православнаго храма, открыть сборъ пожертвованій во всей Россійской Имперіи.

Взывая къ милосердію русскаго народа о пожертвованіи на это святое дѣло, учрежденный въ г. Батумѣ комитетъ по построенію православнаго въ немъ храма проситъ, жертвуемыя на этотъ предметъ деньги, высылать въ городъ Батумъ на имя предсѣдателя означеннаго комитета, военнаго губернатора Батумской области, или вносить въ мѣстное казначейство, для пересылки таковыхъ въ Батумское казначейство, гдѣ они будутъ записываться въ депозитъ военнаго губернатора.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

Открыты слѣдующія начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія: двухклассное въ заводѣ Холужицкомъ, Слободскаго уѣзда, Вятской губерніи, при 105 учащихся; одноклассныя: въ м. Городницѣ, Новоградволынскаго уѣзда, Волынской губ., при 40 учащихся; въ с. Андреевичахъ, Новоградволынскаго уѣзда, Волынской губ., при 37 учащихся; въ деревнѣ Спасской Губѣ, Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губ., и въ м. Солобковцахъ, Ушицкаго уѣзда, Подольской губ., при 36 ученикахъ.

КАТАЛОГЪ КНИГЪ

ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ ВЪ НИЗШИХЪ УЧИЛИЩАХЪ

ВѢДОМСТВА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Изданъ по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.
1883.

ОТДѢЛЪ I.

Учебники для начальныхъ училищъ.

А.

Законъ Божій.

Алексѣевъ, А. В., священникъ. Поученія на десять заповѣдей Закона Божія. Москва. 1875. Ц. 1 р. 40 к.

Аѳонскій, П. Краткое понятіе о храмѣ, священныхъ вещахъ и лицахъ. Съ рисунками. Москва. 1871. Ц. 50 к.

Аѳонскій, П. Книга для духовно-нравственнаго чтенія. Изд. 9-е. Москва. 1872. Ц. 45 к.

А. Н. Священная исторія. I. Ветхій Завѣтъ. Изданіе 2-е.—II. Новый Завѣтъ. Тула. 1871. Ц. 37 к.

Базаровъ, Іоаннъ, протоіерей. Библейская исторія, сокращенно извлеченная изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Изд. 13-е. Спб. 1871.— Изд. 16-е, исправленное и дополненное. Съ 100 картин. Ц. 35 к.

Барятинская, М., княгиня. Начатки. Приготовленіе къ христіанскому ученію, въ вопросахъ и отвѣтахъ, приспособленное къ дѣтскому возрасту. Спб. 1873. Ц. 20 к.

Бахметьева, А. Н. Двунадесятые праздники и Воскресеніе Христово. Картины съ объяснительнымъ текстомъ и молитвами. Москва. 1875. Ц. 1 р. 25 к.

Вѣтвеницкій, I., протоіерей. Руководство къ преподаванію Закона Божія для народныхъ школъ, городскихъ училищъ, дѣтскихъ пріютовъ и элементарныхъ занятій съ дѣтьми дома. Изданіе 2-е. Спб. 1880. Ц. 1 р.

Думитрашко, Н., протоіерей. Переводъ повседневныхъ молитвъ на русскій языкъ. Москва. 1872. Полтава. 1876. Ц. 10 к.

Думитрашко, Н., протоіерей. О праздникахъ и о постѣ Православной церкви. Москва. 1872. 1876. Ц. 15 к.

Желобовскій, А., протоіерей. Краткое объясненіе Божественной литургіи. Спб. 1874. Ц. 15 к.

Желобовскій, А., протоіерей. Краткое объясненіе семи Таинствъ Христовыхъ. Спб. 1875. Ц. 30 к.

Ивановскій. Руководство къ изученію Закона Божія. Въ 3-хъ частяхъ. Радомъ. 1876. Ц. 1 р. 30 к.

Козырева, В. Краткая священная исторія Ветхаго Завѣта. Спб. 1874 г. 2-е изд. 1879. Ц. 20 к.

Медвѣдецкій, А. Объясненіе значенія обрядовъ Православной Церкви при совершеніи Св. Таинствъ Православной Церкви. Изд. 2-е, товарищества «Общественная польза». Спб. 1867. Ц. 10 к.

Митковичъ, Ѳ., священникъ. Священная исторія Ветхаго Завѣта. 1877. Ц. 20 к.

Митковичъ, Ѳ., священникъ. Священная исторія Новаго Завѣта. 1877. Ц. 20 к.

Михайловскій, В., протоіерей. Священная исторія Новаго Завѣта. Съ прилож. карты Палестины и подробнаго конспекта. Спб. 1868. Ц. съ раскрашенною картою 50 к., съ черною 40 к.

Недешевъ, И. Объясненіе богослуженія Православной Церкви. Спб. 1868. Ц. 50 к.

Протопоповъ, И. А., діаконъ. Толковый молитвенникъ. Изд. 3-е. Москва. 1879. Ц. 10 к.

Рудаковъ, А., протоіерей. Наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Спб. 1881. Ц. 20 к.

Савичъ, священникъ. Первоначальные уроки христіанскаго ученія для народа. Вильна. 1870.

Свирѣлинъ, А., протоіерей. Книга для первоначальнаго чтенія по Закону Божію въ народныхъ училищахъ. Москва. 1873. Ц. 35 к.

Свирѣлинъ, А., протоіерей. Курсъ Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ и приготовительныхъ классахъ духовныхъ училищъ. Москва. 1878. Изданіе 4-е. 1881. Ц. 30 к.

Свирѣлинъ, А., протоіерей. Краткая церковная исторія. Ч. I. (для город. учил.). Ц. 50 к.

Свирѣлинъ, А., протоіерей. Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ Евангелій. Изданіе 4-е. Москва. 1873. Ц. 40 к.

Свирѣлинъ, А., протоіерей. Объясненіе утвари церковной и праздниковъ церковныхъ. Изд. 3-е. Москва. 1864. Ц. 25 к.

Соколовъ, Д., протоіерей. Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской. Спб. 1865. Ч. I. Ветхій Завѣтъ. Ц. 40 к.— Ч. II. Новый завѣтъ. Ц. 60 к.

Соколовъ, Д., протоіерей. Краткая священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. Съ 23 рисунками и видомъ Палестины. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1872. Ц. 60 к.

Соколовъ, Д., протоіерей. Краткое ученіе о богослуженіи Православной церкви. Состав. въ объемѣ курса городскихъ училищъ. Изданіе 2-е, исправленное. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1877. Ц. 25 к.

Соколовъ, Д., протоіерей. Молитвы, заповѣди и символъ вѣры, съ объясненіемъ ихъ. Спб. 1872.—Изд. 7-е. Спб. 1877. Ц. 15 к.

Соколовъ, Д., протоіерей. Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ. Съ 28 рис. въ текстѣ. Изд. 15-е, исправленное. Съ рисунками и картою. Спб. 1877. Ц. 20 к.

Соколовъ, М., священникъ. Законъ Божій для дѣтей младшаго возраста. Изд. 2-е, исправленное. Спб. 1877. Ц. 35 к.

Филаретъ, архіепископъ. Исторія (сокращенная) Русской Церкви. Спб. 1869. Ц. 50 к.

Филаретъ, митрополитъ московскій. Начатки христіанскаго ученія или краткая священная исторія и катихизисъ. Вновь исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1871. Ц. 9 к.

Чельцовъ, Г., священникъ. Объясненіе символа вѣры, молитвъ и заповѣдей. Спб. 1873. Ц. 20 к.

Чемена, Мартирій. Переводы на русскій языкъ самыхъ употребительныхъ молитвъ. Кіевъ. 1871. Ц. 9 к.

Чемена, М. Краткое объясненіе богослуженія Православной Церкви, для народныхъ школъ. Тверь. 1875. Ц. 15 к.

Первое обученіе отрокомъ. Спб. 1870. Ц. 7 к.

Объясненіе Божественной литургіи. Третье, исправленное и дополненное изданіе редакціи журнала «Мірской Вѣстникъ». Спб. 1867. Ц. 25 к.

Чтеніе изъ Псалтири и пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта. Изданіе лицея Цесаревича Николая. Москва. 1870. Ц. 30 к. въ листахъ и 40 к. въ переплетѣ.

Чтеніе для начальныхъ народныхъ училищъ. Изданіе Комитета грамотности Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяй-

ства. Уроки по Закону Божію для народныхъ школъ. Выпускъ I. Употребительнѣйшія молитвы (при семъ картина духовнаго содержанія). Москва. 1869. Ц. 15 к., съ картиною 50 к. Спб. 1871.— Выпускъ II. Объясненіе богослуженія Православной Церкви. Спб. 1873. Ц. 15 к.

Молитвы и пѣснопѣнія изъ богослужебныхъ книгъ Православной Церкви. Изд. Саратовскаго духовно-просвѣтительнаго союза при братствѣ Св. Христа.

Учебныя пособія.

Изданія синодальной типографіи, рекомендуемыя Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для городскихъ и народныхъ училищъ.

1) Библія на славянскомъ языкѣ, въ 8 долю листа, въ одной книгѣ, 1 р. 90 к. Тоже въ кож. переплетѣ 2 р. 45 к.

2) Тоже, въ 18 д. л., въ одной книгѣ (компактное изданіе). 1 р. 10 к. Въ корешк. пер. 1 р. 50 к.; въ кож. пер. 1 р. 75 к.

3) Тоже, на русскомъ языкѣ, въ двухъ книгахъ, 2 р. 50 к. Въ кож. пер. 3 р. 70 к.

4) Псалтырь, на славян. языкѣ, въ 8 д. л. Москва. 22 коп. Въ кож. пер. 50 к.

5) Тоже, въ 32 д. л., 12 к. Въ коленк. пер. 40 к.

6) Тоже, на русск. языкѣ, въ 36 д. л. 15 к. Въ шагрен. папкѣ 25 коп.; въ коленк. пер. 35 к.

7) Новый Завѣтъ, на славян. языкѣ, въ 8 д. л. 40 к. Въ корешк. пер. 60 к.

8) Тоже, на славян. языкѣ, въ 32 д. л., 18 к. Въ шагрен. папкѣ 30 к.; въ коленк. пер. 40 к.

9) Тоже, на русскомъ языкѣ, съ указателемъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній на всѣ дни, 32 д. л., 18 к. Въ папкѣ съ цвѣтн. бум. 30 к.; въ коленк. пер. 35 к.

10) Тоже, на славян. и рус. яз. въ 36 д. л., 45 к. Въ корешк. пер. 80 к.; въ кож. пер. 85 к.

11) Евангеліе на славян. языкѣ, въ 16 д. л., 20 к. Въ коленк. пер. 50 к.

12) Тоже, на слав. и рус. яз., въ 16 д. л., 35 к. Въ корешк. пер. 55 к.: въ коленк. пер. 75 к.

13) Тоже, малаго формата, 30 к. Въ корешк. пер. 55 коп.; колєнкор. 70 к.

14) Тоже, на рус. яз., въ 16 д. л. 15 к. Въ корешк. пер. 33 к.; въ коленкор. 50 к.

15) Тоже, на рус. яз., въ 32 д. л., 7 к. Въ коленк. пер. 25 к.

16) Отдѣльныя Евангелія на рус. яз., въ 32 д. л., по 3 коп.

17) Евангеліе, чтомое въ Св. Великій Четвертокъ, 15 к.

18) Евангелія, чтомыя въ Св. Великій Пятокъ на утрени (12 евангелій), на славян. яз. 15 к., на рус. яз. 10 к.

19) Литургія Св. Іоанна Златоустаго (изложеніе), съ присовокупленіемъ молитвъ, чтомыхъ мірянами при божественной литургіи. Спб. 1866 г., гражд. печ., въ 32 д. л., 4 коп.

20) Молитвословъ краткій, гражд. печ., съ политип., въ 32 д. л. Спб. 1871 г., 4. к.

21) Молитвословъ сокращенный, церк. печ., въ 24 д. л. Москва. 12 к. Въ шагр. папкѣ 17 к.; въ кож. пер. 22 к.

22) Тоже, гражд. печ., въ 36 д. л., Москва. 1873. 8 к. Въ кор. пер. 18 к.; въ кож. пер. 23 к.

23. Тоже, гражд. печ., въ 24 д. л. Спб. 1866. 8 к. Въ кор. пер. 20 к., въ коленк. 25 к.; въ кож. 30 к.

24. Сборникъ молитвъ на всякій день потребныхъ. Спб. 1865 г., граж. печ., въ 32 д. л., 7 к.

25) Правила о вѣрѣ и жизни Христіанской Св. Геннадія патріарха, гражд. печ. Москва. 1865 г., 4 к.

26) Начальное ученіе (азбука) человѣкомъ, хотящимъ учитися книгъ божественнаго писанія, церк. и гражд. печ., 6 к.

27) Начатки христіанскаго ученія, гражд. печ., дополненное изд., въ 18 д. л., 9 к. Въ кор. пер. 17 к.

28) Исторія священная краткая, гражд. печ., въ 12 д. л., 2 к.

Б.

Русскій и церковно-славянскій языкъ.

Азбука-копѣйка. Спб. 1878.

Андріяшевъ, А. Русско-славянскій букварь, для первоначальныхъ училищъ и для домашняго обученія. Изд. 2-е, значительно исправленное. Кіевъ. 1870. Ц. 12 к.

Андріяшевъ, А. Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ училищахъ въ двухъ частяхъ. Кіевъ. 1872. Ц. 40 к.—Часть II. Изд. 4-е, вновь обработанное и значительно исправленное. Кіевъ. 1880. Ц. 30 к.

Аѳонскій, П., священникъ. Азбука для православнаго русскаго народа (въ 15 урокахъ). Москва. 1866. Ц. 10 к. (преимущественно для тѣхъ училищъ, гдѣ обученіемъ дѣтей занимаются священно и церковно-служители).

Басистовъ, П. Христоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка. Курсъ I. Изд. 14-е. (для гор. учил.). М. 1879. Ц. 75 к.

Блиновъ, священникъ. Грамота. Учебникъ для народныхъ школъ. Изд. Вятской земской управы. Вятка. 1869. Ц. 4 к.

Блисмеръ. Русская азбука. Изд. 10-е. Спб. 1872. Ц. 4 к.

Богоявленскій. Практическое руководство для обученія грамотѣ по звуковому способу. Изд. Д. Жукова. Москва. 1872 (для народныхъ школъ Серпуховскаго уѣзда). Ц. 25 к.

Бунаковъ, Н. Ѳ. Обученіе грамотѣ по звуковому способу, въ связи съ предметными уроками и первоначальными упражненіями въ родномъ языкѣ. (Одна книжка для учителей и три для дѣтскаго чтенія). Спб. 1871. Ц. за четыре книжки 25 к.

Бунаковъ, Н. Въ школѣ и дома. Книга для чтенія, расположенная концентрическими кругами и примѣненная къ преподаванію роднаго языка въ народныхъ школахъ и городскихъ училищахъ. Спб. 1876. Въ трехъ книжкахъ: I. Кругъ 1-й и 2-й. Ц. 40 к.—II. Кругъ 3-й и 4-й. Ц. 60 к.—III. Кругъ 5-й. Ц. 80 к.

Бунаковъ, Н. Двадцать стѣнныхъ таблицъ для обученія грамотѣ безъ книгъ. Спб. 1881. Ц. 5 р.

Бунаковъ, Н. Азбука и уроки чтенія и письма, съ постепенно возростающимъ числомъ буквъ. Изд. 20-е. Спб. 1882 г. Ц. 25 к. Тоже, изданіе 21-е. Спб. 1882. Совершенно вновь переработанное. Тоже, изданіе 25-е. 1883. Ц. 25 к.

Бухаревъ, I., діаконъ. Книга для обученія русскому чтенію и письму (Самоучитель). Изд. 2-е. Москва. 1867. Ц. 25 к.

Быховецъ. Маленькій грамотѣй. Ц. 10 к.

Бѣлый, Григорій. Русская азбука, съ указаніями на правильное произношеніе словъ, которыхъ правописаніе разнится отъ выговора. Изд. 7-е. Спб. 1871 (для училищъ Новороссійскаго края). Ц. 30 к.

Васильевъ, П. Г., преподаватель С.-Петербургской 6-й гимназіи.

Первая классная книга для чтенія. Пособіе при начальномъ обученіи родному языку. Изд. 2-е, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1880. Ц. 50 к. (для город. учил.).

Вельтманъ, Е. Азбука и чтеніе для перваго возраста. Двѣ части. Москва. 1865. Ц. 60 к.

Викторинъ, архимандритъ. Азбука по новому способу обучать дѣтей грамотѣ. Спб. 1871. Ц. 15 к. (для употребленія занимающимися обученіемъ дѣтей священно и церковно-служителями).

Виноградовъ, А. Пособіе къ изученію правописанія и веденію диктанта. М. 1880. Ц. 30 к.

Водовозовъ, В. Русская азбука для дѣтей. Изданіе 3-е. Спб. 1878. Ц. 30 к.

Водовозовъ, В. Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ. Ч. I. Спб. Изд. 11-е. 1879. Ц. 45 к.— Изд. 14-е, исправленное и дополненное. Спб. 1881. Ц. 45 к. Изд. 15-е. Спб. 1882. Ц. 45 к.

Волженскій. Родная рѣчь. Книжка для чтенія въ народныхъ школахъ, для младшаго возраста. Спб. 1871. Ц. 15 к.

Гасабовъ, Е. И. Первая книга. Обученіе чтенію, письму и счисленію въ сельскихъ школахъ. Спб. 1872. Ц. 10 к.

Гасабовъ, Е. Вторая книга при обученіи чтенію и письму. Переходная книжка къ чтенію любой книги. Съ приложеніемъ таблицы большихъ буквъ. Спб. 1872. Ц. 7 к.—Изд. 2-е. Переходная книжка послѣ азбуки, со сборникомъ статей для упражненій въ родномъ языкѣ, съ приложеніемъ нотнаго сборника дѣтскихъ и народныхъ напѣвовъ и таблицы буквъ. Спб. 1875. Ц. 45 к.

Гербачь, В. Русская азбука для совмѣстнаго обученія чтенію, письму и рисованію. Ц. 20 к.

Главинскій, И. Руководство къ изученію русской грамоты и исчисленія. Изд. 13-е. II-е отдѣленіе. Статьи для упражненія въ чтеніи книгъ. Спб. 1872. Ц. 20 к.

Грушевскій, С. О. Первая учебная книга церковно-славянскаго языка. Изд. 2-е, дополненное и исправленное. Кіевъ. 1874. Ц. 25 к.

Дерикеръ, В. Букварь для народныхъ школъ, съ объясненіемъ лучшихъ способовъ преподаванія, сообща составленный нѣсколькими учителями. Спб. 1866. Ц. 10 к.

Демисъ. Русская азбука по способу Наманскаго. Спб. 1864. Ц. 2 к.

Деркачевъ, И. Наглядное обученіе. Выпускъ 1. Цвѣта и цвѣты. М. 1878. Ц. 40 к.

Державинъ, Н. Школьныя ступени. Годъ первый. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія въ начальной школѣ. Изд. 2-е, исправленное, съ картинками. Москва. 1878. Ц. 35 к.—Годъ второй. Книга для чтенія въ начальной школѣ. Изд. 2-е, съ перемѣнами. М. 1878. Ц. 40 к.

Добровольскій, В., учитель народной школы. Русская грамота. Букварь для народныхъ школъ. Изд. 4-е. Спб. 1871. Ц. 5 к.

Д. В., учитель народной школы. Церковная грамота. Букварь для обученія церковно-славянскому чтенію. Изд. Борзенскаго земства. Спб. 1871. Ц. 3 к.

Дмитревскій, А. Подвижной гражданскій и учебный алфавитъ. Съ объясненіемъ обученія чтенію по способу фонетическому. Въ 5 листахъ. Москва. 1881. Ц. 5 к.

Ермилинъ и Некрасовъ. Азбука къ мудрости ступенька. Для начальныхъ училищъ. Спб. 1881. Ц. 8 к.

Золотовъ. В. Таблицы для взаимнаго обученія чтенію. Изд. 7-е, товарищества «Общественная польза». Спб. 1869. Ц. 1 р.

Ислентьевъ, В. Письмо-чтеніе. Руководство для учащихся. Казань. 1880. Ц. 12 к.

Кренке, Д. Д. Азбука для народныхъ школъ, съ наставленіемъ для учителя. Спб. 1880. Ц. 7 к.

Намамскій, А. Русская азбука въ разговорахъ, для взаимнаго обученія. Изд. А. Ситенскаго-Селявина. Спб. 1868. Ц. 5 к.

Николаевъ, А. Таблицы для обученія грамотѣ звуковымъ способомъ посредствомъ обученія письму подъ диктовку, въ связи съ необходимыми грамматическими свѣдѣніями. М. 1879. Ц. 30 к.

Новаковскій, В. Русская азбука. Спб. 1874. Ц. 15 к.

Новоспасскій, К., учитель С.-Петербургскаго Вознесенскаго уѣзднаго училища. Десять уроковъ русскаго языка. Курсъ первый. Спб. 1865. Ц. 30 к.

Паульсонъ. Первая учебная книжка. Классное пособіе при обученіи письму-чтенію и началамъ роднаго языка. Спб. 1871—1882 г. Ц. 20 к. за каждую.

Паульсонъ, I. Дружка первой учебной книжкѣ. Классное пособіе при обученіи началамъ роднаго языка. Спб. 1881. Ц. 15 к.

Паульсонъ, I. Вторая учебная книжка. Классное пособіе при обученіи родному языку въ элементарной школѣ. Изданіе 3-е. Спб. 1881. Ц. 35 к.

Паульсонъ, I. Задачникъ письменныхъ упражненій въ родномъ

языкѣ, классное пособіе для элементарныхъ школъ. Тетрадь 1-я. Внѣшнее построеніе рѣчи. Для учениковъ 3-го и 4-го учебнаго года. Изданіе 3-е. Спб. 1880. Ц. 12 к.

Пуцыковичъ, Ѳ. Русскій букварь для сельскихъ народныхъ училищъ. Спб. 1881. Ц. 25 к.

Рождественскій, И. П. Обученіе письму-чтенію. Способъ соединеннаго письма-чтенія. Азбука съ прописями и картинками въ текстѣ. Кіевъ, 1877. Ц. 10 к.

Рязанскій, Н. Первые уроки грамоты и письма. Изд. 2-е. Москва. Ц. 8 к.

Сергіевъ, Ѳ. Л. Букварь, какъ совмѣстное обученіе письму-чтенію. Съ картинками для наглядности. Вятка. 1881.

Столпянскій, Н. Народная азбука. Спб. 1871. Ц. 6 к.

С—скій, А. Азбука съ прописями. Изд. А. Ситенскаго-Селявина. Спб. 1865. Ц. 6 к.

Тихомировы, Д. и Е. Букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму, съ картинками и статьями для первоначальныхъ упражненій въ объяснительномъ чтеніи. Изд. 7-е. М. 1880. Ц. 15 к.

Толстой, Л. Н., гр. Новая азбука. Москва. 1880. Ц. 20 к.

Ушакова, Н. Русская азбука. Изд. 9-е. Ц. 4 к.

Ушинскій, К. Родное слово, для дѣтей младшаго возраста. Годъ 1-й. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія. — Годъ 2-й: вторая послѣ азбуки книга для чтенія. Спб. Ц. по 35 к. каждая книга.

Фролковъ, П. Первый шагъ. Пособіе при обученіи грамотѣ и первая книга для чтенія въ народной школѣ. Съ приложеніемъ особаго отдѣла для чтенія по церковно-славянски. М. 1878. Ц. 15 к.— Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное. М. 1880.

Хартахай. Букварь и книга для чтенія въ народныхъ школахъ. Варшава. 1870. Ц. 20 к. (Допущенъ къ употребленію лишь тотъ отдѣлъ, который заключаетъ въ себѣ „Книгу для чтенія").

Шарловскій. І. Первоначальное обученіе письму-чтенію. Изд. 5-е (съ картинками). Варшава. 1871. Ц. 20 к.

Шимановскій, С. Русская азбука по звуковому способу, для сельскихъ школъ. Первоначальныя упражненія въ чтеніи и письмѣ, статьи для чтенія въ связи съ письменными упражненіями, молитвы и отрывки изъ Евангелія на славянскомъ языкѣ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Варшава. 1875. Ц. 20 к.

Новый русскій букварь для дѣтей. Изд. 7-е. Спб. 1871. Ц. 3. к.

Букварь гражданскій и церковный. Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1866. Ц. 20 к.

Букварь (съ картинкою на оберткѣ и съ надписью: *По букварь! По букварь!*). Спб. 1870. Ц. 15 к.

Вунаковъ, Н. Книжка первинка. Чтеніе послѣ азбуки, съ картинками, задачами для самостоятельныхъ работъ и матеріаломъ для обученія церковно-славянскому чтенію. Спб. 1881 г. Цѣна 15 к.

Гротъ, Н. Богъ въ природѣ. Первоначальное чтеніе. 2-е изд. Спб. 1875 г. Изд. 3-е. 1881 г. Ц. 12 к.

Добровольскій, В., учитель народной школы. Зорька. Книга для чтенія въ народныхъ школахъ. Годъ первый. Изд. Борзенскаго земства. Спб. 1871. Ц. 30 к.

Ерминъ, Н. и **Золотовскій,** А. Сельская школа. Книга для чтенія, устныхъ и письменныхъ занятій въ народной школѣ. Вторая зима обученія. Спб. 1881 г. Цѣна 40 к.

Кирпичниковъ, А. Синтаксисъ русскаго языка примѣнительно къ правописанію. Изд. 12-е, исправленное и дополненное. М. 1881. Ц. 40 к. (для город. учил.). Изд. 13-е. Москва. 1882 г. Ц. 40 к.

Кирпичниковъ, А. и **Гиляровъ,** О. Русская христоматія для низшихъ классовъ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Москва. 1880. Отд. I. (для город. учил.). Ц. 60 к.

Кузьминъ, К. Русская христоматія для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Москва. 1876. Ц. 50 к. Курсъ II. Изд. 2-е. Москва. 1881. Цѣна 75 к.

Кузьминъ, К. Логико-стилистическіе разборы образцовъ природы и поэзіи. Пособіе при практическомъ изученіи стилистики, теоріи прозы и поэзіи и пр. для старшаго класса городскихъ училищъ. Изд. Наумова. Москва. 1882 г. Цѣна 1 р.

Кузьминъ, К. и **Покровскій,** В. Біографіи и характеристики отечественныхъ образцовыхъ писателей. Для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Москва. 1883 г. Цѣна 50 к.

Максимовичъ, П. Другъ дѣтей. Книга для первоначальнаго чтенія. Изд. 17-е, исправленное и дополненное. Спб. 1873. Ц. 20 к.

Новаковскій, В. Изборникъ или христоматія для простолюдиновъ. Спб. 1865. Ц. 80 к.

Паульсонъ, I. Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Учебное пособіе для народныхъ училищъ. Новое, исправленное изданіе. Москва. 1873. Ц. 45 к.

Перевлѣсскій, П. Наука грамотѣ, съ изборникомъ для послѣдо-

вательнаго письма съ голосу. Начальный учебникъ роднаго языка. Изд. 2-е. Спб. 1874. Ц. 40 к.

Полевой, П. Учебная русская христоматія съ толкованіями. Ч. I.—50 к. Ч. II.—70 к.

Петровъ, К. Ѳ. Звѣздочка. Сборникъ статей для постепеннаго изученія роднаго языка. Спб. (для город. учил.). Ц. 40 к.

Петровъ, К. Ѳ. Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Спб. 1882 г. Цѣна 50 к.

Радонежскій, А. Родина. Сборникъ для класснаго изученія, съ упражненіемъ въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Спб. 1876. Изд. 7-е, дополненное. Спб. 1880—1881.—Изд. 9-е. Ц. 75 к.

Радонежскій, А. Солнышко. Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ. Въ память совершившагося 25-лѣтія царствованія Государя Императора и предстоящей 500-лѣтней годовщины Куликовской битвы. Изд. 2-е. Спб. 1880. Ц. 60 к.

Резенеръ и Волковъ. Книжка для чтенія при обученіи грамотѣ (приложеніе къ Руководству къ обученію грамотѣ). Спб. 1870. Ц. 25 к.

Савенко, Ѳ. Г. Объяснительное чтеніе. Статья для перваго занятія русскимъ языкомъ. Воронежъ. 1881 г. Цѣна 80 к.

Семеновъ, А. В. Дѣтскій возрастъ. Съ картинами. Для начальнаго чтенія съ методическими пріемами для постепеннаго развитія дѣтей и постепеннаго приготовленія ихъ къ легчайшему обученію русскаго языка, съ образцами наглядной бесѣды, толковаго чтенія, вещественнаго разбора, объяснительнаго чтенія и съ наставленіями. Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1870. Ч. I. Ц. 50 к.

Семеновъ, А. В. Школьникъ. Первая книга послѣ азбуки, для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Для сельскихъ и городскихъ школъ и начальныхъ училищъ. Москва. 1873. Ц. 35 к.

Семеновъ, Д. Даръ слова. Книга для чтенія, письма и наглядныхъ бесѣдъ съ дѣтьми 9—11 лѣтъ. Изд. 6-е. Спб. 1880. Ц. 40 к.

Сердобольскій, А. П., преподаватель русскаго языка въ Казанской учительской семинаріи. Сборникъ прозаическихъ статей и стихотвореній (съ обозначеніемъ удареній косыми буквами). Двѣ книги. Казань. 1878. Ц. 75 к.

Сердобольскій, А. П. Книжка для чтенія въ начальныхъ народныхъ школахъ (съ означеніемъ удареній косыми буквами). Ц. 25 к.

Изданіе 3-е, дополненное. Казань. 1880. (для инородч. учил. Европейской и Азіатской Россіи).

Сыркинъ, А. Г. Сборникъ стихотвореній для приготовительнаго и низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. Вильна. 1880. Ц. 20 к., въ переп, 25 к.

Сыркинъ, А. Русская грамота для литовцевъ. Изд. 3-е Вильна. (для литовскихъ школъ).

Толстой, Л. Н., графъ. Славянскія книги для чтенія. Спб. 1874. Книга III — ц. 15 к.; кн. V—ц. 15 к. кн. VII—ц. 15 к.

Толстой, Л. Н., графъ. Русскія книги для чтенія. Изд. 5-е. Москва. 1879. Книга II—ц. 15.; кн. IV—ц. 25 к.; кн. VI—ц. 25 к.; кн. VIII—ц. 30 к.

Ушинскій. К. Дѣтскій міръ и хрестоматія. Книга для класснаго чтенія, приспособленная къ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Ч. I. Изд. 18-е, окончательно исправленное и дополненное. Съ 105 рисунками въ текстѣ. Спб. 1880. Ц. 60 к.—Ч. II. Изд. 17-е. Спб. 1880. Ц. 60 к.

Книга для чтенія въ первоначальныхъ училищахъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства, съ приложеніемъ руководства къ преподаванію русской исторіи въ житіяхъ св. угодниковъ русской и славянскихъ церквей. Спб. 1869. Ц. 60 к.

Анскій, Г. (редакція К. Козьмина). Сочиненія А. С. Пушкина. Томъ III. Цѣна 2 руб. Москва, книжный маг. братьевъ Салаевыхъ.

Богдановъ, П. И. Употребленіе знаковъ препинанія въ русскомъ письмѣ. Съ приложеніемъ синтаксиса русской рѣчи и синтаксическаго диктанта. Изд. 2-е, исправленное. 1879. Кіевъ. Ц. 60 к. (для город. учил.).

Бунаковъ, И. Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ реальныхъ училищъ, военныхъ гимназій и вообще среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. Спб. 1880. Ц. 40 к. (для город. учил.).

Виноградовъ, И. Грамматика для начальныхъ училищъ. Спб. 1879. Ц. 5 к.

Гербачъ, В. С. Первые уроки русской грамматики. Учебное пособіе для приготовительныхъ классовъ и начальныхъ школъ. Спб. 1878. Ц. 15 к.

Ивановъ, В. Учебникъ русской грамматики. Курсъ средн. учебн. заведеній. Москва. 1881 г.

Кендверскій, В. Употребленіе знаковъ препинанія въ русской

письменной рѣчи. Пособіе для преподаванія русскаго языка въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и для желающихъ самостоятельно изучить этотъ отдѣлъ грамматики. Харьковъ. 1879. Ц. 90 к.

Уроки русской грамматики. Два выпуска. Изд. журнала „Мірской Вѣстникъ". Спб. 1871. Ц. 30 к.

Корфъ, Н. А. „300 письменныхъ работъ". Задачи для самостоятельныхъ упражненій въ письмѣ учениковъ всѣхъ трехъ отдѣленій начальной школы. Спб. 1882 г. Цѣна 12 к.

Москвитинова, О. Практическій курсъ упражненій по грамматикѣ съ матеріаломъ изъ русской исторіи. Учебное пособіе для младшихъ классовъ. Годъ первый. Спб. 1871. Ц. 55 к.

Невзоровъ, Н. „Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли и объясненіемъ каждой статьи, съ 300 темъ и плановъ для устныхъ и письменныхъ упражненій и съ біографіями писателей. Въ концѣ сборника приложенъ краткій курсъ теоріи словесности. Часть II. Изд. 3-е. Казань. 1882 г. Цѣна 70 к. съ пересылкою.

Паплонскій, П. Практическія правила русскаго правописанія и произношенія. Изд. 2-е, исправленное и умноженное. Варшава. 1876 (для Варш. уч. окр.). Ц. 50 к.

Петровъ, К. Ѳ. Синтаксисъ въ образцахъ, для младшаго возраста. Изд. 2-е, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1881 Ц. 50 к.

Пуцыковичъ, Ѳ. Практическая русская грамматика. Учебное пособіе для учениковъ народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ. 340 письменныхъ грамматическихъ упражненій. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1880. Ц. 25 к.

Семеновъ, А. В. Начальныя систематическія упражненія въ списываніи и диктантѣ, съ необходимыми правилами правописанія безъ пособія грамматики. Для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ и приготовительныхъ классовъ гимназій и прогимназій. Москва. 1874. Ц. 15 к.

Семеновъ, А. В. Упрощенный учебникъ русской грамматики въ связи съ практическими упражненіями. Синтаксисъ, примѣнительно къ учебному плану. Спб. 1878. Ц. 35 к.

Соломоновскій, И. Матеріалъ для диктанта и другихъ грамматическихъ упражненій, подобранный и расположенный примѣнительно къ условіямъ преподаванія русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ

Варшавскаго учебнаго округа. Варшава. 1880. Ц. 40 к. (для начальныхъ училищъ Варшавскаго, Виленскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ).

Тихомировъ, Д. Элементарный курсъ грамматики, для городскихъ и сельскихъ школъ. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. Москва. 1875. Ц. 15 к. Изд. 9-е. Москва. 1880 г. Ц. 20 к.; изд. 10-е, Москва. 1882 г. Ц. 20 к.

Шафрановъ, С. Таблицы русскихъ склоненій правильныхъ и неправильныхъ. Полтава. 1880. Цѣна 10 к.

III.

Ариѳметика и геометрія.

Буссе, Ѳ. Руководство къ ариѳметикѣ: Двѣ части. Спб. Ц. 28 к. особо: ч. 1-я—10 к.; ч. 2-я—18 к. Въ корешковомъ переплетѣ.

Главинскій, И. Руководство къ изученію русской грамоты и счисленія. Отдѣлъ III. Ариѳметика. Изданіе 13-е. Спб. 1873. Ц. 10 к.

Д. М. Краткая ариѳметика для первоначальныхъ училищъ. Кіевъ. 1866. Ц. 6 к.

Еленевъ, Ѳ. П. Ариѳметика для одноклассныхъ начальныхъ училищъ, а также для приготовительныхъ классовъ и I класса гимназій. Спб. 1878. Ц. 45 к.

Еленевъ, Ѳ. П. Ариѳметика для двухклассныхъ начальныхъ училищъ, съ приложеніемъ правилъ для измѣренія площадей и объемовъ. Спб. 1878. Ц. 70 к.

Канаевъ, А. Н. Ариѳметика. Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической ариѳметики цѣлыхъ и къ элементарному курсу дробныхъ чиселъ. Преимущественно для оканчивающихъ свое образованіе начальной школой и для учащихся дома. Спб. 1881. Ц. 30 к.

Леве, А. Ариѳметика для начальныхъ народныхъ училищъ. Изданіе 4-е. Спб. 1872. Ц. 10 к.

Леве, А. Первоначальныя упражненія въ ариѳметикѣ. Книга 1-я. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Спб. 1882 г. Ц. 25 к. (рекоменд. какъ учебное пособіе для учащихся).

Упрощенная ариѳметика. Пятое, исправленное и дополненное изданіе редакціи журнала „Мірской Вѣстникъ". Спб. 1870. Ц. 15 к.

Нагорскій М. Наглядная ариѳметика (первая сотня). Руководство для народныхъ училищъ и домашняго преподаванія. Изданіе 2-е, совершенно передѣланное и дополненное. Спб. 1875. Ц. 40 к.

Староградскій, И. Задачи на числа любой величины. Цѣлыя числа. Выпускъ II. Москва. 1880. Ц. 20 к.

Щегловъ, Н. Т. Ариѳметика. Изданіе 12-е, исправленное и дополненное. Спб. 1875. Часть I. Цѣлыя числа. Ц. 15 к. — Часть II. Дробныя числа. Ц. 50 к.

Арбузовъ, А., Мининъ, А., Мининъ, В., Назаровъ, Д., преподаватели Московскихъ гимназій. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ, преимущественно для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Изданіе 2-е. Москва. 1878. Ц. 50 к.

Арбузовъ, В. Мининъ, А, Мининъ, В. и Назаровъ, Д. Систематическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ для гимназій и прогимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ, уѣздныхъ и городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій. Изд. 2-е. Москва. 1882 г. Цѣна 50 к.

А. Т. Ариѳметика для народныхъ школъ. Тверь. 1871.

Буссе, Ѳ. Собраніе ариѳметическихъ задачъ, расположенныхъ по Руководству къ ариѳметикѣ. Спб. 1868. Ц. 18 к.

Владимірскій, А. Систематическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ на цѣлыя числа. Москва. 1882 г. Ц. 50 к.

Воленсъ, В. Задачникъ для начальныхъ школъ. Сборникъ простѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ и предварительныя упражненія, служащія для изученія чиселъ до 100, и дѣйствія надъ ними. Спб. 1872. Ц. 15 к.

Вороновъ, А. Собраніе ариѳметическихъ задачъ. Часть 1-я. (Цѣлыя числа). Спб. Изданіе 2-е. 1879. Ц. 30 к. и изданіе 3-е. Спб. 1881 г. Цѣна 35 коп.

Вороновъ, А. Собраніе ариѳметическихъ задачъ. Часть 2-я (Дроби и тройныя правила). Спб. Изданіе 2-е. 1880. Ц. 30 к.

Геде, Ѳ. В. Ариѳметическіе примѣры и задачи. Часть первая— цѣлыя числа. Спб. 1880. Ц. 40 к. Часть II. Дробныя числа, отношенія, пропорціи и тройныя правила. Спб. 1881 г. Изд. 2-е. Спб. 1882 г. Ц. 40 к.

Геде. Систематическій курсъ ариѳметики. Изд. 2-е. 1882 г.

Евтушевскій., **В. А.** Сборникъ ариеметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительнаго и систематическаго курса. Часть I-я. Изд. 14-е. Часть II-я. Изданіе 9-е, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1880. Ц. съ отвѣтами 40 к. за каждую часть.

Захаровъ, Н. Собраніе примѣровъ для письменнаго исчисленія Выпускъ I. Вычисленіе надъ числами отъ 1 до 100. Для школъ Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ. Второе, значительно дополненное изданіе. Тифлисъ. 1871. Ц. 15 к.

Лубенецъ, Т. Ариеметическій задачникъ, преимущественно заключающій въ себѣ данныя изъ сельскаго хозяйства. Цѣлыя числа. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Кіевъ. 1879. Ц. 15 к.

Лубенецъ, Т. Сборникъ ариеметическихъ задачъ, для начальнаго преподаванія ариеметики въ народныхъ училищахъ. Кіевъ. 1880. Ц. 25 к.

Томасъ, И. Собраніе ариеметическихъ задачъ для умственнаго и письменнаго исчисленія. Выпускъ I. Изданіе 17-е, исправленное. Спб. 1880. Ц. 30 к. Выпускъ II. Изданіе 9-е. Спб. 1877 г. Цѣна 30 к.

Церингеръ. Задачи практическаго счета, составленныя для швейцарскихъ народныхъ школъ, передѣланныя для употребленія въ русскихъ народныхъ школахъ *П. Щукинымъ*. Спб. 1873. Тетради I, II и III. Ц. 4 к. каждая тетрадь.

Буссе, Ѳ. Руководство къ элементарной геометріи для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ. Спб. 1859. Изданіе 5-е. Ц. въ корешковомъ переплетѣ 27 к.

Вороновъ, А. Краткое руководство геометріи. Съ 233 политипажами и 257 задачами на вычисленіе. Спб. 1875. Ц. 1 р. 25 к.

Вороновъ, А. Краткій элементарный курсъ геометріи. Съ 120 политипажами и 275 задачами на вычисленіе. Спб. 1875. Ц. 60 к.

Вулихъ, З. Краткій курсъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Спб. 1880. Изд. 4-е. Ц. 90 к.

Гика, Д. Задачи для начальнаго обученія ариеметики на цѣлыя, простыя и именованныя числа. Изд. Наумова. Москва. 1882 г. Ц. 40 к.

Гика, Д. и Муромцевъ, А. Элементы геометріи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, расположенный по способамъ доказательствъ. Москва. 1879. Ц. 1 р. (для учит. сем.).

Геометрическія приложенія къ именованнымъ числамъ. Для учи-

телей народныхъ и полковыхъ школъ. Изданіе журнала „Досугъ и Дѣло". Спб. 1870. Ц. 10 к.

Леве, А. Наглядная геометрія и собраніе геометрическихъ задачъ. Спб. 1873. Ц. 65 к.

Малининъ, А. Руководство геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ для уѣздныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Съ политипажами въ текстѣ. Москва. 1871. Ц. 65 к.

Симашко, Ѳ. Начальная геометрія и коническія сѣченія. Изд. 5-е, дополненное. Спб. 1876. Ц. 2 р. (для город. учил.).

Счетоводство для начальныхъ школъ. Съ нѣмецкаго, по методѣ Струка, перевелъ *Аристовъ*. 1872. Ц. 20 к.

Г.

Исторія, географія и естествознаніе.

Андріяшевъ, А. Русская исторія въ разказахъ. Кіевъ. 1870. Ц. 10 к.

Белляриминовъ, И. Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Изд. 10-е, исправленное, съ 18 рисунками въ текстѣ и 2 картами. Спб. 1880. Ц. 1 р.

Белляриминовъ, И. Руководство къ русской исторіи, съ пополненіями изъ всеобщей. Изд. 4-е, исправленное, съ рисунками въ текстѣ и съ картою. Спб. 1880. Ц. 40 к.

Иловайскій, Д. Руководство къ русской исторіи. Изд. 22-е. Москва. 1881 г. Ц. 40 к.

Ишимова, А. Сокращенная русская исторія. Спб. 1870. Ц. 1 р.

Краткая русская исторія. Выпускъ первый. Отъ основанія Руси до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ (862—1613). 4-е, исправленное и дополненное изданіе журнала „Мірской Вѣстникъ". Спб. 1873. Ц. 45 к.—Выпускъ второй. Отъ вступленія на престолъ Дома Романовыхъ до настоящаго времени (1613—1874). 4-е исправленное и дополненное изданіе, съ 13-ю рисунками. Спб. 1874. Ц. 65 к.

Краткая исторія Россіи. Изданіе редакціи журнала „Народная Бесѣда". Спб. 1866. Ц. 15 к.

Пуцыковичъ, Ѳ. Русская исторія для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Съ 25-ю портретами и 30-ю картинками. Спб. 1877. Ц. 30 к.

Рождественскій, С. Краткая отечественная исторія въ разказахъ. Для народныхъ училищъ и вообще для народа. Съ 24 портретами замѣчательныхъ лицъ. Спб. 1877. Ц. 25 к. 1880. Изданіе 6-е, дополненное. Ц. 30 к.

Рождественскій, С. Отечественная исторія въ разказахъ. Съ портретами замѣчательныхъ лицъ. Спб. 1873.—Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1875. Ц. 60 к.

Симсонъ. Исторія Серпухова въ связи съ Серпуховскимъ княжествомъ и вообще отечественною исторіею. Съ двумя планами, одною фото-литографіею и приложеніями въ двухъ отдѣлахъ. Москва, 1880 г. Цѣна 2 руб. 40 к., а для учебныхъ заведеній 1 р. 60 к.

Соловьевъ, С. Учебная книга русской исторіи. Изд. 8-е. Москва. 1880. Ц. 1 р. 25 к.

Столыпинъ, А. Краткая исторія Россіи, для народнаго и солдатскаго чтенія, съ приложеніемъ 4-хъ историческихъ картъ и хронологической таблицы. Спб. 1869. Ц. 50 к.; безъ картъ 30 к.

Фармаковскій, В. Русская исторія, съ присовокупленіемъ необходимыхъ свѣдѣній изъ исторіи всеобщей. Излож. по способу Грубе. Вятка. 1875. Ц. 60 к.

Бѣловъ, И. Географія для народныхъ школъ. Спб. 1870. Ц. 40 к.

Брызгаловъ. Географія. Курсъ 1-й Изданіе 3-е. Москва. 1875. Ц. 50 к.

Крымскій, Е. Учебникъ географіи. Курсъ двухклассныхъ городскихъ училищъ. Москва. 1872. Ц. 50 к.

Моденъ, А. Д. Учебникъ географіи Россійской имперіи. Съ картою Европейской Россіи для повторенія. Выборгъ. 1872. Ц. 40 к.

Корнель. Начальный курсъ географіи по американской методѣ. Изд. 8-е Спб. 1871. Ц. 1 р. 25 к.

Кузнецовъ, Я. Краткій учебный курсъ географіи Россійской имперіи. Изданіе 2-е. Спб. 1866. Ц. 30 к.

Лебедевъ, Е. Учебная книжка географіи Россійской имперіи. Курсъ гимназическій. Съ картою Россіи (для город. уч.). Изд. 10-е. 1881. Ц. 1 руб.

Малининъ, А. и Буренинъ, К. Руководство къ космографіи и физической географіи. Съ 126 политипажами. Изданіе 5-е. Москва. 1876. (для учит. сем.). 1880. Ц. 1 р. 25 к.

Петровъ, К. Краткое описаніе Олонецкой губерніи (родиновѣдѣніе). Петрозаводскъ. 1881. Ц. 25 к. (для учебныхъ заведеній Олонецкой губерніи).

Печоринъ, Ѳ. Физическое землевѣдѣніе. Ч. I. Вып. 1. Спб. 1863. Ц. 50 к.

Пуликовскій, А. Общій обзоръ земнаго шара въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ аналитическій. Спб. 1874. Ц. 90 к. (для учит. сем.).

Пуцыковичъ, Ѳ. Географія для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ. Съ 42 типами народовъ и 20 другими рисунками. Спб. 1877. Ц. 50 к.

Смирновъ, К. Учебная книга географіи. Изд. 19-е, значительно исправленное и дополненное. Въ трехъ книжкахъ: I. Общія свѣдѣнія. Курсъ низшихъ учебныхъ заведеній. Съ 14 рис. въ текстѣ и картою плоскошарій. Спб. 1878. Ц. 40 к. — II. Азія, Африка, Америка и Австралія въ физическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназическій. Спб. 1879. Ц. 60 к.—III. Европа въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназическій. Спб. 1879. Ц. 60 к.

Студитскій, Ѳ. Географія Россіи. Изд. 4-е. Спб. 1870. Ц. 50 к.

Яковлевъ. Краткая географія Россіи, для народныхъ школъ. Спб. 1870. Ц. 12 к.

Боккъ, докторъ. Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холя. Руководство для учащихся, съ 25 рис. въ текстѣ. Переводъ подъ редакціею *Паульсона*. Спб. Ц. 35 к.

Варавва, М. Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ, съ вопросами и задачами. — Минералогія, со многими рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ сѣтокъ кристаллическихъ моделей. Москва. 1878. Ц. 80 к. Изд. 3-е. Москва. 1882 г. Ц. 80 к.

Варавва, М., преподаватель Московскаго учительскаго института. Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ, съ вопросами и задачами. Зоологія. 1879. Ц. 1 р. 80 к.

Вагнеръ, Германъ. Первые разказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ. Переводъ *В. Висковатова*. Спб. 1867. Ц. 1 р.

Герасимовъ, М. А. Элементарная анатомія, физіологія и гигіена. Руководство для городскихъ училищъ. Спб. 1879 (для гор. учил.) Ц. 50 к.

Зобовъ, Н. Бесѣда о природѣ. Книга для чтенія въ селахъ и деревняхъ, въ которой разказывается о землѣ, солнцѣ, звѣздахъ, растеніяхъ и животныхъ. Изд. 9-е. Спб. 1880 г. Ц. 50 к.

Иверсенъ, В. Э. Учебникъ естествознанія для среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ. Ботаника. Спб. 1882 г. Цѣна 50 к.

Раевскій, Н. Приготовительный курсъ ботаники. Сост. по Любену. Изданіе 8-е, вновь исправленное. Съ 49 рисунками. Ц. 75 к.

Гердъ, А. Учебникъ минералогіи. Часть I. Элементарный курсъ въ объемѣ курса городскихъ училищъ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1879. Ц. 80 к. (для гор. уч.).

Сентъ-Илеръ, К. Элементарный курсъ зоологіи, съ приложеніемъ задачъ и лѣтнихъ занятій по зоологіи. Сост. по методѣ Любена. Изд. 9-е, исправленное. Спб. 1880. Изд. 10-е. Спб. 1881. Ц. 1 р. 20 к.

Степановъ, П. Естественная исторія для первоначальнаго ознакомленія съ природою. По Бауману, съ измѣненіями въ примѣненіи къ естественнымъ произведеніямъ Россіи. Изд. 2-е. Спб. 1871. Ц. 1 р. Изд. 9-е. Спб. 1881 г. Ц. 1 р.

Ярошевскій, К. Краткій курсъ естественной исторіи. Съ 205 политипажами въ текстѣ. Москва. 1879. Ц. 1 р. 50 к.

Ярошевскій. К. Описаніе человѣческаго тѣла съ гигіеническими указаніями, и общій обзоръ животныхъ и растеній. Съ 80 политипажами въ текстѣ. Москва. 1880. Ц. 1 р. (для город. учил. и учит. сем.).

Фонъ-Вооль, В. Элементарная физика, съ 138 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1875. Ц. 85 к.

Краевичъ, К. Физика ежедневныхъ явленій. Спб. 1877. Ц. 80 к. (для город. учил.).

Малининъ, А. Начальныя основанія физики. Руководство для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Съ вопросами и задачами. Съ 273 политипажами. Москва. 1876. Ц. 1 р.

Паульсонъ, I. И. Элементарная физика по Крюгеру. Руководство для низшихъ учебныхъ заведеній, съ 84 рисунк. въ текстѣ. Изд. 2-е, исправленное. Спб. 1874. Ц. 60 к.

Тиндаль, Дж. Физика въ простыхъ урокахъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею профессора А. Шимкова. Съ 89 рисунк. Изд. 2-е. Спб. 1881. Ц. 75 к.

Д.

Учебныя пособія по чистописанію, черченію, рисованію и пѣнію.

Адамекъ, I. 18 таблицъ, изображающихъ плоскіе орнаменты (для город. и двухкл. учил.). Ц. 6 р. 50 к.

Блоккъ, Генрихъ, придворный каллиграфъ Шведскаго короля.

Теоретическое и практическое руководство къ скорому и легкому изученію чистописанія и скорописи. Москва. 1875. Ц. 75.

Гербачъ, В. Прописи и образцы для рисованія по клѣткамъ (учебное пособіе для самостоятельныхъ занятій учениковъ народныхъ школъ). 6-е, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1875. Ц. 8 к.

Гербачъ, В. Руководство къ обученію письму (въ трехъ тетрадяхъ). Ц. 1 р.

Гербачъ, В. С. Русская скоропись. Упражненія для развитія свободнаго движенія руки и пріобрѣтенія четкой скорописи. Учебный матеріалъ для послѣдней степени обученія письму. Спб. 1879. Ц. 50 коп.

Гербачъ, В. Школа чистописанія. Тетради съ прописями для самостоятельныхъ занятій учащихся въ школѣ и дома. 10 тетрадей. Ц. 10 к. каждой тетради.

Градобоевъ, П. Руководство къ чистописанію для родителей, воспитателей и воспитательницъ. Москва. 1871. Ц. 1 р.

Прописи чистописанія и скорописанія, съ объясненіемъ правилъ письма. Изданіе журнала „Досугъ и Дѣло". Спб. Ц. 6 к.

Грековъ, Ф. В. Руководство къ полному курсу чистописанія. Москва. 1882 г. Ц. 25 к.

Грековъ, Ф. В. Тетради для чистописанія №№ 1, 2, 3, и 4. Изд. 2-е. Ц. каждому № 6 к.

Грековъ, Ф. В. 1-я и 3-я части (изъ книги „Полный систематическій курсъ чистописанія, скорописи и письма тупымъ перомъ"). Въ 4-хъ частяхъ. Изд. 1-е. Москва. 1882 г. Ц. 1-й части 25 к. 2-й части 30 к. 3-й и 4-й части по 50 к.

Малиновскій, И. Чистописаніе и скорописаніе. Русскія прописи съ объясненіями. Методическое руководство къ обученію письму, для школьнаго и домашняго употребленія. Рига. 1881. Ц. 65 к.

Малиновскій, И. Чистописаніе и скорописаніе. Русскія прописи. Изд. 2-е. Рига. 1881 г. Ц. 30 к.

Прописи для сельскихъ школъ. Изданіе журнала „Мірской Вѣстникъ". Спб. 1869. Ц. 30 к.

Наглядно-звуковыя прописи: 1) Общія. 1879. 2) Къ первой учебной книжкѣ Паульсона. 1878. 3) Къ Русской азбукѣ Водовозова. 1878. 4) Къ Родному Слову Ушинскаго. 2-е изд. 1880. 5) Къ азбукѣ Бунакова. 1881. Цѣна каждой тетради 8 к.

Павловъ, А. Руководство къ обученію письму для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ образцовъ письма на

русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и греческомъ языкахъ. Москва. 1878. Ц. 85 к.

Пожарскій, В. Руководство къ полному курсу русскаго чистописанія въ трехъ отдѣлахъ, съ приложеніемъ французскихъ, нѣмецкихъ, латинскихъ и греческихъ прописей. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. Ц. 40 к.

Половцовъ, Викторъ. Курсъ скорописи, по американской методѣ. 2-е изданіе, А. Ситенскаго-Селивина. Спб. 1865. Ц. 10 к.

Сеньковскій, Н. Прописи чистописанія и скорописанія. Спб. Ц. 6 к.

Прописи для народныхъ школъ, для возможно скораго укрѣпленія почерка, съ помощью письма по косымъ линіямъ. Образцы рисованія по клѣткамъ, по системѣ Фребеля. Изданіе 13-е, товарищества „Сотрудникъ школъ". Москва. 1881. Ц. 4 к.

Фридманъ. Практическая метода для основательнаго, четкаго и легкаго изученія русскаго чистописанія въ школѣ и дома. Варшава. 1876. Тетради 1, 2 и 3. Ц. каждой тетради 10 к.

Чемодановъ. Руководство къ чистописанію и прописи. Вильна. 1875. Ц. 12 к.

Малининъ, Н. Начальное рисованіе и черченіе. Курсъ перваго класса элементарнаго училища. Тетради 1 и 2. Изд. 2-е. Москва. 1873. Ц. 25 к. каждая.

Нѣмецъ, Ярославъ. Школа элементарнаго рисованія съ начальнымъ разъясненіемъ геометрическихъ формъ. Прага. 1877. Ц. 1 р.

Нѣмецъ, Ярославъ. Перспективное рисованіе геометрическихъ формъ. Съ 126 политипажами въ текстѣ. Изд. 2-е, исправленное. Одесса. 1877. Ц. 80 к.

Пиварскій, И. Ф. Образцы и наука черченія, въ 3-хъ частяхъ, по 15 таблицъ въ каждой. Цѣна каждой части 50 к.

Раевская-Иванова, М, Д. Азбука рисованія для семьи и школы. Руководство для родителей и воспитателей. Харьковъ. 1879. Цѣна оригиналовъ 85 к., руководства 15 к.

Савенко, О. Г. Курсъ черченія для начальныхъ народныхъ школъ, сост. по системѣ проф. Домшке, съ приложеніемъ 42 таблицъ. Москва. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Альбрехтъ, К. Руководство къ хоровому пѣнію по цифровой методѣ Шеве, съ приложеніемъ 70 русскихъ пѣсенъ и 41 трехголоснаго хора, преимущественно для народныхъ школъ. Москва. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Аѳанасьевъ. Учебникъ церковнаго пѣнія. Ц. 40 к.

Вессель, Н. Х. и Альбрехтъ, Е. К. Школьныя пѣсни: 115 народныхъ, литературныхъ, историческихъ и военныхъ пѣсенъ, положенныхъ для школъ на 1, 2 и 3 голоса. Спб. 1876. Ц. 1 р.

Вишневскій, А. Нотное пѣніе литургіи св. Іоанна Златоустаго, съ приложеніемъ начальныхъ правилъ нотнаго пѣнія и азбуки (три тетради для дисканта, альта и баса). Изд. 3-е, Каллистратова. Кіевъ, 1869. Для начальныхъ народныхъ школъ, городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Ц. 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 50 к. Два народныхъ гимна: „Коль славенъ нашъ Господь" и „Боже, царя храни". Ц. 20 к., съ пересылкою 25 к. Адресоваться въ Кіевъ, къ издателю, статскому совѣтнику Ардальону Петровичу Каллистратову.

Комаровъ, В. Практическая школа хороваго пѣнія. Москва. 1875. Цѣна, съ предисловіемъ, 60 к.

Лакакинъ. Учебное руководство для преподаванія церковнаго пѣнія въ народныхъ училищахъ. Ц. 60 к.

Мареничъ, Григорій. Пѣсни для школы, дѣтскія и народныя, на 1, на 2 и на 3 голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Спб. 1878. Ц. 80 к.

Никулинъ, А. Сборникъ пѣсенъ для дѣтей. Вильна. 1870 (для школъ Виленскаго учебнаго округа). Ц. 75 к.

Потуловъ, Н. Руководство къ практическому изученію древняго богослужебнаго пѣнія Православной россійской церкви. Москва. 1873. Ц. 3 руб.

Рожновъ, А. Руководство для обучающихъ пѣнію въ народныхъ и патріотическихъ школахъ, уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ и вообще въ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1866. Ц. 20 к.

Рожновъ, А. Элементарные уроки пѣнія. Спб. 1866. Ц. 20 к.

Рожновъ, А. Нотная азбука для народныхъ школъ, текстъ и 1 голосъ ц. 80 к. Текстъ и 4 голоса—1 р.

Рожновъ, А. Нотная азбука, составленная для пѣвческихъ хоровъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Рожновъ, А. Собраніе молитвъ, аранжированныхъ на дѣтскіе голоса, для народныхъ школъ. Ц. 20 к.

Рубецъ, А. И. Музыкальная азбука. Изданіе 2-е, исправленное.

Свирѣль. Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ. Тетрадь 1. Изданіе товарищества „Сотрудникъ школъ". Москва. 1877. Ц. 75 к. 2-е изданіе. 1878. Ц. 75 к.

Фонъ-Фохтъ, Л. А. Сборникъ дѣтскихъ одноголосныхъ пѣсенъ,

положенныхъ преимущественно на народныя мелодіи, для первоначальнаго преподаванія въ младшихъ классахъ учебныхъ заведеній и въ школахъ. Спб. 1874. Ц. 1 р. 25 к.

Фонъ-Фохтъ, Л. А. Сборникъ дѣтскихъ одноголосныхъ пѣсенъ. положенныхъ преимущественно на народныя мелодіи. съ акомпаниментомъ фортепіано. Спб. 1874. Ц. 1 р.

Фонъ-Фохтъ, Л. А. Сборникъ дѣтскихъ одноголосныхъ пѣсенъ и хороводныхъ игръ, положенныхъ преимущественно на народныя мелодіи, съ акомпаниментомъ фортепіано. Изданіе В. В. Печаткина. Спб. 1873. Ц. 1 р.

Трехголосныя хоровыя пѣсни для школы. Спб. 1882 г. Ц. 75 к.

ОТДѢЛЪ II.

Изданія синодальной типографіи, рекомендуемыя учебнымъ комитетомъ при святѣйшемъ синодѣ.

1) Наставленіе своей паствѣ Тихона епископа Воронежскаго, граж. печ., въ 12 д. л., Москва. 1837 г., 15 коп.

2) Его же, наставленіе о собственныхъ каждаго христіанина должностяхъ, гражд. печ., въ 12 д. л., Москва. 1867 г., 30 коп.

3) Его же, Сокровище духовное, отъ міра собираемое, граж. печ., въ 8 д. л., въ 2-хъ книгахъ, 1 руб.

4) Указаніе пути въ Царствіе небесное. Иннокентія митрополита Московскаго, граж. печ., въ 12 д. л., 7 коп.

5) О подражаніи Іисусу Христу, соч. **Ѳомы Кемпійскаго.** Перев. К. П. Побѣдоносцева, граж. печ. 75 коп.

6) Доброе слово воспитанникамъ духовныхъ академій и семинарій по поводу страшныхъ событій (въ 1881 году), граж. печ., въ 16 д. л., 15 коп.

7) Письма къ одному лицу въ С.-Петербургѣ по поводу появленія тамъ новаго учителя вѣры, граж. печ., въ 8 д. л., 10 коп.

8) Бесѣды къ глаголемому, старообрядцу, всѣ въ одной книгѣ. церк. печ., въ 12 д. л., 28 коп. Отдѣльныя статьи изъ сихъ бесѣдъ продаются по 5 коп. каждая.

9) О церкви и таинствахъ. Книга, служащая къ увѣщанію глаголемыхъ старообрядцевъ, церк. печ., въ 8 д. л., 1854 г. 30 коп.

10) Разговоръ единовѣрца съ православнымъ. Соч. священника Комарова, граж. печ., въ 12 д. л., 6 коп.

11) Мѣсяцесловъ христіанскій съ краткими историческими сказаніями о всѣхъ святыхъ прославляемыхъ православною церковію и съ объясненіемъ совершаемыхъ въ оной праздниствъ, гражданск. печ. 1872 г., въ 12 д. л., 58 коп. Въ кор. пер. 70 коп.

12) Исторія русской церкви Филарета архіепископа Черниговскаго, Спб., въ 8 д. л. 50 коп.

13) О сущности и значеніи раскола въ Россіи, граж. печ. Спб. 1881 г. 15 коп.

Книги для учительскихъ библіотекъ.

Гречулевичъ, В., протоіерей. Подробный сравнительный обзоръ четвероевангелія, въ хронологическомъ порядкѣ, съ картою Палестины и другими приложеніями, какъ пособіе къ основательному изученію Евангельской исторіи. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1859—1873. Ц. 3 руб.

Зайцевъ, И. Очерки быта древнихъ Евреевъ. Пособіе къ изученію Священнаго Писанія. Кіевъ. 1869. Ц. 50 к.

Макарій, архіепископъ Литовскій (н. митрополитъ Московскій). Руководство къ изученію христіанскаго догматическаго богословія. Спб. 1869. Ц. 40 к.

Мышкинъ, свящ. О преподаваніи закона Божія въ сельскихъ училищахъ. Вятка. Ц. 10 к.

Преображенскій, П., свящ. Православное обозрѣніе. Ежемѣсячный журналъ, изд. съ 1875 г. подъ его редакціею въ Москвѣ.

Роговъ, П. Св. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители Славянъ. Изд. 2-е. Спб. 1880. Ц. 10 к.

Смирновъ, Е. Исторія христіанской церкви. Спб. 1880. Выпускъ 1-й и 2-й въ одной книгѣ. Ц. 2 р.—Выпускъ 3-й. Ц. 1 р.

Свирѣлинъ, А. Толковыя евангелія, воскресныя и праздничныя. Москва. 1882 г.

Соколовъ, А. Ѳ. Методика Закона Божія для законоучителей народныхъ школъ. Спб. 1880. Ц. 75 к.

Соколовъ, А. Ѳ. Уроки христіанскаго ученія. Концентрическій учебникъ Закона Божія для народныхъ школъ съ трехгодичнымъ курсомъ. Спб. 1880. Ц. 40 к.

Ширскій, О. О преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Кострома. 1876. Ц. 2 р.

Издаваемые Троицко-Сергіевскою лаврою „Листки".

Абаза, К. и **Силковъ**, М. Руководство къ обученію въ начальныхъ военныхъ школахъ. Съ приложеніемъ таблицы подвижныхъ печатныхъ буквъ. Изданіе *Фену и К°*. Спб. 1863. Ц. 75 к.

Абаза, К. Книга для чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ, въ школахъ воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ. Съ 23 картинами и планами. Изд. 2-е (Березовскаго). Спб. 1882 г. Ц. 60 к.

Александровъ, В. А. Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Спб. 1882 г. Ц. 40 к.

Андріяшевъ. Руководство учителямъ одноклассныхъ и двухклассныхъ народныхъ училищъ. Кіевъ. 1871. Ц. 10 коп.

Барановъ, Н. Подробный планъ занятій въ начальной народной школѣ съ указаніемъ самостоятельныхъ работъ. Пособіе для учителей народныхъ училищъ. Тверь. 1879. Ц. 25.

Бланше, А. Руководство для наставниковъ. Объ ученіи глухонѣмыхъ въ народныхъ школахъ. Спб. 1865. Ц. 50 к.

Блекки, **Джонъ-Стюартъ**. О самовоспитаніи умственномъ, физическомъ и нравственномъ. Совѣты юношамъ, вступающимъ въ жизнь и желающимъ серьезно подготовиться къ научной и общественной дѣятельности. Пер. съ 11-го англійскаго изданія *І. Паульсона*. Спб. 1879. Ц. 75 к.

Блиновъ, священникъ. О способахъ обученія предметамъ учебнаго курса начальныхъ народныхъ училищъ. Изданіе Вятской земской губернской управы. Вятка. 1868. Ц. 25 к.

Блиновъ, Н. Сельская общественная служба. Бесѣды сельскаго старосты Акима Простоты. Спб. 1882 г. Ц. 50 к.

Бобровская, О. Л. Сущность системы Фребеля и примѣненіе ея въ нѣкоторыхъ дѣтскихъ садахъ Германіи. Москва. 1872. Ц. 50 к.

Бобровскій, О. Курсъ практической педагогики. Для учительскихъ семинарій, народныхъ учителей, и вообще лицъ, занимающихся первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей въ школахъ и дома. Москва. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

Бунаковъ, Н. Русская подвижная школа. Спб. 1881. Ц. 40 к.

Вахрушева, **Вѣра**. Руководство для сельскихъ учителей и учительницъ. Изд. 2-е. Спб. 1865. Ц. 20 к.

Виноградовъ, В. Педагогическо-дидактическіе совѣты. Пособіе для учителей начальныхъ училищъ. Нижній-Новгородъ. 1881. Ц. 30 к.

Гербачъ, В. Методическое руководство къ обученію письму. Пособіе для родителей, учителей, учительскихъ институтовъ и семинарій. Спб. Ц. 50 к.

Гюнцбургъ, К. Нравственная педагогика или общепонятное изложеніе основныхъ началъ нравственнаго воспитанія. Руководство для учащихся въ женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, учительскихъ семинаріяхъ, и для образованныхъ матерей. Москва. 1876. Ц. 60 к.

Диттесъ. Методика первоначальнаго обученія, изложенная на основаніи историческаго ея развитія. Переводъ съ нѣмецкаго, съ исправленіями и дополненіями, подъ редакціею Запольскаго и Кирпотенко. Спб. 1876. Ц. 1 р. 50 к.

Диттесъ. Исторія воспитанія и обученія. Переводъ Николича и Модзалевскаго. Спб. 1873. Ц. 1 р. 25 к.

Диттесъ. Очеркъ практической педагогики. Переводъ подъ редакціею Паульсона. Спб. 1875. Ц. 1 р. и изд. 4-е. Спб. 1882 г.

Заринскій, Пл., священникъ. Публичныя педагогическія лекціи о преподаваніи въ школахъ для солдатъ. Казань. 1870. Ц. 75 к.

Заринскій, Пл. священникъ. Солдатская школа. Въ двухъ частяхъ, съ прибавленіями, азбукою и ариометическими задачами. Спб. 1876. Ц. 1 р. 50 к.

Илинскій, П. А. Какъ воспитывать и охранять дѣтей. Издано кн. *Оболенскимъ*. Спб. 1874. Ц. 10 к.

Корфъ, Н. А., баронъ. Русская начальная школа. Руководство для земскихъ гласныхъ и учителей земскихъ школъ. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1871. Ц. 1 р.

Корфъ, Н. А. Первоначальное правописаніе. Спб. 1882 г. Ц. 12 к. Изд. Павленкова.

Лангеталь. Первое школьное обученіе. Пособіе учителямъ начальныхъ школъ. Пер. съ нѣмецкаго *С. Протопоповъ*. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1867. Ц. 25 к.

Латышевъ. Русскій начальный учитель. Ц. за 12 №№ въ годъ 2 р. 50 к.

Лесгафтъ, П. Физическое развитіе въ школахъ. Спб. 1880 г.

Лядовъ, В. Руководство къ воспитанію и обученію дѣтей. Изданіе 2-е. Спб. 1873.

Малининъ, Н. Начальное народное училище. Педагогическій очеркъ изъ наблюденій за училищами. Москва. 1867. Ц. 75 к.

Малышевскій, Зайцевъ и Экземплярскій. Руководство къ начальному обученію. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1871. Ц. 1 р.

Миропольскій, С. Школа и государство. Обязательность обученія въ Россіи. (Историческій этюдъ). Спб. 1874. Ц. 1 р. 50 к.

Миропольскій, С. Обученіе грамотѣ. Методическое руководство для учительскихъ семинарій, учителей народныхъ школъ и руководителей педагогическими курсами. Спб. 1874. Ц. 50 к.—Изданіе 2-е, вновь пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1877. Ц. 1 р. и изд. 3-е. Спб. 1881 г. Ц. 1 р.

Михайловскій, Я. Т. Очеркъ современнаго состоянія заграничной народной школы. Спб. 1881 г. Ц. 1 р.

Модзалевскій. Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Изданіе 2-е. Спб. Ц. 4 р.

Николаевскій, Иванъ. Руководство къ изученію главныхъ основаній педагогики въ учительскихъ семинаріяхъ министерства народ. просв. Дидактическая пропедевтика. Курсъ II-го класса. Москва. 1883 г. Ц. 50 к.

Тимоѳеевъ К. Генрихъ Песталоцци, знаменитый швейцарскій педагогъ. Біографическій очеркъ, составленный и переведенный изъ нѣмецкихъ источниковъ. Изданіе 2-е. Спб. 1877. Ц. 75 к.

Тихоміровъ, В. Курсъ педагогики, дидактики и методики. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Фармаковскій, Вл. Школьная діэтетика. Ученіе о сбереженіи здоровья дѣтей, посѣщающихъ школу. Излож. по доктору *Кленке*. Вятка. 1872. Ц. 50 к.

Фармаковскій, Вл. Управленіе дѣтьми. По лекціямъ *Циллера* и другимъ источникамъ. Вятка. 1877. Ц. 50 к.

Шютце, д-ръ. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Пер. *А. Бѣлинскій*. Глуховъ. 1880. Ц. 1 р. 50 к. (для учит. сем.).

Янъ Коменскій. Великая дидактика. Изданіе редакціи журнала „Семья и школа“. Спб. 1875—77. Ц. 3 р.

Баснстовъ, П. Замѣтки о практическомъ преподаваніи русскаго языка. Москва. 1878. Ц. 40 к.

Бобровскій, С. Руководство къ чтенію-письму по звуковому способу. Методика обученія грамотѣ. Для школьнаго и домашняго употребленія. Изданіе 2-е. Москва. 1875. Ц. 60 к. Приложеніе къ сему

Руководству: 28 таблицъ для постепеннаго чтенія. Изданіе 2-е. Москва. 1875. Ц. 25 к.

Бунаковъ, Н. Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ. Лекціи, читанныя на педагогическихъ курсахъ Московской политехнической выставки въ 1872 году. Изданіе журнала „Семья и школа". Спб. 1873. Ц. 1 р.

Бѣловъ, И. Руководство для сельскихъ учителей. Часть I. Уроки по русскому языку, родиновѣдѣнію и отечествовѣдѣнію, Спб. 1869. Ц. 75 к.

Водовозовъ, В. Книга для учителей, заключающая объясненіе на „Книгу для первоначальнаго чтенія". Спб. 1871. — Изданіе 4-е. Спб. 1875. Ц. 60 к.

Волженскій. Руководство къ обученію грамотѣ (для учителей). Спб. 1871. Ц. 25 к.

Воскресенскій, В. А. Первоначальные уроки русской грамматики. Спб. 1880 г. Ц. 40 к,

Вурстъ. Начальное обученіе отечественному языку. Спб. 1872. Ц. 50 к.

Галаховъ, А. Русская христоматія. Изданіе 17-е. Т. I и II. Спб. 1879. Ц. 1 р. 75 к.

Галаховъ, А. Историческая христоматія новаго періода русской словесности. Въ двухъ томахъ. Спб. 1880. Ц. 2 р. 50 к.

Гербачъ, В. Руководство для учащихъ къ русской азбукѣ для совмѣстнаго обученія чтенію, письму и рисованію. Ц. 25 к.

Главинскій, И. В. Руководство къ изученію русской грамоты и счисленія. 13-е изданіе. Отдѣлъ I-й. Правила и пріемы для обученія по звуковой методѣ чтенію и письму гражданской и церковной печати, молитвы и святцы, 15 картинъ и листъ подвижныхъ буквъ. Ц. 10 к.

Гротъ, Я. К. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго до нынѣ. Изданіе 2-е, дополненное. Спб. 1876. Ц. 1. р. 25 к.

Добровольскій, В. Зорька. Наставленіе для учащихъ. Спб. 1871. Ц. 20 к.

Евстафьевъ, П. В. Древняя русская литература. Спб. 1879. Ц. 1 р. (для учит. сем.).

Ельницкій, К. Курсъ дидактики. Пособіе для учебныхъ заведеній гдѣ преподается педагогика. Спб. 1880. Ц. 75 к. Изданіе 2-е. Спб. 1881 г. Ц. 75 к. (для учит. инст. и сем. и для нач. учил.).

Е. К. Грамматика для сельскихъ училищъ. Москва. 1882 г., Ц. 12 к.

Ждановъ, А. Грамматика для народныхъ школъ. Харьковъ. 1879. Ц. 25 к.

Ждановъ, А. Сборникъ статей и примѣровъ для разбора, диктанта и другихъ грамматическихъ упражненій. Харьковъ. 1880.

Зимницкій, В. Условія и пріемы объяснительнаго чтенія. Руководство для воспитанниковъ учительскихъ институтовъ и семинарій, воспитанницъ педагогическихъ курсовъ женскихъ гимназій, преподавателей русскаго языка низшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ и учителей народныхъ школъ. Вольскъ. 1880. Ц. 75 к.

Золотовъ. В. Первыя упражненія въ чтеніи и совѣтъ наставникамъ. Изд. товарищества „Общественная Польза". Спб. 1868. Ц. 10 к.

Иолентьевъ, В. Письмо-чтеніе. Руководство для учащихъ. Изданіе Казанскаго учебнаго округа. Казань. 1871.—Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1874. Ц. 35 к.

Карповъ, Систематическое изложеніе логики. Спб. 1856. Ц. 1 р. 50 коп.

Разговорныя и письменныя упражненія. Руководство для учителей начальныхъ школъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1873. Ц. 25 к. Составлено по Кельнеру.

Козьминъ, К. Элементарная грамматика для городскихъ училищъ. Выпускъ I. Москва. 1878. Ц. 30 к.

Корфъ, Н. А. баронъ. Руководство къ обученію грамотѣ по звуковой методѣ. Екатеринославъ. 1867. Ц. 25 к.

Корфъ, Н. А., баронъ. Руководство къ „Нашему Другу", книга для учащихъ. Спб. 1881. Ц. въ отдѣльной продажѣ 50 к.

Кочетовъ, А. Обученіе чтенію и письму. (Книжка для учителей). Съ приложеніемъ разрѣзныхъ буквъ. Спб. 1864. Ц. 15 к.

Кошкаровъ, П. Сборникъ диктантовъ для городскихъ и сельскихъ училищъ. Выпускъ I-й. Курсъ 3-го и 4-го года городскихъ училищъ. Вятка. 1880 г.

Красногорскій, П. Задачи по русскому правописанію. Спб. 1882 г. Цѣна 85 к.

Миропольскій, С. Обученіе письму въ начальной школѣ. Для учительскихъ институтовъ, учителей и руководителей педагогическими курсами. Изданіе 3-е. Спб. 1878. Ц. 75 к.

Невзоровъ, Н. Этимологія и синтаксисъ церковно-славянскаго и

русскаго языка въ связи съ элементарной логикой и съ приложеніемъ филологическаго указателя. Казань. 1877. Ц. 1 р. (для учит. сем.).

Николаевъ, А. И. Осмысленная грамотность. Практическій курсъ обученія грамотѣ. Руководство для родителей и учителей. Москва. 1882 г. Ц. 2 р.

Орбинскій, Р. Руководство для преподавателей грамотности. Изданіе 2-е. Спб. 1866. Ц. 60 к.

Паульсонъ, I. Способъ обученія грамотѣ по „Первой учебной книжкѣ". (Объясненія для преподавателей). Спб. 1868. Ц. 15 к.

Паульсонъ, I. Обученіе грамотѣ и родному языку по „Первой учебной книжкѣ". Дидактическое руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1876—1878 г. Ц. 1 р. 80 к.

Паульсонъ, I. „Учебный матеріалъ для практическихъ упражненій въ родномъ языкѣ по „Второй учебной книжкѣ". Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к.

Паульсонъ, I. Объ употребленіи задачника письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ. (Объясненія для преподавателя). Изд. 2-е. Спб. 1876 г. Ц. 10 к.

Перевлѣсскій, П. Предметные уроки по мысли Песталоцци. Руководство для занятій съ дѣтьми въ школѣ и дома. Изд. 6-е. Спб. 1880. Ц. 1 р. 25 к.

Петровъ, К. Ѳ. Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики, изложенной по новому плану. Синтаксисъ для младшаго возраста. Спб. 1880. Ц. 50 к.

Пуцыковичъ, Ѳ. Уроки русскаго правописанія. Годъ 1 и 2 (Опытъ приложенія изыскательнаго метода къ обученію правописанію). Руководство для учителей народныхъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 3-е, дополненное и исправленное. Спб. 1877. Ц. 40 к.

Пуцыковичъ, Ѳ. Уроки русскаго правописанія. Годъ 3 (послѣдній). Опытъ примѣненія изъяснительнаго метода къ обученію правописанію. Руководство для учителей народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ, и для домашняго обученія. Изданіе 2-е. Спб. 1879. Ц. 35 к.

Резенеръ и Волковъ. Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу. Спб. 1869. Ц. 10 к.

Романченко, И. Конспектъ занятій по „Родному Слову", годъ второй. Ростовъ на Дону. 1882 г.

Рязанскій, Н. Наставленіе о томъ, какъ давать первые уроки грамоты и письма. Изданіе 2-е. Москва. 1872. Ц. 20 к.

Семеновъ, Д. Опытъ дидактическаго руководства къ преподаванію русскаго языка 9—11 лѣтнимъ дѣтямъ въ школѣ и дома по книгѣ „Даръ слова", и картинамъ „Времена года". Изданіе 3-е. Спб. 1872. Ц. 50 к.

Смирновъ, А. О. „Слово о полку Игоревѣ": 1) Литература „Слова" со времени открытія его по 1876 г. Воронежъ. 1877. 2) Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ. Воронежъ. 1879. Ц. 2 р. 25 к.

Солонина, П. Н. Записки по методикѣ русскаго языка, составленныя для учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и для учителей народныхъ школъ. Отдѣлъ I. Методика обученія грамотѣ. Черниговъ. 1875. Ц. 50 к.—Изданіе 2-е, значительно исправленное и дополненное. Спб. 1876.—Отдѣлъ II. Методика объяснительнаго чтенія. Спб. 1876.—Отдѣлъ III. Методика начальной грамматики. Спб. 1877. Ц. 75 к.

Тихомировы, Е. и Д. Азбука правописанія. Сборникъ примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи правописанія для диктовки, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. Часть I. Изд. 7-е, исправленное и дополненное. Москва. 1880. Ц. 35 к.

Тихомировъ, Д. Азбука правописанія. Сборникъ примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. Часть II. Изданіе 3-е, исправленное. Москва. 1880. Ц. 35 к.

Тихомировъ, Д. Руководство для учащихъ по Букварю для совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Изд. 2-е. Москва. 1875. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій по родному языку. Методическое пособіе для преподавателей элементарной школы. Изд. 4-е. Москва. 1880. Ц. 55 к.

Троцкій-Сенютовичъ. Начальное обученіе русской грамотѣ. Опытъ руководства къ одновременному обученію взрослыхъ письму, чтенію и счисленію. Въ текстѣ 128 рисунковъ и 3 портрета. Спб. 1875. Ц. 40 к.

Туловъ, М. Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбукѣ. Пособіе для обучающихъ русской грамотѣ. Кіевъ. 1874. Ц. 75 к.

Ушинскій, К. Родное слово. Книга для учащихъ. Совѣты родителямъ и наставникамъ о преподаваніи роднаго языка по учебнику „Родное слово". Изд. 10-е, исправленное и дополненное. Спб. 1871. Ц. 30 к.

Чудецкій, П. Родной языкъ. Обученіе механическому чтенію и письму. Выпускъ I. Кишиневъ. 1880. Ц. 60 к.

Шарловскій, I. Первоначальное обученіе письму и чтенію. Спб. 1868. Ц. 20 к.

Шимановскій, О. Руководство (для учителей) къ русской азбукѣ для сельскихъ школъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Варшава. 1875. Ц. 20 к.

Руководство къ русской азбукѣ. Практическіе уроки бесѣдъ звуковаго разбора, письма и чтенія въ первый годъ занятій. Спб. 1875. Ц. 20 к.

Упражненія въ чтеніи и умственномъ развитія (Приложеніе къ таблицамъ для взаимнаго обученія чтенію). 6-е изданіе, товарищества „Общественная Польза". Спб. 1864. Ц. 20 к.

Опытъ образцовъ систематическаго диктанта. Составленъ коммиссіею при Московской 2-й гимназіи. Изд. 4-е,. М. 1880 г. Ц. 30 к.

Русскій филологическій вѣстникъ. Ученый журналъ 1880 года №№ 1, 2 и 3. Ц. за годовое изданіе 7 р. (для учит. инстит. и учит. семинарій).

Сочиненія В. А. Жуковскаго, 6 томовъ, цѣна 9 руб.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова, 2 тома, цѣна 4 руб.

„Фрегатъ Паллада", И. А. Гончарова, 2 тома, цѣна 4 руб.

Виноградовъ, **И.** Задачникъ, письменныя работы и ариѳметика для начальныхъ училищъ. Спб. Ц. 25 к.

Виноградовъ, **И.** Отвѣты къ задачнику для народныхъ училищъ. Спб. 1881. Ц. 3 коп.

Воленсъ, **В.** Собраніе ариѳметическихъ задачъ (по Грубе). Учебное пособіе при первоначальномъ преподаваніи ариѳметики. Изд. 9-е, исправленное и пересмотрѣнное. Спб. 1878. Ц. 40 к.

Гехель, **К.** Планиметрія, по системѣ Лежандра. Перевелъ *В. Шиховъ*. Рига. 1869. Ц. 60 к.

Гехель, **К.** Стереометрія, по Лежандру. Перевелъ *В. Шиховъ*. Рига. 1869. Ц. 50 к.

„Сорочинская ярмарка". Н. В. Гоголя. Спб. 1882 г. Ц. 10 к. Изданіе комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ.

Гольденбергъ, **А. И.** Математическій листокъ. Ежемѣсячное изданіе. Москва. 1880. №№ 1—12 (для учит. сем.). Ц. 6 р.

Евтушевскій, **В.** Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной ариѳметики въ народныхъ школахъ. Спб.

1875.—Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1878. Ц. 75 к. и изданіе 4-е. Спб. 1882 г. Ц. 75 к.

Еленевъ, Ѳ. П. Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію ариѳметики въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ, а также въ приготовительныхъ классахъ и первомъ классѣ гимназій. Спб. 1878. Ц. 65 к.

Еленевъ, Ѳ. П. Руководство для учителей къ преподаванію ариѳметики въ двухклассныхъ начальныхъ училищахъ. Спб. 1878. Ц. 1 р.

Ислентьевъ, В. Опытъ методическаго руководства къ преподаванію ариѳметики въ народныхъ школахъ. Курсъ первыхъ двухъ лѣтъ обученія малолѣтнихъ. Казань. 1881 г. Цѣна 75 к.

Кронебергъ, А. Элементарныя начала геометрическаго анализа или такъ называемой новой геометріи. Съ атласомъ чертежей. Спб. 1880. Съ атласомъ 3 р. (для учит. сем.).

Литвинскій, А. Начальное обученіе ариѳметикѣ. (для родителей и учителей). Выпускъ 1-й Спб. 1881 г. Ц. 40 к.

Леве, А. Первоначальныя упражненія въ ариѳметикѣ. Книга 2-я. Руководство для учащихъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к.

Мелеховскій, П. Краткій очеркъ теоріи приближенныхъ вычисленій, поясненный 36-ю примѣрами и задачами изъ геометріи. Одесса. 1880. Ц. 75 к.

Паульсонъ, І. Ариѳметика по способу нѣмецкаго педагога Грубе. Методическое руководство для родителей и элементарныхъ учителей. Изданіе 8-е. Москва. 1871. Ц. 60 к.

Переслѣгинъ. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для умственнаго и письменнаго счисленія, для городскихъ и сельскихъ школъ. Москва. 1881. Ц. 35 к.

Пржевальскій, Е. Начальная геометрія. Москва. 1878. Ц. 1 р. 50 к. (для учит. сем.).

Путята, А. Д. Космологія (общепонятное изложеніе). Часть I. Система міра. Книга I. Геометрическія и динамическія отношенія небесныхъ тѣлъ. Томъ I. Спб. 1876—1880. Ц. 4 руб. (для учит. сем.)

Серебровскій, М. Простой и дешевый способъ изготовлять геометрическія модели для низшихъ школъ. Казань. 1876. Ц. 10 к.

Староградскій, И. Задачи на числа первой сотни. Москва. 1879. Ц. 15 к.

Бальфуръ Стюартъ, профессоръ. Физика. Перев. съ англійскаго М. А. Антоновича. Спб. 1873. Ц. 75 к.

Бородинъ, И. Новѣйшіе успѣхи ботаники (1877—79) съ 32-мя политипажами. Спб. 1880. Ц. 1 р.

Брамсонъ, К. Вредныя насѣкомыя и мѣры для борьбы съ ними. Руководство для сельскихъ хозяевъ, народныхъ учителей и учительскихъ семинарій. Часть I. Екатеринославъ. 1881. Ц. 1 р.

Варавва, М. Ботаника. (Изъ руководства естественной исторіи для городскихъ училищъ съ вопросами и задачами). Изд. 2-е. Москва. 1882 г. Ц. 90 к.

Веберъ, К. Понемногу обо всемъ изъ трехъ царствъ природы. Разсказы для дѣтей. Москва. 1873. Ц. 60 к.

Игнатовичъ, И. Элементарное объясненіе явленій природы. Изд. 9-е. Спб. 1881 г. Ц. 60 к.

Любенъ, А. Руководство къ систематическому изученію естественной исторіи. Курсъ II. Переводъ *Огородникова*. Спб. 1875. Ц. 50 к.

Меліоранскій, М. Вопросникъ по зоологіи, для элементарныхъ училищъ. Спб. 1877. Ц. 50 к.

Масловъ, А. Завоеваніе Ахалъ - Теке. Очерки изъ послѣдней экспедиціи Скобелева (1880—1881 г.). Спб. 1882 г.

Морозовъ. Краткое наставленіе къ приготовленію животныхъ для коллекцій. Изд. 3-е. Спб. 1881 г. Ц. 25 к.

Постель. Для ботаническихъ экскурсій. Карманный опредѣлитель сосудистыхъ растеній, какъ дико растущихъ, такъ и разводимыхъ. Спб. 1875. Ц. 1 р. 60 к.

Порчинскій, I. А. Краткія свѣдѣнія о насѣкомыхъ, наиболѣе вредящихъ русскому полеводству. Съ 10 политипажами въ текстѣ и 2 гравюрами. Спб. 1882 г.

Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ. „Вокругъ насъ". Элементарныя свѣдѣнія изъ міровѣдѣнія. Съ 125 рисунками. Спб. 1882 г. Ц. 40 к.

Тиндаль, Дж. Свѣтъ. Шесть лекцій, читанныхъ въ Америкѣ зимою 1872—1873 г. Переводъ съ англійскаго 2-го изданія *Я. Цедербаума* и др., подъ редакціею *И. Гезехуса*. Съ портретомъ Дж. Тиндаля и 60 рисунками въ текстѣ. Спб. 1877. Ц. 1 р. 50 к. (для учит. семинарій).

Тиндаль, Дж. Лекціи объ электричествѣ. Переводъ съ англійскаго, изд. подъ редакціею *И. Гезехуса*. Съ 60 рисунками въ текстѣ. Спб. 1878. Ц. 75 к.

Форстеръ, М. Начальный практическій курсъ физіологіи. Переводъ съ англійскаго *С. В. Пантельевой*. Спб. 1878 (для учит. сем.). Ц. 1 р. 50 к.

Боголюбовъ, И. Исторія корабля, съ исправленіями и дополненіями.

Бойковъ, М. Краткое обозрѣніе Курской губерніи въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Бѣлгородъ. 1879.

Веселовскій, Г. М. Городъ Острогожскъ (Воронежской губерніи) и его уѣздъ. Историко-статистическій и этнографическій очеркъ, съ планомъ города и географическою картою уѣзда. Воронежъ. 1867. Ц. 80 к.

Веселовскій, Г. М. и Воскресенскій, Н. В. Города Воронежской губерніи, ихъ исторія и современное состояніе, съ краткимъ очеркомъ всей Воронежской губерніи. Воронежъ. 1876. Ц. 50 к.

Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. 2 тома. Спб. 1878 г.

Журавскій, В. Богатства Сѣвера. Экономическое изслѣдованіе. Нижній Новгородъ. 1875 г.

(Для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій).

Ивановъ, А. Учебникъ географіи. Общія свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. М. 1878. Ц. 25 к.

Любенъ, Августъ. Руководство къ методическому преподаванію географіи. Переводъ съ нѣмецкаго 12-го изданія *Аристова.* Кіевъ. 1872. Ц. 15 к.

Малининъ, Н. Бесѣды о наглядномъ обученіи и отчизновѣдѣніи, читанныя на учебно-педагогическомъ курсѣ при Московскомъ обществѣ вспомоществованія гувернанткамъ, домашнимъ учительницамъ и воспитательницамъ. Москва. 1873. Ц. 75 к.

Малининъ, Н. Географія Россіи. Курсъ низшихъ учебныхъ заведеній, преимущественно уѣздныхъ и начальныхъ училищъ. М. 1879. Ц. 1 руб.

Можайскій. Учебный курсъ географіи Новгородской губерніи (родиновѣдѣніе). Новгородъ. 1878.

Оберлендеръ. Методика географіи. Переводъ подъ редакціею *А. Воронецкаго.* Спб. 1877.—Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, съ приложеніемъ русской литературы учебной географіи. Спб. 1880. Ц. 1 р. 60 к.

Овсянниковъ, А. Географическіе очерки и картины. Томъ I. Очерки и картины Поволжья. Спб. 1878. Ц. 2 р. (для учит. сем.).

Пясецкій, П. Путешествіе по Китаю въ 1874—1875 гг. чрезъ

Сибирь, Монголію, восточный, средній и сѣверо-западный Китай. Въ двухъ томахъ съ рисунками. Спб. 1880 г. Цѣна 6 р.

Ратцель, Ф. Земля. 24 общедоступныхъ бесѣды по общему землевѣдѣнію. Москва. 1882 г. Ц. 2 руб.

Рейхъ, д-ръ. „Какъ развивались наши понятія о глазѣ". (Научно-популярная лекція). Тифлисъ, 1880 г. Цѣна 30 к., для учащихся 20 к.

Реклю, Эмиль. Земля и люди. Всеобщая географія. Т. I—IV. Съ рисунками. Спб. 1878—1880 (для учит. сем.). Ц. 8 р. за каждый томъ.

Слюйсъ. Руководство къ наглядной географіи. Перевелъ со 2-го французскаго изданія *К. Турчаковскій*. Спб. 1880. Ц. 60 к.

Сорока, П. П. Географія Бессарабской губерніи. Съ приложеніемъ 23 чертежей, плана г. Кишинева и карты Бессарабской губерніи. Кишиневъ. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

Субботинъ Г. Е. Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи въ связи съ торговопромышленной статистикой Россіи и другихъ странъ. Спб. 1878. Ц. 2 р.

Скворцовъ, Ир. „Общепонятная гигіена. Основы здравохраненія общественнаго и личнаго и т. д. Спб. 1881 г. Цѣна 3 р. 60 к.

Острогорскій. Хронологія всеобщей и русской исторіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Въ трехъ выпускахъ: 1) Древняя исторія. Изд. 4-е. Спб. 1879. Ц. 25 к. — II. Средняя исторія. Изд. 5-е. Спб. 1879. Ц. 25 к. — III. Новая исторія. Изд. 5-е. Спб. 1879. Ц. 25 к.

Острогорскій. Краткая хронологія всеобщей и русской исторіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Изд. 5-е. Спб. 1879. Ц. 25 к.

Глинскій, Н. Какъ спасать и спасаться отъ скоропостижныхъ смертныхъ случаевъ безъ помощи врачей и знахарей. Изд. 3-е. Спб. 1871. Ц. 7 к.

Григорьевъ, Н. И. Школы и заразительныя болѣзни (брошюра). Ярославль 1882 г. Ц. 15. к.

„Домашній и госпитальный уходъ за больными". Профессора Бильрота. Изд. Главнаго управленія Общества Краснаго Креста. Переводъ Герценштейна и Марголина. Спб. 1881 г. Ц. 25 к.

Деркачевъ. И. Школьное дѣло. Къ вопросу о гигіенѣ школъ. Въ текстѣ болѣе 40 чертежей: планы классныхъ комнатъ, школьныхъ домовъ, классной мебели и проч. М. 1878. Ц. 1 р.

Евсѣенко, И. С. „Дифтеритъ и леченіе его домашними средствами". Общедоступное изложеніе. Кіевъ. 1880 г. Цѣна 30 к.

Залуговскій, М, Руководство къ уходу за больными, ранеными. беременными, родильницами, новорожденными дѣтьми и первая помощь до прибытія врача. Изд. 2-е, дополненное. Съ рисункомъ. Москва. 1877. Ц. 1 р. 50 к.

Казаченко, И. Наставленіе для народа о томъ, какъ предохранять животныхъ отъ заболѣванія заразительными болѣзнями, а также о томъ, какъ люди должны поступать, чтобы не заразиться отъ животныхъ, и какъ лечить заболѣвшихъ животныхъ до прибытія врача. Вятка. 1879.—Изданіе 2-е. 1880. Ц. 15 к.

Капустинъ, д-ръ. „Бесѣды о здоровьѣ и болѣзняхъ". I. Борьба съ дифтеритомъ. Спб. 1880 г. Ц. 25 к.

Петровъ, Н. Бесѣды врача о заразныхъ болѣзняхъ. Руководство для народа. Спб. 1881. Ц. 70 к.

Трояновскій, К. Ф. Первая помощь въ отсутствіи врача или въ ожиданіи его въ опасныхъ случаяхъ обыденной жизни и на полѣ битвы. Дерптъ. 1881 г. Цѣна 85 к.

Уховъ, Г. В. Руководство къ педагогической и гигіенической гимнастикѣ. Ч. I. О вольныхъ движеніяхъ. Спб. 1875.—Ч. II. Объ упражненіяхъ на спарядахъ. Спб. 1872. Ц. 2 р. 50 к.

У. М. Уходъ за дѣтьми въ первые годы ихъ жизни, въ примѣненіи къ крестьянскому быту. Второе изданіе. Спб. 1870. Ц. 3 к.

Карницкій, д-ръ. „О лѣченіи дифтерита молокомъ". (безъ заглавнаго листа).

Фюрстъ, д-ръ. Искусственное выкармливаніе дѣтей. Ц. 50 к.

Щенсновичъ, М. Руководство къ изученію оспопрививанія. Для духовныхъ училищъ, фельдшерскихъ школъ и вообще для лицъ, желающихъ научиться оспопрививанію. Спб. 1870. Ц. 30 к.

„Сбереженіе здоровья" (гигіена). Составлена для полковыхъ учебныхъ командъ, ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ школъ. Спб. 1881 г. Ц. 10 к.

Цѣлебныя силы природы. Полный цѣлебный травникъ. Спб. 1871. Ц. 3 р.

Мамонтовъ (издатель). Общедоступный огородникъ. Москва. 1869. Ц. 20 к.

Маракуевъ, В. Н. Сельское огородничество. Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1875. Ц. 15 к.

Мицуль, М. Домашній огородъ. Съ планомъ огорода и рисунками. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1870. Ц. 1 р. 50 к.

Никитинскій, Я. „Какъ получается масло изъ сѣмянъ". Маслобойное производство. Съ 28 рисунками въ текстѣ. Москва. 1881 г. Ц. 20 к.

Соковнинъ, Н. Популярный курсъ основаній земледѣлія, Изд. 2-е, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1871. Ц. 1 р. 25 к.

Сѣровъ, Д. Русскій сыроваръ и фермеръ. Молочное хозяйство, сыровареніе и скотоводство. Составлено по новѣйшимъ русскимъ и иностраннымъ техникамъ и трудамъ извѣстныхъ спеціалистовъ. Спб. 1871. Ц. 2 р.

Табусинъ, П. Опытъ руководства къ пасѣчному хозяйству въ современномъ его состояніи. Съ чертежами. Кіевъ. 1875. Ц. 1 р. 30 к.

Травинъ, В. Н. Руководство къ низшей геодезіи. Наставленіе къ употребленію геодезическихъ инструментовъ и производству различнаго рода съемокъ и нивеллированія. Москва. 1880. Ц. 2 р. (для учит. сем.).

Фроловъ, И. О земледѣліи средней полосы Россіи. Спб. 1875. Ц. 75 к.

О наивыгоднѣйшихъ способахъ обработки молочныхъ продуктовъ. Спб. 1870. Ц. 10 к.

Веберъ, К. Разсказы о фабрикахъ и заводахъ. Москва. 1874. Ц. 60 к.

Вересовъ, П. Коментарій къ элементарному плоскому орнаменту (для учителей). Тифлисъ. 1882 г. Ц. 25 к.

Вересовъ, П. „Украшенія для плоскихъ поверхностей (элементарный плоскій орнаментъ)". Цѣна 10 к. Тифлисъ. 1882 г.

Мозговъ, В. Г. „Дешевыя огнеупорныя постройки въ селахъ". Кіевъ. 1882 г. Ц. 10 к.

П—въ, А. Малярное и красильное искусство. Составлено по новѣйшимъ русскимъ и иностраннымъ источникамъ и опытамъ, подъ редакціею технолога *А. П—ва.* Спб. 1872. Ц. 1 р. 50 к.

Аннинъ, П. А. Сводъ главнѣйшихъ законоположеній и распоряженій о начальныхъ народныхъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ. Части I—IV. Спб. 1878—1880. Ц. 4 р. 75 к.

Аннинъ, П. Сводъ главнѣйшихъ законоположеній и распоряженій о начальныхъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинаріяхъ. Часть I. Законоположенія и распоряженія о начальныхъ народныхъ училищахъ, дѣйствующія въ губерніяхъ, въ коихъ введены земскія учрежденія. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 1 руб.

Овчинниковъ, В. Руководство для крестьянъ, волостныхъ судовъ,

уѣздныхъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій по постановленію, обжалованію и отмѣнѣ рѣшеній по дѣламъ, подсуднымъ волостному суду. Изд. 2-е, поправленное и дополненное. Вятка. 1879. Ц. 75 к.

Острогорскій, М. Общая воинская повинность. Чтеніе для народа. Спб. 1877. Ц. 10 к.

Фармаковскій, Вл. Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ, общедоступно изложенные и объясненные. Вятка. 1877. Ц. 1 р. 15. к.

Фармаковскій, Вл. Книжка для присяжныхъ засѣдателей о судѣ присяжныхъ. Вятка. 1874. Ц. 10 к.

Фармаковскій, В. Книжка для волостныхъ старшинъ. Изд. 3-е. Симбирскъ. 1879 г. Ц. 30 к. Книжка о мировомъ судѣ. Изд. 2-е. Симбирскъ. 1879 г. Ц. 15 коп. Книжка для волостныхъ судей о волостномъ судѣ. Изд. 3-е. Симбирскъ. 1879 г. Ц. 15 к. Книжка для земскихъ гласныхъ. Изд. 2-е. Симбирскъ. 1879 г. Ц. 15 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составл. по порученію Комитета грамотности. Спб. 1878. Ц. 2 р.

Миропольскій, С. О музыкальномъ образованіи народа въ Россіи и въ западной Европѣ, съ приложеніемъ статьи объ эстетическомъ образованіи нашего народа и біографическаго Обзора русской музыкально-педагогической литературы и заграничной. Изд. 2-е, вновь переработанное. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к.

Филиппусъ. Курсъ рисованія для классныхъ и домашнихъ занятій съ дѣтьми отъ 6-ти лѣтняго возраста. Часть 1-я. Упражненія по способу стигмографическому. Казань. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к. и курсъ рисованія. Часть 2-я. Казань. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к. (для выдачи въ награду ученикамъ).

ОТДѢЛЪ III.

Книги для ученическихъ библіотекъ и для народнаго чтенія.

Книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, изданныя по благословенію Святѣйшаго Синода, какъ на славянскомъ, такъ и на русскомъ языкахъ.

Господа нашего Іисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна на славянскомъ и русскомъ языкахъ, съ указаніемъ порядка чтеній. Ц. 32 к.

Дѣянія и посланія святыхъ Апостоловъ съ Апокалипсисомъ, на славянскомъ и русскомъ языкахъ. Ц. 50 к.

Краткое изложеніе литургіи св. Іоанна Златоустаго, для мірянъ, съ присовокупленіемъ молитвъ, изданныхъ съ благословенія Св. Синода для чтенія ихъ при Божественной литургіи. Спб. 1867. Ц. 4 к.

Сокращенный молитвословъ. Спб. 1870. Ц. 8 к.

Изображенія святыхъ угодниковъ Божіихъ: 1) Кирилла и Меѳодія, 2) Николая Чудотворца и 3) Георгія Побѣдоносца, изданныя академикомъ *Микъшинымъ*, съ краткимъ изложеніемъ житія сихъ Святыхъ, составленнымъ *Т. И. Филипповымъ*. Ц. въ розницу по 15 к.; а партіями, не менѣе 10-ти, по 12 к. за экз.

1) Повѣствованія изъ Четьи-Миней о жизни святыхъ:

Антонія Печерскаго, 2 коп.

Владиміра Равноапостольнаго Великаго князя, изданіе Кіево-Печерской лавры, 15 коп.

Димитрія митрополита Ростовскаго, 6 коп.

Св. Димитрія Благовѣрнаго царевича князя Московскаго, 2 коп.

Кирилла Бѣлозерскаго, 3 коп.

Макарія Желтоводскаго, 2 коп.

Марка апостола и евангелиста, 2 коп.

Митрофана еписк. Воронежскаго (сказаніе о обрѣтеніи и открытіи честныхъ его мощей), 17 коп.

Николы Святоши князя Черниговскаго, изданіе Кіево-Печерской лавры, 9 коп.

Пафнутія Боровскаго, 4 коп.

Прокопія Христа ради юродиваго Устюжскаго чудотворца, 2 коп.

Ѳеодосія Печерскаго, 3 коп.

Бориса и Глѣба, 2 коп.

Св. Василія епископа Амасійскаго и св. Стефана епископа Пермскаго, 4 коп.

Зосимы и Савватія Соловецкихъ, 4 коп.

Исаіи, Леонтія, Игнатія и царевича Петра, Ростовскихъ чудотворцевъ, 3 коп.

Константина царя Равноапостольнаго и матери его Елены, изданіе Кіево-Печерской лавры, 10 коп.

Константина и Кипріана, митрополитовъ Кіевскихъ, 2 коп.

Космы и Даміана, безмездныхъ врачей, 2 коп.

Меѳодія и Константина, нареченнаго Кирилла, учителей славянскихъ, 4 коп.

Михаила князя Черниговскаго и Ѳеодора боярина его, 2 коп.

Нифонта епископа Новгородскаго и препод. Евфросинія, 2 коп.

Петра, Алексія и Іоны митрополитовъ Московскихъ, 3 коп.

Ѳеодора и Іоанна, варяговъ пострадавшихъ въ Кіевѣ, св. Ѳеодора, Василія, Григорія Печерскаго, Евстратія и Кукши, Кіевскихъ чудотворцевъ, 3 коп.

Страданіе четыредесяти въ Севастіи мучениковъ, 2 коп.

Всѣ означенныя книжки церковной печати.

2) Отдѣльныя статьи изъ сочиненій св. Димитрія митрополита ростовскаго, церк. печ., въ 8 д. л. Спб. 1862 г.

Богодухновенное наставленіе христіанское, 1 коп.

О еже точію о единомъ Господѣ радоватися подобаетъ, а не о тлѣнныхъ сего міра вещахъ, 1 коп.

Дѣла богоугодныя, 1 коп.

За что Бога благодарити, 1 коп.

Молитва исповѣданія къ Богу повседневнаго отъ человѣка, полагающаго спасенія начало, 3 коп.

О еже блюстися во всѣхъ вещахъ суетнаго велехваленія, 1 коп.

— блюстися смѣха, празднословія и кощунства, 1 коп.

— не гнѣватися и не памятозлобствовати ни на кого же, 1 коп.

— не гордитися ни единою вещію въ вѣцѣ семъ, 1 коп.

— не завидѣти кому ни въ единой вещи сего міра, 1 коп.

— не зѣло скорбѣти въ скорбныхъ, 1 коп.

— не осуждати кого инаго, но паче зрѣти своя злая, 1 коп.

— не сребролюбствовати, но на Бога точію единаго имѣти упованіе, 1 коп.

Объ исповѣданіи грѣховъ и св. причащеніи, 3 коп.

Повѣствованіе о нерукотворенномъ образѣ Господа нашего Іисуса Христа и о перенесеніи его изъ Едеса въ Царьградъ, 3 коп.

3) Отдѣльныя статьи изъ сочиненій св. Тихона, епископа воронежскаго, гражд. печати:

Христосъ грѣшную душу къ себѣ призываетъ, 1 коп.

О почитаніи страстей Христовыхъ, 1 коп.

Слово о спасительномъ Божіемъ къ роду человѣческому смотрѣніи, 1 коп.

Краткое наставленіе какъ подобаетъ себя въ христіанской должности содержать, 1 коп.

Помилуй мя Боже, помилуй мя, 1 коп.

Изъясненіе молитвы Господней, 2 коп.

О концѣ добрыхъ дѣлъ, 2 коп. и

Отдѣльныя брошюры 10 №№ изъ книги „Сокровище духовное, отъ міра собираемое", каждая по 2 коп.

4) Духовно-нравственное чтеніе для народа, граж. печ., въ 16 д. л., XIII выпусковъ.

Избранныя мѣста изъ евангелистовъ, 7 коп.

Изъ твореній св. Кирилла Іерусалимскаго, 4 коп.

О таинствахъ, 11 коп.

Избранныя мѣста изъ твореній:

Св. Василія Великаго, 4 коп.

Іоанна Златоустаго одинъ выпускъ 12 коп., другой—13 коп.

Св. Ефрема Сирина, 12 коп.

Св. Димитрія Ростовскаго одинъ—10 коп., другой—6 коп.

Св. Тихона Воронежскаго одинъ—10 коп., другой—5 коп.

Избранныя мѣста изъ Дѣяній и Посланій апостольскихъ. 6 коп.

Абаза, К. Книга для чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ, въ школахъ воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ. Съ 22 картинками. Спб. 1880. Ц. 60 к.

Авенаріусъ, В. Книга о Кіевскихъ богатыряхъ. Спб. 1875. Ц. 2 р. 70 к.

Авенаріусъ, В. П. Образцовыя сказки русскихъ писателей, съ 62 рисунками Каразина. Спб. 1882. (Признана пригодною для подарковъ учащимся).

Аксаковъ, С. Аленькой цвѣточикъ. Сказка. Изданіе Комитета грамотности. Спб. 1880. Ц. 10 к.

Александровъ, В. Трудъ человѣка кормитъ, а лѣнь портитъ. Разсказъ подмастерья. Изд. 4-е. Спб. 1868. Ц. 4 к.

Амвросій Медіоланскій. О покаяніи. Двѣ книги. Ц. 20 к.

Св. Андрей Критскій. Канонъ великій. Ц. 20 к.

Андріяшевъ, А. Книга для первоначальнаго чтенія въ сельскихъ

и городскихъ, приходскихъ и народныхъ училищахъ. Часть вторая. Изд. 4-е, вновь обработанное и значительно исправленное. Кіевъ. 1880. Ц. 30 к.

Анненская, А. Анна. Романъ для дѣтей. Изд. кн. Макуловой. Спб. 1881 г.

Анненская, А. Робинзонъ Крузе. Новая переработка тэмы Дефоэ. Изд. 2-е. Спб. 1882 г.

Анскій, Г. Сочиненія А. С. Пушкина. Ц. I тому 60 к. (для учениковъ старшаго возраста народной школы).

Антоновъ, А. Басни и эскизы, съ приложеніемъ краткаго біографическаго очерка автора. Изд. 5-е, исправленное. Рязань. 1878. Ц. 40. к.

Бажановъ, В. О вѣрѣ и жизни христіанской. Изд. 4-е. Спб. 1863. Ц. 4 к.

Бажановъ, В. Сокровище духовное, отъ міра собираемое. Изъ твореній св. Тихона, епископа Воронежскаго. Спб. 1862. Ц. 12 к.

Бажановъ, В. Примѣры благочестія изъ житій святыхъ. Изд. 5-е. Спб. 1867. Ц. 15 к.

Бажановъ, В. Притчи, выбранныя изъ Круммахера. Спб. 1862. Ц. 10 к.

Бажановъ, В. Нравоучительныя повѣсти. Спб. Ц. 10 к.

Бахметова, А. Н. Разсказы изъ исторіи христіанской церкви отъ I-го до XI вѣка. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста, съ приложеніемъ церковно-исторической карты, изданной В. Михайловскимъ. Части I и II. Изданіе 4-е. Москва. 1877.

Бахметова, А. Избранныя житія святыхъ, кратко изложенныя по руководству Четіихъ-Миней. 12 книгъ; изъ нихъ 11 книгъ — пятое изданіе и одна (ноябрь) — четвертое изданіе. Москва. 1868 и 1870. Ц. 15 к. каждая *).

Бахметова, А. Какъ освободилась Русь изъ-подъ ига Татарскаго, въ 1480 г. М. 1880. Ц. 7 к.

Бахметова, А. Крѣпость. Разсказъ для дѣтей, передѣланный съ англійскаго. Изд. 2-е. Москва. 1880. Ц. 5 к.

Бахметова, А. Какъ Паша старался быть добрымъ мальчикомъ и Сиротка. Москва. 1871. Ц. 3 к.

---

*) Отдѣльныя житія святыхъ, составляющія особые оттиски житій, вошедшихъ въ составъ этого изданія, одобрены къ пріобрѣтенію начальными народными училищами для раздачи благонравнымъ ученикамъ и ученицамъ житій святыхъ, имена которыхъ они носятъ.

Вахметева, А. Красный сарафанчикъ. Разсказъ для дѣтей, передѣланный съ англійскаго. Москва. 1875. Ц. 3 к.

Б—ій, А. Дѣдушка Трифонъ. Спб. 1876.

Бекетовъ, А. Бесѣды о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ. Въ 2-хъ книжкахъ. Изд. 4-е, съ 18 рисунками въ текстѣ. Спб. 1879. Ц. 80 к.

Бестужевъ-Рюминъ, К. О крещеніи Руси, о Владимірѣ Святомъ, о сыновьяхъ его и о монастырѣ Печерскомъ. Изд. 2-е, товарищества „Общественная Польза". Спб. 1865. Ц. 11 к.

Благонравовъ, А. Ѳ. Разсказъ о Михайлѣ Ивановичѣ Топтыгинѣ, или о косолапомъ Мишенькѣ-медвѣдѣ. Для дѣтей школьнаго возраста. Москва. 1881. Ц. 1 р.

Бестужевъ-Рюминъ, К. О томъ, какъ росло Московское княжество и сдѣлалось Русскимъ царствомъ. Спб. 1866. Ц. 22 к.

Бизлей. Разсказы изъ римской исторіи. для дѣтей отъ 8 до 11 лѣтъ. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. Москва. 1880 г. Ц. 45 к.

Блиновъ, Н. Пчелка. Сборникъ пословицъ, стихотвореній и загадокъ. Москва. 1873. Ц. 10 к.

Бобровскій, С. Бесѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ тѣлесной жизни человѣка. Опытъ народной гигіены. Съ 21 рисункомъ въ текстѣ. Спб. 1873. Ц. 35 к.

Бобровскій, С. Разсказы моимъ дѣтямъ. Съ политипажами въ текстѣ. Спб. 1880. Ц. 1 р.

Брэмъ, А. Иллюстрированная жизнь животныхъ. Народное и школьное изданіе, обработанное *Фридрихомъ Шедлеромъ*, съ 267 рисунками, сдѣланными съ натуры, подъ руководствомъ Крэмера. Т. I. Млекопитающія.—Т. II. Птицы. Спб. 1875. Ц. 5 р. 50 к.

Вуткевичъ, С. Дневникъ дѣвочки. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. 2-е изданіе Усова, исправленное и дополненное. Съ 4 рисунками, гравированными на камнѣ художникомъ М. Желѣзновымъ. Москва. 1881. Ц. 1 р. 10 к.

Бутлеровъ, А. Пчела, ея жизнь и главныя правила толковаго пчеловодства. Краткое руководство для пчеляковъ. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 4-е, вновь пересмотрѣнное, исправленное и дополненное. Спб. 1880. Ц. 60 к.

Бутлеровъ, А. Правильное (раціональное) пчеловодство, его выгодность, его задачи и средства. Изд. Импер. вольн. эконом. общ. Спб. 1882 г. Ц. 5 к. и Пчеловодство. Изд. Импер. вольн. эконом. общ. (таблица рисунковъ). Спб. 1882 г.

Вухарина, Вѣра. Петръ и Василій. Разсказъ для крестьянскихъ дѣтей. Посвящается Стрекаловской школѣ. Изд. товарищества „Общественная Польза". Спб. 1867. Ц. 20 к.

Выковъ, М. Первые разсказы изъ естественной исторіи. Для дѣтей, только что научившихся читать. Спб. 1876 г. Ц. 25 к.

Вѣлюстинъ, I., священникъ. О церковномъ богослуженіи. Письма къ православному. Изд. 3-е. Спб. 1865. Ц. 1 р.

Бѣлюстинъ, I., священникъ. О Божественной литургіи. Изъ писемъ къ православному, Изд. 3-е. Спб. 1865. Ц. 20 к.

Васильевская, Е. Отдыхъ. Два разсказа для дѣтей. Спб. 1874. Ц. 1 р. 25 к.

Вагнеръ, Г. Первые разсказы изъ естественной исторіи, для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ. Перевелъ *В. Висковатый.* Книга 1-я. 5-е, дополненное изданіе. Книга 2-я. 3-е дополненное изданіе. Спб. 1880. Ц. одной книжки 1 р.

Веберъ, К. Разсказы о фабрикахъ и заводахъ. Изд. Московской дѣтской и педагогической библіотеки. Москва. 1874. Ц. 60 к.

Величкинъ, В. Разсказы о русскихъ самоучкахъ. Изд. 2-е. Москва. 1879. Ц. 15 к.

Вересовъ, П. Подарокъ. Стихотворенія для дѣтей и бесѣды съ дѣтьми. Спб. 1879. Ц. 15. к.

Владиславлевъ, В. Изъ быта крестьянъ. Тверь, 1881 г. Ц. 50 копѣекъ.

Владковскій, Д. В. Христоматія для чтенія, изданная Одесскимъ обществомъ состраданія къ животнымъ. Одесса. 1871 Ц. 1 р.

Водовозова, Е. Н. Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей. 2 части. Спб. 1871.—Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Съ 10 рисунками. Н. Панова. Спб. 1875. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозовъ, В. Разсказы изъ русской исторіи. Два выпуска. Изд. 5-е. 1873. Ц. 1 р.

Волженскій. Полезное чтеніе для грамотнаго простолюдина. Спб. 1871. Ц. 20 к.

Воробьевъ С. Н. Какъ сдѣлать простую избяную печь такъ, чтобы она хорошо пекла и варила, избу нагрѣвала, да еще изъ избы сырость выводила. Для деревенскихъ печниковъ и крестьянскихъ домохозяевъ. Спб. 1872. Ц. 20 к.

Вуколовъ, А., протоіерей. Три поученія о покаяніи. Изд. 2-е. Спб. 1862. Ц. 30 к.

Вуколовъ, А., протоіерей. О совѣтахъ евангельскихъ. Изд. 2-е, съ портретомъ автора. Спб. 1867. Ц. 1 р.

Вучетичъ, Н. Г. „Двѣ Елки". Разсказъ для дѣтей. Москва. 1881 г. Ц. 30 к. (для библіотекъ городскихъ).

Гадзяцкій, П. Двадцатипятилѣтіе царствованія Государя Императора Александра II. Спб. 1881. Ц. 75 к.

Гатцукъ, А. Николай Коперникъ, основатель новой астрономіи. Москва. 1873. Ц. 15 к.

Гатцукъ А. Старина земли Руской. Книга первая. Слово о старинѣ незапамятной. Изд. 3-е. Москва. 1874. Ц. 15 к.

Гвоздикова. Росинки. Журналъ.

Гейки, А., профессоръ. Физическая географія. Перев. съ англ. *М. А. Антоновича*. Спб. 1873. Ц. 75 к.

Гердъ, И. Сборникъ игръ и полезныхъ занятій для всѣхъ возрастовъ, съ предисловіемъ для родителей и воспитателей, Спб. 1873 Ц. 2 р.

Гердъ, И. Сборникъ работъ и ремеслъ, полезныхъ для дѣтей различныхъ возрастовъ. Ц. 2 р. 50 к.

Гоголь, Н. Ночь передъ Рождествомъ. Москва. 1874. Ц. 10 к.

Гоголь, Н. Майская ночь или утопленница. Москва. 1874. Ц. 8 копѣекъ.

Гоголь, Н. Сорочинская ярмарка или похожденіе красной свитки. Спб. 1871. Ц. 10 к.

Гоголь, Н. Тарасъ Бульба. Спб. 1874. Ц. 20 к.

Гончаровъ. Фрегатъ Паллада. Очерки и путешествія. 2 тома. Спб. 1879. Ц. 4 р.

Горбуновъ, Н. Какъ узнать почву и какія бываютъ почвы. Второе изданіе, товарищества „Общественная польза". Спб. 1868. Ц. 10 к.

Горбуновъ, Н. Какъ и чѣмъ пахать, бороновать и укатывать. Съ 6-ю рисунками. Изд. второе. Спб. 1868. Ц. 10 к.

Горбуновъ, Н. О томъ, что̀ происходитъ въ воздухѣ и что̀ нужно знать изъ того земледѣльцу. Изд. 4-е. Спб. 1871. Ц. 10 к.

Горбуновъ, Н. Чѣмъ и какъ удобрять поля, о сѣменахъ и посѣвѣ. Руководство для крестьянъ-земледѣльцевъ. Вятка. 1871. Ц. 10 к.

Гофманъ. Лазутчикъ. Разсказъ. Съ хромолитографированными картинками. Переводъ съ нѣмецкаго *Е. Юношевой*. Москва. 1881. Ц. 1 р. 40 к.

Граниковъ, М. Разговоръ священника съ прихожанами противъ леченія заговорами. Спб. 1862. Ц. 15 к.

Гранстремъ, Э. Калевала, финскій народный эпосъ. Спб. 1881. Ц. 2 р.

Григоровичъ, Д. В. Прохожій. Изд. Комитета грамотности. Спб. 1880. Ц. 10 к.

Григоровичъ, Д. В. Прохожій. (Святочный разказъ). Спб. 1872 года. Ц. 40 к.

Григоровичъ, Д. В. Мать и дочь (Осенній разказъ).

Григоровичъ, Д. В. Пахарь. Повѣсть. Спб. 1872 г. Ц. 30 к.

Григоровичъ, Д. В. Четыре времени года. Повѣсть. Спб. 1871 г. Цѣна 50 к.

Григоровичъ, Д. В. „Семедовская долина". Разказъ.

Григорьевъ, С. Воздухъ и его свойства. Практическія занятія въ школѣ и дома въ свободное время. Съ 42 объяснительными чертежами. Спб. 1881. Ц. 35 к.

Гротъ, Н. П. Богъ въ природѣ. Первоначальное чтеніе. Спб. 1875. Ц. 12 к.

Гурьевъ, священникъ. Святые мученики воины, за Христа пострадавшіе. Спб. 1876. Ц. 25 к.

Гусевъ, И. М. Часовыхъ дѣлъ мастеръ. Руководство къ изученію часоваго мастерства. Нижній-Новгородъ. 1870. Ц. 1 р. 50 к.

Гэтти, м-ръ. Притчи изъ природы. Лѣтніе разсказы для юношества. Съ англійскаго. Спб. 1872. Ц. 75 к..

Даневская, С. Открытіе Америки. Историческій разсказъ для дѣтей, передѣланный съ нѣмецкаго. Изд. 2-е, съ портретомъ Колумба и двумя картами. Спб. 1876. Ц. 75 к.

Даневская, С. Открытіе и завоеваніе Мексики. Историческій разсказъ для дѣтей. Изд. 2-е, съ картою Мексики и изображеніемъ мексиканскихъ письменъ. Спб. 1876. Ц. 75 к.

Де-Бари, А., д-ръ. Ботаника. Перев. съ нѣмецкаго, съ нѣкоторыми измѣненіями подъ редакціею *Хр. Гоби*, съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1880. Ц. 60 к.

Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій. Объ исповѣданіи грѣховъ и св. причащеніи. Ц. 3 к.

Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій. Утѣшеніе человѣку въ скорби, бѣдѣ и гоненіи. Ц. 3 к.

Димитрій, іеромонахъ. Краткіе очерки исторіи христіанской церкви. Спб. 1878. Ц. 50 к.

Дитлейнъ. Картины изъ жизни животныхъ. Зоологическая хрестоматія. Текстъ къ 15 картинамъ животныхъ *Лейтемана*. Переводъ

съ нѣмецкаго подъ редакціею *А. П. Кирпотенко.* Спб. 1878. Ц. 2 р 50 к.

Дорогобужиновъ, В. О томъ, какъ Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ положилъ жизнь за царя. Москва. 1872. Цѣна 6 к.

Елагинъ, Н. Житіе иже во святыхъ отца нашего Тихона, епископа Воронежскаго, всея Россіи чудотворца. Спб. 1871. Ц. 60 к.

Елагинъ, Н. О благодати Божіей. Спб. 1872. Ц. 20 к.

Елагинъ, Н. Ученіе православной церкви объ Ангелѣ-Хранителѣ. Спб. 1872. Ц. 20 к.

Емельяновъ, священникъ. Естественная исторія. Зоологія. Выпускъ 1-й, о млекопитающихъ. Вятка. 1870.—Выпускъ 2-й, о птицахъ. Вятка. 1871. Ц. 1 р. 50 к.

Ершовъ, П. Конекъ-горбуновъ. Русская сказка. Изд. 10-е. Спб. 1880. Ц. 1 р.

Ефремовъ, Лука, протоіерей. Его сочиненія.

Чудесное дѣйствіе промысла Божія по случаю избавленія Государя Императора отъ смертной опасности 4-го апрѣля 1866. Ц. 15 к.

Пути промысла Божія въ моей жизни. Изданіе 2-е. Спб. 1869. Ц. 40 к.

Слово на обычай, по которому дѣвицы не ходили въ святую церковь въ г. Ельцѣ. Спб. 1862. Ц. 30 к.

Уроки въ жизни святителя и чудотворца Тихона, епископа Воронежскаго и Задонскаго, или поучительная для насъ жизнь его. Москва. 1863. Ц. 30 к.

Ревность о Господѣ Бозѣ моемъ. Ц. 30 к.

Нравоучительныя письма. Ц. 40 к.

Акаѳистъ Воскресенію Христову. Ц. 20 к.

Вразумленіе для нравственно-погибшихъ. Ц. 10 к.

Собраніе общеполезныхъ бесѣдъ, содержащихъ въ себѣ православно-христіанское чтеніе о Богѣ и мірѣ ангельскомъ. Спб. 1862. Ц. 30 к.

Нравоучительныя басни. Ц. 1 р.

Воспоминаніе объ о. Іоаннѣ. Ц. 30. к.

Желобовскій, А., протоіерей. Краткое и общепонятное объясненіе молитвы Господней. Поученіе духовнаго отца духовнымъ дѣтямъ. Спб. 1875. Ц. 10 к.

Желябужскій, Е. Отечественная война 1812 года и Кутузовъ. Изд. народнаго журнала „Грамотѣй". Москва. 1873. Ц. 50 к.

Жуковскій, В. А. Собраніе сочиненій. Изданіе шестое. Шесть томовъ. Спб. 1869. Ц. 4 р.

Жуковскій, В. А. Сказка о Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ волкѣ. Народное изданіе. Спб. 1875. Ц. 10 к.—Москва. 1873.

Жуковскій, В. А. Спящая царевна. Сказка. Спб. 1871. Ц. 7 к.

Жуковскій, В. А. Царь Берендей. Народное изданіе. Спб. 1871. Ц. 10 к.

Жуковскій, В. А. Котъ въ сапогахъ. Овсяный кисель. Свѣтлана. Спб. 1874. Ц. 10 к.

Зандоръ, И. Я. Прибалтійскій дѣтскій альбомъ русскихъ стихотвореній. Выпускъ первый, для младшаго возраста. — Изданіе 2-е. Рига, 1875.

Засѣцкая, Ю. Д. Часы досуга. Чтеніе для дѣтей (съ рисунками въ текстѣ). Спб. 1876. Ц. 95 к.

Затворницкій, П. „Пастырскій голосъ". Полтава, 1874 г.

Зобовъ, Н. Бесѣды о природѣ. Книга для чтенія въ селахъ и деревняхъ. Съ 24 рисунками. Изд. 4-е. Спб. 1871. Изд. 6-е. 1874. Ц. 50 к. и изд. 10-е, Спб. 1883 г. Ц. 50 к.

Золотовъ, И. Басни, избранныя изъ *Хемницера* и *Крылова*. Съ примѣненіемъ смысла каждой басни къ быту простаго народа и описаніемъ животныхъ, которыя встрѣчаются въ басняхъ. Изд. 5-е, товарищества „Общественная Польза". Спб. 1866. Ц. 20 к.

Золотовъ, В. Міровѣдѣніе. Отд. І-й. О тѣлахъ небесныхъ. Изданіе 3-е, товарищества „Общественная Польза". Спб. 1866. Ц. 20 к.

Ивановъ, А. Разсказы о землѣ и небѣ. Изд. *А. Баллиной*. Спб. 1865. Ц. 30 к.

Игнатовичъ, А. Элементарное объясненіе явленій природы. Спб. 1872. Изд. 7-е. 1878. Ц. 60 к.

Игнатовичъ, А. Земля. Шарообразность земли. Движеніе земли около своей оси. Движеніе земли около солнца. Спб. 1872. Цѣна 8 коп.

Инокентій, митрополитъ Московскій. Указаніе пути въ царствіе небесное. Изд. 1871. Ц. 6 к.

Ишимова, А. О молитвѣ Господней для маленькихъ дѣтей. Москва. 1881 г. Ц. 15 к.

Изложеніе христіанскаго ученія православныя каѳолическія церкви въ письмахъ, извлеченное изъ твореній святыхъ отцевъ и учителей

церкви, преимущественно святителя Тихона Задонскаго (соч. епископа Іереміи). Спб. 1869. Ц. 2 р.

Кайгородовъ, Д. Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Краснолѣсье (хвойный лѣсъ). Со многими рисунками. Спб. 1880. Ц. 1 р.

Кайгородовъ, Д. Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. 2-я серія. Чернолѣсье. Спб. 1881. Ц. 1 р. (Признана пригодною для выдачи въ награду ученикамъ).

Кайгородовъ, Д. О нашихъ перелетныхъ птицахъ. Чтеніе для народа Спб. 1882 г. Ц. 20 к.

Кайгородовъ, Д. Дерево и жизнь. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1882 г. Ц. 15.

Каменскій, Н., протоіерей. О святомъ Евангеліи и святыхъ Евангелистахъ, съ указателями евангельскихъ чтеній и евангельскихъ событій. Казань. 1879. Ц. 25 к.

Карасевичъ. Естественная исторія пчелы и главныя правила пчеловодства. Въ шести выпускахъ, съ 209 рисунками въ текстѣ. Спб. 1867. Ц. 1 р. 80 к.

Карицкій, А. Собраніе растеній и составленіе гербарія. Практическія указанія для учениковъ реальныхъ училищъ и народныхъ школъ. Москва. 1878. Ц. 10 к.

Кирпотенко, А. Руководство къ лѣтнимъ занятіямъ по наблюденію природы и собиранію естественно-историческихъ коллекцій. Изд. 2-е, значительно дополненное, съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1879. Ц. 30 к. Изд. 3-е. Спб. 1882 г. Ц. 30 к.

Классенъ, А. П. Ремесленникъ. Практическое руководство для ремесленныхъ училищъ и любителей, желающихъ вполнѣ изучить и ознакомиться съ необходимыми принадлежностями и пріемами въ мастерскихъ плотничной, столярной, токарно-ажурной, кузнечно-слесарной, часовой, типографской, переплетной, сапожной и портняжной. 320 рисунковъ въ текстѣ, изображающихъ инструменты, употребляемые въ различныхъ мастерскихъ, съ самымъ ихъ объясненіемъ. Изданіе 3-е, значительно дополненное. Спб. 1880. Ц. 2 р. и изд. 4-е. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 326 рисунковъ въ текстѣ.

Коваленская. Мачиха. Разсказъ изъ народной жизни. Москва. 1872 Ц. 5 к.

Коваленская, А. Г. Крутиковъ разсказъ. Изд. Спб. комитета грамотности. 1881. Ц. 10 к.

Кокшаровъ, И. Для чего образуются общества покровительства животныхъ. Чтеніе для народа. Спб. 1875.

Колюбакина, А. Бабушка и внукъ. Тифлисъ. 1881 г.

Константиновичъ, М. Химическія бесѣды. Общедоступное изложеніе химическихъ свѣдѣній. Съ 172 политипажными рисунками. Кіевъ. 1874. Ц. 1 р. 20 к.

Коровинъ, В. Материнская любовь. Разсказъ для дѣтей, съ картинкою. Москва. 1882 г. Ц. 10 к.

Корфъ, баронъ Н. А. Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Изданіе 9-е. Спб. 1881. Ц. 65 к.

Кочулкова, Ѳ. Робинзонъ въ русскомъ лѣсу. Разсказъ для дѣтей съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1881. Ц. 1 р. 50 к.

Крыловъ, И. А. Басни. Девятнадцатое полное изданіе. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1880. Ц. 60 к.

Крыловъ, И. А. Басни, съ біографіею автора, написанною П. А. Плетневымъ. 20-е полное изданіе. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1880. Ц. 1 р.

Лаврентьевъ. Христіанское братолюбіе. Спб. 1875.

Лапинъ, В. Сказаніе въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II. Сп. 1881. Ц. 1 к.

Лермонтовъ. Пѣсня про Царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова. Изданіе 3-е. Глазунова. Спб. 1872. Ц. 5 к.

Львова, А. Д. Вѣчная память въ Бозѣ почившему Государю Царю-Освободителю Александру II. 1-го марта 1881. Ц. 5 к.

Максимовичъ, М. Книга Наума о великомъ Божьемъ мірѣ. Изд. 7-е. Спб. 1857. Ц. 25 к.

Максимовичъ, М. Слово о полку Игоревѣ въ переводѣ на нынѣшній русскій языкъ. Кіевъ. 1879.

Максимовичъ, М. Сказаніе о стародавнихъ людяхъ Кіевской земли. Кіевъ. 1865. Ц. 15 к.

Максимовъ, С. Куль хлѣба и его похожденія. Спб. 1873. Ц. 2 р. 50 к.

Малышева, М. и **Пѣлова**, А. Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста. Съ 38 политипажами. Спб. 1857. Ц. 2 р.

Маляревскій, Ив. Осьминогъ Вакула. Повѣсть. Изд. барона Косинскаго. Спб. 1874. Ц. 12 к.

М—въ, О. Разсказы про нѣмцевъ и французовъ и про войну между ними. Для народнаго чтенія и для солдатъ. Спб. 1871. Ц. 25 к.

Матвѣевъ, О. Ѳ. Родной край. Книга для класснаго и домашняго чтенія учениковъ старшаго отдѣленія народной школы. Спб. 1879. Ц. 45 к.

Меккензи и Эрби. Путешествіе по славянскимъ областямъ Европейской Турціи. Съ предисловіемъ *Гладстона*. Въ двухъ томахъ. Пер. съ англійскаго. Спб. 1878. (для учит. сем.). Ц. 3 р.

Меліоранскій. Первоначальныя свѣдѣнія о животныхъ. Спб. 1880. Ц. 50 к.

Меліоранскій, М. Учебный матеріалъ къ вопроснику по зоологіи. Спб. 1878. Ц. 1 р.

Мельгуновъ П. Первые уроки исторіи. Древній Востокъ. М. 1879. Ц. 1 р. 25 к. (для гор. уч.).

Меньшиковъ, П. „Общеобразовательныя бесѣды съ нижними чинами и народомъ". Варшава и Спб. 1878—1881 гг. Цѣна каждой бесѣды 25 к. Бесѣды IV, V, XI, XII, XIII и XIV для библіотекъ городскихъ училищъ и сельскихъ школъ, а двѣ послѣднія, кромѣ того, для публичныхъ народныхъ чтеній.

Мещерскій. Сборникъ военныхъ разсказовъ 1877—1878 гг. Часть I. Спб. 1880.

Мещерскій, кн. В. П. Сборникъ военныхъ разсказовъ 1877—1878 гг. Часть II. Спб. 1881.

Миловидовъ, I., свящ. О томъ, какъ подобаетъ православнымъ христіанамъ проводить дни престольныхъ и нарочитыхъ праздниковъ. Простонародныя бесѣды. Изданіе 1-е. Москва. 1879.

Михайловскій, В. Я., протоіерей. Его сочиненія:

О Римско-католической церкви. Спб. 1867. Ц. 20 к. (для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, преимущественно въ Западномъ краѣ).

Законъ Божій для дѣтей въ двухъ книгахъ, изданіе 3-е. Спб. 1878—1879 гг.

Жизнь св. апостола Павла. Спб. 1872. Ц. 15 к.

Жизнь св. апостола Петра. Спб. 1872. Ц. 5 к.

Жизнь св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Спб. 1872. Ц. 10 к.

Житіе и страданіе св. великомученицы Варвары. Спб. 1873. Ц. 7 к.

Житіе и страданіе св. великомученицы Екатерины. Спб. 1872. Ц. 5 к.

Св. мученица Перепетуя и св. Сатиръ. Спб. 1872. Ц. 5 к.

Житіе святителя Николая, Мирликійскаго чудотворца. Спб. 1872. Ц. 5 к.

Житіе преподобнаго Арсенія Великаго. Спб. 1872. Ц. 5 к.

Житіе преподобныхъ Меѳодія и Кирилла, просвѣтителей Славянъ. Спб. 1872. Ц. 5 к.

Св. Тихонъ, епископъ Воронежскій и Задонскій. Съ изображеніемъ святителя. Спб. 1873. Ц. 10 к.

Св. Равноапостольный Князь Владиміръ. Спб. 1873. Ц. 10 к.

О пьянствѣ. Спб. 1873. Ц. 5 к.

Можаровскій, А. Лиса Патрикѣевна. Сказка-складка. Составлена изъ русскихъ народныхъ басенъ народнаго эпоса. Казань. 1879. Ц. 1 р. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Казань 1882 г. Ц. 75 к.

Мунтъ, А. П. Біографіи замѣчательныхъ людей 1. Джорджъ Вашингтонъ (брошюра). Изъ журнала „Дѣтское Чтеніе". Съ 8-ю рисунками. Спб. 1880 г. Ц. 30 к.

Муравьевъ, А. Житія святыхъ Россійской церкви, также Иверскихъ и Славянскихъ мѣстно-чтимыхъ подвижниковъ благочестія. Спб. 1872. 12 томовъ. Ц. 12 р.

Н. Т. Разсказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ. Москва. 1872. Ц. 30 к.

Ольга, Н. Коробейникъ. Три разсказа: Звѣзда, Арапка и Пѣтушокъ колдунъ. Москва. 1874. Ц. 15 к.

Новаковскій, В. Гдѣ я и кто я? Книга для чтенія родителей и наставниковъ съ дѣтьми. Изданіе 3-е. Спб. 1873. Ц. 60 к.

Первое чтеніе для крестьянскихъ дѣтей. Составлено теткой Настасьей. Москва. 1861. Ц. 20 к.

Николаева, Е. Ф. Элементарный учебникъ географіи, составл. по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Спб. 1881. Ц. 40 к.

Никольскій, В. Объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ чтеній изъ Апостола. Спб. 1868. Ц. 50 к.

Новаковскій, В. Русская грамматика для простолюдиновъ. Спб. 1876. Ц. 15 к.

Новаковскій, В. Дары Божіи, потребности и трудъ человѣка. Чтеніе для народа. Спб. 1871. Ц. 8 к.

Новаковскій, В. Платонъ, митрополитъ Московскій. Біографическій очеркъ. Спб. 1864. Ц. 40 к.

Новаковскій, В. Разсказы о Петрѣ Великомъ. Изданіе 2-е. Спб. Ц. 25 к.

Новаковскій, **В.** Разсказы о Ломоносовѣ. Чтеніе для народа. Спб. 1868. Ц. 22 к.

Новаковскій, **В.** Разсказы о Суворовѣ. Чтеніе для народа. Спб. 1868. Ц. 18 к.

Новаковскій, **В.** 1812 годъ. Чтеніе для народа. Спб. 1872.

Норовъ, **А. С.** Іерусалимъ и Синай. Записки втораго путешествія, подъ редакціею *В. Н. Хитрово*, съ альбомомъ видовъ Палестины и Синая, рисованныхъ съ натуры *Поливановымъ*. Спб. 1878 (для учит. сем.). Ц. 3 р. 50 к.

Самаринъ, **Д. Ѳ.** Дѣдушки Иринея (князя *В. О. Одоевскаго*) сказки и сочиненія для дѣтей. Москва. 1871. Ц. 1 р.

Медицинскій катехизисъ, или наставленіе какъ сохранять здоровье и достичь долгой жизни. Переводъ съ англійскаго, измѣненный и дополненный докторомъ О. Изданіе Кіевскаго народнаго календаря. Кіевъ. 1872. Ц. 15 к.

Опатовичъ, **С.** священникъ. Святыни Кіева. Спб. Ц. 15 к.

Опатовичъ, свящ. Первые вѣка христіанства и распространеніе его на Руси. Съ 3-мя раскрашенными картинами. Изданіе 2-е. Спб. 1879. Ц. 10 к. Для публичныхъ народныхъ чтеній.

Орловъ, **А.** Общедоступная физика или популярная физика, приложеніе физическихъ явленій, встрѣчаемыхъ въ природѣ. Съ политипажами въ текстѣ. Спб. 1879. Ц. 2 р. 25 к. (для город. уч.).

Острогорскій. Дѣтское чтеніе. Ежемѣсячное изданіе. 5 р. 75 к.

Острогорскій, **М.** Дешевая историческая библіотека для юношества. № 1. Завоеваніе Кавказа. Разсказъ изъ отечественной исторіи. Спб. 1874. Ц. 10 к.

Острогорскій, **А.** Наша библіотека. Дѣтскій альманахъ. Спб. 1876. Ц. 1 р. Изд. 2-е. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Острогорскій, **А.** На досугѣ. Этюды по естествознанію. Вып. 2-й. Спб. 1865. Ц. 30 к.

Острогорскій, **М.** Общая воинская повинность. Чтеніе для народа Спб. 1877. Ц. 10 к.

Павловичъ, **В. А.** О языческой вѣрѣ нашихъ предковъ и о томъ, какъ задумалъ князь Владиміръ креститься. Спб. 1872. Ц. 10 к.

Павловичъ, **Б. А.** О крещеніи князя Владиміра и о томъ, какъ онъ княжилъ на Руси. Спб. 1872. Ц. 10 к.

Павловъ. Общепонятныя бесѣды о химическихъ явленіяхъ. Съ 7 рисунками въ текстѣ. Москва. 1881. Ц. 30 к.

Пассекъ, Т. П. Игрушечка. Журналъ для дѣтей. Еженедѣльное иллюстрированное изданіе. Ц. 6 р.

Паульсонъ, О. Естественная исторія пчелы и наставленіе къ разумному пчеловодству. Съ 63 рисунками на особо приложенной таблицѣ. Изданіе 2-е, измѣненное и дополненное. Кіевъ. 1872. Ц. 50 к.

Первушинъ, М. Что такое натуральная и прививная оспа? Подарокъ крестьянскимъ дѣтямъ отъ учителя за грамоту. Спб. 1872. Ц. 10 к.

Первушинъ, М. Какъ прививать оспу. Опытъ практическаго пособія для желающихъ заниматься оспопрививаніемъ. Спб. 1878. Ц. 30 коп.

Первушинъ, М. Какъ уберечься оспенной заразы? Бесѣды о ревакцинація съ новобранцами и нижними воинскими чинами. Ц. 15 к.

Первушинъ, А. Отъ чего наши пожары и какъ ихъ уничтожить. Бесѣды съ крестьянами для чтенія въ школахъ и дома. Спб. 1873. Ц. 20 к.

Петровскій, А и Сабанѣевъ, Л. Наставленіе къ собиранію и сохраненію естественно-историческихъ коллекцій. Ярославль. 1879. Ц. 80 к.

П—ко. А. М. Разсказы изъ дѣтской жизни для старшаго возраста, отъ 10— 14 лѣтъ. Передѣланы съ англійскаго. Москва. 1881 г. Цѣна 1 р.

Побѣдоносцевъ, К. П. Приключенія чешскаго дворянина Вратислава въ Константинополѣ и въ тяжкой неволѣ у турокъ, съ австрійскимъ посольствомъ 1591 года. Переводъ съ чешскаго. 1877. Ц. 50 к.

Погожева. Пить до дна—не видать добра. Разсказъ изъ крестьянскаго быта. Москва. 1881. Цѣна 10 к.

Подоба, Ѳ. Русская типо-литографированная христоматія для чтенія въ приготовительныхъ и первыхъ классахъ гимназій и въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Москва. 1882 г. Ц. 30 к.

Погосскій, А. Его сочиненія:

Петръ Великій, преобразователь Россіи. Спб. 1882. Ц. 20 к.

Штуцерникъ Нечипоръ Зачины Вороты и его потомство. Спб. 1872 Ц. 25 к. и изд. 2-е. Спб. 1878 г. Цѣна 25 к.

Наши добрые слуги четвероногіе. Спб. 1872. Ц. 25 к.

Неспособный человѣкъ. Изд. 2-е. Спб. 1870. Ц. 25 к.

Божеское правосудіе. Три разсказа. Спб. 1872. Ц. 20 к. Изд. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 20 к.

Наши богатыри. Кн. 1. Изд. 2-е. Спб. Ц. 25 к. Кн. 2-я, изд. 2-е. Спб. 1875 г.

Мірскія дѣтки, повѣсть, изд. 3-е. Спб. 1881 г. Ц. 10 к.

Камень Кремневичъ. Очеркъ изъ мелкихъ дѣлъ солдатскихъ. Спб. 1876. Ц. 10 к.

Начальная книжка. Изд. 4-е. Спб. 1876. Ц. 15 к.

Полевой П. Учебная русская христоматія съ толкованіями. Часть 1-я. Младшій возрастъ. Изд. 14-е Спб. 1880 г. Ц. 50 к.

Поливановъ, Н. П. Разсказы ученикамъ начальныхъ народныхъ училищъ. Москва. 1880. Ц. 15 к.

Поль, С. Сельское чтеніе. Народный журналъ.

Попандопуло, В. Заразныя и повальныя болѣзни. Отъ чего онѣ происходятъ и какія слѣдуетъ принимать мѣры противъ ихъ распространенія. Общедоступное изложеніе. М. 1880. Ц. 10 к.

Поповъ, К. Я. О чаѣ и его приготовленіи Русскими въ Китаѣ (съ картою). Москва. 1870. Ц. 25 к.

Поспѣловъ, І., протоіерей. Какъ жить по православной вѣрѣ? Домашнія бесѣды пастыря съ простыми людьми. Кострома. 1876. Ц. 40 коп.

Де-Прессансе. Роза. Повѣсть для дѣтей. Переводъ *А. Херодиновой*. Москва. 1875. Ц. 1 р. 25 к.

Проценко, Н. Ѳ. Святый Николай Чудотворецъ, архіепископъ Мирликійскій. Его жизнь и чудеса. Изданіе 3-е. Москва. 1868. Ц. 15 к.

Путята, А. Трудъ и знаніе—основы достатка. Книга для упражненія въ чтеніи въ сельскихъ школахъ. Спб. 1881. Ц. 65 к. У автора 50 к.

Путятинъ, Р., протоіерей. Полное собраніе сочиненій. Изданіе 16-е. Москва. 1869. Ц. 1 р.

Пушкинъ, А. Народная сказка о купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ. Изданіе книгопродавца Я. А. Исакова. Спб. 1872. Ц. 3 к.

Пушкинъ, А. Народная сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. Изданіе Я. А. Исакова. Спб. 1869. Ц. 2 к.

Пушкинъ, А. Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ. Изд. 3-е. Исакова. Спб. 1868. Ц. 7 к.

Пушкинъ, А. Сказка о царѣ Салтанѣ. Изданіе 3-е. Исакова. Спб. 1868. Ц. 8 к.

Пушкинъ, А. Сказка о золотомъ пѣтушкѣ, то же изданіе. Ц. 3 к.

Пушкинъ, А. Борисъ Годуновъ. Редакція Стоюнина, изданіе Исакова. Спб. 1871. Ц. 35 к.

Пушкинъ, А. Мѣдный всадникъ. Редакція Стоюнина. Ц. 20 к.

Пушкинъ, А. Полтава, тоже. Ц. 25 к.

Пушкинъ, А. Капитанская дочка,—тоже. Ц. 50 к.

Пушкинъ, А. Скупой рыцарь—тоже. Ц. 25 к.

Пѣвцовъ, В. О святой землѣ. Чтеніе для народа. 12 книжекъ. Спб. 1876—1879.

Растковскій, Ф. Объ отечественной войнѣ. Изъ воспоминаній стараго финляндца. Спб. 1876.

Разинъ. Русская исторія въ повѣстяхъ.

Рего, Эд. Бесѣды Ѳомы Максимыча съ крестьянскими мальчиками о разведеніи плодовыхъ деревьевъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1871. Ц. 25 к.

Рейдемейстеръ. Сельско-хозяйственный учебникъ для сельскихъ школъ. 3 части. Одесса. 1872. (одобр. для библіотекъ сельскихъ школъ Одесскаго учебнаго округа; но 3-я часть не должна быть выдаваема ученикамъ). Ц. 2 р. 30 к.

Ремезовъ, И. Механикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ. Изданіе 2-е. Спб. 1864. Ц. 10 к.

Ремезовъ, И. Сказаніе о подвигахъ св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Спб. 1862. Ц. 20 к.

Репловскій, П. Большая книга для маленькихъ дѣтей, съ 25-ю раскрашенными картинками. Штутгартъ. Ц. 1 р.

Роговъ, П. Народная библіотека. Изд. книжнаго магаз. Мартынова. Выпускъ I-й. Разсказы изъ отечественной исторіи. Начало Руси и Владиміръ св. Изд. 2-е. Спб. 1880. Ц. 10 к. (для библіотекъ городскихъ училищъ и народ. школъ).

Романовъ, протоіерей. Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ. Вып. I. Изд. 5-е. Спб. 1873 г. Ц. 20 к. Вып. II. Спб. 1874. Ц. 25 к. Вып. III. Спб. 1875. Ц. 25 к. Вып. IV. 1876 Ц. 25 к.— Уроки церковной исторіи. Вып. I—III. Спб. 1873. Ц. 60 к.— Уроки о богослуженіи православной церкви. Спб. 1874. Ц. 50 к. — Уроки Закона Божія. Спб. 1875. Ц. 30 к.

Роско, профессоръ. Химія. Съ 36 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго *М. А. Антоновича.* Изд. 2-е. Спб. 1879. Ц. 40 к.

Ростовская, М. Крестьянская школа. Спб. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

С., Н. Добрый старичекъ хозяинъ-мужичокъ. Москва. 1862. Ц. 5 к.

С. Н. Дядя Титъ Антонычъ учитъ, какъ надо любить ближняго. Москва. 1862. Ц. 5 к.

Савельевъ, А. Здоровье. О сбереженіи здоровья на долгое время до глубокой старости, и подачѣ первой помощи въ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ до прихода врача. Изданіе 2-, исправленное и дополненное. Спб. 1872. Ц. 25 к.

Савельевъ, А. Полезныя свѣдѣнія о лошади и другихъ домашнихъ животныхъ и птицахъ. Спб. 1872. Ц. 35 к.

Самойло. Христосъ. Священная поэма изъ Св. Евангелія въ стихахъ. Изданіе 1-е. Москва. 1880 г. Цѣна 1 р.

Свирѣлинъ, А., протоіерей. Православная вѣра. Книга для религіозно-нравственнаго чтенія. Москва. 1869. Ц. 60 к.

Семевская, Е. М. Маленькимъ дѣтямъ. Книга для чтенія. Спб. 1881. Ц. 2 р.

Семеновъ, А. Народное чтеніе для всѣхъ возрастовъ. Описаніе замѣчательныхъ русскихъ странъ и народовъ. Спб. 1877. Ц. 20 к.

Семеновъ, А. В. Народное чтеніе для всѣхъ возрастовъ. Четыре книги. Москва. 1869. Книга I. Статьи духовнаго содержанія. Ц. 10 к. Книга II. Собраніе лучшихъ сказокъ, басенъ, пѣсенъ, загадокъ, пословицъ и анекдотовъ. Ц. 25 к. — Книга III. Крестьянскій бытъ. Ц. 25 к.

Семеновъ, Д. Отечествовѣденіе. Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученымъ изслѣдованіямъ. Въ трехъ томахъ. Спб. 1871—1873. Москва. 1879. Ц. 5 руб.

Семеновъ, А. Народное чтеніе для всѣхъ возрастовъ. Разсказы о быломъ на Руси, съ начала основанія русской земли и пр. Изд. 3-е книжнаго магаз. братьевъ Салаевыхъ. Москва. 1880 г. Ц. 50 к.

Сиповскій, В. Д. Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ (съ IX по XIV стол.). Спб. 1881. Ц. 3 руб. 25 коп.

Ситенскій-Селявинъ, А. Лѣчебникъ дойнаго домашняго скота, съ наставленіемъ о постройкѣ скотнаго двора и объ уходѣ за скотомъ. Спб. 1867. Ц. 20 к.

Ситенскій-Селявинъ, А. Разсказъ мордовки Поли о томъ, какъ она выучилась грамотѣ и какъ потомъ стала учить другихъ. Спб. 1867. Ц. 5 к.

С—кій Н. Бесѣды о домашнихъ животныхъ. Изданіе *А. Ситенскаго-Селявина*. Спб. 1867: 1) О строеніи коровы. Ц. 12 к. 2) О развитіи зерна у растеній. Ц. 10 к. 3) О развитіи зародыша у жи-

[illegible]. Ц. 10 к. 4) Наставленіе о томъ, какъ безъ обмана нужно купить лошадь и дома выростить добраго коня. Ц. 15 к.

С—ій, С. Полезныя животныя, какъ друзья сельскаго хозяйства. Съ 17-ю рисунками. Изд. *А. Симонскій-Селявина*. Спб. 1867. Ц. 15 к.

С—ій, Н. Чтеніе для народа. №№ 1, 2, 3 и 4. Изд. *Симонскій-Селявина*. Спб. 1868. Ц. по 2 к. за нумеръ.

Скуженскій, А. „Слово о полку Игоревѣ". Переложеніе въ стихахъ. *Ярославль*. 1876 г.

Скрыльниковъ, Т. В. Популярныя чтенія по общественной гигіенѣ. Оттискъ изъ „Екатеринослав. Губ. Вѣд." за 1873 г.

Славицкій, А. „Разоренное гнѣздо". Разсказъ для дѣтей. Съ 5-ю рисунками. Москва. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Слѣпушкинъ. О томъ, какъ Богданъ Хмѣльницкій освободилъ Украйну отъ польской неволи. Кіевъ. 1871. Ц. 12 к.

Смайльсъ, Самуилъ. Самодѣятельность (Self-Help). 4-е изданіе. Перев. съ англ., съ дополненіями *Кутейникова*. Изд. Колесова и Михина. Спб. 1868. Ц. 55 к.

Смарагдовъ, священникъ. Пособіе къ доброму чтенію и слушанію слова Божія въ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Изданіе товарищества „Обществ. Польза". Спб. 1869. Ц. 1 р.

Смирновъ, Н., священникъ Хлѣбъ насущный, или краткое объясненіе молитвы Господней, символа вѣры, заповѣдей Божіихъ. Москва. 1871. Ц. 5 к.

Смирновъ, Ил. „Родное". Разсказы для дѣтей, съ раскрашенными картинками Н. Мартынова. Москва. 1882 г.

С—на, Л. Л. Дѣти, школа и учитель. Разсказъ для чтенія въ народныхъ училищахъ. Изд. 2-е. Москва. 1871. Ц. 7 к.

Соколовскій, Д. А. „Сельскій сборникъ", настольная книга для сельскихъ жителей. Выпускъ 1-й. Казань 1880 г. Ц. 1 р. 45 к.

Соловьевъ, Е. Разсказы для дѣтей изъ сельскаго быта. Москва. 1874. Ц. 40 к.

Соловьевъ, С. Учебная книга русской исторіи. Изд. 7-е. Спб. 1868. Ц. 1 р. 25 к.

Соловьевъ, Сергѣй. Русская лѣтопись, для первоначальнаго чтенія. Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1866. Ц. 40 к.

Соловьевъ, С. Общедоступныя чтенія изъ русской исторіи. Москва. 1874. Ц. 1 р.

Сорокинъ, В. Разсказы о Петрѣ Великомъ. Спб. 1879. Ц. 25 к.

Сушцовъ, Н. Ѳ. Чтеніе для народа (сельская христоматія). Выпускъ III. В. А. Жуковскій. Харьковъ. 1883 г. Ц. 5 к.

Сысоева, Е. А. Люди труда и сильной воли. Жизнь Джемса Гарфильда. Составлено по Тейеру. Изд. редакціи жур. „Родникъ". Спб. 1883 г.

Степовикъ, О. Общепонятные разсказы о полезныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ. Съ 46 рисунками. Переводъ съ малорусскаго. Харьковъ. 1882 г. Ц. 75 к.

Студитскій, Ѳ. Школа въ лѣсу. Разсказъ. Спб. 1872.

Сѣнниковъ, Д. Л. крестьянинъ. Крестьянская библіотека. № 1. Вразумительное наставленіе о разведеніи корневаго горошка на крестьянскихъ паровыхъ поляхъ. Изд. 2-е. Вятка. 1872. Ц. 2 к.

Тихомировъ, Е. Куликовская битва. Историческій очеркъ къ 500-лѣтней годовщинѣ Куликовской битвы. Москва 1880.

Тихомировъ, А. О вредныхъ насѣкомыхъ нашихъ полей. Москва. 1880.

Тизенгаузенъ, Н. А. Бережь и трудъ. Краткое руководство политической экономіи (по Блоку). Спб. 1881. Ц. 40 к.

Тоддъ, пасторъ. Чтеніе для дѣтей. Перев. съ англ. протоіерей *Евгеній Поповъ*. Въ двухъ частяхъ. Изд. 4-е. Спб. 1875. Ц. 50.

Толстой. графъ А. Князь Серебряный. 3-е. изданіе. Спб. 1878 г. Цѣна 1 р.

Толстой, Л. Н., графъ. Изъ Ясной поляны. Разсказы для крестьянскихъ ребятъ: 1) Робинзонъ, 2) про Христофора Колумба, 3) капитанъ Головнинъ въ плѣну у японцевъ, 4) Дуняшка и 40 разбойниковъ, 5) Матвѣй, 6) Неправедный судъ и 7) Разсказы о Ермакѣ.

Толстой, Л. Н., графъ. Изъ Ясной поляны. Дѣтскіе Разсказы для семьи и школъ. Книжка 8: 1) Иванъ Гусъ, 2) Три сестры, 3) Загадки и отгадки. — Книжка 9: 1) Мартынъ Лютеръ, 2) Сочиненіе Аѳанасія, 3) Мужикъ и огурцы, 4) Какъ мужикъ гусей дѣлилъ, 5) Загадки и отгадки. Тифлисъ. 1880. Ц. каждой книжки 20 к.

Толстой, Л. Н., графъ. Разсказы о севастопольской оборонѣ. Москва. 1874. Ц. 20 к.

Толычева, Т. Избраніе въ цари Михаила Ѳеодоровича Романовъ. Народная повѣсть. Москва. 1880 г.

Толычева, Т. Разсказы старушки объ осадѣ Севастополя Москва. 1881 г.

Трескинъ, Н. Императрица Всероссійская Екатерина Алексѣевна II, великая. Очеркъ. Состав. по Щебальскому и другимъ. Москва. 1879. Ц. 10 к.

Трескинъ, Н. Князь Серебряный. Повѣсть для народнаго чтенія, передѣланная изъ романа графа А. К. Толстаго. М. 1879. Ц. 40 к.

Трескинъ, Н. Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій. Сост. по статьямъ „Русской Старины", чтеніямъ Щербальскаго и др. Москва. 1879. Ц. 10 к.

Тургеневъ, И. С. Бирюкъ. Разсказъ. Москва. 1874. Ц. 2 к.

Тургеневъ, И. С. Однодворецъ Овсянниковъ. Разсказъ. Москва. 1874. Ц. 4 к.

Тургеневъ, И. С. Пѣвцы. Разсказъ. Москва. 1874. Ц. 4 к.

Туръ, Евгенія. Катакомбы. Повѣсть. изъ первыхъ временъ христіанства. Спб. 1878. Ц. 1 р. Новое изд. Спб. 1882 г. Ц. 1 р.

Тягуновъ, Я. Святая Русь. Извлеченіе изъ Карамзина и другихъ историческихъ сочиненій, для назидательнаго чтенія русскому народу. Спб. 1872. Ц. 20 к.

Узловскій. Небо и звѣзды. Спб. 1864. Ц. 10 к.

Ф. Н. Народное изданіе. № 3. Гдѣ и какъ дешево добыть денегъ. Ссудо-сберегательное товарищество. Спб. 1871. Ц. 5 к.

Фанъ-деръ-Флитъ, Н. и **Кочетовъ** А. Народное изданіе. № 1. Житіе преподобныхъ Антонія и Θеодосія Печерскихъ. Спб. 1871. Ц. 6 к.

Филоновъ, А. Поэтъ Пушкинъ. Общедоступное чтеніе. Спб. 1880 г. Ц. 50 к.

Фокъ. Руководство сельскимъ кузнецамъ и слесарямъ. Спб. 1870. Ц. 10 к.

Фурманъ, Н. Разсказъ изъ русской исторіи. Яковъ Θедоровичъ Долгоруковъ. Москва. 1880. Ц. 40 к.

Хомяковъ, А. С. Царь Θедоръ Іоанновичъ. Историческій разсказъ. Москва. 1873. Ц. 5 к.

Хрущовъ, И. П. „Ксенія Ивановна Романова"—(Великая старица инокиня Марθа). Изд. 2-е. Спб. 1882 г. Цѣна 75 к.

Чемена, Мартирій. Поученія о состраданіи къ животнымъ. Изд. 2-е. Россійскаго общества покровительства животнымъ. Спб. 1881 г.

Чистяковъ, М. Журналъ для дѣтей.

Чистяковъ, М. Изъ русскаго быта. Спб. Изд. 3-е. 1880 г.

Чичаговъ. Народное чтеніе. Примѣры изъ прошлой войны 1877—1878 гг. Разсказы о подвигахъ офицеровъ. Спб. 1880 г. Цѣна 30 к.

Ш. П. Государь царь Петръ Великій, первый русскій императоръ. Варшава. 1873.

Шаховской, Л. В., князь. Съ театра войны 1877—1878 г. Два похода за Балканы. Москва. 1878. Ц. 2 р.

Шевелкинъ, И. Разсказъ объ избраніи Михаила Өеодоровича Романова на престолъ царства русскаго и объ Иванѣ Осиповичѣ Сусанинѣ, спасшемъ жизнь его. Москва. 1872. Ц. 15 к.

Шмулевичъ, Я., д-ръ медицины. О хорошей и дурной водѣ. Спб. 1874. Ц. 10 к.

Щебальскій, П. Первые князья. Крещеніе Руси. Сувалки. 1873. Ц. 8 к.

Щебальскій, И. Начало Руси. Изданіе 2-е. Москва. 1865. Ц. 8 к.

Щепина, Е. В. Легкое дѣтское чтеніе въ стихахъ и прозѣ. Книжка первая. Москва. 1874. Ц. 80 к.

Щербина, Н. Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и употребленія при народномъ обученіи. Изданіе 6-е. Спб. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

Я. Н. Русскимъ православнымъ христіанамъ. Повѣствованіе о чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы Өеодоровской-Костромской. Спб. Ц. 20 к.

Ястребовъ, П. Воспитаніе Петра Великаго. Разказъ для дѣтей. Елисаветградъ. 1879. Ц. 15 к.

Яхонтовъ, А. Н. Приключенія Робинзона Крузе. Спб. 1874. Ц. 10 к.—Изданіе Комитета грамотности. Спб. 1880. Ц. 20 к.

Өедоровъ, В. Іосифъ Прекрасный. Повѣствованіе, заимствованное изъ Священнаго Писанія. Изданіе 12-е. Спб. 1872. Ц. 2 к.

Бабушка Марөа, или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. Изданіе Яковлева. Москва. 1870. Ц. 15 к.

Боже! Царя храни! Бесѣда съ православнымъ русскимъ народомъ. Изданіе Православнаго Виленскаго Св. Духовнаго Братства. Вильна. 1880 г.

„Бесѣда о привитіи оспы“ (Брошюра). Кострома. 1881 г.

Великій князь Ярославъ 1-й Великій. Москва. 1881. Ц. 10 к.

Время великаго князя Владиміра Святаго равноапостольнаго. Москва. 1881. Ц. 25 к.

Воскресные разсказы. Чтеніе для народа и дѣтей. Годъ 2-й. 1875. 1 р. 50 к.

„Воспоминанія о Крымѣ“, кн. Е. Г-ой Москва. 1881 г. Цѣна 1 р.

Давидъ Ливингстонъ. Москва. 1870. Ц. 25 к.

Дешевыя несгараемыя постройки. Вып. I. Постройки изъ саманнаго кирпича. Спб. 1879. Ц. 10 к.

Дѣтская библіотека. Евангельскіе разсказы. Съ 32-мя рисунками. Спб. 1870. Ц. 1 р. 25 к.

Дѣтская библіотека. Выпускъ 1-й. Изд. Кирпичниковой и К. Новицкой. Харьковъ. 1881 г. Цѣна 15 к.

Дѣтскій отдыхъ. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей. 1881. Ц. годовому изданію 6 р.

Жизнь св. Петра, который прежде былъ мытарь. Москва, тип. Погодина. 1869. Ц. 7 к.

Жизнь святыхъ, составленная по руководству Четіихъ-Миней и другихъ книгъ. Москва. 1870. Ц. 1 р. 80 к.

Жизнь и подвиги Серафима, іеромонаха Саровской пустыни. Москва, тип. Погодина. 1869. Ц. 7 к.

Жизнь и подвиги во святыхъ отца нашего Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго. Москва, тип. Погодина. 1869. Ц. 10 к.

Жизнь преподобнаго отца нашего Симеона Столпника. Москва, тип. Погодина. 1866. Ц. 10 к.

Жизнь и страданія святаго Великомученика Евстафія Плакиды Москва. Тип. Погодина. 1869. Ц. 7 к.

Жизнь и чудеса святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія. Спб. тип. Куна. 1869. Ц. 10 к.

Житіе святой Великомученицы Варвары. Изданіе Манухина. Москва. 1869. Ц. 7 к.

Жизнь сватаго Алексѣя, человѣка Божія. Москва, тип. Погодина. 1869. Ц. 7 к.

Жизнь святаго Андрея, Христа ради юродиваго. Москва, тип. Погодина. 1869. Ц. 7 к.

Жизнь и великія побѣды графа А. В. Суворова-Рымникскаго, князя Италійскаго. Съ присовокупленіемъ анекдотовъ о немъ. Изд. Шарапова. Москва. 1882 г.

Журналъ „Воспитаніе и обученіе". Отдѣлъ для дѣтскаго чтенія за 1881 г. Издаваемый Е. Сысоевой. Цѣна за годовое изданіе 5 р.

Закхей мытарь. Бесѣды въ больницѣ. Москва. 1874. Ц. 3 к.

Землемѣръ-самоучка. Разсказъ (съ 12-ю чертежами. Спб. 1869. Ц. 5 к.

Земля и что на ней есть. Географія для самообученія. Изданіе 2-е. исправленное и дополненное. Спб. 1876. Ц. 6 к.

Золотой гусь (передѣлана съ англійскаго). Москва. 1881. Ц. 2 к.

Золотая рыбка. Сказочная быль въ стихахъ (изъ жизни крестьянскаго мальчика). Москва. 1881. Ц. 50 к.

Зубы, уходъ за зубами, сохраненіе и сбереженіе зубовъ на долгое время, и ихъ леченіе безъ выдергиванія. Спб. 1880. Ц. 15 к.

Изъ путевыхъ записокъ миссіонера. Съ нѣмецкаго Спб. 1859. Ц. 15 к.

Исторія царствованія Императора Александра II. Москва, тип. Погодина. 1869. Ц. 10 к.

Кіевъ въ русской поэзіи (альбомъ). Кіевъ. 1878. Ц. 40 к.

„Князь Владиміръ Красное Солнышко". Историческій разсказъ. Спб. 1880 г. Цѣна 30 к.

Какъ освободилась Русь изъ подъ татарскаго ига въ 1480. М. 1880 г. Ц. 7 к.

Краткій очеркъ перваго 25-лѣтія царствованія Императора Александра II. Изданіе 2-е. Москва. 1880. Ц. 10 к.

Купецъ Иголкинъ и его подвигъ. Изданіе книжнаго магазина для иногородныхъ. Спб. 1872. Ц. 10 к.

Крестьянскій мальчикъ, или малолькій служитель Бога. 1878 г.

Любитель птицъ. Расказы о ловлѣ птицъ и уходѣ за ними. Съ 6-ю рисунками. Москва. 1868. Ц. съ раскрашенными рисунками 90 к. съ черными—45 к.

Маленькая Мэгъ и ея дѣти. Изданіе книгопр. Грота. Спб. 1880.

Народы Россіи. Вып. 1—IV. Спб. 1878—1879. Ц. 50 к. за выпускъ.

„Народныя чтенія. Сборникъ стиховъ". Выпускъ I-й, Изданіе постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній. Спб. 1883 г. Ц. 8 к.

Наставленіе въ православной вѣрѣ или домашнія бесѣды пастыря съ простыми людьми. Кострома. 1875. Ц. 40 к.

Наталья, боярская дочь. Повѣсть Карамзина.—Москва. 1880 г.

Наши сельскіе пожары. Наставленіе волостнымъ и сельскимъ начальникамъ и всѣмъ грамотнымъ крестьянамъ, какъ оберегаться отъ пожаровъ въ селеніяхъ, лѣсахъ, степяхъ и торфяникахъ, и какъ ихъ тушить. Спб. 1876. Ц. 60 к.

Новая книга для маленькихъ дѣтей. Изданіе товарищества „Общественная Польза". Спб. 1870. Ц. 1 р.

Одиноки въ цѣломъ Лондонѣ. Спб. 1877. Ц. 10 к. Изд. 2-е. Спб. 1879 г. Ц. 10 к.

Отвѣты на обыкновенные вопросы дѣтей: какъ и изъ чего это дѣлается? Изъ области техническихъ производствъ. Изданіе 3-е. Спб. 1871. Ц. 1 р. 75 к.

Отечественная исторія въ разсказахъ для народныхъ и низшихъ школъ и вообще дѣтей старшаго возраста. Съ портретами замѣчательнѣйшихъ лицъ. Изданіе Я. А. Исакова. Спб. 1873. Ц. 50 к.

Пальмовая вѣтвь на гробницу царя-мученика. Изданіе Сергіевскаго братства. Спб. 1881. Ц. 10 к.

Первое 25-лѣтіе царствованія Александра Николаевича. Спб. 1880. Ц. 10 к.

Путешествіе Государя Императора Александра III въ первое лѣто его царствованія. Спб. 1882 г. Цѣна 50 к.

Послѣдованіе къ св. причащенію и по причащенія. Ц. 5 к.

Пропавшая дѣвочка. Изд. книгопродавца Грота. Спб. 1880 г.

Правда въ сказкахъ. Спб. 1880 г.

Размышленія христіанина, посвященныя Ангелу-Хранителю на каждый день въ продолженіе мѣсяца. Изданіе 2-е, съ картинами. Спб. 1868. Ц. 75 к.

Разсказы для дѣтей и взрослыхъ. Спб. 1870.

Разсказы по всей географіи для народныхъ училищъ. Изданіе 2-е. Выпуски 1-й и 2-й. Кіевъ. 1872. Ц. 20 к.

Разсказы стараго учителя „О дѣлахъ житейскихъ". Спб. 1881. Ц. 1 р. 25 к.

Русская правда или судъ въ давнія времена. Историческая повѣсть Спб. 1880. Ц. 7 к.

Русскіе поэты. Москва. 1880 г.

Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ. М. Ч. Москва. 1881 г.

Святая гора Аѳонъ, земной удѣлъ Божіей Матери, мѣстность и обитель ея. Изданіе 4-е. Спб. 1859. Ц. 15 к.

Святая земля во время земной жизни Господа нашего Іисуса Христа. Изд. товарищества ,,Общественная Польза". Спб. 1864. Ц. 8 к.

Сельская бесѣда. Сборникъ. Проза и стихи для народнаго чтенія. Двѣ книги. Спб. 1870. Ц. 1 р.

Семья и школа за 1881 г. Для городскихъ училищъ и народныхъ школъ. Ц. 12 р. съ пересылкою.

Семейные Вечера. Журналъ, издаваемый г-жею Кашпиревой.

Свѣтъ Божій. Переводъ съ южно-русскаго. Изданіе 2-е, книжнаго магазина Черкесова. Спб. 1870. Ц. 20 к.

Сказка о двухъ Иванахъ: объ Иванѣ работящемъ да Иванѣ пустодомѣ. Спб. 1863. Ц. 5 к.

Сказаніе о жизни и чудесахъ святаго Великомученика Георгія. Москва, тип. Погодина. 1869. Ц. 7 к.

Служители Христа. Москва. 1874.

Смоленскъ въ 1812 году. Историческій разсказъ. Спб. 1869. Ц. 5 к.

Страданія святыхъ мучениковъ Кирика и Іулиты. Изданіе Глушкова. Москва. 1868. Ц. 7 к.

Судъ людской и Божій. Ц. 10 к.

Страданіе, смерть и воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа. Изданіе Глушкова. Москва. 1868. Ц. 50 к.

Улица богомольцевъ. Спб. 1877. Ц. 12 к.

Указатель мѣръ предосторожностей отъ пожаровъ. Спб. 1868. Ц. 10 к.

Учебная книга закона Божія для православныхъ воиновъ, обучающихся въ полковыхъ учебныхъ школахъ. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1873. Ц. 40 к.

Царевна-лягушка (передѣлана съ нѣмецкаго). Москва. 1881. Ц. 8 к.

Человѣкъ и природа. Съ 64 рисунками. Спб. 1881. Ц. 1 р.

Черты изъ жизни извѣстнаго филантропа Іоанна Оберлина, бывшаго пастора въ Штейнталѣ. Переводъ съ нѣмецкаго Спб. 1867.

Чтеніе для дѣтей, издаваемое при духовномъ журналѣ „Странникъ". Спб. 1863 и 1864 г. Ц. 2 р.

Чтеніе для начальныхъ народныхъ училищъ. Начальныя упражненія (при нихъ картина „Крестьянскій дворъ"). Изданіе Комитета грамотности Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства. Москва. 1869. Ц. 10 к., а съ картиною 50 к.

Чтеніе для начальныхъ народныхъ училищъ. Очерки русской исторіи. Выпускъ первый: Начало Руси (при немъ картина „Начало Руси"). — Выпускъ второй: Русь во времена Владиміра (при немъ картина „Русь во времена Владиміра"). Изданіе Комитета грамотности Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства. Москва. 1869 и 1870. Ц. 1-го вып. 6 к., а съ картиною 35 к.; 2-го вып. — 15 к., а съ картиною 40 к.

Что такое чума, чѣмъ спасаются отъ нея и отъ другихъ повальныхъ болѣзней. Наставленіе народное и общедоступное. Спб. 1879. Ц. 5 коп.

Чудодѣй и мыло. Разсказы для крестьянскихъ дѣтей старшаго возраста. Москва. 1881. Ц. 3 к.

Шесть разсказовъ для П—скихъ дѣвочекъ. Москва. 1864. Ц. 15 к.

Изданія книгопродавца **Блисмера** (бывш. **Мейера**).

Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій. Молитва исповѣданія къ Богу отъ человѣка, полагающаго спасенія начало. Со статьею изъ сочиненія св. **Тихона**: „Христосъ грѣшную душу къ себѣ призываетъ". Ц. 3 к.

Христіанскія нравоученія, почерпнутыя изъ твореній св. **Тихона**, епископа Воронежскаго. Изд. 7-е. Спб. 1873. Ц. 1½ к.

Покаяніе. Изъ твореній св. **Тихона**, епископа Воронежскаго. Изд. 7-е. Спб. 1871. Ц. 1 к.

Христосъ, грѣшную душу къ себѣ призывающій, и воздыханіе грѣшныя души ко Христу, Сыну Божію. Изъ твореній св. **Тихона**, епископа Воронежскаго. Изд. 21-е. Спб. 1871. Ц. 1 к.

Наставленіе о собственныхъ каждаго христіанина должностяхъ, св. **Тихона**, епископа Воронежскаго. Ц. 40 к.

О словѣ Божіемъ. Изъ сочиненій св. **Тихона**, епископа Воронежскаго. Изд. 8-е. Спб. 1872. г. Ц. 2 к.

О сердцѣ и языкѣ человѣческомъ. Его же. Изд. 9-е. Спб. 1873. Ц. 2 к.

О чтеніи Священнаго писанія. Изъ сочиненій св. **Тихона**, епископа Воронежскаго. Изд. 9-е. Спб. 1871. Ц. 1 к.

О концѣ добрыхъ дѣлъ. Изъ твореній св. **Тихона**, епископа Воронежскаго. Изд. 6-е. Спб. 1863. Ц. 2 к.

Молитвы ко Христу, Сыну Божію, взятыя изъ св. Евангелія и изъ сочиненій св. **Тихона**, епископа Воронежскаго. Изд. 12-е. Спб. 1872. Ц. 1 к.

О готовности Іисуса Христа принимать грѣшниковъ. Изд. 13-е. Спб. 1873. Ц. 1 к.

Высшее блаженство семействъ, или важныя побужденія къ житію на небесахъ. Изд. 10-е. Спб. 1868. Ц. 1 к.

Нѣчто о днѣ страшнаго суда. Изд. 12-е. Спб. 1873. Ц. 1 к.

О вѣрѣ во Христа. Изъ сочиненій св. **Тихона**, епископа Воронежскаго. Изд. 9-е. Спб. 1872. Ц. 1½ к.

Христіанскія нравоученія, почерпнутыя изъ твореній св. **Тихона**, епископа Воронежскаго. Изд. 7-е. Спб. 1873. Ц. 1½ к.

Нравственно-духовныя назиданія. Изъ твореній св. **Тихона**, епископа Воронежскаго. Изд. 8-е. Спб. 1869. Ц. 1½ к.

Взирай на Іисуса. Изд. 4-е. Спб. 1871. Ц. 1½ к.

Совѣтъ, предостерегающій христіанъ отъ гордости, легкомыслія, празднословія и вредныхъ связей. Изд. 7-е. Спб. 1868. Ц. 1½ к.

Поученія для домашняго быта христіанина. Изд. 3-е. Спб. 1869. Ц. 1½ к.

Третья заповѣдь, или разговоръ двухъ друзей о божбѣ. Изд. 11-е. Спб. 1871. Ц. 1½ к.

Полуночный крикъ. Изд. 2-е. Спб. 1871. Ц. 1½ к.

Размышленіе о презрѣніи и отрицаніи міра. Изъ твореній св. Тихона, епископа Воронежскаго. Изд. 7-е. Спб. 1872. Ц. 2 к.

Дружескіе совѣты родителямъ о воспитаніи ихъ дѣтей. Изд. 8-е. Спб. 1872. Ц. 2 к.

Какъ нужно жить, чтобъ бѣду избыть. Спб. 1865. Ц. 2 к.

Какъ надо жить, чтобъ добро нажить. Изд. 2-е. Спб. 1868. Ц. 15 к.

Обратившійся къ Богу самонадѣянный. Изд. 8-е. Спб. 1868. Ц. 1 коп.

Мертвецъ и пьяница, или чудесное избавленіе отъ пьянства. Сочиненіе А. К. Л. Спб. 1859. Ц. 6 к.

Воробьи все видѣли. Спб. 1878. Ц. 10 к.

Шестнадцать краткихъ размышленій, почерпнутыхъ изъ главнѣйшихъ истинъ Св. Писанія. Изд. 10-е. Спб. 1869. Ц. 2 к.

Останься съ нами, потому что уже поздно и день склонился къ вечеру. Спб. 1872. Ц. 1 к.

Пагуба отъ пьянства. Изд. 3-е. Спб. 1871. Ц. 1 к.

Вредъ отъ пьянства. Изд. 12-е. Спб. 1871. Ц. 1 к.

Берегитесь горячихъ напитковъ. Изд. 16-е. Спб. 1871. Ц. 1 к.

Награда пьяницы. Спб. 1871. Ц. 1 к.

Къ чему ведетъ пьянство. Изд. 8-е. Спб. Ц. 1 к.

Описаніе счастливой перемѣны въ семействѣ бѣднаго мастероваго послѣ того, какъ вовсе бросилъ свое пьянство. Изд. 11-е. Спб. 1872. Ц. 1 к.

Негодный. Изд. 2-е. Спб. 1868. Ц. 1½ к.

Малый, но мудрый. Рѣчь, обращенная къ дѣтямъ. Изд. 2-е. Спб. 1871. Ц. 1½ к.

Воскресный день. Изд. 8-е. Спб. 1872. Ц. 1½ к.

Три воззрѣнія на спасительную любовь. Изд. 6-е. Спб. 1869. Ц 2 коп.

Францъ Эллисъ или сила совращенія. Съ нѣмецкаго перевода англійской повѣсти *Іоанна Стрикландъ*. Спб. 1866.

Слѣпой Вартимей. Изд. 4-е. Спб. 1869. Ц. 4 к.

День Господень. Изд. 7-е. Спб. 1868. Ц. 1 к.

Полезныя наставленія дѣтямъ. Изд. 5-е. Спб. 1869. Ц. 1 к.

Ложь — великій грѣхъ, или надобность всегда говорить правду. Изд. 14-е. Спб. 1871. Ц. 1 к.

Два пути и предѣлы ихъ. Изд. 9-е. Спб. 1868. Ц. 1 к.

Вопросы о чтеніи. Изд. 6-е. Спб. 1868. Ц. 1 к.

Источники нищеты. Спб. 1869. Ц. 1 к.

Божественныя слова мира и утѣшенія. Спб. 1877.

Безпечные путники, или земля не отечество (аллегорія). Изд. 7-е. Спб. 1868. Ц. 2 к.

Сарра, или чаша холодной воды. Изд. 2-е. Спб. 1871. Ц. 2 к.

Конецъ времени. Изд. 14-е. Спб. 1868. Ц. 2 к.

Вѣришь ли, что ты грѣшникъ? Разговоръ. Изд. 6-е. Спб. 1873. Ц. 2 к.

Субботній вечеръ, или разговоръ двухъ ремесленниковъ, Иванова и Алексѣева, о томъ, какъ надобно проводить воскресный день. Изд. 3-е. Спб. 1872. Ц. 1½ к.

Рождество на полюсѣ. Изд. 2-е. Спб. 1871. Ц. 2 к.

Три дня изъ жизни Геллерта. Истинное происшествіе. Изд. 2-е. Спб. 1842. Ц. 4 к.

Акулина. Истинный разсказъ. Спб. 1872. Ц. 1 к.

Бѣдный Мартынъ. Истинная повѣсть для дѣтей. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1871. Ц. 3 к.

Воскресный сонъ. Изд. 2-е. Спб. 1868. Ц. 1 к.

Кража не бездѣлица. Повѣсть для юношества. Изд. 2-е. Спб. 1871. Ц. 1½ к.

Гроши глупцовъ. Изд. 2-е. Спб. 1871. Ц. 1½ к.

Вынужденная ложь. Повѣсть. Изд. 2-е. Спб. 1871. Ц. 1½ к.

Покаявшійся отцеубійца. Истинное происшествіе. Спб. 1872. Ц. 1½ к.

Строгій осмотръ, или путешественникъ и таможенные досмотрщики. Изд. 6-е. Спб. 1868. Ц. 1 к.

Туча, или смотрите далѣе. Изд. 5-е. Спб. 1868. Ц. 1 к.

Что говоритъ ёлка. Изд. 3-е. Спб. 1871. Ц. 1 к.

Семейное благополучіе проистекаетъ отъ Божія благословенія. Изд. 3-е. Спб. 1868. Ц. 1½ к.

Маша, или чудный сонъ (истинный разсказъ). Изд. 5-е. Спб. 1871. Ц. ½ к.

Фанни В. Современный разсказъ. Съ нѣмецкаго. Изд. 2-е. Спб. 1872. Ц. 1½ к.

Честность всегда полезна. Изд. 11-е. Спб. 1872. Ц. 1½ к.

Раззореніе Іерусалима. Спб. 1868. Ц. 2 к.

Въ притонѣ лондонскихъ воровъ. Спб. 1874.

Изданія редакціи журнала «Досугъ и Дѣло».

Вутовскій, Н. Турчанка Галя. Спб. 1882 г.

Кукольникъ, Н. Рука Всевышняго отечество спасла. Драма въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Спб. 1881. Ц. 25 к.

Вишняковъ. Очерки Кавказской войны. Спб. Ц. 20 к.

Нарва и Полтава. Спб. 1867. Ц. 15 к.

Французско-нѣмецкая война 1870 — 1871 года. Двѣ части. Спб. 1871. Ц. 60 к.

Оборона Севастополя. Бесѣды о войнѣ 1853—1856 г. Для войскъ и народа. Часть I и II. Спб. 1873. Ц. 1 р. 50 к.

Воинская повинность. Спб. 1875. Ц. 15 к.

Павловичъ, С. Какъ началось русское царство. Отъ начала Руси до крещенія. Спб. 1875. Ц. 25 к.

Павловичъ, С. Начало русскаго царства. Отъ начала Руси до Ярослава. Спб. 1880. Ц. 25 к.

Павловичъ, С. Картины русской исторіи отъ Рюрика до Петра Великаго. Выпускъ I. Съ 12 рисунками. Спб. 1880. Ц. 30 к.

Русское царство отъ Ивана IV Грознаго до прекращенія Рюрикова дома. Спб. 1882 г.

Русское царство отъ прекращенія Рюрикова дома до воцаренія дома Романовыхъ. Спб. 1882 г.

Русская земля отъ Ярослава до татарскаго погрома. Спб. 1875. Ц. 25.

День и ночь въ Севастополѣ. Сцены изъ боевой жизни (изъ записокъ артиллериста). Спб. 1875. Ц. 20 к.

Геройская смерть Данилова и Коканскій бунтъ въ 1875 году. Спб. 1876. Ц. 20 к.

1777—1877. Въ день юбилея со дня рожденія Императора Александра I. Спб. 1877. Ц. 20 к.

Боевыя и народныя пѣсни 1812—1815 гг. Спб. Ц. 15 к.

На Балканахъ. Военный эпизодъ. Спб. 1878. Ц. 10 к.

Подвиги русскихъ войскъ въ турецкую войну 1877—1878 г. Спб. 1878. Ц. 20. к.

Бой подъ Плевной за Зеленыя горы. Спб. 1878. Ц. 20 к.

Взятіе Никополя. Спб. 1879. Ц. 20 к.

Мѣсяцъ плѣна у Османа-Паши. Спб. 1879. Ц. 10 к.

Паденіе Плевны 28 ноября 1877 г. Спб. 1879. Ц. 20 к.

Кавказская война и ея герои. I. Очеркъ войны. Спб. 1876 и подвиги Кавказской арміи. Спб. 1879. Ц. 12 к. — II. Котляревскій и Слѣпцовъ. Спб. 1879. Ц. 15 к.

Волга и Поволжье. Спб. 1868. Ц. 20 к.

Ока, Сура и Кама, притоки Волги. Землеописаніе Россіи по живымъ урочищамъ. Спб. 1868. Ц. 30 к.

Начальная книжка. Первыя понятія о міровѣденіи. Съ 40 картинками и чертежами. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1869. Ц. 15 коп.

Свѣтъ и что отъ него исходитъ.

Равнины и пустыни. Спб. 1878. Ц. 15 к.

Луговыя и песчаныя степи. Спб. 1877. Ц. 20 к.

Горы и горная природа. Съ 12 рисунками. Спб. 1878. Ц. 20 к.

Наши моря. Спб. 1878. Ц. 10 к.

Вода въ воздухѣ. Съ 13-ю рисунками. Спб. 1882 г.

Вода въ трехъ видахъ. Спб. 1881 г.

Воздухъ насъ окружающій. Спб. 1879. Ц. 20 к.

Другъ и недругъ человѣка. Собака и волкъ. Спб. 1880. (для нач. учил.). Ц. 25 к.

Сказаніе о Царьградѣ. Спб. 1867. Ц. 10 к.

Нѣтъ работы, нѣтъ и хлѣба. Варшава. 1880 г.

Подъ старость—радость. Спб. 1880 г.

Голода и неурожаи въ Россіи съ 1024 года. Спб. 1868. Ц. 10 к.

Пожары, причины ихъ и способы предохраненія отъ огня. Спб. 1868. Ц. 10 к.

Москва, ея святыни и древности. Спб. 1871. Ц. 40 к.

Послѣдніе дни земной жизни Спасителя. Спб. 1875. Ц. 20 к.

Павловичъ, С. Книжки для чтенія. Спб. 1875. Ц. 50 к.

Погосскій. Старики. Цѣна 20 к.

Данила Ивановичъ, отставной солдатъ. Разсказъ. Спб. 1879.

Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ. Спб. 1881. Ц. 25 к.

Дикіе люди жаркой полосы. Спб. 1879. Ц. 30 к.

Вулканы и землетрясенія. Спб. 1879. Ц. 25 к.

Эвардъ, Т. Труженики. Замѣчательный башмачникъ. Спб. 1879. Ц. 10 к.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Спб. 1880 (для нар. школъ и для публ. нар. чтеній). Ц. 15 к.

Замѣчательные русскіе люди, Ерофей Хабаровъ и Семенъ Дежневъ. Спб. 1881 г.

Русскій самоучка Семенъ Прокофьевичъ Власовъ. Спб. 1881 г.

Кулибинъ, русскій механикъ-самоучка. Спб. 1880. Ц. 12 к.

Великіе работники Фультонъ и Стефенсонъ, изобрѣтатели парохода и паровоза. Спб. 1879. (для начал. учил. и для публ. народн. чтеній). Ц. 10 к.

Житія святыхъ угодниковъ. Спб. 1879 г.

Изданія редакціи журнала «Мірской Вѣстникъ».

Гейротъ. Мірской Вѣстникъ. Ц. 4 р.

Назидательное чтеніе. Сборникъ духовно-нравственныхъ разсказовъ. Спб. 1864. Ц. 35 к.

Объясненіе всенощнаго бдѣнія. Изд. 2-е. Спб. 1864. Ц. 7 к.

О пути къ вѣчному блаженству. Спб. 1864. Ц. 5 к.

О таинствѣ св. крещенія. Спб. 1864. Ц. 5 к.

Два разсказа: 1) Добровольное признаніе. 2) Гдѣ тишь и гладь, тамъ и Божія благодать. Спб. 1865. Ц. 10 к.

Жизнь Пресвятой Богородицы. Съ приложеніемъ снимка съ чудотворной иконы Казанской Божіей Матери. Спб. 1865 Ц. 7 к.

О земной жизни Господа нашего Іисуса Христа. Спб. 1865. Ц. 7 копѣекъ.

О таинствѣ св. причащенія. Спб. 1865. Ц. 5 к.

Притчи Христовы. 7 выпусковъ. Спб. 1865. Ц. по 5 к. за выпускъ.

Очерки Малороссіи. Спб. 1865. Ц. 15 к.

Русскіе въ тяжелую годину. Историческая повѣсть. Спб. 1865. Ц. 10 к.

Св. Равноапостольный князь Владиміръ. Спб. 1865. Ц. 20 к.

Москва Бѣлокаменная и ея достопримѣчательности. 1866. Ц. 15 к.

Христіанскій подвигъ солдата. Изданіе 3-е. Спб. 1866. Ц. 10 к.

Святыни и древности великаго града Кіева. Съ 7-ю рисунками. Спб. 1867. Ц. 15 к.

Главнѣйшіе праздники Православной церкви. Спб. 1868. Ц. 25 к.

Князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій, генералиссимусъ русскаго войска. Спб. 1868. Ц. 25 к.

Примѣрная мать. Разсказъ. Спб. 1870. Ц. 10 к.

Иванъ Сусанинъ. Историческая повѣсть. Спб. 1871. Ц. 10 к.

Мининъ и Пожарскій и избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова. Изд. 2-е. Спб. Ц. 15 к.

Странствователь по Казанской губерніи. Съ 6-ю рисунками Спб. 1880 г. Ц. 20 к.

Изданія редакціи журнала «Чтеніе для солдатъ».

О природѣ и ея явленіяхъ. Разсказы о землѣ, водѣ и воздухѣ. Краткая физическая географія, съ приложеніемъ изображеній двухъ земныхъ полушарій и трехъ рисунковъ. Спб. 1862. Ц. 20 к.

Странствователь по Прибалтійскому краю. С.-Петербургская губернія, съ рисунками. Спб. 1861. Ц. 25 к.

Разсказы странствователя по замѣчательнымъ мѣстамъ Россіи. Воронежская губернія, съ жизнеописаніемъ св. Митрофана и Тихона. Спб. 1862. Ц. 15 к.

Московская и Тульская губерніи. Спб. 1860. Ц. 10 к.

Сѣверный край. Спб. 1860. Ц. 10 к.

Изданія Общества распространенія полезныхъ книгъ.

Андерсенъ. Гадкій утенокъ. Сказка. Москва. 1880. Изд. 2-е. Ц. 4 к.

Маленькій ветошникъ. Переводъ съ англійскаго. Москва 1880 Изд. 2-е. Ц. 4 к.

Бахметева, А. Н. „Разсказы для дѣтей о земной жизни Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа", съ картинами. Изд. въ Москвѣ. 1881 г. Ц. 30 к.

Бѣляевъ, И. Жизнь святыхъ Кирилла и Меθодія, учителей славянскихъ. М. 1871. Ц. 10 к.

Величкинъ, В. Разсказы о русскихъ самоучкахъ. Нечаевъ, Сычевъ, Сабуровъ, Замысловъ. Москва. 1874. Ц. 15 к.

Гончарова, Ольга. 1812 годъ. М. 1867 Ц. 15 к.

Горѣловъ. Разсказы про нѣкоторые промыслы въ Россіи. М. 1871. Ц. 11 к.

Завалишинъ, И. Описаніе Западной Сибири. Ч. I. М. 1862. Ц. 70 коп.

Зарубинъ, И. Растенія (первый урокъ ботаники). Москва. 1871. Ц. 15 к.

И. Д. Между дѣтьми. Иллюстрированный сборникъ разсказовъ для дѣтей. 1881 г.

Три медвѣдя. Сказка съ нѣмецкаго Ц. 10 к.

Чтеніе изъ исторіи среднихъ вѣковъ. Москва. 1880 г. Ц. 75 к

Кирхманъ, П. Исторія общественнаго быта. Чтеніе въ школѣ и дома. Перев. *К. Розенбергъ*, дополн. *В. Ключевскій.* Часть первая. М. 1867. Ц. 50 к.

Никольскій, I. свящ. Краткое изъясненіе Божественной литургіи. Спб. 1876.

Обухова, Е. Соломонія. Повѣсть изъ русской старины (1525 г.). М. 1875. Ц. 40 к.

Гуттенбергъ, первый изобрѣтатель книгопечатанія. М. 1877. Ц. 15 коп.

Георгъ Стефенсонъ, изобрѣтатель паровозовъ. М. 1877. Ц. 15 к.

Правдивый Петя. Изд. 2-е. М. 1877. Ц. 1 к.

Р. А. Три разсказа: I. Быль. II. Сиротка. III. Сторожка въ лѣсу. М. 1868. Ц. 7 к.

Толычева, Т. Благовѣщеніе. Повѣсть. М. 1873. Ц. 15.

Толычева, Т. Пріемышъ. Повѣсть изъ того времени, какъ французы брали Москву. М. 1870. Ц. 12 к.

Толычева, Т. Избраніе въ цари Михаила Оедоровича Романова. Народная повѣсть. М. 1880. Ц. 15 к.

Толычева, Т. Московскій Кремль. М. 1880. Ц. 30.

Толычева. Разсказъ старушки о двѣнадцатомъ годѣ. Москва. 1878. Ц. 25 к.

Толычева, Т. Спасо-Бородинскій монастырь и его основательница. Изд. 2-е. Москва. 1875. Ц. 50 к.

Толычева, Т. Троице-Сергіева лавра. Историческій очеркъ. Спб. 1873. Ц. 10 к.

Туръ, Е. Жемчужное ожерелье. Сказка. М. 1870. Ц. 30 к.

Туръ, Е. Жизнеописаніе замѣчательныхъ людей. Елисавета Фрей. Москва. 1865. Ц. 15 к.

Фурманъ, И. „Разказы изъ русской исторіи". Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ. Изд. 2-е. 1880. Ц. 40 к.

Цшокке. Дѣлатели золота. Народная сказка. Второе изданіе. М. 1866. Ц. 25 к.

Чекалинъ, Ѳ. Самыя холодныя и самыя жаркія страны земнаго шара съ ихъ природой и жителями. М. 1865. Ц. 10 к.

Ѳедченко, Г. Очерки промышленности. Тряпье и писчая бумага. Съ 13 рисунками въ текстѣ. М. 1865. Ц. 25 к.

Благовѣрная Евдокія, великая княгиня Московская, въ инокиняхъ Евфросинія. М. 1866. Ц. 12 к.

Житіе и страданіе святаго мученика Трифона. М. 1869. Ц. 7 к.

Житіе преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина. М. 1869. Ц. 15 к.

Сказаніе о подвигахъ и кончинѣ святаго первомученика, архидіакона Стефана. М. 1869. Ц. 7 к.

О распространеніи въ Японіи православной христіанской вѣры русскими вѣропроповѣдниками. М. 1874. Ц. 5 к.

Общество распространенія Священнаго Писанія въ Россіи и его книгоноши. М. 1874. Ц. 20 к.

Разсказъ изъ естественной исторіи. Какъ питается человѣкъ. М. 1863. Ц. 15 к.

Русская быль. Посвящается ученикамъ М—ской школы. М. 1863. Ц. 20 к.

Разсказъ изъ естественной исторіи. Какъ нужно обращаться съ животными. М. 1864. Ц. 10 к.

Путешестіе московскаго купца Трифона Коробейникова въ Палестину. М. 1866. Ц. 10 к.

Петръ Великій. М. 1871. Ц. 5 к.

Нашъ котъ Васька. М. 1876. Ц. 3 к.

Книжки для школъ. № 10. Аѳонская гора. — № 16. Океанъ. — №№ 22, 27, 30 31. Западная Сибирь и инородцы.—№ 26. Арменія.— № 31. Индія. М. 1871.—№ 59. Туркестанскій край. М. 1872. Ц. 5 к. за каждую.

№ 60. Благочестивыя мысли и наставленія, для руководства христіанину по пути къ совершенству. М. 1872. Ц. 10 к.—№ 68. Чарли Скоттъ или Еще успѣю. М. 1873. Съ двумя картинками. Ц. 25 коп.—Звѣздочка. Внукамъ моимъ Ромейко-Гурко и Жукову. Соч. Евг. Туръ. М. 1873. Ц. 40 к. №№ 13, 14, 15, 18, 19, 20, 86, 90.—Воскресные разсказы. №№ 96, 99, 115, 116 и 117. М. 1874. Цѣна каж-

дому № 2 к. Годъ 2-й №№ 1—12, 23—30. М. 1875. Цѣна отд. № 3 к.—Воскресное чтеніе. М. 1874.—№ 100. Воскресная бесѣда. М. 1874.

№ 69. Разсказы о Кіевопечерскомъ монастырѣ. М. 1873.

№ 5. Старый дворецкій. Няня и юродивый Гриша. — № 6. Были и легенды.—№ 7. Капитанъ Боппъ. Больное дитя. Фіалка. Пѣсня птички.—№ 8. Когда я былъ маленькій. Школьники и муравей. Ранепые, докторъ и необитаемый островъ.—№ 11. Гутенбергъ.—№ 12. Сельская школа.—№ 15. Добрая жена. Злая жена. Дѣвочка со спичками. Гречиха. Дѣдушка и внучекъ. Вечеръ на Рождество.—№ 16. Дяденькины разсказы и бесѣды съ дѣтьми. М. 1875. Цѣна 25 к.—№ 20. Русскія народныя розсказни. Ваненко.—№ 24. Маша.—№ 28. Три сказки.—№ 29. Охота за зайцемъ.—№ 49. Аннушка М. 1881. Ц. 5 к. за каждую.—№ 76. Село Кассино. Т. Толычевой. М. 1874.—№ 77. Молитвы въ стихахъ. Былины и легенды. Изд. 2-е. М. 1874. Ц. 10 к.—№ 81. Крылья мужества. Фантастическая повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Соч. Жоржъ-Занда. Переводъ съ французскаго *С. Рединкъ*. М. 1874. Ц. 25 к.—№ 111. Что дѣлалъ Ваня изъ любви къ товарищу. М. 1875. Ц. 2 к.—№ 124. Лилли или рубиновый крестикъ. Съ нѣмецкаго. М. 1876. Ц. 4 к.—№ 125. Серебряный стаканъ или говори всегда правду. 1876. Ц. 2 коп.

Краткій очеркъ перваго 25-лѣтія царствованія Императора Александра II. Изд. 2-е. Москва. 1880 г. Цѣна 10 к.

Разсказъ изъ русской исторіи. Великій князь Ярославъ I. М. 1865. Ц. 15 к.

Н. Разсказъ изъ русской исторіи. Покореніе Казани Московскимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. 1867 г. Ц. 10 к.

Разсказъ изъ русской исторіи. Мининъ и Пожарскій—избавленіе Москвы въ 1612 году. М. 1865. Ц. 15 к.

Чтеніе для начальныхъ народныхъ училищъ. Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ (при немъ картина «Богатырь Илья Муромецъ»). М. 1869. Ц. 3 к., а съ картиною—40 к.

Книжки для народа. № 57. Области Сибирскихъ и Оренбургскихъ киргизовъ. М. 1872. Ц. 10 к.

Какъ освободилась Русь изъ-подъ татарскаго ига въ 1480 году. М. 1880. Ц. 7 к.

Чтеніе изъ исторіи среднихъ вѣковъ.—Москва. 1880 г.

Разсказъ изъ естественной исторіи. Какъ живетъ растеніе. М. 1864. Ц. 15 к.

Разсказы изъ естественной исторіи. Обезьяны. М. 1864 и 1865. Ц. 15 к.

Бѣлка и сурокъ. М. 1880. Ц. 10 к.

Разсказъ изъ естественной исторіи. Чѣмъ питается человѣкъ. М. 1863. Ц. 12 к.

Наши обязанности къ животнымъ. Со множествомъ картинокъ въ текстѣ. М. 1880. Ц. 1 р. 20 к.

Меньшія сестры бѣдныхъ. М. 1864. Ц. 10 к.

Богъ не оставляетъ вдовъ и сиротъ. Золотая руда. М. 1870. Ц. 3 коп.

Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ. М. 1870. Ц. 60 к.—Изданіе 1880 г. Ц. 50 к.

Пастырь и овцы. Разсказъ для дѣтей. М. 1870. Ц. 5 к.

Книжка для чтенія № 32. Къ пятнадцатилѣтнимъ. М. 1871. Ц. 6 коп.

Маленькій лѣнтяй. Съ англійскаго. М. 1874. Ц. 2 к.

Не стыдись насмѣшекъ. Книжка для школъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1874. Ц. 3 к.

Бѣдный горбунъ. Деревенскій разсказъ. Съ англійскаго. М. 1874. Ц. 1 коп.

Два гнѣзда. Съ англійскаго. М. 1874. Ц. 3 к.

Петруша Лабуле. Переводъ съ французскаго. Изд. 2-е. М. 1878. Ц. 15 к.

Робертъ Фультонъ, изобрѣтатель пароходовъ. Изд. 2-е. М. 1879. Ц. 15 к.

Св. Димитрій Ростовскій. Бодрствуй и молись. М. 1879. Ц. 3 к.

Іудейскія сутки (15 письмо). М. 1879. Ц. 3 к.

Св. Ефремъ Сиринъ. Извлеченія изъ пѣснопѣнія на Рождество Христово. М. 1879. Ц. 2 к.

Св. Андрей Критскій. Пріидите и поклонимся святому кресту. М. 1879. Ц. 2 к.

Заповѣдь новую даю вамъ: да любите другъ друга. Іоан. 3, 34. М. 1879. Ц. 2 к.

Очеркъ жизни Гавріила Романовича Державина. Москва. 1881 г. Цѣна 10 к.

Псалмы въ стихахъ. Изданіе третье. Москва. 1881 г.

Русскія сказки (въ стихахъ). Москва. 1881 г.

О смиренной покорности. М. 1879. Ц. 2 к.

Не случайность, а промыслъ. Разсказъ св. Ефрема Сирина изъ собственной жизни. М. 1879. Ц. 3 к.

Общедоступное чтеніе во время говѣнія. Выбранныя мѣста изъ поученій: Св. Тихона Задонскаго, Евсевія, архіепископа Могилевскаго, Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и протоіерея Путятина. Москва. 1880 г. Ц. 15 к.

Введеніе во храмъ пресвятой Богородицы 21-го ноября. Ц. 3 коп.

Добрый Самарянинъ. Москва. 1878 г. Ц. 10 к.

Толкованіе на притчу о мытарѣ и фарисеѣ. М. 1879. Ц. 10 к.

Ученіе св. Ефрема Сирина о покаяніи. М. 1879. Ц. 6 к.

День преставленія праведной Іуліаніи Лазаревской 2 января. М. 1879. Ц. 3 к.

Разсказы изъ жизни св. Тихона, Задонскаго чудотворца. М. 1879. Ц. 6 к.

Ничего кромѣ листьевъ. М. Ц. 2 к.

Молитвы въ стихахъ, былины и легенды. Изд. 3-е. М. 1878. Ц. 10 к.

Въ крестѣ наше спасеніе. Изъ книги: Подражаніе Іисусу Христу. М. 1879. Ц. 3 к.

О перенесеніи обидъ. Изъ книги: Подраженіе Іисусу Христу. М. 1879. Ц. 2 к.

О четырехъ путяхъ, ведущихъ къ сохраненію мира. Изъ книги: Подражаніе Іисусу Христу. М. 1879. Ц. 2 к.

Св. Димитрій Ростовскій. Спѣши ко кресту. М. 1879. Ц. 2 к.

Св. Димитрій Ростовскій. Взывай ко Господу. М. 1879. Ц. 2 к.

Св. Димитрій Ростовскій. Краткій духовный алфавитъ. М. 1879. Ц. 5 к.

Св. Павелъ Ѳивейскій, первый пустынножитель, и св. Антоній, основатель монашества. М. 1879. Ц. 20 к.

Книжки: I. Русскіе поэты. II. Нѣмецкіе поэты, и Ш. Славянскіе поэты. М. 1879. Цѣна каждой книжки 11 к.

22 басни Эзопа въ русскомъ переводѣ. М. 1880. Ц. 80 к.

Изданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія постоянной коммиссіи для устройства народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ.

Казанскій, Н. П. Какъ разводить ленъ и какъ увеличить сборы съ разныхъ посѣвовъ. Спб. 1864 Ц. 10 к.

Ламинъ, В. Покореніе царства Казанскаго. Съ раскрашенною картинкою. Спб. 1879. Ц. 5 к.

Максимовъ, С. Святыя мѣста русской земли. Соловецкій монастырь. Съ 10-ю раскрашенными картинками. Спб. 1872. Ц. 15 к.

Михневичъ, В. О. Князь Михаилъ Тверской и Татарскій погромъ. Спб. 1872. Ц. 10 к.

Николаева, Е. Ф. Механикъ—самоучка Иванъ Петровъ Кулибинъ. Съ раскрашенною картинкою. Спб. 1882 г.

Опатовичъ, С., священникъ. Первые вѣка христіанства и распространеніе его по Руси. Съ 15-ю раскрашенными картинками. Спб. 1872. Ц. 25 к.

Рождественскій, С. О Петрѣ Великомъ: I) Какъ Петръ Великій провелъ молодые годы, какъ и чему учился. II) Какъ Петръ Великій добылъ море и создалъ русскій флотъ. Съ 12-ю раскрашенными картинками. Спб. 1879. Ц. 12 к.

Рождественскій, С. О Суворовѣ. Съ 8-ю раскрашенными картинками. Спб. 1874. Ц. 15 к.

Соколовъ, М. И., священникъ. Жизнь Божіей Матери и праздники въ честь ея. Съ 7-ю раскрашенными картинками. Спб. 1873. Ц. 15 к. и изданіе 3-е. 1880 г.

Сулоневъ, А. Н. Народныя чтенія. Разсказы о севастопольцахъ. Съ 10-ю раскрашенными картинками. Спб. 1873. Ц. 20 к.

Филоновъ, А. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Спб. 1880. Ц. 5 к.

Филоновъ, А. Дѣдушка Крыловъ. Спб. 1873. Ц. 10 к.

Шиле, А. Новыя славныя доблести русскаго воинства, походъ въ Хиву и ея покореніе. Съ 10-ю раскрашенными картинками. Спб. 1874. Ц. 20 к.

Рейнботъ. Е. Что такое соль и гдѣ ее берутъ. Спб. 1875. Ц. 10 к.

Рейнботъ, Е. Чай и его польза. Спб. 1875. Ц. 15 к.

Рейнботъ, Е. Чай. Откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ. Съ 6-ю раскрашенными рисунками. Спб. 1873. Ц. 15 к.—Изд. 2-е. Съ 2 раскрашенными картинками. Спб. 1880.

Троицко-Сергіевская лавра. Спб. 1872. Ц. 10 к.

Владиміръ Святой и Равноапостольный. Съ 9-ю раскрашенными картинками. Спб. 1872. Ц. 10 к.

Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой. Съ 10-ю раскрашенными картинками. Спб. 1872. Ц. 15 к.

Александръ Первый Благословенный. Съ раскрашенною картинкою. Спб. 1880. Ц. 8 к. Съ двумя картинками. 1881. Ц. 8 к.

Петръ Великій по сочиненіямъ А. С. Пушкина. 1880 г. Цѣна 5 к.

Чтенія для народа о Суворовѣ. С. Рождественскаго, съ одною раскрашенною картиною и съ портретомъ Суворова. Изд. 2-е. Спб. 1882 г. Ц. 15 к.

Разказы о Севастопольцахъ. А. И. Супонева. Съ двумя раскрашенными картинками. Изд. 2-е, исправленное по замѣчаніямъ ученаго комитета. 1882 г. Ц. 15 к.

Двѣнадцать мудрыхъ басенъ, а) въ обложкѣ съ портретомъ цѣна 5 к. 1882 г. и б) въ обложкѣ простой 2 к. 1882 г.

Невская битва и ледовое побоище. Спб. 1879. Ц. 5 к.

Богомольцы у святынь Кіева. Спб. 1880. Ц. 25 к.

19-е февраля 1855—1880 г. Праздникъ въ аудиторіяхъ постоянной коммиссіи народныхъ чтеній 25-лѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора. Спб. 1880. Ц. 5 к.

Филоновъ, А. Г. Петръ Великій по сочиненіямъ Пушкина. Спб. 1880. Ц. 5 к.

Купецъ Иголкинъ и его подвигъ. Историческая быль временъ Петра I. Съ раскрашенною картинкою. Спб. 1880. Ц. 8 к.

Изданія народныхъ чтеній въ Соляномъ городкѣ.

Александровъ, Н. Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ? Съ двумя политипажами. Спб. 1874. Ц. 10 к.

Аникіевъ, П. О птицахъ и гадахъ, полезныхъ для земледѣльца и лѣсовода. Спб. 1874. Ц. 10 к.

Аникіевъ, П. Животныя полезныя для полей и лѣсовъ Спб. 1874. Ц. 10 к.

Глинскій, Н. докторъ. Народныя чтенія въ Соляномъ городкѣ. Объ апоплексіи мозга или пострѣлѣ. Спб. 1874. Ц. 10 к.

Животовскій, Н. О теплѣ и воздухѣ. Спб. 1880. Ц. 10 к.

Животовскій, Н. О грозѣ. Спб. Изд. 2-е 1880. Ц. 10 к.

Животовскій, Н. Отчего происходитъ дождь и снѣгъ. Изд. 2-е. 1880. Ц. 10 к.

Ивановъ, Д. Л. Зимой черезъ Балканы. I. Въ обходъ Шипки, въ декабрѣ. 1877. Разсказъ для народа и войскъ. Чтеніе Солянаго городка. Спб. 1879. Ц. 15 к.

Ивановъ, Д. Л. Зимой Черезъ Балканы. II. Послѣдній бой подъ Шипкой, 28 декабря 1877 г. Разсказъ для народа и войскъ. Чтеніе Солянаго городка. Спб. 1879. Ц. 15 к.

Ильинскій, докторъ. 1) О сохраненіи здоровья—одежда и чистоплотность. Спб. 1873. 2) О сохраненіи силы и здоровья—наши жилища. Спб. 1873. Ц. 10 к. за каждое.

Коховскій, В. Отцамъ и матерямъ о дѣтяхъ. Спб. 1873. Ц. 10 к.

Коховскій, В. О трудѣ и отдыхѣ. Спб. 1873. Ц. 10 к.

Медеръ, Н. О томъ, какого вида земля и какъ велика она. Спб. 1880. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

Медеръ, Н. Отчего бываетъ день и ночь, весна, лѣто, осень и зима. 1880. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

Паруновъ, М. Н. А. В. Кольцовъ и его пѣсни. Съ 4 раскрашенными картинками. Спб. 1874. Ц. 10 к.

Пѣвцовъ, В., священникъ. О семьѣ. Чтеніе для народа. Мужьямъ о женахъ. Чтеніе первое. Изд. 2-е. Спб. 1880. Ц. 10 к.

Пѣвцовъ, В., священникъ. О Святой землѣ. Двѣнадцать чтеній для народа. Спб. 1872. Ц. 5 к. за каждое чтеніе.

Роговъ, Н. И. Татарскій погромъ и Святый Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій. Спб. 1880. Ц. 5 к.

Роговъ, Н. И. Разсказы изъ отечественной исторіи. О смутномъ времени на Руси. Спб. 1880. Изд. 3-е. 1880. Ц. 10 к.

Роговъ, Н. Св. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители Славянъ. Чтеніе для народа. Спб. 1874. Ц. 10 к.

Роменскій. О томъ, что такое гроза и какъ себя предохранить отъ ея гибельныхъ послѣдствій.

Роменскій. Объ изверженіяхъ огнедышащихъ горъ и землетрясеніяхъ. Общедоступное чтеніе. Спб. Ц. 10 к.

Тарапыскинъ, Ф. Разсказы бывалаго человѣка. Чтеніе для народа. Спб. 1872. Ц. 12 к.

Хребтовъ, А. П. Хивинскій походъ. Четыре чтенія для войскъ и народа. Спб. 1875. Ц. 50 к.

Шалфеевъ, И. Двѣнадцатый годъ. Три чтенія. Изд. 3-е. Ц. 20 к.

Шалфеевъ, И. Разсказы изъ отечественной исторіи. Начало Руси (о томъ, какъ жили наши предки до крещенія и какъ они крестились). Спб. 1874. Ц. 10 к.

Шалфеевъ, И. Царь Петръ Великій, 30 мая 1672—30 мая 1872 года. Спб. 1872. Ц. 10 к.

Шиле, Аделаида. Волга и ея значеніе для Россіи. Чтеніе для народа. Спб. 1876. Ц. 10 к.

О томъ, какъ Екатерина II Великая правила землей русской. Съ 9-ю раскрашенными картинками. Спб. 1873. Ц. 15 к.

Примѣры изъ прошлой войны 1877—1878 годовъ. Описаніе отдѣльныхъ солдатскихъ подвиговъ. Спб. 1879. Ц. 60 к.

ОТДѢЛЪ IV.

Стѣнныя таблицы, карты и другія пособія.

Ансеровъ, П. Два листа рисунковъ и картинъ, изображающихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ богослуженіе православной церкви и снабженные текстомъ. Цѣна 1 р. 20 к.

Картинки изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, числомъ 58, съ текстомъ. Изданіе **Генкеля.**

Картины изъ священной и церковной исторіи. Изд. священника **В. Михайловскаго.** Выпускъ 1. Главнѣйшіе праздники Православной Церкви. Спб. 1878. Ц. 1 р. 15 к.

Картины для нагляднаго преподаванія священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта (въ пяти выпускахъ). 2-е исправленное и дополненное изданіе товарищества метахромотипіи „Ракочій и К°". Спб. 1877. Ц. 7 р.

Боппъ, К. Таблица: Метрическая система. Учебное пособіе, съ брошюрою: Текстъ къ стѣнной таблицѣ метрическихъ мѣръ Боппа. Изд. Фену и К. Спб. 1879. Ц. 1 р. 50 к.

Бобровскій, С. А. Элементарный географическій атласъ по квадратнымъ клѣткамъ. Москва. 1879. Ц. 75 к. и 16 таблицъ квадратныхъ клѣтокъ, для черченія географическихъ картъ. Приложеніе къ атласу С. А. Бобровскаго. Ц. 12 к.

Ильинъ, А. Учебный атласъ географіи Россіи, для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Ц. 50 к.

Ильинъ, А. Карта Россіи. Ц. 1 р. 25 к.

Ильинъ, А. Физическая карта Европейской и Азіатской Россіи.

Стѣнная карта Европейской Россіи, изданная картографическимъ заведеніемъ Ильина, на 2-хъ листахъ.

Фанъ-деръ-Флитъ, Н. **Кочетовъ**, А. Карта Европейской Россіи. Ц. 10 к.

Штраухъ, Н. Новѣйшій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта, для употребленія въ школѣ и дома, составленный по употребительнѣйшимъ руководствамъ Смирнова, Лебедева и др. Спб. 1878. Ц. 1 р.

Штраухъ, Н. Краткій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта. Для народныхъ училищъ и первыхъ классовъ гимназій. Спб. 1878. Ц. 60 к.

Атласъ рельефныхъ картъ всѣхъ частей свѣта и Палестины. Изданіе фирмы „Сотрудникъ Школъ". Ц. съ рисунками 7 р. 20 коп., безъ рисунковъ 2 р.

Глобусы — гладкіе и рельефные. Изданіе фирмы „Сотрудникъ Школъ". Ц. отъ 50 к. до 40 р.

Добряковъ, А. Учебный атласъ по русской исторіи для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ. Спб. Ц. 70 к.

Добряковъ, А. Русскіе историческіе памятники. Наглядное пособіе къ курсу русской исторіи въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1880. Ц. 40 к.

Паульсонъ, I. И. 1) „Листы буквъ большаго размѣра, со всѣми употребительными знаками препинанія". Цѣна за 6 листовъ 30 к. 2) „Листы крупныхъ буквъ церковнославянской печати". Цѣна за 4 листа 25 к.

Рождественскій, О. Отечественная исторія въ картинахъ, для школы и дома. Выпускъ I. Спб. 1881. Ц. за 30 картинъ 20 р., по подпискѣ же 15 р.

Стѣнныя естественно-историческія таблицы для народныхъ школъ, изданныя Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, съ пояснительнымъ къ нимъ текстомъ. 20 наклеенныхъ на папку таблицъ; изъ нихъ *три* по анатоміи человѣка, *десять* зоологическихъ и *семь* по ботаникѣ. Цѣна всему изданію 8 руб.; пересылка за 20 фунтовъ.

Лейтеманъ. Стѣнной зоологическій атласъ, 15 таблицъ. Изд. 2-е. Фену и комп. Ц. 13 р. 50 к.

Животовскій, Н. Ботаническій атласъ. Изд. 2-е. Спб. 1876. Ц. 2 р.

Фену, Н. и К°. Картинный учебный атласъ, примѣненный къ краткой отечественной географіи, составленной подъ редакціей И. Н. Михайлова. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фену и К°. (Издатель). Изъ русской жизни и природы. Десять картинъ, цѣна каждой 2 р. 50 к., за всѣ 19—20 р. Для учебныхъ заведеній, при одновременномъ требованіи 10 коллекцій—17 р., при требованіи 20 коллекцій—15 р. за коллекцію.

Форвергъ, М. Формы листьевъ. Сравнительное и систематическое изображеніе въ естественную величину. 8 таблицъ рисунковъ. Изд. Фену и К. Спб. Ц. 2 р. 40 к.

Форвергъ, М. Систематическое и сравнительное изображеніе формъ цвѣтовъ въ натуральную величину. 12 таблицъ Ц. 2 руб. 40 к.

Фонъ-Вооль, В. Физическія таблицы. № 1. Электрическій телеграфъ. Спб. 1872 г. Ц. 50 к.

Янскій. Стѣнныя таблицы для преподаванія физики. Изданіе Фену и К. Ц. 12 р. 50 к.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ составъ этого каталога вошли книги: а) изданныя отъ Святѣйшаго Синода; б) разосланныя въ разное время министерствомъ народнаго просвѣщенія въ начальныя народныя училища, и в) разсмотрѣнныя или ученымъ комитетомъ министерства, или особымъ его отдѣломъ, или ученымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ.

2) Съ требованіями показанныхъ въ каталогѣ книгъ надлежитъ обращаться: а) изданныхъ отъ Святѣйшаго Синода—въ синодальныя книжныя лавки въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; б) изданныхъ Комитетомъ грамотности Московскаго Общества сельскаго хозяйства, Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, товариществомъ „Общественная Польза", редакціями журналовъ: „Мірской Вѣстникъ", "Чтеніе для солдатъ", „Досугъ и Дѣло"—въ означенныя Общества и редакціи, по принадлежности; в) прочихъ затѣмъ книгъ — или непосредственно къ авторамъ и издателямъ, или же къ коммисіонерамъ министерства народнаго просвѣщенія, С.-Петербургскимъ книгопродавцамъ И. И. Глазунову и Фену и К°.

3) При выпискѣ книгъ въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ экземпляровъ надлежитъ предварительно входить въ соглашеніе относительно цѣны съ издавшими оныя мѣстами и лицами.

4) Цѣны книгъ показаны безъ пересылки, за которую, по почтовой

таксѣ, взимается слѣдующая плата съ фунта при отправленіи от[illegible] С.-Петербурга въ

	Коп.		Коп.		Коп
Або	6	Кострому	8	Рязань	[illegible]
Акмоллы	18	Красноярскъ	18	Самару	1[illegible]
Архангельскъ	12	Куопіо	5	С.-Михель	[illegible]
Астрахань	16	Курскъ	12	Саратовъ	1[illegible]
Баку	18	Кутаисъ	18	Семипалатинскъ	1[illegible]
Благовѣщенскъ	20	Кѣльце	13	Симбирскъ	1[illegible]
Варшаву	11	Ломжу	10	Симферополь	[illegible]
Вильно	7	Люблинъ	12	Смоленскъ	[illegible]
Витебскъ	6	Минскъ	9	Ставрополь	1[illegible]
Владикавказъ	16	Митаву	7	Сувалки	1[illegible]
Владиміръ	8	Могилевъ	8	Сѣдлецъ	1[illegible]
Вологду	8	Москву	7	Тавастгусъ	[illegible]
Воронежъ	12	Нижній-Новгородъ	11	Тамбовъ	1[illegible]
Выборгъ	3	Николаевскъ, При-		Ташкентъ	1[illegible]
Вятку	14	морской области.	20	Тверь	[illegible]
Гельсингфорсъ	4	Николайстадъ	8	Тифлисъ	1[illegible]
Гродно	9	Новгородъ	3	Тобольскъ	1[illegible]
Дербентъ	18	Новочеркаскъ	16	Томскъ	1[illegible]
Екатеринодаръ	16	Орелъ	10	Тулу	[illegible]
Екатеринославъ	15	Оренбургъ	16	Улеаборгъ	[illegible]
Елисаветполь	18	Пензу	14	Уральскъ	1[illegible]
Житоміръ	13	Пермь	16	Уфу	1[illegible]
Иркутскъ	20	Петрозаводскъ	5	Харьковъ	1[illegible]
Казань	15	Петроковъ	12	Херсонъ	1[illegible]
Калишъ	13	Плоцкъ	12	Черниговъ	1[illegible]
Калугу	8	Полтаву	14	Читу	2[illegible]
Каменецъ-Подольскъ	15	Псковъ	3	Эривань	1[illegible]
Кишиневъ	16	Радомъ	12	Якутскъ	2[illegible]
Кіевъ	12	Ревель	4	Ярославль	[illegible]
Ковно	7	Ригу	6		

5) О книгахъ, одобряемыхъ для низшихъ училищъ въ теченi[illegible] года, извѣстія печатаются въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Въ ученый комитетъ нерѣдко поступаютъ на разсмотрѣніе рукописныя сочиненія, не разсмотрѣнныя предварительно цензурою; правилами же, постановленными совѣтомъ министра народнаго просвѣщенія 30-го января 1867 года, требуется, между прочимъ, чтобы сочиненія, представляемыя на разсмотрѣніе ученаго комитета, въ рукописяхъ, предварительно были дозволены къ изданію цензурою.

Во избѣжаніе напрасной потери времени авторами и издателями, особый отдѣлъ ученаго комитета, съ разрѣшенія г. товарища министра народнаго просвѣщенія, имѣетъ честь довести о томъ до всеобщаго свѣдѣнія, присовокупляя, что упомянутое требованіе не относится къ рукописямъ, представляемымъ на соисканіе премій Императора Петра Великаго.

ГЕРБОРДОВА БІОГРАФІЯ ОТТОНА, ЕПИСКОПА БАМБЕРГСКАГО.

V [1]).

Въ главѣ 26-й Гербордъ, основываясь на извѣстіи Эбона о расположеніи къ Оттону одного знатнаго Волынца Недамира, заставляетъ его, съ сыномъ, тайно приходить къ Оттону и слушать его поученія: „Также часто посѣщали епископа и другіе тайные христіане изъ города, мужчины и женщины, были наставляемы въ вѣрѣ епископомъ и высказывали желаніе, чтобъ и Штетинъ, и Волынъ приняли христіанство, дабы имъ возможно было открыто исповѣдывать Христову вѣру".

Прифлингскій анонимъ, передавая отвѣтъ Волынцевъ, считаетъ его не болѣе, какъ хитростію съ ихъ стороны: „Они", говоритъ Прифлингскій анонимъ,—„надѣялись, что Штетинцы не пощадятъ его". Но это, конечно, собственное объясненіе или самаго Прифлингскаго анонима, или лица, передававшаго ему тотъ отвѣтъ. Изъ самаго отвѣта Волынцевъ видно, что они дѣйствительно находились въ нѣкоторыхъ зависимыхъ отношеніяхъ къ Штетину. И дѣйствительно, далѣе, послѣ рѣшенія Штетина, и Волынъ принимаетъ христіанство. И въ самомъ объясненіи Прифлингскаго анонима видна отчасти та же мысль, хотя съ нѣсколько другимъ оттѣнкомъ. Волынцы предоставляютъ убить епископа Штетинцамъ потому, что они et multitudine ceteris et potestate praestarent. Слѣдовательно, здѣсь не высказывается, что Волынъ подчиненъ политически Штетину, а только то, что есте-

[1]) *Окончаніе*. См. апрѣльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

ственно находится подъ его вліяніемъ, какъ менѣе богатый и значительный городъ. Въ такомъ смыслѣ и понялъ его слова Гербордъ, заставляя Волынцевъ говорить: „Штетинъ самый древній и знатный городъ въ Поморьѣ, мать другихъ городовъ [1]), et satis injustum fore, se... novae religionis observantiam admittere, quae illius auctoritate prius roborata non fuisset".

Въ главахъ 26-й—31-й, заключающихъ разказъ о пребываніи Оттона въ Штетинѣ, до окончательной побѣды христіанства, мы можемъ указать три извѣстія, заслуживающія нѣкотораго вниманія и могущія быть признаны за самостоятельныя.

Вопервыхъ, въ главѣ 26-й Гербордъ влагаетъ въ уста Штетинцевъ, отказывающихся отъ принятія христіанства, слѣдующую фразу: „Между христіанами существуютъ воры и разбойники, у христіанъ употребляется отсѣченіе ногъ, выкалываніе глазъ; всевозможныя преступленія и наказанія совершаетъ христіанинъ надъ христіаниномъ. Пусть насъ минуетъ такая религія!"

Конечно, нельзя считать, чтобы, дѣйствительно, это было сказано Штетинцами Павлицію, и что этимъ они мотивировали свой отказъ отъ христіанства. Однако, эти слова чрезвычайно подходятъ вообще къ обычному праву Славянъ, и мы можемъ признать, что, дѣйствительно, Гербордъ могъ получить отъ Зефрида такую общую характеристику этой стороны быта Поморянъ. Самымъ удобнымъ Герборду показалось вставить ее именно при отказѣ Штетинцевъ отъ христіанства.

Отсутствіе членовредительныхъ наказаній—черта, вездѣ присущая славянскому праву; только чуждые законы византійскіе и германскіе вводили этотъ родъ казни, да и то старая система денежныхъ пеней всегда брала верхъ надъ нею. Конечно, Балтійскіе Славяне, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Нѣмцами, подвергались вліянію ихъ права; особенно это должно было послѣдовать со времени принятія христіанства, когда такому нѣмецкому вліянію открытъ большій просторъ. Поэтому, какъ и видно изъ грамотъ Поморскихъ князей, смертная казнь и лишеніе членовъ появились на Поморьѣ; но и при ихъ существованіи въ большинствѣ случаевъ, денежный выкупъ замѣнялъ то и другое [2]). Тѣмъ болѣе могла бросаться въ глаза мягкость наказаній во время Оттона Бамбергскаго, когда Поморье болѣе держалось своихъ старыхъ обычаевъ.

---

[1]) Ср. также слова Волынцевъ къ Оттону у Эбона, II, 11.

[2]) *Гильфердингъ*, IV, 127—128, пр. 493.

Если не отсутствіе, то по крайней мѣрѣ, сравнительная рѣдкость кражъ и грабежей, при большой простотѣ и первобытности жизни Славянъ, тоже совершенно понятны. Между прочимъ, дальнѣйшее извѣстіе Зефрида—объ отсутствіи запоровъ и замковъ, у Герборда (гл. 41-я), подтверждаетъ это. Конечно, грабежи во время войнъ и набѣги за добычей не считались преступленіями.

Второе извѣстіе, въ гл. 26-й, касается лично Зефрида. „Я (Зефридъ), при проповѣди (въ Штетинѣ), носилъ, вмѣстѣ съ Симономъ, крестъ предъ епископомъ но, по милости Божіей, остался невредимъ". Послѣдняя фраза (также и раньше—laesi non sumus) совершенно не вяжется съ общимъ представленіемъ Герборда о спокойномъ состояніи города и о томъ, что народъ постоянно собирался толпами, охотно слушая епископа, а напротивъ соотвѣтствуетъ разказу Прифлингскаго анонима объ опасностяхъ, которымъ подвергался Оттонъ на улицахъ и площадяхъ Штетина. Поэтому намъ кажется возможнымъ, что, дѣйствительно, въ этой фразѣ Гербордъ передалъ личное впечатлѣніе Зефрида, вынесенное имъ изъ пребыванія въ Штетинѣ, и слѣдовательно, она можетъ подкрѣпить свидѣтельство Прифлингскаго анонима II, 8, объ опасностяхъ для Оттона.

Втретьихъ, въ главѣ 30-й Гербордъ представляетъ намъ болѣе точное обозначеніе условій, на которыхъ было подчинено Поморье Болеславу. Находя у Прифлингскаго анонима (II, 10), что Оттонъ, видя неудачу своей проповѣди и въ Штетинѣ и испытавъ отъ язычниковъ оскорбленія (Priefl. II, 8), извѣстилъ объ этомъ Болеслава, и тотъ велѣлъ передать Штетинцамъ угрозы новой войны, если они будутъ противиться епископу, и напомнилъ о заключенномъ договорѣ,—Гербордъ счелъ болѣе приличнымъ помѣстить извѣстное ему объ условіяхъ мира тоже при разказѣ о возвращеніи посольства Оттона изъ Польши. Эти условія Гербордъ выставляетъ, какъ уже вторичныя, болѣе облегченныя; однако мы совершенно не можемъ признать, чтобы, при обращеніи Штетина, Болеславъ сдѣлалъ такое снисхожденіе Поморянамъ. Къ такому заключенію приводитъ насъ слѣдующее: прежде всего, ясно, для какой цѣли Гербордъ далъ такой характеръ отвѣту Болеслава: Гербордъ желалъ, съ одной стороны, показать вліяніе Оттона на Болеслава, а съ другой—подкрѣпить свое, предшествующее этой главѣ, изображеніе готовности Штетинцевъ креститься. По его представленію, Штетинцы уже соглашались принять христіанство, но только желали при этомъ достигнуть и политическихъ выгодъ: они просили, чтобы Болеславъ письменно подтвердилъ условія мира и

уменьшилъ дань. Для этой цѣли, вмѣстѣ съ послами Оттона, были отправлены и послы Штетинцевъ. Во время ихъ отсутствія дѣло Оттона пошло успѣшно, почти весь городъ обратился ко Христу. Такимъ образомъ благопріятный отвѣтъ Болеслава былъ какъ бы наградой за ихъ обращеніе.

Однако, и такое преувеличенное представленіе быстроты обращенія Штетинцевъ, и смыслъ отвѣта Болеслава совершенно противорѣчатъ Прифлингскому анониму (II 9, 10). По его разказу, Штетинцы упорно отказывались принять христіанство; лишь немногіе, и то тайно, были крещены. Въ отвѣтѣ Болеслава нѣтъ совершенно ничего о смягченіи условій; напротивъ тонъ его самый суровый; онъ напоминаетъ прежнія условія и угрожаетъ войной и опустошеніемъ, если они не будутъ повиноваться Оттону [1]). Тогда только Штетинцы принуждены были согласиться на принятіе христіанства [2]).

Такое противорѣчіе извѣстіямъ Прифлингскаго анонима и очевидность цѣли, для какой Гербордъ отступилъ отъ сего послѣдняго, заставляютъ отвергнуть представленіе Герборда, что Болеславъ, при этомъ случаѣ [3]), смягчилъ условія подчиненія (именно — уменьшилъ дань).

Обратимъ еще вниманіе на слѣдующее: Гербордъ говоритъ, что Штетинцы требовали **подтвержденія** условій мира. Подобная

---

[1]) Priefl. 11, 10: legati advenerunt... tam dura paganis, quam grata pontifici mandata portantes. Ajunt... (Boleslaum) debita indignatione moveri... praecipere amen, ne quid deinceps molestie (episcopus) sustineret, alioquin et se cum exercitu quantocius affuturum et summum de eis supplicium, victorum more, sumpturum. Si audire episcopum et verbum Dei recipere consensissent a se. nihil adversi passuros, sed, sicut ceteros christianos pacem perpetuam habituros, dummodo servarese fidem—(non) recusaront.

[2]) Priefl. 11, 10: pagani... plebem innumeram convocantes, quid e duobus eligerent (то-есть, повиноваться ли Болеславу, или нѣтъ), diligenter inquirunt; multisque sermonibus ultra citraque habitis, tandem se omnia imperata facturos, dummodo a caede, incendiis, aliisque hostilibus... qualia a duce eodem jam saepe fuerant perpessi, de caetero securi existerent, promiserunt.

[3]) Но точно также мы не можемъ объяснять извѣстія Герборда такъ, что будто бы, вообще, послѣ обращенія Поморянъ въ христіанство, Болеславъ, какъ бы въ награду за это, уменьшилъ дань. Вопервыхъ, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, а вовторыхъ, само по себѣ трудно предположить это. Подобный поступокъ былъ бы излишнею и ненужною щедростью со стороны Болеслава. Вѣдь Поморяне, принявъ христіанство, ничего особеннаго не сдѣлали для Болеслава: принятіе христіанства было однимъ изъ условій мира, неисполненіе котораго вело за собою новую войну и опустошеніе, а исполненіе вовсе не требовало какого-либо вознагражденія и поощренія.

фраза предполагаетъ, что у нихъ уже были натянутыя, близкія къ разрыву отношенія къ Болеславу. Однако, объ этомъ нѣтъ никакихъ другихъ свидѣтельствъ.

Наконецъ, является непонятнымъ и невозможнымъ, чтобы, по просьбѣ одного Штетина, вовсе не бывшаго главою Поморья [1]), какъ бы въ награду ему, сбавлялась подать со всего Поморья.

И такъ, тѣ свѣдѣнія, которыя получилъ Гербордъ отъ Зефрида, должны были заключать въ себѣ первоначальныя, а вовсе не смягченныя условія подчиненія Поморья. Эти условія такъ переданы Гербордомъ:

1) Все Поморье должно было платить Болеславу ежегодно 300 марокъ серебра (300 markas argenti publici ponderis).

Извѣстіе о существованіи дани, конечно, достовѣрно [2]), но на показаніе Герборда о ея размѣрѣ мы совершенно не можемъ полагаться. Онъ хотя, можетъ быть, и зналъ настоящую сумму дани, но явно, съ цѣлью показать снисхожденіе Болеслава, поставилъ гораздо меньшую сумму. Между прочимъ, въ доказательство этого, мы припомнимъ приведенное уже нами извѣстіе Оттона Фрейзингенскаго. Болеславъ долженъ былъ заплатить Конраду III, за Поморье и Рую по 500 libras (libra=marka) [3]), за годъ. Конечно, онъ долженъ былъ получать гораздо больше.

2) Въ войнахъ Болеслава Поморяне должны были помогать ему слѣдующимъ образомъ: девять отцовъ семействъ должны были снаряжать десятаго въ походъ, и во время его отсутствія, содержать на свой счетъ его семью.

Что дѣйствительно однимъ изъ условій мира была помощь въ войнахъ, это видно изъ Прифлингскаго анонима II, 10: Pomoranos pacem... habituros dummodo servare se fidem, ac secum ire in hostem quotiens id vel illius privata necessitas, vel reipublicae poposcisset utilitas, nullatenus recusarent. Относительно способа выставленія ратниковъ мы можемъ замѣтить слѣдующее: Для оборонительной войны у Поморянъ употреблялось поголовное ополченіе [4]). При наступательной же, при набѣгахъ на сосѣднія земли, конечно, не всѣ, способные но-

[1]) Metropolis (Priefl. II, 7) онъ называется по своему богатству и значенію между другими городами, а не по политическому главенству, которое принадлежало князю.

[2]) Otto Freising. подъ 1134 г.

[3]) *L. Giesebr.*, Wend. gesch. I, 34.

[4]) *L. Giesebr.* I, 52; *Гильферд.* IV, 138 пр. 557.

сить оружіе, шли въ походъ, а только часть, другіе же оставались дома [1]). Тѣмъ болѣе такъ должно было быть (то-есть, бо́льшая часть должна была оставаться дома) въ тѣхъ случаяхъ (какъ и въ настоящемъ), когда требовалась только обязательная помощь чуждому князю, а не происходила война за свою землю. Такимъ образомъ это извѣстіе Герборда представляется очень правдоподобнымъ и вѣроятнымъ.

Однако мы, все-таки, не можемъ быть совершенно увѣрены въ самостоятельности разсмотрѣнныхъ нами извѣстій. Хотя ихъ фактическій характеръ и важность и заставляютъ насъ считать ихъ таковыми, но можно замѣтить, что въ нихъ не заключается такихъ чертъ, которыя прямо свидѣтельствовали бы, что, дѣйствительно, договоръ заключенъ Польскимъ княземъ съ Балтійскими Славянами. Точно такой же договоръ могъ быть заключенъ и съ другими народами [2]). Затѣмъ каждое изъ условій могъ Гербордъ самъ выдумать: о существованіи дани ему легко было догадаться, размѣръ же ея онъ могъ дать произвольно—лишь бы только онъ былъ невеликъ, что̀ требовалось съ цѣлью. Что Поморяне должны были помогать въ войнахъ Болеславу — видно изъ Прифлингскаго анонима; способъ же выставленія воиновъ, какъ Гербордъ легко могъ себѣ представить, конечно, не могъ быть поголовнымъ ополченіемъ. Изъ остальныхъ способовъ Гербордъ могъ выбрать тотъ, который считалъ болѣе правильнымъ и нормальнымъ. Такимъ образомъ мы не считаемъ возможнымъ пользоваться этимъ извѣстіемъ Герборда, какъ совершенно достовѣрнымъ и самостоятельнымъ.

Условія мира Гербордъ счелъ удобнымъ представить въ формѣ письма, будто бы посланнаго Болеславомъ къ Штетинцамъ, которые требовали письменнаго подтвержденія договора. Оно было прочитано на торжественномъ собраніи народа. Въ немъ Болеславъ пишетъ Штетинцамъ, что „ихъ сопротивленіе епископу и неисполненіе условій мира даетъ ему справедливую причину гнѣва, но, по ходатайству выборныхъ Штетинцевъ, его собственныхъ пословъ и особенно епископа, онъ прощаетъ имъ это и соглашается, по ихъ просьбѣ, уменьшить подать“. Затѣмъ слѣдуютъ разсмотрѣнныя нами условія мира.

[1]) *Гильферд.* IV, 138 пр. 559; однако у западныхъ Балтійскихъ Славянъ было и для внѣшнихъ войнъ поголовное ополченіе. Helm. I, 38.

[2]) Между прочимъ, одно изъ этихъ условій было выставлено Вальдемаромъ, королемъ Датскимъ, Ранамъ, послѣ взятія Арконы (Saxo 834) въ 1168 г.: Rane,— quoties res posceret Danicae expeditionis... se... comites exhiberent.

Подложность этого письма еще яснѣе, чѣмъ подложность перваго письма Болеслава у Герборда (II, 6). И прежде, при общемъ довѣріи къ показаніямъ Герборда, оно возбуждало большія недоумѣнія и затрудненія относительно своей формы. Это подтвержденіе договора, данное славянскимъ княземъ, по просьбѣ Славянъ, не знавшихъ латинскаго языка, конечно, должно быть писано по славянски же. Притомъ же у Герборда не говорится, чтобъ оно было переводимо для Штетинцевъ, да, какъ доказываетъ Бартольдъ [1]), и некому было бы его перевести: трудно предположить, чтобы кто-либо изъ Поляковъ, бывшихъ съ Павлиціемъ, или самъ Павлицій были на столько образованы, что знали латинскій языкъ. Лицамъ же духовнымъ—спутникамъ Оттона—и самому Оттону, на которыхъ Штетинцы должны были смотрѣть все-таки съ недовѣріемъ, этотъ переводъ не могъ быть порученъ. И такъ, письмо было, должно быть, писано по славянски, и значитъ, предполагаетъ, съ одной стороны, уже нѣкоторое, вошедшее у Славянъ въ обычай употребленіе письменныхъ договоровъ, а съ другой—существованіе у нихъ вообще письменности. Но молчаніе объ этомъ другихъ источниковъ заставляетъ совершенно отвергать и то, и другое [2]). Кромѣ того, во всѣхъ славянскихъ земляхъ письменность появляется лишь съ введеніемъ христіанства, и Славяне пользуются чуждымъ алфавитомъ. Притомъ, у Славянъ, получившихъ христіанство изъ западной Европы, долгое время письменные памятники писались на латинскомъ, а не на славянскомъ языкѣ. Затѣмъ, если письмо писано по славянски, то какимъ образомъ оно дошло до Герборда, кѣмъ изъ спутниковъ Оттона оно было переведено и записано, какъ сохранялось, почему у другихъ біографовъ его нѣтъ и т. п.?

Всѣ эти противорѣчія другимъ источникамъ, не разрѣшимые вопросы и недоумѣнія, возбуждаемыя письмомъ Герборда, заставили бы насъ, даже при полной возможности и вѣроятности содержанія, отвергнуть подлинность письма [3]). Но, съ одной стороны, и весь ходъ

---

[1]) Gesch. v. Rüg. u. Pomm. I, 547.

[2]) *Котляревскій*, Древности права, 63, 101; *Barth.* I, 545—547. Для означенія имени боговъ въ Ретрѣ (*Тит.* VI, 17, Dii stant manufacti... singulis nominibus insculptis) могло быть употреблено очень небольшое число знаковъ, въ родѣ рунъ, которыя, конечно, не могли быть достаточны для написанія цѣлаго письма, гдѣ должны были выражаться сложныя сочетанія буквъ и словъ. *Barth.* I, 547.

[3]) Замѣтимъ также, что оно написано прекраснымъ латинскимъ языкомъ, нисколько не отличающимся отъ языка другихъ мѣстъ діалога Герборда.

сношеній Штотинцевъ съ Болеславомъ у Герборда, достовѣрность котораго Гербордъ желаетъ подтвердить этимъ письмомъ, противорѣчитъ достовѣрному разказу Прифлингскаго анонима и приведеннымъ нами выше соображеніямъ. Съ другой же стороны, и самое содержаніе письма внушаетъ къ себѣ мало довѣрія и во всякомъ случаѣ не представляетъ дѣйствительныхъ условій мира, а условія, уже измѣненныя Гербордомъ. Изъ всего этого ясно, что на письмо Болеслава у Герборда мы должны смотрѣть какъ на подложное.

Остальное въ главахъ 26-й—31-й представляетъ или только переработку разказовъ Эбона и Прифлингскаго анонима, или собственный вымыселъ Герборда. Все это, въ общемъ, и мало правдоподобно, и противорѣчитъ тому, что мы видѣли у Эбона и Прифлингскаго анонима [1]).

Глава 26-я (=Ebo II; 8 Priefl. II, 8, 9). Изъ Волына въ Штетинъ проводилъ Оттона знатный гражданинъ Волына Недамиръ, съ сыномъ. По Эбону онъ довелъ Оттона до княжьяго двора и ночью удалился обратно. Гербордъ, объясняя удаленіе его тѣмъ, что Недамиръ боялся гнѣва Штетинцевъ, если они узнаютъ, что онъ провелъ Оттона, заставляетъ Недамира, съ цѣлію представить сильнѣе его опасеніе, даже и не входить въ Штетинъ, а вернуться домой, priusquam a Stetinensibus videri posset.

У Прифлингскаго анонима и Эбона не сказано, когда Оттонъ вошелъ въ Штетинъ. Гербордъ же, зная, что Штетинъ, какъ и Волынъ, враждебно настроенъ противъ епископа, по аналогіи съ прибытіемъ епископа въ Волынъ, заставляетъ его, и въ Штетинѣ, ночью, незамѣтно для жителей города, войдти въ княжій дворъ.

Затѣмъ, какъ и у Прифлингскаго анонима, Штетинцы долго не принимаютъ христіанства, епископъ проповѣдуетъ безъ успѣха, и наконецъ, посылаетъ посольство къ Болеславу съ извѣщеніемъ о неудачѣ. При этомъ Гербордъ прибавляетъ, что вмѣстѣ отправились и послы отъ Штетина [2]). Это добавленіе вытекаетъ изъ той цѣли, которую онъ придалъ посольству, то-есть, испросить у Болеслава уменьшеніе дани, и слѣдовательно, не заслуживаетъ довѣрія.

[1]) Цѣль, для какой онъ такъ измѣнилъ ихъ разказы, ясна: показать быстрый успѣхъ христіанства и стремленіе къ нему всѣхъ язычниковъ.

[2]) Тутъ одна фраза Герборда напоминаетъ Прифлингскаго анонима.

Herb. II, 26.	Priefl. II, 10.
legatos.. profecturos ut... apud ducem *perpetuae pacis* stabilitatem... obtinere queant.	Stetinenses... *pacem perpetuam* habituros.

Сообщая о дѣятельности епископа въ Штетинѣ, Прифлингскій анонимъ (II 8, 8) говоритъ, что Оттонъ каждую субботу выходилъ на проповѣдь и при этомъ подвергался опасности отъ язычниковъ, не желавшихъ принимать христіанство и угрожавшихъ ему палками и камнями. Однажды епископъ былъ даже пораженъ камнемъ въ руку, въ которой онъ держалъ пастырскій жезлъ; жезлъ тоже повредился отъ удара. Потомъ епископъ, въ память этихъ событій, обдѣлалъ жезлъ и тщательно сохранялъ его.

Гербордъ, или просто не желая сходиться съ Прифлингскимъ анонимомъ, или съ цѣлью показать бо̀льшую безопасность епископа, говоритъ, что онъ проповѣдывалъ дважды въ недѣлю. О сопротивленіи язычниковъ онъ упоминаетъ только въ общей фразѣ Зефрида: jugulum neci cottidie aptavimus, sed Deo protegente nos laesi non sumus; далѣе: Deus laedi me non sinebat; въ самомъ же разказѣ своемъ Гербордъ представляетъ, напротивъ, что язычники чрезвычайно охотно слушали проповѣдь Оттона (хотя,—прибавляетъ онъ,—вѣрить еще не рѣшались), и ни слова не говоритъ не только о нападеніяхъ, но даже и о враждебныхъ отношеніяхъ Штетинцевъ... [1]).

Первымъ успѣхомъ Оттона было обращеніе двухъ сыновей богатаго и могущественнаго Штетинца (главы 27-я—29-я). Эбонъ и Прифлингскій анонимъ называютъ его Домиславомъ (Domizlaus, Domazlaus [2]).

По Прифлингскому анониму (II, 9) и Эбону (II, 9) дѣло происходило такъ: „Домаславъ прежде былъ христіаниномъ (по Эбону, онъ крестился въ Саксоніи), но женился на язычницѣ; увлеченный ею, онъ и самъ отпалъ въ язычество и въ немъ воспиталъ сыновей своихъ. Въ отсутствіе отца эти два юноши стали посѣщать тотъ домъ, гдѣ жилъ епископъ, и епископъ началъ ихъ просвѣщать въ Христовой вѣрѣ. Обратившись, они были, тайно отъ матери, крещены епископомъ и скрывали свою вѣру, боясь смерти и мученій. Мать же и отецъ крестились лишь тогда, когда пришелъ грозный отвѣтъ отъ Болеслава [3]).

[1]) Уже и раньше представлены Гербордомъ хорошія отношенія ихъ къ Оттону: ихъ послы отправляются вмѣстѣ, въ его посланіи, въ Польшу и онъ, какъ видно изъ письма Болеслава ходатайствуетъ за нихъ.

[2]) Настоящая форма имени находится у Прифлингскаго анонима—Домаславъ *Haag*, Dissert. 74—75.

[3]) Эбонъ, не зная о вмѣшательствѣ Болеслава, представляетъ, что сряду за крещеніемъ дѣтей была крещена ихъ мать, а затѣмъ уже и отецъ, сперва очень разгнѣвавшійся на Оттона, по молитвамъ послѣдняго, какъ Савлъ, обратился ко Христу; за нимъ всѣ его родственники и знакомые, а потомъ и весь городъ.

Гербордъ объ отцѣ ничего не говоритъ, но мать дѣлаетъ ревностною, хотя и тайною христіанкой, объясняя, что она похищена была въ молодости изъ христіанской земли. „Сыновья его посѣщали домъ, гдѣ жилъ епископъ; услышавъ его рѣчи, они, долго не медля, объявили, что желаютъ креститься". Тогда какъ у Прифлингскаго анонима ясно сказано, что они должны были скрывать свое крещеніе изъ страха смерти и мученій, Гербордъ заставляетъ ихъ, по повелѣнію епископа, дома приготовляться ко крещенію, вымыться, надѣть бѣлыя одежды и съ восковыми свѣчами придти къ Оттону. Послѣ крещенія, епископъ, по уставу церкви, восемь дней, для очищенія, держалъ ихъ у себя. Когда мать узнала объ этомъ (слѣдовательно, раньше она не замѣчала ихъ приготовленій), чрезвычайно обрадовалась; отправилась къ епископу и увидѣла сидящихъ подлѣ него, въ бѣлыхъ одеждахъ, дѣтей своихъ. Потомъ, возблагодарила Бога и епископа, сказавъ, что она сама тайная христіанка и давно желала видѣть дѣтей крещеными. Послѣ того, по ея просьбѣ, епископъ крестилъ ея домашнихъ, сосѣдей и знакомыхъ и далъ ей и ея дѣтямъ разные подарки" [1]).

Здѣсь Гербордъ прерываетъ разказъ замѣчаніемъ Тимона, что въ такомъ образѣ дѣйствій видна мудрость Оттона: Ut enim salvi essent nomines, et precio conduxit et verbo instruxit, rudesque alumpnos et spiritualibus beneficiis conciliabat. Эфридъ, вполнѣ соглашаясь съ замѣчаніемъ, въ подтвержденіе его сообщаетъ, какъ эти юноши обратили ко Христу и своихъ сверстниковъ, расхваливая имъ и ученіе епископа, и его подарки. Гербордъ даже влагаетъ въ ихъ уста цѣлую рѣчь о его щедрости и благотворительности. Юноши, показывая подарки епископа, говорили, что вотъ какія вещи даетъ онъ, кромѣ того, выкупаетъ плѣнныхъ, кормитъ ихъ, одѣваетъ и отпускаетъ свободными. „Развѣ когда что-нибудь подобное бывало въ Поморьѣ, развѣ такъ поступали наши жрецы", прибавляютъ юноши.—„За

[1]) Прифлингскій анонимъ (II, 13) указываетъ, какіе вообще подарки давалъ епископъ крещенымъ: mediocribus... non nichil vestimentorum indulsit, filiis vero nobilium vel potentum anulos et baltheos (поясы), sandalia, aurifrigia (бахрама изъ золотаго шнурка) vel alia munuscula. Гербордъ, руководствуясь этимъ, сообщаетъ что́ именно дано было женщинѣ и дѣтямъ, стараясь дать точное описаніе ихъ: матери—griseae pelliculae clamidem preciosam, filios duabus camisiis de subtili panno vestivit, et easdem camisias aurifrigio in ora capicii et sutura humerali atque brachiali ornari fecit, duosque cingulos aureos tradens et calciamenta picturata. Это мѣсто чрезвычайно характеризуетъ постоянное стремленіе Герборда въ мелочахъ давать подробныя свѣдѣнія.

эти дѣла можно счесть Оттона богомъ; самъ же онъ говоритъ, что онъ вовсе не Богъ, а только служитель Бога, посланъ имъ ради нашего спасенія; проповѣдуетъ Оттонъ о безсмертіи души, воскресеніи мертвыхъ, о славѣ вѣчной жизни. Почему бы ему не повѣрить?"

„Послѣ этого и другіе юноши, большою толпой, пришли къ епископу и просили крещенія; за ними и взрослые, не тайно, а открыто, и не по одиночкѣ, а въ великомъ числѣ, приходили креститься. Отецъ юношей, который, во время ихъ крещенія, былъ въ отсутствіи, вернувшись и узнавъ объ этомъ, сперва опечалился, но увидя всеобщее обращеніе, и самъ склонился ко Христовой вѣрѣ".

Слѣдовательно, Гербордъ представляетъ почти весь городъ обратившимся къ христіанству вскорѣ послѣ крещенія юношей, еще до возвращенія посольства изъ Польши. Поэтому понятно и указанное нами измѣненіе въ содержаніи письма.

Затѣмъ, когда на собраніи (гл. 30-я) было прочитано письмо, всѣ обрадовались, и не противорѣча, согласились принять христіанство. Епископъ произноситъ къ нимъ рѣчь: сперва онъ говоритъ, какую радость доставитъ ихъ обращеніе всему міру, прежде скорбѣвшему объ ихъ невѣріи: „Первымъ дѣломъ вашего обращенія въ христіанство должно быть разрушеніе храмовъ языческихъ и сокрушеніе идоловъ. Но такъ какъ вы все еще боитесь обитающихъ въ нихъ демоновъ, то сперва я начну съ священниками и клириками это дѣло; если вы увидите, что мы останемся невредимы, тогда спокойно подъ защитою креста помогайте намъ".

Въ гл. 31-й (Priefl. 11, 12) описывается разрушеніе храмовъ. „Сказавъ эту рѣчь, епископъ принялся за дѣло; видя безсиліе своихъ боговъ, граждане стали помогать ему, рубить храмы и дерево брать домой, какъ топливо [1]); такъ какъ каждому была своя выгода захватить побольше, то вскорѣ всѣ четыре храма были разрушены".

Въ главахъ 32-й—33-й описаніе храмовъ и другихъ священныхъ предметовъ въ Штетинѣ. Это, большею частію, пересказъ извѣстій Прифлингскаго анонима или произвольное измѣненіе и толкованіе ихъ. Впрочемъ, есть тутъ и нѣкоторыя самостоятельныя подробности, особенно при описаніи устройства храмовъ. По Прифлингскому анониму, „въ Штетинѣ было два, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, дома, въ которыхъ помѣщались идолы боговъ, и которые по-

[1]) Сравн. Прифлингскаго анонима II, 12: ligno fanorum ab ipsis idolorum cultoribus certatim rapi cerneres ut fruendis ignibus coquendisque holeribus profutura.

тому назывались (continae ob eo quod... deorum simulacra continerent); они были построены съ большимъ стараніемъ и искусствомъ. Въ нихъ чтился язычниками богъ Триглавъ (Triglous)... Язычники отдѣляли въ эти храмы десятую часть всей добычи... Оттонъ роздалъ гражданамъ все, что находилось въ храмахъ, сперва окропивъ святою водой, для домашняго употребленія. Самъ же для себя ничего не взялъ, хотя тамъ было, между прочимъ, много золотыхъ и серебряныхъ чашъ".

Все это Гербордъ принялъ въ свой разказъ. Но, передавъ, по Прифлингскому анониму, славянское названіе храмовъ и этимологическое объясненіе его [1]), число ихъ даетъ не двѣ, а четыре, и одну изъ нихъ называетъ главною (principalis). Однако, мы не можемъ полагаться на это число и считать, чтобы Гербордъ узналъ его отъ Зефрида: число четыре могло быть поставлено Гербордомъ только вслѣдствіе его стремленія къ преувеличенію цифровыхъ данныхъ. Но, съ другой стороны, Гербордъ могъ руководиться, въ этомъ случаѣ, показаніемъ Эбона. Зная или отъ Зефрида, или изъ 3-й книги Эбона (III, 1, 16), что храмъ Триглава стоялъ на холмѣ, Гербордъ заключилъ, что и другіе кутины стояли также на холмахъ. Число холмовъ въ Штстинѣ Эбонъ, введенный въ заблужденіе невѣрнымъ разказомъ спутниковъ Оттона, даетъ (II, 9) четыре [2]) (на самомъ дѣлѣ Штетинъ лежитъ на трехъ холмахъ). Поэтому и Гербордъ могъ сдѣлать изъ двухъ кутинъ четыре. Въ одной изъ нихъ былъ (по Ebo III, 1) идолъ главнаго бога Триглава. Поэтому Гербордъ назвалъ ее главною. Такимъ образомъ мы не можемъ признать дѣйствительно самостоятельнымъ показаніе Герборда о числѣ кутинъ.

---

[1]) Видя, что Прифлингскій анонимъ объясняетъ славянское слово изъ латинскаго языка, Гербордъ совершенно правильно сдѣлалъ изъ этого общій выводъ, Sclavica lingua in plerisque vocibus latinitatem attingit.

[2]) Въ текстѣ Ebo Andreanus стоитъ: Stetin... principatum omnium Pomeranio civitatum obtinens, *quatuor* montes suo ambitu inclusos habet. Яффе, основываясь на томъ, что число quatuor противорѣчитъ и дѣйствительности, и Эбону (Ebo III, 1 и Ebo coartatus), исправилъ его въ tres, считая quatuor ошибкой Андрея. Но, какъ указано Гаагомъ (стр. 15), Старградскій фрагментъ, заключающій въ себѣ первоначальный текстъ Эбона, также имѣетъ *quatuor* montes. Поэтому необходимо признать, что настоящее чтеніе этого мѣста должно быть: *quatuor* montes suo ambitu inclusos habet. Противорѣчіе съ Ebo III, 1, объясняется тѣмъ, что тамъ Эбонъ слѣдовалъ разказу Удальрика, всегда точно и вѣрно обозначающаго мѣстность, во 2-й же книгѣ—спутаннымъ и неяснымъ, какъ мы замѣчали, разказамъ другихъ спутниковъ. Составитель же Ebo coartatus легко могъ исправить ошибку Эбона или по его III, 1, или по собственному знанію.

Объ устройствѣ кутинъ Прифлингскій анонимъ выражается только обще: фразой: ingenti cura vel arte constructae; Гербордъ же прибавляетъ существенныя подробности:

1) О главной кутинѣ (то есть, собственно о храмѣ Триглава): „она была построена съ удивительною отдѣлкой и искусствомъ: внутри и снаружи, по стѣнамъ ея находились рѣзныя выпуклыя (de parietibus prominentes) изображенія людей, птицъ и звѣрей, представленныя столь естественно и вѣрно, что, казалось, они дышатъ и живутъ; но, что рѣдко встрѣчается, краски наружныхъ изображеній отличались особенною прочностію,—ни снѣгъ, ни дождь не могли потемнить или смыть ихъ: таково было искусство живописцевъ!" [1]).

Конечно, такому картинному описанію вида храма, этимъ отзывамъ Герборда о прекрасной художественной отдѣлкѣ, искусной рѣзьбѣ, прочности красокъ и пр. мы не имѣемъ никакого права довѣрять [2]). Но сущность его показанія должна быть признана совершенно достовѣрною: „стѣны храмовъ были украшены разными изображеніями [3]), которыя были выкрашены красками". Это подтверждается извѣстіями другихъ источниковъ [4]).

---

[1]) По переводу *Котляревскаго*, Книга о др., стр. 42.

[2]) Тѣмъ болѣе, что здѣсь Герборду могли еще подать поводъ къ подобному описанію слова Прифлингскаго анонима: ingenti *cura*, vel *arte* constructa (о низкой степени тогдашняго славянскаго искусства, не выдерживающаго сравненія; напримѣръ, съ германскимъ, времени Оттоновъ и Генриха II, см. *Barthold* I, 541, общія выраженія Титмара о храмѣ въ Ретрѣ также не даютъ никакого понятія о дѣйствительномъ его состояніи: fanum... *artificiose* compositum... imagines... *mirifice* insculptae. Саксонъ Грамматикъ (821) говоритъ только объ искусной постройкѣ храма (fanum opere elegantissimum), а живопись называетъ грубою (rudis atque impolita pictura).

[3]) На его слова о томъ, что украшенія были съ наружной и внутренней стороны храмовъ, и что они изображали людей, животныхъ и птицъ, нельзя вполнѣ полагаться. Гербордъ могъ легко, самъ отъ себя, добавить это поясненіе. Притомъ у Титмара (VI, 17) говорится только объ изображеніяхъ *снаружи* стѣнъ; тутъ, по его словамъ, были представлены *боги* и *богини*. Это послѣднее болѣе вѣроятно, чѣмъ извѣстіе Герборда. Скорѣе всего предположить, что на стѣнахъ храмовъ изображалось что-нибудь относящееся къ ихъ священному назначенію, а не просто различныя фигуры людей, звѣрей и птицъ. (Выраженіе Саксона—variae rerum formae—очень неопредѣленно).

[4]) О рѣзныхъ украшеніяхъ на стѣнахъ см. Титмара, VI, 17: In (Rhethra) est fanum, de ligno artificiose compositum. Hujus parietes variae deorum dearumque imagines mirifice insculptae; ut cernentibus videtur, exterius ornant. Объ употребленіи красокъ Саксонъ Грамматикъ, описывая Арконскій храмъ, говоритъ (821): exterior aedis ambiitus... coelamine renitebat, *rudi atque impolito picturae arti*.

2) Другія кутины описаны у Герборда безъ видимыхъ преувеличеній и прикрасъ, и потому слова его можно считать вѣрною передачей извѣстія Зефрида: „Три другія кутины менѣе уважались и менѣе были украшены: внутри ихъ, кругомъ, были разставлены скамьи и столы, потому что тутъ происходили совѣщанія и сходки граждан; въ опредѣленные дни и часы [1] они собирались сюда, чтобы пить, играть или разсуждать о своихъ дѣлахъ". Изъ словъ Герборда видно, что эти кутины были не храмами боговъ, а только домами для собраній народа, что вполнѣ соотвѣтствуетъ извѣстію Эбона (III, 16), что епископъ, со старѣйшинами, засѣдалъ въ большомъ домѣ, предназначенномъ для собраній (magnam domum intravit, huic colloquio opportunam), а конечно, епископъ не согласился бы войдти и спокойно оставаться въ храмѣ языческихъ боговъ. Зданіе, въ которомъ происходили (Ebo, III, 16) собранія Штетинцевъ, помѣщалось на томъ же холмѣ, гдѣ былъ и храмъ Триглава. Это согласно съ извѣстіемъ Прифлингскаго анонима, что обѣ кутины были haud grandi ab invicem intervallo. Такимъ образомъ, изъ сличенія извѣстій Прифлингскаго анонима съ Гербордомъ и Эбономъ видно, что у Прифлингскаго анонима изъ этихъ двухъ кутинъ, одна есть храмъ Триглава, а другая— домъ собранія [2]).

Что одно и то же зданіе могло служить и для разсужденій о серьезныхъ дѣлахъ, и для пировъ и увеселеній,—это доказывается позднѣйшими корчмами у Балтійскихъ Славянъ (taberna) [3]).

Другое самостоятельное извѣстіе—о существованіи священнаго дуба и при немъ источника. Епископъ, по просьбѣ жителей, оставилъ дубъ не срубленнымъ. Мы, при разборѣ III, 22, указали на сходство этаго разказа съ разказами Эбона и Прифлингскаго анонима о такомъ же священномъ орѣшникѣ въ Штетинѣ и высказали предпо-

---

ficio varias rerum formas complectens... ipsum fanum duplex septorum ordo claudebat, e quibus exterior parietibus contextus, *puniceo* culmine tegebatur. Ср. также *Barthold* I, 525—526.

[1]) Это, вѣроятно, собственное объясненіе Герборда. Врядъ ли у Славянъ были опредѣленные дни и часы для совѣщаній, тѣмъ болѣе, для пировъ (не составлено ли это представленіе Герборда по образцу гильдейскихъ собраній?)

[2]) Прифлингскій анонимъ, II 11, положимъ, говоритъ: domus duae, quos abeo, quod inclusa deorum simulacra continerent, continos dixere priores; но этими словами вовсе нельзя доказывать, чтобъ и въ другой кутинѣ были идолы—это только, такъ-сказать, *этимологическое* обобщеніе Прифлингскаго анонима, происшедшее отъ того, что оба зданія носили одинаковое названіе.

[3]) Barthold, I, 493.

ложеніе, не говорится ли здѣсь объ одномъ и томъ же деревѣ. Въ такомъ случаѣ, конечно, въ виду согласія Эбона и Прифлингскаго анонима, мы должны принять, что это былъ не дубъ, а орѣшникъ.

Можетъ быть также самостоятельнымъ—хотя за это ручаться нельзя—извѣстіе, что въ храмѣ находились турьи рога[1])—для питья и для игры, мечи и ножи. Остальное, какъ мы сказали, есть или пересказъ, или произвольное объясненіе и толкованіе извѣстій Прифлингскаго анонима.

Прифлингскій анонимъ говоритъ, что въ храмѣ Триглава находились золотыя и серебряныя чаши; Гербордъ прибавляетъ: „Въ праздничные дни онѣ выносились изъ святилища и знатные люди пользовались ими для гаданій и пировъ". Но такое объясненіе на столько обыкновенно и представляетъ такъ мало характеристичнаго, что мы должны приписать его лично Герборду. Онъ могъ тѣмъ легче высказать его, что видѣлъ, какъ въ кутины, которыя онъ называетъ также храмами, народъ сходился и для серьезныхъ дѣлъ, и для пировъ. При первыхъ, какъ онъ могъ заключить, чаши могли служить для гаданій, на пирахъ исполняли свое обычное назначеніе.

Прифлингскій анонимъ сообщаетъ, что изъ всего бывшаго въ храмѣ Оттонъ взялъ себѣ только три посеребреныя головы идола (называвшагося поэтому Триглавомъ) и переслалъ ихъ потомъ въ Римъ, папѣ Калликсту (имя папы невѣрно)[2]). Гербордъ, передавая это довольно сходными фразами, избѣгъ ошибки, выпустивъ имя папы; головы Триглава онъ называетъ capitella, слѣдовательно, идолъ былъ малаго роста. Это онъ могъ заключить изъ Ebo, II, 13, гдѣ сказано, что язычники въ Волынѣ спрятали идола Триглава въ дуплѣ дерева.

„Богу Триглаву", по Прифлингскому анониму, „былъ посвященъ конь прекраснаго вида, сѣдло бога хранилось въ одной изъ кутинъ жрецомъ. Когда было нужно, конь осѣдлывался этимъ сѣдломъ и выводился для гаданій".

Передавая это, Гербордъ сдѣлалъ слѣдующія измѣненія и дополненія:

1) Такъ какъ богу долженъ былъ выбираться лучшій конь, а у

---

[1]) Гербордовы эпитеты, что рога были роскошно убраны драгоцѣнными камнями: cornua grandi deaurata, et gemmis intexta, а также, что была другая дорогая утварь—multam supellectilem preciosam raram et visu pulchram,—мы, конечно, должны отбросить.

[2]) Не Калликсту, а Гонорію. Происхожденіе этой ошибки весьма остроумно объясняетъ *Гаагъ* (стр. 93).

Прифлингскаго анонима сказано про него — formae praestantis, то Гербордъ общими эпитетами описываетъ его видъ: mirae magnitudinis, pingius et acer valde.

2) Конь принадлежитъ языческому богу, который, по понятіямъ христіанъ того времени, есть бѣсъ, духъ тьмы (Herb. II; 30), поэтому Гербордъ изображаетъ его чернымъ [1]).

3) Конь есть собственность бога: изъ этого Гербордъ заключаетъ что его не употребляли въ работу, и что никто изъ людей не могъ на него садиться [2]).

4) Гербордъ, считая, что храмовъ четыре, представляетъ, что и жрецовъ было четыре. По Прифлингскому анониму, жрецъ стерегъ сѣдло Триглава; конечно, онъ же долженъ быть стеречь и коня. Это Гербордъ и выражаетъ: habuit unum de quatuor sacerdotibus templorum custodem diligentissimum.

Спутники Оттона, конечно, не видѣли, какъ самое гаданіе производилось, а только слышали о томъ. Поэтому понятна неясность представленія его у Прифлингскаго анонима: „Въ разбросъ клались многія копья (pluribus hastis sparsim positis), черезъ нихъ проводили коня Триглава, осѣдланнаго сѣдломъ бога. Если онъ проходилъ, не задѣвъ ни одного копья, это считалось счастливымъ предзнаменованіемъ. Другой родъ гаданій производился посредствомъ жеребьевъ". Гербордъ, сохраняя главныя черты гаданія конемъ, прибавляетъ отъ себя подробности, чтобы читателю совершенно ясно представлялся способъ гаданія: у Прифлингскаго анонима сказано: hastis pluribus sparsim positis; такъ какъ конь долженъ былъ пройдти, не задѣвая ихъ, то Гербордъ опредѣляетъ между ними разстояніе, которое могъ бы конь перешагнуть обыкновеннымъ шагомъ: spacio unius cubiti ab invicem disjunctae. Числа Гербордъ ставитъ такія, которыя считались символическими: 3 и кратное его—9; клалось девять копій; конь проводился чрезъ нихъ три раза туда и обратно.

У Прифлингскаго анонима коня осѣдлываютъ священнымъ сѣдломъ и заставляютъ пройдти чрезъ копья. Гербордъ прибавляетъ, понятное

---

[1]) Въ другихъ источникахъ или не упоминается о цвѣтѣ коня, или, какъ (у Saxo 826) онъ описывается бѣлымъ: Sventovitus peculiorem albi coloris equum, habebat; и конечно, верховному богу Славянъ долженъ быть посвященъ бѣлый цвѣтъ; черный вездѣ былъ символомъ темной силы, злаго начала.

[2]) Между тѣмъ въ Арконѣ жрецы могли ѣздить на конѣ Святовита (Saxo 826): equum soli sacerdoti insidendi jus erat.

само по себѣ, объясненіе, какъ именно это дѣлается: коня взнуздываютъ, и жрецъ проводитъ его, держа за узду" [1]).

Относительно другаго рода гаданія Гербордъ тоже старается выразиться нѣсколько точнѣе, чѣмъ Прифлингскій анонимъ, и называетъ жребіи ligneas calacultiones.

Указавъ на два способа гаданія, Прифлингскій анонимъ объясняетъ, какое значеніе имѣлъ каждый изъ нихъ, но его объясненіе есть, конечно, плодъ его собственной фантазіи и отличается крайнею нелѣпостью: „Когда гаданіе конемъ было удачно, то предпринимался походъ на коняхъ. Когда же отвѣтъ былъ неблагопріятенъ, обращались къ жеребью узнавали, какъ нужно отправляться — на корабляхъ или пѣшимъ войскомъ. Гербордъ замѣтилъ невозможность такого разграниченія, и сохранивъ впрочемъ принципъ раздѣленія Прифлингскаго анонима, представилъ свое, болѣе правдоподобное (но это, конечно, не дѣлаетъ его болѣе достовѣрнымъ): „Когда нужно было идти противъ враговъ, или дѣлать набѣгъ по сухому пути, то гадали конемъ; при морскомъ же походѣ употребляли жеребья" [2]).

---

[1]) Благодаря такимъ уясненіямъ Герборда, способъ гаданія конемъ, у него, сталъ значительно отличаться отъ другихъ описаній этого гаданія и долженъ быть отвергнутъ, тогда какъ неопредѣленность описанія у Прифлингскаго анонима позволяетъ придать ему смыслъ, согласный съ другими показаніями.

Подробнѣе всего разказываетъ Саксонъ Грамматикъ; то, что передается у Титмара, хотя значительно короче и не такъ опредѣленно, но согласно съ нимъ. Saxo, 826, по переводу *Гильферд.*, IV 162: «Вознамѣрившись предпринять войну, приказывали прислужникамъ воткнуть, остріями въ землю, три пары копій, въ одинаковомъ разстояніи; къ каждой парѣ привязывалось третье копье поперекъ. Передъ самымъ началомъ похода, жрецъ, произнося торжественную молитву, выводилъ коня за узду изъ сѣней (e vestibulo) храма и велъ на скрещенныя копья. Если конь, перешагнувъ каждое поперечное копье, подымалъ сперва правую ногу, а потомъ лѣвую, то въ этомъ видѣли счастливое предзнаменованіе и были увѣрены въ успѣхѣ войны; если же онъ, хоть разъ, выступалъ лѣвою ногой, то задуманное предпріятіе отклонялось. Также морское предпріятіе не почиталось надежнымъ, если три раза сряду ноги коня не предвѣщали успѣхъ. По *Титмару*, VI, 17, точно также копья втыкались въ землю: «жрецы ведутъ, съ молитвой, коня, почитаемаго ими за священнаго, чрезъ воткнутыя на крестъ въ землю копья» (super fixas in terram duorum cuspides hostilium, inter se transmissorum).

Въ виду такого сходства извѣстій Саксона и Титмара, мы въ правѣ истолковать въ томъ же смыслѣ и неясное выраженіе Прифлингскаго анонима: hastis pluribus sparsim positis.

[2]) По Саксону и для морской войны, и для набѣга на чью либо землю одинаково употреблялось гаданіе конемъ, а для менѣе важныхъ дѣлъ—жеребьемъ. Это со-

И такъ, почти всѣ измѣненія и дополненія Герборда (кромѣ выдѣленныхъ нами) не представляютъ ничего существеннаго, ясно вытекаютъ изъ различныхъ соображеній Герборда и во многомъ не согласны съ другими достовѣрными показаніями. Поэтому мы должны отвергнуть ихъ.

Прифлингскій анонимъ не сообщаетъ, что̀ было сдѣлано съ священнымъ конемъ Триглава, послѣ принятія Штетиномъ христіанства (конечно, по совершенной неважности этого обстоятельства). Гербордъ, желая быть послѣдовательнымъ, не оставляетъ читателя въ невѣдѣніи о томъ. Сообразивъ, что Оттонъ не могъ бы оставить его въ Штетинѣ, Гербордъ поясняетъ, что конь былъ проданъ въ другія страны, для употребленія въ работу.

Въ концѣ 39-й главы Гербордъ перечисляетъ, въ общемъ, содержаніе наставленій Оттона Штетинцамъ, и повторяя о запрещеніи убивать дѣвочекъ, даетъ при этомъ свое объясненіе, почему возникъ у Славянъ такой обычай—ut ceteris facilius providerent.

Остальная часть 2-й книги (гл. 34-я—40-я, 42-я [1]) не представляетъ почти самостоятельныхъ извѣстій [2]) и не имѣетъ никакого значенія, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ показанія Герборда неправдоподобны и противорѣчатъ Эбону и Прифлингскому анониму.

Въ главахъ 34-й и 36-й [3]) пребываніе Оттона въ Штетинѣ послѣ разрушенія храмовъ—одинъ фактъ, передаваемый Гербордомъ, имѣлъ бы важное значеніе, еслибы мы не видѣли, раньше, какъ свободно обращался онъ съ цифрами и постоянно преувеличивалъ ихъ до крайности. Гербордъ сообщаетъ, что̀ въ Штетинѣ было

вершенно разумно по своей идеѣ. Святовитъ былъ верховнымъ богомъ міра, а не богомъ одной только суши, и потому, во всѣхъ важныхъ предпріятіяхъ, гдѣ бы они ни совершались, нужно было обращаться къ его священному животному.

По Титмару, гаданіе совершается обоими способами вмѣстѣ, сперва жеребьями, потомъ—конемъ: «Если, въ томъ и другомъ случаѣ, окажется одинаковое предзнаменованіе, замышляемое дѣло приводится въ исполненіе; если нѣтъ, то народъ, съ печалью, отказывается отъ предпріятія».

[1]) Главу 41-ю, содержащую описаніе Поморья и его жителей, мы разсмотримъ отдѣльно, послѣ разбора разказа о путешествіи Оттона.

[2]) Которыя и можно бы считать за таковыя, очень сомнительны и не важны.

[3]) Въ 35-й главѣ разсужденія Герборда, Зеерида и Тимона о томъ, почему Оттонъ не воскресилъ вдову и жреца, наказанныхъ смертію за противодѣйствіе христіанству (см. наше введеніе).

900 отцовъ семействъ, безъ женъ, дѣтей и остальнаго множества [1]). Но теперь мы не можемъ основывать что-либо на немъ.

Эбонъ и Прифлингскій анонимъ сообщаютъ о чудесахъ епископа въ Штетинѣ, у Эбона — исцѣленіе двухъ женщинъ (II, 10), у Прифлингскаго анонима — наказаніе женщины, работавшей на полѣ въ праздникъ (II, 14). Гербордъ точно также помѣщаетъ здѣсь чудесную смерть жреца (nocte — tumore ventris... ac dolore mortuus est) (смотрѣвшаго прежде за священнымъ конемъ), который, послѣ крещенія Штетина, не взирая на убѣжденія епископа, упорствовалъ въ сопротивленіи христіанству. Вѣроятно, Гербордъ даже не взялъ этотъ разказъ изъ ходившихъ между монахами легендъ, а сочинилъ самъ, въ подражаніе такимъ же случаямъ, бывшимъ послѣ втораго обращенія Штетина (см. Priefl. III, 12).

Остальное въ гл. 34-хъ и 36-хъ есть преувеличенное выраженіе въ общихъ фразахъ готовности всѣхъ креститься, радости крещеныхъ [2]), благодарности и привязанности ихъ къ проповѣдникамъ [3]) и т. п. При этомъ Гербордъ вкратцѣ повторяетъ описанный имъ ранѣе порядокъ крещенія язычниковъ.

Эбонъ и Прифлингскій анонимъ сообщаютъ о постройкѣ двухъ церквей въ Штетинѣ: одной — внѣ города, по Прифлингскому анониму, въ честь Петра и Павла (II, 13; III, 7), по Эбону — въ честь ап. Петра (III, 1, 15), и другой — внутри его, въ честь св. Адальберта (Prifl. II, 13; III, 9; Ebo. III, 16). Гербордъ говоритъ только объ одной церкви внутри города, но не называетъ, во имя кого она построена [4]).

Прифлингскій анонимъ (II, 14) сообщаетъ, что Оттонъ, во время пребыванія въ Штетинѣ, посѣтилъ для проповѣди два городка (ci-

[1]) 900 patres familias absque parvulis et mulieribus et reliqua multitudine; вѣроятно, этимъ Гербордъ желаетъ выразить — 900 семействъ свободныхъ гражданъ, слѣдовательно, кромѣ несвободныхъ и пришельцевъ.

[2]) Чтобъ яснѣе показать эту духовную радость, онъ говоритъ: in vultibus scilicet omnium baptizatorum quendam jocundum et spiritualis gratiae rutilare fulgorem, ita ut baptizati a non baptizatis, veluti lux a tenebris, facile discerni possent.

[3]) Между прочимъ, какъ внѣшнее выраженіе благодарности, Гербордъ прибавляетъ, что они въ изобиліи доставляли проповѣдникамъ всѣ средства жизни, выражая желаніе, чтобъ, если возможно, они всегда находились съ ними.

[4]) Въ III, 15, 17 Гербордъ, пересказывая извѣстія Эбона и Прифлингскаго анонима, упоминаетъ и о внѣшней церкви, но даетъ названіе только городской — св. Адальберта, вѣроятно — потому, что въ названіи другой Эбонъ и Прифлингскій анонимъ несогласны (*Гаакъ*, 79—80) (см. далѣе о церквахъ въ Волынѣ).

vitatulae), и точно обозначаетъ, гдѣ находился каждый изъ нихъ: „Оттонъ отправился по Одеру къ Градцу (Gridiz), затѣмъ вернулся назадъ и посѣтилъ Любинъ (Liubin [1]), лежащій на берегу моря, оттуда опять прибылъ въ Штетинъ“. Такимъ образомъ Градецъ лежитъ на Одерѣ выше Штетина; это—нынѣшній Гарцъ. Положеніе Любина въ точности не извѣстно, но онъ долженъ находиться недалеко къ сѣверу отъ Штетина [2]). Гербордъ (гл. 37-я) о положеніи этихъ городовъ выражается очень неопредѣленно: quae in confinio posita ad pagum pertinebant Stetinensem [3]). Но такъ какъ онъ заставляетъ епископа посѣтить 'ихъ только по дорогѣ въ Волынъ, то изъ его словъ выходитъ, что будто Гарцъ лежалъ къ сѣверу отъ Штетина, между имъ и Волыномъ.

Гл. 37-я: Оттонъ въ Волынѣ. Отправленіе Оттона изъ Штетина разказано довольно обстоятельно у Эбона (II, 11). „Волынцы, узнавъ, что Штетинцы приняли христіанство, отправили посольство изъ почетныхъ лицъ къ Оттону, прося его прибыть въ Волынъ. Они говорили, что прежде не принимали его къ себѣ, не рѣшаясь оставить свою вѣру безъ согласія своихъ старѣйшинъ—штетинскихъ граждань (sine consensu primatum, quos in hoc Stetinensi nostra metropoli reveremur), теперь же, когда эти приняли христіанскую вѣру, то и они, Волынцы, готовы повиноваться Оттону. Оттонъ вмѣстѣ съ этими послами и прибылъ въ Волынъ“. 'У Прифлингскаго анонима объ этомъ ничего не говорится, а передается только вкратцѣ, что Оттонъ, простившись съ Штетинцами, прибылъ въ Волынъ и былъ принятъ ими почтительно. Волынцы извинялись въ прежнемъ поведеніи и изъявляли полную готовность повиноваться Оттону“. Гербордъ, слѣдуя разказу Прифлингскаго анонима [4]), выпустилъ извѣстіе Эбона, и потому ничего не упоминаетъ о приглашеніи Волынцевъ, а пред-

---

[1]) Въ отчетѣ Оттона у Эккегарда — Gresch. Lubin.

[2]) Обыкновенно принимаютъ Любинъ за нынѣшній Любцихъ (*Barth*. II, 56 прим. 5) лежащій на лиманѣ Одера около г. Даммъ. (Damscher See), но быть увѣреннымъ въ этомъ нельзя (ср. *W. Gies*. Gesch. d. D. Kaiserzeit, III, 968). — Такъ какъ въ Любинъ изъ Градца нужно было ѣхать мимо Штетина, то можетъ быть они были посѣщены Оттономъ и не въ одну поѣздку.

[3]) О принадлежности ихъ къ pagus Stetinensis онъ могъ заключить изъ того, что они лежали близъ Штетина.

[4]) Разказъ Прифлингскаго анонима тѣмъ болѣе былъ удобенъ для Герборда, что давалъ возможность выставить сильнѣе стремленіе Волынцевъ къ христіанству и быстроту ихъ обращенія.

ставляетъ, что Оттонъ самъ по себѣ, помня о прежнемъ обѣщанiи Волынцевъ, отправился туда.

Однако, чтобъ уяснить, съ чего же начался у Волынцевъ переворотъ въ пользу христiанства, Гербордъ представилъ, что они тайно посылали осторожныхъ и опытныхъ людей узнать, какъ идутъ дѣла Оттона, и принятъ ли онъ Штетинцами [1]).

Послѣ этого — обычныя фразы объ успѣхѣ христiанства [2]): „Развѣдчики, воротившись, разказывали, какъ хорошо все, что они слышали и видѣли въ Штетинѣ, какъ прекрасно и чисто ученiе христiанское; весь Волынъ воспламенился ревностью къ христiанству, сталъ стыдиться и ужасаться своихъ заблужденiй и проклинать идоловъ. Когда прибылъ, наконецъ, изъ Штетина епископъ, помнившiй объ ихъ обѣщанiи перейдти въ христiанство, когда перейдетъ въ него Штетинъ, то былъ принятъ Волынцами съ чрезвычайною радостiю; они просили Оттона забыть прежнiя обиды, стали ему во всемъ повиноваться и спѣшить ко крещенiю. Желающихъ креститься было такъ много, что мы едва, въ продолженiе двухъ мѣсяцевъ, успѣли окрестить всѣхъ, хотя трудились безъ отдыху“ [3]).

Прифлингскiй анонимъ (II, 19) и Эбонъ (II, 15) сообщаютъ, что Оттонъ назначилъ Волынъ мѣстомъ для будущаго епископства. Гербордъ присоединяетъ свое (впрочемъ, довольно правдоподобное) объясненiе, почему именно Волынъ избранъ для этого [4]): 1) „жители его очень непокорны и преданы язычеству“ [5]); 2) „онъ лежитъ въ срединѣ Поморья [6]). Поэтому, если будетъ учреждено тамъ епископство,

---

[1]) Какъ будто, во время долгаго пребыванiя Оттона въ Штетинѣ, Волынцы ничего не знали о происходившемъ въ Штетинѣ.

[2]) Почти все передаваемое Эбономъ и Прифлингскимъ анонимомъ о пребыванiи въ Волынѣ Гербордъ опустилъ (у Эбона: удаленiе жрецовъ за предѣлы земли, попытка Оттона украсть идола Триглава, спрятаннаго язычниками; у Прифлингскаго анонима—чудо осушенiя болотистаго мѣста).

[3]) Къ подобному представленiю могли отчасти подать поводъ слова Прифлингскаго анонима (II, 15): ubi tanta baptizandorum multitudo confluxit, ut numerum illorum longe excederent, quos apud Stetin baptizavit.

[4]) Гербордъ представляетъ, что это распоряженiе исходило не отъ Оттона, а отъ Вратислава и знатныхъ лицъ Поморья, считая, конечно, что дѣло, ближе всего, касалось ихъ, и что они могли лучше знать потребности своей страны.

[5]) Дѣйствительно, у Герборда, передѣлавшаго по своему разказъ о пребыванiи въ Штетинѣ. Волынцы являются наиболѣе упорными язычниками.

[6]) О такомъ положенiи Волына Гербордъ могъ заключать изъ хода всего путешествiя Оттона. Оттонъ прошелъ чрезъ Пырицу — Каменъ въ *Волынъ* послѣ Штетина, опять прибылъ въ *Волынъ*, оттуда совершилъ путешествiе въ

то Волынцы, находясь постоянно на глазахъ епископа, легче могутъ привыкнуть къ христіанству и подчиниться ему. Съ другой стороны, изъ середины земли удобнѣе всего разносить, во всѣ ея предѣлы, муро и все прочее, что̀ должно получать отъ епископа".

Согласно съ Эбономъ и Прифлингскимъ анонимомъ, Гербордъ сообщаетъ, что епископъ началъ строить двѣ церкви, но не говоритъ во имя какихъ святыхъ [1]) (какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, онъ замѣчаетъ, что при этомъ пребываніи былъ воздвигнутъ и освященъ только алтарь, остальная же часть была докончена и освящена по возвращеніи изъ Бѣлграда).

Разказы Эбона и Прифлингскаго анонима о дальнѣйшей дѣятельности Оттона въ Поморьѣ довольно сбивчивы, и разборъ ихъ представляетъ нѣкоторыя трудности. Эбонъ, послѣ разказа о неудачной попыткѣ діакона Германна украсть идолъ Триглава (гл. 13-я), прерываетъ повѣствованіе описаніемъ пожара Бамберга (гл. 14-я); въ гл. 15-й возвращается опять къ Поморью и сообщаетъ, что многіе Волынцы, бывшіе по своимъ дѣламъ за моремъ, вернулись домой и были крещены священниками, quos pius Otto illic constituerat: это, какъ будто, даетъ понять, что самого Оттона не было въ Волынѣ. Затѣмъ сообщается о томъ, какія именно церкви были устроены въ Волынѣ. Въ гл. 18-й (съ 16-й по 17-ю разказъ опять прерванъ исторіей аббата Вигнанда) ясно говорится, что Оттонъ, получивъ въ Волынѣ письма, призывавшія его въ Германію, отправился изъ Волына около 2-го февраля. Собравъ своихъ спутниковъ, Оттонъ обошелъ всѣхъ, обращенныхъ имъ ранѣе въ христіанство: посѣщены были именно слѣдующія мѣстности: городъ Каменъ, Клодно (у Эбона по ошибкѣ рукописей Dodinensis locus). Въ Клоднѣ Оттона нѣсколько задержало крещеніе Поморянъ, бѣжавшихъ сюда отъ опустошенія Поляковъ — затѣмъ Оттонъ посѣтилъ городъ Бѣлградъ и Колобрегъ [2]); въ послѣднемъ онъ докончилъ и освятилъ церковь св. Маріи—dudum a se inchoatam.

Бѣлградъ и вернулся въ *Волынъ*. Затѣмъ, въ другой части страны остались еще Узноимъ, Волегощъ, Гостьковъ и Дыминъ. Такимъ образомъ Волынъ является центромъ путешествія, и слѣдовательно, долженъ лежать въ срединѣ страны.

[1]) Какъ видно изъ Прифлингскаго анонима (II, 16, 19) и Эбона (II, 15) церковь, внутри города, была во имя св. Адальберта, Вячеслава и Георгія, а внѣ его—во имя св. архангела Михаила и апостола Петра (*Гаагъ*, Дисс. 76, 79).

[2]) Здѣсь порядокъ городовъ перепутанъ. Сперва долженъ быть Колобрегъ, потомъ Бѣлградъ, какъ видно и изъ Прифлингскаго анонима и по географическому ихъ положенію.

Такой разказъ Эбона, въ связи съ отмѣченнымъ уже извѣстіемъ, что въ Волинѣ не самъ Оттонъ крестилъ возвращавшихся гражданъ, показываетъ, что Оттонъ уже раньше былъ въ этихъ мѣстахъ, обратилъ жителей въ христіанство и заложилъ церкви, какъ это понятно и само по себѣ. Эго же посѣщеніе было вторичнымъ. Однако, Эбонъ о первомъ ничего не разказываетъ и такимъ образомъ представляется, какъ будто было только одно путешествіе.

Обратившись къ Прифлингскому анониму, мы видимъ, что онъ то же говоритъ только объ одномъ путешествіи изъ Волына въ Бѣлградъ; послѣ Бѣлграда сряду Оттонъ отправился въ Польшу чрезъ Устье. Но если внимательно разсмотрѣть его разказъ, то замѣтимъ, что у него соединены вмѣстѣ оба посѣщенія Клодно, Колоберга и Бѣлграда. У Прифлингскаго анонима представляется, что только возвращаясь въ Польшу Оттонъ въ первый разъ прошелъ черезъ Клодно и Бѣлградъ, а раньше тамъ не былъ. Именно Прифлингскій анонимъ говоритъ, что Оттонъ вторично посѣтилъ Каменъ (visitandi causa adiit Chaminenses) [1]), оттуда направился въ большое село Клодно, обратилъ тамошнихъ жителей и построилъ имъ церковь [2]); затѣмъ, проходя къ Колобрегу, крестилъ нѣкоторыхъ бѣглецовъ Поморскихъ, выстроившихъ хижины на берегу моря; потомъ были крещены жители Колобрега и Бѣлграда. Это все, должно быть совершено въ первое посѣщеніе указанныхъ мѣстъ. Но въ то же время Прифлингскій анонимъ говоритъ объ обстоятельствахъ, могшихъ быть только при вторичномъ посѣщеніи: въ Колобрегѣ епископъ освятилъ построенную церковь св. Маріи и похоронилъ, посрединѣ ея утонувшаго въ рѣкѣ діакона Германа. Въ Бѣлградѣ онъ также освятилъ всю церковь, а изъ Бѣлграда прямо отправился въ Польшу. Такое смѣшеніе двухъ путешествій въ одно у Прифлингскаго анонима совершенно понятно, ибо въ обоихъ епископъ, въ одномъ и томъ же порядкѣ, проходилъ по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ.

Имѣя въ виду существованіе двухъ путешествій [3]), мы постараемся опредѣлить возможный порядокъ событій.

---

[1]) Visitandi causa, какъ видно по контексту, относится только къ Камену, а не значитъ, что и другіе города, въ этотъ разъ, были посѣщены *вторично*.

[2]) *Extruxit* не можетъ имѣть точнаго смысла—непремѣнно *докончить* церковь.

[3]) Посѣщалъ ли Оттонъ какой-нибудь изъ перечисленныхъ городовъ болѣе двухъ разъ, никакихъ свѣдѣній не имѣемъ, хотя это не невозможно.

Оттонъ, послѣ крещенія Волина, заложилъ тамъ церкви и оставилъ священниковъ (Ebo II, 15), а самъ отправился для обращенія еще остававшейся восточной части Поморья. Во время его отсутствія, въ Волинѣ были крещены священниками возвращавшіеся Волынцы (Ebo II, 15). Оттонъ прибылъ сперва въ Каменъ, потомъ въ Клодно (Priefl. II, 19; Ebo II, 18); идя оттуда въ Колобрегъ, онъ по дорогѣ, на берегу моря, встрѣтилъ хижины Поморянъ, бѣжавшихъ отъ Польскаго князя, и крестилъ ихъ обитателей (Prief. 19, Ebo 15); затѣмъ прибылъ въ Колобрегъ и Бѣлградъ (Priefl. 19, Ebo 18). Во всѣхъ посѣщенныхъ имъ мѣстахъ Оттонъ обращалъ ко Христу жителей, закладывалъ церкви, и очень вѣроятно, какъ это вездѣ сообщаетъ Герборд, освящалъ алтари. Какою дорогой вернулся онъ въ Волынъ, не извѣстно; также мы ничего не знаемъ и о дѣятельности его до вторичнаго отправленія изъ Волына. Вѣроятно, передъ этимъ, онъ посѣтилъ Пырицу и Штетинъ, и конечно, освятилъ достроенныя тамъ церкви. Это же должно быть сдѣлано и въ Волынѣ.

2-го февраля Оттонъ отправился изъ Волына обратно въ Германію (Ebo, 18). На этотъ разъ онъ выбралъ путь не чрезъ Пырицу-Сутокъ, а Бѣлградъ-Устье, чтобы заодно посѣтить вторично Колодно, Колобрегъ и Бѣлградъ [1]). Въ нихъ также были освящены достроенныя церкви: въ Колобрегѣ похороненъ утонувшій Германъ.

---

[1]) Что возвратный путь былъ, дѣйствительно, черезъ Устье, видно изъ прямаго указанія Приелингскаго анонима, что прямо изъ Бѣлграда Оттонъ отправился на Uzda, а по географическому положенію, это могло быть только Устье на Нотеци. У Эбона (II, 18), точно также, послѣдніе, посѣщенные Оттономъ, города названы Колобрегъ и Бѣлградъ (Пр. 1). У Эбона, однако, сряду послѣ посѣщенія этихъ городовъ, говорится: post haec visitatis omnibus ecclesiis, Deoque, intima lacrimorum profusione, commendatis, Pomeraniam egreditur. Это понимали въ томъ смыслѣ, что послѣ Бѣлграда онъ еще разъ прошелъ тою же дорогой къ Пырицѣ, слѣдовательно, отправился въ Германію прежнимъ путемъ (такъ обыкновенно и представляли дѣло, имѣя въ виду показанія Герборда). Но Оттонъ вышелъ изъ Волына 2-го февраля (Ebo II, 18), а прибылъ къ пограничной пустынѣ 11-го февраля (Prie l. III, 1); въ этотъ короткій промежутокъ времени онъ не могъ вернуться изъ Бѣлграда къ Пырицѣ. Притомъ же, послѣ того, какъ онъ только что побывалъ второй разъ въ Каменѣ-Бѣлградѣ, ему не оставалось тамъ дѣла и не для чего было опять проходить черезъ нихъ (см. *Зимвица* Forsch. XVI стр. 320 пр. 1). Наконецъ, приведенная нами фраза Эбона можетъ даже совершенно не имѣть обыкновенно придаваемаго ей смысла и значить: «послѣ этого» (то-есть, послѣ посѣщенія Бѣлграда) когда (или такъ какъ) всѣ церкви были посѣщены и Оттонъ, со слезами, простился. Онъ вышелъ изъ Поморья». Тогда это будетъ только не совсѣмъ правильнымъ выраженіемъ Эбона.

Послѣ Бѣлграда Оттонъ направился въ Польшу на Устье, къ пограничной пустынѣ пришелъ 11-го февраля (Prieff III, 1) перейдя ее, вступилъ въ Польшу.

Обратимся теперь къ Герборду. Онъ изъ разказовъ Эббна и Црифлингскаго анонима могъ замѣтить, что Оттонъ совершилъ два путешествія черезъ Клодно-Бѣлградъ и все разказанное Эбономъ и Црифлингскимъ анонимомъ отнесъ къ первому путешествію (гл. 38 и 39) [1]).

Въ концѣ главы 39-й Гербордъ передаетъ, что Оттонъ, видя позднее время, рѣшилъ закончить свои посѣщенія Бѣлградомъ и не отправляться въ остававшіеся еще города Поморья-Узноимъ, Волегощь, Гостьковъ и Дыминъ [2]). При этомъ онъ желаетъ объяснить, почему же Оттонъ такъ спѣшитъ домой? У Эбона (II, 18) сказано неопредѣленно, что его призывали въ Бамбергъ многія важныя дѣла, о которыхъ его извѣщали письмами. Гербордъ, видя, что по Эбону (II, 18) и Црифлингскому анониму (III, 2) Оттонъ совершалъ обрядъ муроваренія въ Михельсфельдѣ, и зная, что его нельзя было совершать безъ епископа, счелъ, что именно для этого Оттонъ и спѣшилъ домой. Эта догадка Герборда можетъ быть довольно вѣроятною. Очень можетъ быть, что одною изъ причинъ была, дѣйствительно, необходимость освятить муро для своей епархіи, что̀ могло совершаться только въ великій четвергъ.

О вторичномъ посѣщеніи Оттономъ основанныхъ церквей Гербордъ (гл. 4-я) даетъ только общее указаніе: „вездѣ Оттонъ нашелъ церкви доконченными и освятилъ ихъ" [3]), Извѣстіе Эбона о томъ, что въ Волынѣ въ отсутствіе Оттона вернулись многіе его жители, Гербордъ обобщаетъ, говоря, что во всѣхъ мѣстахъ были такія лица, раньше уѣхавшія по своимъ дѣламъ и теперь только вернувшіяся. Однако, странно его представленіе, что они не были крещены сряду по пріѣздѣ, а почему-то дожидались прихода Оттона, тогда какъ у Эбона ясно сказано, что ихъ крестили священники, оставленные Оттономъ.

---

[1]) Разказъ Герборда о первомъ посѣщеніи Клодна-Бѣлграда мы пока оставимъ въ сторонѣ и разсмотримъ его нѣсколько ниже.

[2]) Названія этихъ городовъ Гербордъ могъ узнать изъ третьей книги Эбона и Црифлингскаго анонима.

[3]) Считая, что Оттонъ посѣтилъ второй разъ всѣ города, Гербордъ, въ числѣ ихъ, называетъ и Штетинъ.

Разказывая объ отправленіи Оттона изъ Поморья, Эбонъ говоритъ, что Поморяне просили Оттона остаться, но онъ сказалъ, что не можетъ покинуть свою собственную епископію, тѣмъ болѣе, что его призываютъ туда важныя дѣла. Другаго отвѣта и не могъ дать Оттонъ, всегда заботившійся о Бамбергской епископіи и привязанный къ ней. Даже еслибъ онъ желалъ этого, то, какъ человѣкъ разсудительный, могъ сообразить, что нельзя же, бросивъ всѣ дѣла Бамберга, самовольно, безъ разрѣшенія императора, князей и папы, остаться въ Поморьѣ. Гербордъ же, представляя себѣ Оттона исключительно какъ святаго проповѣдника и желая ясно выставить влеченіе Оттона къ апостольству и любовь къ тѣмъ, кого онъ обратилъ ко Христу, изображаетъ, въ концѣ главы 40-й, что не только Поморяне ardentissime rogabant, ut episcopatum ibi gubernaret, но и самъ Оттонъ tanto amore suae plantationis flagrabat, quod voluntatem plenariam apud eos remanendi haberet, sed a clericis suis dissuasus est.

Въ главѣ 42-й, говоря о возвращеніи Оттона домой черезъ Польшу, Гербордъ сообщаетъ два факта. Первый фактъ хотя и возможный, но не имѣющій никакого значенія и не носящій характера самостоятельнаго извѣстія, именно, что Болеславъ, во время зимы, доставлялъ Оттону и его спутникамъ зимнія одежды. Второй фактъ совершенно невѣренъ. Гербордъ говоритъ, что Оттонъ, спѣша домой, не могъ устроить по своему желанію епископства въ Поморьѣ и довѣрилъ это дѣло Болеславу, который поставилъ въ епископы своего капеллана, бывшаго спутникомъ Оттона, Адальберта [1]) (praesulatus honore in gente illa sublimavit); между тѣмъ, не только Адальбертъ тогда не былъ сдѣланъ епископомъ [2]), но даже не могъ быть предназначенъ для этого, ибо во второе путешествіе онъ является только простымъ священникомъ и толмачемъ, занимаетъ мѣсто ниже Удальрика, священника церкви св. Эгидія, чего, конечно, не могло бы быть, еслибъ Адальбертъ былъ уже назначеннымъ епископомъ Поморья [3]).

Ошибка Герборда произошла, вѣроятно, отъ ложнаго пониманія словъ Прифлингскаго анонима (II, 19): „Оттонъ въ Волинѣ освя-

[1]) О вѣроятности извѣстія, что Адальбертъ былъ капелланомъ Болеслава, мы говорили выше.

[2]) Адальбертъ посвященъ въ епископы только въ 1140 г.

[3]) Ср. Ebo III, 15, гдѣ Удальрикъ исполняетъ обязанности діакона, а Адальбертъ — иподіакона, *Гаагъ*, 87 — 88 пр. 81—83.

тилъ церковь св. Михаила архангела, ubi et sedem episcopalem locare disposuit... Sed ejus ecclesiae curam sacerdos Adalbertus, episcopo adhuc vivente, suscepit". Изъ этихъ словъ ясно, что Адальбертъ, впослѣдствіи, при жизни Оттона (но когда—не извѣстно) былъ священникомъ въ этой церкви. Гербордъ же, видя, что тамъ было назначено мѣстопребываніе епископа, и такъ какъ Адальбертъ былъ, въ его время (Адальбертъ † 1160—1162 г. [1]), епископомъ въ Поморьи, предположилъ, что уже тогда онъ былъ посвященъ въ епископы. А такъ какъ не сказано, чтобы самъ Оттонъ его назначилъ, то, зная, что Адальбертъ былъ капелланомъ Болеслава, Гербордъ представилъ, что Оттонъ, спѣша домой, предоставилъ самому Болеславу выбрать въ епископы кого найдетъ удобнымъ.

О пути отъ Польши до Бамберга Гербордъ ничего не говоритъ; день прибытія въ Бамбергъ показанъ у него невѣрно — предъ Вербнымъ воскресеньемъ, тогда какъ, по Эбону, Прифлингскому анониму и Эккегарду, онъ прибылъ въ Великую субботу (28-го марта).

Возвратимся къ не разсмотрѣнному нами разказу Герборда о первомъ посѣщеніи Клодна, Колобрега и Бѣлграда.

1. Клодно [2]). Прифлингскій анонимъ, II, 19, сообщаетъ, что Cloden, villa pergrandis in cujusdam silvae recessibus sita est, и что тамъ была построена церковь въ честь св. Креста. Гербордъ, видя, что Клодно — не городъ, и желая объяснить, почему же тамъ построена церковь, соединилъ между собою оба извѣстія Прифлингскаго анонима причинною связью: „Въ Клоднѣ было заложено основаніе большой церкви именно потому, что locus nemorosus erat, atque amoenus et ligna ad aedificandum suppetebant".

Опредѣлить мѣсто Клодна въ точности нельзя. Квандтъ (Balt. Stud. X, 2) и Клемпинъ (введеніе къ соч. Кратца Die Städte d. prov. Pom. стр. XVII), основываясь на показаніи Герборда, что Клодно лежитъ на рѣкѣ, и принимая во вниманіе сходство звуковъ, полагали, что это—деревня Клотиковъ на Регѣ. Но существованіе рѣки у Клодна, въ виду молчанія объ этомъ Эбона и Прифлингскаго анонима, очень сомнительно. Поэтому Гаагъ (дисс. 73 пр. 17) отвергаетъ это и съ большимъ вѣроятіемъ считаетъ Клодно за одно съ находящеюся между Каменомъ и р. Регой деревнею Цирквицъ,

[1]) *Klempin*, Pomm. Urkundenbuch, стр. 25.

[2]) У Эбона Dodinensis locus, очевидно по ошибкѣ переписчика, принявшаго готическое cl. за близкое по начертанію d. Это чтеніе, благодаря своему классическому звуку (ср. *Додона*), стало господствующимъ.

гдѣ еще въ XIV в. мѣстное преданіе помѣщало Клодно [1]). Въ пользу такого предположенія говоритъ и названіе деревни, очевидно славянское и значащее Церковка. Когда Оттонъ построилъ въ Клоднѣ церковь, то, благодаря существованію церкви, значеніе Клодна для окружающихъ мѣстностей возвысилось, и новымъ названіемъ церкви могло вытѣсниться прежнее—Клодно.

2. Прифлингскій анонимъ (II, 19) и Эбонъ (II, 18) упоминаютъ о томъ, что между Клодномъ и Колобрегомъ на берегу моря Оттонъ крестилъ Поморянъ, бѣжавшихъ сюда отъ польскаго опустошенія и выстроившихъ себѣ бѣдныя хижины. Гербордъ, можетъ быть, обративъ вниманіе на слова Оттона: Pomeranos, de insulis maris reversos,—счелъ, что война Болеслава доходила до этихъ мѣстъ [2]). Чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе и яснѣе выставить опустошенія, постигшія Поморье, Гербордъ говоритъ о большомъ разрушенномъ городѣ, будто бы видѣнномъ спутниками Оттона: „Городъ этотъ былъ опустошенъ огнемъ и мечемъ и лежалъ въ развалинахъ; повсюду видны были слѣды пожарища и кучи наваленныхъ труповъ. Жалкій остатокъ жителей разказывалъ, что они — слуги (clientuli) тѣхъ, которые были здѣсь убиты или плѣнены Польскимъ княземъ; имъ удалось спастись бѣгствомъ отъ погибели, и они возвратились теперь на родное пепелище. Они не успѣли еще порядочно устроиться и жили между развалинами стѣнъ, защитивъ ихъ сверху кровлею изъ вѣтвей и хвороста" [3]).

Молчаніе Эбона и Прифлингскаго анонима, которымъ спутники Оттона не преминули бы сообщить о столь поразительныхъ слѣдахъ опустошенія, а также и то, что Болеславъ врядъ ли заходилъ сюда, заставляютъ считать это извѣстіе Герборда за вымыселъ. Кромѣ того замѣтимъ, что въ разказахъ Chron. Polon. о походахъ Болеслава въ эту мѣстность не говорится ни о какомъ большомъ городѣ, кромѣ Бѣлграда и Колобрега.

Гербордъ представляетъ, что, кромѣ этихъ Поморянъ, и изъ другихъ селъ жители приходили и были крещены епископомъ.

---

[1]) Въ глоссѣ къ Старград. фрагм. стоитъ: Dodinensem locum, quem dicunt quidam fuisse *cyrcowyicze*.

[2]) Однако, изъ Прифлингскаго анонима видно скорѣе, что этого не было, да какъ можно видѣть изъ другихъ извѣстій, и центръ войны былъ около Штетина, Волына и Камена.

[3]) По переводу *Котляревскаго*, Книга о древн., стр. 55.

3. Колобрегъ. Можетъ быть, узнавъ отъ Зефрида, а можетъ быть, заключивъ изъ того, что, по Прифлингскому анониму, бѣглецы были на берегу моря, Гербордъ представляетъ, что и Колобрегъ лежитъ при морѣ. Какъ мы видѣли, онъ обобщаетъ извѣстіе Эбона о томъ, что въ Волинѣ часть гражданъ была въ отсутствіи; то же самое говоритъ Гербордъ и о Колобрегѣ и поясняетъ, куда и для чего они могли уйдти—для торговли, за море, на чужіе острова. Представивъ такимъ образомъ, что большей части гражданъ не было въ Колобрегѣ, Гербордъ выводитъ отсюда довольно естественное слѣдствіе, что оставшіеся сперва не рѣшались принять крещенія, но наконецъ, старанія Оттона увѣнчались успѣхомъ.

4. О пребываніи въ Бѣлградѣ Гербордъ ничего не говоритъ; только, можетъ быть—произвольно, для приданія разказу большей точности, можетъ быть, узнавъ отъ Зефрида, онъ передаетъ, что Бѣлградъ отстоялъ отъ Колобрега на одинъ день пути.

Намъ остается еще разсмотрѣть самостоятельныя извѣстія Герборда о Поморьѣ и его жителяхъ, заключающіяся въ гл. 1-й и 41-й.

1. О странѣ и естественныхъ ея произведеніяхъ онъ говоритъ слѣдующее: Гл. 1-я: „Страна [1]) даетъ жителямъ въ изобиліи рыбу и дикихъ звѣрей и очень богата всякаго рода хлѣбомъ, овощами и сѣменами. Нѣтъ страны обильнѣе медомъ и плодоноснѣе пастбищами и лугами". Гл. 41-я: „Страна невѣроятно обильна рыбою, добываемою, какъ изъ моря, такъ изъ рѣкъ, озеръ и прудовъ; на одинъ денаръ [2]) можно купить цѣлый возъ свѣжихъ, вкусныхъ и жирныхъ сельдей; въ такомъ же изобиліи водится и дичь: олени, быки и кони небольшаго роста (equuli), медвѣди, кабаны, свиньи и всякіе другіе звѣри. Здѣсь добывается въ излишествѣ масло отъ коровъ, молоко отъ овецъ, жиръ отъ барановъ и козловъ, изобиліе меда, пшеницы, [3]) конопли, маку и всякаго рода овощей и еслибы въ странѣ произростала виноградная лоза, маслина и фиговое дерево, то ее можно бы назвать Обѣтованною землею, по

[1]) По переводу *Котляревскаго*.

[2]) Денарій = $4^1/_{15}$ новаго нѣмецкаго пфенни. Слѣдовательно, это значитъ — въ смыслѣ за безцѣнокъ. *Котляревскій*, Др. пр. 16.

[3]) Это буквально взято изъ Второз. 32, 14, гдѣ о землѣ Обѣтованной говорится: Butyro bubulo lacte balantium nec non adipe agnorum opimorumque arietum et hircorum, una cum pingui flore tritici et meri uvarum sanqvinis potione; Только Гербордъ, вмѣсто вина, котораго, какъ онъ знаетъ, не было въ Поморьѣ, ставитъ медъ.

богатству плодоносныхъ деревьевъ". Гл. 1-я. Вина у жителей нѣтъ, да они и не стараются добыть его, но ихъ меды и пиво (cervisia), тщательно приготовленныя, превосходятъ даже и фалернскія вина" [1]).

При оцѣнкѣ, въ общемъ, этихъ словъ Герборда мы должны имѣть въ виду обычное преувеличеніе Гербордомъ свойствъ предметовъ, о которыхъ онъ говоритъ, тѣмъ болѣе, что въ рассматриваемомъ нами мѣстѣ онъ, ясно, желаетъ представить читателю Поморье столь же богатою страною, какъ и земля Обѣтованная, и для этой цѣли, долженъ яснѣе и болѣе поразительно выставить богатство Поморья. Поэтому мы не можемъ считать, что дѣйствительно Зефридъ такъ восторженно отзывался о Поморьи, и не имѣемъ права приводить эти выраженія Герборда, какъ свидѣтельство очевидца о природныхъ богатствахъ страны. Однако изъ того, что слова Герборда преувеличены именно въ пользу Поморья, мы должны заключать, что отзывъ Зефрида о естественныхъ произведеніяхъ страны былъ благопріятный [2]), что̀, конечно, и должно было быть, ибо Поморье, какъ и другія страны Европы въ тогдашнее время, особенно мало населенныя и не тронутыя цивилизаціей, обладало всѣмъ этимъ въ изобиліи.

Что касается до перечисленія отдѣльныхъ произведеній Поморья, то конечно, мы не можемъ сказать, чтобы Зефридъ дѣйствительно такъ перечислилъ всѣ ихъ, какъ это является у Герборда. Для обозначенія нѣкоторыхъ изъ нихъ взяты, какъ мы видѣли, прямо выраженія Второзаконія о землѣ Обѣтованной; другое самъ Гербордъ, зная, какія естественныя произведенія встрѣчаются въ Германіи, перенесъ и на Поморье. Приписывать же Зефриду мы можемъ только нѣкоторыя, составляющія болѣе характеристическую особенность Поморья, показанія, къ числу которыхъ можно отнести, напримѣръ, слѣдующія: 1, обиліе, вообще, рыбы, и въ частности сельдей [3]); 2, нахожденіе въ лѣсахъ дикихъ коней малорослой породы [3]), 3, отсутствіе виноградной лозы и вслѣдствіе того, неимѣніе вина

---

[1]) Въ главѣ 41-й онъ сообщаетъ, что епископъ принесъ туда и посадилъ отростки виноградныхъ лозъ, чтобы сама страна производила вино, необходимое для причащенія. Отвергать этотъ фактъ мы не можемъ. Гербордъ могъ узнать о немъ отъ Зефрида.

[2]) О природныхъ богатствахъ Поморья см. у *Котляревскаго*, Др. Пр., стр. 16—17, пр. 22—26.

[3]) Ср. *Котляревскій*, Др. Пр,. стр. 41, пр. 74.

и употребленіе меда и пива [1])—напитковъ, общихъ всѣмъ Славянскимъ племенамъ.

2. О жителяхъ Поморья Гербордъ говоритъ такъ:

а) Гл. 1-я: „Народъ Поморскій, искусный въ войнѣ на сушѣ и на морѣ, привыкшій жить разбоемъ и грабежемъ, былъ всегда необузданъ въ природной своей дикости и совсѣмъ чуждъ христіанскаго богопочтенія и религіи“. Такія выраженія Герборда о Поморянахъ, не составляютъ, конечно, результата личнаго наблюденія и заключенія Зефрида, а только обычную, уже установившуюся и, такъ сказать, сдѣлавшуюся стереотипною у Нѣмцевъ, характеристикою Балтійскихъ Славянъ [2]). Гербордъ могъ даже получить ее не отъ Зефрида, а самъ вставить сюда эту ходячую характеристику. По всему этому, приведенное имъ показаніе не можетъ имѣть большаго значенія. Два же другія извѣстія Герборда по своей характеристичности и согласію съ славянскимъ бытомъ, очевидно, исходятъ отъ Зефрида, и какъ показанія человѣка, лично видѣвшаго и ознакомившагося съ этимъ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

б) Гл. 41-я. „Между жителями господствуетъ такая честность и общительность, что они не знаютъ, что̀ такое кража и обманъ, и не запираютъ своихъ ящиковъ и сундуковъ; мы не видѣли тамъ ни замковъ, ни ключей, и сами они удивлялись, когда увидѣли запертыми наши вьюки и сундуки. Платье свое, деньги и все дорогое они сохраняютъ въ покрытыхъ сосудахъ и бочкахъ, не опасаясь никакого обмана, потому именно, что не испытали его“.

Въ соотвѣтствіе этому мы можемъ припомнить русскихъ крестьянъ (особенно въ глуши, далеко отъ городовъ): запоровъ и замковъ у нихъ такъ же, почти нѣтъ; деньги же напримѣръ, прячутся подъ половицу, или зарываются гдѣ нибудь въ землю и т. п. Это совершенно понятно при простотѣ жизни и нравовъ, отсутствіи роскоши и неимѣніи драгоцѣнныхъ вещей.

в) „Удивительное дѣло! Столъ у нихъ никогда не убирается (disarmatur), никогда не снимаются кушанья, но каждый отецъ семейства имѣетъ отдѣльно чистый и приличный домъ, назначенный только

---

[1]) О медѣ см. *Котл.*, Др. Пр., стр. 42 и 43 пр. 79. У Саксона (824) упоминается слово merum, значащее чистое вино, которымъ наполняли рогъ Святовита въ Арконѣ. *Л. Гизебрехтъ* (Wend. Gesch. I, 75 пр. 2) совершенно вѣрно заключаетъ, что здѣсь Саксонъ употребилъ это слово, желая приблизиться къ классическимъ понятіямъ, а подъ нимъ должно разумѣть медъ или пиво.

[2]) См. *Котляревск.*, Др. Права, стр. 56 пр. 118.

для угощенія (refectioni). Тамъ никогда не пустуетъ столъ со всѣмъ, что̀ можно пить или ѣсть, но когда одно съѣдено, подается другое; не допускается на столъ ни мыши (sorex) ни кошки (sorilegus) [1]), но блюда покрываются чистѣйшею скатертью, ожидая потребителя. Когда бы ни захотѣлъ кто нибудь подкрѣпить себя, чужой ли, или домашній, онъ находитъ все готовымъ и допускается къ столу".

Не смотря на извѣстное и прославленное гостепріимство Славянъ, сообщеніе Герборда врядъ ли должно быть принимаемо безъ нѣкотораго ограниченія. Трудно представить, чтобъ у Славянъ, даже у богатыхъ, всегда былъ приготовленъ, собранъ и поставленъ на столъ обѣдъ для пришельцевъ, тѣмъ болѣе, что и не могло быть нужды въ этомъ; ибо, конечно, путешественники и чужеземцы встрѣчались не особенно часто, не каждый день. Гербордъ, съ цѣлью рельефнѣе выставить гостепріимство Поморянъ, могъ преувеличить сообщенное ему Зефридомъ. Такимъ образомъ, мы не считаемъ возможнымъ вполнѣ довѣрять этому. Но можетъ быть, можно дать и другое объясненіе этому извѣстію Герборда. Его описаніе живо напоминаетъ наши деревенскіе праздники. Во всей деревнѣ (даже и въ нѣсколькихъ рядомъ у каждаго хозяина прибрана чистая изба, цѣлый день накрытъ столъ, поставлены кушанья. Крестьяне переходятъ изъ дома въ домъ, къ знакомымъ или незнакомымъ, ѣдятъ, пьютъ и идутъ дальше. Постоянно, какъ только все съѣдается и выпивается, ставится новое. Это продолжается иногда нѣсколько дней. При обиліи естественныхъ произведеній, такіе праздники могли быть въ Поморьи еще продолжительнѣе, и этотъ обычай не могъ не броситься въ глаза и не удивлять нѣмцевъ; обобщеніе его у Герборда понятно. Зефридъ, замѣчая это въ Поморьѣ, могъ или самъ подумать, что онъ соблюдается здѣсь постоянно, или свое наблюденіе передать Герборду въ такой формѣ, что Гербордъ, можетъ быть, прежде слышавшій о гостепріимствѣ Славянъ, могъ представить себѣ это, какъ ежедневно повторяющееся явленіе.

Этимъ мы заключаемъ разборъ діалога Герборда. Принимаясь за нашъ трудъ мы поставили цѣлію выдѣлить изъ сочиненія Герборда, которое, послѣ изслѣдованій Яффе и Гаага, уже не могло считаться достовѣрнымъ историческимъ памятникомъ,—тѣ свѣдѣнія, которыми можетъ пользоваться научное изслѣдованіе. Разсматривая отдѣльно

[1]) Sorilegus неизвѣстно, что значитъ. У *Яффè* (M. B. 788) коньектура non Sordes sordicula. *Пренсеръ* (при издан. Анон.) поправляетъ soricilegus; по объясненію *Кенке*—кошка.

извѣстія Герборда, мы старались опредѣлить, на сколько каждое изъ нихъ самостоятельно, вѣрно передано и заслуживаетъ вниманія. Теперь въ заключеніе приведемъ тѣ мѣста его діалога, которыя, по нашему мнѣнію могутъ, съ указанными ограниченіями, имѣть значеніе для славянской науки. Изъ всего довольно обширнаго труда Герборда (76 страницъ по изданію Monum. Germ) оказывается очень немного годнаго матеріала. Выбирая его, мы старались по возможности выпускать всѣ подробности, которыя намъ кажутся недостовѣрными.

I, 36. Оттонъ говоритъ: Nosti etenim nobiles, puros et preciosos pannos, in terra Pomoranorum caros, frugi mercatu Hallae inveniri.

II, 1. Характеристика Поморянъ: Gens ista, terra mar; que bellare perita, spoliis et raptu vivere consveta, naturali quadam feritate semper erat indomita, et a cultu et fide christiana penitus aliena. Terra vero ipsa piscium et ferarum copiosam incolis praebet habundantiam, omnigenumque frumentorum et leguminum sive seminum fertilissima est; nulla mellis feracior, nulla pascuis et gramine fecundior; vinum autem nec habent nec querunt, sed melleis poculis et cervisia curatissime confecta vina superant Falernica.

II, 3. Отношеніе Русскихъ къ Полякамъ: Rutheni... qui Flavorum, Pruscorum et Pomeranorum freti auxiliis... Bolezlao resisterunt.

II, 4. Взятіе въ плѣнъ Русскаго князя: Nam cum die quadam Petrus (воевода Болеслава) ipsius que socii cum rege (Ruthenorum) in saltu nemorum venandi gratia vagarentur, rex nihil mali suspicatus occasione ferarum longius a moenibus abscesserat, elongatisque aliis Petrus cum suis circa illum remanserat. Qua fretus opportunitate, capto rege incruentam, ut pollicitus erat, de Ruthenis victoriam domino suo duci reportavit...

II, 5. Покореніе Поморья Болеславомъ: At Pomerani, suis fisi viribus, eo quod civitates et castra natura et arte firma in introitu terrae haberent quam plurima, se inexpugnabiles fore arbitrati sunt, omnemque substantiam suam in urbibus collocantes, armorum praesidia praeparare moliuntur. Sed quia Deo placuit aliquos ex eis conterere, ut caeteros ad fidem converteret, ingenium et vires contra eos Bolezlao ministravit, ita ut multis et magnis cladibus eos frequenter afficeret. Nam et civitatem Stetinensem, quae stagno et aquis undique cincta, omni hosti inaccessibilis putabatur, quae etiam totius Pomeraniae metropolis fuit, hiemali tempore strictam per glaciem non sine periculo exercitum ducens, inopinata clade percussit... Ferunt autem, quod 18,000 virorum pugnatorum neci traditis, 8000 cum uxoribus et parvulis ad terram suam captivos abduxerit, et in periculosis marchiarum locis, in urbibus et castris eos collocans, quo terrae suae praesidio forent, et cum hostibus suis... bella gererent, indixit... ut abdicatis idolis christianae se religioni per omnia conformarent. Sed cum reliquos de gente perfida, quos in terra propria tributarios dimiserat, dux fidei christianae apponere curaret, omnes episcopos terrae suae conveniens, nullum persuadere potuit, ut illo ire atque in tenebris et umbra mortis sedentibus lumen vitae vellet ostendere, singulis suas excusationes praetendentibus. Sicque per triennium dilata est praedicatio, duce ipso satis aegre ferente dilationem.

II, 9. Boleslaus dedit... domino meo degente illa tam Sclavicaequam Teutonicae linguae gnaros satellites ad diversa ejus ministeria, ne quid incommoditatis per linguae ignorantiam in gente externa pateretur... Monetam quoque illius terrae liberalitate contulit ingenua... Tres etiam sacerdotes capellanos de latere suo princeps episcopo sociavit coadiutores verbi.

II, 14. ad castrum ducis Pirissam... propinquantes, ecce, illic hominum ad 4000 ex omni provincia confluxisse, ut... aspeximus; erat enim nescio quis festus dies paganorum... Non igitur utile vel cautum nobis visum est illa nocte in turbam nos tam insolitos hospites advenire, sed manentes ubi fuimus noctem illam... duximus... Mane vero episcopus Paulicium et nuncios Bratizlai ducis ad castrum mittit. Redeuntibus itaque Paulicio et legatis, abierunt quidam de castellariis cum eis ad episcopum qui... ad se illum invitarent.

II, 19. Erat autem Caminae ducissa, uxor videlicet ducis legitima quae... nos... suscepit.

II, 22. Dux... concubinas quas ritu gentili suae legitimae uxori superduxerat, publice abjuravit. Quod videntes alii complures abjurata et ipsi conjugium pluralitate, uni thoro exemplo ducis fidem se servaturos polliciti sunt.

II, 23. Quod in illa (Pomeranorum) terra magnum videbatur, maritus ejus (женщины въ Каменѣ), dum viveret, in usum satellitii sui 30 equos cum ascensoribus suis habere consueverat. Fortitudo enim et potentia nobilium et capitaneorum secundum copiam vel numerum aestimari solet caballorum. Fortis, inquiunt, et potens est ac dives ille; tot vel tot potest habere caballos; sicque audito numero caballorum numerus militum intelligitur. Nullus enim militum praeter unum caballum illic habere consvevit... Unusquisque militum sine scutifero militat, mauticam per se gestans et clipeum agiliter satis et strenue sic militiae suae officium exequentes. Soli autem principes et capitanei uno tantum, vel si multum est, duobus clientibus contenti sunt.

II, 24. Въ Волинѣ язычники sine ulla reverentia in ipsam ducis curtem irrumpentes, mortem nobis sine ulla retractatione, nisi quantocius de curia et de ipsa civitate fugeremus, comminabantur. Erat autem in ipsa curti aedificium quoddam fortissimum trabibus et tabulis ingentibus compactum quod stupam vel pirale vocant, in quod scrinia et clitellas et capellam episcopi et pecuniam et quaeque preciosa de navi portaveramus, quin et propter impetum furentis populi cum episcopo clerici omnes illuc confugerant. Ego autem eo tempore magna febri tenebar, in alia domo jacens et aegrotans; ultra vires tamen, audito strepitu et clamore bachantium, de stratu erectus, ad ostium domus constiti, et ecce, omnia plena hominum tela et arma portantium... Plateae autem civitatis palustres erant et lutosae et pontes exstructi et tabulae undique positae propter lutum.

II, 26. Штетинцы говорятъ: Apud christianos fures sunt, latrones sunt, truncantur pedibus, privantur oculis, et omnia genera scelerum et poenarum christianus exercet in christianum. Absit a nobis religio talis...

Ego (Sofridus) illis diebus Stetinae crucem cum Symone in angaria portavi... Deus laodi me non sinebat.

II, 30 (?) Tota terra Pomeranorum duci Poloniae, quicumque sit ille, 300 tantum argenti marcas publici ponderis annis singulis persolvat si bellum ingruerit ei, hoc modo eum iuvahunt. Novem patres familias decimum in expedi-

tionem armis et impensis habunde procurabunt, et eiusdem familiae interim domi fideliter providebunt.

II, 32. Erat autem in civitate Stetinensi continae quatuor, sed una ex his, quae principalis erat... sculpturas habens, de parietibus prominentes imagines... colores imaginum... nulla tempestate nivium vel imbrium fuscari vedilui poterant... въ храмѣ были cornua... grandia taurorum agrestium potibus apta, et cornua cantibus apta... Tres vero alia continae minus venerationis habebant, minusque ornatae fuerant. Sedilia tantum intus in circuitu exstructa erant et mensae, quia ibi conciliabula et conventus suos habere soliti erant. Nam sive potare sive ludere sive seria sua tractare vellent, in easdem aedes certis diebus conveniebant et horis. Erat praeterea ibi quercus ingens et frondosa, et fons subter eam amoenissimus, quam plebs simplex numinis alicujus inhabitatione sacram aestimans, magna veneratione colebat. Hancetiam episcopus cum post destructas continas incidere vellet, rogatus est a populo ne faceret.

II, 41. Nam piscium illic tam ex mariomatquam ex aquis et lacubus et slaguis habundantia est incredibilis, carratamque pro denario recentis acciperes allecis de cujus sapore vel crassitudine gulositattis argueres, si dicerem quod sentio. Ferinae cervorum, bubalorum ex equulorum agrestium, porcorum omniumque ferarum copia redundat omnis provincia. Butyrum de armento et lac de ovibus cum adipe agnorum et arietum cum habundantia mellis et tritici, cum canapo et papavere et cuncti generis legumine, atque si vitem et oleam et ficum haberet terram esse putares repromissionis, propter lignorum habundantium fructiferorum. Sed episcopus vitem illi terrae deesse nolens, in secunda profectione cuppam surculis plenam abtulit et implantari fecit, ut tellus ea vel sacrificio vinum procrearet. Tanta vero est fides et societas inter eos, ut furtorum et fraudium penitus inexperti, cistas aut scrinia serata non habeant. Nam seram vel clavem ibi non vidimus, sed et ipsi admodum mirati sunt, quod clitellas nostras et scrinia serata viderunt. Vestes suas, pecuniam et omnia preciosa sua in cuppis et doliis suis simpliciter coopertis recondunt, fraudem nullam metuentes, utpote inexperti. Et quod mirum dictu, mensa illorum nunquam disarmatur, nunquam deferculatur, sed quilibet paterfamilias domum habet seorsum mundam et honestam, tantum refectioni vacantem. Illic mensa cum omnibus quae bibi ac mandi possunt nunquam vacuatur, sed aliis absumptis alia ubrogantur; non soret non solilegus admittitur, sed de mappa mundissima fercula teguntur, comesuros expectantia. Quacumque igitur hora reficere placuerit, hospites sint domestici sint, omnia parata inveniunt intromissi ad mensam.

II, 42. Bolezlaus unum de capellanis suis Adalbertum nomine, quem de latere suo cum aliis duobus sacerdotibus in adiutorium concesserat episcopo...

III, 2. Nos omnem substantiam nostram Timinae navibus imponentes, per Penae fluminis undam tribus diebus Uznoimiam vecti sumus, episcopo itinere terrestri cum paucis gradiente...

А. Петровъ.

КНЯЗЬ ТОРОПЕЦКІЙ МСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЪ [1]).

II.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣлъ въ Новгородѣ посадникъ, этотъ избранникъ народа, представитель его интересовъ, совмѣстникъ князя въ управленіи. Смѣна князя (въ Новгородѣ) обыкновенно вела за собою и смѣну посадника. Тамъ сдѣлалось обычнымъ явленіемъ, что извѣстная боярская фамилія изъ рода въ родъ поддерживала князя того, а не другаго поколѣнія, той, а не другой области. Такъ, родъ Мирошки стоялъ на сторонѣ Всеволода, фамилія Михалки, напротивъ, была ему враждебна. Какъ было упомянуто, послѣ расправы Новгородцевъ съ сторонниками Дмитрія Мирошкинича въ посадники избранъ былъ Твердиславъ Михалковичъ [2]). Мстиславу, когда онъ сдѣлался Новгородскимъ княземъ, не было никакого расчета смѣнять Твердислава [3]), по самому своему происхожденію врага Суздальскихъ князей. Подъ 1211 г. въ Новгородской лѣтописи мы находимъ любопытное извѣстіе: изъ Руси (южной) пришелъ въ Новгородъ Дмитрій Якуничъ [4]), и Твердиславъ добровольно уступаетъ ему посадничество, какъ старшему [5]). Намъ не извѣстно, въ чемъ именно заключалось старшинство Дмитрія [6]); можетъ быть, въ томъ,

---

[1]) *Продолженіе*. См. апрѣльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

[2]) *Соловьевъ*, Ист. Р., II, 342.

[3]) *Соловьевъ*, Ист. Р., II, 342.

[4]) Посадникъ Якунъ былъ врагомъ суздальской партіи и принужденъ былъ бѣжать въ южную Русь.

[5]) Новг. лѣт. (стр. 31): «... и отступися Твердиславъ съ посадничьства *по своей воли старѣйшю себе...*»

[6]) *Сергѣевичъ*, Вѣче и кн., 366, прим. 37.

что отецъ его, Якунъ, былъ посадникомъ [1]) прежде Твердиславова отца, Михалки, или въ томъ, что самъ Дмитрій былъ старше Твердислава лѣтами.

Въ иныхъ отношеніяхъ къ Владимірскому князю находился Новгородскій архіепископъ Митрофанъ, поставленный Всеволодомъ, какъ мы видѣли, помимо вѣча. Въ Новгородѣ значеніе владыки, прежде епископа, а съ 1168 г. архіепископа, было чрезвычайно велико. Онъ, подобно всему новгородскому духовенству, является здѣсь представителемъ чисто-мѣстныхъ стремленій, защитникомъ исключительно новгородскихъ интересовъ [2]). Вѣдѣнію его подлежали не только дѣла церковныя и семейныя, но въ значительной степени и торговыя, напримѣръ, повѣрка вѣсовъ. Кромѣ того, владыка имѣлъ въ Новгородѣ большое политическое значеніе, являясь посредникомъ между партіями и примирителемъ враждующихъ во время смутъ и несогласій, составлявшихъ столь обычное явленіе въ новгородской жизни. Понятно, Мстиславу не могло нравиться [3]), что на такомъ вліятельномъ мѣстѣ находится сторонникъ Владимірскаго князя Митрофанъ. И дѣйствительно, вскорѣ послѣдній изгоняется изъ Новгорода, о чемъ лѣтопись передаетъ слѣдующимъ образомъ: „Того же лѣта" 1211 г. „на зиму, мѣсяца генваря въ 22 [4]), на святого Климента, злодѣи испьрва не хотя добра (то-есть, діаволъ) зависть въложи людьмъ на архіепископа Митрофана съ княземъ Мьстиславомъ, и не даша ему правитися, и ведоша й въ Торопець; онъ же то прія съ радостію, яко Іоаннъ Златоустьць и Григоріи Акраганьскый" (Акрагантійскій), „тую же исъпрія печаль славя Бога" [5]). Уже при этомъ случаѣ обнаруживается слабая сторона Мстислава—излишняя довѣрчивость и склонность поддаваться внушеніямъ окружающихъ. Какъ видно изъ словъ лѣтописи, Митрофанъ былъ несправедливо оклеветанъ, и не смотря на то, Мстиславъ, этотъ поборникъ правды, обыкновенно великодушный и справедливый, безъ всякаго суда, не допуская никакихъ оправданій, из-

---

[1]) Нов. лѣт. подъ 1167 г.: «сѣдѣша Новъгородци безъ князя отъ Сменя дни до Велика дни о *Якунѣ*, жьдуче отъ Мьстислава» (Изяславича) «князя» (стр. 17).

[2]) О тѣсной связи Новгородской церкви съ новгородскимъ обществомъ см. *Бѣляева* Разк. изъ русск. ист., II, 109; *Бестужева-Рюмина*, Р. Ист. 352, 355.

[3]) *Соловьевъ*, Ист. Р., II, 343; *Костомарова* Сѣв.-русск. народопр., II, 282.

[4]) *Куникъ* относитъ это событіе къ 1210 г. (*Учен. зап. Ак. Наукъ по I и III отдѣл.*, т. II, стр. 807).

[5]) Новг. лѣт., стр. 31.

гоняетъ его изъ Новгорода и ссылаетъ въ свой Торопецъ. Еще до этого изгнанія Митрофана пришелъ изъ Царьграда Добрыня Ядренковичъ [1]) и постригся въ монахи на Хутынѣ „И волею Божіею", говоритъ лѣтопись,—„възлюби й князь Мьстиславъ и вси Новгородьци, и послаша й въ Русь ставиться" [2]). Такимъ образомъ, изгнаннаго Митрофана замѣнилъ Добрыня Ядренковичъ, поставленный въ архіепископы подъ именемъ Антонія.

Эпоха княженія Мстислава въ Новгородѣ составляетъ лучшую пору во всей новгородской исторіи. На время затихли здѣсь внутреннія смуты и волненія, разладъ прекратился, и Новгородцы, съ своимъ княземъ во главѣ, могли обратить оружіе противъ внѣшнихъ враговъ и принять самое дѣятельное участіе въ событіяхъ, волновавшихъ тогдашнюю Русь.

Мы уже видѣли, какъ Мстиславъ, возвратившись въ Новгородъ послѣ заключенія мира съ Всеволодомъ, старался обезопасить Новгородскую землю не только со стороны Владимірскаго князя, но и со стороны Литвы, какъ далъ онъ Лучанамъ въ князья своего брата, Владиміра Псковскаго. Но вскорѣ Мстиславъ, не ограничиваясь одною охраной новгородскихъ владѣній, приступаетъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и подобно отцу своему, предпринимаетъ походы на Чудь.

Финны, называемые въ нашихъ лѣтописяхъ Чудью и занимавшіе нѣкогда весь сѣверъ и сѣверо-востокъ нынѣшней Россіи, сосѣдили также и съ Новгородскою областью. Лѣтописи наши сохранили извѣстія о столкновеніяхъ Новгородцевъ и Псковичей съ этими инородцами, столкновеніяхъ, никогда, впрочемъ, не переходившихъ въ упорную ожесточенную борьбу. Быстрому и послѣдовательному движенію Русскихъ въ этомъ направленіи, то-есть, къ Финскому заливу и Балтійскому морю, мѣшали смуты и волненія, въ которыхъ проходила жизнь Новгородцевъ. Послѣднимъ нѣкогда было обращать свои силы на внѣшнихъ враговъ: все ихъ вниманіе поглощалось исключительно событіями внутренними. Лишь тогда, когда Новгородъ чувствовалъ себя въ безопасности отъ всякихъ притязаній на его самостоятельность, когда волненія въ немъ утихали, борьба

---

[1]) Въ Новг. лѣт. сказано: «... и привезе съ собою Гробъ Господень» (стр. 31). *Карамзинъ* замѣчаетъ по этому поводу: развѣ частицу его?» (Ист. Г. Р., прим. 153).

[2]) Новг. лѣт., стр. 31.

партій смолкала, и все населеніе, хотя не надолго, составляло одно единодушное цѣлое вокругъ своего князя, тогда только возможны были и дѣйствительно происходили походы [1]) Новгородцевъ на Чудь и на Литву. Такъ было, напримѣръ, при Мстиславѣ Ростиславичѣ; то же повторилось и въ княженіе Мстислава Мстиславича. Въ началѣ XIII в. у устьевъ западной Двины инородцевъ начинаютъ тѣснить враги, которые могли угрожать опасностью и самому Новгороду и Пскову. То были западные рыцари-миссіонеры, огнемъ и мечемъ обращавшіе язычниковъ въ христіанство. Русскіе, казалось, должны были бы понять всю важность этого момента и обратить свои силы на Западъ. Къ несчастью, они, какъ видно, не придавали особеннаго значенія появленію Меченосцевъ; къ тому же внутреннія смуты по прежнему препятствовали распространенію русскаго вліянія на западъ; а тутъ подоспѣлъ и татарскій погромъ.

Походы Новгородцевъ противъ Чуди, съ Мстиславомъ Удалымъ во главѣ, также имѣютъ характеръ не правильной и систематической борьбы, а лишь отдѣльныхъ, незначительныхъ экспедицій, имѣвшихъ цѣлью сборъ дани и добычи. Первый изъ такихъ походовъ Новгородскаго князя лѣтопись относитъ къ 1212 г. [2]); она сообщаетъ, что Мстиславъ съ Новгородцами ходилъ на Чудь, называемую Тормой [3]), при этомъ многихъ полонилъ и захватилъ безчисленное множество скота; а зимою [4]) того же года Мстиславъ отправился на Чудскій городъ, Медвѣжью голову [5]), и опустошивъ села, подступилъ къ самому городу. „И поклонилась“, говоритъ лѣтопись,—„Чудь князю“, который, взявъ съ нея дань, благополучно возвратился съ Новгородцами домой [6]). Подъ 1214 г. въ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе о

---

[1]) *Соловьевъ* Ист. Р., II, 387.

[2]) Новг. лѣт., стр. 31—32. *Куникъ*, на основаніи Генриха Латыша, думаетъ, что этотъ походъ происходилъ въ 1210 г. *Уч. зап. Ак. Наукъ по I и III отд.*, т. II, стр. 749.

[3]) По *Татищеву* Торма—Ѳстляндія; «Погостъ Торма есть въ Дерптскомъ уѣздѣ» (Ист. Рос., III, 510, прим. 584). *Карамзинъ*: «Тормою называлась Чудь, обитавшая отъ Дерпта къ сѣверу, гдѣ нынѣ мѣстечко Торма» (Ист. Г. Р., III, прим. 152). См. также *Арцыбашева*, Пов. о Росск., I, пр. 1769.

[4]) *Куникъ* считаетъ вѣрнымъ показаніе Генриха Латыша, по словамъ котораго дѣло происходило весною. *Зап. Ак. Наукъ по I и III отд.*, т. II, 749.

[5]) Медвѣжья Голова (Оденпе) — недалеко отъ Дерпта. *Погодина*, Изсл. зам. и лекціи, V, 268.

[6]) Новг. лѣт., стр. 31—32.

новомъ походѣ Мстислава на Чудь—на Ереву [1]). Въ этомъ предпріятіи, кромѣ Новгородцевъ, участвовали и Псковичи съ своимъ княземъ Всеволодомъ Борисовичемъ [2]), и братъ Мстислава Удалаго, Давидъ, князь Торопецкій [3]). На этотъ разъ Мстиславъ прошелъ чрезъ Чудскую землю къ морю, и разоривъ села, взялъ осѣки непріятелей, сталъ подъ городомъ Воробьинымъ (Верпель). Чудь поклонилась Новгородскому князю, и послѣдній съ множествомъ полона возвратился обратно, взявъ съ Чуди дань, двѣ части которой онъ далъ Новгородцамъ, а одну—своимъ дворянамъ, то-есть дружинѣ.

Въ 1212 г. умеръ могущественный Всеволодъ Юрьевичъ, могшій, по словамъ „Слова о полку Игоревѣ", „Волгу веслами раскропить, а Донъ шлемами вылить", тотъ Всеволодъ, о которомъ зналъ и Фридрихъ Барбарусса [4]); „сего имени токмо трепетаху вся страны", говоритъ о немъ лѣтопись [5]),—„по всей земли изиде слухъ его..." Смерть его ясно показала, какъ непрочны были вліяніе и сила Суздальской области; сила эта держалась, главнымъ образомъ, лишь личностью князя и не имѣла другой, болѣе прочной основы, а потому преобладаніе Суздальской земли при Андреѣ и Всеволодѣ еще не было началомъ новаго порядка вещей. Самъ Всеволодъ способствовалъ ослабленію своего княжества, раздѣливъ его между сыно-

---

[1]) Новг. лѣт. (стр. 32), Троицк. (стр. 211), гдѣ вм. «Ереву» сказано: «Нереву», Воскр.—«на Нерову» (стр. 119). По *Карамзину*, Ервенъ—западная часть нын. Эстляндской губ., гдѣ теперь Вейсенштейнъ (И. Г. Р., III, 90; пр. 158).

[2]) Всеволодъ Борисовичъ, внукъ Романа Смоленскаго, былъ двоюродный племянникъ Мстислава Мстиславича. См. *Карамзинъ* Ист. Г. Р., III, 89—90, прим. 53, 95 и 156). Въ предыдущемъ году (1213 г.) Псковичи изгнали Владиміра Мстиславича, брата Удалаго (см. Новг. лѣт., стр. 32). О причинѣ этого изгнанія, дружественной связи Владиміра съ Рижскимъ епископомъ, говоритъ Ливляндская хроника. См. *Карамзина* Ист. Г. Р., III, 89 и прим. 156.

[3]) Которому, какъ видно изъ этихъ словъ лѣтописи, Мстиславъ передалъ свой Торопецкій удѣлъ послѣ того, какъ самъ сдѣлался Новгородскимъ княземъ. Замѣтимъ, что Новг. лѣтопись говоритъ: «Торопьцьскыи князь Давыдъ, *Володимѣръ братъ*» (стр. 32). Владиміръ былъ братъ Удалаго, почему же здѣсь сказано только: «Владиміровъ братъ», а не «Мстиславовъ»? Карамзинъ предполагаетъ, что Мстиславъ родился отъ первой супруги Мстислава Храбраго, а Давидъ и Владиміръ отъ второй. Ист. Г. Р., III, пр. 158.

[4]) Ипатьевск. лѣтопись (подъ 1190 г.), сообщая о бѣгствѣ Владиміра Ярославича изъ Галича ко двору Нѣмецкаго императора, говоритъ: «Царь же увѣдавъ, оже есть сестричичь великому князю Всеволоду Суздальскому, и прия его с любовью и с великою честью» (Лѣт. по Ип. сп., 449).

[5]) Лѣт. по Лавр. сп., 415.

вьями и своимъ завѣщаніемъ посѣявъ между ними недовольство еще при своей жизни: онъ хотѣлъ дать послѣ своей смерти Константину Владиміръ, а Ростовъ—своему второму сыну Юрію. Но старшій сынъ, находившійся тогда въ Ростовѣ, былъ недоволенъ такимъ рѣшеніемъ отца, „хотя взяти", говоритъ лѣтопись [1],—„Володимерь къ Ростову". Въ этомъ видятъ новое проявленіе той вражды, которая существовала между старымъ городомъ Ростовомъ и прежнимъ пригородомъ его Владиміромъ [2]). Константинъ (говорятъ обыкновенно), жившій въ старомъ городѣ, окруженный Ростовскими боярами, напитавшись старинными понятіями, не желаетъ оставить Ростова ради новаго города Владиміра, и смотря на послѣдній, какъ на пригородъ перваго, хочетъ нераздѣльно владѣть тѣмъ и другимъ. Словомъ, въ Константинѣ видятъ яркаго представителя старины и прежняго порядка [3]). Правда, въ то время, вѣроятно, не утихла еще борьба старыхъ городовъ съ новыми, а въ приведенныхъ словахъ лѣтописи („хотя взяти Володимерь къ Ростову"), дѣйствительно, можно видѣть нѣкоторое указаніе на то, что Константинъ отдавалъ предпочтеніе старому городу передъ новымъ, такъ какъ онъ хочетъ присоединить къ Ростову Владиміръ, а не на оборотъ; но нельзя ли посмотрѣть на поведеніе старшаго Всеволодовича и съ другой точки зрѣнія? [4]) Дѣло въ томъ, что еслибы Константинъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ лишь въ интересахъ стараго города, то онъ бы могъ удовлетвориться, получивъ, въ качествѣ старшаго сына, старшій городъ, Ростовъ, вмѣсто Владиміра, отданнаго Юрію; а между тѣмъ, когда Всеволодъ, разгнѣванный непослушаніемъ его, созвалъ бояръ, духовенство и „всѣхъ людей" и завѣщалъ Владиміръ Юрію, „приказавъ ему и братью его" [5]), то Константинъ, говоритъ лѣтопись [6]),—„воздвиже брови своя со гнѣвомъ на братію свою, паче же на Георгія". Еслибы Константинъ добивался только старшаго города Ростова, то зачѣмъ было бы ему такъ негодовать на Юрія, получившаго младшій городъ? Значитъ, въ дѣйствительности, онъ

---

[1]) Воскр. лѣт., стр. 117.

[2]) *Пассекъ*, Княж. и докняж. Русь, 11.

[3]) *Соловьевъ*, Ист. отн. м. Рус. кн. Рюр. дома, 256—257.

[4]) Намъ необходимо уяснить себѣ поведеніе Константина для того, чтобы впослѣдствіи яснѣе опредѣлить роль Мстислава Удалаго въ борьбѣ, окончившейся Липецкою битвой, борьбѣ, въ которой онъ является союзникомъ Константина.

[5]) Замѣчанія *Соловьева* въ Ист. Р., II, 343.

[6]) Воскр. лѣт., стр. 117.

желалъ непремѣнно получить тотъ и другой, стремился, слѣдовательно, скорѣе къ большей силѣ, къ большему сліянію Суздальской земли. Что это именно такъ, то-есть, что старшій Всеволодовичъ заботился не столько о возстановленіи прежняго значенія Ростова, сколько о своемъ собственномъ усиленіи, этому впослѣдствіи мы видимъ ясное доказательство: когда послѣ Липецкой битвы онъ получилъ возможность распорядиться по своей волѣ, то онъ не только беретъ себѣ Владиміръ, но и сидитъ въ этомъ младшемъ городѣ [1]), а не въ Ростовѣ.

Какъ бы то ни было, но Всеволодово завѣщаніе (которое, повторимъ мимоходомъ, вовсе не составляетъ такого выдающагося, единственнаго въ своемъ родѣ явленія въ ту эпоху [2]): еще прежде, напримѣръ, Ярославъ Галицкій по завѣщанію отдаетъ Галичъ своему незаконному сыну, Олегу) должно было повлечь за собою раздоръ между братьями. Такимъ образомъ, рушится миръ, такъ долго царившій въ Суздальской области, и вліяніе послѣдней на остальную Русь ослабѣваетъ; по видимому, и сѣверо-востокъ ожидаетъ участь южной Руси—безконечный рядъ междоусобій и неизбѣжный упадокъ силъ. Въ этотъ-то моментъ и пріобрѣтаетъ особенное значеніе Новгородскій князь Мстиславъ Мстиславичъ. Онъ является распорядителемъ тогдашней Руси; къ нему обращаются всѣ за содѣйствіемъ, и онъ съ своими Новгородцами рѣшаетъ дѣла юга и сѣвера Россіи.

Мы видѣли, какъ Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки въ борьбѣ Рюрика съ Всеволодомъ Чермнымъ. Въ 1210 г. Ольговичамъ, при посредничествѣ митрополита, удалось примириться съ Владимірскимъ княземъ [3]) Дѣло кончилось тѣмъ, что Кіевъ получилъ Всеволодъ Чермный, а Рюрикъ сѣлъ въ Черниговѣ [4]). Такимъ образомъ, въ эпоху самыхъ неопредѣленныхъ и запутанныхъ отношеній, при утратѣ, казалось, сознанія всякихъ правилъ, торжествуетъ, по видимому, идеальный порядокъ перехода столовъ, равноправіе всего Ярославова по-

[1]) Троицк. лѣт. (стр. 215): «Сѣде въ *Володимерь*»; въ Воскр.: «посла Константинъ Всеволодичь по брата своего Георгія на Городецъ, зова его къ себѣ въ *Володимеръ*» (стр. 125).

[2]) *Сергѣевичъ*; Вѣче и кн., 313.

[3]) «Пріиде зимы тоя» (то-есть 1220 г.) митрополитъ Матвѣй изъ Кіева отъ Всеволода Святославича, миру дѣля, къ великому князю Всеволоду въ Володимеръ и миръ взяша, вси бо Олговичи прислаша съ *покореніемъ*, видѣвъ же князь великій Всеволодъ покореніе ихъ себѣ, не помяну злобы ихъ, цѣлова къ нимъ крестъ»... Воскр. лѣт., стр. 117; Лѣт. по Лавр. сп., 413.

[4]) Лѣт. по Лавр. сп., 413; Воскр., стр. 117.

томства, Ольговичей и Мономаховичей [1]); но въ дѣйствительности торжество это происходитъ вовсе не въ силу сознанія правъ первыхъ, а вслѣдствіе чисто-случайныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ занимаетъ не послѣднее мѣсто личная воля Владимірскаго князя. Всеволодъ Чермный, получивъ Кіевъ, воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы удалить съ юга потомство Ростислава, владѣвшее тамъ многими городами и по прежнему не лишенное вліянія. Въ 1214 г. (по Новгородской лѣтописи, а по Воскресенской въ 1212 г.) [2]) онъ изгоняетъ Ростиславовыхъ внуковъ изъ Южной Руси, говоря имъ: „братьевъ моихъ повѣсили [3]) въ Галичѣ, какъ злодѣевъ, и положили укоръ на всѣхъ; нѣтъ же вамъ части въ Русской землѣ". Тогда Ростиславичи обратились за помощью къ единственному князю, который въ то время могъ быть ихъ защитникомъ и покровителемъ какъ по своему вліянію, такъ и вслѣдствіе родства съ ними, въ своему двоюродному брату, Мстиславу Мстиславичу. Они послали въ Новгородъ сказать ему: „Всеволодъ Святославичъ не даетъ намъ части въ Русской землѣ; пойди, поищемъ своей отчины". Родственныя связи, жажда дѣятельности, желаніе помочь угнетаемымъ Мономаховымъ потомкамъ, все побуждало Мстислава откликнуться на этотъ

[1]) Ср. замѣчанія *Соловьева* Ист. Р., II, 324—5; *Костомарова* Ист. мон. и изсл., I, 223.

[2]) *Куникъ* предполагаетъ, что походъ Мстислава на югъ происходилъ въ концѣ 1212 г. или въ 1213 г. (т. II, 749). По видимому, въ пользу 1212 г., показаннаго Воскресенск. лѣт., говоритъ то обстоятельство, что Всеволодъ изгоняетъ Ростиславичей за казнь своихъ братьевъ, а эта казнь происходила въ 1211 г.; странно было бы, еслибы Всеволодъ только въ 1214 г. началъ обвинять Ростиславичей въ участіи въ событіи, которое произошло назадъ тому уже 3 года; естественнѣе предположить, что онъ это сдѣлалъ вскорѣ послѣ самаго происшествія. Но вопервыхъ, на счетъ того, что казнь Игоревичей произошла въ 1211 г., можетъ быть сомнѣніе, такъ какъ этотъ годъ показанъ только въ той же Воскрес. лѣт., а вовторыхъ, до 1214 г. Всеволодъ, можетъ быть, не рѣшался изгонять Ростиславичей въ виду неблагопріятствовавшихъ этому обстоятельствъ: напр., тогда еще былъ живъ Рюрикъ. Большинство историковъ (*Карамзинъ*, *Соловьевъ*, *Бестужевъ-Рюминъ* и проч.) принимаетъ 1214 г.

[3]) Игоревичи были повѣшены Галицкими боярами (Воскр. лѣт., стр. 117). По *Карамзину*, «основаніемъ Всеволодовой клеветы было, кажется то, что, внучатные братья и союзники внуковъ Ростиславовыхъ, сыновья Ярослава Луцкаго участвовали въ возведеніи на престолъ Даніила, при коемъ случилось сіе злодѣйство въ Галичѣ» (Ист. Г. Р., III, пр. 155). По Новг. лѣт., Всеволодъ говоритъ: «брата моя есте два князя повѣсили»; по Воскр., стр. 117, Галичане повѣсили „Романа съ братома", а по Ипатьевск.—Романа, Святослава и Ростислава. Лѣт. по Ип. сп., 486.

зовъ. Онъ собралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и началъ звать Новгородцевъ къ Кіеву противъ Всеволода Чермнаго. Новгородцы дали отвѣтъ, лучше всего, казалось, выражавшій ихъ единодушіе и любовь къ своему князю: „Камо, княже, очима позриши ты“, говорили они, „тамо мы главами своими вържемъ“. [1]) 8-го іюня [2]) Мстиславъ Мстиславичъ съ своими Новгородцами выступилъ въ походъ. На пути къ нему присоединились: Мстиславъ Романовичъ съ своими братьями и Владиміромъ Рюриковичемъ [3]), Давидовичи, Константинъ, и Мстиславъ, и Ингварь Ярославичъ Луцкій [4]). Во время похода произошло событіе, въ самомъ яркомъ свѣтѣ рисующее, съ одной стороны, все своеволіе и непостоянство Новгородцевъ, а съ другой—благородную личность Мстислава Удалаго. У Смоленска между Новгородцами и Смольнянами произошла распря [5]), при чемъ первые убили одного изъ Смольнянъ и отказались слѣдовать за своимъ княземъ. Мстиславъ началъ звать ихъ на вѣче, но и на вѣче они не пошли, послѣ чего Удалой отправился далѣе, дружески простившись съ ними, „цѣловавъ всѣхъ“, какъ говоритъ лѣтопись [6]). Замѣчательная черта Мстиславова характера! Здѣсь выразилось все его добродушіе и уваженіе къ правамъ и волѣ народа, какъ бы капризно и своенравно ни выражалась эта воля. Что въ данномъ случаѣ со стороны Мстислава это не было благоразумною, невольною покорностью силѣ обстоятельствъ, видно какъ изъ дружескаго разставанія его съ Новгородцами, такъ и изъ всѣхъ послѣдующихъ его дѣйствій относительно нихъ: онъ не только

---

[1]) Нов. лѣт., стр. 32. *Татищевъ* приводитъ подробный отвѣтъ Новгородцевъ (Ист. Р., 378).

[2]) „Мѣсяца іюня на святого Ѳеодора“. Новг. лѣт., 32.

[3]) По лѣтописямъ (см. Лѣт. по Лавр. сп., 416) Рюрикъ Ростиславичъ умеръ въ Черниговѣ въ 1215 г. Такъ какъ при описаніи этихъ событій о немъ не упоминается ни слова, то есть основаніе предполагать, что онъ умеръ нѣсколько ранѣе, еще до похода князей противъ Чермнаго. См. *Карамзина* Ист. Г. Р., III, пр. 155, *Соловьева*, Ист. Р., II, пр. 399, стр. 41; *Бѣляева*, Разк. изъ русск. ист., I, 295.

[4]) Воскр. лѣт., стр. 118.

[5]) Лѣтопись ничего не говоритъ о причинѣ ея. По *Татищеву*, Мстиславъ Романовичъ, „имѣя войско уже въ готовности, хотѣлъ идти передомъ, о чемъ у Новгородцевъ со Смольняны учинилась распря. Новгородцы нехотя у Романовича, яко старѣйшаго князя, быть подъ властію, мня, что то противо чести ихъ, не пошли далѣе“, и т. д., согласно съ лѣтописью (Ист. Р., III, 379).

[6]) Новгор. лѣт., стр. 35. Надо замѣтить, прежде „цѣловать“ имѣло другое значеніе, чѣмъ теперь: оно означало пожелать, чтобы были здоровы, то-есть, то же, что наше „проститься“ или „привѣтствовать“.

не мстилъ имъ за это непослушаніе, но даже и не поминалъ о немъ. По уходѣ князя, Новгородцы, говоритъ лѣтопись, описи „створивъше вѣче о собѣ, почаша гадати". [1]) „Братья!" сказалъ имъ тогда посадникъ [2]) Твердиславъ, — „какъ страдали дѣды наши и отцы за Русскую землю, такъ, братья, и мы пойдемъ за своимъ княземъ". Тронутые этимъ воззваніемъ, снова полные единодушнаго желанія слѣдовать всюду за Мстиславомъ, непостоянные Новгородцы отправились изъ Смоленска догонять своего князя. Взявъ на щитъ Рѣчицу, князья начали „воевать" по Днѣпру Черниговскіе города, изъ которыхъ многіе подверглись участи Рѣчицы, то-есть, были взяты на щитъ. Накопецъ, подъ Вышгородомъ произошла битва, въ которой Мстиславъ съ Новгородцами и братьями своими одержалъ полную побѣду [3]), взявъ при этомъ въ плѣнъ двухъ князей Ростислава и Ярополка Ярославичей. Вышгородцы „поклонились" побѣдителямъ и отворили имъ ворота, послѣ чего Мстиславъ съ своими союзниками быстро двинулся къ Кіеву. Всеволодъ Черный, не имѣя возможности противиться, бѣжалъ вмѣстѣ съ братьями за Днѣпръ; при этомъ погибло въ волнахъ Днѣпра [4]) множество людей, также направлявшихъ свое бѣгство къ Чернигову. Мстиславъ Мстиславичъ во главѣ князей вступилъ въ Кіевъ, и „Кіевляне поклонились ему", говоритъ лѣтопись [5]). Отсюда побѣдители направились къ Чернигову, въ которомъ затворился Глѣбъ, братъ уже въ то время умершаго Всеволода Чермнаго. Началась осада этого города. Простоявъ у Чернигова довольно продолжительное время [6]), причинивъ много зла окрестностямъ, опустошивъ пожарами села и самый пригородъ, князья заключили миръ съ Ольговичами, поцѣловали крестъ и разошлись по разнымъ областямъ.

---

[1]) Новг. лѣт., стр. 32.

[2]) Такъ онъ названъ въ Новгор. лѣтописи (стр. 32); но мы видѣли, что Твердиславъ добровольно уступилъ посадничество Дмитрію Якуничу, а потомъ мы встрѣчаемъ посадникомъ Юрія Ивапковича (см. Новг. лѣт., стр. 33). Поэтому, слѣдуетъ предположить, что въ данномъ случаѣ Твердиславъ, какъ это часто бывало, названъ посадникомъ въ смыслѣ стараго, а не степеннаго. *Соловьева* Ист. Р., II, прим. 400, стр. I. II. О старыхъ и степенныхъ посадникахъ см. *Костомарова* Сѣв.-русск. народопр., II, 24, 44, 45, *Бѣляева* Разк. изъ русск. ист., II, 159.

[3]) Новг. лѣт., стр. 32. У *Татищева* находятся нѣкоторыя подробности касательно этой борьбы и побѣды Мстислава (Ист. Р., III, 380).

[4]) Воскрес. лѣт., стр. 118.

[5]) Новг. лѣт., стр. 32.

[6]) По Новг. лѣт.—12 дней (стр. 32), а по Воскр.—3 недѣли (см. стр. 118).

Въ Кіевѣ сперва былъ посаженъ Ингварь Луцкій [1]), но потомъ князья, по выраженію лѣтописи, „управившись“, дали этотъ городъ Мстиславу Романовичу, а Ингварь отправился въ свой Луцкъ; Мстиславъ же Мстиславичъ, получивъ дары, возвратился съ своими Новгородцами на сѣверъ въ Новгородъ [2]).

Такъ защитилъ Мстиславъ притѣсняемыхъ Ростиславичей; снова возстановилъ онъ старинное господство въ Кіевѣ Мономахова потомства. Для насъ въ данномъ случаѣ интересно слѣдующее обстоятельство. Если Мстиславъ дѣйствительно истый представитель старой Руси, возстановитель стараго порядка вещей [3]), то странно, что онъ не придаетъ никакой особенной цѣны Кіеву, вовсе не пытается возстановить его прежнее величіе и значеніе въ средѣ русскихъ городовъ: онъ не только самъ не занимаетъ Кіевскаго стола, завѣтной цѣли прежнихъ князей, но сообща съ другими князьями отдаетъ его то Ингварю, то Мстиславу Романовичу. Ингварь, правда, происходитъ отъ Изяслава, старшаго изъ сыновей Мстислава Владиміровича; но трудно допустить, чтобъ Удалой и прочіе князья пускались при этомъ въ запутанныя генеалогическія соображенія и родословные счеты; естественнѣе предположить, что здѣсь дѣйствовали тотъ же случай, тѣ же княжескіе счеты, основывавшіеся вовсе не на сознаніи правъ извѣстнаго князя на тотъ или другой столъ, словомъ, то же отсутствіе какого бы то ни было сознательнаго порядка [4]), какъ и въ другихъ случаяхъ этого времени, когда неопредѣленность и запутанность княжескихъ отношеній дошла высшей степени, такъ что даже при всемъ желаніи не было возможности возстановить чередованіе князей на Кіевскомъ столѣ по прежнимъ правиламъ. Притомъ, Ингварь недолго сидѣлъ въ Кіевѣ: вскорѣ его замѣнилъ Мстиславъ Романовичъ. Эта скорая смѣна, это колебаніе лучше всего говоритъ въ пользу нашего предположенія. Въ разсматриваемомъ событіи ясно обнаружился упадокъ Кіева; видно также, что Мстиславъ Мстиславичъ далеко не былъ такимъ рьянымъ *возстановителемъ* старины, какимъ его часто считаютъ; напротивъ, на него могущественно дѣйствовали зачатки новаго порядка вещей и вообще понятія, господ-

[1]) Такъ въ Воскрес. (стр. 118); въ Новгородск. же лѣтописи говорится только о Мстиславѣ Ростиславичѣ: „и посадиша Кыевѣ Мстислава Романовица, вънукъ Ростиславль“ (стр. 32).

[2]) Новг. лѣт., стр. 32.

[3]) *Соловьевъ*, *Костомаровъ*.

[4]) Ср. *Костомаровъ* Ист. мон. и Изсл., I, 223.

ствовавшія въ средѣ его современниковъ, въ своихъ отношеніяхъ не руководившихся идеальнымъ представленіемъ о старшинствѣ. Даже то обстоятельство, что Кіевъ перешелъ въ руки Ольговичей, долго не вызывало вмѣшательства Мстислава въ дѣла южной Руси для возстановленія въ Кіевѣ господства Мономахова рода; лишь злоупотребленія Чермнаго своею властью и зовъ Ростиславичей о помощи заставили Мстислава вмѣшаться. Онъ считалъ своимъ долгомъ защитить Ростиславичей, а кому изъ Мономаховичей достанется затѣмъ Кіевъ,— этому, по видимому, онъ не придавалъ особеннаго значенія.

По возвращеніи своемъ изъ южной Руси, Мстиславъ недолго оставался въ Новгородѣ. Новгородская лѣтопись передаетъ, что уже въ слѣдующемъ 1215 г. Мстиславъ пошелъ „по своей волѣ“ въ Кіевъ. Уходя изъ Новгорода, Удалой созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и обратился къ Новгородцамъ съ такими словами: „есть дѣла у меня въ Руси, а вы вольны въ князьяхъ“ [1]). Живой, дѣятельный характеръ Мстислава постоянно побуждалъ его къ новымъ предпріятіямъ; Удалому не сидѣлось долго на одномъ мѣстѣ, и онъ искалъ все новаго поприща для своей дѣятельности [2]). Къ тому же, по своимъ стремленіямъ Мстиславъ принадлежалъ вовсе не къ типу тѣхъ князей, которые старались обособиться въ своихъ удѣлахъ, заботясь лишь о послѣднихъ: для Удалого отчиной была вся Русь; всѣ русскія области были для него одинаковы; онъ готовъ былъ помогать и Кіевлянамъ, и Галичанамъ такъ же, какъ и Новгородцамъ. Ко всему этому нужно прибавить не совсѣмъ выгодное положеніе каждаго Новгородскаго князя. При Мстиславѣ въ Новгородѣ, по видимому, господствовало полное единодушіе и взаимное довѣріе между княземъ и народомъ. Но несомнѣнно, что въ дѣйствительности была противная партія [3]) и у Мстислава, не смотря на его блестящіе подвиги и защиту Новгорода, на его открытый и благородный характеръ, привлекавшій къ нему общую симпатію, не смотря даже на его уваженіе къ волѣ и правамъ народа. Такое явленіе вытекало изъ самаго хода исторіи Новгорода и изъ строя

---

[1]) Новг. лѣт. «Поиде князь Мьстиславъ *по своеи воли* Кыеву, и створи вѣче на Ярославли дворѣ, и рече Новгородьцемъ: суть ми орудія въ Руси, а вы вольни въ князѣхъ» (стр. 32). Въ Воскр. (стр. 119) и Никон. лѣт. (II, 317—318) при этомъ говорится, что Мстиславъ пошелъ просить Галичъ у короля, оставивъ въ Новгородѣ жену свою и сына. Объ этомъ см. ниже.

[2]) *Костомаровъ*. Сѣв-русск. народопр., I, 83.

[3]) *Соловьевъ* Ист. Р., II, 348—349.

его жизни. Не говоря уже о непостоянномъ, часто поддающемся постороннимъ внушеніямъ характерѣ Новгородцевъ (что̀ высказалось, напримѣръ, во время Мстиславова похода въ южную Русь и что̀ вообще присуще массѣ), въ Новгородѣ постоянно существовали и боролись между собою враждебныя партіи. Мы уже видѣли, какою поддержкой пользовался Всеволодъ Юрьевичъ среди самихъ же Новгородцевъ, преимущественно среди бояръ, торговые интересы которыхъ требовали во что бы то ни стало дружественной связи съ Суздальскою землею. Притѣсненія Всеволода, любовь къ свободѣ, порывъ негодованія и воодушевленія на время доставили громадный перевѣсъ другой партіи, враждебной Владимірскому князю и состоявшей, какъ можно думать, преимущественно изъ простаго народа [1]. Съ появленіемъ Мстислава Мстиславича Суздальская партія должна была совершенно замолчать; наступилъ періодъ энтузіазма и полнаго, по видимому, единодушія. Но уже въ то время можно было предвидѣть, что партія, получившая перевѣсъ, будетъ теперь, въ свою очередь, притѣснять своихъ противниковъ и выместитъ на нихъ свою злобу; это показало и изгнаніе владыки Митрофана [2]. Конечно, такое злоупотребленіе своимъ вліяніемъ должно было рано или поздно вызвать отпоръ со стороны притѣсняемыхъ, а между тѣмъ воодушевленіе начало утихать, жизнь вошла въ свою обычную колею, торговые интересы опять взяли верхъ надъ всѣмъ остальнымъ, побуждая забыть о притѣсненіяхъ Суздальскихъ князей, тѣмъ болѣе, что теперь уже не было въ живыхъ могущественнаго Всеволода, а отъ его сыновей Новгородцы могли ожидать большей снисходительности и уступчивости, бо̀льшаго уваженія къ своей вольности. Прибавимъ къ этому личное соперничество боярскихъ родовъ, борьбу за посадничество и т. под., и мы поймемъ, что положеніе Мстислава, если даже онъ и находилъ себѣ опору въ простомъ народѣ, все-таки было затруднительно и что у него, по всей вѣроятности, была враждебная партія. Эти Мстиславовы враги, по вѣроятному предположенію Соловьева, могли усилиться, воспользовавшись отсутствіемъ Удалаго, когда онъ ходилъ противъ Чермнаго; къ нимъ, вѣроятно, принадлежалъ и тогдашній посадникъ, Юрій Иванковичъ [2]. Если мы примемъ все это во вниманіе, то тогда для насъ будетъ понятно, между прочимъ, и извѣстіе Лаврентьевской лѣтописи, которая, во-

---

[1]) *Соловьевъ* Ист. Р., II, 348—349.
[2]) *Соловьевъ* Ист. Р., II, 348—9.

преки Новгородскому лѣтописцу, прямо говоритъ, что Новгородцы выгнали Мстислава [1]). Не принимая буквально этого извѣстія, какъ совершенно противорѣчащаго словамъ Новгородской лѣтописи, мы можемъ предположить, что Мстиславъ ушелъ изъ Новгорода самъ; но къ этому его побудило недовольство среди Новгородцевъ, преимущественно среди богатыхъ. Съ этимъ вполнѣ согласны извѣстія Никоновской лѣтописи и Татищева [2]). Такими причинами можемъ мы объяснить себѣ удаленіе Мстислава изъ Новгорода. Если же принять, что къ этому времени относится и посольство Лешка къ Удалому съ приглашеніемъ занять Галичъ [3]), какъ думаетъ большинство новѣйшихъ изслѣдователей, то тогда намъ еще понятнѣе будетъ, почему Мстиславъ рѣшился оставить Новгородъ: въ послѣднемъ случаѣ къ этому его должно было побуждать, кромѣ всего сказаннаго, и желаніе вырвать русскую область изъ рукъ иноплеменниковъ, Угровъ, въ то время владѣвшихъ Галичемъ.

Куда же ушелъ Мстиславъ? Сначала, безъ сомнѣнія, онъ удалился на югъ, въ Приднѣпровье; вопросъ только въ томъ, что призывало его туда, чѣмъ занятъ былъ онъ тамъ? Опредѣленно отвѣтить на это довольно трудно. Въ прежнее время думали, что Удалой отправился въ южную Русь исключительно для устройства дѣлъ въ Кіевской области, для поддержки своихъ родныхъ; новѣйшіе же историки говорятъ, что Мстиславъ удалился на югъ для приготовленія къ походу на Галичъ, который, по ихъ словамъ, и произошелъ именно теперь, то-есть, еще до Липецкой битвы [4]), между тѣмъ

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 417: «Того же лѣта (1216 г.) Новгородци *выгнаша* отъ себе Мстислава Мстиславича, а Ярослава Всеволодича приведоша к собѣ на столъ».

[2]) Никоновская лѣтопись, говоритъ слѣдующее: «Того же лѣта (1215 г.), Новгородцы по старому своему обычаю начаша вече творити тайно, хотяше господина князя своего от себе изгнати из Нова города Мстислава Мьстиславича, и о семъ много вече творяше; бѣ бо князь Мстиславъ Мстиславичь зело смысленъ и мужественъ, и во опасеніи великомъ живяше, и сего ради не возмогоша его Новгородцы вскоре изгнати. Онже слышавъ сия о себе от Новгородцевъ, яко хотять его изгнати, и начахъ гнѣву мѣсто давати, и иде х королю во Угры, прося себѣ у него Галича, а княгиню свою и сына оставі в Новѣгороде»... (II, 318). *Татищевъ* говоритъ согласно съ этимъ (Ист. Р., III, 382—3).

[3]) Это, впрочемъ, представляется мало вѣроятнымъ. См. замѣтку мою «О занятіи Галича Мстиславомъ Удалымъ» въ *Журн. Мин. Нар. Прос.*, Мартъ 1881 г.

[4]) *Соловьева* (Ист. Р., II, 369, 370); *Костомарова* (Русск. ист. въ жизнеоп. 103); *Бѣляева* (Разк. изъ Рус. ист., I 303).

какъ, по мнѣнію первыхъ, событіе это совершилось уже послѣ того, какъ Мстиславъ вторично (въ 1218 г.) оставилъ Новгородскій столъ [1]). Такимъ образомъ, вопросъ состоитъ въ томъ: къ какому времени относится первое занятіе Галича Мстиславомъ: произошло ли оно до Липецкой битвы, или послѣ нея? Какое изъ этихъ мнѣній вѣрнѣе — сказать, нелегко [2]); но какъ бы то ни было, а отсутствіе Мстислава изъ Новгорода было непродолжительно: не прошло и года, какъ событія опять вызвали его на сѣверъ, и онъ снова является тѣмъ же защитникомъ и спасителемъ Новгорода, борцомъ за Новгородскую вольность, какъ и въ 1210 г.

Событія въ Новгородѣ по удаленіи Мстислава показываютъ ясно, что это удаленіе было въ значительной степени дѣломъ Суздальской партіи и торжествомъ для нея [3]), что тамъ произошла реакція въ пользу Суздальскихъ князей, и торговые интересы снова получили преобладающее значеніе. Прежде всего это доказываетъ самый выборъ князей: по уходѣ Удалаго Новгородцы, послѣ долгихъ преній, „много гадавъше", какъ говоритъ лѣтопись [4]),—послали за Ярославомъ [5]), сыномъ того Всеволода, который такъ попиралъ ихъ свободу. При этомъ составъ посольства, отправленнаго ими за новымъ княземъ, въ свою очередь, служитъ доказательствомъ, что въ данномъ случаѣ перевѣсъ взяли преимущественно богатые Новгородцы и что дѣло шло, главнымъ образомъ, о торговыхъ выгодахъ [6]); по словамъ лѣтописи, за Ярославомъ Всеволодовичемъ посланы были посадникъ Юрій Иванковичъ [7]), тысяцкій Якунъ и 10 старѣйшихъ мужей изъ купцовъ. Ярославъ согласился занять Новгородскій столъ и при входѣ въ городъ встрѣченъ былъ архіепископомъ Ан-

---

[1]) *Карамзина* (Ист. Г. Р., III, пр. 189 и 190), *Полеваго*, *Погодина* (Изсл., зам. и лекціи, V, 228), *Зубрицкаго* (Ист. древн. Гал-Русск. кн. I, 66, 67).

[2]) См. объ этомъ замѣтку въ *Журн. Мин. Нар. Прос.*, Мартъ 1881 г.,

[3]) *Соловьева* Ист. Р., II, 349.

[4]) Новг. лѣт., стр. 32.

[5]) Никон. лѣт. говоритъ, что по уходѣ Мстислава «Новгородцы... *возрадовашеся избывше* князя своего, и послаша Юрья Ивановича в Володимерь к великому князю Юрью Всеволодичю, и в Переяславль, еже на Клещине озере, зовуще к себѣ в Новъгородъ князя Ярослава Всеволодича, и о семъ моляшеся князю великому Юрью Всеволодичю, дабы брата своего Ярослава понудилъ к нимъ итти в Новгородъ на княжение...» (II, 318).

[6]) *Костомарова* Сѣв-русск. народопр., I, 93—4.

[7]) Это можетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ того, что Юрій былъ въ числѣ недоброжелателей Мстислава.

тоніемъ и Новгородцами. Но согласіе между новымъ княземъ и народомъ продолжалось недолго. Теперь для Суздальской партіи настала очередь угнетать противниковъ и, злоупотребляя своимъ торжествомъ и преобладающимъ значеніемъ, отмстить за недавнія обиды. Самъ князь подалъ имъ въ этомъ примѣръ. Такъ, онъ схватилъ Якуна Зуболомича [1]) и ново-торжскаго посадника, Ѳому Доброщинича, заковалъ ихъ въ цѣпи и сослалъ въ Тверь. Этимъ князь не ограничился. „По грѣхамъ нашимъ", говоритъ лѣтопись [2]),—Ѳеодоръ Лазутиничъ и Иворъ Ново-Торжичъ (житель Новаго Торга) оклеветали тысяцкаго, Якуна Намнѣжича. Ярославъ созвалъ вѣче, на которомъ, какъ видно, взяли перевѣсъ приверженцы князя: дворъ Якуна былъ разграбленъ, жена схвачена, а когда на слѣдующій день (21-го мая) Якунъ вмѣстѣ съ посадникомъ явился къ Ярославу, то послѣдній приказалъ взять и его сына, Христофора. Но если князь злоупотреблялъ такъ своею властью, позволяя себѣ насилія и самоуправство, то и партія недовольныхъ считала себя въ правѣ самовольно расправляться съ своими противниками. Лѣтопись передаетъ, что жители Прусской [3]) улицы убили извѣстнаго уже намъ приверженца Суздальскихъ князей, Овстрата [4]) (изгнаннаго во время новгородскихъ волненій 1209 г.) и сына его Луготу, а трупы ихъ бросили въ ровъ. Раздраженный этою расправой, Ярославъ ушелъ въ Торжокъ [5]), взявъ съ собою многихъ бояръ [6]). Чтобы склонить этихъ

---

[1]) Никон. лѣт. ошибочно говоритъ: «*посадника* Якима Зубца» (II, 319). Извѣстно, что въ то время посадникомъ былъ Юрій Иванковичъ.

[2]) Новг. лѣт., стр. 33.

[3]) Въ Новг. лѣт. (стр. 33) «Пруси». Эта улица находилась въ *Загородномъ* концѣ.

[4]) Такъ въ Новг. лѣт. (стр. 33); Никон. называетъ его Астраномъ, а сына его—Леонтіемъ (II, 318).

[5]) Такъ передаетъ Новг. лѣт. (стр. 33). Иначе говоритъ Воскр. лѣт., выставляя, вопреки другимъ источникамъ, причиной Новгородскихъ волненій и ухода Ярослава въ Торжекъ приближеніе Мстислава къ Новгороду. Смѣшавъ послѣдовательность событій, она то, что было слѣдствіемъ, ставитъ причиной. «Тоя же зимы Мстиславъ Мстиславичь поиде изъ Руси къ Новугороду Великому на Ярослава Всеволодича, зятя своего, и поя съ собою Володимера Рюриковича изъ Переяславля, а изъ Кіева Мстиславъ Романовичь посла сына своего Всеволода; и собрашася вси во градѣ Смоленьсцѣ. *Новгородци же слышавше, яко Мстиславъ стоитъ собрався во Смоленьсцѣ, возмятошася, начаша вѣче дѣяти. Ярославъ же осмотрѣвъ то, яко не твердо ему хощетъ быти сѣденіе, и выиде изъ граде и поиди въ Торжекъ*» (стр. 119—20). *Татищевъ* выставляетъ событія въ другомъ свѣтѣ и, видимо, перепуталъ весь ходъ дѣла: по его словамъ, Яро-

бояръ на свою сторону, онъ ихъ одарилъ и послалъ обратно въ Новгородъ, по видимому, желая тамъ усилить свою партію, а самъ остался въ Торжкѣ.

Ярославовы предки возвысили пригородъ Владиміръ надъ старыми городами, Ростовомъ и Суздалемъ; есть основаніе думать, что и Ярославъ, по примѣру ихъ, занялъ Торжокъ не только для того, чтобы, пользуясь выгоднымъ положеніемъ этого города, смирить Новгородцевъ, но и съ тѣмъ, чтобъ утвердить здѣсь столъ, возвысить этотъ пригородъ надъ самимъ Великимъ Новгородомъ [7]). При томъ, даже и временное занятіе Торжка ставило Новгородцевъ въ критическое положеніе. Мы не разъ упоминали, въ какой зависимости находился Новгородъ отъ Суздальской земли, какъ не могъ онъ существовать безъ подвоза хлѣба съ этой стороны, какъ поневолѣ долженъ былъ смиряться предъ своимъ сосѣдомъ; ключемъ же къ Новгородской области и пунктомъ, лежавшимъ на томъ пути, которымъ велась хлѣбная торговля, былъ именно Торжокъ [8]). Во власти владѣвшаго Торжкомъ было допустить или отрѣзать подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ Новгороду. „Изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ мѣстъ замѣтно, что Торжокъ, еще прежде, возвышаясь, сталъ уже соперничать съ Великимъ Новгородомъ", говоритъ г. Костомаровъ.—„Эта новгородская колонія возникла съ торговыми цѣлями, какъ показываетъ ея названіе, Новый Торгъ. Счастливое положеніе сдѣлало его посредствующимъ мѣстомъ торговаго обращенія Новгорода съ восточною Русью. По мѣрѣ того, какъ новгородская торговля находила себѣ пути на юго-востокъ,

---

славъ, «*озлобясь* на Новгородцевъ *за* Якуна, поималъ *посадничья* сына Христофора; Новгородцы послали къ Ярославу просить, чтобы Якуна, «яко смутителя, имъ отдалъ, а Новгородцевъ и посадничья сына освободилъ... Но онъ, яко вельми былъ высокомысленъ, не послушалъ, а Новгородцы поимавъ главнаго Ярославля совѣтника Стряпа и сына его Леона и обрезавъ носъ и губы, бросили въ рѣку». Тогда Ярославъ ушелъ въ Торжекъ (Ист. Р., III, 383).

[6]) Новг. лѣт. (стр. 33): «поимя съ собою Твьрдислава, Михалковиця, Микифора, Полюда, Сбыслава, Смена, Ольксу и много бояръ». Можно думать, что Ярославъ взялъ съ собою преимущественно враждебныхъ ему бояръ; по крайней мѣрѣ, на это можетъ служить указаніемъ то, что въ числѣ ихъ находился Твердиславъ, извѣстный недоброжелатель Суздальскихъ князей.

[7]) На это указываютъ слова Мстислава Удалого: «да не будеть Новыи Търгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тържькомъ» (См. Новг. лѣт., 33), особенно въ томъ видѣ, какъ ихъ приводитъ *Воскр.* лѣт.: «*да не будетъ Новый Торгъ надъ Новымъ городомъ, ни Новгородъ подъ Торжкомъ* (стр. 120)». См. замѣчанія *Соловьева* (Ист. Р., II, 349); *Костомарова* (Русск. ист. въ жизнеоп., 104).

[8]) *Костомарова* Русск. ист. въ жизнеоп., 103.

Торжокъ богатѣлъ. Многіе изъ новгородскихъ торговцевъ, побуждаемые выгодами, переселились туда; мало-по-малу образовались тамъ самобытные интересы, отличные отъ Новгородскихъ, и потому, по мѣрѣ того, какъ Торжокъ возвышался, зависимость отъ Новгорода становилась ему затруднительною. Она на него навлекла и внѣшнія опасности. Торжокъ стоялъ на границѣ Новгородской земли и долженъ былъ испытывать всякаго рода мщеніе, приготовленное извнѣ Великому Новгороду. За природными средствами обороны до Новгорода самого добраться было трудно, до Новаго Торга—легко, и Новый Торгъ расплачивался за Новгородъ. Такъ Всеволодъ въ 1181 году, враждуя съ Новгородомъ, взялъ Новый Торгъ и разорилъ. Князья Новгородскіе, будучи креатурами Суздальскихъ князей, не поладивъ съ Новгородомъ, пользовались положеніемъ Новаго Торга, уходили туда и тамъ находили себѣ опору, чтобъ оттуда вредить Новгороду. Такъ Ярославъ Владиміровичъ поступилъ въ 1196 г. Такъ и теперь поступалъ Ярославъ Всеволодовичъ. Выгоды быть съ Суздальскою землею въ мирѣ и невыгоды, неизбѣжныя при ссорѣ съ нею, располагали Новоторжцевъ принимать сторону князя, неполадившаго съ Новгородомъ, коль скоро этотъ князь находился подъ покровительствомъ князей Суздальской земли. Черезъ Торжокъ лежала большая торговая дорога. Князь, утвердившись въ Торжкѣ, овладѣвалъ ею и пресѣкалъ торговое сообщеніе съ Новгородомъ. Самъ Торжокъ, какъ и всѣ пригороды, находясь подъ властію Великаго Новгорода, составлялъ по себѣ средоточіе области, которая тянула непосредственно къ нему, и такимъ образомъ, князь, сидя въ Новомъ Торгѣ, дѣлался владѣтелемъ всей Новоторжской области, а господствуя надъ нею, отнималъ у Новгорода значительную часть его владѣній. Кромѣ того, въ такихъ обстоятельствахъ, князь имѣлъ еще и ту выгоду, что Новоторжская область граничила съ краемъ, которымъ правили Суздальскіе князья. Князь, сидя въ Новомъ Торгѣ, могъ свободно получать свѣжія военныя силы для непріязненныхъ дѣйствій противъ Новгорода“ [1]).

Понятно поэтому, въ какомъ тяжеломъ и безвыходномъ положеніи очутился Новгородъ, когда Ярославъ, оставя его, засѣлъ въ Торжкѣ; а къ этому присоединилось и другое обстоятельство, содѣйствовавшее какъ нельзя болѣе видамъ Ярослава Всеволодовича: Новгородская область вообще не отличалась плодородіемъ, а вдобавокъ въ описы-

---

[1]) *Костомарова* Сѣв.-русск. народопр., I, 85—6.

шеный нами годъ морозъ побилъ „обилье", то-есть, хлѣбъ, по волости, между тѣмъ какъ въ окрестностяхъ Торжка все было цѣло [1]). Ярославъ не замедлилъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ: онъ задержалъ хлѣбъ [2]) въ Торжкѣ, не пустивъ въ Новгородъ ни воза. Новгородцамъ оставалось одно средство спастись отъ грозившаго голода—обратиться къ ушедшему отъ нихъ князю и просить его, чтобы онъ возвратился въ Новгородъ. Такъ они и сдѣлали [3]). Но Ярославъ, не давъ отвѣта, задержалъ у себя новгородскихъ пословъ. Между тѣмъ въ Новгородѣ царило страшное бѣдствіе; начался голодъ и дороговизна съѣстныхъ припасовъ: кадь [4]) ржи, по свидѣтельству лѣтописи, стоила 10 гривенъ, овса—3 гривны, возъ рѣпы продавался за 2 гривны; ѣли сосновую кору, липовъ листъ и мохъ. „О горе было тогда, братія!" восклицаетъ лѣтописецъ;—„за хлѣбъ родители отдавали въ рабство дѣтей своихъ!» [5]). Явилось и неминуемое слѣдствіе такого голода — небывалая смертность. Устроили скудельницу [6]), но и она вскорѣ была полна; по торгу, по улицамъ, по полямъ,—вездѣ валялись трупы; псы не въ состояніи уже были пожирать ихъ. Особенная смертность свирѣпствовала между Вожанами (то-есть, жителями Водской пятины); оставшіеся изъ нихъ въ живыхъ разбѣжались. „И такъ", говоритъ лѣтопись, „по грѣхамъ нашимъ, разъидеся власть наша и градъ нашъ [7])". Новгородцы, „останъкѣ живыхъ" [8]), снова посылаютъ къ Ярославу мужей своихъ, и Степана Твердиславича, которыхъ постигаетъ та же участь, что и первыхъ пословъ: они были задержаны княземъ. Ярославъ мало того, что самъ не пошелъ

---

[1]) Новг. лѣт., стр. 33.

[2]) Въ Новг. лѣт. (стр. 33) сказано: «вършь», то-есть, жито (*Карамзина* Ист. Г. Р., III, прим. 161).

[3]) «И послаша по князя Снена Борисовиця, Вячеслава Климятиця, Зубьця Якуна...» (см. Новг. лѣт., стр. 33).

[4]) «Кадь, или бочка или оковъ содержали въ себѣ 4 четверти». *Карамзина* Ист. Г. Р., III, стр. 8.

[5]) Въ Новг. лѣт. (стр. 33): «дѣти своѣ даяхуть одьрень», т.-е. въ рабство (въ Новгородѣ холопы назывались *одерноватыми* людьми, и самый актъ, по которому господинъ владѣлъ холопомъ, носилъ названіе *одерноватой* граматы. См. объ этомъ *Костомарова* Сѣв.-русск. народопр., II, 33); въ Никон. въ параллельномъ мѣстѣ: «и дѣти своя даяху в рабство из хлѣба» (II, 319).

[6]) Домъ, гдѣ складывались мертвыя тѣла. См. *Бестужева-Рюмина*: «Р. Ист.», 321.

[7]) Новг. лѣт., стр. 33.

[8]) Новг. лѣт., стр. 33.

въ Новгородъ, но даже послалъ туда Ивора и Чапоноса [1]) за своею женой, дочерью Мстислава Мстиславича, чтобы привести и ее къ себѣ. Наконецъ, Новгородцы отправили къ Ярославу Мануила Яголъчевича „съ послѣднею рѣчью" „пойди въ свою отчину", говорили они князю, „къ Св. Софіи; а не идешь, такъ повѣдай намъ [2])". Вмѣсто отвѣта, Ярославъ задержалъ не только этого посла, но и всѣхъ Новгородскихъ гостей.

Гибель, казалось, ожидала Новгородъ. Но въ эту тяжелую для него минуту, когда весь городъ погруженъ былъ въ вопли и печаль [3]), его избавителемъ является все тотъ же Мстиславъ Удалой, бывшій добрымъ геніемъ для Новгорода. „Почуялъ зло то Мстиславъ [4])", говоритъ лѣтопись,—и вотъ въѣзжаетъ онъ въ Новгородъ (11 февраля 1216 г.), схватываетъ намѣстника Ярослава, Хота Григорьевича, и Ярославовыхъ дворянъ (то-есть дружину), заковываетъ ихъ въ цѣпи, выѣзжаетъ затѣмъ на Ярославовъ дворъ и цѣлуетъ крестъ къ Новгородцамъ, а тѣ къ нему, „яко съ нимъ въ животъ и въ смерть [5])". „Либо изыщу мужей Новгородскихъ и волости", говоритъ Мстиславъ, „либо голову сложу за Новгородъ! [6])".

---

[1]) Такъ въ Новгор. лѣт. (стр. 33), а въ Воскр.: «Ивора Чапоноса» (стр. 120).

[2]) Новг. лѣт., стр. 33.

[3]) Новг. лѣт., стр. 33.

[4]) Новг. лѣт., стр. 33. Въ Никон. сказано, будто сами Новгородцы, раскаявшись, послали за Мстиславомъ: «И оскорбившася убо Новгородцы о семъ, и восплакаша, и сотвориша вече, и бысть молва и кличь велиі в вече и нача плакати и скорбѣти о князе своемъ Мстиславе Мстиславиче, поминающе его любовь и мужество и побѣды на враги. *И здумавше послаша пословъ своихъ к нему, дабы не помянулъ безумия ихъ, и отдалъ бы вся злобы ихъ, и пошелъ к нимъ въ Новъгородъ княжити*; онъ же послушавъ приде к нимъ в Новъгородъ... и іныма Хохота Григорьевича намѣстника князя Ярослава Всеволодича, и *другаго его вельможу Якова Станиславича»* (этой послѣдней фразы въ Новг. лѣт. нѣтъ), «и всѣхъ дворянъ его, и всѣхъ людей его, іже осталися в Новѣгороде, и оковы желѣзными связа, и в темницы посажа. И возлюбиша и Новгородци, и соединишася с нимъ во единомысліі и аще смерть, и аще животъ, всѣмъ во едінствѣ быти» (II, 319—20). *Татищевъ*, говоря въ общихъ чертахъ согласно съ этимъ, передаетъ, что Новгородцы отправили пословъ въ *Торопецъ*, прося Мстислава, «чтобъ вину ихъ отпустилъ, и принялъ паки княженіе. Мстиславъ долго отговаривался, выговаривая имъ ихъ безпутства, невѣрности и коварства; но по многомъ со слезами прошеніи и тяжкой ротѣ, склоняся пошелъ въ Новградъ, а въ Смоленскѣ остался Владимиръ Рюриковичъ, въ Торопцѣ братъ Мстиславовъ Всеволодъ» (Ист. Р., III, 384).

[5]) Новг. лѣт., стр. 33.

[6]) Новг. лѣт., стр. 33.

Узнавъ о происходившемъ въ Новгородѣ, Ярославъ укрѣпился со стороны этого города, подѣлавъ засѣки по всѣмъ дорогамъ и по рѣкѣ Тверцѣ, а въ Новгородъ отправилъ 100 Новгородскихъ мужей „проваживать оттуда Мстислава", по выраженію лѣтописи [1]). Но это не удалось: посланные Ярославомъ мужи не только не исполнили даннаго имъ порученія, но и примкнули къ прочимъ Новгородцамъ, которые, казалось, всѣ единодушно стояли за своего князя Мстислава.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Удалой не стремился во что бы то ни стало къ бою; напротивъ, избѣгая кровопролитія и междоусобій, онъ обыкновенно сначала пытался уладить дѣло мирнымъ путемъ. Такъ и на этотъ разъ: вмѣстѣ съ Новгородцами онъ посылаетъ въ Торжокъ къ Ярославу священника Юрія [2]) и мужей своихъ, поручая передать своему зятю: „сынъ мой, кланяюсь тебѣ! Мужей моихъ и гостей отпусти, а самъ изъ Торжка пойди, со мною же любовь возьми [3])". Но князь Ярославъ, по словамъ лѣтописи, „того не улюбивъ", попа отпустилъ безъ мира и въ довершеніе всего, созвавъ [4]) Новгородскихъ мужей и гостей, числомъ болѣе 2000 [5]), за Торжокъ въ поле, заковалъ всѣхъ ихъ въ цѣпи и разослалъ по своимъ городамъ, а ихъ товары и лошадей пораздавалъ своимъ приверженцамъ. Вѣсть объ этомъ пришла въ Новгородъ, а между тѣмъ въ немъ и народу осталось уже мало: вятшіе мужи томились въ неволѣ у Ярослава, а изъ меньшихъ одни разбѣжались, другіе умерли съ голоду. Но удалой Мстиславъ не палъ духомъ; созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и обратился къ Новгородцамъ съ воззваніемъ: „Пойдемъ", говорилъ онъ, „поищемъ мужей своихъ, вашей братьи, и во-

---

[1]) Новг. лѣт., стр. 33.

[2]) «Попа Георга святого Іоанна на Търговищи», то-есть, церкви св. Іоанна, бывшей на Торговищѣ. Новг. лѣт., стр. 33.

[3]) То-есть, «помирись, заключи миръ». Въ Воскр.: «и нача Мстиславъ посылати къ Ярославу на Торжекъ, глаголя: «поиди изъ Торжку во свою волость, ненадобна тебѣ волость Новгородцкая»; многащи же ему посылающу къ нему, а онъ на томъ не брежаше, но рече сице: *«яко же тебѣ ся отчина, такъ и мнѣ* (стр. 120)». Въ Воскр. лѣт. это находится уже послѣ знаменитыхъ словъ Мстислава: «Пойдемъ, поищемъ мужей своихъ» и т. д.

[4]) «Въ мясопустную суботу». Новг. лѣт., стр. 33.

[5]) Новг. лѣт., стр. 33. То же число и въ Софійск. лѣт. (Полн. собр. рус. лѣт., V, стр. 170), гдѣ это событіе ошибочно (можетъ быть, вслѣдствіе описки) отнесено къ 1195 г., и въ Воскр. (стр. 120); въ послѣдней объ этомъ говорится непосредственно за извѣстіемъ о задержаніи Ярославомъ пословъ и гостей Новгородскихъ.

лости своей! Не бывать Новому Торгу Новгородомъ, ни Новгороду—Торжкомъ, но гдѣ св. Софія, тамъ и Новгородъ! И во многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда! [1])"—знаменитыя слова, въ которыхъ такъ прекрасно высказалось все удалое мужество и героизмъ Мстислава, его чисто-юношескій пылъ и воодушевленіе; онъ готовъ идти на встрѣчу опасности и предпринять трудный подвигъ, потому что его дѣло правое: за него Богъ и правда!

Между тѣмъ у Ярослава были уже союзники: Юрій прислалъ къ нему на помощь младшаго Всеволодовича, Святослава, и воеводу своего, Михайла Борисовича, съ полкомъ, и даже самъ будущій союзникъ Мстислава, Константинъ, если вѣрить довольно сомнительному извѣстію Воскресенской лѣтописи, съ своей стороны отправилъ къ Ярославу сына своего, Всеволода [2]). Изъ Торжка началось опустошеніе Торопецкой волости, отчины Мстислава Мстиславича [3]). Но и Удалой не остался безъ союзниковъ: къ послѣднимъ принадлежалъ Владиміръ Рюриковичъ и Всеволодъ Мстиславичъ, присланный къ Удалому изъ Кіева своимъ отцемъ, Мстиславомъ Романовичемъ [4]). По свидѣтельству Воскресенской лѣтописи, Мстиславъ Мстиславичъ, идя въ Новгородъ, оставилъ этихъ князей въ Смоленскѣ [5]). Кромѣ того, на помощь къ Удалому пришелъ и родной братъ его, Владиміръ Псковскій.

Началась война [6]), которая, съ принятіемъ въ ней участія Юрія, какъ союзника Ярослава, и Константина, соединившагося съ Мстиславомъ, приняла широкіе размѣры,—война, вознесшая Удалаго на

---

[1]) Новг. лѣт., стр. 33. Въ Воскр. лѣт. слова эти съ слѣдующимъ измѣненіемъ: «да не будетъ Новый Торгъ надъ Новымъ Городомъ, ни Новгородъ подъ Торжкомъ» (См. стр. 120).

[2]) Воскр. лѣт. (стр. 120). *Карамзинъ* предполагаетъ, что Константинъ тогда еще притворно держалъ сторону своихъ братьевъ (Ист. Г. Р., Ш, стр. 164).

[3]) Воскр. лѣт., стр. 120.

[4]) Воскр. лѣт., стр. 119.

[5]) Воскр. лѣт., стр. 120.

[6]) *Татищевъ* говоритъ, будто Мстиславъ, не желая воевать съ Ярославомъ (къ чему принуждали его Новгородцы), обратился къ его братьямъ съ жалобой на своего зятя. Константинъ принялъ сторону Мстислава и уговаривалъ Ярослава отпустить задержанныхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ; но тотъ «съ гнѣвомъ» отказался исполнить это, а Юрій оправдалъ его. Тогда только выступилъ Мстиславъ съ войскомъ противъ Ярослава Всеволодовича (См. Ист. Р., III, 386—387).

вершину его славы и закончившаяся знаменитою Липецкою битвой [1]). 1216 г., 1-го марта, то-есть, по тогдашнему лѣтосчисленію въ день Новаго года, Мстиславъ [2]) выступилъ въ походъ противъ своего зятя, Ярослава Всеволодовича. Но даже въ минуту такого полнаго энтузіазма, какимъ, казалось, были тогда проникнуты Новгородцы, въ ихъ средѣ обнаруживается недостатокъ единодушія и раздвоеніе. Мы видѣли, въ какое отчаянное положеніе поставилъ Ярославъ Новгородъ, какъ Новгородцы, по видимому, должны были бы радоваться помощи со стороны Мстислава въ столь критическій моментъ, какъ клялись они идти съ своимъ княземъ на жизнь и на смерть. И что же? Именно въ ту минуту, когда явилась возможность спасенія и настала пора дѣйствовать единодушно, въ средѣ самихъ же Новгородцевъ находятся измѣнники общему дѣлу: во вторникъ выступилъ Мстиславъ изъ Новгорода, а уже въ четвергъ къ Ярославу перебѣжали съ своими женами и дѣтьми клятвопреступники [3]): Владиславъ Завидовичъ, Гаврило Игоревичъ, Юрій Олексиничъ и Гаврило Милятиничъ.

Ярославъ, какъ извѣстно, находился въ Торжкѣ. Но Мстиславъ двинулся не на Торжокъ: взявъ болѣе южное направленіе, онъ пошелъ къ предѣламъ Торопецкой волости. Это можно объяснить тѣмъ, что Удалой намѣревался, вѣроятно, соединиться съ своими союзниками, Владиміромъ Рюриковичемъ и Всеволодомъ Мстиславичемъ, по свидѣтельству Воскресенской лѣтописи, находившимися тогда въ Смоленскѣ; кромѣ того, къ этому могли побудить его и тѣ опустошенія, которымъ, какъ было замѣчено, уже подверглось Торопецкое княже-

[1]) Главными источниками для исторіи этого похода служатъ: особенно подробныя извѣстія Троицкой и Воскресенск. лѣтописей, а также и Новгородская лѣтопись, которая, впрочемъ, о самой Липецкой битвѣ говоритъ чрезвычайно кратко. Никоновскій лѣтописецъ своими добавленіями и прикрасами только портитъ безъискусственный разказъ указанныхъ источниковъ; Лаврентьевская же лѣтопись передаетъ о разсматриваемомъ событіи слѣдующимъ краткимъ образомъ (подъ 1217 г.): «искони злый врагъ дьяволъ... въздвиже *нѣкую* котору злу *межи князи, сыны Всеволожи, Костантиномъ и Юрiемъ и Ярославомъ*, и бишася у Юрьева, и *одолѣ Константинъ*; но пакы Богъ и крестъ честный и молитва отца ихъ и дѣдня введе я в великую любовь, и сѣде Константинъ въ Володимери на столъ, а Юріи Суздали...» (Лѣт. по Лавр. списку, 418). О Мстиславѣ Мстиславичѣ и о Новгородцахъ здѣсь ни слова!

[2]) Въ Троицк. лѣт. (стр. 211): «князь *великій* Мстиславъ».

[3]) Въ Троицкой лѣт. (стр. 211): «въ четвертокъ побѣгоша къ Ярославу крестопреступници...»; въ Новгор. лѣт. (стр. 34): «...и побѣгоша преступници кресту, цѣловали бо бяху хрестъ честьныи къ Мьстиславу съ всѣми Новгородци, яко всѣмъ одинакымъ быти...».

ство. Войдя въ свою волость, Мстиславъ отправилъ Новгородцевъ за съѣстными припасами, сказавъ имъ: „Идите въ зажитье [1]), только головъ [2]) не берите“ [3]). Запасшись припасамии и для себя, и для коней, войско двинулось по верховьямъ Волги. Здѣсь Ярославъ, братъ Святослава, съ десятитысячнымъ отрядомъ осаждалъ Ржевку [4]), Мстиславовъ городокъ. Затворившись въ городкѣ съ сотнею воиновъ, мужественный Ярунъ отбивался отъ непріятеля, когда Мстиславъ Мстиславичъ съ братомъ своимъ, Владиміромъ Псковскимъ, во главѣ 500 человѣкъ—„толко бо всѣхъ вой бяше“, поясняетъ при этомъ лѣтопись [5])—поспѣшилъ на его выручку. Не смотря на свои крайне незначительныя силы, Удалой уже однимъ своимъ приближеніемъ обратилъ въ бѣгство Святослава, а затѣмъ взялъ Зубцовъ. На Волгѣ, при впаденіи въ нее Вазузы [6]), къ Мстиславу присоединились его союзники, Владиміръ Рюриковичъ съ Смольнянами и Всеволодъ Мстиславичъ [7]).

Мстиславъ представилъ теперь новый примѣръ своего миролюбія: ставъ на Холохольнѣ [8]), онъ съ своими союзниками отправляетъ въ

---

[1]) «Впередъ, для заготовленія съѣстныхъ припасовъ» (См. *Карамзина*: Ист. Г. Р., III, пр. 164, также II, пр. 348). «Князья, вступая въ непріятельскую землю, посылали для сбора съѣстныхъ припасовъ; это называлось *ѣхать въ зажитье*» (См. *Соловьева* Ист. Р., III, 21).

[2]) По *Карамзину* подъ *головами* Мстиславъ имѣлъ въ виду людскія головы, запрещалъ, слѣдовательно, брать людей (Ист. Г. Р., III, прим. 164); это мнѣніе болѣе правдоподобно, чѣмъ мнѣніе *Сергѣевича*, который говоритъ, что Мстиславъ запретилъ брать скотъ (В. и кн., 410, пр. 72). Впрочемъ, можно думать что въ данномъ случаѣ Удалой подразумѣвалъ то и другое, то-есть запретилъ брать и людей, и скотъ.

[3]) Новг. лѣт., стр. 34.

[4]) Тверск. губ. Изъ этого *Арцыбашевъ* выводитъ, что Осташковскій и Ржевскій уѣзды принадлежали къ волости Торопецкой (Пов. о Росс., 291, пр. 1828).

[5]) Троицк. лѣт., стр. 211.

[6]) Въ Троицк. (стр. 111), Воскр. (стр. 120) и Никон. (II, 321) лѣт. сказано: «и быша на *Волзѣ*», а въ другихъ лѣтописяхъ (*Новг. 1-й лѣт.*, стр. 34; Новг. 4-й лѣт., стр. 21; Тверск., стр. 318)—«на *Вазузѣ*». Можно предположить, что дѣло происходило въ мѣстности близъ Волги и Вазузы.

[7]) Въ лѣтописяхъ говорится только о прибытіи къ Мстиславу Владиміра Рюриковича, но вопервыхъ, послѣдній находился въ Смоленскѣ *вмѣстѣ съ Всеволодомъ Мстиславичемъ*, а вовторыхъ, изъ послѣдующаго ясно видно, что и Всеволодъ Мстиславичъ соединился здѣсь съ Удалымъ.

[8]) Троицк. лѣт. (стр. 211); въ *Воскр.* ошибочно: «на Холохнѣ» (стр. 120). По *Ходаковскому* «Холохольна—рѣчка близъ Старицы, впадающая въ Волгу съ лѣвой стороны» (См. объ этомъ *Карамзина* Ист. Г. Р., III, пр. 164). *Арцыбашева*:

Торжокъ къ Ярославу пословъ переговорить о мирѣ, на что получаетъ отъ своего зятя такой отвѣтъ: „Мира не хочу; пошли, такъ идите! На сто нашихъ не достанется и одного изъ васъ" [1]). Эти гордыя слова не поколебали рѣшимости Ростиславичей; мысль о томъ, что ихъ дѣло правое, поддерживала ихъ. „Ты, Ярославъ, съ плотью" (то-есть, силой), говорили они между собой, „а мы съ крестомъ честнымъ". Новгородцы хотѣли теперь уже двинуться на Торжокъ, но Мстиславъ не согласился на это. „Если пойдемъ къ Торжку", замѣтилъ онъ,—„то опустошимъ Новгородскую волость" [2]). Кромѣ того, Ростиславичи имѣли въ виду союзъ съ Константиномъ Всеволодовичемъ и поэтому направлялись къ Переяславлю [3]), въ глубь самой Суздальской области. Забирая и сожигая по дорогѣ села, они пошли къ Твери, не зная, находится ли Ярославъ уже тамъ или еще въ Торжкѣ, а тотъ, между тѣмъ, услышавъ, что непріятели берутъ села, уѣхалъ изъ Торжка въ Тверь, взявъ съ собою старѣйшихъ бояръ Новгородскихъ и молодыхъ „изборомъ", то-есть по выбору, а Новоторжцевъ всѣхъ [4]); избранныхъ же 100 мужей онъ выслалъ впередъ, „въ сторону". Въ 15 верстахъ отъ Твери съ этими сторожами встрѣтились Ростиславичи и отправили противъ нихъ Яруна съ молодыми людьми, которые, наѣхавъ на Ярославовыхъ Новоторжцевъ, часть изъ нихъ взяли въ плѣнъ, часть избили; остальные спаслись бѣгствомъ въ Тверь [5]) (25-го марта) [6]). Отъ плѣнныхъ узнали, что Яро-

---

Пов. о Р., 292, пр. 1833). По *Соловьеву*, «Холохольня» «впадаетъ въ Волгу ниже обѣихъ рѣкъ Старицъ, при селеніи Холохольнѣ» (См. Ист. Р., пр. 408, стр. LIII).

[1]) Никон., по обыкновенію, передаетъ съ добавленіями: «какого мира ищете? начасте убо ходите, грядите; ибо и заецъ на кровь ходитъ, ни бо намъ на сто человѣкъ достанетца вашъ единъ человѣкъ» (II, 321).

[2]) Троицк. лѣт., стр. 211.

[3]) По Новг. лѣт., на предложеніе Новгородцевъ идти на Торжекъ Мстиславъ и Владиміръ отвѣтили такимъ образомъ: «поидемъ къ Переяславлю, есть у наю третіи другъ» (стр. 34).

[4]) Такъ въ Троицк. лѣт. (стр. 211); въ Новг. объ этомъ говорится нѣсколько ниже, когда Мстиславъ соединился уже съ Константиномъ (см. стр. 34).

[5]) Въ Троицк. лѣт. (стр. 212): «изымаша сторожевъ Ярославлихъ 30 и 3, а 77 ихъ убиша...»; въ Никоновск.: «...а седмьдесятъ убиша» (II, 322); въ Воскр.: «...1 убиша» (стр. 120); въ Новг. же не опредѣлено число плѣненныхъ и убитыхъ: «и многы побиша, а иныхъ изымаша, а иніи убѣжаша въ Тьхверь» (стр. 34).

[6]) «На Благовѣщеніе». Троицк. лѣт., стр. 212.

славъ находится въ Твери; „и тако“, говоритъ лѣтопись [1]), „ѣздяаху въ зажитье не боящеся“.

Мы видѣли уже, какое недовольство возбудило въ Константинѣ Всеволодовичѣ предсмертное распоряженіе его отца. Лишь только послѣдній умеръ, какъ между старшимъ Всеволодовичемъ и братомъ его, Юріемъ, начинаются распри, не приведшія, впрочемъ, ни къ какому рѣшительному результату: Юрій по прежнему удерживалъ за собой Владиміръ, а Константинъ—Ростовъ. Ярославъ при этомъ является постояннымъ союзникомъ Юрія. Понятно, что открывшаяся борьба Новгорода съ Ярославомъ могла представить Константину удобный случай выступить снова со своими притязаніями, заключивъ союзъ съ Мстиславомъ. И вотъ, Ростиславичи посылаютъ въ Ростовъ для переговоровъ Владимірова боярина Яволода, при чемъ Владиміръ Псковскій съ Псковичами и Смольнянами отправленъ былъ проводить посла до самаго рубежа Ростовской области. Между тѣмъ Мстиславъ съ своими товарищами и Новгородцами продолжалъ путь по Волгѣ, „воюя“, то-есть опустошая окрестности; не только пожжены были мѣстности по Шошѣ и Дубнѣ [2]) и городъ Константиновъ [3]), взятый Псковичами и Смольнянами подъ предводительствомъ Владиміра Псковскаго, но той же участи подверглось и все Поволжье. Въ этомъ отношеніи Мстиславъ Удалой, не смотря на свой рыцарскій характеръ и великодушіе, быть можетъ, не стоялъ выше своего времени, когда воевать значило разорять и грабить. Притомъ, даже при всемъ своемъ личномъ желаніи, онъ едва ли бы могъ удержать войско отъ опустошеній. Въ тѣ времена дисциплина была немыслима: князь въ битвѣ и въ походѣ былъ не полновластнымъ распорядителемъ, могущимъ требовать себѣ безпрекословнаго повиновенія со стороны войска, а скорѣе первымъ между равными. На пути Ростиславичей [4]) встрѣтилъ присланный Константиномъ воевода Еремѣй съ такими словами: „Князь Константинъ кланяется вамъ и говоритъ: радуюсь, слыша о вашемъ пріѣздѣ; вотъ вамъ отъ меня на помощь

---

[1]) Троицк. лѣт., стр. 212.

[2]) «Рѣки Шоша и Дубна текутъ на рубежѣ Московской и Тверской губ.» (См. *Арцыбашева* Пов. о Р., 292, пр. 1837). Дубна впадаетъ въ Волгу ниже Корчевы, въ Тверской губ. (См. *Соловьева* Ист. Р., II, пр. 213, стр. XXIII).

[3]) *Татищевъ* говоритъ, что Бѣлгородокъ, село на южной сторонѣ Волги, и былъ, какъ кажется, городъ Константиновъ (Ист. Р., 512, пр. 590). По *Карамзину*, Константиновъ—село Скнятино, при устьѣ Нерли (Ист. Г. Р., III, пр. 164).

[4]) Которыхъ Троицк. лѣт. (стр. 212) называетъ «нашими князьями».

500 мужей, а ко мнѣ пришлите для переговоровъ шурина моего, Всеволода" [1]). Тогда Мстиславъ и его союзники отрядили Всеволода съ большимъ числомъ воиновъ къ Константину, а сами пошли внизъ по Волгѣ, по дорогѣ покинули возы, сѣли на коней, чтобы быстрѣе совершать походъ, и двинулись „воюя" къ Переяславлю. У Городища [2]), на рѣкѣ Саррѣ [3]), они соединились съ Константиномъ и Ростовцами (9-го апрѣля) [4]). Князья поцѣловали крестъ и стали у Переяславля [5]), а Владиміра Псковскаго съ дружиной отрядили въ Ростовъ, быть можетъ, для охраны этого города отъ нападеній, какъ предполагаетъ Соловьевъ [6]), такъ какъ Константинъ, оставивъ Ростовъ безъ всякой защиты, могъ опасаться за его участь.

И такъ, въ средѣ самихъ Всеволодовичей Мстиславъ находитъ себѣ союзника въ лицѣ Константина. Это обстоятельство, конечно, усложнило положеніе дѣлъ: война приняла теперь иной характеръ, размѣры ея расширились, вся сѣверная Русь пришла въ движеніе. Это уже была борьба не одного только Новгорода съ своимъ прежнимъ княземъ, позволившимъ себѣ злоупотреблять своею властью; теперь, кромѣ того, рѣшался вопросъ: остается ли въ силѣ предсмертное распоряженіе Всеволода III? Долженъ ли по прежнему Владиміръ принадлежать Юрію, а Ростовъ Константину? Словомъ, дѣло уже шло не о судьбѣ одного только Новгорода, а объ участи всей сѣверной Руси [7]).

---

[1]) То-есть, Всеволода Мстиславича, сына Мстислава Романовича.

[2]) «Селеніе Городищево въ Переяславскомъ округѣ» (См. *Карамзина:* «Ист. Г. Р.», III, пр. 164). Замѣтимъ, что въ лѣтописяхъ сказано: «На Городищѣ, на рѣкѣ Саррѣ у *святой Марины*» (Новг. и Троицк.) или «*Маріи*» (Воскрес., Никон. и Тверск.). По поводу этого *Арцыбашевъ* говоритъ: «Городище св. Марины, или Маріи, намъ неизвѣстно; мы подозрѣваемъ даже, что нѣтъ ли тутъ ошибки переписчика: апрѣля 9-го числа празднуется память св. мученика Маріана пресвитера» (Пов. о Росс., 292—293, пр. 1839).

[3]) Ярославской губ., Ростовскаго уѣзда (См. *Соловьева* И. Р., II, пр. 409, стр. LIII). *Карамзинъ* отожествляетъ Сарру съ Ѳерой (Ист. Г. Р., III, пр. 164). на это *Арцыбашевъ* замѣчаетъ: «Сера Владимірской губ.... не по дорогѣ отъ устья Шоши къ Переяславлю; а какъ Мстиславъ и его товарищи отъ Дубны *пойдоша по Волзѣ внизъ*, то, кажется, удобнѣе имъ было придти къ р. Сарѣ Ярославской губ., Ростовскаго уѣзда». (Пов. о Р., 292, пр. 1839).

[4]) Въ Троицк. лѣт.: «апрѣля 9 *на Великъ день*» (стр. 212), въ *Нов.*—«въ великую суботу» (стр. 34).

[5]) «Въ Ѳомину недѣлю» (Троицк. лѣт., стр. 212).

[6]) Ист. Р., II, 353.

[7]) *Сергѣевича*: В. и кн., 227.

Немедленно Юрій принимаетъ теперь открыто сторону Ярослава, находившагося тогда уже не въ Твери, а въ Переяславлѣ [1]), и выступаетъ къ нему на помощь. Когда Мстиславъ съ своими товарищами, подъѣхавъ къ Переяславлю, захватилъ плѣнника, то узналъ отъ него, что Ярослава нѣтъ уже въ городѣ, что онъ отправился къ Юрію съ своими полками, Новоторжцами и тѣми Новгородцами, которые держали его сторону. А между тѣмъ самъ Юрій спѣшилъ изъ Владиміра на встрѣчу къ Ярославу. У младшихъ Всеволодовичей собрано было войско, сильное своею численностью: тутъ были и Муромцы, и Бродники и Городчане, и вся сила земли Суздальской: „бяшеть бо погнано", говоритъ лѣтопись [2]),—„и изъ поселей и до пѣшьца". Раздвоеніе было не только среди братьевъ-князей,—оно проникло въ самое населеніе: Мстиславъ во главѣ Новгородцевъ шелъ на общаго, казалось, ихъ врага, Ярослава, а между тѣмъ въ войскѣ послѣдняго находились также Новгородцы и Новоторжцы; Ростовцы съ своимъ княземъ Константиномъ идутъ не только на Муромцевъ и Переяславцевъ, но и на „всю Суздальскую землю", предводимую младшими Всеволодовичами. Такимъ образомъ, лѣтописецъ имѣлъ полное основаніе воскликнуть: „О страшное и дивное чудо, братія, пошли сыновья на отца, а отцы на дѣтей, братъ на брата, рабы на господина, а господинъ на рабовъ!" [3]).

Ярославъ и Юрій съ младшими своими братьями стали на рѣкѣ Кзѣ; Ростиславичи же съ Новгородцами расположились близъ Юрьева, между тѣмъ какъ Константинъ сталъ съ своимъ полкомъ вдали отъ нихъ, на рѣкѣ Липицѣ [4]). Если прежде всѣ попытки Мстислава къ

---

[1]) Новг. лѣт., стр. 34.

[2]) Троицк. (стр. 212). Новг. лѣт., сказавъ сначала о томъ, что Ярославъ ушелъ изъ Торжка, взявъ Новгородцевъ по выбору, а Новоторжцевъ всѣхъ, *непосредственно* за этимъ говоритъ: «И приде (Ярославъ) Переяславлю, и скопи волость свою всю, а Гюрги свою, Володимиръ такоже, а Святославъ такоже, и выиде изъ Переяславля съ пълкы, и съ Новгородьци, и съ Новоторжьци» (стр. 34).

[3]) Троицк. лѣт., стр. 212

[4]) Такъ въ Троицк. лѣт. (стр. 212); въ Новг. же сказано прямо: «Мьстиславъ же, и Костантинъ, и два Володимира, съ Новгородци сташа на рѣцѣ Липичи» (стр. 34). Мы уже видѣли, что съ Мстиславомъ остался только одинъ Владиміръ Рюриковичъ, а Владиміръ Псковскій отправленъ былъ къ Ростову. Никон. лѣт. прибавляетъ, что съ Константиномъ были «два храбра, Добрыня Златый поясъ, да Александръ Поповичъ с своимъ слугою с Торопомъ, славныя богатыри» (II, 323). Тверск. лѣт. называетъ этихъ богатырей Тимоней Золотымъ поясомъ, и Олешкой Поповичемъ, слугу послѣдняго — Торопомъ (Полн. Собр. Русск. лѣт., т. XV, стр. 323).

примиренію ни къ чему не привели, то еще труднѣе было уладить дѣло мирнымъ путемъ теперь, когда съ принятіемъ Константиномъ и Юріемъ участія въ борьбѣ затронуты были интересы столькихъ князей, когда нужно было рѣшить участь не только Новгорода, но и Суздальской земли. Тѣмъ не менѣе, миролюбивый Мстиславъ попытался войдти въ соглашеніе если не съ Ярославомъ, то по крайней мѣрѣ съ Юріемъ. Увидѣвъ предъ собой Ярославовы и Юрьевы полки, говоритъ лѣтопись, онъ съ своими товарищами отправляетъ къ князю Юрію сотскаго Ларіона, поручая сказать: „Кланяемся! Нѣту у насъ съ тобою обиды: обида у насъ съ Ярославомъ". Этимъ ясно была выражена первоначальная и главнѣйшая цѣль войны: не возстановленіе во что бы то ни стало стараго порядка на всемъ сѣверѣ Руси, а прежде всего интересы Новгорода—вотъ что̀ имѣлъ въ виду Мстиславъ Мстиславичъ. Но Юрій сказалъ въ отвѣтъ Ростиславичамъ: „Одини есмя братья съ Ярославомъ". Очевидно было, что Юрій дѣло Ярослава считалъ ихъ общимъ дѣломъ и не намѣренъ былъ входить въ отдѣльное соглашеніе съ Ростиславичами. Такимъ образомъ, если Мстиславъ хотѣлъ достигнуть мира, то онъ долженъ былъ съ переговорами обратиться опять къ Ярославу. И вотъ, къ послѣднему Ростиславичи посылаютъ того же Ларіона. „Отпусти мужей, Новгородцевъ и Новоторжцевъ", говорилъ посолъ Ярославу отъ имени Мстислава и его союзниковъ, „а что изъ волости Новгородской присвоилъ — Волокъ—возврати; съ нами же миръ возьми и крестъ къ намъ цѣлуй, а крови не проливай!" [1]). Посольство осталось безъ успѣха: упрямый и жестокій Ярославъ, теперь еще болѣе надѣявшійся на свою силу и на побѣду, далъ гордый и презрительный отвѣтъ: „мира не хочу, а мужи у меня; далеко зашли вы и вышли, какъ рыба на сухую землю" [2]). Ларіонъ передалъ слова эти Ростиславичамъ и Новгородцамъ. Но миролюбіе Мстислава и его товарищей еще не истощилось: въ третій разъ посылаютъ они Ларіона, на этотъ разъ уже къ обоимъ Всеволодовичамъ, къ Юрію и Ярославу, съ „послѣднею рѣчью": „Мы пришли, братья, князь Юрій и Ярославъ, не на кро-

---

[1]) Троицк. (стр. 212); въ Новг.: «а кръви не *проливаемъ*» (стр. 34).

[2]) Никон. лѣт. своими добавленіями только изуродовала этотъ отвѣтъ, лишивъ его выразительной сжатости: «далече есте зашли, яко овцы ко львомъ, яко ѳеленки к медвѣдямъ, яко свиньи на поле, яко рыбы на сухо» (II, 324).

[3]) Новгор. лѣт. непосредственно за этимъ говоритъ о желаніи Новгородцевъ биться не на коняхъ, а пѣшими, а потомъ весьма кратко передаетъ и о побѣдѣ Мстислава.

вопролитье! крови не дай Богъ пролить; лучше до этого управимся! Одного мы племени между собою; дадимъ же старѣйшинство князю Константину; посадите его во Владимірѣ, а вамъ Суздальская земля вся". Слова эти лучше всего показываютъ миролюбіе и умѣренность Мстислава; въ нихъ ясно выражается то сознаніе единства происхожденія всѣхъ Русскихъ князей, то чувство братской любви, которымъ такъ отличался Удалой, надѣявшійся, конечно, тщетно, что на этомъ чувствѣ можетъ быть основанъ порядокъ и миръ среди запутанныхъ отношеній, борьбы страстей и эгоизма. Эти же слова служатъ новымъ подтвержденіемъ уже высказанной нами мысли, что Константинъ не былъ такимъ, какимъ его считаютъ, приверженцемъ старыхъ городовъ, не хотѣвшимъ оставить Ростовъ и за это поссорившимся съ отцемъ: онъ, напротивъ, добивается лишь Владиміра, этого „мизиннаго" города, а остальную Суздальскую землю готовъ уступить своимъ братьямъ. Но, повторяемъ, если младшіе Всеволодовичи не соглашались на миръ, когда дѣло шло только о Новгородѣ, то тѣмъ болѣе не могли они согласиться на добровольную уступку Владиміра Константину. Юрій отвѣтилъ послу: „скажи братьямъ моимъ, князю Мстиславу и Владиміру: если даже отецъ не управилъ насъ съ Константиномъ, то вы ли хотите помирить насъ съ нимъ? Идите же, зачѣмъ пришли. А брату нашему Константину передай: одолѣй насъ,— тебѣ вся земля!" [1]). Изъ послѣднихъ словъ видно, что если Мстиславъ и его товарищи въ данномъ случаѣ полагаются на правоту своего дѣла и являются представителями права, правды, то младшіе Всеволодовичи, напротивъ, готовы преклониться не предъ правомъ, а лишь предъ силой: по ихъ словамъ, кто сильнѣе, тому и должна принадлежать Суздальская земля.

„Такъ", замѣчаетъ лѣтописецъ [2]), — „вознеслись славою князья Юрій и Ярославъ, и видя у себя силу великую, не приняли мира". Но въ войскѣ ихъ не всѣ раздѣляли такую самоувѣренность. Когда Юрій съ братьями, пируя въ шатрѣ въ кругу своихъ бояръ, началъ разсуждать о предстоявшей битвѣ, то одинъ бояринъ [3]) обратился

---

[1]) Воскр. лѣт., стр. 122.

[2]) Троицк. лѣт., стр. 212.

[3]) Троицк. лѣт. не называетъ его по имени, а говоритъ только: «бояринъ молвитъ» (стр. 212); въ Новг. 4-й лѣт. (Полн. Собр. Русск. лѣт., IV, стр. 22) и Тверск. («Полн. Собр. Русск. лѣт.», XV, 321) этотъ бояринъ названъ Творимиромъ; въ Воскр. сказано неопредѣленно: «нѣкоторіи же отъ бояръ ихъ, иже не ради кровопролитію....» (стр. 122). Никон. говоритъ слѣдующее: Юрій

къ нему, по словамъ лѣтописи, съ такимъ совѣтомъ: „Твори миръ, князь Юрьи и Ярославе, меньшая братья въ вашей воли; оже бы по моему гаданію, луче бы миръ сътворити и дати старѣйшиньство князю Константину; ци зримъ, оже при нашихъ полцѣхъ тѣхъ мало Ростиславля племяни; да князи мудри суть и рядни и хоробри, а мужи ихъ, Новгородци и Смолняне дерзи къ боеви, а Мстислава Мстиславича и сами вѣдаета въ томъ племяни, оже даны ему отъ Бога храбрость изо всѣхъ [1]); а господина, гадайта!" [2]) заключилъ свою рѣчь бояринъ. Въ Воскресенской лѣтописи есть интересное добавленіе; по ея словамъ, нежелавшіе кровопролитія бояре, совѣтуя Юрію и Ярославу не уповать на силу, говорятъ между прочимъ: „но егда правда ихъ" (то-есть Ростиславичей и Константина) „будетъ?" [3]). Такимъ образомъ, несмотря на весь произволъ, царившій въ то время, несмотря на всю сбивчивость представленій о правѣ, чувство правды, какъ видно, не было еще окончательно заглушено. Среди самихъ сторонниковъ Юрія носится смутное сознаніе, что дѣло, защищаемое Мстиславомъ, есть дѣло правое, а потому и борьба съ Удалымъ не легка, что кромѣ того, и самъ Мстиславъ — личность выдающаяся, противникъ опасный. „И нелюба была эта рѣчь князьямъ Юрію и Ярославу", говоритъ лѣтопись [4]). Зато понравилась имъ другая рѣчь,

---

съ братьями «начаша пиры творити во шатрѣхъ своихъ з бояры своими, и начаша вопрошати по единому когождо бояръ своихъ, какъ на бой с ними сходитися. Они же кождо своя рѣчи глаголаша, от нихъ же единъ старъ сый бояринъ Андрѣй Старисливичъ ничтоже глаголаша, и мняху его, яко отъ старости и мало смыслитъ, и неприлежно вопрошаху его. Та же якоже спроса вопросиша его прилѣжно, какъ дѣлати с супостаты сими; онже отвеща, глаголя: Княвь же Юрьи и Ярославе, азъ старъ и мало смыслю уже, да убо по моей старости лутчи есть миръ взять» и т. д. (II, 325).

[1]) Въ Никон. лѣт. прибавлено: «и есть у него мужи храбри зело и велицы богатыри, яко львы и яко медвѣди, не слыша бо на себѣ ранъ, старѣйшаго же вашего брата Константина вѣсто сами, яко *его правда есть, и ему подобаетъ быти старѣйшему*» (II, 325).

[2]) Троицк. лѣт., стр. 212.

[3]) Воскр. лѣт., стр. 122.

[4]) Троицк. лѣт., стр. 112. Никон., по обыкновенію, распространяется: «Князь великии же Юрьи з братьею своею о семъ зело разъярився и разсверепѣ, и нача сюду и сюду метатися, яко зело не люба бысть ему рѣчь сія. Бояре же его начаша ему глаголати: что княже о семъ скорбиши, не вѣси ли, яко без ума есть сей от старости, невѣсть, что глаголетъ» (II, 326). Вообще, какъ кажется, разказъ Никон. лѣт. объ этомъ эпизодѣ отличается нѣсколько тенденціознымъ характеромъ.

какъ нельзя болѣе гармонировавшая съ ихъ самоувѣренностью и служившая полнымъ выраженіемъ ихъ собственныхъ мыслей. На приведенныя слова боярина нѣкто изъ Юрьевыхъ бояръ [1]) возразилъ: „Князь Юрій и Ярославъ! Не было того ни при прадѣдахъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, чтобы кто-нибудь вошелъ въ сильную землю Суздальскую и вышелъ цѣлъ; хотя бы и вся Русская земля: и Галицкая, и Кіевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская,—все-таки ничего не успѣютъ противъ силы этой“ (то-есть, противъ Суздальской земли); „а что до этихъ полковъ, то, право, мы ихъ сѣдлами забросаемъ!“

Съ обѣихъ сторонъ начинаются приготовленія къ битвѣ. Нисколько не сомнѣваясь въ своей побѣдѣ, младшіе Всеволодовичи, созвавъ своихъ бояръ и „первыхъ людей“, даютъ имъ наставленіе: „Лишь бы достался намъ непріятельскій обозъ [2]); вамъ же будутъ кони, брони и порты“ (то-есть, одежда). „Если кто человѣка возьметъ живаго, тотъ самъ будетъ убитъ; если даже и золотомъ шито будетъ оплечье,—то убей! Не оставимъ ни одного врага въ живыхъ! Кто, не будучи убитъ, изъ полку убѣжитъ, того, поймавъ, будемъ вѣшать или распинать; а о князьяхъ, когда будутъ у насъ въ рукахъ, тогда подумаемъ“. Отпустивъ людей и войдя въ шатеръ, князья заранѣе приступили къ дѣлежу русскихъ городовъ,—до того доходила ихъ самоувѣренность! „Мнѣ, братъ Ярославъ“, сказалъ Юрій, —„Владимірская земля и Ростовская, а тебѣ Новгородъ; Смоленскъ же—брату нашему Святославу, Кіевъ дай Черниговскимъ князьямъ, а Галичъ намъ же“. „Здѣсь“, замѣчаетъ Соловьевъ [3]),—„всего любопытнѣе для насъ презрѣніе Сѣверныхъ князей къ Кіеву, съ которымъ для ихъ предковъ и для всѣхъ Южныхъ князей соединялась постоянно мысль о старшинствѣ, о высшей чести; но богатый Галичъ Всеволодовичи берутъ себѣ“. Князья цѣловали крестъ между собою

---

[1]) Въ Троицк. лѣт.: «Нѣкто же бояръ княжь Юрьевыхъ» (стр. 212—213). Тверск. лѣт. называетъ его *Ратиборомъ* (стр. 337). Воскр., какъ и въ первомъ случаѣ, считаетъ это мнѣніе выраженіемъ мыслей цѣлой партіи: «Иніи же младоумніи, паче не хотяще добра межъ братьи, но радующеся еже проліяти кровь христіаньску, глаголаху сице княземь своимъ....» (стр. 122).

[2]) Въ Троицк. лѣт., по изданію археографической коммиссіи, сказано: «се пришелъ *бы* товаръ въ руки...» (стр. 213), а по *Карамзину* (Ист. Г. Р., III, пр. 167) — «се пришелъ *вы*...», значитъ, нѣсколько иной смыслъ: «*вотъ достался вамъ* въ руки...»

[3]) Ист. Р., II, 354—355.

и, чтобы не преступать условій, написали грамоты, которыя потомъ, послѣ побѣды, были захвачены Смольнянами въ станахъ Ярослава и переданы ими своимъ князьямъ. Заранѣе раздѣливъ такимъ образомъ русскіе города, надѣясь, по словамъ лѣтописи [1]), на свою великую силу, Юрій и Ярославъ начали „позывать“ своихъ противниковъ къ Липицамъ на бой. Тогда Мстиславъ Мстиславичъ и Владиміръ Рюриковичъ призвали князя Константина „и—по выраженію лѣтописи [2])—гадавша съ нимъ много и цѣловаста крестъ, яко не быти въ немъ перевѣту“, и въ ту же ночь выступили къ Липицамъ. То обстоятельство, что Мстиславъ считаетъ нужнымъ еще разъ взять крестное цѣлованіе съ своего союзника, Константина, служитъ указаніемъ на нѣкоторое недовѣріе къ послѣднему со стороны Новгородскаго князя. „Хотя общіе виды“, говоритъ г. Костомаровъ [3]),—„ соединили Ростовскаго князя съ Новгородцами, но онъ все-таки былъ однимъ изъ Суздальскихъ князей, и если бы братья съ нимъ поладили, то и онъ, быть можетъ, пошелъ бы за одно съ ними, когда дѣло приняло бы исключительно смыслъ борьбы всей Суздальской земли съ Новгородскою“. Однимъ словомъ, это доказываетъ, что Мстиславъ не былъ здѣсь защитникомъ Константина, имѣвшимъ главною цѣлью возстановленіе правъ его, а лишь союзникомъ его, связаннымъ съ нимъ общими интересами и общею враждою къ младшимъ Всеволодовичамъ.

Во всѣхъ полкахъ Ростиславичей раздавались клики, а въ Константиновыхъ трубили въ трубы. Слыша это, войско младшихъ Всеволодовичей, стоявшее всю ночь за щитами въ ожиданіи нападенія, пришло въ смятеніе [4]); сами князья, Юрій и Ярославъ, хотѣли было бѣжать [5]) и едва успокоились, „уяшася за малымъ“, какъ го-

[1]) Троицк. лѣт., стр. 213.

[2]) Троицк. лѣт., стр. 213.

[3]) Русск. ист. въ жизнеоп. ея главн. дѣят., 108.

[4]) Троицк. лѣт., сказавъ о томъ, что Ростиславичи и Константинъ въ ту же ночь выступили къ назначенному для боя мѣсту, говоритъ; «*пополошилися* стояща за щиты всю нощь, кликоша бо во всѣхъ полцѣхъ, и въструбиша въ княжихъ Костантиновыхъ полцѣхъ; слышаста князь Юрьи и Ярославъ, хотѣста побѣгнути...» (стр. 213), такъ что на первый разъ трудно понять, слѣдуетъ ли при «пополошилися» подразумѣвать младшихъ Всеволодовичей или Мстислава съ его союзниками; но Воскр. лѣт. устраняетъ эту неясность: «пополошася *Юрьевы* полки и стояша за щиты всю нощь», говоритъ она (стр. 122).

[5]) Никон. прибавляетъ: «... и пріиде к нимъ онъ бояринъ состарѣвыйся, иже глагола имъ о миру, и рече еще к нимъ: ничтоже видѣвъ, почто хощете бежати? не рѣхъ ли азъ вамъ своимъ безуміемъ, яко лутче вамъ мирится; се бо

ворить лѣтопись [1]). Между тѣмъ Мстиславъ съ своими союзниками утромъ на слѣдующій день пришелъ къ Липицамъ, куда ихъ звали на бой младшіе Всеволодовичи: но послѣднихъ тамъ уже не оказалось: они ночью перешли за дебрь и разставили свои полки на-горѣ, извѣстной подъ именемъ Авдовой. Тогда Мстиславъ и его товарищи расположились съ своимъ войскомъ на другой горѣ, называемой Юрьевой. Враговъ раздѣляла дебрь. Мѣстность, очевидно, была неудобна для битвы. И вотъ Мстиславъ Мстиславичъ и союзные съ нимъ князья посылаютъ еще разъ трехъ мужей къ Юрію съ предложеніями мира; „если же не дашь мира", говорили Юрію послы отъ имени своихъ князей, „то отступите далѣе на ровное мѣсто, а мы на вашу сторону пойдемъ, или же мы отступимъ на Липицы, а вы на наши станы". Юрій сказалъ въ отвѣтъ: „Ни мира не принимаю, ни отступаю; прошли чрезъ всю землю, а этой ли дебри не перейдете?" [2]). Млашіе Всеволодовичи находили очень выгодною свою позицію; они надѣялись на укрѣпленія, воздвигнутыя ими на случай ночнаго нападенія: ихъ станъ, расположенный на горѣ и, слѣдовательно, укрѣпленный самою природою, сверхъ того окруженъ былъ кольями и плетнемъ.

Такимъ образомъ, битва была неизбѣжна. Получивъ упомянутый отвѣтъ Юрія, Ростиславичи выслали биться съ Ярославовыми воинами молодыхъ людей; бились въ тотъ день до ночи, но не усердно, по случаю бури и сильнаго холода. Утромъ на слѣдующій день Мстиславъ и его союзники хотѣли идти прямо на Владиміръ, не нападая не враговъ, и уже начали-было собираться въ путь, когда ихъ противники, видя это и воображая, что они намѣрены бѣжать, принялись сходить съ своей укрѣпленной позиціи, но тотчасъ были оттѣснены назадъ. Въ это же время былъ изъ Ростова и Владиміръ Псковскій. И начали князья совѣтоваться между собою. „Братъ Мстиславъ

ни единого мертвого ни кроваваго вѣдѣсте, и тако устрашистеся, и на беганние уклонистеся, егда же увидите вящша сего сотворшеся надъ вами, что тогда не пострадаете» (II, 327—328). Это можетъ служить подтвержденіемъ того, что весь разказъ Никон. лѣт. о престарѣломъ бояринѣ имѣетъ нѣсколько тенденціозный оттѣнокъ. Слова старца, котораго считаютъ уже выжившимъ изъ ума и совѣтомъ котораго пренебрегли, начинаютъ оправдываться.

[1]) Троицк. лѣт., стр. 213.

[2]) Троицк. лѣт., стр. 213. Никон. изуродовала и этотъ отвѣтъ: «...пойдите убо чрезъ болонье и чрезъ дебрь сию, обычно бо есть свиниямъ по дебрямъ ходити, и корасямъ въ грязяхъ валятися» (II, 328).

и Владиміръ!“ сказалъ Константинъ [1]),—„если мы пойдемъ мимо враговъ, то они нападутъ на насъ съ тылу; а, второе, мои люди въ бою не держки: тамъ и разойдутся по городамъ“ [2]). Вспомнимъ слова боярина, совѣтовавшаго Юрію помириться съ Ростиславичами, и сравнимъ его отзывъ о противникахъ съ этимъ мнѣніемъ самого же Константина о своихъ людяхъ: тогда предъ нами предстанетъ вся противуположность сѣвернаго и южнаго населенія: одно—преимущественно съ мирнымъ характеромъ и наклонностями, князья его обязаны своимъ успѣхомъ и вліяніемъ матеріальной силѣ, и главное, умной, ловкой политикѣ; другое—воинственное, вѣчно подвижное, стремящееся къ воинской славѣ и къ подвигамъ ратнымъ. Тогда Мстиславъ Мстиславичъ, увѣренный въ правотѣ своего дѣла, обращается къ своимъ товарищамъ съ ободряющими словами: „Князь Владиміръ и Константинъ, гора намъ не поможетъ, гора насъ и не побѣдитъ, но взирая на крестъ честный и на правду, пойдемъ на враговъ!“ Начали разставлять полки: съ краю поставилъ свой отрядъ Владиміръ Смоленскій, за нимъ, въ срединѣ, сталъ Мстиславъ и Всеволодъ съ Новгородцами и Владиміръ Псковскій съ Псковичами, а на другомъ краю находился Константинъ Всеволодовичъ во главѣ Ростовцевъ. Войско противниковъ, младшихъ Всеволодовичей, расположилось въ слѣдующемъ порядкѣ: напротивъ Владиміра Рюриковича и Смольнянъ сталъ Ярославъ съ Муромцами, Городчанами и Бродниками; Юрій со всею Суздальскою землею находился противъ Мстислава и Новгородцевъ, „а меньшая братія“ его—противъ Константина [3]). Мстиславъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Рюриковичемъ ободрялъ Новгородцевъ и Смольнянъ. „Братья!“ говорилъ онъ,—„вошли мы въ землю сильную, но, взирая на Бога, станемъ крѣпко, не озираясь назадъ: бѣгствомъ не уйти! Забудемъ пока, братья, домà, женъ и дѣтей! а кому не умирать? Въ бой же

[1]) Въ Тверск. лѣт. слова эти ошибочно, вопреки извѣстіямъ всѣхъ другихъ лѣтописей, приписываются Мстиславу.

[2]) Троицк. лѣт. (стр. 213). Никон. дѣлаетъ любопытное добавленіе: по ея словамъ, Константиновы люди еще и потому не надежны, что находятся въ родствѣ съ воинами Юрія и Ярослава. «Еже же у насъ иные люди к бою не держки, яже глаголю про своихъ; едини бо суть вростьве и в племяни и в кумовствѣ» (II, 329). Слова эти, составляющія, вѣроятно, позднѣйшую вставку, тѣмъ не менѣе довольно вѣрно характеризуютъ отношенія стоявшихъ другъ противъ друга враждебныхъ войскъ и степень раздѣленія въ населеніи Сѣверной Руси.

[3]) Въ Никон. лѣт. подробности: «бѣ же той день солнеченъ и знойно зело и веста вѣтръ, и прииде облакъ, и бяше громъ безпрестани, и молния сожигающи страшна,.. и стояху много, ...разсвирѣпившась яко звѣріі»... (II, 329).

идите, кто хочетъ пѣшій, а кто на коняхъ",—„мы не хотимъ умирать на коняхъ [1]), отвѣчали Новгородцы, „но какъ отцы наши бились пѣшіе на Колокшѣ" [2]). „Князь же Мстиславъ", говоритъ лѣтопись [3]),—„радъ былъ этому". Новгородцы спѣшились, сбросили съ себя лишнюю одежду и сапоги и босые устремились впередъ. Подобно имъ и Смольняне шли въ бой пѣшіе. Вслѣдъ за ними Владиміръ Рюриковичъ отрядилъ Ивора Михайловича съ полкомъ; сами же князья и воеводы слѣдовали позади на коняхъ. Начиналась знаменитая Липецкая битва.

Въ дебри подъ Иворомъ споткнулся конь; не дожидая его, пѣхота, съ крикомъ бросая палки и топоры, ударила на Ярославовыхъ пѣшихъ воиновъ, которые обратились въ бѣгство. Побѣдители начали избивать бѣгущихъ, подсѣкли даже стягъ Ярославовъ, а тутъ подоспѣлъ Иворъ съ остальными Смольнянами, и досѣклись до другаго стяга. Между тѣмъ князья оставались еще позади. Видя, что битва уже загорѣлась, Мстиславъ, сказавъ: „не дай Богъ, братъ Владиміръ, выдать добрыхъ людей!" ударилъ, въ свою очередь, на враговъ съ своимъ полкомъ, а за нимъ и Владиміръ Рюриковичъ, и Всеволодъ Мстиславичъ, каждый съ своею дружиной; подоспѣлъ и Владиміръ, Мстиславовъ братъ, съ Псковичами, и Константинъ съ Ростовцами. Между всѣми выдавался Мстиславъ [4]): трижды проѣхалъ онъ сквозь Юрьевы и Ярославовы полки, поражая враговъ своимъ топоромъ съ паворозою, который былъ у него въ рукѣ [5]).

---

[1]) Троицк. лѣт. (стр. 214); въ Воскр.: «мы на конехъ не ѣдемъ» (стр. 122).

[2]) Въ Троицк.: «на Колачинѣ» (стр. 214), въ Новг.: «на Кулачьскѣ» и «на Колачькѣ» (стр. 34). Карамзинъ спрашиваетъ: не рѣка ли это Каменка? (Ист. Г. Р., II, пр. 178). *Арцыбашевъ* говоритъ: «Такъ называлось, вѣроятно, нѣкоторое мѣсто у Суздаля». *Погодинъ* отожествляетъ эту мѣстность съ рѣкою Колокшей, которая впадаетъ въ Клязьму, орошая уѣзды Юрьевскій и Владимірскій (Изсл., зам. и лекціи, IV, 267). Какую же битву имѣютъ въ виду Новгородцы? Быть можетъ, ту, которая происходила между Мстиславомъ Владиміровичемъ, въ то время Новгородскимъ княземъ, и Олегомъ Святославичемъ; но эта битва происходила слишкомъ давно—въ 1097 г.

[3]) Троицк. лѣт., стр. 214,

[4]) *Татищевъ* на первомъ планѣ вездѣ ставитъ Константина, замѣчая при этомъ, что хотя въ Новгородской лѣт. и пространно говорится, «токмо не весьма право. Ибо они во всемъ первенство и преимущество Мстиславу дали, чему быть не можно по мѣсту и родству» (Ист. Росс., III, 512, прим. 592).

[5]) Никон. лѣт. говоритъ: «... и ліяшеся кровь аки вода, и князь Мстиславъ Мстиславичъ с своими полки проѣха трижды сквозе полки Юрьевы и Ярославли, и бѣ самъ крѣпокъ и мужественъ, и велику силу имѣя и усердство, и в руцѣ имѣя топоръ и сечаше нещадно и загнася сметавшеся. И прииде на него Але-

Не смотря на свою видимую многочисленность [1]), войско младшихъ Всеволодовичей не могло долго противостоять своимъ противникамъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны были разрозненныя толпы Суздальцевъ, не отличавшихся, какъ извѣстно, ратнымъ духомъ, и притомъ толпы, ничѣмъ не воодушевленныя, а съ другой — мужественные Мстиславовы полки, предводимые вождемъ, по отвагѣ и военнымъ талантамъ не имѣвшимъ тогда себѣ равнаго въ цѣлой Руси, воодушевленные любовью къ свободѣ и негодованіемъ за притѣсненія. Понятно, на чьей сторонѣ должна была быть побѣда. Удалой съ своими товарищами досѣкся до самаго непріятельскаго обоза. Тогда, говоритъ лѣтопись [2]), — князья Юрій и Ярославъ, видя, что ихъ воины падаютъ, какъ сжатые колосья на нивѣ, вмѣстѣ съ младшими братьями и Муромскими князьями обратились въ бѣгство, оставивъ обозъ въ рукахъ побѣдителей. Мстиславъ видѣлъ опасность, которая можетъ произойдти въ томъ случаѣ, если его воины накинутся на добычу. „Братья Новгородцы!“ воскликнулъ онъ,—„не бросайтесь на товаръ, но заботьтесь о боѣ; а то какъ бы не обратились враги и не смяли бы насъ“ [3]). „Новгородцы же“, говоритъ лѣтопись,—„бились не ради товара“, а Смольняне, вовсе не думая о битвѣ, напали на обозъ и даже принялись „обдирать мертвыхъ“ [4]).

Въ полдень 21-го апрѣля [5]) кончилась битва. Пораженіе младшихъ Всеволодовичей было полное, потери ихъ громадны; „не 10 бо убито“, говоритъ лѣтопись [6]), — „ни 100, но тысуща тысущами“;

ксандръ Поповичъ, имѣя мечъ нагъ, хотя разсещи его; бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Он же возопи глаголя, яко азъ есмь князь Мстиславъ Мстиславичъ Новгородцкиі; он же уставися, и тако спасе Богъ от смерти. І рече ему Александръ Поповичъ: княже, то ты не дерзай, но стой и смотри; егда убо ты глава убиенъ будеши, и что суть иныя, и камо ся имъ дѣти» (II, 330—1).

[1]) По Троицк. лѣт., у Юрія было 13 стяговъ, а трубъ и бубновъ 60; носилась молва, говоритъ эта лѣтопись, что и у Ярослава было 17 стяговъ, а трубъ и бубновъ—40 (стр. 214). По Новг. 4-й лѣт. наоборотъ: у Юрія 17 стяговъ и по 40 трубъ и бубновъ, а у Ярослава—13 стяговъ, а трубъ и бубновъ 60 (Полн. Собр. Рус. лѣт., IV, 24). *Арцыбашевъ* по этому поводу дѣлаетъ предположеніе: «стяги не означаютъ ли здѣсь пѣхотные полки, а трубы и бубны—конныя роты? (Пов. о Росс., I, 297, пр. 1872.)

[2]) Троицк. лѣт., стр. 214.

[3]) Троицк. лѣт., стр. 214.

[4]) Троицк. лѣт., стр. 214.

[5]) «Въ четвертокъ второй недѣли по Пасцѣ» (см. Троицк. лѣт., стр. 214), Новг. также относитъ эту битву къ 21 апрѣля.

[6]) Троицк. лѣт., стр. 214.

именно, по словамъ источниковъ, число убитыхъ со стороны побѣжденныхъ равнялось 9233 [1]). Побѣдители сражались съ такимъ пыломъ и ожесточеніемъ, что взяли въ плѣнъ всего только 60 человѣкъ. Некому было погребать мертвыхъ; крики живыхъ, не добитыхъ до смерти, и вопли раненыхъ слышны были въ городѣ Юрьевѣ и его окрестностяхъ; многіе, спасаясь бѣгствомъ, погибли въ волнахъ рѣки; изъ оставшихся же въ живыхъ одни бѣжали по направленію къ Владиміру, другіе—къ Переяславлю, а иные—въ Юрьевъ. Народная молва во всемъ винила Ярослава, своею жестокостью и упорствомъ навлекшаго такое бѣдствіе на Суздальскую землю [2]). Сравнительно съ такими потерями уронъ побѣдителей представляется чудовищно-малымъ; именно, если вѣрить свидѣтельству главнѣйшихъ источниковъ [3]), Новгородцевъ было убито всего 5 человѣкъ, изъ которыхъ 3 пали во время самой битвы, а двое—во время преслѣдованія непріятеля [4]); Смольняне потеряли только 1 человѣка; всѣ же остальные были сохранены, по выраженію лѣтописи, „силою честнаго креста и правдою". „О, великъ, братія, промыслъ Божій!" замѣчаетъ при этомъ лѣтописецъ;—„аще быста вѣдали се князь Юрьи и Ярославъ, то мирилася быста, се бо слава его и хвала погыбе, и полци силніи ни во что же быша" [5]).

Какая же судьба постигла побѣжденныхъ князей?

Во время битвы Юрій стоялъ противъ Константина. Лишь только увидѣлъ онъ бѣгство Ярославова полка, какъ, подобно своимъ братьямъ, бѣжалъ съ поля битвы, загналъ трехъ коней, а на четвертомъ прискакалъ во Владиміръ, въ одной рубашкѣ, бросивъ даже подкладъ. Между тѣмъ во Владимірѣ оставался лишь народъ „не-

---

[3]) Такъ въ Троицк. и Воскр. лѣт. Никон. лѣт. говоритъ, что Юрій съ братьями потерялъ 17200, не считая пѣшихъ (!) (II, 3321).

[4]) Троицк. лѣт: «И ркоша люди о Ярославѣ: яко тобою ся намъ много зла створи, про твое бо преступленіе крестное речено бысть: пріидѣте, птица небесныя, напитайтеся крови человѣчьскія; звѣріе, наѣдѣтеся мясъ человѣческихъ» (стр. 214).

[5]) Троицк. лѣт., стр. 214; Новг., стр. 34.

[6]) Новг. лѣт., стр. 31: «Новгородьцъ убиша на съступѣ: Дмитра Пльсковитина, Онтона Котельника, Иванъка Прибышиниця опоньника, а въ загонѣ Иванка Поповиця, Сьмьюна Петриловиця Търьскаго даньника». Никон. лѣт. говоритъ, что побѣдители лишились убитыми 550 человѣкъ, не считая пѣшихъ; при этомъ будто бы убитъ былъ Іевъ Поповичъ и слуга его Несторъ, весьма храбрые воины, смерть которыхъ оплакивалъ Мстиславъ Мстиславичъ (II, 332).

[7]) Троицк. лѣт., стр. 214.

противный", неспособный защищать города: попы, чернецы, жены и дѣти. Видя скачущаго всадника, Владимірцы радовались, воображая, что то мчится посолъ отъ князя съ вѣстью о побѣдѣ, и говорили между собою: „Наши одолѣваютъ". Оказалось, что то былъ самъ князь ихъ. Юрій, прискакавъ, началъ ѣздить вокругъ города, говоря: „Укрѣпляйте городъ!" Владимірцы пришли въ смятеніе; плачъ заступилъ мѣсто прежней радости. Къ вечеру начали стекаться во Владиміръ жалкіе остатки прежней сильной рати, кто раненый, кто нагой; этотъ приливъ бѣглецовъ продолжался и ночью. На слѣдующій день Юрій, созвавъ людей, обратился къ нимъ со словами: „Братья Владимірцы, затворимся въ городѣ; авось либо отобьемся отъ нихъ". „Князь Юрій!" отвѣчали Владимірцы,—„съ кѣмъ же мы затворимся? братья наши избиты, другіе—въ плѣну, а прочіе прибѣжали безъ оружія; съ кѣмъ же мы станемъ?" „Это я все знаю", возразилъ Юрій,—„не выдайте только меня ни брату моему Константину, ни Владиміру, ни Мстиславу, чтобы по своей волѣ выйдти мнѣ изъ города". Владимірцы обѣщали.

Что̀ же дѣлалъ въ это время главный виновникъ поднявшейся борьбы и роковой для Суздальцевъ битвы—Ярославъ? Онъ и въ несчастіи не измѣнилъ своему характеру. „Не довольно было ему еще перваго зла", говоритъ лѣтопись [1],—„не насытился еще онъ крови человѣческой, избивъ множество людей въ Новгородѣ, Торжкѣ и Волокѣ"; но умчавшись подобно Юрію съ поля битвы, загнавъ четырехъ коней и лишь на пятомъ прискакавъ въ Переяславль, онъ затворился въ этомъ городѣ и въ безсильной злобѣ, схвативъ Новгородцевъ и Смольнянъ, зашедшихъ въ его область „гостьбою", по торговымъ дѣламъ, велѣлъ вбросить иныхъ въ погреба, другихъ въ гридницу, а иныхъ въ тѣсную избу, и задушилъ такимъ образомъ 150 человѣкъ; 15 же Смольнянъ, которые заключены были отдѣльно, остались всѣ въ живыхъ.

Не такъ поступали „милостивые князья племени Ростиславова, добрые къ христіанамъ", по выраженію лѣтописи [2]); ихъ поведеніе представляетъ полный контрастъ жестокому образу дѣйствій Ярослава. Остатокъ дня, въ который произошла битва, они провели на мѣстѣ побоища, а если бы гнались за побѣжденнымъ противникомъ, то не уйдти бы князю Юрію и Ярославу [3]), а городъ Владиміръ былъ бы

[1]) Троицк. лѣт., стр. 215.
[2]) Троицк. лѣт., стр. 215.
[3]) Троицк. лѣт., стр. 215.

взятъ внезапнымъ нападеніемъ! Мстиславъ, душа всего предпріятія, руководившій князьями и всѣмъ дѣломъ, вѣроятно, употребилъ здѣсь свое благотворное вліяніе, чтобы удержать товарищей отъ излишняго кровопролитія; давъ возможность бѣглецамъ уйдти отъ преслѣдованія, онъ избѣжалъ безполезной рѣзни. Къ тому же, сами побѣдители были утомлены продолжительнымъ походомъ. Медленно двигались они ко Владиміру и, окруживъ его въ воскресенье утромъ (24-го апрѣля), начали думать, откуда бы взять городъ. Здѣсь обнаруживается все великодушіе и рыцарскій характеръ Мстислава: ночью въ городѣ загорѣлся княжескій дворъ, и Новгородцы хотѣли, воспользовавшись этою минутой, пойдти на приступъ; но Мстиславъ удержалъ ихъ [1]); онъ не желалъ побѣждать, пользуясь несчастіемъ ближнихъ, не желалъ извлекать изъ этого несчастія выгоды для себя; только побѣда въ открытомъ, честномъ бою имѣла для него цѣну и привлекательность. Примѣръ Мстислава долженъ былъ дѣйствовать и на его товарищей: на другой день, во второмъ часу ночи, загорѣлся снова городъ; пожаръ продолжался до свѣта, и Смольняне думали воспользоваться этимъ моментомъ для нападенія; но ихъ остановилъ на этотъ разъ Владиміръ Рюриковичъ. Быть можетъ, этотъ двукратный пожаръ не былъ простою случайностью: предположеніе, что онъ былъ произведенъ благопріятелями Константина, не лишено вѣроятія [2]).

Юрій ясно видѣлъ невозможность защищать Владиміръ; онъ послалъ къ побѣдителямъ съ челобитьемъ: „Не нападайте на меня сегодня, а завтра я самъ выйду изъ города". На слѣдующій день, рано утромъ, дѣйствительно, Юрій выѣхалъ изъ города съ двумя братьями [3]), поклонился Мстиславу и Владиміру Рюриковичу и, поднеся дары, сказалъ: „Братья, вамъ челомъ бью, вамъ животъ дати и хлѣба накормити [4]); а братъ мой Костянтинъ въ вашей воли". Мстиславъ и Владиміръ заключили миръ съ Юріемъ и управили, т.-е. помирили его съ братомъ Константиномъ; послѣднему данъ былъ Владиміръ [5]),

---

[1]) И этотъ поступокъ *Татищевъ* приписываетъ Константину, а не Мстиславу.

[2]) *Соловьевъ*, Ист. Р., II, пр. 412.

[3]) Троицк. лѣт. (стр. 215); Воскр.: съ 2 *сыновьями* (стр. 123).

[4]) То-есть, дать волость. Троицк. лѣт., стр. 215.

[5]) Троицк. лѣт., стр. 215. По Никон., «великое княженіе Владимірское и Ростовское» (II, 333). Константинъ, какъ извѣстно, еще и до этого былъ княземъ Ростовскимъ.

а Юрію — ничтожный Радиловъ городецъ [1]). Покидая Владиміръ, Юрій вошелъ въ церковь Богородицы, поклонился гробу отца своего и со слезами говорилъ: „Богъ судья брату моему, Ярославу, что довелъ онъ меня до этого!“ Въ сопровожденіи людей своихъ, своей жены и вѣрнаго епископа Симона [2]), не желавшаго покинуть въ несчастіи своего князя, поплылъ Юрій внизъ по Волгѣ въ новую свою волость. Константинъ же вошелъ во Владиміръ, одарилъ щедро князей и бояръ, а Владимірцевъ привелъ къ присягѣ.

Между тѣмъ князь Ярославъ, „дыша гнѣвомъ и злобою“, не покорялся, но, затворившись въ своемъ Переяславлѣ, по видимому, расчитывалъ тамъ удержаться. Тогда князья-побѣдители, „сдумавъ“, пошли къ Переяславлю (29-го апрѣля) [3]). Ярославъ, услышавъ объ этомъ, пришелъ въ смятеніе и началъ высылать людей съ мольбою о мирѣ, а наконецъ и самъ выѣхалъ на встрѣчу Константину и, ударивъ ему челомъ, сказалъ: „Господинъ, я въ твоей волѣ; не выдавай меня ни тестю моему, князю Мстиславу, ни Владиміру, но самъ, братъ, накорми меня хлѣбомъ!“ Такимъ образомъ, настала теперь очередь Константина быть посредникомъ между враждующими, и Мстиславъ, еще не дойдя до Переяславля, заключилъ миръ съ своимъ зятемъ. Когда же князья пришли къ Переяславлю, то Ярославъ щедро одарилъ какъ ихъ, такъ и воеводъ. По видимому, хотя Мстиславъ Мстиславичъ и заключилъ миръ съ своимъ зятемъ, но въ душѣ онъ еще не примирился съ нимъ: принявъ дары, но не пойдя къ городу, онъ послалъ взять изъ Переяславля свою дочь, Ярославову жену, а также Новгородцевъ, оставшихся въ живыхъ, а самъ расположился станомъ за городомъ. Ярославъ нѣсколько разъ посылалъ къ Мстиславу, моля отпустить къ нему жену—„Чи не бываетъ вражда княземъ“, говорилъ онъ,—„то ни сяка; по правдѣ мя

---

[1]) По мнѣнію *Арцыбашева*, «Радиловъ городецъ долженъ быть село Городище, недалеко отъ Гороховца» (Пов. о Росс., 298, пр. 1881).

[2]) Во время распри Константина и Юрія Ростовъ (въ 1214 г.) составилъ отдѣльную епископію отъ Владиміра и Суздаля. См. *Воскр.* лѣт.: «Постави Костянтинъ Ростову епископа Пахомія, отца своего духовнаго, въ Кіевѣ у митрополита у Матѳѣя; и *оттолѣ раздѣлися нача быти въ Ростовѣ епископъ, а въ Володимери и въ Суздали другій*» (стр. 119).

[3]) Въ Троицк. лѣт.: «въ пятокъ 3 недѣли по Пасцѣ»; битва же происходила 21-го апрѣля, въ четвергъ 2-й недѣли послѣ Пасхи, слѣдовательно, пятница 3-й недѣли приходилась 29 апрѣля.

крестъ убилъ!" [1]) Но всѣ мольбы его были тщетны: возмущенный жестокостью своего зятя, не полагаясь на его раскаяніе, Мстиславъ не отпустилъ къ нему своей дочери [2]).

Окончивъ борьбу и заключивъ такимъ образомъ миръ, союзники разошлись по своимъ волостямъ, при чемъ Мстиславъ ушелъ въ Новгородъ. Князья возвращались, говоритъ лѣтопись [3]), „побѣдивъ сильные полки, взявъ свою честь и славу".

Такъ окончилась славная Липецкая битва, и таковы были ближайшія ея слѣдствія. Среди незначительныхъ стычекъ, мелкихъ усобицъ и раздоровъ, которыми такъ богата исторія нашей удѣльно-вѣчевой Руси, битва эта ярко выдается личностью своего главнаго героя, Мстислава, числомъ князей и количествомъ силъ, участвовавшихъ въ ней; здѣсь столкнулись южная Русь и сѣверная, изъ которыхъ та и другая имѣла свои отличительныя особенности, и побѣда осталась за первою. Но конечно, бой на рѣкѣ Липицѣ не принадлежитъ къ тѣмъ знаменитымъ битвамъ, которыя составляютъ поворотное событіе, рѣшаютъ судьбу народа и на многіе вѣка запечатлѣваются въ его памяти. Прочныхъ и видимыхъ результатовъ эта побѣда Мстислава не принесла съ собою. Такъ-какъ заключенный послѣ нея миръ коснулся, главнымъ образомъ, участи Суздальской области и Новгорода, то укажемъ вкратцѣ на ихъ судьбу, чтобы уяснить себѣ значеніе и слѣдствія побѣды, одержанной Мстиславомъ.

Уже въ 1217 г., то-есть, спустя годъ послѣ Липецкой битвы, Константинъ добровольно уступилъ Юрію Суздаль, а послѣ своей смерти обѣщалъ и Владиміръ. Можетъ быть, этимъ онъ хотѣлъ обезпечить за собою пожизненное обладаніе Владиміромъ, а за дѣтьми своими— Ростовъ и Ярославль [4]). Какъ бы то ни было, но лишь только въ 1218 г. умеръ Константинъ, какъ Юрій сдѣлался снова Владимірскимъ княземъ, и такимъ образомъ Суздальская земля пришла почти въ то же положеніе, въ какомъ она находилась до Липецкой битвы.

Также, по видимому, никакихъ прочныхъ результатовъ не доста-

---

[1]) Троицк. лѣт. (стр. 215). Въ Никон. говорится: «... но убо ныне каюся воистину», на что Мстиславъ отвѣчаетъ: «услышимъ и разумѣемъ, аще есть истинное покаяніе твое» (II, 334).

[2]) По *Татищеву*, Мстиславъ взялъ свою дочь отъ Ярослава потому, что «тотъ имѣлъ ея не яко жену, но яко рабу, и наложницы ею ругаются» (Ист. Р., III, 400).

[3]) Троицк. лѣт., стр. 215.

[4]) *Сергѣевичъ*, В. и кн., 301.

вила побѣда Мстислава и Новгороду. На первый взглядъ кажется, что она не внесла рѣшительно никакихъ измѣненій ни во внутренній строй Новгородской жизни, ни въ отношенія Новгорода къ князьямъ: и послѣ этого мы видимъ здѣсь тѣ же волненія и смуты, ту же борьбу партій; Новгородцы снова обращаются къ Суздальскимъ князьямъ, и жестокій Ярославъ снова дѣлается ихъ княземъ. Такъ думаетъ, напримѣръ, Соловьевъ. Но если Липецкая побѣда не принесла матеріальныхъ выгодъ Новгороду или не повлекла за собою измѣненій въ его быту, то во всякомъ случаѣ она имѣла для него большое нравственное значеніе [1]). Въ самомъ дѣлѣ, Новгородцы, имѣя во главѣ удалаго Мстислава, блестящимъ образомъ защищаютъ свою независимость, отстаиваютъ свои права и даже, проникая внутрь самой Суздальской земли, вмѣстѣ съ своимъ княземъ рѣшаютъ судьбу той именно области, отъ которой они должны были находиться въ роковой, неизбѣжной зависимости и князья которой еще такъ недавно и такъ самоуправно распоряжались ими. Безъ сомнѣнія, такая пора не могла пройдти безслѣдно для Новгорода. Побѣдою утвердилъ онъ за собою право на то, что̀ до тѣхъ поръ пріобрѣталось, главнымъ образомъ, благодаря лишь усобицамъ князей и тому подобнымъ обстоятельствамъ; съ оружіемъ въ рукахъ онъ отстоялъ свою вольность, которая отнынѣ дѣлается вполнѣ законнымъ его достояніемъ. Понятно, какъ все это должно было поднять духъ Новгородцевъ; съ новою, еще большею силою пробудилось въ нихъ сознаніе своихъ правъ, свободы и независимости.

Вотъ результаты той побѣды, которою Новгородцы обязаны были удалому Мстиславу. Какую же роль въ ней играетъ ея главный герой, виновникъ торжества Новгородцевъ—Мстиславъ? Возстановляетъ ли и здѣсь онъ старый порядокъ, защищаетъ ли старую Русь? Въ своей „Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикова дома" Соловьевъ, по поводу борьбы Юрія съ Константиномъ, замѣчаетъ: „На помощь старому князю, который преслѣдовалъ интересы стараго города, явился, какъ и слѣдовало ожидать, представитель старой Руси — Мстиславъ" [2]). Слова эти, надо сказать, представляютъ дѣло совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ это было въ дѣйствительности: прямой выводъ изъ нихъ тотъ, что въ разсматриваемой нами борьбѣ цѣлью Мстислава была защита старшаго изъ Все-

[1]) *Костомаровъ*, Русс. ист. въ жизнеоп., 101.
[2]) Стр. 257.

володовичей, Константина. Мы уже видѣли, что вызвало на самомъ дѣлѣ Удалаго на борьбу съ Ярославомъ и Юріемъ: исключительно интересы Новгорода, освобожденіе его отъ притѣсненій Ярослава, возстановленіе его прежняго значенія и свободы — вотъ что первоначально имѣлъ въ виду Мстиславъ [1]). Онъ самъ ясно высказалъ цѣль войны и указалъ, съ кѣмъ онъ борется: „Пойдемъ", говорилъ онъ Новгородцамъ, „поищемъ мужей своихъ, вашей братьи, и волости своей; да не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ!" а устами сотскаго Ларіона онъ прямо заявляетъ Юрію: „кланяемся, нѣту съ тобою обиды, обида намъ съ Ярославомъ".

Поэтому, пока не былъ затронутъ Новгородъ, Мстиславъ не вмѣшивался въ распрю Константина съ Юріемъ и спокойно смотрѣлъ на то, какъ послѣдній владѣетъ Владиміромъ. Слѣдовательно, не защита правъ Константина подвинула Удалаго на борьбу съ младшими Всеволодовичами и не она была его главною цѣлью. Въ дѣйствительности союзъ Мстислава съ старшимъ Всеволодовичемъ объясняется слѣдующимъ образомъ: Ростовскій князь примкнулъ къ Удалому, расчитывая воспользоваться даннымъ моментомъ для пріобрѣтенія Владиміра; ихъ союзъ основанъ на общности интересовъ, обусловливаемой враждою къ однимъ и тѣмъ же князьямъ: Мстиславъ борется съ Ярославомъ, на сторонѣ котораго—Юрій, а этотъ послѣдній—врагъ Константина. Но и здѣсь видно, что главныя цѣли того и другаго, Мстислава и Ростовскаго князя, нѣсколько различны между собой, не вполнѣ совпадаютъ одна съ другой. Выразилось это уже въ томъ, что Удалой считаетъ нужнымъ взять вторично крестное цѣлованіе съ Константина въ ненарушимости ихъ союза. Далѣе, Ростовскій князь считаетъ своимъ противникомъ преимущественно Юрія, причемъ Мстиславъ является между ними посредникомъ; наоборотъ, главный врагъ Новгородскаго князя — Ярославъ, и примирителемъ здѣсь является старшій Всеволодовичъ. Съ другой стороны, странно, что Константинъ, этотъ, по мнѣнію Соловьева, защитникъ правъ стараго города, садится во Владимірѣ, а Мстиславъ, представитель, по словамъ того же автора, старой Руси и старыхъ порядковъ, помогаетъ ему овладѣть младшимъ городомъ и устраиваетъ дѣло такимъ образомъ, что Юрію достается лишь ничтожный Радиловъ городецъ. Такое усиленіе старшаго брата на счетъ младшаго— признакъ вовсе не прежнихъ понятій и порядковъ [2]); обстоятельство

[1]) *Сергѣевичъ*, В. и кн., 227, 301; *Пассекъ*, Княж. и докняж. Русь, 10.

[2]) Даже самъ *Соловьевъ* замѣчаетъ это въ Ист. Росс., II, 359.

это, напротивъ, можетъ служить знакомъ появленія новыхъ представленій и зародыша новаго строя.

Такимъ образомъ, остается видѣть представителя старины въ Мстиславѣ, какъ героѣ Липецкой битвы, лишь потому, что онъ является здѣсь противникомъ возвышенія Торжка, возстановителемъ значенія и самостоятельности Новгорода, защитникомъ областной независимости, такъ какъ именно это, повторяемъ, было главною цѣлью борьбы, начатой имъ съ Ярославомъ. Но и это, въ свою очередь, не даетъ намъ полнаго основанія считать Мстислава ревностнымъ борцемъ за старину и возстановителемъ стараго порядка. Въ то время еще не было и мысли о томъ, что отдѣльныя области не имѣютъ права на самостоятельное существованіе, что онѣ путемъ подчиненія должны слиться въ одно цѣлое; въ ту пору областная независимость была идеей вполнѣ современной, новыя понятія еще не выработались; а потому и за защиту Новгорода мы не вправѣ называть Мстислава возстановителемъ стараго порядка. Если въ данномъ случаѣ Удалой и является человѣкомъ старины, то только со стороны своего личнаго характера: здѣсь онъ вполнѣ показалъ себя храбрымъ витяземъ, глубоко уважающимъ семейныя связи, исполненнымъ братской любви, сознающимъ родство всѣхъ князей и напоминаніемъ о немъ [1]) надѣющимся склонить противниковъ къ миру, — человѣкомъ, думающимъ, что братолюбіе можетъ еще служить сдерживающимъ началомъ въ княжескихъ отношеніяхъ, что оно можетъ регулировать ихъ; словомъ, и здѣсь Мстиславъ является вполнѣ княземъ дружины, а не главой и правителемъ государства или области. Удалой и въ этой борьбѣ показалъ себя такимъ же поборникомъ правды, защитникомъ слабыхъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Ярославъ злоупотребляетъ своимъ положеніемъ, угнетаетъ Новгородцевъ и этимъ вооружаетъ противъ себя Мстислава, который, увидѣвъ, что мирныя предложенія ни къ чему не ведутъ, идетъ смѣло на врага, полный вѣры въ свою правоту и въ успѣхъ своего предпріятія: „а и въ мнозѣ Богъ, и въ малѣ Богъ, и правда“, говоритъ онъ Новгородцамъ. Противоположность противниковъ, Удалаго и младшихъ Всеволодовичей, выразились и на канунѣ самой битвы: Мстиславъ предлагаетъ Юрію и Ярославу миръ съ условіемъ, чтобы были возстановлены права Кон-

---

[1]) Троицк. лѣт. (стр. 212): «Мы пришли есмя, брате князь Юрьи и Ярославе, не на кровопролитіе, крови не дай Богъ створити, да до того управимся; *мы есмы племянницы себѣ*»; въ Воскр.: «едино бо есмы племя» (стр. 121).

стантина; но тѣ никакихъ правъ знать не хотятъ и основываются лишь на силѣ: „Одолѣй насъ, — и тебѣ вся Суздальская земля", поручаютъ они передать Константину.

Липецкая побѣда возвела Мстислава на вершину славы. Никто еще не наносилъ такого удара и пораженія сѣверо-восточнымъ князьямъ, не проникалъ въ самую глубь Суздальской области, не распоряжался такъ безпрекословно ея участью. То была лучшая пора во всей дѣятельности Удалаго; никогда уже не пользовался онъ такимъ вліяніемъ и уваженіемъ, какъ въ то время. Въ этой борьбѣ съ младшими сыновьями Всеволода Мстиславъ является во всемъ своемъ блескѣ и проявляетъ свои блестящія качества въ самомъ яркомъ свѣтѣ.

Мы сказали уже, что Мстиславъ, окончивъ дѣла въ Суздальской области, возвратился въ Новгородъ. Тотчасъ же произошла смѣна посадника. Мы видѣли, что въ послѣднее время посадникомъ былъ Юрій Иванковичъ, въ которомъ, не безъ основанія, видятъ сторонника Суздальскихъ князей; теперь у него было отнято посадничество и передано Твердиславу Михалковичу, доказавшему уже свое расположеніе къ Мстиславу во время похода Новгородцевъ противъ Всеволода Чермнаго.

Удалой не долго оставался на сѣверѣ. Въ 1217 г., оставивъ въ Новгородѣ свою жену и сына, онъ ушелъ въ Кіевъ, вѣроятно, по поводу галицкихъ дѣлъ; можно думать, что уже тогда онъ готовился къ походу на Галичъ, которымъ владѣли въ то время Угры [1]). Уходя изъ Новгорода, Мстиславъ взялъ съ собою бывшаго посадника Юрія Иванковича и двухъ бояръ: Сбыслава Степановича и Олексу Путиловича. Поэтому, есть основаніе предполагать, что въ Новгородѣ еще не окончательно пала суздальская партія; вѣроятно,

---

[1]) См. *Куника* замѣчанія въ *Зап. Ак. Н. по I и III отд.*, II, стр. 750. Къ этому-то времени, несомнѣнно, нужно отнести извѣстіе *Татищева* подъ 1216 г. По словамъ Татищева, Мстиславъ отправился въ Кіевъ для совѣщаній съ Мстиславомъ Романовичемъ. Князья отправили пословъ къ Угорскому королю Коломану съ требованіемъ не притѣснять православныхъ. Коломанъ отвѣтилъ послу, что слухъ о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ православными, — клевета, и требовалъ, чтобы ему указали жаловавшихся. Посолъ этого «учинить не смѣлъ, но уличалъ Венгровъ изгнаніемъ русскаго епископа и отнятіемъ церкви, обаче ничего не учиня возвратился, а Мстиславъ Мстиславичъ возвратился къ Новгороду», причемъ не засталъ дома новгородскаго войска: оно ходило въ Ливонію (Ист. Росс., III, 401—402).

Удалой, не полагаясь на непостоянныхъ Новгородцевъ, взялъ указанныхъ лицъ въ качествѣ заложниковъ за безопасность своей жены и сына [1]). Лѣтопись, умалчивая объ обстоятельствахъ, призывавшихъ Мстислава въ Кіевъ, ни слова не говоритъ и о дѣятельности его въ Приднѣпровьѣ. Удалой въ томъ же году возвратился въ Новгородъ [2]). Здѣсь въ источникахъ мы находимъ новое указаніе на то, что у Мстислава были враги въ Новгородѣ [3]), которые, вѣроятно, не преминули воспользоваться его отсутствіемъ. Только сдѣлавъ такое предположеніе, мы можемъ объяснить себѣ извѣстіе Новгородской лѣтописи, по словамъ которой Мстиславъ, тотчасъ по своемъ возвращеніи, схватилъ Станислава Дерновича съ сыномъ его, Нѣздилою, заключилъ ихъ въ оковы и взялъ ихъ имѣніе, а потомъ отпустилъ этихъ лицъ на волю; въ слѣдующемъ же (1218) году Новгородскій князь, прійдя въ Торжокъ, схватилъ Борислава Некурушинича и, также отнявъ у него богатое имѣніе, освободилъ. Въ Торжкѣ Мстислава постигло семейное горе: заболѣлъ сынъ его, Василій, и уже мертвымъ былъ привезенъ въ Новгородъ, гдѣ его похоронили въ церкви св. Софіи, въ головахъ славнаго дѣда его, Мстислава Храбраго.

Но и на этотъ разъ не долго оставался Мстиславъ въ Новгородѣ: въ томъ же 1218 г. онъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и обратился къ Новгородцамъ съ прощальными словами: „Кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего и вамъ! Хочу поискать Галича, а васъ не забуду. Дай Богъ лечь подлѣ отца моего, въ св. Софіи". Но не суждено было исполниться этому желанію Удалаго: онъ не видѣлъ болѣе Новгорода. Тщетно умоляли его Новгородцы: „не ходи, князь!"— Мстиславъ ушелъ въ южную Русь, чтобы идти затѣмъ освобождать Галичъ, находившійся въ рукахъ Угровъ. Живой, дѣятельный характеръ, стремившійся постоянно къ новымъ подвигамъ, желаніе

---

[1]) *Соловьева* Ист. Росс., II, 361; *Костомарова* Русск. ист. въ жизнеоп., 113.

[2]) Во время отсутствія Мстислава Новгородцы съ Владиміромъ Псковскимъ ходили на Литву и на Чудь, подъ Медвѣжью Голову. Новгородцы стали подъ городомъ, а Чудь прислала къ нимъ съ поклономъ, пославъ въ то же время къ Нѣмцамъ за помощью. Когда Новгородцы на вѣчѣ обсуждали предложеніе Чуди, Нѣмцы напали на ихъ обозъ; тогда Новгородцы, прибѣжавъ съ вѣча, схватили оружіе и выбили непріятеля изъ обоза, причемъ ими убиты были 2 воеводы, а третій взятъ въ плѣнъ, и, кромѣ того, захвачено 700 коней. См. Новг. лѣт., стр. 35.

[3]) *Соловьева* Ист. Росс., II, 362.

освободить русскую область отъ господства иноплеменниковъ, — все побуждало Удалаго къ этому предпріятію.

Таковы были отношенія Мстислава къ Новгороду. По вѣрному замѣчанію г. Костомарова [1]), „ни одинъ князь не сдѣлалъ того для Новгородцевъ, что̀ сдѣлалъ для нихъ Мстиславъ Удалой". Въ годину бѣдствій онъ былъ ихъ защитникомъ, охранителемъ ихъ правъ, и, благодаря ему, эти права получили новое освященіе — побѣду оружіемъ; сознаніе своей вольности окрѣпло въ средѣ Новгородцевъ. Словомъ, что̀ только принесла имъ Липоцкая битва, всѣмъ этимъ они обязаны Мстиславу. Княженіе Мстислава въ Новгородѣ было, по истинѣ, блестящей и лучшей порой во всей исторіи этого города. Въ это время Новгородъ дѣлается, та̀къ-сказать, центромъ исторической жизни тогдашней Руси: отъ его князя зависитъ рѣшеніе участи другихъ областей. Съ Мстиславомъ во главѣ, Новгородцы возстановляютъ гонимыхъ Ростиславичей на югѣ, а одержавъ побѣду при Липицѣ, нарушаютъ завѣщаніе Всеволода III и распоряжаются судьбой самой Суздальской области, князья которой такъ осязательно давали имъ чувствовать свою силу. Словомъ, никогда, ни прежде, ни послѣ Мстислава, Новгородъ не стоялъ на такой высотѣ. Даже внутренняя жизнь его при Удаломъ текла болѣе спокойно. Правда, у Мстислава были недоброжелатели и противная партія, но при немъ мы не видимъ того бурнаго вѣча, тѣхъ смутъ и раздоровъ, доходящихъ до вооруженнаго столкновенія, которые были такъ часты при другихъ Новгородскихъ князьяхъ. Можно сказать, что въ общемъ народъ является довольно единодушнымъ, и уже одно это обстоятельство достаточно говоритъ въ пользу Мстислава. Но новаго начала Удалой не внесъ въ новгородскую жизнь, не измѣнилъ ея строя и не устранилъ ея недуговъ, а потому, лишь только онъ удалился изъ Новгорода, какъ тамъ снова начались безпрестанныя смуты, изгнанія и смѣны князей.

В. Бузескулъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

---

[1]) Русск. ист. въ жизнеоп., 113.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Разборъ ведійскаго миѳа о соколѣ, принесшемъ цвѣтокъ Сомы, въ связи съ концепціей рѣчи и экстаза. *Д. Куликовскаго.* **Москва. 1882.**

Изслѣдованія по ведійской миѳологіи представляютъ столь рѣдкія явленія въ нашей литературѣ, что нельзя не обратить вниманіе на трудъ молодаго санскритолога г. Д. Куликовскаго. Изъ предисловія мы узнаемъ, что авторъ готовитъ къ печати изслѣдованіе болѣе обширное о культѣ Сомы у древнихъ Индійцевъ. „Сома—индійскій Вакхъ—есть одно изъ основныхъ божествъ Ригъ-Веды. Его концепція—миѳологическая, религіозная и мистическая—по своей важности, всеобъемлемости и глубинѣ, можетъ, наравнѣ съ таковой же концепціей Агни—бога огня—разсматриваться, какъ одна изъ основъ, на которыхъ зиждился весь порядокъ идей, характеризующій эпоху Ведъ. Вотъ почему въ трудахъ, посвященныхъ миѳологіи и религіи Ведъ, изслѣдованіе культа Сомы занимаетъ болѣе или менѣе видное мѣсто". Однако, по мнѣнію г. Куликовскаго, изученіе этого божества, его разносторонней концепціи, его культа не можетъ считаться законченнымъ. Нѣкоторые существенные пункты въ концепціи Сомы остались невыясненными и даже цѣлая и притомъ капитальная сторона этого древнеиндійскаго вакхическаго культа осталась едва затронутою. Въ задуманномъ авторомъ трудѣ предлагаемый этюдъ, посвященный одному эпизоду въ миѳологической концепціи Сомы, представляетъ одну изъ главъ.

Авторъ разбилъ свой этюдъ на параграфы. Въ § 1-мъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія о культѣ Сомы, этого обоготвореннаго опьяняющаго напитка, этого божества, по словамъ автора, „превратившагося въ жидкость". Будучи выпитъ, Сома даетъ

вдохновеніе, безсмертіе, его пьютъ люди и боги, и совокупность тѣхъ свойствъ, которыми характеризуется въ гимнахъ чудодѣйственная сила этого напитка-бога, переноситъ насъ „изъ области обыкновеннаго пьянства, простаго потребленія, въ область культа, въ сферу религіи". Культъ огня и опьяняющаго напитка имѣютъ чисто-общественное происхожденіе: они явились, по словамъ автора, какъ бы санкціею того поступательнаго движенія общественности, которое получило могучій импульсъ отъ этихъ двухъ древнѣйшихъ и величайшихъ открытій пробуждающагося разума, отъ изобрѣтенія способовъ искусственно добывать огонь и приготовлять опьяняющій напитокъ. Въ виду этого, концепціи Агни и Сомы, какъ божествъ по преимуществу культурныхъ, не могутъ быть объясняемы, по мнѣнію автора, съ точки зрѣнія исключительно небесной миѳологіи. Они должны быть изучаемы прежде всего въ ихъ земной, культурной постановкѣ. Такого разсмотрѣнія культа Сомы, именно уясненія его экстатическаго характера, авторъ не нашелъ въ прежнихъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ этому индійскому божеству, и вотъ тотъ вышеуказанный пробѣлъ, который г. Куликовскій берется восполнить.

Согласно съ этой задачей, авторъ въ § 2-мъ разсматриваетъ ведійскія выраженія для обозначенія экстаза, вдохновенія, и старается доказать, что уже въ ведійскомъ періодѣ было сдѣлано не только психологическое наблюденіе, что экстазъ (опьяненіе) производитъ рѣчь, но и другое, болѣе тонкое, что рѣчь является источникомъ экстаза (стр. 10), то-есть, рѣчь, слово производитъ экстазъ въ ея авторѣ и слушателяхъ. Въ слѣдующемъ параграфѣ, озаглавленномъ—Рѣчь-пѣніе—ритмъ—авторъ указываетъ на то, что древность не отличала пѣнія отъ рѣчи съ той рѣзкостью, какъ мы ихъ отличаемъ теперь, что это отожествленіе основано на ритмическомъ началѣ языка, и отмѣчаетъ въ гимнахъ Ригъ-Веды два образа, которые употребляются для характеристики этого ритмическаго начала рѣчи. Это, вопервыхъ, представленіе рѣчи въ видѣ жидкости, которая течетъ, струится; вовторыхъ, представленіе рѣчи, слова—птицей и ритмическаго движенія звуковъ рѣчи полетомъ этой птицы. Эта концепція рѣчи птицей была примѣнена, какъ старается доказать авторъ въ § 4-мъ, къ образу Сомы. Сома представляется птицей, порхающею подъ небесами, несущею чудесный цвѣтокъ экстаза, спускающейся съ небесъ на землю (стр. 19). Въ связи съ этимъ, по мнѣнію автора, получаетъ себѣ объясненіе миѳъ о соколѣ, слетѣвшемъ съ неба и принесшемъ опьяняющее растеніе-Сому на землю людямъ. Этому миѳу, сохранив-

шемуся въ отдѣльныхъ и довольно темныхъ намекахъ въ ведійскихъ гимнахъ, посвящена главная часть разсматриваемаго этюда, § 5-й, стр. 24—55, и авторъ, обходя молчаніемъ прежнее натуралистическое толкованіе миѳа, предлагаетъ свое, если можно такъ выразиться, реторическое, состоящее въ краткихъ словахъ въ слѣдующемъ: Соколъ, приносящій съ неба Сому, есть самъ Сома въ видѣ сокола; этотъ соколъ-сома есть олицетвореніе вдохновляющей рѣчи, слѣдовательно, смыслъ миѳа—тотъ, что вдохновляющая рѣчь—небесный даръ, ниспосланный людямъ. Такимъ образомъ миѳъ возникъ изъ комбинаціи реторическихъ фигуръ, встрѣчающихся въ ведійскихъ гимнахъ: рѣчь сравнивается съ птицей, рѣчь сравнивается съ жидкостью; Сома олицетворяется птицей, Сома есть жидкость; рѣчь вдохновляетъ, Сома вдохновляетъ; Сома въ видѣ сокола слетаетъ съ неба, ergo рѣчь слетаетъ съ неба.

Въ §§ 6-мъ и 7-мъ авторъ разсматриваетъ миѳологическія личности Гандъарву и стрѣлка Кршâну, упоминаемыя въ связи съ миѳомъ о соколѣ, и наконецъ, въ послѣднемъ § 8-мъ говоритъ о ведійскомъ представленіи рѣчи, какъ богини.

Изъ этого сжатаго перечня содержанія этюда уже видны нѣкоторыя особенности г. Куликовскаго. Въ самомъ построеніи этюда замѣтно стремленіе къ прагматической комбинаціи отдѣльныхъ положеній: каждый параграфъ логически связанъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ, и если каждое положеніе хорошо доказано, то окончательный выводъ долженъ быть проченъ; съ другой стороны, если первый параграфъ невѣренъ или недоказанъ, то всѣ дальнѣйшіе параграфы падаютъ сами собою, какъ падаютъ отъ одного удара тѣсно поставленныя кегли. Переходя отъ технической стороны къ внутреннему содержанію, мы замѣчаемъ, что миѳологическое направленіе г. Куликовскаго уже не то, къ которому пріучили насъ нѣмецкіе миѳологи и нѣкоторые отечественные: вмѣсто объясненія миѳовъ олицетвореніемъ грозы, восхода солнца и другими небесными явленіями, мы находимъ объясненіе миѳа, какъ поэтическаго олицетворенія психологическихъ наблюденій, сдѣланныхъ человѣкомъ надъ самимъ собою. „Несомнѣнно"—говоритъ г. Куликовскій (стр. 10),—„древніе наблюдали не только солнце, луну, звѣзды, громъ и молнію, но и самихъ себя. Изъ такихъ самонаблюденій вышли цѣлыя системы миѳическихъ и религіозно-мистическихъ идей, въ ряду которыхъ далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ идеи, относящіяся къ области экстаза въ связи съ концепціей рѣчи".

Мы не будемъ останавливаться на психологическомъ вопросѣ: какихъ наблюденій естественнѣе ожидать отъ „древняго" человѣка—наблюденій ли теченія свѣтилъ и небесныхъ явленій, или наблюденій, относящихся къ области самопознанія, въ родѣ тѣхъ, что экстазъ порождаетъ рѣчь и рѣчь въ свою очередь порождаетъ экстазъ. Мы поставимъ вопросъ болѣе узкій: слѣдуетъ ли ведійскій миѳъ о соколѣ объяснять какъ миѳъ природы, или онъ уясняется психологическо-реторическимъ толкованіемъ г. Куликовскаго.

Авторъ, изслѣдуя ведійскій миѳъ, не прибѣгаетъ, какъ это дѣлалось доселѣ, къ сравнительному методу. Онъ ограничивается тѣми чертами миѳа, которыя находитъ въ Ведахъ и нѣкоторыхъ брâгманахъ. Онъ знаетъ сочиненіе Куна „Herabkunft des Feuers und des Göttertranks", но не теряетъ лишнихъ словъ по поводу Кунова объясненія миѳа о Сомѣ. Спрашивается, въ ущербъ или во благо послужило ему это полное игнорированіе сравнительнаго метода?

Еслибъ авторъ изучалъ только индусскій культъ Сомы, то конечно, онъ могъ бы ограничиться индійскими данными: они познакомили бы его съ мѣстомъ, занимаемымъ этимъ культомъ среди другихъ, съ обстановкой его, съ его послѣдовательнымъ развитіемъ, съ его психологическимъ значеніемъ и т. п. Но авторъ въ разсматриваемомъ этюдѣ разбираетъ и толкуетъ миѳъ, фабулу о соколѣ, принесшемъ Сому, и здѣсь ему предстояло прежде всего поставить вопросъ: къ какой категоріи миѳовъ принадлежитъ разбираемый. Извѣстно, что миѳы могутъ имѣть различное происхожденіе. Есть миѳы несомнѣнно возникшіе, какъ отвѣты на вопросы, которые задавало человѣку наблюденіе надъ небесными явленіями; есть миѳы сложившіеся, какъ воспоминаніе о раннихъ успѣхахъ въ культурѣ—изобрѣтеніи огня, миѳы о каменныхъ орудіяхъ (громовыя стрѣлы); есть миѳы о предкахъ-богатыряхъ, миѳы, такъ-сказать, историческіе, есть миѳы, прямо заимствованные однимъ народомъ отъ другаго или наслѣдованные новымъ пришлымъ населеніемъ отъ туземцевъ вмѣстѣ съ новой родиной и т. п. Эти вопросы слѣдовало бы поставить раньше, чѣмъ прибѣгать къ самому трудному, что̀ представляетъ изученіе миѳовъ, то-есть, къ истолкованію ихъ значенія, и въ этомъ случаѣ, быть можетъ, знакомство съ аналогическими миѳами другихъ народовъ принесло бы свою долю пользы.

Въ чемъ состоятъ главныя черты ведійскаго миѳа о соколѣ? Изъ отдѣльныхъ намековъ гимновъ мы узнаемъ, что Сому принесъ какой-то дивный соколъ издалека, съ горы; онъ принесъ его Индрѣ или

Ману; когда соколъ улеталъ съ Сомою съ неба, въ него пустилъ стрѣлу Кршâну и одно перо сокола упало на землю.

Оставляя пока въ сторонѣ, какой это соколъ, и чтó означаетъ миѳъ, слѣдуетъ справиться, составляетъ ли этотъ миѳъ исключительное достояніе Индійцевъ, или онъ извѣстенъ и другимъ народамъ? Если это миѳъ общій многимъ народамъ, то естественно, его нельзя объяснять, какъ продуктъ творчества исключительно древне-индійскаго и видѣть въ немъ комбинацію реторическихъ фигуръ, свойственныхъ ведійскимъ гимнамъ. Чтó же мы видимъ относительно разбираемаго миѳа? Оказывается, что у многихъ азіатскихъ и европейскихъ народовъ было широко распространено повѣрье о чудной птицѣ, приносящей богатырю питье безсмертія или пищу, и что всѣ отдѣльныя черты ведійскаго миѳа можно найдти въ преданіяхъ многихъ народовъ. Просмотримъ отдѣльныя черты:

1) Чудесная птица приноситъ пищу и кормитъ богатыря или героя. Такъ персидская птица—Симургъ, гнѣздящаяся на горѣ Эльбурзѣ[1] (Alborj) близъ неба, приноситъ пищу выброшенному на произволъ судьбы малюткѣ Залю, будущему національному персидскому богатырю. Симургъ вскормилъ Заля и далъ ему впослѣдствіи одно изъ своихъ чудныхъ перьевъ. Такъ по азіатскому преданію, занесенному Діодоромъ Сицилійскимъ, птица приносила молоко малюткѣ Семирамидѣ, оставленной матерью въ пустынѣ; такъ римскій Picus находится къ Ромулу и Рему въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ вскормившая ихъ волчица. Наконецъ, во множествѣ сказокъ чудная птица (воронъ, орелъ) приноситъ герою живую воду.

2) Птица похищаетъ напитокъ безсмертія: Индійская птица Гаруда, священная птица бога Вишну, отнимаетъ напитокъ безсмертія (amrta) у змѣй и уничтожаетъ ихъ; скандинавскій Одинъ, принявъ видъ змѣя, пробуравилъ отверстіе въ гору Гнитъ (Hnit), въ которой хранился напитокъ безсмертія и, выпивъ его, въ видѣ орла вылетаетъ изъ замка-горы. Такъ орелъ Зевса, или по другимъ варіантамъ, самъ Зевсъ въ видѣ орла, похищаетъ Ганимеда, дѣлаетъ его виночерпіемъ боговъ и даритъ его отцу золотой виноградникъ.

3) По ведійскому сказанію, похищеніе птицей напитка безсмертія сопровождается погоней. Въ сокола, несущаго стебель Сомы, стрѣлокъ Кршâну пускаетъ стрѣлу, вслѣдствіе чего птица теряетъ перо, по другимъ варіантамъ, еще и коготь. По деталямъ, занесеннымъ въ брâгманы, оказывается, что изъ когтя, упавшаго на землю, произошелъ ёжъ (Aitareyabrâhm.), изъ пера же извѣстное священное

растеніе palâça или parna или çalyaka, которое имѣетъ значеніе въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ (Vâjass. Samhitâ).

О перѣ Симурга упоминается въ персидскомъ преданіи о Залѣ. Заль долженъ сжечь перо, когда находится въ бѣдѣ, и птица явится на помощь. По римскому преданію (у Плинія), сожигаемыя перья грифа прогоняютъ змѣй [1]). По одной русской сказкѣ, когда царь-птица освобождаетъ Ивана отъ вѣдьмы, послѣдняя вырываетъ у птицы перо.

4) По ведійскимъ намекамъ на миѳъ птица Çyena либо просто приноситъ Сому, при чемъ не говорится, какой видъ имѣлъ Сома, либо Çyena приноситъ стебель растенія. Подобную птицу, несущую въ клювѣ растеніе, находимъ мы и въ сказаніяхъ другихъ народовъ. Такъ орелъ Зевса питается, по нѣкоторымъ преданіямъ, растеніями и особенно ихъ влагой; Плиній разказываетъ, что орелъ опустилъ на лоно Ливіи, жены Августа, курицу съ лавровою вѣтвью, въ знакъ того, что бракъ будетъ благословенъ потомствомъ; по греческому сказанію, орелъ похитилъ копье героя Амфіарая и изъ копья вышло лавровое дерево.

5) У Индійцевъ Сому охраняютъ гандъарвы; по Авестѣ Гаома (Haoma) охраняется гандарвой съ златою пяткой (gandareva zairipasna). Индійскому Кршапу (krçânu) соотвѣтствуетъ въ Авестѣ Keresâni, который хотѣлъ истребить всю растительность (очевидно задерживая влагу дождя=Сому) и былъ лишенъ власти Гаомой.

6) По ведійскому миѳу Сома былъ принесенъ съ горы; про haoma въ Авестѣ (Yasna X, 26—30) говорится, что онъ былъ на высокой горѣ, откуда унесли его священныя птицы; напитокъ поэзіи (по Эддѣ) хранится внутри горы Hnit.

И такъ, у многихъ другихъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ мы находимъ всѣ элементы ведійскаго миѳа, и это устраняетъ возможность предположить, что миѳъ о соколѣ возникъ на индійской почвѣ, какъ продуктъ комбинаціи отдѣльныхъ поэтическихъ фигуръ, свойственныхъ ведійской рѣчи. Вѣдь не можемъ же мы предположить, что, напримѣръ, слово agni огонь есть спеціально индійское изобрѣтеніе, такъ какъ это слово оказывается въ цѣломъ рядѣ индоевропейскихъ языковъ. Въ виду этого уже давно существуетъ взглядъ на миѳъ о соколѣ, какъ на миѳъ природы, какъ на олицетвореніе явленія грозы: богъ-громовникъ, принявъ видъ орла или сокола, по-

---

[1]) Срав. битву инд. Гаруды со змѣями и судьбу послѣднихъ.

хищаетъ изъ небесной горы-тучи скрытую въ ней влагу живительнаго дождя и источаетъ ее на землю. Чтобъ устранить это толкованіе и замѣнить его новымъ, болѣе правдоподобнымъ, нужно имѣть весьма вѣскіе доводы, и потому интересно знать, на сколько прочны доводы г. Куликовскаго.

Просматривая ходъ доказательствъ, приводимыхъ г. Куликовскимъ, мы выносимъ убѣжденіе, что на созданіе его теоріи рѣшительнымъ образомъ повліяли не столько встрѣчающіяся въ гимнахъ уподобленія Сомы птицѣ, сколько брагманическія легенды или quasi—легенды, въ которыхъ разказывается добываніе Сомы богами. Въ одной легендѣ (Çatapathabrâhmana III, 2, 4) мы читаемъ, что за Сомой, пребывавшимъ на небѣ, полетѣлъ отъ боговъ метръ Гаятри и затѣмъ, когда Сома былъ съ неба похищенъ гандъарвомъ Вишвавасу, боги послали для соблазна гандъарвовъ олицетворенную женщиною Рѣчь (Vâc) и она возвратилась къ нимъ вмѣстѣ съ Сомою. Въ другой легендѣ (изъ Kaushîtakibhrâhmana) боги посылаютъ за Сомой метры, олицетворенные птицами. Изъ нихъ метръ Джагати утомился на пути, метръ Триштубъ проникъ дальше, но все-таки не достигъ цѣли. Тогда метръ Гаятри отправляется въ путь, достигаетъ цѣли и приноситъ Сому, схвативъ его когтями и клювомъ. Далѣе легенда разказываетъ объ охранявшемъ Сому стрѣлкѣ Кршану, который выстрѣлилъ въ Гаятри и раздробилъ ей коготь лѣвой ноги.

Такимъ образомъ здѣсь, по видимому, мы имѣемъ готовое объясненіе для миѳа о соколѣ, сохранившагося въ неясныхъ намекахъ въ гимнахъ. Здѣсь ясно указывается, что птица, похитившая Сому, не что иное, какъ стихотворный размѣръ Гаятри, перекинувшійся птицей по желанію боговъ и мудрецовъ. Но неужели г. Куликовскому не подозрительно, какого качества такой миѳъ, при которомъ сообщается готовое объясненіе? Не напоминаетъ ли подобное объясненіе соображенія Филона въ его Санхоніатонѣ, что Таммузъ-Адонисъ былъ земледѣльцемъ, научившимъ людей полевымъ работамъ, и случайно растерзаннымъ на охотѣ дикими звѣрями? Разница только въ томъ, что у Филона толкованіе раціоналистическое, а у авторовъ брагманическихъ легендъ — мистическое. Достоинство миѳологическаго матеріала въ брагманахъ оцѣнено всѣми, кто просматривалъ этотъ теософическій бредъ.

Конечно, можно допустить, что въ брагманическихъ изводахъ миѳовъ могли сохраниться нѣкоторыя неизвѣстныя намъ изъ раннихъ источниковъ детали того или другаго миѳа, но никто до сихъ поръ

не допускалъ, чтобъ авторы этихъ изводовъ знали больше насъ о первоначальномъ значеніи миѳовъ. Миѳографическая дѣятельность этихъ начетчиковъ состояла, какъ видно изъ множества примѣровъ, въ томъ, что они собирали по гимнамъ отдѣльные намеки того или другаго миѳа, представляли болѣе связное и вслѣдствіе этого иногда невѣрное изложеніе его и толковали его согласно съ жреческими тенденціями своего времени. Неужели въ данномъ случаѣ они могли помнить, кого изъ себя изображаетъ птица, приносящая напитокъ безсмертія, о которой сохранились разказы у цѣлаго ряда индоевропейскихъ народовъ? Если они это помнили, то для нихъ фабула о птицѣ и Сомѣ была не миѳъ, не непонятный разказъ глубокой старины, освященный религіей, а поэтическій вымыселъ, реторическая фигура; если же легенда о птицѣ, приносящей Сому,—дѣйствительно миѳъ, то брагманы не могли помнить его происхожденіе и знать его первоначальное значеніе.

Изъ этой дилеммы нѣтъ выхода. Мы думаемъ, что для брагмановъ-коментаторовъ легенда о птицѣ и Сомѣ была дѣйствительно миѳомъ, а въ такомъ случаѣ брагманическое толкованіе не имѣетъ для насъ никакого значенія и находитъ себѣ объясненіе въ религіозномъ уваженіи къ мистической силѣ метровъ, которымъ проникнуты обряды и воззрѣнія брагманическаго періода. Домыселъ о томъ, что метръ Гаятри, принявъ видъ птицы, добылъ Сому, принадлежитъ къ безчисленнымъ подобнымъ же quasi—легендамъ о мистической роли метровъ. Безъ таинственной помощи метровъ жертвоприношеніе не достигаетъ своей цѣли; при ихъ участіи совершаются всѣ детали ритуала, имъ посвящены разныя либаціи Сомы, жертвенныя животныя, кирпичи при сложеніи жертвенника; небо, воздухъ и земля отожествляются мистически съ тремя главными метрами: gâyatrî, trishṭubh и jagatî метры — божественныя созданія, богини, въ ихъ помощи и защитѣ нуждаются даже боги: боги достигли неба посредствомъ метровъ и прогнали Асуровъ, метры приносятъ богамъ жертвы людей, метры оберегаютъ солнце отъ паденія, Вишну совершаетъ свои три шага при помощи трехъ метровъ и т. п. [1]).

Понятно, что при такомъ воззрѣніи на таинственную силу метровъ могло явиться и истолкованіе птицы, принесшей Сому, какъ метра Гаятри, обратившагося въ птицу, и этотъ домыселъ сталъ развиваться въ дальнѣйшихъ деталяхъ. Такъ, напримѣръ, явилась басня,

[1]) См. *A. Weber*, Ueber die Metrik der Inder, 9—12.

объясняющая число слоговъ этого метра: метръ джагати, первый полетѣвшій за Сомой, потерялъ три слога (akshara), триштубъ—въ томъ же полетѣ одинъ слогъ, а метръ Гаятри не только долетѣлъ до цѣли, но подобралъ утраченные подругами четыре слога и сталъ весьма сложнымъ [1]). Неужели и это народный миѳъ, а не праздный домыселъ жреческаго воображенія, поднятаго на дыбы? Намъ кажется, что весь этотъ брагманическій хламъ можно было бы смѣло оставить въ сторонѣ при изученіи ведійскаго миѳа о соколѣ, какъ мы игнорируемъ этимологическіе домыслы индійскихъ грамматистовъ, ихъ ужасныя словопроизводства, когда пытаемся возстановить первоначальное значеніе того или другаго темнаго ведійскаго слова.

Впрочемъ, въ ходѣ доказательствъ г. Куликовскаго брагманическія легенды о метрахъ-птицахъ являются послѣднимъ звеномъ. Авторъ самъ считаетъ легенду о метрахъ, превратившихся въ птицъ, сложившеюся впослѣдствіи, когда (ведійская) концепція рѣчи-птицы была забыта и сохранялось только смутное воспоминаніе о ней (стр. 47). Для гипотезы г. Куликовскаго важно найдти указанія въ ведійскихъ гимнахъ, что дѣйствительно рѣчь олицетворялась въ видѣ птицы, и этимъ указаніямъ онъ посвящаетъ § 4-й. Признаемся, что, просмотрѣвъ приводимыя авторомъ мѣста изъ гимновъ, мы ни въ одномъ не нашли прямаго олицетворенія рѣчи птицей. „Въ гимнѣ I, 22", говоритъ г. Куликовскій,—„посвященномъ различнымъ божествамъ, упоминаются, между прочимъ, и олицетворенные въ видѣ богинь гимны, молитвы и священныя изреченія; въ стихѣ 10-мъ приведены ихъ имена... а въ слѣдующемъ, 11-мъ, эти богини рѣчи охарактеризованы эпитетомъ, который обнаруживаетъ ихъ пернатую природу: онѣ названы achinnapatrâh — съ крыльями не пронзенными, — то-есть порусски „съ неподрѣзанными крыльями", — свободно и быстро летающія". Разсмотримъ ближе содержаніе приводимыхъ авторомъ стиховъ. Въ этомъ гимнѣ строфы 9—13 посвящены богинямъ: въ стр. 9-й поэтъ приглашаетъ бога Агни привести къ жертвѣ женъ боговъ (patnîr devânâm), въ 10-й—привести Hotrâ (богиню молитвенныхъ воззваній), Bhâratî (богиню по видимому такого-же характера), Varûtrî (защитницу), Dhishanâ (богиню богатства), въ 11-й онѣ называются богинями властительницами и поэтъ проситъ, чтобъ онѣ съ неподрѣзанными крыльями (то-есть, свободно) слетѣли (съ неба) на землю, въ 12-й призываются другія жены боговъ Indrânî,

[1]) Çatap. 4, 3, 2, 7 и слѣд.

Varunânî и Agnâyî. Отсюда ясно, что Hotrâ и другія женскія божества названы пернатыми потому, что онѣ, какъ богини, на ряду съ Idâ, Sarasvatî и т. п. находятся на небѣ и должны оттуда слетѣть на землю. Присутствіе крыльевъ, которыми въ стр. 11-й надѣляетъ ихъ поэтъ, еще не дѣлаетъ ихъ птицами, какъ не представлялась птицею, не смотря на крылья, и классическая Никэ, Викторія.

„Въ стихѣ X, 68, 1", продолжаетъ авторъ,—„гимны (arkâh) сравнены съ птицами, плывущими въ водѣ. Здѣсь мы находимъ намекъ и на водную, жидкую природу рѣчи; оба представленія „рѣчь летитъ птицей", „рѣчь струится какъ вода" соединены вмѣстѣ и слились въ образѣ птицъ, плывущихъ въ водѣ, причемъ **вода** здѣсь, очевидно (!), обозначаетъ ту стихію воздушнаго пространства и небесныхъ водъ, которую проходитъ рѣчь-птица, воспаряя къ небесамъ молитвою". Эти выводы объ искусственной комбинаціи двухъ концепцій рѣчи въ образѣ водяной птицы (рѣчь=жидкость, рѣчь=птица) основаны на весьма нехитромъ стихѣ, который въ переводѣ значитъ слѣдующее: „какъ водяныя (плавающія въ водѣ) птицы, когда онѣ себя оберегаютъ (издаютъ крики), такъ наши пѣсни прозвучали къ (богу) Бргаспати". Такимъ образомъ здѣсь пѣсни сравниваются съ водяными птицами не потому, что пѣсни окрылены, и еще менѣе потому, что рѣчь струится какъ жидкость, а громкость звука пѣсни сравнивается съ пронзительными криками водяныхъ пугливыхъ птицъ. Чтобы не оставалось сомнѣнія, въ чемъ состоитъ сравненіе, слѣдуетъ дочитать до конца ту же строфу, гдѣ говорится, что (конечно, по звучности) пѣсни подобны реву громкозвучнаго облака (vâvadato abhriyasya iva ghoshah).

„Въ стихѣ X, 114 5", продолжаетъ г. Куликовскій,—„мы читаемъ: **Поэты въ экстазѣ рѣчами формируютъ** (превращаютъ) **многообразно** (въ различныя формы) **единую прекраснoперую птичку**. Птица, здѣсь упоминаемая, есть рѣчь. Она — едина, ея сущность— ритмъ—остается неизмѣнной; но ея формы мѣняются,— въ устахъ поэтовъ она переливается въ разнообразнѣйшія сочетанія звуковъ". Въ подтвержденіе такого толкованія г. Куликовскій приводитъ два другія мѣста гимновъ (X, 71, 3 и X, 125, 3), въ которыхъ подъ единымъ многообразно-распредѣляемымъ слѣдуетъ понимать рѣчь. Но приводимые авторомъ стихи ничего не доказываютъ, въ виду того, что многообразное превращеніе единаго есть фигура, употребляемая въ гимнахъ и не объ одной рѣчи. Такъ въ Vâlakhil. 10, 1, эта фигура употреблена о жертвѣ, которую жрецы многообразно формируютъ, а

въ RV. I, 164, 46 мы читаемъ: „Агни называютъ Индрою, Митрою, Варуною; онъ небесная прекраснокрылая птица (Гарутманъ); одно существо мудрые жрецы называютъ многообразно: Агни называютъ они Ямою и Матаришваномъ". Съ другой стороны, и муж. родъ suparna не подходитъ къ олицетворенію рѣчи (vâc—ж. р.), а важнѣе всего, что стихъ X, 114, 5, нельзя отдѣлять и толковать особо отъ предшествующихъ стиховъ того же гимна, въ которыхъ упоминается suparna и отнюдь не въ значеніи рѣчи. Такъ, въ стихѣ 3-мъ упоминаются двѣ птицы (suparnâ), въ 4-мъ говорится, что одинъ suparna вошелъ въ море (воздушное ?) и осматриваетъ весь этотъ міръ, а въ стихѣ 5-мъ упоминается о многообразномъ распредѣленіи словами одного suparna, (вѣроятно другаго, втораго), причемъ прибавляется, что мудрецы, опредѣляя размѣры (chandâṅsi) при жертвоприношеніяхъ, отмѣряютъ двѣнадцать чашъ Сомы... Хотя гимнъ весьма теменъ и наполненъ мистикой, однако ясно, что дѣло идетъ о какихъ-то двухъ птицахъ, изъ которыхъ первая олицетворяетъ по видимому солнце (или, по Грасману, Агни какъ солнце), а другая Сому, какъ мѣсяцъ. Подъ двѣнадцатью чашами Сомы едва-ли можно понимать что либо иное, кромѣ 12 мѣсяцевъ года, и во всякомъ случаѣ не рѣчь, какъ понимаетъ г. Куликовскій.

Вотъ тѣ немногія мѣста, изъ которыхъ авторъ выводитъ концепцію рѣчи-птицы въ ведійскихъ гимнахъ и замѣчаетъ дальше, что „эта концепція рѣчи-птицы была примѣняема къ образу Сомы" (стр. 16). Въ стихѣ IX, 62, 15, по мнѣнію автора, Сома названъ птицей, рожденной голосомъ. Здѣсь очевидный недосмотръ. Въ приводимомъ стихѣ сказано только: „рожденный гимномъ, здѣсь прославленный, Сома (Induḥ) предлагается Индрѣ, какъ птица въ лонѣ, гнѣздѣ, то-есть Сома, находящійся въ сосудѣ, сравнивается съ птицей, сидящей въ гнѣздѣ. Сравненіе Сомы съ птицею весьма часто встрѣчается въ гимнахъ, но въ приводимомъ мѣстѣ Сома вовсе не называется птицей, рожденной голосомъ. Также мало доказательно темное мѣсто IX, 96, 18 и 19, изъ котораго авторъ выводитъ, что Сома называется гимномъ, и Сома же называется птицей, откуда будто-бы слѣдуетъ, что гимнъ олицетворяется птицей. Мы не будемъ пытаться разгадать тайну стиха 18-го, въ которомъ г. Куликовскій находитъ, что Сома названъ прямо гимномъ [1]), но замѣтимъ, что во всякомъ случаѣ нѣтъ необходимости видѣть тѣсную связь между оли-

[1]) Совершенно иначе понимаютъ этотъ стихъ Людвигъ и Грассманъ.

цетвореніями Сомы въ стихахъ 18 и 19, какъ подобной связи нѣтъ между олицетвореніями того-же Сомы въ другихъ стихахъ того-же гимна. Такъ, въ стихѣ 1-мъ Сома названъ богатыремъ, въ 6-мъ быкомъ, орломъ, въ 9-мъ, 15-мъ и 16-мъ—конемъ, въ 17-мъ жеребенкомъ и т. д. Поэтому нельзя утверждать, что Сома олицетворенъ птицею въ стихѣ 19-мъ потому, что онъ-же раньше (въ ст. 18), былъ названъ гимномъ. Другими словами, въ этомъ гимнѣ нѣтъ концепціи рѣчи, какъ птицы, а есть обычное сравненіе Сомы съ птицею.

Такія-же возраженія можно представить противъ толкованія авторомъ многихъ другихъ стиховъ, изъ которыхъ онъ старается вывесть, что гимнъ или вообще рѣчь сравнивается или отождествляется поэтически съ Сомой, напримѣръ, ст. IX, 71, 2, IX, 68, 6. IX, 108, 7, и друг. Но предѣлы нашей рецензіи не позволяютъ намъ входить въ детальный разборъ. Вообще, чтобы сдѣлать нѣсколько правдоподобнымъ свое объясненіе генезиса миѳа о соколѣ, г. Куликовскій долженъ былъ бы показать, что въ ведійскихъ гимнахъ уже находятся всѣ тѣ поэтическія фигуры, изъ комбинаціи которыхъ произошелъ миѳъ. Вопервыхъ, что рѣчь олицетворяется птицей; вовторыхъ, что рѣчь (гимнъ) олицетворяется Сомой (напиткомъ безсмертія); втретьихъ, что Сома олицетворяется птицей. Но два первыя изъ этихъ положеній не доказываются мѣстами гимновъ, приводимыми г. Куликовскимъ, а въ существованіи 3-го олицетворенія до сихъ поръ никто не сомнѣвался. Вся IX-я мандала Ригъ-Веды, содержащая исключительно гимны Сомѣ, наполнена всевозможными олицетвореніями Сомы: всѣ отдѣльные моменты выжиманія, фильтрированія этого напитка имѣютъ мистическое значеніе, и фантазія поэтовъ придумываетъ самыя разнообразныя картины для украшенія Сомы: когда выжимаютъ стебли растенія, это значитъ, что гладятъ коня; десять пальцевъ, которые выдавливаютъ Сому—это десять сестеръ, ласкающихъ ребенка, цѣдилка—это небо, чаши—земля, капли—солнце, молоко, примѣшиваемое къ сомѣ—это коровы, къ которымъ устремляется быкъ Сома, и т. п. И все же, не смотря на обиліе всякихъ сравненій и олицетвореній, нѣтъ ни одного убѣдительнаго олицетворенія гимна или рѣчи въ видѣ Сомы, которое именно нужно г. Куликовскому. А изъ того, что Сома нерѣдко сравнивается съ птицей (онъ находится въ чашѣ, какъ птица въ гнѣздѣ), конечно, еще не слѣдуетъ, что соколъ, принесшій, по ведійскому миѳу, Сому съ небесъ на землю, есть тотъ-же Сома въ видѣ сокола, а еще менѣе, что этотъ соколъ-Сома

есть олицетвореніе дара слова, дара экстаза, низшедшаго на людей съ небесной высоты, отъ божества.

И такъ, мы не можемъ считать состоятельнымъ толкованіе ведійскаго миѳа о соколѣ, предложенное г. Куликовскимъ. Но во всякомъ случаѣ, трудъ г. Куликовскаго обнаруживаетъ серіезное знакомство автора съ ведійскими гимнами и способность къ комбинаціи фактовъ, хотя въ данномъ случаѣ, быть можетъ, излишне смѣлую. Авторъ не оставляетъ въ сторонѣ самыя темныя и трудныя мѣста Ригъ-Веды и старается такъ или иначе извлечь изъ нихъ смыслъ. Можно пожелать только, чтобъ авторъ подвергалъ ведійскій матеріалъ большей критикѣ, прежде чѣмъ дѣлать изъ него тѣ или другіе выводы. Гимны Ригъ-Веды далеко неодинаковаго достоинства: есть несомнѣнно очень древніе, но есть и подражанія древнимъ, искусственно темные и мистическіе. Для заключеній о религіозныхъ представленіяхъ ведійскаго періода было бы важно внести относительную хронологію въ ведійскій матеріалъ и продолжать попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи Куномъ, Грассманомъ и другими ведистами.

Всев. Миллеръ.

Путешествіе чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Николая Спаѳарія въ 1675 году. Дорожный дневникъ Спаѳарія съ введеніемъ и примѣчаніями *Ю. В. Арсеньева*. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи. Т. X, вып. 1). С.-Пб. 1882.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольскимъ сыномъ боярскимъ *Семеномъ Ремезовымъ* въ 1701 году. С.-Пб. 1882.

Николай Спаѳарій, русскій посолъ въ Китаѣ и писатель XVII столѣтія, оставилъ два сочиненія: „Описаніе Китайскаго государства“ и описаніе пути посольства черезъ Сибирь. До послѣдняго времени было извѣстно только одно „Описаніе Китайскаго государства“, впрочемъ по нынѣ не изданное; описаніе же проѣзда посольства по Сибири до границъ Китая лишь недавно найдено Ю. В. Арсеньевымъ, въ китайскихъ дѣлахъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и издано теперь Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Къ тексту дневника Спаѳарія приложены отписки его къ царю Алексѣю Михайловичу, посланныя съ пути по Сибири, а также нѣкоторые другіе документы, извлеченные изъ того же архива. Кромѣ

того, книга снабжена обстоятельнымъ введеніемъ и интересными примѣчаніями г. Арсеньева.

Спаѳарій былъ родомъ изъ Молдавіи и прибылъ въ Россію, вѣроятно, въ началѣ 1672 года [1]). Настоящее его имя было Николай Милеску, а прозвище Спаѳарій, обратившееся на Руси въ его фамилію, могло произойдти отъ должности спатара или спаѳара, которую онъ занималъ въ своемъ отечествѣ. Спаѳарій былъ молдавскій бояринъ и родственникъ господаря Александра Дуки. Принадлежа къ турецкой партіи молдавскихъ бояръ, онъ даетъ Портѣ знать о тайномъ союзѣ Александра Дуки съ Польскимъ королемъ Михаиломъ Вишневецкимъ; за это господарь отрѣзалъ ему носъ и изгналъ его, какъ измѣнника изъ отечества; Спаѳарій удалился къ Бранденбургскому курфирсту Фридриху-Вильгельму, но вліяніе Польскаго короля не позволило ему здѣсь остаться, и онъ долженъ былъ отправиться въ Россію. Въ Москвѣ, какъ человѣкъ умный и ученый, въ совершенствѣ владѣвшій молдавскимъ, греческимъ, латинскимъ и италіанскимъ языками, онъ успѣлъ найдти себѣ покровителя въ лицѣ князя Вас. Вас. Голицына и при его посредствѣ получилъ мѣсто переводчика греческаго языка въ посольскомъ приказѣ въ Москвѣ. Заявивъ себя хорошимъ переводчикомъ, онъ получилъ порученіе составить греко-латино-славянскій словарь; въ то же время онъ пишетъ или переводитъ цѣлый рядъ книгъ: „Ариѳмологію", „Хрисмологіонъ", „Мусы или о седми свободныхъ художествъ", „Избраніе на царство Михаила Ѳедоровича", „О сивиллахъ" и друг. Самая замѣчательная изъ нихъ—„Ариѳмологія"; это не ариѳметика, какъ думали нѣкоторые прежде, а дидактическая энциклопедія, собраніе нравоучительныхъ сентенцій, расположенныхъ своеобразнымъ методомъ въ группы по три, по пяти и по шести; отсюда и имя книги: „Ариѳмологія"; этотъ особенный порядокъ изложенія напоминаетъ китайскій трактатъ: Санъизе-кингъ, и почему догадываются, что можетъ быть, Спаѳарій еще до пріѣзда въ Россію былъ знакомъ съ литературой о Китаѣ или зналъ о немъ кое-что и интересовался имъ, и это знакомство не осталось безъ вліянія на его назначеніе въ посольство.

Въ 1675 г. Спаѳарій былъ назначенъ посланникомъ въ Китай. Планъ путешествія былъ задуманъ въ Москвѣ далеко смѣлѣе выполненія. Московское правительство рекомендовало Спаѳарію отправиться въ Китай путемъ Байкова, вернуться же онъ долженъ былъ черезъ

[1]) См. статью о Спаѳаріи г. *Кедрова* въ *Ж. М. Н. Пр.*, ч. CLXXXIII, отд. 2.

Туркестанъ и выйдти на Астрахань. Приводить въ исполненіе подобные широкіе замыслы удалось русскому путешественнику, Н. М. Пржевальскому, только два вѣка спустя послѣ Спаѳарія. Впрочемъ, посланнику предоставлялось, смотря по обстоятельствамъ, измѣнить маршрутъ. По пріѣздѣ его въ Тобольскъ тобольскій воевода Салтыковъ опросилъ русскихъ и бухарскихъ купцовъ о дорогѣ въ Китай; русскіе заявили, что самый удобный путь въ Китай по сибирскимъ рѣкамъ до Нерчинска; обычный же путь Бухарцевъ былъ другой: на верблюдахъ черезъ Барабинскую степь и калмыцкіе улусы, а потомъ Монгольскою землею до перваго китайскаго пригородка, то-есть, тотъ самый путь, которымъ ходилъ въ Китай Байковъ. Однако тобольскій воевода этимъ путемъ отпустить Спаѳарія не посмѣлъ, потому что по собраннымъ отъ тарскаго воеводы, справкамъ въ Барабинской степи въ это время было неспокойно отъ Барабинскихъ Татаръ. Это было причиною, почему Спаѳарій предпочелъ путь по сибирскимъ рѣкамъ на дощаникахъ караванному пути черезъ Монгольскія степи на верблюдахъ. По окончаніи посольства онъ также долженъ былъ отказаться и отъ новаго, тогда малоизвѣстнаго пути черезъ Туркестанъ. Такимъ образомъ, вмѣсто дорожника по западной Монголіи, онъ оставилъ описаніе Сибири, которое по своей точности и подробности можетъ быть названо первою географіей Сибири.

Спаѳарій покинулъ Тобольскъ 2-го мая и поплылъ на дощанникахъ внизъ по Иртышу до Самарова, а потомъ вверхъ по Оби до устья Кети. Самаровскій ямъ посольство оставило 10-го мая; 13-го оно встрѣтило на рѣкѣ льды, и дощаники простояли до 15-го, пережидая ледоходъ; 15-го тронулись дальше, но съ 16-го по 20-е опять стояли изъ-за великихъ льдовъ. Только послѣ 20-го началось безпрепятственное плаваніе по Оби. Въ Нарымъ Спаѳарій прибылъ 4-го іюня; здѣсь выпалъ при немъ большой снѣгъ. 8-го іюня дощаники вошли въ Кеть, по которой посольство тащилось цѣлый мѣсяцъ. На Енисей Спаѳарій выѣхалъ при Енисейскѣ; 18-го іюля онъ поплылъ далѣе вверхъ по Енисею и Ангарѣ и 5-го сентября, послѣ труднаго и опаснаго плаванія черезъ Ангарскіе пороги, достигъ Иркутскаго острога. За два дня до Иркутска, минуя устье р. Китоя, Спаѳарій впервые увидѣлъ „Мунгальской камень зѣло высокой и великой“, то-есть, хребетъ Восточный Саянъ. Къ Байкалу Спаѳарій прибылъ 12-го сентября; озеро онъ переѣхалъ на гребяхъ подлѣ западнаго его берега и высадился при устьѣ Селенги, откуда прибылъ въ Селенгинскій острогъ. Здѣсь онъ купилъ верблюдовъ для дальнѣйшаго слѣдованія

черезъ степи и 5-го достигъ до Нерчинска новымъ путемъ, по которому, по свидѣтельству самого Спаѳарія, „прежде сего никто не бывалъ". 4-го декабря посольство прибыло въ Нерчинскъ; изъ этого города до Китайской границы Спаѳарій шелъ вдоль Аргуни, а потомъ степью и горами до р. Науна.

Спаѳарій приготовился къ своему путешествію, перечитавъ въ Москвѣ сказки и свѣдѣнія, какія могъ отыскать въ посольскомъ и сибирскомъ приказахъ о предстоявшемъ ему пути. По видимому, онъ взялъ съ нихъ съ собою копіи и часть свѣдѣній изъ этого источника впослѣдствіи ввелъ въ свое собственное описаніе. Описаніе его изложено въ видѣ дневника; ежедневно онъ заносилъ въ свой дневникъ все видѣнное имъ—горы, рѣки, острова, протоки, озера и населенныя мѣста съ точнымъ обозначеніемъ разстояній между ними. Иногда, въ приличныхъ мѣстахъ, дневникъ прерывается или собранными свѣдѣніями о странахъ, которыя не были лично посѣщены самимъ посланникомъ, или описаніемъ быта инородцевъ. Какъ человѣкъ, занимавшійся составленіемъ греко-латино-русскаго словаря, а также переводами греческихъ и латинскихъ книгъ, онъ смотрѣлъ на явленія природы не тѣми глазами, какими смотрѣло на нихъ большинство его современниковъ изъ Русскихъ. Онъ былъ въ состояніи оцѣнить мѣсто, какое занимала та или другая сибирская рѣка по своей величинѣ въ ряду другихъ рѣкъ свѣта, или указать на неизвѣстность описываемыхъ странъ древнимъ и понять, что онъ первый вноситъ въ европейское знаніе точныя объ этихъ странахъ свѣдѣнія. Про Обь онъ говоритъ: „нѣтъ такой рѣки ни величиною, ни глубиною во всей вселенной, опричь Амура", и не смотря на то, прибавляетъ онъ,—землеописатели знаютъ только ея имя да знаютъ, что она впадаетъ въ море, а гдѣ ея вершины и какіе тамъ люди живутъ, имъ не извѣстно, а если чтò и пишутъ, то ложно, чего на ней и нѣтъ вовсе. Въ томъ же родѣ онъ говоритъ и по поводу Иртыша и другихъ рѣкъ. Тѣмъ же величіемъ, какимъ поразили его сибирскія рѣки, должны были удивить его и сибирскіе лѣса; онъ говоритъ, что этотъ „преславный и превеликій лѣсъ", который тянется по Оби рѣкѣ и по всему Сибирскому государству до самаго океана, есть тотъ самый, который у древнихъ писателей назывался „Эркинскимъ лѣсомъ"; онъ идетъ въ другую сторону тоже до океана и до земель Нѣмецкой и Французской и „чуть не по всей землѣ"; это „первый лѣсъ на свѣтѣ и пренменитый", однакоже нигдѣ „такъ пространнымъ и великимъ" онъ не является, какъ въ Сибирскомъ государствѣ; по этой-то причинѣ ему свойственны и особые звѣри,

какъ напримѣръ, соболь. Далѣе вниманіе Спаѳарія остановили на себѣ высокіе яры, которые непрерывно тянутся по берегамъ Иртыша, Оби и Томи. „И то чюдо не малое, что по рѣкѣ Оби и по Иртышу и Кетѣ нѣтъ иной горы или холмовъ, но вездѣ мѣсто ровное, опричь того яру Кряжа, который, будто поясъ, проходитъ и расширяется по всѣмъ странамъ и раздѣляетъ рѣки и озера". Начинается тотъ яръ „изъ далека изъ степи, изъ пустаго и невѣдомаго мѣста", приближается къ Иртышу, тянется по его правому берегу, потомъ по Оби рѣкѣ, тоже по правой сторонѣ, доходитъ „до самаго Томскаго города, и отъ Томскаго города до самой Калмыцкой степи и пустыни; а Сибиряне сказываютъ простымъ рѣченіемъ, что идетъ тотъ яръ по всей землѣ, а именуютъ тотъ яръ Кряжъ, а Татары именуютъ Кашъ, а Остяки Вонтъ".

На всемъ пути Спаѳарій дѣлаетъ замѣчанія о естественныхъ произведеніяхъ — о древесныхъ породахъ, о звѣряхъ, птицахъ, рыбахъ и полезныхъ ископаемыхъ. Нѣкоторыя замѣтки его о мѣстонахожденіяхъ звѣрей, вѣроятно, уже получили историческое значеніе, то-есть, говорятъ о бывшемъ, теперь измѣнившемся географическомъ ихъ распространеніи. Такъ, онъ не мало указываетъ мѣстъ, гдѣ водились выбитые уже теперь бобры, какъ напримѣръ, на рр. Иртышѣ, Кети, Пыгмѣ и Сочюрѣ, притокахъ Кети, Мурожной и Вихаревой, притокахъ Верхней Тунгуски (стр. 35, 75, 77, 80, 91 и 104); по р. Цыгмѣ водились „самые добрые, черные" бобры. Также, вѣроятно, и нѣкоторыя мѣстонахожденія соболей, которыя даетъ Спаѳарій, теперь уже не существуютъ. Лоси указываются имъ выше Самарова, гдѣ они, вѣроятно, и теперь еще водятся; барсовъ много по р. Кайлару (стр. 149); лучшіе горностаи около Нарыма (стр. 67), лучшіе соболи по Витиму (стр. 137). Кромѣ того, упоминаются въ разныхъ мѣстахъ выдры, куницы, россомахи. О соболѣ онъ знаетъ, что онъ „нигдѣ жъ на свѣтѣ не родится, опричь въ сѣверной странѣ въ Сибири", въ Сибири же онъ становится тѣмъ лучше, чѣмъ холоднѣе страна; а гдѣ степь и тепло, тамъ и соболи худые; родятся соболи по 5 и 6 штукъ вдругъ, и эта многоплодность даетъ поводъ Спаѳарію думать, что въ этомъ звѣрѣ Русское государство имѣетъ „неистощаемый источникъ". „Звѣрокъ радостный и красивъ, а красота его придетъ вмѣстѣ съ снѣгомъ и опять съ снѣгомъ сойдетъ"; шкура этого-то звѣрка, по мнѣнію Спаѳарія, и есть та „златая кожа", за которой Греки Аргонавты ходили по Черному морю. Изъ птицъ Спаѳарій упоминаетъ соколовъ по р. Мурожной, притоку Тунгуски; изъ

рыбъ осетровъ, стерлядей, сиговъ въ Оби, Иртышѣ и Байкалѣ и муксуновъ въ Оби. Упоминаніе Спаѳаріемъ нерпы, которая водится въ Байкалѣ, вѣроятно, по времени есть первое; нерпу, и кромѣ того, кита Спаѳарій указываетъ также и въ озерѣ Далаѣ; относительно кита это извѣстіе, вѣроятно, соображеніе самого Спаѳарія, выведенное на основаніи мѣстныхъ повѣрій о какомъ-нибудь подводномъ чудовищѣ; извѣстіе о нерпѣ въ Далаѣ также позднѣйшими свѣдѣніями не подтверждается, и вѣроятно, должно быть отнесено на счетъ тѣхъ же самыхъ повѣрій. Изъ деревъ, кромѣ строевыхъ породъ, Спаѳарій замѣтилъ какое-то „древо небольшое сандалъ", растущее по рѣкѣ Селенгѣ; имъ красятъ кожи, какъ и нѣмецкимъ сандаломъ. Изъ ископаемыхъ указаны всѣ мѣсторожденія соли, въ которыхъ она добывалась, или которыя были извѣстны мѣстнымъ жителямъ: Ямышевское соленое озеро, соленое озеро близъ Селенгинска, солеварницы на р. Усолкѣ, притокѣ Тасѣевой, на Ангарѣ, соляные запасы на Вилюѣ; кромѣ соли, слюда на р. Тасѣевой, оселки на р. Ослянкѣ, жемчугъ на р. Ангарѣ, квасцы и краски въ 15 верстахъ отъ Селенгинскаго острога. По поводу р. Каса Спаѳарій сообщаетъ, что вода ея имѣетъ свойство окаменять дерево, полежавшее въ ея водѣ болѣе трехъ лѣтъ (стр. 78). О двухъ мѣстностяхъ,—на р. Таймурѣ и Вилюѣ, разказывается, что изъ земли выходитъ огонь. О Таймурѣ Спаѳарій говоритъ: „а подлѣ той рѣки огнь исходитъ изъ долу изъ ровнаго мѣста; а какъ на ту разселину дерево положатъ и оно станетъ углемъ отъ жара, а огня нѣтъ" (стр. 86). О Вилюйской мѣстности: „а выше Варны рѣки ходу недѣля на лѣвой сторонѣ изъ рѣки Вилюя огнь исходитъ, а какъ вода весною разліется и то мѣсто покрываетъ и не знатно то мѣсто будетъ, а какъ вода сойдетъ и огнь по прежнему исходитъ, а не пламенемъ, а древо положитъ на ту разсѣлину и оно истастъ углемъ, а пламенемъ не горитъ" (стр. 133). Это мѣсто, впрочемъ буквально заимствованное Спаѳаріемъ изъ „Списка съ чертежа Сибирскія земли" 1672 года, есть самое раннее указаніе на подземные огни близъ полярнаго круга, которые занимали потомъ Штраленберга, Гумбольдта и Эрмана, и первому изъ этихъ ученыхъ подали поводъ говорить о полярномъ волканѣ въ Сибири [1]).

Замѣтки Спаѳарія о жителяхъ Сибири имѣютъ еще болѣе цѣнности, чѣмъ замѣтки о природѣ, такъ какъ въ этомъ отношеніи со времени Спаѳарія многое измѣнилось, какъ въ распредѣленіи насе-

---

[1]) *Humboldt,* Asie Centrale, II, 104—107.

ленія, такъ и въ образѣ его жизни. Спаѳарій, кромѣ перечисленія видѣнныхъ имъ лично селеній, дѣлаетъ замѣчанія, представляетъ ли мѣстность густое русское населеніе, усѣянное деревнями или она пустынна. Такъ изъ всѣхъ пройденныхъ имъ мѣстностей самою населенною ему показалась окрестность Енисейска. „Здѣсь", говоритъ онъ въ письмѣ къ боярину А. С. Матвѣеву,—„Енисейская страна весьма хороша, будто Волоская земля. А рѣка Енисей будто Дунай, самая веселая и великая. И далъ Богъ изобиліе всякое, хлѣба много и дешевъ и иное всякое жъ и многолюдство". Конечно, и тогда уже были мѣстности въ Сибири, болѣе населенныя, но онѣ лежали не на пути Спаоарія: изъ сибирскихъ актовъ видно, что въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда началось новое колонизаціонное движеніе въ нынѣшній Бійскій округъ, многолюдный Енисейскій край могъ дать этому округу значительное число переселенцевъ; памятью этого заселенія окрестностей Бійска изъ Енисейска служитъ теперь имя Енисейскаго села, которое расположено на Біѣ въ 70-и вер. выше Бійска. По слухамъ отмѣчена Спаоаріемъ, какъ очень хлѣбородная мѣстность, система верхней Туры: „а около тѣхъ рѣкъ и межъ ими живутъ многія слободы и деревни великія, которыя пашутъ хлѣбъ, а земля здѣсь хлѣбородная"; изъ тѣхъ слободъ хлѣбъ на дощаникахъ доставлялся въ Тобольскъ. Въ слободѣ Ильинской уже дѣлали посѣвы китайской пшеницы; въ Селенгинскѣ воздѣлывались китайскіе огурцы, чеснокъ, капуста и пр. На Ленѣ во время Спаѳарія также началось хлѣбопашество; онъ именно отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что Лена прежде своего хлѣба не имѣла, а теперь и по Ленѣ вездѣ завелось земледѣліе. На Оби Спаѳарій отмѣтилъ пунктъ, до котораго доходило воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній; именно онъ говоритъ, что, плывя снизу вверхъ по Оби, онъ первые опыты хлѣбопашества встрѣтилъ въ Демьянскомъ ямѣ. Относительно же рѣки Кети онъ отзывается: „зѣло тосклива", потому что пять недѣль по ней плыли и никого, кромѣ Остяковъ, не видѣли. Въ городахъ или острогахъ Спаѳарій указываетъ число дворовъ или жителей; въ Нарымѣ было во время его проѣзда 40 служилыхъ (нынѣ 1900 д. об. п.), въ Енисейскѣ до 500 дворовъ (теперь 850 домовъ), въ Балаганскѣ 20 казаковъ и два двора (нынѣ 800 д. об. п. и 140 домовъ), въ Иркутскѣ 40 дворовъ теперь 4490 жилыхъ зданій), въ Селенгинскѣ служилыхъ и гулящихъ людей до 200, дворовъ съ 30 (нынѣ жителей 1000 д. об. п., домовъ 230) [1]).

[1]) Современныя циѳры заимствованы изъ книги: Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири С.-Пб. 1882.

Есть у Спаѳарія любопытныя замѣтки и о инородцахъ. Объ Остякахъ онъ говоритъ, что живущіе по Оби и Иртышу называютъ себя Кандаяхъ, а Нарымскіе и Кетскіе—Чугулами; что Остяки вообще рыбоядцы, и кромѣ сушеной и вареной они ѣдятъ и сырую рыбу, но соли и хлѣба не знаютъ; кромѣ того, ѣдятъ какой-то бѣлый корень „сусакъ", который лѣтомъ собираютъ въ запасъ, сушатъ и зимой ѣдятъ; тутъ же упоминается и объ одеждѣ изъ рыбьихъ шкуръ. О религіи Остяковъ сообщается, что они имѣютъ „мечати"; въ этихъ „мечетяхъ" стоятъ серебряные, мѣдные и деревянные болваны, предъ которыми Остяки молятся, „мызжутъ и пляшутъ"; золотыхъ идоловъ, по свидѣтельству Спаѳарія, Остяки не имѣли, хотя землеописанія и говорятъ объ идолѣ Золотая Баба: „однакожде золотыхъ не сказываютъ, а что серебряныхъ, деревянныхъ крашеныхъ множество и мѣдныхъ льютъ же". Это замѣчаніе Спаѳарія очень интересно: вѣроятно, слово „Золотая" входило только въ составъ имени божества, будучи употреблено въ переносномъ значеніи, и не имѣло никакого отношенія къ матеріалу, изъ котораго былъ сдѣланъ идолъ. Идоламъ Остяки приносятъ „первое, что̀ ловятъ изо всѣхъ звѣрей". Упоминаетъ Спаѳарій и о медвѣжьемъ праздникѣ у Остяковъ: „а какъ медвѣдя въ лѣсу убьютъ, и они приволокутъ на дворъ и въ избу съ луками и стрѣлами и стрѣлы потычутъ, и поютъ, и пляшутъ. А сказываютъ они, что де мы молимся Шейтану, и ходитъ онъ по деревнямъ". На Иртышѣ Остяцкое населеніе начиналось деревней Лебоутино; выше его деревни были заселены Татарами.

Въ вершинахъ Оби Спаѳарій помѣщаетъ народцевъ—Саянцевъ, Мендужцевъ, Кайманцевъ, Тау-Телеутовъ, Яу-Мендужцевъ, Учюговъ, Караганцевъ. Эти имена находятся и въ „Спискѣ чертежа Сибирскія земли", съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто Мендужцевъ въ спискѣ стоитъ Мундусцы, вмѣсто Караганцевъ Карагайцы, а Тау-Телеутовъ нѣтъ. Саянцы общеизвѣстны и теперь; Мундужцы, вѣроятно — нынѣшнее телеутское поколѣніе Мундусъ; Кайманцы—не описка ли вмѣсто Найманцы? Поколѣніе Найма̀нъ есть и теперь у Алтайцевъ, Кайманцы же намъ не извѣстны; Тау-Телеуты, то-есть, горные Телеуты, вѣроятно, жили въ предгорьяхъ Алтая и назывались такъ въ отличіе отъ Телеутовъ, жившихъ на Кузнецкой равнинѣ; имя это упоминалось еще въ актахъ конца прошлаго вѣка, но нынѣ ни къ одному племени не примѣняется; Яу-Мундужцы также упоминались еще въ прошломъ столѣтіи; нынѣшніе Мундусы дѣлятся на три подпоколѣнія, но ни одно изъ трехъ не называется Яу; Учюги намъ совсѣмъ

не извѣстны; Караганцы, вѣроятно—Алтайцы, жившіе въ вершинахъ Чарыша и въ актахъ всего прошлаго столѣтія являющіеся подъ именемъ Канъ-Карагайской землицы. Изъ другихъ замѣтокъ Спаѳарія приведемъ еще его показаніе, что Татары-Киргизы жили на вершинѣ рѣки Кети (или близъ ея, къ югу отъ нея), и что Браты (Буряты) въ Балаганскомъ округѣ жили въ войлочныхъ юртахъ; въ настоящее время войлочныхъ юртъ у сѣверныхъ Бурятъ, кажется, нѣтъ. О Барабинскихъ Татарахъ Спаѳарій говоритъ, что они прежде платили дань Аблай-Тайшѣ и въ Москву, а теперь будто бы платятъ только въ Москву, а Аблай-Тайшѣ не платятъ; это прекращеніе двоеданства было, по видимому, временное; сибирскіе акты половины XVIII вѣка опять называютъ ихъ двоеданцами: они платятъ ясакъ въ Россію и алманъ въ Джунгарію; двоеданство Барабинскихъ Татаръ окончательно прекратилось только съ проведеніемъ Колыванской линіи, протянувшейся отъ Устькаменогорска до Кузнецка.

Встрѣчаются у Спаѳарія замѣтки и о древностяхъ. Онъ упоминаетъ о городищахъ Кошелевѣ и Рачевскомъ на Иртышѣ, объ окопахъ у Самарова остяцкаго князька Самары, о Юрлуковѣ городищѣ на Кети, о пустомъ городкѣ и шанцахъ Кучума царя Сибирскаго (стр. 34, 36, 40, 45 и 78); о большихъ выдѣланныхъ жорновахъ по р. Жорнокопкѣ (на Шилкѣ), которые мѣстные жители приписываютъ Китайцамъ (стр. 139); наконецъ, о письменахъ на утесѣ надъ Енисеемъ; интересна приписка Спаѳарія: „и межъ письмомъ есть и кресты вырѣзаны, такъ же и люди вырѣзаны и въ рукахъ у нихъ булавы“ (стр. 85).

Иногда, называя урочище, Спаѳарій сообщаетъ народное толкованіе названія. Камень Кровавой прозванъ такъ потому, что тутъ русскіе казаки „метали“ Тунгусовъ въ воду; „курья енисейскаго воеводы“, потому что тутъ рыбу ловятъ на воеводу; „Пьяный порогъ“, потому что тутъ растетъ „пьяное коренье“: „а какъ того коренья человѣкъ съѣстъ золотникъ или полтора золотника и тотъ человѣкъ пьянъ бываетъ сутки и шалитъ пуще пьянаго“. Въ Восточной Сибири появляются еще не установившіяся названія: „деревня пашеннаго крестьянина Кирилка“, и „деревня енисейскаго сына боярскаго Терентья Распутина“, то-есть, деревни, въ которыхъ только что поселились Кирилко и Распутинъ. Въ Сибири имена деревень большею частію по фамиліямъ, вѣроятно, первыхъ засельщиковъ. Остяцкое названіе Иртыша у Спаѳарія Сагашуджъ, то-есть, „черная вода“; такого имени намъ не было извѣстно до сихъ поръ; у Кастрена остяц-

кое названіе Иртыша Тангатъ или Тлангетль [1]), въ которомъ венгерскій ученый Гунфальви видитъ рѣку Togata хроники Туроша, будто бы протекавшую на первоначальной родинѣ Венгровъ [2]). Обь Татары зовутъ Амаръ; у Фишера въ „Сибирской Исторіи" Умаръ. Между Тарой и соленымъ озеромъ Ямыше Спаѳарій упоминаетъ озеро Бараба, по которому будто бы называется Барабинская степь, имени же Чановъ у него нѣтъ. Не называлось ли это послѣднее озеро именемъ Бараба? А можетъ быть, оно называется такъ еще и теперь у Барабинскихъ Татаръ.

Подготовившій дорожникъ Спаѳарія къ печати г. Арсеньевъ снабдилъ его приложеніями и примѣчаніями, въ которыхъ также заключаются нѣкоторые новые факты, еще въ первый разъ являющіеся въ печати. Въ числѣ приложеній, кромѣ наказа Спаѳарію, даннаго ему въ Москвѣ, и его отписокъ къ царю съ дороги, мы находимъ извѣстія о поѣздкѣ въ Китай Бухаретина Сейткула Аблина въ 1674 г. и Милованова въ 1670 г.; извѣстія эти выписаны были изъ посольскихъ дѣлъ для справокъ Спаѳарію и найдены г. Арсеньевымъ при дѣлѣ объ отправленіи его въ посольство. Въ примѣчаніяхъ г. Арсеньевъ сличилъ разказъ Спаѳарія и географическія указанія не только съ существующими нынѣ сочиненіями о Сибири, но и съ нѣкоторыми не изданными рукописями, отрывки изъ которыхъ являются здѣсь въ печати впервые. Такъ, въ подходящихъ случаяхъ г. Арсеньевъ цитируетъ описаніе Сибири, составленное въ 1683 г. и хранящееся въ Румянцевскомъ музеѣ. Кромѣ того, онъ дополняетъ новыми архивными данными существовавшія свѣдѣнія о поѣздкѣ въ Китай казаковъ Тюменца и Петрова въ 1616 г. и дѣлаетъ извлеченія изъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ о бывшихъ доселѣ не извѣстными посольствахъ къ Алтынъ-ханамъ Бажена Карташева (1636 г.), Василья Старкова (1638 г.) и Романа Старкова съ Боборыкинымъ (1665 г.). Обозрѣніе и сличеніе новыхъ данныхъ, собранныхъ г. Арсеньевымъ, приводитъ его къ любопытному заключенію, что нѣкоторыя части азіатскаго материка сдѣлались извѣстными Русскимъ людямъ гораздо ранѣе, чѣмъ предполагалось до сихъ поръ. Обыкновенно думали, что съ Зайсаномъ Русскіе впервые познакомились лишь въ началѣ XVIII вѣка послѣ экспедицій Бухгольца и Лихарева. Но первыя свѣдѣнія объ озерѣ Зайсанѣ, съ указаніемъ

---

[1]) *Castren*, Versuch ein. Ostjakisch. Sprachlehre, S. 114.

[2]) *Hunfalvy*, Ethnographie von Ungarn. Buda-Pest, 1877, S. 185.

его длины, ширины и другихъ особенностей, подмѣченныхъ, по видимому, очевидцемъ („сквозь него прошла Иртышъ рѣка и не мѣшается съ озеромъ"), относятся уже къ второй половинѣ XVII вѣка. Очевидно, и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, частныя лица, торговцы, промышленники и простые казаки предупредили въ Сибири оффиціальныхъ землеразвѣдчиковъ. Подобнымъ же образомъ утвержденіе Миллера, что Русскіе открыли озеро Ямышево только въ 1613 году не вѣрно: имя его встрѣчается уже въ наказѣ о постройкѣ города на Тарѣ въ 1594 году.

О значеніи труда самого Спаѳарія г. Арсеньевъ говоритъ слѣдующее: „Чтобъ оцѣнить значеніе, которое должно было имѣть въ свое время это описаніе Сибири, достаточно вспомнить, что до Спаѳаріева труда не существовало ни одного точнаго описанія русскихъ владѣній за Ураломъ. Мы уже говорили выше о текстахъ сибирскихъ чертежей, отличавшихся сжатостью и заключавшихъ въ себѣ только краткое описаніе дорогъ. Кромѣ того, существовали весьма краткія описательныя статьи о Сибири, которыя встрѣчаются въ Степенныхъ книгахъ и Космографіяхъ. Таково, напримѣръ, „Описаніе Сибирскаго государства", которымъ начинается Сибирская лѣтопись Саввы Есипова; другое оригинальное описаніе Сибири составляетъ 17-ю степень въ Степенной книгѣ (см. Изборникъ А. Попова, стр. 320). Въ Космографіяхъ встрѣчаемъ двѣ редакціи статьи о Сибири, а именно: 1) земля Сибирская нарицается звѣрообразныхъ людей и 2) царство Сибирское; вторая полнѣе". Вотъ все, что̀ было написано по географіи Сибири до Спаѳарія. Занятіе Сибири имѣло для русскаго народа, безъ сомнѣнія, очень важное значеніе: оно между прочимъ дало народу возможность развить свою иниціативу до громадныхъ размѣровъ. Историческіе памятники показываютъ намъ, какъ частныя лица въ старой Сибири на свой страхъ и счетъ снаряжали завоевательныя партіи. Извѣстія о вновь занятомъ краѣ должны были отразиться и на воззрѣніяхъ нашихъ государственныхъ людей и вообще высшаго класса въ государствѣ. Покойный Щаповъ въ одной изъ своихъ статей пытался провести параллель между значеніемъ открытія Америки для Европы и науки вообще и занятія Сибири для Русскаго народа. Конечно, предметы сравненія очень различны по силѣ производимыхъ впечатлѣній: тамъ тропическій міръ, полный удивительныхъ органическихъ формъ, здѣсь—приполярная природа; но тѣмъ не менѣе и здѣсь пришельцы въ страну должны были поражаться многими явленіями; великія рѣки, какихъ „ни величиною,

ни глубиною во всей вселенной нѣтъ", безконечная тайга, идущая отъ океана до океана, „чуть не по всей землѣ", безчисленное множество звѣрей, ходящихъ табунами, горящія сопки въ Камчаткѣ, средиземное море Сибири,—Байкалъ, внезапно появляющееся среди материка, „толикая великая пучина", какъ сказано у Спаѳарія, соболь, „звѣрокъ радостный и красивый", одаренный чуднымъ свойствомъ хорошѣть зимой и напомнившій Спаѳарію руно Аргонавтовъ, странные обычаи мѣстныхъ жителей, одѣянія изъ рыбьихъ шкуръ, употребленіе въ пищу сырой рыбы, сыраго мяса и свѣжей крови, напитокъ изъ коровьяго молока, топленаго съ масломъ, „а въ немъ листья невѣдомо какія", „предолгія и превысокія стѣны китайскія" и тому подобныя чудныя вещи должны были приковывать къ себѣ вниманіе и изощрять пытливость пришельцевъ. Если Ермака на языкѣ присяжнаго краснорѣчія иногда называютъ сибирскимъ Кортесомъ, то Спаѳарія можно назвать сибирскимъ Америго Веспучи, впервые описавшимъ впечатлѣнія новой невиданной страны въ большой книгѣ. Въ книгѣ Спаѳарія есть несомнѣнныя свидѣтельства, что черты сибирской природы производили на него свое дѣйствіе; въ письмѣ къ царю изъ Самарова онъ, какъ бы воображая себя однимъ изъ Аргонавтовъ, пишетъ: „Нынѣ оставляя Европу на лѣво, къ западу, перебѣгаю парусомъ въ Асію на право къ востоку Обью рѣкою, супротивъ воды, моляще преблагаго Бога, который далъ толикую препространную власть надъ Европію и надъ Асію тебѣ, великому государю".

Одновременно съ путешествіемъ Спаѳарія изданъ другой старинный памятникъ, важный для исторіи и Сибири, составленная въ 1701 году, тобольскимъ боярскимъ сыномъ Ремезовымъ, подъ названіемъ: „Чертежная книга Сибири". Атласъ этотъ долго оставался въ неизвѣстности, пока графъ Румянцевъ не пріобрѣлъ его для своего музея; въ 1842 году было напечатано подробное библіографическое обозрѣніе этого атласа въ составленномъ Востоковымъ „Описаніи рукописей Румянцевскаго музеума"; тѣмъ не менѣе атласъ оставался такъ малоизвѣстенъ въ средѣ русскихъ ученыхъ, что Г. И. Спасскій, въ 1849 году, считалъ его утраченнымъ; наконецъ, въ 1857 году, А. Ѳ. Миддендорфъ, письмомъ, помѣщеннымъ въ Вѣстникѣ Географическаго Общества, обратилъ на него вниманіе ученыхъ, а въ 1860 году, въ первомъ выпускѣ своего путешествія въ русскомъ переводѣ, помѣстилъ уменьшенный снимокъ съ 21-го листа атласа.

Начало картографическихъ работъ въ Россіи относится ко второй

половинѣ XVI вѣка; но, къ сожалѣнію, составлявшіеся по царскому указу чертежи Московскаго государства не сохранились до настоящаго времени, и уцѣлѣла только драгоцѣнная „Книга Большому Чертежу", писанная въ 1627 году и затѣмъ пополнявшаяся новыми свѣдѣніями до конца XVII столѣтія. Распространеніе русскаго владычества за Ураломъ обогатило русское правительство свѣдѣніями и о вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ. Изъ предисловія Ремезова къ его атласу видно, что чертежи Сибирскихъ земель дѣлались въ Тобольскѣ еще начиная съ 1668 года. Объ относящемся къ этому году распоряженіи Московскаго правительства сохранилось слѣдующее извѣстіе: „176 года, ноября въ 15-й день, по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца, збиранъ ... чертежъ в Тоболску за свидѣтельствомъ всякихъ чиновъ людей, которые в сибирскихъ во всѣхъ городахъ и острогахъ, хто гдѣ бывалъ и горы и остроги и урочища и дороги и земли знаютъ подлинно и какіе ходы отъ города до города да отъ слободы до слободы и до котораго мѣста і дороги і земли і урочища і до земель в сколку дней і сколко ѣзду и верстъ и гдѣ межъ слободъ Тоболскаго уѣзду построить отъ приходу воинскихъ людей по высмотру стольника и воеводы Петра Івановича Годунова с товарищи, какие крѣпости і по сколку человѣкъ в которой крѣпости посадить драгунъ в которой крѣпости, сколко ходу дней і недѣль и степью и водами ж до Китай. И то писано в чертеже порознь по статьямъ вкругахъ, также за свидѣтельству иноземцевъ и приѣзжихъ Бухарцевъ и служилыхъ Татаръ" [1]). Къ 1672 году относится „Списокъ съ чертежа Сибирскія земли", напечатанный Г. И. Спасскимъ во Временникѣ Московскаго Общества исторіи и древностей, 1849 г., № 3. Этотъ списокъ указываетъ, что тогда еще была составлена карта всей Сибири со включеніемъ прилегающихъ къ ней съ юга странъ, орошаемыхъ системой Амура и вершинами Иртыша. Но недостаточностью и неполнотой этого картографическаго свода былъ вызванъ боярскій приговоръ 1695 года о новомъ составленіи чертежей по Сибири на основаніи свѣдѣній, вновь собранныхъ на мѣстахъ. Въ этомъ же году Ремезовъ представилъ въ сибирскій приказъ общую карту Сибири, послѣ чего ему было поручено свести въ одно цѣлое всѣ карты, вновь присылаемыя въ Москву изъ Сибири. Онъ окончилъ этотъ трудъ въ 1698 г. и представилъ въ

[1]) *Востоковъ*. Описаніе рукописей Рум. музеума, стр. 414.

сибирскій приказъ новую карту на листѣ, имѣвшемъ 14 ф. длины и $9^1/_2$ ф. ширины. Къ сожалѣнію, эта карта утрачена. Затѣмъ уже въ Тобольскѣ Ремезовъ продолжалъ еще свои картографическія работы, и при помощи своихъ трехъ сыновей къ началу 1701 года окончилъ атласъ Сибири, который и сохранился до настоящаго времени и теперь изданъ въ видѣ факсимиле.

Всѣхъ листовъ въ атласѣ Ремезова 23. Первый листъ содержитъ въ себѣ планъ города Тобольска; затѣмъ восемнадцать листовъ (отъ 2-го по 19-й) изображаютъ карты земель, подвѣдомственныхъ сибирскимъ городамъ или острогамъ; каждому городу посвященъ особый листъ; такимъ образомъ тутъ представлены земли, подвѣдомственныя городамъ Тобольску, Тарѣ, Тюмени, острогу Туринскому, городамъ: Верхотурью, Пелыму, Березову, Сургуту, Нарыму, Томску, Кузнецку, Туруханску, Енисейску, Красноярску, Илимску, Якутску, Иркутску и Нерчинску; 20-й листъ содержитъ въ себѣ карту прилегающихъ къ Сибири на юго-западѣ степей и названъ „Чертежъ земли безводной и малопроходной каменной степи"; 21-й л. есть сводная карта всей Сибири, подъ названіемъ „Чертежъ всѣхъ сибирскихъ градовъ и земель"; 22-й л. — карта Великопермскаго и Печерскаго Поморья, и 23-й — карта распредѣленія инородческихъ племенъ.

Историческое значеніе труда Ремезова высоко оцѣнено извѣстнымъ путешественникомъ по Сибири, академикомъ А. Ѳ. Миддендорфомъ. „Мы не затрудняемся", говоритъ онъ,—„принять изготовленіе этой первой спеціальной карты точкою поворота, которая имѣла существенное вліяніе на улучшеніе состоянія всего края, и которой потому суждено привлекать къ себѣ вниманіе не однихъ любителей старины. Точность, съ какою Ремезовъ положилъ населеннѣйшую окружность Тобольска, и въ томъ числѣ даже многіе рукава рѣки Оби, тщательность, съ какою показаны у него поселенія по Енисею, его изображеніе Амурскаго края и тогдашняго этнографическаго положенія Сибири, все это даетъ его атласу болѣе значенія, чѣмъ какой-нибудь археографической рѣдкости. Скажемъ больше: изъ него, какъ и нѣкоторыхъ другихъ старинныхъ трудовъ этого рода, можно почерпать кое-что для улучшенія новѣйшихъ картъ Россіи" [1]). Г. Миддендорфъ приводитъ примѣры, свидѣтельствующіе, что познанія Русскихъ людей о сѣверѣ Сибири, собранныя въ XVII в. и въ началѣ XVIII, были

---

[1]) *Миддендорфъ*, Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, ч. IV, отд. I, стр. 39.

обширнѣе, но впослѣдствіи были забыты и стали скуднѣе; онъ объясняетъ это тѣмъ, что первоначальное занятіе Сибири шло по сѣверной половинѣ ея, но потомъ сѣверъ былъ постепенно покидаемъ, и вниманіе завоевательныхъ и развѣдочныхъ партій было обращено главнымъ образомъ на югъ страны. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ на сѣверо-востокъ Сибири Фердинандъ Миллеръ, спутникъ Чекановскаго въ экспедиціи на Оленекъ, также свидѣтельствуетъ, что старыя карты прошлаго столѣтія изображали Оленекъ и вѣрнѣе, и подробнѣе, чѣмъ тѣ карты, которыя вышли непосредственно передъ экспедиціей на Оленекъ [1]).

О географической сѣти у Ремезова нѣтъ и помину; вмѣсто нея ему служила гидрографическая сѣть. Нанесеніе на карту мелкихъ фактовъ у него, какъ и у нынѣшнихъ китайскихъ географовъ, редижировалось рѣчною сѣтью, и потому географическія подробности, относящіяся къ полноводной Сибири, наложены имъ безъ особенной путаницы. Развѣтвленія рѣкъ разсѣкаютъ карту на участки, по которымъ и легко было ему распредѣлять остальныя подробности. Тамъ же, гдѣ рѣчные бассейны разорваны, гдѣ существуютъ замкнутые бассейны, рѣки перестаютъ служить руководящею нитью для картографа, составляющаго карту по расспроснымъ или вообще не точнымъ свѣдѣніямъ. Поэтому на китайскихъ картахъ Монголія представляетъ путаницу, не смотря на доступность края для китайскихъ географовъ и на существующую для нихъ возможность сличенія многихъ показаній. Не удивительно поэтому же, если и у Ремезова изображеніе земель, прилегающихъ къ Сибири съ юга, отличается запутанностью: ему приходилось довольствоваться сбивчивыми разказами простыхъ людей и только немногими толковыми маршрутами. Тутъ встрѣчаются такія, напримѣръ, ошибки: рѣка Боротала впадаетъ въ одно озеро съ рѣкой Кобдо, рѣки Сыртъ (Сыръ) и Амунъ-Дарья (Аму-Дарья) вытекаютъ изъ озера Тенизъ, то-есть, изъ Балкаша; нѣкоторыя рѣки и урочища очевидно назначены вдвойнѣ, какъ напримѣръ, р. Имиль, р. Темиръ-Шорбя (въ другомъ мѣстѣ Темиръ-Корга). Эти курьезы, вызывающіе улыбку въ нынѣшнемъ читателѣ, не ослабляютъ однако интереса, возбуждаемаго богатствомъ фактовъ, удивительнымъ для того времени. Въ атласѣ Ремезова мы находимъ изображеніе Киргизской степи, западнаго и восточнаго Туркестана, Джунгаріи, долинъ верхняго Иртыша, рѣки Кобдо, верхняго Енисея, системы Селенги, окрест-

[1]) *Ferdinand Müller*, Unter Tungusen und Jacuten, Leipzig, 1882, S. 133.

постей Пекина и набросокъ острова Нипона. На югѣ свѣдѣнія Ремезова достигали до сѣверной окраины Тибета; на листѣ 22-мъ у него назначены города Кашгаръ, Еркень (Яркендъ) и Куча, подлѣ которой надписано: „топится сѣра“ и рядомъ: „а въ немъ (то-есть, въ камнѣ) свинецъ и нашатырь“. Городъ Еркень означенъ лежащимъ на рѣкѣ Еркети, которая впадаетъ въ рѣку Лопту (Лобъ?), а эту послѣднюю Ремезовъ заставилъ изливаться въ Балхашъ. Нѣкоторыя названія въ этой части Азіи, въ Ремезовскомъ атласѣ, разногласятъ съ нынѣшними свѣдѣніями; такъ напримѣръ, на томъ мѣстѣ, гдѣ должно быть долинѣ рѣки Кобдо, у Ремезова начерчена рѣка подъ именемъ Коктебе; имя Кобдо дано только ея лѣвой вершинѣ, тогда какъ правая вершина надписана именемъ Алтанъ-Тагисунъ. Впрочемъ, полная надпись лѣвой вершины: „вершина Кобды“ показываетъ, что имя Кобдо распространялось и на нижнюю часть рѣки, которой на картѣ дано имя Коктебе. Имя Алтанъ-Тагисунъ можетъ быть описка вмѣсто Алтынъ-Хатысынъ, который былъ уже извѣстенъ изъ поѣздки Старкова къ Алтынъ-хану. Подъ именемъ Алтанъ-Тагисунъ въ такомъ случаѣ можно бы видѣть рѣку Буконь-берень, но эта рѣка есть правый, а не лѣвый притокъ р. Кобдо. Возлѣ рѣки Коктебе означены отдѣльныя горы или камни: Саабанакъ и Антуй; эти имена намъ во время нашихъ разъѣздовъ въ долинѣ р. Кобдо не встрѣтились, равно какъ и имя рѣки Коктебе. Озеро, въ которое впадаетъ эта рѣка, у Ремезова названо „Кукупоръ, по-русски зеленое“, а на другомъ листѣ оно же подписано „Бѣлое“. Озеро, въ которое впадаетъ р. Кобдо, нынѣ называется Хара-усу. Надписи подлѣ рѣки въ родѣ: „кочуетъ тайша Учюрта“ [1]), „Бушухту-ханъ“ и назначеніе пашенъ показываетъ, что долина рѣки Кобдо была посѣщаема Русскими людьми, и вѣроятно не одинъ разъ, но кѣмъ, именно—остается пока неизвѣстнымъ. Единственная поѣздка русскаго человѣка въ XVII в. въ долину р. Кобдо была совершена Юдинымъ въ 1691 году, но сличая данныя Ремезова съ извѣстіемъ Юдина, нельзя придти къ заключенію, что Ремезовское изображеніе теченія Кобды есть результатъ поѣздки Юдина. Интересны также свѣдѣнія Ремезова о долинѣ Чернаго Иртыша, гдѣ также встрѣчаются надписи, несогласныя съ нынѣшними именами. Вершина Иртыша носитъ у Ремезова названіе Харихту; въ нее слѣва впадаютъ рѣки Хорекъ съ Кобекомъ, Темиръ-Корга, Арбатай, Луряnга и двѣ Лепши; справа: Булаганъ, Темиръ-Шорбя, Цын-

---

[1]) Учурту упоминается у Фишера, Сиб. Ист., 445.

гага, Уланъ-Кучиръ; у самаго устья рѣки надпись: Пала-хорякъ. Затѣмъ рѣка проходитъ чрезъ большое озеро Иртынча; по выходѣ изъ него она принимаетъ справа рѣки Чаганъ-Усунъ, Кара-Кучиръ и Имиль и затѣмъ проходитъ черезъ другое озеро Зайсанъ или Кокотуноръ. Изъ всѣхъ этихъ названій только немногія могутъ быть сближены съ существующими теперь; въ Булаганѣ можно узнать нынѣшній Булыганъ или Булгунъ, въ Луранга—Урунгу, въ Цынгага—Цынгиль, въ Темиръ-Корга нынѣшнюю Чергу и Темиръ-Чергу актовъ конца прошлаго столѣтія; оз. Зайсанъ и теперь извѣстно подъ тѣмъ же именемъ. Затѣмъ всѣ остальныя названія представляютъ новость для знакомаго съ географіей верховьевъ Иртыша. Озеро Иртынча, конечно, есть озеро Улюнгуръ на томъ основаніи, что хотя Иртышъ и не проходитъ чрезъ Улюнгуръ, но другаго подходящаго по величинѣ озера, нарисованнаго у Ремезова немного менѣе Зайсана, въ системѣ Чернаго Иртыша нѣтъ. Улюнгуръ имѣетъ еще другое имя Кызылбашъ, которое встрѣчается только на картахъ и въ краѣ уже не слышно. Если Иртынча оно же, то Ремезовъ даетъ намъ третье имя того же озера. Разсматриваніе этой части карты наводитъ на мысль, что долина Иртыша нанесена по двумъ маршрутамъ; на это намекаютъ, какъ двѣ (или даже три) пунктирныя линіи, которыя, вѣроятно, обозначаютъ пути путешественниковъ, такъ и двойное нанесеніе однихъ и тѣхъ же именъ. Или Ремезовъ имѣлъ два маршрута Байкова, передній и обратный, или на Зайсанѣ еще кто-нибудь бывалъ, кромѣ Байкова. Разница съ современностью замѣчается и въ нѣкоторыхъ названіяхъ въ Киргизской степи: рѣка Сарысу принимаетъ слѣва р. Кынырбай и Кырья, а справа Киндеръ; въ Кынырбаѣ можно узнать нынѣшній Кенгирь; окончаніе прежняго названія напоминаетъ имена рѣчекъ въ Хангаѣ и Саянахъ: Кунгурбей, Унгурбей; въ Киндерѣ -- Киндерликъ; что̀ за рѣка Кырья — мы не знаемъ.

Еще важнѣе данныя атласа Ремезова, говорящія о прежнемъ разселеніи инородческихъ племенъ въ Сибири. Въ этомъ отношеніи мы находимъ въ существующей дѣйствительности большія перемѣны. „Земля дюрбетска“ подписана на западъ отъ р. Тургая, гдѣ нынѣ Малая Киргизская орда; „Земля калмыцка“ на правомъ берегу рѣки Норъ-Ишимъ, впадающей въ оз. Кургалчинъ (то-есть, на правомъ берегу р. Нуры, впадающей въ оз. Кургальджинъ); тутъ же мы находимъ надпись: „мани, мольбище“, что̀ указываетъ на какую-то постройку съ написанною на ней буддійскою молитвой „омъ-мани-падмехомъ“. Вся долина Иртыша до озера Ямышева представлена так-

же занятою Монгольскимъ племенемъ; при устьѣ Чернаго Иртыша надпись: „кочуетъ тайша Сенга", ниже оз. Зайсана: „кочуетъ тайша Тарханъ-Дачи", „кочуетъ тайша Аблай"; у озера Ямышева надпись: „мани, молбище", что опять указываетъ на ламайскую вѣру. Монгольскою же народностью заняты и долины рѣкъ Кобдо, Бороталы, Имиля и Или. На рѣкѣ Кобдо, кромѣ другихъ кочевьевъ, указано кочевье Бушухтухана. Кочевья Казачьей орды, то-есть, нынѣшнихъ Киргизовъ, ограничены незначительнымъ пространствомъ между озеромъ Тенизъ (Балхашъ) и рѣками Чюя и Сыртъ (Сыръ-Дарья). Такимъ образомъ, данныя Ремезова показываютъ, что весь сѣверъ и центръ нынѣшней Киргизской степи былъ занятъ Монгольскимъ племенемъ. Даже и югъ ея, какъ это оказывается по другимъ даннымъ, не весь былъ занятъ Киргизами; въ половинѣ прошлаго столѣтія долина Таласа была занимаема Калмыками, какъ это видно изъ актовъ того вѣка; въ атласѣ Ремезова около Сыръ-Дарьи рядомъ съ городомъ Туркестаномъ назначенъ городъ Акъ-сумя; это какъ будто Акъ-мечеть, у которой вторая половина названія замѣнена монгольскимъ сумэ. Въ серединѣ Голодной степи, къ с. отъ Чуи, на нынѣшнихъ картахъ назначается озеро Дабысынъ-Тузъ; первая половина этого имени есть монгольское дабысынъ, „соль". Эти названія показываютъ, какъ далеко на югъ простирались кочевья Монголовъ въ этой странѣ. Такія показанія находятся въ согласіи съ преданіями нѣкоторыхъ родовъ Киргизскаго народа, что они пришли съ юга. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что подобныя историческія указанія Ремезовскаго атласа относятся не къ одному времени; онъ пользовался для составленія своего труда матеріаломъ, собраннымъ въ различное время, и потому не мудрено, что къ 1701 году, которымъ помѣченъ его трудъ, распредѣленіе племенъ во многомъ уже не было похоже на то, какое даетъ его атласъ. Такъ, онъ въ прикамскомъ Поволжьѣ дѣлаетъ надпись: „Болгары и Болымеры"; имена эти исчезли въ народѣ задолго до составленія атласа, и Ремезовъ внесъ ихъ въ атласъ, конечно, не изъ устъ народа; да и Дюрбютовъ и Калмыковъ въ системѣ Тургаевъ уже не было въ концѣ XVII вѣка; Хоурлюкова орда занимала эти мѣста только до 1643 г. Въ „Спискѣ съ чертежа Сибирскія земли" 1672 г. Калмыцкій дербитскій улусъ указанъ на Ишимѣ, а Урлуковъ улусъ къ в. отъ Яика. Въ южной части Томской губерніи обращаютъ на себя вниманіе надписи: „бѣлые калмыки Табуновы" на лѣвомъ берегу Оби, ниже р. Бараулъ, „бѣлые калмыки Шадаевы" въ двухъ мѣстахъ между рѣками Дюля

и Чарышъ и между Чарышемъ и рѣкою Алисъ (Алей?). Такого племени въ этихъ мѣстахъ не только нѣтъ теперь, но уже и въ прошломъ столѣтіи не было; что̀ это за Бѣлые Калмыки—пока никѣмъ не выяснено. По видимому, это не Алтайцы, которыхъ можно видѣть у Ремезова подъ именемъ Черныхъ Калмыковъ (на лѣв. берегу Катуни). Какъ на совсѣмъ исчезнувшія имена поколѣній въ Томской губерніи можно указать на Барсаяковъ на Кендомѣ, Карасапаловъ на Біѣ [1]) и Тау-телеутовъ на Катуни. Телеутамъ у Ремезова дано большее распространеніе на востокъ, чѣмъ нынѣшнее; если помѣтка ихъ кочевьевъ на правомъ берегу Томи еще можетъ быть отнесена на счетъ неточности составителя, то надпись къ востоку отъ города Кузнецка: „рѣка Чесноковка, а по ней кочюютъ подгородные ясашныя Телеуты“, очевидно, соотвѣтствовала дѣйствительности. Въ Енисейской губерніи Кашенцы (то-есть, Качинскіе Татары) помѣчены въ вершинахъ р. Маны и по р. Тубѣ, гдѣ ихъ теперь нѣтъ. Кочевья Киргизовъ отграничены у Ремезова пунктиромъ; эта сѣверная граница „Киргитской землицы“ проходила чрезъ оз. Божье, р. Бечищу (притокъ Чюлыма) и Алдашь (притокъ р. Кія) къ вершинамъ р. Кія. Затѣмъ на листѣ 14-мъ горный хребетъ, который тянется отъ вершинъ Томи до Телецкаго озера, подписанъ: „Бѣлыя горы, а за Бѣлогорьемъ живутъ Киргизы“. Въ Иркутской губерніи мы замѣчаемъ, что долина Тунки и Иркута, занятая теперь Бурятами, во время составленія Ремезовскаго атласа какъ будто была занята только Тунгусами. Кочевья „ясашныхъ брацкихъ“ назначены только по рѣкамъ Бѣлой и Китою, а въ долинѣ Тунки находится надпись: „Острогъ Тункинскій, ясакъ собираютъ с тунгусовъ“; даже подлѣ Байкала надпись: „Зимовье Култунское, ясакъ берутъ с тунгусовъ“.

Кое-гдѣ въ атласѣ Ремезова указываются слѣды древнихъ городовъ или построекъ: на правомъ берегу р. Каратала, правомъ притокѣ р. Торгая,—„градъ пустой“ (листъ 22-й); на лѣвомъ берегу Ишима между рр. Тесиръ-горъ и Тылкара—„городъ каменный“ (листъ 22-й); на рѣкѣ Сарысу—„мечать“ безъ собственнаго имени, „мечать Булгапана“ и „мечать Талмасата“ (л. 22-й); на Иртышѣ „мечать урочище Кабалгасунъ“ (л. 22-й); между рѣками Юсами Чернымъ и Бѣлымъ—„городокъ каменный“ (л. 13-й); въ вершинахъ Енисея:—„городъ каменной старой, двѣ стены целы, а две развалились, а котораго города, того не знаемъ“ (л. 17-й). Въ долинѣ Чернаго Иртыша находятся двѣ над-

[1]) О Керзагалахъ см. у *Фишера*, Спб. Ист., 452.

писи: „камень Тарбагатуй, уросливъ каменемъ, костей много", и въ другомъ мѣстѣ подлѣ надписи „Тарбасатенъ" (Тарбагатенъ?) сдѣлано изображеніе, похожее на поле, усѣянное костями, и подлѣ надпись „кости". Не свидѣтельства ли это о мѣстахъ военныхъ побоищъ или о мѣстахъ прежнихъ осѣдлыхъ обиталищъ?

Вообще атласъ Ремезова важенъ для исторіи Сибири въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, онъ содержитъ данныя для исторіи расширенія знаній Русскихъ людей о географіи сѣверной и средней Азіи, а вовторыхъ, представляетъ богатый матеріалъ, относящійся къ исторіи русской колонизаціи и распредѣленія инородческихъ племенъ въ Сибири въ минувшее время. Было бы полезно подробно сличить эти послѣднія данныя атласа съ современными свѣдѣніями; этимъ могли бы съ пользою заняться любители исторіи, живущіе въ разныхъ частяхъ Сибири, особенно же въ губерніяхъ Тобольской и Енисейской, такъ какъ окрестности Тобольска и Енисейска представлены у Ремезова особенно подробно и тщательно.

Къ атласу приложенъ указатель встрѣчающихся въ немъ названій, чѣмъ значительно облегчается пользованіе картами Ремезова.

Г. Потанинъ.

Начертаніе церковно-славянской грамматики примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. *Ант. Будиловича.* Варшава. 1883.

Книга проф. Будиловича представляетъ замѣчательную попытку систематическаго изложенія теоріи церковно-славянскаго языка, обработанной подъ вліяніемъ новыхъ требованій науки. Въ ней съ одной стороны весьма наглядно выразилась способность почтеннаго автора къ обобщеніямъ и систематизаціи грамматическаго матеріала, съ другой—въ значительной степени обнаружилось желаніе его сообщить содержанію своего труда характеръ современности, поставить грамматику, такъ сказать, на современную ногу. При обширныхъ знаніяхъ, несомнѣнной талантливости и неутомимомъ трудолюбіи автора, успѣхъ книги былъ бы, безъ сомнѣнія, полнѣе, если бы онъ не парализовался излишнимъ, какъ намъ кажется, увлеченіемъ автора въ томъ и другомъ отношеніи. Такъ напр., въ предисловіи мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Стремленіе дать грамматическому матеріалу симметрическое расположеніе и естественную систему привело автора къ видоизмѣненію традиціоннаго взгляда на отношеніе этимологіи къ синтаксису. Тѣмъ изъ читателей,

которые привыкли относить семазіологію ко второму, а не къ первой и не желаютъ разубѣдиться въ такомъ взглядѣ, можно присовѣтовать начинать синтаксисъ съ 206-й страницы: черезъ то расположеніе грамматическаго матеріала ни мало не измѣнится, а измѣнится лишь уголъ зрѣнія на двѣ смежныхъ области грамматики" (стр. III—IV). Мы думаемъ, что симметрическое расположеніе—дѣло вкуса, естественная система—дѣло необходимости: соединить одно съ другимъ не всегда бываетъ возможно въ наукѣ. Поэтому видоизмѣненіе традиціоннаго взгляда на отношеніе этимологіи къ синтаксису, основанное на стремленіи дать грамматическому матеріалу симметрическое расположеніе и естественную систему, представляется намъ не столько научнымъ, сколько искусственнымъ, и объясняется увлеченіемъ автора въ сторону внѣшней стройности системы. Вѣдь ни убѣждаться, ни разубѣждаться въ томъ, къ чему слѣдуетъ относить семазіологію: къ этимологіи, или къ синтаксису,—нельзя по желанію. Точно также выдѣленіе ученія о значеніяхъ звуковъ и словъ изъ этимологіи въ особый отдѣлъ подъ названіемъ семазіологіи, обусловливаемое не столько существомъ дѣла, сколько новоизобрѣтеннымъ современнымъ, такъ сказать, принципомъ абсорпціи, то-есть, взаимнаго поглощенія фонемъ, морфемъ и семемъ, которому отведена въ книгѣ, къ сожалѣнію, весьма почетная роль при объясненіи явленій языка, мы относимъ вмѣстѣ съ новомодными терминами, искажающими русскій языкъ науки, къ излишнему увлеченію почтеннаго автора современными научными новостями. Тѣмъ не менѣе на книгу профессора Будиловича слѣдуетъ смотрѣть, вопервыхъ, какъ на результатъ тѣхъ успѣховъ, которыхъ достигла въ настоящее время грамматика церковно-славянскаго языка; вовторыхъ, какъ на трудъ вполнѣ самостоятельный въ славянской филологической литературѣ относительно обработки грамматическаго матеріала, и втретьихъ, какъ на сочиненіе, написанное болѣе съ учебною, нежели съ ученою цѣлію. Эту точку зрѣнія на книгу указываетъ и самъ авторъ въ предисловіи.

Перейдемъ къ замѣчаніямъ. Начнемъ съ „введенія".

Оно важно для насъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какія мнѣнія, существующія въ наукѣ по главнѣйшимъ общимъ вопросамъ относительно ц.-славянскаго языка, считаются профессоромъ Будиловичемъ болѣе вѣроятными и полагаются имъ въ основаніе своей книги. Такъ напримѣръ, изъ тѣхъ круговъ, которыми онъ изображаетъ географическое размѣщеніе арійскихъ народовъ (стр. 2) и главныхъ славянскихъ нарѣчій и поднарѣчій (стр. 5), видно, что по вопросу о взаимномъ

отношенія родственныхъ языковъ между собою авторъ предпочитаетъ теорію Іоганна Шмидта теоріи Шлейхера. По вопросу о дѣленіи славянскихъ языковъ авторъ предложилъ въ своей книгѣ самостоятельное рѣшеніе, выдѣливъ русскій языкъ въ особую вѣтвь [1]). По его мнѣнію, всѣ славянскія нарѣчія и говоры дѣлятся на три главныхъ вѣтви: восточную, южную и западную. Правда, мнѣніе о срединномъ положеніи и значеніи русскихъ говоровъ между другими славянскими нарѣчіями было давно высказано другими русскими учеными—какъ-то: Востоковымъ (1819), Надеждинымъ (1836), Максимовичемъ (1838) и Срезневскимъ (1843); однако, отводя русскому языку самостоятельное мѣсто, они въ концѣ концовъ приходили къ двойственности въ своемъ дѣленіи. Такъ сильно было вліяніе дѣленія, предложеннаго Добровскимъ. Профессоръ Будиловичъ первый отрѣшилъ дѣленіе славянскихъ языковъ отъ этой двойственности. По вопросу о церковно-славянскомъ языкѣ, весьма важному, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма трудному для рѣшенія по отсутствію положительныхъ данныхъ, профессоръ Будиловичъ держится такъ называемой Болгарской теоріи, ведущей свое начало отъ Шафарика, не смотря на то, что въ послѣднее время распространяется Паннонская теорія, представителемъ которой является Миклошичъ. Какъ ни сильно нападаетъ онъ на Болгарскую теорію въ предисловіи къ своей книгѣ „Altslovenische Formenlehre in Paradigmen—1874", все-таки доводы его не на столько положительны и убѣдительны, чтобы не оставляли мѣста для сомнѣнія. Едва ли можно, напримѣръ, убѣдиться въ томъ, что такъ-называемыя фрейзингенскія статьи X. в. стоятъ ближе всѣхъ другихъ древнихъ памятниковъ славянской письменности къ языку Зографскаго евангелія и глаголицы Клоціевой. Поэтому-то, что говоритъ профессоръ Будиловичъ въ своей книгѣ о церковно-славянскомъ языкѣ, представляется для насъ болѣе вѣроятнымъ и пригоднымъ для книги съ учебнымъ характеромъ. Онъ говоритъ слѣдующее: „употребляя въ своихъ переводахъ языкъ болгаро-македонской родины, свв. Солунцы не могли не примѣняться нѣсколько и къ особенностямъ говоровъ велико-моравской своей паствы. Такимъ образомъ уже въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятникахъ должны были существовать различныя діалектическія наслоенія на первоначальной болгаро-македонской основѣ" (стр. 8). Согласно съ этимъ взглядомъ на церковно-славянскій языкъ, г. Будиловичъ дѣлитъ памятники пись-

[1]) Мысль о выдѣленіи русскаго языка въ особый отдѣлъ выразилъ категорично и г. *Лескинъ* (*Archiv für slav Philologie* 1881, V, 498).

менности на слѣдующіе четыре извода: болгарскій (юсовой), сербо-хорватскій, чехо-словенскій и русскій. Во главѣ церковно-славянской письменности онъ ставитъ „Остромирово Евангеліе", какъ древнѣйшій памятникъ, отмѣченный годомъ, говоря: „возможно, что нѣкоторыя изъ неотмѣченныхъ годомъ церковно-славянскихъ рукописей, напримѣръ, Зографское евангеліе, Саввина книга и т. п. писаны и въ первой половинѣ XI в., или даже и во второй половинѣ X в., но трудно доказать это научнымъ образомъ". (стр. 9). Наконецъ, опредѣливъ грамматику какъ „науку о внѣшнемъ строеніи и внутреннихъ отправленіяхъ языка" (стр. 11), указавъ на характеръ ея, какъ науки исторической и на историко-сравнительный методъ ея изученія, г. Будиловичъ излагаетъ основанія для дѣленія грамматики, и выводитъ изъ нихъ слѣдующую систему, назвавъ ее „естественнымъ расчлененіемъ грамматики на три части въ шести отдѣлахъ":

Часть I. Ученіе о звукахъ (фонологія):
Отдѣлъ 1. Ученіе о буквахъ (графика);
„ 2. „ о звукахъ (фонетика).
Часть II. Ученіе о словахъ (этимологія):
Отдѣлъ 3. Ученіе о строеніи словъ (морфологія);
„ 4. „ о значеніяхъ словъ (семазіологія).
Часть III. Ученіе о предложеніяхъ (синтаксисъ):
Отдѣлъ 5. Ученіе о строеніи предложеній и
„ 6. „ о значеніяхъ предложеній (стр. 13)

Эта система, по нашему мнѣнію, отличается искусственностію построенія. Ученіе о звукахъ дѣлится на графику и фонетику на слѣдующемъ основаніи: „Звуки каждаго литературнаго (а не литературнаго?) языка", говоритъ авторъ,—„выражаемые на письмѣ буквами, могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ: а) оптической, то-есть, по внѣшнему начертанію и б) акустической, то-есть, по звуковому значенію или выговору" (стр. 12). Основаніе, очевидно, придуманное: разсматривать звукъ по начертанію, то-есть, по буквѣ или по знаку, которымъ онъ изображается на письмѣ, по моему мнѣнію, невозможно. Начертаніе можетъ вызывать лишь представленіе о звукѣ, который имъ обозначается, но не даетъ самаго звука такъ, чтобы его можно было разсматривать. Далѣе. Въ предисловіи авторъ выразилъ свое мнѣніе, что семазіологія должна относиться къ этимологіи, а не къ синтаксису (стр. IV), а въ системѣ (стр. 13) семазіологія является вторымъ отдѣломъ не только этимологіи, но и синтаксиса; въ самой же грамматикѣ она вошла подъ особымъ пара-

графомъ и въ фонологію (§9 стр. 117—119). Словомъ, семазіологія, какъ ученіе о значеніяхъ звуковъ, словъ и предложеній, проходитъ особымъ отдѣломъ по всѣмъ тремъ частямъ грамматики. Спрашивается: почему же въ системѣ нѣтъ семазіологіи звуковъ въ качествѣ особаго отдѣла первой части? Невольно приходитъ на мысль, что авторъ „Начертанія" при построеніи системы, преимущественно руководился стремленіемъ „дать грамматическому матеріалу симметрическое расположеніе".

Первую часть грамматики г. Будиловичъ начинаетъ изложеніемъ физіологическихъ свѣдѣній о звукахъ въ видѣ "предварительныхъ замѣчаній" подъ заглавіемъ: „о природѣ звуковъ человѣческаго языка", (§ 5, стр. 14—51). Мы позволяемъ себѣ усомниться въ необходимости этого нововведенія. По нашему мнѣнію, физіологическія данныя должны быть присущи самимъ грамматическимъ положеніямъ или объясненіямъ, но не являться въ грамматикѣ съ важностью самостоятельнаго значенія. Грамматикѣ нѣтъ дѣла до того, что̀ происходитъ съ надставною трубою, голосовою щелью, голосовыми связками, надгортанникомъ, небною занавѣскою и пр. въ то время, когда произносится тотъ или другой звукъ въ рѣчи: ея дѣло—вѣрно опредѣлить, согласно съ физіологическими данными, но на основаніи формъ языка, свойства звуковъ *и взаимное ихъ отношеніе между собою* въ этихъ формахъ. Поэтому особый отдѣлъ, трактующій въ грамматикѣ о природѣ звуковъ человѣческаго языка, нарушаетъ собою общій характеръ книги. Многое изъ него могло бы войдти въ содержаніе фонетики, разумѣется, въ измѣненномъ видѣ согласно съ требованіями грамматическаго, а не физіологическаго изложенія, какъ напримѣръ, то, что̀ относится къ дѣленію звуковъ по ихъ природѣ и къ взаимному ихъ отношенію между собою. Таковы статьи: 27, 28, 31—39, 41, 53—54, 57 и др., не исключая и таблицы согласныхъ звуковъ (стр. 36). [1]) Конечно, почтенный авторъ желалъ облегчить пріобрѣтеніе физіологическихъ свѣдѣній для тѣхъ изъ своихъ читателей, для которыхъ онъ преимущественно писалъ свою книгу, и сообщить ихъ въ той степени, въ какой они казались ему необходимыми для уразумѣнія фонетики языка; но едва ли можно думать, что эта добрая цѣль достигнута авторомъ. Физіологическія свѣдѣнія, сообщаемыя въ грамматикѣ г. Будиловича, не смотря на ясность изложенія, нуждаются въ иллюстраціи: для нихъ необходимы рисунки, какъ и въ спеціальныхъ сочиненіяхъ по физіологіи. Ради

---

[1]) Въ этой таблицѣ пропущенъ звукъ Ч (ч).

примѣра возьмемъ то, что необходимо должно обратить на себя вниманіе каждаго филолога: описаніе условій образованія гласныхъ звуковъ: *А*, *I*, *У*. „Условія образованія звука *А* состоятъ въ слѣдующемъ (говоритъ грамматика): голосовая щель сужена и струны сотрясаются; гортань виситъ на срединѣ полости своего вертикальнаго движенія; губы слегка закругляются; нижняя челюсть пріопущена и языкъ лежитъ на ней плошмя; ртовый каналъ имѣетъ среднюю ширину, воронкообразно суживаясь къ выходу; небная занавѣска приподнята" (стр. 20).

„Образованіе звука *I*: голосовая щель какъ при *А*; гортань приподнята; углы рта оттягиваются къ зубамъ, при чемъ между губами образуется длинная щель; языкъ подвинутъ впередъ, приближаясь хребтомъ къ твердому нёбу, а краями примыкая къ верхнимъ кореннымъ зубамъ; ртовый каналъ сильно суженъ во всей передней части, воздухъ плыветъ желобомъ по хребту языка; небная занавѣска плотно прижата къ задней стѣнѣ глотки; головныя кости даютъ замѣтный резонансъ. Передняя часть надставной трубки похожа при этомъ на фляжку съ длинной узкой шейкой (6 центим.)" (стр. 20—21).

„Образованіе звука *У*: голосовая щель какъ при *А*; гортань опущена; губы выдвигаются впередъ и стягиваются кувшиномъ, съ небольшимъ круглымъ отверстіемъ; языкъ отодвинутъ назадъ и подымается корнемъ къ небной занавѣскѣ, тогда какъ передняя его часть, удаляясь отъ твердаго неба, прилегаетъ къ нижней челюсти; суженіе ртоваго канала въ заднемъ небѣ меньше, чѣмъ при *I*—въ переднемъ; небная занавѣска довольно плотно прилегаетъ къ задней стѣнкѣ глотки; передняя часть резонатора имѣетъ видъ фляжки безъ шейки" (стр. 21).

Безъ особыхъ рисунковъ трудно составить себѣ ясное представленіе о природѣ звуковъ *А*, *I*, *У* по одному только этому описанію. Кромѣ того при чтеніи его невольно возникаетъ въ умѣ вопросъ постоянны, или нѣтъ, эти условія образованія звуковъ *А*, *I*, *У*? Другими словами, у каждаго ли индивидуума, произносящаго эти звуки отдѣльно и въ разнообразномъ сочетаніи съ другими звуками въ рѣчи, и при всякомъ душевномъ состояніи (спокойномъ, возбужденномъ), эти условія образованія для *А*, *I*, *У* сохраняются неизмѣнно? На эти вопросы обязана отвѣчать физіологія, а они возникаютъ при чтеніи грамматики. Это говоритъ не въ пользу умѣстности изложенія чисто-физіологическихъ свѣдѣній въ послѣдней.

Теперь о нѣкоторыхъ частностяхъ. На стр. 44, статья 85, чита-

емъ: „Подобно постіотованнымъ гласнымъ (*ай*, *ой*, *уй* и т. п.) распространены въ славянскомъ языкѣ и постіотованные согласные. Такъ рус. допускаетъ соединеніе съ *j* согласныхъ: *в*, *ф*, *б*, *м*, *з*, *с*, *д*, *т*, *н*, *р*, *л*, *ж*, *ш*, напр. въ словахъ: вью, сафьянъ, бью, скамья, князья, съѣмъ, дьякъ, татьяна, пѣнье, перья, улья, мужья, шью". Ст. 86: „Къ этимъ группамъ не особенно тѣсныхъ звукосочетаній относятся и славянскія согласныя группы: *вл*, *бл*, *пл*, *мл*, гдѣ *л* развился, какъ увидимъ, изъ *j*, подобно дыхательнымъ членамъ (*ш*, *ж*) дифтонговъ ц или ч". Здѣсь, вопервыхъ, едва-ли слѣдуетъ считать звукосочетанія *ай*, *ой*, *уй*, постіотованными гласными (напр. въ край, бой, поцѣлуй): это противорѣчило бы древнему закону славянской фонетики; по которому славянскій языкъ не терпитъ согласныхъ окончаній, скорѣе *й* въ этомъ случаѣ замѣняетъ собою ь=*j*ъ послѣ гласныхъ; вовторыхъ, звукъ ь въ словахъ: вью бью, и пр. и звукъ ъ въ словѣ съѣмъ вовсе не имѣютъ значенія *j* какъ думаетъ г. Будиловичъ. Иначе, въ виду формъ: ловлю, потрафлять, люблю, земля, въ которыхъ *л* развился изъ *j*,, нельзя объяснить, почему *л* не развился изъ j въ словахъ: вью, сафьянъ, бью, скамья и т. п. Ниже г. Будиловичъ придаетъ славянскому й двоякое значеніе: значеніе звука полусогласнаго при сочетаніи его съ предшествующею или послѣдующею гласною, и—согласнаго (j)— послѣ другаго согласнаго (стр. 61, стат. 2). Но на стр. 96 (статья 8) авторъ сомнѣвается въ существованіи согласнаго j въ церковно-славянскомъ языкѣ, а приписываетъ ему важную роль въ новославянскихъ нарѣчіяхъ, особенно въ русскомъ, гдѣ j развился изъ *i* послѣ согласныхъ (стр. 100, 14); въ таблицѣ же согласныхъ звуковъ (стр. 36) церковно-славянскаго языка j поставленъ въ число согласныхъ заднеязычныхъ послѣ нейтральнаго *й*. Словомъ, въ книгѣ не выдержано одно какое либо опредѣленное мнѣніе автора объ этомъ звукѣ; поэтому изъ всего того, что говорится объ немъ, нельзя составить себѣ яснаго понятія о звуковомъ значеніи j-та въ церковно-славянскомъ языкѣ. Мы полагаемъ, вопервыхъ что j есть звукъ согласный, свойственный всѣмъ славянскимъ языкамъ, не исключая, конечно, и церковно-славянскаго; вовторыхъ, что онъ ни въ церковно-славянскомъ, ни въ русскомъ не замѣняется звуками: ъ, ь или *и*; въ-третьихъ, что онъ проявляется или въ смягченіи гласныхъ и согласныхъ звуковъ, или въ замѣнѣ другими согласными.

На стр. 46, 91 читаемъ: „Что касается звуковъ *Р* и *Л*, то по условіямъ ихъ сочетаемости съ сосѣдними согласными славянскія

нарѣчія замѣтно отличаются отъ другихъ арійскихъ языковъ, а отчасти и одно отъ другаго. Такъ вмѣсто иноарійскихъ группъ: *р* (*л*) + согл. мы встрѣчаемъ обыкновенно въ нарѣчіяхъ южнославянскихъ и западнославянскихъ обратную группу; согл. + *р* (*л*), напримѣръ, Karl — краль Helm — шлѣмъ, ἔρχω — блѣка и т. п. Въ русскомъ языкѣ въ аналогичныхъ случаяхъ встрѣчаемъ по обѣ стороны согласнаго по гласному звуку, которые какъ бы заполняютъ зіяніе между нимъ и сосѣдними согласными: король, шеломъ, волоку. Въ другихъ случаяхъ подобное же зіяніе заполняется согласнымъ переднеязычнаго пояса: ндравъ (и норовъ), страмъ (соромъ), чеш. straka (рус. сорока) и т. п." Это положеніе выражено весьма неопредѣленно: во-первыхъ, о какомъ фонетическомъ строеніи славянскихъ нарѣчій говорится здѣсь: о древнѣйшемъ, или позднѣйшемъ? во-вторыхъ, какую группу *р* (*л*) + согл. слѣдуетъ разумѣть: корневую или некорневую? Изъ примѣровъ, конечно, видно, что рѣчь идетъ о корневыхъ группахъ; но это видно можетъ быть не всякому; какъ не всякому можетъ быть понятно на основаніи этого положенія, что къ нему не слѣдуетъ относить случаи въ родѣ рус. гордъ, твердъ, смерть, торгъ, волкъ. Далѣе, чтобы понять выраженіе „какъ бы заполняютъ и пр." нужно обратиться къ стр. 48—49, ст. 101, гдѣ говорится слѣдующее: „гласный вставляется для заполненія зіянія между согласными, напр. рус. огонь, восемь при ц.-слав. огнь, осьмь. Сюда относится и одинъ (вѣроятно второй) изъ гласныхъ въ русскихъ полногласныхъ формахъ:

ворона	при	ц.-сл.	врана,	польск.	wrona;
голова	„	„	глава,	„	głowa;
череда	„	„	чрѣда	„	trzoda;
полова	„	„	плѣва	„	plewa.

„Вставочными для заполненія зіянія между согласными или гласными представляются и переднеязычные въ рус. страмъ, ндравъ, а также *й* и *н* въ рус. ядро и нѣдро, ядъ и снѣдь, и *в* въ привыкать, вотчина, восемь и т. п. Подобные вставочные гласные и согласные, не имѣющіе этимологическаго оправданія, а вызванные чисто звуковыми условіями, принято называть звуками паразитными, по аналогіи чужеядныхъ животныхъ и растеній".

И такъ, въ русскихъ полногласныхъ формахъ ворона, голова и пр. второй гласный звукъ о заполняетъ зіяніе между плавными *р*, *л* и слѣдующимъ за ними согласнымъ нѣмымъ точно такъ же, какъ согласные *д* и *т* въ словахъ: ндравъ, страмъ. Въ основаніе этого явленія кладется физіологическій принципъ, состоящій въ томъ, что

зіяніе бываетъ не только между гласными, но и согласными, и что оно въ послѣднемъ случаѣ заполняется какъ гласными, такъ и согласными. Мы сомнѣваемся въ этомъ принципѣ и въ правильности примѣненія его къ русскимъ полногласнымъ формамъ. Если между *н* и *р* (нравъ), с и р (срамъ) существуетъ зіяніе, то почему оно не можетъ быть между *д* и *р* (ндравъ) или *т* и *р* (страмъ)? Не вѣроятнѣе ли допустить предположеніе, что звуки *д* и *т* появляются передъ *р* послѣ *ж*, *з*, *н*, *с* не для заполненія зіянія, а для усиленія согласности послѣднихъ, для сообщенія имъ большей мгновенности, звучности въ произношеніи, чтобы уравновѣсить, такъ сказать, ихъ звуковую силу съ непосредственно слѣдующимъ за ними звучнымъ *р*? Но еслибы звуки *д* и *т* въ данномъ случаѣ служили даже и для заполненія зіянія между согласными и плавными *р* и *л*, то и въ такомъ случаѣ они не могутъ быть сравниваемы съ вторыми гласными *о* и *е* послѣ плавныхъ въ русскихъ полногласныхъ формахъ; потому что на мѣстѣ втораго гласнаго *о* и *е* русской полногласной формы во всѣхъ славянскихъ языкахъ непремѣнно появляется также гласный звукъ, тогда какъ *д* и *т* могутъ быть, могутъ и не быть въ одномъ и томъ же языкѣ: нравъ, норовъ и ндравъ, срамъ, соромъ и страмъ. Русскій второй гласный *о* или *е* при плавныхъ р, л со стоящими на томъ же мѣстѣ гласными во всѣхъ славянскихъ языкахъ указываетъ на то, что славянскій языкъ первоначально не терпѣлъ непосредственнаго сочетанія стоящаго въ корнѣ плавнаго *р л*, съ слѣдующимъ за нимъ согласнымъ нѣмымъ. Ничего подобнаго не заключаютъ въ себѣ звуки *д* и *т* въ *ндравъ* и *страмъ*. Словомъ, едва-ли грамматика можетъ признать зіяніе между согласными и заполненіе его посредствомъ другихъ согласныхъ и гласныхъ.

Въ ученіи о буквахъ или графикѣ (§ 6, стр. 52—59) авторъ излагаетъ главнѣйшія свѣдѣнія о происхожденіи двухъ славянскихъ азбукъ: кириллицы и глаголицы, о мѣстѣ ихъ употребленія, о почеркахъ и другихъ палеографическихъ примѣтахъ рукописей, о примѣненіи кирилловскихъ буквъ къ счисленію и наконецъ о системахъ правописанія: древнѣйшей фонетической и позднѣйшей—исторической или этимологической.

Слѣдуя во многомъ свидѣтельству черноризца Храбра, г. Будиловичъ обошелъ молчаніемъ вопросъ о годѣ изобрѣтенія славянской азбуки св. Кирилломъ. Дѣйствительно, странно было бы предпочесть шаткія и неопредѣленныя рѣшенія позднѣйшихъ ученыхъ положительнымъ и, можно сказать, настоятельнымъ указаніямъ черноризца Храбра

относительно времени изобрѣтенія славянской азбуки. Но такъ какъ вѣрность послѣднихъ оспаривается новѣйшею критикою, то г. Будиловичъ и оставилъ въ своей книгѣ этотъ вопросъ безъ отвѣта. Соглашаясь съ новѣйшими изслѣдованіями, что источникомъ глаголицы, какъ и кириллицы, былъ алфавитъ греческій, и усматривая въ системѣ графики глаголической болѣе признаковъ сходства, чѣмъ различія, съ системою графики кирилловской, почтенный авторъ ограничивается слѣдующимъ заключеніемъ объ относительной лишь древности той и другой азбуки: „Все это (то-есть, начертаніе, распорядокъ и названіе буквъ), говоритъ онъ, указываетъ на происхожденіе кириллицы и глаголицы изъ одного источника, а такъ какъ источникомъ этимъ могъ быть лишь алфавитъ греческій, то вѣроятна бóльшая древность той изъ двухъ азбукъ, которая ближе къ греческой, то-есть, кириллицы. Глаголица представляется ея видоизмѣненіемъ или даже умышленнымъ искаженіемъ, произведеннымъ въ очень древнее время (не позже X в.) по неизвѣстнымъ еще побужденіямъ, всего скорѣе—сектаторскаго рода“ (стр. 55—56).

Фонетика излагается въ трехъ параграфахъ; но послѣдній (§ 9) долженъ былъ бы составлять особый отдѣлъ I-й части, согласно съ соотвѣтствующими ему отдѣлами во II-й и III-й частяхъ грамматики, такъ какъ въ немъ идетъ рѣчь о внутреннемъ значеніи звуковъ (семазіологія). Для насъ особенно важны два другіе параграфа, именно: § 7, въ которомъ излагается „система гласныхъ“, и § 8, въ которомъ излагается „система согласныхъ“.

Система гласныхъ обнимаетъ слѣдующіе вопросы: о звуковомъ значеніи гласныхъ: чистыхъ, глухихъ, смѣшанныхъ и носовыхъ; объ отношеніи церковно-славянскихъ гласныхъ къ индоарійскимъ; о чередованіяхъ гласныхъ звуковъ и объ общемъ направленіи славянскаго вокализма. Изъ всѣхъ этихъ вопросовъ мы остановимся на вопросѣ о чередованіяхъ, а теперь пока замѣтимъ, что въ ученіи о звуковомъ значеніи гласныхъ авторъ иногда сходитъ съ грамматической почвы на физіологическую, и притомъ тамъ, гдѣ эта послѣдняя, по нашему мнѣнію, всего менѣе надежна. Такъ напримѣръ, извѣстно, что вопросъ о первоначальномъ выговорѣ звука ѣ въ ц.-слав. языкѣ принадлежитъ къ числу весьма трудныхъ въ наукѣ. Никакихъ физіологическихъ наблюденій надъ природою его дѣлать нельзя; потому что неизвѣстно, какъ выговаривался ѣ въ IX в., когда св. Кириллъ, составляя аз-

буку, счелъ нужнымъ отличить его по начертанію отъ звуковъ є, ѥ и ꙗ. Гадательное, болѣе или менѣе вѣроятное опредѣленіе звуковаго значенія ѣ въ настоящее время возможно только на основаніи сравнительно историческихъ соображеній, то-есть, на почвѣ чисто грамматической. Между тѣмъ на стр. 63 мы читаемъ: „Буква ѣ выражала гласный смѣшаннаго образованія, именно сочетаніе язычнаго (поперечнаго) уклада для ь (є, і), а губно-гортаннаго (продольнаго) для ъ (о, а), то-есть, звукъ, близкій къ нѣмец. ä или ö". Далѣе приводятся палеографическія и грамматическія данныя для доказательства присутствія въ природѣ ѣ двухъ укладовъ: язычнаго и губно-гортаннаго. Какъ знать эти уклады органовъ при произношеніи кирилловскаго ѣ, когда мы не знаемъ, какъ отличить его въ выговорѣ отъ звука *е*. И для чего грамматикѣ доказывать, что ѣ выражалъ собою сочетаніе укладовъ поперечнаго съ продольнымъ, или язычнаго съ губно-гортаннымъ? По нашему мнѣнію, доказывать или объяснять физіологическія явленія грамматическими данными въ грамматикѣ значитъ низводить ее на степень служебной науки въ своей же собственной области.

Не можемъ не замѣтить также, что свѣдѣнія, касающіяся вопроса объ отношеніи церковно-славянскихъ гласныхъ буквъ къ иноарійскимъ, изложены въ книгѣ слишкомъ кратко. Указаны лишь соотвѣтствія звуковъ ь, ъ, ы и ѣ (стр. 67, статьи 16—18); всѣ другіе гласные ц.-слав. языка оставлены безъ указанія соотвѣтствующихъ имъ звуковъ въ языкахъ иноарійскихъ. Въ книгѣ г. Будиловича свѣдѣнія по этому важному вопросу занимаютъ немного болѣе половины одной страницы.

Но обратимся къ вопросу о чередованіяхъ гласныхъ звуковъ въ ц.-слав. языкѣ. Этотъ вопросъ разсматривается въ книгѣ весьма обстоятельно (стр. 68—92).

Чередованія гласныхъ, по мнѣнію г. Будиловича, обусловливаются слѣдующими семью причинами: „1) физіологическимъ сродствомъ звуковъ; 2) направленіемъ діалектическаго развитія; 3) расположеніемъ въ составѣ слова; 4) вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ; 5) замѣнительнымъ усиленіемъ; 6) характеромъ грамматическихъ формъ и 7) мотивами психическими. Всѣ эти виды чередованій можно объединить въ названіи приспособленій къ измѣняющейся средѣ то физической, то психической" (стр. 68, 20).

Мы не будемъ останавливаться на каждомъ изъ этихъ видовъ отдѣльно, а обратимъ вниманіе лишь на тѣ изъ нихъ, въ которыхъ

выражается взглядъ автора на слѣдующіе два важнѣйшіе вопроса въ наукѣ: на вопросъ о такъ-называемомъ русскомъ полногласіи и на вопросъ о динамическомъ движеніи гласнаго звука въ корнѣ.

Положенія, касающіяся перваго вопроса, разсѣяны въ ученіи о первыхъ пяти видахъ чередованій гласныхъ звуковъ, а также встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ статьяхъ, относящихся къ „системѣ согласныхъ". Положенія, касающіяся втораго вопроса, изложены въ ученіи о шестомъ видѣ чередованій гласныхъ звуковъ.

Желая познакомиться съ мнѣніемъ автора по первому вопросу, мы соберемъ въ одно мѣсто всѣ относящіяся къ этому вопросу его мысли, встрѣчающіяся какъ въ „системѣ гласныхъ", такъ и въ „системѣ согласныхъ", и изложимъ свое мнѣніе.

Характеризуя въ ученіи о чередованіяхъ втораго вида изводы памятниковъ славянской письменности по ихъ діалектическимъ признакамъ, г. Будиловичъ говоритъ: „изводъ же русскій отличается отъ всѣхъ остальныхъ особенностями своей вокализаціи согласныхъ группъ съ плавными, то-есть, расположеніемъ гласныхъ впереди этихъ группъ, а иногда и по обѣ стороны плавнаго, по типу търтъ, търътъ, напр.

{ ц.-слав. тръгъ, влъкъ, срьдьце,
{ русск. търгъ, вълкъ, сърдьце;

или даже (!):

{ ц.-слав. стлъпъ, врьхъ, жрьло,
{ русск. стълъпъ, вьрьхъ, жьрьло,

что соотвѣтствуетъ по виду параллелямъ:

{ ц.-слав. прасѧ, нравъ, плѣнъ
{ русск. порося, норовъ, полонъ,

встрѣчающимся уже въ XI в. въ рукописяхъ русскаго извода" (стр. 69). По союзу „даже" можно предположить, что формы русскія въ родѣ стълъпъ, то-есть, типа търът, кажутся автору нѣсколько странными; а по выраженію „по виду" слѣдуетъ думать, что авторъ не допускаетъ между русскими формами, какъ стълъпъ, или вълъкъ иноровъ, параллели по существу. По крайней мѣрѣ никакого яснаго, опредѣленнаго мнѣнія объ отношеніи типа търт къ типу търът здѣсь еще не выражено. Далѣе по поводу чередованій пятаго вида, объясняемыхъ замѣнительнымъ усиленіемъ гласныхъ, мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: „третій видъ замѣнительнаго усиленія представляетъ измѣненіе Е въ Ѣ, а О въ А, при измѣненіи ихъ

расположенія въ согласныхъ группахъ съ плавными. Такъ греч ἔρχω соотвѣтствуетъ въ ц.-слав. не *келкѫ, а влѣкѫ; нѣм. Milch не *мелко, и млѣко; нѣм. Helm не *шелмъ, а шлѣмъ; греч. κεράσια не *чершьнꙗ, а чрѣшьнꙗ; лат. corbis не *корбии, а крабии; лат. porcus не *порсѧ, а прасѧ; нѣм. Gewalt не *колсть, а власть".

„Есть впрочемъ возможность и другимъ способомъ объяснить измѣненіе гласнаго въ указанныхъ формахъ, именно предположеніемъ, что и въ юго-славянскихъ нарѣчіяхъ существовалъ нѣкогда уцѣлѣвшій въ русскомъ полногласный выговоръ группъ съ плавными и что отъ стяженія двухъ Е получилось въ ц.-слав. Ѣ, а отъ стяженія двухъ О—А, то-есть, что прѣдъ развилось изъ передъ, срѣда изъ середа, крава изъ корова, власъ изъ колосъ, слама изъ солома и т. п. Аналогію этому стяженію двухъ сосѣднихъ слоговъ, раздѣленныхъ плавнымъ Р или Л, въ одинъ долгій представляютъ ц.-слав. формы: четврѣдьневьнъ изъ четвероденевьнъ, пладьне изъ полоудьне, трѣмъ изъ τέρεμνος, чрѣшьнꙗ изъ κεράσια, Срацинъ изъ Σαραχήνος и т. п. Подкрѣпленіемъ для втораго объясненія можетъ служить и то, что мы встрѣчаемъ въ ц.-слав. цѣлый рядъ перестановокъ гласнаго въ группахъ съ плавными безъ усиленія его, напримѣръ, длъгъ при древ.-рус. дългъ и греч. δολιχός; смрьть при древ.-рус. съмьрть лат. mors, нѣм. Mord; крьтѣти при древ.-рус. вьртѣти, лат. vertere. Еслибы законъ усиленія вокализма при метатезисѣ гласныхъ дѣйствовалъ въ языкѣ, то изъ дългъ должно бы произойдти *длоугъ или *длѣгъ, но не длъгъ; изъ чьрта—*чрѣта, а не чрьта и т. п. И такъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о большей исконности формъ полныхъ или стяженныхъ необходимы дальнѣйшія изслѣдованія" (стр. 75, 37—38).

Отсюда видно, что г. Будиловичъ, во-первыхъ, допускаетъ двоякое объясненіе для Ѣ изъ Е и для А изъ О при плавныхъ Р и Л между согласными въ корнѣ: чрезъ перестановку и чрезъ стяженіе; во-вторыхъ, считая послѣднее объясненіе болѣе вѣроятнымъ, становится на сторону тѣхъ ученыхъ, которые признаютъ русскія полногласныя формы болѣе древними, чѣмъ стяженныя ц.-славянскія; но становится не рѣшительно, а съ оговоркою, что „для окончательнаго рѣшенія вопроса о большей исконности формъ полногласныхъ или стяженныхъ необходимы дальнѣйшія изслѣдованія".

Но почему непремѣнно слѣдуетъ видѣть перестановку въ формахъ

въ родѣ ц.-сл. длъгъ при древ.-рус. дългъ и притомъ какую же именно перестановку: изъ длъгъ въ дългъ, или изъ дългъ въ длъгъ, это остается невыясненнымъ. Далѣе, почему изъ дългъ должна непремѣнно выйдти по перестановкѣ ф. длоугъ или длъгъ, если изъ корока по перестановкѣ выходитъ ф. крака? Вотъ еслибы изъ формы *корка по перестановкѣ выходила ф. крака, то, конечно, изъ формы дългъ, по аналогіи, слѣдовало бы ожидать формы *длоугъ или *длыгъ, или, еслибы г. Будиловичъ считалъ болѣе древнею форму русскую дълъгъ, то, конечно, можно было бы остановиться съ недоумѣніемъ на несоотвѣтствіи видоизмѣненія ф. норокъ въ нракъ съ видоизмѣненіемъ ф. дълъгъ въ ф. длъгъ, какимъ бы способомъ это видоизмѣненіе ни происходило: черезъ перестановку ли, или черезъ стяженіе. Но какъ бы то ни было, для насъ важно пока то, что г. Будиловичъ приводитъ въ связь явленія, относящіяся къ русскому полногласію, основанному на чистыхъ гласныхъ, съ явленіями, относящимися къ русскому употребленію глухаго гласнаго передъ плавнымъ р, л, между согласными.

Что касается до вопроса, которое изъ предложенныхъ г. Будиловичемъ объясненій для Ѣ изъ Е и для Я изъ О при плавныхъ р, л между согласными имѣетъ болѣе вѣроятности, то мы скажемъ на него слѣдующее: перестановка видна изъ сравненія неславянскихъ формъ съ ц.-славянскими, напримѣръ, изъ сравненія греч. ἕρχω съ ц.-сл. влѣкж; стяженіе же—изъ сравненія преимущественно славянскихъ формъ между собою, напримѣръ, изъ сравненія рус. середа съ ц.-сл. срѣда. Но очевидно, что это стяженіе возможно также только по перестановкѣ гласнаго звука, то-есть, ф. срѣда чрезъ *среeда изъ середа; трудно понять стяженіе двухъ одинаковыхъ гласныхъ звуковъ, раздѣленныхъ между собою согласнымъ *р* или *л*, то-есть, непосредственное стяженіе *ере* въ *рѣ*. Точно также ф. добраго стянулась не прямо изъ добраѥго, а чрезъ форму доброаго по выпущеніи согласнаго j; иначе стяженіе невозможно. А такъ какъ звуки *р* и *л* въ случаяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не выпускаются; то необходимо допустить перестановку, вслѣдствіе которой и происходитъ стяженіе: городъ, * гроодъ, градъ. Слѣдовательно, перестановка и стяженіе въ этомъ случаѣ совпадаютъ между собою, представляя лишь два непосредственно другъ за другомъ слѣдующіе момента одного только процесса, состоящаго въ переглaсовкѣ *о* въ *а*, *е* въ *ѣ*. Что *е* + *е* = *ѣ*, это видно изъ ф. нѣсть изъ не+ѥсть по выпущеніи j; а что *о* + *о* = *а*, это видно изъ именныхъ темъ женскаго рода на *а*: нова (=др. инд. navâ изъ *na-

vaa) при темѣ ноко (муж. новъ, ср. ново) ж. нова изъ *новоо. Форма творит. падежа ед. ч. новоѭ, то-есть, *новојомь по отпаденіи ь въ суф. мь: новојам = новоѭ обязана своимъ образованіемъ не распространенію темы нова въ новојa, какъ учитъ Миклошичъ, а разложенію тематическаго а на о + о съ раздѣленіемъ этихъ своихъ составныхъ элементовъ j-томъ во избѣжаніе ихъ стяженія въ а. Древнѣйшая, можетъ быть, форма твор. п. новѫ изъ новам(ь) могла подвергнуться дифференцировкѣ при формѣ винит. п. новѫ изъ новам; Отсюда слѣдуетъ, что между греч. ἕρκω и ц.-слав. влѣкѫ должна быть поставлена русская форма колоку, между греч. κεράσια и ц.-слав. чрѣшьнıа должна стоять ф. рус. черешньıа и т. п. Если же Ѣ изъ Є и Ӣ изъ О въ данномъ случаѣ обязаны своимъ образованіемъ перестановкѣ и стяженію вмѣстѣ, что возможно лишь тогда, когда въ русскихъ формахъ удерживается полногласіе; то понятно, что въ томъ случаѣ, когда полногласіе не удерживается, какъ, напримѣръ въ такъ называемомъ 2-мъ или глухомъ древнемъ русскомъ полногласіи, никакого усиленія глухаго гласнаго вслѣдствіе перестановки и стяженія быть не можетъ; потому что глухому гласному свойственнѣе или перейдти въ чистый, или вовсе исчезнуть, чѣмъ подвергнуться перестановкѣ; иначе глухое полногласіе могло бы перейдти въ чистое. Когда это возможно, тогда становилось возможнымъ и усиленіе глухаго гласнаго послѣ плавнаго р, л; напримѣръ, древ. рус. форма дълъгъ (longus) могла удерживать гласность глухихъ и принять въ русскомъ языкѣ кромѣ формы долгъ еще форму долгъ („тонокъ-дóлогъ“), поэтому, вѣроятно, въ чешск. форма dlúhy или dlouhy имѣетъ звукъ u—долгій; формѣ же дълъгъ (debitum), уцѣлѣвшей въ русскомъ только въ одной формѣ долгъ, соотвѣтствуетъ чешск. ф. dluh съ краткимъ u (= др. ц.-слав. ъ). Но древ.-рус. форма дълъгъ (longus и debitum) чрезъ формы дългъ, дългъ никакой иной формы соотвѣтствующей себѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣть не могла, кромѣ длъгъ.

На 105 стр., въ ученіи о чередованіи согласныхъ, зависящемъ отъ ихъ расположенія въ слогахъ и словахъ, мы читаемъ: „измѣненіе вокализаціи корня произошло и тогда, если въ немъ встрѣтилась группа изъ р(л) + согласный, напримѣръ * борда, борода, брада; * серда, середа, срѣда; * болто, болото, блато; * мелко ,молоко, млѣко; вълкъ, влъкъ; търгъ, тръгъ. При этомъ измѣненіи закрытый характеръ корневаго слога мѣнялся въ открытый, что можно изобразить графически такъ: вмѣсто ><, то-есть, * борда, получается: <<<,

то-есть, борода, или <<, то-есть, брада". (Корнемъ слѣд. было звукосоч. *бор*, или бра; *сер* или срѣ; *бол* или бла; *мел* или млѣ; *вл* или влъ? По аналогіи слѣдовало бы ожидать влъі, то-есть, влъікъ, а не влъкъ).

На 113 страницѣ читаемъ еще: „При встрѣчѣ согласныхъ съ плавными церковно-славянскій, какъ и остальныя нарѣчія славянскаго юга, требовалъ помѣщенія плавныхъ на второмъ, а не на первомъ мѣстѣ группы, вслѣдствіе чего форма тъpт мѣнялась въ тpът, напримѣръ: мpаморъ вмѣсто marmor; пpьсида Persis, пpькаpь februarius, млъхъ μοχρός. Выше указано, что при аналогичныхъ условіяхъ группы теpтъ, тоpт измѣнялись въ ц.-слав. въ тpѣт, тpат, напр. ἔρχω влѣкж, porcus пpасм. Русскій языкъ не раздѣлялъ этого нерасположенія ц.-слав. къ группамъ: плавн.+ согл., почему форма тъpт въ немъ сохранилась, напр. влъкъ, пьpвъ и т. п. Изъ формъ же: теpт, тоpт развились формы: терет, торот, о чемъ была уже рѣчь выше (§ 7, 37 сл.)".

Мы, напротивъ, полагаемъ, что русскій языкъ не былъ исключеніемъ, а наравнѣ съ церк.-слав. и другими славянскими языками въ древности раздѣлялъ также нерасположеніе къ группамъ: плавн. + согласный.

Итакъ, мнѣніе г. Будиловича по вопросу объ отношеніи церковно-славянскихъ формъ къ русскому полногласію можетъ быть характеризовано слѣдующимъ образомъ:

а) Церк.-слав. формы типа тpат и тpѣт, вѣроятно, образовались изъ русскихъ типа тоpот и теpет чрезъ стяженіе, хотя еще не извѣстно, который изъ этихъ двухъ типовъ исконнѣе.

б) Гласный *о* и *е*, стоящій послѣ плавныхъ въ формахъ типа тоpот, теpет, есть звукъ вставочный, заполняющій зіяніе между плавными (р, л) и нѣмымъ согласнымъ, подобно звукамъ *д* и *т* въ словахъ ндравъ вм. нpавъ и страмъ вм. сpамъ.

в) Отношеніе формъ типа тъpт къ церк.-слав. формѣ тpът стоитъ въ аналогической связи съ отношеніемъ формъ типа тоpот къ ц.-сл. тpат и др.

г) Церк.-слав. формы типа тpът образовались изъ русскихъ формъ типа тъpт чрезъ перестановку.

Если наша характеристика мнѣнія г. Будиловича вѣрна, то нельзя

не замѣтить, что оно отличается нѣкоторою сбивчивостію и заключаетъ въ себѣ противорѣчія по занимающему насъ вопросу.

Изложимъ свое мнѣніе.

Въ настоящее время могутъ считаться въ наукѣ вполнѣ доказанными слѣдующія два положенія:

Вопервыхъ, что въ славянскихъ языкахъ существуютъ два разряда словъ, образовавшихся изъ корней, заключающихъ въ себѣ звуки р и л съ чистыми гласными; а именно: къ одному разряду относятся такія слова, которыя во всѣхъ славянскихъ языкахъ сохраняютъ въ корневой своей части одинъ и тотъ же порядокъ звуковъ: согл. + р, л + гласн. + согл.; напримѣръ 1) церк.-слав. брать, русск. братъ, серб. бра̑т, хорут. brat, чеш. bratv, в.-луж. bratr, пол. brat, полаб. brot; 2) церк.-слав. слабъ, русск. слабъ; серб. сла̏б, хорут. slab, чеш. slabý, пол. słaby, полаб. słoby, 3) церк.-слав. грѣхъ, русск. грѣхъ, серб. гри̏јех или гри̏је, хорут. greh, чешск. hřích, пол. grzech, полаб. gröch; 4) церк.-слав. слѣпъ, русск. слѣпъ, серб. сли̏јеп, хорут. slep, чеш. slepý, пол. ślepy.—Къ другому относятся такія слова, которымъ въ рускомъ языкѣ соотвѣтствуютъ полногласныя формы, то-есть съ двумя гласными по бокамъ *р* и *л*: согл. + о, е + р, л + о, е + согласный; напримѣръ 1) церк.-слав. градъ, серб. гра̑д, хорут. grad, чешск. hrad, пол. gród, вел.-луж. hród, полаб. gord — замокъ (при формѣ vӑgard — садъ), русск. городъ; 2) церк.-слав. глава, серб. гла́ва, хорут. glȃva, чешск. hlava, пол. głowa, вел.-луж. hłowa, полоб. głåva, русск. голова; 3) церк.-слав. брѣгъ, серб. бри̏јег, хорут. breg, чешск. břeh, польск. brzeg, в.-луж. brjóh, русск. берегъ; 4) церк.-слав. млѣко, серб. млијèко, хорут. mleko, чешск. mlíko, mléko и mleko, пол. mléko но и młoko въ словѣ młokos (молокососъ), в.-луж. mloko, русск. молоко.

Вовторыхъ, что это различіе между двумя разрядами славянскихъ словъ обусловливается различіемъ строенія соотвѣтствующихъ словъ въ другихъ родственныхъ языкахъ. Такъ, славянскія слова перваго разряда соотвѣтствуютъ такимъ словамъ родственныхъ языковъ, въ которыхъ корни имѣютъ также гласный звукъ послѣ согласныхъ *r* и *l*; напримѣръ, слав. братръ или братъ соотвѣтствуетъ въ родственныхъ языкахъ словамъ: литов. brōlis (искаж. форма изъ brotris gloss. Bopp), broterélis, готск. brôthar (нѣм. Bruder), латин. frater, греч. φράτηρ, зендск. bratar, скрит. bhratar и др.; сла-

вянскія же слова втораго разряда соотвѣтствуютъ такимъ словамъ родственныхъ языковъ, въ которыхъ корни имѣютъ гласный звукъ передъ звуками *r* и *l*; напримѣръ, церк.-слав. градъ, русск. городъ, польск. gród соотвѣтствуютъ литов. gardas — плетень, загородка, готск. gardis — жилище, домъ; церк.-слав. брѣгъ, русск. берегъ, польск. brzeg, или глаголъ церк.-слав. брѣгѫ, русск. берегу, неопредѣлен. накл. церк.-слав. брѣшти, русск. беречь, соотвѣтствуетъ литов. birginti (изъ berginti, слов. Миклош. фонол. Гейтлера, 41), готск. bairgan, нѣмец. bergen, berg, др.-инд. bargh: barh, brhati—укрѣплять (Миклош. trêt, [1]).

За этими двумя положеніями господствуетъ полное несогласіе между учеными по вопросу объ отношеніи русскихъ полногласныхъ формъ къ неполногласнымъ славянскимъ. Тѣмъ не менѣе, внимательное изученіе всѣхъ извѣстныхъ намъ изслѣдованій по этому вопросу заставляетъ насъ стать на сторону тѣхъ, которые полагаютъ, что русскія полногласныя формы должны быть признаны относительно соотвѣтствующихъ имъ неполногласныхъ славянскихъ основными, праславянскими по слѣдующимъ соображеніямъ:

а) Такъ какъ ни одна изъ доселѣ предложенныхъ учеными гипотетическихъ праславянскихъ формъ не облегчаетъ рѣшенія даннаго вопроса, и такъ какъ едва ли когда-нибудь какая бы то ни была гипотетическая форма можетъ дать твердую основу для рѣшенія, то мы считаемъ необходимымъ прежде всего отказаться отъ строенія гипотетическихъ праславянскихъ формъ и довольствоваться тѣми формами, которыя дѣйствительно предлагаются самими славянскими языками. Эти формы представляютъ, какъ извѣстно, слѣдующіе два главные типа: одинъ выработался изъ такихъ дославянскихъ формъ, въ которыхъ гласный звукъ предшествуетъ звукамъ *r* и *l* между согласными и заключаетъ въ себѣ три вида формъ: 1) русскій: согл.+о, е+р, л+о, е+согл.: город-ъ, берег-ъ; 2) церковно-славянскій: согл.+р, л+а, ѣ+согл.: град-ъ, брѣг-ъ; 3) польскій: согласн.+р, л+о, е+согл.: gród, brzeg. Дославянская форма для этихъ видовъ состояла изъ слѣдующаго сочетанія звуковъ: согласн. + гласн. + r, l + согл.: gard-, bargh-. Другой типъ развился изъ такихъ дославянскихъ формъ, въ которыхъ гласный звукъ слѣдуетъ за звуками r, l между согласными и является общимъ для всѣхъ вышеобозначенныхъ трехъ видовъ: русскаго, церковно-славянскаго и польскаго: согл.+р, л+гласн. + согл. русск. братъ, ц.-слав. братръ, пол. brat.

Дославянская форма состояла изъ такого же сочетанія звуковъ: согл.+r, l+гласн.+согл.: др.-инд. bhrat-ar.

б) Всматриваясь въ эти формы, мы замѣчаемъ, что общій характеръ звуковаго строенія ихъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ выразился въ томъ, что между звуками *р*, *л* и непосредственно слѣдующимъ за ними въ дославянской формѣ нѣмымъ согласнымъ непремѣнно является чистый гласный звукъ въ обоихъ типахъ славянскихъ формъ: горОдъ, грѦдъ, grOd; брАтъ, брѦтръ, brAt, грѣхъ, и т. д. Отсюда мы имѣемъ полное право заключать, что тотъ же характеръ звуковаго строенія долженъ былъ принадлежать и основной праславянской формѣ, то-есть, что и въ ней гласный звукъ долженъ былъ отдѣлять звуки *р* и *л* отъ нѣмаго согласнаго, за ними слѣдующаго. Трудно допустить, чтобы основная праславянская форма по своему звуковому строенію противорѣчила общему характеру всѣхъ развившихся изъ нея впослѣдствіи формъ въ языкахъ славянскихъ. Поэтому мы не можемъ принять звукосочетанія tert и tort, telt и tolt въ корнѣ за праславянскія и не считаемъ возможнымъ, чтобы праславянскій языкъ допускалъ когда либо въ корнѣ непосредственное сочетаніе звуковъ *р* и *л* съ слѣдующимъ за ними въ дославянской формѣ нѣмымъ согласнымъ. По нашему мнѣнію, необходимо признать, что основная, праславянская форма должна была непремѣнно отличаться отъ всякой дославянской формы присутствіемъ гласнаго звука между р, л и непосредственно слѣдующимъ за ними въ дославянской формѣ нѣмымъ согласнымъ; такъ напримѣръ, если дославянская форма корня была gard, то праславянская форма отдѣлилась отъ нея вставкою гласнаго звука между *r* и *d* и соотвѣтственною замѣною краткаго звука *a* въ корнѣ, то-есть, звукомъ славянскимъ *о* или *е*. Едва ли въ этомъ случаѣ настоитъ необходимость мудрствовать на вопросъ, могъ ли дославянскій звукъ ă перейдти на славянскую почву безъ измѣненія, или не могъ, если основная, праславянская форма должна во всѣхъ своихъ частяхъ имѣть общій славянскій характеръ звуковаго строенія. А такъ какъ положительно извѣстно, что въ большинствѣ случаевъ дославянскій звукъ ă является на славянской почвѣ въ формѣ звука *о* или *е*, то строить праславянскую форму корня на основаніи исключительныхъ рѣдкихъ случаевъ соотвѣтствія славянскаго звука *а* дославянскому краткому *a* представляется намъ дѣломъ, по крайней мѣрѣ, неумѣстнымъ, особенно въ виду полногласныхъ русскихъ формъ съ звуками *о* и *е*, постоянно занимающими въ корнѣ мѣсто дославянскаго краткаго *a*.

в) Такъ какъ несомнѣнно то, что русскій языкъ одинъ изъ всѣхъ славянскихъ языковъ съ одной стороны удержалъ въ своихъ полногласныхъ формахъ коренной гласный звукъ на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ стоялъ въ дославянской формѣ, съ другой — существенно отличилъ въ данномъ случаѣ славянскій характеръ сочетанія звуковъ отъ неславянскаго вставкою новаго гласнаго звука, подобнаго звуку, находящемуся въ корнѣ, между звуками р, л и непосредственно слѣдующимъ за ними нѣмымъ согласнымъ звукомъ; то необходимо признать, что русскія полногласныя формы болѣе тянутъ къ древнему строенію славянскаго слова, непосредственно слѣдующему за дославянскимъ строеніемъ, чѣмъ всѣ другія славянскія формы. Это, между прочимъ, подтверждается и тѣмъ соображеніемъ, что и дославянская форма корня, въ которой гласный звукъ стоитъ передъ r, l и которая по системѣ корней Макса Миллера относится къ разряду корней вторичнаго образованія,—древнѣе по своему строенію, чѣмъ та дославянская форма, въ которой гласный звукъ стоитъ послѣ двухъ согласныхъ: нѣм. согл. + r, l и которая по той же системѣ относится къ разряду корней третичнаго образованія (plu). Нѣтъ сомнѣнія, что форма bhar, по своему строенію, древнѣе формы bhra.

Наконецъ г) такъ какъ несомнѣнно то, что русскому языку было не чуждо въ извѣстныхъ случаяхъ такое же строеніе неполногласныхъ формъ (братъ, грѣхъ), какое стало общимъ во всѣхъ случаяхъ для другихъ славянскихъ языковъ; то необходимо признать, что въ русскомъ языкѣ точнѣе выразилась и вѣрнѣе сохранилась непосредственная связь между славянскимъ съ одной стороны и дославянскимъ съ другой стороны звуковымъ строеніемъ того или другаго типа формъ (братъ, грѣхъ; городъ, берегъ), чѣмъ въ другихъ языкахъ славянскихъ.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мы полагаемъ, что изъ дославянскаго сочетанія звуковъ: согл. + гласн. + r, l + согл. непосредственно развилось то славянское сочетаніе звуковъ, которое представляютъ русскія полногласныя формы, а именно: согл. + о, е + р, л + о, е + согл. Такъ изъ дославянской формы gard непосредственно образовалась славянская форма город, изъ которой въ однихъ языкахъ развилась форма град чрезъ перестановку и стяженіе, въ другихъ развилась форма груд (пол. gród) тѣмъ же путемъ, но съ усиленіемъ звука *о* не въ *а*, а въ *ó*, утратившій впослѣдствіи свою относительную долготу. Точно также изъ до-

славянской формы galva непосредственно образовалась славянская форма голова, откуда потомъ глава и głowa.

Приписывая русскимъ полногласнымъ формамъ значеніе формъ основныхъ славянскихъ, или праславянскихъ, мы предпочитаемъ дѣйствительно существующія формы гипотетическимъ во первыхъ, потому что изъ первыхъ если не лучше, то во всякомъ случаѣ и не хуже, чѣмъ изъ вторыхъ объясняются соотвѣтствующія имъ славянскія неполногласныя формы, которыя спорадически сбиваются также на полногласныя (польск. wołość и własć, рус. волость отъ кор. волод, ц.-сл. влад, литов. и готск. vald); вовторыхъ, потому что предлагаемыя гипотетическія праславянскія формы въ родѣ грд, горд, гард, гăрăд; глва, голва, галва, гăлăва и т. п. представляютъ сами по себѣ много сомнительнаго по своему звуковому строенію и не даютъ никакого права искать въ нихъ твердаго основанія для рѣшенія нашего вопроса.

Въ самой тѣсной аналогической связи съ русскими корневыми звукосочетаніями оро, ере, оло между согласными находятся русскія же звукосочетанія ъ р ъ, ь р ь, ъ л ъ между согласными. Относительно послѣднихъ утвердилось мнѣніе, по которому они будто бы безспорно должны считаться позднѣйшими; а есть и такое мнѣніе, по которому слѣдуетъ признать, что постановка глухихъ гласныхъ по бокамъ плавныхъ въ корнѣ между согласными не имѣетъ ни историческаго, ни теоретическаго значенія. Основываясь на употребленіи формъ съ вышеуказанными звукосочетаніями въ такихъ древнихъ памятникахъ, какъ Остромирово Евангеліе и Изборникъ 1073 года, мы позволяемъ себѣ утверждать совершенно противоположное мнѣніе, именно: что они, подобно полногласнымъ оро, ере, оло, должны считаться основными праславянскими. Русскія формы типа търт развились изъ търът чрезъ тър'т, то-есть чрезъ ослабленіе глухаго гласнаго послѣ плавныхъ; ц.-славянскія же формы типа трът развились изъ формы търът чрезъ выпущеніе глухаго гласнаго въ корнѣ. При стремленіи глухаго гласнаго къ ослабленію перестановка его немыслима. Но когда глухой гласный стоящій въ основной формѣ послѣ плавнаго *р*, *л* совершенно исчезъ, тогда въ славянскихъ языкахъ появилось стремленіе къ подновленію вокализаціи корня: на мѣсто глухаго гласнаго появился чистый гласный, или вокализировался плавный *р*, *л*. Но русскія формы типа трът совпадали съ общимъ ц.-слав. типомъ.

Извѣстно, что въ древнихъ славянскихъ памятникахъ русской

письменности встрѣчаются формы съ слѣдующими корневыми звукосочетаніями: 1) ъръ, ьрь, ълъ между согласными; напримѣръ: скъръбь, мьрьтвъ и мьрътвъ (послѣдняя форма указываетъ уже на ослабленіе глухаго ь послѣ плавнаго *р*), пьрьси, вълъкъ и др. 2) ър, ьр, ъл между согласными; напримѣръ скърбь, мьртвъ, пьрси, вълкъ; 3) ръ, рь, лъ между согласными: напримѣръ кръвавъ, крьстити, плъть, сльза или слъза; въ памятникахъ же не русской письменности встрѣчаются формы только съ слѣдующимъ однимъ видомъ корневыхъ звукосочетаній: ръ, рь, лъ, ль между согласными: кръвавъ, скръбь, мрьтвъ и мрътвъ, влъкъ и влькъ, плъть, сльза и пр.

Разсматривая вышеуказанные три вида корневыхъ звукосочетаній въ памятникахъ русской письменности, мы замѣчаемъ, что звукосочетанія втораго вида: ър, ьр, ъл между согласными допускаются въ томъ случаѣ, когда возможны звукосочетанія перваго вида: ъръ, ьрь, ълъ между согласными; притомъ въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ Остр. Ев. и Изборн. 1073 г., опущеніе втораго ъ глухаго гласнаго послѣ плавныхъ *р*, *л*, если не во всѣхъ, то въ большей части случаевъ, обозначается какимъ либо знакомъ; напримѣръ, въ Остр, Ев. при формахъ: вълъкъ, дълъгъı, дълъжьни, дълъжъникомъ, мълъва, мълъвѧщъ, мълънии, мълъчааше, мьрьтвъıихъ, отъвьрьзе, отъвьрьзетьсѧ, пьрьси, скъръбь, тълъцѣте и др. встрѣчаются формы: вьр́гѫть, вьр́же, въл̆къ, дълӂънъ, жър̑нъвахъ, мъл̊влıааше, мъл̆ниıа, мълчѧ, мьр̊твъ, пьр̑сии, скър̊бь, тъл̊коущоуоумоу (вм. тъл̊кѫщоуоумоу) и др. Въ Избор. 1073 г. испъл̑нь (вм. испълънь), дьр́зыими, дьр̀зѣ, пьр̊выи, пьр̑выи, пьр̀вое, спь̊рва, съвь̊ршаıа и мн. др., гдѣ уже значокъ нерѣдко стоитъ надъ корневымъ глухимъ гласнымъ, какъ бы показывая, что гласность его должна быть усилена въ замѣнъ опущенія глухаго гласнаго послѣ плавныхъ *р*, *л*. Во всякомъ случаѣ отсюда видно, что второй видъ корневыхъ звукосочетаній (ър и пр. между согласными) въ сущности есть лишь позднѣйшее измѣненіе 1-го вида, происшедшее въ слѣдующемъ порядкѣ: ъръ—ър̊—ър, ьрь или ьръ—ьр̊—ьр; ълъ—ъл̊—ъл. Такимъ образомъ мы имѣемъ собственно только два типа основныхъ русскихъ звукосочетаній: 1) ъръ, ьрь, ълъ, и 2) ръ, рь, лъ, ль между согласными. Изъ нихъ послѣдній яв-

ляется общимъ для всѣхъ формъ въ ц.-славянскомъ языкѣ. Между тѣмъ изъ сравненія славянскихъ формъ съ дославянскими видно, что ц.-слав. формы по мѣсту корневаго гласнаго не всегда соотвѣтствуютъ родственнымъ имъ формамъ дославянскимъ; русскія же формы въ своихъ двухъ основныхъ видахъ корневыхъ звукосочетаній представляютъ по мѣсту корневаго гласнаго полное соотвѣтствіе съ родственными имъ дославянскими формами; такъ напр. рус. ф. вълъкъ или позднѣйшая ф. вълкъ лит. vilkas, прус. wilkis, гот. vulfs, основн. ф. varkas корневой гласный всюду на томъ же мѣстѣ; тогда какъ ц.-слав. влъкъ представляетъ перемѣщеніе гласнаго. Словомъ, мы видимъ полную аналогію въ этомъ случаѣ съ полногласными формами. То, что̀ сказано было выше объ этихъ послѣднихъ, относится также и къ корневымъ звукосочетаніямъ плавныхъ *р*, *л* съ глухими гласными ъ, ь между согласными. Основныхъ, праславянскихъ звукосочетаній типа търт мы не допускаемъ, съ одной стороны, въ виду того общаго строенія полногласныхъ корней, изъ которыхъ видно, что славянскій языкъ первоначально не терпѣлъ непосредственнаго сочетанія *р*, *л* съ нѣмымъ согласнымъ звукомъ; съ другой, въ виду тѣхъ данныхъ, которыя предлагаются древнѣйшими памятниками ц.-славянской письменности. Тотъ несомнѣнный фактъ, что во всѣхъ древнихъ памятникахъ ц.-слав. письменности господствуетъ одно лишь сочетаніе: ръ, рь, лъ, ль+согл., не смотря на то, что во многихъ случаяхъ глухой гласный, стоявшій между *р*, *л* и нѣмымъ согласнымъ, замѣнился впослѣдствіи чистымъ гласнымъ, появившимся передъ плавными *р*, *л* (ц.-слав. влъкъ, пол. wilk, русск. волкъ; ц.-слав. врьхъ или връхъ, връси—Зогр. ев. хор. verh, русск. верхъ; ц.-слав. твръдъ, руск. твердъ, пол. twardy и пр.) достаточно указываетъ на то, что въ древности непосредственное сочетаніе звуковъ *р*, *л* съ слѣдующимъ за ними нѣмымъ согласнымъ было несвойственно языку славянскому; поэтому русскія формы типа търт мы считаемъ не древнѣйшими, а позднѣйшими. Не забудемъ, что и въ древнихъ памятникахъ русской письменности глухіе гласные постоянно употреблялись послѣ звуковъ плавныхъ въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ они соотвѣтствовали дославянскому гласному звуку, стоящему послѣ *r*, *l* въ корнѣ; напр. ц.-слав. блъха, д.-р. блъха, лит. blusa; ц.-слав. бльскъ, д.-р. бльскъ, бльстѣти, русск. блескъ, блеснуть, лит. blizgu, blizgêti и т. п. Что касается до качества глухихъ гласныхъ, то объ этомъ справедливо

говоритъ г. Потебня, что „различеніе ъ отъ ь при плавныхъ (пъртъ и пьрстъ, сльза, кльнѫ и млъва, блъха) древнѣе безразличія этихъ звуковъ, будетъ ли графически выражаться это безразличіе постояннымъ употребленіемъ ъ, или ь, какъ въ сербскихъ памятникахъ". (Къ ист. зв. 103) И такъ, памятники древней русской письменности, нарушая однообразное употребленіе глухихъ гласныхъ послѣ р, л въ корняхъ словъ ц.-слав. языка, представляютъ намъ два основныхъ типа корневыхъ звукосочетаній, имѣющихъ несомнѣнную аналогію съ тѣми основными корневыми же звукосочетаніями, которыя стоятъ въ связи съ явленіями русскаго полногласія. Эту аналогію можно выразить слѣдующею пропорціею:

оро, ере, оло: ъръ, ьрь, ълъ=ра, рѣ, ла, лѣ: ръ, рь, лъ, ль.

Этимъ опредѣляется какъ отношеніе русскихъ полногласныхъ формъ къ соотвѣтствующимъ имъ неполногласнымъ ц.-славянскимъ, такъ и отношеніе позднѣйшихъ русскихъ звукосочетаній типа търт къ соотвѣтствующимъ имъ церковно-славянскимъ постояннаго типа тр ъ т.

Перейдемъ къ вопросу о динамическомъ движеніи гласнаго въ корнѣ, или къ ученію о шестомъ видѣ чередованій гласныхъ звуковъ, такъ какъ къ этому виду г. Будиловичъ относитъ явленіе подъема или возвышеній и пониженій корневаго гласнаго (стр. 75—90, статьи 39—60).

Соглашаясь съ мнѣніемъ автора, что въ подъемныхъ чередованіяхъ гласныхъ звуковъ выражается характеръ грамматическихъ формъ, или, что они происходятъ въ языкѣ подъ вліяніемъ образованія послѣднихъ и „совершаются по степенямъ, опредѣляемымъ первоначальнымъ характеромъ арійскаго корня", мы не только не видимъ никакой необходимости въ грамматикѣ ц.-слав. языка говорить о подъемахъ звуковъ *р* (*л*) и *м* (*н*), но считаемъ это даже неумѣстнымъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что *р* (*л*) и *м* (*н*) когда либо были въ ц.-слав. языкѣ гласными звуками. Если г. Будиловичъ согласенъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, что *р* и *л* въ ц.-слав. языкѣ были слогообразующими или гласными звуками, или, какъ ихъ называютъ, сонантами, то объ этомъ слѣдовало бы сказать ранѣе, именно въ первой же статьѣ 7-го параграфа при исчисленіи гласныхъ звуковъ ц.-слав. языка. Но г. Будиловичъ самъ не держится этого мнѣнія, какъ не признавалъ его и Востоковъ и другіе ученые. Такъ на стр. 97, выразивъ свое сомнѣніе относительно существованія въ ц.-слав. языкѣ согласнаго *j*,

онъ говоритъ: „столь же сомнительно еще существованіе въ ц.-слав. сонантовъ $\underset{\circ}{р}$ и $\underset{\circ}{л}$“ (статья 9). Спрашивается: что же заставило почтеннаго автора ввести въ чередованія гласныхъ звуковъ, зависящія отъ характера грамматическихъ формъ, ряды чередованій звуковъ *р* и *м*? Этотъ вопросъ остается невыясненнымъ, потому что нельзя считать достаточнымъ то основаніе, которое приводитъ г. Будиловичъ въ своей книгѣ, говоря: „преобладающей его (то-есть арійскаго корня) стихіей и характеристикой могъ быть одинъ изъ слѣдующихъ звуковъ: 1) *А*, 2) *I*, 3) *У*, 4 *Р*, (*Л*), 5) *М*, (*Н*). Сообразно съ этимъ и славянскія чередованія корневыхъ гласныхъ по степенямъ ихъ подъемнаго движенія вращаются въ пяти рядахъ, которые мы будемъ называть рядомъ *А*, рядомъ *I*, рядомъ *У*, рядомъ *Р* и рядомъ *М*“ (стр. 76).

Разсматривая эти чередованія гласныхъ по рядамъ ихъ, мы находимъ въ нихъ кое-что такое, что не можемъ признать правильнымъ. Такъ напримѣръ рядъ *А* и рядъ *I* оба начинаются славянскою фонемою ь, какъ будто бы характеру *А* и характеру *I* арійскаго корня соотвѣтствуетъ въ одинаковой степени одинъ и тотъ же характеръ ь славянскаго корня. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что характеру *А* арійскаго корня преимущественно предъ всѣми другими гласными (*а*, *о*, *ъ*, *ь*) соотвѣтствуетъ характеръ *е* славянскаго корня: кор. вез=скр. vah, славянская тема ВОЗЪ= скр. vāha; въ данномъ корнѣ ВЕЗ— звукъ *е* не ослабляется въ ь, какъ въ корнѣ рек при образованіи формы повелит. наклоненія рьци. Это обстоятельство необходимо было бы принять въ соображеніе для характеристики ц.-славянскихъ формъ, выражающейся въ подъемѣ гласныхъ, по отношенію къ характеру *А* арійскаго корня. Но авторъ поступилъ совершенно иначе, затрудняясь, можетъ быть, найдти мѣсто въ таблицѣ для звука ь. Вслѣдствіе этого вышло то, что рядъ *А* характеризуется такимъ славянскимъ звукомъ (ь), который въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть поставленъ въ непосредственное соотвѣтствіе съ основнымъ арійскимъ *а*, то-есть такимъ, какимъ вовсе не характеризуются чередованія въ ц.-славянскомъ языкѣ, соотвѣтствующія чередованіямъ основнаго арійскаго *а*. Но допустимъ пока, что рядъ *А* слѣдуетъ характеризовать славянскимъ ь, то-есть, что арійскому ряду чередованій, начинающемуся краткимъ *а*, соотвѣтствуетъ славянскій рядъ чередованій, начинающійся глухимъ ь, и посмотримъ, что отсюда выйдетъ. Арійскій рядъ—слѣдующій: 1) ă, 2) ā (=ă+ă), 3) ā (=a+ă), а, принимая во вниманіе,

что второе ā, то-есть ā (=ă+ă) можно раздѣлить на два усиленія: протяженіе и подъемъ (гуна), получимъ: 1) ă, 2) ā—протяженіе, 3) ā—подъемъ (гуна) и 4) ā (вриддхи). Если сопоставимъ это съ тѣмъ, что̀ находится на стр. 76 „Начертанія", то получимъ слѣдующее соотвѣтствіе:

Чередованія гласныхъ въ ряду *А*.

степени:	1	2	3	4
арійская д.	ă	ā (протяж.)	ā (гуна)	ā (вриддхи)
ц.-слав. ф.	ь	е	о	а или ѣ.

Чтобы слав. *е* соотвѣтствовало индо-евр. основному ă, или чтобы ѣ соотвѣтствовалъ ā (=ă+ă), этого, сколько мнѣ извѣстно, не бываетъ. Кромѣ того, едва-ли можно думать, что формы, каковы: истачати и тѣкати, истицати равны между собою по степени подъема кореннаго гласнаго звука ь (по мнѣнію г. Будиловича) *е* (по нашему). Мы думаемъ такъ: корень тек (а не тьк) въ тек-ж, распространяясь звукомъ *а* въ тему, видоизмѣняется въ своемъ гласномъ элементѣ: *е* протягивается въ ѣ и образуется тема тѣка-(ти) или слабая тица- (въ ис-тица-ти); слѣд. форма тѣкати должна стоять на второй, а не на четвертой степени. Корень тек, переходя въ именную основу посредствомъ соединенія съ суфф. ꙁ, поднимаетъ звукъ *е* въ *о*, образуется именная тема: токꙁ, отъ которой образуется глаголъ точити; обѣ эти формы должны стоять на третьей степени; далѣе, изъ темы глагольной точи- образуется новая глагольная основа посредствомъ суф. *а* для выраженія кратности дѣйствія, причемъ коренно̂й гласный поднимается изъ *о* въ *а*, отсюда получается ф. (и с-тача-ти) представляющая послѣднюю четвертую степень усиленія кореннаго гласнаго. Поэтому рядъ будетъ слѣдующій: 1) тешти (тек+ти), 2) тѣкати, 3) токꙁ, точити, 4) тачати. Отсюда видно, что формы тѣкати и тачати не могутъ стоять на одной и той же степени. Звукъ ь въ ф. тьци есть ослабленіе корневаго *е*; онъ можетъ появляться и въ формѣ повелит. наклоненія не отъ всѣхъ корней съ звукомъ *е*, соотвѣтствующимъ основному ă; такъ отъ корня вед повелит. накл. веди, отъ нес—неси, отъ вез вези и т. п. Слѣдовательно, онъ не можетъ въ подобныхъ случаяхъ непосредственно соотвѣтствовать основному *а*. По всей вѣроятности, авторъ согласится съ нами въ этомъ; потому что на стр. 77 въ чередованіяхъ ряда I онъ самъ держится того же по-

рядка возвышеній гласнаго въ корнѣ, который мы только что представили относительно ряда А.

Характеру і арійскаго корня соотвѣтствуетъ характеръ ь славянскаго корня. Рядъ возвышеній основнаго і будетъ слѣдующій: 1-я степ.) ĭ; 2-я) ī (протяженіе); 3-я) ē (а+і—гуна) или *aj* (открыт.); 4-я) *ai* (а+і—вриддхи) или *āj* (открыт.). Ему соотвѣтствуетъ слѣдующій рядъ возвышеній славянскаго ь: 1-я ст.) ь; 2-я) и (протяж.), 3-я) *ѣ* (гуна отъ ь), или *ои* (открыт.; 4-я) *ай* или *аі*. Такъ и изложена система подъемныхъ чередованій ряда і у г. Будиловича. Но насъ оставляетъ въ недоумѣніи звукъ *а*, помѣщенный на 4-й степени отъ ь. Приведенные примѣры не могутъ относиться къ ряду ь. Такъ, глаголъ сидѣти сдва ли имѣлъ эту форму въ ц.-слав. языкѣ. По крайней мѣрѣ, въ словаряхъ Востокова и Миклошича [1]) такой формы нѣтъ, а есть форма сѣдѣти—сѣждѫ, сѣдиши и т. д. Притомъ корень сед извѣстенъ въ слав. языкѣ изъ формы vzedli—3 л. ед. ч. (вседли(ть)= вселитъ), встрѣчающейся въ Фрейзингенскихъ статьяхъ, именно, въ выраженіи: da ni tamo ge vzedli v zezarstuo suoge по Востокову: да нъі тамо жде въседли въ цѣсарьство свое (Филолог. Набл. А. Х. Востокова. Изд. И. Срезневск. С.-Пб. 1865, стр. 81, 60, столб. 2, стихъ 60). Правда, Востоковъ считаетъ звукъ *д* вставнымъ; но, вѣроятнѣе, онъ принадлежитъ корню сед = др.-инд. sad, вед. sadmi (Fick. 193). Отсюда: сѣда-ти и сѣдѣ-ти (какъ кѣдати и кѣдѣти). Форма отъ сѣсти — сѧдѫ относится уже къ распространенію формы корня сед посредствомъ ринезма, что должно быть отнесено къ иному разряду чередованій гласныхъ, а не къ тому, о которомъ идетъ рѣчь. Форма сѣсти могла образоваться и изъ формы сѣдѣти чрезъ выпущеніе примѣты *ѣ*, какъ кѣсти при кѣдѣти, класти при кладѣти. Форма садити отъ именной темы садъ едва ли стоитъ въ непосредственной связи съ сед. Можетъ быть, звукъ *а* ближе къ ѧ чрезъ форму сѧдъ—vas=съсѧдъ vas. Именная же тема сѫдъ въ связи съ формою сѧд, какъ именная, напримѣръ, тема трѫсъ terrae motus въ связи съ одной стороны съ корнямъ трѧс., а съ другой, вѣроятно, съ сущ. с-трахъ. Сравни русскія формы: трясти, тряхнуть, тряхивать, трусить, трухнуть, а также: струсить, струхнуть и страхъ. Какъ бы то ни было, форма садити не можетъ быть ведена отъ корня, характе-

---

[1]) Lexicon Palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae. 1862—1865.

теромъ котораго служитъ зв. ь. Точно также сомнительны и другіе примѣры: лѣзѫ-лазити, рѣжѫ-разити—поражати. Словомъ, рядъ і или слав. ь не можетъ восходить на степень гласнаго А, или, по крайней мѣрѣ, это положеніе не можетъ быть внесено въ грамматику ц.-слав. языка, какъ вполнѣ достовѣрное.

Чередованія въ ряду у (стр. 78) въ изложеніи г. Будиловича вызываютъ въ насъ также нѣкоторыя недоумѣнія. Степени возвышеній основнаго *u* слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1-я ст.) *й*; 2-я) ū (протяженіе); 3-я) ō (закрыт.) *av* (открыт.); 4-я) â*u* (закрыт.), â*v* (открыт.). Имъ соотвѣтствуютъ въ славянскомъ языкѣ слѣдующія чередованія: 1-я ст.) ъ (закрыт.), в (открыт.); 2-я) ꙑ (закрыт.), ъв (открыт.); 3-я) оу (закрыт.), ов (открыт.) по перестановкѣ ва; 4-я) ав (открыт.) Между тѣмъ въ „Начертаніи" мы прежде всего встрѣчаемъ положеніе, что закрытому ъ равносильно открытое звукосочетаніе ъв, которое и поставлено на 1-й же степени вмѣстѣ съ ъ. Примѣръ: заъвение не соотвѣтствуетъ этому положенію. заъвение образовалось изъ прич. страд. зал. прошедш. вр. заъвенъ, а эта причастная форма образуется изъ темы неопредѣлен. наклоненія заꙑ- (въ заꙑти); слѣд. ъв передъ гласнымъ є вмѣсто ꙑ, а не вмѣсто ъ, какъ и въ склоненіи именъ род. люъв-є отъ люꙑ+суфф. р. п. *e*. Но есть не мало случаевъ замѣны закрытаго ъ открытымъ в; напримѣръ, отъ медъ прилаг. медв-ьнъ (mellis), отъ листъ — листв-иѥ; форма медв-ѣдь изъ медъ+ѣдь и мног. др. Что касается до формъ: ръвати, шьвьць, кльвати, которыя отнесены къ формамъ 1-й степени, то, не смотря на мнѣніе Миклошича, что в въ нихъ—звукъ вставной (Altslov. Lautl. 1878, 144, 147), слѣдовало бы отнести ихъ къ формамъ 2-й степени. Пусть ь=jъ, то-есть, основн. *ju* изъ *iu*, это не мѣшаетъ корневому ъ подвергнуться протяженію въ темѣ неопредѣленнаго наклоненія передъ звукомъ *a*, какъ отъ кор. съх (въ глаг. съхнѫти) тема съ а: (за)сꙑха-ти и др., то-есть, протянуться въ ꙑ, который передъ гласнымъ принимаетъ форму ъв, а подъ вліяніемъ *j*-та (j+ъв) форму ьв; пусть кор. кль (то-есть клjъ) въ темѣ неопредѣл. наклоненія на *a* все-таки должна получиться форма кльв- (то-есть, клjъв — какъ бы вм. *клjꙑ — передъ *a*) въ кльва-ти; точно также и ръва-ти отъ корня ръ (=основ. *ru*); безъ примѣты а: рꙑ-ти, а съ примѣтою *a*: ръв+а-ти.

О чередованіяхъ вообще въ рядахъ р(л) и м(н) мы уже выска-

зали выше наше мнѣніе. Здѣсь замѣтимъ нѣкоторыя частности. Такъ, вводя въ систему гласныхъ ц.-слав. языка ученіе о чередованіяхъ звуковъ р(л) и м(н), въ гласности которыхъ сомнѣвается самъ авторъ, слѣдовало бы во всякомъ случаѣ оговорить, какія именно звукосочетанія р(л) съ глухими и чистыми гласными должны объясняться на основаніи предлагаемой схемы чередованій; потому что звукосочетанія, напримѣръ, ръ, ль въ корняхъ ръд, льп (въ рьдѣти, льпѣти) подъ эту схему не подходятъ. Далѣе, звукосочетанія ар или ир (ѣр) и ам или им не могутъ стоять на одной и той же 4-й степени. Формы: събирати (какъ бы вм. *събѣрати, польск. zbierać) распинати должны слѣдовать непосредствено за формами бер-ѫ, пьн-ѫ, потому что звукъ и въ этомъ случаѣ есть протяженіе или звука ь, или е чрезъ ѣ (бер—*бѣра—бира-); а протяженіе слабѣе подъема даже первой степени (гуны), не только второй (вриддхи). Кромѣ того не видно, какъ слѣдуетъ смотрѣть на чередованія, напримѣръ, дъм- (въ дъмѫ), дѫ- (въ дѫти), дъім-(въ дъімъ) доума. Словомъ, чередованія рядовъ р и м, какъ гласныхъ, вносятъ не малую долю сбивчивости въ систему чередованій гласныхъ, обусловленныхъ характеромъ грамматическихъ формъ. Отбросивъ ряды р и м, мы полагаемъ, что таблица подъемныхъ чередованій, помѣщенная на стр. 81, должна была бы принять слѣдующій видъ:

Степени.		Протяженіе.		Подъемъ 1-й ст. (гуна.)		Подъемъ 2-й ст. (вриддхи).		Отношеніе протяженія къ подъему.
1-я степень.		2-я степень.		3-я степень.		4-я степень.		
Основной индоевроп.	Славянск.	Закрытый сл.		Закр.	Откр.	Закр.	Откр.	Смотри предыд.
a	е	ѣ (и)		о		а		ѣ — а оі- — аі-
і	ь	и		ѣ	оі-		аі-	и — ѣ
u	ъ	закр. ъі	откр. ъв	оу ва	ов		ав	ъі—оу, ов, ва.

Носовые въ закрытыхъ слогахъ слѣдуютъ подъему ѧ въ ѫ; въ открытыхъ же слѣдуютъ тому чередованію, которое свойственно ихъ гласнымъ элементамъ, отдѣлившимся отъ согласныхъ м, н, что указано уже въ таблицѣ.

Указавъ на связь подъема гласныхъ съ удареніемъ, окончаніемъ и на соотношеніе его съ частями рѣчи, г. Будиловичъ говоритъ: „не легко опредѣлить исходную точку и срединную ось въ подъемномъ движеніи гласныхъ". Правда! но почему?... „Начальная точка этого движенія могла лежать и на вершинѣ и въ подножіи степенныхъ развѣтвленій отдѣльныхъ рядовъ. Можно, напримѣръ, думать, что рекѫ развилось подъемомъ изъ рьци, а пророкъ изъ рекѫ, или наоборотъ, что рекѫ есть ослабленіе изъ рокъ. Вѣроятнѣе однако послѣднее, такъ какъ ослабленіе вокализма характеризуетъ позднѣйшія, а его сила—древнѣйшія эпохи жизни языковъ" (стр. 83, 47). Извѣстно, что въ настоящее время входитъ, такъ-сказать, въ моду новая теорія вокализма индо-европейскихъ языковъ, по которой основными гласными считаются гласные долгіе и дифтонги изъ φευγ объясняютъ φυγ, а не наоборотъ, какъ прежде. Если г. Будиловичъ считаетъ эту теорію болѣе вѣроятною, то странно, что онъ не держался ея въ своей книгѣ, излагая чередованія гласныхъ, обусловливаемыя характеромъ грамматическихъ формъ. Но во всякомъ случаѣ, едва ли справедливо думать, что начальную точку движенія гласныхъ слѣдуетъ непремѣнно искать на какомъ-либо одномъ изъ двухъ противоположныхъ концовъ общаго ихъ динамическаго движенія. Если нельзя признать вѣрнымъ, что каждая корневая форма съ наиболѣе сильнымъ вокализмомъ должна происходить отъ формы съ наиболѣе слабымъ вокализмомъ, то въ такой же степени нельзя признать вѣрнымъ и того, что каждая корневая форма съ наиболѣе слабымъ вокализмомъ должна происходить отъ формы съ наиболѣе сильнымъ вокализмомъ. По всей вѣроятности, въ индо-европейскомъ праязыкѣ существовали какъ гласные долгіе и дифтонги, такъ и краткіе. Слѣдовательно, и тѣ и другіе могли быть основными по отношенію къ гласнымъ звукамъ въ отдѣльныхъ языкахъ индо-европейской отрасли. Какой гласный звукъ: долгій или краткій первоначально принадлежалъ той или другой формѣ въ данномъ языкѣ, это, по нашему мнѣнію, должна рѣшать не физіологія звуковъ, а исторія языка и исторія образованія его грамматическихъ формъ. Поэтому хотя мы, имѣя въ виду современную теорію вокализма, никакъ не можемъ убѣдиться въ томъ, что къ формѣ, напримѣръ, вести слѣдуетъ отправляться

отъ формы ва́живать; однако, считаемъ невозможнымъ допустить и того, что форма рекѫ развилась подъсомъ изъ формы рьци, какъ допускаетъ г. Будиловичъ.

Излагая метрическія видоизмѣненія гласныхъ, почтенный авторъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „второе мѣсто по метрической слабости занимали, кажется, е, о и ѫ. Это явствуетъ изъ того, что при замѣнительномъ усиленіи первые два переходятъ въ ѣ и а, напримѣръ, рекѫ — рѣхъ, водѫ — проваса, Berg—брѣгъ, porcus—праса и т. п.“ (стр. 85, 51). Стало быть, сюда же можно отнести и примѣры: верѫ—врѣмѧ и просторъ—страна? Въ такомъ случаѣ трудно согласить эти слова съ таблицею чередованій ряда р. Изъ сказаннаго видно, что ер слабѣе рѣ, ор слабѣе ра, а между тѣмъ въ таблицѣ чередованій звуковъ въ ряду р мы видимъ, что *ер*=*рѣ*, *ор*=*ра*; разница между ними только въ томъ, что *рѣ* и *ра* въ закрытыхъ слогахъ, а *ер* и *ор* въ открытыхъ; *рѣ* и *ер* поставлены въ таблицѣ на одной и той же 2-й степени, а *ор* и *ра*—на одной и той же 3-й степени.

Относительно происхожденія долгихъ гласныхъ въ ц.-слав. языкѣ г. Будиловичъ утверждаетъ, что въ ц.-слав. языкѣ были долготы двоякаго рода: а) древнѣйшаго образованія, или первичныя, и б) позднѣйшаго или вторичнаго. Къ сожалѣнію, авторъ не представилъ примѣровъ для перваго положенія, за то хорошо разсмотрѣны имъ долготы вторaго рода (стр. 86—87, 54—55).

За метрическими (количественными) измѣненіями авторъ довольно обстоятельно разсматриваетъ тоническія измѣненія гласныхъ, основанныя на возвышеніи или удареніи ихъ. Такъ какъ о характерѣ и расположеніи ц.-славянскихъ удареній можно сдѣлать заключеніе по аналогіи нѣкоторыхъ живыхъ нарѣчій, особенно русскаго и сербохорватскаго (стр. 88); то авторъ и излагаетъ здѣсь нѣкоторыя наиболѣе существенныя черты русскаго и сербо-хорватскаго удареній (стр. 87—90, 56—60).

Послѣднею причиною звукоизмѣненій служитъ вліяніе психическихъ факторовъ, къ которымъ относятся: грамматическая аналогія и намѣренная дифференцировка формъ. Объяснивъ то и другое (стр. 90—92, 61—65), г. Будиловичъ оканчиваетъ изложеніе „системы гласныхъ“ заключеніемъ объ общемъ направленіи славянскаго вокализма (92—93, 66—68), которое характеризуется постепеннымъ ослабленіемъ вокализма въ качественномъ и количествен-

номъ отношеніяхъ. „Крайнимъ предѣломъ въ качественномъ измѣненіи гласнаго, говоритъ авторъ, является превращеніе его въ согласный, напримѣръ, I въ Й, J, а Ѵ въ Ѵ́ и Ѣ: идѫ—найду, биѩ—бью, заоутра—завтра и т. п. Подобные примѣры встрѣчаемъ уже въ рукописяхъ XI в., напримѣръ, очьѭ бьіахѫ сѧ, гдѣ ь стоитъ, кажется, вм. j-та“ (92). (Выше на стр. 44, 85 авторъ прямо отожествляетъ ь въ данномъ случаѣ съ j).

Въ количественномъ отношеніи наблюдается постоянное „сокращеніе гласныхъ долгихъ, которые совершенно наконецъ исчезли въ говорахъ русскихъ, болгарскихъ, лужицкихъ и польскихъ“. Сокращаясь въ долготѣ, гласные мало по малу вовсе исчезали, особенно позвучные ъ, ь. „Этимъ путемъ число слоговъ въ словахъ новославянскихъ значительно уменьшилось противъ прежняго. Такъ напримѣръ, въ ц.-слав. Молитвѣ Господней по древнему чтенію было 123 слога, по новому же 97; слѣдовательно 22% слоговъ испарились въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ историч. жизни ц.-слав. языка. Если же принять во вниманіе, что въ древнемъ текстѣ значительное число слоговъ имѣло долготу, то-есть двойное или хоть полуторное протяженіе, то придется предположить, что произношеніе Молитвы Господней по первоначальному тексту занимало въ полтора раза болѣе времени, чѣмъ по новому“ (стр. 93, 67).

Подобное же явленіе замѣчается и въ тоническомъ отношеніи. „Музыкальность языка, говоритъ проф. Будиловичъ, выражаемая силою и разнообразіемъ ударенія, также ослабѣла“ (стр, 93, 68).

Въ изложеніи „системы согласныхъ“ (§ 8) авторъ слѣдуетъ почти такой же программѣ, какую мы видѣли и въ изложеніи „системы гласныхъ“. Оно начинается ученіемъ о звуковомъ значеніи согласныхъ (стр. 94—97, 1—9) съ распредѣленіемъ ихъ по относительной силѣ въ употребленіи (по Шлейхеру) для характеристики консонантизма ц.-слав. языка (стр. 97—98, 10); потомъ разсматриваются согласные звуки съ точки зрѣнія ихъ относительнаго возраста, по которому они дѣлятся на три разряда: 1) на звуки первичные, къ которымъ принадлежатъ: а) всѣ плавные (м, н, р, л), б) всѣ нѣмые (в, п, д, т, г, к) и в) три дыхательные (х, с, й), что доказывается соотвѣствіемъ этихъ звуковъ тѣмъ же звукамъ другихъ болѣе древнихъ родственныхъ языковъ индоевропейской отрасли (стр. 98—99, 11—12); на звуки вторичные, къ которымъ принадлежатъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ: л, м, в, д, г, п, с, а также въ составѣ кор-

ней и общеславянскіе согласные ȝ (ѕ), ж, χ, ш, ч, ц, что доказывается также сравненіемъ словъ ц.-слав. языка съ соотвѣтствующими словами другихъ языковъ (стр. 99—100, 13). на звуки третичные, которые разнообразятся по отдѣльнымъ нарѣчіямъ, а нерѣдко и по мѣстнымъ говорамъ; къ нимъ относятся: а) разнообразные замѣнители первоначальнаго *j*, напримѣръ а) л ѕ, ж, ш; б) призвучные дыхательные: к, й, т, и плавн. н; в) сонанты р̥ (л̥) и м̥ (н̥) въ югозападныхъ и сѣверозападныхъ нарѣчіяхъ, особенно сербохорватскомъ и чехословенскомъ; г) согласный ф и д) согласный *j* (стр. 100, 14); далѣе излагаются взаимныя чередованія согласныхъ звуковъ ц.-славянскаго языка, которыя, по мнѣнію автора, обусловливаются слѣдующими пятью (въ книгѣ, вѣроятно, ошибкою: шестью) причинами: а) родствомъ звуковъ то въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи (стр. 100—102, 15—16); б) діалектическимъ перерожденіемъ звуковъ (стр. 102—104, 17—21); в) расположеніемъ въ началѣ, срединѣ или концѣ слоговъ и словъ (стр. 103—106, 22—27); г) вліяніемъ сосѣднихъ гласныхъ и согласныхъ (стр. 106—116, 28—50); д) народнымъ словопроизводствомъ и другими видами психическаго воздѣйствія (стр. 116, 51); наконецъ, въ заключеніе авторъ представляетъ по Шлейхеру взаимное соотношеніе гласныхъ къ согласнымъ въ ц.-славянскомъ языкѣ для общей характеристики звуковой стороны славянскаго языка сравнительно съ другими древними языками: греческимъ и латинскимъ (стр. 116, 52).

Этимъ собственно и должна была бы заканчиваться фонологія, или 1-я часть грамматики; но авторъ отнесъ къ ней еще особый § 9 (стр. 117—119, 1—5) „о значеніи звуковъ", то-есть то, что въ другихъ частяхъ грамматики имѣетъ значеніе особаго отдѣла. „Разсмотрѣвъ, говоритъ авторъ, внѣшнюю сторону звуковъ, обращаемся къ ихъ внутреннимъ свойствамъ, или значеніямъ, выражаемымъ то звуками, то звукосочетаніями" (стр. 117). Такимъ образомъ и фонологія, подобно морфологіи и синтаксису, заканчивается въ „Начертаніи" семазіологическимъ отдѣломъ.

Изъ этого краткаго очерка содержанія §§ 8—9 мы видимъ, что авторъ весьма искусно умѣетъ обнять предметъ вопроса, глубоко войдти въ его сущность, указать на важнѣйшія его стороны, не уклоняясь и отъ тѣхъ подробностей, которыя относятся къ характеристикѣ предмета, и сохранить мѣру изложенія въ такой степени, что ни предметъ, ни система въ характеристикѣ его не теряются изъ виду.

Выше были указаны тѣ положенія изъ „системы согласныхъ", которыя не удовлетворяли насъ по вопросамъ: о значеніи *j* и о тѣхъ звукосочетаніяхъ, которыя стоятъ въ связи съ русскимъ полногласіемъ. Здѣсь мы позволимъ себѣ привести изъ книги г. Будиловича особенно удачное, по нашему мнѣнію, объясненіе его, относящееся къ чередованіямъ заднеязычныхъ к и г съ среднеязычными ч и ж и переднеязычными ц и з подъ вліяніемъ узкихъ гласныхъ. Дѣлаемъ это для освѣщенія нашей мысли, высказанной почти въ началѣ статьи, что физіологическія данныя должны быть присущи самимъ грамматическимъ положеніямъ или объясненіямъ, но не являться въ грамматикѣ съ важностію самостоятельнаго значенія. Вотъ это объясненіе съ нѣкоторыми пропусками:

„Когда въ сочетаніе съ узкими гласными входятъ согласные заднеязычные, то послѣдніе совершенно измѣняютъ свою природу, переходя въ среднеязычный или даже переднеязычный поясъ звукообразованія, а именно: к въ ч или ц; г въ ж или ѕ (з); χ въ ш или с, то-есть, происходитъ рѣшительное передвиженіе согласнаго уклада въ область передняго рта, какъ мѣсто образованія узкихъ гласныхъ" (стр. 107, 30).

„Сравнивая разнообразные перезвуки заднеязычныхъ к, г предъ узкими гласными, мы можемъ раздѣлить ихъ на двѣ группы: а) фонемы составныя или дифтонги: ц, ч, ѕ, и б) фонемы простыя или монофтонги: ж, з. Можно предполагать, что въ этой двойственности фонемъ, замѣнившихъ заднеязычные въ ихъ переходномъ смягченіи, мы имѣемъ передъ собою два различныхъ хронологически слоя, изъ коихъ первый предшествовалъ второму. Это особенно замѣтно при сравненіи фонемъ ѕ и з въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ основаніи обоихъ лежитъ г, напр. кънѧѕь и кънѧзь при кънѧгꙑни; боѕѣ, боѕи и бозѣ, бози при богъ; ѕвѣзда и звѣзда при польск. gwiazda; польѕа и польза при льгъкъ и т. п." (По есть и діалект. русск. польга). „Тутъ ѕ является переходной ступенью отъ г къ з. По аналогіи можно предполагать, что и ж въ перезвукахъ для г развился изъ дифтонга дж или џ, то-есть что жрьло звучало нѣкогда *джрьло, соотвѣтствующее червоно-русскому джерело. Возстановивъ эту предполагаемую древнѣйшую форму перезвуковъ г въ среднеязычномъ и переднеязычномъ поясахъ, мы получимъ рядъ: г: џ: ѕ, изъ котораго развился новѣйшій рядъ: г: ж: з. Первый изъ двухъ рядовъ имѣетъ, конечно, лишь гадательную достовѣрность; но

она сильно поддерживается аналогіей уцѣлѣвшаго въ памятникахъ ряда: к: ч: ц, гдѣ простому к соотвѣтствуютъ глухіе дифтонги ч и ц, совершенно равносильные предполагаемымъ звонкимъ дифтонгамъ џ и ꙅ."

„Если мы сравнимъ теперь формы: ки: чи: ци и ги: џи: ꙅи, то увидимъ, что процессъ переходнаго смягченія заднеязычныхъ состоялъ въ ихъ дифтонгаціи, путемъ вставки дыхательныхъ ш, с и ж, з, причемъ и самъ заднеязычный перетягивался этими паразитами въ соотвѣтствующій имъ поясъ".

„При полномъ параллелизмѣ явленій, связанныхъ съ появленіемъ четырехъ означенныхъ паразитныхъ звуковъ, слѣдуетъ думать, что они имѣютъ общаго праотца, а такимъ могъ быть всего скорѣе дыхательный заднеязычнаго пояса, то-есть j послѣ г и χ послѣ к". Конечно, здѣсь χ выражаетъ собою тоже j, но только тонкій, а не средній, глухой, а не звонкій, соотвѣтственно глухому к, съ которымъ соединяется. „Изъ оморганныхъ сочетаній (affricatae): гj, кχ, легко могли развиться оморганные же дифтонги: џ ч и ꙅ, ц, при общемъ передвиженіи язычнаго уклада къ переднему нёбу, какъ мѣсту образованія узкихъ гласныхъ" (стр. 107—108, 32).

Прибавимъ къ согласнымъ звукамъ третичнаго образованія (стр 100, 14) русскій *з* въ словѣ звено, который ведетъ свое происхожденіе отъ *j*. Этимологія этого слова, какъ намъ кажется, слѣдующая: звено вм. звегно, кор. звег=греч. ζευ (въ глаг. ζεύγ-νυ-μι) по перестановкѣ греч. ευ въ сл. ве, какъ въ ц.-слав. свекла, сеукла, греч. σεῦτρον, р. свекла. Греч. ζευγ—отъ ζυγ—лат. jug (jungere), греч. ζυγόν = лат. jugum, слав. иго; основн. ф. jug. Звено значитъ собств. соединенное, связанное съ чѣмъ-либо. Съ фонетической точки зрѣнія слово звено относится къ слову иго такъ же, какъ слово знамѧ относится къ слову имѧ.

Изложенію этимологіи или второй части грамматики, которая, вслѣдствіе принятой авторомъ системы, должна состоять изъ двухъ отдѣловъ: 1) морфологіи и 2) семазіологіи, г. Будиловичъ предпосылаетъ одинъ параграфъ (§ 10) подъ заглавіемъ „Предварительныя замѣчанія" (стр. 120—127). Въ нихъ онъ сообщаетъ общія понятія объ этимологическихъ частяхъ слова, или о простыхъ и сложныхъ элементахъ, имѣющихъ въ немъ какое-либо значеніе, говоритъ о той

роли, которую они играютъ въ строеніи языковъ вообще, и наконецъ опредѣляетъ задачу морфологіи. Такимъ образомъ авторъ предварительно въ сжатомъ очеркѣ знакомитъ читателя съ этимологическимъ значеніемъ всего того, что впослѣдствіи будетъ разсматриваться съ двухъ противоположныхъ сторонъ: внѣшней и внутренней (морфологической и семазіологической).

Между простыми элементами, обусловливающими образованіе слова, главное значеніе принадлежитъ корню. Г. Будиловичъ сообщаетъ въ „Предварительныхъ замѣчаніяхъ" слѣдующее понятіе о корнѣ: „Корнями языка, говоритъ онъ, называются слоги или вообще значимыя звукосочетанія, на которыя разлагается рѣчь при доведенномъ до конца этимологическомъ анализѣ. Они составляютъ простѣйшіе и первоначальные, неразложимые далѣе элементы рѣчи" (стр. 120, 2). „Корневые слоги состоятъ обыкновенно изъ гласнаго монофтонга или дифтонга, прикрытаго съ одной или обѣихъ сторонъ однимъ или нѣсколькими согласными" (стр. 121, 3). Здѣсь слово „прикрытаго" слѣдовало бы опредѣлить нарѣчіемъ „большею частію"; иначе предложенное опредѣленіе не будетъ согласно съ первымъ типомъ корней, который заключаетъ въ себѣ „корни безъ согласнаго: а, и, и—ти" (стр. 128). „Въ позднѣйшіе періоды жизни языка, продолжаетъ г. Будиловичъ, корни имѣютъ лишь отвлеченное существованіе, будучи результатомъ грамматическаго обобщенія при анализѣ родственныхъ по происхожденію словъ; но первоначально они были, кажется, живыми членами рѣчи, составными частями предложенія, короче—играли роль словъ" (стр. 121, 5). Пора бы уже отказаться отъ мысли объ отвлеченномъ лишь существованіи корней въ позднѣйшіе періоды языка. Положимъ, что корни не существуютъ какъ слова (а въ языкѣ, говорятъ обыкновенно, реально только слово; мы прибавляемъ: да! хотя бы это слово было междометіемъ); но они существуютъ реально, какъ необходимыя органическія части послѣднихъ. Изъ того, что органы человѣческаго тѣла не существуютъ въ природѣ отдѣльно сами по себѣ, а реально существуетъ только человѣкъ, не слѣдуетъ, кажется, заключать, что они не реальны и толковать объ ихъ отвлеченномъ существованіи. Если корень когда либо былъ словомъ, то онъ никакъ не могъ лишиться своего реальнаго существованія въ языкѣ подъ какою бы то ни было позднѣйшею формою своего развитія. Корни живутъ въ словахъ и подвергаются различнымъ фонетическимъ измѣненіямъ. Они—вещество языка. Они такъ же реальны въ языкѣ, какъ реальны основы

и слова. Слова, основы, корни такъ тѣсно органически связаны между собою, что филологу нельзя признавать ни того, ни другаго, ни третьяго—чѣмъ либо отвлеченнымъ. Признавъ реальнымъ одно, необходимо признать реальность другаго и третьяго въ языкѣ. Но, говорятъ, корни суть продуктъ отвлеченія, или, какъ выражается г. Будиловичъ, грамматическаго обобщенія. Къ сожалѣнію, такъ смотрятъ на корни даже тѣ ученые, которые доказываютъ ихъ реальность, напримѣръ Курціусъ и Максъ Миллеръ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается существенное недоразумѣніе, ведущее къ сбивчивости грамматическаго понятія о корнѣ. Авторитетными представителями въ наукѣ понятія о корнѣ, какъ объ абстрактѣ, или —мнѣнія объ идеальности корней, являются Поттъ, и Потебня. Авторитетными же представителями въ наукѣ мнѣнія о реальности корней являются: Курціусъ и Максъ Миллеръ. Поэтому понятіе о корнѣ, выражаемое различными мнѣніями ученыхъ, отличается въ наукѣ нѣкоторою двойственностію содержанія: корень представляется знаменательнымъ звуковымъ элементомъ, имѣющимъ и идеальное и реальное значеніе. Идеальность корня доказывается, вопервыхъ, тѣмъ, что въ языкѣ реально только слово; вовторыхъ, тѣмъ, что корень добывается посредствомъ отвлеченія (abstractio). Реальность же корня доказывается, вопервыхъ, существованіемъ языковъ корневыхъ, каковъ китайскій, въ которыхъ корни непосредственно входятъ въ рѣчь какъ въ языкахъ флексивныхъ—слова; вовторыхъ, необходимостью предположенія, что корень флексивныхъ языковъ первоначально былъ словомъ, то-есть, что въ тотъ моментъ, съ котораго началось въ доисторическое время образованіе основнаго праязыка, корень имѣлъ реальное значеніе. А если корень имѣлъ когда нибудь реальное значеніе въ качествѣ живаго слова, то, какимъ бы измѣненіямъ онъ ни подвергался впослѣдствіи при дальнѣйшемъ развитіи языка, онъ необходимо долженъ сохранять въ языкѣ черты своего реальнаго существованія. Согласить эту двойственность содержанія въ понятіи о корнѣ—трудно при общепринятомъ взглядѣ на добываніе корня изъ словъ, какъ на отвлеченіе (abstractio).

Считая вполнѣ научнымъ предположеніе, что корень былъ нѣкогда словомъ, мы признаемъ болѣе достовѣрнымъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые приписываютъ корню реальное значеніе. Если слово флексивнаго языка съ морфологической точки зрѣнія есть органическое соединеніе двухъ или нѣсколькихъ корней; то корень, какъ, органическая часть реальнаго цѣлаго (слова), не можетъ быть чѣмъ-

то идеальнымъ въ словѣ: отъ соединенія идеальнаго съ идеальнымъ нельзя ожидать въ суммѣ ничего реальнаго. Въ языкѣ нерѣдко встрѣчаются сложныя слова, состоящія изъ простыхъ въ такой формѣ, въ какой эти послѣднія не живутъ въ языкѣ самостоятельно, напр. ночлегъ, сѣнокосъ, живодеръ, людоѣдъ, водопой и мн. др. Ни легъ, ни косъ, ни деръ, ни ѣдъ, ни пой, ни даже людо- неупотребительны въ языкѣ сами по себѣ и потому не могутъ считаться словами; однако, едва ли можно на этомъ основа́ніи утверждать, что эти сами по себѣ простыя части сложныхъ словъ идеальны, или что онѣ не имѣютъ въ языкѣ реальнаго значенія. Точно то же слѣдуетъ сказать и о корняхъ, органически входящихъ въ составъ простаго слова. Правда, корни, какъ и отдѣльные членораздѣльные звуки, не имѣютъ той реальности въ языкѣ, которая присуща слову; но отсюда не слѣдуетъ, что корни по отношенію къ реальности должны быть въ языкѣ прямо противоположны слову: если-де реально въ языкѣ слово, то корень, какъ не слово, eo ipso долженъ быть идеаленъ. Но корень, говорятъ, идеаленъ не потому только, что онъ есть нѣчто противоположное слову въ живомъ языкѣ, а потому еще, что онъ есть абстрактъ, продуктъ отвлеченія, и потому, что наука не знаетъ корней, какъ словъ первичныхъ. Тѣ звуковые элементы, до которыхъ доходитъ сра̀внительный анализъ, не могутъ быть признаны дѣйствительными словами первичнаго образованія; слѣдовательно, корни, какъ первичныя слова, существуютъ лишь въ идеѣ,—идеальны. Правда; однако наука стремится, хотя приблизительно, опредѣлить ихъ реальную, звуковую форму съ реальнымъ содержаніемъ. Слѣдовательно, наука признаетъ реальность того, что̀ она стремится опредѣлить реальнымъ образомъ. Слово, какъ реальность въ языкѣ, необходимо должно вести свое происхожденіе отъ реальности же, хотя и недоступной въ настоящее время для науки. Кромѣ того, мы положительно утверждаемъ, что корень не есть и чистый абстра̀ктъ; потому что добываніе его не есть логическое отвлеченіе, а есть извѣстнаго рода грамматическій анализъ, что далеко не одно и то же. Конечно, еслибы корень былъ дѣйствительно продуктомъ отвлеченія, то идеальность его была бы несомнѣнна; такъ какъ всякое отвлеченіе есть нѣчто идеальное, а не дѣйствительно существующее въ природѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что грамматическій анализъ, посредствомъ котораго отыскивается корень— не то же, что логическое отвлеченіе, посредствомъ котораго образуются понятія въ мышленіи. Можно согласиться, что въ данномъ

случаѣ грамматическій анализъ относится къ логическому отвлеченію, какъ частный пріемъ извѣстной науки къ общему пріему человѣческаго мышленія; но отожествлять одинъ пріемъ съ другимъ, по нашему мнѣнію, невозможно безъ того, чтобы не сбиться съ толку въ послѣдствіяхъ. Хотя оба пріема основываются на сравненіи явленій между собою съ цѣлію извлечь изъ нихъ нѣчто общее этимъ послѣднимъ; однако сравненіе въ томъ и другомъ пріемѣ характеризуется не одними и тѣми же признаками. Такъ 1) въ грамматическомъ анализѣ при отыскиваніи корней сравненіе необходимо ограничивается всегда лишь опредѣленнымъ кругомъ однородныхъ явленій въ одномъ языкѣ, или во многихъ; въ логическомъ же отвлеченіи при образованіи понятій сравненіе можетъ распространяться на явленія самыя разнородныя въ природѣ, имѣющія одинъ лишь общій признакъ бытія. 2) Въ логическомъ отвлеченіи господствуетъ отношеніе сходства, въ грамматическомъ анализѣ—отношеніе соотвѣтствія. Послѣднее вовсе не тожественно съ первымъ. Ни сходство звуковыхъ элементовъ, ни сходство значеній вовсе не имѣютъ такой исключительной важности въ грамматическомъ анализѣ, посредствомъ котораго отыскиваются корни, какую имѣетъ сходство признаковъ въ логическомъ отвлеченіи для образованія понятій. Когда отыскивается корень, общій языкамъ индоевропейской отрасли, тогда обращается вниманіе не на сходство, а на соотвѣтствіе звуковыхъ элементовъ, значеній и формъ грамматическихъ. Этимъ соотвѣтствіемъ и опредѣляется весь кругъ сравниваемыхъ явленій въ языкѣ; причемъ нерѣдко то, что̀ оказывается у нихъ общимъ по сходству, не только не удерживается, какъ бы слѣдовало при логическомъ отвлеченіи, но напротивъ, совершенно отбрасывается, какъ напримѣръ личныя окончанія въ глаголахъ, падежныя и родовыя окончанія въ именахъ, именно потому, что эти окончанія бываютъ сходны какъ по значенію, такъ нерѣдко и по звукамъ. Слѣдовательно, то, что̀ представляется существеннымъ для образованія понятій при логическомъ отвлеченіи, оказывается вовсе ненужнымъ для опредѣленія корня при грамматическомъ анализѣ. Наконецъ, 3) логическое отвлеченіе не даетъ въ результатѣ понятія въ какой либо реальной формѣ, подобной той, какую имѣютъ тѣ реальныя явленія, отъ которыхъ оно отвлекается; между тѣмъ какъ грамматическій анализъ даетъ въ результатѣ корень въ реальной звуковой формѣ, осязаемой для слуха точно такъ же, какъ осязаема для слуха звуковая форма тѣхъ словъ въ языкѣ, изъ которыхъ онъ добывается. Такъ

напримѣръ, то понятіе, которое получается въ результатѣ логическаго отвлеченія сходныхъ признаковъ отъ волка, лисы, шакала и собаки, не имѣетъ никакой реальной формы, подобной той, которую имѣетъ каждое изъ поименованныхъ животныхъ; между тѣмъ какъ корень напримѣръ, vagh, который получается въ результатѣ сравнительнаго анализа словъ: р. везу, ц.-сл. везѫ, сл. возъ, весло; литов. vežù, vežimas; готск. gavigan, gavagja, vegs; лат. veho, vehiculum, veheis, vectura, vexo, vēlum; греч. ὄχος, ὀχέομαι, ὀχεύω, ὄχημα, ὄχρος; скр. váhāmi, vāhás, váhanam и пр. (Курц. Grundr.[5] 192, № 169) имѣетъ реальную, осязаемую для слуха звуковую форму точно такъ же, какъ и каждое изъ тѣхъ словъ, изъ которыхъ онъ добывается. Трудно признать, что корень, напримѣръ, вед, входящій въ образованіе русскихъ словъ: веду, водъ, водить, вождь, важивать есть такой же абстрактъ, какъ и то общее понятіе, которое получается изъ сходныхъ признаковъ волка, лисы, шакала и собаки. Безъ звуковой формы вед, какъ основной для каждаго даннаго слова, немыслимо то общее значеніе, которое присуще всѣмъ вышеприведеннымъ словамъ и изъ котораго развилось въ каждомъ отдѣльномъ словѣ свое особенное, частное значеніе. Безъ той же звуковой формы вед, какъ основной, необъяснимо въ наукѣ развитіе частныхъ разнообразныхъ звуковыхъ формъ, свойственныхъ каждому данному слову. Благодаря ея реальному, а не идеальному, существованію въ каждомъ изъ данныхъ словъ, проявляющемуся въ фонетическихъ измѣненіяхъ при ея живомъ, органическомъ соединеніи съ другими, входящими въ составъ слова звуковыми элементами, можно такъ или иначе объяснять съ морфологической точки зрѣнія генетическую связь между данными словами. Ничего подобнаго не представляетъ намъ общее понятіе, образующееся путемъ логическаго отвлеченія сходныхъ признаковъ отъ волка, лисы, шакала и собаки. Оно не выражается ни въ какой реальной формѣ,—ни съ чѣмъ реальнымъ неразрывно не соединяется оно для мышленія, и не является, подобно корню, точкою исхода для того, чтобы такъ или иначе объяснить себѣ какъ образованіе отдѣльныхъ разновидностей вышепоименованныхъ животныхъ, такъ и генетическую связь ихъ между собою. Все это вмѣстѣ взятое даетъ право устранить мнѣніе о тожествѣ грамматическаго анализа, какъ извѣстнаго научнаго пріема, служащаго къ отысканію корней, съ логическимъ отвлеченіемъ, какъ общимъ пріемомъ человѣческаго мышленія, служащимъ къ образованію общихъ понятій. Вслѣдствіе этого

устраняется и мнѣніе о корнѣ, какъ объ идеальномъ отвлеченіи, или какъ объ абстрактѣ. Корень скорѣе есть результатъ извлеченія, а не отвлеченія. Отношеніе корня къ слову возможнѣе сравнить съ отношеніемъ, напримѣръ, кубическаго корня 7 къ числу 343,-чѣмъ съ отношеніемъ общаго понятія къ какому либо реальному явленію въ природѣ. Вотъ основанія, по которымъ мы не можемъ согласиться съ вышеприведеннымъ понятіемъ о корнѣ, какъ о чемъ-то такомъ, что̀ въ настоящее время имѣетъ лишь идеальное существованіе въ языкѣ.

Изъ той роли, которую играютъ корни въ строеніи языковъ, г. Будиловичъ выводитъ общепринятое дѣленіе послѣднихъ на три разряда: 1) языки корневые или моносиллабическіе, 2) языки приставочные или склеечные (аглутинирующіе) и 3) языки сгибочные или флексивные (стр. 122, 5). Указавъ на существенное отличіе языковъ арійскихъ отъ симитскихъ (стр. 122, 6), онъ говоритъ о префиксахъ и суффиксахъ, какъ такихъ этимологическихъ элементахъ слова, которые ведутъ свое происхожденіе отъ корней, утратившихъ самостоятельное значеніе, и выводитъ изъ сочетанія корня срединнаго съ побочными (то-есть, съ префиксами и суффиксами) господствующій принципъ словообразованія въ языкахъ арійскихъ (стр. 122—123, 7—9).

Разсматривая далѣе суффиксы со стороны ихъ расположенія и морфологической роли, отличаетъ между ними флексію и опредѣляетъ ее слѣдующимъ образомъ: „суффиксъ, выражающій послѣдній моментъ въ образованіи слова, какъ бы послѣдній взмахъ словообразующаго рѣзца, называютъ грамматическимъ окончаніемъ или флексіей въ тѣсномъ смыслѣ слова" (стр. 123, 10). Это опредѣленіе—болѣе поэтическое, чѣмъ грамматическое. Оно не даетъ опредѣленнаго понятія о флексіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. По тому, что почтенный авторъ говоритъ ниже о флексіи въ тѣсномъ смыслѣ, она представляется не послѣднимъ взмахомъ словообразующаго рѣзца, а нѣсколькими взмахами послѣдняго.

За корнями и разнаго рода аффиксами слѣдуетъ опредѣленіе основъ, какъ промежуточныхъ формъ между корнемъ и словомъ, которое отъ основы и корня отличается тѣмъ, что имѣетъ флексію (стр. 124, 11). Мы думаемъ, что словомъ можетъ быть и основа безъ флексіи. Терминъ „слово" въ грамматикѣ имѣетъ двоякое значеніе: съ одной стороны, подъ словомъ разумѣется знакъ представленія или понятія, выражаемаго въ рѣчи; съ другой—подъ словомъ ра-

значенія извѣстная грамматическая форма послѣдняго. Въ первомъ значеніи словомъ можетъ быть и основа; во второмъ словомъ можетъ быть только основа въ соединеніи съ личнымъ или падежнымъ окончаніемъ, то-есть, съ тѣмъ, что въ грамматикѣ считается флексіею въ тѣсномъ смыслѣ. Но г. Будиловичъ устраняетъ это различіе въ значеніяхъ слова, какъ грамматическаго термина, потому что значеніе флексіи у него значительно расширено, какъ увидимъ ниже.

Назвавъ всѣ эти отдѣльныя этимологическія части слова морфемами, авторъ дѣлитъ ихъ на три разряда: на простыя, составныя и сложныя. „Слово напримѣръ, съмирьнъи, говоритъ онъ, разлагается на 6 морфемъ: 1) *съ*, 2) *мир*, 3) *ь*, 4) *н*, 5) *ъ*, 6) *и*, первая можетъ быть частнѣе названа морфемою префиксною, вторая—корневою, третья и четвертая суффиксными, а пятая и шестая—флексивными. Если будемъ разсматривать и сочетаніе нѣсколькихъ простыхъ морфемъ въ единство основы или слова какъ высшую морфологическую единицу, то можемъ назвать такое сочетаніе морфемой составной или сложной, смотря по тому, входитъ ли въ образованіе такой высшей морфемы лишь одинъ или нѣсколько самостоятельныхъ корней. Такимъ образомъ мы присвоимъ формамъ: любъи, прѣлюбъи названіе морфемъ составныхъ, а формамъ: прѣлюбодѣиник, чьстолюбиѥ и т. п. названіе морфемъ сложныхъ (composita)“ (стр. 124, 12).

На основаніи такого различія морфемъ, г. Будиловичъ дѣлитъ морфологію на аналитическую (о простыхъ морфемахъ) и синтетическую (о составныхъ и сложныхъ морфемахъ, о склоненіяхъ и спряженіяхъ) (стр. 124, 13).

Говоря далѣе о той тѣсной связи составныхъ элементовъ слова, которою обусловливается ихъ срощеніе между собою, сопровождаемое нерѣдко звуковыми измѣненіями и утратами, авторъ знакомитъ читателя съ принципомъ морфологической абсорпціи, то-есть, съ свойствомъ взаимнаго поглощенія составныхъ частей въ словѣ—слѣдующимъ образомъ.

При плотномъ срощеніи отдѣльныхъ суставовъ слова „грани между ними до такой степени сглаживаются, что трудно бываетъ опредѣлить принадлежность извѣстнаго звука къ той или другой морфемѣ. Память о первоначальномъ отношеніи элементовъ извѣстнаго слова можетъ совершенно стереться въ сознаніи и даже замѣниться новымъ на это взглядомъ, нерѣдко идущимъ въ разрѣзъ съ науч-

ными данными" (Прекрасно! слѣдовательно, на этомъ новомъ взглядѣ нельзя основывать научныхъ положенiй объ этимологическихъ частяхъ слова и вносить ихъ въ грамматику языка. Къ сожалѣнiю, мы видимъ совершенно противное: именно на этомъ-то новомъ взглядѣ нерѣдко и основываются опредѣленiя этимологическихъ элементовъ слова). „Такъ, напримѣръ, изъ русскаго слова заподáзривать видно, что для чувства языка корневымъ созвучiемъ служитъ тутъ слогъ дазр, который этимологически разлагается на префиксъ *до* и корень *зър* [1]). Точно такъ въ словахъ: богъ, рабъ, медъ и т. п. конечный глухой чувствуется уже флексивнымъ элементомъ (да чувствуется ли?), именно знакомъ именит. п. ед. числа муж. р., тогда какъ первоначально это былъ суффиксный О и У, сохранившiйся въ сложныхъ словахъ: богословъ, рабовладыка, медвѣдь и т. п. Въ первомъ случаѣ корень поглотилъ въ себя морфему префиксную; во второмъ же элементъ суффиксный всосанъ флексiею. Всѣ подобныя перемѣщенiя морфологическихъ узловъ слова объединяются въ названiи абсорпцiи или взаимнаго поглощенiя смежныхъ морфемъ. Абсорпцiя происходитъ обычно при активномъ дѣйствiи морфемы послѣдующей на предыдущую, аналогично вспятной ассимиляцiи звуковыхъ элементовъ слова и, быть можетъ, въ нѣкоторой отъ нея зависимости. Но изрѣдка абсорпцiя дѣйствуетъ и въ поступательномъ направленiи, когда напримѣръ въ словахъ: мѫка при мѧтп, тоукъ при тыти, лагѫ вм. летнѭ, сѧдѫ вм. седнѭ и т. п. звуки суффиксные поприрастали къ корнямъ и поглощены ими для чувства языка" (стр. 125 14).

Смотря по тому, съ какою силою и быстротою дѣйствуетъ абсорпцiя въ томъ или другомъ языкѣ, языки дѣлятся на синтетическiе и аналитическiе. „Въ языкахъ нѣмецкомъ и славянскомъ разчлененiе слова на морфемы корневую и флексивную еще довольно хорошо чувствуется, тогда какъ въ языкахъ англiйскомъ и французскомъ флексiи большею частiю поглощены корнями или основами, вслѣдствiе чего морфологическая гибкость словъ въ нихъ очень ослабѣла" (стр. 126, 15).

Указавъ далѣе на числовое отношенiе простыхъ морфемъ или корней къ составнымъ и сложнымъ (стр. 127, 17), г. Будиловичъ заканчиваетъ свои предварительныя замѣчанiя къ этимологiи языка слѣдующимъ опредѣленiемъ задачи перваго ея отдѣла, или морфо-

[1]) По нашему нисколько этого не видно.

логіи: „Задача аналитической и синтетической морфологіи заключается не въ томъ, чтобы разсмотрѣть элементы каждаго слова въ языкѣ и способъ ихъ сочетанія, а лишь въ томъ, чтобы установить научные методы для этимологическаго сѣченія словъ, разсмотрѣть типы построенія морфемъ низшаго и высшаго порядка и опредѣлить тѣ физическіе и психическіе факторы, которыми обусловленъ морфологическій оборотъ словъ въ историческомъ развитіи и діалектическихъ развѣтвленіяхъ даннаго языка" (стр. 127, 18).

Мы не совсѣмъ ясно понимаемъ эту новую точку зрѣнія на морфологію языка: что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ установленіемъ научныхъ методовъ для этимологическаго сѣченія словъ? какіе это научные методы должна установить морфологія? методъ этимологическаго сѣченія словъ—извѣстенъ: это—методъ историко-сравнительный, на которомъ и должна основываться вся грамматика, а слѣдовательно и этимологія, и синтаксисъ, и фонологія. Что̀ значитъ „разсмотрѣть типы построенія морфемъ низшаго и высшаго порядка?" Если это значитъ опредѣлить звуковую форму корней, основъ и словъ, то при этомъ нельзя обойтись безъ указанія на способъ сочетанія звуковыхъ элементовъ въ словѣ, что̀ однако г. Будиловичъ устраняетъ. Наконецъ, что̀ значитъ опредѣлить тѣ физическіе и психическіе факторы, которыми обусловленъ морфологическій оборотъ словъ и пр.?.. Нѣсколько понятнѣе становится для насъ эта точка зрѣнія автора на морфологію языка, если мы въ основаніи ея предположимъ начала абсорпціи, аналогіи, народной этимологіи, чувство языка и т. п. Но въ такомъ случаѣ она представляется намъ мыслію, съ которою мы не можемъ согласиться: мы не можемъ, напримѣръ, признать принципъ абсорпціи научнымъ методомъ для этимологическаго сѣченія словъ. По нашему мнѣнію, онъ, при устраненіи историко-сравнительнаго метода, способенъ внести путаницу въ этимологію языка вслѣдствіе „яко бы" научнаго взгляда на перемѣщеніе въ языкѣ этимологическихъ частей слова съ одного мѣста на другое. Дѣйствительно, въ грамматикѣ г. Будиловича абсорпція играетъ немаловажную роль при объясненіи явленій языка. На это-то преимущественно мы и обратимъ наше вниманіе въ дальнѣйшемъ разборѣ книги.

Выше было уже замѣчено, что въ морфологіи аналитической излагается ученіе о строеніи корней, суффиксовъ и флексій, а въ морфологіи синтетической—ученіе о строеніи основъ, словъ простыхъ и сложныхъ, также о системахъ склоненій и спряженій. Къ этому

авторъ присоединилъ еще ученіе о морфологической роли ударенія и долготы и морфологическихъ особенностяхъ ц.-славянскихъ изводовъ рукописей. Все это обнимаетъ §§ 11—23, стр. 127—205.

Строеніе корней ц.-слав. языка основывается, по ученію г. Будиловича, на односложности и числѣ согласныхъ звуковъ. Такъ какъ число согласныхъ звуковъ, по мнѣнію автора, колебалось между 0 и 5, то получается 6 типовъ корней: 1-й типъ безъ согласнаго звука, 2-й—съ однимъ согласнымъ, 3-й—съ двумя и т. д. Притомъ 2-й и 5-й типы имѣютъ по два, а 3-й и 4-й по три различія. Если не принимать во вниманіе первообразности формы ц.-славянскаго корня, то эта система корней можетъ быть признана удовлетворительною. Но, назвавъ первый типъ—корнями безъ согласнаго, г. Будиловичъ говоритъ потомъ: „корни перваго типа не безусловно лишены согласнаго, но онъ очень слабъ и соотвѣтствуетъ греческому тонкому дыханію, которое въ ц.-слав. въ извѣстныхъ случаяхъ сгущается въ полусогласный или согласный, напримѣръ, ꙗзъ, ити (jiti), накыккъ онꙗ оноꙋшта нѣдоро и т. п. "(стр. 128, з). Если такъ, то слѣдовало соединить первый типъ со вторымъ открытыхъ корней въ одинъ, какъ это дѣлаетъ Курціусъ, опредѣляя типы греческихъ корней (Grundz[5]. 1879 стр. 49); но за то Курціусъ не допускаетъ и чистыхъ гласныхъ, которые приняты въ грамматикѣ г. Будиловича.

На стр. 129, 6 читаемъ: „При дальнѣйшемъ развитіи ц.-слав. языка моносиллабизмъ корней все болѣе и болѣе ослабѣвалъ, такъ что въ текстахъ позднѣйшихъ мы очень часто встрѣчаемъ корни безсложные, напримѣръ ѵснꙋхъ испахъ, коззкахъ, придохъ, ѵмрѵ и т. п. Переворотъ этотъ произведенъ конечно звуковыми превращеніями, именно вывѣтриваніемъ корневыхъ гласныхъ; но самое это вывѣтриваніе служитъ признакомъ постепенной потери въ языкѣ и чутья моносиллабизма корней, которое слѣдуетъ еще предположить для начальнаго періода ц.-слав. письменности". Мы не думаемъ этого. Едва-ли изъ того, что корень можетъ утрачивать въ произношеніи гласный звукъ—и то не во всѣхъ случаяхъ своего употребленія—слѣдуетъ заключать, что языкъ утрачиваетъ чувство односложности корней. Почтенному автору, безъ сомнѣнія, извѣстны случаи утраты не только одного гласнаго звука въ корнѣ, но и всего корня въ словѣ, напримѣръ, польск. mianować (именовать), въ русск. народ. вать вм. надоть, др. надобѣть и др.;

однако, едва-ли онъ согласится съ тѣмъ, кто вывелъ бы отсюда заключеніе, что языкъ постепенно утрачиваетъ чувство корней. Въ томъ, что корень можетъ видоизмѣнять свою звуковую форму, сокращаясь и расширяясь въ своихъ звуковыхъ элементахъ, нельзя видѣть ничего иного, кромѣ того существеннаго свойства индоевропейскихъ языковъ, по которому они называются флексивными. Далѣе читаемъ: „Въ русск. языкѣ издавна утвердился въ сотнѣ словъ диссиллабизмъ корней, напримѣръ, корова, волосъ, череда, пелена и т. п. Но мы выше видѣли, что русскій языкъ разсматривалъ эти двусложныя созвучья за равносильныя съ односложными въ акцентуаціонномъ отношеніи, почему они и не нарушали общаго моносиллабическаго типа древнерусскихъ корней. Къ тому же полногласныя формы не проникли въ ц. слав. памятники даже позднѣйшаго періода, а наоборотъ, всегда чувствовались специфическою примѣтою языка русскаго“. Здѣсь намъ неяснымъ кажется выраженіе „издавна“. Какъ понимать его? Слѣдуетъ ли предполагать, что этому „издавна“ предшествовало время, когда въ русскомъ языкѣ „сотня“ корней не имѣла въ себѣ диссиллабизма, или не слѣдуетъ? Мы понимаемъ это явленіе иначе. По нашему мнѣнію, оно выражаетъ собою праславянскій способъ распространенія корней, заканчивающихся согласными *Р*, *Л*, помощію корнеопредѣлителей (детерминативовъ), состоящихъ изъ нѣмыхъ согласныхъ.

Въ ученія о строенія суффиксовъ (§§ 14) мы читаемъ: „На почвѣ сравнительной грамматики арійскихъ языковъ мы можемъ еще говорить о вокальныхъ суффиксахъ: *А*, *У*, *I* въ словахъ: жєна, мєдъ, звѣрь и т. п.; но въ грамматикѣ спеціально славянской позвучные гласные такихъ словъ должны быть отнесены къ наростамъ флексивнымъ, а не тематическимъ, такъ какъ они исчезаютъ въ изгибахъ многихъ падежей, напримѣръ: жєны, жєнѣ, жєнъ и т. п. То же слѣдуетъ сказать о формахъ, образованныхъ первоначальными суффиксами: *ма*, *на*, *ла*, *ра*, *та*, *да*, *ка*, *га*, *ха*, *са*, и т. п. При разложеніи словъ съ этими суффиксами, они естественно разсѣкаются пополамъ; напримѣръ: кос-м-а, соук-н-о, ѣз-л-ъ, да-р-ъ, пѧ-т-а, чѧ-д-о, зна-к-ъ, слоу-г-а, стрѣ-х-а, плак-с-а и т. п. При этомъ позвучные гласные являются уже въ составѣ флексіи; тематическими же наростами служатъ одни согласные: *м*, *н*, *л*, *р*, *т*, *д*, *к*, *г*, *х*, *с* и др.“ (стр. 134, 2). И такъ, спеціально славянская грамматика должна относить къ флексіи то, что въ сущ-

ности — не флексія, а только входитъ въ составъ флексіи. Но вѣдь тѣ же позвучные гласные входятъ и въ составъ суффикса, образующаго тему: почему же ихъ нельзя относить къ суффиксу темы? Если позвучные гласные исчезаютъ въ изгибахъ падежей, или даже вовсе выпадаютъ передъ послѣдними, то пусть такъ и учитъ спеціально славянская грамматика, т.-е. что вотъ-де такія-то тематическія окончанія исчезаютъ во флексіяхъ падежей, или выпадаютъ передъ ними—и только. Что же особенно заставляетъ непремѣнно переводить эти тематическія окончанія въ разрядъ флексій? Единственная причина — пресловутая абсорпція. Напримѣръ, въ окончаніи ꙑ родит. падежа женꙑ тематическій гласный *a* слился съ основнымъ суффиксомъ падежа или съ флексіею (ās,и, быть можетъ, въ одномъ лишь элементѣ *s*, видоизмѣнившимся въ *n*, *a*, можетъ быть, и инымъ какимъ способомъ) такъ, что мы не въ состояніи навѣрное сказать, какая доля въ этомъ ꙑ принадлежитъ темѣ и какая флексіи—и потому, вмѣсто того, чтобы просто признать, что въ окончаніи ꙑ тематическій гласный подвергся видоизмѣненію отъ соединенія съ основнымъ флексивнымъ элементомъ, должны будто бы непремѣнно учить, что ꙑ есть флексія, а слѣдовательно и а въ жена—тоже флексія. Такой необходимости мы не признаемъ.

Не можемъ мы согласиться и съ нѣкоторыми формами именныхъ вторичныхъ и третичныхъ суффиксовъ, о которыхъ говорится на стр. 135—139; какъ напримѣръ, съ ак, ок, ик въ словахъ: лѫкакъ, рѫкакъ, дѫковъ; мꙑсликъ и др. Вопросъ о строеніи именныхъ суффиксовъ,—весьма труденъ; но едва ли рѣшеніе его будетъ облегчено принципомъ поглощенія, по которому суффиксы или должны дробиться, уступая свою звуковую часть флексіи, или должны поглощать въ себя другіе суффиксы и составлять съ этими послѣдними нераздѣльное цѣлое. Такъ, если вмѣсто того, чтобы форму наприм. рѫкакъ разсматривать, какъ распространеніе темы рѫка суффиксомъ къ, или просто ъ со вставкою дыхательнаго в, и слѣд. разлагать на рѫка + къ, мы будемъ относить ъ къ флексіи, а звукъ к сливать съ тематическимъ а въ одно нераздѣльное цѣлое, то результатомъ будетъ прежде всего то, что мы утратимъ истинную или болѣе вѣроятную звуковую форму суффикса, а вмѣстѣ съ этимъ и возможность опредѣлить его происхожденіе и значеніе.

Едва ли звукъ *с* въ прилагательныхъ: рѣчистъ, плѣштастъ (стр. 137) слѣдуетъ считать вставкою паразитнаго согласнаго. Такъ,

правда, думаетъ и Миклошичъ, говоря о суффиксахъ истъ и астъ, что они суть видоизмѣненія суффиксовъ итъ и атъ (Lautl. 1878, стр. 185 и 196). Мы полагаемъ, что суффиксы прилагательныхъ истъ и стъ, а не астъ стоятъ въ связи съ суффиксомъ превосходной степени др.-инд. iṣṭ'a, iṣṭ'a, греч. ιστος, στος.

Признавъ скудость суффиксовъ для образованія глагольныхъ основъ въ ц.-слав. языкѣ (стр. 139—140, 13), г. Будиловичъ говоритъ на стр. 141 слѣдующее: „Гораздо значительнѣе число и разнообразнѣе составъ глагольныхъ флексій, къ коимъ относятся наросты, имѣющіе соотношеніе къ категоріямъ: наклоненій, временъ, чиселъ и лицъ. Иногда и онѣ срощены въ одномъ гласномъ, напр. и въ: нес-и, вез-и; е: нес-е, вез-е; ѫ: бер-ѫ, нес-ѫ. Но гораздо чаще такой составъ глагольныхъ флексій, при которомъ она (?) слагается (вѣроятно, опечатка вм.: „онѣ слагаются") изъ одного или нѣсколькихъ гласныхъ въ соединеніи съ однимъ или нѣсколькими согласными, обыкновенно: м, с, х, ш, т, напр. ѥс-мь, вѣ-мь, ꙗ-си, да-си, вѣ-сѧ, нѣ-сѧ; рѣ-хъ, бы-хъ; нес-еши, вез-еши; нес-еть, вез-еть; ид-охъ, рек-охъ; с-ѫть, дад-ѧть; ид-охомъ, нес-охомъ; ид-осте, нес-осте; ид-ѣашете, нес-ѣашете».

Вотъ какъ разросталась флексія! -ѣашете—это флексія въ собственномъ смыслѣ!

Читаемъ далѣе: „Флексіи болѣе сложнаго состава можно расчленять на нѣсколько составныхъ частей, напримѣръ, знаки рода, числа, падежа въ имени, а знаки наклоненія, времени, числа и лица въ глаголѣ. Это обстоятельство не мѣшаетъ намъ однако признавать сочетаніе разнородныхъ по происхожденію, но срощенныхъ морфологически элементовъ за одну флексивную морфему, такъ какъ въ языкѣ давно уже произошла полная интеграція составныхъ элементовъ именной и глагольной флексіи въ отношеніяхъ какъ звуковомъ, такъ и логическомъ. Флексія, напримѣръ, ъ въ словѣ рабъ служитъ знакомъ и муж. рода, и един. числа, и именит. пад.; флексія же и въ ходи выражаетъ категоріи и повелит. наклоненія, и настоящ. вр., и един. числа, и 2 или 3 лица. Очевидно, что для чувства языка всѣ эти категоріи именъ или глаголовъ могутъ быть выражаемы однимъ суффиксомъ, имѣющимъ по своему расположенію и роли чисто-флексивный характеръ. То же доказывается различеніемъ въ

арійскихъ языкахъ личныхъ формъ во временахъ главныхъ съ одной стороны, а временахъ историческихъ—съ другой. Категоріи времени и лица, очевидно, тѣсно сближены языкомъ, если въ личныхъ окончаніяхъ отражается различіе временныхъ отношеній глагольной основы. Категоріи наклоненій также переплетаются многими нитями съ категоріею временъ главныхъ и историческихъ, а слѣд. и съ характеромъ личныхъ флексій, что особенно замѣтно въ языкѣ греческомъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы считаемъ знаки наклоненій и временъ принадлежащими и въ слав. языкѣ къ флексивнымъ, а не къ тематическимъ наростамъ, какими они могли быть первоначально. Въ этомъ перемѣщеніи модальныхъ и временныхъ знаковъ отъ основъ къ флексіямъ слѣдуетъ видѣть одно изъ частныхъ проявленій абсорпціи предшествующихъ морфемъ послѣдующими, неизбѣжно соединенной съ перемѣщеніемъ морфологическихъ узловъ слова" (стр. 141—142, з).

Это мѣсто, выписанное нами изъ книги г. Будиловича, свидѣтельствуетъ ясно о тѣхъ успѣхахъ, которые дѣлаетъ въ современной грамматикѣ принципъ абсорпціи. Взглянемъ на пользу его для науки. Спрашивается: что можетъ выяснить этимологически ученіе, по которому ъ въ рабъ есть флексія, служащая знакомъ и муж. р., и единств. числа, и именительнаго падежа? Но по этой же теоріи ъ въ формѣ рабъ можетъ служить въ одно и тоже время знакомъ какъ единств., такъ и множеств. числа: потому что рабъ можетъ быть родительнымъ падежемъ множественнаго числа; можетъ служить въ одно и то же время знакомъ какъ именит., такъ и винительн. падежа: потому что и именит. и винит. падежи единств. числа въ ц.-слав. языкѣ имѣютъ одну и ту же форму рабъ; наконецъ, можетъ быть въ одно и то же время знакомъ какъ мужескаго, такъ и женскаго рода: потому что отъ формы ж. р. раба родительный множественнаго числа можетъ быть такъ же рабъ, какъ отъ баба—бабъ. Въ чемъ же тутъ польза для этимологіи языка? Вѣдь если ъ въ рабъ можетъ быть и знакомъ надежа, и знакомъ числа, и знакомъ рода, то ясно, что въ сущности онъ—ни то, ни другое, ни третье, а просто есть суффиксъ именной основы, которая можетъ употребляться и съ значеніемъ имени единств. числа и съ значеніемъ имени множ. числа и т. п. вслѣдствіе того, что иной, болѣе опредѣленной формы для того или другаго значенія языкъ по своимъ

фонетическимъ законамъ изъ имѣющихся въ его распоряженіи средствъ создать не можетъ. Если слав. языкъ по своимъ фонетическимъ законамъ не можетъ удержать въ окончаніи слова ни первоначальнаго *s*—знака именит. падежа, ни первоначальнаго *m*—знака винит. падежа; то, конечно, въ итогѣ должна остаться одна тема для имени. которая и будетъ употребляться въ языкѣ и на мѣстѣ именит. падежа, и на мѣстѣ винительнаго. Но это не значитъ, что ъ сталъ знакомъ и того и другаго падежа. Еслибы это было такъ; то, когда ъ утратилъ свое гласное значеніе, каждый предшествовавшій ему согласный звукъ долженъ былъ бы на томъ же самомъ основаніи, на какомъ и ъ, стать знакомъ и именит. и винительнаго падежа: тѣмъ болѣе, что звонкій звукъ к въ словѣ ракъ подвергся измѣненію, замѣнившись отзвучнымъ п въ произношеніи. Поэтому и звукъ к слѣдовало бы отнести къ флексіи. А если это не такъ, то и ъ не можетъ быть знакомъ именит. падежа. То же слѣдуетъ сказать и о quasi-флексіи и въ глагольной формѣ ходи, о которой говорится, что она выражаетъ „категорія и повелит. накл., и настоящ. врем. и единств. числа, и 2 и 3 лица". Къ этому можно было бы прибавить, что въ ц.-славянск. языкѣ она выражаетъ и категорію аориста, а въ русскомъ еще и категорію условнаго наклоненія, и категорію всѣхъ лицъ, родовъ и чиселъ, какъ это видно изъ примѣра: „ходи (я, ты, онъ, она, оно, мы, вы, они, онѣ) по этой улицѣ, можно было бы встрѣтить его"; только все это вовсе не служитъ къ объясненію этимологическаго значенія суффикса и въ ходи. Основываясь на принципѣ абсорпціи, г. Будиловичъ считаетъ знаки наклоненій и временъ принадлежащими въ слав. языкѣ къ флексивнымъ наростамъ. Но мы не видимъ у него никакого основанія, почему, основываясь на той же абсорпціи, нельзя отнести знаки залоговъ и степеней дѣйствія или видовъ къ таковымъ же флексивнымъ наростамъ. Если онъ относитъ къ флексіи въ собственномъ смыслѣ знаки наклоненій и временъ потому, что категоріи эти переплетаются между собою въ языкѣ многими нитями; то развѣ категоріи степеней или видовъ не переплетаются въ слав. языкѣ многими нитями съ категоріями временъ настоящаго, прошедшаго и будущаго? Связь степеней или видовъ съ временами давнымъ давно составляла одно изъ видныхъ научныхъ положеній въ славянскихъ грамматикахъ. Залоги также связывались и съ временами и съ видами, такъ какъ и они переплетались въ языкѣ между собою многими нитями. Все это такія интеграціи въ языкѣ, которыя, изъ уваженія къ себѣ, необходимо заставляютъ от-

нести и знаки глагольныхъ залоговъ и видовъ къ флексіи. Тогда въ ф. напр. на́шивать къ корневой части будетъ относиться одинъ звукъ *н*, все остальное (-а́шивать)—къ флексіи. Этого требуетъ съ одной стороны интеграція составныхъ элементовъ флексіи, съ другой—абсорпція предыдущихъ этимологическихъ частей слова послѣдующими.

Мы понимаемъ терминъ „флексія" въ двоякомъ значенія: общемъ и спеціальномъ, или въ обширномъ и тѣсномъ. Въ первомъ значеніи флексія присуща каждому морфологическому члену слова: она принадлежитъ и приставкѣ, и корню, и суффиксамъ слова. Ею обусловливается органическая связь всѣхъ составныхъ частей слова въ языкахъ индо-европейской отрасли; вслѣдствіе чего они и называются флексивными. Во второмъ значеніи флексія есть суффиксъ лица или падежа. Нѣтъ знака лица, или падежа—нѣтъ и флексіи въ словѣ, то-есть флексіи въ ея тѣсномъ значеніи. Суффиксъ рода не есть флексія въ имени, потому что онъ въ данномъ имени не подлежитъ измѣненію; суффиксъ времени не есть флексія въ глаголѣ, выражающемъ дѣйствіе извѣстнаго момента; потому что онъ (суф. времени) для даннаго момента не подлежитъ измѣненію въ глаголѣ. Между тѣмъ какъ имя извѣстнаго грамматическаго рода можетъ измѣняться по падежамъ; глаголъ, выражающій дѣйствіе извѣстнаго момента, можетъ измѣняться по лицамъ. Если же падежъ или лицо не выражаются по какимъ либо причинамъ, лежащимъ въ духѣ языка, особенными фонетическими знаками; то предшествующіе имъ суффиксы или наросты ни коимъ образомъ не могутъ стать знаками падежей, или лицъ, хотя бы имя или глаголъ въ рѣчи употреблялись съ значеніемъ опредѣленнаго лица или падежа. Имя средняго рода можетъ употребляться въ рѣчи съ значеніемъ грамматическаго подлежащаго; слѣдуетъ ли отсюда, что его окончаніе, одинаковое для именительнаго и винит. падежей, необходимо признать знакомъ именит. падежа? или, что въ выраженіи: это дѣло очень занимаетъ меня окончаніе *о* въ словѣ дѣло есть флексія именит. падежа, единств. числа, средняго рода; а въ выраженіи: мнѣ нужно кончить это дѣло то же окончаніе *о* въ словѣ дѣло есть флексія винительнаго падежа, единств. числа, средняго рода? Что́ же это за флексія, которая остается неизмѣнною въ двухъ падежахъ, имѣющихъ прямо противоположное другъ другу значеніе? Понятно, что никакой флексіи въ окончаніи *о* (дѣло) мы не имѣемъ. Если же въ формахъ: дѣла, дѣлу и пр. вмѣсто *о* имѣемъ *а*, *у* и пр., то отсюда не слѣ-

дуетъ, что *о* не существуетъ въ этихъ окончаніяхъ. Оно приняло лишь новую звуковую форму подъ вліяніемъ своего соединенія съ суффиксомъ падежа, такъ что *дѣла=дѣло*+x; *дѣлу=дѣло*+у и пр. Подъ *x*, у мы разумѣемъ характеры падежей, которые, соединившись съ *о*, образовали съ нимъ звуки *а*, *у* и т. п. Отдѣлить эти характеры *x* и у отъ тематическаго *о* въ формахъ *дѣла*, *дѣлу* и пр. возможно лишь путемъ сравнительно историческаго анализа. Поэтому, хотя *а* и *у* будутъ флексіями даннаго слова, однако не въ цѣломъ своемъ видѣ, а лишь въ тѣхъ своихъ частяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ *о* измѣнилось въ *а* и *у*. Тематическій гласный *о* можетъ ослабѣвать и совсѣмъ выпадать подъ вліяніемъ основныхъ суффиксовъ, уступая свое мѣсто послѣднимъ; тѣмъ не менѣе присутствіе его въ другихъ формахъ и вліяніе на характеръ самихъ окончаній слова въ склоненіи заставляютъ признавать его необходимымъ образовательнымъ элементомъ слова, а не флексіею послѣдняго. Вотъ почему мы не признаемъ въ словѣ дѣло за основу для его склоненія звукосочетаніе дѣл, какъ учитъ новая теорія, основанная на морфологической абсорпціи, а считаемъ основою для всѣхъ падежей форму дѣло. Самъ авторъ „Начертанія" въ ученіи „о строеніи основъ" (§ 16) по поводу классификаціи именныхъ основъ говоритъ: „не смотря на поглощеніе первоначальныхъ гласныхъ суффиксовъ флексіями, мы должны однако и въ славянскомъ языкѣ отличать основы, образованныя нѣкогда гласными *A* или *У*, отъ основъ съ $\bar{A}$ (*a* долгимъ), или съ *I*, такъ какъ этимъ обусловлено различіе падежныхъ окончаній, т.-е. система славянскаго склоненія. Присоединеніе извѣстнаго флексивнаго элемента къ основамъ на *A* или *У* давало иной результатъ, чѣмъ присоединеніе его къ основамъ на $\bar{A}$ или на *I*. (стр. 145,) и еще: „Не лишено значенія при систематикѣ славянскихъ склоненій и то обстоятельство, звучитъ ли позвучный согласный основы твердо или мягко, другими словами, имѣлъ ли первоначальный вокальный суффиксъ передъ собою согласный іотъ, или не имѣлъ его и пр." (стр. 145, 5). Ясно, что г. Будиловичъ здѣсь какъ бы невольно становится на твердую почву историко-сравнительнаго метода въ грамматикѣ и покидаетъ (къ сожалѣнію, не надолго) шаткій принципъ морфологической абсорпціи, подъ вліяніемъ котораго классификація именныхъ основъ должна была бы оказаться совершенно иною. Но слѣдующая непосредственно за классификаціею именныхъ основъ классификація основъ мѣстоименныхъ (стр. 148, 13)

изложена опять на основѣ принципа абсорпціи. Научнѣе и послѣдовательнѣе было бы держаться одного метода.

Здѣсь замѣтимъ мимоходомъ вообще, что когда пускается въ ходъ принципъ обсорпціи, то нерѣдко при этомъ ссылаются также на чувство языка. Но какъ судить объ этомъ чувствѣ языка? На основаніи ли отдѣльныхъ случаевъ измѣненія и употребленія словъ и грамматическихъ формъ въ языкѣ, или на основаніи общаго строя внутренней и внѣшней формы языка? Опредѣлить чувство языка для каждаго даннаго случая не легко, и потому ссылаться на него не всегда бываетъ удобно. Нерѣдко подъ чувствомъ языка скрывается въ сущности личное грамматическое пониманіе самого автора. Откуда, напримѣръ, видно, что для чувства языка основа въ формахъ тъ, та, то, ти, тѣ, тѣхъ, и т. д. ограничивается непремѣнно однимъ только твердымъ согласнымъ звукомъ т? Почему же ц. слав. языкъ, допустивъ форму ти, не знаетъ формъ тимъ, тихъ и т. п? Въ формахъ ти, тѣ и под. звукъ т терялъ свою твердость. Не вѣроятнѣе ли, напротивъ, думать, что языкъ при измѣненіи этого мѣстоименія руководствовался чувствомъ сознанія того, что звукъ т сопровождается твердымъ тематическимъ гласнымъ, то-есть, держался основы тъ или то, *а* не одного согласнаго т, потому что согласный т могъ допустить послѣ себя такія же окончанія, какъ и мягкій с (ср. формы: ти ни)?

Ученіе о строеніи глагольныхъ основъ начинается такъ: „Глагольныя основы, говоритъ авторъ, группируются вокругъ двухъ центровъ: а) формъ аориста и инфинитива; б) формъ настоящаго. Мы назовемъ тѣ—первыми или аористными, а эти—вторыми или превенціальными основами". (стр. 149, 15) На основаніи этихъ двухъ центровъ предлагается слѣдующая классификація глагольныхъ основъ.

„По строенію первой (аористной или инфинитивной) основы (а какъ же она строится-то?) славянскіе глаголы дѣлятся на 6 классовъ: 1) основы безсуффиксныя: бы-хъ, рѣ(к)-хъ; 2) основы съ суф. нѫ двигнѫ-хъ; этотъ суффиксъ иногда и отметается, при чемъ основы слагаются по типу 1-го класса, напр. двиг-охъ; 3) основы съ суф. а: дѣла-хъ, пьса-хъ; 4) основы съ суф. ова, ева: диκова-хъ, воюва-хъ; 5) основы съ суф. ѣ: оумѣ-хъ, трьпѣ-хъ; 6) основы съ суф. и: хвали-хъ, твори-хъ». (стр. 150, 19).

„По характеру вторыхъ основъ глаголы славянскіе имѣютъ 8 главныхъ разновидностей или подклассовъ:

1) основы безсуффиксныя, соединенныя съ личными окончаніями: мь, си, ть; напр. вѣ(д)-мь, вѣ(д)-си, вѣс-ть;

2) такія же основы съ окончаніями ѫ, ѭ, еши, ѥши; вед-ѫ, кол-ѭ; вед-еши, кол-ѥши;

3) основы съ суф. н: двигн-еши, гѫ(б)н-еши;

4) основы съ суф. а, ꙗ: дѣла-ѥши, сиꙗ-ѥши;

5) основы съ суф. J: пиш-ѫ, дрем-лѭ (изъ: *писjѫ, *дремj ѫ), пиш-еши, дрема-ѥши;

6) основы съ суф. оу, ю: викоу-ѥши, бою-ѥши;

7) основы съ суф. ѣ: сумѣ-ѥши, бѣлѣ-ѥши;

8) основы съ суф. J или И: трьпл-ѭ, любл-ѭ, трьпи-ши, люби-ши.

Впрочемъ, въ глаголахъ послѣдней формы суф. и всосанъ индѣ флексіею, въ которой и образовалось изъ и+е, напримѣръ: трьпиши, любиши изъ *трьпи-ѥши, *люби-ѥши, какъ имаши изъ *имаѥши, имааши“ (стр. 150, 20). Это значитъ, что по принципу абсорпціи слѣдуетъ разлагать такъ: трьп-иши, люб-иши.

Разсматривая эти классы и подклассы, мы замѣчаемъ, что общепринятая классификація Миклошича подверглась здѣсь нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ, у Миклошича глагольныя основы съ суф. *а* относятся къ 5-му, съ суффиксомъ ова, ева—къ 6-му классу; г. Будиловичъ поставилъ ихъ выше, отнеся первыя къ 3-му, а вторыя къ 4-му классу, вслѣдствіе этого 3-й и 4-й классы Миклошичевой классификаціи перешли въ 5-й и 6-й классы у г. Будиловича. Причина такого передвиженія — слѣдующая: „Первые два класса, говоритъ г. Будиловичъ, объединяются до извѣстной степени близостію основъ къ корню; 3-й и 4-й общимъ гласнымъ *А*; 5-й же и 6-й звуковымъ сходствомъ ихъ примѣтъ ѣ и н“ (стр. 150, 19). Причина не важная: формы какъ: хаждати, ражда-ти, възпрашатии не могутъ предшествовать формамъ: ходити, родити, възпросити, изъ которыхъ онѣ образуются. Далѣе. Сопоставляя то разложеніе, которое видимъ въ 5-мъ подклассѣ: пиш-ѫ, пиш-еши (изъ *писj-ѫ, *писj-етши), съ тѣмъ, которое указывается для 8-го подкласса: любл-ѭ люб-иши, изъ *любj-ѭ, люби-ѥши, слѣдуетъ заключить, что *j* въ 8-мъ подклассѣ есть такой суффиксъ, посредствомъ котораго образуется одно лишь первое лицо единств. числа настоящаго времени,

для всѣхъ же другихъ лицъ служитъсуффиксъ и. Если же онъ есть то же, что и, по видоизмѣнившееся въ *j* передъ гласнымъ ѫ, то его не слѣдовало признавать особымъ суффиксомъ для основъ 8-го подкласса. Притомъ, тема перваго лица есть любј, а всѣхъ остальныхъ люб (см. 149, 18: видј-и вид), не смотря на то, что говорится объ основахъ настоящаго времени въ суф. и. Очевидно, что тутъ есть сбивчивость, причину которой мы видимъ въ примѣненіи къ разложенію основъ настоящаго времени принципа абсорпціи. Шаткость этого принципа, который вводится въ современную грамматику въ качествѣ новаго научнаго метода для этимологическаго сѣченія словъ, видна изъ того, что онъ не выдерживается даже и во всѣхъ подклассахъ предложенной г. Будиловичемъ системы. Такъ, напримѣръ, формы глагола: вѣмь по требованію абсорпціи должны быть подвергнуты слѣдующему этимологическому сѣченію: вѣ-мь, вѣ-си, вѣ-сть; вѣ-вѣ, вѣ-ста; вѣ-мъ, вѣ-сте, вѣ-дѧть, подобно тому, какъ въ склоненіи именъ, напримѣръ: бог-ъмь, бог-омъ, бог-ъма; жен-амъ, жен-ама, же-нами; т-омоу, т-ѣмь и пр. (стр. 140, § 15); между тѣмъ мы видимъ, что въ вышеуказанной системѣ подклассовъ глагольныхъ основъ сѣченіе глагола вѣмь основано на сравнительномъ историческомъ методѣ.

Кромѣ того, мы положительно утверждаемъ, что для образованія основъ настоящаго времени въ ц.-славянскихъ глаголахъ не существовало и не существуетъ суффикса *j*. Въ формѣ виждѫ вм. *видјѫ, види-ши, ј образуется изъ тематическаго суффикса и предъ гласнымъ ѫ, то-есть изъ *види-ѫ; слѣдовательно, для всѣхъ личныхъ формъ настоящаго времени должна быть признана одна и та же основа види-; въ формѣ пишѫ вмѣсто *писјѫ ј появляется вслѣдствіе выпущенія тематическаго суффикса *а*, то-есть *писјѫ изъ *писајѫ, гдѣ *j* раздѣлялъ тематическій суффиксъ а отъ гласнаго ѫ. Что форма *писаѭ возможна въ славянскомъ языкѣ, въ этомъ убѣждаетъ существованіе чешской формы причастія настоящаго времени pjsage (слов. Юнгмана pjsám) или písaje, по ц.-слав. *писаѩ, откуда пишѩ. Слѣдовательно, формы въ родѣ пишѫ, пишеши и пр. должны быть разсматриваемы, какъ стяженныя изъ полныхъ въ родѣ *писаѭ, *писаѥши и пр. Это подтверждается тѣмъ, что въ ц.-слав. языкѣ есть не мало глаголовъ, которые употребляются и въ полной и въ стяженной формахъ; напримѣръ: дъıхаѭ, дъıхаѥши и дъıшѫ, дъıшеши; (замѣтимъ, что отъ глагола дышать, а не дыхать, бу-

дутъ формы: дышу дышишь, а не дышешь); жадаѭ, жадаѥши и жаждѫ, жаждєши; двизаѭ, двизаѥши и движѫ, движєши; капаѭ, капаѥши и капаѭ, капаѥши; тъкаѭ, тъкаѥши и тъчѫ, тъчєши и мн. др. Само собою разумѣется, что нѣкоторые изъ нихъ могли давнымъ давно утратить въ употребленіи ту или другую форму и употребляться въ одной изъ нихъ, а иные могли и вовсе не имѣть обѣихъ формъ; тѣмъ не менѣе, связь между этими формами не подлежитъ никакому сомнѣнію. Глаголъ пишѫ давнымъ давно утратилъ форму писаѭ; въ настоящее время въ русскомъ языкѣ весьма рѣдко слышится форма движу, движешь, почти всегда двигаю, двигаешь и пр. Поэтому достовѣрность мнѣнія Шлейхера, Миклошича и другихъ о существованіи церковно-славянскихъ глагольныхъ основъ настоящаго времени въ родѣ писј болѣе чѣмъ сомнительна.

Г. Будиловичъ, говоря „о строеніи основъ" (§ 16), не объясняетъ самого строенія ихъ, вѣроятно, на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, задача синтетической морфологіи должна ограничиваться лишь опредѣленіемъ типовъ построенія морфемъ высшаго порядка. Отсюда понятно, почему онъ, приписывая, подобно Миклошичу, главное значеніе основамъ неопредѣленнаго наклоненія для классификаціи глагольныхъ основъ, довольствуется слѣдующею причиною: „первыя основы (то-есть инфинитивныя или аористныя), говоритъ г. Будиловичъ, проще по своему строенію и ближе къ именнымъ по функціямъ" (стр. 149,16).

Но вопросъ о томъ, которая изъ двухъ основъ главнѣе для классификаціи глаголовъ: основа ли неопредѣленнаго наклоненія, или основа настоящаго времени, принадлежитъ къ числу весьма важныхъ въ ц.-славянской грамматикѣ. Извѣстно, что Миклошичъ рѣшаетъ его въ пользу основы неопредѣленнаго наклоненія, Шлейхеръ — въ пользу основы настоящаго времени. Необходимость принять въ основаніе для классификаціи и спряженія основу настоящаго времени доказывалъ также г. П. Лавровскій (Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., Апрѣль, 311—341).

По поводу этого важнаго и сложнаго вопроса о строеніи глагольныхъ основъ въ ц.-слав. языкѣ мы позволимъ себѣ здѣсь изложить свой взглядъ лишь о важности основы настоящаго времени и о суффиксѣ ея ѥ или є.

Для глагола, какъ слова [1]), представляющаго одну изъ важнѣйшихъ категорій языка, основа настоящаго времени имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ основа неопредѣленнаго наклоненія. Существенное различіе между основою настоящаго времени и основою неопредѣленнаго наклоненія состоитъ въ томъ, что первая является основою глагола, какъ слова, обозначающаго дѣйствіе въ собственномъ смыслѣ; вторая же—основою глагола, какъ такой грамматической формы, въ которой значеніе глагола парализуется значеніемъ имени. Тамъ глаголъ есть только глаголъ, здѣсь глаголъ есть и глаголъ и имя вмѣстѣ. Слѣдовательно, глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи не есть глаголъ въ собственномъ смыслѣ. Основа настоящаго времени, соединяясь съ личными окончаніями, непосредственно переходитъ въ слово, обозначающее дѣйствіе; основа же неопредѣленнаго наклоненія только чрезъ посредство новыхъ суффиксовъ можетъ переходить въ собственно глагольную основу, способную соединяться съ личными окончаніями и дѣлаться словомъ. Корень, принимая форму основы настоящаго времени, впервые получаетъ въ ней опредѣленное, именно, глагольное значеніе, тогда какъ, дѣлаясь основою неопредѣленнаго наклоненія, онъ можетъ удерживать свое прежнее неопредѣленное значеніе (то-есть не обозначая собою ни имени, ни глагола). Такъ, напримѣръ, корень вед—самъ по себѣ не имѣетъ опредѣленнаго значенія: имъ не обозначается ни дѣйствіе, ни предметъ; таковымъ онъ и остается въ качествѣ основы неопредѣленнаго наклоненія; но, принимая форму основы настоящаго времени веде-, онъ получаетъ исключительно глагольное значеніе, почему слав. языкъ и довольствуется нерѣдко этою формою для обозначенія нѣкоторыхъ глагольныхъ категорій въ рѣчи. веде можетъ быть и формою 3-го лица ед. ч. настоящаго времени и 2-мъ и 3-мъ лицомъ аориста. Эта основа веде, непосредственно соединяясь съ личными окончаніями, становится словомъ, имѣющимъ въ рѣчи значеніе глагола. Основа же вед неопредѣленнаго наклоненія вести, совпадая съ корнемъ, не соединяется непосредственно, ни съ личными, ни съ падежными окончаніями, и потому не можетъ непосредственно переходить въ слово, имѣющее въ рѣчи значеніе глагола, или имени. Самъ языкъ указываетъ на бо́льшую важность значенія

---

[1]) Подъ *словомъ* въ строгомъ морфологическомъ смыслѣ мы разумѣемъ тему, соединенную съ личнымъ, или падежнымъ окончаніемъ.

основы настоящаго времени тѣмъ, что онъ знаетъ глаголъ ѥсмь, какъ слово, въ однѣхъ только личныхъ формахъ, такъ называемаго, настоящаго времени. Глаголъ ѥсмь представляетъ собою единственное слово въ языкѣ, въ которомъ корень въ первообразной своей формѣ непосредственно соединяется съ личнымъ суффиксомъ; это— единственный фактъ въ славянскомъ языкѣ, гдѣ корень, чрезъ личный суффиксъ непосредственно переходитъ въ слово. Онъ показываетъ, между прочимъ, и то, что въ славянскомъ языкѣ категорія глагола ближе къ корню, нежели категорія имени. Что касается глаголовъ: вѣмь, дамь, ıамь, то они, по нашему мнѣнію, обнаруживаютъ въ своихъ формахъ процессъ довольно сложнаго образованія и не могутъ быть поставлены на ряду съ глаголомъ ѥсмь. Итакъ, изъ сказаннаго слѣдуетъ пока только то, что между всѣми глагольными основами первое мѣсто должно принадлежать основѣ настоящаго времени.

Обратимся къ ея образованію. Оставляя въ сторонѣ глаголы: ѥсмь; вѣмь, дамь и ıамь, мы говоримъ, что основа настоящаго времени для всѣхъ глаголовъ ц.-славянскаго языка характеризуется суффиксомъ є или ѥ; нар.: би+ѥ-, бер+є-; двигн+е-; оумѣ+ѥ-; *види+ѥ- стягивающаяся въ види-; дѣла+ѥ-, пиш+є- (изъ *писа+ѥ-) по выпущеніи тематическаго суффикса *а*; именоу+ѥ-, кою+ѥ-. (Здѣсь мы считаемъ нужнымъ оговориться: признавая суффиксъ ѥ или е характеромъ настоящаго времени, мы не приписываемъ ему временнаго значенія; собственно, онъ есть характеръ лишь глагольной основы; но мы называемъ его характеромъ основы настоящаго времени потому только, что личныя формы глагола обыкновенно въ славянскихъ и русскихъ грамматикахъ относятся къ категоріи настоящаго времени изъявительнаго наклоненія). Спрашивается: что такое это е, или ѥ?

Общепринятое мнѣніе состоитъ въ томъ, что этотъ суффиксъ ѥ или *е* соотвѣтствуетъ основному индо-европ. *а*, имѣющему мѣстоименное указательное значеніе. Этотъ послѣдній въ сравнительной грамматикѣ языковъ индо-европейской отрасли пользуется весьма широкимъ приложеніемъ и потому называется основообразовательнымъ суффикомъ (Stamm bildungssuffix, Stammbildungselement, Stammauslaut). Посредствомъ его равно образуются и глагольныя и именныя основы. Отъ корня bhar основа bhara (изъ bhar+a) можетъ быть и глагольною—въ такомъ случаѣ суфф. *а* въ первыхъ лицахъ усили-

вается: bhara-mi, bhara-si, bhara-ti, множ. числ. bhara-mas и пр., и именною—въ такомъ случаѣ коренной гласный иногда усиливается, напримѣръ, bhára и bhará, муж. р. (onus). Такова теорія Шлейхера. Изъ нея можно вывести слѣдующія два положенія: 1) bhara=тема общая для глагола и имени, слѣд. безразличная по значенію: ею не обозначается ни дѣйствіе, ни предметъ, она сама по себѣ—ни глаголъ, ни имя. Отсюда ученіе о тожествѣ глагольныхъ и именныхъ темъ. 2) bhara образовалась изъ корня bhar чрезъ присоединеніе къ нему суффикса *a*, имѣющаго мѣстоименное указательное значеніе: bhar+a. Отсюда ученіе о тожествѣ суффиксовъ, соотвѣтствующихъ основному *a*, въ глаголѣ и имени. Оба эти положенія, по нашему мнѣнію, такъ тѣсно связаны между собою, что несостоятельностью одного изъ нихъ обусловливается несостоятельность и другаго. Однако Ав. Фиккъ нашелъ способъ отвергнуть второе положеніе Шлейхера и подтвердить данными греческаго языка вѣрность перваго. Въ своемъ изслѣдованіи „Die suffixlosen Nomina der griechischen Sprache" (Beiträge zur Kunde der Indq. Spr. Ad. Bezzenberger. Götting. 1877, I) онъ говоритъ: „такъ какъ въ bhara-s именная природа обозначается уже суффиксомъ падежа, въ bhara-ti глагольная природа слова обозначается личнымъ окончаніемъ, то къ чему же было посредствомъ присоединенія мѣстоименнаго *a* указывать на именной характеръ, который въ bhara-s былъ бы вполнѣ лишнимъ, въ bhara-ti вовсе неумѣстнымъ?" Съ этимъ справедливымъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться. Но отрицая такимъ образомъ второе положеніе Шлейхера и вѣруя въ непреложность перваго, онъ дѣлаетъ такое предположеніе, что глагольная и именная тема bhara образовалась не изъ корня bhar и суффикса *a*, а есть первоначальная двухсложная форма корня, изъ которой образовался вторичный корень (bhar). Это предположеніе служитъ исходнымъ пунктомъ для всей его послѣдующей теоріи, въ которой онъ доказываетъ, что имена суть рефлексы соотвѣтствующихъ имъ глагольныхъ основъ разныхъ глагольныхъ формъ и, какъ таковыя, они должны считаться именами, не имѣющими суффиксовъ (suffixlose nomina). Такъ какъ эта теорія приводитъ къ необходимости признать, что ἀνθραχίς происходитъ отъ ἀνθραχίζω, δορχάς отъ δορχωζά, а не наоборотъ, то мы оставляемъ ее, какъ мало вѣроятную.

Но и положенія Шлейхера не подтверждаются языкомъ славянскимъ. Основной глагольной темѣ bhara соотвѣтствуетъ славянская глагольная тема вере; основной именной темѣ bhara соотвѣтствуетъ

славянская именная тема боръ (или *боро) въ съборъ. По теоріи Шлейхера выходитъ, что, съ одной стороны, славянскій суффиксъ *е*, служащій къ образованію основъ глагольныхъ, тожественъ и по происхожденію и по значенію съ суффиксомъ ъ, служащимъ къ образованію основъ именныхъ; съ другой, что славянская глагольная основа бере должна быть признана тожественною съ именною основою боръ, какъ потому, что усиленіе кореннаго гласнаго звука будто-бы равно можетъ принадлежать и глагольной и именной темѣ, такъ и потому, что основы сами по себѣ не имѣютъ никакого опредѣленнаго значенія: онѣ ни глаголъ, ни имя.

а) Противъ тожества суффиксовъ е и ъ въ ц. слав. языкѣ свидѣтельствуетъ различное образованіе чрезъ нихъ основъ изъ корней вторичнаго образованія, то-есть, состоящихъ изъ согл.+гласн.+согласный. Сущность этого различія состоитъ въ томъ, что при суфф. *е* гласный звукъ въ корнѣ никогда не усиливается посредствомъ подъема (гуны). Онъ или остается безъ измѣненія, какъ напримѣръ, отъ корня бер основа бере, отъ к. вед основа веде, отъ к. вез основа везе, отъ к. нес основа несе, отъ к. пек основа пече, отъ к. тек основа тече, отъ к. дъм основа дъме, отъ к. пьз основа пьзе, отъ к. чьт основа чъте; или подвергается даже ослабленію, напримѣръ, отъ корня мер основа мьре и мре и т. п. Правда, во всѣхъ этихъ случаяхъ удареніе падаетъ не на коренной гласный, а на суффиксъ *е*. Если же удареніе падаетъ на коренной гласный, то онъ подвергается ринезаціи, хотя, можетъ быть, и отъ другой причины, напримѣръ, отъ корня лег основа лѧже, отъ к. сед основа сѧде, отъ к. рет основа рѧште. Между тѣмъ, при суффиксѣ ъ гласный звукъ корня *е* постоянно усиливается въ *о*, такъ, отъ корня бер основа боръ (съборъ), отъ к. вед основа водъ (въ съводъ, ободъ вм. обводъ), отъ к. вез основа возъ отъ к. нес основа носъ (въ приносъ), отъ к. рек основа рокъ (въ пророкъ), отъ к. мер основа моръ, отъ к. лег основа логъ (въ налогъ), отъ к. тек основа токъ (въ отокъ) и др. Хотя во всѣхъ этихъ случаяхъ удареніе падаетъ на коренной гласный, однако усиленіе звука *е* въ *о* нельзя приписать здѣсь, вліянію ударенія, потому что звукъ *е* въ корнѣ и подъ удареніемъ можетъ оставаться безъ измѣненія, какъ это видно изъ формъ аориста простаго: ведъ, везъ, несъ и др. И въ санскритѣ усиленіе кореннаго гласнаго *a* (= слав. *е*) при

образованіи основъ посредствомъ суффикса а (=слав. ъ) не зависитъ отъ ударенія; такъ отъ к. bhar основа bhára и bhará, отъ к. kač (свѣтить) основа kačá м р. (стекло), отъ к. nad (шумѣть) основа nadá м. р. (шумъ) отъ к. pač (варить) основа paka м. р. и вед. paká м. р. (зрѣлость), отъ к. kam (любить) основа kama м. р (любовь) и др. (Gloss. Bopp). Что касается именной основы пекъ aestus, на которую указываетъ Шлейхеръ, то въ ней суффиксъ ъ едва-ли тотъ же, что въ вышеприведенныхъ примѣрахъ. Именная основа пекъ могла войдти въ употребленіе языка съ значеніемъ существительнаго имени „жаръ" отъ древней причастной формы пекъ, пекъши, или отъ пекъ, вм. пеклъ, на что указываетъ употребит. ф. пекло,- жаръ, адъ. Въ русскомъ языкѣ употребляются формы: припёкъ и припёка (въ значеніи: жаръ, жара́), которыя, очевидно, одинаковаго образованія съ словами: отёкъ и отёка отъ к. тек; но образованіе этихъ формъ иное, то-есть, съ инымъ суффиксомъ ъ, чѣмъ тотъ ъ, о которомъ идетъ рѣчь; на это указываетъ ф. токъ въ отокъ (островъ) отъ к. тек. Подобнаго же образованія и ф. метъ въ ометъ при формѣ ометъ (ora, limbus) отъ к. мет; ф. плетъ при ф. плот. (saepes) отъ к. плет. О формѣ клъкъ, которую также приводитъ Шлейхеръ, скажемъ, что она не относится вовсе къ разряду разсматриваемыхъ нами основъ; кромѣ того, въ виду др. русс. ф. кълъкъ весьма возможно думать, что ъ стоитъ въ ней въ связи съ звукомъ к. то-есть, что суффиксъ собственно не ъ, а къ. Замѣчая такое существенное различіе между образованіемъ основъ изъ корней посредствомъ суффиксовъ *е* и *и* принимая во вниманіе ту органическую связь между корнемъ и суффиксомъ, которая присуща языкамъ индо-европ. отрасли, мы полагаемъ, что славянскіе суффиксы е и ъ, не смотря на ихъ соотвѣтствіе одному и тому же основному элементу *а*,—различны между собою по происхожденію и по значенію.

б) Противъ тожества основъ съ суфф. е и ъ свидѣтельствуетъ различное значеніе ихъ въ ц.-слав. языкѣ: основа вере имѣетъ только глагольное значеніе; основа воръ- только именное. Мысль, что основа безъ суффикса падежа, или безъ личнаго окончанія, не есть сама по себѣ ни глаголъ, ни имя, оказывается неприложимою къ языку славянскому. Въ немъ формы: богъ, домъ, сынъ, столъ

и мн. др. суть чистыя основы и однако онѣ употребляются, какъ слова съ значеніемъ только именъ существительныхъ; а равно и формы: вере, веде, везе, несе и пр.—чистыя основы, и однако онѣ употребляются, какъ слова съ значеніемъ только глаголовъ. Такимъ образомъ, языкъ даетъ намъ право утверждать, что образующіяся въ слав. языкѣ основы изъ корней посредствомъ суффикса е имѣютъ глагольное значеніе, а посредствомъ суффикса ъ—именное значеніе.

Теперь, если корень, напримѣръ, вер самъ по себѣ не имѣетъ никакого формальнаго значенія—ни глагольнаго, ни именнаго, а по присоединеніи суффикса е становится основою вере, имѣющею глагольное значеніе; по присоединеніи же суфф. ъ, сопровождаемомъ видоизмѣненіемъ гласнаго въ корнѣ, становится основою воръ, имѣющею именное значеніе: то необходимо признать, что посредствомъ суффиксовъ е и ъ сообщается значенію корня извѣстная формальность; именно, посредствомъ суфф. е значеніе корня становится глагольнымъ, посредствомъ суффикса ъ—именнымъ. Этого не могло бы быть, еслибы и тотъ и другой суффиксъ были тожественны по происхожденію и по значенію. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ, напримѣръ, можетъ имѣть присутствіе мѣстоименнаго указательнаго звука передъ мѣстоименнымъ же личнымъ суффиксомъ, который самъ по себѣ имѣетъ совершенно ясное, опредѣленное указательное значеніе? Въ словѣ верещи какое указательное значеніе понадобилось языку въ звукѣ е, заканчивающемъ основу вере передъ суффиксомъ ши и безъ того прямо и ясно указывающимъ на второе лицо?

Мы полагаемъ, что славянскій суффиксъ е, образующій глагольныя основы,—не мѣстоименнаго, а глагольнаго происхожденія и значенія. По нашему мнѣнію, онъ есть не что иное, какъ гласный элементъ славянскаго глагольнаго корня ес (ѥс) соотвѣтствующаго основному as, и служитъ связкою между личнымъ окончаніемъ, какъ подлежащимъ, и тѣмъ, что выражается корнемъ, какъ сказуемымъ. Подъ условіемъ этого положенія становится понятнымъ, почему въ славянскихъ языкахъ суффиксъ е, присоединяясь къ корню, образуетъ съ нимъ основу глагольнаго значенія. Возможность для корня ес принимать форму е, или отбрасывать согласный элементъ с, дѣлаясь суффиксомъ глагольной основы, достаточно объясняется общимъ свойствомъ корней первичнаго образованія утрачивать одинъ изъ своихъ звуковыхъ элементовъ (гласный, или согласный) по при-

соединеніи къ другому корню въ качествѣ детерминативовъ (или корнеопредѣлителей). Но кромѣ того, возможность для корня єє отбрасывать согласный элементъ и удерживать свое глагольное значеніе была, вѣроятно, искони присуща ему, какъ это видно изъ древнѣйшаго употребленія звука є въ качествѣ глагола 3-го лица един. числа вм. ѥсть. Впослѣдствіи между славянскими языками съ особенною ясностію воспользовался этою возможностію для корня єє отбрасывать то гласный, то согласный элементъ языкъ польскій въ своихъ формахъ: jesłem, jesteś; byłem, byłeś и пр. Въ нихъ окончанія em, eś, соотвѣтствуя др. славянскимъ формамъ ѥсмь, ѥси являются сложными изъ корня є (=сл. єє), и личныхъ указателей: m, ś — перваго и втораго лица: em есть сокращеніе формы ѥсмь, eś—формы ѥси (Verg. gr. Bopp. [2] II, 514—516, примѣчаніе. Потебня: изъ Запис. по русск. грам. II. 160). Польск. byłem=ц. слав. бывъ ѥсмь, пол. byłeś=ц. слав. бывъ ѥси, польс. był.=ц. слав. бывъ ѥсть, или бывъ ѥ или просто бывъ. Такъ какъ древнѣйшая слав. форма ѥ (= ѥсть) указываетъ на то, что 3-е лицо не нуждается въ особомъ указателѣ, то польскій языкъ, согласно съ духомъ слав. языка и съ употребленіемъ въ другихъ слав. языкахъ (русскомъ), и довольствуется одною лишь прилагательною формою był или jest. Послѣднюю форму, то-есть, jes въ jestem, jesteś, jes jesteśmy и пр. Боппъ и Потебня (ibid 162) считаютъ формою 3-го лица ед. числа = ц. сл. ѥсть. Миклошичъ подтверждаетъ это мнѣніе аналогичною формою sąmy или sąśmy (Mikl. III, 465). Не смотря на это, мы признаемъ мнѣніе Потта болѣе достовѣрнымъ. Онъ считаетъ ф. jest въ jestem и пр. причастною и справедливо отвѣчаетъ на возраженія Боппа, что такого-де причастія отъ корня as нигдѣ нѣтъ, указаніемъ на прилагательную форму истъ (Etymolog. Forsch[2]. I, 2-te Abtheil 1867. стр. 317). Такъ же думалъ и г. Лавровскій (Учен. Зап. II отд. Ак. Н. 1858, IV). Дѣйствительно, ф. jestem можетъ быть приравнена даже по значенію ф. истъ ѥсмь. Возможность предположенія подобныхъ причастныхъ формъ подтверждается еще этимологіей слова: шествіе отъ причастной темы шестъ кор. шед (Мик. III, 99; сущ. шьствиѥ предполагаетъ прич. прош. вр. страд. шьстъ). Формы въ родѣ śąmy или sąśmy могли войти въ употребленіе языка по аналогіи съ jesteśmy, какъ только языкъ понялъ ф. jest, какъ форму 3-го лица ед. числа, даже и въ сложеніи ея съ em=ѥсмь. Въ формахъ: byłem, byłeś отъ корня ес остался

одинъ гласный элементъ; въ формахъ же множ. числа byli-śmy, były-śmy; byli-ście, były-ście появляется на оборотъ одинъ согласный ś корня ес; въ формахъ była-m, było-m, była-ś, było-ś остались одни лишь личныя окончанія. Справедливо объясняетъ г. Потебня, говоря: „Разница между był-em и była-m и при предположеніи стяженія изъ jesm объясняется вполнѣ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ причастіе (послѣ потери ъ) оканчивается на согласную, вслѣдствіе чего удерживается гласная глагола, а во второмъ гласное окончаніе причастія содѣйствуетъ опущенію гласной глагола'" (Изъ Зап. II, 161). То же слѣдуетъ сказать и о формахъ множ. числа byli-śmy и т. д. Что касается до формъ настоящаго времени, то ихъ слѣдуетъ разлагать такимъ образомъ: jest em, jest-eś, jest; jest-eśmy, jest-eście. Если это такъ, то въ формахъ множ. числа корень єс является вполнѣ въ окончаніяхъ. Соображая всѣ формы прошедш. и наст. временъ относительно ихъ окончаній, мы видимъ ясно, что кор. єс можетъ являться суффиксомъ и въ полной своей формѣ, и въ одномъ изъ своихъ составныхъ элементовъ: є, или с, и вовсе выпускаться. Но какъ бы то ни было, польскій языкъ ясно показываетъ, что корень єс вспомогательнаго глагола ѥсмь, дѣлаясь суффиксомъ глагольной основы, можетъ принимать форму є, такъ какъ въ jestem, jesteś, byłem, byłeś глагольными основами служатъ формы: jesłe-, byłe-.

Если справедливо то, что суфф. є, образующій основы настоящаго времени ц.-славянскихъ глаголовъ, есть гласный элементъ корня єс (= осн. as), то образованіе личныхъ формъ настоящаго времени объясняется проще, чѣмъ при предположеніи, что *е* есть суффиксъ мѣстоименнаго происхожденія и значенія. Въ послѣднемъ случаѣ необходимо новое предположеніе, что *е* передъ первоначальными звуками *м* (m) и *н* (n) усиливается въ *о*; потому что иначе нельзя объяснить образованія *ѫ* въ 1-мъ лицѣ единств. числа и въ 3-мъ лицѣ множ. числа, не смотря на то, что въ 1-мъ лицѣ множ. числа *е* передъ *м* остается безъ измѣненія, слѣд. эта форма должна представлять собою исключеніе, то-есть, противорѣчитъ принятому предположенію Такъ, 1-е лицо берѫ изъ *беромъ вм. *берем; 3 лицо множ. числа берѫть изъ *беронть вм. *беренть; а 1-е лицо множ. числа: беремъ. Но почему передъ *м* и *н* въ извѣстныхъ формахъ *е* должно усилиться въ *о*—это остается неизвѣстнымъ: въ санскритѣ усиленіе тематическаго *а* бываетъ только въ первыхъ лицахъ всѣхъ чиселъ: единствен-

наго, двойственнаго и множественнаго, но не въ 3-мъ лицѣ числа множественнаго. Если же признаемъ, что *е* имѣетъ глагольное происхожденіе и значеніе; то усиленіе его въ 1-мъ лицѣ единственнаго числа объясняется замѣною утраты гласнаго элемента ь (= основ. *i*) въ первоначальномъ суффиксѣ 1-го лица мь. Что дѣйствительно утрата въ первоначальной формѣ суффикса мь гласнаго элемента ь можетъ вознаграждаться появленіемъ новаго гласнаго послѣ корня ѥс, передъ согласнымъ *м*, это видно изъ видоизмѣненій самой формы ѥсмь, встрѣчающихся въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности, и очевидно, происходящихъ подъ вліяніемъ утраты гласнаго элемента въ концѣ суффикса. Такъ, напримѣръ, уже въ фрейз. статьяхъ встрѣчаемъ формы iezem, gezim и gezm, то-есть, ѥсем, ѥсим или ѥсьм и ѥсмь; въ др.-чешск. jesm и jsem. Позднѣйшія формы въ славянскихъ языкахъ убѣждаютъ въ томъ же; такъ чеш. jsom, народ. jsu и su: ja su, ja nésu závistiva (Микл. III, 397); (въ ф. su звукъ *u*, какъ и русск. *у* соотвѣтствуетъ дцсл. *ѫ*); словацк. som, в. луж. sym, н. луж. som, діалект. su (Pfuhl, 39), серб. jѐсам или са̀м; хорут. sem, šam, sim и даже sum, то-есть, сѫм (Микл. III, 145) и др. Словомъ, возможность замѣнительнаго усиленія суффикса *е* въ *о* по отпаденіи ь въ мь представляется вполнѣ достовѣрною для той древнѣйшей эпохи, когда образовывалась форма 1-го лица ед. числа на *ѫ*. Что же касается до 3-го лица множ. числа, то форма его, по всей вѣроятности, образовалась иначе. Отсутствіе корневаго ѥ въ формѣ 3-го лица множ. числа сѫть (=осн. santi), относящееся къ дославянскому времени, не дозволяетъ предполагать суфф. *е* въ основѣ 3-го лица множ. числа наст. времени славянскихъ глаголовъ. Необходимо допустить, что форма 3-го лица множ. числа наст. вр. образовалась въ нихъ непосредственнымъ присоединеніемъ основныхъ суффиксовъ anti или nti къ корню или темѣ безъ суффикса *е*. Первый суффиксъ (anti) слѣдовалъ за согласнымъ, а второй (nti) за гласнымъ звукомъ. Послѣдній случай встрѣчается только въ славянскихъ глаголахъ съ примѣтою и. Отсюда окончанія: ѫть и ѧть. Такъ, ф. 1-го лица: берѫ образовалась чрезъ ф. *бером изъ *беремь; ф. виждѫ чрезъ форму *видјом, вм. *видиом, изъ *видиемь; форма 3-го лица множ. ч.: берѫть изъ *бер+ѫнть, ф. видѧть изъ *видинть.

Г. Будиловичъ, при этимологическомъ сѣченіи формъ: береши, береть, беремъ и пр., относитъ суффиксъ ѥ къ флексіи, то-есть, дѣ-

литъ ихъ такъ: бер-еши, бер-еть и пр., полагая, что суффиксъ е поглощается флексіей лицъ на томъ, вѣроятно, основаніи, что этотъ суффиксъ въ 1-мъ лицѣ единств. числа и въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа, сливаясь съ слѣдующими за нимъ носовыми согласными, скрывается въ ѫ. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы и въ склоненіи слова, напримѣръ, богъ относить къ флексіи не одинъ только звукъ ъ, а цѣлый слогъ гъ; потому что звукъ г въ зват. п. единств. числа измѣняется въ ж, въ мѣстномъ падежѣ единств. и множ. чиселъ въ з (чрезъ ѕ), въ именит. множ. также въ з (чрезъ ѕ); то-есть, признать основою для склоненія слогъ бо: бо-гъ, бо-же, бо-зѣ, бо-зи, бо-зѣхъ, чего однако авторъ не допускаетъ. Мы указываемъ на это съ тою цѣлію, чтобы видѣть, въ какое противорѣчіе можно впасть, прилагая къ этимологическому сѣченію словъ принципъ абсорпціи. Разложеніе ф. береши на бер-еши можетъ быть допущено лишь условно: или для показанія различія между такъ-называемыми 1-мъ и 2-мъ спряженіями; или для показанія того, что суффиксъ е непосредственнѣе соединяется съ слѣдующими за нимъ личными окончаніями, нежели съ корнемъ глагола, потому что этотъ послѣдній можетъ быть отдѣляемъ отъ суф. е новыми суффиксами или такъназываемыми примѣтами.

Ученіе о строеніи славянскихъ словъ (§ 17) г. Будиловичъ начинаетъ слѣдующею мыслію, которая прежде была высказана г. Потебнею (Изъ Записокъ по русск. грам. 1874, I, стр. 4—5, 74 и др.): „Такъ какъ каждая флексивная форма любого имени или глагола имѣетъ извѣстную грамматическую индивидуальность, то и слѣдовало бы подъ словомъ разумѣть не совокупность родственныхъ флексивныхъ формъ, образованныхъ изъ общей основы, но каждую въ отдѣльности, то-есть, формы: рабъ, раба, рабоу, рабъмь, рабѣ считать пятью отдѣльными словами, а не пятью падежными изгибами одного и того же слова. Съ этой точки зрѣнія не представлялось бы надобности отличать въ грамматикѣ словообразованіе отъ словоизмѣненія, потому что всякое измѣненіе слова есть въ сущности образованіе новаго, хотя бы изъ той же основы“ (стр. 152, § 17). Полагая, что подъ условіемъ этой точки зрѣнія на флексивный языкъ не представлялось бы не только надобности отличать въ грамматикѣ словообразованіе отъ словоизмѣненія, но и возможности вообще писать грамматику какого-либо флексивнаго языка, мы считаемъ такое вступленіе въ теорію строенія славянскихъ словъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что са-

мому автору вслѣдствіе этого вступленія пришлось ослабить научное значеніе своей теоріи слѣдующей оговоркой: «Имѣя однако въ виду тѣсное психическое содружество, устанавливаемое языкомъ между всѣми флексивными формами того же имени или глагола и обнаруживающееся въ явленіяхъ морфологической ассимиляціи или диссимиляціи, мы можемъ сдѣлать уступку укоренившемуся обычаю и считать всѣ изгибы имени по склоненіямъ или глагола по спряженіямъ грамматическими метаморфозами одного и того же слова" (стр. 153). Зачѣмъ же дѣлать уступку укоренившемуся обычаю, если онъ дуренъ и вредитъ научному достоинству труда? Почтенный авторъ невольно заставляетъ пожалѣть о томъ, что онъ не написалъ своей грамматики такъ, какъ слѣдовало бы написать ее согласно съ вышеприведенною мыслію.

Къ теоріи строенія славянскихъ словъ относятся системы склоненій и спряженій, изложенныя въ двухъ особыхъ параграфахъ (§§ 18—19). Нѣкоторыя изъ положеній, относящихся къ системѣ спряженій, обращаютъ на себя особенное вниманіе. Такъ, въ одномъ авторъ остроумно указываетъ на аналогію между образованіемъ формъ настоящаго времени глаголовъ примѣты И и образованіемъ формъ настоящаго времени глаголовъ примѣты А. Положеніе это слѣдующее: „Употребленіе флексій аши, ать, вм. єши, єть въ глаголахъ 3-го класса, по ассимилирующему вліянію тематическаго *а*, напр. имааши, имаать; пѣкааши, съкѣштааши, прѣкыкааши; подобаать, кыбаать, къмѣштаать. Изъ этихъ ассимилированныхъ формъ стяженіемъ двухъ *а* въ одно, вѣроятно долгое, развились формы: послоушатє, подобатъ. Процессъ этотъ аналогиченъ происшедшему въ глаголахъ V и VI кл., гдѣ съмотримъ, ходить и т. п. развились изъ *съмотриѥмъ, *ходиѥть, чрезъ съмотриимъ, ходиить, которыя изрѣдка встрѣчаются въ рукописяхъ" (стр. 190, 25, в). Достойно также особеннаго вниманія для опредѣленія относительной древности ц.-славянскихъ памятниковъ и слѣдующее положеніе автора: „Личныя флексіи преходящаго времени 2 и 3 л. дв. и 2 л. мн. ч. соединяютъ въ себѣ по двѣ разноверстныя формы (бѣаста и бѣашєта, бѣастє и бѣашєтє), хронологическое первенство которыхъ одной передъ другою опредѣлить довольно трудно. Вѣроятнѣе однако бо̀льшая древность тѣхъ, которыя ближе къ формамъ аориста (ста, стє), на почвѣ коего и развился славянскій имперфектъ. При такомъ предположеніи формы

на шета, шете слѣдовало бы разсматривать какъ новообразованія, вызванныя необходимостію дифференцировать двѣ близкія по звукамъ формы на ааста и аста или ста; аасте и асте, сте" (стр. 192, 27, г). Но можно предполагать, что преходящее время (imperfectum) могло развиться и на почвѣ того исконнаго свойства славянскаго глагола выражать степени дѣйствія (виды), которое можно подмѣтить въ языкѣ самыхъ древнихъ памятниковъ, какъ указываютъ, напр., формы кратной степени дѣйствія, встрѣчающіяся въ Остр. Ев., Супрал. рук. и другихъ отъвѣщавающи, отъвѣщавати, отъвѣщаваше; въпрашати, хаждати, богословештавати и др. Поэтому намъ кажется невѣрнымъ мнѣніе считать подобныя формы оригинальными новообразованіями русскаго языка, какъ думаетъ г. Будиловичъ, выражаясь по поводу образованія новыхъ формъ въ языкахъ славянскихъ какъ бы въ замѣнъ утраты старыхъ слѣдующимъ образомъ: „Еще оригинальнѣе въ средѣ этимологическихъ новообразованій русскаго языка глагольная основа на *ыва*, *ива*, развившаяся изъ взаимнодѣйствія и по типу основъ на *а*, *ва*, *ова* и *ева*, напримѣръ: связывалъ, нашивалъ, говаривалъ и т. п." (стр. 199, 35).

Отдѣлъ морфологіи оканчивается замѣчаніями о морфологической роли ударенія и долготы и о нѣкоторыхъ морфологическихъ особенностяхъ ц.-славянскихъ изводовъ рукописей (стр. 203—205).

За морфологіей слѣдуетъ второй отдѣлъ этимологіи, заключающій въ себѣ ученіе о значеніи словесныхъ морфемъ, то-есть, семазіологія (стр. 206—288). Словесныя морфемы, разсматриваемыя со стороны ихъ значенія, называются семемами, которыя бываютъ не только простыми, составными и сложными, подобно соотвѣтствующимъ имъ морфемамъ, но также еще явными и скрытыми. Подъ послѣдними разумѣются такія „значенія и отношенія, для которыхъ нельзя указать никакого звуковаго субстрата" (стр. 212). Согласно съ дѣленіемъ морфологіи и семазіологія дѣлится на аналитическую и синтетическую. „Анализъ значеній", говоритъ г. Будиловичъ,—выражаемыхъ въ словѣ корнемъ и аффиксами, составляетъ задачу аналитической семазіологіи; синтезъ же этихъ значеній, при соединеніи простыхъ морфемъ въ составныя и сложныя, служитъ предметомъ изученія семазіологіи синтетической". Цѣль и методъ той и другой опредѣляются авторомъ слѣдующимъ образомъ: „Послѣднею цѣлью семазіологіи аналитической служитъ изслѣдованіе качества и количества значеній, выражаемыхъ морфемами того или другаго типа,

тогда какъ цѣль семазіологіи синтетической заключается въ опредѣленіи объема и системы значеній, выражаемыхъ то явно, то скрыто совокупностію морфологическихъ пріемовъ языка. При такомъ различіи задачъ двухъ отдѣловъ семазіологіи и методъ ихъ не можетъ быть тотъ же: первая отправляется отъ дробныхъ фактовъ, подымаясь къ болѣе или менѣе высокимъ обобщеніямъ, тогда какъ вторая, наоборотъ, спускается отъ основныхъ категорій слова къ ихъ мелкимъ развѣтвленіямъ; другими словами, та слѣдуетъ индуктивному, эта же дедуктивному пріему изслѣдованія и изложенія" (стр. 212, 17).

Признаемся, это различіе задачъ, цѣлей и методовъ двухъ подраздѣленій одного и того же отдѣла грамматики ставитъ насъ въ нѣкоторое недоумѣніе. Трудно понять, что въ грамматикѣ, имѣющей дѣло съ фактами языка, необходимо въ одной части слѣдовать индуктивному методу изслѣдованія и изложенія, а въ другой—дедуктивному. Затрудненіе наше увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что индуктивный методъ примѣняется къ объясненію значеній такихъ морфемъ (именно: корней), которыя въ той же грамматикѣ признаются имѣющими лишь отвлеченное существованіе, а дедуктивный—къ объясненію значеній такихъ морфемъ (именно: словъ), которыя признаются въ ней имѣющими въ языкѣ реальное существованіе. Не легко понять и то, что цѣлью семазіологіи аналитической служитъ изслѣдованіе качества и количества значеній, а семазіологіи синтетической—опредѣленіе объема и системы значеній, что задачею первой служитъ анализъ значеній, а второй—синтезъ значеній. Намъ думается, что для объясненія значеній въ составныхъ и сложныхъ морфемахъ, если не болѣе, то по крайней мѣрѣ, столько же необходимъ анализъ, какъ и для объясненія значеній въ простыхъ морфемахъ. Поэтому вся эта постановка дѣла намъ кажется болѣе придуманною, чѣмъ необходимо исходящею изъ его сущности.

Въ самомъ дѣлѣ, едва ли есть настоятельная необходимость, обусловливаемая явленіями языка, въ выдѣленіи семазіологіи изъ этимологіи его. Конечно, когда на этимологію языка стали смотрѣть теоритически съ двухъ точекъ зрѣнія—внѣшней и внутренней, тогда, выдѣливъ этимологію языка съ внѣшней стороны или звуковой въ особый отдѣлъ подъ названіемъ морфологіи, почувствовали логическую необходимость выдѣлить и этимологію языка съ внутренней стороны, то-есть, со стороны содержанія или значеній, въ

особый отдѣлъ подъ названіемъ семазіологіи. Но это раздѣленіе не есть необходимое условіе для болѣе яснаго пониманія явленій языка. Этимологія имѣетъ дѣло съ словомъ, именно, его образованіемъ и измѣненіемъ, но съ словомъ, какъ знакомъ или представленія, или понятія, или отношенія, то-есть, какъ съ такою звуковою формою, которая проникнута извѣстнымъ содержаніемъ. Слово безъ значенія — не слово. Разсматриваемое съ этимологической точки зрѣнія, оно есть органическое соединеніе двухъ или нѣсколькихъ корней, имѣющихъ въ немъ вещественное или формальное значеніе. Поэтому каждая составная часть слова опредѣляется въ этимологіи по звукамъ и по значенію вмѣстѣ. Безъ значенія нельзя представить себѣ никакого этимологическаго элемента, входящаго въ составъ слова. Слѣдовательно, разсматривать значеніе этимологическаго элемента слова отдѣльно отъ его звуковой формы значитъ переносить дѣло съ реальной почвы на почву чисто умозрительную, теоритическую. Польза для науки отъ этого перенесенія весьма сомнительна. Но оно еще не грозило опасностію наукѣ, пока анализъ слова основывался на одномъ лишь историко-сравнительномъ методѣ. Въ настоящее же время, когда этимологическое сѣченіе слова нерѣдко дѣлается подъ вліяніемъ принципа абсорпціи, ученіе о значеніи словъ и ихъ составныхъ частей въ качествѣ особаго отдѣла грамматики подъ названіемъ семазіологіи грозитъ наукѣ, по нашему мнѣнію, немалымъ теоритическимъ произволомъ. Объяснимъ нашу мысль на примѣрѣ. Возьмемъ слово скѣтъ. Этимологическій анализъ, основанный на историко-сравнительномъ методѣ, дозволяетъ разложить это слово на двѣ составныя его части, изъ которыхъ первая скѣт представляетъ собою видоизмѣненіе корня скьт, соотвѣтствующаго основному kvit, и имѣетъ въ словѣ вещественное значеніе; вторая ъ представляетъ собою видоизмѣненіе звука о, соотвѣтствующаго основному *a*, и имѣетъ въ словѣ значеніе формальное. Первая—корневая часть слова, вторая—суффиксъ, посредствомъ котораго изъ корней образуются именныя основы въ ц.-слав. языкѣ. Въ первой заключается вещественное значеніе слова, во второй—формальное; слѣдовательно, на основаніи историко-сравнительнаго анализа можно вывести о значеніи ъ въ данномъ словѣ только то заключеніе, что ъ есть суффиксъ именной темы и обязанъ своимъ происхожденіемъ основному корню *a* мѣстоименнаго значенія. Совсѣмъ иное даетъ анализъ, основанный на принципѣ абсорпціи. Хотя въ данномъ случаѣ слово скѣтъ и по этому принципу разлагается на

двѣ составныя части, или, какъ нынѣ говорятъ, морфемы: 1) свѣт и 2) ъ; однако морфема ъ имѣетъ уже значеніе суффикса, поглощеннаго флексіею и потому принявшаго на себя функціи послѣдней. А такъ какъ, вслѣдствіе того же принципа абсорпціи, флексія имени обозначаетъ собою и родъ и число и падежъ; то морфема ъ сразу уже получаетъ въ семазіалогіи суффиксовъ три формальныхъ значенія: ею обозначается въ словѣ свѣтъ — именительный падежъ, мужескій родъ и единственное число, да кромѣ того еще явленіе, потому что свѣтъ—есть явленіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, учитъ аналитическая семазіологія суффиксовъ въ грамматикѣ г. Будиловича; на стр. 224, 2 мы читаемъ: „сравнивая суффиксы со стороны опредѣленности и объема ихъ значенія, мы замѣтимъ между ними большое различіе въ этомъ отношеніи". Представивъ нѣсколько суффиксовъ, имѣющихъ „довольно широкій семазіологическій объемъ", г. Будиловичъ говоритъ: „Еще разнообразнѣе число оттѣнковъ, выражаемыхъ древними вокальными суффиксами, которые позже поглощены флексіями. Такъ напримѣръ: первоначальный суффиксъ *о* обозначаетъ: производителя (съпасъ, пророкъ), часть тѣла (ръть, зѫбъ), животное (тоуръ, колъ), растеніе (дѫбъ, цвѣтъ), орудіе (лѫкъ, замъкъ), дѣйствіе (скаръ, рѫгъ), явленіе (свѣтъ), состояніе (недѫгъ), пространство (двоfъ, садъ), время (мигъ, годъ), представленія отвлеченныя (гнѣвъ, порокъ), качественныя прилагат. (зълъ, любъ, малъ) и мн. др." (стр. 224, 2). Здѣсь, очевидно, смѣшивается значеніе суффикса и съ вещественнымъ, и съ формальнымъ значеніемъ того слова, къ которому суффиксъ относится. Тѣмъ не менѣе, подобное смѣшеніе считается научнымъ опредѣленіемъ значеній суффиксовъ, или научнымъ изслѣдованіемъ качества и количества значеній по индуктивному методу, какъ это видно изъ того, что говорится въ той же грамматикѣ о способѣ образованія разнообразныхъ значеній въ одномъ и томъ же суффиксѣ, а именно: „разнообразныя значенія одного и того же суффикса могли образоваться какъ отъ естественнаго развитія первоначальныхъ семемъ, по содружеству идей и отношеній, такъ и отъ сліянія въ одномъ суффиксѣ нѣсколькихъ различныхъ. Суффиксъ, напримѣръ, т въ именеглагольныхъ и именныхъ основахъ заключалъ въ себѣ общее указаніе на производителя признака, выражаемаго корнемъ; этимъ же производителемъ могло быть лицо не только дѣйствительное (зѧть), но и воображаемое (пешть), собирательное (знать), пространственное (св-

ласть), отвлеченное (чѧсть, чьсть) и т. п. Такъ дифференцировался на различныя отношенія суффиксъ съ указательнымъ мѣстоименнымъ корнемъ. Тотъ же корень лежитъ и въ глагольной флексіи 3 л., указывающей на признакъ, возникающій въ зависимости отъ энергіи 3-го лица". (стр. 225, 3).

Отсюда, между прочимъ, видно, что главнымъ двигателемъ семазіологіи является принципъ абсорпціи.

Семазіологія основъ излагается по дедуктивному методу, то-есть, изъ общихъ теоритическихъ соображеній выводятся спачала двѣ основныя грамматическія категоріи въ языкѣ: имя и глаголъ, потомъ каждая изъ нихъ подвергается дѣленіямъ и подраздѣленіямъ путемъ тѣхъ же соображеній, и для всѣхъ выведенныхъ такимъ образомъ грамматическихъ категорій указываются въ языкѣ звуковыя формы основъ. По этому методу изслѣдованія и изложенія семазіологіи основъ оказывается, что многія грамматическія категоріи остаются невыраженными въ языкѣ, то-есть, что для нихъ въ языкѣ не находится соотвѣтствующей звуковой формы. Въ такомъ случаѣ онѣ относятся къ разряду скрытыхъ семемъ.

По тому же методу излагается и семазіологія словъ. Значеніе словъ склоняемыхъ разсматривается по категоріямъ родовъ, чиселъ и падежей;—словъ спрягаемыхъ по категоріямъ наклоненій, временъ, чиселъ и лицъ;—словъ-частицъ по категоріямъ нарѣчій, предлоговъ и союзовъ. И здѣсь оказывается также, что многія грамматическія категоріи не находятъ себѣ соотвѣтствующаго выраженія въ языкѣ; въ этомъ случаѣ онѣ также составляютъ разрядъ скрытыхъ семемъ. Отсюда — ученіе о скрытыхъ семемахъ; такъ какъ „число морфемъ славянскаго языка очень незначительно въ сравненіи съ безконечнымъ разнообразіемъ выражаемыхъ въ немъ и на немъ значеній". (стр. 280). Противъ этого мы позволимъ себѣ замѣтить, что на основаніи ученія о скрытыхъ семемахъ этимологическаго значенія представляется возможнымъ составить этимологію и для языка китайскаго. Тѣмъ не менѣе въ отдѣлѣ семазіологіи сообщается много важныхъ и необходимыхъ свѣдѣній, относящихся къ этимологіи и синтаксису языка, и всѣ они могли бы весьма удобно войдти въ содержаніе той и другой части грамматики, не нуждаясь въ особомъ ея отдѣлѣ подъ именемъ семазіологіи. Здѣсь мы оканчиваемъ наши замѣчанія.

Въ заключеніе скажемъ, что книга профессора Будиловича, не смотря на всѣ наши возраженія и замѣчанія, направленныя противъ

нея, представляетъ отрадное явленіе въ нашей филологической литературѣ. То, что̀ намъ кажется недостаточнымъ въ ней, съ избыткомъ вознаграждается многими ея достоинствами, между которыми особенно выдаются слѣдующія: богатство содержанія, стройность изложенія и самостоятельность обработки грамматическаго матеріала. Стоя по своимъ знаніямъ на высотѣ современнаго состоянія науки, авторъ изъ разнообразнаго и разсѣяннаго по разнымъ ея отраслямъ матеріала умѣлъ выбрать то, что̀ имѣетъ особенную важность въ настоящее время для грамматики церковно-славянскаго языка, переработать выбранный для нея матеріалъ сообразно съ своимъ воззрѣніемъ на предметъ и предположенною цѣлію, привести все въ стройную систему и сообщить своему изложенію сжатую научную форму. Искусно связывая теоретическія свѣдѣнія съ историческими и палеографическими, авторъ стремится воспроизвести по возможности самый образъ, такъ-сказать, церковно-славянскаго языка, представить живую характеристику его. Для этого онъ не довольствуется указаніемъ однѣхъ лишь грамматическихъ его особенностей, но обращается и къ физіологическимъ и статистическимъ даннымъ, группируя послѣднія такъ, чтобъ отличительныя черты церковно-славянскаго языка отъ другихъ родственныхъ языковъ выходили яснѣе. Оттого грамматика церковно-славянскаго языка въ книгѣ проф. Будиловича какъ бы оживляется духомъ общей идеи и согрѣвается чувствомъ научнаго интереса автора. Кто занимается славянскою филологіей, тотъ необходимо и съ пользой будетъ обращаться къ ея содержанію.

Н. Некрасовъ.

Psaltirea, publicată românesce la 1577 de diaconulŭ Coresi. Reprodusă cu unŭ studiŭ bibliograficŭ și unŭ glosarŭ comparativŭ de *B. Petricelcu-Hasdeŭ*. (Псалтырь, изданная на румынскомъ языкѣ въ 1577 г. діакономъ Кореси. Воспроизведена съ библіографическимъ очеркомъ и сравнительнымъ словаремъ *Б. Петричейку-Хышдеу*). Editiunea Academieĭ Române. Tomulŭ I. Textulŭ. Bucurescĭ. 1881.

Научное изслѣдованіе памятниковъ старинной румынской литературы началось у Румынъ сравнительно очень недавно, но въ настоящее время оно идетъ небезуспѣшно. Главнымъ труженикомъ въ этомъ дѣлѣ въ Румыніи является извѣстный г. Б. Петричейку-Хышдеу, который сталъ заниматься старинною румынскою литературой почти со времени своего вступленія на румынскую территорію и не пере-

стаетъ заниматься ею по сіе время; своими изданіями старинныхъ памятниковъ онъ, можно сказать, внушилъ Румынской академіи мысль сдѣлать изученіе ихъ одною изъ главныхъ ея задачъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить по тому, что академія предприняла рядъ изданій и изслѣдованій такихъ памятниковъ, изъ которыхъ еще предъ тѣмъ рѣшила извлекать словарный матеріалъ [1]), а именно: Псалтыри, напечатанной діакономъ Кореси въ 1577 г., текстъ которой воспроизведенъ подъ наблюденіемъ того же г. Хышдеу и недавно вышелъ въ свѣтъ,—малаго церковнаго правила, напечатаннаго въ Говорѣ въ 1640 г.,—житія святыхъ Варлаама и Іосифа, переведеннаго въ 1648 г. логоѳетомъ Удриште Настуреломъ де Ферешть, вѣроятно, съ южно-русскаго кутеинскаго изданія 1637 г. (обѣ послѣднія книги уже печатаются теперь подъ наблюденіемъ г. А. Одобеску),—риѳмованной Псалтыри Молдавскаго митрополита Досиѳея, напечатанной въ Уневѣ въ 1673 г. (приготовляется къ печати румынскимъ финансистомъ Дмитр. Стурдзою),—и наконецъ, катихизиса Кальвина, перепечатаннаго еще въ 1879 г. въ Сибіу (Германштадтѣ) подъ наблюденіемъ члена академіи Георгія Барицы съ 2-го изданія, сдѣланнаго въ 1656 г. въ Трансильваніи, по всей вѣроятности, въ Сибіу же, въ правленіе воеводы (князя) Георгія Ракочи.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе ученыхъ еще на одинъ печатный славянско-румынскій памятникъ, не менѣе важный, чѣмъ указанные выше, но на сколько я знаю, неизвѣстный въ исторіи румынской печати. Онъ хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, въ отдѣленіи славянскихъ старопечатныхъ книгъ (№ 8). Это—отрывокъ Евангелія Матѳея безъ начала и конца, состоящій изъ 109 листовъ (in fol.) или 13 полныхъ тетрадей по порядку, начиная со второй, и 5 листовъ четырнадцатой, на которой отрывокъ обрывается; слѣдовательно, въ началѣ не достаетъ одной цѣлой тетради или 8 листовъ текста; сколько же листовъ недостаетъ въ концѣ—неизвѣстно, какъ не извѣстно, заключались ли въ этомъ изданіи и другія Евангелія. Нижніе края правой стороны листовъ оборваны или обгрызены, но текстъ задѣтъ рѣдко.

На нижнемъ полѣ 7-го л. (verso) 4-й тетради сдѣлана скорописью

---

[1]) *Annalele societaţiĭ academice române* T. XI, sect. I. Buc. 1877, p. 216—219.

XVII в. слѣдующая запись въ двѣ съ половиною строки, впрочемъ сохранившаяся невполнѣ, вслѣдствіе порчи угла листа:

.....пиѡ написа сїѧ въ лѣто ҂з.р.м.п҃ а ѿ рожде
.....хв҃а .а҃.х҃.м҃. въ дн҃ї ракоцї ге
ѡргїе.

а на 8-мъ (recto) листѣ, на нижнемъ полѣ, находится продолженіе этой записи:

въ пость ст҃и ап҃ль петра и п....

Въ тетради 6-й на л. 2-мъ (recto) карандашемъ записано по румынски невездѣ ясно:

ф времѣ Ачѣа..... четьцїилор.
Захарїе Морарюл.....

Въ тетради 8-й на л. 6 (recto) румынская пасхальная записка, также карандашомъ.

Печать румынская, довольно некрасивая; по своему характеру она во многомъ сходна съ печатью Псалтыри діакона Кореси, но не вполнѣ съ нею тожественна; напримѣръ, іа отличается тѣмъ, что въ Евангеліи средняя продольная черта возвышается надъ корпусомъ буквъ, образуя сверху крючекъ, загнутый влѣво. Рубрики и надписи киноварныя. Можно предполагать, что это Евангеліе есть одна изъ первыхъ печатныхъ книгъ румынскихъ, тѣмъ болѣе, что оно представляетъ полное сходство съ древнѣйшею румынскою печатью славянскаго Четвероевангелія (той же библіотеки), вывезеннаго мною изъ Болгаріи нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Текстъ Евангенія расположенъ въ двухъ столбцахъ: въ первомъ—славянскій болгарской редакціи, а во второмъ—румынскій дословный переводъ; въ каждомъ столбцѣ по 22 строки, но иногда и меньше. Евангеліе раздѣлено на чтенія или зачала, съ означеніемъ дней чтеній. Привожу здѣсь для примѣра слѣдующее зачало:

Конєцъ срѣдѧ· четвръ	Ѻкрїнисѧ міѥркꙋрь
токь, ӡ҃. недєлѧ· зач҃· ӡ҃а·	пои, ӡ҃. дꙋмінека.
Въ врѣмѧ ѡно·	Ѫньтрачеѧ врѣмѧ·
пристѫпльше къ	ап҃ропіѧрѫсѧ кътре
і҃сꙋ оучєнници єго	і҃с оучєничїи лꙋи шъ
рѣшѧ ємꙋ. вѣсили,	гренрѫ лꙋи· аꙋціїи,
іако фарісеи слышав	къ дховничї дека аꙋ
ше слово съблазни	ѕирѫ кꙋвънть маніѧ

шася, ѻнже ѿвѣща
въ рече. всѣкъ садъ
єгоже ненасади ѿцъ
мои нбнын,
ıскоренıтса· ѡс
тавите ıхъ· вождı
сѫть слѣпıи слѣпı-
цемь. слѣпецже
слѣпца аще води
ть, ѡба въ ıама въ
падетаса· ѿвѣ
щавже петръ рече
ємѹ· скажи намъ
притча сіѫ· ıс же
рече· єщели ı вы без
разѹма єсте, неѹли
разѹмѣєте ıако въ
сѣко єже входи
ть въ ѹста, въ чрѣ
во вмѣщаєтса,
ı афедронѡ схо
дить, исходащаа
же изъ ѹсть, ѿ
срца исходать.
ı та сквернать члка·
ѿ сердца бо исхода
ть помышленіа злаа·
ѹбіиства· прѣлюбо
дѣаніа блюды· тат
бы. лъжесвѣдѣніа·
власфиміѫ. сіа
сѫть скверьнаще
члка· а єже неѹм

рсса, iaръ ель распѹн
се шъ sice. тоте прнса
деле че наѹ присадить
тать мıѹ день черь,
день радичина ва пери·
ласацıи· къ ен сѫмть
повацıа орбилорь· оу
нь орбь дека дѹче
пре алть, амъндои
антро гропа кадь·
iaръ пѫтрь рапѹнсе
шъ sice лѹи· аѹ спѹне
ноѡ пилда ачаста·
ıс sice· аѹ бои анкъ
форъ минте синтецъ,
аѹ нѹ анцелецецъ
къ тоть че антръ
ангѹра а пѫнтече
антръ шъ пре ѡ
iace, iaръ че iace
день рѡть, день
тръ нема iace
шъ ачеле спѹркъ пре
ѡ· кѫче къ день тръ
нема, есь гъндѹре ре
ле. оучисѹра· кѹркі-
а· некѹраціа· фѹртѹ
шагь· минчѹноса
марторіа· сѹдаламь·
ачесте сѫмтъ спѹр-
къ пре ѡ· iaръ кѹне
спалате мѫнѹле а
мѫнка нѹ спѹркъ пре

вѐнама рѫка́ма ѩ̈с
ти, нескврънить
ч҃лка. ї и҆зше́дь ѿ
тѫдꙋ і҃с ѿи҆де.

ѡ҆· шъ є҃ши де а҃ко́ло
і҃с шъ се дꙋсе.

Тетр. 8-я, лл. 5—6.

Псалтырь діакона Кореси принадлежитъ къ числу первыхъ по времени памятниковъ румынской литературы; она появилась въ ту пору, когда въ церкви Румынской еще господствовалъ всецѣло языкъ славянскій, но Румыны уже начинали заявлять, хотя весьма несмѣло, права своего національнаго языка въ письменности и церковной литературѣ. Румынскій текстъ этой Псалтыри составляютъ собственно румынскія глоссы къ Псалтыри славянской, писанныя не надъ строками славянскаго текста, а въ самыхъ строкахъ, всѣдъ за каждымъ стихомъ, такимъ образомъ, что сперва идетъ стихъ славянскій, а за нимъ въ той же строкѣ непосредственно слѣдуетъ стихъ румынскій, составляющій дословный переводъ славянскаго даже въ ущербъ румынскому языку. Отсюда ясно, что такой переводъ не могъ быть въ употребленіи при богослуженіи, а предназначался только для уразумѣнія славянскаго текста, такъ какъ въ то время славянскія церковныя книги понимались весьма немногими Румынами. Такой пріемъ уразумѣнія Св. Писанія достаточно извѣстенъ изъ исторіи старинныхъ литературъ, какъ западныхъ Славянъ, такъ и нѣкоторыхъ западно-европейскихъ католическихъ народовъ. Какъ сильно былъ распространенъ онъ у Румыновъ—въ настоящее время не берусь сказать. На сколько мнѣ извѣстно, менѣе извѣстенъ на западѣ Европы другой пріемъ, состоящій въ переводѣ не текста, а только устава или указаній въ требникахъ и литургіаріяхъ о томъ, когда должна читаться та или другая молитва, или ектенія, или возгласъ, и что̀ нужно дѣлать въ тотъ или иной моментъ богослуженія. По всей вѣроятности, этотъ пріемъ предшествовалъ по времени первому. Впрочемъ, въ настоящую пору трудно услѣдить начало обоихъ этихъ пріемовъ; но какъ бы то ни было, оба они представляютъ весьма важныя данныя для исторіи судебъ славянскаго языка у Румыновъ.

Когда діаконъ Кореси сдѣлалъ свой переводъ — нельзя сказать опредѣленно, тѣмъ болѣе, что о самомъ діаконѣ Кореси извѣстно весьма мало біографическихъ данныхъ. Хотя Псалтырь его была напечатана еще въ 1577 г., но въ настоящее время она болѣе извѣстна

въ рукописяхъ [1]); печатныхъ же экземпляровъ до сихъ поръ извѣстно только два, да и то неполныхъ на столько, что изъ нихъ нельзя составить даже одного совершенно полнаго. Слѣдовательно, нельзя рѣшить въ настоящее время, какъ широко была распространена эта Псалтырь у Румыновъ, и какое значеніе „она имѣла въ румынской литературѣ, развившейся впослѣдствіи.

На сколько извѣстно, Псалтырь діакона Кореси есть, можно сказать, первая печатная румынская книга [2]); но гдѣ она печатана — опредѣленно сказать нельзя [3]); предполагаютъ однако, что она могла быть напечатана въ Брашовѣ, что̀, впрочемъ, весьма мало вѣроятно [4]). Діаконъ Кореси въ послѣсловіи къ своему изданію объясняетъ только цѣль его и предназначеніе, а также указываетъ годъ изданія; между прочимъ онъ говоритъ: „Божіею милостію я, діаконъ Кореси, видя, что почти у всѣхъ народовъ есть слово Божіе на ихъ языкахъ, только у насъ, у Румыновъ, нѣтъ..... Поэтому, братія мои, пресвитеры, я написалъ вамъ эту Псалтырь съ отвѣтомъ (кѹ ѿвѣть); а перевелъ съ Псалтыри сербской на румынскій языкъ для вашего уразумѣнія и грамматикамъ. И молю васъ, братія мои, читайте и благоразсудите и на самомъ дѣлѣ увидите, что истинно. Въ лѣто 7085" (стр. 443—444). Трудно угадать, какъ велико было число напечатанныхъ экземпляровъ Псалтыри; но можно предполагать, что изданіе было очень не велико, судя по тому, что печать и бумага въ то время были недешевы, а также и потому, что до настоящаго времени извѣстны только два экземпляра, хранящіеся въ національной библіотекѣ въ Букурештѣ [5]).

Еще больше значенія имѣетъ Псалтырь діакона Кореси для исторіи румынскаго языка и литературы. Благодаря своей малодоступности, она не всегда могла служить въ достаточной мѣрѣ матеріаломъ для румынскихъ филологовъ, и тѣмъ менѣе литераторовъ, кромѣ развѣ

---

[1]) *Tocilescu*, Inscriptiunele de la schitul Vĕrbila. Bucurescĭ. 1878, p. 18, n. 1.

[2]) Есть документальныя данныя, изъ которыхъ видно, что въ 1546 г. въ *Сибіу* (*Telegrafulŭ românŭ*, 1880, № 23), а въ 1560 г. въ Брашовѣ (*Hăsdeŭ*, Кѹвенте ден бътрънi, t. 2, p. 91—95; *Bariti*, Catechismulŭ calvinescŭ, p. 96) напечатано было по катехизису, но ни одного экземпляра ихъ до настоящаго времени не извѣстно.

[3]) Ср. *Columna lŭi Traian*, I, 1876, p. 194—195.

[4]) Ibid., p. 194.

[5]) *Tocilescu*, Inscriptiunele de la schitul Vĕrbila, p. 18, n. 1.

избранныхъ счастливцевъ. Первое изъ этихъ неудобствъ теперь, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени устранено послѣ переизданія Румынскою академіей текста Псалтыри. Текстъ только румынскій изданъ кириллицей съ сохраненіемъ правописанія и всѣхъ знаковъ, кромѣ инициіаловъ, и порядка распредѣленія строкъ на страницѣ, почти весь на основаніи извѣстныхъ двухъ экземпляровъ изданія 1577 г., съ латинскою транскрипціей, подъ чертой, занимающею вторую половину страницы. Послѣ печатнаго текста приложены 33 листа и 66 страницъ факсимилированныхъ (не всегда впрочемъ удачно) снимковъ съ изданія 1577 г., какъ образцы печати XVI в. и для указанія отношеній румынскаго перевода къ славянскому подлиннику. По моему разумѣнію, послѣдняя цѣль достигнута не вполнѣ; цѣлесообразнѣе было бы для него переиздать текстъ вполнѣ по изданію 1577 г., и такимъ образомъ онъ сдѣлался бы доступнымъ и славистамъ, интересующимся судьбами славянскаго языка и литературы у Румыновъ; впрочемъ, и для послѣднихъ эти вопросы имѣютъ не меньшую важность. Въ виду этого академическое изданіе Псалтыри не можетъ удовлетворить вполнѣ научнымъ требованіямъ даже и историка румынской литературы. Вообще нужно сожалѣть, что различныя обстоятельства, а главнымъ образомъ состояніе научнаго дѣла у Румыновъ, не позволяютъ имъ до настоящаго времени, за немногими исключеніями, обращать должное вниманіе на славяновѣдѣніе и его значеніе для ихъ старины, литературной по преимуществу. Нужно отъ всей души желать скорѣйшаго осуществленія мысли бывшаго румынскаго министра народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій I. Кицу объ открытіи славянской каѳедры въ Букурештскомъ университетѣ.

Впрочемъ, указанные недостатки нынѣшняго переизданія Псалтыри діакона Кореси будутъ до нѣкоторой степени устранены изслѣдованіемъ объ этомъ памятникѣ, которое готовитъ г. Хышдеу. Изслѣдованіе это будетъ заключать въ себѣ біографическій, а главнымъ образомъ библіографическій очеркъ о діаконѣ Кореси и его литературныхъ трудахъ, а также сравнительный глоссарій, данныя для котораго г. Хышдеу извлекаетъ изъ румынскихъ Псалтырей, печатныхъ и рукописныхъ, XVI и XVII вѣковъ. Это изслѣдованіе составитъ второй, дополнительный томъ къ Псалтыри діакона Кореси. Имя г. Хышдеу вполнѣ ручается за достоинство его труда: нужно желать только скорѣйшаго его выхода въ свѣтъ.

Полихроній Сырку.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СЪѢЗДЪ ГЕРМАНСКИХЪ ФИЛОЛОГОВЪ И ПЕДАГОГОВЪ ВЪ КАРЛСРУЭ ВЪ 1882 ГОДУ.

Въ сентябрѣ прошлаго 1882 года состоялся въ Карлсруэ 36-й съѣздъ германскихъ филологовъ и педагоговъ. Съѣзды эти, организованные въ концѣ 40-хъ годовъ, происходятъ въ Германіи ежегодно, въ вакаціонное время, при чемъ города, въ которыхъ они собираются, чередуются въ извѣстномъ порядкѣ. Съ каждымъ годомъ съѣзды эти, имѣющіе уже свою исторію, дѣлаются многочисленнѣе, и содержаніе сообщаемыхъ на нихъ рефератовъ разнообразнѣе и многостороннѣе: лучшее доказательство того интереса, который ими возбуждается.

Въ настоящемъ обзорѣ [1]) мы постараемся дать нѣкоторое понятіе о главнѣйшихъ рефератахъ, читавшихся на 36-мъ съѣздѣ, и думаемъ, что это будетъ не безынтересно для русскихъ педагоговъ нѣкоторыми указаніями на то, какіе вопросы интересуютъ ихъ нѣмецкихъ собратій, и какъ они ими рѣшаются.

Опуская, какъ менѣе любопытныя, подробности открытія съѣзда, перейдемъ прямо къ изложенію важнѣйшихъ изъ читанныхъ на немъ рефератовъ. Рядъ ихъ открылся чтеніемъ директора Генте (Genthe): „Объ отношеніяхъ Грековъ и Римлянъ къ Балтійскому побережью“. Генте извѣстенъ въ наукѣ древностей многочисленными изслѣдованіями, изъ которыхъ, по темѣ, ближайшее отношеніе къ настоящему его реферату имѣетъ монографія о мѣновой торговлѣ

[1]) При составленіи этого обзора мы руководились отчетомъ Бекеля (Böckel) въ *Zeitschrift für das Gymnasial-Wesen*, 1883, I, II, и протоколами, помѣщенными въ *Philologische Wochenschrift*, 1882 № 41 и сл.

Этрусковъ. — [1]) Начавъ съ того, что наши свѣдѣнія о древнѣйшей исторіи сѣверной Европы, за недостаткомъ точныхъ данныхъ и опредѣленныхъ указаній, весьма неудовлетворительны, референтъ тѣмъ не менѣе доказалъ, что въ то время, какъ Греція праздновала Олимпійскія игры, и Римъ основывалъ свое всемірное могущество, на сѣверѣ Европы жили народы, имѣвшіе сношеніе съ югомъ, вслѣдствіе чего теперь нѣтъ необходимости начинать, какъ это дѣлали прежде, германскую исторію съ появленія Кимвровъ и Тевтоновъ, но можно указать данныя для нея и изъ времени болѣе ранняго. Доказательства свои черпалъ Генте преимущественно, если не исключительно, изъ такъ-называемыхъ „доисторическихъ" розысканій, и при этомъ старался выяснить ихъ важность и необходимость для филологіи. Упомянувъ о трудахъ Мюлленгофа, Садовскаго (Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das flussgebiet der Oder, Weichsel, des Dniepr und Niemen an die Gestade des baltischen Meeres, aus dem Polnischen von A. Kohn, Iena 1877), Виберга (der Einfluss der klassichen Völker auf den Norden durch den Handelsverkehr, übers v. Mestorf 1867) и др., онъ указалъ на то, какъ важны въ настоящее время собираніе, распредѣленіе и классификація „доисторическаго" матеріала, и на ту роль, которую играютъ въ немъ преимущественно издѣлія изъ бронзы. Такъ, Генте отмѣтилъ тожество бронзовыхъ вещей, найденныхъ на сѣверѣ, съ предметами, найденными въ Галльштадѣ (въ Австріи) и въ Болоньѣ, чтó служитъ указаніемъ на путь, которымъ шли работы одной и той же мѣстности; упомянулъ онъ и о двухъ наконечникахъ копій, изъ которыхъ одинъ былъ найденъ въ Волыни, другой близъ Мюнксберга, и которые до того сходны между собою, что представляются произведеніемъ одной фабрики. Генте думаетъ, что эти наконечники принадлежатъ Готамъ и потеряны ими во время ихъ перехода отъ Вислы къ Черному морю.

До находокъ второй половины нынѣшняго столѣтія ученые, занимавшіеся вопросомъ объ отношеніяхъ древнихъ классическихъ народовъ къ сѣверу Европы, строили свои заключенія главнымъ образомъ на двухъ фактахъ: вопервыхъ, на знаменитыхъ прильвицкихъ древностяхъ, найденныхъ въ концѣ XVII в. въ Мекленбургъ-Стрелицѣ и относимыхъ къ святилищу Оботритовъ на Ретрѣ, съ греческими надписями на нѣкоторыхъ изъ этихъ антиковъ, и во вторыхъ, на гробницѣ близъ Колтцена въ Лифляндіи, также съ гре-

[1]) Ueber den Etruskischen Tauschhandel nach dem Norden. Heilbronn. 1874.

ческою надписью и греческими монетами. Но оба эти основанія для выводовъ ученыхъ прежняго времени оказываются построенными на пескѣ, такъ какъ самые предметы прильвицкіе и колтценскіе суть произведенія новѣйшія, поддѣланныя. Тѣмъ важнѣе несомнѣнно подлинныя находки новѣйшаго времени: возлѣ Дрейманнсдорфа въ Лифляндіи, близъ Дерпта и въ другихъ окрестныхъ мѣстностяхъ были найдены аѳинскія, родосскія, киренскія монеты; на Готландѣ найдена бронзовая панормитанская (палермская) монета, близъ Гузума—монета Филиппа Арридея; возлѣ Копенгагена фаянсовая чаша съ надписью Εὐτυχῶς, а близъ Выборга (въ Даніи) сосудъ также съ греческою надписью. Важно и любопытно то обстоятельство, что число предметовъ классической цивилизаціи идетъ въ умаляющейся прогрессіи по мѣрѣ приближенія къ западной части Балтійскаго моря. Это обстоятельство само по себѣ можетъ навести на мысль, что сношенія классическихъ народовъ съ сѣверомъ происходили сухимъ путемъ, а не моремъ. На это же указываетъ и извѣстный разказъ о поѣздкѣ Массаліота Пиѳеи (Pytheas, 325 до Р. Х.) на корабляхъ въ Нѣмецкое море, стоящій совершенно одинокимъ и казавшійся Полибію и Страбону до того невѣроятнымъ, что они считали его выдумкой.

Указанія на внутреннія, сухопутныя сношенія Грековъ съ балтійскимъ побережьемъ подтверждаются рядомъ другихъ находокъ, которыя позволяютъ прослѣдить и путь, какимъ онѣ происходили: такъ, близъ Гнѣзна найдены македонскія монеты, близъ Эльса въ Силезіи (Oels), золотой статеръ Александра Великаго, въ Моравіи монеты Аполлоніи, Диррахія Ѳасоса, въ Венгріи и Сербіи золотыя македонскія; затѣмъ, въ самой Германіи находимы были древнія монеты: такъ, въ провинціи Познанской найдены древне-аѳинскія монеты съ горгонейономъ и quadratum incusum, въ Бромберскомъ округѣ былъ открытъ цѣлый ихъ кладъ, при чемъ самая поздняя монета относится къ 358 до Р. Х.

Изъ этихъ и имъ подобныхъ данныхъ опредѣляется приблизительно торговый путь, лежавшій „изъ Варягъ въ Греки“; онъ идетъ по пространству между Одеромъ и Вислой къ Дунаю, а затѣмъ внизъ по этой рѣкѣ и вверхъ по Моравѣ къ Халкидикѣ, къ Ѳессалоникѣ, Амфиполю, Аполлоніи и Македонскому Неаполю, затѣмъ къ Ѳасосу и Ѳракійскому Херсонису. Существованіе торговаго пути по Днѣпру, Березинѣ и Двинѣ Генте отвергаетъ категорически, опираясь главнымъ образомъ на томъ, что уже близъ Кіева прекращаются находки

греческихъ издѣлій. Сомнительнымъ представляется референту существованіе пути по Днѣпру, Припети, Шарѣ и Нѣману, но за то онъ предполагаетъ торговый путь по Днѣпру, Бугу, Нареву до Вислы, по пути этому въ его южной части ходили караваны греческіе, по сѣверной—скиѳскіе. Этотъ путь снабжалъ сѣверъ Европы солью, добывавшеюся изъ черноморскихъ лимановъ; этимъ путемъ ознакомились Греки съ янтаремъ, который является исключительно въ ископаемой формѣ, и копи котораго существовали и существуютъ на берегахъ Нарева..

Доказавъ, что Греки не знали морскаго пути въ Балтійскій бассейнъ, референтъ утверждалъ то же и о Римлянахъ, отмѣтивъ, на основаніи находокъ, распространенность сношеній сѣвера Европы съ Италіей и то сильное вліяніе, которое оказывала послѣдняя на первый. Находки предметовъ римской фабрикаціи встрѣчаются массами по всему балтійскому побережью, вплоть до Даніи, Швеціи и Норвегіи. При этомъ замѣчательно то обстоятельство, что многіе изъ находимыхъ предметовъ оказываются не ввозными, а фабрикованными на мѣстѣ по римскимъ образцамъ. Этотъ фактъ повелъ нѣкоторыхъ ученыхъ къ предположенію, что Римляне на сѣверѣ значительно содѣйствовали переходу цивилизаціи туземцевъ отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному. Въ византійскій періодъ торговыя сношенія сѣвера съ югомъ значительно ослабѣли и снова ожили въ VIII—X вв., благодаря Арабамъ.

Рефератъ Гентс, затрогивая многіе, весьма важные въ историко-культурномъ отношеніи вопросы, естественно, не свободенъ отъ недостатковъ, главнымъ изъ которыхъ является смѣлость предположеній: многія изъ нихъ основываются на единичныхъ фактахъ или на отсутствіи данныхъ того или другаго рода. Къ такимъ, не въ мѣру смѣлымъ предположеніямъ и выводамъ слѣдуетъ отнести категорическое отрицаніе торговаго пути по Днѣпру, Березинѣ и Двинѣ, предположеніе относительно подробностей торговли янтаремъ (можемъ указать читателямъ на вышедшую недавно прекрасную монографію, которая посвящена исключительно разсмотрѣнію вопроса о знакомствѣ древнихъ съ янтаремъ Вальдмана: Der Bernstein im Alterthum. Eine historisch-philologische Skizze. Fellin, 1883) и т. д.

Слѣдующій рефератъ профессора Штудемунда былъ посвященъ разбору вопроса „о двухъ параллельныхъ комедіяхъ Дифила, послужившихъ оригиналами для двухъ комедій Плавта“. Разъяснивъ одну отличительную черту въ характерѣ новой аттической ко-

медіи, черту, которая состояла въ томъ, что комедія эта была бѣдна интригою, такъ какъ вращалась исключительно въ сферѣ частной жизни, референтъ остановился на томъ фактѣ, что нѣкоторыя пьесы этой комедіи представляютъ между собою разительное сходство въ мотивахъ, разнствуя только въ отдѣльныхъ частностяхъ діалога и подробностяхъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Для иллюстраціи этого факта, имѣющаго большое значеніе въ общей характеристикѣ новой комедіи, Штудемундъ выбралъ двѣ піесы Плавта, комедіи котораго хотя и не могутъ вполнѣ замѣнить утраченные греческіе оригиналы, однако даютъ понятіе объ ихъ общихъ характеристическихъ чертахъ. Эти піесы суть: Rudens и Vidularia; онѣ представляютъ до того близкое сходство въ общемъ ходѣ содержанія, что уже a priori можно предположить о принадлежности оригиналовъ этихъ комедій одному греческому писателю и разсматривать ихъ, какъ піесы параллельныя. Относительно Rudens мы имѣемъ категорическое заявленіе самого Плавта о томъ, что оригиналомъ для него послужила комедія Дифила (prolog. 22. primumdum huic esse nomen urbi Diphilus Cyrenas voluit), заглавіе которой мы однако не знаемъ. Выше отмѣченное сходство Vidularia съ Rudens наводитъ на мысль о томъ, что и для Vidularia оригиналомъ послужила піеса того же Дифила. Какъ извѣстно, Vidularia сохранилась въ отрывкахъ, главная часть которыхъ находится въ Амброзіанскомъ палимпсестѣ; эта рукопись сохранила, между прочимъ, и отрывки пролога. Штудемундъ, извѣстный въ критикѣ Плавта своею колляціей палимпсеста, по точности и полнотѣ превосходящей всѣ другія, воспользовался ею для провѣрки своего апріорнаго вывода относительно оригинала Vidularia. Въ строкахъ 7 и 8 палимпсеста читаются слѣдующія буквы:

Sc. edi.... uo.... g. ae.... o....
oetahanosterf... u.... m,

которыя Штудемундъ дополняетъ такимъ образомъ:

sc(h)edi(a haec)uo(catast a)G(r)ae(co com)o(edia)
(p)oeta ha(nc)noster f(ecit V(idularia)m

и извлекаетъ заглавіе греческаго оригинала Σχεδία. Изъ одного извѣстія, сохраненнаго намъ позднѣйшими греческими грамматиками, мы знаемъ, что именно такъ называлась одна комедія Дифила. Вся аргументація и выводы Штудемунда до того убѣдительны и вѣроятны, что, какъ кажется, займутъ въ исторіи литературы подобающее имъ мѣсто на ряду съ положительными данными. А поставлен-

ный референтомъ вопросъ имѣетъ большое значеніе для ближайшей характеристики авторскихъ пріемовъ Дифила, котораго сама древность считала соперникомъ Менандра и Филемона.

Передавать, хотя бы и вкратцѣ, содержаніе реферата профессора Эрн. Курціуса „о раскопкахъ въ Олимпіи" представляется неудобнымъ, частію потому, что онъ по богатству сообщенныхъ въ немъ данныхъ требовалъ бы дословнаго перевода и не былъ бы памятенъ безъ плана описываемой мѣстности, частію же потому, что съ общими результатами Олимпійскихъ раскопокъ читатели Журнала Мин. Нар. Пр. уже знакомы изъ помѣщенной въ немъ статьи д-ра Шульце.

Слѣдующій за симъ рефератъ принадлежалъ директору Геттнеру (Hettner) и имѣлъ содержаніемъ вопросъ „о культурѣ Галліи и Германіи въ періодъ римскаго владычества". Въ область реферата включены были только такъ называемая Gallia Belgica и тѣ части Германіи, которыя, прилегая къ лѣвому берегу Рейна, извѣстны были подъ названіемъ „верхней" и „нижней" Германіи. Вліяніе романизаціи на Германію было несравненно сильнѣе, чѣмъ на Бельгію, и задача референта состояла въ указаніи причинъ этой разницы. Бельгія была заселена мирными римскими гражданами, Германія—римскимъ войскомъ; онѣ даже не считались провинціями, а военными округами, и управлялись поэтому полководцами. Галлія уже вскорѣ послѣ походовъ Цезаря была страною совершенно умиренною, тогда какъ Германія вплоть до Константина Великаго разсматривалась, какъ военная граница, охраняемая многочисленною римскою арміей: уже при Августѣ основаны были, въ качествѣ центральныхъ военныхъ пунктовъ, Кельнъ (Colonia Agrippina) и Майнцъ (Mogontiacum), и начиная отсюда, вплоть до Ксантена (Castra Vetera) тянулась длинная и непрерывная цѣпь военныхъ укрѣпленій, образовавшихъ кордонную линію, на которой стояло до 90,000 римскаго войска. Поэтому совершенно естественно, что такая масса должна была оказать сильное вліяніе на туземное населеніе страны и мало по малу сливаться съ нимъ, въ особенности при посредствѣ такъ-называемыхъ canabae или поселеній, образовывавшихся возлѣ постоянныхъ квартиръ (castra stativa) римскихъ легіоновъ. Силѣ пришлаго элемента способствовало въ значительной степени то обстоятельство, что въ составъ обѣихъ германскихъ армій входили преимущественно уроженцы сѣверной Италіи, люди сильнаго закала, обладавшіе большою энергіей. Туземцы не оказывали сильнаго противодѣйствія этому

вліянію: Неметы и Трибоки остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ жительства единственно по милости Цезаря; смѣшанное населеніе agri decumates также было обязано Римлянамъ тѣмъ, что мирно жило въ отведенной имъ области; Убіи, которымъ Римляне предоставили часть земли Треверовъ, были издавна расположены къ римской политикѣ и образованности.

Не такъ сильна и глубока была романизація Бельгіи: не смотря на присутствіе въ этой провинціи многочисленнаго римскаго чиновнаго персонала, въ ней не было такой массы италійскаго населенія, какую замѣчаемъ въ Германіяхъ; поэтому, не смотря на то, что латинскій языкъ былъ въ ней языкомъ оффиціальнымъ, онъ не могъ до такой степени вытѣснить туземный говоръ, какъ это видимъ въ Германіяхъ: еще въ IV вѣкѣ, по заявленію блаж. Іеронима, въ Трирѣ Бельги говорили языкомъ, походившимъ на языкъ малоазійскихъ Галатовъ, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, не латинскимъ. И тогда какъ въ Германіяхъ уже въ I вѣкѣ замѣчается преобладаніе римскихъ божествъ (къ которымъ слѣдуетъ причислить Миѳру, Изиду и т. под.), въ Бельгіи замѣчаются гораздо явственнѣйшіе слѣды существованія мѣстныхъ религіозныхъ культовъ. Своеобразность удерживается даже въ римско-бельгійской ономатологіи: nomen gentis не переходитъ тамъ, по римскому обычаю, отъ отца къ сыну, но gentilicium сына образуется изъ cognomen отца.

Для знакомства со степенью романизаціи обѣихъ провинцій особенно интересны надгробные памятники. Находимые въ Германіи представляютъ весьма много сходства съ италійскими: и на нихъ мы видимъ изображеніе погребеннаго, большею частію, воина, въ его полномъ вооруженіи, всадника, ведущаго подъ уздцы свою лошадь, побѣдителя, наступающаго на пораженнаго врага, частнаго человѣка, сидящаго за обычною трапезой. При этомъ характернымъ является то обстоятельство, что даже природные Германцы изображаются на своихъ надгробіяхъ одѣтыми въ національный италійскій костюмъ— тогу. Все это даетъ весьма ясныя указанія на то, что германскіе каменотесы работали подъ сильнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ римскихъ оригиналовъ.

Совершенно иное замѣчаемъ мы на надгробіяхъ бельгійскихъ: они представляются то полукруглыми, то похожими на бочку, то пирамидальными; всѣ они имѣютъ значительную вышину, при чемъ характеристическими ихъ признаками оказываются крыша въ видѣ чешуекъ и присутствіе пилястровъ. Изображенія умершихъ являются

обыкновенно въ видѣ портретовъ въ національномъ бельгійскомъ костюмѣ—sagum. Этотъ костюмъ, употреблявшійся также и Германцами, представлялъ длинную, спускавшуюся до пятъ одежду, съ широкими рукавами, приготовлявшуюся изъ пестрой клѣтчатой или полосатой матеріи; она надѣвалась обыкновенно черезъ отверстіе, оставлявшееся для головы, и на спинѣ имѣла капюшонъ. Подъ этимъ sagum носили рубашку, имѣвшую сходство съ туникой, и шею повязывали платкомъ. Подобенъ мужскому былъ и женскій костюмъ: своеобразными являются чулки, въ которыхъ, какъ въ нашихъ рукавицахъ, отводилось особое мѣсто для большаго пальца.

Всѣ эти модификаціи римскаго костюма обусловливаются различіемъ климата; оно не могло остаться безъ вліянія и на устройство жилищъ, хотя относительно ихъ мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній: до сихъ поръ мы не имѣемъ понятія о городскомъ германскомъ домѣ и ограничиваемся исключительно знакомствомъ съ виллами одно изъ нихъ, болѣе скромныя, имѣютъ форму квадрата, въ центрѣ котораго находится, подобно атріуму римскаго дома, жилище хозяина; другія, болѣе богатыя, нерѣдко имѣютъ нѣчто въ родѣ веранды на южной сторонѣ и распланированы съ бо̀льшимъ разнообразіемъ. Крыши кроются совершенно по римскому образцу, полы нерѣдко украшаются мозаикой, а стѣны—живописью, которая, въ общемъ, имѣетъ немало сходства съ помпеянскою. Большинство домовъ имѣетъ окна со стеклами и приспособленіе для топки, при чемъ тепло сообщается обыкновенно съ низу. Интересна та подробность, что въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ одна часть пола нагрѣвалась, а другая нѣтъ, для того, тобы, на случай нужды, можно было держать ноги въ болѣе холодной температурѣ. Въ заключеніе своего реферата Геттнеръ сообщилъ любопытныя подробности относительно галло-германскаго скотоводства и сельскаго хозяйства. Вплоть до половины III столѣтія мы замѣчаемъ прогрессивный ростъ этой галло-германской культуры; съ потерею Римлянами agri decumates и съ завоеваніями Германцевъ начинается ея паденіе; при этомъ въ Gallia belgica, долгое время служившей резиденціей Римскихъ цезарей, оно шло несравненно медленнѣе, чѣмъ въ собственной Германіи.

Любопытный рефератъ Геттнера, переданный нами съ возможною полнотою, заслуживаетъ особеннаго вниманія историковъ культуры и служитъ прекраснымъ дополненіемъ книгѣ Юнга: „Die romanischen Landschaften des romischen Reiches, Innsbruck, 1881", къ которой мы отсылаемъ читателя, желающаго ознакомиться вообще

съ ходомъ романизаціи въ различныхъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ Римской имперіи.

Переходимъ къ реферату проф. Бекеля (Boeckel), посвященному воспоминанію объ извѣстномъ Цюрихскомъ профессорѣ-филологѣ-Германѣ Кехли (Köchly). Воспоминаніе это было тѣмъ болѣе умѣстно, что Кехли принималъ весьма дѣятельное участіе въ предшествующихъ съѣздахъ филологовъ и весьма много содѣйствовалъ ихъ оживленію и популяризаціи. Референтъ, оставивъ въ сторонѣ дѣятельность Кехли, какъ филолога, остановился исключительно на оцѣнкѣ его заслугъ, какъ педагога, которымъ онъ былъ въ теченіе всей своей ученой дѣятельности: подобно стариннымъ гуманистамъ, онъ не считалъ возможнымъ работать исключительно въ тиши кабинета и чувствовалъ себя въ своей сферѣ только среди учениковъ или собратій по оружію.

Въ учено-педагогической дѣятельности Кехли референтъ отмѣтилъ три направленія: критико-филологическое, развившееся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Готфрида Германна, тонкое эстетическое пониманіе, возникшее вслѣдствіе пребыванія въ Дрезденѣ и Цюрихѣ и окрѣпшее чрезъ основательное изученіе великихъ національныхъ поэтовъ, и направленіе политико-историческое, не только обусловливавшее собою его пониманіе греческой и римской литературъ, но и оказывавшее несомнѣнное вліяніе на его дѣятельность.

Съ особенною подробностью остановился референтъ на характеристикѣ лекцій Кехли и его занятій въ филологической семинаріи. Изъ писателей, которые имъ объяснялись съ каѳедры, выбиралъ онъ преимущественно такихъ, которые давали обильный матеріалъ для реальнаго объясненія, и въ особенности историковъ и ораторовъ, при чемъ его объясненія пріобрѣтали необычную жизненность вслѣдствіе того, что онъ съ увлеченіемъ высказывалъ при объясненіи свои политическія симпатіи и антипатіи, жилъ одною жизнью съ своими любимцами, страдалъ и радовался съ ними. Изъ поэтовъ онъ преимущественно объяснялъ Гомера, при чемъ во взглядѣ на составъ Гомеровыхъ поэмъ раздѣлялъ мнѣніе Лахманна объ отдѣльныхъ рапсодіяхъ и подвергалъ каждую изъ нихъ тонкому и обстоятельному эстетическому анализу. Сверхъ толкованія авторовъ, Кехли излагалъ и отдѣльныя дисциплины, входящія въ составъ классической филологіи, преимущественно древнюю исторію и исторію классическихъ литературъ. Чтенія его стояли на высотѣ современной разработки того или другаго отдѣла или вопроса и отличались рѣдкимъ изяще-

ствомъ изложенія, которое у него было всегда непосредственнымъ и нерѣдко проникалось чувствомъ и одушевлялось паѳосомъ.

Въ руководствѣ филологическою семинаріей Кехли былъ необычайно дѣятеленъ и оставилъ благодарную о себѣ память въ своихъ ученикахъ. Онъ требовалъ отъ нихъ возможно бо̀льшаго знакомства съ древними авторами и внимательнаго изученія капитальнѣйшихъ произведеній новой науки, каковы Prolegomena Вольфа, Аристархъ Лерса и др. Онъ имѣлъ въ виду постоянно общее, цѣлое и къ частностямъ конъектуральной критики относился, какъ къ вещамъ второстепеннымъ, хотя самъ, въ своей ученой дѣятельности, представилъ не мало исправленій отдѣльныхъ мѣстъ древнихъ авторовъ черезъ конъектуру. Особенностью семинаріи Кехли были упражненія семинаристовъ, приспособленныя къ потребностямъ средней школы и состоявшія въ объясненіи какого-нибудь древняго автора изъ числа читаемыхъ въ гимназіяхъ. Обыкновенно дѣлалось такъ, что одинъ и тотъ же писатель и разбирался на упражненіяхъ перваго рода, и служилъ темой для только что упомянутыхъ практическихъ занятій. Этимъ достигалась та выгода, что, сверхъ ознакомленія съ многими пріемами преподавательской техники, семинаристы пріучались основывать школьную разработку древняго автора на строго научной почвѣ; Кехли постоянно оставался вѣренъ тому убѣжденію, что въ идеальномъ преподаваніи должны идти рука объ руку и самостоятельная, научная работа, и практическое ея приложеніе, что объясненіе даже самого легкаго древняго автора должно основываться на методической критикѣ и экзегезѣ, и что это объясненіе, ограничиваясь существенно необходимымъ для школы и исходя изъ отчетливо-грамматическаго и наглядно-реальнаго толкованія частностей, должно простираться на пониманіе цѣлаго по его формѣ и содержанію. Благодаря преимущественно этимъ практическимъ занятіямъ, ученики Кехли выносили изъ его школы симпатію къ своей будущей преподавательской дѣятельности и стремленіе къ самостоятельному занятію наукой.

Характеристика педагогической дѣятельности Кехли, представленная Бекелемъ, служитъ прекраснымъ дополненіемъ краткой его біографіи, вышедшей изъ подъ пера его товарища по Цюрихскому университету А. Гуга (Arn. Hug. Hermann Köchly. Basel, 1878).

Опуская менѣе интересные рефераты: Коха — „объ отношеніи англійской литературы къ нѣмецкой въ XVIII вѣкѣ“ и Циглера (Ziegler) — „о возникновеніи Александрійской философіи“, пере-

ходимъ къ чтенію Солтау (Soltau): „о происхожденіи ценза и цензуры въ Римѣ". Референтъ извѣстенъ своимъ объемистымъ трудомъ о возникновеніи и образованіи древне-римскихъ народныхъ собраній [1]), встрѣченнымъ наукой нѣсколько холодно и недовѣрчиво: съ одной стороны, большая эрудиція автора, его начитанность въ древнихъ источникахъ и новыхъ пособіяхъ, его несомнѣнная способность къ историческимъ комбинаціямъ и выводамъ, производятъ на читателя пріятное впечатлѣніе и подкупаютъ его въ пользу автора, но съ другой стороны, крайняя смѣлость и односторонность взглядовъ, своеобразное отношеніе къ древнимъ источникамъ, сводящееся главнымъ образомъ къ отрицанію сообщаемыхъ ими извѣстій, крайній субъективизмъ, и вслѣдствіе того, парадоксальность взглядовъ и выводовъ не могутъ не умалить вышеупомянутыхъ достоинствъ и дѣлаютъ книгу Солтау скорѣе произведеніемъ ученой фантазіи, чѣмъ строго-методическимъ изслѣдованіемъ. Тѣмъ не менѣе, игнорировать ее не возможно, такъ какъ рядомъ съ учеными галлюцинаціями въ ней находится много мѣткихъ замѣчаній и остроумныхъ комбинацій. Все вышесказанное вполнѣ приложимо и къ реферату Солтау, реферату, который представляетъ дальнѣйшее развитіе нѣкоторыхъ положеній, выставленныхъ въ вышеупомянутой книгѣ.

Въ ней авторъ, между прочимъ, старался обосновать предположеніе о томъ, что Сервій Туллій не ввелъ центуріатскихъ комицій, что его реформа относится исключительно къ организаціи военной, и что государственное значеніе пріобрѣли центуріи не ранѣе начала республики. Точно также ко времени болѣе позднему, чѣмъ Сервій, относится и финансовое значеніе центуріатскаго устройства: при Сервіѣ, по мнѣнію Солтау, не было взноса tributum, которое является только послѣ времени децемвировъ. Выводомъ изъ этихъ положеній является то, что цензъ, какъ періодически повторяющаяся оцѣнка имущества отдѣльнаго гражданина, образованіе центуріатскихъ комицій, lustrum не могутъ быть возведены со времени Сервія: цензъ не былъ раньше цензуры, слѣдовательно, явился послѣ децемвировъ. Отсюда является вопросъ: что же во время децемвирата привело къ мысли о необходимости періодически повторяющейся оцѣнки къ четырехлѣтнему бюджету? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по мнѣнію референта, возможенъ лишь тогда, когда будетъ опредѣлена первоначальная компетенція

[1]) Ueber Entstehung und Zusammensetzung der altrömischen Volksversammlungen. Berlin. 1881.

цензуры. По мнѣнію Солтау, она была первоначально magistratus minor, ибо цензоры не имѣли многихъ правъ, принадлежавшихъ magistratus maiores, какъ напримѣръ, права созыванія сената, права кооптаціи, права имѣть ликторовъ; затѣмъ цензоры по своему значенію стоятъ ниже претора и magister equitum и пріобрѣтаютъ нѣкоторыя высшія права только впослѣдствіи. Далѣе, три изъ самыхъ важныхъ сторонъ цензорской компетенціи были приданы имъ много времени спустя послѣ децемвирата, именно: lectio senatus, recognitio equitum и censura morum.

Но и при такомъ взглядѣ на цензуру въ ея положеніи и компетенціи остается много загадочнаго: Какимъ образомъ, напримѣръ, могли цензоры созывать exercitus на Марсово поле для отобранія показаній, необходимыхъ для ценза? Какимъ образомъ чиновники, не имѣвшіе ни военнаго ни юрдикціоннаго imperium, могли предлагать legem centuriatam de imperio?

Разрѣшенію этихъ недоумѣній способствуетъ, по мнѣнію референта, Ливій, говорящій въ IV, 22: ibique primum census populi est actus, и слѣдовательно, указывающій на то, что по взгляду анналистовъ, lustratio на Марсовомъ полѣ имѣло мѣсто впервые лишь съ 434 г. до Р. Хр, Вѣроятно, что одновременно съ этимъ расширеніемъ объема цензорской власти произошло и ограниченіе срока этой магистратуры съ 4 на 1$^1/_2$ года.

Такою аргументаціей Солтау считаетъ устраненнымъ то господствующее до сихъ поръ убѣжденіе, будто народный цензъ предполагалъ предварительно военный парадъ на Марсовомъ полѣ, и признаетъ за первоначальною цензурой исключительно финансовый характеръ. Относительно времени ея возникновенія онъ не соглашается съ преданіемъ анналистовъ, будто возникновеніе это относится къ 443 г. до Р. Хр. Напротивъ, онъ считаетъ весьма вѣроятнымъ, что какъ разъ во время децемвировъ римское финансовое управленіе подвергалось коренному преобразованію по образцу аттическаго финансоваго управленія, въ виду того, что по предложенію референта, вліяніе Аѳинъ въ то время сказалось и на другихъ сторонахъ римскаго государственнаго строя. Сходство между римскимъ и аѳинскимъ финансовымъ управленіемъ Солтау видитъ, между прочимъ, въ общихъ началахъ этого управленія, въ способѣ взиманія податей и въ опредѣленіи обложенія ими. Такъ, онъ указываетъ, что какъ въ Римѣ, такъ и въ Аѳинахъ, всѣ нити управленія финансами сходятся въ совѣтѣ (resp. сенатѣ), завѣдываніе казначействомъ

строго отдѣлено отъ составленія бюджета и отъ отдачи на откупъ сбора податей. Четырехлѣтній бюджетный періодъ въ Римѣ заимствованъ, по мнѣнію референта, непосредственно изъ Аѳинъ.

Такимъ образомъ, посланное въ 454 г. до Р. Хр. въ Аѳины римское посольство обратило вниманіе не столько на частноправовые законы аѳинскіе, сколько на тамошнее финансовое управленіе, и нашло въ немъ такой образчикъ, по которому могло быть реорганизовано оно и въ Римѣ.

Всѣ вышеизложенные и вышеупомянутые рефераты читались въ общихъ собраніяхъ съѣзда; но, сверхъ нихъ, его члены раздѣлились на отдѣленія, въ которыхъ также происходили чтенія, и по поводу ихъ, пренія. Отдѣленія были: педагогическое, восточное, романо-германское, археологическое, филологическое, математическое и естественныхъ наукъ, и отдѣленіе новыхъ языковъ.

Въ засѣданіяхъ педагогическаго отдѣленія дебатировались, въ числѣ другихъ, слѣдующіе рефераты:

„Объ упражненіяхъ въ устной латинской рѣчи въ гимназіяхъ" директора Шмальца. Важность и даже необходимость упражненій этихъ неоспоримы; необходимо только опредѣлить мѣру ихъ приложенія и способъ веденія въ школьной практикѣ. По убѣжденію референта, упражненія эти должны начинаться съ шестаго класса и затѣмъ послѣдовательно разнообразиться и усложняться въ высшихъ классахъ. Въ самомъ началѣ они должны состоять изъ различнаго рода модификацій, основанныхъ на томъ, что̀ прочтено въ классѣ изъ книги для упражненій въ переводахъ. Въ слѣдующихъ классахъ, пятомъ и четвертомъ, референтъ считаетъ нужнымъ продолжать такія же, основанныя на прочтенномъ, упражненія, категорически высказываясь противъ попытокъ пріученія учащихся къ связному разказу: матеріаломъ для нихъ онъ считаетъ Корнелія Непота въ обработкѣ Ортманна. Въ третьемъ классѣ эта книга замѣняется Цезаремъ, при чемъ упражненія въ разговорахъ должны служить и средствомъ для уясненія и упроченія грамматики. Со втораго класса должны начинаться упражненія въ послѣдовательномъ латинскомъ разказѣ, при чемъ они прилагаются главнымъ образомъ при повтореніяхъ и при контролѣ домашнихъ чтеній; съ теченіемъ времени эти латинскіе разказы имѣютъ мѣсто исключительно при отчетѣ о прочитанномъ дома: съ этою цѣлію ученикамъ даются избранныя мѣста Ливія и Цицерона, которыя, послѣ ихъ устной передачи, можно и не переводить. Время отъ времени при-

мѣръ учащіеся даетъ самъ учитель, сообщая по латыни, напримѣръ введенія въ того или другаго писателя; такія введенія могутъ затѣмъ распространяться учениками, и притомъ не только устно, но и письменно.

Неоспорима общая педагогическая польза подобныхъ упражненій: прежде всего, они привлекаютъ въ должной мѣрѣ къ участію въ умственной работѣ слухъ, затѣмъ поощряютъ вниманіе, придаютъ самому преподаванію особый интересъ, и внушаютъ учащимся удовольствіе къ труду, которое еще усиливается сознаніемъ дѣлаемыхъ успѣховъ. И учителю, особенно въ младшихъ классахъ, даютъ эти упражненія извѣстную перемѣну въ занятіяхъ, не могущую не дѣйствовать на него благотворно.

Упражненія въ разговорѣ не могутъ не имѣть вліянія и на успѣшность самого преподаванія латинскаго языка: они содѣйствуютъ правильности произношенія, пріучаютъ къ надлежащей разстановкѣ словъ, частей предложенія и самихъ предложеній, сообщаютъ извѣстную грамматическую увѣренность и помогаютъ пріобрѣтенію учащимися латинскаго стиля.

По мнѣнію референта, слѣдуетъ требовать отъ абитуріентовъ, чтобъ: а) лучшіе ученики могли въ связномъ латинскомъ разказѣ изложить содержаніе предложеннаго имъ ex promptu отдѣла Ливія и Тацита, съ приготовленіемъ къ этому въ теченіе получаса; б) ученики среднихъ способностей дѣлали подобное же связное изложеніе того, что̀ читается во время экзамена, и в) ученики слабые могли путемъ вопросовъ и отвѣтовъ дать отчетъ въ читаемомъ, выражаясь правильною латинскою рѣчью. Возникшія по поводу этого реферата пренія касались только его частностей и разъясняли приложеніе упражненій въ латинскомъ разговорѣ въ гимназіяхъ различныхъ мѣстностей Германіи.

Директоръ Шиллеръ представилъ рефератъ: „о постановкѣ преподаванія греческаго языка въ реформѣ прусскихъ гимназій и о письменныхъ греческихъ упражненіяхъ на испытаніяхъ зрѣлости". Въ первой половинѣ реферата не лишены интереса наблюденія Шиллера надъ преподаваніемъ греческаго языка въ Гиссенской гимназіи, при шести недѣльныхъ часахъ въ раздѣленномъ третьемъ классѣ, при семи часахъ въ раздѣленномъ же второмъ и при шести часахъ въ соединеномъ первомъ. Такимъ образомъ, курсъ разчитанъ на 5 лѣтъ, начиная съ младшаго отдѣленія третьяго класса, гдѣ въ теченіе лѣтняго семестра проходится грамматика до глаголовъ на ω (8 часовъ на

упражненія въ чтеніи и письмѣ, 12—на 1-е склоненіе, 18—на 2-е, 40—на 3-е, числительныя и степени сравненія), при изученіи 5—10 вокабулъ ежедневно. Зимній семестръ посвящается глаголамъ на ω. Руководствами при преподаваніи служатъ грамматика Курціуса и книга упражненій Везенера, при чемъ изъ первой исключается масса уклоненій и единичныхъ фактовъ, и все преподаваніе группируется около читаемыхъ текстовъ. Письменнымъ упражненіямъ референтъ придаетъ большое значеніе, полагая, что безъ нихъ не возможно основательное и научное изученіе иностраннаго языка: въ низшихъ классахъ упражненія эти ограничиваютъ экстемпораліями, а въ высшихъ—приблизительно на три экстемпоралія приходится одна работа, которую дѣлаетъ ученикъ въ школѣ по данному ему нѣмецкому тексту; въ третьемъ классѣ письменныя упражненія дѣлаются еженедѣльно, а въ другихъ—въ двѣ недѣли разъ. Матеріалъ для нихъ приготовляется учителемъ и имѣетъ непосредственное отношеніе къ прочтенному въ классѣ греческому тексту.

Въ старшемъ отдѣленіи третьяго класса въ лѣтній семестръ проходятся глаголы на μι и неправильные и обращается особенное вниманіе на синтаксисъ, который разъясняется во время чтенія Анабазиса Ксенофонта; учитель обязанъ сообщать классу образцовый переводъ читаемаго и при повтореніи избѣгать однообразія. Въ этомъ же классѣ ученики приступаютъ къ чтенію Гомера, изъ котораго прочитывается до 300 стиховъ 1-й пѣсни Одиссеи, при постоянномъ разъясненіи встрѣчающихся особенностей гомеровскаго діалекта. При этомъ наставникъ пріучаетъ учащихся къ самостоятельной систематизаціи этихъ разъясненій. Письменныя упражненія ведутся также, какъ и въ младшемъ отдѣленіи, и подъ конецъ, состоятъ исключительно изъ связныхъ статей.

Во второмъ классѣ на грамматику (разъясняемую при чтеніи) и письменныя упражненія отводится отъ 2— 3½ часовъ еженедѣльно; примѣры, преимущественно въ метрической оболочкѣ, играютъ при этомъ первую роль. Учебникомъ служитъ также книга Курціуса, при чемъ оказывается, что въ отдѣлѣ синтаксиса она представляетъ большія затрудненія для наставника по своему объему и по недостатку строгой формулировки правилъ. Изъ авторовъ въ младшемъ отдѣленіи втораго класса прочитывается 4—5 книгъ Ксенофонта и 8 пѣсень Гомера (при чемъ 3 пѣсни даются для домашняго чтенія, которое контролируется въ школѣ); въ старшемъ отдѣленіи читается Одиссея съ 10 по 24 пѣснь (изъ которыхъ половина дается для домашняго

чтенія), одна большая или 2—3 небольшихъ рѣчи Лисія, и 3 книги Геродота (съ опущеніемъ эпизодическихъ вставокъ).

Въ первомъ классѣ грамматикѣ посвящается еженедѣльно отъ 3/4—1 часа; письменныя упражненія состоятъ изъ изложенія содержанія прочитаннаго, изъ извлеченій, и т. п. Главное же вниманіе обращено на чтеніе: такъ, въ 1880 г. въ Гиссенской гимназіи прочтено: Иліада 1—12, Өукидидъ кн. II, Демосөенъ Olynth. 1, Phil. 1. 3, Cherson., Софоклъ—Эдипъ Царь; въ 1881 г. Иліада 13—24; Өукидидъ кн. I; Платонъ Apol., Crit., Phaedo начало и конецъ. Сверхъ того, ученики учили наизусть стихотворные отрывки.

Во второй половинѣ своего реферата Шиллеръ категорически высказался за удержаніе письменнаго отвѣта по греческому языку на испытаніи зрѣлости и не одобрялъ отмѣну этого отвѣта, состоявшуюся недавно въ прусскихъ гимназіяхъ. По его убѣжденію, эта отмѣна нанесетъ тяжкій ударъ преподаванію греческаго языка, основательное съ нимъ знакомство будетъ встрѣчаться лишь у незначительнаго меньшинства учениковъ, и есть основаніе опасаться, что въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ само преподаваніе этого языка сдѣлается диллетантски-поверхностнымъ.

Если письменную работу поставить надлежащимъ образомъ такъ, чтобъ она находилась въ ближайшей связи съ читаемымъ, непосредственно изъ него выходя и его дополняя, то она будетъ органическою частью преподаванія и вовсе не можетъ усложнять и затруднять его. Если при ея отмѣнѣ имѣлись въ виду нѣкоторыя неправильности въ веденіи дѣла, имѣвшія неблагопріятное вліяніе на ходъ чтенія авторовъ, то, по мнѣнію референта, слѣдовало озаботиться надлежащею постановкой письменныхъ работъ, а не уничтоженіемъ ихъ.

Защитники этой отмѣны говорятъ, между прочимъ, что письменную работу на окончательномъ испытаніи можетъ замѣнить переводъ съ греческаго на нѣмецкій. Въ извѣстной степени можно съ этимъ согласиться только при томъ условіи, чтобы переводъ былъ безусловно близокъ къ подлиннику, вполнѣ передавая всѣ его особенности и оттѣнки и чтобы въ то же время онъ совершенно соотвѣтствовалъ духу новаго языка. А эти условія достижимы весьма рѣдко и требуютъ гораздо бóльшихъ усилій, чѣмъ тѣ, которыя прилагаются къ письменнымъ работамъ. Возстановленіе ихъ на окончательномъ испытаніи референтъ признаетъ безусловно необходимымъ.

Въ преніяхъ по этому реферату большинство высказалось за сохраненіе письменнаго испытанія.

Сверхъ вышеизложенныхъ, въ засѣданіяхъ педагогическаго отдѣла были читаны и дебатируемы рефераты: профессора Бруно Мейера: „наука объ искусствѣ (Kunstwissenschaft) и среднія учебныя заведенія“ и профессора Билера (Bihler): „о современной методѣ преподаванія французскаго языка въ баденскихъ гимназіяхъ“. Кромѣ того, было приготовлено еще нѣсколько рефератовъ, которые, за недостаткомъ времени, доложены не были.

Въ археологическомъ отдѣленіи чтенія были открыты рефератомъ профессора Урлихса: „Фидій въ Римѣ“. Урлихсъ занялся извѣстіемъ Плинія (XXXIV, 54) о бронзовой статуѣ Аѳины, которую Эмилій Павелъ поставилъ въ Римѣ ad aedem Fortunae huiusce diei. Онъ старался доказать, что статуя эта стояла вплоть до времени Діоклетіана и упоминается на военныхъ дипломахъ подъ названіемъ Minerva, которая стояла post templum Augusti. А храмъ этотъ, по мнѣнію референта, стоялъ на Капитоліѣ, со стороны Палатина; это видно изъ протоколовъ арвальскихъ братьевъ, гдѣ читаемъ постоянно: in Palatio, in, ad, ante templum divi Augusti, и изъ повѣствованія Флавія Іосифа (XIX, 1, 3 — 15), откуда явствуетъ, что храмъ не могъ находиться на прилежащей Палатину и Капитолію равнинѣ. Статуя Аѳины была, по мнѣнію Урлихса, колоссальнымъ изображеніемъ, стоявшимъ на открытомъ воздухѣ, передъ храмомъ Фортуны huisce diei (vicus huiusce diei упоминается на знаменитомъ Капитолійскомъ базисѣ). Оно не могло не имѣть вліянія на римскія изображенія Минервы, хотя подробности сего въ настоящее время прослѣдить еще невозможно.

Слѣдующій рефератъ принадлежалъ профессору Блюмнеру и былъ посвященъ разбору мѣста Плинія (XXXIV, 55), въ которомъ онъ упоминаетъ nudum talo incessentem, произведеніе Поликлита. Прежде всего, Блюмнеръ опровергъ прежнія пониманія этого мѣста, и привелъ извѣстіе Плинія въ связь съ разказомъ о Талосѣ, умерщвленномъ Діоскурами въ походѣ Аргонавтовъ, и съ изображеніемъ этой легенды на одной вазѣ Неаполитанскаго музея, на которой фигура Талоса, по мнѣнію референта, скопирована со статуи Поликлита. Посему talo у Плинія Блюмнеръ принимаетъ за форму accusativi и считаетъ это слово собственнымъ именемъ. Самъ референтъ призналъ свою попытку объяснить мѣсто Плинія нѣсколько смѣлою, почему не удивительно, что въ числѣ присутствовавшихъ нашлись лица, ее опровергавшія.

Во второмъ засѣданіи археологическаго и филологическаго отдѣ-

леній былъ заслушанъ рефератъ профессора Гольма, касавшійся отступленія Аѳинянъ отъ Сиракузъ въ 413 году; въ этомъ рефератѣ Гольмъ сообщилъ результаты своихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ Сициліи, и сдѣлалъ попытку прослѣдить направленіе этого отступленія, подробно описываемаго Ѳукидидомъ, въ связи съ детальнымъ изученіемъ мѣстности, съ которою Гольмъ знакомъ въ совершенствѣ. Рефератъ этотъ, по обилію заключающихся въ немъ подробностей, не поддается краткому изложенію и помѣщенъ дословно въ Philologische Wochenschrift за 1882 г., № 44, стр. 1394 и слѣд. Ознакомленіе съ нимъ можно рекомендовать всѣмъ, интересующимся Ѳукидидомъ и древнею греческою исторіею.

Послѣднимъ реферировалъ профессоръ Курціусъ и предметомъ своего чтенія избралъ возстановленіе восточнаго фронтона Олимпійскаго храма.

Въ засѣданіяхъ филологическаго отдѣленія были читаны рефераты: профессора А. Гуга: о рукописяхъ Ксенофонтовой Киропедіи, и въ частности, о cod. Parisinus 1640 (C); профессора Мая (May): о томъ, какъ пользовались нѣкоторые средневѣковые хроникеры древними классическими авторами; др. Галланда (Galland): ученіе Геродіана о количествѣ и др. Ганссена: о дѣленіи такъ называемыхъ Anacreontea въ codex Palatinus. Рефераты эти, при всѣхъ ихъ достоинствахъ въ частностяхъ, имѣютъ мало общаго интереса, вслѣдствіе чего мы опускаемъ ихъ изложеніе, полагая, что и изъ вышеприведеннаго съ достаточною ясностью видны значеніе и интересъ съѣздовъ германскихъ филологовъ и педагоговъ.

Ш. П.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1882 ГОДУ.

29-го апрѣля текущаго года состоялось, подъ предсѣдательствомъ А. А. Половцева, годовое собраніе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Важнѣйшія событія въ жизни и дѣятельности Общества въ періодъ времени съ 19-го марта 1882 года по 29-е апрѣля текущаго года были слѣдующія·

Общество лишилось въ теченіе этого времени четырехъ своихъ членовъ.

27-го февраля 1883 года скончался государственный канцлеръ свѣтлѣйшій князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Почти съ самаго учрежденія Общества, съ 28-го февраля 1867 года, покойный князь состоялъ почетнымъ членомъ его; онъ старался оказывать всевозможное содѣйствіе для обогащенія изданія Общества цѣнными историческими документами, какъ хранящимися въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Россіи, такъ и въ архивахъ другихъ государствъ.

28-го марта 1882 года скончался другой почетный членъ Общества, графъСергѣй Григорьевичъ Строгоновъ, избранный 10-го марта 1870 г. Ему Общество обязано сообщеніемъ нѣкоторыхъ важныхъ историческихъ документовъ, относящихся къ началу царствованія императора Александра I.

25-го іюля 1882 года скончался членъ-учредитель Общества Модестъ Ивановичъ Богдановичъ. Какъ ученый, онъ далъ обильный вкладъ въ русскую литературу разработкой историческихъ и военно-историческихъ матеріаловъ. Обществу онъ всегда оказывалъ радушное содѣйствіе своими совѣтами и указаніями и въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ избираемъ членомъ совѣта и членомъ ревизіонной коммисіи. Въ Сборникѣ Общества (т. VI) имъ напечатаны письма адмирала Чичагова къ императору Александру I.

Въ началѣ нынѣшняго года, 13-го января, скончался членъ Общества князь Сергѣй Николаевичъ Урусовъ. Благодаря его просвѣщенному содѣйствію, Общество имѣло возможность издать пять томовъ дѣлъ Екатерининской коммиссіи по составленію новаго уложенія и два тома памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ иностранными державами. Изящное и успѣшное напечатаніе къ сроку двухъ юбилейныхъ томовъ Сборника Общества, посвященныхъ „Годамъ ученія въ Бозѣ почившаго государя императора Александра II", обязано только его заботамъ.

Издательская дѣятельность Общества ознаменовалась выпускомъ въ свѣтъ двухъ новыхъ томовъ печатаемаго обществомъ Сборника.

Томъ XXXVII-й содержитъ въ себѣ продолженіе извлеченной изъ Берлинскаго государственнаго архива профессоромъ Марбургскаго университета Эрн. Германомъ дипломатической переписки прусскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, во второй половинѣ XVIII вѣка, переписки, начало которой (съ 1763 по 1766 годъ включительно) помѣщено было въ XII-мъ томѣ Сборника. Въ составѣ XXXVII-го тома вышли депеши посланника графа Сольмса къ Фридриху II, а также инструкціи и предписанія первому отъ короля за періодъ времени съ 9-го января 1767 г. по 18-е февраля 1772 года, то-есть, по заключеніи тайнаго договора между Россіей и Пруссіей; сверхъ того, въ этомъ же томѣ помѣщены извлеченныя изъ дѣлъ Берлинскаго тайнаго архива бумаги, относящіяся до секретной переписки короля Фридриха II съ его кабинетъ-министромъ Финкенштейномъ о переговорахъ съ Россіей по первому раздѣлу Польши. Изданные въ XXXVII-мъ томѣ документы выясняютъ главнымъ образомъ слѣдующіе историческіе вопросы: а) отношенія прусскаго правительства къ некатоликамъ или диссидентамъ въ Польшѣ и предположенія объ измѣненіи тамъ формы государственнаго управленія; б) первый раздѣлъ Польши, и в) отношенія Пруссіи къ русско-турецкой войнѣ съ 1768 года, а также къ измѣненію политики Австріи въ восточномъ вопросѣ. Кромѣ того, документы XXXVII-го тома объясняютъ переговоры по заключенію слѣдующихъ дипломатическихъ актовъ: 1) секретнаго договора между Россіей и Пруссіей противъ Австріи въ 1767 г.; 2) трактата между Россіей и Польшей по поводу возстановленія правъ диссидентовъ и по поводу другихъ политическихъ вопросовъ, и 3) секретнаго договора между Россіей и Пруссіей по раздѣлу Польши, 17-го февраля (новаго стиля) 1772 года. Изданіемъ XXXVII-го тома, которымъ значительно пополняются матеріалы, сообщенные въ сбор-

никахъ Мартенса, Феррана, Шеля, Венка, гр. Ангеберга, Сѣнькевича, Раумера и пр., завѣдывалъ секретарь Общества Г. Ѳ. Штендманъ.

XXXVIII-й томъ Сборника заключаетъ въ себѣ памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Англіей и обнимаетъ періодъ времени съ 1581 года по 1604, то-есть, за конецъ царствованія царя Ивана IV Васильевича и королевы Елизаветы. Документы эти извлечены изъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ Ю. В. Толстымъ и значительно дополняютъ прежнее его изданіе „Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею", а также трудъ Гамеля „Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ". До сихъ поръ изданы были только нѣкоторые отрывки изъ документовъ, собранныхъ въ настоящемъ томѣ. Въ этихъ бумагахъ содержится много драгоцѣнныхъ подробностей для опредѣленія тогдашнихъ торговыхъ сношеній; въ особенности драгоцѣнны извѣстія о тѣхъ товарахъ, которые ввозились тогда въ Россію и вывозились изъ нея; любопытны также отношенія Датчанъ къ англійской торговлѣ и пограничные споры Россіи съ Норвегіей. Нѣкоторыя извѣстія этихъ документовъ полезны будутъ и для англійскихъ историковъ вѣка Елисаветы, а другія дополняютъ замѣчательными чертами образъ царя Ивана Грознаго. Томъ XXXVIII-й начатъ печатаніемъ подъ наблюденіемъ Ю. В. Толстаго, а оконченъ подъ наблюденіемъ К. Н. Бестужева-Рюмина.

Одновременно съ изданіемъ поименованныхъ томовъ Сборника продолжалось печатаніе еще семи книгъ его.

Томъ XXXIX-й будетъ заключать въ себѣ памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ азіатскими народами, Крымомъ, Казанью, Ногайцами и Турціей за время великихъ князей Ивана III и Василія Ивановича. Отпечатанные по настоящее время 20 листовъ этого тома содержатъ въ себѣ извѣстія о посольствѣ боярина Н. В. Беклемишева къ царю Менгли-Гирею, въ мартѣ 1476 года; отчетъ о посольствѣ къ великому князю Іоанну Васильевичу изъ Крыма, отъ Кафинскаго султана, о дружбѣ и торговыхъ дѣлахъ, и извѣстія о посольствѣ отъ царя Менгли-Гирея, о торговыхъ дѣлахъ и объ условіяхъ, на которыхъ Менгли-Гирей согласился мириться съ великимъ княземъ Литовскимъ Александромъ. Документы XXXIX-го тома, извлеченные изъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, печатаются подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова.

XL-й томъ будетъ заключать въ себѣ продолженіе изданія дѣлъ

Екатерининской коммиссіи по составленію проекта новаго уложенія. Въ этотъ томъ войдутъ наказы, данные депутатамъ правительственными учрежденіями: правительствующимъ сенатомъ, св. синодомъ, коллегіями и другими государственными учрежденіями. Въ дополненіе къ наказу, данному депутату отъ св. синода, митрополиту Новгородскому Димитрію, а за его смертію епископу Тверскому Гавріилу, положено напечатать и мнѣнія или такъ-называемые „пункты" Кіевскаго митрополита Арсенія, Переяславскаго Гервасія и Черниговскаго Кирилла, присланные въ св. синодъ, въ 1767 году. Понынѣ напечатано 17 листовъ этого тома, подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича.

XLI-й томъ будетъ заключать въ себѣ: 1) планъ финансовъ Сперанскаго; 2) росписи о государственныхъ приходахъ и расходахъ, съ 1801 по 1814 годъ, и 3) краткія росписи о государственныхъ приходахъ и расходахъ, съ 1797 по 1800 годъ. До настоящаго времени напечатано 15 листовъ этого тома подъ наблюденіемъ А. Н. Куломзина.

XLII-й томъ будетъ заключать въ себѣ продолженіе изданія бумагъ императрицы Екатерины II. До сихъ поръ переписка императрицы по внутреннимъ дѣламъ издана въ четырехъ томахъ Сборника (VII-й, X-й, XIII-й и XXVII-й). Бумаги императрицы, долженствующія войдти въ XL-й томъ, списаны въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ подъ наблюденіемъ Я. К. Грота и свѣрены имъ съ подлинниками. Онѣ обнимаютъ періодъ времени съ 1789 г. по конецъ царствованія Екатерины II. Печатаніе ихъ производится подъ надзоромъ Г. Ѳ. Штендмана и Д. Ѳ. Кобеко, которые снабдятъ издаваемые документы необходимыми приложеніями.

XLIII-й томъ Сборника будетъ въ себѣ заключать депеши великобританскаго представителя въ Россіи лорда Витворта, а также и инструкціи и депеши англійскаго правительства Витворту, съ 1704 по 1712 годъ. Кромѣ того, въ него войдутъ и депеши Вейсброда, секретаря Витворта, оставшагося въ Москвѣ послѣ отъѣзда англійскаго посланника въ отпускъ. Между депешами Витворта есть также и нѣсколько его донесеній, писанныхъ имъ частію во время отсутствія его изъ Россіи, и частію во время его пребыванія въ Лондонѣ—но также о Россіи. Наблюденіе за печатаніемъ этого тома принялъ на себѣ предсѣдатель Общества А. А. Половцевъ.

XLIV-й томъ будетъ заключать въ себѣ продолженіе изданія донесеній нидерландскихъ дипломатическихъ агентовъ и посланниковъ, которыя сообщены изъ нидерландскаго государственнаго архива. Уже въ XXIV-мъ томѣ Сборника уже были напечатаны отчеты посланни-

ковъ: Фанъ-Бредероде, Басса и Іоахими, о ихъ посольствѣ въ Россію и Швецію, въ 1615 и 1616 годахъ. Въ печатаемомъ теперь томѣ будетъ помѣщенъ отчетъ посланниковъ Альберта Бурха и Ивана фонъ-Фельтриля о посольствѣ ихъ къ царю Михаилу Θеодоровичу, въ 1630 и 1631 годахъ, представленный генеральнымъ штатамъ 19-го января 1632 года. Наблюденіе за печатаніемъ этого тома поручено секретарю Общества Г. Θ. Штендману, при содѣйствіи магистранта Болдакова.

XLV-й томъ будетъ заключать въ себѣ продолженіе изданія донесеній австрійскаго посла графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и государственному канцлеру Кауницу-Ритбергу. Въ XXIII томѣ Сборника было уже напечатано начало политической переписки графа Мерси д'Аржанто, съ 5-го января новаго стиля 1762 года по 24-го іюля новаго стиля того же года. Въ печатаемый XLV-й томъ войдетъ вторая и послѣдняя часть дипломатической переписки названнаго посла съ Вѣнскимъ дворомъ, за все время его пребыванія въ Россіи, съ 2-го іюля 1762 по осень 1763 года. Наблюденіе за печатаніемъ политической корреспонденціи графа Мерси д'Аржанто возложено на Г. Θ. Штендмана.

Кромѣ перечисленныхъ уже печатаемыхъ томовъ Сборника, должно упомянуть еще объ одномъ приготовленномъ къ изданію томѣ, который будетъ заключать въ себѣ письма барона Мельхіора Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II. Письма эти, найденныя Н. Р. Фурманомъ въ библіотекѣ своего отца, по Высочайшему повелѣнію Государя Императора были переданы въ государственный архивъ. Онѣ составляютъ существенное дополненіе къ таковымъ же письмамъ Гримма, прежде уже напечатаннымъ. Въ нихъ заключается множество любопытныхъ подробностей о событіяхъ французской революціи, о распоряженіяхъ союзныхъ державъ въ войнѣ съ Франціей, о взаимныхъ отношеніяхъ кабинетовъ и т. п. Особенно же важны эти письма тѣмъ, что они служатъ къ объясненію многихъ мѣстъ въ изданныхъ Историческимъ Обществомъ письмахъ Екатерины II къ Гримму, въ которыхъ встрѣчались непонятныя выраженія именно потому, что къ нимъ недоставало ключа, отыскавшагося теперь въ запросахъ или отвѣтахъ корреспондента императрицы. Кромѣ писемъ самого Гримма, въ отысканной г. Фурманомъ коллекціи находится довольно объемистая пачка записокъ (bulletins), заключающихъ въ себѣ извѣстія о европейскихъ событіяхъ, сообщавшіяся Гримму изъ разныхъ мѣстностей, и которыя онъ пересылалъ императрицѣ. Наконецъ, коллекція г. Фурмана содержитъ въ себѣ

еще собраніе писемъ къ Гримму отъ разныхъ лицъ,—большею частью отвѣты на его требованія по порученіямъ государыни.

Предпринятое по волѣ Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Историческаго Общества, Государя Императора, собираніе историческихъ матеріаловъ, заслуживающихъ обнародованія, извлеченіе и списываніе копій съ документовъ, хранящихся въ иностранныхъ архивахъ, продолжалось успѣшно въ отчетномъ году, благодаря содѣйствію нашихъ дипломатическихъ чиновъ.

Въ Лондонскомъ государственномъ архивѣ продолжалъ свои занятія бывшій совѣтникъ нашего посольства въ Лондонѣ посланникъ въ Японіи А. П. Давыдовъ; подъ его наблюденіемъ списаны копіи съ депешъ великобританскихъ пословъ и посланниковъ, бывшихъ въ Россіи. Окончивъ извлеченіе изъ посольскихъ дѣлъ Витворта и его секретаря Вейсброда, А. П. Давыдовъ занялся разсмотрѣніемъ дѣлъ посольства Георга Макензи; имъ уже доставлены Обществу предписанія королевы Анны и ея министерства посланнику ея, до 1714 г. а также донесенія Макензи статсъ-секретарю по внѣшнимъ дѣламъ Бромлею и лорду Тоунсенду, за 1714 и начало 1715 года.

Въ Вѣнскомъ архивѣ, при содѣйствіи его директора Арнета, нашъ генеральный консулъ К. А. Губастовъ изъявилъ согласіе взять на себя трудъ продолжать наблюденіе по сбору матеріаловъ, относящихся до дипломатическихъ сношеній Россіи съ Австріей, съ конца 1779 года. До этого времени Общество уже имѣетъ въ своемъ распоряженіи донесенія австрійскихъ пословъ и посланниковъ; на сообщеніе же Обществу инструкцій и распоряженій австрійскаго правительства посламъ и посланникамъ, за то же время до сихъ поръ еще не послѣдовало разрѣшенія Вѣнскаго двора.

Въ Парижскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ секретаремъ Общества продолжались работы по выбору и провѣркѣ копій съ донесеній французскихъ посланниковъ, бывшихъ при Русскомъ дворѣ. При этомъ было обращено особенное вниманіе на то, чтобъ имѣть въ возможной полнотѣ всѣ инструкціи, повелѣнія и распоряженія, данныя французскимъ правительствомъ своимъ дипломатическимъ агентамъ за время царствованія Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Въ 1883 году предположено приступить къ разсмотрѣнію дѣлъ за время царствованія императора Петра III и позаботиться о полученіи еще недостающихъ за нѣкоторые годы повелѣній французскаго правительства своимъ представителямъ при Русскомъ дворѣ.

Благодаря благосклонному содѣйствію товарища министра иностранныхъ дѣлъ А. Г. Влангали, продолжается сообщеніе изъ Неаполитанскаго архива дипломатической корреспонденціи неаполитанскихъ посланниковъ при С.-Петербургскомъ дворѣ: доставлены донесенія герцога Серра-Капріола генералу Актону за 1806 и слѣдующіе годы.

Въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ директоръ его, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, при содѣйствіи дѣлопроизводителя архива В. А. Ульяницкаго, съ начала года, по просьбѣ Общества, приступилъ къ разсмотрѣнію документовъ, относящихся къ перепискѣ императрицы Екатерины II по внѣшнимъ дѣламъ, а также и къ ея личной перепискѣ съ иностранными государями. Опредѣленіе объ изданіи политической переписки императрицы Екатерины II послѣдовало еще въ общемъ собраніи Общества 9-го марта 1870 года.

Дѣло составленія списковъ именъ русскихъ дѣятелей, имѣющихъ войдти въ предпринятый Обществомъ біографическій словарь, также подвинулось впередъ въ теченіе отчетнаго года. По настоящее время составлены списки на буквы: *Б*, *В*, *Г*, *Д*, отчасти на *Е*, *Ж*, *З*, *М* и *Н*; отпечатаны списки на буквы *А*, *Б* и *М*. Изъ нихъ буквы *А* и *Б* заняли $4^1/_4$ печатные листа, а буква *М*—три листа, въ которые вошли до 4000 отдѣльныхъ свѣдѣній о разныхъ лицахъ. Въ видахъ большей полноты составляемыхъ списковъ пересмотрѣны: мѣсяцесловы, календари съ росписью чиновныхъ особъ гражданскихъ и военныхъ, за царствованія Екатерины II, Павла I и Александра I, а также списки первыхъ чиновъ гражданскихъ и военныхъ, хранящіеся, въ единственномъ экземплярѣ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, за царствованія частію Екатерины II и Павла I. Тамъ же разсмотрѣны брошюры съ біографіями и отдѣльныя біографіи русскихъ дѣятелей, и изъ нихъ составленъ также особый списокъ въ азбучномъ порядкѣ. Кромѣ того, составленъ сводный алфавитный перечень авторовъ, помѣщенныхъ въ книгопродавческихъ каталогахъ Сопикова, Смирдина, Плавильщикова, Ольхина, Генкеля и Глазунова и въ прибавленіяхъ къ книжной росписи Смирдина. Такимъ образомъ составленъ значительно полный сводъ всего напечатаннаго до 1881 г.

Въ годовомъ собраніи Общества 17-го марта 1880 года, по предложенію бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго опредѣлено было снабжать изданіями Общества библіотеки высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго

просвѣщенія, въ количествѣ 151 учрежденій. Въ минувшемъ году, кромѣ этихъ заведеній, постановлено предложить экземпляры издаваемаго Обществомъ Сборника еще св. синоду для 4 духовныхъ академій, 53 семинарій и нѣкоторыхъ другихъ учрежденій духовнаго вѣдомства, учебнымъ заведеніямъ военнаго вѣдомства, вѣдомства учрежденій императрицы Маріи и состоящему при министерствѣ народнаго просвѣщенія комитету для международнаго обмѣна изданій. Всего такимъ образомъ разослано вышеупомянутымъ учрежденіямъ 371 экземпляръ.

Въ годовомъ собраніи 29-го апрѣля въ дѣйствительные члены Общества избраны вновь слѣдующія лица: министръ иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирсъ, товарищъ его А. Г. Влангали, россійскій посланникъ въ Японіи А. П. Давыдовъ и профессоръ С.-Петербургскаго университета Ѳ. Ѳ. Мартенсъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ 1882 ГОДУ.

Императорское Одесское Общество исторіи и древностей принадлежитъ къ числу старѣйшихъ русскихъ учрежденій въ этомъ родѣ. Съ половины ноября минувшаго года оно вступило въ 44-й годъ своего полезнаго существованія. Ученая дѣятельность этого Общества, связанная съ именами нѣсколькихъ ученыхъ дѣятелей, частію временно проживавшихъ на югѣ Россіи, какъ Н. И. Надеждинъ, частію привязанныхъ къ тому краю долговременною службой, какъ Ф. К. Брунъ и Н. Н. Мурзакевичъ,—ознаменовалась значительнымъ участіемъ въ открытіи вещественныхъ памятниковъ древне-греческой культуры на сѣверно-черноморскомъ побережьи, устройствомъ въ Одессѣ музея древностей и историческихъ памятниковъ и изданіемъ ученыхъ Записокъ, съ весьма цѣнными изслѣдованіями и матеріалами по исторіи и археологіи южной Россіи и вообще береговъ Чернаго моря.

Важнѣйшіе факты въ жизни и дѣятельности Общества за періодъ времени, очерченный послѣднимъ его отчетомъ (съ 14-го ноября 1881 г. по 14-е ноября 1882), заключаются въ слѣдующемъ:

5-го мая 1882 года Общество утратило своего президента князя С. М. Воронцова; кромѣ того, въ 1882 г. скончались почетные члены митрополитъ Московскій Макарій и графъ С. Г. Строгановъ, дѣйствительные члены архіепископъ Таврическій Гурій и М. А. Волковъ и членъ-корреспондентъ М. Ф. Рибасъ.

21-го іюля предсѣдателемъ Общества избранъ князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ; вице-призидентомъ же состоитъ

одинъ изъ старѣйшихъ дѣятелей Общества Н. Н. Мурзакевичъ, а секретаремъ — В. Н. Юргевичъ. Въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества избраны вновь: Е. В. Варсовъ, Ѳ. Г. Лебединцевъ, Н. И. Петровъ, А. А. Талызинъ и В. Г. Тизенгаузенъ.

Общество продолжало раскопки въ Херсонесскомъ монастырѣ близъ Севастополя, и не безъ успѣха, не смотря на затруднительность имѣть въ томъ краѣ свободныхъ рабочихъ. Раскопками этими предполагалось выяснить мѣстоположеніе, и по возможности, судьбы древняго Херсона или Корсуня, съ которымъ связана исторія просвѣщенія нашего отечества христіанскою вѣрой. Собственно въ отчетномъ году находки состояли только изъ византійско-римскихъ монетъ и мелкихъ вещицъ. Къ сожалѣнію, почти столѣтнія произвольныя раскопки тѣхъ, кто только желалъ копать, уже истощили здѣсь научныя сокровища, оставленныя древними жителями; обыкновенно попадаются лишь обломки изящныхъ капителей и колоннъ византійскихъ, бывшихъ въ церквахъ, куски греческихъ и римскихъ надписей и мелкія домашнія принадлежности. Однако найденныя въ 1878 и 1880 годахъ надписи: а) Діофанта, полководца Митридата VI Евпатора, по случаю войнъ со Скиѳами (въ 79 г. по Р. Х.), и б) Аристона, сына Артинова, ходатайствовавшаго въ 182 г. по Р. Х. объ утвержденіи для Херсона правъ свободнаго города (елевѳеріи) у Римскаго императора Адріана,—должны быть отнесены къ числу важнѣйшихъ памятниковъ для исторіи Херсона, которую выясняютъ отчасти и находимые на мѣстѣ его обломки другихъ греко-римскихъ надписей. Кромѣ того, чрезъ раскопки раскрываются послѣдовательно бывшія улицы древняго города; главная изъ нихъ, съ ея развѣтвленіями расчищена до самаго нововыстроеннаго храма. Разрѣшенный въ 1876 г., по ходатайству графа Д. А. Толстаго, ежегодный отпускъ изъ суммъ духовнаго вѣдомства тысячи рублей на раскопки Херсона прекращенъ въ 1881 г. по хозяйственнымъ соображеніямъ св. синода, и дальнѣйшія розысканія могли быть продолжены только вслѣдствіе пособія, выданнаго для этой цѣли въ томъ же году министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Обществу принадлежитъ надзоръ за сохраненіемъ разныхъ памятниковъ древности на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Такъ, Общество охраняетъ отъ разрушенія и по возможности поддерживаетъ капеллу и каменныя башни, съ вдѣланными въ нихъ надписями, сооруженныя Генуезцами въ Солдайѣ (нынѣ мѣст. Судакъ), на южномъ берегу Крыма. Предпринятое же армяно-католическимъ свя-

щенникомъ въ Θеодосіи о. Х. Кушнеровымъ возстановленіе генуезской капеллы, выстроенной въ 1420 г., къ сожалѣнію, еще не могло быть приведено въ исполненіе по недостатку средствъ.

При основаніи нумизматической коллекціи Общества въ 1841 г., положено было собирать преимущественно мѣстныя монеты, то-есть, такія, которыя чеканились въ городахъ, расположенныхъ на сѣверномъ и восточномъ берегахъ Чернаго моря, каковы Тира, Ольвія, Херсонесъ Таврическій, Θеодосія, Пантикапея и Воспоръ, Фанагора, Синдика и Горгиппія, Діоскурія и Колхида. Монеты большей части этихъ городовъ собраны въ музеѣ Общества въ достаточномъ количествѣ: недоставало только монетъ города Тиры. Изъ періода его автономнаго существованія найдены были монеты Н. Н. Мурзакевичемъ на островѣ Фидониси или Змѣиномъ (древн. Левки) еще въ 1842 г. Затѣмъ въ музей Общества поступило еще нѣсколько тирасскихъ монетъ изъ временъ Римской имперіи. Наконецъ, въ 1882 году музейная коллекція тирасскихъ монетъ пополнилась покупкой 16 автономныхъ и 59 императорскихъ монетъ; всѣ онѣ вообще хорошо сохранились, а притомъ 5 не изданныя.

Вообще устройство и обогащеніе музея составляетъ одну изъ постоянныхъ и важнѣйшихъ заботъ Общества. Въ отчетномъ году, по Высочайшему соизволенію Государя Императора, Общество получило для своей исторической галлереи изъ Московской оружейной палаты портретъ императрицы Елисаветы Петровны, основательницы Новой Сербіи, что нынѣ Елисаветградскій и Александрійскій уѣзды Херсонской губерніи. Кромѣ того, въ музей поступило въ отчетномъ году еще нѣсколько замѣчательныхъ предметовъ, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: сборникъ писемъ архіепископа Иннокентія, экземпляръ Владимірова сребра, эллинская надпись изъ города Тиры, времени императора Комнода (182 г. по Р. Х.), пантикапейскія терракоты и пр. Музей и библіотека Общества помѣщаются въ особенномъ зданіи, выстроенномъ въ 1842 г. при дѣятельномъ участіи бывшаго почетнаго президента князя М. С. Воронцова. Въ 1882 г. Одесскій городской голова Г. Г. Маразли пожертвовалъ городу 30,000 р. на сооруженіе новаго зданія, въ которомъ долженъ быть помѣщенъ музей и библіотека Общества, а также городская публичная библіотека. Закладка новаго зданія послѣдовала 22-го августа минувшаго года, а въ текущемъ постройка его должна быть окончена.

Издательская дѣятельность Общества выражается главнымъ образомъ въ изданіи его Записокъ, которыхъ по настоящее время вышло

12 томовъ. Въ теченіе минувшаго года изготовлялся къ печатанію XIII-й томъ. Въ видѣ матеріаловъ для дальнѣйшихъ томовъ въ распоряженіе Общества поступило въ отчетномъ году болѣе 20 новыхъ сообщеній касательно исторіи и древностей южной Россіи.

Въ имѣющемъ собраться 1884 году въ Одессѣ шестомъ русскомъ археологическомъ съѣздѣ Общество, безъ сомнѣнія, приметъ дѣятельное участіе и представитъ новые труды своихъ членовъ.

СЪѢЗДЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ ВЪ Г. МЕЩОВСКѢ.

Въ августѣ минувшаго года, въ городѣ Мещовскѣ, Калужской губерніи, состоялся, съ разрѣшенія попечителя Московскаго учебнаго округа и примѣнительно къ правиламъ, установленнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія (циркуляромъ отъ 31-го іюля 1881 г.), съѣздъ учителей и учительницъ народныхъ училищъ Мещовскаго уѣзда. Съѣздъ былъ открытъ въ помѣщеніи мужскаго приходскаго училища, и продолжался съ 16-го по 26-е августа, при занятіяхъ отъ 7 до 8 часовъ ежедневно. На съѣздъ явилось 16 учителей и 17 учительницъ. Весьма отраднымъ фактомъ слѣдуетъ признать, во-первыхъ, то, что въ занятіяхъ съѣзда приняли участіе, кромѣ указанныхъ выше лицъ,—почти всѣ законоучители народныхъ училищъ Мещовскаго уѣзда, прибывшіе въ числѣ 25 человѣкъ, и во-вторыхъ, что руководителемъ въ занятіяхъ съѣзда былъ назначенъ не посторонній здѣшнему краю человѣкъ, а именно мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ.

При открытіи съѣзда совершено молебствіе членомъ Мещовскаго училищнаго совѣта, протоіереемъ Баталинымъ. Священнодѣйствующимъ сказано было увѣщательное слово объ обязанности учителей и учительницъ воспитывать дѣтей въ духѣ православной вѣры и въ преданности престолу и отечеству. Инспекторъ-руководитель (г. Глазовъ) объяснилъ присутствовавшимъ ихъ права и обязанности, какъ членовъ съѣзда, и прочелъ программу занятій, приглашая преподавателей высказаться о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя имъ встрѣчались въ ихъ педагогической практикѣ, обсудить мѣры, способствующія къ возможно лучшей постановкѣ учебнаго дѣла въ мѣстныхъ

начальныхъ народныхъ школахъ, а также заняться распредѣленіемъ по годамъ предметовъ курса въ этихъ школахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, руководитель предложилъ желающимъ изъ преподавателей, въ концѣ съѣзда, дать нѣсколько пробныхъ уроковъ въ начальномъ училищѣ, чтобы испытать на практикѣ примѣненіе тѣхъ выводовъ, къ которымъ придетъ съѣздъ при обсужденіи различныхъ способовъ преподаванія. Для предварительной разработки нѣкоторыхъ положеній, подлежащихъ разсмотрѣнію съѣзда, образованы были отдѣльныя коммиссіи изъ его членовъ.

Программа занятій съѣзда заключала въ себѣ слѣдующіе вопросы: 1) о школьныхъ помѣщеніяхъ, классной мебели и о санитарномъ состояніи училищъ, 2) объ училищной прислугѣ, 3) о нормальномъ числѣ учащихся въ соотвѣтствіи съ педагогическими силами преподавателей, 4) о продолжительности учебнаго года, 5) о возрастѣ, въ которомъ должны быть принимаемы дѣти въ училища, 6) о пропускѣ учениками уроковъ, 7) объ ученическихъ квартирахъ, 8) о школьныхъ попечительствахъ, 9) о классной дисциплинѣ и о нравственномъ воспитаніи, 10) о школьной программѣ и распредѣленіи ея по тремъ годамъ школьнаго курса, 11) о преподаваніи закона Божія (этотъ вопросъ переданъ былъ на обсужденіе законоучителей), 12) о преподаваніи русскаго языка, 13) о преподаваніи церковно-славянскаго языка, 14) о преподаваніи ариѳметики, 15) объ обученіи чистописанію и черченію, 16) объ обученіи пѣнію, 17) о ремесленныхъ классахъ при училищахъ, 18) о классахъ рукодѣлій для дѣвочекъ, обучающихся въ школахъ, 19) объ учебныхъ пособіяхъ и классныхъ принадлежностяхъ, 20) о библіотекахъ при училищахъ и складахъ книгъ для продажи и 21) о воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ.

По первому вопросу выяснилось на съѣздѣ, что ни одно изъ помѣщеній сельскихъ училищъ Мещовскаго уѣзда не удовлетворяетъ самымъ снисходительнымъ требованіямъ педагогическимъ и гигіеническимъ. Среднее кубическое содержаніе воздуха въ школахъ на одного ученика опредѣляется въ 4—5 куб. аршинъ, ограниченіе же числа учениковъ по условіямъ помѣщенія возбудило бы неудовольствіе мѣстнаго населенія. Въ 14-ти школахъ нѣтъ ни одной форточки для вентиляціи, а въ 7-ми училищахъ нѣтъ вѣшалокъ для платья и ученики вынуждены сидѣть одѣтыми или класть теплое платье подъ ноги. Классная мебель въ большинствѣ училищъ не соотвѣтствуетъ своему назначенію, а въ нѣкоторыхъ чувствуется въ

ней крайній недостатокъ. Съѣздъ постановилъ просить Мещовскій училищный совѣтъ о расширеніи помѣщеній, объ устройствѣ вентиляціи и вѣшалокъ, и выразилъ желаніе, чтобы классные столы были не однообразной величины, но соотвѣтствовали возрасту учащихся, чтобы скамьи были соединены со столами неподвижно и размѣромъ не болѣе какъ на 4 ученика, чтобы въ каждой школѣ былъ образецъ раціонально устроенной мебели, такъ какъ сельскія общества, не имѣя модели, при всемъ своемъ желаніи, не могутъ снабжать училища удобною мебелью. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ выразилъ желаніе, чтобы земскіе врачи, никогда не бывающіе въ школахъ, ихъ посѣщали обязательно до 3-хъ разъ въ годъ: осенью, зимою и весною, для санитарнаго ихъ изслѣдованія; на случай же появленія эпидемическихъ болѣзней въ средѣ учащихся, поручилъ преподающимъ увѣдомлять о каждомъ такомъ проявленіи участковаго врача—непосредственно, и только въ крайней необходимости обращаться къ содѣйствію волостнаго правленія.

Въ большинствѣ училищъ, по свидѣтельству членовъ съѣзда, прислуга не исполняетъ своихъ обязанностей, какъ слѣдуетъ, оставляя училища нерѣдко безъ топки, безъ воды и уборки комнаты. Женщины прислуживаютъ добросовѣстнѣе мужчинъ и съ пользою могли бы замѣнять сторожей при сельскихъ училищахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя стоятъ особнякомъ внѣ селеній. Въ тѣхъ видахъ, чтобы прислуга находилась въ нѣкоторой зависимости отъ учителей, съѣздомъ было выражено желаніе, чтобы сельскія общества, ассигнуя на ея наемъ извѣстную сумму, отпускали таковую въ распоряженіе учителей, предоставляя имъ выборъ сторожа и выдачу жалованья. Плату прислугѣ съѣздъ полагалъ достаточнымъ назначать по 50 р. для мужчины и 30 р. для женщины въ годъ.

По всестороннемъ обсужденіи вопроса о нормальномъ числѣ учениковъ въ школѣ, съѣздъ призналъ за норму — 50 человѣкъ на 1 преподавателя. Если число заявляющихъ желаніе поступить въ школу превыситъ эту норму на 10 человѣкъ, то слѣдуетъ просить о назначеніи помощника учителю. Избраніе кого-либо изъ учениковъ старшей группы, чтобы помогать учителю въ его занятіяхъ съ младшими, съѣздъ призналъ совершенно невозможнымъ, за исключеніемъ работъ механическаго свойства, и болѣе полезнымъ для той же цѣли—приглашеніе кого либо изъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ училищѣ. Учащіеся въ школѣ, во всякомъ случаѣ, будутъ относиться къ окон-

чившимъ курсъ, по мнѣнію съѣзда, съ бо́льшимъ уваженіемъ и довѣріемъ, нежели къ своимъ сотоварищамъ.

Учебный годъ, по мнѣнію съѣзда, долженъ заключать не менѣе 150 учебныхъ дней, и начинаться съ 20-го сентября, продолжаясь по 1-е мая. Если въ нѣкоторыхъ училищахъ, по мѣстнымъ условіямъ, не окажется возможнымъ начать занятія съ указаннаго срока, то слѣдуетъ ихъ продолжать и послѣ 1-е мая, для возмѣщенія пропущеннаго съ осени времени. Относительно праздниковъ, было выражено желаніе ограничить храмовой праздникъ празднованіемъ одного только дня. Съѣздъ нашелъ невыполнимымъ 2-е правило инструкціи, составленной для сельскихъ училищъ Мещовскаго уѣзда, по которому предоставлялось право распускать съ 1-го апрѣля учениковъ младшаго и средняго возраста и продолжать занятія только со старшими. Съѣздъ нашелъ необходимымъ заниматься со всѣми отдѣленіями до конца учебнаго года, въ видахъ болѣе правильнаго и равномѣрнаго распредѣленія и болѣе успѣшнаго выполненія программы по всѣмъ предметамъ школьнаго образованія, и съ тою цѣлью, чтобъ ученики 1-й и 2-й группъ, выбывающіе изъ училища до полнаго окончанія курса (а таковыхъ обыкновенно бываетъ большинство), выносили изъ школы болѣе полезныхъ свѣдѣній. По замѣчаніямъ, высказаннымъ на съѣздѣ, признано необходимымъ, для введенія болѣе правильнаго распредѣленія учебнаго времени, при объявленіи мѣстному населенію о началѣ занятій въ школѣ—обращаться къ содѣйствію мѣстнаго священника, волостнаго старшины, сельскаго старосты и учениковъ старшей группы, чтобы, черезъ посредство этихъ лицъ, всѣмъ окрестнымъ жителямъ было хорошо извѣстно объ открытіи школы, ученіе же стараться начинать ежегодно въ одни и тѣ же числа, чтобы пріучить населеніе посылать своевременно въ школу своихъ дѣтей. Срокомъ, до котораго можно производить пріемъ учениковъ, послѣ начала занятій, по нѣкоторымъ училищамъ опредѣлено 1-е октября, а по другимъ—15-е число того же мѣсяца.

Мальчиковъ признано полезнымъ принимать не ранѣе 9-и лѣтъ, а дѣвочекъ 8-ми лѣтъ. Болѣе ранній пріемъ вредно отражается на прочности пріобрѣтаемыхъ ими познаній; пріемъ же дѣвочекъ годомъ ранѣе тѣмъ мотивированъ, что онѣ, большею частью, ранѣе мальчиковъ оставляютъ училища и безъ этой мѣры было-бы затруднительно съ ними пройдти трехгодичный курсъ элементарной школы. Лучшимъ удостовѣреніемъ о возрастѣ дѣтей съѣздъ считаетъ метрическія выписки, только въ крайнихъ случаяхъ полагаетъ возможнымъ доволь-

ствоваться семейными списками, существующими при волостныхъ правленіяхъ, показаніемъ же родителей руководствоваться признаетъ совершенно невозможнымъ. Когда желающихъ поступить въ школу оказывается болѣе установленнаго комплекта или болѣе, чѣмъ дозволяетъ помѣщеніе, въ такомъ случаѣ, по мнѣнію съѣзда, слѣдуетъ отдавать при пріемѣ предпочтеніе старшимъ по возрасту и дѣвочкамъ, противъ мальчиковъ, какъ будущимъ матерямъ и воспитательницамъ молодыхъ поколѣній, въ видахъ распространенія, черезъ ихъ посредство, грамотности въ народѣ и религіозно-нравственныхъ понятій.

Пропуски учениками уроковъ и разновременное ихъ поступленіе въ теченіе почти всей осени составляютъ главное затрудненіе, препятствующее правильному устройству преподаванія. По разспросамъ оказалось, что во многихъ училищахъ среднее число пропущенныхъ уроковъ доходило до 60 на одного ученика. Особенно частыя манкировки допускались въ началѣ и концѣ учебнаго года (осенью и весною); на ряду съ уважительными причинами пропуска уроковъ, каковы: недостатокъ теплой одежды и обуви, дурная погода, домашнія работы, встрѣчались и неуважительныя—лѣнь, свадебныя и другія празднества. Въ числѣ способовъ бороться противъ этого зла съѣздъ указывалъ: предоставленіе права учителю увольнять учащагося изъ школы на нѣкоторое время, если отъ срока окончанія пріема ученикомъ пропущено болѣе 10 уроковъ по причинамъ неуважительнымъ; склонять сельскія общества къ составленію приговоровъ объ исправномъ посѣщеніи учениками училищъ въ теченіе всего учебнаго времени, съ наложеніемъ штрафа на родителей, уклоняющихся отъ надзора въ этомъ отношеніи за своими дѣтьми; не оставлять безъ тщательнаго изслѣдованія ни одного случая манкировки, обращаясь за объясненіями и къ родителямъ учащихся, и къ ученикамъ, и наибольшаго успѣха съѣздъ ожидалъ отъ нравственнаго вліянія на нихъ учителей и законоучителей, при чемъ, для выясненія всей важности правильнаго посѣщенія школы, давалъ совѣтъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, молебствіемъ въ школѣ при началѣ ученія, общественными сходками, посѣщеніемъ домовъ родителей, условіями съ ними при пріемѣ каждаго ученика и т. д.

Въ связи съ вопросомъ о сокращеніи пропуска уроковъ, несомнѣнно, находится и вопросъ объ устройствѣ ночлежныхъ пріютовъ для учениковъ, приходящихъ изъ дальнихъ селеній. Существующія при нѣкоторыхъ училищахъ Мещовскаго уѣзда ночлежныя подтверждаютъ на опытѣ мнѣніе о пользѣ примѣненія этой мѣры, которую съѣздъ желалъ бы распространить и на другія училища. По мнѣнію

членовъ съѣзда, такіе пріюты должны находиться подъ надзоромъ учителей, безъ обязательнаго, однако же, съ ихъ стороны устройства классныхъ вечернихъ занятій; въ хозяйственномъ отношеніи, выражено желаніе установить въ ночлежныхъ пріютахъ артельный порядокъ.

Было выражено въ то же время и желаніе, чтобы мѣстнымъ сельскимъ обществамъ предоставлено было право избранія попечителей и попечительницъ училищъ, такъ какъ земскія собранія при ихъ выборѣ не всегда справляются съ мнѣніями и желаніями по этому предмету мѣстныхъ жителей. Попечители, избранные сельскими обществами, и слѣдовательно, пользующіеся ихъ довѣріемъ и расположеніемъ, могли бы организовать школьныя попечительства изъ выборныхъ отъ обществъ, участвующихъ въ содержаніи каждаго училища.

Нравственность учащихся въ сельскихъ школахъ, по свидѣтельству членовъ съѣзда, нельзя назвать дурною. Проступки дѣтей, главнымъ образомъ, состоятъ изъ простыхъ шалостей, и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ проявляются въ средѣ учащихся единичные случаи недоброй нравственности, напр. кража. Противъ шалостей во время классныхъ занятій достаточною мѣрою всегда оказывалось лишеніе ученика права занятій и выдѣленіе его изъ ряда учащихся, для постановки его на видное мѣсто, въ крайнемъ же случаѣ удаленіе его изъ класса до конца урока. Вполнѣ цѣлесообразною мѣрою противъ шалостей во время игръ, происходящихъ въ перемѣну между уроками, признано воспрещеніе на нѣкоторое время участія въ этихъ играхъ. Противъ поступка порочнаго свойства съ успѣхомъ практиковалось разъясненіе ученику безнравственности его поступка, съ обращеніемъ иногда къ содѣйствію священника и родителей, и къ суду самихъ учениковъ—его товарищей; въ крайнемъ же случаѣ, когда путемъ нравственнаго вліянія желаемая цѣль не достигалась, допускалось исключеніе изъ училища.

Считая весьма важнымъ ежегодное говѣніе, и притомъ, говѣніе совмѣстное учителя съ учениками, съѣздъ полагалъ выборъ недѣли для говѣнія предоставить усмотрѣнію законоучителя и учителя, страстную же седмицу не назначать обязательнымъ на то временемъ, такъ какъ весеннее разлитіе рѣкъ часто препятствуетъ правильному посѣщенію церкви и многіе учители, за прекращеніемъ занятій въ школахъ, уѣзжаютъ на родину. На учителей съѣздъ возложилъ обязанность наблюдать за посѣщеніемъ учащимися церковной службы, при чемъ выразилъ желаніе, чтобы они съ учителемъ занимали опре-

дѣленное мѣсто въ церкви, участвовали въ чтеніи церковномъ и пѣніи, и чтобы ученики, окончившіе курсъ, не прерывали своихъ сношеній съ учителями, и по возможности продолжали пользоваться ихъ нравственнымъ вліяніемъ.

Затѣмъ, съѣздъ приступилъ къ обсужденію программы преподаванія въ начальныхъ народныхъ училищахъ и къ ея распредѣленію по тремъ годамъ училищнаго курса. Составленный съѣздомъ учебный планъ приложенъ въ концѣ этой статьи; при его составленіи имѣлись преимущественно въ виду ученики, покидающіе весьма часто училища, послѣ перваго или втораго года ученія, и желаніе дать имъ по возможности болѣе или менѣе полное и законченное по ихъ быту и потребностямъ образованіе и достаточный запасъ знаній. При обсужденіи программы по закону Божію съѣздъ руководствовался нормальною программою, одобренною Святѣйшимъ Синодомъ, и объяснительною къ ней запискою. Преподаванію этого предмета отцы законоучители сочли достаточнымъ посвятить: 2 часа въ недѣлю для занятій съ младшимъ отдѣленіемъ и 4 часа для совмѣстныхъ занятій съ двумя старшими группами учениковъ, но признали необходимымъ прибавить еще 1 часъ еженедѣльно, для объясненія всѣмъ тремъ группамъ воскресныхъ и праздничныхъ евангелій. Всѣ 7 уроковъ положено отнести на 2 дня въ недѣлю, назначая, примѣрно, въ 1-й день — 3 урока, на 2-й день — 4 урока. Если же, по какимъ либо обстоятельствамъ, законоучитель не можетъ посѣтить школы въ назначенный день, то долженъ заблаговременно увѣдомить о томъ учителя и пропущенные уроки возмѣстить въ одинъ изъ слѣдующихъ дней. Для выполненія всей программы преподаванія, съѣздъ полагалъ вполнѣ достаточнымъ назначать занятія съ учениками 2-й и 3-й группы по 4 часа въ день въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ, и по 5 часовъ въ остальные учебные мѣсяцы; съ учениками же 1-го, младшаго отдѣленія школы заниматься — въ 1-й мѣсяцъ по ихъ поступленіи не болѣе 2 часовъ въ день, во 2-й мѣсяцъ—по 3 часа, и въ остальное время по 4 часа въ день.

Обсудивъ программу преподаванія и способы ея выполненія, указавъ на необходимые учебники, учебныя пособія и классныя принадлежности, при чемъ не былъ обойденъ и вопросъ о способѣ снабженія ими училищъ, съѣздъ остановился на вопросѣ о библіотекахъ для учителей и въ особенности на вопросѣ объ ученическихъ библіотекахъ, такъ какъ внѣклассное чтеніе несомнѣнно можетъ имѣть большое вліяніе на умственное и нравственное развитіе учениковъ.

Съѣздъ высказалъ желаніе имѣть въ ученическихъ библіотекахъ житія святыхъ (въ отдѣльныхъ брошюрахъ), въ виду того, что дѣти съ особенною охотою читаютъ эти книги, да и взрослые крестьяне къ чтенію таковыхъ относятся сочувственно, затѣмъ сборники поученій, но самаго доступнаго содержанія, а также сказки и книги, заключающія бытовыя и историческія статьи и разказы о путешествіяхъ. Что же касается до книгъ по естествознанію, то, какъ выяснилось на съѣздѣ, чтеніемъ ихъ дѣти интересуются весьма мало. По вопросу о чтеніи, съѣздъ полагалъ необходимымъ, чтобы учитель предварительно ознакомился съ содержаніемъ библіотеки и выдавалъ ученикамъ книги соотвѣтственно возрасту и степени развитія учащихся, постепенно переходя отъ книгъ болѣе легкихъ и доступныхъ по содержанію, къ болѣе серьезнымъ, а по возвращеніи книги провѣрялъ, прочитана ли она и понято ли прочитанное. Изъ заявленія учителей также выяснилось, что бывшіе ученики и вообще грамотные крестьяне охотно читаютъ книги, въ особенности книги религіозно-нравственнаго содержанія, не имѣютъ однако же возможности пріобрѣтать дорогія и затрудняются въ выборѣ книгъ для чтенія. Поэтому съѣздъ нашелъ полезнымъ устроить отдѣльныя библіотеки для взрослыхъ въ тѣхъ селахъ, въ которыхъ училища существуютъ съ давняго времени и гдѣ число грамотныхъ значительно; въ тѣхъ же селахъ, въ которыхъ училища недавно учреждены, расширить училищныя библіотеки, съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ могли пользоваться книгами и взрослые крестьяне. Кромѣ библіотекъ, признано полезнымъ устраивать въ нѣкоторыхъ селахъ склады книгъ для продажи, при чемъ ходатайство передъ училищнымъ совѣтомъ объ устройствѣ складовъ постановлено предоставить учителямъ, такъ какъ имъ болѣе, чѣмъ другимъ лицамъ извѣстно, на сколько проявляется въ мѣстномъ населеніи стремленіе къ покупкѣ книгъ.

Съѣздъ высказался и за устройство воскресныхъ школъ для взрослыхъ, но полагалъ достаточнымъ, для опыта, открыть сначала таковыя только при училищахъ, существующихъ въ многолюдныхъ селеніяхъ.

Нѣсколько засѣданій съѣздъ посвятилъ частнымъ вопросамъ преподаванія, при чемъ учители и учительницы дѣлали доклады о встрѣчавшихся въ ихъ педагогической практикѣ сомнѣніяхъ и затрудненіяхъ. Между прочимъ, были подняты вопросы о преподаваніи въ училищахъ черченія, пѣнія, ремеслъ и рукодѣлій. Къ вопросу о преподаваніи черченія въ школахъ съѣздъ отнесся весьма сочувственно,

находя, что обученіе черченію будетъ служить къ развитію въ учащихся эстетическаго вкуса и важнымъ пособіемъ при занятіяхъ, впослѣдствіи, ремеслами. Съ другой стороны, въ виду заявленія нѣкоторыхъ членовъ съѣзда о незнакомствѣ ихъ съ черченіемъ, и въ виду выраженныхъ ими опасеній, чтобы, съ введеніемъ черченія, не уменьшилось число уроковъ по другимъ предметамъ къ ущербу въ ихъ преподаваніи, съѣздъ не нашелъ возможнымъ сдѣлать этотъ предметъ обязательнымъ и постановилъ предоставить его введеніе усмотрѣнію самихъ учителей. Еще болѣе сочувственно съѣздъ отнесся къ вопросу объ обученіи дѣтей церковному пѣнію, считая возможнымъ поручить это обученіе священникамъ, учителямъ, учительницамъ и, въ крайнемъ только случаѣ, причетникамъ. Устройство при училищахъ ремесленныхъ классовъ съѣздъ призналъ дѣломъ весьма полезнымъ и постановилъ: а) ввести обученіе ремесламъ, соотвѣтствующимъ хозяйственнымъ нуждамъ крестьянскаго населенія, способнымъ возбудить наиболѣе его сочувствіе, такъ напр., бондарному и простому столярному; б) учебнаго времени для занятій ремеслами отнюдь не отнимать отъ главныхъ предметовъ преподаванія, употребляя для таковыхъ занятій послѣобѣденное время, и в) въ видахъ усовершенствованія учениковъ въ ремеслахъ, дозволять имъ продолжать ремесленныя занятія при школѣ и по окончаніи въ ней курса. Съѣздъ полагалъ, что для обученія ремеслу возможно нанять мастера изъ мѣстныхъ жителей рублей за 35 въ годъ, матеріалъ же можетъ окупаться на счетъ выручки отъ продажи изготовляемыхъ учениками издѣлій. Обученіе рукодѣліямъ съѣздомъ признано также полезнымъ, въ особенности въ видахъ привлеченія въ школы бо́льшаго числа ученицъ. Въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ преподавательскія мѣста занимаютъ учительницы, обученіе рукодѣліямъ можетъ быть имъ же и поручено, а въ остальныхъ, въ которыхъ преподаютъ мужчины, съѣздъ полагалъ допускать къ обученію рукодѣліямъ, съ разрѣшенія училищнаго совѣта, частныхъ лицъ. На занятія рукодѣліями постановлено употреблять послѣклассное время отъ 2 до 3 часовъ въ недѣлю. Особою коммиссіею изъ учительницъ была выработана и программа занятій рукодѣліями.

Послѣдніе три дня съѣзда употреблены были на уроки въ начальномъ мужскомъ училищѣ и на обсужденіе этихъ уроковъ. Всего пробныхъ уроковъ дано было 12, въ томъ числѣ уроковъ чтенія 2, по объяснительному чтенію 2, правописанія 1, чистописанія 2, по церковно-славянскому языку 1, ариѳметики 3, и по черченію 1.

Вечеромъ 25-го августа, по обсужденіи уроковъ, данныхъ во время утренняго засѣданія того же числа, съѣздъ былъ закрытъ. Передъ окончаніемъ, присутствовавшимъ на съѣздѣ священникомъ Введенскимъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, при пѣніи учителей и учительницъ. Руководителемъ и наблюдателемъ съѣзда было сказано нѣсколько словъ на прощаніе, при чемъ указаны результаты, добытые въ теченіе десятидневныхъ занятій, еще разъ формулированы задачи и цѣли народной школы, обязанности учителей, какъ воспитателей и образователей молодаго поколѣнія, ихъ обязанность стараться о сближеніи съ народною массою и съ церковью. Преподаватель Сабуровскаго училища Кольцовъ, отъ лица своихъ товарищей, благодарилъ руководителя и наблюдателя съѣзда за ихъ участіе и заботы, и послѣдняго (мѣстнаго директора училищъ) просилъ передать благодарность преподавателей и преподавательницъ Мещовскому уѣздному земскому собранію, на средства котораго былъ устроенъ съѣздъ. Въ заключеніе пѣли народный гимнъ „Боже Царя храни“ и гимнъ „Коль славенъ нашъ Господь“.

Съѣздъ посѣщали предсѣдатель и нѣкоторые изъ членовъ мѣстнаго училищнаго совѣта. Все время на съѣздѣ соблюдался величайшій порядокъ, учители и учительницы занимались съ одушевленіемъ и относились съ полнымъ вниманіемъ и интересомъ къ вопросамъ, подлежавшимъ ихъ обсужденію.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ предыдущаго, занятія съѣзда могутъ быть раздѣлены на теоретическія (обсужденія общихъ вопросовъ, переданныхъ на разсмотрѣніе съѣзда) и практическія (пробные уроки въ начальной школѣ). Можно даже признать, что теоретическимъ занятіямъ Мещовскаго съѣзда было отведено слишкомъ много времени, въ ущербъ практическимъ. Главная цѣль съѣздовъ заключается, конечно, въ ознакомленіи преподавателей съ лучшими пріемами обученія и пополненіи ихъ свѣдѣній въ преподаваемыхъ предметахъ съ методической стороны, а потому на съѣздахъ не слѣдуетъ тратить много времени на обсужденіе общихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ, и не можетъ зависѣть отъ съѣзда учителей той или другой мѣстности. Согласно съ этимъ можно признать излишними въ программѣ Мещовскаго съѣзда пункты 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 21-й, которые всѣ касаются вопросовъ болѣе распорядительныхъ и хозяйственныхъ и подлежатъ вѣдѣнію мѣстныхъ училищнаго совѣта и инспектора народныхъ училищъ. Напротивъ того, остальные пункты программы съ 9-го по 20-й заслуживаютъ особеннаго вниманія. Они

были разобраны на съѣздѣ кратко, но въ общихъ чертахъ довольно удовлетворительно, а въ частности, нѣкоторые изъ нихъ разрѣшены на столько основательно и цѣлесообразно, что мѣры, признанныя Мещовскимъ съѣздомъ полезными или необходимыми, могли бы быть распространены на училища и другихъ мѣстностей.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Распредѣленіе по годамъ предметовъ преподаванія въ начальныхъ народныхъ училищахъ Мещовскаго уѣзда, Калужской губерніи, составленное на съѣздѣ учителей означенныхъ училищъ въ августѣ 1882 года.

Годъ первый.

Младшее отдѣленіе.

По закону Божію. Понятіе о Богѣ единомъ. Понятіе о троичности лицъ Божества. О крестномъ знаменіи. Понятія объ иконахъ. Молитвы: 1) Во имя Отца и Сына и Св. Духа, 2) Слава Отцу и Сыну и Св. Духу, 3) Слава Тебѣ Боже нашъ, 4) Святый Боже, 5) Господи помилуй, и 6) Пресвятая Троица. Твореніе міра невидимаго и видимаго. Понятіе объ Ангелахъ; сотвореніе ихъ прежде человѣка. Сотвореніе первыхъ людей, блаженная жизнь ихъ въ раю. Понятіе о раѣ. Грѣхопаденіе первыхъ людей, изгнаніе ихъ изъ рая и наказаніе за грѣхъ. Обѣтованіе Спасителя. Исполненіе сего обѣтованія: рожденіе Христа Спасителя отъ Пресвятой Дѣвы Маріи. Рождество Пресвятой Богородицы; введеніе Ея во храмъ и выходъ изъ него, жизнь Ея у Іосифа въ Назаретѣ. Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы. Молитвы: «Богородице Дѣво» и «Достойно есть». Рождество Христово. Молитва «Господи Іисусе Христе». Крещеніе Господне; различіе лицъ Св. Троицы. Краткое понятіе объ ученіи и чудесахъ Іисуса Христа. Молитва Господня. Преображеніе Господне. Торжественный входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Краткая исторія о страданіяхъ, смерти, воскресеніи и вознесеніи Іисуса Христа. Сошествіе Св. Духа. Молитва Св. Духу.

По русскому языку. Первоначальное обученіе чтенію и письму. Сознательное чтеніе отдѣльныхъ словъ, фразъ и небольшихъ доступныхъ дѣтскому пониманію статей, съ передачею прочитаннаго по вопросамъ. Заучиваніе легкихъ небольшихъ стихотвореній.

Письмо подъ диктовку, безъ ошибокъ въ звукахъ и безъ пропуска буквъ, такихъ словъ, которыя пишутся такъ же, какъ произносятся, и умѣніе правильно переносить слова съ одной строки на другую. Употребленіе точки. Употребленіе прописныхъ буквъ въ началѣ предложенія, въ собственныхъ именахъ и послѣ точки.

Руководства: Родное Слово годъ 1-й Ушинскаго, причемъ должны быть непремѣнно продѣланы всѣ упражненія, помѣщенныя въ этой книгѣ, и одновременно съ Роднымъ Словомъ годъ 1-й должны быть прочтены 1-я и, если возможно, 2-я русскія книги для чтенія графа Толстаго. Уроки русскаго правописанія годъ 1-й Пуцыковича.

По славянскому языку. Чтеніе церковно-славянскаго текста безъ титловъ.

Руководства: Первая учебная книга церковно-славянскаго языка, Грушевскаго.

По ариѳметикѣ. Счетъ до 100. Возможное для дѣтей усвоеніе понятій о единицѣ и числѣ. Понятіе о парѣ, тройкѣ, четверкѣ. Счетъ парами, тройками, четверками и пятками до 30 и обратно. Наглядное всестороннее изученіе чиселъ отъ 1 до 10. Изображеніе однозначныхъ чиселъ. Цифры. Усвоеніе разницы между числомъ и цифрою. Устное рѣшеніе задачъ отъ 1 до 10. Понятіе объ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ надъ числами, какъ результатъ всесторонняго изученія чиселъ отъ 1—10; причемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на выясненіе различія въ значеніи вопросовъ: н а с к о л ь к о или ч ѣ м ъ одно число болѣе или менѣе другаго и в о с к о л ь к о р а з ъ одно число болѣе или менѣе другаго. Условные знаки четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій. Понятіе о десяткѣ и дюжинѣ. Счетъ парами, тройками, четверками, десятками, и дюжинами до 100 и обратно. Знакомство съ мелкими русскими монетами. Изображеніе числа 10. Всестороннее изученіе его нагляднымъ путемъ. Число 10, какъ основаніе нашего счисленія. Изображеніе всякаго двузначнаго числа и всестороннее наглядное изученіе двузначныхъ чиселъ до 30. Обозначеніе рѣшенія задачъ цифрами и условными ариѳметическими знаками четырехъ дѣйствій. Вычисленіе небольшихъ примѣровъ. Наглядное ознакомленіе съ единицами простыхъ русскихъ мѣръ и съ простѣйшими дробными числами, напримѣръ, $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_8$, $^1/_3$, $^1/_6$, $^1/_{12}$, $^1/_5$, $^1/_{10}$, $^1/_{20}$.

Руководства: Методики Евтушевскаго и Бене, и задачники Евтушевскаго, Лубенца и Воронова.

По чистописанію. Крупное письмо по двумъ линейкамъ.

Руководства: Методическое руководство къ обученію письму, Гербача, и его же прописи.

Годъ второй.

Среднее отдѣленіе.

По закону Божію. Повтореніе пройденнаго въ 1-й годъ. Молитвы: 1) Къ Тебѣ Владыко, Человѣколюбче, 2) Господи Боже нашъ, 3) Спаси Господи люди Твоя, 4) предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, 5) Ангелу Хранителю, 6) Святый (имя) моли Бога о мнѣ, 7) Спаси Господи и помилуй (имена), 8) Упокой Господи души рабъ Твоихъ (имена). Всемірный потопъ. Дѣти Ноя. Столпотвореніе. Призваніе Авраама и жертвоприношеніе Исаака. Іосифъ. Моисей. Пасха еврейская. Законъ Божій, данный на Синаѣ. Изученіе 10 заповѣдей. Цари: Давидъ и Соломонъ. Пророки: Илія, Елисей и Даніилъ. Срѣтеніе Господне. Іоаннъ Предтеча. Бракъ въ Канѣ. Воскрешеніе сына Наинской вдовицы. Укро-

щеніе бури на озерѣ. Чудесное насыщеніе народа 5-ю хлѣбами. Хожденіе Іисуса Христа по водамъ. Исцѣленіе 10-ти прокаженныхъ. Исцѣленіе бѣсноватой дочери Хананеянки. Заповѣдь Христова о любви къ Богу и ближнему. Притча о милосердномъ Самарянинѣ.

По русскому языку. Плавное и довольно бѣглое чтеніе статей, сравнительно съ 1 годомъ болѣе распространенныхъ и трудныхъ по содержанію. Заучиваніе стихотвореній. Умѣніе различать предложенія съ главными ихъ частями, то-есть, умѣніе указать предметъ рѣчи или подлежащее и что̀ о немъ говорится или сказуемое, а также умѣніе указать и пояснительныя слова и опредѣлить вопросъ, на который отвѣчаетъ каждое слово въ предложеніи.

По правописанію. Правописаніе сомнительныхъ гласныхъ и согласныхъ буквъ, правописаніе буквы ѣ въ важнѣйшихъ и часто употребляющихся корняхъ, въ предложныхъ и дательныхъ падежахъ. Употребленіе прописныхъ буквъ въ титулахъ. Письмо отдѣльно предлоговъ предъ словами. Употребленіе запятой при перечисленіи предметовъ и двоеточія предъ перечисленіемъ предметовъ и чужими словами въ рѣчи, а также употребленіе вопросительнаго знака.

Руководства: Родное Слово годъ 2-й, Ушинскаго, съ упражненіями. Русскія книги для чтенія графа Толстаго. Уроки русскаго правописанія годъ 2-й, Пуцыковича.

По славянскому языку. Чтеніе и переводъ тѣхъ мѣстъ изъ Св. Евангелія, въ которыхъ повѣствуется о событіяхъ, послужившихъ къ установленію двунадесятыхъ праздниковъ, а также чтеніе болѣе доступныхъ мѣстъ псалтири и часослова.

По ариѳметикѣ. Упражненіе въ бѣгломъ счетѣ отъ 1—100, прибавляя по 11, 12, 13, 14, 15 и т. д. Обратный счетъ. Нумерація 4-хъ значныхъ чиселъ. Устное рѣшеніе задачъ на числа отъ 1—100 съ письменнымъ изложеніемъ этихъ рѣшеній. Упражненіе въ бѣгломъ вычисленіи въ предѣлахъ чиселъ до 100. Знакомство съ механизмомъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій надъ числами трехзначными. Вычисленіе примѣровъ. Знакомство со всѣми русскими мѣрами и устное рѣшеніе практическихъ задачъ на небольшія именованныя числа. Употребленіе торговыхъ счетовъ.

Руководства: Методики Евтушевскаго и Беме. Задачники Евтушевскаго, Лубенца и Воронова.

Письмо по двумъ узкимъ линейкамъ, а къ концу года по одной.

Методика и прописи Гербача.

Годъ третій.

Старшее отдѣленіе.

По закону Божію. Повтореніе пройденнаго. Объясненіе Символа вѣры, съ раздѣленіемъ его на члены. Главныя таинства. Объясненіе молитвы Господней съ раздѣленіемъ ея на части. Мученики за вѣру и отечество Маккавеи. Ученіе Іисуса Христа о путяхъ къ блаженству. Ученіе о Промыслѣ Божіемъ. Ученіе о неосужденіи ближняго. Ученіе о силѣ молитвы. Притча о

мытарѣ и фарисеѣ. Притча о милосердомъ царѣ и безжалостномъ заимодавцѣ. Притча о блудномъ сынѣ. Притча о талантахъ. Ученіе Іисуса Христа о второмъ пришествіи и о страшномъ судѣ. Воскрешеніе Лазаря. Тайная вечеря. Страданіе, смерть и погребеніе Іисуса Христа. Воскресеніе Іисуса Христа изъ мертвыхъ и вознесеніе Его на небо. Успеніе Божіей Матери. Воздвиженіе Креста Господня. Крещеніе Руси. Ознакомленіе съ церковнымъ богослуженіемъ: а) устройство христіанскаго храма и принадлежности богослуженія, и б) краткое объясненіе литургіи.

По русскому языку. Толковое, бѣглое и выразительное чтеніе статей распространенныхъ и сравнительно трудныхъ по содержанію. Чтеніе рукописнаго. Заучиваніе стихотвореній. Понятіе о частяхъ рѣчи. Знакомство съ сложнымъ и слитнымъ предложеніями.

По правописанію. Употребленіе буквы *ѣ* въ степеняхъ сравненія, въ неопредѣленномъ наклоненіи и въ прошедшемъ времени глаголовъ и въ часто употребляющихся именахъ. Употребленіе ъ и ь въ именахъ существительныхъ мужскаго, женскаго и средняго рода, послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*. Писаніе нарѣчія не отдѣльно передъ глаголами. Употребленіе запятой въ сложномъ предложеніи. Употребленіе знака восклицательнаго. Изложеніе прочитаннаго или слышаннаго. Изложеніе содержанія стихотвореній и басенъ, описаніе предметовъ и простѣйшихъ явленій природы. Умѣніе написать письмо.

Руководства: Книга Водовозова или «Дѣтскій Міръ» Ушинскаго. Уроки русскаго правописанія, годъ 3-й, Пуцыковича.

По славянскому языку. Чтеніе и переводъ Св. Евангелія. Чтеніе, по возможности сознательное, псалтири и часослова.

По ариѳметикѣ. Нумерація чиселъ любой величины. Рѣшеніе практическихъ задачъ устно на трехзначныя числа. Упражненіе въ механизмѣ четырехъ дѣйствій. Вычисленіе сложныхъ примѣровъ. Ознакомленіе съ составными именованными числами и рѣшеніе задачъ съ этими числами. Письменныя рѣшенія практическихъ задачъ съ числами любой величины. Рѣшеніе задачъ объ измѣреніи поверхностей и объемовъ тѣлъ. Продолженіе упражненій въ выкладкахъ на торговыхъ счетахъ.

Руководства: Методика Евтушевскаго. Задачники: Евтушевскаго, Малинина, Буренина и Воронова.

Четкое письмо по транспаранту.

Методика и прописи Гербача.

II. Програма занятій рукодѣліями въ начальныхъ народныхъ училищахъ, составленная учительницами означенныхъ училищъ, бывшими на съѣздѣ преподавателей Мещовскаго уѣзда.

Первый годъ.

Ученицы должны выучиться:

1) Сославить полотнища и сшить фартукъ, то-есть, подшить, набрать и обшить его.

2) Вязать на спицахъ полоску и носокъ.

3) Тамбурнымъ крючкомъ вязать шнурокъ и легонькую прошивку.

Второй годъ.

1) Шить холщевое бѣлье, вышивать прорамку, кроить фартукъ и сарафанъ, подрубать платокъ и полотенце.

2) Вязать на спицахъ чулокъ, то-есть, начать его, вязать дорожку, пятку и кончить.

3) Тамбурнымъ крючкомъ вязать кружево и съ узора прошивку.

Третій годъ.

1) Строчить, шить русскимъ швомъ (иглою) по холсту цвѣтною бумагою, строчить полотенце въ пяльцахъ или же въ рамкѣ, кроить бѣлье и кофту, штопать, собрать одѣяло изъ лоскутковъ и выстегать его.

2) Вязать на спицахъ перчатки и штопать чулки.

3) Снять узоръ на бумагу для прошвы тамбурнаго вязанья и шитья полотенца въ рамкѣ.

К. А. СКАЧКОВЪ.

(Некрологъ).

26-го марта скончался отъ медленной чахотки одинъ изъ лучшихъ знатоковъ современнаго Китая, Константинъ Андреяновичъ Скачковъ. Родился онъ въ іюлѣ 1821 года; по происхожденію изъ мѣщанъ, Воспитывался въ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ, въ которомъ и окончилъ курсъ со степенью дѣйствительнаго студента. Агрономъ и отчасти технологъ по своей спеціальности, Скачковъ началъ службу по министерству государственныхъ имуществъ въ Вологодской палатѣ, куда поступилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ 1844 году, а въ слѣдующемъ былъ перемѣщенъ помощникомъ управляющаго сѣверною учебною фермою. Въ 1847 г. перешелъ въ Петербургъ и опредѣлился канцелярскимъ чиновникомъ въ губернское правленіе. Такимъ образомъ, ни занятія въ лицеѣ, ни первоначальная служба Скачкова не имѣли ничего общаго съ Востокомъ. Оріенталистомъ сдѣлался онъ совершенно случайно. Въ 1848 г. Скачковъ, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ Струве и Савича, былъ прикомандированъ къ нашей духовной миссіи въ Пекинѣ для устройства тамъ магнитной и метеорологической обсерваторіи. Исполненіе этой задачи попало въ хорошія руки. Обсерваторія была устроена очень скоро, а вслѣдъ затѣмъ начались и донесенія директора ея въ Академію Наукъ о результатахъ произведенныхъ наблюденій. Своевременное опубликованіе ихъ содѣйствовало весьма важнымъ изслѣдованіямъ въ области земнаго магнетизма.

Но устроить и повести свое дѣло для Скачкова было еще мало. Онъ задумалъ ознакомиться съ китайскою литературой по своей спеціальности, съ цѣлію найдти въ ней новые факты, которыми можно

было бы обогатить европейскую науку. Чтобы проникнуть къ этимъ источникамъ, Скачковъ рѣшился изучить китайскій языкъ. Въ теченіе почти семи лѣтъ ежедневно ходилъ къ нему Китаецъ-учитель и обучалъ его и китайской грамотѣ, и китайской премудрости. Освоившись съ книжнымъ языкомъ, Скачковъ принялся за изученіе астрономической литературы Китайцевъ, литературы особенно трудной, такъ какъ тутъ мало помогаетъ дѣлу обыденное знаніе китайскаго языка. Китайскія книги по астрономіи пишутся спеціальнымъ для нихъ слогомъ, наполнены техническими терминами, для пониманія которыхъ почти не существуетъ никакихъ пособій въ родѣ техническихъ словарей или руководствъ, и т. п. И можно сказать, что Скачковъ, преодолѣвъ всѣ эти препятствія, совершилъ въ нѣкоторомъ родѣ подвигъ.

Скачкова преимущественно занимали въ Китаѣ практическіе, живые вопросы—сельское хозяйство, астрономія, военное и морское дѣло, медицина, торговля, успѣхи тамъ христіанства. Всѣ эти вопросы онъ изучалъ и изслѣдовалъ. Многимъ подѣлился съ нами, но многое не успѣлъ обнародовать.

Пребываніе въ Пекинѣ, городѣ вообще нездоровомъ, и усиленныя занятія китайщиной вредно отозвались на здоровьѣ Скачкова, что заставило его въ 1857 году вернуться въ Петербургъ, и онъ былъ назначенъ переводчикомъ восьмаго класса при азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. За наблюденія въ обсерваторіи онъ былъ высочайше награжденъ брилліантовымъ перстнемъ, а министерство государственныхъ имуществъ почтило Скачкова большою золотою медалью за его ученыя и практическія занятія въ Пекинѣ шелководствомъ, разведеніе домашнихъ и полудикихъ шелковичныхъ червей и за представленіе описаній, рисунковъ яичекъ шелковичныхъ червей и образцовъ шелка.

Но въ Петербургѣ Скачковъ оставался не долго. Въ 1858 году онъ снова поѣхалъ въ Китай, назначенный консуломъ въ Чугучакъ, гдѣ и пробылъ до 1863 года. Къ этому времени относится рядъ статей его, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ. Въ Морскомъ Сборникѣ 1858 г. (кн. 10) онъ помѣстилъ статью, переводъ съ китайскаго, „О военномъ морскомъ дѣлѣ у Китайцевъ", изъ которой видно, что флотъ у Китайцевъ имѣетъ свою исторію, свой уставъ, свои обычаи. Для Художественнаго листка Тимма (1859 г. № 2) онъ написалъ статью „Албазинцы въ Пекинѣ". Въ Вѣстникѣ Промышленности появилась его замѣтка „О торговлѣ Русскихъ въ Чугучакѣ", а въ

Сѣверной Пчелѣ 1862 г. (№ 187) и Акціонерѣ того же года (№ 33) представилъ онъ „Положеніе торговли въ Чугучакѣ". Въ Трудахъ Имп. Вольно-экономическаго Общества (1863 г.) помѣщена имъ статейка „О китайской кормовой травѣ му-сю". Она появилась и въ переводѣ, въ Revue de l'Orient. Въ томъ же 1863 г. онъ далъ въ Биржевыя Вѣдомости сообщеніе „Наши торговыя дѣла въ Китаѣ", и наконецъ, въ Трудахъ Русскаго Энтомологическаго Общества (т. III) напечаталъ „Объ истребленіи саранчи въ Китаѣ".

Въ 1863 г. Скачковъ оставилъ Чугучакъ, и вернувшись въ Петербургъ, получилъ должность переводчика шестаго класса въ азіатскомъ департаментѣ. Въ 1865 и 1866 годахъ онъ сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ сообщеній въ нашихъ ученыхъ обществахъ. Въ Вольно-экономическомъ Обществѣ онъ изложилъ въ шести бесѣдахъ общій характеръ сельскаго хозяйства въ Китаѣ, разсмотрѣвъ этотъ важный и интересный вопросъ путемъ историческимъ. Эти чтенія были напечатаны въ Журналѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства 1867 г. подъ заглавіемъ: „Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ въ Китаѣ". Въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ въ 1865 г. онъ прочелъ „О заслугахъ Венеціанца Марко Поло, по распространенію географическихъ познаній объ Азіи", по поводу новаго и прекраснаго изданія описанія путешествій М. Поло извѣстнымъ синологомъ Потье. Въ этомъ чтеніи Скачковъ старался показать, какое вліяніе Китай имѣлъ на Европу. Онъ доказывалъ, что Марко Поло впервые ознакомилъ Европейцевъ съ китайскими изобрѣтеніями: компасомъ (свойство магнитной стрѣлки было извѣстно Китайцамъ въ глубокой древности), векселемъ, примѣненнымъ венеціанскими купцами въ торговыхъ сдѣлкахъ раньше другихъ Европейцевъ, книгопечатаніемъ, которое началось по китайскому образцу—досками (см. Извѣстія Имп. Р. Геогр. Общества 1865 г. отд. II, 207—226). Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, въ томъ же обществѣ состоялось его чтеніе „О географическихъ познаніяхъ Китайцевъ", въ которомъ Скачковъ сообщилъ о воззрѣніи Китайцевъ на науку и о характерѣ ихъ географическихъ сочиненій, очень тщательныхъ, точныхъ и обильныхъ для самаго Китая и очень скудныхъ для странъ съ нимъ сосѣднихъ. Всю эту географическую литературу Китайцевъ, занимающую по своему богатству первое мѣсто въ свѣтѣ (до 15,000 томовъ), авторъ дѣлитъ на 12 разрядовъ, съ указаніемъ подробной характеристики

каждаго изъ нихъ (Извѣстія Имп. Р. Геогр. Общества 1866 г. отд. II, стр. 105—120).

Въ 1866 г. С.-Петербургскій университетъ пригласилъ Скачкова, какъ хорошаго практика, преподавателемъ китайскаго языка въ помощь В. П. Васильеву. Но петербургскій климатъ не позволилъ Скачкову посвятить себя учебной дѣятельности. Въ слѣдующемъ же, 1867 году онъ покинулъ и университетъ, и Петербургъ и уѣхалъ консуломъ въ Тяньцзинъ.

Онъ прибылъ сюда въ интересное, но за то и опасное время. Ему пришлось быть очевидцемъ сперва возстанія инсургентовъ (1868 г.), потомъ извѣстной Тяньцзинской рѣзни (1870 г.), а въ слѣдующемъ году случилось въ этомъ городѣ сильное наводненіе. Во все время своего тамъ пребыванія Скачковъ велъ политическій дневникъ, который, къ сожалѣнію, не успѣлъ обработать для печати, и пополнялъ свой богатый портфель новыми матеріалами о современномъ и прошломъ положеніи Китая. Сообщилъ онъ за это время нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ въ англійскія и французскія газеты, но ничѣмъ не подарилъ русскую публику. Въ 1870 г. Скачковъ назначенъ былъ консуломъ въ китайскихъ портахъ. Тяньцзинскія тревоги не могли не отозваться на слабомъ здоровьѣ Скачкова, и тутъ впервые обнаружились признаки той болѣзни, которая потомъ и свела его въ могилу. Скачковъ стремился оставить Китай, но обстоятельства удержали его тамъ; въ 1875 году онъ былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Шанхаѣ и во всѣхъ китайскихъ портахъ.

Послѣ небольшаго перерыва снова стали появляться въ нашихъ журналахъ и газетахъ его статьи и изслѣдованія. Въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ 1873 г. (№ отъ 27-го октября) Скачковъ высказался за морскую доставку къ намъ чая, что̀ вскорѣ же и осуществилось. Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1874 г. (майская книжка) помѣстилъ онъ прекрасную статью: „Судьба астрономіи въ Китаѣ". Въ ней, съ одной стороны, опредѣляется, что̀ сдѣлали іезуиты для географіи Китая, и какъ они донесеніями своими вводили въ заблужденіе своихъ соотечественниковъ относительно этой страны; съ другой—какую услугу они оказали китайскому правительству, сообщивъ ему таблицы солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и таблицы лунныхъ годовъ. Тутъ же затронутъ очень интересный вопросъ: откуда Китайцы могли заимствовать свою астрономію, такъ какъ она не есть ихъ собственное созданіе. Въ этомъ изслѣдованіи онъ пришелъ къ заключенію, что заимствованіе прои-

зошло изъ западной Азіи при посредствѣ тамошнихъ учителей и просвѣтителей, а усовершенствованіе произведено посредствомъ руководствъ Грековъ, Индѣйцевъ, Арабовъ и Европейцевъ. Въ Русскомъ Вѣстникѣ 1875 года появилась довольно обширная статья Скачкова „Очерки Китая", вызванная книгой М. И. Венюкова, носящей сходное названіе („Очерки современнаго Китая"). Скачковъ показалъ значеніе этой книги, написанной бойко, все-таки туристомъ, не имѣющимъ понятія о посѣщенной странѣ и тѣмъ не менѣе рѣшившимся бросить упрекъ нашимъ синологамъ, что они будто бы не изучаютъ „живой" Китай. „Каждый серіозно изучающій Китай", отвѣчалъ на этотъ упрекъ Скачковъ,— „не долженъ ли прежде всего дорожить богатыми источниками китайской литературы и китайской науки, которыя такъ тщательно, добросовѣстно разрабатываютъ наши труженики въ Пекинѣ?... Изучить Китай, заглянувъ на него изъ-за угла, нельзя, ибо страна эта слишкомъ мало сходна со всѣми остальными странами на свѣтѣ. Не изучая Китая по его памятникамъ, какими бы прекрасными дарованіями изучающій ни владѣлъ, онъ ходитъ въ этой странѣ, спотыкаясь на каждомъ шагу: онъ слѣпъ, чтобы видѣть страну какова она есть, онъ глухъ, чтобы слышать о странѣ правду". Особенно интересны въ „Очеркахъ" Скачкова его замѣтки о государственномъ строѣ въ Китаѣ, о религіозныхъ вѣрованіяхъ Китайцевъ, о народномъ воспитаніи объ иноземцахъ въ Китаѣ и о русско-китайской торговлѣ. Тутъ, не смотря на богатую литературу, которая, казалось бы, вполнѣ исчерпала эти вопросы, авторъ сумѣлъ сказать много новаго, и что̀ особенно замѣчательно, какъ явленіе очень рѣдкое, во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ, относился къ Китаю совершенно объективно, нисколько не увлекаясь имъ и не благоговѣя передъ нимъ.

На съѣздѣ оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ въ 1876 году Скачковъ представилъ статью: „Историческій обзоръ военной организаціи въ Китаѣ съ древнихъ временъ до воцаренія Манджурской династіи", которая и была помѣщена въ „Трудахъ" съѣзда. Военному вопросу въ Китаѣ онъ придавалъ, какъ самъ говорилъ, большое значеніе и называлъ его самымъ современнымъ, самымъ естественнымъ вопросомъ.

Въ концѣ 1879 г. Скачковъ оставилъ Китай, и на этотъ разъ, уже навсегда; въ 1880-мъ онъ былъ назначенъ драгоманомъ пятаго класса при азіатскомъ департаментѣ. Не смотря на болѣзнь, онъ продолжалъ заниматься Китаемъ, и незадолго до своей смерти помѣстилъ въ Голосѣ (1882 г. № 290) замѣтку „О морской дос-

тавкѣ чая изъ Китая", гдѣ представилъ, какое значеніе имѣютъ въ чайной торговлѣ на европейскихъ рынкахъ сроки доставки чая изъ Китая въ Европу.

Всѣ перечисленныя нами статьи Скачкова даютъ ему видное мѣсто среди нашихъ синологовъ, которыми такъ вправѣ гордиться Россія.

П. Веселовскій.

О СИНТАГМАХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ КОМЕДІИ [1]).

24.

Обращаемся теперь къ послѣдней изъ существенныхъ частей синтагмы, къ диметрическому гиперметру.

Названіе „гиперметръ", точно также, какъ и „синтагма", изобрѣтено Вестфалемъ и принято большею частью ученыхъ. Но намъ кажется, что вмѣсто изобрѣтенія новыхъ именъ, было бы умѣстнѣе пользоваться старыми, которыя были въ употребленіи не только у древнихъ грамматиковъ, но по всей вѣроятности, и у самого Аристофана. Если терминологія синтагмы не передана намъ грамматиками, то единственно по случайности; за то намъ извѣстна терминологія парабазы, и ничто не мѣшаетъ заимствовать изъ нея подходящія выраженія. Парабаза дѣлится на семь частей:

κομμάτιον
ἀνάπαιστοι
πνῖγος

ᾠδή	ἀντῳδή
ἐπίρρημα.	ἀντεπίρρημα.

Слово ἀνάπαιστοι, равно какъ и слово παράβασις, было въ употребленіи у древнихъ комиковъ; то же можно заключить и относительно слова πνῖγος. Вопервыхъ, самое значеніе этого шуточнаго выраженія доказываетъ, что оно было выдумано въ то время, когда древнія комедіи еще представлялись. Актеръ долженъ былъ декламировать слѣдующіе за тетраметрами диметры ἀπνευστί, то-есть, очень скоро и безъ паузы, такъ что въ концѣ своей тирады онъ иногда „зады-

[1]) *Окончаніе* См. майскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

хался" (ἀποπνιγῆναι). Вовторыхъ, самъ Аристофанъ въ своихъ пнигосахъ ради шутки пользуется словомъ πνῖγος, конечно, въ другомъ значеніи, но не безъ задней мысли; возьмемъ, напримѣръ, пнигосъ парабазы „Птицъ":

ἢν οὖν ἡμᾶς νομίσητε θεούς,
ἕξετε χρῆσθαι μάντεσι Μούσαις,
αὔραις, ὥραις, χειμῶνι, θέρει,
μετρίῳ π ν ί γ ε ι

(см. Agthe Parabase, стр. 41).

Пнигосъ относится къ анапестамъ точно также, какъ синтагмическіе диметры къ тетраметрамъ; поэтому очень вѣроятно, что и эти диметры у древнихъ комиковъ назывались пнигосами. Тѣмъ болѣе это вѣроятно, что диметры второй антисинтагмы „Рыцарей" оканчиваются слѣдующими словами Агоракрита:

ἔπει-
τα πρὶν φαγεῖν, ἀνὴρ μεθή-
χοι, καὶ σὺ τὸ τάλαντον λαβεῖν
βουλόμενος ἐ-
σθίων ἐ ν α π ο π ν ι γ ε ί η ς.

Слово ἐναποπνιγείης особенно эффектно, если допустить, что самъ **актеръ чуть не задыхался въ концѣ этого особенно длиннаго пнигоса. Но для этого надобно предположить, что всѣ пнигосы синтагмъ были произносимы ἀπνευστί, то-есть, безъ внутренняго каталексиса. Мы видѣли, что въ хорическихъ гиперметрахъ двойной каталексисъ употребителенъ; возникаетъ также вопросъ: возможенъ ли онъ также въ діалогическихъ. Кокъ въ своемъ изданіи аттическихъ комиковъ (CAF, стр. 236) къ знаменитымъ стихамъ Гермиппа:**

βασιλεῦ Σατύρων, τί ποτ' οὐχ ἐθέλεις
δόρυ βαστάζειν, ἀλλὰ λόγους μὲν
περὶ τοῦ πολέμου δεινοὺς παρέχει,
ψυχὴν δὲ Τέλητος ὑπέστης;
κἀγχειριδίου δ'ἀκόνῃ σκληρῷ
παραθηγομένης βρύχεις κοπίδος,
δηχθεὶς αἴθωνι Κλέωνι.

замѣчаетъ слѣдующее: „de Telete non constat. dubitatur etiam vir fortis fuirit an ignavus quanquam si fuit omnino ignavum fuisse oppositionis ratio docet. Sed neque Teletem nescio quem hic commemorari neque ὑπέστης ab Hermippo, cum praesenti tempore opus sit, scriptum esse arbitror ac loco prorsus inopportuno infertur versus paroemiacus

qui in anapaesticis comicorum poetarum systematis nusquam nisi in fine ponitur, cui regulae neque Aristoph. Ran. 1088. 1514. 1523 et Lysistr. 602, neque Pac. 992 adversantur, ubi restituendum est ἵνα Λυσιμάχην δή σε καλῶμεν. Itaque hic scribendum videtur ψυχὴν δ'ἀτέλεστος ὑπεξίστης". И такъ, по мнѣнію Кока, двойной каталоксисъ не возможенъ какъ въ вышеприведенныхъ стихахъ Гермиппа, такъ и въ системѣ „Мира", 974—1015, но напротивъ, позволителенъ, въ антипнигосѣ „Лягушекъ":

Αἰσχύλος.

1078. ποίων δὲ κακῶν οὐκ αἴτιός ἐστ';
οὐ προαγωγοὺς κατέδειξ' οὗτος,
1082. καὶ φασκούσας οὐ ζῆν τὸ ζῆν;
κᾆτ' ἐκ τούτων ἡ πόλις ἡμῶν
ὑπογραμματέων ἀνεμεστώθη,
1087. λαμπάδα δ'οὐδεὶς οἷός τε φέρειν
ὑπ' ἀγυμνασίας ἔτι νυνί.

Διόνυσος.

μὰ Δί', οὐ δῆθ', ὥστε γ' ἀφαυάνθην
1090. Παναθηναίοισι γελῶν, ὅτε δὴ
βραδὺς ἄνθρωπός τις ἔθει κύψας...
1094. κᾆθ' οἱ Κεραμῆς παίουσ' αὐτοῦ
γαστέρα, πλευράς, λαγόνας, πύγην·
ὁ δὲ τυπτόμενος ταῖσι πλατείαις
ὑποπερδόμενος
φυσῶν τὴν λαμπάδ' ἔφευγεν.

и въ эксодѣ той же драмы:

Πλούτων.

1500. ἄγε δὴ χαίρων, Αἰσχύλε χώρει...
1514. κατὰ γῆς ταχέως ἀποπέμψω.

Αἰσχύλος.

1515. ταῦτα ποιήσω· σὺ δὲ τὸν θᾶκον...
1523. μηδ' ἄκων ἐγκαθεδεῖται.

Πλούτων.

1524. φαίνετε τοίνυν ὑμεῖς τούτῳ...
1527. καὶ μολπαῖσιν κελαδοῦντες.

равно какъ и въ антипнигосѣ „Лизистраты":

Πρόβουλος.

598. ἀλλ' ὅστις ἔτι στῦσαι δυνατὸς

Λυσιστράτη.
599. σὺ δὲ δὴ τί μαθὼν οὐκ ἀποθνήσκεις..
602. λαβὲ ταυτὶ καὶ στεφάνωσαι.
Καλονίκη.
603. καὶ ταυτασὶ δέξαι παρ' ἐμοῦ.
Λυσιστράτη.
604. καὶ τουτονγὶ λαβὲ τὸν στέφανον...
607. σὺ δὲ κωλύεις ἀνάγεσθαι.

Такимъ образомъ мнѣніе Кока, по видимому, слѣдующее: внутри системы каталексисъ допускается только тогда, когда слѣдующіе за нимъ стихи произносятся другимъ лицомъ. Относительно экзода „Лягушекъ“ мы съ нимъ согласны; относительно же обоихъ пнигосовъ— нѣтъ. Дѣйствительно, еслибы правило Кока распространялось и на синтагмическія системы, то очевидно, не одни анапестическіе, но и ямбическіе пнигосы имѣли бы двойной каталексисъ при упомянутыхъ условіяхъ; между тѣмъ этого двойнаго каталексиса мы никогда не встрѣчаемъ въ ямбическихъ гиперметрахъ. Мало того, даже въ анапестическихъ пнигосахъ вышеприведенныя двѣ системы суть единственные примѣры двойного каталексиса. Все это дѣлаетъ правило Кока крайне сомнительнымъ. Но разсмотримъ каждый изъ этихъ двухъ примѣровъ въ отдѣльности.

Анапестическому антипнигосу въ „Лягушкахъ“ соотвѣтствуетъ ямбическій пнигосъ, и именно слѣдующимъ образомъ:

Пнигосъ.
Εὐριπίδης.
τοιαῦτα μέντοὐγὼ φρονεῖν
τούτοισιν εἰσηγησάμην,
λογισμὸν ἐνθεὶς τῇ τέχνῃ
καὶ σκέψιν, ὥστ' ἤδη νοεῖν
ἅπαντα καὶ διειδέναι
τά τ' ἄλλα καὶ τὰς οἰκίας
οἰκεῖν ἄμεινον ἢ πρὸ τοῦ,
κἀνασκοπεῖν, πῶς τοῦτ' ἔχει;
ποῦ μοι τοδί; τίς τοῦτ' ἔλαβε;
Διόνυσος.
νὴ τοὺς θεούς, νῦν γοῦν 'Αθη-
ναίων ἅπας τις εἰσιὼν.

κέκραγε πρὸς τοὺς οἰκέτας
ζητεῖ τε, ποῦ 'στιν ἡ χύτρα;
τίς τὴν κεφαλὴν ἀπεδήδοκεν
τῆς μαινίδος; τὸ τρύβλιον

Антипнигосъ.
Αἰσχύλος.
ποίων δὲ κακῶν οὐκ αἴτιός ἐστ';
οὐ προαγωγοὺς κατέδειξ' οὗτος,
καὶ τικτούσας ἐν τοῖς ἱεροῖς.
καὶ μιγνυμένας τοῖσιν ἀδελφοῖς,
καὶ φασκούσας οὐ ζῆν τὸ ζῆν;
κᾆτ' ἐκ τούτων ἡ πόλις ἡμῶν
ὑπογραμματέων ἀνεμεστώθη,
καὶ βωμολόχων δημοπιθήκων,
ἐξαπατώντων τὸν δῆμον ἀεί.

λαμπάδα δ' οὐδεὶς οἷός τε φέρειν
ὑπ' ἀγυμνασίας ἔτι νυνί.
Διόνυσος.
μὰ Δί' οὐ δῆθ', ὥστε γ' ἀφαυάνθην
Παναθηναίοισι γελῶν, ὅτε δὴ
βραδὺς ἄνθρωπός τις ἔθει κύψας
λευκός, πίων, ὑπολειπόμενος,

τὸ περυσινὸν τέθνηκέ μοι·
ποῦ τὸ σκόροδον τὸ χθιζινόν;
τίς τῆς ἐλάας παρέτραγεν,
τέως δ' ἀβελτερώτατοι,
κεχηνότες μαμμάκυθοι
Μελιτίδαι καθῆντο.

καὶ δεινὰ ποιῶν· κᾆτ' οἱ Κεραμῆς
ἐν ταῖσι πύλαις τύπτουσ' αὐτοῦ
γαστέρα, πλευράς, λαγόνας, πυγήν.
ὁ δὲ τυπτόμενος ταῖσι πλατείαις
ὑποπερδόμενος
φυσῶν τὴν λαμπάδ' ἔφευγεν.

Всего двадцать-одинъ стихъ; въ каждой системѣ каждый ямбъ пнигоса соотвѣтствуетъ анапесту антипнигоса (предпослѣдній стихъ антипнигоса не нарушаетъ соотвѣтствія, такъ какъ это δίμετρος κατὰ μονοποδίαν — — | ⊥∪ | — — | ⊥∪). Но пнигосъ не имѣетъ внутренняго каталексиса, каталектическому диметру антипнигоса соотвѣтствуетъ акаталектическій диметръ пнигоса. Другими словами, пнигосъ состоитъ изъ одной безпрерывной, а антипнигосъ—изъ двухъ различныхъ системъ. Вѣроятно ли это? А между тѣмъ возстановить соотвѣтствіе и тутъ весьма легко, гораздо легче, чѣмъ въ упомянутой системѣ „Мира". Стоитъ только ἔτι измѣнить въ ἔστιν, и затрудненіе будетъ удалено:

ναίων—ἅπας—τις εἰσ—ιών
ὑπ' ἀγυμ—νασίας—ἐστὶν— νυνί

Нѣсколько сложнѣе наша задача въ антипнигосѣ „Лизистраты". Соотвѣтствующій антипнигосу пнигосъ не равняется ему по количеству стиховъ:

Пнигосъ.

Πρόβουλος.
531. περὶ τὴν κεφαλήν; μὴ νῦν ζῴην.
Λυσιστράτη.
ἀλλ' εἰ τοῦτ' ἐμπόδιόν σοὔστιν,
παρ' ἐμοῦ τουτὶ τὸ κάλυμμα λαβὼν
ἔχε καὶ περίθου περὶ τὴν κεφαλὴν
κᾆτα σιώπα.
Καλονίκη.
535. καὶ τουτονγὶ τὸν καλαθίσκον.

Λυσιστράτη.
κᾆτα ξαίνειν ξυζωσάμενος
κυάμους τρώγων,
πόλεμος δὲ γυναιξὶ μελήσει

Антипнигосъ.

Πρόβουλος.
ἀλλ' ὅστις ἔτι στῦσαι δυνατός...
Λυσιστράτη.
σὺ δὲ δὴ τί μαθὼν οὐκ ἀποθνήσκεις;
χοίριον ἔσται· σορὸν ὠνήσει· 600.
μελιτοῦτταν ἐγὼ καὶ δὴ μάξω
λαβὲ ταυτὶ καὶ στεφάνωσαι.
Καλονίκη.
καὶ ταυτασγὶ δέξαι παρ' ἐμοῦ.
Γυνὴ β'
καὶ τουτονγὶ λαβὲ τὸν στέφανον.
Λυσιστράτη.
τοῦ δεῖ; τί ποθεῖς, χώρει 'ς τὴν ναῦν, 605.
ὁ Χάρων σε καλεῖ
σὺ δὲ κωλύεις ἀνάγεσθαι.

Всѣ ученые, занимавшіеся этимъ мѣстомъ, были того мнѣнія, что антипнигосъ переданъ вѣрно, а пнигосъ — искаженъ. Прежде всего

они желали ввести двойной каталексисъ и въ пнигосѣ. Рейзигъ ст. 535 пишетъ такъ:

καὶ τοῦτον τὸν καλαθίσκον

Энгеръ, напротивъ, измѣняетъ ст. 534:

ᾠδί, κἄπειτα σιώπα

Съ нимъ соглашаются Мейнеке и Блэдсъ. Наконецъ Эри полагаетъ, что послѣ ст. 534 выпущенъ парэміакъ, который долженъ соотвѣтствовать ст. 602. Затѣмъ нужно было объяснить неравность стиховъ: всѣ ученые полагаютъ, что послѣ ст. 535 выпущенъ стихъ второй женщины въ родѣ слѣдующаго:

καὶ ταυτηνὶ λαβὲ τὴν ζωνήν.

Мы, напротивъ того, твердо убѣждены, что въ пнигосѣ все обстоитъ благополучно. Ошибка заключается въ антипнигосѣ, и найдти ее не трудно. Вопервыхъ, двойной каталексисъ находится въ антипнигосѣ а не въ пнигосѣ. Вовторыхъ, въ антипнигосѣ появляется неизвѣстно за чѣмъ совершенно ненужная γυνὴ β', съ не болѣе нужнымъ ст. 604. Дѣйствующія лица синтагмы—Лизистрата, Калоника, Пробулъ; присутствіе въ ней четвертаго лица совершенно невозможно. Кромѣ того, надобно замѣтить, что это четвертое лицо произноситъ всего одинъ стихъ, именно нашъ ст. 604. И притомъ какое значеніе этого стиха? Женщины дѣлаютъ видъ, будто онѣ собираются хоронить старика-пробула—въ сущности онѣ обливаютъ его водою; поэтому онѣ предлагаютъ ему все необходимое для похоронъ—поросенка, для предсмертныхъ обрядовъ, гробъ, пряникъ (для Кербера), вѣнокъ и повязки:

600. χοίριον ἔσται—поросенокъ,
σορὸν ὠνήσει—гробъ.
601. μελιτοῦτταν ἐγὼ καὶ δὴ μάξω—пряникъ.
602. λαβὲ ταυτὶ καὶ στεφάνωσαι—вѣнокъ.
603. καὶ ταυτασὶ δέξαι παρ' ἐμοῦ—повязки.
604. καὶ τουτονγὶ λαβὲ τὸν στέφανον—вѣнокъ.

Спрашивается: съ какой стати пробулъ получаетъ два вѣнка? Блэдсъ ст. 602 пишетъ такъ λαβὲ ταυτασί, то-есть, τὰς ταινίας, а ст. 603 измѣняетъ такъ, что самъ Аристофанъ не узналъ бы его. Однимъ словомъ, издатели въ антипнигосѣ распоряжаются также произвольно, какъ и въ пнигосѣ.

По нашему мнѣнію, конъектура должна устранить разомъ всѣ затрудненія—и неравность стиховъ, и двойной каталексисъ, и четвер-

тое лицо, и двойной вѣнокъ. Поэтому мы предлагаемъ изъ ст. 602 и 604 сдѣлать одинъ стихъ и писать его слѣдующимъ образомъ:

λαβὲ τουτονγὶ καὶ στεφάνωσαι.

Очень легко могло случиться, что какой-нибудь грамматикъ для объясненія мѣстоименія τουτονγί счелъ нужнымъ приписать существительное τὸν στέφανον, и что такимъ образомъ изъ одного стиха позднѣйшіе сдѣлали два. Этимъ предположеніемъ возстанавливается соотвѣтствіе между пнигосомъ и антипнигосомъ, а именно:

Пнигосъ.	Антипнигосъ.
Πρόβουλος.	Πρόβουλος.
περὶ τὴν κεφαλήν; μὴ νῦν ζῴην.	ἀλλ' ὅστις ἔτι στῦσαι δυνατός;...
Λυσιστράτη.	Λυσιστράτη.
ἀλλ' εἰ τοῦτ' ἐμπόδιόν σοὔστιν,	σὺ δὲ δὴ τί μαθὼν οὐκ ἀποθνήσκεις;
παρ' ἐμοῦ τουτὶ το κάλυμμα λαβὼν	χοίριον ἔσται, σορὸν ὠνήσει
ἔχε καὶ περίθου περὶ τὴν κεφαλὴν	μελιτοῦτταν ἐγὼ καὶ δὴ μάξω·
κᾆτα σιώπα.	λαβὲ τουτονγὶ καὶ στεφάνωσαι.
Καλονίκη	Καλονίκη
καὶ τουτονγὶ τὸν καλαθίσκον,	καὶ ταύτασγὶ δέξαι πάρ' ἐμοῦ.
Λυσιστράτη	Λυσιστράτη.
κᾆτα ξαίνειν ξυζωσάμενος	τοῦ δεῖ; τί ποθεῖς; χώρει 'ς τὴν ναῦν,
κυάμους τρώγων,	ὁ Χάρων σε καλεῖ.
πόλεμος δὲ γυναιξὶ μελήσει.	σὺ δὲ κωλύεις ἀνάγεσθαι.

Вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ способомъ устраняются всѣ затрудненія, и притомъ безъ насильственныхъ мѣръ.

Результатомъ нашего изслѣдованія оказывается, что внутри синтагмическаго гиперметра каталексисъ не возможенъ.

25.

Пнигосъ и антипнигосъ—послѣднія между существенными частями синтагмы. Обращаемся теперь къ случайнымъ. Ихъ три: 1) мезодическіе тетраметры, 2) телеосинтагмическое четырехстишіе и 3) эписинтагміонъ.

Мезодическіе тетраметры извѣстны намъ пока только изъ двухъ синтагмъ „Осъ" и первой „Рыцарей". Въ „Осахъ" пѣсня хора дѣйствительно прерывается два раза тетраметрами актеровъ, иногда даже посреди предложенія; въ „Рыцаряхъ", напротивъ, самъ хоръ двумя тетраметрами, которые мы въ полномъ правѣ назвать катакелейстическими, даетъ сигналъ для этого интермеццо. Въ „Осахъ", сверхъ того, мезодическіе стихи по числу соотвѣтствуютъ антимезодическимъ;

очень легко даже предположить, что это соотвѣтствіе простиралось и на роли произносившихъ ихъ актеровъ. Въ „Рыцаряхъ", напротивъ того, этого соотвѣтствія не замѣтно. Мезодическихъ тетраметровъ въ одѣ десять, включая сюда двустишіе и хора, въ антодѣ же восемь. Вслѣдствіе того Гельбигъ (Rheinisches Museum XV, стр. 257) предполагаетъ, что въ антодѣ между ст. 391 и 392 выпущены два тетраметра; иначе—думаетъ онъ—нельзя объяснить себѣ, какъ послѣ причастія въ ст. 391 (τοιοῦτος ὤν) могло въ ст. 392 слѣдовать нарѣчіе κᾆτα. Но Кокъ указываетъ весьма справедливо на слѣдующія мѣста нашего поэта:

„Облака" 409 ὀπτῶν γαστέρα τοῖς συγγενέσιν κᾆτ' οὐκ ἔσχων ἀμελήσας.
„ 622 ἀνθ' ὧν λαχὼν 'Υπέρβολος
τῆτες ἱερομνημονεῖν κἄπειθ' ὑφ ἡμῶν τῶν θεῶν
τὸν στέφανον ἀφῃρέθη.
„Птицы" 673 ἀλλ' ὥσπερ ᾠὸν νὴ Δί' ἀπολέψαντα χρὴ
ἀπὸ τῆς κεφαλῆς τὸ λέμμα κᾆθ οὕτω φιλεῖν
„ 1454 ... ὡς ἂν τοὺς ξένους
καλεσάμενος, κᾆτ' ἐγκεκληκὼς ἐνθαδί,
κᾆτ' αὖ πέτωμαι πάλιν ἐκεῖσε.
„Лизистрата" 559 καὶ μὴν τό γε πρᾶγμα γέλοιον,
ὅταν ἀσπίδ' ἔχων καὶ γοργόνα τις κᾆτ' ὠνῆται κορακίνους.

Изъ-за одного соотвѣтствія считать переданный пассажъ неполнымъ мы не въ правѣ; прежде слѣдовало бы доказать, что мезодическіе стихи оды должны дѣйствительно соотвѣтствовать по числу стихамъ антоды; для доказательства тому недостаточно одного примѣра „Осъ". Если мы не ошибаемся, то соотвѣтствіе дѣйствительно существуетъ, но не требуемое Гельбигомъ, такъ-называемое „конструктивное", а скорѣе „стихомитія". Дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что въ одахъ „Осъ" мезодическіе стихи распредѣлены симметрически слѣдующимъ образомъ:

Βδελυκλέων ст. 529 } { 634 Φιλοκλέων
Βδελυκλέων ст. 530 } { 635 Φιλοκλέων
) = (
Βδελυκλέων ст. 538 } { 642 Φιλοκλέων
Φιλοκλεών ст. 539 } { 643 Βδελυκλέων

Конструктивное соотвѣтствіе мы обозначали знакомъ равенства, а стихомитію—скобками. Въ одахъ первой синтагмы „Рыцарей" конструктивнаго соотвѣтствія, какъ мы уже заявили, нѣтъ, и нѣтъ причины вводить его силою; за то стихомитію не трудно будетъ признать. Стихи въ одѣ по смыслу распадаются на двѣ части—общую, можно сказать, и специальную; послѣдняя имѣетъ содержаніемъ выдумку

колбасника, будто Клеонъ продаетъ гнилую кожу. Стихи распредѣляются такъ:

1. Χορός
ὅστις ἡμῶν τὰς Ἀθήνας ἐκκεκώφηκας βοῶν,
κἀπὸ τῶν πετρῶν ἄνωθεν τοὺς φόρους θυννοσκοπεῖς.
Κλέων.
οἶδ' ἐγὼ τὸ πρᾶγμα τοῦθ' ὅθεν πάλαι καττύεται.
Ἀλλαντοπώλης.
εἰ δὲ μὴ σύ γ' οἶσθα κάττυμ', οὐδ' ἐγὼ χορδεύματα.

2. Ἀλλαντοπώλης.
ὅστις ὑποτέμνων ἐπώλεις δέρμα μοχθηροῦ βοὸς
τοῖς ἀγροίκοισιν πανούργως, ὥστε φαίνεσθαι παχύ,
καὶ πρὶν ἡμέραν φορῆσαι, μεῖζον ἦν δυοῖν δοχμαῖν.
Δημοσθένης.
νὴ Δία κἀμὲ τοῦτ' ἔδρασε ταὐτόν ὥστε κατάγελων
πάμπολυν τοῖς δημόταισι καὶ φίλοις παρασχεθεῖν.
πρὶν γὰρ εἶναι Περγασῆσιν, ἔνεον ἐν ταῖς ἐμβάσιν.

Соотвѣтствіе двухъ послѣднихъ трехстишій невольно бросается въ глаза. Оба относятся къ одному и тому же предмету, о которомъ не говорится ни до нихъ, ни послѣ ихъ: оба, наконецъ, имѣютъ то же самое синтактическое сложеніе. Дѣйствительно, въ каждомъ трехстишіи два предложенія; первое изъ нихъ занимаетъ два, второе — одинъ стихъ:

1) ст. 316 и 317 ἐπώλεις—ὥστε φαίνεσθαι
2) ст. 318 πρὶν φορῆσαι — ἦν
1) ст. 319 и 320 ἔδρασε — ὥστε παρασχεθεῖν
2) ст. 321 πρὶν εἶναι — ἔνεον

Такимъ образомъ, мезодъ въ строфѣ имѣетъ слѣдующее сложеніе:

2. 1+1. 3. 3

Антимезодъ также раздѣляется на общую и специальную части, при чемъ послѣдняя относится къ сфактерійскимъ плѣнникамъ:

1. Χορός.
ὡς ἐὰν νυνὶ μαλάξῃς αὐτὸν ἐν τῇ προσβολῇ
δειλὸν εὑρήσεις· ἐγὼ γὰρ τοὺς τρόπους ἐπίσταμαι.
Ἀλλαντοπώλης.
ἀλλ' ὅμως οὗτος τοιοῦτος ὢν ἅπαντα τὸν βίον,
κᾆτ' ἀνὴρ ἔδοξεν εἶναι, τἀλλότριον ἀμῶν θέρος.

2. Ἀλλαντοπώλης.

νῦν δὲ τοὺς στάχυς ἐκείνους, οὓς ἐκεῖθεν ἤγαγεν,
ἐν ξύλῳ δήσας ἀφαύει κἀποδόσθαι βούλεται.

Κλέων.

οὐ δέδοιχ' ὑμᾶς, ἕως ἂν ζῇ τὸ βουλευτήριον,
καὶ τὸ τοῦ δήμου πρόσωπον μακκοᾷ καθήμενον.

И тутъ мы имѣемъ явную стихомитію, которую разрушило бы предположеніе Гельбига. Симметрическія схемы обоихъ мезодовъ слѣдующія:

Χορὸς	ст. 312	} = {	389	Χορός
Χορὸς	ст. 319		390	Χορός
Κλέων	ст. 314		391	'Αλλαντοπ.
Αλλαντοπ.	ст. 315		392	'Αλλαντοπ.
'Αλλαντοπ.	ст. 316	} = {	393	'Αλλαντοπ.
'Αλλαντοπ.	ст. 317		394	'Αλλαντοπ.
'Αλλαντοπ.	ст. 318			
Δημοσθεν.	ст. 319		395	Κλέων.
Δημοσθεν.	ст. 320		396	Κλέων.
Δημοσθεν.	ст. 321			

Слѣдовательно, кромѣ сказаннаго о выборѣ размѣра, мы можемъ еще допустить, что внутри мезода должна быть соблюдена стихомитія.

Но употребленіе мезодическихъ тетраметровъ вообще ограничивается названными нами двумя комедіями. За то, если мы не ошибаемся, въ „Лизистратѣ" сохранился примѣръ совершенно аналогичныхъ имъ проодическихъ тетраметровъ. Тамъ, между просинтагмой и одой встрѣчаются слѣдующіе девять тетраметровъ:

Χορὸς γερόντων.

ὦ πόλλ' ἀναλώσας ἔπη, πρόβουλε τῆσδε τῆς γῆς,
τί τοῖσδε σαυτὸν εἰς λόγους τοῖς θηρίοις ξυνάπτεις;
οὐκ οἶσθα λουτρὸν οἷον αἵδ' ἡμᾶς ἔλουσαν ἄρτι
ἐν τοῖσιν ἱματιδίοις, καὶ ταῦτ' ἄνευ κονίας;

Χορὸς γυναικῶν.

ἀλλ' ὦ μέλ', οὐ χρὴ προσφέρειν τοῖς πλησίοισιν εἰκῇ
τὴν χεῖρ'. ἐὰν δὲ τοῦτο δρᾷς, κυλοιδιᾶν ἀνάγκη
. . . . [одинъ стихъ] . . . .
ἐπεὶ θέλω'γὼ σωφρόνως ὥσπερ κόρη καθῆσθαι,
λυποῦσα μηδέν' ἐνθαδί, κινοῦσα μηδὲ κάρφος,
ἢν μή τις ὥσπερ σφηκιὰν βλίττῃ με κἀρεθίζῃ.

Причину, почему мы полагаемъ, что между ст. 472 и 473 выпущенъ одинъ стихъ, читатель узнаетъ ниже.

Странно, что ни одинъ издатель до сихъ поръ не замѣтилъ, что ст. 467 сл. лишены всякаго смысла. Какимъ образомъ пробулъ могъ „потерять много словъ", когда онъ и не думалъ входить съ женщинами въ переговоры? Чтò это, наконецъ, за послѣдовательность: тутъ хоръ порицаетъ пробула за то, что онъ, будто бы, вступилъ съ женщинами въ переговоры (τί—ξυνάπτεις), а десять стиховъ ниже самъ поощряетъ его къ тому, чтобы требовать отъ нихъ объясненія, зачѣмъ онѣ заняли акрополь. Конечно, мы не считаемъ этихъ стиховъ подложными, но полагаемъ, что они стоятъ не на своемъ мѣстѣ. Ихъ мѣсто тамъ, гдѣ хоръ до нѣкоторой степени убѣдился въ безполезности спора, то-есть, между синтагмой и антисинтагмой, между ст. 538 и 539. Такимъ образомъ, каждый разъ синтагма будетъ начинаться съ маленькаго разговора полухорій, первая ея половина—съ пяти тетраметровъ женщинъ, а вторая—съ четырехъ тетраметровъ стариковъ. Если прибавить къ этимъ послѣднимъ два тетраметра женщинъ, ст. 539 сл., то проодъ антисинтагмы будетъ состоять изъ шести, а проодъ синтагмы — изъ пяти стиховъ. Поэтому мы предполагаемъ, что этотъ послѣдній не полонъ; впрочемъ, уже другіе предположили, что между ст. 476 и 477 выпущены даже два тетраметра.

Телеосинтагмическое четырестишіе извѣстно намъ изъ трехъ комедій—„Рыцарей", „Осъ" и „Птицъ". Оно заключаетъ цѣлую синтагму и должно быть написано размѣромъ антисинтагмы. За нимъ можетъ слѣдовать строфа хора, но это не обязательно.

Четырестишіе — вообще каноническая форма для тетраметровъ, стоящихъ внѣ антистрофическаго соотвѣтствія. Намъ извѣстны слѣдующіе примѣры:

1. Пародъ „Рыцарей", ст. 242. Мы уже сказали, что онъ раздѣляется на двѣ части: пародъ въ тѣсномъ смыслѣ и просинтагму. Послѣдняя начинается со ст. 273; пародъ же въ тѣсномъ смыслѣ слова имѣетъ слѣдующую схему:

242—246 (5) Демосѳенъ

247—254 (8) Хоръ = Хоръ (8) 258—265
255—257 (3) Клеонъ = Клеонъ (3) 266—268

269: ὡς δ' ἀλαζών, ὡς δὲ μάσθλης. εἶδες οἷ' ὑπέρχεται

ὥσπερεὶ γέροντας ἡμᾶς καὶ κοβαλικεύεται;
ἀλλ' ἐὰν ταύτῃ γε νικᾷ, ταυτῃὶ πεπλήξεται.
272. ἢν δ' ὑπεκκλίνῃ γε δευρί, τὸ σκέλος κορηβάσει.

Симметрія тутъ очевидна, и мы вполнѣ въ правѣ назвать ст. 269—272 „телеопародическимъ" четырестишіемъ.

2. Молитва Клеопохула въ „Осахъ", ст. 875—878:
ὦ δέσποτ' ἄναξ, γεῖτον ἀγυιεῦ τοὐμοῦ προσθεν προπυλαίου,
δέξαι τελετὴν καινήν, ὦναξ, ἣν τῷ πατρὶ καινοτομοῦμεν·
παῦσον δ' αὐτοῦ τοῦτο τὸ λίαν στρυφνὸν καὶ πρίνινον ἦθος,
ἀντὶ σιραίου μέλιτος μικρὸν τῷ θυμιδίῳ παραμίξας.

3. Крестьяне собираются освободить Ирену („Миръ" ст. 508):
χορ. ἄγ', ὦνδρες, αὐτοὶ δὴ μόνοι λαβώμεθ' οἱ γεωργοί.
Ἑρμ. χωρεῖ γέ τοι τὸ πρᾶγμα πολλῷ μᾶλλον, ὦνδρες, ὑμῖν.
χορ. χωρεῖν τὸ πρᾶγμά φησιν. ἀλλὰ πᾶς ἀνὴρ προθυμοῦ.
Τρυγ. οἵ τοι γεωργοὶ τοὔργον ἐξέλξουσι, κἄλλος οὐδείς.

4. Молитва Тригея въ „Мирѣ", ст. 1316 сл.:
εὐφημεῖν χρὴ καὶ τὴν νύμφην ἔξω τινὰ δεῦρο κομίζειν,
δᾷδάς τε φέρειν, καὶ πάντα λέων ξυγχαίρειν κἀπικελεύειν.
καὶ τὰ σκεύη πάλιν εἰς ἀγρὸν νυνὶ χρὴ πάντα κομίζειν
ὀρχησαμένους καὶ σπείσαντας καὶ Ὑπέρβολον ἐξελάσαντας.

5. Хоръ привѣтствуетъ Лизистрату („Лизистрата" ст. 1108 сл.):
χαῖρ' ὦ πασῶν ἀνδρειοτάτη· δεῖ δὴ νυνί σε γενέσθαι
δεινὴν... ἀγαθήν, φαύλην, σεμνήν, πολύπειρον.
ὡς οἱ πρῶτοι τῶν Ἑλλήνων τῇ σῇ ληφθέντες ἴυγγι
συνεχώρησάν σοι καὶ κοινῇ τἀγκλήματα πάντ' ἐπέτρεψαν.

6. „Тесмофоріазузы", ст. 655 сл.:
ἡμᾶς τοίνυν μετὰ τοῦτ' ἤδη τὰς λαμπάδας ἁψαμένας χρὴ
ξυζωσαμένας εὖ κἀνδρείως τῶν θ' ἱματίων ἀποδύσας
ζητεῖν, εἴ που κἄλλος τις ἀνὴρ ἐσελήλυθε, καὶ περιθρέξαι
τὴν πύκνα πᾶσαν καὶ τὰς σκηνὰς καὶ τὰς διόδους διαθρῆσαι.

Если наше предположеніе справедливо (гл. 11), то этотъ пассажъ служилъ телеосинтагмическимъ четырестишіемъ „Каллигеніи".

7. „Тесмофоріазузы", ст. 659 сл.:
εἶα δὴ πρώτιστα μὲν χρὴ κοῦφον ἐξορμᾶν πόδα,
καὶ διασκοπεῖν σιωπῇ πανταχῇ, μόνον δὲ χρὴ
μὴ βραδύνειν, ὡς ὁ καιρός ἐστι μὴ μέλλειν ἔτι,
ἀλλὰ τὴν πρώτην τρέχειν χρὴ σ' ὡς τάχιστ' ἤδη κύκλῳ.

8. „Экклезіазузы", ст. 285 сл.:

ὥρα προβαίνειν, ὦνδρες, ἡμῖν ἐστι· τοῦτο γὰρ χρὴ
μεμνημένας ἀεὶ λέγειν, ὡς μή ποτ' ἐξολισθῇ
ἡμᾶς· ὁ κίνδυνος γὰρ οὐχὶ μικρός, ἢν ἁλῶμεν
ἐνδυόμεναι κατὰ σκότον τόλμημα τηλικοῦτον.

9. Эпипародъ „Экклезіазузъ", если исправить первые стихи [1]):

ἔμβα, σκόπει, χώρει, στρέφου... [τουτί τί ἦν τὸ πρᾶγμα;]
ἆρ' ἔστι τῶν ἀνδρῶν τις ἡμῖν ὅστις ἐπακολουθεῖ;
φύλαττε σαυτὴν ἀσφαλῶς и т. д.

имѣетъ слѣдующую схему:

479—483	(5)	тетраметры	=	тетраметры	(5)	489—493
484—485	(3)	диметры	=	диметры	(3)	494—495
486—488	(5)	диметры	=	диметры	(5)	496—498

καὶ μὴ βράδυν' ὡς τήνδε καὶ δὴ τὴν στρατηγὸν ἡμῶν
χωροῦσαν ἐξ ἐκκλησίας ὁρῶμεν· ἀλλ' ἐπείγου
ἅπασα καὶ μίσει σάκον πρὸς ταῖν γνάθοιν ἔχουσα·
χαὖται γὰρ ἥκουσιν πάλαι τὸ σχῆμα τοῦτ' ἔχουσαι.

10. Пародъ комедіи „Богатство" имѣетъ слѣдующую схему:

253—256	(4)	Каріонъ
257—260	(4)	Хоръ
261—273	(3)	Каріонъ
264	(1)	Хоръ
265—267	(3)	Каріонъ
268	(1)	Хоръ
269	(1)	Хоръ
270	(1)	Каріонъ
271 сл.	(2)	Хоръ
273 сл.	(2)	Каріонъ
275 сл.	(2)	Хоръ
277 сл.	(2)	Каріонъ

579. διαρραγείης· ὡς μόθων εἶ καὶ φύσει κόβαλος.
ὅστις φενακίζεις, φράσαι δ' οὔπω τέτληκας ἡμῖν,
οἳ πολλὰ μοχθήσαντες, οὐκ οὔσης σχολῆς, προθύμως
δεῦρ' ἤλθομεν, πολλῶν θύμων ῥίζας διεκπερῶντες.

[1]) Соотвѣтствіе хорическихъ тетраметровъ, которое въ пародахъ никогда не нарушается, требуетъ, чтобы мы изъ двухъ диподій ἔμβα, χώρει и στρέφου σκόπει составили цѣлый тетраметръ. Кромѣ того, намъ кажется, что наша конъектура требуется самимъ смысломъ ст. 479.

Эписинтагміонъ, подобно только что разсмотрѣнному четырестишію, есть форма для заключенія синтагмы. Онъ намъ извѣстенъ изъ „Лизистраты“ и „Ахарнянъ“; въ обѣихъ комедіяхъ онъ состоитъ изъ двухъ соотвѣтствующихъ другъ другу трехстишій. Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ мы его встрѣчаемъ и въ синтагмѣ „Богатства“:

Χρεμύλος.

αὕτη μὲν ἡμῖν ἠπίτριπτος οἴχεται.
ἐγὼ δὲ καὶ σύ γ' ὡς τάχιστα τὸν θεὸν
ἐγκατακλινοῦντ' ἄγωμεν εἰς 'Ασκληπιοῦ.

Βλεψίδημος.

καὶ μὴ διατρίβωμέν γε, μὴ πάλιν τις αὖ
ἐλθὼν διακωλύσῃ τι τῶν προὔργου ποιεῖν.

Χρεμύλος.

παῖ Καρίων, τὰ στρώματ' ἐκφέρειν σ' ἐχρῆν
αὐτόν τ' ἄγειν τὸν Πλοῦτον, ὡς νομίζεται,
καὶ τἄλλ' ὅσ' ἐστὶν ἔνδον εὐτρεπισμένα.

Тутъ трехстишія прерваны двустишіемъ Блепсидема. Но уже одно то обстоятельство, что эти стихи помѣщены между пнигосомъ и строфою хора, доказываетъ, что они составляютъ эписинтагміонъ, а не простой какой-нибудь діалогъ.

Въ этихъ трехъ случаяхъ эписинтагміонъ одинъ составляетъ заключеніе синтагмы. Самъ по себѣ, однако, онъ можетъ быть группированъ съ телеосинтагмическимъ четырестишіемъ, и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ за этимъ послѣднимъ. Въ примѣръ приводимъ комедію „Рыцари“.

Ст. 457—460 ὦ γεννικώτατον κρέας и т. д.—телеосинтагмическое четырестишіе.

Κλέων.

461 ταυτὶ μὰ τὴν Δήμητρά μ' οὐκ ἐλάνθανεν
τεκταινόμενα τὰ πράγματ', ἀλλ' ἠπιστάμην
γομφούμεν' αὐτὰ πάντα καὶ κολλώμενα.

'Αλλαντοπώλης.

465 οὔκουν ἐν Ἄργει μ' οἷα πράττει λανθάνει.
πρόφασιν μὲν 'Αργείους φίλους ἡμῖν ποιεῖ·
ἰδίᾳ δ' ἐκεῖ Λακεδαιμονίοις ξυγγίγνεται.

Эти пассажи соотвѣтствуютъ другъ другу не только въ числѣ, но и въ выраженіяхъ (461 ἐλάνθανεν—465 λανθάνει), и мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что въ нихъ слѣдуетъ признать четвертый извѣстный намъ эписинтагміонъ.

Мы видѣли, что пароды „Рыцарей“, эпипародъ „Экклезіазузъ“ и пародъ „Богатства“ оканчиваются вполнѣ похожимъ па телеосинтагмическое „телеопародическимъ“ четырестишіемъ. Точно также можно доказать, что пароды могли оканчиваться соотвѣтствующимъ эписинтагміи „эпипародіемъ“.

1. Явный примѣръ такого эпипарода содержитъ въ себѣ пародъ „Ахарнянъ“. Никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ имѣетъ слѣдующую схему:

ст. 204—207 (4) тетраметры = тетраметры (4) ст. 219—223
ст. 208—218 — строфа . . = антистрофа — ст. 224—243

Χορός.
ἀλλὰ δεῖ ζητεῖν τὸν ἄνδρα καὶ βλέπειν Βαλλήναδε
καὶ διώκειν γῆν πρὸ γῆς, ἕως ἂν εὑρεθῇ ποτε·
ὡς ἐγὼ βάλλων ἐκεῖνον οὐκ ἂν ἐμπλήμην λίθοις.

Δικαιόπολις.
εὐφημεῖτε, εὐφημεῖτε.

Χορός.
σῖγα πᾶς· ἠκούσατ', ἄνδρες, ἆρα τῆς εὐφημίας;
οὗτος αὐτός ἐστιν ὃν ζητοῦμεν· ἀλλὰ δεῦρο πᾶς
ἐκποδών· θύσων γὰρ ἀνήρ, ὡς ἔοικ', ἐξέρχεται.

Δικαιόπολις.
εὐφημεῖτε, εὐφημεῖτε.

2. Въ „Лизистратѣ“ находимъ эпипародъ не въ пародѣ, а въ сценѣ, гдѣ оба полухорія мирятся. Если принять въ соображеніе, что послѣ ст. 1017 выпущенъ одинъ тетраметръ (см. Oeri, Fleckeisens Jahrbücher 101, стр. 387), то эта сцена будетъ имѣть слѣдующую схему:

2. 2. 2. 3. 2. 3. 3. 3. 2 2. 3. 3.

Изъ нихъ первые 24 стиха составляютъ одно цѣлое, такъ какъ этотъ пассажъ написанъ синкопированными тетраметрами:

— ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ ⏑ ⏑ ∧ — ⏑ —

кромѣ послѣдняго стиха (см. гл. 23). За нимъ слѣуютъ шесть стиховъ:

Χορὸς γερόντων.
ἀλλὰ μὴ ὥρασ' ἴχοισθ'· ὡς ἐστὲ θωπικαὶ φύσει,
κἄστ' ἐκεῖνο τοὔπος ὀρθῶς κοὐ κακῶς εἰρημένον,
οὔτε σὺν πανωλέθροισιν, οὔτ' ἄνευ πανωλέθρων.

Χορὸς γυναικῶν.

ἀλλὰ νυνὶ σπένδομαί σοι, καὶ τὸ λοιπὸν οὐκέτι
οὔτε δράσω φλαῦρον οὐδὲν οὔθ' ὑφ' ὑμῶν πείσομαι.
ἀλλὰ κοινῇ συσταλέντες τοῦ μέλους ἀρξώμεθα.

Это — явный эпипародъ. Обращаемъ тутъ вниманіе читателя на равное начало обоихъ тристишій.

3. Эпипародъ „Экклезіазузъ". Его эвритмическій составъ мы уже разобрали и нашли, что вся сцена кончается телеопародическимъ четырестишіемъ. Но послѣ десяти триметровъ Праксагоры начинается слѣдующій разговоръ между ею и хоромъ:

Χορός.

κεῖται καὶ δὴ πάνθ' ἅπερ εἶπας· σὸν δ' ἔργον τἄλλα διδάσκειν,
ὅ τι σοι δρῶσαι ξύμφορον ἡμεῖς δόξομεν ὀρθῶς ὑπακούειν.
οὐδεμιᾷ γὰρ δεινοτέρᾳ σου ξυμμίξασ' οἶδα γυναικί.

Πραξαγόρα.

περίμεινασέ νυν, ἵνα τῆς ἀρχῆς, ἣν ἄρτι κεχειροτόνημαι
ξυμβούλοισιν πάσαις ὑμῖν χρήσωμαι· καὶ γὰρ ἐπεῖ μοι
ἐν τῷ θορύβῳ καὶ τοῖς δεινοῖς ἀνδρειόσαται γεγένησθε.

Эти тристишія соотвѣтствуютъ другъ другу и по смыслу. Хоръ спрашиваетъ Праксагору, что̀ она ему прикажетъ, и при этомъ дѣлаетъ ей комплименты; Праксагора приказываетъ ему остаться и отвѣчаетъ также комплиментомъ.

Пародъ „Богатства" также разобранъ нами; онъ кончается, какъ мы замѣтили, телеосинтагмическимъ четырестишіемъ. Но вслѣдъ за этимъ послѣднимъ идетъ эпипародъ:

Καρίων.

ἀλλ' οὐκέτ' ἂν κρύψαιμι. τὸν Πλοῦτον γάρ, ὦνδρες, ἥκει
ἄγων ὁ δεσπότης, ὃς ὑμᾶς πλουσίους ποιήσει.

Χορός.

ὄντως γὰρ ἔστι πλουσίοις ἅπασιν ἥμιν εἶναι;

Καρίων.

νὴ τοὺς θεούς, Μίδας μὲν οὖν. ἢν ὦτ' ὄνου λάβητε.

Χορός.

ὡς ἥδομαι καὶ τέρπομαι καὶ βούλομαι χορεῦσαι
ὑφ' ἡδονῆς, εἴπερ λέγεις ὄντως σὺ ταῦτ' ἀληθῆ.

Кромѣ того, каноническая пара тристишій, какъ конецъ сцены, употребляется и въ мезодѣ первой синтагмы „Рыцарей", и въ интересной фаллической пѣснѣ („Ахарняне", ст. 263 сл.).

. . . .

καὶ Λαμάχων ἀπαλλαγείς

πολλῷ γάρ ἐσθ' ἥδιον, ὦ Φαλῆς Φαλῆς,
κλέπτουσαν εὑρόνθ' ὡρικὴν ὑληφόρον,
τὴν Στρυμοδώρου Θρᾷτταν ἐν τοῦ φελλέως,
μέσην λαβόντ', ἄραντα, κατα-
βαλόντα καταγιγαρτίσαι.
Φαλῆς, Φαλῆς
ἐὰν μεθ' ἡμῶν ξυμπίῃς, ἐκ κραιπάλης
ἕωθεν εἰρήνης ῥοφήσεις τρύβλιον·
ἡ δ' ἀσπὶς ἐν τῷ φεψάλῳ κρεμήσεται.

Въ заключеніе укажемъ на замѣчательное совпаденіе: въ тѣхъ комедіяхъ, гдѣ и пародъ, и синтагма имѣютъ одну изъ каноническихъ клаузуръ, эти клаузуры принадлежатъ къ одному и тому же роду, то есть, если пародъ оканчивается эпипародомъ, то синтагма кончается эписинтагміемъ, а если пародъ заключается телеопародическимъ четырестишіемъ, то синтагма—телеосинтагмическимъ.

26.

Мы окончили разборъ отдѣльныхъ частей синтагмы. Но изслѣдованія наши были бы неполны, еслибы мы не обратили вниманія на тотъ способъ, какимъ хоръ и актеры произносили выпадающіе на ихъ роль пассажи. Конечно, отвѣтить на этотъ вопросъ нелегко; древняя музыка вся погибла, а свидѣтельства древнихъ авторовъ объ этой важной сторонѣ эллинской жизни такъ незначительны, что по нимъ трудно составить себѣ, даже въ самихъ общихъ чертахъ, вѣрное понятіе о ней. Поэтому нельзя удивляться, что даже главнѣйшіе пункты вопроса о древней музыкѣ, напримѣръ, полифонія древняго хора, составляютъ до сихъ поръ предметъ спора между учеными. Но не смотря на это безотрадное положеніе дѣла, мы надѣемся дойти въ этомъ вопросѣ, на сколько онъ насъ интересуетъ, до достаточно положительныхъ результатовъ.

Инструменты, которыми пользовались древніе, дѣлились, подобно нашимъ, на струнные и духовые; но оба эти рода инструментовъ были очень бѣдны. Изъ струнныхъ инструментовъ у Грековъ употреблялась только лира и цитра, а изъ духовыхъ—σύριγξ и αὐλός.

Лира (λύρα, φόρμιγξ или κιθαρίς) отличалась отъ цитры (κιθάρα), вопервыхъ, тѣмъ, что у нея былъ резонансъ подъ самыми струнами,

а вовторыхъ, — тѣмъ, что на ея струнахъ играли одними пальцами, между тѣмъ какъ κιθαρῳδός при своей игрѣ пользовался такъ-называемымъ πλῆκτρον. По описаніямъ древнихъ, лира была такимъ простымъ инструментомъ, что играть на немъ (κιθαρίζειν) обучался каждый образованный Аѳинянинъ; на ней аккомпанировали пѣніе народныхъ пѣсень (σκολιά, παροίνια) на пирушкахъ и вечеринкахъ. Цитра, напротивъ того, была инструментомъ однихъ виртуозовъ; играть на ней было очень трудно; это и понятно: такъ какъ на каждой струнѣ можно было вызывать только одинъ звукъ, то для произведенія самыхъ простыхъ аккордовъ приходилось перескакивать плектромъ нѣсколько струнъ въ одно мгновеніе. Но именно потому цитра была главнымъ инструментомъ на религіозныхъ торжествахъ. Первый компонистъ, возведшій технику ея до нѣкотораго совершенства, былъ Терпандръ, отецъ трагической музыки и главный представитель первой музыкальной катастазы. Онъ создалъ китародическую школу терпандридовъ, которая существовала еще во времена Перикла. Его послѣдователями были всѣ дорическіе поэты слѣдующихъ столѣтій, а равно и трагики, изъ которыхъ объ одномъ — Эсхилѣ — мы знаемъ, что онъ писалъ и компонировалъ свои хорическія пѣсни по образцу китародическихъ номосовъ (см. Westphal, Prolegg. z. Aesch. стр. 96 и слѣд.).

Для комедіи, однако, цитра не имѣла никакого значенія; торжественные звуки ея не шли къ игривому содержанію комедіи. Единственнымъ иструментомъ, на которомъ аккомпанировали пѣсни комедіи, былъ αὐλός. Слово αὐλός обыкновенно переводятъ через „флейта", но это невѣрно; αὐλός отличался отъ флейты тѣмъ, что имѣлъ язычекъ (γλωττίς), поэтому вѣрнѣе передать его словомъ „кларнетъ". Αὐλός, равно какъ и лира, исполнялъ важную роль при пиршествахъ, на которыхъ непремѣнно должны были присутствовать особенныя αὐλητρίδες, tibicinae. На немъ гораздо легче было играть оживленныя, выразительныя мелодіи, какихъ именно требовала комедія. И дѣйствительно, надобно полагать, что Греки особенно въ подражательной музыкѣ достигли высокаго совершенства. Одинъ изъ самыхъ древнихъ аттическихъ комиковъ, Магнетъ, съ особеннымъ рвеніемъ занимался ею, и по видимому, его игра нравилась Аѳинянамъ; Аристофанъ слегка подшучиваетъ надъ нимъ („Рыц." 520 сл.):

τοῦτο μὲν εἰδὼς ἅπαθε Μάγνης ἅμα ταῖς πολιαῖς κατιούσαις,
ὃς πλεῖστα χορῶν τῶν ἀντιπάλων νίκης ἔστησε τρόπαια,
πάσας δ' ὑμῖν φωνὰς ἱείς, καὶ ψάλλων, καὶ πτερυγίζων

καὶ λυδίζων, καὶ ψηνίζων καὶ βαπτόμενος βατραχείοις
οὐκ ἐξήρκεσεν...

Кокъ, очевидно, не понялъ самой сути дѣла, когда дѣлаетъ къ этимъ стихамъ такое замѣчаніе: „Magnes suchte durch grosse Abwechselung in überraschenden Erfindungen zu ergötzen. In den Βαρβιτισταί liess er einen ganzen Chor von Lautenschlägern (ψάλλων), in den Ὄρνιθες einen Chor von Vögeln (πτερυγίζων), in den Λυδοί lydische Sänger oder Tänzer, in den Ψῆνες sogar Gallwespen und in den Βάτραχοι Frösche auftreten". Прежде всего мы знаемъ, что комедіи Магнета въ александрійскую эпоху уже не существовали, да врядъ ли и были когда-либо изданы, такъ что приводимыя схоліастомъ ихъ заглавія (Βαρβιτισταί и т. д.) являются чистою выдумкой, основаніемъ которой послужили приведенные стихи Аристофана. А эти послѣдніе относятся явно не къ разнообразію въ хорической техникѣ и скейографіи, а чисто къ музыкѣ. Πάσας φωνὰς ἱείς значитъ: „онъ былъ мастеръ на всякаго рода звуки"; это предложеніе и поясняется слѣдующими словами: 1) ψάλλων. Отсюда слѣдуетъ, что Магнетъ иногда аккомпанировалъ свои пѣсни не на кларнетѣ, а на барбитовѣ; слова Мейнеке (Hist. crit. стр. 34): „qua in fabula non dubitamus quin cantatores quosdam perstrinxerit qui barbito, lyrae genere contemptissimo impense delectarentur"—чистѣйшая выдумка, лишенная всякаго реальнаго основанія. 2) πτερυγίζων. Отсюда слѣдуетъ, что въ одной или нѣкоторыхъ комедіяхъ Магнета музыка подражала голосу и полету птицъ (confer Waldvögelein Рих. Вагнера въ „Зигфридѣ"), точно также, какъ и въ „Птицахъ" Аристофана. 3) λυδίζων. Въ драматической музыкѣ поэты пользовались однимъ только дорическимъ, или минорнымъ тономъ. Изъ словъ Аристофана слѣдуетъ, что Магнетъ пытался ввести туда и лидическій (то-есть, мажорный тонъ, лишенный кварты). 4) ψηνίζων. Точно также какъ голосу птицъ, въ другихъ комедіяхъ Магнетъ подражалъ жужжанію осъ. 5) βαπτόμενος βατραχείοις не имѣетъ ровно никакого смысла. Βατραχείοις, по видимому, не что иное, какъ искаженное βατραχίζων, но какъ объяснить или исправить βαπτόμενος, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ однако, это мѣсто доказываетъ, что музыка Магнета подражала иногда кваканію лягушекъ.

Подражательная музыка и у Аристофана играетъ важную роль. Въ парахорегемѣ „Лягушекъ" музыка очевидно подражаетъ кваканію лягушекъ, что выражено даже въ текстѣ (βρεκεκὲξ κοὰξ κοάξ); въ „Птицахъ" точно также есть подражаніе пѣнію птицъ

Μοῦσα λοχμαία,
τιὸ τιὸ τιὸ τιὸ τιὸ τιὸ τιοτίξ

Въ „Ахарнянахъ" подражаніе даже очень мудреное:

δεῦρο Μοῦσ' ἐλθὲ φλεγυρὰ πυρὸς ἔχουσα μένος, ἔντονος 'Αχαρνική·
οἷον ἐξ ἀνθράκων πρινίνων φέψαλος ἀνήλατ', ἐρεθιζόμενος οὐρίᾳ ῥιπίδι
ἡνίκ' ἂν ἐπανθρακίδες ὦσι παρακείμεναι,
οἱ δὲ Θασίαν ἀνακυκῶσι λιπαράμπυκα,
οἱ δὲ μάττωσιν, οὕτω σοβαρὸν ἐλθὲ μέλος εὔτονον ἀγροικότονον,
ὡς ἐμὲ λαβοῦσα τὸν δημότην.

Все это доказываетъ, что греческая музыка, не смотря на несовершенство инструментовъ, стояла въ эпоху Аристофана на высокой степени развитія. Нѣтъ сомнѣнія, что это совершенство сдѣлалось возможнымъ только при содѣйствіи самого мелодическаго изъ греческихъ инструментовъ—кларнета.

Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ его довольно часто у Аристофана. Сопоставляемъ въ слѣдующихъ строкахъ интересующія насъ мѣста.

„Миръ" ст. 950 сл.

οὔκουν ἁμιλλήσεσθον; ὡς ἢν Χαῖρις ὑμᾶς ἴδῃ
πρόσεισιν ἄκλητος αὐλῶν κᾆτα σάφ' οἶδ' ὅτι
φυσῶντι καὶ πονουμένῳ προσδώσετε δήπου.

Игра на кларнетѣ относится къ слѣдующей молитвѣ (ὦ σεμνοτάτη и т. д.).

„Птицы" ст. 223. Послѣ анапестической системы пустошки въ рукописяхъ отмѣчено αὐλεῖ, а вслѣдъ за тѣмъ начинается знаменитая монодія ἐποποπο. Ясно, что пустошка и пѣла подъ аккомпаниментъ кларнета.

Тамъ же, ст. 682 сл.

ἀλλ', ὦ καλλιβόαν κρέκουσ'
αὐλὸν φθέγμασιν ἠρινοῖς,
ἄρχου τῶν ἀναπαίστων.

Тамъ же, ст. 859. Питетеръ говоритъ музыканту, сопровождавшему молитвенную пѣсню жреца: παῦσαι σὺ φυσῶν.

„Лягушки" ст. 312 сл.

Ξανθίας.

οὗτος

Διόνυσος.

τί ἔστιν;

Ξανθίας.

οὐ κατήκουσας;

Διόνυσος.

τίνος;

Ξανθίας.

αὐλῶν πνοῆς.

Тутъ αὐλοὶ сопровождаютъ слѣдующую пародическую пѣсню:

Ἴακχ' ὦ Ἴακχε,
Ἴακχ' ὦ Ἴακχε.

Цитру мы ни разу не встрѣчаемъ, лиру только разъ—въ „Тесмофоріазузахъ", гдѣ она сопровождаетъ молитвы хора.

ст. 123. σέβομαι Λατώ τ' ἄνασσαν
κίθαρίν τε ματέρ' ὕμνων
ἄρσενι βοᾷ δοκίμῳ

ст. 327. χρυσέα τε φόρμιγξ
ἀχήσειεν ἐπ' εὐχαῖς
ἡμετέραις.

Но все-таки эти мѣста слишкомъ незначительны и не могутъ дать отвѣтъ на главный вопросъ, поставленный нами въ началѣ этой главы.

Этотъ отвѣтъ нельзя получить иначе, какъ комбинируя свидѣтельства грамматиковъ съ уцѣлѣвшими піесами Аристофана и сравнивая тѣ и другія съ нашими понятіями о теперешней музыкѣ.

Конечно, это не легко, и мы охотно предоставили бы это дѣло другимъ, еслибы понятія даже ученыхъ, занимавшихся этимъ предметомъ, не были особенно смутны и невѣрны именно въ этомъ отношеніи. Возьмемъ для доказательства слѣдующіе примѣры.

Безспорно самый замѣчательный изъ ученыхъ, писавшихъ о древней музыкѣ, Рудольфъ Вестфаль, слѣдующимъ образомъ выражается о произношеніи гиперметровъ (Proll. zu Aesch. 138):

«Da der eigenthümliche Bau der tragischen Anapaesten nur dann zu erklären und zu verstehen ist, wenn wir die Musik herbeiziehen, so ist selbstverständlich, dass sie wenigstens in der älteren Zeit nicht blos declamatorisch, sondern musicalisch vorgetragen wurden. Vor allem haben wir dies für die Tragoedien des Aeschylus vorauszusetzen. Aber es gibt zwei Arten des musicalischen Vortrags, Vocalmusik und Instrumentalmusik. Wurden die Anapaesten gesungen? Oder war die Musik eine blose κροῦσις, zu der die Textesworte vom Coryphaeus gesprochen wurden?... Nehmen wir an, dass die Silben gesungen seien. In unserem modernen Theater begnügt man sich auch wohl mit dem blosem Gesange, ohne den Sinn der gesungenen Silben zu vestehen, sind sie ja

gewöhnlich so bedeutungslos und inhaltslos, dass man sich sogar des uns zu Gebot stehenden Textbuches nicht bedienen mag. Bei der Aufführung einer aeschyleischen Tragoedie wurde dem Zuhörer kein Text in die Hände gegeben, er hatte erst aus dem Gesange den Inhalt der Poesie kennen zu lernen und musste hier namentlich bei aeschyleischen Anapaesten dem Inhalt auf's genaueste Wort fur Wort folgen, wenn er nicht sofort aus dem Zusammenhang kommen wollte. Um aber verstanden zu werden, musste der antike Theatergesang, zumal in dem grossen freien Raume des Theaters ein möglichst langsames Tempo haben,—so langsam, dass, wenn die Anapaesten gesungen wären, der gleichzeitige Marsch den Character einer schneckenhaften Langsamkeit gehabt hätte. Soll doch auf jeden Anapaest nur ein einmaliges Niedersetzen des Fusses kommen!.. So bleibt denn nichts übrig, als dass die Musik der anapaestischen Hypermetra keine Vocal, sondern blose Instrumentalmusik war, zu welcher der Koryphaeus die Textesworte recitirte. Beim Recitiren kann man ein ungleich rascheres Tempo als beim Singen einhalten, ohne dass das Verständniss der Worte erschwert wird — und eben deshalb, weil beim Recitiren das Tempo schneller genommen werden kann, kann auch die genau dem Tempo des Recitirens folgende Marschbewegung eine schnellere sein.—Auch die hypermetrische Form ist dem Gesange so ungünstig wie möglich und streng genommen nur für melodramatische Declamation geeignet. Denn der Gesang bedarf Ruhepuncte und Pausen, man kann dem Sänger nicht zumuthen in einem Athemzuge Perioden von 6, 7, 8 und mehr Reihen fortzusingen.—So, denke ich, ist für die anapaestischen Hypermetra der Tragoedie der melodramatische Vortrag oder, wie ihn die Alten nennen, die παρακαταλογή gesichert.

„То же“, продолжаетъ Вестфаль,—„относится и къ гиперметрамъ комедіи“.

На это мы отвѣтимъ слѣдующее:

Читателю извѣстна сцена въ комедіи „Птицы“, гдѣ Пиѳетеръ предлагаетъ царю пустошкѣ разбудить соловья и созвать птицъ.

Πειθέταιρος.

πῶς δῆτ' ἂν αὐτοὺς ξυγκαλέσειας;

Ἔποψ.

ῥᾳδίως.

δευρὶ γὰρ ἐμβὰς αὐτίκα μάλ' ἐς τὴν λόχμην,
ἔπειτ' ἀνεγείρας τὴν ἐμὴν ἀηδόνα,

καλοῦμεν αὐτούς. οἱ δὲ ν φ ῷ ν τ ο ῦ φ θ έ γ μ α τ ο ς
ἐάνπερ ἐπακούσωσι, θεύσονται δρόμῳ.

Πειθέταιρος.

ὦ φίλτατ' ὀρνίθων σύ, μή νυν ἕσταθι·
ἀλλ' ἀντιβολῶ σ', ἄγ' ὡς τάχιστ' ἐς τὴν λόχμην
ἔμβαινε κἀνέγειρε τὴν ἀηδόνα.

Ἔποψ.

ἄγε, σύννομέ μοι παῦσαι μὲν ὕπνου,
λῦσον δὲ νόμους ἱερῶν ὕμνων,
οὓς διὰ θείου στόματος θρηνεῖς
τὸν ἐμὸν καὶ σὸν πολύδακρυν Ἴτυν.

. . . .

διὰ δ' ἀθανάτων στομάτων χωρεῖ
ξύμφωνος ὁμοῦ
θεία μακάρων ὀλολυγή.

(αὐλεῖ).

Супруга царя Пустошки, царица Соловей, между прочимъ играетъ въ этой комедіи роль αὐλητρίς'ы; это видно изъ комматія парабазы, въ которомъ хоръ обращается къ ней со словами: ἀλλ', ὦ καλλιβόαν κρέκουσ' αὐλὸν φθέγμασιν ἠρινοῖς, ἄρχου τῶν ἀναπαίστων. Отсюда слѣдуетъ, 1) что напечатанныя съ разрядкою слова пустошки νῷν τοῦ φθέγματος" относятся къ мелодіи пустошки, сопровождаемой игрою соловья на кларнетѣ; 2) что, кромѣ соловья, никто не аккомпанировалъ пѣсни пустошки, — иначе бы слѣдовало сказать: οἱ δ' ἡ μ ῶ ν τοῦ φθέγματος; 3) что этотъ гиперметръ былъ пѣтъ пустошкою безъ аккомпанимента музыки (такъ какъ пустошка своимъ гиперметромъ будитъ соловья), значитъ, отнюдь не мелодраматически.

То же можно сказать и о комматіѣ парабазы. Хоръ или корифей проситъ въ немъ соловья, чтобы тотъ началъ наигривать мелодію анапестовъ—значитъ, самый комматіонъ былъ пѣтъ имъ безъ акомпанимента.

Эти примѣры доказываютъ какъ нельзя лучше, что Вестфаль не правъ.

Примѣръ Вестфаля окончательно смутилъ Муффа („Ueber den Vortrag der chorischen Partien bei Aristophanes"). Мы потому должны упомянуть о его трудѣ, что, кромѣ него, никто не занимался data opera интересующимъ насъ вопросомъ; но, по видимому, авторъ, самъ не имѣетъ понятія о значеніи слова „Vortrag", а по тому нельзя удивляться, что его книга очень мало разъясняетъ дѣло. Приводимъ

для образца нѣсколько его разсужденій. „Die Parodos ist unter allen Umständen melisch vorgetragen worden, weil ihr die Aufgabe zufällt, den Chor beim Einrücken in die Orchestra zu begleiten, und weil die Metra, die hier angewandt sind, mögen sie nun rein lyrischer Natur sein, oder zu den Marschrhythmen gehören, eine durchweg melische Behandlung erfahren haben... In seiner Gesammtheit kann sich ein Chor von 24 Personen nicht anders als auf dem Wege des Gesanges äussern; gemeinsame Recitation würde in einem solchen Falle, zumal bei längeren Partien entweder einen tumultuarischen Character annehmen, oder in den Fehler der Steifheit verfallen, auf alle Fälle also unerträglich sein" (стр. 82). На первый взглядъ кажется, что это мнѣніе діаметрально противоположно мнѣнію Вестфаля, но мы сильно подозрѣваемъ, что Муффъ и самъ не знаетъ, что „melischer" и „melodramatischer Vortrag" — двѣ различныя вещи.

Приведемъ еще слова Криста (Metrik[2] 676): „Neben dem Declamiren und Singen kannten die Griechen noch eine dritte Vortragsweise, welche sie mit dem technischen Namen παρακαταλογή bezeichneten. Das Wort παρακαταλέγειν will nach Analogie von πάρισον, παρίαμβος, παρέκθεσις eine Weise des Vortrags bedeuten, die an das einfache Sprechen (καταλέγειν) anstreift; die παρακαταλογή bildete so den Uebergang vom Singen zum Sprechen, indem dabei die Worte des Textes ohne förmlichen Gesang vorgetragen wurden, der Vortragende aber im Einhalten des Rhythmus und wohl auch in der Modulation der Schlussfiguren durch ein begleitendes Instrument unterstützt wurde. Als Erfinder dieser Vortragsweise, die sich dem Recitativ unserer komischen (?) Oper vergleichen lässt, bezeichnet Plutarch den Jambographen Archilochus".

И такъ, по мнѣнію Вестфаля, пароды произносились мелодраматически, по мнѣнію Муффа—мелически, по мнѣнію Криста—речитативомъ. Для полноты слѣдовало бы назвать еще четвертаго ученаго, который утверждалъ бы, что способомъ произношенія пародовъ была простая рецитація. И дѣйствительно, „на ловца и звѣрь бѣжитъ". Фриче, въ своемъ комментаріѣ къ „Лягушкамъ" Аристофана, между прочимъ замѣчаетъ слѣдующее (къ ст. 382): „Parodos est prima oratio universi chori, quae recitationem habet, non cantum".

Такимъ образомъ, всѣ возможныя и невозможныя мнѣнія нашли себѣ поборника, и читатель можетъ выбирать любое изъ нихъ,— если только онъ не предпочтетъ прислушаться къ нашему разсужденію. Во всякомъ случаѣ, надѣемся, онъ одобритъ наше намѣреніе

слѣдовать по собственному, указанному въ предыдущей главѣ пути, независимо отъ мнѣнія другихъ ученыхъ.

27.

Въ современной оперѣ различаютъ четыре рода произношенія: 1) пѣсню (аріи, хоры и пр.); 2) речитативъ, который можетъ быть сопровождаемъ оркестромъ (recitativo arioso) или нѣтъ (recitativo secco); 3) мелодраму, то-есть, декламацію съ аккомпаниментомъ музыки; 4), наконецъ—діалогъ. Изъ этихъ четырехъ способовъ третій, то-есть, мелодраматическій — самого недавняго происхожденія. Извѣстно, что его изобрѣлъ Руссо въ концѣ прошлаго столѣтія въ своей оперетѣ „Le devin du village". Его изобрѣтеніе нашло многихъ послѣдователей въ композистахъ сентиментальныхъ оперъ, но въ серіозной оперѣ оно играетъ чрезвычайно скромную роль.

У Грековъ существовали тоже четыре техническія выраженія для обозначенія четырехъ различныхъ родовъ произношенія стиховъ:

1) ᾠδή, μέλος, ᾆσμα, εἶδος. Всѣ эти четыре слова означаютъ то же самое, и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что имъ вполнѣ соотвѣтствуетъ слово „пѣсня".

2) παρακαταλογή. Значеніе этого слова спорно. Сопоставляемъ мѣста, изъ которыхъ можно сдѣлать выводъ о его смыслѣ:

a) Aristot. probl. XIX. Διὰ τί ἡ παρακαταλογὴ ἐν ταῖς ᾠδαῖς τραγικόν; ἢ διὰ τὴν ἀνωμαλίαν. παθητικὸν γὰρ τὸ ἀνωμαλὲς καὶ ἐν μεγέθει τύχης ἢ λύπης, τὸ δὲ ὁμαλὲς ἔλαττον γοῶδες. Ясно, что слово ᾠδή тутъ употреблено не по отношенію къ произношенію — такъ какъ этимъ произношеніемъ была именно παρακαταλογή,—а по отношенію къ метрическому составу. Въ цѣломъ фраза имѣетъ слѣдующій смыслъ: „Отчего произношеніе παρακαταλογάδην стиховъ, написанныхъ одическими размѣрами и предназначенныхъ, казалось бы, для пѣнія, производитъ трагическое впечатлѣніе? Очевидно, вслѣдствіе несообразности; несообразность свойственна страстямъ, на высшей степени какъ счастія, такъ и горя".

b) Plutarch. de musica c. 28.'Ἀρχίλοχος τὴν τῶν τριμέτρων ῥυθμοποιίαν προσεξεῦρε καὶ τὴν εἰς τοὺς οὐχ ὁμογενεῖς ῥυθμοὺς ἔντασιν καὶ τὴν παρακαταλογὴν καὶ τὴν περὶ ταῦτα κροῦσιν.... ἔτι δὲ τῶν ἰαμβείων τὸ τὰ μὲν λέγεσθαι παρὰ τὴν κροῦσιν, τὰ δὲ ᾄδεσθαι Ἀρχίλοχόν φησι καταδεῖξαι, εἶθ' οὕτω χρήσασθαι τοὺς τραγικοὺς ποιητάς. Вестфаль (Geschichte der Musik,

стр. 117) доказалъ, что послѣднія слова служатъ объясненіемъ къ первымъ, а именно къ слову παρακαταλογή. Отсюда ясно, что παρακαταλογή, съ одной стороны, не была пѣніемъ, — иначе не стали бы ее отличать отъ ᾄδεσθαι, а съ другой — не была и простою декламаціей. Остаются два возможные исхода — или речитативъ, или мелодраматическое произношеніе. Съ которымъ изъ этихъ двухъ родовъ совпадаетъ παρακαταλογή — объ этомъ у Плутарха ничего не сказано.

c) Athenaeus XIV, 636 B. ἐν οἷς ὀργάνοις τοὺς ἰάμβους ᾖδον, ἰαμβύκας ἐκάλουν, ἐν οἷς δὲ παρελογίζοντο (читай παρακατελογίζοντο, Бергкъ) τὰ ἐν τοῖς μέτροις, κλεψιάμβους. Но ἰαμβύκαι, равно какъ и κλεψίαμβοι, въ драматической поэзіи не употребляются; поэтому несомнѣнно, что слова Аѳенея относятся только къ лирикѣ.

И такъ, свидѣтельства древнихъ не рѣшаютъ вопроса: слѣдуетъ ли разумѣть подъ παρακαταλογή речитативъ или мелодраму. Но тутъ является на помощь этимологія.

Кристъ (Die Parakataloge стр. 166) очень справедливо замѣчаетъ, что слово παρακαταλογή нельзя объяснять фразою: καταλέγειν παρὰ τὴν κροῦσιν; дѣйствительно, тогда слѣдовало бы сказать προσκαταλογή или ὑποκαταλογή. Напротивъ слова παρίαμβος, πάρισον, παρέκθεσις доказываютъ, что подъ спорнымъ словомъ слѣдуетъ разумѣть способъ произношенія, приближающійся къ καταλογή. Спрашивается теперь: что̀ такое καταλογή?

3) καταλογή. Кристъ въ объясненіи этого слова самъ себѣ противорѣчитъ. Въ вышеприведенной статьѣ онъ разумѣетъ подъ нимъ „nackte Declamation", то-есть, то же самое, что и ψιλὴ λέξις. Въ Метрикѣ же (стр. 677), напротивъ, того у него выходитъ, что̀ καταλογὴ то же самое, что̀ παρακαταλογή. И то, и другое объясненіе невѣрно.

Для объясненія слова καταλογή важны два мѣста:

a) Hesychius, καταλογή: τὸ τὰ ᾄσματα μὴ ὑπὸ μέλει λέγειν. Противопоставленіе словъ ᾆσμα и μέλος доказываетъ, что подъ μέλος слѣдуетъ разумѣть чисто музыкальную мелодію (а не аккомпаниментъ, какъ это полагаетъ Кристъ Parakatal., стр. 197; вообще понятія Криста о музыкѣ отличаются чрезвычайною неясностью), подъ словомъ же ᾆσμα одну метрическую форму, точно также, какъ въ вышеприведенныхъ словахъ Аристотеля слово ᾠδή. И такъ, мы переводимъ: „καταλογὴ называется произношеніе пѣсенъ безъ помощи мелодіи". Καταλογή, значитъ, не равняется ни мелодическому, ни речитативному произношенію; остается мелодрама и чистая де-

кламація. Но еслибы καταλογή означала декламацію, то не было бы никакой причины ограничивать ея употребленіе одними ᾄσματα; тогда она относилась бы равнымъ образомъ ко всѣмъ частямъ древней драмы, въ особенности же къ триметрамъ, которыхъ никогда не называютъ ᾄσματα, и даже къ прозѣ. Поэтому мы того мнѣнія, что καταλογή совершенно равняется нашей мелодрамѣ. Это наше мнѣніе подтверждается слѣдующимъ свидѣтельствомъ Ксенофонта:

b) Xenoph. Symposion гл. 6: ἦ οὖν βούλεσθε, ἔφη, ὥσπερ Νικόστρατος ὁ ὑποκριτὴς τετράμετρα πρὸς τὸν αὐλὸν κατέλεγεν, οὕτω καὶ [ἐγὼ]ὑπὸ τὸν αὐλὸν ὑμῖν καταλέγωμαι. Здѣсь значеніе слова καταλέγειν несомнѣнно. Во время пира, какъ обыкновенно, играютъ αὐλητρίδες; разкащикъ, говорившій, понятно, въ прозѣ и простою разговорною рѣчью, сравниваетъ впечатлѣніе, производимое своимъ разказомъ, сопровождаемымъ игрою музыки, съ впечатлѣніемъ, которое производило на слушателей произношеніе Никостратомъ тетраметровъ подъ игру кларнета. Яснѣе онъ не могъ парафразировать наше слово „мелодрама".

И такъ, если καταλογή означаетъ мелодраматическое произношеніе, то для παρακαταλογή остается только одно значеніе — речитативъ.

4) Наконецъ, ψιλὴ λέξις—разговорная рѣчь.

Такимъ образомъ, получаемъ слѣдующее соотвѣтствіе:

ᾠδή, μέλος	пѣсня
παρακαταλογή	речитативъ
καταλογή	мелодраматическое произношеніе
ψιλὴ λέξις	декламація.

Этотъ результатъ до того простъ и естественъ, что надобно удивляться, какъ никто изъ ученыхъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ, не могъ дойти до него. Это странное явленіе можно объяснить себѣ только тѣмъ, что единственный ученый имѣвшій живое понятіе о древней музыкѣ, Вестфаль, не позаботился собрать и обсудить критически свидѣтельства древнихъ о занимающемъ насъ вопросѣ. На основаніи сказаннаго мы можемъ съ увѣренностью предположить, что найдемъ въ комедіяхъ Аристофана примѣры какъ мелическаго, такъ и речитативнаго и мелодраматическаго произношенія, и наконецъ, простой декламаціи.

Мы будемъ при этомъ пользоваться двоякими критеріями.

I. Свидѣтельствами Аристофана. Греческій языкъ въ древнее время имѣлъ только два выраженія для обозначенія произношенія—ᾄδειν и λέγειν. Эти выраженія соотвѣтствуютъ раздѣленію рѣчи на поэзію и

прозу. Всѣ роды поэзіи были произносимы мелически, всѣ роды прозы— простою рѣчью. Но вотъ со временъ Архилоха появляется третій, а позже и четвертый родъ произношенія. Языкъ не имѣлъ особенныхъ словъ для этихъ двухъ новыхъ родовъ; слова *καταλογή* и *παρακαταλογή* очевидно техническія выраженія, которыми пользовались только люди свѣдущіе. Остальные продолжали употреблять только два слова—ᾄδειν и λέγειν. Но къ какимъ родамъ произношенія относилось слово ᾄδειν, и къ какимъ—слово λέγειν? Очевидно, что слово ᾄδειν могло обозначать и мелосъ, и речитативъ, ни въ какомъ же случаѣ мелодраму и простую рѣчь; точно также λέγειν могло относиться или къ ψιλὴ λέξις, или къ καταλογή, или къ παρακαταλογή, но отнюдь не къ мелосу.

Отсюда можно вывести слѣдующія заключенія:

1) Если какой-нибудь родъ произношенія обозначается постоянно словомъ ᾄδειν, то подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть мелосъ.

2) Если какой-нибудь родъ произношенія обозначается promiscue или словомъ ᾄδειν, или словомъ λέγειν, то подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть речитативъ.

3) Если какой-нибудь родъ произношенія обозначается постоянно словомъ λέγειν, то подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть или мелодраму, или простую рѣчь.

Кромѣ того, надобно замѣтить:

1) что μέλος можетъ быть обозначено словомъ ᾄδειν въ отличіе отъ речитатива, мелодрамы или простой рѣчи;

2) что речитативъ можетъ быть обозначаемъ словомъ ᾄδειν, въ отличіе отъ мелодрамы и простой рѣчи;

3) что тотъ же речитативъ можетъ быть обозначенъ словомъ λέγειν, въ отличіе отъ мелоса;

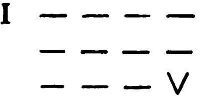
4) что мелодрама и простая рѣчь могутъ быть обозначены словомъ λέγειν, въ отличіе какъ отъ речитатива, такъ и отъ пѣсни.

У Аристофана мы находимъ слѣдующія примѣты:

1) „Ахарняне" ст. 261.

ἐγὼ δ' ἀκολουθῶν ᾄσομαι τὸ φαλλικόν.

Затѣмъ слѣдуетъ итифаллическій распѣвъ, написанный ямбическими диметрами и триметрами слѣдующаго состава (черта — означаетъ у насъ полную, знакъ V сокращенную стопу).



— — — —
— — — —
— — — —
— — — —
— — — —

II — — — — — —
— — — — — —
— — — — — —

III — — — —
— — — —
— —

IV — — — — — —
— — — — — —
— — — — — —

Былъ ли этотъ распѣвъ произносимъ мелически, или речитативомъ, объ этомъ самъ Аристофапъ пе говоритъ пичего положительно. Но надобно принять во вниманіе, что передъ нами народная пѣсня, и что первый поэтъ, введшій народную пѣсню въ литературу, — Архилохъ (см. Westphal, Gesch. d. Musik, стр. 134). Теперь мы знаемъ, что ямбическія пѣсни Архилоха произносились отчасти мелически, отчасти речитативомъ, и этимъ обычаемъ можно легко объяснить странное соединеніе диметровъ и триметровъ въ нашей пѣснѣ. Періоды I и III произносились мелически, періоды же II и IV—речитативомъ.

2) „Ахарняне“, ст. 629

οὔπω παρέβη πρὸς τὸ θέατρον λέξων ὡς δεξιός εἴη.

Этотъ стихъ доказываетъ пока только, что парабазы произносились пе мелически. Въ отличіе отъ апапестовъ парабазы Аристофанъ въ одѣ пользуеутся словомъ μέλος (ст. 674).

3) „Ахарпяне“, ст. 1183.

πτίλον δὲ τὸ μέγα κομπολακύθου πεσὸν
πρὸς ταῖς πέτραισι δεινὸν ἐξηύδα μέλος.
ὦ κλεινὸν ὄμμα, νῦν πανύστατόν σ' ἰδὼν
λείπω φάος γε τουμόν, οὐδὲν εἴμ' ἐγώ.
τοσαῦτα λέξας εἰς ὑδρορρόαν πεσὼν...

Изъ соединенія словъ μέλος и λέξας слѣдуетъ, что двустишіе, къ которому они относятся, было произнесено Ламахомъ, или его денщикомъ, речитативомъ. Это никого не удивитъ; изъ тона этого двустишія слѣдуетъ, что оно взято изъ трагедіи, а въ трагедіи ямбы

нерѣдко произносились такимъобразомъ. См. свидѣтельство Плутарха, de musica: ἔτι δὲ τῶν ἰαμβείων τὸ τὰ μὲν λέγεσθαι παρὰ τὴν κροῦσιν, τὰ δ' ᾄδεσθαι Ἀρχίλοχόν φασι καταδεῖξαι, εἶθ' οὕτω χρήσασθαι τοὺς τραγικοὺς ποιητάς. Приведенные стихи Аристофана какъ нельзя лучше опровергаютъ мнѣніе Вестфаля, что παρακαταλογή соотвѣтствуетъ мелодрамѣ. Вопервыхъ, слово μέλος непримѣнимо къ мелодрамѣ вслѣдствіе самой природы этой послѣдней; а вовторыхъ, что за дикая мысль предположить, что Ламахъ въ своемъ ущеліи произносилъ два приведенные стиха подъ аккомпаниментъ музыки! Но наше мѣсто интересно и въ другомъ отношеніи. Стихи ὦ κλεινὸν ὄμμα и т. д. названы μέλος въ отличіе отъ предыдущихъ; слѣдовательно, эти послѣдніе произносились не съ помощью παρακαταλογή, какъ это полагаютъ нѣкоторые (см. Кристъ, Parakatal. стр. 159, прим. 4).

4) „Ахарняне", ст. 1231

Δικαιόπολις.

ἕπεσθε νῦν ᾄδοντες ὦ τήνελλα καλλίνικος.

Χορός.

ἀλλ' ἑψόμεσθα σὴν χάριν
τήνελλα καλλίνικον ᾄ-
δοντες σὲ καὶ τὸν ἀσκόν.

Слово ᾄδοντες относится только къ послѣднимъ тремъ стихамъ эксода, такъ что тетраметры были произнесены не мелически.

5) „Рыцари", ст. 518.

ἠνάγκαζεν λέξοντας ἔπη πρὸς τὸ θέατρον παραβῆναι

опять по отношенію къ парабазѣ.

6) „Облака", ст. 297.

Σωκράτης.

ἀλλ' εὐφήμει. μέγα γάρ τι θεῶν κινεῖται σμῆνος ἀοιδῆς.

Χορός.

Παρθένοι ὀμβροφόροι...

Такъ какъ пародическая пѣсня въ отличіе отъ анапестическихъ тетраметровъ называется ἀοιδή, то эти послѣдніе ни въ какомъ случаѣ не могли быть произносимы мелически.

7) „Облака", ст. 721 сл.

Στρεψιάδης.

καὶ πρὸς τούτοις ἔτι τοισι κακοῖς
φρουρᾶς ᾄδων
ὀλίγον φροῦδος γεγένημαι.

Отсюда слѣдуетъ, что анапестическая пѣсня Стрепсіада произносилась или ᾠδικῶς, или παρακαταλογάδην.

8) „Облака“, ст. 1205 сл.

Στρεψιάδης.
ὥστ' εἰς ἐμαυτὸν καὶ τὸν υἱὸν τουτονὶ
ἐπ' εὐτυχίαισιν ᾀστέον μοὐγκώμιον.
μάκαρ ὦ Στρεψίαδες и т. д.

9) „Осы“ ст. 270 сл.

Χορός.
ἀλλά μοι δοκεῖ στάντας ἐνθάδ', ὦνδρες,
ᾄδοντας αὐτὸν ἐκκαλεῖν, ἤν τί πως ἀκούσας
τοὔμου μέλους ὑφ' ἡδονῆς ἑρπύσῃ θύραζε.
τί ποτ' οὐ πρὸ θυρῶν φαίνετ' ἄρ' ἡμῖν
ὁ γέρων οὐδ' ὑπακούει.

И здѣсь пародическая пѣсня словами ᾄδειν и μέλος отличена отъ тетраметровъ.

10) „Осы“, ст. 318

Φιλοκλέων.
ἀλλ' οὐ γὰρ οἷός τ' εἰμ'
ᾄδειν, τί ποιήσω;

Эти слова испорчены. Никто не мѣшаетъ Клеонославу пѣть. Правдоподобной конъектуры мы найти не могли.

11) „Осы“, ст. 885

Χορός.
ξυνευχόμεσθά σοι κἀπᾴδομεν.

Отсюда слѣдуетъ, что молитва Клеонохула, на которую ссылается хоръ, была не мелосомъ, а развѣ только речитативомъ.

12) „Птицы“, ст. 226

οὔποψ μελῳδεῖν αὖ παρασκευάζεται.

Это αὖ доказываетъ, что и прежнія слова пустошки ἄγε σύννομέ μοι были пѣсня, хотя и не сопровождались музыкою.

13) „Птицы“, ст. 682

ἀλλ' ὦ καλλιβόαν κρέκουσ'
αὐλὸν φθέγμασιν ἠρινοῖς
ἄρχου τῶν ἀναπαίστων.

И такъ, парабаза сопровождалась аккомпаниментомъ музыки; а такъ какъ она произносилась не мелически (см. 1 и 5), то остается выборъ между παρακαταλογή и καταλογή.

14) „Птицы" ст. 657

ἴτω, ἴτω, ἴτω δὲ Πυθιὰς βοά.
συναδέτω δὲ Χαῖρις ᾠδάν.

Эти слова относятся къ молитвѣ жреца.

15) „Птицы" ст. 895 сл.

εἶτ' αὖθις αὖ τἄρα σοι
δεῖ με δεύτερον μέλος χέρ-
νιβι θεοσεβὲς
ὅσιον ἐπιβοᾶν.

Антистрофа предыдущей пѣсни.

16) „Птицы", ст. 1729 сл. и 1743.

ἀλλ' ὑμεναίοις
καὶ νυμφιδίοισι δέχεσθ' ᾠδαῖς
αὐτὸν καὶ τὴν Βασίλειαν.
. . . .,
ἐχάρην ὕμνοις, ἐχάρην ᾠδαῖς...

Гименей, которымъ хоръ встрѣчаетъ Пизетера.

17) „Лизистрата", ст. 1041.

ἀλλὰ κοινῇ συσταλέντες τοῦ μέλους ἀρξώμεθα.

Слѣдовательно, предыдущіе тетраметры, хотя и синкопированные, не были еще мелосомъ.

18) „Лизистрата", ст. 1242 сл.

Λάκων.
ὦ πολυχαρίδα, λαβὲ τὰ φυσατήρια,
ἵν' ἐγὼ διποδιάξω τε κἀείσω καλὸν
ἐς τὼς 'Ασαναίως τε κἠς ἡμᾶς ἅμα.
'Αθηναῖος.
Λαβὲ δῆτα τὰς φυσαλλίδας πρὸς τῶν θεῶν.

Слѣдовательно, монодія Лакедемонянъ была настоящею пѣснею, сопровождаемою музыкой и танцами.

19) „Тесмофоріазузы", ст. 101—129. Интермеццо Агаѳона и хора музъ было μέλος ἀμοιβαῖον, сопровождаемое игрою на лирѣ (см. выраженія μελῳδεῖν ст. 99, διαμινύρεται ст. 100, χορεύσασθε ст. 102, ἀείσατ' ст. 115, κλῄζουσα ст. 116, ὡς ἡδὺ τὸ μέλος ст 130).

20) „Тесмофоріазузы", ст. 947—1000 стазимонъ—пѣсня, сопровождаемая пляскою (μέλπε καὶ γέραιρε φωνῇ ст. 941, μέλπουσα ст. 970, μελῳδῶμεν ст. 974 и т. д.).

21) „Лягушки", ст. 208—268. Хоръ лягушекъ, по словамъ самого Аристофана, поетъ пѣсню (ст. 205 ἀκούσει γὰρ μέλη и т. д.).

22) „Лягушки", ст. 324 сл. Пародическія пѣсни хора въ честь Іакха Аристофанъ самъ называетъ μέλη (ст. 320).

23) „Лягушки", ст. 370 сл.

ὑμεῖς δ' ἀνεγείρετε μολπὴν
καὶ παννυχίδας τὰς ἡμετέρας αἳ τῇδε πρέπουσιν ἑορτῇ.

Точно также далѣе (ст. 381 сл.):

ἄγε νῦν ἑτέραν ὕμνων ἰδέαν τὴν καρποφόρον βασίλειαν
Δήμητρα θεὰν ἐπικοσμοῦντες ζαθέοις μολπαῖς κελαδεῖτε.

и (ст. 395):

νῦν καὶ τὸν ὡραῖον θεὸν παρακαλεῖτε δεῦρο
ᾠδαῖσι τὸν ξυνέμπορον τῆσδε τῆς χορείας.

Всѣ эти выраженія относятся къ пѣснямъ лирическихъ размѣровъ, слѣдующимъ за тетраметрами.

24) „Лягушки", ст. 675

Μοῦσα χορῶν ἱερῶν ἐπίβηθι καὶ
ἔλθ' ἐπὶ τέρψιν ἀοιδᾶς ἐμᾶς.

относится къ одѣ парабазы.

25) „Лягушки", ст. 874 сл.

Διόνυσος.

ὑμεῖς δὲ ταῖς Μούσαις τι μέλος ὑπᾴσατε

Χορός.

Ὦ Διὸς ἐννέα παρθένοι ἁγναί и т. д.

26) „Лягушки", ст. 885

Διόνυσος (къ Эсхилу и Еврипиду).

εὔχεσθε δὴ καὶ σφώ τι, πρὶν τἄπη λέγειν.

Это мѣсто особенно интересно тѣмъ, что τἄπη относятся здѣсь къ синтагмѣ. Мы еще вернемся къ нему.

27) „Лягушки", ст. 1524 сл.

Πλούτων.

φαίνετε τοίνυν ὑμεῖς τούτῳ
λαμπάδας ἱράς, χἄμα προπέμπετε
τοῖσιν τούτου τοῦτον μέλεσιν
καὶ μολπαῖσιν κελαδοῦντες.

Χορός.

πρῶτα μὲν εὐοδίαν ἀγαθὴν ἀπιόντι ποιητῇ и т. д.

Μέλη и μολπαί, очевидно, не что иное, какъ эксодическіе гексаметры хора. Впрочемъ, не всѣ этого мнѣнія. Такъ Арнольдъ (de choro Aristophanis qq. scc., стр. 41 сл.) полагаетъ, что μέλη и μολπαί хора должны были пѣться, такъ-сказать, за кулисами, а гексаметры не что

иное, какъ вступленіе. При этомъ онъ ссылается на экзодъ „Ахарнянъ“ и „Богатства“. Но и тамъ, по нашему мнѣнію, подъ ᾠδαί слѣдуетъ разумѣть тетраметры; предположеніе же Арнольда кажется намъ слишкомъ произвольнымъ и невѣроятнымъ.

28) „Экклезіазузы“, ст. 890 сл.

Γραῦς.

τούτῳ διαλέγου κἀποχώρησον· σὺ δὲ
φιλοττάριον αὐλητά, τοὺς αὐλοὺς λαβὼν
ἄξιον ἐμοῦ καὶ σοῦ προσαύλησον μέλος.
εἴ τις ἀγαθὸν βούλεται πα-
θεῖν τι и т. д.

Подъ μέλος'омъ разумѣется монодія старухи, которой вторитъ дѣвушка. Въ пѣснѣ этой послѣдней весьма интересны слова:

ἡ γάρ μοι μήτηρ ἄλλῃ
βέβηκε, κᾆτ'—ἀλλ' οὔ με ταῦτα δεῖ λέγειν.

Пѣсня вдругъ переходитъ въ parlato, или речитативъ, и этому переходу соотвѣтствуетъ переходъ лирическаго размѣра въ ямбическій триметръ. Дройзенъ очень удачно переводитъ это мѣсто:

Ach, wie wird es werden mit mir!
Noch kommt er nicht, mein Guter.
Allein, einsam weil' ich hier;
Und ausgieng doch die Mutter—
(dazwischenredend)
wohin, das darf ich nicht erzählen, wenn ich's auch weiss!

29) „Экклезіазузы“, ст. 1151.

Χορός.

τί δῆτα διατρίβεις ἔχων, ἀλλ' οὐκ ἄγεις
τασδὶ λαβών; ἐν ὅσῳ δὲ καταβαίνεις, ἐγὼ
ἐπᾴσομαι μέλος τι μελλοδειπνικόν.
σμικρὸν δ' ὑποθέσθαι τοῖς κριταῖσι βούλομαι.

ст. 1155 τοῖς σοφοῖς μὲν, τῶν σοφῶν μεμνημένοις κρίνειν ἐμέ и т. д.
ст. 1163 ὦ, ὦ, ὥρα δή и т. д.

Μέλος, то-есть, экзодическая пѣсня, начинается только съ послѣдняго изъ приведенныхъ стиховъ; тетраметры были произнесены не мелически.

30) „Богатство“, ст. 1208 сл.

Χορός.

οὐκ ἔτι τοίνυν εἰκὸς μέλλειν οὐδ' ἡμᾶς, ἀλλ' ἀναχωρεῖν
εἰς τοὔπισθεν· δεῖ γὰρ κατόπιν τούτων ᾄδοντας ἕπεσθαι;

Мы уже замѣтили, что слово ᾄδοντας относится къ самимъ тетраметрамъ, а не къ выдуманнымъ Арнольдомъ пѣснямъ за кулисами.

II. Вторымъ критеріемъ нашимъ будетъ метрическій составъ отдѣльныхъ частицъ Аристофановыхъ драмъ.

Мы различаемъ три рода метрическихъ композицій:

1) Лирическіе размѣры. Всѣ они, за исключеніемъ упомянутаго подъ № 28 случая, обозначены у самого Аристофана словами ᾠδή, μέλος и т. п., и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что они допускали только мелическое произношеніе.

2) Ямбическіе триметры. О нихъ никогда не употребляются другія выраженія, кромѣ λέγειν, λόγος, ῥήματα, ῥῆσις и т. п. Исключеніе составляетъ упомянутый подъ № 3 случай. А потому для этого рода композицій возможны только или мелодраматическое произношеніе, или же ψιλὴ λέξις.

3) Тетраметры. О нихъ употребляются тѣ и другія выраженія, и проще всего, казалось бы, отнести ихъ къ речитативамъ. Но при этомъ слѣдуетъ принять въ разчетъ слѣдующее:

Уже въ 23-й главѣ мы обратили вниманіе читателя на громадную разницу между хорическими и діалогическими тетраметрами. Первые и по композиціи цѣлыхъ пассажей, и по составу отдѣльныхъ стиховъ болѣе приближаются къ пѣснѣ, а послѣдніе—къ разговорной рѣчи. Дѣйствительно, хорическій тетраметръ

⏓ — ⏑ — ⏓ — ⏑ — ⏓ — ⏑ — ⏑ — —

какъ нельзя болѣе похожъ на лирическій триметръ

⏓ — ⏑ — ⏓ — ⏑ — ⏓ — ⏑ —

діалогическій же тетраметръ

⏕ ⏑⏑ ⏑ ⏔ ⏕ ⏔ ⏑ ⏔ ⏕ ⏔ ⏑ ⏔ ⏑ — —

похожъ на діалогическій триметръ

⏕ ⏔ ⏕ ⏔ ⏕ ⏔ ⏕ ⏔ ⏕ ⏔ ⏑ —

Эта разница не могла быть пустою прихотью поэта: ей непремѣнно должна была соотвѣтствовать разница въ произношеніи. А такъ какъ слова ᾄδειν, μέλος и т. д. Аристофаномъ никогда не употребляются относительно діалогическихъ тетраметровъ, то мы не сомнѣваемся въ томъ, что эти послѣдніе были произносимы мелодраматически, а первые—речитативомъ.

Это наше положеніе вполнѣ подтверждается вышеприведенными словами Ксенофонта о καταλογή: ἦ οὖν βούλεσθε, ἔφη, ὥσπερ Νικόστρατος ὁ ὑποκριτὴς τετράμετρα πρὸς τὸν αὐλὸν κατέλεγεν и т. д.

Такъ какъ Никостратъ былъ актеромъ, а не хоревтомъ, то на его долю могли приходиться только діалогическіе тетраметры.

И такъ, мы различаемъ слѣдующія группы:

1) пѣсня — — — ᾠδή, μέλος — лирическіе размѣры

2) речитативъ — — παρακαταλογή — хорическіе тетраметры (пароды, парабазы, экзоды)

3) мелодрама — — καταλογή — — діалогическіе тетраметры (синтагмы)

4) разговорная рѣчь — ψιλὴ λέξις — триметры.

Этотъ результатъ послужитъ намъ основаніемъ послѣдняго изъ нашихъ положеній, относящагося къ симметріи обѣихъ главныхъ частей синтагмы; къ нему мы и обращаемся въ слѣдующихъ главахъ.

28.

Мы съ самаго начала нашей статьи обращали вниманіе читателя на двойственность всѣхъ почти синтагмъ Аристофана.

Строфа и антистрофа хора до мельчайшихъ подробностей соотвѣтствуютъ одна другой; стоитъ изслѣдовать, до какой степени это соотвѣтствіе простирается и на остальныя части синтагмы.

Мы, къ счастію, стоимъ здѣсь на вполнѣ воздѣланной, можно даже сказать — слишкомъ усердно воздѣланной почвѣ. Именно это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ новое разсмотрѣніе вопроса необходимымъ; а такъ какъ мы имѣемъ въ результатахъ нашихъ изслѣдованій гораздо болѣе прочное основаніе, чѣмъ то, на которое опирались наши предшественники, то мы и можемъ надѣяться, что намъ удастся дойдти здѣсь до сравнительно правдоподобныхъ результатовъ.

Соотвѣтствіе въ поэзіи вообще бываетъ двухъ родовъ; первый мы можемъ назвать эвритміей (εὐρυθμία), второй—симметріей.

Если сравнительно длинный пассажъ самъ по себѣ распадается на равныя части небольшаго, легко-обозримаго объема, то это явленіе называется эвритміей. Такъ, рѣчь Ксантія въ прологѣ „Осъ“ (по мнѣнію Риббека, Schweizer Museum I, 213 сл.) состоитъ изъ семнадцати строфъ, по три стиха каждая. Эвритмія весьма часто встрѣчается въ діалогахъ, гдѣ она носитъ имя стихомитіи, дистихомитіи, тристихомитіи и т. д. Понятно, что эвритмія безъ всякой внѣшней помощи могла быть замѣчена слушателями; поэтому мы ее и встрѣчаемъ большею частью въ сценахъ, написанныхъ простою разговорною рѣчью.

Симметріей, напротивъ того, называется соотвѣтствіе двухъ, болѣе или менѣе крупныхъ метрическихъ композицій, которыя, сверхъ того, могутъ быть раздѣлены одна отъ другой бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ стиховъ. Понятно, что эта симметрія не могла быть замѣчена слушателями безъ помощи постороннихъ элементовъ, то-есть, музыки, танца и т. д. Такъ, по крайней мѣрѣ, долженъ думать каждый здравомыслящій человѣкъ. Но мы къ этому вопросу вернемся ниже, теперь же обратимся къ синтагмѣ.

Эвритмія въ синтагмѣ не имѣетъ каноническаго мѣста. Она́, правда, встрѣчается и тутъ: такъ, напримѣръ, начало антисинтагмы „Рыцарей“ имѣетъ слѣдующій составъ: 4.2.4.2.4.2. но эвритмія играетъ тутъ очень незначительную роль. Гораздо важнѣе для насъ симметрія.

Отецъ новѣйшей метрики, Годофредъ Германъ (Elementa doctrinae metricae стр. 723 сл.), первый замѣтилъ, что въ синтагмѣ „Птицъ“ обѣ половины во всемъ соотвѣтствуютъ одна другой:

ст. 451—459 (8) строфа = антистрофа (8) ст. 539—547
„ 460 сл. (2) двустишіе = двустишіе (2) ст. 548 сл.
„ 462—522 (61) синтагма = антисинтагма (61) ст. 550—610
„ 523—538 (16) пнигосъ = антипнигосъ (16) ст. 611—626.

Это открытіе Германа само по себѣ было громаднымъ успѣхомъ метрической науки, и еслибы послѣдователи Германа сумѣли воспользоваться имъ, какъ слѣдуетъ, они непремѣнно должны были бы открыть и понятіе синтагмы. Притомъ и воспользоваться этимъ открытіемъ было очень не трудно; самъ Германъ указалъ единственно возможный непогрѣшимый путь (l. l.): „Quod nisi egregie fallor, chori diversae stationes locique, quos actores in scaena occupabant vel aliquamdiu obtinebant, regulam huic rationi modumque praescribebant. Nam nisi his in rebus, quae oculis cernuntur, aequalitas quaedam observata fuisset, nemo ad illud attendisset, utrum totidem versus, an plures pauciores ve, quam antea recitarentur, praesertim ubi tot versus sunt, ut facilius universe diuturnitas temporis ad recitationem eorum necessaria, quam numerus ipse notetur“.

Но уже Ве́стфаль весьма справедливо замѣчаетъ (Metrik² II, стр. XVIII): „Von Zeit zu Zeit treten in der Geschichte der Philologie bestimmte Richtungen und gern in Schlagwörtern sich kennzeichnende Bestrebungen auf, welche in ihren Grundlagen und Anfängen einen wirklichen Fortschritt enthalten, aber im weiteren Umsichgreifen leicht zu krankhaften Neigungen und Gelüsten und zuletzt zu gefährlichen

Epidemien werden". Открытіе Германа послужило сигналомъ къ дикой, безобразной охотѣ за симметріями; въ скоромъ времени ни одинъ діалогъ, не исключая даже прологовъ, не былъ пощаженъ. Объясненіе Германа, конечно, было сочтено неудобнымъ и выкинуто за бортъ; его замѣнило, съ одной стороны, объясненіе Гельбига (Rheinisches Museum XII, стр. 251 сл.), по которому древніе Греки, кромѣ другихъ образцовыхъ качествъ, имѣли столь удивительный слухъ, что могли сами по себѣ замѣтить, что синтагма, напримѣръ, имѣла 61 стихъ, и удовлетворялись только тогда, когда и въ антисинтагмѣ оказывалось равное количество стиховъ; съ другой же стороны, явилась широкая ars nesciendi второго послѣдователя Германа, Якова Эри (Oeri), которою этотъ ученый съ замѣчательною ловкостью умѣетъ пользоваться, чтобы заставить своихъ читателей вѣрить въ имъ же выдуманные самые небывалые законы—въ родѣ того, что тридцать стиховъ лирическаго размѣра имѣютъ для симметріи значеніе одного стиха.

Мы видимъ въ вышеприведенныхъ словахъ Германа единственно возможное, естественное рѣшеніе загадки. Но прежде постараемся изложить, въ чемъ именно состоитъ эта загадка.

Первый взглядъ на таблицу синтагмы „Птицъ" докажетъ читателю, что соотвѣтствіе синтагмы и антисинтагмы, пнигоса и антипнигоса—дѣло не случайное, а проявленіе извѣстнаго закона. По этому закону слѣдовало бъ ожидать, что и остальныя синтагмы окажутся симметрическими. На повѣрку однако выходитъ не совсѣмъ такъ.

Для синтагмы „Лизистраты" мы получимъ, если принять въ разсчетъ сказанное нами въ 24-й и 25-й главахъ, слѣдующую таблицу:

ст. 471—475	(6)	проодъ	=	проодъ (6) ст. 467—470+539 сл.
„ 476—483	(8)	строфа	=	антистрофа (8) ст. 541—548
„ 484 сл.	(2)	дистихъ	=	дистихъ (2) ст. 549 сл.
„ 486—530	(45)	синтагма	=	антисинтагма (47) ст. 551—597
„ 531—538	(9)	пнигосъ	=	антипнигосъ (9) ст. 598—607.

Соотвѣтствіе было бы полнымъ, еслибы синтагма была длиннѣе двумя стихами. Не станемъ исчислять предположенія ученыхъ, которые всѣми способами старались возстановить симметрію синтагмъ, разрушая даже симметрію пнигосовъ. Одинъ Энгеръ (въ изданіи „Лизистраты") умѣлъ соблюсти оба требованія, и надобно сознаться, его предположеніе имѣетъ много правдоподобнаго. Замѣчая, что стихъ 517 неполонъ

⏑ ⏑ — ἕτερόν τι πονηρότερον βούλευμ' ἐπεπύσμεθ' ἂν ὑμῶν
онъ полагаетъ, что на этомъ мѣстѣ текстъ сильно пострадалъ, и что выпущенъ не одинъ только анапестъ, а цѣлые два тетраметра съ анапестомъ. Наша теорія не нуждается въ этомъ предположеніи; не смотря на то, мы раздѣляемъ мнѣніе Энгера, такъ какъ онъ воздерживается отъ всякихъ насильственныхъ поправокъ. Такимъ образомъ, мы получимъ вторую синтагму, въ которой обѣ части по количеству стиховъ соотвѣтствуютъ одна другой.

Третій примѣръ—первая синтагма „Рыцарей". Но ея симметрія простирается не на всѣ части:

ст. 303—332	(14) строфа	=	антистрофа (14)	ст. 382—406
	(10) мезодъ	=	мезодъ (8)	
„ 333 сл.	(2) двустишіе	=	двустишіе (2)	ст. 407 сл.
„ 335—366	(32) синтагма	=	антисинтагма (32)	ст. 409—440
„ 367—382	(16) пнигосъ	=	антипнигосъ (16)	ст. 441—456.

Мезодъ строфы двумя стихами длиннѣе мезода антистрофы. Гельбигъ поэтому былъ того мнѣнія, что въ этомъ послѣднемъ выпущены два стиха; но мы показали, что это предположеніе невѣрно (гл. 25). Пнигосы же, безъ сомнѣнія, должны соотвѣтствовать одинъ другому.

Сопоставляемъ послѣдніе стихи синтагмъ и первые стихи пнигосовъ:

Ἀλλαντοπώλης.
ἐγὼ δὲ κινήσω γέ σου τὸν πρωκτὸν ἀντὶ φύσκης.
Κλέων.
ἐγὼ δέ γ' ἐξέλξω σε τῆς πυγῆς θύραζε κύβδα
Δημοσθένης.
νὴ τὸν Ποσειδῶ κἀμέ τἄρ', ἤνπερ γε τοῦτον ἕλκῃς.
Κλέων.
οἷόν σε δήσω 'ν τῷ ξύλῳ.
Ἀλλαντοπώλης.
διώξομαί σε δειλίας.

Ἀλλαντοπώλης.
σὲ δ' ἐκ Ποτειδαίας ἔχοντ' εὖ οἶδα δέκα τάλαντα.
Κλέων.
τί δῆτα; βούλει τῶν ταλάντων ἓν λαβὼν σιωπᾶν;
Δημοσθένης.
ἀνὴρ ἂν ἡδέως λάβοι· τοὺς τερθρίους παρίει
τὸ πνεῦμ' ἔλαττον γίγνεται.
Κλέων.
φεύξει γραφὰς
ἑκατονταλάντους τέτταρας.

Весьма странно, что въ антипнигосѣ первый стихъ принадлежитъ не одному изъ противниковъ, а третьему лицу; еще страннѣе, что Клеонъ въ своей угрозѣ забываетъ сказать, за что онъ намѣренъ

водить жалобу на колбасника. Руководствуясь аналогіей слѣдующихъ стиховъ, мы ожидаемъ два диметра въ родѣ слѣдующихъ:

φεύξει γραφὰς οὐ δειλίας
ἑκατονταλάντους τέτταρας

что́ и полагаетъ Мейнеке. Но въ такомъ случаѣ стихъ пнигоса διώξομαί σε δειλίας по смыслу тожественъ съ этимъ двустишіемъ и долженъ быть устраненъ, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не подходитъ къ остальнымъ стихамъ пнигоса, въ которыхъ о судѣ и рѣчи нѣтъ. Этимъ дѣло однако не окончено. Въ пнигосѣ каждый изъ противниковъ выбираетъ выраженія изъ среды, въ которой онъ привыкъ вращаться; стихи ‘ἡ βύρσα σου θρανεύσεται’, ‘διαπατταλευθήσει χαμαί’ по самому характеру своему своей принадлежатъ кожевнику Клеону и справедливо усвоены ему въ рукописяхъ. Но стихъ δερῶ σε θύλακον κλοπῆς также относится къ занятію Клеона, и мы вполнѣ соглашаемся съ Эри (Jahrbücher für Philologie 101, стр. 356 сл.), что послѣ стиховъ 369 и 370 выпало по одному стиху колбасника.

Мало того. Мы удивляемся, какъ никто изъ ученыхъ не замѣтилъ, что стихъ δερῶ σε θύλακον κλοπῆς не имѣетъ никакого смысла. Кокъ переводитъ: „ich will dich zu einem Diebssack schinden“ и объясняетъ „das Fell eines Diebes passt am besten zu einem Diebsranzen“. Но отвлеченное понятіе κλοπῆς не допускаетъ этого перевода. Затрудненіе устранится, если сопоставить соотвѣтствующіе стихи обоихъ пнигосовъ:

Κλέων.	Κλέων.
οἷόν σε δήσω ’ν τῷ ξύλῳ	
Ἀλλαντοπώλης.	φεύξει γραφὰς οὐ δειλίας
διώξομαί σε δειλίας	ἑκατονταλάντους τέτταρας
Κλέων.	Ἀλλαντοπώλης.
ἡ βύρσα σου θρανεύσεται	
Ἀλλαντοπώλης.	σὺ δ’ ἀστρατείας εἴκοσιν
δερῶ σε θύλακον κλοπῆς	κλοπῆς δὲ πλεῖν ἢ χιλίας

Очевидно, что слово κλοπῆς точно также, какъ и слово δειλίας, попало въ пнигосъ изъ антипнигоса и нарушило смыслъ.

И такъ, симметрія возстановлена.

Ἀλλ. οἷόν σε δήσω ’ν τῷ ξύλῳ	Κλ. φεύξει γραφὰς οὐ δειλίας
Κλ. ἡ βύρσα σου θρανεύσεται.	ἑκατονταλάντους τέτταρας.
Ἀλλ.	Ἀλλ. σὺ δ’ ἀστρατείας εἴκοσιν
Κλ. δερῶ σε θύλακον	κλοπῆς δὲ πλεῖν ἢ χιλίας.

'Αλλ. . . . .
Κλ. διαπατταλευθήσει χαμαί.
'Αλλ. περικόμματ' ἐκ σου σκευάσω.
Κλ. τὰς βλεφαρίδας σου παρατιλῶ.

'Αλλ. τὸν πρηγορῶνα σοὐκτεμῶ
Δημ. καὶ νὴ Δί' ἐμβαλόντες αὐ-
τῷ πάτταλον μαγειρικῶς
εἰς τὸ στόμ', εἶτα δ' ἔνδοθεν
τὴν γλῶτταν ἐξείραντες αὐ-
τοῦ σκεψόμεσθ' εὖ κἀνδρικῶς
. κεχηνότος
τὸν πρωκτὸν εἰ χαλαζᾷ.

Κλ. ἐκ τῶν ἀλιτηρίων σέ φη-
μι γεγονέναι τῶν τῆς θεοῦ.
'Αλλ. τὸν πάππον εἶναί φημί σου
τῶν δορυφόρων. Κλ. ποίων;
φράσον.
'Αλλ. τῶν Βυρσίνης τῆς Ἱππίου.
Κλ. κόβαλος εἶ. 'Αλλ. πανοῦργος εἶ.
Δημ. παῖ' ἀνδρικῶς. Κλ. ἰοὺ ἰού,
τύπτουσί μ' οἱ ξυνωμόται.
Δημ. παῖ' αὐτὸν ἀνδρικώτατα καὶ
γάστριζε καὶ τοῖς ἐντέροις
καὶ τοῖς κόλοις
χὤπως κολᾷ τὸν ἄνδρα.

Въ пнигосѣ, равно какъ и въ антипнигосѣ, по шестнадцати стиховъ.

Четвертый примѣръ—„Лягушки". Но тутъ въ синтагмахъ возстановить симметрію нельзя.

ст. 895—904	(10)	строфа	=	антистрофа	(10)	ст. 992—1003
„ 906 сл.	(2)	двустишіе	=	двустишіе	(2)	ст. 1004 сл.
„ 907—970	(64)	синтагма	=	антисинтагма	(71)	ст. 1006—1076
„ 971—991	(21)	пнигосъ	=	антипнигосъ	(21)	ст. 1077—1097

Семь стиховъ—весьма значительная разница, и не мудрено, что ни одинъ ученый, не исключая даже Эри, не пытался поравнять обѣ половины. Въ остальныхъ же синтагмахъ никакой симметріи не оказывается.

№ 1. „Осы"

ст. 547—620	(74)	синтагма;	антисинтагма	(59)	ст. 650—718
„ 621—630	(10)	пнигосъ;	антипнигосъ	(6)	„ 719—724

№ 4. „Облака" [1].

ст. 961—1008	(48)	синтагма;	антисинтагма	(40)	ст. 1036—1084
„ 1009—1023	(15)	пнигосъ;	антипнигосъ	(20)	„ 1085—1104

№ 6. „Рыцари" [2].

ст. 763—823	(61)	синтагма;	антисинтагма	(68)	ст. 843—910
„ 824—835	(12)	пнигосъ;	антипнигосъ	(30)	„ 911—940

№ 7. „Облака" [2].

ст. 1353—1385	(33)	синтагма;	антисинтагма	(47)	ст. 1399—1445
„ 1386—1390	(5)	пнигосъ;	антипнигосъ	(7)	„ 1446—1452

И такъ, вотъ въ чемъ заключается загадка. Полная симметрія въ трехъ синтагмахъ Аристофана не можетъ быть случайностью; съ

другой стороны, она не можетъ быть и правиломъ, такъ какъ цѣлыя пять синтагмъ лишены всякаго соотвѣтствія.

Всякій согласится съ нами въ томъ, что въ рѣшеніи этой загадки находится ключъ къ объясненію всего явленія симметріи; слѣдовало бы ожидать поэтому, что ученые, пишущіе объ этомъ предметѣ, прежде всего попытаются разгадать ее. На дѣлѣ же оказывается не то.

О Гельбигѣ мы не говоримъ: этотъ ученый пользуется заслуженною славою на другомъ поприщѣ, да къ тому же его статья имѣла цѣлью только указать на нѣкоторые случаи симметріи, подобные открытому Германомъ. Но Эри посвятилъ, можно сказать, всю свою жизнь изслѣдованію симметріи у Аристофана, и отъ него можно требовать, чтобъ онъ велъ дѣло умѣючи.

Свою теорію Эри изложилъ въ трехъ статьяхъ: De responsionis apud Aristophanem rationibus et generibus. Bonnae 1865; Jahrbücher für Philologie т. 101; стр. 353—390; наконецъ, Novae in responsionem Aristophaneam animadversiones. Scaphusiae 1875.

Онъ, какъ мы уже замѣтили, несогласенъ съ теоріей Германа; по его мнѣнію, этою послѣднею объясняется только симметрія эпизодій, то-есть, частей, декламируемыхъ въ присутствіи хора, но не симметрія прологовъ. Мы не понимаемъ, почему онъ не пошелъ далѣе; всѣ или почти всѣ ученые согласны въ томъ, что сцены, написанныя ямбическими триметрами, были декламируемы безъ сопровожденія музыки; слѣдовательно, еслибъ Эри удалось указать хоть одинъ случай соотвѣтствія въ этого рода сценахъ, то несостоятельность Германовой теоріи была бы доказана.

И дѣйствительно, бо́льшая часть responsiones Эри взята именно изъ ямбическихъ сценъ. Въ 1876 году онъ изложилъ свое мнѣніе въ Тюбингенскомъ собраніи германскихъ филологовъ, и собраніе поручило извѣстному метрику Кристу выработать положенія касательно этой теоріи. Эта послѣдняя показалась Кристу въ то время столь убѣдительною, что онъ въ большей части случаевъ согласился съ ея авторомъ и во второмъ изданіи своей Метрики посвятилъ особую главу симметріи драматическихъ сценъ. Но вскорѣ энтузіазмъ его охладѣлъ: въ третьемъ изданіи Метрики этой главы не оказывается болѣе; но онъ все еще соглашается съ Эри въ томъ, что онъ bei Aristophanes die meisten und interessantesten Fälle von symmetrischer Anordnung des Dialoges nachgewiesen hat. За годъ до появленія этого изданія, въ Галле была напечатана диссертація Фридриха Виттена

Qua arte Aristophanes diverbia composuerit, подвергшая строгой критикѣ теорію Эри.

Считаемъ нелишнимъ дать краткую характеристику этой послѣдней, прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію нашего собственнаго мнѣнія.

Въ первомъ эпизодіи комедіи „Лягушекъ“ (ст. 460—604) Эри замѣтилъ существованіе слѣдующей симметріи:

4 (2, 2) Bacchus ante Aeaci ostium (460—63)
15 Aeacus (464—478)
15 Bacchus et Xanthias (479—493)
38 (40) Ancilla Xanthiam ad deam vocat (494—533)
carmina chori et Bacchi (534—548)
38 { 19 (20) copa narrat quid perpessa sit (549—568)
19 (20) et Baccho minatur (569—589)
antistropha carminum (590—604)

Сопровожденія музыки Эри не признаетъ; слѣдовательно, единственнымъ критеріемъ для распредѣленія частей, симметрически соотвѣтствующихъ одна другой, долженъ быть смыслъ. Посмотримъ теперь, какъ Эри воспользовался этимъ критеріемъ.

Во время парода мисты указали Вакху на дверь дома Плутонова; онъ собирается стучать, но природная трусость одолѣваетъ его.

Διο. ἄγε δὴ τίνα τρόπον τὴν θύραν κόψω, τίνα;
πῶς ἐνθάδ' ἄρα κόπτουσιν οὑπιχώριοι;
Ξαν. οὐ μὴ διατρίψεις, ἀλλὰ γεύσει τῆς θύρας
καθ' Ἡρακλέα τὸ σχῆμα καὶ τὸ λῆμ' ἔχων.
Διο. παῖ, παῖ. Αἰα. τίς οὗτος; Διο. Ἡρακλῆς ὁ καρτερός.
Αἰα. ὦ βδελυρὲ κἀναίσχυντε καὶ τολμηρὲ σὺ и т. д.

По смыслу всѣ эти стихи сплошь до 478

ἐφ' ἃς ἐγὼ δρομαῖον ὁρμήσω πόδα

составляютъ одно цѣлое, одну сцену. Эри, однако, выдѣляетъ первые четыре стиха, которые онъ называетъ extra scaenam positi, и получаетъ такимъ образомъ сцену въ пятнадцать стиховъ, соотвѣтствующую, по его мнѣнію, слѣдующей сценѣ между Вакхомъ и Ксантіемъ. Обратимся къ этой послѣдней. Всякій здравомыслящій человѣкъ продолжитъ эту сцену до появленія третьей личности, то-есть, служанки Прозерпины (ст. 513). По мнѣнію Эри, напротивъ, сцена Вакха съ Ксантіемъ продолжается только до ст. 493.

Διο. σὺ δ' οὐκ ἔδεισας τὸν ψόφον τῶν ῥημάτων
καὶ τὰς ἀπειλάς, Ξαν. οὐ μὰ Δί' οὐδ' ἐφρόντισα.
(новая сцена)
Διο. ἴθι νῦν, ἐπειδὴ ληματίας κἀνδρεῖος εἶ и т. д.

Мало того. Эта новая сцена по распредѣленію Эри имѣетъ только 38, а по рукописямъ 40 стиховъ. Спрашивается: чѣмъ Эри не понравились ст. 519 сл.

Ξαν. ἴθι νυν, φράσον πρώτιστα ταῖς ὀρχηστρίσιν
ταῖς ἔνδον οὔσαις, αὐτὸς ὡς εἰσέρχομαι — ?

Они для Ксантія такъ характерны! И кому изъ читателей Аристофана могло прійдти въ голову сочинить ихъ? Но они разрушаютъ симметрію Эри, и вслѣдствіе того, должны быть устранены.

Послѣ пѣсни хора слѣдуетъ новая сцена. Вмѣсто служанки вбѣгаютъ двѣ трактирщицы и нападаютъ на самозванца. Вся сцена имѣетъ 41 стихъ, и дѣлить ее на двѣ части нѣтъ надобности; но если кому непремѣнно хочется сдѣлать изъ нея двѣ сцены, то можно отдѣлить приключеніе съ трактирщицами (ст. 549—578) отъ слѣдующаго за нимъ разговора Вакха съ Ксантіемъ (ст. 579—589); такимъ образомъ мы получимъ двѣ сцены, одну—въ 30, другую—въ 11 стиховъ. Но это раздѣленіе не по вкусу Эри; онъ прежде всего объявляетъ три стиха подложными, затѣмъ раздѣляетъ остальные 38 стиховъ пополамъ и получаетъ двѣ сцены по 19 стиховъ каждую „cops narrat quid perpessa sit“ и „Baccho minatur“, при чемъ умалчиваетъ о томъ, что только меньшая часть второй сцены содержитъ въ себѣ угрозы трактирщицъ Вакху, а остальная—разговоръ между Вакхомъ и Ксантіемъ. Что касается атетезъ, то о стихахъ 570 и 574 можно еще согласиться, но ст. 567 необходимъ:

Πλα. νὴ Δία, τάλαινα. Παν. νὼ δὲ δεισάσα γέ που
ἐπὶ τὴν κατήλιφ' εὐθὺς ἀνεπηδήσαμεν·
567. ὁ δ' ᾤχετ' ἐξάξας γε τὰς ψίαθους λαβών.
Ξαν. καὶ τοῦτο τούτου τοὔργον· ἀλλ ἐχρῆν τι δρᾶν.

Спрашивается: какой смыслъ имѣетъ замѣчаніе Ксантія, если удалить напечатанный съ разрядкой стихъ?

Весь ἐπεισόδιον распадается естественнымъ образомъ на слѣдующія три сцены, изъ которыхъ каждая заключается разговоромъ Вакха съ Ксантіемъ:

ст. 460—502 приключеніе съ Эакомъ (43)
ст. 503—533 приключеніе со служанкою (31)
ст. 534—548 строфа

ст. 549—589 приключеніе съ трактирщицами (41)

ст. 590—604 антистрофа.

Всѣ сцены, конечно, приблизительно одного и того же объема, но симметріи въ нихъ никакой не оказывается.

Мы охарактеризовали двѣ самыя выдающіяся черты методы Эри —невозможное распредѣленіе сценъ и произвольныя атетезы. Не мѣшаетъ заняться и послѣднимъ его открытіемъ въ этомъ родѣ—симметріей между лирическими и стихическими частями: „Numerantur enim praeter senarios ii tantum versus qui κατὰ στίχον sunt omnes, liberiora vero metra, quae constanti vice se non excipiunt unius versus loco habentur nulla eius rei ratione habita quam longi sint qui eo modo efficiantur versus". Такимъ образомъ во второмъ, то-есть, слѣдующемъ за парабазою эпизодіемъ „Тесмофоріазузъ" (ст. 846—1159) тридцать стиховъ второй сцены симметрически соотвѣтствуютъ одному стиху первой. Эри прибавляетъ (Novae animadversiones стр. 5): „Neve quis miretur, quod triginta versus nobis unius versus loco sint. Cum enim plane adhuc ignoremus quae vera responsionis causa sit, contenti esse debemus, si unam aliquam legem, qualis est haec de lyricis partibus numerandis constanti ratione a poeta observatam esse docere possumus, cum tamen causa eius legis non magis quam universae artis causa nota nobis esse possit". Недурно!

Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на симметрическія таблицы Эри. Вотъ образчикъ (Novae animadv. стр. 23).

Nubes

1—262

Apud Strepsiadis domum.	127	39 patris colloquium cum filio somniante (1—40)
		37 narratio (41—77)
		51 colloquium cum filio experrecto (78—128)
Apud Socratis domum.	127	51 Socratis nugae narrantur (129—179)
		37 phrontisterium ostenditur (180—221)
		39 Socrates ipse cum Strepsiade colloquitur (223—262).

Sapienti sat!

29.

И такъ, о симметріи діалоговъ, лишенныхъ сопровожденія музыки, и рѣчи быть не можетъ. Этотъ отрицательный результатъ даетъ намъ возможность вернуться къ сообщенному въ предыдущей главѣ Германову объясненію.

Это объясненіе подтверждается замѣчаніемъ схоліаста къ ст. 1352 (то-есть, первому стиху второй синтагмы) „Облаковъ“: ἀλλ' ἐξ ὅτου τὸ πρῶτον ἤρξαθ' ἡ μάχη γενέσθαι ἤδη λέγειν πρὸς τὸν χόρον.—Οὕτως ἔλεγον πρὸς χορὸν λέγειν ὅτε τοῦ ὑποκριτοῦ διατιθεμένου τὴν ῥῆσιν ὁ χορὸς ὠρχεῖτο· διὸ καὶ ἐκλέγονται ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖστον ἐν τοῖς τοιούτοις τὰ τετράμετρα, ἢ τὰ ἀναπαιστικά, ἢ τὰ ἰαμβικά, διὰ τὸ ῥαδίως ἐμπίπτειν ἐν τούτοις τὸν τοιοῦτον ῥυθμόν. Послѣ того ясенъ и смыслъ слѣдующихъ стиховъ „Лизистраты“ (антода синтагмы):

ἀπαίρετ' ὦ γυναῖκες, ἀπὸ τῶν χαλκίδων, ὅπως ἂν
ἐν τῷ μέρει χἠμεῖς τι ταῖς φίλαισι ξυλλάβωμεν.
ἐγὼ γὰρ οὐπώποτε κἄμοιμ' ἂν ὀρχουμένη
οὐδὲ γόνατ' ἂν κόπος ἕλοι μὲ χαματηρὸς ἄν.

Схоліастъ очень вѣрно объясняетъ ὅπως ἐν τῷ μέρει ὀρχήσονται. И такъ, въ продолженіе синтагмы плясали одни старики, а тутъ и старухи собираются въ свою очередь (ἐν τῷ μέρει) поплясать. Такимъ образомъ то, что̀ Германъ считалъ только возможностью, является фактомъ: синтагма сопровождалась танцами одного, антисинтагма—другаго полухорія; синтагма относится къ антисинтагмѣ какъ строфа къ антистрофѣ, и не только понятно, но даже необходимо, чтобъ онѣ соотвѣтствовали одна другой.

Но тутъ опять является вопросъ: если такъ, то зачѣмъ мы встрѣчаемъ симметрію только въ нѣкоторыхъ синтагмахъ, и не во всѣхъ?

Германъ, къ сожалѣнію, не задавалъ себѣ этого вопроса, а послѣдователи его—еще менѣе; мы поэтому попытаемся сами отвѣтить на него.

Пляска синтагмы непремѣнно должна была соотвѣтствовать пляскѣ антисинтагмы; музыка, конечно, также, такъ какъ фигуры танца во всемъ зависятъ отъ музыки. Но ни фигуры танца, ни музыка не сохранились; уцѣлѣли только слова текста. Спрашивается: было ли необходимо, чтобы на каждый тактъ музыки приходилось по метру текста? Обдумавъ этотъ вопросъ, нельзя отвѣчать на него положительно; но мы можемъ подтвердить наше мнѣніе словами самого Аристофана („Лягушки“ ст. 1019). Еврипидъ спрашиваетъ Эсхила:

καὶ τί σὺ δράσας οὕτως αὐτοὺς γενναίους ἐξεδίδαξας;

Διόνυσος.

Αἰσχύλε, λέξον, μηδ' αὐθαδῶς σεμνυνόμενος χαλέπαινε.

Αἰσχύλος.

δρᾶμα ποιήσας Ἄρεως μεστόν.

Διόνυσος.

ποῖον;

Αἰσχύλος.

τοὺς Ἑπτ' ἐπὶ Θήβας.

Обращеніе Вакха къ Эсхилу имѣетъ смыслъ только въ такомъ случаѣ, если предположить, что на вопросъ Еврипида Вакхъ сначала отвѣчать не хотѣлъ, то-есть, если допустить паузу, равняющуюся по крайней мѣрѣ одному стиху, или четыремъ тактамъ. Такимъ образомъ, если даже допустить, что это въ цѣлой синтагмѣ единственная пауза, при полномъ соотвѣтствіи музыки обѣ части синтагмы не соотвѣтствовали бы одна другой по числу стиховъ. Но понятно, что паузъ было гораздо больше; онѣ были необходимы для драматическаго эффекта. Кромѣ того, Эсхилъ спеціально любитъ дѣйствовать молчаніемъ и неохотно споритъ съ презираемымъ имъ Еврипидомъ; такимъ онъ является уже въ просинтагмѣ (ст. 830 сл.):

Εὐριπίδης.

Οὐκ ἂν μεθείμην τοῦ θρόνου, μὴ νουθέτει,
κρείττων γὰρ εἶναί φημι τούτου τὴν τέχνην.

Διόνυσος.

Αἰσχύλε τί σιγᾷς; αἰσθάνει γὰρ τοῦ λόγου·

Εὐριπίδης.

ἀποσεμνυνεῖται πρῶτον, ἅπερ ἑκάστοτε
ἐν ταῖς τραγῳδίαισιν ἐτερατεύετο.

Этимъ положеніемъ мы значительно приближаемся къ рѣшенію загадки. Но прежде чѣмъ примѣнить нашу теорію къ отдѣльнымъ синтагмамъ, мы должны замѣтить слѣдующеее:

Стихи, которыми Аристофанъ пользуется въ синтагмахъ, по ритму своему не допускаютъ неправильныхъ фигуръ; иначе вообще было бы непонятно, почему тетраметры слѣдуютъ за тетраметрами, не перемѣшанные ни съ диметрами, ни съ триметрами. Какъ четыре стопы составляютъ метръ, а четыре метра—стихъ, точно также и четыре стиха составляютъ высшую единицу—строфу. Доказательствомъ тому служатъ эпирремы парабазъ; всѣ онѣ состоятъ изъ 8, 12, 16, или наконецъ, 20 стиховъ; однимъ словомъ, всѣ онѣ разлагаются на четырестишныя строфы. Конецъ строфы большею частью совпадаетъ съ концомъ предложенія, но это совпаденіе не обязательно.

Можно предположить, что при большемъ размѣрѣ тетраметрическихъ композицій четыре строфы, со своей стороны, составляли высшую

единицу—фигуру. Это предположеніе подтверждается фактомъ. Дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что всѣ синтагмы по количеству стиховъ приближаются къ единицѣ, состоящей изъ n × 16 тетраметровъ.

Примѣръ такой синтагмы есть первая синтагма „Рыцарей", имѣющая въ каждой половинѣ 32 стиха, то-есть, двѣ фигуры. Каждая фигура составляетъ по смыслу одно цѣлое; строфы большею частью также; дѣйствительно, конецъ строфы въ синтагмѣ только разъ, въ антисинтагмѣ только два раза (ст. $^{384}/_{385}$; $^{412}/_{413}$; $^{432}/_{433}$) не совпадаетъ съ концомъ предложенія. Мы въ правѣ назвать эту синтагму образцомъ, какъ эвритмическаго, такъ и симметрическаго соотвѣтствія.

Въ синтагмѣ „Птицъ", напротивъ того по 61 стиху въ каждой половинѣ. Однако, это число очень приближается къ числу 64, и недостающіе три стиха весьма легко дополнить, если допустить по три паузы въ обѣихъ частяхъ: 1) послѣ ст. 464 κατὰ χειρός ὕδωρ φερέτω ταχύ τις—δειπνήσειν μέλλομεν, ἤ τί; Питетеръ во время паузы умывается; 2) между ст. 480 и 481

Επ. οὐχ ἀποδώσει ταχέως ὁ Ζεὺς τὸ σκῆπτρον τῷ δρυκολάπτῃ.

Πειθ. ὡς οὐχὶ θεοὶ τοίνυν ἦρχον τῶν ἀνθρώπων и т. д.

Питетеръ на сомнѣніе пустошки не отвѣчаетъ прямо, а говоритъ о другомъ предметѣ; 3) послѣ ст. 498 ὁ δ' ἀπέβλισε θοἰμάτιόν μου; и здѣсь Питетеръ переходитъ къ другому предмету; 4) послѣ ст. 560. 5) послѣ ст. 576 и 6) послѣ ст. 591. Читатель легко можетъ убѣдиться въ драматическомъ дѣйствіи именно этихъ паузъ. Такимъ образомъ каждая часть синтагмы будетъ состоять изъ четырехъ фигуръ, каждая фигура изъ четырехъ строфъ; изъ фигуръ каждая составляетъ по смыслу одно цѣлое; изъ 32 строфъ только у семи конецъ не совпадаетъ съ концомъ предложенія.

Въ синтагмѣ „Лизистраты" каждая половина имѣетъ—если счесть выпущенными два тетраметра въ первой части (см. предыдущую главу)—47 стиховъ, или если допустить по одной паузѣ въ каждой—три фигуры. О распредѣленіи паузъ сомнѣнія быть не можетъ; ихъ такъ и вызываютъ ст. 516 синтагмы: Λυσ. τοιγὰρ ἔγωγ' ἔνδον ἐσίγων—и 590 антисинтагмы: Προβ. σίγα, μὴ μνησικακήσῃς. Изъ 24 строфъ только у трехъ (въ томъ числѣ и у двадцатой, которою оканчивается пятая фигура) конецъ не совпадаетъ съ концомъ предложенія.

Въ „Облакахъ" синтагма имѣетъ 47, антисинтагма—если удалить ст. 1081 подложный—48 стиховъ. Естественное мѣсто паузы въ синтагмѣ между ст. 962 и 963. Такимъ образомъ въ каждой половинѣ будутъ, какъ и въ „Лизистратѣ", три фигуры, составляющія каждая по

смыслу одно цѣлое. Изъ 12 строфъ антисинтагмы только двѣ ($^{1039}/_{1040}$; $^{071}/_{1072}$) допускаютъ συνάφειαν: въ синтагмѣ мы встрѣчаемъ ее чаще ($^{987}/_{988}$; $^{984}/_{985}$; $^{988}/_{989}$; $^{996}/_{997}$; $^{1000}/_{1001}$).

Въ синтагмѣ „Осъ“, по нашему распредѣленію, восемь паузъ. Отдѣлить ихъ не трудно, такъ какъ эта синтагма сама по себѣ распадается на пять частей, изъ коихъ каждая равняется приблизительно одной фигурѣ. Первая часть (до ст. 559) имѣетъ 12 стиховъ, вторая (до ст. 575)—16, третья (до ст. 589)—14, четвертая (до ст. 604)—15, пятая 15. И такъ, въ первой фигурѣ будутъ четыре паузы (передъ ст. 548, послѣ ст. 549, послѣ ст. 551 и послѣ ст. 559), въ третьей—двѣ (послѣ ст. 577 и ст. 589), въ четвертой—одна (послѣ ст. 600) и въ пятой—одна (послѣ ст. 615). Въ антисинтагмѣ, состоящей также изъ пяти фигуръ,—одиннадцать паузъ, а именно—двѣ—въ первой фигурѣ (послѣ ст. 654 и 663), двѣ—во второй (послѣ ст. 668 и 671), двѣ—въ третьей (послѣ ст. 680 и 691), четыре—въ четвертой (послѣ ст. 695, 697, 699 и 703), и одна—въ пятой (послѣ ст. 711). Большее количество паузъ въ антисинтагмѣ соотвѣтствуетъ большей важности предмета; онѣ какъ нельзя лучше подчеркиваютъ положенія Клеонохула и даютъ, какъ Клеонославу, такъ и публикѣ, время подумать надъ ними.

Въ трехъ остальныхъ синтагмахъ мы замѣчаемъ слѣдующія отношенія:

	Синтагма.	Антисинтагма.
„Лягушки“	64	71
„Рыцари“[2]	61	68
„Облака“[2]	33	46

Чтобы объяснить себѣ эту неравность, мы должны прибѣгнуть къ гипотезѣ, которая хотя и не основана на свидѣтельствахъ древнихъ, но сама по себѣ имѣетъ много правдоподобія.

По нашему мнѣнію, синтагмическій танецъ состоялъ не изъ разнообразныхъ, а изъ однѣхъ и тѣхъ же фигуръ, такъ что каждая слѣдующая фигура была повтореніемъ предыдущей. Если такъ, то конечно, не было необходимости, чтобъ антисинтагма состояла изъ столькихъ же фигуръ, сколько ихъ было въ синтагмѣ; можно было, по надобности, прибавить или убавить одну фигуру,—симметрія не могла отъ этого пострадать.

Такимъ образомъ, исчисленныя синтагмы будутъ имѣть слѣдующій составъ:

„Лягушки“

синтагма . .	4 фигуры	=16 строфъ	=64 стиха.
антисинтагма	5 „	=20 „	=80 „

„Рыцари“ [2]

синтагма . .	4 фигуры	=16 „	=64 стиха.
антисинтагма	5 „	=20 „	=80 „

„Облака“ [3]

синтагма . .	2 фигуры	= 8 „	=32 стиха.
антисинтагма	3 „	=12 „	=48 „

Конечно, чтобы получить эти отношенія, мы опять должны прибѣгнуть къ нашей теоріи паузъ; но этого слѣдовало и ожидать.

Въ синтагмѣ „Лягушекъ“ нѣтъ ни одной паузы, что вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру ея оратора, Еврипида. Она дѣлится на двѣ части, состоящія изъ двухъ фигуръ каждая: въ первой части Еврипидъ даетъ характеристику поэзіи Эсхила, во второй—своей собственной. Кромѣ того, каждая фигура составляетъ одно цѣлое. Въ антисинтагмѣ говоритъ Эсхилъ: важность предмета и характеръ оратора требуютъ, чтобы мы предположили существованіе здѣсь нѣсколькихъ паузъ. Девять паузъ дополнили бы пять фигуръ. Первую мы опредѣляемъ передъ ст. 1006: Эсхилъ не сразу соглашается говорить; вторую—послѣ ст. 1012; третью—послѣ ст. 1019 (здѣсь она засвидѣтельствована самимъ Аристофаномъ); четвертую—послѣ ст. 1025; пятую—послѣ ст. 1029; шестую—послѣ ст. 1031; седьмую—послѣ ст. 1038; восьмую—послѣ ст. 1042; девятую—послѣ ст. 1061. Такимъ образомъ, каждая изъ пяти фигуръ (I, 1006—1019; II, 1020—1031; III, 1032—1045; IV, 1046—1061; V, 1062—1076) будетъ составлять одно цѣлое, и даже строфы по большей части не будутъ допускать συνάφειαν.

Въ синтагмѣ „Рыцарей“ [2] три паузы, но онѣ объясняются иначе, чѣмъ въ предшествующихъ синтагмахъ. Ихъ требуютъ не характеръ противниковъ и не важность предмета, а одно обстоятельство сюжета, то именно, что колбаснику надобно сбѣгать за подушкою, которую онъ собирается подарить Дему. Для этого ему, конечно, нужно не четыре только такта, а болѣе; мы не ошибемся, если обозначимъ послѣ ст. 778 паузу размѣромъ въ двѣнадцать тактовъ, или три тетраметра. Тогда синтагма будетъ состоять изъ четырехъ фигуръ (I, 763—778; II, 779—791; III, 792—807, послѣ послѣдняго стиха слѣдуетъ поставить точку; IV 808—823). Для антисинтагмы требуется двѣнадцать паузъ, и это не мудрено; колбасникъ три раза покидаетъ сцену: разъ за башмаками, затѣмъ за хитономъ, нако-

нецъ за банкою съ лѣкарствомъ и заячьимъ хвостомъ, Клеонъ же— всего одинъ разъ, за плащемъ. Сверхъ того, пауза необходимо слѣдовала послѣ ст. 849. Если сообразить все это, то антисинтагма будетъ состоять изъ пяти фигуръ (I, 842 — 857, [+ пауза въ 1 тетраметръ послѣ ст. 849]; II, 858—870 [+пауза въ 3 тетраметра послѣ ст. 867]; III, 871 — 883 [+ пауза въ 3 тетраметра послѣ ст. 880]; IV, 884—895 [+ пауза въ 4 тетраметра послѣ ст. 889]; V, 896—910 [+пауза въ 1 тетраметръ послѣ ст. 906]).

Въ синтагмѣ „Облакъ"[2] нѣтъ ни одной паузы, за то въ ней есть лишній стихъ. Ученые уже давно удалили ст. 1366; но мы не считаемъ его подложнымъ; стоитъ только переставить его (см. изданіе Кока). За то въ ст. 1376 заключается важная ошибка.

Στρεψιάδης.

...χἄπειτ' ἔφλα με χἀσπόδει χἄπνιγε χἀπέτριβεν.

Φειδιππίδης.

οὔκουν δικαίως, ὅςτις οὐκ Εὐριπίδην ἐπαινεῖς
σοφώτατον;

Στρεψιάδης.

σοφώτατόν γ' ἐκεῖνον; ὦ—τί σ'εἴπω;
ἀλλ' αὖθις αὖ τυπήσομαι.

Φειδιππίδης.

νὴ τὸν Δί', ἐν δίκῃ γ' ἄν.

Στρεψιάδης.

καὶ πῶς δικαίως; ὅστις, ὦναίσχυντέ σ' ἐξέθρεψα и т. д.

На заявленіе Фидиппида: ἐν δίκῃ γ' ἄν Стрепсіадъ нѐ могъ спросить: πῶς δικαίως; въ такихъ случаяхъ древніе точно также, какъ и мы, повторяли слово, употребленное противникомъ. А такъ какъ противникъ Стреспіада, двумя стихами выше, дѣйствительно употребилъ слово δικαίως, то весьма вѣроятно, что вопросъ Стрепсіада относится именно къ этому стиху. Поэтому мы предлагаемъ удалить ст. 1379. Тогда синтагма будетъ содержать въ себѣ двѣ полныя фигуры (I, ст. 1359—1368 и II, 1369 — 1385). Въ антисинтагмѣ, напротивъ того, недостаетъ двухъ стиховъ. Одинъ можно дополнить, если предположить, что за ст. 1429 слѣдовала пауза; что касается втораго, то весьма вѣроятно, что два диметра ст. 1446 сл.

λόγον σε νίκησω λέγων
τὴν μητέρ' ὡς τύπτειν χρεών;

первоначально составляли одинъ тетраметръ въ родѣ слѣдующаго:

τί δ' ἤν σ' ἔχων τὸν ἥττω
πείσω λόγον τὴν μητέρ' ὡς τύπτειν δίκαιόν ἐστι;

Тогда антисинтагма будетъ состоять изъ трехъ фигуръ (I, 1399—1414; II, 1415—1429; III, 1430—1447).

Остаются еще двѣ синтагмы—№ 7 и 8, состоящія каждая изъ одной только части. За то онѣ самыя длинныя; въ синтагмѣ „Экклезіазузъ" 106 стиховъ, а въ синтагмѣ „Богатства" 109. Не ясно, слѣдуетъ ли раздѣлить ихъ на 7 или на 8 фигуръ; въ первомъ случаѣ пришлось бы назначить 6 паузъ на синтагму „Экклезіазузъ" и 3 паузы на синтагму „Богатства", во второмъ—по 16 паузъ болѣе на каждую. И то, и другое возможно.

Обращаемся теперь къ соотвѣтствію пнигосовъ. Что симметрія существуетъ и здѣсь, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; примѣромъ тому пнигосы „Птицъ" (по 16 стиховъ) „Рыцарей"[1], (тоже по 16 ст.), „Лизистраты" (по 9 ст.) „Лягушекъ" (по 21 ст.) и „Облаковъ"[2] (по 5 ст.). За то въ „Осахъ" пнигосъ имѣетъ 10, антипнигосъ 6 ситховъ; въ „Облакахъ"[1] пнигосъ 15, антипнигосъ 25, въ „Рыцаряхъ"[2] пнигосъ 12, антипнигосъ 30 стиховъ. Паузы намъ тутъ не помогутъ, такъ какъ извѣстно, что πνίγη произносились ἀπνευστί. А между тѣмъ должна вѣдь существовать причина, какъ симметріи, такъ и несимметріи.

Возьмемъ для примѣра пнигосъ синтагмы „Облаковъ"[1]. Онъ по смыслу распадается на три строфы:

Строфа.

ἣν ταῦτα ποιῇς ἁγὼ φράζω
καὶ πρὸς τούτοις προσέχῃς τὸν νοῦν,
ἕξεις μὲν ἀεὶ στῆθος λιπαρόν,
χροιὰν λευκήν, ὤμους μεγάλους
γλῶτταν βαιάν, πυγὴν μεγάλην,
πόσθην μικράν.

Антистрофа.

ἢν δ' ἅπερ οἱ νῦν ἐπιτηδεύῃς,
πρῶτα μὲν ἕξεις χροιὰν ὠχράν,
ὤμους μικρούς, στῆθος λεπτόν,
γλῶτταν μεγάλην, πυγὴν μικράν,
κωλῆν μεγάλην, ψήφισμα μακρόν.

Эпода.

καί σ' ἀναπείσει
τὸ μὲν αἰσχρὸν ἅπαν καλὸν ἡγεῖσθαι,
τὸ καλὸν δ' αἰσχρόν.
καὶ πρὸς τούτοις τῆς 'Αντιμάχου
καταπυγοσύνης ἀναπλήσει.

Соотвѣтствіе было бы полнымъ, еслибы строфа также имѣла только пять стиховъ. Но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что второй стихъ строфы есть только диттографія перваго; иначе они

произвели бы невыносимую тавтологію. Такимъ образомъ пнигосъ раздѣляется легко на пятистишныя строфы. Симметрія требуетъ, чтобъ и антипнигосъ допускалъ такое же дѣленіе. И дѣйствительно, дѣло не представляетъ никакого затрудненія:

Строфа.

ἦν δ'εὐρύπρωκτος ᾖ, τί πεί-
σεται κακόν;—τί μὲν οὖν ἂν ἔτι
μεῖζον πάθοι τούτου ποτέ;-
τί δῆτ' ἐρεῖς, ἦν τοῦτο νι-
κηθῇς ἐμοῦ;—σιγήσομαι.

Антистрофа.

τί δ' ἄλλο;—φέρε δή μοι φράσον·
ξυνηγοροῦσιν ἐκ τίνων;—
ἐξ εὐρυπρώκτων.—πείθομαι.
τί δαί; τραγῳδοῦσ' ἐκ τίνων—
ἐξ εὐρυπρώκτων.—εὖ λέγεις.

Эпода.

δημηγοροῦσι δ'ἐκ τίνων;—
ἐξ εὐρυπρώκτων.—ἆρα δῆτ'
ἔγνωκας ὡς οὐδὲν λέγεις;
καὶ τῶν θεατῶν ὁπότεροι
πλείους σκόπει.—καὶ δὴ σκοπῶ.—

Строфа.

τί δῆθ' ὁρᾷς;-
πολὺ πλείονας, νὴ τοὺς θεούς,
τοὺς εὐρυπρώκτους· τουτονὶ
γοῦν οἶδ' ἐγὼ κἀκεινονὶ
καὶ τὸν κομήτην τουτονί.—

Антистрофа.

τί δῆτ' ἐρεῖς;—
ἡττήμεθ', ὦ κινούμενοι.
πρὸς τῶν θεῶν δέξασθέ μου
θοἰμάτιον, ὡς
ἐξαυτομολῶ πρὸς ὑμᾶς.

И такъ, симметрія пнигосовъ основывается на томъ же принципѣ, что и симметрія синтагмъ; эвритмическая единица тутъ меньше, согласно съ болѣе оживленнымъ характеромъ пнигоса. Замѣтимъ, что во второй синтагмѣ „Облаковъ" пнигосы также состоятъ изъ пятистишной строфы каждый. Въ „Лягушкахъ" мы имѣемъ 21 стихъ въ каждомъ пнигосѣ; но уже Бюхелеръ и Бергкъ, которымъ нашъ принципъ, конечно, былъ неизвѣстенъ, заключили въ скобки ст. 1086; такимъ образомъ антипнигосъ имѣетъ всего 20 стиховъ и самъ собою дѣлится на четыре части, по пяти стиховъ каждая. Интересно обратить вниманіе на соотвѣтствіе:

Αἰσχύλος.

Ποίων δὲ κακῶν οὐκ αἴτιός ἐστ';
οὐ προαγωγοὺς κατέδειξ' οὗτος,
καὶ τίκτουσας ἐν τοῖς ἱεροῖς,
καὶ μιγνυμένας τοῖσιν ἀδελφοῖς,
καὶ φασκούσας οὐ ζῆν τὸ ζῆν;

κᾆτ' ἐκ τούτων ἡ πόλις ἡμῶν
ὑπογραμματέων ἀνεμεστώθη,
καὶ βωμολόχων δημοπιθήκων·
λαμπάδα δ' οὐδεὶς οἷός τε φέρειν
ὑπ' ἀγυμνασίας ἐστὶν νυνί.

Διόνυσος.

μὰ Δί' οὐ δῆθ', ὥστε γ' ἀφαυάνθην
Παναθηναίοισι γελῶν, ὅτε δὴ
βραδὺς ἄνθρωπός τις ἔθει κύψας
λευκός, πίων, ὑπολειπόμενος
καὶ δεινὰ ποιῶν.

κᾆθ' οἱ Κεραμῆς ἐν ταῖσι πύλαις
παίουσ' αὐτοῦ γαστέρα, πλευράς,
λαγόνας πυγήν· ὁ δὲ τυπτόμενος
ταῖσι πλατείαις ὑποπερδόμενος
φυσῶν τὴν λαμπάδ' ἔφευγεν.

Въ пнигосѣ Фельзенъ возстановляетъ соотвѣтствіе, удаляя ст. 979, но не совсѣмъ удачно; намъ не вѣрится, чтобъ Еврипидъ могъ окончить свою рѣчь ст. 978. Но это темный пунктъ, и лучше всего, кажется, оставить дѣло не рѣшеннымъ; во всякомъ случаѣ, надобно полагать, что и въ пнигосѣ пятистишная строфа была эвритмическою единицею.

Но въ синтагмѣ „Птицъ“, равно какъ и въ первой синтагмѣ „Рыцарей“, какъ пнигосъ, такъ и антипнигосъ, состоятъ каждый изъ 16 стиховъ. Тутъ, понятно, о пятистишной строфѣ и рѣчи быть не можетъ; эвритмическою единицею можетъ быть только четырестишная строфа. И дѣйствительно, читатель легко можетъ убѣдиться въ томъ, что самый смыслъ требуетъ этого дѣленія.

Наконецъ, мы встрѣчаемъ и трехстишную строфу—въ пнигосахъ „Лизистраты“ и второй синтагмы „Рыцарей“. Въ составѣ пнигосовъ „Осъ“—если только предположить, что въ пнигосѣ выпущенъ одинъ диметръ — также не трудно признать трехстишную строфу эвритмическою единицею. Но мы не желаемъ вдаваться въ область предположеній. Быть можетъ, мы и такъ уже достаточно углубились въ нее. Объ этомъ намъ, конечно, судить трудно; о теоріи соотвѣтствія діалогическихъ частей въ Аристофановой комедіи можно употребить слова, сказанныя Аристофаномъ по отношенію къ комедіи вообще:

πολλῶν γὰρ δὴ πειρασάντων αὐτὴν ὀλίγοις χαρίσασθαι.

Послѣ стольких неудачныхъ попытокъ нашихъ предшественниковъ намъ открывались три дороги. Мы могли или игнорировать вообще симметрическое дѣленіе діалоговъ и назвать случайностью такое совпаденіе, какое замѣчается въ нѣкоторыхъ изъ исчисленныхъ синтагмъ, или признать симметрію тамъ, гдѣ она очевидна, а по отношенію къ прочему сказать nescimus, или наконецъ, признать симметрію необходимою и попытаться изслѣдовать ея причины и законы. Первый способъ былъ, конечно, самымъ удобнымъ, но врядъ ли самымъ вѣрнымъ. На ars nesciendi наука ничего не выигрываетъ. И такъ, оставался третій путь изслѣдованій, путь коньектуръ и гипотезъ, не легкій, но единственно могущій довести до цѣли. По не-

волѣ нужно было ввѣриться этому пути. Удалось ли намъ дойти до результатовъ, которые будутъ сочтены дѣйствительнымъ успѣхомъ,— объ этомъ судить не намъ; во всякомъ случаѣ авторъ надѣется, что и ему не откажутъ въ Аристофановой похвалѣ:

ὅτι σωφρονιχῶς χοὐκ ἀνοήτως εἰσπηδήσας ἐφλυάρει.

30.

Задача наша рѣшена, на сколько ея рѣшеніе зависѣло отъ насъ.

Считаемъ, однако, нелишнимъ бросить послѣдній взглядъ на добытые нами результаты.

Въ ученіи древнихъ о метрикѣ отдѣлъ περὶ ποιήματος хотя и существовалъ, но занималъ весьма невидное мѣсто. Они отличали ποιήματα κατὰ στίχον, κατὰ σύστημα и μικτά. Первыя соотвѣтствуютъ эпической поэзіи, вторыя—лирической, третьи—драматической. Именно этотъ послѣдній разрядъ, болѣе всего интересующій насъ, очерченъ у нихъ весьма поверхностно. Трагедія, въ виду знаменитости ея представителей, еще удостоивалась кое-какого вниманія; мы знаемъ, что древніе имѣли полную терминологію для ея частей. Но во всемъ богатомъ составѣ комедіи одна только парабаза привлекла къ себѣ своею оригинальностью ихъ вниманіе. Ученые нашихъ временъ находились въ такой зависимости отъ древнихъ, что не могли собственнымъ трудомъ восполнить оставленный ими пробѣлъ. Не смотря на фундаментальную разницу между комическими и трагическими пародами, они во что бы то ни стало старались примѣнить къ первымъ изъ нихъ опредѣленіе Аристотеля, относящееся къ однимъ пародамъ трагедіи. Не мудрено поэтому, что наши синтагмы не обратили на себя ихъ вниманія; онѣ были въ ихъ глазахъ эпизодіями, какъ и остальные діалоги.

Одинъ Вестфаль замѣтилъ, что онѣ занимаютъ особое мѣсто; онъ говоритъ объ „einer für die Oeconomie der Komoedie sehr characteristischen Stelle der Episodien“ (Metrik² II, 402), и даетъ ей принятое нами имя синтагмы. Но о томъ, что она, наравнѣ съ пародомъ и съ парабазою, занимаетъ каноническое мѣсто въ древней комедіи,— объ этомъ онъ, кажется, и не мечталъ.

И дѣйствительно, это не могло прійдти въ голову никому, такъ какъ три комедіи, въ которыхъ никто не подозрѣвалъ никакого формальнаго недостатка, были лишены этой „характерной части“. Это

затрудняло и нашу задачу. Надобно было сначала доказать необходимость синтагмы a priori; показать, что она по мѣсту, занимаемому ею въ экономіи политической комедіи, соотвѣтствуетъ катастрофѣ трагедіи и новой комедіи.

Ни трагедія, ни комедія новыхъ временъ не можетъ обойтись безъ катастрофы; точно также синтагма была необходимою частью древней комедіи. Но все-таки три комедіи, лишенныя синтагмъ, грозили опровергнуть однимъ своимъ существованіемъ наши выводы. Мы доказали, что каждая изъ этихъ комедій, въ первоначальномъ видѣ своемъ, имѣла синтагму и потеряла ее только вслѣдствіе діаскевазы.

Для первой изъ этихъ трехъ комедій — „Ахарнянъ" — мы могли пользоваться трудомъ Миллеръ-Штрибинга, для второй — „Мира" — намекомъ Дройзена, для третьей — „Тесмофоріазузъ" — работы нашихъ предшественниковъ оказались скорѣе препятствіемъ, чѣмъ помощью.

Изслѣдованіе о первоначальномъ видѣ этихъ трехъ комедій мы, съ своей стороны, — si parva licet componere magnis — можемъ назвать „катастрофой" нашего труда. Мы пользовались однѣми реальными примѣтами, отлагая на позднѣйшее время обсужденіе метрическаго состава этихъ комедій. Это изслѣдованіе подтвердило наше мнѣніе о важности синтагмы и оправдало наше намѣреніе сдѣлать ее предметомъ подробнаго разбора.

Прежде всего нужно было охарактеризовать дѣйствующихъ въ синтагмѣ лицъ. Мы нашли, что таковыхъ, кромѣ хора, четыре: два противника, судья и шутъ. Но не всѣ равнымъ образомъ необходимы; въ иныхъ синтагмахъ дѣйствуетъ одни противники, но никогда число актеровъ не превышаетъ трехъ, такъ что судья и шутъ часто бываютъ олицетворены въ одной и той же роли. Основываясь на данной нами характеристикѣ, мы попытались распредѣлить окончательно спорныя роли.

Затѣмъ мы обратились къ внѣшней формѣ синтагмы. Мы нашли, что въ полной синтагмѣ девять существенныхъ частей — просинтагма, ода, вступительное двустишіе, синтагма, пнигосъ, антода, вступительное двустишіе, антисинтагма и антипнигосъ, и три случайныя — мезодъ, телеосинтагмическое четверостишіе и эписинтагмій Просинтагма необходима для мотивированія ситуаціи и для опредѣленія условій спора; въ одахъ хоръ выражаетъ свое сочувствіе тому или другому противнику; въ двустишіяхъ онъ даетъ знакъ къ открытію спора, который составляетъ содержаніе синтагмъ и пнигосовъ. Въ мезодахъ нетерпѣливые противники прерываютъ пѣсню хора; въ эписинтагміи они же продолжаютъ перебраниваться даже послѣ

оффиціальнаго прекращенія спора, телеосинтагмическое четырестишіе имѣетъ содержаніемъ приговоръ судьи-хора.

Такимъ образомъ оказалось, что въ аттической комедіи три главныя, необходимыя части: пародъ, синтагма и парабаза. Было любопытно изслѣдовать, на сколько это сложеніе отозвалось на сопровождающей комедію музыкѣ. Конечно, эта послѣдняя пропала невозвратно, но въ размѣрахъ лирическихъ частей сохранились слѣды ея, имѣющіе для насъ ту же важность, какую для архитекторовъ имѣетъ чертежъ разрушеннаго здапія. Наше изслѣдованіе дало слѣдующіе довольно любопытные результаты: 1) единство размѣра служитъ связывающимъ элементомъ въ аттической комедіи; 2) если размѣръ допускаетъ μεταβολὴν τοῦ ῥυθμοῦ, то она отзывается прежде всего на синтагмѣ, затѣмъ на второй части парода; 3) въ переработанныхъ комедіяхъ музыка прежде всего подвергалась измѣненію. Этотъ послѣдній пунктъ далъ намъ возможность отличить переработанныя части нѣкоторыхъ комедій отъ первоначальныхъ; полученныя нами при этомъ таблицы оказались вполнѣ согласными съ таблицами, полученными нами въ 9-й—12-й главахъ на основаніи однѣхъ реальныхъ примѣтъ.

Метрическій разборъ тетраметрическихъ и диметрическихъ частей синтагмъ показалъ намъ, что эти послѣднія многимъ отличаются отъ написанныхъ тѣми же стихами хорическихъ частей.

Послѣ этого мы обратились къ вопросу о произношеніи отдѣльныхъ частей синтагмы. Мы нашли, что извѣстные намъ четыре способа произношенія—мелическій, речитативный, мелодраматическій и декламаторный — были извѣстны и Грекамъ, что они для каждаго изъ нихъ имѣли особое названіе—ᾠδή, παρακαταλογή, καταλογή и ψιλὴ λέξις, и что первому соотвѣтствуютъ всѣ лирическіе размѣры, второму—хорическіе тетраметры, третьему—синтагмы и пнигосы, и четвертому—діалоги, написанные ямбическими триметрами.

Оставался только одинъ вопросъ — о симметріи мелодраматическихъ частей синтагмы. Мы нашли, что причиной этой симметріи является сопровождаемая танцами музыка, что въ этой послѣдней симметрія была соблюдаема строго, а въ текстѣ часто соблюдалась только приблизительно.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, перечень результатовъ, полученныхъ нами въ нашихъ изслѣдованіяхъ. Можетъ статься, что они не всѣмъ покажутся столь естественными и вѣрными, какъ кажутся намъ. Но какъ бы то ни было, всякій—надѣемся—согласится, что въ нашемъ трудѣ затронуто много вопросовъ, которые еще никѣмъ до сихъ

поръ поставлены не были; что, разъ сдѣлавшись извѣстными, они легко могутъ заинтересовать и другихъ, которые, быть можетъ, будутъ счастливѣе насъ, — такъ что даже въ этомъ случаѣ изслѣдованія наши принесутъ пользу, хотя бы косвеннымъ путемъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы желаемъ, чтобы читатель понималъ поставленные нами во главѣ нашей статьи стихи аттическаго поэта: „Одна попытка, затрогивающая новые вопросы, будь она даже слишкомъ смѣлою, гораздо полезнѣе многихъ, идущихъ по старой дорогѣ".

Ѳаддей Зѣлинскій.

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

....

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

Высочайшие приказы.

Министерския распоряжения.

Приказы министра народнаго просвѣщенія.

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

1-го ІЮНЯ вышла и разослана подписчикамъ VI-я, ІЮНЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА"

Содержаніе: I. Павелъ Васильевичъ Чичаговъ и его записки: императоръ Павелъ.—II. На пепелищѣ Москвы въ сентябрѣ 1812 г.—III. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.—IV. Василій Андреевичъ Жуковскій.—V. Филаретъ, митрополитъ Московскій, въ 1817—1848 гг.—VI. Петръ Ивановичъ Фаленбергъ. Разсказъ изъ эпохи 1826 г. Сообщ. баронъ А. Е. Розенъ.—VII. Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ въ воспоминаніяхъ его офицера, 1831—1846 гг.—VIII. Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій въ 1848—1856 гг. Очеркъ и письма. Сообщ. А. И. Заборинскій. — IX. Нина Александровна Грибоѣдова. Очеркъ къ ея портрету. Сообщ. Ад. П. Берже.—X. Макарій, митрополитъ Московскій, † 9-го іюня 1882 г. Очеркъ. Сообщ. проф. Н. И. Барсовъ.—XI. Матеріалы и замѣтки: Пѣсня 1789 г.—Маіоръ Камаевъ.—Кн. Крапоткинъ.—Памятникъ въ Переяславлѣ, замѣтка Н. И. Костомарова.—Памятникъ Муравьеву-Амурскому.—Къ дѣлу о доносѣ на А. С. Пушкина.—Афанасій Гончаровъ.—Гр. М. Н. Муравьевъ-Виленскій,—и проч. XII. Библіографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ Нины Александровны Грибоѣдовой, рожденной княжны Чавчавадзе, † 1857 г. Гравировалъ Паннемакеръ въ Парижѣ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ" изд. 1883 г.

Четырнадцатый годъ изданія, 12 книгъ въ 4-хъ томахъ, цѣна съ пересылкою ДЕВЯТЬ руб.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ и Москвѣ благоволятъ подписываться въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова.

☛ Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ", въ С.-Петербургъ, Большая Подьяческая, домъ № 7.

Имѣется еще и можно получить: „РУССКАЯ СТАРИНА" изд. 1882 года. (Осталось 79 экземп.).

Цѣна ДЕВЯТЬ руб. 12 книгъ съ 12-ю портретами, съ пересылкою.

Вышла въ свѣтъ книга „ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ", съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками. Книга эта разослана тѣмъ лицамъ, которыя, подписавшись на „РУССКУЮ СТАРИНУ" изд. 1883 г. по 31-е декабря 1882 г., тогда же и не позже выслали 35 коп. на пересылку книги. Прочія лица книгу „ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ" могутъ получить за два руб. съ пересылкою.

Въ редакціи „Русской Старины" можно получить прежніе годы сего изд., именно: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877—1879 гг.; 1880 г. (второе изд.); 1881 и 1882 гг. Цѣна за годъ по ВОСЬМИ руб. съ пересылкой.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семевскій.

ИЗДАНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ, ВЫШЕДШІЯ ВЪ СВѢТЪ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Записки Императорской Академіи Наукъ. Томъ сороковой, книжка 1. 1882. (*Содержаніе:* О простѣйшихъ параллелограммахъ, доставляющихъ прямолинейное движеніе съ точностію до четвертой степени. П. Чебышева. — Эрикъ Лаксманъ. Академика Я. К. Грота. — *Приложенія:* № 1. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья вторая. Академика Я. К. Грота. — № 2. Объ ароматическихъ пинаконахъ и пинаколинахъ. Ал. Загуменнаго. — № 3. О функціяхъ мало удаляющихся отъ нуля, при нѣкоторыхъ величинахъ перемѣнной. П. Чебышева.)

Цѣна книжки: 1 руб. 65 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно:

№ 1...	1	»	15	»
№ 2...	—	»	15	»
№ 3...	—	»	15	»

——— Томъ сороковой, книжка 2. 1882. (*Содержаніе:* Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1881 г. Читанъ Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ, въ годичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1881 г. — Личный составъ Императорской Академіи Наукъ 4 февраля 1882 г. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1881 г., составленный Академикомъ А. Н. Веселовскимъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1881 г. —

Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи, составленный Академикомъ Я. К. Гротомъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1881 г. — Правила о преміяхъ А. С. Пушкина. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1881 г. — Списокъ ученыхъ трудовъ А. Н. Весселовскаго со времени избранія его въ экстраординарные академики, составл. акад. Я. К. Гротомъ. — Списокъ ученыхъ трудовъ И. В. Ягича со дня избранія его въ экстраординарные академики, составл. Я. К. Гротомъ. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Историко-Филологическаго Отдѣленія. — *Приложенія:* № 4. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. III—V. Академика А. Н. Весселовскаго. — № 5. Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка. Е. Барсова. — № 6. Опредѣленіе влажности воздуха помощію психрометра. Ник. Зворыкина. Съ 1 чертежемъ. — № 7. Geophilidae музея Императорской Академіи Наукъ. Обработалъ А. Селивановъ. Съ 2 таблицами.)

Цѣна книжки: 2 руб. 10 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно:

№ 4...	—	»	60	»
№ 5...	—	»	15	»
№ 6...	—	»	20	»
№ 7...	—	»	30	»

Записки. Томъ сорокъ-первый, книжка 1. 1882. (*Содержаніе:* Обозрѣніе разныхъ способовъ находить частныя возмущенія въ движеніи планеты или кометы помощію механическихъ квадратуръ. Преобразованіе способа Лапласа для удобнѣйшаго вычисленія пертурбацій по радіусу вектору, долготѣ и широтѣ. Академика А. Н. Савича. — О Юпитерѣ. И. Кортацци. Съ 4 таблицами. — О конкурсѣ на соисканіи преміи князя Н. Б. Юсупова за составленіе «Исторіи царствованія Императора Александра II». — *Приложенія:* № 1. Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ. Акад. Я. К. Грота. — № 2. Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы. П. М. Строева. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціею акад. А. Ѳ. Бычкова.)

Цѣна книжки: 2 руб. 30 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно:

№ 1...	—	»	15	»
№ 2...	2	»	—	»

Записки. Томъ сорокъ-первый, книжка 2. 1882. *Содержаніе:* (О молдавскомъ происхожденіи такъ называемаго золотаго талера русскаго князя Холмскаго. Статья акад. А. А. Куника. — Списокъ академій, ученыхъ обществъ и учрежденій, которымъ разсылаются изданія Императорской Академіи Наукъ. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за январь, февраль, мартъ, апрѣль и май 1882 г. — Предложеніе и балотированіе професора Θ. О. Бейльштейна въ ординарные академики по технологіи и химіи, приспособленной къ искусствамъ и ремесламъ. — *Приложенія:* № 3. Объ одномъ видоизмѣненіи способа, извѣстнаго подъ названіемъ Эратосθенова рѣшета. Акад. В. Я. Буняковскаго. — № 4. Отчетъ о двадцать-четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова.)

Цѣна книжки: 2 руб. 5 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно:

№ 3... — » 15 »
№ 4... 1 » — »

—— Томъ сорокъ-второй (въ одной книгѣ). 1882. (*Содержаніе:* Распространеніе на линейныя уравненія вообще способа Эйлера, для изслѣдованія всѣхъ случаевъ интегрируемости одного частнаго вида линейныхъ уравненій втораго порядка. Академика В. Г. Имшенецкаго. — Правила о преміяхъ имени графа Димитрія Андреевича Толстаго. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за августъ и сентябрь 1882 г. — *Приложенія:* № 1. Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1879 и 1880 г. Директора Г. Вильда. — № 2. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ шестой.)

Цѣна тома: 2 руб. 75 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно:

№ 1... — » 60 »
№ 2... 1 » 95 »

—— Томъ сорокъ-третій (въ одной книгѣ). 1882. (*Содержаніе:* Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за сентябрь, октябрь и ноябрь 1882 года. — *Приложеніе:* Отечественная война въ письмахъ современниковъ (1812—1815). Н. Дубровина.

Цѣна тома 2 руб. 85 коп.

Цѣна приложенія отдѣльно: 2 руб. 70 коп.

Записки. Томъ сорокъ-четвертый (въ одной книгѣ). 1883. (*Содержаніе:* Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1882 годъ. Читанъ Непремѣннымъ Секретаремъ, Ординарнымъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ въ годичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1882 года. — Отчетъ о присужденіи въ 1882 году наградъ К. М. Бэра. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1882 годъ, составленный Академикомъ А. Н. Веселовскимъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1882 года. — Объ ученыхъ заслугахъ графа Ѳ. П. Литке. Рѣчь Академика О. В. Струве. — О преміи Тамбовскаго дворянства за историческія сочиненія о царствованіи Императора Александра II. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1882 г. и январь 1883 г. — *Приложенія:* № 1. Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго. Издалъ, перевелъ и объяснилъ баронъ В. Р. Розенъ. — № 2. Объ отношеніи двухъ интеграловъ, распространенныхъ на однѣ и тѣ же величины перемѣнной. П. Чебышева.)

Цѣна тома: 3 руб. 10 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно:

№ 1... 2 руб. 40 коп.
№ 2... — » 15 »

Калачовъ, Н. В. Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Томъ II. Годъ 1712-й. Книга I. (Январь — іюль).

Цѣна тома: 2 руб.

Цѣна I-го тома, вышедшаго въ свѣтъ 1880 году: 2 руб.

Вильдъ, Г. О температурѣ воздуха въ Россійской Имперіи. Выпускъ второй. Съ атласомъ.

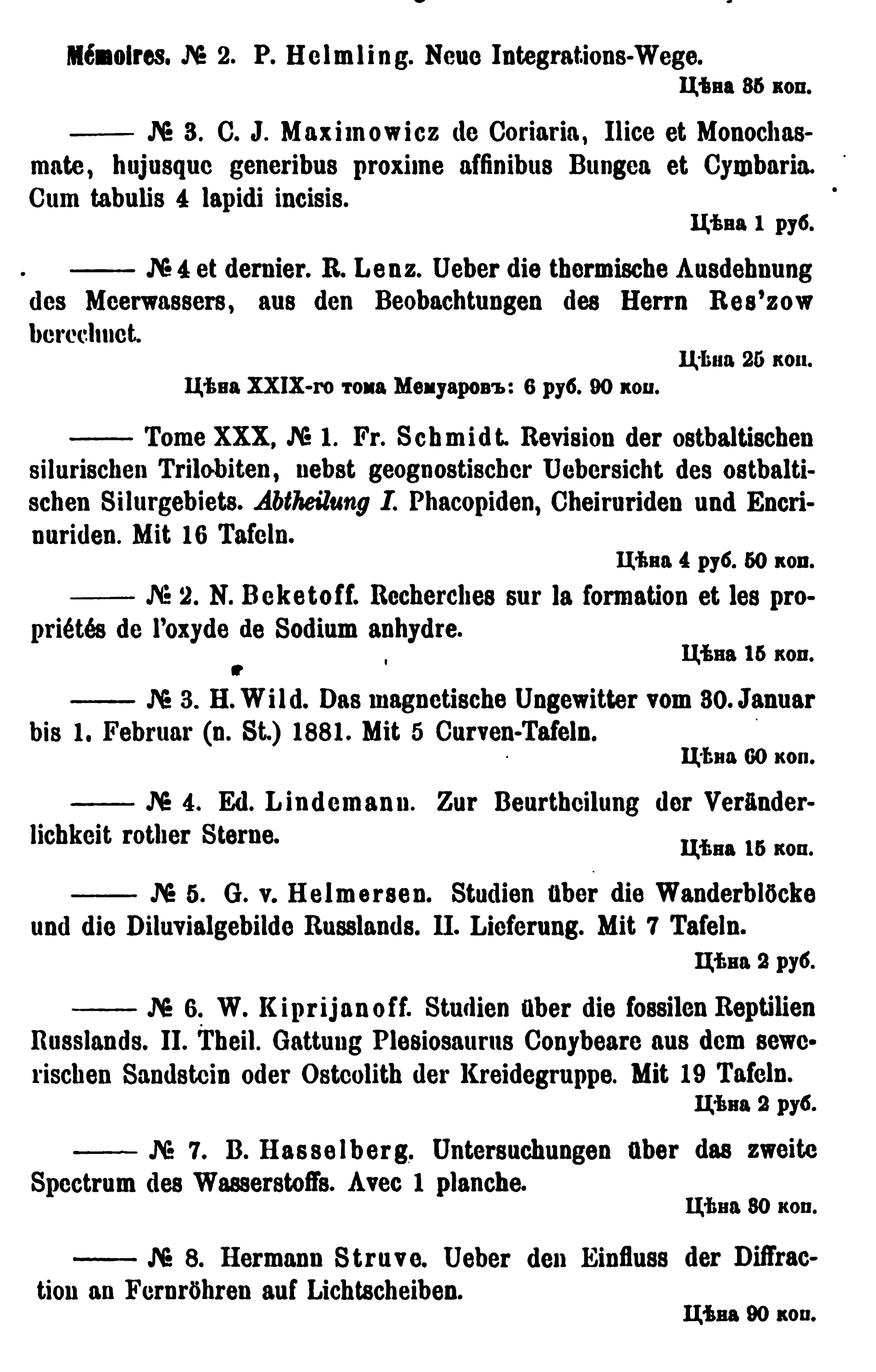
Цѣна съ атласомъ: 9 руб.

Цѣна 1-го выпуска, вышедшаго въ свѣтъ въ 1878 году: 2 руб. 5 коп.

Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, VIIe Série. Tome XXIX.

—— № 1. A. v. Middendorff. Einblikke in das Ferghana-Thal. Mit 9 Tafeln. Nebst chemischer Untersuchung der Bodenbestandtheile, von C. Schmidt, Professor in Dorpat.

Цѣна 5 руб. 30 коп.



Mémoires. № 2. P. Helmling. Neue Integrations-Wege.

Цѣна 35 коп.

—— № 3. C. J. Maximowicz de Coriaria, Ilice et Monochasmate, hujusque generibus proxime affinibus Bungea et Cymbaria. Cum tabulis 4 lapidi incisis.

Цѣна 1 руб.

—— № 4 et dernier. R. Lenz. Ueber die thermische Ausdehnung des Meerwassers, aus den Beobachtungen des Herrn Res'zow berechnet.

Цѣна 25 коп.

Цѣна XXIX-го тома Мемуаровъ: 6 руб. 90 коп.

—— Tome XXX, № 1. Fr. Schmidt. Revision der ostbaltischen silurischen Trilobiten, nebst geognostischer Uebersicht des ostbaltischen Silurgebiets. *Abtheilung I.* Phacopiden, Cheiruriden und Encrinuriden. Mit 16 Tafeln.

Цѣна 4 руб. 50 коп.

—— № 2. N. Beketoff. Recherches sur la formation et les propriétés de l'oxyde de Sodium anhydre.

Цѣна 15 коп.

—— № 3. H. Wild. Das magnetische Ungewitter vom 30. Januar bis 1. Februar (n. St.) 1881. Mit 5 Curven-Tafeln.

Цѣна 60 коп.

—— № 4. Ed. Lindemann. Zur Beurtheilung der Veränderlichkeit rother Sterne.

Цѣна 15 коп.

—— № 5. G. v. Helmersen. Studien über die Wanderblöcke und die Diluvialgebilde Russlands. II. Lieferung. Mit 7 Tafeln.

Цѣна 2 руб.

—— № 6. W. Kiprijanoff. Studien über die fossilen Reptilien Russlands. II. Theil. Gattung Plesiosaurus Conybeare aus dem sewerischen Sandstein oder Osteolith der Kreidegruppe. Mit 19 Tafeln.

Цѣна 2 руб.

—— № 7. B. Hasselberg. Untersuchungen über das zweite Spectrum des Wasserstoffs. Avec 1 planche.

Цѣна 30 коп.

—— № 8. Hermann Struve. Ueber den Einfluss der Diffraction an Fernröhren auf Lichtscheiben.

Цѣна 90 коп.

Mémoires. № 9. R. Lenz. Ueber das galvanische Leitungsvermögen alcoholischer Lösungen.

Цѣна 50 коп.

—— № 10. W. Dybowski. Studien über die Süsswasser-Schwämme des russischen Reiches. Mit 3 Tafeln.

Цѣна 50 коп.

—— № 11 et dernier. E. v. Martens. Ueber centralasiatische Mollusken. Mit 5 Tafeln.

Цѣна 1 руб. 40 коп.

Цѣна XXX-го тома Мемуаровъ: 13 руб.

—— Tome XXXI, № 1. Hermann Struve. Zur Theorie der Talbot'schen Linien.

Цѣна 15 коп.

—— № 2. Ludwig Struve. Resultate aus den in Pulkowa angestellten Vergleichungen von Procyon mit benachbarten Sternen.

Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome XXVII. (Contenant les articles de MM.: N. Alexéeff, O. Backlund, M. Bogdanow, E. Bonsdorff, V. Bouniakowsky, A. Boutlerow, J. F. Brandt, O. Chwolson, B. Dorn, W. Dybowski, W. Gutzeit, B. Hasselberg, C. Kalchbrenner et F. de Thümen, N. Kokscharow, fils, D. Konovalof, J. Kortazzi, E. Kunik, C. J. Maximowicz, N. Mayewski, F. Morawitz, S. Przybytek, baron v. Rosen, L. Rütimeyer, A. Säfftigen, A. Sawitsch, Ludw. Struve, O. Struve, H. Wild.)

Цѣна за томъ: 8 руб.

Mélanges physiques et chimiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome XI. livraison 4. (*Contenu:* Prof. Dr. C. Schmidt. Untersuchung der von Hrn. N. v. Przewalski auf seiner zweiten Tibet-Reise 1879 bis 1880 geschöpften Wasserproben. — H. Wild. Zweckmässige Empfindlichkeit der magnetischen Variations-Apparate. — N. v. Kokscharow. Resultate der an Datolith-, Amphibol- und Vauquelinit-Krystallen ausgeführten Messungen. — O. Chwolson. Ueber die Wirkung des Spannens auf den elektrischen Widerstand von Kupfer- und Messingdrähten. — A. Boutlerow. Sur l'oxydation de l'isodibutylène par l'hypermanganate de potasse.)

Цѣна 4-го выпуска: 30 коп.

Mélanges biologiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome XI, livraisons 2 et 3. (*Contenu:* L. Rütimeyer. Bericht über einen Theil des im Manuscript vorhandenen litterarischen Nachlasses von Hrn. Geheimrath Joh. Friedr. Brandt, Mitglied der Kaiserl. Akad. der Wissenschaften zu St. Petersburg. — C. J. Maximowicz. Diagnoses plantarum novarum asiaticarum. IV. Cum tabula lapidi incisa.)

Цѣна 2-го и 3-го выпусковъ: 65 коп.

—— Tome XI, livraison 4. (*Contenu:* J. Setschenof. Galvanische Erscheinungen an der cerebrospinalen Axe des Frosches. — Dr. A. Strauch. Bemerkungen über die Eidechsenfamilie der Amphisbaeniden.)

Цѣна 4-го выпуска: 40 коп.

Mittheilungen der internationalen Polar-Commission. — Bulletin de la Commission polaire internationale. — Communications from the international polar commission. Première livraison.

Цѣна: 10 коп.

—— Seconde livraison.

Цѣна: 25 коп.

—— Troisième livraison.

Цѣна: 15 коп.

—— Quatrième livraison.

Цѣна 20 коп.

Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Zweite Folge.

—— Band I. J. F. Brandt. Bericht über die Fortschritte, welche die zoologischen Wissenschaften den von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg von 1831 bis 1879 herausgegebenen Schriften verdanken.

Цѣна 90 коп.

—— Band II. H. Goebel. Die Vögel des Kreises Uman, Gouvernement Kiew, mit besonderer Rücksicht auf ihre Zugverhältnisse und ihr Brutgeschäft.

Цѣна 1 руб. 20 коп.

—— Band III. Fr. Th. Köppen. Die schädlichen Insekten Russlands.

Цѣна 2 руб. 30 коп.

Beiträge. Band IV. Gemischten Inhalts.

Цѣна 90 коп.

—— Band V. G. v. Helmersen, geologische und physico-geographische Beobachtungen im Olonezer Bergrevier. Mit einer Karte und einem Atlas von 6 Tafeln.

Цѣна V-го тома, съ атласомъ: 3 руб.

Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Supplément I, comprenant les publications en langues étrangères depuis 1871 jusqu'au 1 novembre 1881.

Цѣна I-го прибавленія: 25 коп.

Böhtlingk, Otto. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Dritter Theil. Zweite Lieferung.

Цѣна 2-го выпуска III-й части: 1 руб. 20 коп.

—— Vierter Theil. Erste Lieferung.

Цѣна 1-го выпуска IV-й части: 1 руб. 25 коп.

Auwers, Arthur. Neue Reduction der Bradley'schen Beobachtungen aus den Jahren 1750 bis 1762. Zweiter Band. Die Reduction der einzelnen Beobachtungen am Passagen-Instrument und am neuen Quadranten enthaltend.

Цѣна II-го тома: 3 руб. 20 коп.

Bésobrasof, W. Études sur l'économie nationale de la Russie. Region (centrale) industrielle de Moscou. Tome I. 1883.

Цѣна 1 руб. 60 коп.

Изданія Академіи продаются у комисіонеровъ оной: И. Глазунова и Эггерса и К° въ С. Петербургѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ и въ Комитетѣ Правленія Императорской Академіи Наукъ (В. О., набережная Большой Невы, близь Дворцоваго моста, д. № 5). Покупателямъ, обращающимся за книгами въ Комитетъ, дѣлается уступка 25% съ объявленной цѣны.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1883 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

О синтагмахъ въ древней греческой комедіи. Ѳ. Зѣлинскаго

Редакторъ Л. **Майковъ.**

(Вышла 1-го іюня).

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1995